3984

~~10,160~~

8553 2984

А. Я. Антоновичъ.

10,160

КУРСЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ЛЕКЦІИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМІРА,

профессоромъ А. Я. Антоновичемъ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина.

КІЕВЪ,
Крещатикъ, № 33.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Малая Садовая, № 4

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи, (Пироговская улица д. № 4).
1886.

Библиотека НКФ СССР

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1886 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.

63154

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Опредѣленіе предмета политической экономіи, ея методъ, значеніе и система.

	СТРАНИЦА.
§ 1. Предметъ политической экономіи	1— 5
§ 2. Опредѣленіе предмета политической экономіи важнѣйшими иностранными и русскими экономистами	6— 15
§ 3. Законоподчиненность экономическихъ явленій и методъ политической экономіи	16 — 25
§ 4. Система политической экономіи	25— 26

II. Періоды въ развитіи экономической культуры и національный характеръ науки.

§ 1. Періодъ охоты и рыболовства	27— 31
— Пастушескій періодъ	32— 35
— Земледѣльческій періодъ	35— 42
— Промышленно-торговый періодъ	42— 46
— Національно-экономическій періодъ	46— 59
§ 2. Натуральное хозяйство	59— 63
— Денежное хозяйство	63— 70
— Кредитное хозяйство	70— 75
§ 3. Національный характеръ политической экономіи	75— 77

III. Государство и народное хозяйство.

§ 1. Значеніе законоподчиненности экономическихъ явленій и отношеніе ея къ государственной дѣятельности	78— 86
§ 2. Начала хозяйственнаго государства	87— 91

IV. Потребности человѣка и народное хозяйство.

§ 1. Общее понятіе о потребностяхъ и ихъ значеніе въ развитіи экономической культуры	92— 97
§ 2. Развитіе потребностей и сравнительное значеніе ихъ	98—104
§ 3. Личный интересъ	104—112
— Духовно-нравственныя потребности	112—115
— Потребности общественности	115—120
§ 4. Ложныя потребности	120—124

ПРОИЗВОДСТВО.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О ФАКТОРАХЪ ПРОИЗВОДСТВА.

I. Силы природы.

СТРАНИЦА.

§ 1. Экономическая классификація силъ природы и сравнительное участіе въ различныхъ отрасляхъ производства . . . . . 125—128
§ 2. Вліяніе силъ природы на экономическій бытъ . . . . . 129—134
§ 3. Естественно-производительныя области Европейской Россіи . . . . . 134—139

II. Трудъ.

§ 1. Понятіе о трудѣ и отношеніе труда къ игрѣ . . . . . 139—144
§ 2. Простое сотрудничество . . . . . 144—153
§ 3. Сложное сотрудничество . . . . . 153—162
§ 4. Сравнительное значеніе раздѣленныхъ занятій . . . . . 162—168
§ 5. Этическія условія производства . . . . . 168—175
§ 6. Предѣлы производительности труда . . . . . 176—179

III. Капиталъ.

§ 1. Понятіе о капиталѣ . . . . . 179—187
§ 2. Основные и оборотные капиталы . . . . . 187—193
§ 3. Капиталъ и размѣры промышленности . . . . . 194—196
— Происхожденіе и накопленіе капиталовъ. . . . . 197—200
— Спросъ на товары и спросъ на трудъ . . . . . 200—202

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОРГАНИЗАЦІЯ ПРОИЗВОДСТВА.

I. Объемъ предпріятій.

Одиночество и хозяйство. Производство въ большихъ и въ малыхъ размѣрахъ . 203—212

II. Формы предпріятій.

§ 1. Производство собственниковъ и временныхъ владѣльцевъ факторовъ производства . . . . . 212—217
§ 2. Вѣчно-наслѣдственная аренда . . . . . 217—223
§ 3. Единоличныя и коллективныя предпріятія . . . . . 223—224
— Товарищества предпринимателей и рабочихъ . . . . . 225—227
— Производительныя артели . . . . . 227—232

III. Отрасли производительной дѣятельности.

Общее понятіе объ отрасляхъ производительной дѣятельности . . . . . 232—236
§ 1. Духовно-нравственная дѣятельность . . . . . 236—238
§ 2. Отношеніе государства къ духовно нравственной дѣятельности населенія и необходимость націонализаціи послѣдней . . . . . 238—243
Добывающая промышленность . . . . . 243—248
Сельское хозяйство. § 1. Методы осуществленія сельско-хозяйственной задачи. 249—252
§ 2. Системы земледѣлія . . . . . 252—257

СТРАНИЦА.

§ 3. Естественно-экономическое распредѣленіе системъ земледѣлія въ Россіи . 257—264
§ 4. Кризисы въ земледѣліи . . . . . 264—267
Лѣсоводство. § 1. Общественное значеніе лѣсовъ . . . . . 267—274
§ 2. Обязательное лѣсное хозяйство . . . . . 274—279
§ 3. Распредѣленіе лѣсовъ въ Россіи . . . . . 279—285
Обрабатывающая промышленность. § 1. Общее понятіе и классификація . . 285—288
§ 2. Условія развитія обрабатывающей промышленности . . . . . 289—298
§ 3. Крупная и мелкая обрабатывающая промышленность . . . . . 298—308
§ 4. Кустарная промышленность . . . . . 308—315

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О факторахъ распредѣленія.

Общее понятіе . . . . . 316—317

I. Цѣнность.

§ 1. Частно-хозяйственныя понятія о цѣнности и класификація ученій экономистовъ о цѣнности . . . . . 317—320
§ 2. А. Смитъ о цѣнности . . . . . 320—326
— Ж. Б. Сэ о цѣнности . . . . . 326—328
— Д. С. Милль о цѣнности . . . . . 328—331
— Ученіе Ф. Бастіа . . . . . 331—333
§ 3. Ученіе Шторха о цѣнности . . . . . 334—342
— Ученіе Прудона о цѣнности . . . . . 343—344
— Б. Гильдебрандтъ и Рошеръ о цѣнности . . . . . 344—348
§ 4. Теорія цѣнности Рикардо . . . . . 349—354
— Ученіе Кэри о цѣнности . . . . . 355—360
§ 5. Мальтусъ о цѣнности . . . . . 360—361
— Маклеодъ о цѣнности . . . . . 362—364
§ 6. Общественно-хозяйственная цѣнность . . . . . 365—378
§ 7. Динамическій законъ цѣнности . . . . . 378—385

II. Деньги.

§ 1. Происхожденіе, значеніе и цѣнность денегъ . . . . . 385—396
§ 2. Основныя функціи денегъ . . . . . 396—414
§ 3. Двойная денежная система . . . . . 414—418
§ 4. Бумажныя деньги . . . . . 418—420
— Потребительные выпуски бумажныхъ денегъ . . . . . 420—426
§ 5. Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ и значеніе его для международной торговли. 426—433
§ 6. Возстановленіе цѣнности бумажныхъ денегъ . . . . . 434—445
§ 7. Ученіе Маклеода о бумажныхъ деньгахъ . . . . . 445—450

III. Кредитъ.

§ 1. Происхожденіе и значеніе кредита . . . . . 450—454
§ 2. Коммерческій кредитъ и его орудія. Простые и переводные векселя . . . 554—458
— Система варрантовъ . . . . . 458—460
— Банковые билеты . . . . . 460—470

СТРАНИЦА.

— Система чековъ . . . . . 470—472
§ 3. Ипотечный кредитъ . . . . . 472—479
§ 4. Сельско-хозяйственный кредитъ . . . . . 480—493
§ 5. Меліоративный кредитъ. . . . . 493—502

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Организація распредѣленія.

Общія понятія о законахъ и началахъ организаціи распредѣленія . . . . . 503—506

I. Формы собственности.

Собственность личная, общая и общественная. . . . . 506—526

II. Размѣры собственности.

Значеніе разнообразія въ размѣрахъ собственности и относительное значеніе большой, малой и средней собственности. . . . . 526—535

III. Составныя части собственности.

Общія понятія. 535
Доля капитала. § 1. Происхожденіе прибыли и правомѣрность процента . 535—541
§ 2. Стремленіе прибылей къ одному уровню. . . . . 542—545
§ 3. Динамическій законъ прибыли . . . . . 545—554
Доля труда . . . . . 554—561
Рента . . . . . 561—572
Отношеніе между долями труда, капитала и рентой . . . . . 572—578

IV. Торговля.

§ 1. Происхожденіе и значеніе торговли . . . . . 578—582
§ 2. Отношеніе государства къ торговли . . . . . 582—586
§ 3. Торговые кризисы. . . . . 586—589
§ 4. Торговые центры . . . . . 589—592
§ 5. Международная торговля . . . . . 592—606

V. Средства сообщеній.

§ 1. Экономическое значеніе средствъ сообщеній . . . . . 606—612
§ 2. Элементы средствъ сообщеній . . . . . 612—617
§ 3. Система путей сообщеній . . . . . 617—621
§ 4. Желѣзныя дороги и желѣзнодорожные тарифы . . . . . 622—633

ПОТРЕБЛЕНІЕ.

Общія понятія и потребленіе . . . . . 633—634
I Статическій законъ потребленія . . . . . 635—639
II. Динамическій законъ потребленія . . . . . 639—648
III. Разрушеніе имуществъ . . . . . 648—654

ВВЕДЕНІЕ.

1. Опредѣленіе предмета политической экономіи, ея методъ, значеніе и система.

§ 1. Въ сферѣ дѣятельности, имѣющей своею задачею удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей человѣка, необходимо различать физическій, этическій и общественный элементы, между которыми существуетъ неразрывная связь, но которые въ то же время имѣютъ самобытное значеніе и служатъ источникомъ какъ возникновенія, такъ и развитія отдѣльныхъ, самостоятельныхъ наукъ.

Физическій элементъ представляетъ собою техническую сторону въ дѣятельности людей. Въ сельскомъ хозяйствѣ, на прим., элементъ этотъ состоитъ изъ совокупности техническихъ пріемовъ, направленныхъ къ разчисткѣ и обработкѣ земли, къ воздѣлыванію насажденій, къ сбору, сохраненію и первоначальной переработкѣ ихъ. Въ обрабатывающей промышленности онъ состоитъ изъ такихъ же пріемовъ, направленныхъ къ дальнѣйшей обработкѣ продуктовъ. Въ умственной дѣятельности онъ слагается изъ разнообразныхъ механическихъ усилій, состоитъ въ матеріальномъ трудѣ, необходимомъ для того, чтобы писать или диктовать, чертить фигуры, производить опыты, собирать матеріалы для изслѣдованій, устраивать модели и т. п. Во всѣхъ такихъ работахъ человѣкъ имѣетъ дѣло съ матеріальнымъ міромъ, въ которомъ производитъ опредѣленныя передвиженія между частями вещества. Физическій элементъ въ дѣятельности людей исключительно состоитъ „въ помѣщеніи вещей въ такое положеніе, что бы онѣ измѣнялись по нашей надобности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ природы. Больше этого человѣкъ ничего не производитъ. Онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю и естественныя растительныя силы по-

степенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево и оно падаетъ естественными силами тяжести. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство—двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію—вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы." (1).

Цѣлесообразное направленіе этого физическаго элемента въ дѣятельности обусловливается умственнымъ развитіемъ производителей, подъ вліяніемъ чего возникли и постоянно усовершенствуются такъ называемыя техническія знанія, къ которымъ относятся сельско-хозяйственныя, лѣсоводственныя, коммерческія и тому подобныя отрасли человѣческаго мышленія, направляемаго къ изученію какъ силъ и качествъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ промышленности, такъ и средствъ наиболѣе цѣлесообразнаго ихъ употребленія.

Этическій элементъ состоитъ въ нравственно-юридическомъ порядкѣ, вліяющемъ на энергію и направленіе дѣятельности. Каждый человѣкъ, занимающійся опредѣленною отраслью промышленности, долженъ имѣть свѣдѣнія не только о технической сторонѣ этой промышленности, но также и о томъ нравственно-юридическомъ порядкѣ, среди котораго ему приходится жить и дѣйствовать. Свойства его дѣятельности находятся въ безусловной зависимости отъ установившихся обычаевъ и положительныхъ законовъ, относящихся къ собственности, сношеніямъ между хозяевами и рабочими, нанимателями и нанимаемыми, къ разнымъ видамъ наймовъ имущества и разнообразнымъ обязанностямъ арендаторовъ и т. п. Вотъ почему общественная власть, заботясь о распространеніи техническихъ знаній, заботится также о разумной организаціи нравственно-юридическаго порядка, о надлежащемъ осуществленіи въ дѣйствительности идей правды и справедливости, заключающихся въ природѣ человѣка и постепенно развивающихся подъ вліяніемъ благопріятныхъ этому развитію условій. По этому же, наравнѣ съ техническими знаніями, дѣятельность людей требуетъ возникновенія и развитія нравственно-юридическихъ наукъ, направленныхъ къ изученію законовъ нравственности и права и этимъ способствующихъ лучшей организаціи нашей дѣятельности.

Третій элементъ дѣятельности людей, называемый общественнымъ или политическимъ, состоитъ изъ естественнымъ законовъ и фактовъ борьбы и союзности въ отношеніяхъ между людьми. Элементъ этотъ представляетъ собою такую же органическую часть человѣческой дѣя-

тельности, соединенъ съ нею также неразрывно, какъ и первые два элемента. Одиночество также разрушительно вліяетъ на хозяйство людей, на ихъ духовный и матеріальный трудъ, какъ отсутствіе техническихъ знаній и нравственно-юридическаго порядка, гарантирующаго для производителей ихъ личную и имущественную свободу. Одиночество и хозяйство, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ экономистовъ, являются въ быту человѣческомъ прямыми противоположностями, эти два понятія вполнѣ несовмѣстимы, они другъ друга исключаютъ (2). Большая часть животныхъ для удовлетворенія своихъ потребностей довольствуется своими одиночными усиліями; незначительная лишь часть ихъ ассоціируетъ свои усилія съ другими экземплярами породы, но такое соединеніе усилій также незначительно, какъ незначительны и самыя потребности этихъ животныхъ. Одинъ человѣкъ одаренъ безгранично развивающимися потребностями, удовлетвореніе которыхъ не мыслимо въ одиночествѣ, невозможно при единичныхъ усиліяхъ трудящагося, но легко можетъ быть достигаемо въ обществѣ, при совмѣстномъ трудѣ многихъ людей. Вотъ почему уже въ глубокой древности, въ тѣ варварскіе періоды жизни человѣчества, о какихъ только мы имѣемъ свѣдѣнія, человѣкъ жилъ не изолированно, но въ средѣ тѣхъ или иныхъ союзовъ, благодаря которымъ онъ имѣлъ возможность защищать свою жизнь и находить удовлетвореніе своихъ неприхотливыхъ потребностей. Потребности эти постепенно развиваются, а вмѣстѣ съ ними постепенно развиваются и сношенія между людьми, въ свою очередь вліяющія на размноженіе и развитіе потребностей. Въ настоящее время общества представляютъ собою такіе организмы, въ которыхъ отдѣльныя части находятся въ неразрывной взаимной связи, приводящей къ тому, что каждая часть, взятая въ отдѣльности, не можетъ существовать, какъ отторгнутая отъ своего цѣлаго. Въ одиночномъ состояніи для производства продуктовъ, потребляемымъ каждымъ изъ насъ впродолженіи одного дня, необходимо было бы употребить цѣлыя столѣтія; другими словами, въ этомъ состояніи каждый изъ насъ никогда не могъ бы имѣть того, что въ настоящее время имѣетъ, или можетъ имѣть, каждый день (3). Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Г. Кэри, что въ совершенно изолированномъ положеніи человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, какъ существомъ, отличающимся отъ животныхъ высшими потребностями и въ особенности потребностями умственными. Изолируйте человѣка, говоритъ Кэри, и въ этомъ со-

стояніи, потерявши даръ слова, онъ лишится своихъ мыслительныхъ способностей, вмѣстѣ съ которыми потеряетъ и свои характеристическія человѣческія свойства. Возвращенный въ общество, этотъ человѣкъ получаетъ возможность говорить и опять становится разумнымъ существомъ (4). Та жизнь внѣ-общественная, о которой мечтали нѣкоторые изъ мыслителей прошлаго столѣтія и которую они изображали такими увлекательными картинами, въ дѣйствительности возможна не иначе, какъ при уничтоженіи въ человѣкѣ его человѣческаго достоинства, при низведеніи человѣка на степень неразумнаго животнаго, живущаго изолированными усиліями и одареннаго ничтожнымн потребностями. Возможность удовлетворенія въ настоящее время высоко развитыхъ потребностей человѣка, принадлежащаго къ образованнымъ обществамъ, безъ всякаго сомнѣнія, обусловливается развитіемъ техническихъ знаній и нравственно-юридическаго порядка, но ни то, ни другое не мыслимо внѣ общества, не возможно въ той внѣ-общественной средѣ, въ которой человѣкъ низводится на степень неразумнаго животнаго.

Очевидно, что общественный элементъ въ дѣятельности людей, предназначенной къ достиженію удовлетворенія потребностей, представляетъ собою въ высшей степени важную сторону, безъ надлежащаго развитія которой не мыслимо надлежащее развитіе остальныхъ сторонъ, безъ надлежащаго развитія которой не мыслимо даже сохраненіе и развитіе отличительныхъ свойствъ человѣка, какъ разумнаго существа.

Этотъ общественный элементъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ потребностей, и составляетъ предметъ науки, называемой политическою экономіею.

Названіе этой науки—греческое; политическій значитъ—общественный, экономія—домоустройство, домоуправленіе или вообще домовитость. Такимъ образомъ названіе экономической науки можетъ быть переведено словами: общественное домостроительство или общественная домовитость. Такое названіе науки безусловно соотвѣтствуетъ ея предмету. Политическая экономія есть наука общественной домовитости. Она имѣетъ своею задачею изученіе тѣхъ естественныхъ законовъ домовитости, которые заключаются въ общественности, въ той массѣ разнообразныхъ сношеній между людьми, необходимость коихъ проистекаетъ изъ необходимости удовлетворенія потребностей. Домовитость

въ дѣятельности человѣка зависитъ отъ разумной организаціи или техники, или нравственно-юридическаго порядка, или общественности. Она можетъ быть, такимъ образомъ, или техническою, или нравственно-юридическою, или общественною. Политическая экономія ограничиваетъ сферу своихъ изслѣдованій исключительно явленіями и законами послѣдней домовитости. Она не касается технической стороны въ дѣятельности людей; не изучаетъ, на прим. устройства земледѣльческихъ машинъ, ихъ вліянія на обработку почвы и т. п., но изучаетъ общественное значеніе машинной обработки земли, вліяніе машиннаго производства на положеніе рабочихъ и хозяевъ, изучаетъ явленія борьбы и союзности между людьми, образующіяся при такомъ производствѣ. Она не касается и нравственно-юридической стороны въ дѣятельности людей; не изучаетъ на прим. обычныхъ и положительныхъ законовъ, регулирующихъ право собственности, но останавливается на общественныхъ явленіяхъ, образующихся при различныхъ формахъ и размѣрахъ собственности, изучаетъ вліяніе послѣднихъ на хозяйственное развитіе общества, на его богатство или бѣдность, изучаетъ механизмъ обмѣна, натуральные, денежные и кредитные способы перехода собственности изъ однихъ хозяйствъ въ другія.

Точно также и при изученіи явленій духовной дѣятельности политическая экономія, оставляя въ сторонѣ физическій и этическій элементы этой дѣятельности, сосредоточиваетъ свое вниманіе на общественномъ ея элементѣ, правильная организація котораго приводитъ къ сбереженію духовныхъ силъ человѣка, къ болѣе легкому и всестороннему удовлетворенію его духовныхъ потребностей. Она обращаетъ вниманіе не на внутреннее достоинство различныхъ продуктовъ духовнаго труда, не на полезность ихъ, но на цѣнность и цѣну, на тѣ связи между людьми, которыя образуются между ними въ цѣляхъ лучшаго удовлетворенія духовныхъ нуждъ. Политическая экономія въ этомъ случаѣ подводитъ къ одному знаменателю дѣятельность духовную съ матеріальною дѣятельностью. Такимъ общимъ знаменателемъ является общественность, какъ совокупность разнообразныхъ сношеній между людьми, изученіе естественныхъ законовъ которыхъ и составляетъ предметъ этой науки.

(1) Д. С. Милль. Основ. полит. экономіи, т. 1-й, стр. 35 – 36. (2) Э. Вреденъ. Строй экономическ. предпріятій, стр. 8. (3) F. Bastiat. Harmonies économiques. стр. 27. (4) H. C. Carey, Principes de la science sociale, т. 1-й, стр. 40.

§ 2. Приведенное нами опредѣленіе политической экономіи представляетъ собою обобщеніе фактическихъ воззрѣніи наиболѣе авторитетныхъ экономистовъ *словесно* въ этомъ случаѣ чрезвычайно далеко расходящихся.

По справедливому замѣчанію Г. Маклеода, хотя во многихъ наукахъ опредѣленіе предмета—задача не легкая, „но ни въ одной наукѣ она не представляетъ столько трудностей, какъ въ политической экономіи; ни въ одной наукѣ извѣстные писатели не выражали такихъ разнообразныхъ и разносторонних мнѣній на счетъ свойства и пространства избраннаго предмета; ни въ одной наукѣ они не расходились до такой степени на счетъ того, что должно быть включено въ ея область и не расходились такъ въ изложеніи“ (1). Въ доказательство этого приводимъ сводъ важнѣйшихъ воззрѣній на предметъ экономической науки.

По ученію основателя политической экономіи, А. Смита, предметъ этой науки состоитъ въ изученіи природы и источниковъ народнаго и государственнаго богатства (2).

Точнаго опредѣленія того, что такое богатство, А. Смитъ не даетъ но изъ его изслѣдованія видно, что подъ богатствомъ онъ разумѣетъ совокупность вещественныхъ продуктовъ или результаты того труда, который овеществляется въ произведеніяхъ. Невещественный трудъ, по его воззрѣнію, не имѣетъ производительнаго значенія, вслѣдствіе чего продукты такого труда не могутъ считаться въ реэстрѣ народнаго богатства. И такъ, по ученію Смита, политическая экономія ограничивается изученіемъ природы и источниковъ матеріальнаго богатства народовъ и государствъ.

Ближайшій изъ учениковъ А. Смита, Ж. Б. Сэ., называетъ политическую экономію наукой о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатствъ; но, въ противоположность ученію Смита, въ понятіе богатства онъ включаетъ и невещественную дѣятельность человѣка. Невещественныя богатства, говоритъ онъ, могутъ приносить такой же доходъ, какъ и богатства матеріальныя. Изъ двухъ лицъ, одинаково лишившихся имущества, тотъ, кто владѣетъ лучшими способностями, долженъ быть признанъ болѣе богатымъ, чѣмъ другой, невладѣющій такими способностями. Человѣкъ, на воспитаніе котораго затрачены извѣстныя издержки, можетъ быть разсматриваемъ какъ накопленный капиталъ, потому что затраченныя такимъ образомъ из-

держки приносятъ доходъ, подобно всякому другому капиталу ([3]).

Д. Рикардо не даетъ опредѣленія политической экономіи; но уже изъ даннаго имъ названія своей книгѣ: „Начала политической экономіи и налоги“ можно заключить, что изученіе источниковъ государственнаго богатства (теорія налоговъ), по его мнѣнію, не входитъ въ составъ политической экономіи.

Шторхъ дѣлаетъ попытку вполнѣ самостоятельнаго включенія въ сферу экономическихъ изслѣдованій законовъ невещественной дѣятельности. Политическая экономія, говоритъ онъ, имѣетъ своимъ предметомъ изученіе тѣхъ естественныхъ законовъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе человѣческаго рода. Она указываетъ, какимъ образомъ человѣкъ, живя въ обществѣ, можетъ удовлетворять свои потребности какъ физическія, такъ и нравственныя, какъ природныя, такъ и пріобрѣтенныя, указываетъ при какихъ условіяхъ развиваются богатство, искуство, образованіе, товарищества; однимъ словомъ наука эта изучаетъ тотъ естественный механизмъ, которымъ обусловливается цѣлесообразность человѣческой дѣятельности. Она раздѣляется на двѣ самостоятельныя части, на теорію народнаго богатства и теорію цивилизаціи. Богатствомъ Шторхъ называетъ совокупность матеріальныхъ имуществъ, составляющихъ собственность извѣстнаго народа, а цивилизаціей—совокупность имуществъ нематеріальныхъ ([4]). Такимъ образомъ Шторхъ совершенно по инымъ основаніямъ, нежели Ж. Б. Сэ, включаетъ въ сферу политико-экономическихъ изслѣдованій невещественную дѣятельность. Сэ отождествляетъ эту дѣятельность съ вещественною, включаетъ ее въ сферу экономическихъ изслѣдованій единственно потому, что она приноситъ доходъ, подобно труду, направленному къ производству вещественныхъ продуктовъ. По Шторху, политическая экономія занимается изученіемъ законовъ народнаго благосостоянія, состоящаго въ удовлетвореніи всѣхъ законныхъ потребностей человѣка. Невещественная дѣятельность имѣетъ въ виду удовлетвореніе духовныхъ потребностей человѣка, безъ какого удовлетворенія человѣкъ не можетъ чувствовать себя счастливымъ, благосостояніе его не возможно. Невещественная дѣятельность, по этому, и должна входить въ кругъ изслѣдованій науки, изучающей законы народнаго благосостоянія. Но такъ какъ дѣятельность эта не тождественна съ вещественною, то изученіе ея должно составить особый отдѣлъ политической экономіи, названный теоріей цивилизаціи.

По взгляду Кэри, политическая экономія есть практическая часть соціальной науки. Соціальная наука занимается изученіемъ законовъ, регулирующихъ стремленія людей къ развитію индивидуальности и ассоціаціи; политическая экономія изучаетъ средства согласованія этихъ стремленій такимъ образомъ, чтобы соціальные законы могли вполнѣ осуществляться въ дѣйствительности (5).

Маклеодъ называетъ политическую экономію наукою обмѣна. Потребности являются двигателями производства. Когда продукты произведены, то распредѣленіе ихъ можетъ быть основано на двухъ противоположныхъ законахъ; или на законѣ, по которому никто не имѣетъ исключительнаго права собственности на произведенное имъ, при чемъ всѣ произведенія поступаютъ въ общій капиталъ и за тѣмъ распредѣляются сообразно установленнымъ для этого правиламъ; или на совершенно противоположномъ законѣ, на признаніи принципа собственности, по которому распредѣленіе произведеній совершается посредствомъ обмѣна, причемъ количество, отдаваемое въ обмѣнъ, опредѣляется частнымъ соглашеніемъ договаривающихся сторонъ. Всѣ разнообразные планы распредѣленія произведеній, основанные на первомъ законѣ, извѣстны подъ общимъ названіемъ соціализма. Всѣ эти планы —печальное заблужденіе, неосуществимая мечта, которая всегда приводила и будетъ приводить къ неудачамъ. Человѣкъ имѣетъ ненарушимое право удерживать за собою продукты своей дѣятельности и обмѣнивать ихъ на чужія произведенія по своему усмотрѣнію. „Этими-то обмѣнами и различными размѣрами, въ которыхъ предметы обмѣниваются одни на другіе, наука политической экономіи и должна ограничиться. Предметъ чистой науки политической экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе отношенія обмѣниваемыхъ количествъ. Мѣновыя отношенія каждаго количества къ другому называются его цѣнностью. Такимъ образомъ, истинная задача науки политической экономіи заключается въ томъ, чтобы изучить законы, опредѣляющіе цѣнность количествъ“ (6).

По Д. С. Миллю, политическая экономія есть наука о богатствѣ. „Экономисты, говоритъ онъ, поставляютъ цѣлію своей науки изслѣдованія о сущности богатства, законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно, въ этотъ кругъ входитъ изложеніе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ хорошее или дурное состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по от-

ношенію къ предмету всеобщаго желанія людей, богатству.“ Богатствомъ Милль называетъ сумму необходимыхъ, полезныхъ и пріятныхъ вещей, имѣющихъ мѣновую цѣнность, то есть годныхъ къ обмѣну и продажѣ (7).

По ученію Молинари, политическая экономія занимается описаніемъ общественнаго организма, условій богатства или бѣдности населенія, факторовъ производства продуктовъ, необходимыхъ для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей, способовъ пріобрѣтенія этихъ продуктовъ отдѣльными членами общества и законами распредѣленія доходовъ между участниками въ производствѣ. Эта наука имѣетъ своимъ предметомъ изученіе всего общественнаго механизма, она есть ни что иное, какъ анатомія и физіологія общества (8).

По Рошеру, политическая экономія занимается главнымъ образомъ матеріальнымъ бытомъ народовъ: она есть наука о законахъ хозяйственныхъ явленій народной жизни. Такъ какъ хозяйственный бытъ находится въ тѣсной связи со всѣми сторонами народной жизни, то политическая экономія косвеннымъ образомъ касается и сторонъ, прямо не относящихся къ хозяйственнымъ явленіямъ, но имѣющихъ на послѣднія жизненное вліяніе (9).

По опредѣленію Коклена, политическая экономія имѣетъ своимъ предметомъ промышленность, но не техническую ея сторону, а общественныя отношенія, которымъ промышленность подчиняется въ своемъ развитіи (10).

По ученію Бастіа, предметъ этой науки—взаимныя между людьми услуги, направленныя къ удовлетворенію потребностей (11).

Не меньшее разногласіе по вопросу о предметѣ политической экономіи существуетъ и въ нашей экономической литературѣ.

По ученію Т. Степанова, эта наука „разгадываетъ физическую жизнь государствъ, какъ политическихъ обществъ; каждый человѣкъ живетъ двоякою жизнію, физическою и нравственною. Человѣкъ какъ простое животное, долженъ ѣсть, пить, одѣваться, сберегать себя отъ холода. Отсюда развиваются тысячи физическихъ или животныхъ нуждъ, потому что пища, питье, одежда, жилища облекаются человѣкомъ въ разнообразные виды и всякій стремится удовлетворить этимъ нуждамъ по мѣрѣ своихъ силъ. Кромѣ этихъ потребностей нашей физической природы, находятся еще другія нужды, нравственныя, относящіяся до нашей нравственной природы. Эти нужды равно мно-

гочисленны. Что мы сказали о частномъ человѣкѣ, то же идетъ къ цѣлымъ обществамъ, состоящимъ изъ частныхъ людей, заключающимъ въ своемъ кругу всѣ ихъ нужды физическія и нравственныя. Мы можемъ представлять себѣ общества, какъ индивидуальныя лица, имѣющія жизнь физическую и нравственную. Предметы первой извѣстны подъ именемъ богатства, предметы второй составляютъ образованность, понимаемую въ обширномъ смыслѣ. Какъ богатства въ обществѣ пріобрѣтаются—вотъ задача, рѣшаемая политическою экономіею“ ([12]).

По опредѣленію И. Горлова, политическая экономія разсматриваетъ хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, на сколько они заключаются въ нравственной природѣ человѣка и въ общественности ([13]).

По опредѣленію Н. Бунге, „задача политической экономіи состоитъ въ изученіи общественной стороны хозяйственныхъ явленій, и законовъ, которымъ подчинены эти явленія“ ([14]).

По опредѣленію М. Вольскаго, наука эта опредѣляетъ общіе законы общественнаго организма и стремится къ достиженію благосостоянія отдѣльныхъ лицъ и обществъ ([15]).

По опредѣленію Э. Вредена, политическая экономія есть наука человѣческаго хозяйства ([16]).

Изъ приведенныхъ опредѣленій видно, что вопросъ о предметѣ политической экономіи до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшеннымъ точно и безспорно. Между тѣмъ истинная констатировка предмета науки имѣетъ жизненное значеніе; политическая экономія не заслуживала бы имени науки, если бы предметъ ея изслѣдованій не могъ быть точно и безспорно указанъ. Опредѣленіе предмета имѣетъ такое же значеніе въ наукѣ, какъ сознаніе для индивидуума; человѣкъ перестаетъ быть разумнымъ существомъ, коль-скоро лишается сознанія, наука не можетъ быть истинной наукой, коль-скоро остается неопредѣленнымъ, неизвѣстнымъ поле ея изслѣдованій. Всякая совокупность знаній, въ числѣ другихъ условій необходимыхъ для того, чтобы быть наукой, должна быть органическимъ цѣлымъ. Но органической цѣлости не можетъ быть тамъ, гдѣ приходится бродить ощупью, гдѣ не установилась почва. Органическая цѣлость науки предполагаетъ ея индивидуальность или самобытность въ семьѣ другихъ наукъ, но это не мыслимо, такъ сказать, безъ самосознанія науки, то есть безъ точнаго опредѣленія ея предмета, сферы и предѣловъ ея изслѣдованій,

подобно тому, какъ не мыслима индивидуальность человѣка внѣ самосознанія.

Въ дѣйствительности относительно предмета своей науки экономисты фактически далеко не такъ расходятся, какъ это можно бы предполагать на основаніи предложенныхъ ими опредѣленій. Эта однородность фактическихъ воззрѣній ихъ и даетъ намъ возможность точно формулировать задачу политической экономіи.

Анализируя воззрѣнія экономистовъ о предметѣ политической экономіи, мы находимъ въ этихъ воззрѣніяхъ двѣ стороны, въ большей или меньшей степени общія всѣмъ имъ.

Съ одной стороны нельзя не признать такою общею стороною этихъ воззрѣній то, что экономисты, предлагая самыя разнообразныя опредѣленія своей науки, въ то же время всѣ одинаково или почти одинаково исключаютъ изъ сферы своихъ изслѣдованій физическій и этическій элементы, сосредоточивая свое вниманіе на элементѣ общественномъ въ дѣятельности людей. А. Смитъ въ своемъ геніальномъ трудѣ о богатствѣ народовъ изучаетъ природу и источники богатства не съ технической и нравственно-юридической сторонъ, но исключительно со стороны общественной, изучаетъ общественныя свойства и условія благосостоянія. Онъ занимается изслѣдованіемъ общественныхъ условій успѣшности труда, говоритъ о раздѣленіи его, о распредѣленіи продуктовъ, о цѣнности, деньгахъ, заработной платѣ, капиталистической прибыли, рентѣ, накопленіи и употребленіи капиталовъ, о естественномъ и историческомъ развитіи благосостоянія народовъ, о системахъ меркантилистовъ и физіократовъ, о государственныхъ налогахъ и расходахъ. Уже одинъ этотъ перечень предмета изслѣдованій достаточно ясно указываетъ, что А. Смитъ въ своемъ изслѣдованіи занимается исключительно общественною стороною богатства народовъ. То же самое необходимо сказать и о всѣхъ другихъ экономистахъ. Никто изъ извѣстныхъ представителей политической экономіи не считаетъ дѣломъ экономиста изученіе ни техники, ни этики человѣческой дѣятельности и ея результатовъ, народнаго богатства. Всѣ экономисты, если не въ опредѣленіяхъ предмета своей науки, то непосредственно въ своихъ изслѣдованіяхъ обращаютъ вниманіе свое на общественный элементъ въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, исключительно этотъ элементъ считаютъ предметомъ политико-экономическаго изслѣдованія.

Съ другой стороны, занимаясь изученіемъ общественности въ человѣческой дѣятельности, экономисты большею частью односторонне ею занимаются, обращаютъ вниманіе на одну ея сторону, игнорируя другою. Экономисты большею частью занимаются мѣновыми сношеніями между людьми, изучаютъ законы борьбы и союзности въ тѣхъ явленіяхъ общественности, которыя имѣютъ своимъ источникомъ существованіе различій въ свойствахъ и стремленіяхъ людей. Это лучше всего можетъ быть доказано сравненіемъ такихъ, по видимому, противоположныхъ воззрѣній на предметъ политической экономіи, какъ воззрѣнія Маклеода и Кэри. По господствующему мнѣнію, одинъ изъ нихъ съужаетъ, между тѣмъ какъ другой, напротивъ того, разширяетъ предѣлы экономической науки. Какъ мы видѣли, свое опредѣленіе предмета политической экономіи Кэри ставитъ въ зависимость отъ опредѣленія соціальной науки; политическая экономія, по его ученію, составляетъ прикладную часть соціологіи; чѣмъ занимается въ теоріи соціологія, тѣмъ съ практической точки зрѣнія занимается политическая экономія. Такимъ образомъ легко можетъ показаться, что Кэри разширяетъ предметъ политической экономіи, почти отождествляя сферу изслѣдованій этой науки съ сферой изслѣдованій соціальной науки вообще. На основаніи этого многіе и заключаютъ, что Кэри отождествляетъ политическую экономію съ соціальною наукою и такимъ образомъ вводитъ въ экономическую науку то, что должно бы входить въ сферу соціологіи. Совершенно на оборотъ относительно Маклеода; большинство ученыхъ вооружается противъ крайняго съуженія имъ сферы экономическихъ изслѣдованій.

Но противоложныя воззрѣнія Маклеода и Кэри имѣютъ много тождественнаго. Общество, по опредѣленію Кэри, есть ничто иное, какъ сумма соединеній, происходящихъ отъ существованія различій между людьми. Оно возникло тогда, когда къ Робинзону Крузэ присоединился Пятница и когда между ними появился обмѣнъ мыслей и услугъ. Общество и сношенія между людьми—это понятія тождественныя. Но сношеніе возможно лишь тогда, когда существуетъ различіе между людьми. Если бы Робинзонъ и Пятница имѣли однѣ и тѣ же способности, то общенія между ними не былобы подобно тому, какъ нѣтъ химическаго соединенія между двумя атомами кислорода или водорода. Химическое соединеніе возникаетъ лишь тогда, когда производится соприкосновеніе между разнородными

элементами. То же самое и въ мірѣ человѣческомъ. Общество не существовало бы, если бы не было различій между людьми. Чѣмъ значительнѣе различія, тѣмъ сильнѣе стремленія къ сношеніямъ, тѣмъ сильнѣе развивается общественность. Между обществами, исключительно занимающимися земледѣліемъ, ассоціація едва замѣтна; но она въ высшей степени развита въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ фермеръ, юристъ, торговецъ, плотникъ, кузнецъ, каменьщикъ, мельникъ, прядильщикъ, ткачъ, архитекторъ, производитель машинъ и добыватель желѣза входятъ въ общество, какъ составныя его части. Въ обществѣ, подобно тому, какъ и въ мірѣ не органическомъ, стремленіе къ ассоціаціи увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ различій и уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ ([17]). Очевидно, что, по ученію Кэри, общество есть мѣновая ассоціація.

Одинъ изъ послѣдователей Кэри прямо говоритъ, что общество есть ничто иное, какъ сумма обмѣновъ ([18]). Такимъ образомъ соціальная наука Кэри въ сущности мало отличается отъ политической экономіи Маклеода, та и другая занимаются изученіемъ сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, то есть явленій и законовъ обмѣна услугъ ([19]).

Епископъ Уатли, предложивъ назвать политическую экономію каталактикою, какъ наукою о мѣновыхъ сношеніяхъ, не сказалъ ничего новаго, онъ только ясно формулировалъ то, что de facto признавалось большинствомъ другихъ экономистовъ. Всякій вопросъ экономисты разсматривали сквозь призму обмѣна; на самое общество нѣкоторые изъ нихъ, какъ видимъ, смотрѣли какъ на сумму обмѣновъ. Они слабо замѣчаютъ или даже игнорируютъ другую сторону общественности, совершенно противоположную мѣновой, а именно ту сторону, которая имѣетъ своимъ прямымъ источникомъ не различія, но сходства между людьми. Сношенія между людьми происходятъ не только отъ существованія различій, но также отъ существованія сходствъ. Я имѣю хлѣбъ, но желаю пріобрѣсть строительный матеріалъ, другой человѣкъ имѣетъ строительный матеріалъ и желаетъ пріобрѣсть хлѣбъ; между нами происходитъ обмѣнъ, появляется мѣновое сношеніе, имѣющее своимъ источникомъ существованіе различій. Десять человѣкъ, работая вмѣстѣ, могутъ общими усиліями поднять извѣстную тяжесть, между тѣмъ какъ усилія каждаго изъ нихъ не принесутъ никакой пользы, если каждый изъ нихъ будетъ работать отдѣльно. Здѣсь мы

видимъ фактъ сношенія, источникъ котораго заключается въ существованіи сходствъ въ средствахъ и цѣли. Элементъ сходствъ лежитъ въ основаніи безконечнаго множества разнообразныхъ союзовъ, начиная союзами родственными, племенными, и кончая союзомъ, обнимающимъ собою всѣ другіе—государствомъ. Соединенію мелкихъ капиталовъ мы обязаны всѣми великими предпріятіями, которыми гордится настоящее время, между тѣмъ какъ тѣ же самые капиталы, взятые въ отдѣльности, не приносили бы обществу никакой пользы, или, если бы и приносили, то самую ничтожную. Промышленность въ большихъ размѣрахъ возможна не иначе, какъ при разнообразныхъ соединеніяхъ труда съ капиталомъ. Наконецъ одно простое соединеніе труда многихъ людей образуетъ множество разнообразныхъ производительныхъ союзовъ, называемыхъ артелями, производительными товариществами и т. п. Игнорировать закономъ единенія сходствъ, утверждать, что общество есть сумма сношеній, происходящихъ отъ существованія различій, значитъ повторять ошибку Гегеля, отрицавшаго существованіе звѣзднаго міра.

И такъ, представители экономической науки, не смотря на всѣ свои словесныя разногласія въ опредѣленіи предмета ея сходятся между собою въ томъ, что ни физическій, ни этическій элементы дѣятельности не входятъ въ сферу политической экономіи; они въ своихъ изслѣдованіяхъ занимаются исключительно общественнымъ элементомъ дѣятельности.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ фактическимъ воззрѣніемъ, намъ въ то же время нельзя согласиться съ тѣми воззрѣніями, по которымъ общественность состоитъ лишь изъ мѣновыхъ сношеній, коими исключительно и должна заниматься политическая экономія. Истинная задача послѣдней состоитъ въ полномъ и всестороннемъ изученіи законовъ общественности въ дѣятельности людей, въ изученіи законовъ сношеній, происходящихъ отъ существованія различій и сходствъ между людьми.

Считая предметомъ политической экономіи законы общественности въ дѣятельности, необходимо признать, что эта наука не можетъ ограничивать своихъ предѣловъ однимъ матеріальнымъ трудомъ, подобно тому, какъ она не можетъ ограничиться изученіемъ одной стороны общественности, игнорируя другую. Для полнаго представленія законовъ явленій общественности въ дѣятельности, направленной къ

удовлетворенію потребностей, политическая экономія должна уяснить законы разнообразныхъ сношеній между людьми, возникающихъ по поводу удовлетворенія потребностей какъ матеріальныхъ такъ, и духовныхъ. Исключать изъ сферы политико-экономическихъ изслѣдованій категорію дѣятельности, направленной къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, также не основательно, какъ не основательно ограниченіе ея лишь одной стороной явленій общественности. Необходимо сказать, что и въ вопросѣ о включеніи въ область политической экономіи общественныхъ законовъ духовной дѣятельности фактически разногласіе также не далеко простирается.

Дѣло въ томъ, что экономисты, требовавшіе исключенія духовной дѣятельности изъ политической экономіи, не могли обойти ее совершеннымъ молчаніемъ. Такъ, они говорятъ о цѣнности труда артистовъ, художниковъ, ученыхъ, говорятъ о различныхъ союзахъ, образующихся между людьми при удовлетвореніи духовныхъ потребностей. Не могли они обойти молчаніемъ эту дѣятельность потому, что законы общественности, въ своемъ основаніи, тождественны во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности, таковы на прим. законы цѣнности, законы возникновенія и развитія союзовъ, называемыхъ товариществами, учрежденіями, заведеніями и т. п.

Нѣтъ надобности поэтому въ раздѣленіи политической экономіи на тѣ два отдѣла, о которыхъ говоритъ Шторхъ. Эта наука не имѣетъ такого двойственнаго содержанія, по которому является то „теоріей богатства“, то „теоріей цивилизаціи.“ Она представляетъ собою науку о законахъ развитія человѣческой цивиллизаціи, такъ какъ въ развитіи общественности и состоитъ развитіе цивиллизаціи какъ матеріальной, такъ и духовной.

(1) Основ. полит. экон. стр. 1. (2) Richesse des Nations, т. 2 стр. 176 (3) Traité d'écon. pol. стр. 33. (4) Cours d'écon. pol. см. discours prélim. (5) Principes de la science soc. т 3 стр. 411—412. (6) Основ. стр. 11. (7) Осн. пол. эк. предв. замѣчанія. (8) Cours d'écon. pol. т. 1 стр. 19. L'écon. politique est la science qui décrit l'organisation de la société.—C'est la description du mécanisme de la société, en deux mots, une anatomie et une physiologie sociales. (9) Die Grundlagen der Nationalökonomie, стр. 33—34. (10) Dictionnaire de l'écon. pol. сл. écon. politique. (11) Harm. écon. стр. 58—59. (12) Записки о пол. экономіи, т. 1, стр. 17—18. (13) Начала пол. экон. т. 1. стр. 17. (14) Осн. пол. экон. стр. 11. (15) Задача пол. экон. стр. 13. (16) Курсъ пол. экон. стр. 51. (17) Principes, т. 1, стр. 224—225. (18) T. Bas-

tiat, Harm. économ. стр. 141. ([19]) Даже понятіе объ обществѣ, высказанное Маклеодомъ, почти тождественно съ опредѣленіемъ Кэри-Бастіа. „Чтобы получить для себя необходимое, говоритъ онъ, человѣкъ долженъ изучать и наблюдать, въ чемъ нуждаются другіе люди; на оборотъ, если другіе нуждаются въ томъ, что онъ производитъ, они должны узнавать, въ чемъ онъ самъ нуждается, что бы предложить ему этотъ нужный предметъ, въ обмѣнъ на его произведеніе. При такихъ условіяхъ, общество состоитъ изъ членовъ, связанныхъ другъ съ другомъ и принужденныхъ изучать потребности и желанія каждаго изъ своей среды.“ стр. 10. Осн. пол. экономіи.

§ 3. Политическая экономія есть наука, изучающая законы общественности въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей. Но возможно ли строго научное изученіе явленій общественности? Предметомъ науки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, могутъ быть только всеобщіе и неизмѣнные законы, которымъ подчинены тѣ или иныя явленія, въ противоположность предмету искусства, или такъ называемыхъ прикладныхъ знаній, изучающихъ средства и условія достиженія извѣстныхъ результатовъ. Законы, констатируемые наукою, не зависятъ отъ воли людей, мы ихъ не можемъ измѣнять или уничтожать; между тѣмъ какъ средства и условія достиженія опредѣленныхъ результатовъ, констатируемыя прикладными знаніями, вѣчно измѣняются ([1]). Можно ли сказать, что явленія общественности заключаютъ въ себѣ всеобщіе и неизмѣнные законы, изученіе которыхъ было бы задачей политической экономіи? Не видимъ ли мы, что въ сферѣ общественныхъ явленій царствуетъ та сила, которая носитъ названіе свободной воли? Тамъ, гдѣ все зивиситъ отъ воли, прихоти, каприза людей, можетъ ли существовать естественная законоподчиненность?

Все, что по собственной свободной волѣ устроено человѣкомъ, можетъ быть также свободно разрушено имъ, измѣнено и пересоздано. Дѣло рукъ человѣка, общественные факты, должны состоять въ безусловной отъ него зависимости; по его волѣ могутъ быть измѣняемы, разрушаемы, организуемы.

Нѣкоторые и утверждаютъ это. Общежитіе, говорятъ намъ, есть дѣло рукъ человѣка, который по своему произволу можетъ такъ или иначе организовать общественные процессы, можетъ свободно распоряжаться ими, давать то или другое направленіе, то или другое устройство. Тѣ начала, которыя лежатъ въ основаніи организаціи со-

временныхъ обществъ, могутъ быть по нашему произволу измѣняемы и уничтожаемы. Мало того; по ученію нѣкоторыхъ, эти начала и должны быть уничтожены, такъ какъ они приняты человѣчествомъ во времена варварскія, почему и не проникнуты духомъ разума. Это послѣднее воззрѣніе лежитъ въ основаніи всѣхъ системъ, носящихъ общее названіе соціализма. Если нѣтъ никакихъ естественныхъ законовъ, которымъ подчинялись бы общественныя явленія, то, очевидно, политическая экономія не можетъ быть наукой; она въ этомъ случаѣ была бы искуствомъ, какъ сборникомъ правилъ или рецептовъ для наилучшаго устройства отношеній между людьми. Всякій экономистъ былъ бы „организаторомъ“, вся дѣятельность его состояла бы въ составленіи проэктовъ для достиженія всеобщаго счастія. Составленіе этихъ проэктовъ и легко и, для многихъ, очень пріятно. Составленіе ихъ удовлетворяетъ самолюбію тѣхъ честолюбивыхъ мечтателей, которымъ самоувѣренность позволяетъ казаться всеобщими преобразователями, создателями порядка тамъ, гдѣ порядокъ, по ихъ мнѣнію, не данъ самимъ Провидѣніемъ. Идея естественной законоподчиненности общественныхъ явленій еще не получила надлежащаго распространенія. Неудивительно, поэтому, что всеобщіе организаторы и преобразователи еще могутъ находить аудиторію и пользоваться въ ней авторитетомъ. Для людей же науки эти утописты представляются не только безъ всякаго авторитета, до даже сумасшедшими ([2]). Въ дѣйствительности это не сумасшедшіе, но плохіе мыслители; это люди, не знакомые съ самыми обыденными пріемами научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій. По справедливому замѣчанію Руссо, необходимъ философскій умъ для надлежащаго изученія окружающихъ насъ на каждомъ шагу явленій. Точнѣе говоря, для этого изученія необходимы научные пріемы.

Утописты, отрицающіе естественную законоподчиненность общественныхъ явленій, совершенно были бы правы, если бы для научныхъ изслѣдованій можно было довольствоваться поверхностнымъ обозрѣніемъ окружающихъ насъ фактовъ. И въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли можно представить себѣ что нибудь болѣе хаотическое какъ то, что каждый изъ насъ видитъ при поверхностномъ обозрѣніи этихъ фактовъ. Здѣсь все кажется такимъ-то страннымъ хаосомъ, все, по видимому, зависитъ отъ слѣпаго случая, отъ каприза тѣхъ или иныхъ дѣятелей, отъ свободной воли каждаго изъ насъ. О законоподчиненности

въ средѣ этихъ фактовъ, по видимому, не можетъ быть и рѣчи. И наблюдатель, разсуждающій такимъ образомъ, безусловно правъ съ своей точки зрѣнія. Наблюдая отрывочно окружающіе насъ общественные факты, никто изъ насъ не замѣтитъ естественной ихъ законоподчиненности. При такихъ условіяхъ идея законоподчиненности никогда не можетъ возникнуть, подобно тому, какъ при наблюденіи отраженія свѣта въ незначительныхъ капляхъ воды, по замѣчанію А. Кетле, не возможно дойти до пониманія явленія радуги, при чемъ мысль о связи между этимъ явленіемъ и отраженіемъ свѣта не возникнетъ въ умѣ наблюдателя, если онъ не измѣнитъ условій наблюденія ([3]). Законоподчиненность общественныхъ явленій можетъ быть открыта лишь тогда, когда мы возвысимся надъ обыденнымъ, узкимъ кругозоромъ и станемъ изучать факты въ ихъ цѣлостности, взявъ для наблюденія значительныя ихъ количества достаточныя для возможно полнаго обнаруженія ихъ естественной связи и преемственности въ пространствѣ и времени. Въ статистикѣ этотъ методъ, состоящій въ выводѣ заключеній изъ значительнаго количества фактовъ, впервые былъ научно уясненъ геніальнымъ пасторомъ П. Зюсьмильхомъ, высказавшимъ и фактически доказавшимъ знаменитое положеніе: „чѣмъ болѣе численность сравниваемыхъ количествъ, тѣмъ болѣе изчезаетъ безпорядокъ, замѣчаемый въ небольшихъ количествахъ фактовъ“ ([4]). На этомъ положеніи основана вся система общественной физики А. Кетле. Это же положеніе, односторонне развитое, привело нѣкоторыхъ мыслителей къ полному отождествленію явленій общественныхъ съ физическими, то есть къ полному отрицанію свободы воли въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Особенно рѣзко выражено послѣднее воззрѣніе у Бокля. Сторонники свободы воли, говоритъ онъ, обыкновенно ссылаются на то, что мы сознаемъ себя свободными. Но сознаніе не можетъ быть верховнымъ критеріемъ истины. Сознаніе не непогрѣшимо. Исторія представляетъ намъ множество предразсудковъ, а эти продукты сознанія доказываютъ, что сознаніе можетъ ошибаться. Доказательства его ошибочности можно найти и въ обыденной жизни. Развѣ въ извѣстныхъ случаяхъ не сознаемъ мы существованія призраковъ и привидѣній, а между тѣмъ развѣ не всѣми признано, что они существовать не могутъ? Если бы кто попытался опровергнуть это разсужденіе, сказавъ, что такое сознаніе есть кажущееся, а не дѣйствительное, то я спросилъ бы, кто можетъ разсудить, когда сознаніе истинно и когда оно ложно? Если эта спо-

собность обманываетъ насъ въ одномъ, то чѣмъ мы обезпечены, что она не обманываетъ насъ въ другомъ? Если же нѣтъ обезпеченія, то на эту способность нельзя положиться. Нельзя, такимъ образомъ, признать себя свободнымъ только потому, что я сознаю себя таковымъ. Между тѣмъ факты убѣждаютъ въ томъ, что свободы нѣтъ. Изъ статистики преступленій оказывается, что, при неизмѣненій условій, преступленія повторяются съ такимъ постоянствомъ, что можно предсказывать изъ года въ годъ количество лицъ, которыя должны сдѣлаться преступниками. Особенно эта законоподчиненность поразительна въ такомъ преступленій, какъ самоубійство. Самоубійство есть дѣйствіе вполнѣ изолированное; свободное отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, оно болѣе, чѣмъ какое либо другое преступленіе, кажется произведеніемъ чистой воли. Между тѣмъ оказывается, что оно есть продуктъ всего состоянія общества, что отдѣльный преступникъ приводитъ въ исполненіе то, что является необходимымъ слѣдствіемъ предшествующихъ обстоятельствъ. При данномъ состояніи общества извѣстное число лицъ должно непремѣнно наложить на себя руку. Вопросъ, кто будутъ эти частныя лица, лишающія себя жизни, зависитъ отъ частныхъ законовъ. Сила общаго закона такъ велика, что ни любовь къ жизни, ни страхъ наказанія въ иномъ мірѣ не могутъ ничего сдѣлать даже для стѣсненія его дѣйствій. Даже число браковъ, ежегодно совершающихся, опредѣляется не характерами и желаніями частныхъ лицъ, но общими законами, надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Это число находится въ постоянномъ и опредѣленномъ отношеніи къ цѣнамъ на хлѣбъ. Даже отсутствіе памяти отличается общимъ характеромъ необходимости и неизмѣннаго порядка. Парижскій и Лондонскій почтамты обнародовали свои отчеты за нѣсколько лѣтъ о числѣ писемъ, на которыхъ писавшіе забыли выставить адресъ, число этихъ писемъ, если взять въ соображеніе различіе обстоятельствъ, почти одно и тоже ежегодно. Такимъ образомъ почти одно и тоже число лицъ забываютъ эту простую формальность, такъ что за каждый извѣстный періодъ можно заранѣе предсказать приблизительно, у сколькихъ человѣкъ не достанетъ памяти въ этомъ пустомъ, и, по видимому, случайномъ дѣлѣ (5).

Положительная наука отрицаетъ это безусловное подведеніе къ одному знаменателю явленій общественныхъ съ физическими. Признавая въ сферѣ общественныхъ явленій существованіе естественныхъ зако-

новъ, эта наука въ тоже время проводитъ мысль, что, изучивъ эти законы, мы можемъ руководить ими сообразно съ нашими цѣлями.

При однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ статистическія данныя показываютъ намъ одинаковую смертность, одинаковое число людей умираетъ въ этомъ случаѣ точно также, какъ при равномъ вѣтрѣ волны на берегахъ моря разбиваются въ равномъ числѣ. Но изучивъ эти условія, мы можемъ измѣнять ихъ и такимъ образомъ вліять на законъ смертности. Человѣкъ, какъ членъ общества, говоритъ А. Кетле, подчиняется опредѣленнымъ общественнымъ законамъ; но благодаря своимъ умственнымъ дарованіямъ, онъ можетъ управлять общественными законами (6). Знаніе даетъ человѣку истинную свободу. Общество представляетъ собой организмъ, имѣющій свои законы, осознаніе коихъ даетъ возможность руководить ими, давать имъ направленіе, соотвѣтствующее нашимъ цѣлямъ. Политическая экономія занимается изученіемъ законовъ, имѣющихъ этотъ, а не какой либо другой характеръ.

Отличительная черта экономическихъ, то есть общественныхъ законовъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей, состоитъ въ томъ, что эти законы развиваются и не имѣютъ, подобно законамъ физическимъ, фаталистическаго характера. Во всякомъ же развитіи необходимо отличать два элемента: внутренній и внѣшній. Вполнѣ вѣрна мысль, что развитіе есть ни что иное, какъ постепенное осуществленіе возможности, содержащейся уже въ зародышѣ развивающагося даннаго; но при этомъ необходимо не забывать, что такое или иное осуществленіе возможности въ развитіи обусловливается средой, въ которой происходитъ процессъ развитія. Безъ всякаго сомнѣнія, развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка есть ни что иное, какъ постепенное осуществленіе той возможности, которая содержится уже въ зародышѣ нашего я; но, тѣмъ не менѣе, на это осуществленіе такое большое вліяніе оказываетъ внѣшній элементъ, что развитіе многихъ людей представляется скорѣе всего воплощеніемъ въ личности совокупности условій, при которыхъ пришлось развиваться и жить этимъ людямъ.

Внутренній элементъ въ развитіи, очевидно, подъ вліяніемъ внѣшняго можетъ быть низводимъ до едва замѣтнаго минимума.

Это никогда не должно быть забываемо при политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Но обращая вниманія на ростъ экономи-

ческихъ принциповъ, экономистъ очень легко можетъ принять временное и относительное за постоянное и безусловное, очень легко можетъ впасть то въ оптимизмъ, то въ пессимизмъ, смотря по тому, какой періодъ развитія экономическихъ принциповъ ему прійдется наблюдать. Если бы на лунѣ были жители, говоритъ Рошеръ, и если бы кто нибудь изъ нихъ увидѣлъ нашего ребенка, то, не зная закона развитія, не принялъ ли бы онъ это дитя, хотя бы оно было вполнѣ прекрасное, за урода съ несоразмѣрно большою головою, никуда непригодными руками, ногами и т. д. (7). А между тѣмъ подобнаго рода сужденія встрѣчаются весьма часто между изслѣдователями общественныхъ явленій, забывающими необходимость исторической индукціи въ изслѣдованіяхъ этихъ явленій.

Съ другой стороны, не менѣе часто забывается также необходимость пользованія при такихъ изслѣдованіяхъ дедукціей, состоящей въ изолированіи изучаемаго явленія отъ его мѣстныхъ, временныхъ частныхъ и случайныхъ осложненій. Экономическіе законы можно раздѣлить на двѣ категоріи, на законы родовые и видовые. Первые проистекаютъ изъ самой природы экономическихъ отношеній и представляютъ собою ту идею возможности въ развитіи, которая содержится въ самой природѣ развивающагося даннаго и которая въ дѣйствительности постепенно осуществляется. Въ своемъ осуществленіи родовой законъ дифференцируется подъ вліяніемъ законовъ видовыхъ, какъ условій мѣстныхъ временныхъ и частныхъ. Для отысканія родоваго закона необходимо устранить его осложненія, изолировать изучаемое явленіе отъ вліянія на него видовыхъ законовъ. На этомъ основаніи дедукція политической экономіи должна быть выводима изъ среднихъ величинъ. Въ статистическихъ изслѣдованіяхъ методъ этотъ состоитъ въ наблюденіи надъ массами явленій и заключеніи отъ среднихъ данныхъ, выводимыхъ посредствомъ суммированія изучаемыхъ явленій и дѣленія суммы на число ея составныхъ частей, при чемъ частныя, временныя и мѣстныя условія сглаживаются и получается рядъ общихъ или родорыхъ условій, отъ которыхъ зависитъ общественная жизнь (8).

Вообще говоря, подъ выводомъ среднихъ величинъ въ статистикѣ подразумѣвается методъ устраненія въ изучаемыхъ явленіяхъ условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ въ цѣляхъ открытія общаго или родоваго закона. Но суммированіе данныхъ и дѣленіе полученной суммы на число ея составныхъ частей представляетъ собою только

одинъ изъ видовъ изолированія явленія отъ его осложненій видовыхъ, причемъ этотъ видъ метода не приложимъ къ цѣлой массѣ явленій, ускользающихъ отъ подведенія ихъ подъ числовой знаменатель. Кромѣ статистическаго, существуетъ логическій выводъ среднихъ величинъ, на которыхъ также можетъ быть основана политико-экономическая дедукція. Сущность его состоитъ въ различеніи общественнаго хозяйства отъ частнаго и въ выборѣ для наблюденій средняго времени и средняго мѣста, посредствомъ какихъ пріемовъ дѣйствительно устраняются отъ изучаемаго явленія его видовыя осложненія, какъ условія случайныя, частныя, временныя и мѣстныя (9).

Благодаря несоблюденію этихъ особенностей методовъ изслѣдованія, до настоящаго времени въ политической экономіи идетъ споръ между пессимистическими и оптимистическими воззрѣніями. Нѣкоторые экономисты и всѣ „организаторы“ утверждаютъ, что современный строй экономическихъ отношеній несправедливъ, безусловно основанъ на животной борьбѣ взаимно противоположныхъ интересовъ, что человѣкъ въ отношеніи къ человѣку является волкомъ. Изъ послѣдователей этого экономическаго пессимизма, одни проникнуты фатализмомъ, считаютъ существующее зло неизбѣжнымъ и необходимымъ; другіе требуютъ радикальнаго переустройства всѣхъ отношеній и составляютъ проэкты новыхъ организацій, о которыхъ мы выше говорили. Оптимисты, напротивъ того, утверждаютъ, что существующій строй безусловно разуменъ и справедливъ, что люди, предоставленные самимъ себѣ, безъ всякихъ теорій наилучшимъ образомъ устраиваютъ свой бытъ; всякое вмѣшательство въ этотъ бытъ было бы только нарушеніемъ человѣческой свободы, нарушеніемъ вполнѣ естественнаго порядка экономическихъ отношеній. Между сторонниками этихъ противоположныхъ направленій происходитъ ожесточенная борьба, весьма часто переходящая изъ кабинетной и идейной въ уличную и кровавую.

Выходъ изъ этихъ односторонностей указывается правильнымъ методомъ экономическихъ изслѣдованій.

Одинаково не научно, какъ возведеніе явленій въ принципъ, такъ и отрицаніе ихъ законоподчиненности. Необходимо только не забывать, что общественная законоподчиненность не тождественна съ физическою. Въ самой природѣ экономическихъ отношеній лежитъ упорядочивающій ихъ принципъ, тѣ естественные законы, которымъ человѣкъ долженъ повиноваться.

Но эти законы въ своемъ развитіи видоизмѣняются средой, весьма часто подавляются ею, низводятся до едва замѣтнаго минимума. Задача истинной науки политической экономіи—осознать природу экономическихъ отношеній, осознать ту идею возможности въ развитіи, которая представляетъ собою постепенно осуществляющійся законъ, и посредствомъ такого осознанія способствовать болѣе полному его осуществленію, руководить экономическою дѣятельностью, какъ общественною, такъ и частною, на сколько дѣятельность человѣка зависитъ отъ его сознанія. Истинная экономическая наука, указавъ на высокое значеніе принципа раздѣленія труда, въ тоже время указываетъ и на темныя стороны, сопровождающія осуществленіе этого принципа въ дѣйствительности. Изученіемъ сущности этого принципа и причинъ его темныхъ сторонъ она даетъ возможность направлять осуществленіе его такимъ образомъ, что бы это осуществленіе не сопровождалось темными явленіями. Точно также, указывая на законы союзности интересовъ между людьми, политическая экономія указываетъ и на явленія борьбы взаимно противоположныхъ интересовъ, изучаетъ причины ея и естественныя условія ея уничтоженія. Политическая экономія, какъ наука, должна быть чужда и пессимистическихъ и оптимистическихъ увлеченій; не возводя явленій въ законъ лишь на основаніи ихъ существованія, она въ то же время и не должна отрицать законоподчиненности только потому, что то или иное частное, временное или мѣстное явленіе противорѣчить существованію общаго закона.

Такая система политической экономіи вполнѣ справедливо на своемъ знамени можетъ имѣть великія слова мыслителя: homo sum et nihil humani mihi alienum puto. Политическая экономія проводитъ мысль о разумной союзности всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ, о томъ, что отъ такого или иного состоянія этой союзности зависитъ уровень удовлетворенія потребностей.

Она освѣщаетъ уже существующее согласіе интересовъ и указываетъ на естественные законы развитія возможно полнаго ихъ соглашенія. Видя же свои интересы въ такой или иной мѣрѣ солидарными съ интересами другихъ, человѣкъ постепенно пріучается къ этой солидарности, такъ что для него, наконецъ, становится чѣмъ-то патологическимъ отдѣленіе индивидуальныхъ интересовъ отъ обществен-

ныхъ. Для такого человѣка становится вполнѣ понятнымъ положеніе: я человѣкъ и ни что человѣческое не чуждо мнѣ.

Вотъ та завѣтная идея въ развитіи человѣчества, осознаніе и осуществленіе которой въ жизни составляетъ основную задачу политической экономіи.

Законы политической экономіи получатъ возможно полное значеніе въ жизни только тогда, когда они будутъ осознаны обществомъ. До той же поры они дѣйствуютъ чисто механически, хотя въ то же время естественно развиваются и, какъ бы насильно, входятъ въ сознаніе людей. Но только вполнѣ осознанные обществомъ, они получатъ надлежащее значеніе. Въ этомъ отношеніи много правды въ кажущемся парадоксомъ положеніи Ж. Б. Сэ, что человѣкъ, написавшій популярное сочиненіе по политической экономіи, приноситъ несравненно большую пользу человѣчеству, чѣмъ написавшій вполнѣ ученое сочиненіе по этому предмету, но мало доступное за запорами ученыхъ терминовъ, хотя бы въ немъ были проводимы и новыя мысли.

Политическая экономія, доктрины которой имѣютъ такое жизненное значеніе, тѣмъ не менѣе остается наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова, исключая изъ своей сферы элементы искуства и ремесла. Она имѣетъ своимъ предметомъ изученіе постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ общественности въ дѣятельности людей, предоставляя изученіе наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ и условій организаціи ея, сообразно съ вѣчно измѣняющимися обстоятельствами, такъ называемымъ прикладнымъ наукамъ. Каждая отдѣльная отрасль дѣятельности, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, для своей цѣлесообразности требуетъ отдѣльныхъ, лишь ей свойственныхъ средствъ и условій, постоянно измѣняющихся во времени и пространствѣ.

Дѣятельность людей, направленная къ удовлетворенію потребностей государственнаго организма, основываясь на общихъ экономическихъ законахъ, въ то же время должна быть сообразуема съ постоянно измѣняющимися разнообразными элементами, наприм. съ положительными и обычными законами страны, уровнемъ развитія образованія, путей сообщенія, народнаго благосостоянія и т. п. Дѣятельность сельскаго хозяина, подчиненная общимъ экономическимъ законамъ, въ то же время безусловно подчинена измѣняющимся обстоя-

тельствамъ мѣста и времени, вслѣдствіе чего не можетъ быть одинаково какъ въ различныхъ странахъ, такъ и въ различное время. Тѣ интенсивныя системы хозяйства, которыя приносятъ большой доходъ вблизи такихъ большихъ городовъ, какъ Лондонъ и Парижъ, въ мѣстностяхъ слабо населенныхъ не только не дали бы сельскому хозяину никакого дохода, но раззорили бы его. Каждая отдѣльная отрасль человѣческой дѣятельности такимъ же образомъ, основываясь на постоянныхъ и неизмѣнныхъ законахъ, изучаемыхъ политическою экономіею, въ то же время подчиняется измѣняющимся условіямъ среды, вслѣдствіе чего средства и условія ея цѣлесообразности не могутъ быть всегда одинаковы. Изученіе наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ и условій успѣшности каждой отдѣльной отрасли дѣятельности составляетъ предметъ прикладныхъ частей политической экономіи, которыхъ можетъ быть столько же, сколько существуетъ такихъ отдѣльныхъ отраслей. Таковы, наприм., прикладныя науки политической экономіи: государственная экономія, которая также называется теоріей финансовъ, финансовымъ хозяйствомъ, сельско-хозяйственная экономія, коммерческая экономія, юридическая экономія или полицейское право и т. п.

(1) Курсель-Сенель прекрасно опредѣляетъ различіе между наукой и искусствомъ въ слѣд. словахъ: Quel est le propre de la science? C'est, sans contredit, l'étude des lois constantes et universelles qui régissent les phénoménes, des lois indépendantes des caprices humains et que nous appelons naturelles. L'art, au contraire, étudie les meilleurs moyens d'obtenir un résultat déterminé, d'établir les constructions imaginées et voulues par les hommes. Il en resulte, que les lois qu'étudie la science ont un caractere de fixité qui manque aux préceptes de l'art, lesquels varient et se transforment par les progrés de la science et de la civilisation. см Journ. des économistes. 1877. м. Сент. стр. 323—324 (2) M. de Molinari, Cours d'écon pol. т. 1 стр. 30. (3) Physique siciale 1869 т. 1. стр. 94—95 (4) Die Göttliche Ordung и т. д. 1788. т. 1. стр. 78, 240—243 и др. (5) Исторія цивиллиз. въ Англіи, ч. 1, гл. 1. (6) Phys. sociale, 1, 99. (7) Die Grundlagen d. N.—ökonomie, стр. 43—44. (8) Phys soc. 1, стр. 98. (9) Въ нашей литературѣ значеніе этихъ пріемовъ прекрасно уяснено г. Зиберомъ въ первой главѣ его диссертаціи: Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо. См. также изслѣдованіе А. Антоновича. Теорія цѣнности, гл. 1.

§ 4. Экономическая жизнь слагается изъ трехъ отправленій, изъ производства, распредѣленія и потребленія. Между этими отправле-

ніями существуетъ неразрывная связь, по которой каждое изъ нихъ является условіемъ существованія и развитія остальныхъ. Необходимость удовлетворенія потребностей вызываетъ дѣятельность спеціализирующихся по качествамъ производительныхъ силъ, что въ свою очередь вызываетъ необходимость правильнаго распредѣленія производимыхъ благъ между производителями, безъ чего не мыслима надлежащая спеціализація занятій и, слѣдовательно, разумная успѣшность производства. Производительная дѣятельность завершается потребленіемъ, нормальность котораго является необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго производства и распредѣленія, такъ какъ потребляемая пища при обыкновенномъ положеніи дѣлъ не исчезаетъ, но, по выраженію Кэри, принимаетъ высшую форму физической и умственной силы, обнаруживающейся въ дальнѣйшемъ созданіи средствъ удовлетворенія потребностей. Экономическая жизнь представляетъ собою постоянный кругъ, въ которомъ производство, распредѣленіе и потребленіе, какъ отдѣльныя отправленія, перестаютъ существовать независимо, не могутъ быть противополагаемы другъ другу, сливаясь въ одно цѣлое, называемое дѣятельностью людей. Но политическая экономія, изучающая общественный элементъ въ этой дѣятельности, указывая на взаимную связь между отдѣльными функціями дѣятельности, не можетъ отождествлять ихъ. При всей неразрывной взаимной связи, каждая изъ этихъ функцій имѣетъ свои общественныя особенности, требующія самостоятельнаго изученія. Политическая экономія, по этому, изучаетъ отдѣльно законы общественности въ сферѣ производства, въ сферѣ распредѣленія и въ сферѣ потребленія.

II. Періоды въ развитіи экономической культуры и національный характеръ науки.

§ 1. Въ какой степени экономическіе законы представляютъ собою законы развитія, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія экономической культуры. Здѣсь мы видимъ постепенный переходъ отъ низшихъ экономическихъ формъ къ высшимъ, отъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ, причемъ каждая высшая форма представляетъ ступень къ дальнѣйшему развитію народнаго благосостоянія. Это прогрессивное измѣненіе формы наблюдается во всѣхъ отправленіяхъ народной жизни и дѣятельности. Мы остановимся для уясненія характера его на тѣхъ періодахъ, которые переживаетъ въ большинствѣ случаевъ всякое общество въ сферѣ производства и въ сферѣ распредѣленія.

Въ сферѣ производства замѣчены слѣдующіе періоды культуры: 1) періодъ охоты и рыболовства, 2) періодъ скотоводства, 3) періодъ земледѣлія, 4) періодъ промышленно-торговый и 5) періодъ націонализаціи экономической культуры ([1]).

I. Періодъ охоты и рыболовства.

Каждый народъ долженъ былъ переживать этотъ періодъ пользованія готовыми дарами природы въ видѣ дичи и рыбы, хотя ни одинъ изъ современныхъ образованныхъ народовъ не сохранилъ о немъ никакихъ историческихъ данныхъ. Свѣдѣнія объ этомъ періодѣ получаются исключительно изъ сношеній болѣе цивилизованныхъ народовъ съ дикарями.

Человѣкъ на этой ступени своего развитія всецѣло зависитъ отъ силъ природы. Охотничьи народы вполнѣ зависятъ въ самомъ существованіи своемъ отъ обилія дичи и размноженіе ихъ встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе въ средствахъ существованія. По Гаспарену,

въ сѣверной Америкѣ, не смотря на обиліе дичи, на одного жителя приходилось 99 квадратныхъ километровъ, т. е. почти 9.000 десятинъ. Но и въ мѣстностяхъ богатыхъ дичью охотничьи народы не могутъ имѣть постояннаго достатка и большею частью въ ихъ жизни встрѣчаются рѣзкіе переходы отъ обилія и достатка къ недостатку и голоду. Безпечность, отсутствіе предусмотрительности—общее свойство людей на этой ступени развитія. Въ этомъ отношеніи ранній возрастъ человѣчества напоминаетъ собою раннее дѣтство каждаго человѣка. Дитя живетъ данной минутой, не думая о будущемъ, у него еще не укрѣплена способность соединять идею настоящаго съ идеей будущаго, не развито умѣнье соединять причины съ болѣе или менѣе отдаленными послѣдствіями. Точно также первобытный охотникъ, случайно добывъ обильную пищу, не думаетъ о сохраненіи ея и періодъ обильнаго питанія очень часто смѣняется у него настоящимъ голодомъ. При отсутствіи предусмотрительности, въ это время не можетъ быть сбереженій, не можетъ быть поэтому почти никакого капитала, не считая первобытныхъ орудій. Отсутствіе предусмотрительности у многихъ охотничьихъ племенъ доходитъ до того, что они не пользуются даже кожами животныхъ, съѣдая ихъ вмѣстѣ съ мясомъ. Въ тепломъ климатѣ вмѣсто одежды они довольствуются татуировкой, варятъ пищу въ ямахъ, живутъ въ пещерахъ или грубыхъ шалашахъ, бросаемыхъ ими всякую минуту, такъ какъ по свойствамъ промысла никакой прочной осѣдлости они не могутъ имѣть. „Это состояніе—самое бѣднѣйшее изъ всѣхъ, въ какихъ существовали или существуютъ извѣстныя намъ цѣлыя общества людей“ (Милль). Значительный шагъ впередъ изъ этого состоянія заключается въ зарожденіи хотя слабой предусмотрительности, благодаря которой человѣкъ началъ болѣе разумно пользоваться продуктами охоты. Интересный примѣръ вполнѣ предусмотрительнаго пользованія представляютъ намъ индійцы сѣверо-западныхъ степей Америки. Почти каждая часть бизона, убиваемаго ими, употребляется въ дѣло. Изъ передней шкуры они дѣлаютъ плащи, изъ кожи приготовляютъ палатки, одѣяла, обшивки лодокъ, сѣдла, ремни и болѣе грубую одежду; изъ роговъ дѣлаютъ ложки; изъ костей—разныя орудія; изъ нервовъ—тетивы луковъ и нитки; изъ гривы—веревки; головной мозгъ употребляется на дубленіе, копыта на клей; костяной мозгъ, слитый въ пузырь, замѣняетъ для индійца масло (Рошеръ). Но это самое высокое состояніе, къ которому приходятъ охотничьи народы медленно, въ теченіи

вѣковъ. До сихъ поръ многіе изъ дикарей, ведущихъ охотничью жизнь, еще далеки отъ такого пользованія продуктами своей охоты, требующаго довольно значительнаго развитія предусмотрительности.

Каждый человѣкъ въ этомъ состояніи занимается тѣмъ же, чѣмъ занимается и другой, раздѣленія занятій не существуетъ, для обмѣна нѣтъ мѣста. Средствами удовлетворенія потребностей каждаго были или готовые дары природы, еще никѣмъ не захваченные, или отнятіе этихъ даровъ у другихъ. При такихъ условіяхъ жизни охотникъ дикарь на всякаго другаго охотника смотрѣлъ какъ на соперника и врага, котораго необходимо истребить. Въ это время физическая сила должна была пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Къ такому состоянію человѣка вполнѣ примѣнима теорія животной борьбы за существованіе. Отношенія между людьми носятъ характеръ охоты, или, какъ замѣчаетъ Ленге, „охота на людей представляетъ собою одну изъ первыхъ формъ охоты“. Побѣдитель убиваетъ или съѣдаетъ побѣжденнаго. Оставлять его въ живыхъ еще нѣтъ никакихъ мотивовъ, рабство не возможно, такъ какъ охотникъ не можетъ довѣрить оружіе, а кормить раба собственнымъ трудомъ нѣтъ основаній. Вотъ почему людоѣдство встрѣчается очень часто при такомъ состояніи общества какъ въ безплодныхъ странахъ и ледяныхъ пустыняхъ, такъ и въ странамъ богатыхъ и плодородныхъ. Слѣды его оказываются уже у современниковъ мамонта и пещернаго медвѣдя, на протяженіи всей Европы. При раскопкахъ повсюду попадаются разбросанныя человѣческія кости, смѣшанныя съ остатками домашняго хозяйства. При этомъ длинныя кости какъ животныхъ, такъ и человѣка оказываются расколотыми, очевидно съ цѣлію извлечь изъ нихъ мозгъ. Во время такой необезпеченности каждаго физическая сила была единственнымъ правомъ и весьма естественно должна была пользоваться общимъ почетомъ, была идеаломъ каждаго. Дикарь грабитъ и убиваетъ своего ближняго и съ гордостью выставляетъ его скальпъ и награбленную добычу, какъ доказательство своей храбрости. Индіянка считаетъ для себя позорнымъ выйти замужъ за жениха, не представившаго доказательствъ своей храбрости въ видѣ скальповъ убитыхъ имъ враговъ. Подъ вліяніемъ условій жизни и долгой практики, эти понятія входятъ въ плоть и кровь человѣка, такъ что и съ измѣненіемъ жизненныхъ условій онъ не скоро можетъ разстаться съ ними. Токвиль въ своей „Демократіи въ Америкѣ“ разсказываетъ, что однимъ изъ состоятельныхъ амери-

канскихъ гражданъ былъ взятъ на воспитаніе малолѣтній индіецъ, получившій впослѣдствіи высшее университетское образованіе. Воспитанникъ былъ сторонникомъ освобожденія негровъ и во время междоусобной войны сражался въ арміи сѣверянъ. Въ это время и обнаружились его дикіе инстикты, только на время заглушенные образованіемъ. Оказалось, что онъ скальпировалъ убитыхъ имъ враговъ, хотя старался это дѣлать тайно. Впослѣдствіи онъ бѣжалъ къ своимъ соплеменникамъ и велъ жизнь настоящаго дикаря. Предъ инстинктами, выработанными въ теченіи вѣковъ, оказывается безсильнымъ самое серьезное образованіе и человѣкъ можетъ разстаться съ ними только медленно, вмѣстѣ съ измѣненіемъ жизненныхъ условій, вызывающихъ иныя понятія, иное міросозерцаніе. Не удивительно, что міросозерцаніе, созданное въ этомъ періодѣ, человѣчество долго сохраняетъ, даже при иной общественной обстановѣ. Такъ до прибытія испанцевъ въ Америку остатки періода охоты существовали почти въ каждомъ изъ тогдашнихъ государствъ. Достаточно указать на массу человѣческихъ жертвоприношеній. Въ періодъ охоты человѣческіе останки служили побѣдными трофеями, которыми гордился дикарь, какъ доказательствомъ своей храбрости. Люди такъ называемаго каменнаго періода украшали себя ожерельями изъ человѣческихъ зубовъ, пили вино изъ человѣческихъ череповъ и т. п. Но если человѣкъ считалъ за особое личное достоинство убить ближняго и украсить его частями свое тѣло, то уже по этому одному человѣческія жертвоприношенія должны были считаться особенно угодными богамъ. Воззрѣніе это долго остается въ человѣчествѣ. Въ Америкѣ, до прибытія испанцевъ, народныя торжества сопровождались массами человѣческихъ жертвоприношеній, что было одною изъ серьезныхъ причинъ обезлюденія страны. По свидѣтельству историковъ, „въ 1487 году освященіе Агуицотлемъ, предшественникомъ Монтезумы, великаго мексиканскаго храма, посвященнаго Гуицлипохтли, было ознаменовано смертію семидесяти двухъ тысячъ трехсотъ сорока четырехъ человѣкъ. Избіеніе продолжалось четыре дня, кровь жертвъ текла въ такомъ изобиліи съ террасъ храма, что ниспадала каскадомъ и образовала настоящіе пруды. Жрецы уставали поражать, было необходимо постоянно ихъ смѣнять, но народъ не уставалъ отъ этой ужасной рѣзни, онъ отвѣчалъ радостными восклицаніями на крики отчаянія умиравшихъ“ (2). Самъ кровожадный человѣкъ и божество свое представляетъ въ такомъ же видѣ. Много

вѣковъ потребовалось для того, чтобы человѣчество могло приготовиться къ воспріятію великой идеи, высказанной въ словахъ апостола Павла: *Богъ любы есть.*

Рыболовные промыслы, по видимому, должны бы производить иное вліяніе уже по тому одному, что рыболовство требуетъ нѣкоторой осѣдлости. Но въ дѣйствительности быть племенъ, занимающихся исключительно этимъ промысломъ, не многимъ отличается отъ охотничьяго быта. Продукты рыболовства во время жары еще менѣе могутъ быть сохраняемы, чѣмъ продукты охоты, населеніе не можетъ дѣлать сбереженій и живетъ въ бѣдности, также вполнѣ завися отъ силъ природы. Можно думать, что нравы этихъ племенъ не такъ суровы, какъ охотничьихъ народовъ. Ловля добычи безъ пролитія крови не пріучаетъ къ жестокости и не вырабатываетъ кровожадныхъ привычекъ. Поэтому между рыболовными племенами часче встрѣчается взаимная помощь, общій трудъ, состраданіе и гостепріимство. Между охотничьими племенами даже общій трудъ производитъ иное вліяніе; общая охота на животныхъ легко переходитъ въ набѣгъ на сосѣднія племена и поэтому такъ часты у нихъ войны изъ за мѣстъ охоты и т. п. причинъ. При общей охотѣ занятіе этимъ промысломъ нерѣдко вырабатываетъ жестокія и противообщественныя привычки. Интересный примѣръ этого представляетъ сибирская охота на оленей во время осенней тяги ихъ въ лѣса сѣвера, называемая „поколюгой.“ Оленей бьютъ короткими копьями, во время переправы ихъ черезъ рѣки. Часть охотниковъ находится въ лодкахъ и занимается поколюгой, другая часть овладѣваетъ убитыми животными, при чемъ сколько кто захватитъ, столько ему и принадлежитъ. „Можетъ показаться что все убитое уносится и самому охотнику не останется ничего за его тяжелый трудъ, во избѣжаніе этого *обычай* требуетъ, что бы общее достояніе составляли только немедленно убитыя и плавающія по рѣкѣ животныя, между тѣмъ какъ всѣ тѣ, которыя, будучи ранены, достигаютъ берега и тамъ умираютъ принадлежали бы въ собственность охотнику. Вслѣдствіе этого охотники довели свою ловкость до такой достойной удивленія степени, что среди борьбы необычайной лютости, гдѣ ихъ жизнь ежеминутно ставится на карту, они направляютъ свои удары не иначе, какъ убивая немедленно мелкихъ и болѣе слабыхъ животныхъ, а большимъ только нанося раны, что бы они могли достигнуть берега“ (3).

II. Пастушескій періодъ.

Пастушескіе народы или номады представляютъ собою высшую ступень въ развитіи сравнительно съ охотничьими или рыболовными народами. Прирученіе полезныхъ животныхъ вызвало хозяйственную дѣятельность самаго человѣка въ формѣ кочеваго скотоводства. Появилась возможность накопленія имуществъ и должна была развиться хозяйственная предусмотрительность. Человѣкъ сравнительно съ первымъ періодомъ значительно освобождается отъ измѣнчивыхъ стихійныхъ дѣятелей и дѣлаетъ первую попытку подчинить себѣ силы природы, состоящую въ періодическомъ перекочевываньи съ мѣста на мѣсто, смотря по времени года и обилію или истощенію корма для скота. Вмѣстѣ и прирученіемъ полезныхъ животныхъ появляется рабство, дальнѣйшій шагъ въ развитіи общественности. Вмѣсто того, что бы убивать врага, побѣдитель превращаетъ его въ раба, заставляя пасти свой скотъ. При этомъ положеніе рабовъ сносно. „При скотоводствѣ кочевника такъ мало работы, что вообще никогда не приходится напрягаться черезъ мѣру. Образъ жизни даже богатѣйшихъ кочевниковъ бываетъ до того простъ, что содержаніе рабовъ не слишкомъ рѣзко отличается отъ него. Ежедневная пища бедуина состоитъ изъ муки, вареной въ кисломъ верблюжьемъ молокѣ; развѣ только когда являются гости, то подаютъ сверхъ того хлѣбъ или хлѣбъ съ масломъ и кофе, или жаркое. Иногда просто утопаютъ въ маслѣ, такъ что въ одно утро вылизываютъ его по цѣлымъ мискамъ. Даже у самыхъ богатыхъ только по одной палаткѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда жены ихъ не могутъ ужиться вмѣстѣ.“ (Рошеръ). Такимъ образомъ возникаетъ болѣе постоянная форма сотрудничества и раздѣленіе труда. Охотничьи племена соединяются времено для охоты, по окончаніи которой союзъ распадается; здѣсь же союзъ остается болѣе прочнымъ, образуются кочевыя хозяйства, возникаетъ болѣе тѣсное единеніе между членами цѣлаго племени, ордами, переходящими изъ однихъ мѣстъ въ другія и вступающими въ войны съ другими племенами изъ за обладаніями пастбищами. Идеаломъ народа служитъ страна, текущая медомъ и млекомъ, т. е. заключающая въ себѣ хорошія пастбища для скота и дикій медъ. Изъ за обладанія такими странами и ведется война, являющаяся, такимъ образомъ и въ этомъ періодѣ экономическою необходимостью. Не удивительно, что и въ этомъ періодѣ кро-

вожадность не уменьшается. По словамъ Геродота, у древнихъ скиѳовъ человѣкъ, не убившій ни одного врага, не могъ пить изъ почетнаго кубка орды. У нихъ божество олицетворялось въ мечѣ, обливаемомъ для жертвоприношеній человѣческою кровію. Мечъ былъ единственнымъ правомъ и у другихъ народовъ. Аттила основывалъ свое право владычества на мечѣ, упавшемъ съ неба; у аллановъ мечь служилъ идоломъ. Умереть въ постели, а не на войнѣ, кочевникъ считаетъ для себя позорнымъ. Извѣстное правило: pigrum et iners videtur sudore adquirere, quod possis sanguine parare зародилось въ этомъ періодѣ экономической культуры, хотя дальнѣйшее свое развитіе получило въ послѣдующее время.

Съ развитіемъ рабства и скотоводства возникъ досугъ, вмѣстѣ съ которымъ возникаютъ новыя потребности, наприм. желаніе имѣть одежду, посуду, орудія. Почти у всѣхъ кочующихъ племенъ встрѣчаемъ пряденье, тканье и крашенье платья, выдѣлку кожъ и т. п. Появляется излишекъ въ произведеніяхъ и зараждается обмѣнъ ихъ съ другими племенами.

Обмѣнъ въ первое время носитъ характеръ недовѣрія или имѣетъ значеніе перемирія, устанавливаемаго на время. Есть и въ настоящее время кочевыя племена, вступающія между собою въ обмѣнъ, не видя другъ друга. Такова на прим. торговля между чукчами и чабуками сѣверной Америки. „Чужеземецъ является, кладетъ на берегъ извѣстные товары и потомъ удаляется; тогда является чабукъ, разсматриваетъ вещи, кладетъ столько кожъ рядомъ, сколько считаетъ нужнымъ дать и уходитъ въ свою очередь. Послѣ этого чужеземецъ опять приближается и разсматриваетъ предложенное ему; если онъ удовлетворенъ этимъ, беретъ шкуры и оставляетъ вмѣсто нихъ товары; если же нѣтъ, то оставляетъ всѣ вещи на мѣстѣ, удаляется вторично и ожидаетъ придачи отъ покупателя. Такъ идетъ вся торговля глухо и молчаливо.“ Плиній такую торговлю замѣтилъ у одного изъ народовъ, называемомъ имъ серы. Эти люди, говоритъ онъ, вступаютъ въ обмѣнъ съ чужеземцами такимъ образомъ, что не видятъ своихъ покупателей; товары кладутся въ опредѣленномъ мѣстѣ, и „если предметъ имъ нравится, то они уносятъ положенные рядами съ продаваемыми предметами товары на противоложномъ берегу“. Винтерботтомъ объ одномъ изъ племенъ, живущихъ на берегахъ Нигера, сообщаетъ слѣдующее: Народъ ведетъ дѣла съ купцами изъ

земли мавровъ, которые ежегодно приходятъ къ нему, но такъ, что ни покупатели, ни продавцы не видятъ другъ друга. Купцы отправляются въ опредѣленное время мѣсяца въ извѣстное мѣсто, гдѣ они вечеромъ находятъ все, что хотятъ купить, главнымъ образомъ золотой порошокъ въ маленькихъ, отдѣленныхъ одна отъ другой кучкахъ. Противъ этихъ кучъ купцы кладутъ все то, что они хотятъ дать за каждый товаръ. Ихъ товары состоятъ изъ коралловъ, бусъ, поясовъ и другихъ подобныхъ пустяковъ, которые они оставляютъ, уходя. На другой день негры въ свою очередь являются туда и уносятъ съ собою товары, если они довольны обмѣномъ, или въ противномъ случаѣ уменьшаютъ положенную противъ нихъ кучку золота.“ Не можетъ быть сомнѣнія, что такіе обычаи торговли обязаны своимъ происхожденіемъ тому времени, когда племена находились между собою въ въ постоянной враждѣ, не довѣряли другъ другу, избѣгали встрѣчь, боясь попасть въ плѣнъ и рабство. На это указываетъ также обычай временнаго разоруженія мѣняющихся сторонъ, существующій у нѣкоторыхъ племенъ. По словамъ Марціуса „когда бразильскіе дикари желаютъ вступить въ торговлю, то они одновременно снимаютъ свое оружіе и кладутъ его около себя, но какъ только торговля окончена, на что указываютъ извѣстныя, часто повторяемыя съ обѣихъ сторонъ слова, то они немедленно и въ тактъ снова хватаютъ оружіе.“ Зародившаяся такимъ образомъ идея обмѣна въ послѣдующей исторіи человѣчества развивается, переходитъ въ другія, высшія формы, но слѣды началъ, выработанныхъ въ эпоху ея возникновенія, продолжаютъ существовать и на высшихъ ступеняхъ мѣновой цивилизаціи. Контрагенты обмѣна долго признаются врагами, изъ которыхъ каждый стремится обосновать собственное благополучіе на счетъ другаго и идея солидарности интересовъ съ трудомъ получаетъ доступъ въ сознаніе.

Но въ пастушескомъ быту зараждаются и иныя, болѣе высокія начала, которыя совершенно не имѣли мѣста въ періодѣ охоты. „Постоянная жизнь пастуха съ природою, говоритъ Рошеръ, могущество стихій, которымъ преданъ онъ почти безпріютный, однообразная безпредѣльность равнины, звѣздное небо, которое онъ можетъ не только созерцать на полномъ досугѣ, но и долженъ изучать, какъ путеводителя въ пустынѣ,—все это наполняетъ душу его не многими, но глубокими впечатлѣніями. Это проявляется уже въ полномъ достоинства языкѣ и осанкѣ большей части кочевниковъ и гораздо еще прекрас-

нѣе въ весьма живой и дѣятельной религіозной воспріимчивости, отличающей ихъ. Чтобы положить начало великимъ религіознымъ движеніямъ, провидѣніе зачастую избирало пастушечьи народы, и самая жизнь въ пустынѣ представляетъ благопріятную почву именно для развитія единобожія. Въ самомъ дѣлѣ тамъ не достаетъ того роскошнаго многообразія производительныхъ силъ природы, которое въ такихъ странахъ какъ Индія содѣйствовало развитію многобожія". Даже отвлеченнымъ наукамъ положено было первое начало пастушескими народами. По преданію, халдейскіе пастухи положили начало астрономическимъ наблюденіямъ.

III. Земледѣльческій періодъ.

Переходъ отъ пастушескаго состоянія къ земледѣльческому не менѣе труденъ, чѣмъ переходъ отъ состоянія охотничьяго къ пастушескому. Милль объясняетъ неизбѣжность такого перехода „натуральнымъ развитіемъ дѣлъ. Возрастающее число людей и скота стало съ теченіемъ времени превосходить размѣръ, въ какомъ земля способна доставлять продукты своими натуральными пастбищами. Эта причина безъ всякаго сомнѣнія заставила обратиться къ первому воздѣлыванію земли, точно также какъ въ позднѣйшій періодъ она заставляла избытокъ населенія въ племенахъ, оставшихся кочевыми, бросаться на племена уже ставшія земледѣльческими и грабить ихъ до той поры, пока они стали достаточно сильны для отраженія вторгающихся ордъ, и такимъ образомъ, лишивъ вторгающіяся націи этого выхода, принудили ихъ также обратиться въ земледѣльческія общества".

На первыхъ порахъ земледѣліе имѣетъ тотъ же кочевой характеръ. Населеніе выбираетъ для обработки лучшія земли, какія оно можетъ обработать, засѣваетъ ихъ до той поры, пока почва не истощится, за тѣмъ эти участки бросаются и обработываются новые. Таково до сихъ поръ земледѣліе у манобовъ—жителей Филиппинскихъ острововъ. „Незначительная густота населенія, въ связи съ удивительнымъ плодородіемъ почвы, освобождаютъ ихъ отъ необходимости оставаться всегда на мѣстѣ. Они предпочитаютъ дѣлать свои посѣвы, которые чрезмѣрно богатая почва возвращаетъ имъ въ сто кратъ, то здѣсь, то тамъ, при помощи самаго ничтожнаго труда. Система, которой они при этомъ слѣдуютъ, характеристична для многихъ другихъ

малайскихъ племенъ и употребляется также многими христіанами Филиппинскихъ острововъ. По истощеніи однихъ участковъ переходятъ на другіе". Гдѣ почва менѣе благодатна, необходимо затрачивать много труда, особенно при отсутствіи удовлетворительныхъ орудій. Въ такихъ случаяхъ земля обрабатывается сообща цѣлой общиной и обработанное пространство считается собственностью всѣхъ членовъ ея. Такъ возникаетъ общинная поземельная собственность, вызванная необходимостью общей работы, безъ которой человѣкъ не былъ бы въ состояніи преодолѣть препятствій. Вмѣстѣ съ такою собственностью возникаетъ осѣдлое земледѣліе, возникаетъ общественный порядокъ и населеніе вступаетъ на путь прочнаго экономическаго развитія. Войны въ значительной мѣрѣ перестаютъ носить характеръ прежней безпощадности и начинаютъ служитъ цѣлямъ цивилизаціи. Болѣе предпріимчивые завоеватели образуютъ государства, въ которыхъ земледѣліе находитъ поддержку. Въ восточныхъ деспотіяхъ организуются обширныя земледѣльческія предпріятія, остатки которыхъ до сихъ поръ поражаютъ путешественниковъ своею грандіозностью. Такъ въ Индіи афганскіе и монгольскіе завоеватели, не смотря на свою жестокость по отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, прославили свое царствованіе гигантскими сооруженіями, которыя встрѣчаются въ настоящее время на каждомъ шагу и которыя, какъ замѣтилъ гр. Варренъ, кажутся произведеніями расы гигантовъ. „Въ мадрасской провинціи, говоритъ Джемсъ Вильсонъ, старинныя сооруженія для орошенія, слѣды которыхъ сохранились до нашего времени, поражаютъ каждаго своею грандіозностью. Плотины, запружая рѣки, образовывали изъ нихъ цѣлыя озера, изъ которыхъ каналы разносили воду на 50 или 70 миль въ окрестности. На большихъ рѣкахъ такихъ плотинъ имѣлось на каждой отъ 30 до 40. Дождевая вода, стекающая съ горъ, собираема была въ особо устроенные для того пруды, изъ которыхъ многіе доселѣ имѣютъ отъ 15 до 20 миль въ окружности". Въ Китаѣ императоръ Ю, за двѣ тысячи лѣтъ отъ нашего лѣтосчисленія, по свидѣтельству китайской священной книги Шу-Кингъ, устроилъ цѣлую систему каналовъ какъ для цѣлей орошенія, такъ и для судоходства. Это могъ онъ сдѣлать не иначе, какъ превративъ всю страну въ одну промышленую армію, подчиненную строгой дисциплинѣ для общей работы. Въ томъ же направленіи работали и другіе правители Китая. По замѣчанію Барроу, „масса человѣческаго труда, которая нужна

была для скопленія различныхъ матеріаловъ, изъ коихъ состоитъ одинъ изъ громадныхъ китайскихъ водопроводовъ, не могла быть собрана ни въ какое значительное время въ какой либо другой странѣ, кромѣ Китая, гдѣ милліоны населенія по мановенію ока деспота могли быть принуждаемы къ работѣ. Величайшія произведенія въ Китаѣ всегда, какъ и въ настоящее время, выполнялись и выполняются при помощи соединенія человѣческой работы, безъ пособія машинъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда считается абсолютно необходимымъ подкрѣпить человѣческую силу механическими силами". Слѣды гигантскихъ оросительныхъ работъ встрѣчаемъ и на Закавказьѣ. Вся Ширазская степь покрыта такими остатками каналовъ, которыя, по замѣчанію Гакстгаузена, будучи обозначены на картѣ показали бы, что тамъ нѣкогда существовала искусственно заложенная, хорошо обдуманная система каналовъ, теперь же все это пустыня. Большая система каналовъ была нѣкогда въ треугольникѣ земли, образуемомъ теченіемъ Куры и Аракса. Куру съ Араксомъ соединялъ большой каналъ, длиною до 30 миль, ясно видимый и въ настоящее время. Изъ этого канала была получаема посредствомъ меньшихъ каналовъ вода для громаднаго пространства земли, дававшаго жителями обильные урожаи. „Сооруженіе подобной системы по плану и выполненію должно было представлять по истинѣ гигантскую работу. Системы орошенія въ кавказскихъ земляхъ старше, нежели народы, которые теперь живутъ на этой почвѣ; иными словами, было время, когда здѣсь всѣ повиновались одной желѣзной волѣ. Системы эти не залючены въ границахъ какого либо отдѣльнаго изъ нынѣшнихъ народовъ. Но въ свою очередъ совершено невѣроятно, чтобы различные народы вступали между собою въ добровольное соглашеніе о заложеніи общей системы орошенія; во всякомъ же случаѣ для этого нужны были весьма развитыя государственныя формы, которыхъ здѣсь нигдѣ не существовало. По этому болѣе чѣмъ вѣроятно, что эта система принадлежала времени, когда здѣсь господствовала лишь одна воля, т. е. времени отдѣльныхъ азіатскихъ деспотій —ассирійскихъ, мидійскихъ, персидскихъ. Съ паденіемъ деспотій, съ разрѣшеніемъ ихъ въ мелкія государства, раздѣленныя по народцамъ, эти колоссальныя произведенія, вслѣдствіе происходившихъ тамъ войнъ, были разрушены, земля сдѣлалась пустынею, населеніе уменьшилось. Въ настоящее время ихъ нельзя уже поднять собственными силами, чтобы выработать и снова вызвать къ

жизни цвѣтущую культуру чрезъ возобновленіе великихъ системъ орошенія“ (4).

Но такія грандіозныя предпріятія возможны только благодаря полному порабощенію населенія. Поднятіе матеріальной культуры было произведено на счетъ свободы личности. Иной путь развитія былъ не мыслимъ. Государства древняго міра находились въ постоянной войнѣ и отношенія между ними представляются какъ бы аналогичными съ между человѣческими отношеніями въ періодъ до-общественный, когда каждый охотникъ-дикарь видитъ въ другомъ человѣкѣ врага. При такихъ условіяхъ должны были возникнуть и аналогическіе идеалы жизни. Государства, находясь въ постоянной войнѣ, должны были высоко цѣнить всѣ средства, которыми поддерживалась ихъ сила, которыя давали перевѣсъ въ борьбѣ. Высшимъ идеаломъ этой силы была такая сплоченность населенія, по которой государство, какъ цѣлое, поглощало бы отдѣльныя личности. Лучшіе мыслители древняго міра такъ именно смотрѣли на задачи государства. По ученію Платона, государство должно опредѣлять всю жизнь и дѣятельность каждаго гражданина, сообразно съ условіями своего существованія и развитія. Мало того, по его ученію, оно должно опредѣлять количество гражданъ, управлять браками и рожденіями. Существуютъ, говоритъ онъ, четыре добродѣтели, изъ которыхъ каждая въ идеальномъ государствѣ должна быть осуществляема особымъ классомъ: мудрость должна господствовать въ правителяхъ, храбрость въ воинахъ умѣренность въ низшихъ сословіяхъ, подчиненныхъ высшимъ и надъ всѣмъ будетъ царствовать правда, состоящая въ томъ, что бы каждый дѣлалъ то, что ему предназначено дѣлать въ общей работѣ (τὰ αὑτον πραττειν). И въ дѣйствительности къ этому стремились древнія деспотіи. Браминизмъ, увѣковѣчивая касты признаніемъ, что люди созданы изъ различныхъ частей тѣла Брамы, стремился къ утвержденію того же порядка, о которомъ мечталъ греческій мыслитель. Государство поглощало личность, располагало ея жизнью, состояніемъ и трудомъ, такъ какъ безъ этого поглощенія не мыслимо было существованіе его. Такое сплоченіе людей должно было сказаться и на развитіи общежительныхъ свойствъ человѣка. Этимъ порядкомъ, по замѣчанію Тэна, „человѣческому звѣрству, какъ дикому неукротимому коню, слишкомъ сильному и опасному избыткомъ своей ярости, пустили кровь изъ четырехъ ногъ; ослабленное и укрощенное этимъ, оно сдѣлалось менѣе дѣятельно,

болѣе общительно, оно стало меньше разрушать, и меньше творить.“ Послѣднее вѣрно въ томъ смыслѣ, что рабскій трудъ менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободнаго человѣка. Задача послѣдующей исторіи человѣчества и состояла въ томъ, что бы выработать свободное государственное общежитіе.

Осуществленіе этой задачи выпало на долю европейскихъ народовъ. Менѣе благодатная почва здѣсь требуетъ большего напряженія труда и большей затраты капиталовъ въ земледѣліе. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ общинное землевладѣніе на западѣ вездѣ уступаетъ мѣсто частной поземельной собственности. Подъ вліяніемъ этихъ же причинъ рано возникла большая и средняя свободная поземельная собственность, носившая названіе аллодіальной. Она была привиллегіей свободныхъ, которымъ государственною власть отдавались земли за особыя заслуги. Зависимая собственность, носившая названіе феодовъ или леновъ, также давала значительный просторъ свободной дѣятельности. Зависимые собственники по наслѣдству владѣли своими ленами, но были обложены налогами въ пользу настоящихъ собственниковъ въ отношеніи къ которымъ они считались вассалами. Къ концу среднихъ вѣковъ феодальный порядокъ падаетъ и общераспространяется вполнѣ свободная поземельная собственность. Весьма рано также и положеніе труда измѣнилось къ лучшему, рабство исчезло, уступивъ мѣсто крѣпостному праву. Рабъ—предметъ частной собственности владѣльца, между тѣмъ какъ при крѣпостномъ правѣ владѣлецъ имѣетъ право на дѣйствія, а не на личность человѣка. Въ новое время упраздняется и крѣпостное право, уступая мѣсто вольно-наемному труду.

У насъ въ первомъ періодѣ нашей гражданственности право поземельной собственности носило характеръ безсознательнаго владѣнія землей. Въ то время, по замѣчанію К. Побѣдоносцева (5), „мысль о правѣ собственности таится еще въ зародышѣ и не высказывается, доколѣ не приходитъ въ соприкосновеніе со выяснившимся юридическимъ началомъ. Земли было много, славяне жили родами; съ такимъ состояніемъ согласуется понятіе о томъ, что кто что воздѣлываетъ, тотъ тѣмъ и владѣетъ, что земля общая. По всей вѣроятности, владѣніе принадлежало роду, каждый родъ разселялся по удобству: и владѣніе „по старинѣ“ или по первому занятію служило единственнымъ началомъ для разрѣшенія столкновеній“. Съ водвореніемъ государственнаго порядка право поземельной собственности начало яснѣе

опредѣляться; князья занимали свободныя земли и за тѣмъ раздавали ихъ дружинникамъ за ихъ службу. Такъ возникла помѣстная система землевладѣнія, состоящая въ надѣленіи служилыхъ людей землей на все время ихъ службы. Это не была личная поземельная собственность. Служилый человѣкъ владѣлъ помѣстьемъ, собственникомъ котораго считалось государство. Государство отказывалось на время отъ земли, предоставляя ее служащему съ условіемъ исполненія имъ государственной службы. Такъ появилось и получило развитіе паралельно съ фактическимъ владѣніемъ землей владѣніе съ болѣе твердымъ характеромъ, зависимое отъ государства. Послѣ закрѣпощенія крестьянъ фактическое владѣніе должно было уступить мѣсто юридическому, такъ какъ земли вмѣстѣ съ крестьянами сдѣлались принадлежностью служилыхъ людей. Но служилые люди должны были въ извѣстной степени дорожить крестьянами, какъ рабочей силой. Они удерживали за ними то владѣніе, которое было у нихъ. Вотъ почему это владѣніе также развилось, но исключительно въ формѣ обычнаго права. Въ однихъ мѣстностяхъ оно перешло изъ владѣнія цѣлыми родами во владѣніе „міромъ“ или въ такъ называемое общинное землевладѣніе. Въ другихъ мѣстностяхъ оно перешло въ личное или подворное владѣніе землями. Такъ развилось съ одной стороны землевладѣніе на основаніи обычнаго права, а съ другой землевладѣніе съ характеромъ чисто государственнаго права. Имѣнія служилыхъ людей не составляли ихъ частной собственности, замѣчаетъ Чичеринъ, но были только жалованымъ царя, которое отбиралось въ казну за малѣйшій проступокъ; земли тяглыхъ людей прямо считались собственностью государя, а крестьяне принадлежали помѣщику. Но въ древней Россіи рядомъ съ такимъ землевладѣніемъ государственнаго происхожденія существовало также вотчинное землевладѣніе на правѣ частной собственности. Это землевладѣніе приравнивается къ помѣстному, по мѣрѣ того, какъ общераспространяется обязанность всѣхъ дворянъ нести государственную службу. Уже съ XV в. военная служба становится обязательною не только для помѣстныхъ дворянъ, но и для вотчинниковъ и въ этомъ отношеніи исчезаетъ всякое различіе между помѣстьями и вотчинами. Земли отнимались при неисполненіи условій службы и выраженіе „отписать вотчину на государя“ имѣло большое значеніе во все время этого подчиненнаго государству землевладѣнія. Оно имѣло силу очень долго, до той поры, пока не выработалось понятіе о поземельной

собственности, какъ частномъ правѣ. Послѣднее появилось въ законодательствѣ лишь тогда, когда служебная повинность была снята съ дворянства жалованной грамотою Петра III и Екатерины II, причемъ въ 1785 г. явилось то опредѣленіе права полной поземельной собственности, которое принято и дѣйствующимъ законодательствомъ.

Сравнивая исторію нашего землевладѣнія съ исторіей его въ западной Европѣ, мы можемъ сказать, что наша служебная собственность имѣетъ не значительное сходство съ феодальнною или ленною собственностью. То и другое землевладѣніе имѣетъ подчиненный характеръ, но у насъ земля не была частою собственностью государственной власти, какъ на прим. въ Германіи, почему и была раздаваема не въ видѣ награды за прошедшую службу, но вообще за службу и въ интересахъ службы. „Одно изъ существеннѣйшихъ отличій нашего землевладѣнія отъ землевладѣнія въ западной Европѣ, говоритъ К. Побѣдоносцевъ, состоитъ въ слѣдующемъ. И тамъ, какъ у насъ, землевладѣніе состояло въ связи съ дружиннымъ элементомъ: въ феодальную эпоху оно стало привилегіей сословія носящаго оружіе, ходящаго на войну служилаго класса. Военное дѣло, служба—по рожденію человѣка, по сословію его—представлялась не личнымъ его правомъ, а должностью, обязанностью, представлялась лишь по колику была связана съ землевладѣніемъ. Человѣкъ шелъ на службу вмѣстѣ съ имѣніемъ своимъ и его и себя ставилъ въ подчиненіе, въ зависимость, въ вѣрность своему сеніору, принимая отъ него инвеституру ленную и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣніе его, пріобрѣтая твердость юридическую въ соединеніи съ правомъ верховной собственности, сохраняя единство и цѣльность свою. Человѣкъ называлъ своимъ именемъ дачу и самъ назывался по ея имени, имя это вмѣстѣ съ имѣніемъ переходило изъ рода въ родъ къ его дѣтямъ, и въ одной дачѣ никто кромѣ ея хозяина не могъ быть господиномъ мимо его права и мимо кровнаго союза съ нимъ никто не могъ взять на себя той дачи и господство надъ нею. На его землѣ могли сидѣть люди иного сословія, по договору съ нимъ или въ силу личнаго ему подчиненія, на личной передъ нимъ повинности, но никто изъ нихъ не дѣлилъ съ нимъ той земли. Такъ изъ рода въ родъ передавались вотчины, сохраняя свою цѣльность и не допуская смѣшенія разнопомѣстныхъ владѣльцевъ въ одномъ имѣніи. У насъ, напротивъ того, усиленіе государственной власти привело историческимъ путемъ къ закрѣпленію служилаго со-

словія на службу государству. Служилая повинность легла на все служилое сословіе. Эта повинность легла безусловно и не по землевладѣнію, но на лицѣ: человѣкъ обязанъ былъ служить не потому, что онъ владѣлецъ того или другаго имѣнія, не потому, что онъ принялъ инвеституру ленную отъ верховнаго владѣльца, но потому только, что онъ сынъ своего отца, бывшаго служилымъ человѣкомъ. Землевладѣніе было въ связи съ этою повинностью, но не было юридическимъ ея основаніемъ, ея причиною. Землевладѣніе, такъ сказать, шло за службою, но не предшествовало ей какъ резонъ, объяснялось службою, но не объясняло ея непосредственно. Служилый человѣкъ былъ въ то же время землевладѣльцемъ, потому что надобно же было ему сидѣть на чемъ нибудь, служить съ чего нибудь; но служба безъ землевладѣнія, хотя можетъ быть въ хозяйственномъ смыслѣ, въ экономіи служебнаго дѣла была не мыслима, не была въ смыслѣ юридическомъ явленіемъ не мыслимымъ“ (6).

Особое развитіе земледѣлія началось съ того времени, когда развились города, какъ центры обрабатывающихъ отраслей промышленности. Городъ представляетъ собою рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, размѣрами котораго начали опредѣляться размѣры земледѣльческаго производства. Расширеніе рынка для сбыта продуктовъ было причиною расширенія земледѣльческаго производства, привлеченія къ нему труда и капиталовъ. Такъ всѣ свободныя земли были уже заняты, то для расширенія производства необходимо было на томъ же пространствѣ увеличивать затраты и такимъ образомъ земледѣліе начало постепенно переходить изъ экстенсивнаго состоянія въ интенсивное или сосредоточенное хозяйство, при которомъ значительныя доли труда и капитала затрачиваются на небольшихъ поземельныхъ участкахъ. Спеціализація обработывающей промышленности въ городахъ въ свою очередь начинаетъ развиваться, возникаетъ производство въ большихъ размѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ поиски за рынками для сбыта продуктовъ. Населеніе постепенно переходитъ въ періодъ промышленно-торговый.

IV. Промышленно-торговый періодъ.

Характеристическая черта этого періода—развитіе городовъ и обработывающей промышленности, концентрирующейся въ городахъ. Населеніе дѣлится на два класа—сельскихъ и городскихъ жителей. Сель-

ское населеніе занимается преимущественно земледѣліемъ, скотоводствомъ, лѣсоводствомъ и т. п., между тѣмъ какъ городское населеніе, состоящее изъ купцовъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, занимается обрабатывающею промышленностью. Спеціализація занятій содѣйствуетъ развитію обмѣна, развитіе котораго въ свою очередь оказываетъ значительное вліяніе на спеціализацію занятій, переходящую въ раздѣленіе промышленныхъ операцій въ одномъ и томъ же промыслѣ. Произведенія труда получаютъ характеръ товаровъ и хозяйство становится денежнымъ. Деньги получаютъ настоящее значеніе въ качествѣ мѣрила цѣнности товаровъ и средства къ переходу ихъ изъ хозяйствъ въ хозяйства. Дальнѣйшее развитіе обмѣна встрѣчаетъ препятствіе въ недостаточномъ количествѣ денегъ, какъ орудій обмѣна, и это препятствіе преодолѣвается созданіемъ и развитіемъ кредита. Раздѣленіе занятій проникаетъ во всѣ отрасли народной дѣятельности, возникаютъ новые классы производителей, но уже не вещественныхъ предметовъ, а произведеній ума и искусства. Ученые, учителя, врачи, священники, юристы, художники и т. п. представители духовнаго творчества народа удовлетворяютъ духовнымъ потребностямъ общества и получаютъ вознагражденіе на равнѣ съ производителями вещественныхъ произведеній. Ихъ трудъ получаетъ значеніе цѣнности и служитъ къ увеличенію народнаго богатства. Возникаетъ въ небывалыхъ размѣрахъ примѣненіе науки къ хозяйственной дѣятельности, починъ которому даетъ Англія, стоящая въ главѣ промышленно-торговыхъ націй. Открытія Аркрайта и Уатта преобразуютъ мануфактруры и промышленность, движимая паромъ, растетъ съ быстротою не бывалою въ исторіи человѣчества. Милль такъ характеризуетъ этотъ періодъ экономической культуры: „Безъ обязательнаго труда ежегодно извлекается изъ земли громадное количество пищи, которымъ содержится, кромѣ людей, производящихъ его, такжъ же, а иногда и большее число работниковъ, занятыхъ производствомъ безчисленно разнообразныхъ предметовъ надобности и роскоши или перевозкою ихъ съ одного мѣста на другое, также множество лицъ, занятыхъ управленіемъ и надзоромъ по разнымъ дѣламъ, и кромѣ всѣхъ и выше всѣхъ этихъ людей находится еще классъ, болѣе многочисленный чѣмъ въ самыхъ роскошныхъ древнихъ обществахъ, состоящій изъ людей, занятія которыхъ не прямо производительны, и изъ людей безъ всякаго занятія. Пища, собираемая теперь, кормитъ на данномъ пространствѣ насе-

леніе гораздо болѣе значительное, чѣмъ когда либо прежде (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ) и кормитъ его безъ періодически повторяющихся случаевъ голода, столь частыхъ въ прежней исторіи Европы и до сихъ поръ не рѣдкихъ въ восточныхъ странахъ, такъ что оно имѣетъ пищу всегда вѣрную. Много увеличившись количествомъ, пища много улучшилась качествомъ и разнообразіемъ; предметы удобства и роскоши уже не ограничиваются не большимъ богатымъ классомъ, а проникаютъ въ большомъ изобиліи во многіе общественные слои, изъ которыхъ каждый слѣдующій шире предыдущаго. Совокупныя средства каждаго изъ этихъ обществъ обнаруживаютъ размѣръ невиданный прежде міромъ, когда выказываются для достиженія какой нибудь цѣли; каждое общество въ небывалыхъ прежде размѣрахъ можетъ содержать флоты и арміи; производить общественныя работы для украшенія и пользы, совершать національные акты благотворительности въ родѣ выкупа Вестъ-Индскихъ невольниковъ, основывать колоніи, давать образованіе своему населенію, словомъ дѣлать все, требующее издержекъ, и притомъ дѣлать все это не отнимая предметовъ необходимости или существеннаго удобства у своего населенія“.

На рядомъ съ этими блестящими сторонами рано обнаруживается и темная сторона. Производство товаровъ, т. е. производство, исключительно направленное къ созданію мѣновыхъ цѣнностей въ цѣляхъ сбыта, нерѣдко встрѣчаетъ затрудненія въ дѣлѣ сбыта, зависящія отъ конкурренціи производителей или недостатка потребителей. Возникаетъ борьба изъ за рынковъ для сбыта произведеній, въ которой побѣждаетъ тотъ, кто можетъ дешевле сбывать свои товары.

Удешевленіе достигается съ одной стороны механическими улучшеніями, примѣненіемъ такихъ двигателей, какъ паръ, электричество и т. п., а съ другой разширеніемъ размѣровъ производства, благодаря чему мелкая промышленность подавляется среднею и крупною. Выгоды производства вступаютъ въ коллизію съ интересами производителей, тѣмъ болѣе, что въ числѣ средствъ удешевленія товаровъ прибѣгаютъ къ уменьшенію заработной платы. Все это приводитъ къ возникновенію обездоленнаго состоянія рабочихъ массъ, относящихся враждебно къ строю, при которомъ имъ нѣтъ мѣста „на пиру природы“ и склонныхъ раздѣлять утопіи, отрицающія всѣ принципы общежитія. Такое вполнѣ враждебное отношеніе не можетъ не вызывать вполнѣ основательныхъ опасеній. Одинъ изъ англійскихъ писателей

высказываетъ по этому поводу слѣдующее соображеніе: „я помню, что А. Смитъ и Гиббонъ утверждали, будто цивилизацію никогда не уничтожатъ опять варвары. Потопъ, говорили они, не воротится, что бы снова затопить землю. По видимому, они были правы, такъ какъ сравнивали неизмѣримую силу цивилизованной части міра съ слабостью той части, которая еще находилась въ состояніи варварства. Они спрашивали, откуда могутъ взяться тѣ гунны, тѣ вандалы, которые могли бы еще разъ разрушить цивилизацію? Но они забывали, что въ сердцѣ нашихъ великихъ городовъ, въ сосѣдствѣ съ самыми блестящими дворцами, церквями, театрами, библіотеками и музеями, порокъ, невѣжество и бѣдствіе могли породить болѣе дикую расу гунновъ, чѣмъ сражавшіеся при Аттилѣ, и вандаловъ, болѣе алчныхъ къ разрушенію, чѣмъ самые спутники Гензериха.“ Эта опасность начинаетъ все болѣе и болѣе сознаваться и возникаютъ требованія болѣе непосредственнаго регулированія государствомъ народнаго труда.

Необходимость такого регулированія вытекаетъ также изъ того, что не всѣ промышленно-торговые народы равны по своимъ промышленнымъ силамъ. Благодаря этому неравенству, болѣе развитые въ промышленномъ отношеніи народы отбиваютъ внутренніе рынки у менѣе развитыхъ, производительность которыхъ, не выдерживая борьбы, должна ослабѣвать и наконецъ приходитъ въ упадокъ. Съ упадкомъ промышленности массы населенія должны лишиться заработка, а вмѣстѣ съ этимъ должны ослабѣть и платежныя средства страны. Дальнѣйшее развитіе торговыхъ сношеній наконецъ приводитъ къ тому, что возникаетъ необходимость ограждать болѣе высокую культуру отъ первобытной. Высокое интенсивное земледѣліе современныхъ европейскихъ государствъ не выдерживаетъ конкурренціи съ земледѣліемъ Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки и Индіи, гдѣ ведется первобытная земледѣльческая культура, при которой въ производствѣ продукта главное участіе принадлежитъ даровымъ почвеннымъ и стихійнымъ дѣятелямъ, а не труду и капиталу. Не смотря на дальность разстояній, въ настоящее время земледѣльцы Индіи и Соединенныхъ Штатовъ могутъ свою пшеницу продавать на западно-европейскихъ рынкахъ такъ дешево, что отнимаютъ рынки у туземныхъ производителей, принужденныхъ продавать свой хлѣбъ съ убыткомъ. Такимъ образомъ высшая земледѣльческая культура оказывается не въ силахъ конкуррировать съ первобытнымъ земледѣліемъ.

Если государства не могутъ допустить упадка внутренней обрабатывающей промышленности, то тѣмъ болѣе они не могутъ допустить упадка земледѣлія, составляющаго основу народнаго благосостоянія. Огражденіе отъ конкурренціи въ томъ и другомъ отношеніи представляется экономически неизбѣжнымъ. Но результаты огражденія не могутъ не вызывать цѣлой системы мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію возможныхъ опасностей и затрудненій.

Выходъ изъ этихъ затрудненій дается переходомъ народной промышленности въ національно-экономическій періодъ, зараждающійся въ настоящее время и долженствующій преобразовать культуру современныхъ промышленно-торговыхъ народовъ.

V. *Національно-экономическій періодъ.*

Мысль о необходимости огражденія внутренняго производства отъ иностранной конкурренціи возникла давно, но только въ послѣднее время она получила то жизненное значеніе, благодаря которому производительная дѣятельность западно-европейскихъ народовъ начинаетъ націонализироваться, обособляться въ особые экономическіе огранизмы. Поворотъ, совершающійся на нашихъ глазахъ, только частью можетъ быть объясненъ политическими причинами, стремленіемъ европейскихъ народовъ къ политическому объединенію на принципѣ національности. Въ основаніи его нельзя не видѣть чисто экономическихъ причинъ, заявляющихъ о себѣ съ особою силою въ настоящее время и далеко не имѣвшихъ подобнаго вліянія въ прежнее время. Наиболѣе поучительнымъ въ данномъ случаѣ является исторія сельско-хозяйственной производительности въ связи съ исторіей государственныхъ мѣръ, направленныхъ къ регулированію ея путемъ упорядоченія хлѣбной торговли.

Еще въ XIV столѣтіи англійскіе сельскіе хозяева начали требовить запрещенія ввоза иностраннаго хлѣба, ссылаясь, конечно, на трудность при свободѣ международной торговли вести хозяйство въ своихъ имѣніяхъ. Въ 1329 г. при Эдуардѣ III былъ изданъ законъ, по которому запрещался ввозъ пшеницы, ржи и ячменя, если цѣны на эти хлѣба внутри страны не будутъ выше опредѣленнаго закономъ уровня. Считалось что только при извѣстныхъ цѣнахъ возможна

внутри страны земледѣльческая культура и если привозный хлѣбъ ведетъ къ уменьшенію этихъ цѣнъ, то внутреннее земледѣліе не въ состояніи конкуррировать съ иностраннымъ, почему и должно быть ограждено запрещеніемъ ввоза. Въ послѣдующее время предѣльныя цѣны, по требованію землевладѣльцевъ, были значительно повышаемы, какъ наприм. въ 1593, 1604, 1623, 1660, 1663 и 1670 гг. Вмѣстѣ съ этимъ англійскіе землевладѣльцы пользовались покровительствомъ, состоявшимъ въ обложеніи пошлинами привознаго хлѣба и въ выдачѣ премій за вывозъ хлѣба. Всѣ такія стѣсненія вызывали массу неудовольствій въ народѣ, вызывали волненія и бунты. Противъ бунтовъ предпринимались строгія карательныя мѣры и нерѣдко значительно смягчалось покровительство землевладѣльцамъ, но послѣднее въ общемъ имѣло преобладающее значеніе. Въ текущемъ столѣтіи наибольшее стѣсненіе ввоза было установлено въ 1815 году. По закону этого года безпрепятственно разрѣшалось привозить иностранный хлѣбъ и складывать въ особые магазины, но въ продажу этотъ хлѣбъ могъ поступать лишь при цѣнѣ за квартеръ пшеницы не ниже 80 ш., ржи—53 ш., ячменя 40 ш., овса 26 ш., при чемъ была сдѣлана не большая уступка лишь для хлѣба, привозимаго изъ англійскихъ колоній. Въ слѣдующіе годы эти предѣльныя цѣны были понижаемы и наконецъ подъ вліяніемъ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, во главѣ которой стоялъ Р. Кобденъ, въ 1849 г. ограниченія ввоза отмѣнены и введена однообразная пошлина въ 1 ш. съ квартера, отмѣненная въ 1869 году ([7]).

Все это законодательство въ дѣйствительности было вызвано не интересами земледѣлія, но интересами поземельныхъ собственниковъ, пріобрѣвшихъ значительное вліяніе на законодательство страны и воспользовавшихся этимъ вліяніемъ для своихъ выгодъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи нисколько не повліяла на ухудшеніе англійскаго земледѣлія, а на противъ того подъ вліяніемъ иностранной конкурренціи сельскіе хозяева должны были заняться улучшеніями, благодаря которымъ англійское земледѣліе быстро поднялось ([8]).

Такой же характеръ носило и законодательство другихъ западноевропейскихъ государствъ. Покровительство было оказываемо землевладѣльцамъ, а не земледѣлію, такъ какъ въ дѣйствительности интересы земледѣльческой культуры не вызывали необходимости въ ог-

ражденіи. Въ настоящее время, благодаря облегченію сношеній американскіе и индійскіе производители хлѣба на столько приблизились къ западно-европейскимъ рынкамъ, что сельскіе хозяева З. Европы не могутъ не опасаться за будущность своей культуры. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы западно-европейскихъ сельскихъ хозяевъ на невозможность при такой конкурренціи продолжать интенсивную земледѣльческую культуру. Жалобы эти признаются вполнѣ основательными всѣми, кто знакомъ съ условіями сельско-хозяйственнаго производства. Способна ли Европа бороться въ сельско-хозяйственномъ отношеніи съ такою страною, какъ на прим. Индія? Вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ А. В. Совѣтова: Если германскія хлѣбныя пошлины можно еще объяснять причинами не столько хозяйственными, сколько политическими, то въ примѣненіи къ Франціи „это объясненіе уже вовсе не можетъ имѣть мѣста. *Здѣсь вопросъ становится ребромъ.* Пошлины на хлѣбъ предполагаются именно для охраненія собственнаго производства, и это дѣлается во Франціи, странѣ демократической по преимуществу, съ большими городами, населеніе которыхъ требуетъ обезпеченія своихъ первыхъ потребностей очень настойчиво! Но если, не смотря на это, Франція вводитъ таможенныя пошлины на привозный хлѣбъ, рискуя опасными народными волненіями, то, очевидно, обстоятельства, заставляющія прибѣгнутъ къ такой мѣрѣ, также должны быть весьма серьезны. Въ самой Англіи, наконецъ, мы встрѣчаемъ явленія весьма замѣчательныя для нашего времени. Въ Англіи, которая для продовольствія своего населенія вынуждена скупать хлѣбъ со всего земного шара, мѣстные производители хлѣба оказываются не въ состояніи поставлять его на свои рынки, потому что тамъ привозный хлѣбъ продается дешевле. Уже теперь имѣются поразительныя данныя о томъ, что въ Англіи замѣчается паденіе цѣнъ на землю“ (9). Дѣйствительно, это „явленія замѣчательныя для нашего времени.“ Хлѣбныя пошлины, установляемыя теперь въ Германіи и Франціи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть подводимы къ одному знаменателю съ пошлинами, существовавшими въ прежнее время. Послѣднія оказывали покровительство собственникамъ земли и не были вызваны насущными интересами землѣдѣлія. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Въ западной Европѣ почти вездѣ господствуетъ въ большей или меньшей степени интенсивная культура, при которой начинаетъ дѣйствовать извѣстный законъ несоот-

вѣтствія между увеличеніемъ затратъ и увеличеніемъ продукта съ даннаго пространства, т. е. законъ, по которому каждая единица продукта является результатомъ овеществленія большаго количества труда и капитала, чѣмъ при экстенсивномъ хозяйствѣ, гдѣ продуктъ является въ значительной степени результатомъ даровыхъ почвенныхъ и стихійныхъ дѣятелей. Необходимо при этомъ также не забывать, что такія страны, какъ Соединенные Штаты, обладающіе громадными невоздѣланными пространствами земли, на которыхъ ведется первобытное экстенсивное земледѣліе, въ то же время къ первобытной культурѣ присоединяютъ все лучшее, что выработано многовѣковымъ развитіемъ европейской культуры, пользуются такъ называемыми отрицательными" улучшеніями, сокращающими трудъ, уменьшающими издржки производства. Экстенсивное хозяйство, примѣняющее паръ къ обработкѣ земли и молотьбѣ хлѣба, пользующееся всевозможными усовершенствованными орудіями и машинами, доставляющее свои продукты на самые отдаленные рынки по усовершенствованнымъ путямъ сообщеній представляетъ собою такую силу, съ которою европейское интенсивное земледѣліе бороться при настоящихъ условіяхъ не можетъ. Если борьба низшей мануфактурной культуры съ высшею напоминаетъ собою борьбу карлика съ великаномъ, то борьба такой экстенсивной культуры съ интенсивною равносильна кулачной борьбѣ мускулистаго дикаря съ нервно-развитымъ европейцемъ, уже давно утратившимъ ту мускульную силу, какую и его предки имѣли, когда были дикарями. Побѣда въ такой борьбѣ очевидно не на сторонѣ послѣдняго.

Эта борьба вызываетъ тревожныя опасенія не только въ западно-европейскихъ государствахъ, но также и съ средѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Съ каждымъ годомъ новыя страны начинаютъ вытѣснять нашъ хлѣбъ изъ западно-европейскихъ рынковъ. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія Россія считалась единственной „житницей Европы" и дѣйствительно имѣла господствующее значеніе на западно-европейскихъ рынкахъ, вывозя на годъ не болѣе 1, 7 милл. четвертей. Въ пятидесятыхъ годахъ этотъ вывозъ увеличился до 5-6 мил. четвертей и урожаемъ въ Россіи опредѣлялись цѣны хлѣба на западѣ. Теперь это господство утрачено, не смотря на то, что вывозъ достигаетъ до 30 мил. четвертей. Соединенные штаты сѣверной Америки, вывозившіе въ пятидесятыхъ годахъ не болѣе 2 мил. четвертей хлѣба, теперь вывозятъ его ежегодно до 50 мил. четвертей. Какъ быстро идетъ

въ этой странѣ увеличеніе хлѣбной производительности, можно судить по слѣдующимъ даннымъ о сборѣ пшеницы. Собрано пшеницы въ

1863 г. — 173 милл. буш.
1870 „ — 236 „ „
1875 „ — 292 „ „
1876 „ — 289 „ „
1877 „ — 364 „ „
1878 „ — 420 „ „
1879 „ — 449 „ „
1880 „ — 498 „ „
1881 „ — 380 „ „
1882 „ — 504 „ „

Не смотря на громадное увеличеніе населенія, увеличеніе производства пшеницы значительно превышаетъ приростъ населенія. На каждаго жителя приходилось въ

1849 г. — $4^1/_3$ буш.
1859 „ — $5^1/_2$ „
1869 „ — $7^1/_4$ „
1879 „ — 9 „

Иногда высказывается мнѣніе, что это увеличеніе хлѣбнаго производительности въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ собою опасность временную, которая должно быстро исчезнуть, такъ какъ для новыхъ поселенцевъ свободныхъ земель становится все меньше и меньше, благодаря чему и тамъ населеніе должно перейти къ интенсивной земледѣльческой культурѣ и такимъ образомъ условія производительности уравнятся. Но, по справедливому заключенію В. И. Ковалевскаго, здѣсь упускаютъ изъ виду одно важное обстоятельство, именно количество необработанныхъ земель, входящихъ въ составъ существующихъ фермъ, а количество это громадное. Такъ на 4 мил. фермъ, заключающихъ въ себѣ 536 мил. экровъ, приходится необработанныхъ земель 251 м. экровъ. Очевидно, есть куда *шириться* культурѣ пшеницы и было бы крайне оптимистично смотрѣть, будто уменьшеніе площади подъ новыя поселенія поставляетъ близкій предѣлъ этой культурѣ ([10]). Но конкурренція дешеваго хлѣба Соединенными Штатами не ограничивается; дешевый хлѣбъ начинаетъ получаться изъ Канады, Австраліи и особенно изъ Индіи. Индія является опаснымъ конкуррентомъ даже для Соединенныхъ Штатовъ. Культурой пшеницы индій-

скіе сельскіе хозяева занялись не болѣе, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, между тѣмъ съ 1879 г. отпускъ хлѣба съ 600,000 четв. увеличился до 8 милл. четвертей въ 1883 г. „Правительство употребляетъ всевозможныя мѣры къ поднятію индійскаго земледѣлія; тамъ имѣется въ настоящее время до 11.000 миль желѣзнодорожнаго пути, расширяющагося съ каждымъ годомъ и не далеко то время, когда Англія, получая 80—92% всего вывоза индійской пшеницы и имѣя около $^2/_3$ всего торговаго оборота Индіи на свои издѣлія, начиная отъ манчестерскихъ фабрикъ и кончая чугунными изображеніями индійскихъ боговъ, пожелаетъ сдѣлать *свою* Индію мѣстомъ обмѣна своихъ произведеній на нужный ей ежегодный ввозъ пшеницы въ 20—25 милл. четвертей". Вотъ почему, въ вопросѣ о конкурренціи, съ точки зрѣнія терпящихъ отъ нея странъ, „приходится считать „своимъ" бѣдствіемъ такіе грандіозные, міроваго значенія, способы сокращенія дальнихъ путей, какъ наприм. прорытіе Суэзскаго и Панамскаго каналовъ. Суэзскій каналъ съ 1870 г. приблизилъ нашего теперешняго конкуррента Индію къ нашимъ до 1860 г. хлѣбнымъ рынкамъ (Лондонъ, Марсель и т. п.); то же самое сдѣлаетъ черезъ 4—5 лѣтъ Панамскій каналъ, приблизивъ къ Европѣ Австралію и западные Штаты сѣверной Америки, наприм. Калифорнію, Орегонъ и др., въ которыхъ уже теперь съ особою быстротою развивается культура пшеницы" ([11]).

Теперь желѣзныя дороги въ Индіи, говоритъ по этому же поводу А. В. Совѣтовъ, только начинаютъ доходить до хлѣбородныхъ мѣстъ, но когда они пройдутъ дальше, то трудно даже сообразить, какія измѣненія произойдутъ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ. „*Лессепсъ въ этомъ отношеніи прорытіемъ Суэзскаго канала человѣчеству оказалъ услугу—подалъ хлѣбъ, а намъ, производителямъ послѣдняго, камень.* Но построивъ Суэзскій каналъ, онъ въ настоящее время занятъ сооруженіемъ Панамскаго канала. Съ открытіемъ же Панамскаго канала въ Европѣ явится калифорнская пшеница къ вящшему облегченію потребителей и къ большему затрудненію производителей хлѣба, въ томъ числѣ и русскихъ. Какъ извѣстно, вывозъ хлѣба изъ Россіи составляетъ громадную часть нашего отпуска. Но если отпускъ этотъ остановится, если наши запасы хлѣба останутся у насъ, то спрашивается, что станетъ съ нашей международной торговлей? Это не то, что закрытіе какой нибудь одной фабрики вслѣдствіе уменьшившагося спроса на наши мануфактурныя издѣлія въ Бухарѣ,—

нѣтъ, значеніе этого явленія будетъ гораздо шире. Вѣдь есть страны, которыя прежде были житницами другихъ, каковы Сицилія, Малая Азія и т. п., но которыя теперь сами, какъ Сицилія, покупаютъ хлѣбъ. И можетъ случиться, что въ исторіи человѣчества чрезъ 200—300 лѣтъ, говоря объ интересныхъ временахъ нашего вѣка, когда появился дешевый хлѣбъ, въ числѣ странъ, которыя затерты были международною экономическою борьбою и обратились въ пустыню, назовутъ и нашу страну. Конечно, съ точки зрѣнія всемірной исторіи паденіе одной страны уравновѣшивается возвышеніемъ другой, но мнѣ не хотѣлось бы быть въ той странѣ, какая подлежитъ паденію“ ([12]).

Возможность паденія отъ дешеваго хлѣба не подлежитъ сомнѣнію. Этотъ дешевый хлѣбъ на дѣлѣ легко превратится въ пращу, брошенную новымъ свѣтомъ въ стараго культурнаго Голіафа. Противъ этой опасности и начинаютъ предпринимать мѣры современные европейскіе народы. Но видѣть спасеніе только въ установленіи тарифовъ на привозный хлѣбъ врядъ ли основательно. Необходимъ систематическій рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы облегчить населенію пріобрѣтеніе хлѣба мѣстнаго производства. Это возможно не иначе, какъ при широкомъ развитіи въ каждой странѣ всѣхъ не земледѣльческихъ отраслей промышленности. Развитіе не земледѣльческаго труда увеличитъ доходы потребителей хлѣба и дастъ средства оплачивать трудъ земледѣльца. Это развитіе должно обнаружиться въ удешевленіи произведеній не земледѣльческихъ отраслей промышленности, благодаря чему сбытъ ихъ долженъ значительно распространиться въ массахъ населенія и такимъ образомъ возрастетъ доходъ самихъ производителей. Это облегчитъ пріобрѣтеніе хлѣба, ограждаемаго отъ иностранной конкурренціи, въ двухъ отношеніяхъ. Потребители произведеній обрабатывающихъ отраслей промышленности освободятъ часть капитала, затрачиваемаго ими на пріобрѣтеніе этихъ произведеній. Если каждому будетъ обходиться на половину дешевле пріобрѣтеніе платья, обуви, мебели и т. п., то въ размѣрѣ этого удешевленія увеличатся ихъ средства для удовлетворенія нуждъ въ хлѣбѣ и вообще въ продуктахъ сельскаго хозяйства. Такъ какъ каждый является потребителемъ произведеній не земледѣльческихъ отраслей труда, то каждый же при удешевленіи ихъ получитъ больше средствъ къ пріобрѣтенію хлѣба. Съ другой стороны въ той мѣрѣ, въ какой населеніе, занимающееся не земледѣльческимъ трудомъ, представляетъ собою ры-

нокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, увеличеніе доходовъ этой части населенія равносильно также облегченію въ пріобрѣтеніи земледѣльческихъ продуктовъ. Къ этому и начинаютъ въ настоящее время стремиться нѣкоторыя изъ западно-европейскихъ государствъ, съ одной стороны покровительствующія туземному земледѣлію огражденіемъ его отъ иностранной конкурренціи, а съ другой предпринимающія рядъ мѣръ къ развитію въ странѣ не земледѣльческихъ отраслей труда.

Подобный же выходъ изъ затрудненій долженъ быть данъ и нашей производительности. Иностранные рынки для сбыта нашего хлѣба съ каждымъ годомъ уходятъ отъ насъ и сельскіе хозяева встрѣчаютъ затрудненія въ сбытѣ хлѣба, съ каждымъ годомъ увеличивающіяся. Въ будущемъ эти затрудненія не уменьшатся, но скорѣе увеличатся, такъ какъ многія изъ странъ, потребляющихъ нашъ хлѣбъ, ограждаютъ свое земледѣліе таможенными пошлинами не только отъ американскаго и индійскаго хлѣба, но также и отъ русской пшеницы. Чѣмъ полнѣе и систематичнѣе будетъ это огражденіе, тѣмъ больше затрудненій будутъ имѣть наши сельскіе хозяева въ дѣлѣ сбыта своего хлѣба. Очевидно, надѣяться на успѣшный внѣшній сбытъ нѣтъ у насъ положительно никакихъ основаній. Необходимо организовать внутренній рынокъ для сбыта нашего хлѣба. Теперь лучшіе сорта хлѣба мы отправляемъ за границу и ведемъ конкурренцію съ иностранными производителями хлѣба въ томъ, кто доставитъ лучшій и болѣе дешевый хлѣбъ иностраннымъ потребителямъ. Не лучше ли этотъ хлѣбъ оставлять у себя дома, доставивъ его массамъ населенія, нуждающимся въ хлѣбѣ? Для этого необходимо дать средства населенію потреблять тотъ лучшій хлѣбъ, который въ настоящее время идетъ за границу. Для увеличенія средствъ нашихъ потребителей покупнаго хлѣба необходимо поднятіе обрабатывающей промышленности, развитіе мануфактуръ, фабрикъ, заводовъ, кустарныхъ промысловъ и т. п. Неземледѣльческій трудъ представляетъ собою рынокъ для сбыта продуктовъ земледѣлія и развитіе этого рынка составляетъ прямую задачу національно-хозяйственной политики. Основнымъ принципомъ этой политики необходимо признать положеніе, что *произведенія труда націи должны принадлежать самой націи и только избытками производства страна можетъ обмѣниваться съ другими странами, получая отъ послѣднихъ то, чего не можетъ сама производить.* Съ точки

зрѣнія національно-хозяйственной политики необходимо признать настоящимъ абсурдомъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ страна ведетъ борьбу съ другими странами изъ за того, которой изъ нихъ будетъ принадлежать тяжолый трудъ прокормленія иностранцевъ, между тѣмъ какъ собственное ея населеніе не имѣетъ возможности пріобрѣтать этотъ хлѣбъ, довольствуясь вмѣсто пшеницы рожью. Вся страна выграетъ отъ того, что этотъ абсурдъ наконецъ перестанетъ существовать. Необходимость такой политики была уяснена еще А. Смитомъ въ его прекрасномъ анализѣ отношеній между городомъ, какъ представителемъ не земледѣльческихъ отраслей труда, и деревней, представляющей земледѣльческую промышленность.

Торговыя сношенія между городомъ и деревней состоятъ въ обмѣнѣ сырыхъ произведеній на произведенія обработанныя. Деревня доставляетъ городу средства къ существованію его жителей и матеріалы для фабрикъ; городъ даетъ жителямъ деревни продукты своихъ фабрикъ. Но можно ли сказать, что городъ живетъ на счетъ деревни? Выгоды какъ города, такъ и деревни, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ А. Смитъ, находятся между собою въ неразрывной зависимости. Интересъ деревни заключается въ возможно полномъ удовлетвореніи требованій города, какъ и наоборотъ. Раздѣленіе труда доставляетъ общую пользу всѣмъ людямъ, спеціализировавшимъ свой трудъ. Деревня получаетъ изъ города обработанныя произведенія съ гораздо меньшими издержками, чѣмъ тѣ, которыя потребовались бы при самостоятельномъ производствѣ городскихъ продуктовъ. Съ другой стороны, городъ представляетъ собою рынокъ для сбыта продуктовъ, производимыхъ въ деревнѣ. Чѣмъ богаче городъ, чѣмъ многочисленнѣе его жители, тѣмъ обширнѣе такой рынокъ, тѣмъ больше сбыта продуктовъ деревни и, слѣдовательно, тѣмъ больше выгоды послѣдней. „Сравните земли, лежащія вблизи городовъ, съ землями отдаленными отъ послѣднихъ, и вамъ легко будетъ убѣдиться въ пользѣ, проносимой городомъ сельскому хозяйству“. И такъ, городъ не живетъ на счетъ деревни, деревня не живетъ на счетъ города, но благосостояніе и города и деревни взаимно обусловливается. Развитіе мануфактурной промышленности требуетъ развитія сельско-хозяйственной, какъ и наоборотъ— развитіе сельско-хозяйственной промышленности обусловливается развитіемъ мануфактурной.

Благосостояніе людей, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, обу-

словливается благосостояніемъ людей, занимающихся всѣми не земледѣльческими отраслями труда, какъ и на оборотъ.

Еще лучше это уяснено американскимъ экономистомъ Кэри. Изъ изложеннаго А. Смитомъ закона солидарности между сельскимъ хозяйствомъ и другими отраслями промышленности, Кэри выводитъ положеніе, что для полнаго единенія между селомъ и городомъ, сельскимъ хозяйствомъ и мануфактурами необходима *близость* между сельскимъ производителемъ и городскимъ потребителемъ. Сельскій хозяинъ, говоритъ онъ, никогда не долженъ забывать, что онъ ни болѣе, какъ заемщикъ у великаго банка, называемаго землей. Въ этомъ банкѣ требуется столько же аккуратности, какъ и въ лучшихъ банкахъ образованныхъ государствъ. Но аккуратность такая не мыслима при отдаленности между сельскимъ производителемъ и городскимъ потребителемъ, при отсутствіи или слабомъ развитіи внутренней мануфактурной промышленности. Во всѣхъ случаяхъ такой отдаленности сельскій хозяинъ не имѣетъ возможности возстановлять производительныя силы земли. Трудность возвратить удобреніе, значительныя издержки, необходимыя для доставки продуктовъ на отдаленные рынки и тому подобныя обстоятельства производятъ то, что сельскій хозяинъ постоянно продаетъ частицы своей почвы, образующей его капиталъ. Безъ внутренней мануфактурной промышленности страна въ видѣ сырыхъ продуктовъ вывозитъ лучшую часть своей почвы, производительность которой слабѣетъ и наконецъ приходитъ въ окончательный упадокъ. Съ другой стороны, при отдаленности городскаго потребителя, сельскій хозяинъ не можетъ производить многихъ продуктовъ, не выдерживающихъ издержекъ на транспортъ, разнообразіе въ сельскохозяйственномъ производствѣ для него не мыслимо. Производитель, находящійся вблизи города „находится въ положеніи ассекуратора, имѣющаго тысячу шансовъ, изъ которыхъ каждый день нѣкоторые удаются; напротивъ того, отдаленный сельскій хозяинъ находится въ положеніи человѣка, который все свое состояніе ввѣрилъ одному кораблю. При самомъ концѣ плаванія, корабль можетъ разбиться о берегъ вблизи гавани, и владѣлецъ раззоренъ.“

Эта мысль американскаго экономиста съ каждымъ днемъ получаетъ все большее и большее значеніе, являясь основаніемъ національно-хозяйственной политики.

Осуществленіе этого основнаго принципа національно-хозяйственной экономіи, можно думать, дастъ культурнымъ народамъ стараго свѣта также средство къ удешевленію хлѣба. Существуетъ экономическая сила, дающая возможность въ извѣстной мѣрѣ бороться съ закономъ возрастанія хлѣбныхъ цѣнъ при развитіи интенсивнаго хозяйства. Эта сила состоитъ въ удешевленіи капитала, что зависитъ отъ развитія неземледѣльческихъ отраслей труда, т. е. отъ той же національно-экономической политики.

Какъ мы уже говорили, признаніе высокихъ цѣнъ хлѣба необходимымъ условіемъ для существованія въ странѣ интенсивной культуры имѣетъ въ своемъ основаніи извѣстный законъ непропорціональности между затратами и чистымъ доходомъ. При данной техникѣ удвоенный трудъ въ приложеніи къ землѣ не даетъ удвоеннаго продукта; такъ напримѣръ, по исчисленіямъ Тюнена, увеличеніе навоза на $1^1/_2$ дюйма, вмѣсто того, чтобы увеличить плодородіе земли въ $1^1/_2$ раза, увеличиваетъ его всего на $^1/_8$ зерна, т. е. на $^3/_8$ менѣе, нежели могло бы быть, если бы увеличеніе издержекъ производства сопровождалось соотвѣтствующимъ увеличеніемъ произведеній. Наглядно эту господствующую въ сельско-хозяйственныхъ наукахъ доктрину можно представить на слѣдующемъ примѣрѣ. При первобытной культурѣ чистый доходъ составляетъ громадный процентъ валоваго; затрачивая на данномъ пространствѣ, напримѣръ, 10 руб., сельскій хозяинъ получаетъ валоваго дохода 100 руб., т. е. чистый доходъ въ валовомъ занимаетъ $90^0/_0$. При высокой интенсивной культурѣ на томъ же пространствѣ затрачивается, положимъ, 2000 р. и получается валоваго дохода 3000 руб., т. е. чистый доходъ въ валовомъ составляетъ $33^1/_3{}^0/_0$. Въ первомъ случаѣ сто единицъ продукта получалось въ результатѣ затраты 10 руб., а во второмъ для полученія тѣхъ же ста единицъ продукта приходится затратить $66^2/_3$ рубля. Вотъ почему, говорятъ намъ, интенсивная культура не мыслима безъ возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ безъ послѣдняго не мыслимо увеличеніе затратъ для производства продукта. Если издержки производства увеличиваются въ шесть разъ, то въ такой же пропорціи должны возвыситься и цѣны, иначе невозможно хозяйство. Вотъ почему необходимо таможенное огражденіе интенсивной культуры отъ конкурренціи съ интенсивною культурою, не пользующеюся услугами агрономической науки.

Но возможно созданіе такихъ благопріятныхъ условій, при которыхъ и при интенсивной культурѣ цѣны хлѣба могутъ быть не высоки.

Если въ дѣйствительности при переходѣ къ высоко—интенсивной культурѣ цѣны хлѣба возвысятся пропорціонально увеличенію затратъ, т. е. если цѣны на хлѣбъ возвысятся, напримѣръ, въ шесть разъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ въ шесть разъ издержекъ производства хлѣба, то, какъ всякому должно быть ясно, при этомъ переходѣ отношеніе между чистымъ и валовымъ доходами должно остаться безъ всякаго измѣненія. Если на низшихъ ступеняхъ развитія чистый доходъ въ валовомъ занималъ 90 %, то такой же процентъ онъ будетъ занимать и при самой высокой интенсивной культурѣ. Но это противорѣчило бы всѣмъ извѣстному факту пониженія процента съ капиталовъ, затрачиваемыхъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, не исключая и земледѣлія, и при такихъ условіяхъ въ дѣйствительности земледѣліе представляло бы собою какую-то исключительно привиллегированную отрасль промышленности, дающую монопольные проценты на затрачиваемый капиталъ. Но какимъ же образомъ можетъ быть возможно веденіе хозяйства при неизмѣненіи цѣнъ, между тѣмъ какъ увеличиваются затраты?

Намъ кажется, что примѣненіе въ странѣ интенсивной культуры должно бы зависѣть не отъ цѣнъ, но отъ процента на капиталы. Если высокая интенсивная культура даетъ валоваго дохода 3000 руб., при затратахъ въ 2000 руб., то такая культура, при неизмѣненіи цѣнъ, вполнѣ возможна въ томъ случаѣ, если чистый доходъ предпріятій въ странѣ понизился до того, что составляетъ въ валовомъ доходѣ 33 1/3 %. При первобытной культурѣ на 10 рублей затраты получается 90 р., или капиталъ въ хозяйствѣ приноситъ 900 %; при иитенсивной культурѣ 2000 р. затраты даютъ всего 3000 р., т. е. затраченный въ предпріятіе капиталъ приноситъ 50 %. Очевидно, если въ странѣ капиталы приносятъ только 50 %, то принятіе вполнѣ интенсивнаго хозяйства, при которомъ въ каждой единицѣ продукта затрачивается въ шесть разъ болѣе сравнительно съ первобытнымъ хозяйствомъ, вполнѣ возможно при тѣхъ же хлѣбныхъ цѣнахъ, какія существовали во время господства этого послѣдняго хозяйства. Для достиженія этого необходимо общее поднятіе производительности и удешевленіе капиталовъ, что и составляетъ коренную задачу націо-

нально-хозяйственной политики. Изученіемъ условій осуществленія этой задачи и занимается національно-экономическая наука. Будущее укажетъ въ какой мѣрѣ констатируемое нами новое направленіе экономической культуры европейскихъ народовъ окажется дѣйствительно благотворнымъ. Быть можетъ задача окажется слишкомъ трудною и культурные народы стараго свѣта должны будутъ уступить мѣсто юнымъ народамъ, какъ сами европейскіе народы заняли культурное мѣсто нѣкогда великихъ народовъ древняго міра.

(1) Д. С. Милль Осн. полит. экон. см. введеніе. G. Schönberg. Handbuch der politischen Oekonomie стр. 21 и слѣд. P. Cauvés. Précis du cours d'écon. politique, т. 1. стр. 48 и слѣд. В. Рошеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію и другимъ отраслямъ первоначальной промышленности т. 1. стр. 16—71. Н. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Москва. 1883 г. (2) L'anthropophagie et les sacrifices humains, par M. de Nadaillac. Revue des deux Mondes. 1884 (3) Н. Зиберъ, стр. 14—16. (4) Ibid. стр. 65—66. (5-6) Курсъ гражданскаго права т. 1-й стр. 89 - 90. (7) Историческій очеркъ хлѣбнаго законодательства систематически изложенъ въ книгѣ П. И. Георгіевскаго: Международная хлѣбная торговля. С.-Петербургъ, 1885 г. (8) Этими объясняется то, почему и такіе экономисты, какъ Д. Рикардо, рѣзко возставали противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Рикардо по поводу хлѣбныхъ пошлинъ говорилъ: „Если выгоды землевладѣльца имѣютъ достаточную важность для того, что бы удержать насъ отъ усвоенія себѣ всѣхъ тѣхъ благодѣяній, которыя послѣдовали бы отъ ввоза къ намъ хлѣба по дешевой цѣнѣ, то онѣ должны также заставить насъ отречься и отъ всякихъ улучшеній въ земледѣліи и въ хозяйственныхъ орудіяхъ, ибо не менѣе достовѣрно, что всѣ эти улучшенія, дѣлая хлѣбъ дешевле и понижая ренту и податную способность землевладѣльца, по крайней мѣрѣ на время наносятъ ему такой же ущербъ, какъ и ввозъ хлѣба. И такъ, для того, что бы быть послѣдовательнымъ, намъ необходимо было бы однимъ и тѣмъ же актомъ какъ остановитъ введеніе улучшеній, такъ и запретить ввозъ хлѣба " Сочин. Д. Рикардо, пер. Н. Зибера, стр. 428. (9) Труды коммиссіи при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ по вопросу о внѣшней хлѣбной торговлѣ. Спб. 1885 г. стр. 4 - 5. (10) Объ условіяхъ и размѣрахъ производства и торговли хлѣбными продуктами въ Соед. Штатахъ сѣв. Америки. Индіи и др. странъ. В. И. Ковалевскій. Труды ком. по внѣшн. хлѣбн. торговлѣ стр. 64—65. (11) Труды и пр. стр. 289—286. (12) Ibid. стр. 5.

§ 2. Съ точки зрѣнія распредѣленія имуществъ исторія всякаго народнаго хозяйства можетъ быть раздѣленна на три періода: періодъ естественнаго или натуральнаго хозяйства, періодъ денежнаго хозяйства и наконецъ періодъ хозяйства кредитнаго. Каждый народъ начи-

наетъ свою экономическую культуру съ натуральнаго хозяйства, господствующаго въ теченіи продолжительнаго времени, не смотря на всѣ недостатки этой формы сношеній между людьми. Мало по малу по мѣрѣ накопленія драгоцѣнныхъ металловъ возникаетъ и постепенно развивается денежное хозяйство, значительно устраняющее недостатки перваго періода, но въ свою очередь являющееся недостаточнымъ для правильнаго развитія экономическихъ силъ, что устраняется появленіемъ кредита и развитіемъ кредитнаго хозяйства. Эти три ступени въ развитіи экономической культуры рѣзко отличаются одна отъ другой; на каждой изъ нихъ экономическая культура имѣетъ свои особенности, придающія опредѣленный характеръ всему строю жизни народа, но тѣмъ не менѣе во времени ихъ появленія нѣтъ такой рѣзкой грани. Низшая форма можетъ существовать въ странѣ и даже господствовать въ ней, но въ это же время зараждается высшая форма, постепенно растетъ и наконецъ получаетъ преобладающее значеніе (1).

I. Натуральное хозяйство.

Натуральное хозяйство состоитъ въ обмѣнѣ продуктовъ на продукты. Благодаря этому, мѣновая ассоціація не могла получить надлежащаго развитія. Каждый съ трудомъ могъ вступить въ мѣновую сдѣлку, такъ какъ для этого необходимо было встрѣтиться такимъ лицамъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ товаръ, спрашиваемый другимъ. Человѣкъ, имѣющій холстъ и желающій пріобрѣсть хлѣбъ, долженъ былъ отыскивать такого человѣка, который желалъ бы пріобрѣсть этотъ хлѣбъ и желалъ сбыть находящійся у него хлѣбъ. Понятно, при такихъ условіяхъ развитіе обмѣна не могло быть сколько нибудь значительно и въ каждомъ хозяйствѣ нужно было имѣть все, что необходимо было для удовлетворенія потребностей. Въ большинствѣ случаевъ это хозяйство является рабовладѣльческимъ и населеніе состоитъ изъ двухъ классовъ—землевладѣльцевъ и рабовъ. Государство по необходимости имѣетъ вотчинный характеръ и нужды его удовлетворяются натуральною повиностью. Наша помѣстная система обязана своимъ происхожденіемъ такому натуральному хозяйству. Въ древней Руси князья надѣляли служилыхъ людей землей вмѣсто жалованья. Въ первое время эти люди были вольными людьми, свободно переходив-

шими отъ одного князя къ другому, вступавшими въ личныя и временныя обязательства съ тѣмъ или другимъ княземъ. Такой свободой передвиженія пользовались и всѣ другія сословія, за исключеніемъ холоповъ, привязанныхъ къ личности господина. Но свобода передвиженія не могла не препятствовать службѣ и весьма рано начинаются стѣсненія ея въ интересахъ службы. Въ княженіе Ивана III встрѣчаемъ первую запись, въ которой князь Холмскій обязывается не отъѣзжать къ другимъ князьямъ. За тѣмъ временные договоры постепенно превращаются въ постоянные, вмѣстѣ съ чѣмъ служилые люди, прежде подписывавшіеся „слугами“, начинаютъ подписываться „холопами“. Въ этомъ измѣненіи названія, послѣдовавшемъ со временъ Василія Ивановича, по справедливому замѣчанію г. Чичерина, „нельзя не видѣть цѣлаго переворота въ судьбѣ служилаго сословія. Прежній вольный человѣкъ, свободно переѣзжавшій съ мѣста на мѣсто, свободно вступавшій въ договоры, дѣлается крѣпостнымъ, состоящимъ въ личной зависимости отъ князя. Вольные слуги не могли называть себя холопами иначе, какъ при совершенной перемѣнѣ отношеній. Слово холопъ было хорошо извѣстно людямъ того времени; передъ ихъ глазами существовали цѣлые разряды лицъ, которые носили это имя и состояли въ полной зависимости отъ господина. Съ нихъ-то оно и было взято для означенія новыхъ отношеній слугъ къ князьямъ. Возникающее государство не могло довольствоваться подчиненіемъ временнымъ и договорнымъ; оно искало отношеній постоянныхъ и стало уничтожать право отъѣзда какъ записями служилыхъ людей, такъ и условіями, которыми младшіе князья обязывались не принимать слугъ, отъѣзжающихъ отъ старшаго“ (2). Такому служилому человѣку давалось помѣстье, чтобы онъ могъ исполнять свои служебныя обязанности. Самое прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было вызвано интересами того же помѣстнаго землевладѣлія, какъ натуральной повинности, оплачиваемой землевладѣніемъ. По замѣчанію пр. Градовскаго, „закрѣпленіе и не свободное положеніе одного сословія въ государствѣ, того сословія, на которое больше всего опиралась дѣятельность правительства, требовали закрѣпленія другихъ классовъ въ пользу этого сословія“ (3). Законодатель, говоритъ по этому же поводу Бѣляевъ, „и крѣпостныхъ людей считалъ членами государства, а службу ихъ господамъ—государственною службою, только посредственною, т. е. крѣпостной человѣкъ, служа господину, тѣмъ самымъ служилъ госу-

дарству, которое считало себя въ правѣ принять и непосредственную его службу, ежели онъ самъ того желаетъ“ (поступить въ солдаты) (4).

Господствомъ натуральнаго хозяйства объясняются и другія характеристическія особенности государствъ на первыхъ ступеняхъ ихъ развитія. Такъ наприм. вотчинная полиція была неизбѣжна при существованіи натуральной повинности службою землевладѣльцевъ. У насъ, говоритъ Неволинъ, первоначально право помѣщика ограничивалось только полученіемъ и обращеніемъ въ свою собственность тѣхъ доходовъ отъ помѣстья, которые принадлежали самой казнѣ, а отъ нея были ему предоставлены. Въ послѣдствіи вотчинники надѣлялись политическими правами, на основаніи грамотъ. „На основаніи такихъ грамотъ вотчинникъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще въ отношеніи къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался на основаніи жалованной грамоты частный владѣлецъ по отношенію къ своей вотчинѣ. Онъ получалъ правительственную власть надъ лицами, жившими на его землѣ. Онъ дѣлался судьею ихъ не только по дѣламъ гражданскимъ, но и по дѣламъ уголовнымъ, исключая дѣлъ о воровствѣ, разбоѣ и душегубствѣ, которыя впрочемъ иногда также ему поручались“ (5). Такъ какъ вотчинникъ былъ служащимъ государству человѣкомъ, но эти права его представлялись естественнымъ продолженіемъ его службы. Но еще чаще по мимо всякихъ грамотъ, даже вопреки указамъ, эти права присвоивались произвольно. При отсутствія денегъ, повинности, которыми облагались крестьяне, были главнымъ образомъ натуральными. Для выполненія ихъ владѣлецъ долженъ былъ имѣть право и извѣстныхъ принудительныхъ мѣръ, употребленіе которыхъ должно было естественно усиливать вотчинную власть. Въ этомъ направленіи стремленіямъ помѣщиковъ помогало особое свойство, замѣчаемое на низшихъ ступеняхъ развитія у всѣхъ народовъ. Власть въ это время, какъ замѣчаетъ Менъ въ своихъ „Деревенскихъ общинахъ“ понимается обыкновенно въ смыслѣ полнаго и безусловнаго господства одного надъ личностью другаго. Разъ помѣщикамъ даны были нѣкоторыя права надъ крестьянами, послѣдніе стали приписывать имъ и другіе атрибуты власти, наприм. не смотря на свое право судиться въ общихъ судахъ, они стали прибѣгать къ суду помѣщиковъ и даже апеллировали имъ на рѣшенія общихъ судовъ. Такимъ путемъ естественно происходило разширеніе власти по-

мѣщиковъ и раздача помѣстій вмѣсто жалованья, неизбѣжная при господствѣ натуральнаго хозяйства, имѣла своимъ не менѣе неизбѣжнымъ послѣдствіемъ созданіе на крѣпостныхъ началахъ всего строя общества и государства.

Фундаментальный недостатокъ общественности, основанной на натуральномъ хозяйствѣ, заключается въ этомъ подавленіи человѣческой личности. Подавленіе неизбѣжно, такъ какъ нѣтъ въ это время иныхъ средствъ удовлетворенія общественныхъ потребностей. Не даромъ лучшіе изъ мыслителей древняго міра считали службу государству естественною обязанностью каждаго свободнаго гражданина и рабство признавали такимъ же естественнымъ установленіемъ. Обязательность службы приводила къ наслѣдственности должностей и занятій. Эта наслѣдственность имѣла свои хорошія стороны, обезпечивая государству извѣстные роды труда и служа школой, въ которой дѣти пріучались къ извѣстнымъ ремесламъ, работая вмѣстѣ съ старшими. Но при этомъ родъ занятія опредѣлялся фактомъ рожденія въ данной семьѣ, не обращая вниманія на естественныя способности и наклонности человѣка; занятіе, данное каждому отъ рожденія, не могло быть перемѣняемо. При такихъ условіяхъ развитіе было не мыслимо. Вотъ почему древніе народы въ промышленномъ отношеніи такъ мало подвинулись впередъ въ теченіи вѣковъ и даже главный промыселъ ихъ —земледѣліе оставалось не подвижнымъ. Между тѣмъ, несмотря на неподвижность или ничтожное движеніе экономической культуры, населеніе умножалось, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась бѣдность и нищета народныхъ массъ. Лучшіе люди такого времени не видятъ исхода изъ тяжелаго положенія, возникаетъ мрачный пессимизмъ, наиболѣе рельефнымъ образцемъ котораго въ древнемъ мірѣ былъ буддизмъ. По ученію Сакія—Муни, стремленіе къ Нарванѣ, къ самоуничтоженію—единственное средство спасенія отъ страданій. Не можетъ быть сомнѣнія, что это было дѣйствительнымъ средствомъ, такъ какъ сдѣлавшись безчувственнымъ человѣкъ менѣе страдаетъ. И милліоны населенія принимаютъ это ученіе, основанное на фундаментѣ экономической безпомощности при господствѣ натуральнаго хозяйства.

Въ теченіи среднихъ вѣковъ въ Западной Европѣ мы видимъ почти такое же господство натуральнаго хозяйства съ его естественнымъ послѣдствіемъ феодальнымъ порядкомъ, наслѣдственностью должностей и занятій, и т. п. Главнымъ занятіемъ населенія также было

земледѣліе, продукты котораго не могутъ быть долго сохраняемы, почему накопленіе имуществъ должно идти слабо и населеніе періодически испытывало страшный голодъ, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи обмѣна пути сообщеній были въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. „Даже сравнительно—богатые землевладѣльцы—феодалы не могутъ уравнить избыткомъ урожайнаго года недостатокъ годовъ неурожайныхъ. Оттого страшное колебаніе цѣнъ хлѣба и слѣдовательно необезпеченность народнаго продовольствія и рѣзкія перемѣны въ участи рабочаго класса; наприм. въ Англіи въ 1289 г. цѣна пшеницы была въ 192 раза выше цѣны 1270 года! Результатъ этого—голодъ болѣзни и страшная періодическая смертность. Человѣкъ еще остается безпомощнымъ рабомъ природы; общая участь народовъ на такой ступени необходимо есть бѣдность и бѣдствіе, въ особенности, когда народа населеніе при естественномъ хозяйствѣ съ теченіемъ времени умножается, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства. Въ такую пору развивается всеобщее чувство тѣсноты и духоты общественной сферы и недостаточности хозяйства, убѣжденіе, что земля не перенесетъ размножившагося населенія, что такъ далѣе жить нельзя“ (6). Общества древняго міра не нашли исхода изъ этого положенія и должны были пасть. Обществамъ западно-европейскимъ въ эту трудную пору „тѣсноты и духоты общественной сферы и недостаточности хозяйства“ приходятъ на помощь великія открытія и изобрѣтенія, преобразовавшія міръ, вдохнувшія новую жизнь въ него превращеніемъ натуральныхъ хозяйствъ въ денежныя.

II. Денежное хозяйство.

Недостатки натуральнаго хозяйства нейтрализуются общимъ распространеніемъ денежнаго хозяйства. Прежде чѣмъ получили господствующее значеніе драгоцѣнные металлы, люди обращались къ самымъ разнообразнымъ предметамъ, пробуя ихъ въ качествѣ орудія мѣновыхъ сношеній. Благодаря особымъ физическимъ свойствамъ мало по малу драгоцѣнные металлы получили общее распространеніе не только въ качествѣ мѣрила цѣнности другихъ предметовъ, но также и въ качествѣ всеобщей покупной силы. Но трудность добычи ихъ долго была препятствіемъ къ надлежащему развитію денежнаго хозяйства. Только послѣ открытія Америки количество драгоцѣнныхъ металловъ начало

быстро увеличиваться и мало по малу натуральное хозяйство начало уступать мѣсто денежному. Колумбъ, стремясь открыть страну золота Ципангу, открылъ Америку, которая оказалась для Европы богатымъ рудникомъ сперва серебра, а потомъ и золота. Съ 1557 г., когда на американскихъ рудникахъ примѣненъ былъ къ дѣлу способъ добычи серебра посредствомъ амальгамаціи или отдѣленія его изъ рудъ помощью ртути, началось великое экономическое движеніе, окончившееся преобразованіемъ всего европейскаго хозяйства.

Деньги, представляя собою прочную покупную силу, въ то же время могутъ быть безъ порчи сохраняемы. Распространеніе ихъ должно было сопровождаться съ одной стороны увеличеніемъ наклонности къ сбереженіямъ и накопленіямъ капиталовъ, въ формѣ денегъ, а съ другой къ развитію обрабатывающей промышленности. Спеціализація занятій при отсутствіи денегъ встрѣчала неопреодолимое препятствіе въ натуральномъ хозяйствѣ. Заняться какимъ нибудь однимъ промысломъ было невозможно уже потому одному, что такой производитель съ трудомъ могъ вступать въ обмѣнъ съ другими людьми и слѣдовательно не могъ быть увѣреннымъ, что во всякое время можетъ сбыть свой товаръ для пріобрѣтенія того, въ которомъ онъ нуждается. Общее распространеніе денегъ, какъ предмета общеспрашиваемаго и служащаго всеобщей покупной силой, должно было уничтожить этотъ недостатокъ натуральнаго хозяйства и повести къ отдѣленію отъ земледѣлія обработывающихъ отраслей промышленности. Появились города, населеніе которыхъ занялось ремесленною промышленностью и торговлей. Съ развитіемъ городовъ землевладѣльцы начали пріобрѣтать необходимые имъ предметы ремесленной промышленности за деньги, вырученные отъ продажи земледѣльческихъ продуктовъ. Пріобрѣтеніе этихъ предметовъ изъ города оказалось болѣе выгоднымъ, чѣмъ производство дома, людьми не спеціализировавшими свой трудъ. Благодаря этому, какъ замѣтилъ А. Смитъ, экономическое положеніе землевладѣльцевъ улучшилось, но власть и вліяніе должны были значительно уменьшиться. Городъ явился центромъ новой культуры, разсадникомъ свободнаго труда. Въ Германіи уже въ 13 в. городъ былъ убѣжищемъ для крѣпостныхъ и рабовъ; не свободный человѣкъ, скрывшійся въ городѣ, могъ быть отыскиваемъ своимъ господиномъ лишь въ теченіи года и одного дня,—по истеченіи этого срока не свободный становился вполнѣ свободнымъ гражданиномъ.

Отсюда ведетъ свое начало извѣстная поговорка, что воздухъ города дѣлаетъ человѣка свободнымъ. Городъ, состоя изъ свободныхъ лицъ, выработалъ свободное общественное управленіе, промыслы были организованы въ особыя корпораціи, называемыя цехами. Въ городахъ „благодаря скопленію людей произошелъ быстрый и постоянный обмѣнъ дѣлъ, понятій, отношеній, — общественное взаимодѣйствіе, чрезвычайно быстро подвигающее развитіе народной жизни. Города поэтому представляютъ прогрессивный элементъ въ народной жизни, въ противоположность консервативному элементу земледѣльческому“ (7).

Развитіе городовъ должно было вызвать развитіе торговли, для чего въ свою очередь необходимо было усовершенствовать пути сообщеній, а также устранить всѣ тѣ юридическія препятствія къ сношеніямъ между людьми, которыя были созданы въ предшествующее время. Развитіе путей сообщеній должно было усилить благотворное вліяніе денегъ на народное хозяйство. Экономисты весьма часто сравниваютъ значеніе денегъ для общества съ значеніемъ путей сообщеній. Это сравненіе необходимо признать вполнѣ вѣрнымъ. Подобно деньгамъ, развитіе путей сообщеній облегчаетъ обмѣнъ, усиливаетъ взаимность мѣновыхъ интересовъ и содѣйствуетъ развитію денежнаго хозяйства. Отсутствіе возможности удобнаго и дешеваго перемѣщенія продуктовъ изъ однихъ мѣстностей въ другія ведетъ къ съуженію раіона обмѣна. Въ одной мѣстности спросъ на извѣстнаго рода продукты можетъ быть значителенъ, предложеніе мало и цѣна высока, между тѣмъ какъ въ другой, на оборотъ, предложеніе этихъ товаровъ велико, спросъ ничтоженъ и цѣны низки. Проведеніе дороги между такими мѣстностями равносильно сближенію спроса съ предложеніемъ, расширенію раіона ихъ дѣйствія, увеличенію мѣновыхъ сношеній между людьми и спеціализаціи занятій. Жизнь народа при развитыхъ путяхъ сообщеній становится дѣятельнѣе и быстрота обращенія проникаетъ во всѣ стороны народнаго труда, переходитъ изъ сферы матеріальной дѣятельности въ духовную, въ міръ идей, усиливается развитіе знаній, увеличивается господство человѣка надъ силами природы и разширяются предѣлы вмѣстимости страны для населенія. Мѣстность, заключающая въ себѣ бродячего—звѣроловческаго населенія нѣсколько десятковъ, кочеваго—нѣсколько сотень, являющаяся переполненною при 3.000 жит., занимающихся исключительно земледѣліемъ, можетъ съ удобствомъ вмѣщать въ себѣ

десятокъ тысячъ жителей на квадратной милѣ при культурѣ промышленно-мануфактурной. Развитіе городовъ и обрабатывающей промышленности содѣйствуетъ разширенію вмѣстимости страны для населенія не только тѣмъ, что даетъ заработокъ значительному числу рабочихъ, но также тѣмъ, что оказываетъ вліяніе на развитіе земледѣлія, разширяя рынокъ для сбыта продуктовъ послѣдняго и служа побужденіемъ къ увеличенію приложенія труда, капитала и знаній къ земледѣлію. По вычисленіямъ агрономовъ, при пастбищной системѣ земледѣлія на одинъ гентаръ (0,9 дес.) можетъ приходиться всего 0,60 жителей, при залежной 0,77, при трехпольной 1,17, а при плодосмѣнной 9,30 жителей. Изъ этого видно, что населеніе для того, чтобы увеличиваться въ своей численности, должно измѣнять условія своего хозяйства, переходить отъ экстенсивнаго земледѣлія къ интенсивной культурѣ, должно подчинять себѣ землю, заставляя ее съ даннаго пространства давать большее количество произведеній. Но это подчиненіе земли зависитъ отъ развитія неземледѣльческихъ отраслей промышленности и прежде всего отъ развитія городовъ. Громадное развитіе мануфактурной промышленности въ Англіи производитъ то, что въ этой странѣ на сравнительно малыхъ поземельныхъ участкахъ получаются лучшіе результаты, чѣмъ въ другихъ странахъ на гораздо большихъ участкахъ. Если, по словамъ Рошера, въ окрестностяхъ Лондона на фермѣ отъ 5 до 20 акровъ получается такой же результатъ, какъ въ остальныхъ частяхъ Англіи на фермахъ отъ 150 до 200 акровъ, то можно утверждать, что въ среднемъ выводѣ вообще въ Англіи на фермахъ отъ 50 до 100 акровъ получается большее количество продукта, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы на участкахъ въ два и въ три раза большихъ. То, чѣмъ является Лондонъ относительно подгородныхъ фермъ, представляетъ собою мануфактурная промышленность Англіи относительно всего ея сельскаго хозяйства, такъ какъ эта промышленность представляетъ собою громаднѣйшій въ мірѣ рынокъ для сбыта продуктовъ послѣдняго. О размѣрахъ этого рынка можно судить по численному отношенію земледѣльческаго населенія къ остальнымъ классамъ общества. Сельскимъ хозяйствомъ въ Англіи занимается не болѣе 25% всего населенія, но есть мѣстности, въ которыхъ количество лицъ, занимающяхся земледѣліемъ, еще меньше. Такъ въ графствѣ Мидельсексъ оно равно 2%, въ Ланкашейрѣ 6%, въ Уэтсъ-Райдингѣ 10%. Въ другихъ странахъ подобныхъ грандіоз-

ныхъ измѣненій въ хозяйствѣ не было, но тѣмъ не менѣе развитіе городовъ и мануфактурной промышленности должно было сопровождаться подобнымъ же, хотя и менѣе грандіознымъ, разширеніемъ предѣловъ вмѣстимости каждой страны для населенія, увиличеніемъ производительности, накопленіемъ богатствъ, уменьшеніемъ бѣдствій господствовавшихъ при натуральномъ хозяйствѣ (8).

Эти результаты денежнаго хозяйства послужили основаніемъ къ возникновенію мысли, что при полной свободѣ мѣновыхъ сношеній народное благосостояніе организуется само собою, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ государства, что благосостояніе естественно водворится въ каждой странѣ, если будетъ предоставлена полная свобода каждому въ сферѣ экономической дѣятельности. Вмѣсто строгой регламентаціи, выработанной въ періодъ господства натуральнаго хозяйства, денежное хозяйство выработало идею промышленной свободы. Подъ вліяніемъ этой идеи постепенно падаютъ союзы феодальные, цеховые, сословные и т. п. Вмѣсто народныхъ ополченій являются постоянныя войска, содержимыя на жалованьѣ, вмѣсто вотчинной юстиціи появляется общій судъ, вмѣсто служилаго сословія—бюрократія и т. п. Свобода личности проникаетъ во всѣ сферы народной жизни и дѣятельности. Но результаты ея далеко не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ. Прежняя соціальная сплоченность населенія въ извѣстныхъ группахъ и союзахъ уступила мѣсто экономическому атомизму, разъединенности, доходящей до того, что даже союзы, основанные на родствѣ, теряютъ свое экономическое значеніе и въ несчастныхъ случаяхъ даже въ родственномъ союзѣ люди не находятъ опоры. Мѣновая ассоціація, занявъ мѣсто прежнихъ непосредственныхъ союзовъ, приводитъ къ борьбѣ индивидуальныхъ силъ и къ ослабленію и уничтоженію той самой свободы личности, во имя которой были снесены прежніе натуральные союзы. „Въ денежномъ хозяйствѣ, говоритъ пр. Цѣхановецкій, о личныхъ и наслѣдственныхъ связяхъ не можетъ быть и рѣчи, работникъ мѣняетъ предпринимателей, капиталистъ ищетъ за свою плату болѣе выгодныхъ работниковъ. Предприниматель утилизируетъ силы работника въ его здоровомъ состояніи; онъ можетъ истощать его сколько хочетъ, не опасаясь, что ему придется заботиться о работникѣ въ его старости или болѣзни. Ему нѣтъ дѣла ни до семейныхъ отношеній и обязанностей работника, ни до его хозяйственнаго состоянія: работникъ для него масса рабочей силы, которую желатель-

но нанять какъ можно дешевле. Работники противъ предпринимателей стоятъ разъединенные, несвязанные между собою никакими постоянными узами, ни даже болѣе или менѣе постоянною жизнію вмѣстѣ. При такомъ порядкѣ каждый индивидуумъ стоитъ одинокій, каждый можетъ безъ помѣхи преслѣдовать свои эгоистическіе интересы, стараясь только о томъ, что бы не переступить общихъ граней, установленныхъ между лицами закономъ. Талантъ подавляетъ менѣе способнаго, большой капиталистъ малаго, а этотъ неимущіе классы, на которыхъ по отраженію собираются всѣ невыгоды и недочеты такого порядка. Развивается борьба всѣхъ общественныхъ силъ, которая неумолимо ведетъ къ преобладанію денегъ и владычеству капитала, и даетъ возможность эксплуатировать подвижность и неустановленность жизни въ пользу отдѣльныхъ лицъ. Чѣмъ выше экономическая сфера, тѣмъ, сильнѣе и неуловимѣе эта эксплуатація, высшее выраженіе которой есть спекуляція въ крайней степени, ажіотажъ, биржевая игра и проч. Если общественная нравственность не кладетъ дѣйствительныхъ границъ такому произволу лица, то такая борьба оканчивается совершеннымъ пораженіемъ слабыхъ—пролетаріатомъ и его спутниками—болѣзнями, голодомъ, преступленіями и проч. Общество, среди котораго существуютъ цѣлые многочисленные классы, доведенные до послѣдней степени отчаянія и враждебно расположенные противъ неблагопріятной для нихъ цивилизаціи, поневолѣ должно предпринимать серьезныя мѣры, по крайней мѣрѣ для обезпеченія statu quo, если не для улучшенія его. Это сохраненіе существующаго порядка, эта премія застрахованія общества тяжело ложится на современное общество и даетъ тонъ всѣмъ современнымъ европейскимъ отношеніямъ. Общественное треніе болѣе и болѣе затрудняетъ ходъ общественной машины. Хозяйство, вызвавшее и напрягшее всѣ силы человѣчества, возбудившее въ высочайшей степени энергію и дѣятельность личныхъ интересовъ, въ крайнемъ развитіи ведетъ къ подавленію лица лицомъ. Родъ человѣческій, усовершенствованію котораго эта борьба свободныхъ индивидуумовъ была въ высшей степени благопріятна, приближается наконецъ къ той опасной порѣ, когда эта борьба начинаетъ подавлять и портить въ самомъ зародышѣ запасъ народныхъ силъ и жизни“ (9).

Говоря объ этихъ темныхъ сторонахъ денежнаго хозяйства, необходимо не забывать, что болѣе или менѣе полное обнаруженіе ихъ

обусловливается не только степенью развитія самаго денежнаго хозяйства, но также экономическими особенностями страны, ея климатомъ, государственною дѣятельностью и т. п. У насъ темныя стороны денежнаго хозяйства въ значительной степени предупреждены тѣмъ, что одновременно съ переходомъ значительной массы населенія отъ натуральнаго хозяйства къ денежному т. е. одновременно съ упраздненіемъ крѣпостнаго права крестьяне были надѣлены поземельною собственностью. Юридическая свобода совпала съ экономическою свободою и, благодаря этому, у насъ предупреждено возникновеніе того фактическаго рабства, которое вызываетъ столько затрудненій въ западно-европейскихъ государствахъ. Съ другой стороны, благодаря особымъ климатическимъ условіямъ у насъ не мыслимо такое рѣзкое отдѣленіе сельскаго хозяйства отъ другихъ отраслей промышленности, какое существуетъ на западѣ, благодаря чему у насъ нѣтъ и тѣхъ темныхъ сторонъ денежнаго хозяйства, которое вызвано концентраціей мануфактурной промышленности въ извѣстныхъ пунктахъ страны, нѣтъ фабричнаго пролетаріата. При развитіи кустарной промышленности и въ будущемъ, можно думать, этотъ пролетаріатъ у насъ будетъ предупрежденъ.

Экономическій атомизмъ, порожденный развитіемъ денежнаго хозяйства, ослабляетъ не только силу личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе государствъ въ сферѣ экономическихъ отношеній. Значеніе государственной власти въ этой сферѣ уменьшается съ одной стороны подъ вліяніемъ господствующей идеи, что государство не должно вмѣшиваться въ экономическія отношенія и само не должно вести никакихъ хозяйственныхъ предпріятій, а съ другой въ силу того, что для такихъ предпріятій требуются большія средства, которыми государства не располагаютъ. При натуральномъ хозяйствѣ тѣ „работы расы гигантовъ“, о которыхъ мы уже говорили, предпринимались государственною властью безъ особыхъ затрудненій; всѣ работы производились на основаніи натуральной повинности подданныхъ. При господствѣ денежнаго хозяйства натуральныя повинности исчезаютъ, какъ противорѣчащія свободѣ личности. Для экономическихъ предпріятій государства необходимы денежныя средства, собираемыя въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Но значительнѣйшая часть ихъ обыкновенно поглощается наиболѣе настоятельными нуждами, прежде удовлетворявшимися также посредствомъ повинностей въ натурѣ: народ-

ныя ополченія замѣнены постоянными войсками, служилое сословіе чиновниками, получающими жалованье и пр. При такихъ условіяхъ всѣ наиболѣе крупныя экономическія предпріятія предоставляются въ руки частныхъ предпринимателей или товариществамъ частныхъ предпринимателей. Возникаетъ и развивается концессіонный способъ производства работъ, имѣющихъ общественное или даже общегосударственное значеніе. По концессіи, государство на опредѣленный срокъ, обыкновенно продолжительный, уступаетъ свои права частнымъ капиталистамъ, распоряжающимся предпріятіями во все время концессіи въ качествѣ собственниковъ. Эти предприниматели для избѣжанія взаимной конкурренціи по мѣрѣ возможности входятъ между собою въ соглашенія и такимъ образомъ возникаютъ громадныя монопольныя предпріятія, держащія въ экономическомъ подданичествѣ промышленность страны. Такъ послѣ того, какъ государства отказались отъ хозяйственныхъ предпріятій, возникаютъ хозяйственныя государства въ государствѣ, преслѣдующія личныя выгоды въ предпріятіяхъ общественной пользы. Возрождается вотчинный порядокъ, но только въ худшемъ видѣ сравнительно съ вотчиннымъ порядкомъ, существовавшимъ при господствѣ натуральнаго хозяйства. Темныя стороны на прим. вотчинной юстиціи менѣе опасны, чѣмъ предоставленіе въ частную собственность желѣзной дороги, соединяющей въ одно цѣлое отдаленныя мѣстности страны. Возникаетъ вопросъ о выкупѣ такихъ предпріятій общегосударственнаго интереса, переданныхъ на правахъ вотчинныхъ въ частныя руки. Вмѣстѣ съ этимъ начинается и поворотъ въ сознаніи народовъ объ участіи государства въ экономическихъ отношеніяхъ страны. Личный интересъ не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій и государству предстоитъ снова взять въ свои руки дѣло экономическаго развитія, только уже на иныхъ началахъ сравнительно съ тѣми, какія были выработаны при господствѣ натуральнаго хозяйства. Выработать эти начала составляетъ задачу третьяго періода мѣновой культуры—кредитнаго хозяйства.

III. Кредитное хозяйство.

Золото и серебро представляютъ собою какъ бы путь, по которому товары передвигаются изъ хозяйствъ въ хозяйства. Какъ прекрасно замѣтилъ еще А. Смитъ, этотъ путь чрезвычайно дорогой, со-

держаніе золотой и серебряной дороги для передвиженія произведеній обходится странѣ слишкомъ дорого, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе такихъ дорогъ не легко. Золото и серберо потому и служатъ мѣриломъ цѣнности другихъ товаровъ, что количество ихъ не зависитъ отъ нашего произвола, а между тѣмъ развивающійся экономическій оборотъ требуетъ соотвѣтствующаго увеличенія перевозочныхъ средствъ, или, точнѣе говоря, передаточныхъ средствъ. Въ значительной степени недостаточность количества денегъ восполняется усиленіемъ ихъ обращаемости, но это средство не можетъ быть названо вполнѣ достаточнымъ: предѣлы обращаемости денегъ ниже предѣловъ обращаемости всѣхъ остальныхъ предметовъ оборота, вмѣстѣ взятыхъ. По этой причинѣ весьма рано начали прибѣгать къ кредитному обороту, при которомъ уплата за товаръ отлагается на опредѣленный срокъ. Такъ появились въ обращеніи разнаго рода кредитныя орудія обращенія, наприм. вексель, банковый билетъ, чекъ и т. п. Мало по малу кредитный оборотъ развивается и наконецъ почти вытѣсняетъ собою оборотъ денежный. По Маклеоду въ Великобританіи стоимость векселей и другихъ денежныхъ обязательствъ составляетъ отъ 500.000.000 фунт. стерл. до 600.000.000 ф. ст., между тѣмъ какъ количество чистыхъ денегъ въ государствѣ едвали превышаетъ 70.000.000 фунт. стерлинговъ. По Миллю, одно распространеніе употребленія чековъ въ городахъ Англіи угрожаетъ вытѣснить звонкую монету изъ обращенія; за монетой остается значеніе мѣрила цѣнности товаровъ, такъ какъ этой функціи ея кредитъ замѣнить не можетъ, но значеніе ея какъ орудія оборота съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшается, кредитный оборотъ заступаетъ мѣсто денежнаго. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ будущемъ съ развитіемъ экономической жизни современныхъ культурныхъ народовъ кредитный оборотъ получитъ еще большее значеніе и замѣнитъ собою денежный оборотъ, подобно тому, какъ денежный оборотъ заступилъ мѣсто натуральнаго.

Въ первое время кредитъ служитъ лишь укрѣпленію тѣхъ экономическихъ отношеній, какія созданы при господствѣ денежнаго хозяйства. Онъ является, „привилегіей состоятельной, имущей части населенія.“ Хотя *кредитъ* значитъ *довѣріе*, тѣмъ не менѣе онъ не мыслимъ безъ обезпеченій, служащихъ основаніемъ довѣрія. Обезпеченіемъ прежде всего можетъ служить уже пріобрѣтенное имущество и по этому на первыхъ порахъ своего развитія кредитъ служитъ имущест-

веннымъ классамъ населенія, возвышаетъ производительность и экономическія силы, представляющія въ результатахъ прошедшаго труда прочное обезпеченіе уплаты въ будущемъ равноцѣнности полученнаго. При помощи кредита экономическія силы денежнаго класса еще болѣе увеличиваются; создаются акціонерныя компаніи, товарищества на вѣрѣ, коммандитныя товарищества, концентрирующія въ своихъ рукахъ громадные капиталы, разбросанные въ обществѣ, и употребляющіе эти капиталы въ фабрики, заводы, желѣзно-дорожныя предпріятія и т. п. Но уже въ этой своей формѣ кредитъ восполняетъ недостатки денежнаго хозяйства. При помощи кредита частныя предпріятія получаютъ значеніе общественныхъ предпріятій, въ значительной степени обобществляются. Каждый владѣлецъ акціи является пайщикомъ, участникомъ предпріятія, и чѣмъ ниже цѣны акцій, тѣмъ доступнѣе участіе въ предпріятіи всѣмъ и каждому. Владѣлецъ незначительнаго капитала, не могущаго служить цѣлямъ производства именно по всей незначительности, благодаря кредиту имѣетъ возможность получить доходъ отъ своего капитала, который иначе не имѣлъ бы производительнаго значенія и не приносилъ бы никакого дохода, Банки собираютъ такіе капиталы и даютъ возможность всему обществу принять участіе въ производительной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Благодаря кредиту, поземельный собственникъ, оставаясь собственникомъ своей земли, даетъ возможность участвовать въ землевладѣніи каждому вкладчику банка или владѣльцу облигаціи, употребляя собранный банкомъ капиталъ на поземельныя улучшенія.

Но этой формой не ограничивается развитіе кредита. Обезпеченіемъ можетъ служить не только имущество, результатъ прошедшаго труда, но также настоящій трудъ. Нравственныя качества людей въ соединеніи съ экономическою предпріимчивостью могутъ давать не меньшую гарантію возврата капитала, чѣмъ уже нажитое имущество. Личность заемщика можетъ быть основаніемъ довѣрія, а слѣдовательно и кредита. Возникаетъ личный кредитъ въ родѣ сберегательныхъ и заемныхъ банковъ въ Швейцаріи, нѣмецкихъ народныхъ банковъ по системѣ Райфайзена, Шотландскихъ банковъ и т. п. Возникаетъ кредитъ, представляющій собою мостъ, перекинутый отъ богатства къ бѣдности и восполняющій наиболѣе крупные недостатки въ экономическомъ строѣ, созданные денежнымъ хозяйствомъ. По этому поводу прекрасно замѣчаетъ И. И. Кауфманъ въ своей книгѣ: „Теорія и

практика банковаго дѣла": Кредитъ тяготѣетъ къ личной производительности, это почва для его дѣятельности, онъ къ ней приноситъ сѣмена капитала и ими оплодотворяетъ ее. „Если существуетъ личная производительность, не дающая богатства, то только отсутствіе кредита можетъ быть тому причиною. Кредитъ не совмѣстенъ съ такою аномаліею. Функція кредита—соединять элементы производительности именно вопреки тѣмъ вліяніямъ, которыми бѣдность препятствуетъ такому соединенію. Бѣдность не есть отсутствіе всякихъ элементовъ производительности и доходности: когда бѣдность доходитъ до этого предѣла, она становится патологическимъ фактомъ физическаго и психическаго порядковъ, а не экономическаго. Съ экономической же точки зрѣнія, бѣдность представляетъ изолированный элементъ производительности, не приведенный въ связь съ другими элементами и оттого стѣсненный въ своей производительности. Именно потому, что кредитъ ускоряетъ соединеніе элементовъ производительности и чрезъ это возвышаетъ ихъ доходность, онъ ускоряетъ обогащеніе тѣхъ лицъ, сословій и народовъ, которые являются представителями означенныхъ элементовъ. Кредитъ служитъ, такимъ образомъ, мостомъ, перекинутымъ чрезъ ту пропасть, которая отдѣляетъ богатство отъ бѣдности" ([10]).

Характеризуя эту же функцію кредита въ народномъ хозяйствѣ, Бруно-Гильдебрандъ говоритъ, что задача кредитнаго хозяйства состоитъ въ соединеніи выгодъ натуральнаго и денежнаго хозяйствъ, при нейтрализаціи темныхъ сторонъ каждаго изъ нихъ. При натуральномъ хозяйствѣ люди были прикованы другъ къ другу внѣшними узами всевозможныхъ союзовъ, но эти узы были цѣпями для свободнаго развитія личности и сдерживали обращеніе соковъ въ народно-экономическомъ организмѣ. Денежное хозяйство, разрушивъ эти союзы, разбило оковы, насильно связывавшія людей, но ничѣмъ не замѣнило этихъ уничтоженныхъ имъ союзовъ. Оно разчленило общества на составные элементы, породило индивидуализмъ, перешедшій въ экономическій атомизмъ. Задача кредитнаго хозяйства состоитъ въ томъ, чтобы создать такіе союзы между людьми, въ которыхъ люди не были бы прикованы другъ къ другу насильственно, но свобода личности находила бы опору, а не разрушеніе, въ союзѣ. Въ личномъ кредитѣ эта задача дѣйствительно находитъ практическое осуществленіе. При помощи этого кредита, каждый производитель пользуется сбереженіями другихъ, его трудъ оплодотворяется капиталомъ общества, его экономическія силы

возвышаются участіемъ въ работѣ силъ другихъ, нисколько не нарушающимъ личной независимости его. Когда организуются товарищества для пользованія кредитомъ на условіяхъ круговой отвѣтственности, то эта задача еще полнѣе осуществляется, а кредитъ, находя полное обезпеченіе, еще лучше выполняетъ свою общественную миссію.

Но обезпеченіемъ кредита можетъ служить не только прошедшій или настоящій трудъ, а также трудъ будущій существующихъ людей или даже цѣлаго ряда будущихъ поколѣній. Съ развитіемъ экономическимъ получаетъ свое практическое значеніе и эта высшая форма кредитнаго хозяйства. Лучше всего она проявляется въ такъ называемомъ меліоративномъ кредитѣ, въ которомъ цѣнность, создаваемая ссужаемымъ капиталомъ, является основаніемъ кредита, гарантіей возврата ссуженнаго капитала. Капиталъ отдается для производства опредѣленнаго улучшенія, возвышающаго доходность земли, создающаго въ землѣ новую цѣность, до производства не существовавшую. Эта новая цѣнность, созданная кредитнымъ капиталомъ, и служитъ обезпеченіемъ возврата долга. Такой же кредитъ имѣетъ мѣсто и во всѣхъ другихъ отрасляхъ народной промышленности, вездѣ, гдѣ возможно созданіе новыхъ цѣнностей и новыхъ источниковъ дохода. Во всѣхъ такихъ случаяхъ капиталъ обезпечивается имъ же создаваемымъ доходомъ. Въ рукахъ государства эта форма кредита представляетъ собою могущественное орудіе національно-хозяйственной политики, направленной къ поднятію народнаго благосостоянія. За тѣмъ возможность обезпеченія кредита будущимъ доходомъ проявляется въ организаціи государствомъ такихъ предпріятій, которыя имѣютъ значеніе не только для существующихъ, но и для будущихъ поколѣній. Устройство государственныхъ зданій, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и т. п., все это предпріятія, которыми имѣютъ пользоваться не только существующія, но и будущія поколѣнія. Было бы несправедливо, всю сумму затратъ, необходимыхъ для производства ихъ, производить на счетъ живущаго поколѣнія, между тѣмъ какъ будущія поколѣнія будутъ пользоваться сооруженіями безвозмездно. Въ рукахъ государства заключается удобное средство къ распредѣленію такихъ затратъ вполнѣ справедливо, производя работы посредствомъ кредитныхъ знаковъ, постепенно погашаемыхъ. Однимъ изъ видовъ такихъ знаковъ можно признать кредитныя деньги, значеніе которыхъ многими оспаривается въ настоящее время, но которыя въ дѣйствительности могутъ имѣть и, по всей вѣ-

роятности, будутъ имѣть благотворное значеніе въ дѣлѣ поднятія народной производительности. Достоинство такихъ кредитныхъ денегъ опредѣляется производительнымъ употребленіемъ ихъ. Но въ какой бы формѣ не проявлялся кредитъ, во всякомъ случаѣ онъ даетъ возможность государству предпринимать такія же „работы расы гигантовъ", какія производились при натуральномъ хозяйствѣ трудомъ рабовъ, не только не стѣсняя личной свободы населенія, но и безъ экономическаго ущерба, такъ какъ затраты могутъ быть распредѣляемы между нѣсколькими поколѣніями. Въ кредитномъ хозяйствѣ государство получаетъ то высокое значеніе, которое имѣло оно въ античномъ мірѣ, но безъ темныхъ сторонъ послѣдняго. Въ этомъ высшемъ періодѣ экономической мѣновой культуры античное государство не противорѣчитъ свободѣ личности, идея государственности и идея свободы личности объединяются въ идеѣ народнаго благосостоянія ([11]).

([1]) Б. Гальдебрандъ.—Natural,—Geld-und Creditwirthschaft. Iahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik 1864 г. выпускъ 1. Его же—Политическая экономія настоящаго и будущаго. Пер. Щепкина. 1860 г. Пр. Цѣхановецкій—Краткій обзоръ политической экономіи. Предисловіе и введеніе. Университетскія извѣстія. 1866 г. м. Мартъ. ([2]) Чичеринъ Исторія русскаго права, стр. 354—355. ([3]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1868 г. ст. Общественные классы въ Россіи, стр. 447. ([4]) Крестьяне на руси, стр. 259. ([5]) Собраніе сочиненій, т. IV. стр. 211 и слѣд. ([6]) Пр. Цѣхановецкій. Краткій обзоръ политич. экономіи. Ун. Изв. 1866 г. Мартъ, стр. 22. ([7]) Ibid. стр. 24 ([8]) О размѣрахъ возрастанія городскаго населенія на счетъ сельскаго можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ концѣ XVII ст. въ Лондонѣ считалось не болѣе 500.000 жителей, въ 1841 г. было 1.948.417 чел., въ 1851 г.—2.362.236 ч., а въ настоящее время свыше 3.000.000. Въ Манчестерѣ въ концѣ XVII ст. было жителей не болѣе 6.000 душъ, а въ 1841 г.—311.269, въ 1841 г.—401.321, въ 1871 г.—500.000. При этомъ въ настоящее время ростъ городскаго населенія особенно великъ. Въ Берлинѣ съ 1861 г. по 1871 г. число жителей увеличилось съ 547.000 до 825.000., въ Вѣнѣ съ 1857 по 1872 г. съ 476.000 до 911.000, Въ Парижѣ съ 1851 по 1872 г.—съ 1.174.000 до 1.857.792. ([9]) Краткій обзоръ и пр. стр. 26—27. ([10]) И. И. Кауфманъ. Теорія и практика банковаго дѣла. стр. 38—39. ([11]) Въ какой мѣрѣ требованія государственности могутъ быть при помощи кредита примиряемы съ требованіями частнаго интереса объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ лѣсоводство, въ которомъ вводится обязательное лѣсное хозяйство, благодаря чему сохраняется въ цѣлости лѣсъ, но при этомъ частный лѣсовладѣлецъ удовлетворяется выдачей ссуды.

§ 3. Историческій ходъ развитія экономической культуры свидѣтельствуетъ о томъ, что на высшихъ ступеняхъ развитія хозяйство

каждой страны стремится превратиться въ самостоятельный организмъ, не зависящій въ своемъ существованіи отъ другихъ такихъ же организмовъ, но вступающій съ ними въ экономическія сношенія на началахъ взаимности и равенства выгодъ. Хозяйство каждой страны на этой высшей ступени своего роста представляется какъ бы коллективною личностью, имѣющею свои особенности, отличающеюся отъ другихъ такихъ же собирательныхъ личностей, имѣющего свое собственное я, свою внѣшнюю и внутреннюю физіономію. Однимъ словомъ, экономическій бытъ каждой страны націонализируется. При такихъ условіяхъ экономическая наука должна быть по существу дѣла національною наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это наука о національныхъ интересахъ, о законахъ общественности въ трудѣ, направленномъ къ удовлетворенію потребностей даннаго народа. Хозяйство одной страны не можетъ быть цѣликомъ перенесено въ другую; тѣ формы хозяйства, которыя въ одной странѣ приносятъ наилучшіе результаты, не всегда могутъ давать такіе же результаты въ другой странѣ и полезное первой можетъ быть вреднымъ послѣдней. Въ одной странѣ арендаторство приводитъ къ хищнической земледѣльческой культурѣ, превращая, по выраженію А. Юнга, „цвѣтущіе сады въ пустыню“, между тѣмъ какъ въ другой странѣ то же арендаторство является магической силой, „превращающій песокъ въ золото“. Въ одной странѣ вполнѣ возможно и вполнѣ выгодно полное отдѣленіе земледѣлія отъ обрабатывающей промышленности, между тѣмъ какъ въ другой такое отдѣленіе привело бы къ тому, что значительная часть населенія въ теченіи продолжительной зимы сидѣла бы сложа руки, не имѣя никакихъ заработковъ и по необходимости испытывала бы страшную нужду. Законы полезнаго не тождественны у всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ. Это часто забывается экономистами, отождествляющими полезное одному народу съ полезнымъ всему человѣчеству и экономическія положенія, вполнѣ вѣрныя для одного или нѣсколькихъ народовъ, признающими примѣнимыми ко всѣмъ народамъ. Вредъ отъ этого долженъ быть всякому очевиденъ, а въ особенности когда страна и безъ того страдаетъ болѣзнью, которую Греки называли ксеноманіей, а нашъ извѣстный писатель 17 ст. Юрій Крижаничъ „чужебѣсіемъ“ и „повѣтренною немочью“.

Но обыкновенно говорятъ, что наука должна стоять на всечеловѣческой почвѣ и поэтому политическая экономія, какъ наука, не мо-

жетъ быть національною. Возражающіе такимъ образомъ забываютъ, что общечеловѣческія идеи развиваются не иначе, какъ воплощаясь въ человѣкѣ и народѣ. Каждый изъ насъ человѣкъ, но это не равносильно признанію, что между людьми нѣтъ никакихъ различій, что каждый человѣкъ—только экземпляръ породы, подобно наприм. отдѣльнымъ экземплярамъ печатнаго сочиненія. Присущія намъ общечеловѣческія свойства не исключаютъ личной физіономіи каждаго. Общее не противорѣчитъ индивидуальному, но выражается въ немъ получая, опредѣленный образъ, опредѣленную какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю физіономію. При этомъ индивидуальность представляетъ собою необходимое условіе развитія идеи общечеловѣческаго. Безъ индивидуальности люди были бы только экземплярами породы, каждый повторялъ бы собою другаго и развитіе было бы не мыслимо. Такимъ же образомъ и въ экономической сферѣ національныя особенности не исключаютъ единства истины между всѣми народами, но представляютъ собою ту почву, на которой только и можетъ происходить развитіе человѣчества и общечеловѣческой истины. Представимъ частный примѣръ. Благосостояніе можетъ быть основано только на трудѣ—это истина общечеловѣческая, но трудъ одного народа наиболѣе производителенъ при однихъ формахъ сотрудничества, между тѣмъ какъ трудъ другаго народа именно при этихъ формахъ менѣе всего производителенъ. Признавая одну форму сотрудничеетва имѣющею абсолютно производительное значеніе, мы этимъ только препятствуемъ правильному осуществленію общечеловѣческаго закона тамъ, гдѣ послѣдній можетъ цѣлесообразно проявиться лишь въ совершенно иныхъ формахъ. Національно-экономическая наука имѣетъ своей задачей изученіе законовъ развитія національнаго хозяйства, развитіе котораго не противорѣчитъ общечеловѣческой кутьтурѣ, но является необходимымъ условіемъ послѣдняго. Національный характеръ политической экономіи не противорѣчитъ ея строго научному значенію, подобно тому, какъ индивидуальность не противорѣчитъ общечеловѣческимъ свойствамъ каждаго человѣка.

III. Государство и народное хозяйство.

§ 1. Изслѣдователи общественныхъ явленій довольно рано замѣтили существованіе особой законоподчиненности, естественно упорядочивающей безконечно разнообразную сферу дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей. Рано было замѣчено существованіе законовъ, регулирующихъ сношенія между людьми, тѣхъ законовъ, по которымъ общество представляетъ собою не массу отдѣльныхъ лицъ, но органическое цѣлое. Пораженные чудной картиной этой законоподчиненности, изслѣдователи невольно пришли къ мысли, что экономическая жизнь народовъ должна быть всецѣло предоставлена самой себѣ, что всякое вмѣшательство правительства въ эту жизнь равносильно нарушенію естественной ея законоподчиненности и по этому вредно. Такъ еще въ концѣ 17 ст. Dudley North рѣшительно утверждалъ, что никогда богатства не создаются посредствомъ государственныхъ мѣропріятій, что эти мѣропріятія производятъ замѣшательство и вредъ. По его ученію, мѣновыя сношенія между людьми естественно устанавливаются такимъ образомъ, что интересы торговца не противорѣчатъ интересамъ общества. Такимъ же образомъ и экономическія сношенія между государствами имѣютъ въ своемъ основаніи взаимность выгодъ, и весь міръ съ точки зрѣнія торговыхъ сношеній представляетъ собою одну націю. Нѣтъ никакой надобности, поэтому, въ изданіи правилъ ни для внутренней, ни для внѣшней торговли.

Въ 18 ст. это ученіе было возведено въ научно-оптимистическую систему сперва физіократами, а за тѣмъ основателемъ политической экономіи А. Смитомъ.

Физіократы учили, что народному хозяйству должна быть предоставлена полная свобода, которая и должна водворить народное благосостояніе. Разсказываютъ, что врачъ Людовика XV Ф. Кенэ на во-

просъ дофина: что онъ дѣлалъ бы, если бы сталъ королемъ, отвѣчалъ: „ничего.“ И дѣйствительно, въ этомъ ничегонедѣланіи, по ученію физіократовъ, заключается принципъ отношеній государства къ экономической жизни, имѣющей свои естественные законы, для полезнаго обнаруженія которыхъ должна быть предоставлена полная свобода. Одинъ изъ послѣдователей физіократической доктрины, Гурнэ выразилъ этотъ принципъ государственнаго безучастія къ народному благосостоянію въ знаменитой формулѣ либерализма—laissez faire, laissez passer, до настоящаго времени имѣющей рѣшительныхъ сторонниковъ, въ особенности въ примѣненіи къ международнымъ хозяйственнымъ сношеніямъ.

На этомъ же началѣ свободы конкурренціи обоснована и экономическая система А. Смита. По его ученію существуетъ въ общежитіи сила, благодаря которой, при полной свободѣ отношеній, достигается благосостояніе всѣхъ и каждаго безъ всякой регламентаціи, и которая, подобно таинственному началу животной жизни, возстановляетъ здоровье и возвращаетъ силы организму, не смотря на всевозможныя препятствія. Эта сила—своекорыстіе или личный интересъ каждаго. Подчиняясь личному интересу, каждый человѣкъ прежде всего заботится о себѣ, о своихъ выгодахъ. Съ этою цѣлію онъ старается употреблять свой трудъ возможно прибыльнѣе, старается производить возможно больше тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ наиболѣе нуждается общество, которые наилучше имъ цѣнятся и поэтому даютъ наибольшій доходъ. Такимъ цѣлесообразнымъ употребленіемъ своего труда производитель извлекаетъ наибольшія выгоды, принося въ то же время наибольшія выгоды другимъ, нуждающимся въ произведеніяхъ его труда. Человѣкъ, преслѣдуя свои личныя выгоды, невольно является существомъ общежительнымъ. Между людьми даже противоположныя дарованія не только не ведутъ къ борьбѣ, но оказываютъ пользу всѣмъ, содѣйствуя развитію раздѣленія труда. Благодаря раздѣленію труда продукты самыхъ разнообразныхъ трудовыхъ особенностей собираются какъ бы въ одну общую массу, изъ которой каждый можетъ получать произведенія, изготовленныя другими.

Признавъ такимъ образомъ, что личный интересъ каждаго не противорѣчитъ благосостоянію другихъ, что при полной свободѣ конкурренціи личныхъ интересовъ достигается наибольшая сумма народ-

наго блага, А. Смитъ за государствомъ оставляетъ только охранительныя обязанности: заботы о безопасности и правосудіе.

Эти воззрѣнія лучшихъ мыслителей 18 вѣка въ концѣ этого же вѣка въ значительной мѣрѣ нашли примѣненіе въ жизни, но дѣйствительность не оправдала ожиданій. Во Франціи въ это время были употреблены самыя рѣшительныя мѣры къ водворенію общаго благосостоянія по началамъ экономическаго либерализма, но бѣдность не исчезла, преступленія не уменьшились, безпомощность еще болѣе увеличилась. Это не могло не вызвать разочарованія, перешедшаго въ отчаяніе, выраженіемъ котораго появилась доктрина экономическаго фатализма. Представителями ея были Мальтусъ и Рикардо. Въ какой мѣрѣ дѣйствительно эта доктрина была выраженіемъ отчаянія, можно судить наприм. изъ извѣстнаго положенія Мальтуса, что человѣкъ, рожденный въ свѣтъ уже занятый до него,—лишній на землѣ, сама природа повелѣваетъ ему удалиться и не замедлитъ исполнить свой приговоръ. На сколько и Рикардо доводитъ экономическій пессимизмъ до фатализма, можно судить наприм. изъ его ученія, что опредѣленіе размѣровъ заработчей платы должно всецѣло зависѣть отъ свободной конкурренціи и заработчая плата никогда не должна подвергаться вмѣшательству законодателя. Очевидно въ этомъ случаѣ Рикардо признаетъ что какъ бы не была тяжела дѣйствительность, но она неизбѣжна, если существуетъ общественная законоподчиненность, вслѣдствіе чего и всякое правительственное вмѣшательство или безполезно или вредно.

Но съ отчаяніемъ тяжело мириться человѣку и эта пессимистическая доктрина встрѣтила мало послѣдователей. Она лишь вызвала съ одной стороны сомнѣніе въ существованіи экономическихъ законовъ, выразившееся увеличеніемъ проектовъ общественнаго переустройства, а съ другой стороны вызвала новыя изслѣдованія о дѣйствительномъ значеніи законоподчиненности общественныхъ явленій.

Многіе изъ экономистовъ, желая уяснить надлежащимъ образомъ участіе государства въ экономической жизни, пришли къ той мысли, что экономическіе законы не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что обыкновенно принято называть естественными законами. Такъ Э. Лавеле говоритъ, что „вполнѣ ошибочно называть экономическіе законы законами естественными. Естественные законы, какъ наприм. законъ тяготѣнія, химическаго сродства и т. п. *предписываются* че-

ловѣку и всему міру. Человѣкъ долженъ стараться узнать ихъ, чтобы извлекать изъ нихъ пользу, какъ онъ и поступаетъ во многихъ промыслахъ, примѣняя силы пара или электричества. Производить какія либо измѣненія въ существѣ физическихъ законовъ человѣкъ не можетъ. Политическая экономія не занимается изученіемъ такихъ естественныхъ законовъ. Она имѣетъ своимъ предметомъ законы, издающіеся государственною властью, слѣдовательно такіе законы, которые могутъ быть измѣняемы человѣкомъ по своему усмотрѣнію. Естественнымъ законамъ человѣкъ подчиняется, извлекая изъ нихъ пользу; экономическіе законы онъ можетъ улучшать. Одни находятся внѣ власти человѣка, другіе исходятъ изъ нея". Очевидно, этимъ ученіемъ въ существѣ дѣла отрицается законоподчиненность экономическихъ явленій и экономическая сфера признается вполнѣ подчиненною государству: здѣсь все можетъ быть по произволу измѣняемо, нѣтъ ничего такого, что существовало бы независимо отъ воли людей и отъ государства (1).

Другіе экономисты утверждаютъ, что экономическія явленія не закономѣрны, но правиломѣрны. Существуютъ, говоритъ Шенбергъ, двѣ категоріи законовъ: законы физической природы и законы общественные или историческіе. Законы физической природы—это законы въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это законы вѣчные и неизмѣнные, не допускающіе никакой свободы, никакого самоопредѣленія. Человѣкъ лишь съ матеріальной стороны подчиненъ законамъ въ этомъ смыслѣ слова. Законы соціальные совершенно иного характера. Они не абсолютны, не имѣютъ значенія для всѣхъ людей, но только для людей извѣстнаго состоянія, опредѣленнаго духовнаго развитія. Эти законы измѣняются человѣкомъ, какъ существомъ, обладающимъ свободной волей. Конечно, и хозяйственная дѣятельность человѣка въ извѣстной мѣрѣ подчинена законамъ физической природы. Но это не законы народнаго хозяйства, а законы физической природы, проявляющіеся и въ хозяйственной дѣятельности человѣка. Таковы наприм. законы жизни полезныхъ растеній, культивируемыхъ человѣкомъ. Отождествленіе экономическихъ законовъ съ физическими произошло отъ того, что экономисты составили ошибочное понятіе о мотивахъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Они признали, что эгоизмъ представляетъ собою единственный мотивъ дѣятельности. Эгоизмъ присущъ человѣку на равнѣ со всѣмъ животнымъ міромъ и явленія, вытекающія изъ него, были разсматриваемы какъ явленія, обусловливаемыя закономъ физи-

ческой природы. Но въ дѣйствительности эгоизмъ далеко не является единственнымъ двигателемъ хозяйственной дѣятельности. Человѣкъ въ своей дѣятельности руководствуется также началами нравственности, общественное значеніе которыхъ можетъ быть развиваемо путемъ воспитанія, образованія и религіи. Любовь къ ближнему, благодарность за оказанную услугу, чувство права и справедливости—все это мотивы дѣятельности, которымъ вполнѣ подчиняются и эгоистическія побужденія дѣятельности. Эти нравственные мотивы обусловливаются свободой воли и поэтому экономическая дѣятельность человѣка не можетъ быть признана подчиненною неизмѣннымъ законамъ. Это дѣятельность правиломѣрная, а не закономѣрная въ строгомъ смыслѣ послѣдняго слова. Когда было признано, что хозяйство есть продуктъ свободной дѣятельности человѣка, то и роль государства въ этой дѣятельности была возвышена. Государство съ одной стороны своимъ законодательствомъ, а съ другой посредствомъ органовъ управленія должно регулировать экономическую дѣятельность населенія (2).

Согласившись съ этими воззрѣніями на характеръ экономическихъ законовъ, мы дѣйствительно даемъ высокое значеніе государству въ хозяйственной дѣятельности страны, но въ тоже время должны придти къ отрицанію всякаго научнаго характера политической экономіи. Наука превращается въ изученіе правилъ, плановъ и рецептовъ народнаго благосостоянія, т. е. перестаетъ быть наукой, какъ суммой знаній о законахъ явленій.

Ошибочность этихъ воззрѣній произошла отъ того, что не обращено должнаго вниманія на сущность экономической законоподчиненности. Какъ мы уже говорили, политическая экономія никогда не открыла бы въ изучаемыхъ ею явленіяхъ законоподчиненности, если бы она искусственно не устраняла всего того, что является случайнымъ, временнымъ, мѣстнымъ и частнымъ. Но открываемые ею законы не исключаютъ изъ жизни этихъ послѣднихъ элементовъ. Научное положеніе о сфероидальности земли еще далеко отъ отрицанія высокихъ горъ и глубокихъ пропастей. Придавая надлежащее значеніе экономическимъ законамъ, мы не можемъ и не должны уменьшать значенія того, что устраняется экономистами отъ изучаемаго явленія для открытія законоподчиненности. Эта сторона общественности есть наша непосредственная жизнь, въ ней наши страданія и радости, наша доля и недоля. Игнорировать ею также основательно, какъ

было бы основательно игнорировать горами и пропастями во имя научнаго положенія о сфероидальности земли. Эти горы и эти пропасти требуютъ устройства удобныхъ спусковъ и подъемовъ, туннелей и мостовъ. Это случайное, временное, мѣстное и частное въ явленіяхъ общественности требуетъ управленія, вызываетъ необходимость надлежащаго устройства общежитія для достиженія общаго благосостоянія. Одного юридическаго порядка, въ необходимости котораго не сомнѣвались сторонники законоподчиненности экономическихъ явленій, недостаточно, такъ какъ при существованіи этихъ случайныхъ, временныхъ, мѣстныхъ и частныхъ условій въ явленіяхъ общественности требованія блага могутъ быть въ противорѣчіи съ требованіями права и одинъ юридическій строй общежитія равносиленъ возведенію въ принципъ анархіи интересовъ. Обратимъ наприм. вниманіе на значеніе случая.

Случаемъ мы называемъ простое совпаденіе явленій. Такая случайность существуетъ въ жизни на каждомъ шагу и нѣтъ необходимости отрицать ее во имя принципа общественной законоподчиненности. Какъ назвать, какъ не случайностью наприм. совпаденіе дня смерти Э. Канта съ солнечнымъ затмѣніемъ? Въ такомъ же смыслѣ случаемъ мы называемъ наприм. совпаденіе года рожденія Кювье и А. Гумбольдта, Наполеона и Велингтона съ прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца. Въ практической жизни случайность иногда можетъ вредно отзываться на всемъ общественномъ строѣ, можетъ разрушать общественное и частное благосостояніе. Нѣтъ никакой необходимости предаваться фатализму въ этихъ случаяхъ и не предпринимать никакихъ мѣръ противъ случайныхъ условій, разрушающихъ наше благосостояніе и препятствующихъ проявленію естественныхъ его законовъ. Если необходимыя для этого мѣры превосходятъ силы отдѣльнаго человѣка, то общій интересъ требуетъ, что бы онѣ предпринимались обществомъ или государствомъ. Такъ возникаетъ необходимость хозяйственной дѣятельности государства наприм. относительно предупрежденія и пресѣченія бѣдствій, причиняемыхъ наводненіями, пожарами, градомъ и тому подобными стихійными дѣятелями. Всякому должно быть ясно, что такое вмѣшательство государства не только не противорѣчитъ существованію законовъ въ сферѣ общественныхъ явленій, но и предпринимается въ цѣляхъ устраненія осложненій въ ихъ примѣненіи, мѣшающихъ надлежащему ихъ дѣйствію.

Не меньшее осложненіе законовъ явленій общественности происходитъ отъ условій времени и мѣста. Всякій законъ въ сферѣ общественности указываетъ на то однородное, по которому стремится сложиться жизненное разнообразіе въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей. Это однородное относится къ среднему времени и мѣсту, а никоимъ образомъ не къ каждому отдѣльному случаю. По даннымъ статистики, въ семьѣ средняго человѣка всегда родится мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ, но въ той или иной конкретной семьѣ можетъ быть дѣвочекъ больше, чѣмъ мальчиковъ, можетъ и вовсе не быть дѣтей. Послѣдніе факты, хотя бы и встрѣчались они на каждомъ шагу, не упраздняютъ статистическаго закона, такъ какъ законъ этотъ относится къ средней, а не ко всякой отдѣльной семьѣ. Точно также экономическій законъ, имѣющій полное примѣненіе въ жизни общества, можетъ не имѣть примѣненія къ частной дѣятельности.

Такъ, хотя съ общественной точки зрѣнія обмѣнъ не можетъ быть названъ источникомъ доходовъ, но такъ какъ для частнаго лица доходъ есть результатъ цѣнъ, то частныя лица во многихъ случаяхъ склонны заключать между собою стачки и устанавливать высокія цѣны, пользуясь нуждой потребителей и невозможностью найти другихъ продавцевъ. Вотъ почему возникаетъ необходимость надлежащаго регулированія цѣнъ, установленія таксъ, облегченія подвоза продуктовъ и т. п. Подобное вмѣшательство не исключаетъ закона, не упраздняетъ научной аксіомы, что единственнымъ источникомъ доходовъ есть производство, а не обмѣнъ, посредствомъ котораго лишь распредѣляются уже созданные доходы. Напротивъ того, это вмѣшательство и предпринимается съ тою цѣлію, чтобы общественно-хозяйственный законъ нашелъ для себя въ данныхъ условіяхъ надлежащее примѣненіе, чтобы доходъ нѣкоторыхъ не получался на счетъ другихъ, не былъ бы результатомъ обмѣна и монопольныхъ цѣнъ. Подобное вмѣшательство также не упраздняетъ научнаго закона, какъ не упраздняетъ оно и въ томъ случаѣ, когда предпринимаются мѣры наприм. противъ воровства. Съ общественной точки зрѣнія производство— единственный источникъ богатства, но съ частной точки зрѣнія такимъ источникомъ можетъ быть обмѣнъ, можетъ быть обманъ, можетъ быть и воровство. Посредствомъ воровства можетъ обогатиться частное лице, но такъ какъ при этомъ происходитъ вычетъ изъ богатства другихъ,

то чрезъ воровство народное богатство не увеличивается. И если предпринимаются мѣры противъ воровства, то этимъ еще не упраздняется научное положеніе о единственномъ источникѣ народнаго богатства, такъ какъ это общественно-экономическое положеніе. Очевидно, не имѣетъ никакого научнаго значенія такая дилемма: или предпринимайте мѣры противъ воровства, такъ какъ нѣтъ никакихъ законовъ общественности, или если такіе законы существуютъ, то они сами фатально должны примѣняться и не нужно никакихъ мѣръ противъ воровства.

Существуютъ нѣкоторые предметы собственности, относительно пользованія которыми въ особенности вредно предоставленіе безусловной свободы частному интересу. Такова наприм. лѣсная собственность. По многимъ причинамъ лѣсъ имѣетъ важное общественное значеніе и государство заинтересовано въ сохраненіи опредѣленнаго процента лѣсной площади. Но лѣсовладѣлецъ можетъ быть заинтересованъ не въ сохраненіи, а въ истребленіи своихъ лѣсовъ. Предоставленіе частному лѣсовладѣльцу, во имя принципа свободы собственности, безусловнаго права на лѣсъ было бы равносильно разрѣшенію разбойничать во имя того, что запрещеніемъ разбойничать съуживается и ограничивается сфера свободы человѣка, занимающагося разбоемъ. Общество имѣетъ право и обязанность заботиться о томъ количествѣ лѣсовъ, какое необходимо для нуждъ страны. Общество имѣетъ право и обязанность регулированія частныхъ интересовъ такимъ образомъ, чтобы не были нарушаемы общіе интересы и общее развитіе въ своемъ естественномъ ростѣ не встрѣчало неблагопріятныхъ условій.

Эта неодинаковость интересовъ частнаго и общаго приводитъ также къ необходимости самостоятельной хозяйственной дѣятельности въ сферѣ послѣдняго въ виду того, что подобная дѣятельность или не вызывается непосредственно частными интересами, или превосходитъ частныя средства или имѣетъ такое значеніе, что не можетъ быть предоставлена частнымъ лицамъ. Отсюда возникаетъ необходимость наприм. устройства государствомъ или обществомъ учебныхъ заведеній, желѣзныхъ дорогъ, санитарныхъ улучшеній и т. п. общественныхъ предпріятій.

Изученіе условій наиболѣе цѣлесообразнаго воздѣйствія государства на народное хозяйство составляетъ предметъ особой науки, называемой *юридической экономіей* или *полицейскимъ правомъ*. Задача этой

науки—изученіе въ разнообразіи жизненныхъ отношеній хозяйственныхъ нормъ для дѣятельности, направленной съ одной стороны къ охранѣ существующаго благосостоянія, т. е. къ предупрежденію и пресѣченію дѣйствій, нарушающихъ существующее благосостояніе; съ другой же стороны—изученіе хозяйственныхъ нормъ для надлежащаго содѣйствія дальнѣйшему развитію народнаго блага. Юридическая экономія такимъ образомъ представляетъ собою необходимое дополненіе политической экономіи. Послѣдняя имѣетъ своимъ предметомъ изученіе однороднаго, по которому естественно стремятся организоваться общественныя явленія въ дѣятельности, направленной къ достиженію блага. Юридическая экономія въ осложненіи этого однороднаго жизненнымъ разнообразіемъ изучаетъ правоосновапія, при посредствѣ которыхъ законы политической экономіи находятъ надлежащее примѣненіе и достигается водвореніе народнаго благосостоянія.

Тщетно надѣются, что одного осознанія всѣми экономическихъ законовъ вполнѣ достаточно для всесторонняго ихъ примѣненія и для достиженія благосостоянія. Ошибается наприм. Маклеодъ, полагая, что „когда всѣ выводы политической экономіи будутъ ясно поняты и всѣ доктрины ея получатъ доступъ въ сознаніе большинства, она приведетъ къ тому, что весь міръ изъ бойни и мясной лавки превратится въ садъ изобилія и благосостоянія". Изъ сказаннаго нами видно, что одного осознанія законовъ блага политической экономіей еще не достаточно для водворенія благосостоянія. Всегда будетъ существовать въ жизни то случайное, временное, мѣстное и частное, которымъ осложняются и видоизмѣняются экономическіе законы. Всегда будетъ существовать необходимость въ государственномъ управленіи, которое должно быть основываемо на данныхъ политической экономіи, такъ какъ задача его—созданіе условій для надлежащаго проявленія въ жизни законовъ народнаго благосостоянія.

Въ настоящемъ курсѣ мы коснемся лишь тѣхъ сторонъ государственнаго воздѣйствія на народное хозяйство, которыя имѣютъ наиболѣе важное значеніе, такъ какъ подробное изложеніе правооснованій его относится къ юридической экономіи ([3]).

([1]) É.de Laveleye. Élémements d'économie politique. стр. 16—17. ([2]) Schönberg. Handbuch der politischen oekonomie. стр. 46 и слѣд. ([3]) А. Антоновичъ—Полицейское право и политическая экономія. Унив. Изв. 1883 г. февраль.

§ 2. Отношеніе государства къ народному хозяйству различно на разныхъ ступеняхъ развитія гражданственности. Въ древнихъ теократическихъ государствахъ вся жизнь частнаго лица была вполнѣ подчинена государственно-религіозному контролю; законъ регулировалъ всю жизнь человѣка, съ момента рожденія до смерти включительно. Тоже самое, хотя въ болѣе слабой мѣрѣ, мы видимъ въ древней Греціи и Римѣ.

Подобное же поглощеніе личности государствомъ возникло къ концу среднихъ вѣковъ и въ началѣ новѣйшаго періода западной Европы въ новой формѣ, носящей названіе просвѣщеннаго государственнаго деспотизма. Въ нѣкоторыхъ государствахъ такое поглощеніе доходило до крайнихъ предѣловъ и выразилось, какъ наприм. во Франціи, во всепоглащающей политической и соціальной централизаціи, по которой Людовикъ XIV вполнѣ основательно могъ говорить: L'etat c'est moi. Не было предѣловъ вмѣшательству власти въ частныя отношенія и вообще въ народную жизнь. Крайнее поглощеніе личности государствомъ должно было вызвать реакцію. Вмѣшательство государства въ народное хозяйство носило названіе полицейской дѣятельности государства. Реакція была направлена именно противъ этой дѣятельности. „Жизнь не дружелюбно посмотрѣла на полицію, какъ на такую отрасль государственной дѣятельности, которая стѣсняла свободное развитіе, регламентируя, когда не требовалось вмѣшательство, подвергая мелочнымъ формальностямъ, когда представлялась нужда въ дѣйствительной помощи, опекая взрослыхъ и находящихся въ здравомъ умѣ и предоставляя свободу тамъ, гдѣ некому было ею воспользоваться“ (1). Необходимо было указать предѣлы экономической дѣятельности государства, остановить регламентацію и подавленіе личности.

Впервые такое указаніе предѣловъ было сдѣлано въ попыткѣ мыслителей признать за человѣкомъ *естественныя права*, существующія не зависимо отъ государства. Практически это воззрѣніе выразилось въ извѣстной *деклараціи правъ человѣка*, провозглашенной во время французской революціи. Но признаніе этихъ правъ принесло мало пользы дѣлу, границы имѣли слишкомъ теоретическій характеръ и не могли оказать надлежащаго вліянія.

Послѣ неудачи съ естественными правами человѣка на защиту личности выступили экономисты признаніемъ *естественныхъ правъ законовъ промышленности*, въ какой сферѣ должна быть предостав-

лена полная свобода и гдѣ не должно быть никакого вмѣшательства государства. Система laissez—faire, laissez—passer послужила основаніемъ для построенія ученій о такъ называемомъ *правовомъ государствѣ*, ограничивающихъ вмѣшательство государства въ народное хозяйство и опредѣляющихъ предѣлы дѣятельности государства лишь однимъ обезпеченіемъ условій правосудія и безопасности. Государство должно отправлять правосудіе и ограждать безопасность, все же остальное должно быть предоставлено личной свободѣ гражданъ.

Правовое государство точнѣе опредѣлило отношеніе государства къ народному хозяйству, но въ тоже время и наиболѣе рѣшительные сторонники его не могли не чувствовать недостаточнымъ такое отрицательное отношеніе. Одинъ изъ лучшихъ представителей этого ученія, Р. Моль видитъ задачу правоваго государства въ томъ, „чтобы, посредствомъ разумной организаціи общей силы, дать возможность какъ отдѣльному члену, такъ и фактически существующимъ второстепеннымъ жизненнымъ кружкамъ развивать всѣ свои силы и преслѣдовать свои разумныя цѣли, и чтобы помогать и защищать ихъ въ этомъ“ (2). Такимъ образомъ Моль признаетъ необходимою, сверхъ защиты, помощь, признаетъ за государствомъ не только огражденіе безопасности, но также и положительное содѣйствіе опредѣленнымъ цѣлямъ и стремленіямъ. И въ дѣйствительности ни одно государство никогда не ограничивало своей дѣятельности исключительно мѣрами отрицательнаго характера. Доктрина правоваго государства сказалась въ жизни лишь ограниченіемъ вмѣшательства государства въ экономическія отношенія, ослабленіемъ регламентаціи и уменьшеніемъ его вліянія, какъ крупнаго экономическаго фактора. Это ослабленіе экономической авторитетности государствъ въ свою очередь вызываетъ реакцію. Въ жизни на каждомъ шагу все болѣе и болѣе заявляются требованія хозяйственной дѣятельности со стороны государства; культурныя условія требуютъ созданія *хозяйственнаго государства*, которое должно заступить мѣсто *правоваго государства*. Киссельбахъ въ своихъ „Общественно-политическихъ этюдахъ“, изданныхъ еще въ 1862 г. въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ эти требованія въ чисто теоретическомъ отношеніи: „кто хотя сколько нибудь слѣдилъ въ послѣднее время за развитіемъ воззрѣній на государство, тотъ не могъ не вынести убѣжденія, что мы находимся въ этомъ отношеніи въ переходномъ періодѣ: прежнія теоріи рушатся съ измѣненіемъ времени, между

тѣмъ какъ новыя идеи, возникающія изъ развалинъ, не установились еще. Основную причину этого явленія надо искать въ тѣхъ притязаніяхъ, которыя въ настоящее время предъявляетъ хозяйственное государство (Wirtschaftsstaat) къ правовому государству“ (3). Съ тѣхъ поръ начала хозяйственнаго государства выработаны болѣе или менѣе положительно. Эти начала могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

а) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльное лицо собственными своими силами и средствами не можетъ создать такихъ условій безопасности и благосостоянія, безъ которыхъ развитіе его невозможно, на помощь ему должна явиться дѣятельность другихъ, называемая полицейскою. Прежде всего эта помощь должна быть дѣломъ государства, организующаго также дѣятельность другихъ учрежденій и союзовъ, преслѣдующихъ ту же цѣль. Это основной законъ хозяйственной дѣятельности государства. Безъ этого закона, вполнѣ вѣрно замѣчаетъ И. Андреевскій, „самое право человѣка стремиться къ всестороннему своему развитію было бы пустымъ звукомъ. Оно и остается таковымъ въ мало развитомъ обществѣ, гдѣ еще не проявляется сознаніе о той пользѣ, которую люди могутъ взаимно приносить другъ другу, гдѣ нѣтъ рѣчи о равноправности людей и слѣдовательно объ общемъ правѣ стремиться ко всестороннему развитію и пользоваться для того совершенно равными и одинаковыми условіями безопасности и благосостоянія. Но въ обществахъ, составляющихъ нынѣшнія государства, сознаніе этого права начинаетъ дѣлаться общимъ достояніемъ, влекущимъ за собою постоянное измѣненіе и развитіе всего государственнаго строя“ (4).

б) Согласно съ этимъ первымъ положеніемъ о задачахъ государства въ отношеніи къ народному хозяйству, помощь оказывается тогда, когда она требуется при недостаточности частныхъ средствъ къ созданію прочныхъ условій безопасности и благосостоянія. Но такая помощь можетъ быть оказываема также исключительно во имя общественнаго интереса. Государство имѣетъ своей задачей національное развитіе вообще, создавая благопріятныя этому развитію условія и упраздняя все, что препятствуетъ послѣднему. Въ интересахъ національнаго развитія государство устраиваетъ народныя школы, не дожидаясь того времени, пока народъ на столько разовьется, что самъ потребуетъ въ этомъ дѣлѣ государственнаго содѣйствія и охотно ста-

нетъ давать средства на устройство школъ. На этомъ началѣ основывается введеніе обязательнаго начальнаго обученія, обязательныя постановленія о страхованіи имуществъ отъ огня, о страхованіи скота отъ эпидемій, о страхованіи посѣвовъ отъ градобитій и т. п.

в) Дѣятельность государства, нормирующая частную дѣятельность, въ особенности необходима тогда, когда свободное распоряженіе частнымъ имуществомъ можетъ причинять вредъ другимъ. Таковы наприм. предписанія объ обязательномъ веденіи въ частныхъ лѣсахъ правильнаго лѣснаго хозяйства, о разверстаніи черезполосныхъ земель, объ отношеніи хозяевъ къ рабочимъ и т. п.

г) Наконецъ многія хозяйственныя предпріятія даже въ томъ случаѣ, когда организація ихъ можетъ быть создана частными средствами, не могуть быть предоставляемы частному почину и частнымъ хозяйствамъ. Таковы наприм. желѣзныя дороги, денежное хозяйство страны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ банковое дѣло. Здѣсь необходимо непосредственное государственное хозяйство или, въ крайнихъ случаяхъ, строгій государственный контроль.

Ограниченіе свободы частнаго интереса можетъ быть производимо не иначе, какъ во имя общественнаго интереса. Общественный же интересъ долженъ въ каждомъ частномъ случаѣ указывать предѣлы такого ограниченія. „Въ человѣческомъ обществѣ, основательно говоритъ И. Тэнъ, всякое совершеніе или несовершеніе дѣйствія, будь оно единичное, отдѣльное, даже тайное всегда приноситъ обществу долю прибыли или убытка. Если я не пекусь о своей собственности, о своемъ здоровьѣ, о своемъ умѣ или душѣ, я тѣмъ самымъ ослабляю въ своемъ лицѣ одного изъ членовъ общины, которая богата, здорова и сильна лишь вслѣдствіе богатства, здоровья и силы всѣхъ своихъ членовъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Съ этой точки зрѣнія всѣ мои частные поступки становятся общественнымъ добромъ или зломъ. Чего же въ такомъ случаѣ государству церемониться и не предписывать мнѣ однихъ и не запрещать другихъ? Отчего бы ему въ видахъ наилучшаго пользованія правомъ и наиболѣе успѣшнаго отправленія такой обязанности не сдѣлаться прямо всеобщимъ поставщикомъ труда и всеобщимъ раздавателемъ произведеній? Почему бы ему не быть единственнымъ земледѣльцемъ, фабрикантомъ, купцемъ, единственнымъ собственникомъ и администраторомъ? А потому именно, что это было бы противно общей пользѣ:

здѣсь то самое начало, которое выдвинулось противъ личной независимости человѣка, начинаетъ дѣйствовать обратно и изъ противника ея превращается въ защитника (5). Наше законодательство въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ отношеніе государства къ народному хозяйству: Во всѣхъ министерствахъ, особливо же въ тѣхъ, коихъ предметомъ есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, что бы мѣрами излишняго надзора и многосложностію правилъ не стѣснить частной предпріимчивости. Истинные способы сего управленія должны состоять болѣе въ отвращеніи препятствій, нежели въ точномъ и понудительномъ предписаніи путей, коими должна шествовать промышленность. Здѣсь скорѣе найти и указать ихъ можетъ частная польза, нежели законъ. (Св. Законовъ, т. I., кн. IV, ст. 202).

(1) Р. фонъ Моль. Наука о полиціи, пер. Р. Сементковскаго, предисловіе переводчика. (2) Ibid. стр. 2. (3) Kiesselbach. Socialpolitische Studien. стр. 104—105; Гр. Симоненко Государства, общество и право т. I. стр. 133. (4) Полицейское право т. I. стр. 17. (5) И. Тэнъ. Соціализмъ, какъ правительство, стр. 42—43.

IV. Потребности человѣка и народное хозяйство.

§ 1. Потребность есть стремленіе къ самосохраненію, довольству и развитію. Потребности, имѣющія въ своемъ основаніи исключительно стремленіе къ самосохраненію, обыкновенно носятъ названіе первоначальныхъ потребностей, представляющихъ собою проявленіе необходимаго взаимодѣйствія между человѣческими организмами и внѣшнимъ міромъ. Безъ удовлетворенія ихъ человѣкъ не можетъ существовать. При отсутствіи возможности удовлетворить потребность въ питаніи, человѣческій организмъ приходитъ въ разрушеніе, наступаетъ смерть отъ голода или жажды. При слабомъ удовлетвореніи этой потребности процессъ разрушенія происходитъ болѣе или менѣе медленно. При плохомъ питаніи увеличивается заболѣваемость и смертность населенія, плохое питаніе семьи ведетъ къ хилости и болѣзненности дѣтей, приводитъ къ вырожденію населенія. Но и легкая возможность въ удовлетвореніи ихъ сопровождается не менѣе тяжелыми послѣдствіями. Человѣкъ, имѣющій возможность безъ всякихъ усилій удовлетворять свои первоначальныя потребности, не вырабатываетъ наклонности къ труду, ограничивается тѣмъ, что даетъ ему богатая природа, довольствуется настоящимъ, не заботясь объ улучшеніи своего положенія. Не можетъ быть сомнѣнія, что для зарожденія въ человѣчествѣ первыхъ проблесковъ культуры необходимъ былъ досугъ, необходимо было свободное время отъ труда для удовлетворенія первоначальныхъ потребностей. Въ началѣ историческаго поприща человѣкъ могъ найти такой досугъ только въ мѣстностяхъ особенно плодородныхъ. Колыбелью человѣческой цивилизаціи могла быть только страна, въ которой человѣкъ могъ легко, безъ особенныхъ усилій и безъ особенной борьбы съ природой, удовлетворять свои первоначальныя потребности. И въ дѣйствительности мы видимъ, что сказанія всѣхъ народовъ относятъ начало не только цивилизаціи, но и самое происхожденіе человѣка

къ плодороднымъ мѣстностямъ Востока. Но, послуживъ колыбелью цивилизаціи, эти мѣстности не дали возможности дальнѣйшаго ея развитія. Богатая природа, такъ сказать, убаюкала человѣка и восточные народы заснули въ колыбели цивилизаціи, передавъ сѣмена послѣдней народамъ другихъ странъ, отъ которыхъ въ свою очередь должно произойти пробужденіе первыхъ. Въ то время какъ народы восточныхъ благодатнѣйшихъ странъ міра окаменѣли въ выработанныхъ ими формахъ общественной жизни, причемъ самая мысль объ измѣненіи чего либо въ этихъ формахъ считается у нихъ преступленіемъ, народы менѣе плодородныхъ странъ Европы, съ трудомъ добывающіе свой хлѣбъ, неуклонно развиваютъ свою культуру, стремясь къ болѣе и болѣе полному удовлетворенію всѣхъ потребностей человѣка. Самыя формы общежитія въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ того, какимъ образомъ человѣкъ можетъ удовтетворять свои первоначальныя потребности. Чѣмъ болѣе препятствій приходится преодолѣвать человѣку на пути къ удовлетворенію ихъ, тѣмъ больше требуется свободы въ его трудѣ, такъ какъ отъ этой свободы зависитъ производительность труда, а слѣдовательно увеличеніе средствъ удовлетворенія потребностей. На этомъ основаніи колыбелью рабства могли быть тѣ же наиболѣе благодатныя страны, которыя были и колыбелью человѣческой цивилизаціи, между тѣмъ какъ страны сѣверной Европы сдѣлались колыбелью экономической свободы. По замѣчанію Монтескье, народы сѣвера „обязаны много работать, иначе во всемъ испытывали бы недостатокъ и сдѣлались бы варварами. Рабство какъ бы усвоилось у южныхъ народовъ: они обходятся безъ богатства и могутъ еще лучше обойтись безъ свободы. Народы сѣвера имѣютъ настоятельную потребность въ свободѣ, которая доставляетъ имъ болѣе средствъ къ удовлетворенію нуждъ“ ([1]).

Размѣры первоначальныхъ потребностей не одинаковы въ различныхъ странахъ и въ разное время у одного и того же народа. Прежде всего различіе это зависитъ отъ климатическихъ условій. Часть питательныхъ веществъ потребляемыхъ человѣкомъ идетъ на поддержаніе въ организмѣ теплоты. Въ странахъ холодныхъ уже по этому одному, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, количество потребляемой ежедневно каждымъ человѣкомъ пищи должно быть значительнѣе, чѣмъ въ теплыхъ странахъ. На этомъ же основаніи жители южныхъ странъ могутъ довольствоваться преимущественно рас-

тительной пищей, между тѣмъ какъ жители сѣвера не могутъ обойтись безъ мясной пищи. Затѣмъ въ тепломъ климатѣ населеніе имѣетъ несравненно меньшую потребность въ одеждѣ, постройкахъ, топливѣ и т. п., между тѣмъ какъ у жителей холоднаго климата эти потребности занимаютъ первостепенное значеніе, наравнѣ съ потребностью въ пищѣ и водѣ. Такое различіе въ самыхъ размѣрахъ первоначальныхъ потребностей, происходящее отъ чисто естественныхъ причинъ, кладетъ отпечатокъ на всемъ экономическомъ строѣ населенія. Первоначальныя потребности должны быть удовлетворены прежде другихъ. Поэтому чѣмъ больше размѣры ихъ, тѣмъ меньше остается, при равенствѣ остальныхъ условій, рабочаго времени на удовлетвореніе другихъ, высшихъ потребностей. Тотъ народъ, который въ силу благопріятныхъ климатическихъ условій имѣетъ возможность меньшимъ количествомъ труда достигнуть удовлетворенія своихъ первоначальныхъ потребностей, уже поэтому имѣетъ возможность обратить большее вниманіе на тѣ потребности, которыя имѣютъ въ своемъ основаніи не самосохраненіе, но довольство и развитіе. Культурное развитіе такого народа должно начаться раньше и если при этомъ нѣтъ той легкости удовлетворенія первичныхъ потребностей, которая вызываетъ апатію и лѣнь, то и дальнѣйшій ростъ такой болѣе ранней культуры является болѣе обезпеченнымъ. Употребляя меньше издержекъ на постройки, топливо, одежду и т. п., населеніе имѣетъ болѣе средствъ на удовлетвореніе своихъ духовно-нравственныхъ потребностей, вслѣдъ за удовлетвореніемъ въ предметахъ необходимости обезпечиваетъ себя предметами удобства, пользы, произведеніями искуствъ и художествъ.

Относительно размѣровъ первоначальныхъ потребностей значительная часть нашего отечества находится въ положеніи не удовлетворительномъ, сравнительно съ положеніемъ большей части западноевропейскаго населенія. Значительная часть русскаго населенія обременена такими экстренными расходами на удовлетвореніе первоначальныхъ потребностей, которые совершенно не извѣстны въ болѣе умѣренномъ климатѣ. Всякій хозяинъ въ Россіи, какъ богатый, такъ и бѣдный, говоритъ кн. А. Васильчиковъ „долженъ имѣть двойной запасъ платья и обуви, зимнія и лѣтнія, двойной комплектъ повозокъ—телѣгу и сани, онъ долженъ запастись топливомъ и кормомъ на 6—7 мѣсяцевъ; отъ губительнаго дѣйствія морозовъ и оттепелей сооруженія, мосты и мостовыя, дороги и строенія разрушаются у насъ скорѣе, чѣмъ въ теп-

лыхъ странахъ, требуютъ частыхъ поправокъ и ремонта, налагая такимъ образомъ на жителей тяжкія работы и повинности по содержанію всего этого въ исправности“ (2). Увеличеніе расходовъ на удовлетвореніе наиболѣе насущныхъ нуждъ не можетъ не отражаться неудовлетворительно на всѣхъ экономическихъ успѣхахъ страны. Эти расходы неблагопріятно отзываются и въ нравственномъ отношеніи. По справедливому отзыву того же А. Васильчикова, эти природныя невзгоды вліяютъ и на нравственные успѣхи. „Если бы напримѣръ установлено было въ Россіи обязательное безплатное обученіе, то представилось бы неизбѣжнымъ озаботиться еще и снабженіемъ учениковъ изъ бѣдныхъ семействъ теплой одеждой, чтобы они не замерзали на дорогахъ къ сельскимъ школамъ. Однимъ словомъ, всякій шагъ нашъ на пути внутренняго устроенія стоитъ намъ большихъ усилій, обходится гораздо труднѣе и дороже, чѣмъ народамъ, обитающимъ въ умѣренныхъ и теплыхъ климатахъ или въ странахъ приморскихъ, съ удобными и легкими сообщеніями, и чтобы поспѣвать за ними въ культурномъ развитіи, чтобы не отставать отъ европейскаго и общечеловѣческаго прогресса, намъ въ Россіи надо тратить больше физическихъ силъ, денежныхъ и матеріальныхъ средствъ“ (3). Природныя невзгоды, въ которыхъ находится Россія относительно первоначальныхъ потребностей, не могутъ быть уничтожены,—такъ какъ не можетъ быть измѣненъ источникъ ихъ—климатическія условія страны.

При равенствѣ средствъ удовлетворенія, увеличеніе размѣровъ первичныхъ потребностей человѣка равносильно увеличенію нужды. Этимъ главнымъ образомъ объясняется разница въ положеніи бѣднѣйшихъ классовъ населенія современныхъ культурныхъ народовъ сравнительно съ положеніемъ ихъ въ государствахъ древняго міра. Пролетаріатъ всегда существовалъ, но никогда онъ не былъ такъ тяжелъ, какъ у современныхъ западно-европейскихъ народовъ. Пролетарій въ древней Греціи или Римѣ могъ обходиться безъ жилища, безъ теплой одежды, могъ довольствоваться самой скудной пищей. Но по мѣрѣ того, какъ цивилизація переходила изъ теплыхъ странъ въ сѣверныя, тягость неимущества увеличивалась, бѣдность становилась невыносимѣе и лишенія, испытываемыя народными массами, должны были обратить на себя общее вниманіе правительствъ. Вопросъ о бѣдныхъ сдѣлался важнѣйшимъ государственнымъ вопросомъ съ тѣхъ поръ, какъ культура получила осѣдлость въ холодныхъ странахъ.

Не меньшее вліяніе на размѣры первичныхъ потребностей оказываютъ и культурныя условія жизни. Измѣненія, вызываемыя ими, на столько велики, что въ общемъ вліяніе культурныхъ условій можно признать даже болѣе значительнымъ, чѣмъ вліяніе причинъ чисто физическаго характера. Достаточно сравнить минимумъ средствъ существованія дикаря съ тѣмъ, что считаетъ необходимымъ для своего существованія современный культурный человѣкъ обыкновеннаго достатка, чтобы оцѣнить все значеніе въ этомъ отношеніи культурныхъ условій. При тѣхъ средствахъ существованія, которыя дикарю представляются идеаломъ роскоши, не многіе изъ лицъ средняго достатка современныхъ образованныхъ государствъ могли бы поддерживать свое существованіе. Минимумъ средствъ существованія не можетъ быть признанъ величиной постоянной, опредѣляемой физіологическими условіями при данной физической обстановкѣ. Культурная обстановка измѣняетъ этотъ минимумъ, измѣняя привычки населенія. Едва человѣкъ нашелъ возможность удовлетворить свою нужду въ кровѣ, онъ заботится о томъ, чтобы имѣть удобный кровъ; удовлетворивъ свою потребность въ здоровой пищѣ, онъ уже заботится о томъ, чтобы пища была пріятна для его вкуса. Удовлетворивъ себя необходимымъ, онъ заботится о полезномъ; удовлетворивъ себя полезнымъ, онъ начинаетъ заботиться о пріятномъ Привычка дѣлаетъ то, къ чему человѣкъ на первыхъ порахъ стремится лишь какъ къ полезному и пріятному, необходимымъ въ такой же мѣрѣ, въ какой дикарь считалъ для себя необходимыми свои скудныя средства существованія. Нѣкоторые экономисты дѣлятъ потребности человѣка на естественныя и искусственныя, относя къ послѣднимъ всѣ тѣ, которыя создаются привычками людей къ лучшему образу жизни сравнительно съ тѣмъ, что необходимо для простаго насыщенія и удовлетворенія жажды. Но такія искусственныя, какъ создаваемыя самымъ человѣкомъ, потребности самосохраненія имѣютъ въ дѣйствительности такое жизненное значеніе, что слѣдовало бы ихъ назвать естественными и искусственными тѣ, которыя называются экономистами естественными потребностями. Если бы кто изъ состоятельныхъ людей пожелалъ ограничиться потребленіемъ хлѣба и воды, то это желаніе всѣмъ показалось бы искусственнымъ, не естественнымъ желаніемъ. Такъ подъ вліяніемъ культуры первоначальныя потребности человѣка естественно развиваются, не давая возможности человѣку остановиться въ его развитіи вообще.

Это измѣненіе потребностей имѣетъ громадное экономическое значеніе. Стремленіе къ жизненнымъ улучшеніямъ, говоритъ Шторхъ, въ нравственномъ мірѣ имѣетъ такое же значеніе, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія для физическаго міра (4). Это могучая сила, создающая движеніе. Достигнутое улучшеніе закрѣпляется силой привычки, становится необходимымъ и человѣкъ снова стремится къ новымъ улучшеніямъ, испытывающимъ ту же судьбу. Вполнѣ правъ нашъ экономистъ И. Вернадскій, отождествляющій самое понятіе о потребности съ развитіемъ вообще, назвавъ потребность „сознаннымъ условіемъ нашего развитія“ (5). Потребности самосохраненія были первымъ побужденіемъ къ дѣятельности и то, что эти потребности развиваются, послужило наиболѣе дѣйствительной причиной развитія человѣческой дѣятельности, залогомъ культурнаго развитія человѣка. Чтобы цивилизовать дикаря, говоритъ Милль, нужно внушить ему новыя потребности и желанія, хотя бы и не очень высокаго рода, чтобы стремленіе удовлетворить имъ могло побуждать его къ постоянной и правильной физической и умственной дѣятельности. Если бы негры на Ямайкѣ и въ Демерарѣ по своемъ освобожденіи удовольствовались, какъ предсказывалось тогда, однимъ необходимымъ для жизни, если бы они бросили всякій трудъ, кромѣ очень небольшаго труда, достаточнаго на поддержаніе жизни въ тропическомъ климатѣ при малочисленномъ населеніи и при множествѣ богатѣйшей земли, то они впали бы въ состояніе болѣе варварское, хотя и болѣе счастливое, чѣмъ въ какомъ были прежде при рабствѣ. Любовь ихъ къ щегольской одеждѣ и къ нарядамъ послужила самымъ надежнымъ средствомъ склонять ихъ къ труду“ (6). Это побужденіе къ развитію культуры, какъ видимъ, создается самой же культурой, подъ вліяніемъ которой въ человѣчествѣ постепенно развиваются новыя и новыя потребности, причемъ то, что сперва было предметомъ удобства, становится предметомъ необходимости, то, что служитъ довольству и улучшенію, становится также настоятельнымъ, какъ потребность въ пищѣ и водѣ. Для образованнаго человѣка умственная пища является не менѣе необходимою, чѣмъ и матеріальная пища. Потребности духа получаютъ такое же значеніе, какъ и потребности тѣла.

(1) Монтескье. Духъ законовъ, 7. 2. стр. 218—219. (2) А. Васильчиковъ Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. стр. 143. (3) Ibid. стр. 143—

144. (4) H. Storch. Cours d'économie politique, т. 1. стр 53. (5) И. В. Вернадскій. Очеркъ теоріи потребностей. СПБ. 1857 г. стр. 142 –143.

§ 2. Относительно развитія и сравнительнаго значенія потребностей экономическая наука констатируетъ слѣдующія положенія: 1). Человѣчество относительно потребностей имѣетъ неограниченную экспансивность; 2) новыя потребности зараждаются вслѣдствіе взаимодѣйствія организмовъ и внѣшней природы, а также изъ подражанія другимъ людямъ; 3) являются они тогда, когда человѣкъ чувствуетъ себя достаточно удовлетвореннымъ относительно прежнихъ потребностей, слѣдовательно при извѣстной степени свободы, досуга и состоятельности; 4) въ исторіи развитія народовъ есть извѣстная градація потребностей—переходъ отъ самыхъ необходимыхъ потребностей, требующихъ удовлетворенія подъ страхомъ смерти, къ болѣе и болѣе произвольнымъ; 5) съ повтореніемъ и возобновленіемъ удовлетворенія потребности, она обращается въ привычку, еще настойчивѣе требующую удовлетворенія, чѣмъ потребность. Привычка закрѣпляетъ потребность и не позволяетъ человѣку идти назадъ; 6) не всѣ желанія обращаются въ потребности, не всѣ потребности дѣлаются привычками,—регулирующее вліяніе на установку потребности имѣютъ общественная среда, состояніе производства и богатства; 7) съ теченіемъ времени потребности умножаются, усиливаются и разнообразятся (дифференцируются); 8) въ каждомъ обществѣ происходитъ нисходящее движеніе и распространеніе потребностей: у болѣе состоятельныхъ классовъ общества являются новыя потребности, посредствомъ подражанія они переходятъ въ слѣдующіе классы и т. д., пока наконецъ то, что было прежде роскошью высшихъ классовъ, дѣлается привычкою самыхъ низшихъ слоевъ общества. Таковъ ходъ развитія потребностей замѣчается въ исторіи всѣхъ народовъ и въ отношеніяхъ народа болѣе богатаго и развитаго къ другому менѣе развитому; 9) потребность неизмѣрима въ своей силѣ и большею частью несоизмѣрима съ другими потребностями, развѣ только въ самомъ общемъ видѣ; 10) человѣкъ мало развитый сильно чувствуетъ только одно настоящее желаніе; чѣмъ онъ больше развивается, тѣмъ больше представляетъ себѣ и потребности будущія, тѣмъ больше, слѣдовательно, устанавливается взаимное отношеніе и соразмѣрность различныхъ потребностей; 11) на установленіе этой соразмѣрности потребностей вліяетъ, какъ регулирующій элементъ,

и относительная трудность удовлетворенія ихъ: если двѣ потребности одинаковой силы требуютъ для удовлетворенія разныхъ усилій, предпочитается большею частью потребность легче удовлетворяемая; 12) въ денежномъ хозяйствѣ соразмѣрность и относительная степень потребностей опредѣляется точнѣе цѣной предметовъ, удовлетворяющихъ различнымъ потребностямъ; 13) это опредѣленіе соразмѣрности различныхъ потребностей дѣлается не только посредствомъ сравненія ихъ между собою, но и сравненіемъ съ трудностью и средствами удовлетворенія ихъ, зависящими отъ хозяйственнаго состоянія индивидуума и общества, среди котораго онъ живетъ ([1]).

Изъ этихъ положеній видно, что основнымъ закономъ развитія потребностей слѣдуетъ признать *стремленіе ихъ къ одному уровню настоятельности*.

Различіе потребностей по степени настоятельности имѣетъ въ своемъ основаніи невозможность равномѣрности въ ихъ удовлетвореніи. Если человѣкъ имѣетъ хлѣбъ и нуждается въ топливѣ, то потребность въ дровахъ для него будетъ настоятельнѣе потребности въ хлѣбѣ. „Если бы человѣку послѣ роскошнаго обѣда, говоритъ Маклеодъ, предложили корку хлѣба и стаканъ воды, то такое предложеніе не имѣло бы никакой цѣны. Но если бы тотъ же человѣкъ находился въ состояніи близкомъ къ голодной смерти, или изнемогалъ отъ жара и жажды посреди африканскихъ степей, то съ какимъ восторженнымъ чувствомъ онъ принялъ бы тоже самое предложеніе. При такихъ обстоятельствахъ владѣлецъ подобныхъ предметовъ могъ бы вынудить у страдальца всякую цѣну, какую бы только послѣдній могъ уплатить“ ([2]). Маклеодъ приводитъ этотъ примѣръ въ доказательство того, какое большое значеніе имѣетъ сравнительная настоятельность потребностей: въ одно время предлагаемый продуктъ можетъ не имѣть никакой цѣны, между тѣмъ какъ въ другое время за тотъ же продуктъ человѣкъ готовъ отдать все, что только имѣетъ. Но задача народной экономіи и заключается въ томъ, чтобы уничтожить самую возможность существованія въ странѣ такихъ исключительныхъ положеній и чтобы всѣ потребности человѣка получали правильное удовлетвореніе.

Заботы о такой правильности въ удовлетвореніи потребностей начинаются въ исторіи культуры весьма рано. По словамъ Рошера, „во всѣхъ пустыняхъ, гдѣ лишь въ весьма не многихъ мѣстахъ, называемыхъ оазисами, бываетъ постоянная растительность, пастушечье

населеніе принуждено періодически перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Эти перекочевки уже гораздо правильнѣе, чѣмъ безпорядочное преслѣдованіе дичи у охотничьихъ ордъ: это своего рода распредѣленіе на участки въ большихъ размѣрахъ". У пастушескихъ же народовъ встрѣчаемъ періодическое выпаливаніе пастбищъ, раздѣленіе на участки, которые поперемѣнно употребляются то на выгонъ, то на покосъ ([3]). Чѣмъ выше экономическая культура даннаго народа, тѣмъ больше правильности въ народномъ хозяйствѣ и равномѣрнѣе удовлетвореніе всѣхъ потребностей. Самыя потребности человѣка вызываютъ экономическую организацію, направленную къ достиженію этой правильности и равномѣрности. Потребности человѣка превосходятъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ потребности животныхъ. Въ то время, какъ большинство животныхъ удовлетворяетъ свои нужды своими единичными усиліями, человѣкъ и самой ничтожной доли своихъ потребностей не можетъ удовлетворить безъ помощи другихъ. Но пользоваться услугами другихъ онъ можетъ, при свободѣ отношеній, не иначе, какъ оказывая въ свою очередь услуги другимъ. Различіе естественныхъ наклонностей и потребностей вызываетъ раздѣленіе занятій, при которомъ устанавливается взаимная зависимость всѣхъ и каждаго въ удовлетвореніи потребностей. Такъ какъ при этомъ для каждаго желаемый продуктъ находится въ рукахъ другаго, то принадлежность желаемаго продукта другому не оказываетъ вліянія на установленіе большей зависимости одного производителя отъ другаго, устанавливается взаимная зависимость, а слѣдовательно равенство нуждаемости въ чужомъ продуктѣ. Дифференцированіе потребностей производитъ соотвѣтствующее дифференцированіе въ трудѣ, сплачивающее народъ въ одинъ экономическій организмъ, въ которомъ благосостояніе каждаго обусловливается благосостояніемъ другихъ. Мало по малу хозяйство каждаго перестаетъ быть индивидуальнымъ; въ трудѣ и потребленіи отдѣльнаго человѣка начинаетъ принимать участіе международный обмѣнъ и трудъ предшествовавшихъ поколѣній, благодаря чему правильность въ удовлетвореніи потребностей еще болѣе увеличивается.

Съ другой стороны этотъ же результатъ получается и вслѣдствіе однообразія потребностей различныхъ людей. Интегрированіе потребстей вызываетъ соотвѣтствующую интеграцію въ производствѣ, усиливающую правильность удовлетворенія. „Экономическое начало, гово-

ритъ Шефле, получаетъ осуществленіе вслѣдствіе однообразія въ потребностяхъ многихъ индивидовъ, сложившагося подъ вліяніемъ ихъ семейнаго, сословнаго, національнаго или территоріальнаго единства. При этомъ условіи можно расчитывать на болѣе или менѣе равномѣрный, постоянный оптовый запросъ продуктовъ и, производя оптомъ однородные предметы, производить ихъ дешевле. Какъ бы не порицали моду, и при томъ не безъ основаній, она вызываетъ передвиженіе массы продуктовъ, освобождаетъ предложеніе отъ стѣсненій случайнаго каприза потребителей, производитъ равномѣрный оборотъ цѣнностей, способствуетъ экономической предусмотрительности производства и чрезъ то обезпечиваетъ потребленіе. При томъ однообразіе потребностей въ соціальной жизни не только имѣетъ полезное хозяйственное вліяніе на единичныя потребности, но и оказываетъ благотворное экономическое воздѣйствіе на развитіе личности. Каждому, напримѣръ, предоставляется подражать обычному въ его общественномъ положеніи хозяйственному быту, уже испытанному множествомъ лицъ постановленныхъ въ одинаковыя съ ними условія. Это оберегаетъ его отъ ниспаденія съ высоты добытнаго уже standart of life, отъ возвращенія съ извѣстной ступени производительности труда и имущественнаго благосостоянія къ чисто животному существованію“ (4). Такимъ образомъ какъ разнообразіе, такъ и однобразіе потребностей приводитъ къ сплоченію народнаго хозяйства въ одно цѣлое, а слѣдовательно приводитъ и къ установленію правильности въ удовлетвореніи потребностей каждаго. Не можетъ быть сомнѣнія, что степенью этой правильности опредѣляется и степень экономическаго развитія страны. Чѣмъ больше колебаній испытываетъ населеніе въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей, тѣмъ ниже культура его. Вотъ почему на высшихъ ступеняхъ развитія всѣ потребности человѣка получаютъ въ большей или меньшей степени равное значеніе по сравнительной ихъ настоятельности. Нельзя сказать, что въ это время человѣкъ больше нуждается въ дровахъ, чѣмъ въ хлѣбѣ, такъ какъ онъ имѣетъ одинаковую возможность удовлетворенія потребности и въ топливѣ и въ хлѣбѣ. Нельзя сказать, что потребность въ водѣ настоятельнѣе потребности въ хлѣбѣ, такъ какъ та и другая потребность правильно удовлетворяется. Если бы человѣкъ имѣлъ хлѣбъ, но не имѣлъ воды, то потребность въ послѣдней была бы настоятельнѣе и чувство жажды было бы интенсивнѣе потребности питанія. Если же этотъ че-

ловѣкъ въ одно время больше нуждается въ хлѣбѣ, не чувствуя жажды, а въ другое время больше испытываетъ жажду, не чувствуя надобности въ питаніи, то, очевидно, ни одна изъ этихъ потребностей не настоятельнѣе другой, а каждая имѣетъ свое значеніе въ свое время. Нельзя сравнивать разнородныхъ предметовъ, служащихъ средствомъ удовлетворенія различныхъ потребностей, если эти предметы не могутъ быть подводимы къ одному общему знаменателю. Такимъ общимъ знаменателемъ для различныхъ полезностей можетъ быть только сравнительная нужда въ нихъ человѣка. Но такъ какъ эта нужда на высшихъ ступеняхъ развитія становится одинаковою, то этимъ самымъ теряетъ значеніе оцѣнка предметовъ по ихъ сравнительному значенію относительно удовлетворенія различныхъ потребностей. Конечно и въ это время человѣкъ въ одинъ моментъ болѣе нуждается въ одномъ предметѣ и менѣе въ другомъ, наприм. лѣтомъ чувствуетъ потребность въ лѣтней одеждѣ, а не зимней, но при этомъ зимой онъ чувствуетъ потребность въ зимнемъ платьѣ, а не лѣтнемъ, слѣдовательно въ среднемъ онъ одинаково нуждается въ томъ и другомъ. И здѣсь большее значеніе одной потребности сравнительно съ другою можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы не существовало правильности въ ихъ удовлетвореніи. Но такое положеніе дѣлъ, когда человѣкъ за стаканъ воды готовъ отдать все свое состояніе и вообще такое положеніе, когда человѣкъ не можетъ равномѣрно удовлетворять свои нужды, съ историческимъ развитіемъ все болѣе и болѣе исчезаетъ, возникаетъ и развивается правильность въ удовлетвореніи всѣхъ потребностей человѣка и вмѣстѣ съ этимъ устанавливается равенство значенія ихъ ([5]).

Стремленіе потребностей къ одному уровню настоятельности ихъ представляетъ собою законъ статики потребностей, подобный закону стремленія каждой частицы воды въ океанѣ къ одному уровню со всѣми другими частицами. Послѣднее можетъ быть нарушаемо бурями и даже въ спокойное время трудно указать одинъ уровень воды на сколько нибудь значительномъ пространствѣ. То же самое и съ потребностями. Они естественно стремятся сложиться въ одномъ уровнѣ настоятельности, но каждый разъ достигнутый успѣхъ нарушается дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же потребностей и возникновеніемъ новыхъ, не говоря уже о нарушеніяхъ, вызываемыхъ несовершенствомъ производства и условій обращенія. При этомъ съ каждымъ дальнѣйшимъ

шагомъ колебанія въ кругъ центра становятся менѣе значительны, нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ, какими характеризуется состояніе удовлетворенія потребностей на низшихъ степеняхъ развитія. Бури исчезаютъ, но остается то движеніе, безъ котораго не мыслимо ризвитіе и которое является гарантіей противъ застоя и неподвижности.

Необходимо сказать, что многимъ развитіе потребностей представляется зломъ. Еще Сенека говорилъ: „если желаешь быть богатымъ, не увеличивай своихъ богатствъ, но уменьшай свои потребности.“ Руссо также настаивалъ на томъ, что потребности человѣка—это ярмо его. „Люди, говоритъ онъ, получивъ досугъ, употребили его на то, чтобы доставить себѣ удобства, безъ которыхъ обходились ихъ отцы. Это было первымъ ихъ ярмомъ и первымъ источникомъ зла, которое приготовили они своимъ наслѣдникамъ. Отъ этого тѣло и умъ потеряли свои силы, а самыя удобства, чрезъ привычку къ нимъ, потеряли свою привлекательность и выродились въ настоящія потребности, неудовлетреніе которыхъ сдѣлалось болѣе тяжелымъ, нежели удовлетвореніе пріятнымъ и человѣкъ дѣлается несчастнымъ, теряя удобства, не будучи счастливымъ при обладаніи ими“. Изъ новѣйшихъ экономистовъ Э. Лавеле раздѣляетъ это воззрѣніе. Нельзя отрицать, говоритъ онъ, что по мѣрѣ улучшенія способовъ производства большее число потребностей находитъ себѣ удовлетвореніе, но изъ этого не слѣдуетъ, что успѣхи цивилизаціи измѣряются увеличеніемъ потребностей или что послѣднія должны вообще увеличиваться. Древняя мудрость и христіанская нравственность проповѣдывали умѣренность въ желаніяхъ. Экономистъ долженъ согласиться съ Сенекой, что богатство состоитъ въ уменьшеніи потребностей. „Всѣ потребности тѣла, какъ бы утонченны они не были, погружаютъ насъ въ жизнь исключительно матеріальную какъ тогда, когда мы ихъ удовлетворяемъ, такъ и тогда, когда производимъ предметы для этого удовлетворенія. Способствовать увеличенію потребностей, значитъ толкать человѣчество на путъ чувственности, что влечетъ за собой потерю добродѣтели и свободы. Аристотель былъ правъ, говоря, что „количество предметовъ, необходимыхъ для счатья, не велико“. Величайшіе свѣточи человѣчества довольствовались малымъ, потому что они жили жизнью духовною, которая и есть истинная жизнь. Высокая душа въ тѣлѣ, закаленномъ противъ всякихъ невзгодъ,—вотъ идеалъ экономиста. Смыслъ жизни человѣка не въ пищѣ и питьѣ,

а въ счастьѣ, для достиженія котораго необходимо здоровье, извѣстный досугъ, наслажденія умственныя и эстетическія и удовольствія, вытекающія изъ сношеній съ людьми. Не слѣдуетъ лишать ни себя, ни другихъ этихъ благъ для того, что бы накоплять богатства. Это заблужденіе формулировано Лукреціемъ въ словахъ: для жизни жертвуютъ тѣмъ, что составляетъ цѣну жизни“ (6).

Это воззрѣніе направлено противъ матеріальныхъ потребностей. Но отождествлять потребности человѣка съ потребностями его тѣла нѣтъ никакихъ основаній. Это значитъ отождествлять потребности ремонта машины съ тѣмъ, для чего существуетъ эта машина. Безконечное же развитіе духовныхъ потребностей ни въ какомъ случаѣ не является зломъ. Оно служитъ выраженіемъ и признакомъ цивилизаціи. Въ извѣстной степени то же самое слѣдуетъ сказать и о развитіи матеріальныхъ потребностей. Всякая потребность является побужденіемъ къ дѣятельности, средствомъ противъ неподвижности, основной развитія. Только въ томъ случаѣ, когда люди, „для жизни жертвуютъ тѣмъ, что составляетъ цѣну жизни,“ т. е. когда потребности тѣла удовлетворяются на счетъ потребностей духа, мы имѣемъ дѣло съ ненормальнымъ и не желательнымъ явленіемъ. Это указываетъ на то, что въ данномъ обществѣ еще не достаточно условій для осуществленія закона равенства интенсивности потребностей. Высшимъ идеаломъ въ развитіи потребностей необходимо признать такое состояніе, когда потребности духа, стремленіе человѣка къ правдѣ, истинѣ и общественному благу имѣютъ такую же настоятельность, какъ и потребность въ пищѣ и водѣ.

(1) Сводъ этихъ положеній сдѣланъ пр. Гр. Цѣхановецкимъ въ его „Краткомъ обзорѣ политической экономіи“. (2) Маклеодъ. Основанія политической экономіи, стр. 104. (3) В. Рошеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ въ приложеніи къ земледѣлію и пр. стр. 37, 50 и слѣд. (4) А. Шефле. Капитализмъ и соціализмъ, стр. 129. (5) Н. Зиберъ Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, стр. 27 и слѣд. (6) E. de Laveleye. Éléments d'économie politique стр. 20—22.

§ 3 Неудовлетвореніе потребностей вызываетъ чувство страданія и недостатка: удовлетвореніе ихъ вызываетъ чувство довольства. Имѣя это въ виду, легко придти къ отождествленію потребностей человѣка *съ личнымъ интересомъ*. Личный интересъ въ свою очередь престав-

ляется тождественнымъ съ эгоизмомъ, съ признаніемъ, что въ основаніи всей дѣятельности человѣка лежитъ своекорыстіе, стремленіе къ собственному довольству, хотя бы на счетъ довольства другихъ людей. Это и было весьма рано высказано мыслителями. Еще Платонъ училъ, что „человѣкъ есть животное самое неукротимое“ (законы, кн. VI), что общежитіе не мыслимо безъ надлежащаго укрощенія человѣка. Монтань былъ увѣренъ въ безспорности положенія: le profit de l'un fait le dommage de l'autre. Гоббезъ училъ, что человѣкъ—грубо эгоистическое существо, что люди—волки относительно другъ друга (homo homini lupus est), что естественное отношеніе человѣка къ человѣку—это война каждаго противъ всѣхъ и каждаго (bellum omnium contra omnes); Томасъ Морусъ и Кампанелла провозглашали, что существующій общественный строй основанъ на порабощеніи слабыхъ болѣе сильными, на грабежѣ и обманѣ рабочихъ богатыми людьми, что необходимо разрушить этотъ строй и на его мѣстѣ создать новый, въ которомъ не должно быть мѣста эгоистическимъ стремленіямъ, не должно быть собственности, но все должно быть общимъ и поровну распредѣляемымъ между всѣми. Меркантилисты проповѣдывали, что мѣновыя отношенія какъ между частными лицами, такъ и между народами, это отношенія войны, отношенія борьбы изъ за того, на чью долю прійдется денежная прибыль, что продавецъ и покупщикъ-враги, каждый изъ нихъ старается побороть другаго, каждый изъ нихъ стремится къ тому, чтобы основать собственное благополучіе на несчастіи другаго, что благосостояніе одного народа мыслимо не иначе, какъ при униженіи и несчастіи другихъ народовъ Всѣ думали въ это время, говоритъ Молинари, что общественный міръ предоставленъ Богомъ какому-то жестокому случаю, благодаря которому общество представляетъ собою нѣчто въ родѣ галеръ, гдѣ царствуетъ грабежъ и обманъ, если не замѣчается палка надсмотрщика; всѣ думали, что благосостояніе однихъ покупается цѣною страданія другихъ, видѣли въ обществѣ лишь побѣдителей и побѣжденныхъ, палачей и жертвъ ([1]).

А. Смитъ по этому же вопросу высказалъ два радикально противоположныхъ воззрѣнія. Одно воззрѣніе онъ развиваетъ въ своей „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, вышедшей въ свѣтъ въ 1759 г., а другое—въ книгѣ о богатствѣ народовъ, вышедшей въ 1776 г. и послужившей основаніемъ новой науки политической экономіи. Въ этой послѣдней

книгѣ А. Смитъ доказываетъ, что въ основаніи всей дѣятельности человѣка лежитъ стремленіе къ удовлетворенію личныхъ потребностей, своекорыстіе или личный интересъ. Но это стремленіе не противорѣчитъ общественному благу, а напротивъ того приводитъ къ нему. Подчиняясь личному интересу, каждый человѣкъ заботится о своей пользѣ въ настоящемъ и будущемъ. Съ этою цѣлію онъ употребляетъ свой трудъ возможно цѣлесообразнѣе, старается производить то, въ чемъ наиболѣе нуждается общество; такимъ цѣлесообразнымъ употребленіемъ своего труда онъ извлекаетъ наибольшія выгоды для себя, принося въ то же время наибольшія выгоды другимъ, нуждающимся въ произведеніяхъ его труда. Имѣя въ виду лишь собственный интересъ, торговецъ способствуетъ общественнымъ выгодамъ болѣе, нежели въ то время, когда дѣйствительно заботится о послѣднихъ. Въ основаніи экономическаго общежитія лежитъ, поэтому, не принципъ борьбы, но законъ взаимности интересовъ. Человѣкъ—существо общежительное; ему врождено стремленіе къ общенію съ другими, развивающееся подъ вліяніемъ личнаго интереса. Личный интересъ долженъ быть не сдерживаемъ, но просвѣщаемъ; по самой сущности своей этотъ интересъ не противорѣчитъ, но содѣйствуетъ общественному благосостоянію. По мѣрѣ просвѣщенія личнаго интереса, по мѣрѣ того, какъ разумная природа человѣка беретъ перевѣсъ надъ неразумною, борьба между людьми исчезаетъ. Всемірно-историческій опытъ несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что свободный трудъ производительнѣе и поэтому дешевле рабскаго труда; слѣдовательно рабство противорѣчитъ разумно понятому личному интересу. Увеличеніе вознагражденія за трудъ рабочихъ также не противорѣчитъ личному интересу хозяевъ, напротивъ того, разумно понятый интересъ послѣднихъ требуетъ не дешеваго, но хорошо оплачиваемаго труда. Трудъ человѣка поощряется хорошимъ вознагражденіемъ, производительность его увеличивается по мѣрѣ увеличенія вознагражденія. Во всѣхъ странахъ, въ которыхъ трудъ хорошо оплачивается, мы находимъ наиболѣе дѣятельныхъ рабочихъ. Высокая заработчая плата не противорѣчитъ и общественному интересу. По видимому, увеличеніе ея должно бы сопровождаться увеличеніемъ цѣнъ продуктовъ, что невыгодно для потребителей. Въ дѣйствительности и это не всегда вѣрно. Увеличеніе производительной силы труда, происходящее вслѣдствіе увеличенія заработчей платы, ведетъ къ тому, что однимъ и тѣмъ же количествомъ рабочаго времени производится боль-

шее количество продуктовъ, и вмѣсто возвышенія цѣнъ возвышеніе заработной платы ведетъ къ уменьшенію ихъ.

Въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ А. Смитъ доказываетъ совершенно противоположное. Здѣсь онъ систематически проводитъ мысль, что не своекорыстіе, но *сочувствіе къ другимъ* является основной причиной человѣческихъ дѣйствій. Сочувствіе пріобрѣтается изъ наблюденія надъ состояніемъ и дѣйствіями другихъ людей. Если бы человѣкъ жилъ изолированно, безъ всякихъ сношеній съ другими, то онъ не могъ бы имѣть понятій о нравственности, подобно тому, какъ не могъ бы судить о красотѣ или уродствѣ своего лица. Наши сужденія о нравственности возникаютъ не иначе, какъ изъ наблюденія надъ другими. Но составить понятіе о чувствахъ другихъ мы можемъ не иначе, какъ ставя себя въ положеніе этихъ послѣднихъ. Человѣкъ такимъ образомъ постоянно мѣняется положеніемъ съ другими людьми и хотя такая мѣна продолжается каждый разъ лишь нѣсколько минутъ, тѣмъ не менѣе она является источникомъ великаго побужденія человѣческой дѣятельности, называемаго сочувствіемъ. Изъ этой мѣны происходитъ сочувствіе наше благополучію другихъ. Отсюда же происходятъ всѣ сословныя различія между людьми: люди сочувствуютъ высшимъ и богатымъ, благоговѣютъ предъ выгодами ихъ положенія, не имѣя никакой личной выгоды отъ ихъ благоволенія къ себѣ. Отсюда же происходятъ всѣ обычаи, нравы. Даже различіе философскихъ системъ объясняется этимъ основнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности: одинъ философъ сочувствуетъ одному порядку дѣлъ и идей, другой—противоположному. Такимъ образомъ не своекорыстіе, но сочувствіе, не эгоизмъ, но альтрюизмъ лежитъ въ основаніи всей дѣятельности человѣка и представляетъ собою силу, упорядочивающую сношенія между людьми.

Это различіе воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ геніальнаго англійскаго изслѣдователя объясняется методомъ его изслѣдованія. „Если какой нибудь предметъ, говоритъ Бокль, недоступенъ для индуктивнаго изслѣдованія по невозможности произвести надъ нимъ опытъ, по сложности или числу отвлекающихъ подробностей, съ нимъ связанныхъ, мы можемъ мысленно подраздѣлить недѣлимые факты. Результатъ, полученный такимъ образомъ, не можетъ быть строго вѣренъ. Что бы сдѣлать его совершенно вѣрнымъ, мы должны сопоставить его съ другими результатами, полученными подобнымъ же путемъ и по тому же предмету. Эти отдѣльные выводы могутъ

составить цѣлую систему, такъ что хотя каждый отдѣльный выводъ содержитъ только приблизительную истину, всѣ выводы, взятые вмѣстѣ, будутъ заключать полную истину.“ Такой методъ изслѣдованія и былъ употребленъ А. Смитомъ. Люди не бываютъ ни исключительно своекорыстны, ни исключительно сочувственны, но А. Смитъ раздѣляетъ эти качества для подробнаго изученія каждаго изъ нихъ. Поэтому оба сочиненія его представляютъ одно цѣлое. Этого не замѣтили ближайшіе ученики А. Смита. Они приняли его одностороннее положеніе, что человѣкъ есть существо исключительно эгоистическое, стремящееся исключительно къ удовлетворенію своихъ метеріальныхъ потребностей. Политическая экономія, благодаря этому, сдѣлалась наукой односторонней. По замѣчанію Кэри, для экономиста человѣкъ представляется съ двумя потребностями—съ жаждой пріобрѣтенія и съ половыми инстинктами, которымъ онъ подчиняется во всякое время, хотя бы отъ излишняго удовлетворенія половыхъ стремленій задерживалось самое накопленіе цѣнностей. „Политическая экономія не беретъ во вниманіе качествъ, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, вслѣдствіе чего она приходитъ къ заключенію, что человѣкъ есть лишь орудіе капитала. Не даромъ она заслужила названіе мрачной науки.“ По выраженію французскаго экономиста Дроза, матеріалистическій характеръ этой науки привелъ къ тому, что экономисты какъ будто бы признаютъ, что человѣкъ созданъ для продуктовъ, т. е. для накопленія цѣнностей, а не продукты для удовлетворенія потребностей человѣка. Односторонность воззрѣній на потребности человѣка была замѣчена и Миллемъ, объясняющимъ необходимость ея требованіями метода изслѣдованій. По его словамъ, „политическая экономія разсматриваетъ человѣчество, какъ исключительно занятое пріобрѣтеніемъ и потребленіемъ цѣнностей и старается показать, каковъ былъ бы путь дѣятельности человѣка, живущаго въ обществѣ, если бы этотъ мотивъ руководилъ всѣми его дѣйствіями, оставляя при этомъ въ сторонѣ тотъ случай, когда оно задержано двумя противоположными мотивами: отвращеніемъ къ работѣ и желаніемъ цѣнныхъ наслажденій. Она показываетъ, что подъ вліяніемъ этого мотива человѣчество накопляетъ цѣнности и употребляетъ ихъ для производства другихъ цѣнностей; устанавливаетъ по взаимному соглашенію начало собственности и законы, карающіе людей за посягательство на чужую собственность силою и обманомъ; принимаетъ различныя мѣры для увеличенія производитель-

ности своего труда, устанавливаетъ распредѣленіе выгодъ по взаимному соглашенію, подъ вліяніемъ конкурренціи, и употребляетъ различныя средства для облегченія распредѣленія цѣнностей. Всѣ эти операціи въ дѣйствительности суть результатъ множества побужденій, но политическая экономія разсматриваетъ ихъ какъ исключительно вытекающія изъ жажды пріобрѣтенія. Это не потому, чтобы кто либо изъ политико-экономовъ былъ на столько нелѣпъ, чтобы предположить человѣчество въ дѣйствительности такъ устроеннымъ, но потому что такова должна быть точка зрѣнія, съ которой отправляется наука въ своихъ изслѣдованіяхъ“ (2).

Мы думаемъ, что въ дѣйствительности нѣтъ никакой необходимости въ такой односторонней точкѣ зрѣнія и нѣтъ необходимости въ томъ, что бы политическая экономія была наукою совершенно одностороннею. Геотметрическій методъ въ политической экономіи не должно доводить до игнорированія весьма существенными свойствами и потребностями человѣка. Въ геометріи линія разсматривается только какъ величина, имѣющая одно свойство—длину. Но если геометръ игнорируетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ другое свойство—ширину, то чрезъ это линія еще не перестаетъ быть линіей. Между тѣмъ человѣкъ, изъ свойствъ котораго мы отнимаемъ всѣ, за исключеніемъ одного, наприм. своекорыстія, перестаетъ быть реальнымъ человѣкомъ. Предметъ политической экономіи въ такомъ случаѣ является вымышленнымъ, фиктивнымъ и въ слѣдствіе этого политическая экономія также становится фиктивною наукою. Но мало того, она становится мрачною наукою; признавая человѣка существомъ исключительно своекорыстнымъ, она возводитъ въ принципъ алчность и отношенія между людьми становятся отношеніями между звѣрями. Не даромъ такой грубо-матеріалистическій взглядъ на потребности человѣка вызвалъ весьма рано другую крайность. Таково наприм. ученіе Р. Овена о томъ, что человѣкъ не имѣетъ никакихъ врожденныхъ свойствъ, что его характеръ, стремленія, отношенія къ другимъ людямъ представляютъ произведеніе среды. „Характеръ человѣка всегда и безъ всякаго исключенія образуется не имъ самимъ, а для него“. Очевидно, человѣкъ, по этому ученію,—tabula rasa, на которой можно писать все, что угодно. Но изъ ничего ничего нельзя сдѣлать. Уже по этому одному нельзя согласиться съ тѣмъ, что человѣкъ не имѣетъ никакихъ врожденныхъ свойствъ. Но не правы и тѣ экономисты, которые ду-

маютъ, что въ основаніи народнаго хозяйства лежитъ эгоизмъ, какъ единственная сила, регулирующая дѣятельность человѣка.

Эгоизмъ или личный интересъ. Это категорія потребностей общая человѣку со всѣми животными. Человѣкъ стремится къ самосохраненію, дорожитъ своею жизнью, побуждаемый голодомъ и жаждою стремится къ удовлетворенію потребностей въ питаніи, побуждаемый испытываемымъ при этомъ довольствомъ стремится къ улучшенію питанія, внѣшней обстановки, къ обезпеченію довольства въ будущемъ накопленіемъ имуществъ, улучшеніемъ производства и т. п. Отъ животныхъ въ сферѣ потребностей самосохраненія человѣкъ отличается тѣмъ, что качество и количество этихъ потребностей у него выше, такъ какъ они увеличиваются искусственно и развиваются вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Это вызвало необходимость общаго труда, основаннаго на раздѣленіи занятій, при которомъ потребности каждаго удовлетворяются трудомъ всего общества. Каждый, желая достигнуть болѣе полнаго удовлетворенія своихъ потребностей, долженъ стремиться къ тому, чтобы возможно лучше и полнѣе удовлетворить потребности другихъ. Каждый производитель, стремясь получить отъ своего труда возможно большій доходъ, долженъ производить то, въ чемъ наиболѣе нуждаются другіе, такъ какъ такіе продукты болѣе всего цѣнятся и сбытъ ихъ даетъ наиболѣе выгодъ. Другими словами, каждый, по выраженію Маклеода, стремясь къ надлежащему удовлетворенію собственныхъ нуждъ, долженъ изучать нужды другихъ и этимъ путемъ достигается взаимное удовлетвореніе потребностей. Невозможность полнаго удовлетворенія разнообразныхъ матеріальныхъ потребностей является причиною раздѣленія занятій, обмѣна продуктовъ раздѣленныхъ занятій и слѣдовательно общности въ трудѣ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно замѣчаніе Бастіа, что люди, помогая другъ другу, облегчаютъ удовлетвореніе своихъ нуждъ, что мы трудимся для того, чтобы прокормить, одѣть и т. д. одни другихъ. Какъ замѣтилъ Флоріанъ,

Aidons—nous mutuellement,
La charge des malheurs en sera plus légère.

Слѣпой имѣетъ здоровыя ноги, паралитикъ, лишенный ногъ, имѣетъ здоровое зрѣніе. Для того, чтобы каждый изъ нихъ могъ извлечь пользу изъ своего здороваго органа, имъ необходимо обмѣниваться услугами, дать другому то, въ чемъ онъ нуждается. Личный интересъ побуж-

даетъ людей къ соединенію между собою, вызываетъ общественную жизнь. Личный интересъ является первоначальнымъ экономическимъ двигателемъ, лежитъ въ основаніи экономическаго общежитія. Но не нужно преувеличивать его значенія.

а) Прежде всего необходимо не забывать, что личные интересы не противорѣчатъ другимъ тогда, когда люди разумно преслѣдуютъ свои интересы. По этому въ дѣйствительной жизни согласіе интересовъ водворяется постепенно, по мѣрѣ того, какъ люди развиваются умственно и начинаютъ лучше понимать сущность экономическихъ явленій и законовъ. Борьба интересовъ уступаетъ мѣсто гармоніи ихъ медленно, хотя и неуклонно. Въ какой мѣрѣ здѣсь сказывается вліяніе умственнаго элемента, объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ школа меркантилистовъ. Меркантилисты учили, что единственное богатство это деньги. Но такъ какъ при покупкѣ пріобрѣтатель товара лишался денегъ, то, понятно, обмѣнъ считался результатомъ борьбы и было признано аксіомой, что прибыль одного есть потеря для другаго. Когда было выяснено настоящее значеніе денегъ, то должно было исчезнуть и это послѣднее положеніе. Теперь, говоритъ Лавеле, старинную поговорку: прибыль одного—потеря для другаго слѣдуетъ замѣнить новою: потеря одного есть потеря для всѣхъ. Но прежде чѣмъ люди поняли это, изъ за мнимаго богатства происходила борьба интересовъ и ложное воззрѣніе было причиною многихъ несчастій.

б) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вполнѣ разумно понимаемые частные интересы могутъ находиться между собою въ коллизіи. Какъ мы уже говорили, частному лицу можетъ быть выгодно немедленно продать свой лѣсъ на срубъ, между тѣмъ такая вырубка лѣса можетъ быть вредна другимъ, можетъ быть вредна цѣлому обществу. То, что полезно частному лицу, не всегда является полезнымъ обществу. Классики политической экономіи, отождествивъ частное хозяйство съ общественнымъ, признавъ, что полезное для частнаго лица полезно и для общества, впали въ крупную ошибку, благодаря которой они и могли приписать такое преобладающее значеніе въ народномъ хозяйствѣ личному интересу.

в) Личный интересъ, наконецъ, легко выраждается въ грубое своекорыстіе или въ эгоизмъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Подъ эгоизмомъ здѣсь разумѣется самолюбіе, соединенное съ неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію цѣли. Это чувство, гово-

ритъ Шенбергъ можетъ приводить къ самому высокому напряженію хозяйственныхъ силъ, но въ общемъ приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія такой эгоизмъ, при которомъ личные интересы ставятся на первомъ планѣ, хотя бы отъ этого страдали интересы другихъ людей, необходимо признать враждебною силою, съ которою нужно вести борьбу. Она существуетъ въ жизни, проявляясь въ различныхъ степеняхъ, и народно-хозяйственная политика не можетъ не считаться съ этой силой. Существованіе ея вызываетъ необходимость въ различнаго рода ограниченіяхъ индивидуальной свободы. Но такія ограниченія приносили бы мало пользы, если бы въ самомъ человѣкѣ не было стремленій къ самоограниченію своихъ грубо-эгоистическихъ стремленій ([3]).

Это самоограниченіе дается духовно-нравственнымъ развитіемъ человѣка, состоящимъ въ развитіи религіозныхъ чувствъ, мыслительныхъ способностей, нравственныхъ чувствъ и эстетическихъ стремленій.

Духовно-нравственныя потребности. Въ числѣ первыхъ и наиболѣе настоятельныхъ духовно-нравственныхъ потребностей человѣка состоятъ религіозныя потребности. Нѣтъ народа, который былъ бы совершенно лишенъ этихъ потребностей. Не только изъ разсмотрѣнія міра люди естественно приходятъ къ мысли о Творцѣ міра, но и сумма зла, наносимаго человѣкомъ человѣку, настоятельно приводитъ къ мысли о божественномъ воздаяніи. Слезы несчастья, проливаемыя ежедневно, не могутъ не создавать мысли о Богѣ, имѣющемъ воздать каждому по дѣламъ его. Дѣла людей также естественно приводятъ къ сознанію существованія Бога, какъ и созданный Богомъ внѣшній міръ. Но не всѣ народы одинаково удовлетворяютъ свои религіозныя потребности. Даже однѣ и тѣ же истины религіи различно воспринимаются народами, находящимися въ различныхъ условіяхъ жизни. Различіе вѣрованій въ свою очередь производитъ различное вліяніе на личную и общественную жизнь. „Вѣра въ кровожадное и мстительное существо, говоритъ одинъ изъ нашихъ спеціалистовъ по исторіи нравственности, производила то, что даже мать забывала естественную привязанность къ своему дитяти и въ жестокости сердца бросала его въ жертву. Представленіе грековъ о богахъ, какъ существахъ страстныхъ, гнѣвныхъ, завистливыхъ, ревнивыхъ, мстительныхъ, сладострастныхъ дѣлало таковыми же и исповѣдниковъ этой религіи и

давало имъ право на это. Солидарность еврейскаго народа, разсѣяннаго по всему лицу земли, но не смѣшивающагося съ другими народами, имѣетъ основаніе свое въ религіи этого народа, возвѣщающей ему о божественномъ избранничествѣ его быть солію земли. Возвышенная религія христіанская производитъ и столь же возвышенную нравственность. Различныя исповѣданія христіанскія-православное, католическое, протестантское оттѣняются различно и въ нравственной жизни сторонниковъ этихъ исповѣданій и даже существенно измѣняютъ ее“ (4). Смягчивъ нравы и поднявъ значеніе человѣческой личности, христіанство создало новую эпоху въ развитіи всемірной культуры. Провозглашенная имъ великая идея о любви человѣка къ человѣку постепенно воспринимается людьми, постепенно же водворяя миръ и любовь тамъ, гдѣ господство идеи одного личнаго интереса приводило къ царству вражды и ненависти.

Развитіе мыслительныхъ потребностей человѣка также приводитъ къ самоограниченію личнаго интереса. Уже одно просвѣщеніе личнаго интереса имѣетъ въ этомъ отношеніи громадное значеніе. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ Маклеодъ, что „знаменитый ученый, открывшій ту знаменитую истину, что въ торговлѣ обѣ стороны должны выигрывать, произвелъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи и политикѣ народовъ, переворотъ, который доставилъ человѣчеству больше существенныхъ благъ, чѣмъ открытія всѣхъ другихъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ“ (5). Стремленіе къ истинѣ и наука облагораживаютъ человѣка и то противообщественное дѣйствіе, которое безъ всякихъ колебаній производитъ дикарь, становится не мыслимымъ для образованнаго человѣка. Умственное образованіе представляетъ собою могущественную силу, облагораживающую человѣчество, смягчающую нравы, возвышающую личность къ воспріятію идей любви и общественности.

Эстетическое развитіе имѣетъ въ своемъ основаніи стремленіе человѣка къ прекрасному, къ тому, что человѣкъ считаетъ идеальнымъ въ жизни. Обыденная жизнь, полная борьбы за существованіе, можетъ низвести до минимума это стремленіе человѣка, но никогда не можетъ изгладить его вполнѣ. Оно проявляется даже въ чисто матеріальныхъ потребностяхъ человѣка, обнаруживаясь въ развитіи вкуса, моды и т. п. Чѣмъ выше развито въ населеніи это стремленіе къ прекрасному, тѣмъ больше гарантіи въ томъ, что отдѣльный человѣкъ не погрязнетъ въ борьбѣ личныхъ интересовъ. Необходимо сказать, что

древніе Греки имѣли на этотъ предметъ болѣе раціональныя воззрѣнія, чѣмъ современные образованные народы. Они видѣли въ искусствахъ одно изъ необходимыхъ средствъ къ надлежащему развитію личности и государственнаго благосостоянія. Платонъ въ своей книгѣ „о законахъ“ признаетъ распространеніе музыки важнѣйшею обязанностью государства. Аристотель вполнѣ соглашается съ этимъ. Также думали Феофрастъ, Плутархъ, Страбонъ. Полибій говоритъ, что жители Кинеты, пренебрегавшіе музыкою, отличались жестокостью, что музыка необходима для смягченія нравовъ. И въ жизни древнихъ Грековъ эстетическое образованіе входило въ кругъ образованія, на равнѣ съ гимнастикой. Современные народы отстали въ этомъ отношеніи отъ древнихъ Грековъ. Въ будущемъ несомнѣнно эстетическое образованіе войдетъ въ кругъ общаго образованія и стремленіе къ прекрасному получитъ то значеніе, какое оно должно имѣть въ жизни каждаго народа.

Каждому же человѣку присущи нравственныя чувства и стремленіе къ удовлетворенію ихъ. Прежде всего эти чувства проявляются въ состраданіи и вообще въ сочувствіи къ другимъ. Они подлежатъ безконечному развитію. Дикарь можетъ съ спокойной совѣстью ѣсть своего ближняго, но образованный человѣкъ не можетъ спокойно обѣдать, видя умирающаго съ голоду. За тѣмъ то же нравственное начало проявляется въ стремленіи къ справедливости въ отношеніяхъ между людьми, порождающемъ право и положительное законодательство. Оно также подлежитъ развитію и не одинаково у разныхъ народовъ. Чѣмъ выше въ народѣ развито чувство законности, уваженіе предъ закономъ и правами другихъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ личные интересы взаимно уравновѣшиваются не внѣшней силой, не опасеніемъ наказаній, но внутренними побужденіями каждаго. Такъ съ одной стороны вырабатывается въ населеніи привычка къ преслѣдованію лишь законныхъ личныхъ интересовъ, не противорѣчащихъ интересамъ другихъ. „Привычка, говоритъ Милль, придаетъ особенную прочность чувствамъ и поступкамъ человѣка, а для людей въ высшей степени важно, чтобы они могли положиться на чувства и поступки своего ближняго и не менѣе важно для каждаго индивидуума, чтобы онъ могъ положиться на самаго себя. Воля есть дитя желанія и, выходя изъ подъ власти своего родителя, подчиняется власти привычки“ (6) Съ другой стороны сознаніе и развитіе нравственнаго начала

приводитъ къ развитію въ человѣкѣ чувства общественности, по которому онъ не только въ силу привычки, но въ силу побужденій развитой нравственной потребности не можетъ вредить другимъ и работаетъ для другихъ, не отдѣляя личнаго благосостоянія отъ благосостоянія другихъ.

Духовно-нравственныя потребности человѣка лежатъ въ основаніи начала противоположнаго эгоизму, лежатъ въ основаніи любви къ другимъ, порождаютъ интересъ альтрюистическій.

Любовь къ другимъ или потребности общественности. Элементарной формой этой категоріи потребностей служитъ семейственность. Привязанность родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ лежитъ въ фундаментѣ народной экономіи. По замѣчанію Кове, сколько людей перестали бы трудиться, если бы не имѣли мотивовъ работать или сберегать для тѣхъ, кто ихъ окружаетъ (7). Массы населенія переносятъ неимовѣрно тяжелый трудъ только по тому, что на ихъ нравственной обязанности лежитъ содержаніе семьи. Положительные законы, конечно, обязываютъ родителей давать содержаніе своимъ дѣтямъ, но возможно ли было бы самое существованіе общества, если бы родители содержали своихъ дѣтей, только боясь закона? Положительный законъ имѣетъ значеніе лишь для исключительныхъ случаяхъ, поражающихъ всѣхъ и каждаго, кто не лишенъ человѣческихъ чувствъ. Семейныя привязанности представляютъ собою крупную экономическую силу. Они вызываютъ такое напряженіе труда, какое положительно было бы не мыслимо при отсутствіи ихъ въ массахъ населенія. Личный интересъ не можетъ вызывать такого трудоваго самопожертвованія, какое на каждомъ шагу встрѣчается подъ вліяніемъ семейно-нравственныхъ обязанностей. Лично для себя мало людей способны были бы такъ работать, сколько они работаютъ не для себя, но для близкихъ имъ людей. Можно сказать, что не менѣе 90% народной производительности имѣетъ въ своемъ основаніи не личный интересъ, но интересъ семьи, не себялюбіе, но чувство семейной любви. Въ семействѣ, говоритъ Шефле, впервые проявляется съ полною силою „стремленіе къ настоящему обладанію имуществомъ. Семейство служитъ средствомъ къ расширенію индивидуальной жизни, къ тому, чтобы среди постоянно смѣняющихъ другъ друга индивидовъ оставить послѣ себя болѣе постоянный родъ; вслѣдствіе этого семейство обусловливаетъ собою неограниченное число многообразныхъ хозяйствен-

ныхъ цѣлей. Семейныя чувства дѣйствительно являются главнымъ руководящимъ побужденіемъ къ образованію и удержанію имущества. Семейное хозяйство въ качествѣ основной формы хозяйства, преобладающей уже по самой природѣ, составляетъ самую прочную основу народныхъ капиталовъ для производства. Запасы капитала дѣлаются для семейства. Если въ капиталѣ для производства заключается основа хозяйства, то не должно никогда забывать, что эта твердая хозяйственная почва есть только результатъ разсширенія индивидуальной жизни при посредствѣ семейнаго союза“ (8).

Семья является первичнымъ и наиболѣе элементарнымъ союзомъ, въ которомъ развиваются сѣмена человѣчности или общественныя наклонности человѣка. Съ теченіемъ времени образуются другіе союзы и въ нихъ общественность находитъ новую почву для своего развитія. На низшихъ ступеняхъ гражданственности имѣли преобладающее значеніе союзы родовые, общинные, племенные, кастовые и т. п. Въ этихъ то союзахъ и были выработаны высокія начала нравственности, сохраняющія свое значеніе и въ настоящее время. Члены даннаго союза были тѣсно связаны другъ съ другомъ общностью интересовъ, благосостояніе каждаго изъ нихъ было благосостояніемъ всѣхъ остальныхъ. Въ такихъ союзахъ естественно развивалось чувство общественности, люди пріучались къ единенію между собою, къ взаимной помощи, сочувствію и состраданію. Не даромъ до сихъ поръ купля-продажа между близкими родственниками считается дѣломъ предосудительнымъ. Но тѣ же самые союзы, въ которыхъ вырабатывались чувства любви человѣка къ человѣку, не могли не ограничивать надлежащаго развитія ихъ. Какъ замѣтилъ Токвиль въ своей „Демократіи въ Америкѣ“, въ древнемъ мірѣ при раздѣленіи людей на роды, касты, племена и т. п., каждый видѣлъ въ другомъ не человѣка вообще, но члена даннаго рода, племени, касты и т. п. При такихъ условіяхъ жизни, ближнимъ считался лишь членъ даннаго союза и только въ отношеніи къ нему имѣли силу чувства общественности. Люди смотрѣли на людей сквозь призму даннаго союза и не могли увидѣть человѣка. Нравственныя правила любви къ ближнему относились не ко всѣмъ людямъ, но только къ членамъ даннаго союза кровнаго, племеннаго или религіознаго. Постороннихъ можно было обманывать, грабить и даже убивать. На сколько велико вліяніе быта на нравственныя понятія людей видно изъ того, что идея

любви къ человѣку вообще лишь медленно проникала въ сознаніе, по мѣрѣ того, какъ открывалась возможность людямъ увидѣть человѣка, т. е. съ развитіемъ юридическаго равенства и разчлененіемъ общества на составныя индивидуальныя части. Но и до сихъ поръ подъ вліяніемъ тѣхъ же первобытныхъ соціальныхъ призмъ не всѣ люди способны видѣть человѣка. Подъ вліяніемъ религіозной розни, понятія о ближнемъ даже между разными христіанскими народами напоминаютъ языческія воззрѣнія. Тѣмъ грубѣе эти понятія въ средѣ нехристіанской. При столкновеніи племенъ съ неодинаковыми воззрѣніями на то, кто ближній, происходитъ экономическая борьба, въ которой не разбираются средства къ достиженію цѣли. Борьба особенно тяжела, если одно племя держится общечеловѣческихъ воззрѣній, между тѣмъ какъ живущее съ нимъ другое племя видитъ ближняго только въ единоплеменникѣ. Возникаетъ необходимость государственной защиты отъ подавленія, неизбѣжнаго при неразборчивости средствъ въ экономическихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ потребности общественности въ своемъ развитіи находятся въ полнѣйшей зависимости отъ организаціи сношеній между людьми. Прежде всего здѣсь существенно важное значеніе имѣетъ семья. Какъ говорилъ Гоголь, не полюбишь всего человѣчества, коль скоро не имѣешь возможности любить близкихъ къ тебѣ. Семья—это органическая клѣточка общественности и все то, что ведетъ къ упадку семьи, ведетъ къ разрушенію общественности и упадку культуры. Тѣ экономическіе порядки, благодаря которымъ на Западѣ подкапывается семейный бытъ рабочихъ, грозятъ не поправимыми бѣдствіями въ будущемъ. Разрушеніе семьи неизбѣжно приведетъ къ одичанію массъ населенія, создаетъ тѣхъ гунновъ и вандаловъ, которые разрушатъ культуру, создавшую ихъ.

Такое же значеніе для развитія общественныхъ чувствъ имѣютъ всѣ союзы, основанные на общности интересовъ и труда. Таковы союзы: личные, имущественные, проистекающіе изъ общности интересовъ мѣстожительства, союзы общественные и наконецъ союзъ, обнимающій собою всѣ другіе,—государство, какъ національный организмъ. Любовь къ отечеству—это высшая сила, связывающая народъ въ одно цѣлое. Въ народѣ, высоко развившемъ въ себѣ это чувство, нѣтъ предѣловъ для трудоваго напряженія во имя блага родины.

Зависимость общественныхъ свойствъ человѣка отъ сношеній

между людьми привела нѣкоторыхъ даже къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто механическими элементами. Такова теорія свойствъ человѣка, предложенная Кэри.

Человѣкъ говоритъ Кэри, есть существо, стремящееся къ индивидуальности и ассоціаціи, существо отвѣтственное въ своихъ дѣйствіяхъ и развивающееся. Такимъ образомъ, какъ членъ общества, человѣкъ заключаетъ въ себѣ четыре свойства: а) индивидуальность, б) ассоціацію, в) отвѣтственность и г) прогрессивное развитіе.

а) Чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ болѣе различій въ его частяхъ и тѣмъ болѣе особенностей, которыми оно отличается отъ другихъ видовъ. Это вѣрно и въ отношеніи къ людямъ. На низшихъ ступеняхъ развитія люди крайне схожи между собою, кто видѣлъ одного дикаря опредѣленнаго племени, тотъ видѣлъ ихъ всѣхъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о людяхъ на высшихъ ступеняхъ развитія. Каждый изъ нихъ имѣетъ особенности, по которымъ существенно отличается отъ своихъ ближнихъ, имѣетъ индивидуальныя черты, по которымъ онъ не экземпляръ породы, но самобытная личность.

б) Индивидуальность представляетъ собою необходимое условіе развитія ассоціаціи, хотя и сама обусловливается въ своемъ развитіи послѣднимъ свойствомъ. „Индивидуальность является источникомъ разнообразія, безъ котораго не возможна ассоціація. Фермеръ не нуждается въ союзѣ съ сосѣднимъ фермеромъ, но ему нужны плотникъ, кузнецъ, мельникъ. Фабричный работникъ рѣдко обмѣнивается продуктами своего труда съ такимъ же фабричнымъ рабочимъ, но онъ нуждается въ продавцѣ хлѣба, въ строителѣ домовъ и т. п. Различія въ занятіяхъ необходимое условіе возникновенія ассоціаціи. Только различія производятъ соединенія; законъ моллекулярнаго притяженія безусловно приложимъ къ міру человѣческому“.

в) Съ развитіемъ индивидуальности и ассоціаціи возникаетъ и развивается чувство отвѣтственности за свои дѣйствія предъ самимъ собою и предъ обществомъ. Дикій человѣкъ грабитъ и убиваетъ ближняго, гордясь награбленнымъ имуществомъ и скальпомъ своей жертвы, какъ неопровержимыми свидѣтельствами храбрости. Съ развитіемъ общежитія эти дѣйствія перестаютъ быть предметомъ гордости; они получаютъ ихъ дѣйствительное названіе—грабежа и убійства. Нарушенія правъ ближнихъ всѣми признаются преступными дѣйствіями; каждый начинаетъ жить собственнымъ трудомъ, уважая неприкосновенность

труда другихъ. Безъ существованія такой отвѣтственности каждаго за свои дѣйствія развитіе человѣческихъ обществъ не мыслимо.

г) Наконецъ послѣднее свойство человѣка—это способность къ прогрессу. Прогрессъ, говоритъ Кэри, есть результатъ ассоціаціи, состоящей въ неизбѣжной связи съ отвѣтственностью и индивидуальностью. Безъ разнообразія въ трудовыхъ особенностяхъ, безъ различія въ занятіяхъ прогрессъ невозможенъ. Истинность этого положенія очевидна для всякаго, кто наблюдалъ развитіе и распространеніе идей въ такихъ странахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ земледѣліемъ существуетъ мануфактурная промышленность и торговля (9).

Въ этомъ ученіи американскаго экономиста прежде всего нельзя согласиться съ тѣмъ, что индивидуальность или разнообразіе есть единственная и исключительная причина ассоціаціи. Фермеръ, говоритъ онъ, не нуждается въ другомъ фермерѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ то, что имѣетъ и другой, вслѣдствіе чего между ними не можетъ быть общенія. Дѣйствительно, между ними не можетъ быть общенія въ формѣ обмѣна; но обмѣнъ—не единственная форма ассоціаціи. Фермеръ можетъ вступить въ сотоварищество съ другимъ фермеромъ для того, чтобы пріобрѣсть изъ города средства удобренія земли, имѣя въ виду, что оптовое пріобрѣтеніе выгоднѣе для каждаго изъ нихъ, чѣмъ пріобрѣтеніе розничное. Фермеръ можетъ вступить въ товарищество съ другимъ фермеромъ для сбыта произведеній, для отправки ихъ на мѣсто потребленія и т. п. Фабричные рабочіе образуютъ между собою потребительныя товарищества, могутъ содержать общее училище для своихъ дѣтей, общую больницу, имѣть общія мѣста для развлеченія, библіотеки, образуютъ между собою товарищества ссудосберегательныя, товарищества взаимной помощи въ несчастіяхъ, образуютъ промысловыя товарищества и т. д. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ мы видимъ, что ассіосіація существуетъ внѣ разнообразія, что индивидуальность не можетъ быть признана единственнымъ источникомъ товариществъ. Кромѣ закона индивидуальности, т. е. разнообразія или различій въ трудовыхъ особенностяхъ, источникомъ ассоціаціи является также законъ сходствъ въ трудѣ и цѣляхъ людей.

За тѣмъ сношенія между людьми, какъ непосредственныя, состоящія изъ союзовъ, основанныхъ на сходствѣ интересовъ, такъ и косвенныя, состоящія изъ союзовъ, основанныхъ на единеніи различій,

представляютъ собою лишь среду, въ которой развиваются общественныя потребности человѣка. Какъ мы видѣли, они развиваются также подъ вліяніемъ развитія знаній, религіознаго чувства и другихъ духовно-нравственныхъ потребностей. Развитіе ихъ равносильно развитію общей солидарности между людьми.

Подъ ихъ вліяніемъ борьба между людьми мало по малу исчезаетъ, интересы умиротворяются, люди союзно трудятся для общей цѣли удовлетворенія своихъ потребностей. Мрачный законъ борьбы за существованіе къ человѣческому міру не можетъ быть такъ безусловно приложимъ, какъ къ міру животному и растительному. Сфера всеобщаго господства его—міръ безсознательный; тамъ же, гдѣ царствуетъ сознаніе и разумъ, борьба за существованіе можетъ быть лишь временнымъ явленіемъ, продолжающимся до тѣхъ поръ, пока люди недостаточно возвысились надъ жизнью безсознательною, и оканчивающимся вмѣстѣ съ переходомъ людей въ жизнь сознательную и разумную. Въ сферѣ мыслящихъ существъ регулирующимъ закономъ можетъ быть не борьба за существованіе, но союзность въ цѣляхъ разумнаго существованія.

(1) Molinari. Cours d'économie politique. т. 1., стр. 25. (2) Милль. Система логики. т. 11, стр. 478—481. (3) C. Schönberg. Hadbuch и пр. стр. 5 и слѣд. (4) М. Олесницкій. Исторія нравственности и нравственныхъ ученій. Кіевъ. т. 1 стр. 248. (5) Осн. полит. экономіи, стр. 18—20. (6) Утилитаріанизмъ. Пер. Невѣдомскаго, стр. 93—94. (7) П. Кове обращаетъ особое вниманіе на общественно-экономическія силы, между которыми первенствующее значеніе придаетъ семьѣ. См. Précis du cours d'écon. pol. т. 1, стр. 51—57. (8) Капитализмъ и соціализмъ, стр. 120—121. (9) Principes de la science sociale. т. 1, стр. 39 - 64.

§ 4. Зависимость потребностей человѣка отъ культурныхъ условій является причиною возникновенія такихъ потребностей, которыя должны быть названы ложными потребностями и средства удовлетворенія ихъ -- ложнымъ богатствомъ. Подъ вліяніемъ суевѣрія народъ можетъ придавать высокое значеніе разнаго рода амулетамъ и высоко цѣнить вещи, не имѣющія въ дѣйствительности никакого полезнаго значенія. Подъ вліяніемъ тщеславія люди стремятся къ драгоцѣннымъ камнямъ и т. п. вещамъ, удовлетворяющимъ только тщеславію, а не нормальнымъ потребностямъ. Таковы же потребности въ опіумѣ и спиртныхъ напиткахъ, нерѣдко доводящія цѣлые классы населенія до полнаго

разоренія. Нѣкоторые экономисты думаютъ, что съ точки зрѣнія политической экономіи совершенно безразлично то, каковы потребности человѣка и средства ихъ удовлетворенія. „Политической экономіи, говоритъ Милль, нѣтъ дѣла до того, какъ думаетъ о внутреннемъ достоинствѣ разныхъ предметовъ философъ или моралистъ. Въ политической экономіи предметъ разсматривается по своей способности удовлетворять извѣстному желанію, служить для извѣстной цѣли“ (1). Это воззрѣніе представляетъ собою продуктъ чисто коммерческаго направленія науки. Для народнаго хозяйства далеко не безразлично то, каковы потребности даннаго народа и какія средства онъ употребляетъ для ихъ удовлетворенія. Не все равно, употребляетъ ли народъ свой трудъ на опіумъ или на пріобрѣтеніе средствъ для собственнаго образованія. Дѣленіе потребностей на нормальныя и ложныя имѣетъ несомнѣнно большое значеніе въ наукѣ.

Критеріемъ для отличія нормальныхъ потребностей человѣка отъ ложныхъ служитъ то, въ какой мѣрѣ удовлетвореніе той или иной потребности способствуетъ развитію человѣка. По замѣчанію Лавеле, ложными потребностями называются тѣ, которыя не приближаютъ человѣка къ цѣли, состоящей въ развитіи его способностей, но отдаляютъ отъ нея. „Средства удовлетворенія ихъ приходится называть богатствомъ, но только ложнымъ. Такія богатства ложны, потому что не представляютъ собою благъ, но большею частью причиняютъ вредъ. Спиртные напитки порождаютъ пьянство, унижаютъ и развращаютъ человѣка, а между тѣмъ стоятъ дорого населенію. Общая цифра ежегоднаго расхода для всѣхъ цивилизованныхъ государствъ не менѣе 6—7 милліардовъ франковъ. По вычисленіямъ, произведеннымъ въ Соединенныхъ Штатахъ, за 10 лѣтъ непосредственныя издержки на алкоголь равнялись отъ 7 до 8 милліардовъ франковъ, а почти столько же составляли и косвенныя издержки: алкоголь отправилъ 100.000 сиротъ въ пріюты, 138.000 человѣкъ въ тюрьмы и рабочіе дома, вызвалъ 100.000 самоубійствъ, сдѣлалъ 200.000 вдовами и 1 мил. дѣтей сиротами. Опіумъ, употребленіе котораго ведетъ къ идіотизму, обходится Китаю ежегодно 400 мил. франковъ. Заимствованная у дикарей привычка употреблять табакъ, наносящая вредъ чрезъ поглощеніе никотина, одуряющаго и гибельнаго яда, стоитъ ежегодно Франціи 360 мил. франковъ, Италіи 138 мил., Бельгіи 30 мил. и всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ вообще до 3 милліардовъ. Цвѣтъ че-

ловѣчества тратитъ отъ 9 до 10 милліардовъ франковъ на самоотравленіе большими или меньшими дозами“ (2).

Удовлетвореніе ложныхъ потребностей производительностью народнаго труда имѣетъ такое же значеніе, какъ и прямое уничтоженіе произведеній посредствомъ наприм. выбрасыванья ихъ въ воду или сжиганія. Такое уничтоженіе произведеній можетъ быть выгодно съ частно—хозяйственной точки зрѣнія, такъ какъ потребители даютъ доходъ производителямъ, наприм. опіума. Но съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія это уничтоженіе причиняетъ лишь убытокъ странѣ. Частный производитель выигрываетъ и въ томъ случаѣ, если его произведенія покупаетъ какой либо чудакъ и бросаетъ въ воду, хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при этомъ страна только теряетъ. Даже въ томъ случаѣ, когда удовлетвореніе ложныхъ потребностей не сопровождается вредомъ для здоровья потребителей, страна несетъ убытокъ, такъ какъ уничтожается трудъ, овеществленный въ потребленныхъ произведеніяхъ и не возстановленный въ результатѣ потребленія. Удовлетвореніе нормальныхъ потребностей человѣка поддерживаетъ, укрѣпляетъ и развиваетъ силы, что представляетъ собою эквивалентъ потребленнаго. Удовлетвореніе ложныхъ потребностей въ лучшемъ случаѣ сопровождается лишь тѣмъ, что имущество безвозвратно разрушается, бросается въ воду. Страна отъ этого не богатѣетъ, но бѣднѣетъ.

Необходимо сказать, что совершенно нормальныя потребности могутъ превратиться въ ложныя при избыточномъ ихъ удовлетвореніи, безполезномъ или вредномъ. Токово наприм. потребленіе спирта, переходящее въ пьянство. Потребленіе спирта въ умѣренномъ количествѣ можетъ быть не только полезно для здоровья человѣка, но даже необходимо при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ. Оно становится вреднымъ тогда, когда превращается въ пьянство,—страшное зло, съ которымъ приходится вести упорную борьбу въ многихъ странахъ.

Большая часть такихъ ложныхъ потребностей коренится въ наклонности человѣка подражать другимъ и въ боязни выдѣлиться изъ толпы. Многіе живутъ не по средствамъ не потому, что бы это доставляло имъ удовольствіе, а по тому, что не могутъ отстать отъ другихъ, желаютъ казаться такими же состоятельными, какъ и дру-

гіе. Это странное стремленіе къ Проскутову ложу въ современныхъ образованныхъ націяхъ имѣетъ большую силу, быть можетъ бо́льшую чѣмъ когда либо въ прошедшіе вѣка. Въ древнемъ мірѣ, говоритъ Милль, въ средніе вѣка, а также, хотя и въ меньшей степени, и въ этотъ длинный переходный періодъ, который отдѣляетъ наше время отъ феодализма, индивидуумъ былъ самъ по себѣ сила, а когда имѣлъ большія способности или высокое общественное положеніе, то и значительная сила. Въ настоящее время индивидуумъ затерянъ въ толпѣ. Теперь единственная сила, заслуживающая этого названія, есть сила массы ([3]). По выраженію Токвиля, деспотизмъ массы въ настоящее время тяготѣетъ надъ самой душей личности, уничтожая самую мысль о выдѣленіи изъ толпы ([4]). При такихъ условіяхъ создается удобная почва для развитія ложныхъ потребностей и жизни неправильной, съ экономической точки зрѣнія. Систематическое образованіе, поднимающее значеніе и достоинство человѣческой личности, представляетъ собою коренное средство въ борьбѣ съ этимъ зломъ, а слѣдовательно и съ большинствомъ ложныхъ потребностей. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда удовлетвореніе ложныхъ потребностей, распространяясь въ массахъ, начинаетъ приносить большой вредъ странѣ, должно имѣть мѣсто и болѣе непосредственное вмѣшательство государства. Такъ начало свободы промышленности въ примѣненіи къ производству и торговлѣ опіемъ несомнѣнно должно быть признано не только безнравственнымъ, но и противо-экономическимъ началомъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно требованій свободы въ производствѣ и торговлѣ алкоголемъ. Это свобода спаиванія и разврата, начало противо-экономическое. Вотъ почему въ послѣднее время даже казенная монополія продажи спиртныхъ напитковъ начинаетъ съ каждымъ днемъ находить большихъ сторонниковъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ ложная потребность, носящая названіе ксеноманіи. По опредѣленію Ю. Крижанича, это страсть ко всему иноземному, почему онъ и называетъ ее чужебѣсіемъ. Эта страсть можетъ, въ видѣ странной психической болѣзни, господствовать въ цѣлыхъ классахъ общества и тогда она причиняетъ значительный вредъ всему экономическому строю страны. Иностранныя произведенія предпочитаются внутреннимъ, не находящимъ сбыта, внутреннее производство сокращается, уменьшается заработокъ населенія, ослабѣваютъ платежныя средства податныхъ классовъ и чужебѣсіе

можетъ вредно отражаться даже на финансовомъ хозяйствѣ страны. Вредъ его особенно ощутителенъ, когда привозъ иноземныхъ товаровъ превышаетъ вывозъ ихъ за границу. Тогда падаетъ вексельный курсъ, т. е. покупная сила внутреннихъ денегъ, вмѣстѣ съ чѣмъ увеличиваются расходы по государственнымъ займамъ. Безъ систематической борьбы съ этимъ зломъ со стороны государства экономическій бытъ страны можетъ быть въ корнѣ подорванъ. Чужебѣсіе не менѣе опасно, чѣмъ ложная потребность, проявляющаяся въ пьянствѣ. Какъ пьянство разстраиваетъ хозяйственныя силы и раззоряетъ отдѣльнаго человѣка, такъ ксеноманія или чужебѣсіе можетъ разстраивать хозяйственныя силы цѣлой страны и раззорить ее (5).

(1) Милль. Основанія политической экономіи. т. 1. стр. 493. (2) Elements d'économie politique. стр. 45—46. (3) Милль. О свободѣ, стр. 294. (4) А. Токвиль. Демократія въ Америкѣ т. 2., стр. 146. (5) Ю. Крижаничъ, Русское государство въ половинѣ XVII в. изд. П. Безсоновъ. т. 1. стр. 181. глава: „объ чужебѣсію".

ПРОИЗВОДСТВО.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О факторахъ производства.

Производствомъ называется совокупность дѣйствій, имѣющихъ цѣлію приспособленіе предметовъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Человѣкъ не можетъ создавать новаго вещества, не можетъ увеличить количество существующей въ мірѣ матеріи ни на одинъ атомъ; производство, поэтому, не можетъ состоять въ созданіи новаго вещества. Производитель создаетъ лишь годность или полезность, по которой опредѣленный предметъ становится средствомъ удовлетворенія нашихъ потребностей.

Производство слагается изъ трехъ факторовъ, изъ силъ природы, труда и капитала.

I. Силы природы.

§ 1. Силы природы съ экономической точки зрѣнія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на общедоступныя и необщедоступныя. Относительно первыхъ не соблюдается хозяйственный принципъ бережливости, проявляющійся въ стремленіи получитъ возможно большій результатъ съ возможно меньшими усиліями; подобной бережливости, напримѣръ, никто не соблюдаетъ при вдыханіи воздуха. Такія общедоступныя силы не подлежатъ экономическому анализу, не имѣютъ значенія экономическихъ величинъ; такія силы обладаютъ химическими, физическими и тому подобными свойствами, но не имѣютъ свойствъ экономическихъ. Въ составъ экономическихъ явленій входятъ только

тѣ силы, которыя, вслѣдствіе своей ограниченности и необщедоступности, должны быть утилизируемы хозяйственнымъ образомъ и по поводу утилизированія которыхъ необходимо возникаютъ между людьми опредѣленныя сношенія.

Силы природы послѣдней категоріи въ свою очередь раздѣляются на соединенныя или съ движимыми или съ недвижимыми вмѣстителями. Различіе это имѣетъ весьма существенное значеніе.

Силы природы, соединенныя съ недвижимыми вмѣстителями, подчинены закону, по которому при данной техникѣ удвоенный трудъ не даетъ удвоеннаго продукта. Тюненъ вычисляетъ, на основаніи опытныхъ данныхъ, что нанесеніе навоза толщиною на $^1/_2$ дюйма увеличиваетъ плодородіе земли на $^1/_2$ зерна, но дальнѣйшее увеличеніе навоза не сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ плодородія. Если прибавить навоза снова на $^1/_2$ дюйма, то плодородіе возрастаетъ лишь на $^3/_8$ зерна; при дальнѣйшей такой же прибавкѣ оно увеличится только на $^1/_4$ зерна. Такимъ образомъ, увеличеніе навоза на $1^1/_2$ дюйма вмѣсто того, чтобы увеличить плодородіе земли въ $1^1/_2$ раза, увеличиваетъ всего на $1^1/_8$ зерна, то есть на $^3/_8$ менѣе, нежели могло бы получиться въ томъ случаѣ, еслибы увеличеніе издержекъ производства сопровождалось пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта (1).

Полученный результатъ не прямо пропорціоналенъ увеличенію издержекъ. Нельзя отрицать, что въ земледѣліи существуетъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго увеличеніе издержекъ производства влечетъ за собою относительное уменьшеніе дохода, вслѣдствіе чего каждый новый продуктъ получается съ относительно большими усиліями. Если бы въ земледѣліи не существовало такого предѣла, то увеличеніемъ издержекъ на одной десятинѣ можно было бы прокормить населеніе всей Европы (Рошеръ). „Лишь только земледѣліе достигаетъ извѣстной не очень высокой степени развитія, говоритъ Милль, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ порядочныя орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствію закона, что, при данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія, увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта, или, выражая тоже самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ

возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ“ (2) (3). Всякое сосредоточеніе силъ въ неподвижномъ вмѣстителѣ сопровождается относительнымъ уменьшеніемъ дѣйствія каждой изъ нихъ. И это вѣрно не только въ отношеніи естественно неподвижныхъ вмѣстителей, но также и относительно вмѣстителей экономически неподвижныхъ въ данное время.

Если машина вполнѣ удовлетворительно дѣйствуетъ при 10 рабочихъ, то удвоеніе количества рабочихъ не будетъ сопровождаться пропорціональнымъ увеличеніемъ дѣйствія машины и удвоеніемъ продукта. Точно также, если сила воды въ данной мѣстности приводитъ въ дѣйствіе мельницу съ десятью колесами, то, очевидно, что увеличеніе колесъ не дастъ пропорціональнаго увеличенія дѣйствія силы.

Силы природы, соединенныя съ движимыми вмѣстителями, подчиняются совершенно иному закону. Увеличеніе вмѣстителей здѣсь сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ силъ; умножая тѣла, съ которыми соединены силы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ въ одинаковой степени умножаемъ и самыя силы. Увеличивая, наприм., количество каменнаго угля, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ и пропорціонально бо́льшее количество теплоты. Возможность увеличенія такихъ движимыхъ вмѣстителей опредѣленныхъ силъ обусловливается естественнымъ положеніемъ страны. Особенно большое значеніе въ этомъ случаѣ имѣютъ запасы горючихъ матеріаловъ и удовлетворительныя средства сообщеній. По справедливому замѣчанію Франклина, Англія обязана своимъ богатствомъ каменному углю и каналамъ.

Нѣкоторые изъ экономистовъ поднимали вопросъ о сравнительномъ участіи силъ природы въ различныхъ отрасляхъ производства. Такъ, по мнѣнію А. Смита, природа помогаетъ человѣку только въ земледѣліи, въ другихъ же отрасляхъ промышленности все производится руками человѣка, безъ всякаго участія силъ природы (4). По мнѣнію другихъ экономистовъ, природа не участвуетъ въ производствѣ того, что имѣетъ цѣнность, что составляетъ предметъ купли-продажи; все, производимое природой, не имѣетъ цѣнности (5).

А. Смитъ не замѣтилъ того, что природа—необходимый дѣятель во всѣхъ отрасляхъ промышленности. „Матерія, находящаяся на земномъ шарѣ, говоритъ Милль, небездѣятельно принимаетъ формы и качества, придаваемыя ей человѣческими руками. Она имѣетъ сама дѣятельныя силы, которыя участвуютъ въ трудѣ и могутъ быть употребляемы на замѣну его. Силы и вещества природы участвуютъ въ

трудѣ дѣятельнымъ, а не пассивнымъ образомъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на волокна, свиваетъ пальцами нѣсколько такихъ волоконъ при помощи простаго орудія, называемаго веретеномъ. Надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ кладетъ рядомъ множество ихъ и всовываетъ поперекъ ихъ другія такія же нитки, такъ чтобы каждая поперечная шла поочередно сверху одной и снизу другой продольной, эта часть дѣла облегчается орудіемъ, которое называется челнокомъ. Вотъ работникъ произвелъ ткань, льняную или пеньковую, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ выдѣлалъ ее руками, и предполагается, что никакая сила природы не содѣйствовала ему. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый процессъ этой выдѣлки и сдерживаетъ сдѣланную ткань въ цѣлости? Это дѣлается крѣпостью волоконъ, то есть силою сцѣпленія ихъ частицъ, а это одна изъ силъ природы и мы можемъ въ точности измѣрить ея энергію сравнительно съ другими механическими силами, чтобы узнать, какое количество каждой изъ нихъ нужно для нейтрализованія или уравновѣшенія этой силы сцѣпленія“ (6).

Съ другой стороны, необходимо также признать участіе силъ природы въ производствѣ цѣнностей. Самъ же Милль, отрицающій это участіе, въ то же время говоритъ: „Участіе природы къ каждой человѣческой работѣ неизмѣримо и несоизмѣримо. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, то нельзя говорить, что такая-то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая-то другимъ; это все равно, что попытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или который изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи числа 30“ (7).

(1) Изолированное государство, пер. Волкова. 1, 179. (2) Основанія полит. экономіи 1,222. (3) Теоретическое объясненіе сказаннаго, по мнѣнію А. Людоговскаго, одного изъ лучшихъ у насъ спеціалистовъ по сельскохозяйственной экономіи, заключается въ томъ, что „расходъ на большую часть отдѣльныхъ работъ въ хозяйствѣ пропорціоналенъ или пространству, или количеству обрабатываемаго продукта, почему при повтореніи каждой данной работы стоимость ея каждый разъ остается одинаковою, между тѣмъ какъ дѣйствіе на увеличеніе урожая зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ достигнута цѣль предъидущими работами, предшествовавшими повторенію, при этомъ въ большинствѣ случаевъ оказывается, что для каждаго новаго повторенія работы остается меньшее поприще для дѣйствій, а слѣдовательно она оказываетъ и

менѣе сильное дѣйствіе на увеличеніэ урожая. Такъ наприм. если бы для истребленія сорныхъ травъ употреблены были 4 вспашки экстирпаторами, то можно положительно утверждать, что первая вспашка была наиболѣе производительна, потому что уничтожила большее число сорныхъ травъ, чѣмъ остальныя, а четвертая повліяла наименѣе, потому что предъидущими обработками уже достигнута была большая часть цѣли. Между тѣмъ, расходъ на каждую обработку остался равнымъ, будучи пропорціоналенъ пространству. При сортировкѣ хлѣба — пропускъ его черезъ машину въ первый разъ отдѣлитъ болѣе негодныхъ зеренъ, нежели пропускъ во 2-й, а этотъ болѣе, нежели въ 3-й разъ и т. д.“ Основ. сельскохозяйственной экономіи, стр. 50. (4) Rich. des Nations, 2.117. (5) T. Bastiat Harm. écon гл. V. (6) Основанія, т. 1. стр. 34. (7) ibid. стр. 37.

§ 2. На низшихъ ступеняхъ развитія общественности человѣкъ всецѣло зависитъ отъ силъ природы. Особенно громадное вліяніе на человѣка оказываютъ въ это время климатъ и почва.

Климатъ принадлежитъ къ числу дѣятелей, хотя и не способныхъ къ присвоенію отдѣльными лицами, но находящихся въ неразрывной связи съ тою или иною страною, и въ этомъ отношеніи принадлежитъ къ числу дѣятелей непосредственно необщедоступныхъ въ международныхъ мѣновыхъ сношеніяхъ. Свойствами климата опредѣляется плодородіе земли, ея годность къ производству тѣхъ или иныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, что въ свою очередь вліяетъ на характеръ и направленіе другихъ хозяйственныхъ предпріятій. Въ странахъ съ теплымъ климатомъ многія сельско-хозяйственныя работы могутъ быть распредѣлены на большее количество времени, вслѣдствіе чего одна и та же работа исполняется меньшимъ количествомъ рабочихъ рукъ, скота, орудій и машинъ. Вотъ почему, даже при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, въ странахъ съ продолжительными зимними холодами сельское хозяйство не можетъ быть такъ успѣшно, какъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ зимнее время не такъ продолжительно и менѣе сурово. Это никогда не должно быть забываемо при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Еще А. Гакстгаузенъ замѣтилъ тотъ фактъ, что къ Россіи не можетъ быть приложимъ сельско-хозяйственный масштабъ, который привыкли употреблять при оцѣнкѣ состоянія и развитія сельскаго хозяйства въ западной Европѣ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, говоритъ онъ, земледѣліе при равныхъ затратахъ не можетъ быть такъ успѣшно, какъ въ мѣстностяхъ съ болѣе умѣреннымъ

климатомъ и зимними холодами менѣе продолжительными. Обработка земли и сборъ продуктовъ съ полей въ послѣднихъ мѣстностяхъ могутъ быть совершаемы въ теченіи болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ въ первыхъ: такъ наприм., около Орлеана, или около Майнца эти работы продолжаются въ теченіи 7 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ частяхъ Россіи онѣ должны быть окончены въ 4 мѣсяца,—короткость лѣта не позволяетъ долѣе работать на поляхъ. Изъ этого видно, что, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, если около Орлеана или Майнца опредѣленный результатъ получается работой четырехъ людей и четырехъ лошадей, то на сѣверѣ отъ Волги для полученія того же результата необходимо семь человѣкъ и семь лошадей (1). Значительная часть нашихъ сельскихъ хозяевъ, поэтому, болѣе нуждается въ сокращающихъ трудъ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ, чѣмъ сельскіе хозяева западной Европы, работающіе при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ (2). Продолжительность и суровость зимы ведетъ къ полному прекращенію сельско-хозяйственныхъ полевыхъ занятій. Это ведетъ въ свою очередь къ тому, что сельское хозяйство такихъ мѣстностей не можетъ вполнѣ спеціализироваться; сельскій хозяинъ не можетъ всецѣло предаться одному промыслу, онъ ищетъ для свободнаго зимняго времени работъ постороннихъ его главному промыслу. Сельскій хозяинъ, полевыя работы котораго продолжаются не болѣе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, не можетъ такъ спеціально заняться своимъ дѣломъ, какъ земледѣлецъ, находящійся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; весьма естественно, что дѣло перваго не можетъ быть такъ успѣшно, какъ дѣло послѣдняго. Наша кустарная промышленность представляетъ собою результатъ такого рода климатическихъ условій, мѣшающихъ крестьянину въ зимнее время заниматься сельско-хозяйственными работами. Крестьянинъ не можетъ заниматься спеціально однимъ земледѣльческимъ промысломъ, онъ по необходимости ищетъ постороннихъ заработковъ и находитъ ихъ главнымъ образомъ въ разнаго рода кустарныхъ занятіяхъ. Вполнѣ справедливо, что въ настоящее время „это соединеніе разныхъ занятій, основанное на естественныхъ отношеніяхъ страны, отсутствіе строгаго раздѣленія промысловъ, составляетъ характерную черту хозяйственнаго быта Россіи и есть одна изъ причинъ, почему обработка полей не доведена у насъ до такого совершенства, и почему наши урожаи не такъ изобильны“ (3). Но же-

лать уничтоженія кустарной промышленности болѣе, чѣмъ странно; эта промышленность основывается „на естественныхъ отношеніяхъ страны“. Нельзя сомнѣваться, что въ будущемъ она перестанетъ быть тормазомъ въ ростѣ нашего сельско-хозяйственнаго дѣла, въ большей части случаевъ обставленнаго такими неблагопріятными климатическими условіями. Освобожденный крестьянинъ, получившій возможность развиваться умственно, безъ всякаго сомнѣнія, съ теченіемъ времени организуетъ болѣе разумно свой кустарный трудъ, который станетъ приносить достаточный доходъ, что въ свою очередь отзовется и на развитіи земледѣлія, требующаго большихъ средствъ сравнительно съ болѣе благодатными мѣстностями.

Подобно климату и почва, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, оказываетъ громадное вліяніе на человѣка. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась полосой наиболѣе плодородной, простирающейся съ небольшими перерывами отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Арабы въ своемъ отечествѣ, вслѣдствіе безплодія почвы, были грубымъ народомъ; но въ VII в. они завоевали Персію, въ VIII лучшую часть Испаніи, въ IX Пенджабъ, и грубые дикари сдѣлались образованнѣйшими народами тогдашняго міра. По ученію Бокля, цивилизація Азіи и Африки произведена почвой, а цивиллизація Европы—климатомъ. Отсюда происходитъ и различіе въ характерѣ этихъ цивилизацій. Вліяніе благодатной почвы проще, а потому и цивилизація, вызываемая ею, раннѣе. Но эта цивилизація не прочна, такъ какъ при благодатной почвѣ человѣческія силы усыпляются, подобно тому, какъ замораживаютъ ихъ холодныя пустыни полярныхъ странъ. Напротивъ того, умѣренный климатъ, поддерживая трудовую энергію, представилъ возможность большаго постоянства цивилизаціи. Вотъ почему цивилизація Европы показала способность къ развитію, неизвѣстную для цивилизацій, обусловливаемыхъ почвою (4).

Самое отношеніе между сушей и водой оказываетъ значительное вліяніе на развитіе общественности.

Для уясненія этого вліянія достаточно припомнить, что на Европейскомъ материкѣ одна миля береговаго протяженія приходится на 40 кв. миль внутренняго пространства, а если считать береговую линію острововъ, то менѣе, чѣмъ на 30 кв. миль; между тѣмъ какъ въ южной Америкѣ на 97, въ Азіи на 105, въ Африкѣ на 152 кв.

мили. Своимъ экономическимъ развитіемъ Европа во многихъ отношеніяхъ обязана достаточному развитію береговой линіи, морямъ Средиземному и Нѣмецкому съ Балтійскимъ, множеству заливовъ и острововъ, составляющихъ удобныя станціи для сношеній (5). Выгоды приморскаго положенія и большихъ внутреннихъ водныхъ путей весьма часто нейтрализуютъ печальныя послѣдствія безплодія почвы. Правда, какъ замѣчаетъ Милль, польза отъ моря и большихъ рѣкъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ сберегаютъ расходы по перевозкѣ. Но люди, размышлявшіе объ этомъ предметѣ, понимаютъ, какая огромная экономическая выгода приносится такимъ сбереженіемъ. Эта выгода такъ важна, что часто съ избыткомъ вознаграждаетъ за безплодіе почвы и почти за всѣ другія естественныя невыгоды; въ особенности относится это къ тому раннему періоду промышленности, когда трудъ и наука еще не создали искусственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ естественными. Въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка самыми цвѣтущими обществами были не тѣ, которыя имѣли наибольшую территорію, или плодороднѣйшую почву, а тѣ, которыя, какъ Аѳины, Тиръ, Марсель, Венеція, вольные города Балтійскаго моря, были принуждены безплодіемъ почвы обращаться къ извлеченію всей возможной пользы изъ своего удобнаго приморскаго положенія (6).

Но какъ ни сильно вліяніе природы на общественный бытъ, какъ не значительно вліяніе естественныхъ выгодъ на экономическое развитіе народовъ, тѣмъ не менѣе мы не должны считать силы природы исключительнымъ факторомъ благосостоянія. Избытокъ естественныхъ выгодъ весьма часто скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Успѣшность въ производствѣ зависитъ отъ трудовой энергіи, которая развивается не отсутствіемъ препятствій, но затрудненіями. Избытокъ естественныхъ выгодъ также можетъ быть вреденъ, какъ и крайній недостатокъ ихъ; въ благодатныхъ странахъ, гдѣ почти безъ всякаго труда человѣкъ можетъ имѣть средства къ существованію, его силы усыпляются и энергія ослабѣваетъ точно также, какъ суровыя полярныя страны, такъ сказать, замораживаютъ эти силы и энергію ихъ. Вотъ почему вполнѣ справедливо замѣчаніе Милля, что качества и способности самаго общества еще важнѣе для него, чѣмъ естественныя выгоды, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ онѣ важнѣе богатства и знатности. Въ самомъ себѣ человѣкъ находитъ силу, которая даетъ

ему возможность бороться съ самыми неблагопріятными естественными условіями, и исторія представляетъ намъ факты достойныхъ удивленія побѣдъ. Сила эта—его трудъ, его физическія и духовныя свойства, направленныя къ достиженію хозяйственныхъ цѣлей.

(1) Studien über die inneren Zustände Russlands, т. 1. стр. 173—174. По изчисленіямъ Гакстгаузена, въ имѣніи около Майнца, обнимающемъ собою 1000 моргеновъ пахатной земли и луговъ, необходимо имѣть четыре пары лошадей, восемь работниковъ, шесть работницъ и 1500 дней поденныхъ рабочихъ; такое имѣніе даетъ около 8500 талеровъ валоваго дохода, издержки обработки не простираются болѣе 3500 талеровъ, слѣдовательно чистаго дохода —5000 талеровъ. Въ соотвѣствующемъ по величинѣ имѣніи на сѣверѣ отъ Волги, при равенствѣ остальныхъ условій, уже вслѣдствіе климатическихъ невыгодъ необходимо имѣть семь паръ лошадей, четырнадцать рабочихъ мужчинъ, десять работницъ и 2100 дней поденныхъ работниковъ. Очевидно, что въ этомъ послѣднемъ имѣніи чистый доходъ не будетъ свыше 2600 талеровъ, вмѣсто 5000, приносимыхъ имѣніемъ, лежащимъ около Майнца. Сверхъ того, въ майнцскомъ имѣніи зимою прокармливается лишь $^4/_7$ того количества людей и скота, которое прокармливается сѣвернымъ русскимъ имѣніемъ; въ первомъ меньшее количество рабочихъ людей и скота зимой приходится прокармливать не болѣе 5 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ во второмъ ихъ большее количество должно быть содержимо въ продолженіи 8 мѣсяцевъ. Въ Майнцскомъ имѣніи и въ зимнее время рабочіе и скотъ могутъ быть заняты дѣломъ непосредственно относящимся къ сельскому хозяйству; между тѣмъ какъ въ русскомъ сѣверномъ имѣніи почти невозможны зимой никакія сельско-хозяйственныя работы, не считая привоза древеснаго матеріала и отправки продуктовъ къ мѣстному рынку, для чего достаточно пары лошадей и одного рабочаго. Очевидно, что въ сѣверномъ имѣніи въ теченіи 8 зимнихъ мѣсяцевъ приходится почти даромъ содержать вдвое большее число рабочихъ и скота. На основаніи подобныхъ изсчисленій, Гакстгаузенъ приходитъ къ заключенію, что если бы кому либо было подарено имѣніе наприм. въ Ярославской губерніи съ непремѣннымъ условіемъ завести хозяйство по образцу лучшихъ хозяйствъ западной Европы, то одаренный не только бы не имѣлъ никакой прибыли, но въ не продолжительномъ времени раззорился бы. (2) Въ лѣтнее время періодъ, когда совершается весь кругъ земледѣльческихъ работъ, гов. Горловъ, у насъ коротокъ. Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ конечно замѣчалъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится иногда нашъ сельскій житель отъ скопляющихся работъ; онъ не успѣлъ еще кончить покоса въ лугахъ примыкающихъ къ ржаному полю, какъ уже поспѣла рожь, а тамъ подступаютъ, среди неоконченныхъ работъ хлѣбной уборки, озимая орьба, сѣвъ озимаго хлѣба, жнитво яровое и окончательная косьба луговъ въ яровомъ полѣ. Потому можно смѣло сказать, что именно у насъ полезно бы было устройство хорошихъ жатвенныхъ машинъ, заведеніе выгодныхъ орудій для подъема земли и пахоты, содержаніе сильныхъ лошадей, равно какъ введеніе пріемовъ, сокращающихъ работу. Нач. пол. экон. т. 1, стр. 196—197. (3) Ibid стр. 195.

(4) Исторія цивил. въ Англіи, ч. 1. (5) Э. Вреденъ. Курсъ пол. экон. стр. 168—171. Европейскій материкъ представляетъ собою треугольникъ, который острымъ своимъ угломъ направленъ къ Западу, а основаніемъ, на Востокѣ, прилегаетъ къ азіатскому материку, почему съ З. на В. въ Европѣ все болѣе и болѣе усиливается континентальный характеръ и уменьшаются выгоды отъ сосѣдства съ моремъ. Кн. Васильчиковъ о неблагопріятныхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ русскаго хозяина говоритъ: „Нигдѣ на земномъ шарѣ мы не находимъ такихъ народныхъ массъ, населенныхъ въ глубинѣ материка, вдали отъ морей, съ рѣками мелководными и половину года скованными льдами, на голыхъ равнинахъ, доступныхъ всякимъ неблагопріятнымъ атмосферическимъ явленіемъ. Всѣ неудобства, присущія континентальнымъ климатамъ, проявляются въ Россіи съ необычайной, свирѣпой силой; стужа и зной, засуха и дожди, бури, мятели, вьюги, бураны, всѣ эти атмосферическія явленія достигаютъ у насъ такой крайности и повторяются такъ часто, что разстраиваютъ всѣ хозяйственные расчеты.“ См. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи, стр. 142. (6) Осн. пол. экон. т. 1, стр. 139—140.

§ 3. Не смотря на естественныя неблагопріятныя условія, въ общемъ природа, какъ факторъ производства, даетъ полную возможность организаціи у насъ вполнѣ самостоятельнаго національнаго труда, при извѣстныхъ условіяхъ, направленныхъ къ ослабленію такихъ неблагопріятныхъ природныхъ особенностей, измѣненіе которыхъ подчинено человѣку. Слѣдуя Семенову, Европейскую Россію можно раздѣлить на слѣдующія естественныя области (1).

1) *Черноземная нестепная область.* Сѣверной границей ея служитъ сѣверная граница распространенія чернозема, а южная — съ началомъ степей и исчезновеніемъ лѣсныхъ пространствъ. Въ этой полосѣ населеніе повсемѣстно имѣетъ значительный хлѣбный избытокъ, какъ въ озимыхъ, такъ и въ яровыхъ хлѣбахъ. Благодаря достаточному количеству лѣсовъ, естественное орошеніе обильно и колебанія въ урожайности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ крайне слабы. Населеніе группируется въ крупныхъ поселкахъ, расположенныхъ густо вдоль теченія рѣкъ. Эта область представляетъ собою, по выраженію г. Семенова, главную житницу Россіи.

2) *Черноземная степная область.* Въ составъ ея входятъ: часть Бессарабіи, новороссійскія губерніи, за исключеніемъ значительной части Таврической, части Донской области и губерніи: саратовской, самарской, пермской и оренбургской. Черноземная почва ея почти совершенно лишена лѣсной растительности, лѣса занимаютъ въ среднемъ менѣе 5% всего пространства. Благодаря отсутствію лѣсовъ,

орошеніе крайне скудно и колебанія въ урожайности хлѣбовъ на столько значительны, что сельское хозяйство весьма часто носитъ характеръ азартной игры. Съ 1870 по 1876 г. разность между наибольшею и наименьшею жатвою во всей Европейской Россіи составляла не болѣе 28% средняго сбора за это время, между тѣмъ какъ въ степныхъ губерніяхъ она составляла 86%. Нѣтъ ничего безотраднѣе степнаго хозяйства, говоритъ кн. Васильчиковъ; при этомъ хозяйствѣ все зависитъ отъ климатическихъ случайностей, или отъ дуновенія сѣверо-восточнаго или юго-западнаго вѣтра, или отъ мглы и удушливаго зноя, навѣваемаго изъ средне-азіатскихъ пустырей. Чувствовать себя постоянно безпомощнымъ тягостно, а эта безпомощность убиваетъ всякое стремленіе къ улучшенію, снѣдаетъ духъ предпріимчивости. Причину такого явленія нужно искать въ географическомъ положеніи страны, во внѣшней ея формѣ, представляющей плоскую, со всѣхъ сторонъ открытую равнину, на которой не встрѣчается ни горъ, ни лѣсовъ, могущихъ защитить ее отъ бушующихъ постоянно вѣтровъ“ (2). Здѣсь развитіе земледѣлія слабо зависитъ отъ индивидуальныхъ усилій. Отдѣльный сельскій хозяинъ не можетъ бороться наприм. съ засухами, часто повторяющимися въ степныхъ мѣстностяхъ. Для этой борьбы необходимы коллективныя усилія, необходимы государственныя мѣры къ облѣсенію степей и организаціи орошенія. Только благодаря высокому плодородію почвы населеніе имѣетъ значительный хлѣбный избытокъ при вполнѣ экстенсивной культурѣ.

3) *Лѣсная черноземно-суглинистая область* лежитъ къ сѣверу отъ восточной заволжской части степной черноземной полосы. Въ составъ ея входятъ: большая часть Уфимской губерніи, плодородные уѣзды вятской и осинскій уѣздъ пермской губерніи. Плодородная почва даетъ избытокъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ ржи и яроваго хлѣба, сближая эту область съ черноземными. Лѣса занимаютъ до 50% всего пространства и такимъ образомъ сближаютъ ее съ лѣсными областями.

4) *Подгорная и нагорная области Крыма и Кавказа.* Эту область г. Семеновъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ. Подгорная и нагорная область Крыма и Кавказа заключаетъ въ себѣ части Россіи, находящіяся въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ. Почва весьма различна, такъ какъ рядомъ съ мѣстностями гористыми, скалистыми и каменистыми, а потому совершенно безплодными, многія

горныя долины, наклонныя плоскости и подгорныя равнины представляютъ нерѣдко почву самую плодородную, вслѣдствіе чего постоянное населеніе области недостатка въ хлѣбѣ не ощущаетъ, а нѣкоторыя мѣстности представляютъ даже и значительный его избытокъ. Спеціальныя культуры: садоводство, винодѣліе, разведеніе тутовыхъ деревьевъ для шелководства, разведеніе марены, хлопчатника и т. д. играютъ значительную роль въ народномъ хозяйствѣ области. Особенность хозяйственнаго быта ея состоитъ также въ томъ, что здѣсь довольно значительно распространено искусственное орошеніе.

5) *Степная нечерноземная область.* Она лежитъ въ промежуткѣ между подгорною и черноземными областями и идетъ далѣе къ востоку, между южною границею чернозема и Каспійскимъ моремъ, до Киргискихъ степей средней Азіи, съ которыми эта область имѣетъ большое сходство. Она характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ лѣсовъ, недостаткомъ дождей и обиліемъ солончаковъ. Земледѣліе почти не существуетъ, ведется гуртовое скотоводство и до сихъ поръ государствуетъ кочевая жизнь.

6) *Западная окраина.* Въ составъ ея входятъ нечерноземныя мѣстности Европейской Россіи, находящіяся въ сосѣдствѣ съ Западной границей. Почва достаточно плодородная, лѣса занимаютъ до 30% пространства, орошеніе достаточное. Близость къ иностраннымъ рынкамъ и густота населенія вызвали высокое развитіе земледѣльческой культуры; населеніе имѣетъ довольно значительный хлѣбный избытокъ въ особенности яровыхъ хлѣбовъ. Изъ спеціальныхъ культуръ здѣсь наиболѣе распространено льноводство.

7) *Центральная промышленная область.* Сюда входятъ: Московская губ., большая часть Владимірской, части Нижегородской, Костромской, Ярославской, Тверской, Рязанской, Тульской, Калужской, уѣзды Сычевскій и Гжатскій Смоленской. Почва мало плодородна, но съ одной стороны обиліе лѣсовъ, а съ другой выгодныя историческія условія и положеніе между двумя главными водными артеріями Россіи (Волгою и Окою) вызвали значительное развитіе обрабатывающей промышленности. Обилію лѣсовъ нашими изслѣдователями придается весьма существенное значеніе въ дѣлѣ развитія здѣсь этой промышленности „Лѣсъ, говоритъ В. Безобразовъ, является первостепеннымъ естественнымъ или географическимъ элементомъ промышленнаго характера московской области. Лѣсъ былъ такимъ элементомъ издревле,

не только для промышленности, но и для всей исторіи этой области. И теперь еще она заключаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ краяхъ значительныя лѣсныя богатства, а въ началѣ нашей государственной исторіи, до истребленія лѣса промышленностью и сгущавшимся народонаселеніемъ, она прямо принадлежала къ *области лѣса*, въ отличіе отъ *поля*, отъ всей южной половины Россіи. Въ этомъ лѣсѣ главнѣйше сосредоточилась послѣ кіевскаго періода вся наша исторія и вся наша культура" (3). Въ будущемъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, центральная промышленная область будетъ получать необходимое для промышленности топливо изъ сосѣдняго сѣвернаго лѣснаго края. Лѣса, начинающіеся на границѣ этой области и простирающіеся до крайняго сѣвера, представляютъ собою неисчерпаемый запасъ горючаго матеріала, полезное значеніе котораго будетъ увеличиваться по мѣрѣ улучшенія путей сообщеній.

8) *Петербургская промышленная область.* Выгодное торговое положеніе, обиліе топлива, какъ древеснаго, такъ и минеральнаго привознаго, сосредоточеніе въ столицѣ капиталовъ и выгодныя культурныя условія вызвали въ уѣздахъ с-петербургскомъ, царекосельскомъ и петергофскомъ значительное развитіе фабричной и заводской промышленности, что въ свою очередь должно было вызвать привлеченіе населенія изъ сосѣднихъ губерній и даже изъ нѣкоторыхъ мѣстностей московскаго промышленнаго раіона, въ которыхъ развиты отхожіе промыслы.

9) *Полѣсья.* Сюда входятъ: сѣверско-бѣлорусское полѣсье, новгородско-финское полѣсье, вологодско-вятское полѣсье, уральское полѣсье и крайній сѣверъ. Всѣ эти полѣсья имѣютъ почву нечерноземную, мало плодородную, слабо вознаграждающую трудъ земледѣльца, благодаря чему населеніе почти повсемѣстно испытываетъ недостатокъ въ собственномъ хлѣбѣ. За исключеніемъ горной области Урала, въ полѣсьяхъ и обрабатывающая промышленность слабо развита, причиной чего главнымъ образомъ является отсутствіе путей сообщеній, посредствомъ которыхъ облегчался бы сбытъ продуктовъ и привозъ хлѣба изъ болѣе плодородныхъ мѣстностей. Отсутствіе же удобныхъ и дешевыхъ сношеній служитъ причиною того, почему и уральскія богатства слабо эксплоатируются.

Такимъ образомъ наиболѣе производительными областями, составляющими, по выраженію г. Семенова, „всю основу могущества Импе-

ріи", слѣдуетъ признать четыре естественныя области: черноземную не степную, черноземную степную, центральную промышленную и западную окраину. Это пространство заключаетъ въ себѣ почти $^1/_3$ площади Европейской Россіи и болѣе $^2/_3$ ея населенія. Здѣсь сосредоточены главныя производительныя силы Россіи. Всѣ остальныя мѣстности имѣютъ значеніе необходимыхъ придатковъ къ этому ядру государства. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большое значеніе, представляя собою морскія побережья съ портами и устьями рѣкъ, другіе заключаютъ значительныя лѣсныя, звѣриныя и рыбныя богатства, третьи— горныя богатства, четвертые годны для спеціальныхъ культуръ и т. п. Если присоединить къ этому естественныя богатства Сибири и другихъ азіатскихъ областей Россіи, то необходимо согласиться, что наше отечество заключается въ себѣ всѣ условія наиболѣе систематическаго національно-экономическаго развитія.

До сихъ поръ это развитіе встрѣчало естественныя преграды въ громадности пространства и недостаточности путей сообщенія. Это препятствіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе преодолѣвается и въ то время, когда всѣ уголки Россіи будутъ соединены между собою удобными и дешевыми путями сообщеній, неизбѣжно возникнетъ то экономическое единеніе между ними, которое имѣетъ значеніе краеугольнаго камня въ организмѣ національнаго благосостоянія. Отъ западно-европейскихъ государствъ Россія въ этомъ отношеніи рѣзко отличается, благодаря необъятности своей территоріи. Въ то время, какъ западно-европейскіе народы для избытка населенія должны пріискивать колоніи, Россіи нѣтъ надобности искать на сторонѣ помѣщенія, если бы возникъ въ той или иной мѣстности избытокъ населенія. Колоніальный вопросъ замѣняется у насъ переселенческимъ, имѣющимъ такое же государственное значеніе, какъ и колоніальный вопросъ на западѣ. Особенно онъ имѣетъ важное значеніе на окраинахъ. „Русская соха и борона должны обязательно слѣдовать за русскими знаменами и точно такъ же, какъ горы Кавказа и пески Средней Азіи не остановили русскаго солдата, они не должны останавливать русскаго переселенца" (4).

Обширность и разнообразіе территоріальныхъ силъ Россіи вызываютъ также необходимость болѣе непосредственнаго участія у насъ государства въ экономическихъ отношеніяхъ страны. Вдохнуть жизнь въ Полѣсья, канализировать торфянистыя болота, дать орошеніе сте-

пямъ, поддерживать правильное экономическое единеніе между отдаленными частями нашего отечества—это задача государства, а не частнаго интереса, которому не можетъ быть доступно осуществленіе такой задачи. Идеи невмѣшательства государства въ экономическую жизнь у насъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть того значенія, какое приписывается имъ на западѣ.

(1) Статистическій Временникъ Россійской Имперіи. II, выпускъ I, 1871 г. ст. Населенность Европейской Россіи въ зивисимости отъ причинъ, обусловливающихъ распредѣленіе населенія Имперіи, стр. 127—158. (2) Кн. Васильчиковъ. Черноземъ и его будущность. А. А. П. Современность орошенія въ степяхъ и какъ положить ему начало. Ж. Мин. Госуд. Имуществъ 1876 г. Августъ. (3) В. П. Безобразовъ. Народное хозяйство въ Россіи ч. 1. стр. 55 56. Прекрасная книга В. П. Безобразова представляетъ собою первый опытъ систематическаго изложенія русскихъ экономическихъ отношеній. (5) Ѳ М. Уманецъ. Колонизація свободныхъ земель Россіи. СПБ. 1884 г. стр. 33.

II. Трудъ.

§ 1. Въ обыденной рѣчи трудомъ называютъ „всякое физическое или умственное обремененіе или стѣсненіе всѣ непріятныя ощущенія, соединенныя съ употребленіемъ мысли или мускуловъ на извѣстное занятіе“ (Милль). Одни изъ экономистовъ безусловно соглашаются съ этимъ обыденнымъ воззрѣніемъ на трудъ, между тѣмъ какъ другіе рѣшительно возстаютъ противъ принципіальнаго соединенія понятій обремененія и непріятности съ понятіемъ о трудѣ. По мнѣнію первыхъ, трудъ „составляетъ для человѣка самоотверженіе, потому что кто ему предается, тотъ подвергается усталости и даже изнеможенію, лишаетъ себя спокойствія и нѣкоторымъ образомъ свободы“ (1).

По мнѣнію вторыхъ, обремененіе или непріятность, которыми фактически сопровождается всякій трудъ, представляютъ результатъ не самаго труда, но внѣшней его обстановки; самъ по себѣ, какъ естественная потребность нашего организма, трудъ пріятенъ, онъ становится непріятнымъ лишь тогда, когда среда, въ которой происходитъ дѣятельность, ей не благопріятна (2). Послѣднее воззрѣніе послужило исходнымъ пунктомъ построенія многихъ утопическихъ проектовъ такой организаціи труда, при которой никакой трудъ не только не былъ бы непріятнымъ, но служилъ бы источникомъ постоянныхъ удоволь-

ствій. Такова, наприм., извѣстная утопія Карла Фурье, лучше всѣхъ другихъ утопій въ этомъ родѣ иллюстрирующая значеніе стремленій къ превращенію труда въ игру. Всеобщая цѣль всѣхъ стремленій человѣка, по ученію Фурье, есть счастье. Счастье состоитъ не въ чемъ либо иномъ, какъ въ полномъ удовлетвореніи нашихъ страстей (3). Долгъ, обязанность, все это простая выдумка философовъ, не имѣющая никакихъ реальныхъ основаній. Человѣкъ долженъ подчиняться только своимъ страстямъ и въ этомъ подчиненіи онъ найдетъ свое истинное счастье. Если въ дѣйствительности страсти приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, то это происходитъ вслѣдствіе отсутствія надлежащей среды, въ которой бы страсти человѣка могли находить полное удовлетвореніе. Необходимо, по этому, организовать такую среду. Страсти раздѣляются на чувственныя (p sensuelles) сердечныя (p. affectives) и дистрибутивныя (p. distributives ou mécanisantes). Первыя состоятъ въ стремленіяхъ къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей и совпадаютъ съ пятью чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Вторыя состоятъ въ стремленіяхъ къ единенію и образованію группъ между людьми; къ нимъ относятся: дружба, честолюбіе, любовь и семейныя чувства. Третьи слагаются: изъ кабалиста (la cabaliste), состоящаго въ стремленіяхъ къ интригамъ и соперничеству; изъ папильона (la papillonne), состоящаго въ стремленіяхъ къ перемѣнамъ и разнообразію въ удовольствіяхъ, и изъ композита (la composite), возбуждающаго до энтузіазма. Чувственныя и сердечныя страсти находятъ примѣненіе и въ современныхъ обществахъ, но не приводятъ къ всеобщему счастію, такъ какъ ихъ проявленіе стѣсняется вслѣдствіе всеобщаго гоненія страстей дистрибутивныхъ. Для всеобщаго счастія необходимо гармоническое проявленіе всѣхъ страстей. Когда настанетъ господство такой гармоніи, изчезнетъ съ лица земли всякое горе, не будетъ нищеты и пороковъ, трудъ будетъ не бременемъ, но истиннымъ удовольствіемъ. Такое блаженное время наступитъ тогда, когда люди раздѣлятся на производительныя группы и серіи, то есть когда они подѣлятся по видамъ и родамъ труда на опредѣленныя общественныя единицы. Тогда кабалистъ, побуждая къ соперничеству, будетъ причиною общаго увеличенія производительной дѣятельности; въ этомъ же направленіи будетъ дѣйствовать и композитъ, вызывающій энтузіазмъ между производителями, работающими не въ одиночку, но въ пріятномъ и постоянномъ сооб-

ществѣ; наконецъ папильонъ, побуждая къ разнообразію въ занятіяхъ, при чемъ однимъ дѣломъ производитель не долженъ заниматься болѣе двухъ часовъ, предупреждаетъ усталость и самое занятіе дѣломъ превращаетъ въ развлеченіе. При такой организаціи „физическія влеченія находятъ свое удовлетвореніе въ трудѣ и создаютъ въ то же время блага, служащія къ удовлетворенію духовныхъ потребностей„ (4).

Превращеніе труда въ игру, напряженнаго занятія въ развлеченіе—весьма заманчиво. Такъ же заманчива была мысль о философскомъ камнѣ, который бы все превращалъ въ золото; а въ дѣтствѣ нашемъ такъ же заманчива была для насъ шапка—невидимка, коверъ-самолетъ и тому подобные продукты сказочнаго мышленія. Въ странахъ, наполненныхъ волшебниками, живутъ безъ всякаго труда, все каждому туземцу тотчасъ же подается невидимыми силами, коль-скоро появится у него одно желаніе имѣть что-либо. Съ превращеніемъ труда въ игру и на землѣ будетъ тоже; труда, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, не будетъ; онъ превратится въ игру, въ развлеченіе, въ удовольствіе, служащее источникомъ новыхъ удовольствій. Очевидно, что доктрина, отождествляющая трудъ съ игрою, должна быть признана продуктомъ сказочнаго мышленія, продуктомъ фантазіи и дѣтства мысли человѣка. Недаромъ же Фурье не удовольствовался радикальнымъ измѣненіемъ общественнаго строя, но пророчествуетъ также измѣненіе и всей физической природы. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что съ принятіемъ его доктрины климатъ измѣнится на всемъ земномъ шарѣ къ лучшему, морская вода превратится въ пріятную жидкость, со вкусомъ лимонада, вредные человѣку звѣри будутъ повсемѣстно уничтожены, полезные усовершенствуются и возникнутъ новые ихъ виды, такъ наприм. появится особаго рода китъ, съ помощью котораго будутъ передвигаться корабли. Въ сказкахъ все возможно. Прискорбно лишь то, что подобныя сказки слушаются взрослыми и принимаются ими за нѣчто серьезное.

Между трудомъ и игрой нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго; первый является средствомъ къ достиженію опредѣленной цѣли, между тѣмъ какъ вторая является и средствомъ и цѣлію въ одно и то же время. Когда плотникъ рубитъ дерево, необходимое для постройки дома, онъ трудится и никто, не одаренный всемогуществомъ, не обратитъ его ремесленнаго занятія въ игру, такъ какъ ремесло для ремесла, плотничество для плотничества при нормальномъ положеніи

умственныхъ способностей дѣло не мыслимое. Когда тотъ же человѣкъ играетъ въ карты, когда онъ танцуетъ, когда онъ поетъ для собственнаго удовольствія или съ такою же цѣлію занимается музыкой, онъ перестаетъ трудиться, его занятіе не трудъ, но игра. Конечно, балетный танцоръ, театральный хористъ и музыкантъ, подобно плотнику, рубящему дерево не для процесса рубки, но для полученія впослѣдствіи извѣстнаго результата, не занимаются игрой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; для нихъ это занятіе является трудомъ и весьма часто тяжелымъ трудомъ. Но точно также и рубка дровъ не плотникомъ-ремесленникомъ, но человѣкомъ, ищущимъ въ этомъ дѣлѣ пользы для своего здоровья, не можетъ быть названа трудомъ. Дѣло въ томъ, что всякій трудъ, представляя собою средство къ полученію въ будущемъ извѣстнаго результата, предполаетъ опредѣленную разницу во времени между производительнымъ процессомъ и предположенною цѣлію, между тѣмъ какъ въ игрѣ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, такой разницы во времени нѣтъ, здѣсь средство и цѣль совпадаютъ, являются величинами неразрывно связанными. Привлекательность игры и заключается въ этой связи средствъ съ цѣлями, благодаря чему игра привлекаетъ къ себѣ сама собою. Трудъ, какъ средство къ полученію въ будущемъ извѣстнаго результата, не самъ по себѣ привлекаетъ труженниковъ; привлекаютъ ихъ тѣ результаты, которые достигаются трудомъ. И такъ какъ никогда невозможно уничтоженіе того положенія дѣлъ, при которомъ трудъ представляетъ собою лишь средство къ полученію въ будущемъ извѣстныхъ результатовъ, то превращеніе труда въ игру дѣло не мыслимое. Въ дѣйствительности существуетъ нѣкоторое различіе между разными видами труда по продолжительности времени, проходящаго между производительнымъ процессомъ и ожидаемымъ результатомъ. Въ сельско-хозяйственномъ трудѣ этотъ промежутокъ времени больше, чѣмъ въ торговой промышленности; въ отвлеченныхъ умственныхъ занятіяхъ онъ несравненно короче, чѣмъ въ такъ называемыхъ позитивныхъ умственныхъ занятіяхъ, требующихъ предварительнаго собиранія матеріала изслѣдованій и кропотливаго, точнаго и почти всегда скучнаго анализированія его, опредѣленіи научнаго достоинства, сортировки, сравненій и т. п. пріемовъ. Вотъ почему, выражаясь не точно, можно сказать, что одни виды труда привлекательнѣе другихъ; торговля больше привлекаетъ къ себѣ многихъ людей, чѣмъ сельско-хозяйственное дѣло, философовъ больше, чѣмъ

послѣдователей точныхъ наукъ. Говоря это, необходимо не забывать, что привлекательность различныхъ занятій обусловливается не трудомъ какъ средствомъ, но цѣлію, достигаемою этимъ средствомъ. Конечно, во многихъ случаяхъ обременительность труда проистекаетъ отъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ происходитъ наша дѣятельность, на нрим. отъ излишней продолжительности занятія, отъ работы въ мастерскихъ, наполненныхъ сыростью, спертымъ воздухомъ, вредною для здоровья минеральною пылью. Статистика указываетъ на многія ремесла, крайне вредно отражающіяся на здоровьи рабочихъ, сокращающія ихъ жизнь и увеличивающія заболѣваемость. Весьма часто, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, „трудъ оплачивается цѣною жизни и является тайнымъ убійцей, скрывающимся за болѣзнями, которыя считаются нами за ближайшія причины смерти“ (3). Устраненіе такихъ неблагопріятныхъ условій облегчитъ работу, но нѣтъ такой чудодѣйственной силы, которая превратила бы ее въ игру. Съ другой стороны, элементъ игры въ извѣстной степени можетъ входить въ сферу труда, подъ вліяніемъ чего ремесло возвышается на степень искусства; писецъ можетъ увлекаться самимъ процессомъ писанія, плотникъ—процессомъ хорошей постройки, писатель—художественностью своего умственнаго творчества и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ трудъ до извѣстной степени облегчается, но никогда не перестаетъ быть трудомъ, не превращается въ элементъ ему противоположный—въ игру.

Не будучи игрой, не будучи по сущности своей началомъ, доставляющимъ человѣку чувственное довольство, трудъ является нравственнымъ долгомъ каждаго, доставляющимъ нравственное довольство производителю. Безъ труда жизнь человѣческая не мыслима, всякій долженъ заработывать свой хлѣбъ въ потѣ лица своего (Бытія, 3 гл. стр. 19). И лишь такимъ образомъ, живя своимъ, а не чужимъ трудомъ, человѣкъ можетъ сознавать себя существомъ нравственнымъ и самостоятельнымъ. Паразитъ между людьми—существо глубоко безнравственное, праздность всегда считалась въ числѣ пороковъ лучшими представителями человѣчества. Не даромъ Іисусъ, сынъ Сираховъ, уподоблялъ лѣность „камню нечистому, калу воловію“ Сир. гл. 22 ст. 1 и 2). И чѣмъ выше развитіе общественности, тѣмъ болѣе трудъ становится почетнымъ и бездѣйствіе признается состояніемъ недостойнымъ человѣка, какъ нравственнаго существа. Только

варварскіе народы могли считать работу принадлежностью рабовъ и раздѣлять правило, выраженное въ словахъ: pigrum et iners videtur, sudore adquirere, quod possis sanguine parare. Развитіе общественности предполагаетъ развитіе взаимной зависимости между людьми, по которой благосостояніе каждаго члена общества обусловливается благосостояніемъ другихъ, преступный поступокъ одного посредственно или непосредственно вызываетъ страданія въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ общественнаго тѣла. При такомъ состояніи праздность и паразитизмъ вредно отражаются на благосостояніи всего общества; между тѣмъ какъ трудъ всякаго получаетъ общественное значеніе, становится условіемъ общаго благосостоянія, получаетъ характеръ лично-нравственнаго долга. Этотъ нравственный элементъ, съ развитіемъ общественности все болѣе и болѣе присоединяющійся ко всѣмъ видамъ труда, доставляетъ труженику нравственное довольство, вознаграждающее его за обремененія, за тотъ потъ, безъ котораго онъ не можетъ ѣсть свой хлѣбъ.

(1) И. Горловъ. Начала пол. экон. 1, 40. (2) По мнѣнію Дежерандо, считать трудъ обременительнымъ по природѣ—значитъ дѣлать ошибку столь же грубую, сколько и безчестную. De la bienfaisance publique 11, гл. 5. По поводу этого мнѣнія И. Горловъ основательно замѣчаетъ, что „трудъ есть не униженіе, а честь и достоинство человѣка, это истина высокая и несомнѣнная. Но что трудъ не составляетъ жертвы и тягости, это противорѣчить опыту“ Ibid. стр. 40. (3) Le vraie bonheur ne consiste qu'a satisfaire ses passions. Le bonheur sur lequel on a tant raisonné; ou plutôt tant déraisonné; consiste à avoir beaucoup des passions et beaucoup de moyens de les satisfaire. Dictlon. de l'écon. pol. сл. Fourier. (4) Ф. Шефле. Капитализмъ и соціализмъ, стр. 280- (5) Haushofer. Lehr-und Handbuch der Statistik. § 115.

§ 2. Производительность труда зависитъ съ одной стороны отъ механическихъ причинъ, лежащихъ въ основаніи разныхъ формъ сочетанія труда, а съ другой отъ этическихъ условій, куда относится вліяніе духовно-нравственнаго элемента въ трудѣ.

Разнообразныя формы сочетанія труда могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: а) къ союзамъ, имѣющимъ въ своемъ основаніи сходства отношеній и б) къ союзамъ, основаннымъ на существованіи различій между людьми. Первые носятъ названіе простаго сотрудничества, вторые обыкновенно называются сложнымъ сотрудничествомъ.

Простымъ сотрудничествомъ называется общая работа нѣсколькихъ людей, производимая по одному общему плану. Здѣсь люди

стремятся къ достиженію опредѣленной цѣли сообща, непосредственно соединяя свои силы. Такое соединеніе силъ имѣетъ громадное значеніе въ общежитіи.

1) При простомъ сотрудничествѣ происходитъ прежде всего такое сложеніе силъ, безъ котораго многія работы были бы положительно не мыслимы. Десять человѣкъ, работающихъ сообща, могутъ поднять извѣстную тяжесть, между тѣмъ какъ одинъ человѣкъ, работающій десять дней, или десять человѣкъ, работающихъ отдѣльно, не въ состояніи ея сдвинуть съ мѣста. Эта особенность простаго сотрудничества имѣла громадное значеніе на низшихъ ступеняхъ развитія, когда въ борьбѣ съ силами природы человѣкъ не былъ еще вооруженъ могущественной силой, состоящей въ знаніи и его техническихъ примѣненіяхъ. Въ сѣверной Россіи издавна велось лядинное хозяйство, состоящее въ выжигѣ лѣса, причемъ по охладившейся гари производится посѣвъ. Для этого обыкновенно весной рубятъ сначала крупный лѣсъ, потомъ и молоднякъ, и оставляютъ срубленное на мѣстѣ до осени. Осенью отрубаютъ сучья и вѣтви, выбираютъ изъ нихъ все лучшее, нужное въ хозяйствѣ, а слѣдующей весной лѣсъ поджигаютъ. Эти работы и теперь требуютъ большихъ силъ, не доступныхъ отдѣльнымъ лицамъ, а въ прежнее время отдѣльному хозяину нечего было и думать бороться съ могучею, еще не тронутою человѣкомъ растительностью. Необходимо было работать сообща, цѣлыми товариществами, общинами, родами. Слѣды этой общей работы остались въ общинномъ землевладѣніи. Такая же необходимость заставляетъ людей непосредственно соединять свой трудъ и на высшихъ ступеняхъ развитія для поднятія тяжестей, для разчистки лѣсовъ, для передвиганія оснастки на кораблѣ, для установки лѣсовъ при постройкѣ зданій, для передвиженія большихъ лодокъ веслами и т. п. Безъ соединенія труда подобныя работы не возможны и такимъ образомъ простое сотрудничество возникаетъ въ силу физической невозможности обойтись безъ него. Чѣмъ больше препятствій представляетъ природа человѣку, тѣмъ больше въ населеніи потребность въ простомъ сутрудничествѣ и тѣмъ сильнѣе должна быть наклонность народа къ этой формѣ труда. Это и послужило одною изъ важнѣйшихъ причинъ развитія въ Россіи наклонности къ артельному труду.

„Вліянія природы производятъ въ жизни людей иногда такія явленія, которыя не появились бы въ дѣйствительности ни по чьему

приказу. Суровый нашъ климатъ, огромнѣйшія степи, лѣса, болота, тундры, дѣйствуя на сравнительно малочисленное населеніе наше, сильно даютъ знать себя не только во время трескучихъ зимнихъ морозовъ и вьюгъ, но и среди весны и лѣта. Борьба съ этими суровыми условіями природы не подъ силу одному человѣку и люди стараются *кучиться*. И кучатся они не только при занятіяхъ земледѣліемъ, но и при занятіи какимъ бы то ни было дѣломъ. Очень мало у насъ такихъ ремесленныхъ и промышленныхъ производствъ, гдѣ большинство ремесленниковъ и промышленниковъ не были бы соединены въ артели. Они и на промыслъ идутъ обществомъ, работаютъ обществомъ, возвращаются домой то же всѣ вмѣстѣ. Кто былъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи, въ Сибирскихъ тайгахъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что въ этихъ мѣстностяхъ почти невозможно одолѣть однихъ трудностей путей сообщенія одному человѣку“ ([1]).

2) При сотрудничествѣ происходитъ не простое сложеніе, но въ большинствѣ случаевъ такое увеличеніе силъ, которое превосходитъ сумму силъ отдѣльныхъ лицъ, работающихъ врозь. Десять человѣкъ, работающихъ сообща, въ теченіи дня произведутъ больше, чѣмъ десять человѣкъ, работающихъ отдѣльно, или чѣмъ одинъ человѣкъ, работающій десять дней. Соединеніе людей въ большинствѣ случаевъ не слагаетъ, но умножаетъ ихъ силы. Это прежде всего объясняется оживленіемъ, естественно возникающимъ при общей работѣ, которое возбуждаетъ напряженіе труда и увеличиваетъ результаты его. Также естественно возникаетъ при общей работѣ соревнованіе; отдѣльный рабочій не желаетъ отстать отъ другихъ и производительность каждаго поднимается до уровня производительности лучшаго изъ нихъ. Уравненіе труда различныхъ рабочихъ здѣсь неизбѣжно и оно получается путемъ взаимнаго соревнованія. На міру и смерть красна, говоритъ народъ, высказывая этимъ оживляющее и возбуждающее значеніе артельной работы. Во многихъ производствахъ увеличеніе производительности зависитъ отъ значительной экономіи въ количествѣ рабочаго времени, затрачиваемомъ въ каждый отдѣльный предметъ работы. Элементарнымъ примѣромъ этого можетъ служить переноска кирпичей рабочими въ верхніе этажи строющихся кирпичныхъ домовъ. Вмѣсто того, чтобы носить кирпичи отдѣльно, рабочіе передаютъ ихъ другъ другу въ руки, каждый разъ подбрасывая кирпичъ выше стоящему рабочему. Здѣсь происходитъ съ одной стороны сбе-

реженіе времени на томъ, что рабочій, отнесшій кирпичъ на верхъ, не спускается внизъ за новымъ кирпичемъ; затѣмъ рабочій, поднимая кирпичъ на не большую высоту, менѣе утомляется, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ему приходится носить тяжесть на верхъ самому, благодаря чему въ данное время онъ въ первомъ случаѣ сдѣлаетъ больше, чѣмъ во второмъ. Если въ теченіи рабочаго дня отдѣльный рабочій можетъ поднять на опредѣленную высоту не болѣе 2 т. кирпичей, то 5 рабочихъ, работающихъ вмѣстѣ, поднимутъ не 10 т., а 20 т. кирпичей, т. е. каждый поднимаетъ вдвое болѣе, благодаря исключительно особому сочетанію труда. При многихъ случаяхъ простаго сотрудничества, говоритъ Уэкфильдъ, двое людей, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ людей или четырежды четырехъ людей, работающихъ каждый особо отъ другихъ. Здѣсь, очевидно, проявляетъ свое дѣйствіе особая производительная сила, непосредственно заключающаяся въ сочетаніи труда, По справедливому замѣчанію Уэкфильда, „въ безчисленномъ множествѣ занятій продуктъ труда до извѣстной степени пропорціоналенъ размѣру взаимнаго пособія между рабочими“.

3) Простое сотрудничество даетъ возможность производить извѣстныя работы въ болѣе короткое время, что имѣетъ особенно важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ климатическихъ или экономическихъ условій періодъ для производства ихъ кратокъ. Таковы наприм. работы сельскихъ хозяевъ въ страдную пору, когда необходимо воспользоваться краткимъ временемъ для окончанія полевыхъ работъ. Въ это время для сельскихъ хозяевъ необходима помощь сосѣдей, чтобы, пользуясь хорошей погодой, сжать разомъ хлѣбъ, скосить траву, убрать скошенное сѣно и т. п. У насъ такое соединеніе хозяевъ для общей работы носитъ названіе *помочи* и *толоки*. Соединеніе это у насъ больше распространено, чѣмъ въ средѣ западно-европейскихъ сельскихъ хозяевъ потому, что и періодъ для полевыхъ работъ у насъ несравненно короче. Въ простомъ сотрудничествѣ наши сельскіе хозяева находятъ силу для нейтрализаціи неблагопріятныхъ климатическихъ условій, предоставляющихъ нашему сельскому хозяину меньше рабочаго времени для полученія продукта. „Короткое наше лѣто и значительныя по пространству сравнительно съ государствами западной Европы земли и малое, тоже сравнительно, количество народонаселенія часто производятъ у насъ потребность торопиться уборкой хлѣбовъ и травъ и сдѣлать въ одинъ день то, что при

другихъ условіяхъ климата и населенности могло быть сдѣлано въ болѣе продолжительное время. Часто бываетъ такъ: на однихъ участкахъ даннаго селенія хлѣбъ вызрѣетъ совершенно, на другихъ же время зрѣлости его еще не наступило. Причиной этому низменное или болѣе высокое положеніе участковъ, болѣе ранній или болѣе поздній посѣвъ и т. п. Промедлить владѣльцамъ первыхъ участковъ жатвою, значитъ дать колосьямъ осыпаться и вотъ каждый изъ нихъ созываетъ помочь, въ которой охотно принимаютъ участіе всѣ остальные владѣльцы участковъ, разсчитывающіе въ свое время тоже воспользоваться помочью“ (2).

4) Распространеніе простаго сотрудничества даетъ возможность производить сбереженія въ факторахъ производства. По этому поводу еще I. Златоустъ въ одной изъ своихъ проповѣдей говорилъ слѣдующее: „Представимъ себѣ семейство, въ которомъ десять человѣкъ: дѣти, мужъ и жена. Не очевидно ли, что при общей жизни въ одномъ домѣ издержки будутъ меньше, нежели когда бы члены семьи жили врозь: такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ для десятерыхъ понадобилось бы десять домовъ, десять слугъ и такъ далѣе всѣхъ полезныхъ вещей. Раздѣльность всегда уменьшаетъ средства, а согласіе и соединеніе напротивъ умножаютъ ихъ“ (3). Когда нѣсколько производителей соединяются вмѣстѣ для общей работы, тогда опредѣленный результатъ достигается съ меньшими затратами, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждый изъ нихъ работаетъ отдѣльно. Для обработки опредѣленнаго участка земли можетъ быть недостаточно пары лошадей, между тѣмъ какъ содержать четверку убыточно, такъ какъ часть времени остается праздною. Вмѣсто того, чтобы каждому содержать четыре лошади, хозяева держатъ по двѣ и въ рабочую пору обрабатываютъ землю сообща. Это сбереженіе особенно полезно тогда, когда производители недостаточно владѣютъ средствами. Во многихъ мѣстностяхъ наши крестьяне не въ состояніи обрабатывать полей своими единичными средствами, тѣмъ болѣе, что не могутъ содержать въ теченіи зимы всего того количества скота, какое необходимо для того, что бы въ теченіи короткаго лѣта не нуждаться въ рабочей силѣ скота. Въ такихъ случаяхъ „нѣсколько домохозяевъ спрягаются вмѣстѣ и за тѣмъ пашутъ то у одного, то у другого въ извѣстной очереди“ (4).

Особенно важное значеніе имѣетъ эта сторона простаго сотрудничества въ духовной дѣятельности. Учебныя заведенія имѣютъ въ

своемъ основаніи этотъ законъ сбереженія затратъ. Если бы каждый ученикъ захотѣлъ отдѣльно пользоваться услугами учителей, то общее распространеніе образованія было бы положительно не мыслимо. Оно было бы доступно лишь самымъ богатымъ, между тѣмъ какъ въ школѣ оно доступно всѣмъ.

5) Многія изъ предпріятій по своему существу требуютъ одновременной работы многихъ людей на разныхъ пунктахъ. Такъ на прим. для поддержанія въ постоянной исправности дороги необходимо, чтобы поправка пути производилась одновременно разными рабочими въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ. Въ большинствѣ случаевъ такое сотрудничество различныхъ людей вызывается общественнымъ интересомъ, почему и прямо предписывается закономъ. Таковы наприм. предписанія относительно истребленія всѣми смежными владѣльцами садовъ гусеницы въ опредѣленный срокъ;—работы, предписываемыя уставами относительно пользованія водою въ цѣляхъ орошенія;—работы относительно предупрежденія опасностей отъ разливовъ рѣкъ;—работы для исправнаго содержанія на всемъ пространствѣ желѣзно-дорожнаго пути и т. п. Чѣмъ выше экономическая культура даннаго народа, тѣмъ сложнѣе экономическія отношенія между людьми и тѣмъ больше усиливается необходимость въ регулированіи такого сутрудничества, такъ какъ отъ этого зависитъ согласованіе между собою частныхъ интересовъ и удовлетвореніе общественнаго интереса. Во многихъ случаяхъ предпріятія такого простаго сотрудничества, въ виду ихъ общественнаго значенія, берутся непосредственно въ руки государства. Таковы наприм. почты.

Одно и то же время, гов. Сеніоръ, необходмо какъ для доставленія письма изъ Фальмута въ Нью-йоркъ, такъ и для доставленія десяти тысячъ писемъ. Если бы каждый негоціантъ самъ долженъ былъ развозить письма, посылаемыя имъ корренспондентамъ, то ему пришлось бы всю жизнь употребить только на одни путешествія съ одного конца свѣта на другой и все таки онъ не въ состояніи былъ бы передать столько писемъ, сколько почта передаетъ ихъ иногда въ одну ночь. Трудъ очень небольшаго числа лицъ, назначенныхъ исключительно для пріема и развозки писемъ, производитъ такіе результаты, какихъ не въ состояніи былъ бы достигнуть трудъ всѣхъ обитателей Европы, если бы каждый изъ нихъ дѣйствовалъ отдѣльно (5).

6) При раздробленіи земель дробность участковъ можетъ дойти до того, что обработка самостоятельная каждаго участка становится не возможною или соединяется съ громадной потерей времени и земли. Земли много теряется на межи, въ особенности при общинномъ землевладѣніи. „Чтобы по возможости уравнять отдѣльныхъ домохозяевъ, гов. Васильчиковъ, поля дѣлятся на очень мелкія полосы, между которыми остается борозда, на которой почти вовсе нѣтъ хлѣба. Такимъ образомъ чѣмъ мельче единица дѣленія, тѣмъ большее пространство занимаютъ эти борозды. Можно сказать, что отъ всей площади пахатной земли пропадаетъ подъ бороздами отъ 15 до 20%. Если бы крестьяне обрабатывали землю сообща, то они не имѣли бы этой потери, ихъ урожай увеличился бы на 15% при той же затратѣ труда“ ([6]).

Не меньшія потери могутъ происходить и во времени, затрачиваемомъ на обработку мелкихъ полосъ. Если полоса въ 100 саж. длины и 4 саж. ширины, то, считая 12 бороздъ на сажень, получаемъ 48 оборотовъ плугомъ или сохою. Если то же пространство въ квадритѣ въ 20 саж., то 240 оборотовъ и считая на каждый поворотъ сохи по одной минутѣ, будетъ затрачено лишнихъ 192 м. или 3 ч. 12 м. на вспашку $^1/_6$ дес. Если фигура не правильная, съ острыми углами, съ извилистой кривой межой, то потеря еще болѣе значительна. Въ этихъ случаяхъ мелкимъ землевладѣльцамъ выгодно соединяться для общей обработки. Г. Потанинъ по этому поводу приводитъ слѣдующій фактъ отъ Никольскаго уѣзда: „Съ умноженіемъ населенія и вмѣстѣ съ идущимъ съ нимъ рука объ руку истощеніемъ нѣкоторыхъ полей, является необходимымъ съуживать полосы, разсортировывать землю. Когда наконецъ дѣло доходитъ до того, что полосы становятся чрезвычайно узки, ($2^1/_2$ шага), то хозяева, получающіе надѣлъ всего на одну душу, соединяются съ какимъ либо сосѣдомъ, получаютъ надѣлъ вмѣстѣ и обрабатываютъ его сообща“ ([7]). Къ этому же общей работѣ прибѣгаютъ наши крестьяне общинники при косьбѣ. „Подлежащіе раздѣлу сѣнокосные участки, по раздѣлѣ ихъ между группами лицъ, принадлежащихъ къ обществу, выкашиваются слѣдующимъ порядкомъ: лица, принадлежащія къ извѣстной группѣ, придя на свою дѣлянку мечутъ жребій для размѣщенія себя въ извѣстномъ порядкѣ, за тѣмъ каждый отмѣриваетъ для себя полосу шириною въ косовище; выкосивъ отмѣренное, переходятъ дальше.

Продолжая такимъ образомъ дѣлить и выкашивать приходятъ наконецъ къ тому, что косовище не укладывается больше вдоль дѣлянки нужное число разъ; тогда мѣряютъ косовищемъ переперъ дѣлянки; если и тутъ образуется остатокъ, который нельзя уже болѣе дѣлить, его выкашиваютъ сообща и раздѣляютъ уже скошенное на немъ сѣно. Нѣкоторыя селенія уже перешли и вообще къ общему сѣконошенію и дѣленію копенъ.

Наконецъ въ 7) простое сотрудничество оказываетъ громадное вліяніе на развитіе всего общества соединеніемъ для общей работы въ цѣляхъ благосостоянія нѣсколькихъ поколѣній. „Результаты труда различныхъ поколѣній и различныхъ мѣстностей интегрируются въ одно цѣлое—экономическую силу и богатство народовъ, силою солидарности интересовъ, сплачивающихся все болѣе въ одно стройное, связное цѣлое, до того связное, что во многихъ отношеніяхъ представляетъ сходство съ отдѣльными живыми организмами“ (8). Наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ этой работы служитъ семья. Дѣти пользуются источниками благосостоянія, приготовленнаго ихъ родителями, и въ свою очередь работаютъ для будущихъ поколѣній. Какъ замѣтилъ Кове, семья соединяетъ настоящее съ будущимъ и предствляетъ собою нѣкоторымъ образомъ общественную вѣчность (la perpétuité sociale).

Простое сотрудничество можетъ быть добровольнымъ, обязательнымъ и служебнымъ

Добровольнымъ сотрудничествомъ называется вполнѣ свободное соединеніе людей для общей работы. Въ этой своей формѣ простое сотрудничество обыкновенно называется у насъ артелью, помочами, толокой и т. п. Обязательнымъ называется сотрудничество, предписываемое самимъ закономъ, какова наприм. работа владѣльцевъ береговъ рѣки по устройству дамбъ и плотинъ. Наконецъ служебнымъ называется то сотрудничество, которое устанавливается по добровольному соглашенію отдѣльныхъ лицъ съ учрежденіями, частными компаніями и пр. посредствомъ поступленія на службу, срочнаго найма и т. п. Различіе между этими тремя категоріями простаго сотрудничества важно въ практическомъ отношеніи. Обязательное или принудительное сотрудничество должно имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда предоставленіе труда частной иниціативѣ можетъ сопровождаться положительнымъ вредомъ для другихъ или

для цѣлаго общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что предоставленіе полной свободы частнымъ прибережнымъ владѣльцамъ предпринимать или не предпринимать мѣръ противъ наводненій можетъ сопровождаться большимъ вредомъ даже для тѣхъ владѣльцевъ, которые на своемъ берегу устраиваютъ необходимыя плотины. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что садовладѣлецъ, не очищающій своего сада отъ вредныхъ насѣкомыхъ, причиняетъ вредъ всѣмъ другимъ садовладѣльцамъ, такъ какъ весь трудъ ихъ оказывается безполезнымъ, если одинъ изъ смежныхъ владѣльцевъ не очищаетъ своего сада. Въ такихъ случаяхъ и должно имѣть мѣсто предписываемое самимъ закономъ простое сотрудничество. Въ тѣхъ случаяхъ, когда организаціи предпріятій на принципѣ простаго сотрудничества требуютъ интересы страны, ея благо или польза, принудительное сотрудничество имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда иначе благо страны не можетъ быть осуществляемо. Такова натуральная обязанность каждаго гражданина служить въ войскѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ интересы цѣлаго примиряются съ интересами частными посредствомъ организаціи дѣла въ формѣ служебнаго сотрудничества. Наконецъ въ сферѣ исключительно частныхъ интересовъ можетъ имѣть мѣсто лишь простое свободное сотрудничество. Начало принудительной организаціи простаго сотрудничества въ этой сферѣ, хотя бы и было выгодно въ техническомъ отношеніи, находится въ противорѣчіи съ этическими условіями дѣятельности человѣка и по этому естественно исчезаетъ вмѣстѣ съ историческимъ развитіемъ. Оно существовало въ формѣ рабскаго хозяйства, при которомъ продукты труда не принадлежали рабамъ. Попытки возстановить тотъ же обязательный трудъ въ формѣ новаго рабства, при которомъ продукты труда принадлежали бы новымъ рабамъ, должны быть признаны попытками, направленными противъ свободы и достоинства человѣческой личности, попытками возстановленія того же рабства, только видоизмѣненнаго въ матеріальномъ отношеніи. Коммунизмъ, какъ общее обязательное сожительство, общая работа и общее потребленіе, представляетъ собою ни что иное, какъ распространеніе началъ обязательнаго сотрудничества на тѣ отношенія, въ которыхъ должно имѣть мѣсто исключительно добровольное сотрудничество, не нарушающее индивидуальной независимости и свободы. Если бы такая форма труда давала наибольшую массу производительности, то и въ этомъ случаѣ ее нельзя было бы признать соотвѣтствующею

интересамъ человѣческаго развитія. По выраженію Милля, лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ самодовольной свиньей.

(1) Труды Импер. Вольнаго экономическаго общества. 1877 г. Августъ стр. 493. ст. Формы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ условій. (2) Ibid. м. Іюль, стр. 351—352. (3) Э. Вреденъ. Курсъ политической экономіи, стр. 133—134. (4) Записки русскаго геогр. общества по отд. этнографіи. 1869. т. 1. Чубинскій. Очерки юрид. обычаевъ Малороссіи. (5) Senior. Principes fondamentaux de l'econ pol. стр. 352. Гр. Симоненко. Государство, Общество и право съ точки зрѣнія законовъ народнаго хозяйства. т. II, ч. 1, стр. 11—12. (6) Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи, т. II, стр. 49. (7) Древняя и новая Россія, 1876 г. № 10. Никольскій уѣздъ и его жители, стр. 150—151. (8) Ibid, стр. 152—153. (9) П. Георгіевскій. Международная хлѣбная торговля, стр. 3—4.

§ 3. (1) Способности людей разнообразны и не равны подобно тому, какъ разнообразны и не равны ихъ духовныя и матеріальныя потребности. Также разнообразны и силы природы. Нѣтъ въ мірѣ такой страны, которая вмѣщала бы въ себѣ всѣ необходимыя условія производства. Однѣ страны и даже однѣ мѣстности одной и той же страны изобилуютъ извѣстными условіями производства, между тѣмъ какъ въ другихъ эти условія отсутствуютъ. Наконецъ, то же необходимо сказать и относительно капитала; силы его разнообразны въ разныхъ странахъ и въ разныхъ частяхъ одной и той же страны. Это разнообразіе потребностей человѣка и производительныхъ силъ представляетъ собою основную причину разнообразія производительной дѣятельности по содержанію ея. Люди группируютъ свои занятія по извѣстнымъ условіямъ производства; однѣ группы занимаются одними промыслами, другія—другими; каждая изъ нихъ старается заниматься именно тѣмъ, къ производству чего находитъ наиболѣе пригодныхъ условій. Такъ возникло раздѣленіе занятій или промысловъ. Производительная дѣятельность человѣка въ этомъ отношеніи можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы: а) отдѣлъ добывающей промышленности, состоящей въ добываніи продуктовъ, произведенныхъ главнымъ образомъ силами природы; сюда относятся наприм. охота, рыболовство, такъ называемые горные промыслы; б) сельское хозяйство, имѣющее своей задачей производство сырыхъ продуктовъ и первоначальную переработку ихъ; в) отдѣлъ обрабатывающей промышленности, состоящей въ дальнѣйшей обработкѣ продуктовъ, какъ создаваемыхъ въ сельскомъ хозяй-

ствѣ, такъ и получаемыхъ въ добывающихъ отрасляхъ промышленности; г) отдѣлъ торговой промышленности, имѣющей своимъ предметомъ посредничество между производителями и потребителями; д) отдѣлъ перевозочной промышленности, имѣющей своей задачей перемѣщеніе лицъ и вещей изъ однихъ мѣстъ въ другія и е) отдѣлъ какъ называемыхъ свободныхъ профессій (professions libérales), куда относится трудъ ученыхъ, художниковъ, артистовъ и т. п. Эти общіе отдѣлы, на которые дѣлится народной трудъ, какъ видимъ, въ свою очередь раздѣляются на отдѣльные виды, изъ коихъ каждый становится предметомъ занятій особыхъ группъ людей. Благодаря этому раздѣленію, въ настоящее время самая простая вещь, употребляемая каждымъ изъ насъ, прежде чѣмъ достигнетъ своего назначенія, должна проходить массу самыхъ разнообразныхъ производствъ. Для той одежды, которую носитъ простой поденщикъ, необходимо, чтобы одни производители занимались разведеніемъ овецъ, другіе мытьемъ шерсти, третьи пряденьемъ, четвертые тканьемъ, нѣкоторые крашеніемъ сукна, шитьемъ его и т. д. На приготовленіе этой же одежды идетъ часть труда фабриканта, занимающагося приготовленіемъ машинъ для пряжи, для шитья и т. п., идетъ часть труда земледѣльца, инженера, фабриканта красокъ. Каждый изъ нихъ работаетъ, даже не зная о существованіи другаго, но въ результатѣ ихъ совокупной дѣятельности является одежда поденщика. И эта одежда только потому такъ дешева и общедоступна, что представляетъ собою результатъ такого обширнаго раздѣленія занятій или сложнаго сотрудничества.

Вотъ примѣръ раздѣленія занятій изъ нашего экономическаго быта. Каждому знакомы, говоритъ пр. Вреденъ, ворсминскіе и павловскіе перочинные ножички, продающіеся по невѣроятно дешевой цѣнѣ. Стоитъ вглядѣться въ процессъ ихъ производства, чтобы понять, что́ такое раздѣленіе труда и изъ какихъ элементовъ слагается механизмъ, называемый народнымъ сотрудничествомъ. Представляются въ первомъ мѣстѣ вереницы тѣлегъ, нагруженныхъ рудою, артели рабочихъ, сваливающихъ ее на заводахъ, за ними идутъ закопченные, опаленные рабочіе при выплавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза, а тѣмъ содѣйствуютъ дровосѣки, рубящіе и доставляющіе топливо на заводы. Но вотъ желѣзо готово, оно грузится на барки, а послѣднія строили опять другіе рабочіе, гдѣ нибудь верстъ за 200—300, а пожалуй и болѣе; тронулся за тѣмъ караванъ, тянетъ бичеву новый народъ, сбѣжавшій-

ся съ разныхъ сторонъ, или въ движеніи участвуетъ, на одно лѣто бывающій у дѣла, экипажъ буксирнаго парохода. Наконецъ причалилъ караванъ, новые рабочіе разгружаютъ чугунъ и желѣзо; желѣзо переходитъ въ руки оптоваго торговца, отъ него къ розничному, а послѣдній на недѣльномъ базарѣ передаетъ его павловцу—слесарю. Но и у ножевыхъ мастеровъ опять разнообразіе въ занятіяхъ: одинъ куетъ лезвіе, другой дѣлаетъ черенки. Изъ всѣхъ этихъ производителей рѣдко кто знаетъ другаго, никогда не сговариваются они всѣ между собою, а между тѣмъ всѣ дружно содѣйствуютъ производству ножичковъ, которые тысячами дюжинъ расходятся по Россіи и въ огромномъ количествѣ отправляются въ Азію (2).

Вслѣдствіе раздѣленія занятій каждый человѣкъ имѣетъ возможность посвятить себя тому, къ производству чего онъ наиболѣе способенъ и что онъ можетъ производить наиболѣе успѣшно. Одинъ человѣкъ посвѣщаетъ себя производству продукта А, другой—продукта В; каждый изъ нихъ, занявшись спеціально однимъ производствомъ, пріобрѣтаетъ ловкость, благодаря которой производство идетъ съ успѣхомъ. Положимъ, каждый изъ нихъ производитъ продуктъ своей спеціальности въ два дня, но продуктъ, составляющій спеціальность другаго, можетъ произвесть не иначе, какъ въ пять дней. Предположимъ далѣе, что между этими производителями устанавливается обмѣнъ, такъ какъ каждый изъ нихъ нуждается въ продуктѣ другаго. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ получаетъ желаемый продуктъ двумя днями труда; между тѣмъ какъ въ томъ случаѣ, если бы самъ производилъ, то употребилъ бы для этого пять дней. Каждый, слѣдовательно, выигрываетъ по три дня, а оба вмѣстѣ сберегаютъ шесть дней. Эти шесть дней безвозвратно пропали бы, если бы эти производители не спеціализировали своихъ занятій и не обмѣнивались между собою продуктами. Если мы обратимъ вниманіе на то, что общество состоитъ не изъ двухъ производителей, но изъ милліоновъ, то поймемъ, какая громадная масса сберегается труда, благодаря раздѣленію занятій. Съ другой стороны раздѣленіе занятій представляетъ собою условіе, благодаря которому спеціальныя качества различныхъ факторовъ производства относительно потребленія какъ бы сглаживаются. Одна мѣстность наиболѣе способна къ производству одного продукта, другая—къ производству другаго. Если бы каждая изъ этихъ мѣстностей вела изолированное хозяйство, то вслѣдствіе этого каждая изъ нихъ была

бы монополизирована относительно другой, не могла бы пользоваться спеціальными особенностями другой. Даже болѣе; каждая изъ нихъ не пользовалась бы во всей полнотѣ своими спеціальными особенностями. Если бы населеніе каждой изъ этихъ мѣстностей производило для себя все, что необходимо для удовлетворенія потребностей, то оно принуждено было бы производить и то, что въ данной мѣстности плохо производится. Такимъ образомъ была бы двоякая потеря: а) населеніе не вполнѣ утилизировало бы спеціальныя особенности своей мѣстности и б) имѣло бы въ плохомъ качествѣ и меньшемъ количествѣ то, что всего успѣшнѣе производится въ другой мѣстности. Для избѣжанія этихъ потерь населеніе каждой мѣстности спеціально посвящаетъ себя тому производству, которое ведется всего успѣшнѣе въ его мѣстности; за тѣмъ устанавливается обмѣнъ продуктовъ, вслѣдствіе чего каждая сторона имѣетъ возможность пользоваться особенностями другой. Такимъ образомъ раздѣленіе занятій приводитъ къ общности въ дѣлѣ пользованія спеціальными особенностями факторовъ производства; относительно потребленія оно какъ бы уничтожаетъ естественныя монополіи различныхъ мѣстностей, труда и капитала.

Въ своемъ постепенномъ развитіи раздѣленіе занятій переходитъ въ раздѣленіе между людьми промышленныхъ операцій въ каждой отдѣльной вѣтви промышленности. Для уясненія сущности этого подраздѣленія приводимъ нѣкоторые образцы его.

Процессъ выдѣлки булавки, говоритъ А. Смитъ, раздѣляется на 18 отдѣльныхъ операцій, изъ которыхъ каждая можетъ быть предметомъ занятій особаго работника; одинъ рабочій тянетъ проволку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки и т. д. А. Смитъ видѣлъ небольшую фабрику, на которой работало всего 10 человѣкъ, такъ что нѣкоторымъ изъ этихъ рабочихъ приходилось дѣлать не одну, а нѣсколько разныхъ операцій. Не смотря на то, что рабочіе эти были бѣдны и употребляли плохіе инструменты, тѣмъ не менѣе они производили въ день около 12 фунтовъ булавокъ. Въ фунтѣ считается около 4,000 булавокъ среднихъ размѣровъ; слѣдовательно, 10 рабочихъ производили въ день около 48,000 булавокъ, или каждый въ отдѣльности—4,800 булавокъ. Если бы они работали отдѣльно, то есть если бы каждый изъ нихъ производилъ всѣ операціи выдѣлки булавокъ, то не сдѣлалъ бы ихъ и 20 въ теченіи дня.

Ж. В. Сэ представляетъ примѣръ фибрикаціи игральныхъ картъ.

Каждый небольшой кусокъ картона, величиною въ ладонь, прежде превращенія въ игральную карту, проходитъ не менѣе 70 отдѣльныхъ операцій. Сэ видѣлъ карточную фабрику, на которой работало всего 30 человѣкъ. Эти люди дѣлали въ день 15,500 картъ, то есть каждый изъ нихъ производилъ болѣе 500 картъ. Если бы они работали врозь и каждый производилъ всѣ части фабрикаціи картъ, то каждый изъ нихъ едва ли бы успѣлъ сдѣлать въ день двѣ карты, а всѣ вмѣстѣ вмѣсто 15,500 картъ, сдѣлали бы только 60 картъ въ день.

По замѣчанію Ч. Бебеджа, производство часоваго механизма раздѣляется на 102 отдѣльныя операціи, требующія спеціальнаго изученія; ученикъ, поступающій къ хозяину для изученія часоваго мастерства, изучаетъ только $^1/_{102}$ часть его и, по истеченіи срока обученія, безъ новаго обученія не способенъ ни къ какой другой операціи того же исскуства. Только тотъ работникъ, который занимается сборомъ въ одно цѣлое всѣхъ отдѣльныхъ частей часоваго механизма, можетъ работать въ другихъ отдѣленіяхъ, сверхъ своего; но этотъ рабочій и не включается въ число 102 лицъ, между которыми распредѣляются отдѣльныя операціи производства часоваго механизма.

Въ числѣ причинъ успѣшности производства при раздѣленіи операцій промысла между отдѣльными рабочими имѣютъ силу и общія причины успѣшности производства при раздѣленіи занятій или промысловъ, но существуютъ также и такія, которыя имѣютъ особенное значеніе именно при этомъ подраздѣленіи раздѣленныхъ занятій на отдѣльныя операціи, называемомъ нѣкоторыми экономистами „раздѣленіемъ труда“.

А. Смитъ приводитъ три причины особой успѣшности раздѣленнаго труда.

1) Раздѣленіе труда ведетъ къ увеличенію ловкости работника. Тотъ кузнецъ, который искуссно владѣетъ молотомъ, но не пріобрѣлъ навыка къ выдѣлкѣ гвоздей, не можетъ сдѣлать болѣе двухъ или трехъ сотень гвоздей въ день; между тѣмъ какъ мальчикъ, исключительно занимающійся выдѣлкой гвоздей, можетъ производить ихъ болѣе двухъ тысячъ. Эта причина, констатированная А. Смитомъ, дѣйствительно имѣетъ весьма важное значеніе; благодаря раздѣленію труда ловкость работника увеличивается и подъ вліяніемъ навыка и подъ вліяніемъ упрощенія производимыхъ операцій. То, что сначала дѣлается медленно, по замѣчанію Милля, впослѣдствіи дѣлается быстро;

то, что сначала дѣлается аккуратно только при медленности, потомъ дѣлается также аккуратно съ быстротою. Чѣмъ проще части, на которыя раздѣляется трудъ, тѣмъ скорѣе пріобрѣтается ловкость. И это относится не только къ операціямъ физическаго труда, но также и къ умственному труду.

2) При раздѣленіи труда происходитъ сбереженіе времени, которое обыкновенно теряется при переходахъ отъ одного дѣла къ другому. На этомъ основаніи, говоритъ А. Смитъ, сельскій рабочій, принужденный часто мѣнять работы, непроизводительно теряетъ много времени, пріобрѣтаетъ привычку къ праздности и становится неспособнымъ къ энергическому труду. Воззрѣніе А. Смита раздѣляется также Беббеджемъ. По его мнѣнію, когда человѣкъ занятъ однимъ дѣломъ, то не можетъ съ успѣшностью сразу заняться другимъ. Различныя операціи производятся разными мускулами; мускулы работавшіе пріобрѣтаютъ гибкость къ работѣ, между тѣмъ какъ бездѣйствовавшіе пріобрѣтаютъ неподвижность, вслѣдствіе чего при перемѣнѣ работы сначала обыкновенно дѣло идетъ вяло и медленно. Сверхъ того, при многихъ производствахъ орудія требуютъ особаго приспособленія, для чего также можетъ безполезно тратиться много времени.

Милль не раздѣляетъ этого воззрѣнія. Онъ говоритъ что А. Смитъ придаетъ слишкомъ большое значеніе потерѣ времени отъ перехода отъ одного дѣла къ другому. Самая перемѣна работы можетъ служить вмѣсто отдыха; надъ разными работами работаютъ разные мускулы и умственныя способности, изъ которыхъ однѣ отдыхаютъ и освѣжаются, пока другіе работаютъ. Физическій трудъ самъ по себѣ служитъ отдыхомъ для умственнаго, и наоборотъ. Разнообразіе въ работѣ производитъ освѣжающее дѣйствіе на человѣка, слѣдовательно и въ экономическомъ отношеніи полезно.

Но самъ Милль вполнѣ справедливо утверждаетъ, что его соображеніе имѣетъ не одинаковую важность для разныхъ характеровъ. Такъ наприм. женщины живѣе мужчинъ, вслѣдствіе чего предпочитаютъ разнообразіе въ трудѣ. Но есть многіе и между женщинами и между мужчинами, предпочитающіе усидчиво работать надъ какимъ либо однимъ дѣломъ. Очевидно, къ такимъ людямъ воззрѣніе А. Смита вполнѣ примѣнимо. Необходимо, чтобы при раздѣленіи труда каждый могъ заниматься именно такъ, какъ онъ находитъ для себя наилучше заниматься. И однообразіе и разнообразіе въ трудѣ имѣютъ важное

значеніе въ дѣлѣ производства, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ трудящихся. Раздѣленіе труда, упрощая производственныя операціи, должно предоставлять полную возможность примѣненія къ производству трудовыхъ особенностей каждаго.

3) Когда человѣкъ сосредоточиваетъ вниманіе на одномъ предметѣ, то при этомъ онъ скорѣе можетъ изобрѣтать средства болѣе легкаго достиженія цѣли, чѣмъ при раздѣленіи его вниманія между многими и различными предметами. Вотъ почему, говоритъ А. Смитъ, раздѣленіе труда должно быть признано важнѣйшею причиною техническихъ улучшеній, облегчающихъ производство. Это воззрѣніе примѣнимо и къ умственному труду; только сосредоточиваясь на небольшомъ кругѣ предметовъ, человѣкъ можетъ изслѣдовать всѣ стороны изучаемыхъ явленій и принесть дѣйствительную пользу умственному развитію.

4) Къ этимъ тремъ причинамъ особой успѣшности раздѣленнаго труда Ч. Беббеджъ присоединяетъ четвертую, состоящую въ классификаціи работниковъ по ихъ способностямъ. Трудъ распредѣляется наиболѣе производительнымъ образомъ чрезъ эту классификацію. Еслибы работникъ, который получаетъ два рубля, былъ принужденъ производить всѣ операціи, на которыя можетъ быть раздѣленъ данный промыслъ, то онъ тратилъ бы мало производительно часть своего рабочаго времени, производя тѣ операціи, которыя могли бы выполняться болѣе простыми и менѣе способными рабочими, получающими меньшую заработную плату. Издержки производства при такихъ обстоятельствахъ были бы непомѣрно высоки. Такимъ образомъ классификація работниковъ по ихъ способностямъ при раздѣленіи труда приводитъ къ значительному сокращенію издержекъ въ многихъ производствахъ.

5) Наконецъ, по замѣчанію J. Rae, благодаря раздѣленію труда, извлекается наибольшая полезность отъ употребленія въ дѣло инструментовъ и машинъ. При отсутствіи раздѣленія занятій, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣло употребляются разные инструменты и машины, часть ихъ не была бы постоянно занята, лежала бы праздно. Когда производитель употреблялъ бы въ дѣло одинъ инструментъ, употребляемый для одной операціи, всѣ остальные инструменты, употребляемые при другихъ операціяхъ, лежали бы праздно. Благодаря раздѣленію труда, является возможность постояннаго ихъ употребле-

нія различными рабочими, занятыми различными производственными операціями. Когда же машины и инструменты постоянно заняты, то получается отъ каждой изъ нихъ большій доходъ и можно каждую изъ нихъ лучше содержать, что въ свою очередь увеличиваетъ произволительность.

Степень, до которой можетъ быть доведено раздѣленіе труда, обусловливается размѣрами сбыта продуктовъ и характеромъ производства.

Десять рабочихъ, раздѣлившихъ между собою операціи выдѣлки булавокъ, могутъ приготовить въ день 48,000 булавокъ. Очевидно, для того, чтобы раздѣленіе труда могло быть доведено до этого предѣла, необходимо, чтобы существовала возможность сбывать именно это количество булавокъ. Если спросъ на этотъ продуктъ не такъ великъ, если покупщиками требуется ежедневно всего 24,000 булавокъ, то трудъ рабочихъ не можетъ быть раздѣленъ на 10 операцій, такъ какъ въ этомъ случаѣ они производили бы часть булавокъ, не находящихъ сбыта. Вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда спросъ на продукты ограниченъ, раздѣленіе труда незначительно. Въ небольшихъ городахъ и деревняхъ торговецъ занимается продажей самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ въ большихъ городахъ торговля спеціализируется, торговецъ исключительно занимается наприм. продажей чая, масла или какого нибудь другаго одного предмета. Многіе продукты не выдерживаютъ далекой доставки, или, если и выдерживаютъ, то не иначе, какъ при значительныхъ издержкахъ провоза. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ спросъ на продукты ограничивается небольшимъ райономъ, слѣдовательно въ производствѣ подобныхъ продуктовъ раздѣленіе труда по необходимости незначительно. Изъ этого видно, что раздѣленіе труда и, слѣдовательно, усиленіе его продуктивности можетъ быть достигаемо не иначе, какъ при разширеніи рынка для сбыта продуктовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣютъ улучшенія въ путяхъ сообщеній, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ возможность сбыта продуктовъ.

Съ другой стороны, какъ мы сказали, степень раздѣленія труда обусловливается характеромъ производства. Оно вообще менѣе возможно въ тѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ главнымъ дѣятелемъ являются силы природы; въ земледѣліи оно менѣе возможно, чѣмъ въ обраба-

тывающей промышленности. Въ сельскомъ хозяйствѣ различныя работы въ большинствѣ случаевъ совершаются не одновременно, но въ различное время года. Сельскій хозяинъ долженъ быть то пахаремъ, то сѣятелемъ, то жнецемъ и т. п. Эти работы совершаются въ разное время, поэтому должны быть выполняемы однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Невозможность широкаго примѣненія раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ представляетъ собою одну изъ причинъ того, почему производительная сила труда въ этомъ хозяйствѣ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Крайнее развитіе раздѣленія занятій и труда имѣетъ и свои темныя стороны. Оно можетъ быть причиною зависимости работника отъ капиталиста, когда проводитъ къ тому, что обученіе рабочаго ограничивается какимъ либо однимъ не значительнымъ предметомъ производства, или частью его, наприм. $^1/_{102}$ частью часоваго механизма. Такой рабочій находится въ полномъ подчиненіи у хозяина, такъ какъ ему трудно найти занятіе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ требуются иныя свѣдѣнія и гдѣ ему приходится конкуррировать съ мастерами своего дѣла. Сопровождаясь такою односторонностью въ развитіи человѣка, раздѣленіе труда приводитъ за тѣмъ къ тому, что, по выраженію Рошера, въ людяхъ общество начинаетъ болѣе терять, чѣмъ пріобрѣтаетъ въ вещественныхъ цѣнностяхъ. Каково можетъ быть умственное развитіе того человѣка, который въ продолженіи всей своей жизни больше ничѣмъ не занимался, какъ только выдѣлываньемъ $^1/_{102}$ части часоваго механизма? Видѣть выгоды въ усиленіи производства при такомъ крайнемъ раздѣленіи труда, значитъ подчинять человѣка производству, значитъ утверждать, что не продукты создаются для человѣка, но человѣкъ созданъ для производства продуктовъ. Разумное развитіе раздѣленія труда не должно приводить къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Обязательное образованіе является однимъ изъ лучшихъ средствъ къ правильному направленію раздѣленія труда.

Въ умственномъ мірѣ раздѣленіе занятій и труда можетъ сопровождаться не менѣе печальными послѣдствіями. Въ настоящее время науки раздѣлились на дробныя части, изъ коихъ каждая составляетъ спеціальность особыхъ лицъ. Между различными узкими спеціальностями нѣтъ ничего общаго; ученые разныхъ видовъ умственнаго труда перестаютъ понимать другъ друга. Средствомъ противъ такихъ печальныхъ результатовъ должно бытъ всестороннее общее образованіе, по

которому каждый могъ бы быть подготовленъ къ потребленію разнообразныхъ продуктовъ раздѣленнаго умственнаго труда.

(1) A. Smith. Richesse des Nations, т. 1. гл. 1—111. Милль, Осн. пол. экон. т. 1, кн. 1, гл. VIII. (2) Курсъ полит. экономіи, стр. 85.

§ 4. (1) Съ возникновеніемъ и развитіемъ раздѣленія занятій, когда общество состоитъ изъ множества группъ, трудящихся въ разнообразныхъ отрасляхъ промысловъ, весьма естественно возникаетъ вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ послѣднихъ. Вопросъ этотъ долгое время былъ спорнымъ въ экономической литературѣ и имѣетъ свою исторію, свидѣтельствующую о печальныхъ послѣдствіяхъ заблужденій, нѣкогда считавшихся аксіомами.

Послѣдователи системы, носящей названіе меркантилизма, считали производительными только тѣ занятія, которыя умножаютъ въ странѣ количество благородныхъ металловъ. По ихъ ученію, мануфактурная или обрабатывающая промышленность производительнѣе земледѣльческой; мануфактурные продукты обладаютъ высокою цѣнностью сравнительно съ ихъ объемомъ, между тѣмъ какъ продукты земледѣлія имѣютъ сравнительно съ ихъ объемомъ незначительную цѣнность; поэтому первые доставляютъ большую возможность привлекать въ страну золото и серебро. На томъ же основаніи производство предметовъ роскоши и вообще утонченныхъ продуктовъ считалось наиболѣе производительнымъ занятіемъ. Внѣшняя торговля, по ученію меркантилистовъ, представляетъ собою ничто иное, какъ борьбу изъ-за денегъ между торгующими странами. Когда одна страна за свои товары получаетъ деньги отъ другой, то первая, по ихъ мнѣнію, увеличиваетъ свое богатство, между тѣмъ какъ вторая лишается части его. Отсюда выводили заключеніе, что страна посредствомъ торговли можетъ увеличить свое богатство не иначе, какъ въ ущербъ другой; увеличеніе благосостоянія одной страны разсматривалось какъ причина уменьшенія благосостоянія другой. На этомъ основаніи старались поощрять вывозную торговлю и всѣми возможными мѣрами стѣсняли ввозную, за исключеніемъ ввоза орудій производства и сырыхъ продуктовъ, которые имѣли быть вывезены обратно въ обработанномъ видѣ. Разработку рудниковъ меркантилисты считали занятіемъ производительнымъ даже въ томъ случаѣ, когда издержки производства вовсе не окупа-

лись, такъ какъ и въ этомъ случаѣ количество обращающейся въ странѣ монеты не уменьшалось, но увеличивалось.

Основное заблужденіе меркантилистовъ состояло въ томъ, что они отождествляли деньги съ богатствомъ. По выраженію А. Смита, считать деньги богатствомъ, это тоже самое, что считать дорогу, по которой всего удобнѣе доѣхать до нашего дома, за этотъ самый домъ. Деньги представляютъ собою только орудіе для обращенія богатствъ, а не самыя богатства. Если такъ, то очевидно, что все ученіе меркантилистовъ о производительномъ значеніи различныхъ занятій является страннымъ заблужденіемъ. Меркантильная доктрина, по замѣчанію Милля, кажется намъ похожею на нескладныя фантазіи дѣтства, мгновенно разрушаемыя однимъ словомъ взрослаго человѣка. „Но пусть никто не говоритъ, что избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ во времена его господства". Въ дѣйствительности это заблужденіе, основанное на такомъ нелѣпомъ понятіи о сущности богатства, господствовало въ умахъ лучшихъ мыслителей и современныхъ ему законодателей. Подъ вліяніемъ этого заблужденія фабричные законы многихъ странъ были законами Дракона, писанными кровью человѣческою. Въ Англіи, наприм., существовала строгая система постановленій, имѣвшихъ цѣлію стѣснить вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, служащихъ матеріаломъ для фабрикъ; наоборотъ, ввозъ такихъ продуктовъ поощрялся всевозможными мѣрами. При Карлѣ II вывозъ шерсти былъ объявленъ государственною измѣною; виновный подвергался конфискаціи всего имущества и смертной казни. Постановленіе это было нѣсколько смягчено при Вильгельмѣ III. Вмѣсто смертной казни и конфискаціи всего имущества, опредѣленъ былъ штрафъ въ 3 шилл. съ каждаго фунта шерсти и конфискація груза; сверхъ того, преступникъ такой терялъ право требовать отъ кого бы то ни было свой долгъ. Кто не могъ уплатить положеннаго штрафа въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, тотъ наказывался ссылкой на 7 лѣтъ; если онъ убѣгалъ изъ ссылки, то подвергался смертной казни. Былъ также запрещенъ вывозъ овецъ. Въ 8-й годъ царствованія Елисаветы былъ изданъ законъ, по которому уличенный въ этомъ преступленіи наказывался конфискаціей всего имущества, заключеніемъ въ тюрьму на одинъ годъ, и, по окончаніи срока заключенія, у него отсѣкали лѣвую руку. При повтореніи преступленія, виновный подвергался смертной казни. Считая мануфактурную промышленность наиболѣе произ-

водительною, меркантилисты порабощали мануфактурамъ всѣхъ производителей сырыхъ продуктовъ, имъ были подчиняемы интересы потребителей, имъ были подчиняемы всѣ люди не только живые, но и мертвые. Въ Англіи въ 1678 г. было издано постановленіе, по которому мертвые могли быть порабаемы не иначе, какъ въ шерстяной одеждѣ.

Ученіе меркантилистовъ было подвергнуто критикѣ экономической школой, извѣстной въ настоящее время подъ именемъ физіократіи. По ученію физіократовъ, народное богатство можетъ быть увеличиваемо только однимъ путемъ, а именно—усовершенствованіемъ земледѣлія. Одно лишь земледѣліе не только возвращаетъ затраты, употребленныя на производство, но также даетъ чистый доходъ. Сельскій хозяинъ, положивъ въ землю одно зерно, возвращаетъ его въ видѣ пяти и болѣе зеренъ; благодаря участію силъ природы въ сельскомъ хозяйствѣ, получается новое имущество, которое не существовало прежде. Всѣ другія отрасли промышленности только воспроизводятъ сдѣланныя затраты: сколькимъ бы операціямъ не подвергался фунтъ шерсти въ обрабатывающихъ отрасляхъ народной промышленности, онъ остается не болѣе, какъ тѣмъ же фунтомъ шерсти; промышленныя операціи не могутъ придать къ нему ни малѣйшаго атома, не создадутъ новаго имущества, этого produit net, составляющаго отличительную черту сельскаго хозяйства. Всѣ не земледѣльческія отрасли промышленности безплодны; отъ нихъ нечего ожидать увеличенія народнаго богатства. Фабричныя произведенія имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ сырые матеріалы, обрабатываемые на фабрикахъ, но это нисколько не противорѣчитъ признанію всѣхъ фабрикъ безплодными. Новая цѣнность, представляющая собою разницу между цѣною сыраго матеріала и цѣною его въ обработанномъ видѣ, есть простой результатъ того, что при обдѣлкѣ сырыхъ матеріаловъ потребляются земледѣльческіе же продукты, размѣромъ потребленія которыхъ и опредѣляется размѣръ новой цѣнности. Мануфактурная промышленность только измѣняетъ форму вещества, но не создаетъ ничего новаго, поэтому не имѣетъ производительнаго значенія; точно также безплодна и торговля, не создающая продуктовъ, но только перемѣщающая ихъ. Возвысивъ такимъ образомъ значеніе сельскаго хозяйства, физіократы должны были признать, что подати могутъ быть налагаемы только на землевладѣльцевъ. Подати взимаются не съ капитала, а съ чистаго дохода, но

такъ какъ, по ихъ ученію, только одно земледѣліе даетъ чистый доходъ, то одни лишь землевладѣльцы и должны уплачивать подати. Всѣ другія отрасли промышленности, какъ не дающія чистаго дохода, какъ безплодныя въ экономическомъ отношеніи, должны быть свободны отъ всякихъ общественныхъ и государственныхъ повинностей.

Это ученіе физіократовъ было встрѣчено массой образованныхъ современниковъ съ полнымъ сочувствіемъ, многими съ энтузіазмомъ. Ф. Кенэ (Quesnay), основатель физіократіи, написалъ таблицу, въ которой посредствомъ числовыхъ формулъ изобразилъ сущность своего ученія. Таблица эта, говоритъ А. Бланки, разъяснялась и развивалась приверженцами съ такою же увѣренностью, съ какою объясняются въ школахъ геометрическія теоремы; ее твердили наизустъ, какъ катехизисъ, изъ котораго каждый классъ гражданъ узналъ свои обязанности въ общественной іерархіи. Дюпонъ де Немуръ говорилъ о ней: „это чудная формула, благодаря которой мы имѣемъ возможность съ поразительною быстротою и точностью производить всѣ операціи относительно происхожденія и распредѣленія богатствъ“. По мнѣнію маркиза де-Мирабо, съ самаго начала существованія міра сдѣлано было три величайшихъ открытія: письма, монеты и экономической таблицы Ф. Кенэ.

Въ настоящее время это ученіе не имѣетъ никакого научнаго значенія. Теорія физіократовъ основана на ложномъ понятіи о томъ, что такое производство. Производство состоитъ не въ созданіи матеріи, но въ созданіи годности; въ результатѣ производства получается новая годность, новая полезность, но не новая матерія. Ни одна отрасль промышленности не производитъ новаго вещества, этого produit net физіократовъ, не производитъ его и земледѣліе, которое, подобно другимъ отраслямъ промышленности, лишь придаетъ существующей матеріи новую годность. Процессомъ производства человѣкъ придаетъ веществу ту форму, при которой оно становится наиболѣе годнымъ къ удовлетворенію потребностей. Въ этомъ отношеніи всѣ отрасли промышленности имѣютъ одинаковое значеніе; ни одна изъ нихъ не создаетъ новаго вещества, ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа безплодною, такъ какъ каждая имѣетъ своимъ предметомъ созданіе новой годности для удовлетворенія нашихъ потребностей.

А. Смитъ считалъ производительными только тѣ занятія, которыя овеществляются въ продуктахъ, могущихъ быть предметомъ обмѣна.

Такъ называемый невещественный трудъ и вообще всѣ личныя услуги онъ считалъ не имѣющими производительнаго значенія для общества. Люди, работающіе въ такихъ занятіяхъ, не создаютъ ничего такого, что имѣло бы вещественную форму и мѣноспособность. Работа такихъ людей, подобно рѣчамъ оратора или аккордамъ музыканта, изчезаетъ въ ту же минуту, когда она окончена; результатъ годоваго труда не выражается ни въ какихъ вещественныхъ цѣнностяхъ. Но и между вещественными занятіями, по мнѣнію А. Смита, существуетъ разница ихъ значенія. Въ одномъ только земледѣліи, говоритъ онъ, не только воспроизводятся сдѣланныя затраты, но также получается излишекъ, называемый рентой; такого излишка нѣтъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Утверждая это, согласно съ воззрѣніями физіократовъ, А. Смитъ тѣмъ не менѣе отвергаетъ взглядъ послѣднихъ на земледѣльческія отрасли труда, какъ на безплодныя занятія. Сами физіократы признаютъ, говоритъ онъ, что классъ людей, состоящій изъ торговцевъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, ежегодно возстановляетъ цѣнность своего потребленія. Если же такъ, то мы не имѣетъ никакихъ основаній считать этотъ классъ безплоднымъ въ народной экономоміи. „Не считаемъ же мы безплоднымъ тотъ бракъ, который даетъ, на смѣну отца и матери, сына и дочь, хотя такіе браки не увеличиваютъ населенія, но только поддерживаютъ его на уровнѣ прежней численности.“

Въ новѣйшее время ученіе А. Смита было поддержано Миллемъ (2). Всякій трудъ, говоритъ Милль, долженъ считаться непроизводительнымъ, если онъ оканчивается непосредственнымъ наслажденіемъ его результатами, не увеличивая запаса постоянныхъ средствъ этого наслажденія. Другими словами, всякій трудъ не увеличивающій матеріальныхъ продуктовъ страны, долженъ быть признанъ не имѣющимъ производительнаго значенія. Увеличеніе числа лицъ, занимающихся невещественнымъ трудомъ, ведетъ къ уменьшенію въ странѣ числа лицъ, занимающихся другими отраслями производства, наприм. земледѣліемъ; но увеличеніе числа людей, занимающихся вещественнымъ производствомъ, въ то же время даетъ возможность существованію большему количеству людей въ другихъ занятіяхъ. „Трудъ на спасеніе жизни другу непроизводителенъ, если этотъ другъ непроизводительный работникъ и не производитъ болѣе того, что потребляетъ. Для религіознаго человѣка спасеніе души представляется далеко важ-

нѣйшею услугою, чѣмъ спасеніе жизни; но этотъ человѣкъ не назоветъ миссіонера или духовное лицо производительными работниками, если они не будутъ, подобно миссіонерамъ южныхъ морей, вмѣстѣ съ религіозными доктринами распространять плоды цивилизаціи. Напротивъ очевидно, что чѣмъ большее число миссіонеровъ или духовныхъ лицъ существуетъ въ націи, тѣмъ меньшее число обращено на другіе предметы; тогда какъ чѣмъ большее число занимается земледѣліемъ и мануфактурами, тѣмъ большее число остается для другихъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ оно уменьшаетъ caeteris paribus свой запасъ матеріальныхъ произведеній, въ послѣднемъ случаѣ оно увеличиваетъ его".

Доктрина непроизводительности невещественныхъ занятій весьма рано вызвала реакцію. Одни изъ противниковъ ея подводили невещественный трудъ къ одному знаменателю съ вещественнымъ и на этомъ основаніи утверждали его производительное значеніе. Такъ Ж. Б. Сэ смотрѣлъ на духовныя способности человѣка какъ на особаго рода капиталъ, приносящій проценты, подобно всѣмъ капиталамъ вообще.

Другіе противники, наоборотъ, такъ сказать, одухотворяли вещественную дѣятельность. Такъ ческій писатель Ригеръ говоритъ, что производство состоитъ въ созданіи полезностей, но полезность никогда не можетъ быть вещественною. Та форма, которую ремесленникъ или художникъ сообщаетъ своему веществу, сама по себѣ на столько же можетъ считаться веществомъ, какъ и уроки, которые учитель даетъ своему ученику. Оба производятъ полезность, но съ тою разницею, что у перваго полезность воплощена въ веществѣ, тогда какъ у другаго перешла въ духъ. Отсюда видно, что все различіе заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ перерабатывается вещь, а въ другомъ духъ. Работа, какъ вещественная, такъ и духовная, производитъ полезность, которая остается и накопляется или въ видѣ вещей или въ видѣ полезныхъ дѣйствій на человѣка. Часъ ученія, который учитель посвящаетъ своему ученику, пройдетъ, какъ и та работа, которую выполняетъ горшечникъ для производства своей посуды. Но образованіе, которое такимъ образомъ получилъ ученикъ, остается въ немъ не менѣе прочно, какъ и та форма, которую придаетъ своей посудѣ горшечникъ.

Уже самый фактъ существованія теорій съ одной стороны овеществляющихъ духовную дѣятельность и съ другой одухотворяющихъ

физическія занятія ясно указываетъ намъ на существованіе тѣсной связи между вещественными и невещественными занятіями, которая приводитъ къ прямому отрицанію доктрины непроизводительности послѣднихъ. Благодаря существованію тѣсной связи между этими занятіями, послѣдователи ученія о непроизводительности духовнаго труда впали въ непримиримыя противорѣчія. По ихъ ученію, говоритъ Ф. Листъ, воспитаніе свиней представляетъ собою производительное занятіе, между тѣмъ какъ воспитаніе человѣка—непроизводительный трудъ („also wer Schweine züchtet, ist productiv, und wer den Menschen erzieht, ist unproductiv?!“). Точно также, по ихъ ученію, считается производительнымъ трудъ человѣка, дѣлающаго скрипку, но непроизводителенъ трудъ скрипача, хотя трудъ перваго имѣетъ своимъ назначеніемъ служить послѣднему. Не производителенъ трудъ врача, между тѣмъ какъ, по этому ученію, считается производительнымъ трудъ аптекаря, изготовляющаго лекарство по рецепту перваго... Вотъ къ какимъ абсурдамъ приводитъ ученіе, отрицающее производительное значеніе невещественныхъ занятій.

Всѣ занятія, направленныя къ удовлетворенію потребностей человѣка, должны быть признаны имѣющими производительное значеніе. Но при этомъ каждое занятіе можетъ быть убыточнымъ для общества, когда оно развивается въ ущербъ другихъ занятій, когда оно развивается на счетъ этихъ послѣднихъ. Общество можетъ испытывать страданія отъ непомѣрнаго развитія однихъ занятій и слабосилія другихъ.

(1) A. Smith. Rich. des Nat. к. IV, гл. VIII и IX; Милль. Основанія, кн. 1 гл. III; Ригеръ. О капиталѣ и трудѣ невещественномъ, ихъ значеніи и положеніи въ полит. экономіи; W. Rocher. Die Grundl. der Nationalökonomie кн. 1, гл. III. (2) Къ воззрѣнію этому склоняется также Duhring, замѣчающій, что, не принявъ доктрины А. Смита, мы тѣмъ самымъ расширили бы непомѣрно предѣлы пол. экономіи; см. Kritische Grunl. der Nationaloekonomie und des Sozialismus. Berlin. 1871. стр. 161.

§ 5. Между трудомъ, направленнымъ къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, и трудомъ, направленнымъ къ удовлетворенію потребностей духовныхъ, существуетъ самая тѣсная связь. Направленіе и характеръ матеріальнаго труда человѣка обусловливаются направленіемъ и характеромъ духовной дѣятельности. Объ участіи ум-

ственнаго труда въ самой простой механической работѣ никто не можетъ сомнѣваться. „Самый тупой носильщикъ, изо дня въ день таскающій кирпичи по подмосткамъ, говоритъ Милль, исполняетъ отчасти дѣло умственное; самая понятливая собака не выучится этому. Самый тупоумный человѣкъ можетъ вертѣть рукоятку машины, а лошадь не можетъ вертѣть этого колеса, если кто нибудь не погоняетъ ее и не смотритъ за ней“ (1). Развитіе физическаго труда обусловливается знаніемъ свойствъ естественныхъ дѣятелей, то есть обусловливается умственнымъ развитіемъ трудящихся. Вотъ почему народное благосостояніе находится въ тѣсной зависимости отъ умственнаго быта; тамъ, гдѣ встрѣчается невѣжество, въ то же время господствуетъ и нищета. Поднятіе уровня умственнаго состоянія массъ равносильно увеличенію ихъ экономическаго благосостоянія. Причина бѣдности заключается въ томъ, что физическій трудъ не оплодотворенъ умственнымъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно слѣдующее замѣчаніе одного изъ нашихъ экономистовъ: „Бѣдность народа есть ничто иное, какъ скрытое богатство. При благопріятныхъ условіяхъ этотъ скрытый теплородъ экономическаго міра освождается и обнаруживаетъ сокровища, далеко превосходящій тѣ, сравнительно незначительныя богатства, которыя накопляются по временамъ въ рукахъ руководителей промышленности и къ которымъ такъ неразумно возбуждается многими недальновидными писателями зависть народа, этого величайшаго изъ всѣхъ капиталистовъ“ (2). Благопріятныя условія, о которыхъ говоритъ нашъ экономистъ, состоятъ въ образованіи производителей, дающемъ господство надъ силами природы и превращающемъ ихъ механическую въ сознательную дѣятельность.

Умственный трудъ, необходимый во всѣхъ родахъ и видахъ дѣятельности, для болѣе цѣлесообразнаго регулированія послѣдней спеціализируется и такимъ образомъ подчиняется общему закону интенсивнаго пользованія, состоящему въ сосредоточеніи или централизаціи силы, направленной къ достиженію опредѣленной цѣли. Такъ возникаетъ такъ называемая коньектура или проектъ предпріятія, предварительное соображеніе его осуществимости и доходности. Никакой трудъ не можетъ существовать безъ такой коньектуры (3); всякая дѣятельность предполагаетъ предварительное осознаніе ея или осуществимости или доходности. Но многіе виды дѣятельности требуютъ спеціальной подготовки для составленія коньектуры; во многихъ слу-

чаяхъ для ея составленія необходимъ трудъ не одного, но многихъ спеціалистовъ: наконецъ могутъ быть случаи, когда дѣло составленія коньектуры не доступно средствамъ частныхъ лицъ и предпринимается правительствами,—таковы наприм. въ нѣкоторыхъ случаяхъ предварительныя изысканія о возможности проведенія желѣзнодорожнаго пути, о существованіи каменноугольныхъ залежей и т. п. Представляя собою результатъ общаго закона интенсивности пользованія силами, отдѣленіе коньектуральнаго труда отъ исполнительнаго должно быть разсматриваемо также какъ неизбѣжный результатъ безконечнаго разнообразія между людьми въ ихъ трудовыхъ способностяхъ. Нѣкогда существовало воззрѣніе, теперь окончательно потерявшее свой кредитъ, что всѣ люди равны по своимъ умственнымъ способностямъ. Воззрѣніе это на столько же истинно, какъ и аналогичная съ нимъ доктрина равенства по плодородію всѣхъ земель; доказывать равенство умственныхъ способностей людей все равно, что утверждать равенство плодородія различныхъ поземельныхъ участковъ на всемъ земномъ шарѣ. На низшихъ ступеняхъ своего развитія люди дѣйствительно мало различаются между собою, но такое равенство и есть признакъ дикости. Не даромъ говорятъ, что разнообразіе есть источникъ жизни; гдѣ нѣтъ разнообразія, тамъ нѣтъ и жизни; въ безжизненной песчаной пустынѣ каждая отдѣльная часть есть какъ бы повтореніе другой. Однообразіе умственныхъ способностей, какъ отрицаніе разнообразія въ жизни, представляло бы собою превращеніе экономическаго общежитія въ безжизненную песчаную пустыню. Если же умственныя способности людей разнообразны, то, очевидно, утилизація ихъ не можетъ быть одинаковою; никто же не требуетъ одинаковой обработки земли на всемъ земномъ шарѣ и производства на ней вездѣ одинаковыхъ растеній. Разнообразныя способности людей вызываютъ разнообразіе въ средствахъ ихъ утилизаціи, подъ вліяніемъ чего одни принимаютъ на себя исполнительный трудъ, другіе коньектуральный, одни являются самостоятельными предпринимателями, другіе наемными участниками въ предпріятіяхъ, одни хозяевами, другіе рабочими. Предпринимательство, по которому одинъ или нѣсколько человѣкъ, задумавъ извѣстное предпріятіе, осуществляютъ его при помощи наемнаго труда, представляетъ собою одинъ изъ видовъ коньектуральнаго труда, источникомъ котораго служитъ разнообразіе между людьми въ ихъ способностяхъ. Не всякій, напримѣръ, можетъ рѣ-

шиться принять на себя рискъ какого либо новаго предпріятія; не всякій рѣшается на свой рискъ завести какое либо хозяйственное дѣло, въ результатѣ котораго можно получить выигришъ, но можно и потерять все свое состояніе, или часть его. Такіе люди и находятъ примѣненіе своему труду въ исполнительныхъ наемныхъ работахъ, предпринимаемыхъ другими. Предпринимательство, такимъ образомъ, представляетъ собою явленіе вполнѣ естественное въ народной экономіи. Оно представляетъ собою продуктъ безконечнаго разнообразія способностей человѣческихъ. Подобно тому, какъ нелѣпа мысль о томъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ люди сѣяли одну пшеницу или одну рожь, такъ же нелѣпа и мысль о возможности превращенія всѣхъ людей въ предпринимателей и исполнителей въ одно и тоже время. „До однообразной сообразительности всѣхъ людей довести невозможно, справедливо говоритъ Э. Вреденъ, именно впослѣдствіе различія индивидуальныхъ способностей разныхъ людей. Если задаваться водвореніемъ подобнаго незыблемаго уровня, то это мыслимо не иначе, какъ притупивъ даровитыхъ лицъ до уровня найменѣе способныхъ. Не слѣдуетъ искать исхода изъ существующаго неравенства въ стремленіи довести всѣхъ до однообразной степени трудовой способности. Въ дѣйствительномъ быту существуетъ нерушимая постепенность, только ее и возможно повысить“ ([4]). Другими словами, необходимо искать не уничтоженія разнообразія въ трудовыхъ способностяхъ, не превращенія общества въ безжизненную пустыню, въ которой каждая часть была бы повтореніемъ другой; но необходимо заботиться о возможномъ возвышеніи трудовыхъ способностей производителей, о поднятіи способностей каждаго до того уровня, который обусловливается индивидуальными силами. Вотъ почему вопросъ о народномъ образованіи имѣетъ въ высшей степени важное значеніе съ точки зрѣнія народной экономіи. Это прямой вопросъ о поднятіи уровня народнаго благосостоянія.

Заботы о народномъ образованіи составляютъ почти вездѣ одну изъ функцій государственной власти. Это трубуется уже тѣмъ, что народное образованіе имѣетъ общественное значеніе, вслѣдствіе чего не можетъ быть отдано на волю частныхъ дѣятелей. Государственные расходы на это образованіе имѣютъ высоко производительное значеніе для государствъ, благодаря тому, что трудъ народа, оплодотворенный знаніемъ, становится болѣе производительнымъ, что равносильно воз-

вышенію податныхъ силъ населенія и средствъ, которыми располагаютъ государства. Съ другой стороны, эти расходы болѣе чѣмъ уравновѣшиваются уменьшеніемъ издержекъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, вызываемыхъ невѣжествомъ и слабостью трудовыхъ силъ, не укрѣпленныхъ умственнымъ развитіемъ. Безвозвратные расходы на охрану и преслѣдованіе, ссыскную полицію и тюрьмы, исправленіе малолѣтнихъ осужденныхъ и т. п. сокращаются въ размѣрѣ ихъ полнѣйшей замѣны воспроизводительными затратами по воспитанію сообразительныхъ рабочихъ и добросовѣстныхъ податныхъ плательщиковъ (5).

Первоначальное народное образованіе можетъ быть или произвольнымъ, или обязательнымъ. Въ первомъ случаѣ отъ воли родителей или опекуновъ дѣтей зависитъ посѣщеніе дѣтьми народнаго училища. Предполагаютъ, что вмѣшательство государства въ это дѣло было бы нарушеніемъ свободы, вмѣшательствомъ въ частную жизнь, въ семейные разсчеты. Во имя этой свободы многіе и стоятъ за полную свободу первоначальнаго обученія. Но очевидно, что защищать безусловную свободу обученія, значитъ защищать право оставаться въ непроглядномъ невѣжествѣ, а такого права въ развитомъ обществѣ никто не имѣетъ. Въ свободной странѣ для гражданъ свобода обязательна; по закону, никто настолько не свободенъ, чтобы отказаться отъ своей свободы и сдѣлаться рабомъ или крѣпостнымъ человѣкомъ. Эта обязательность свободы не только не нарушаетъ послѣдней, но является ея необходимымъ условіемъ, ея законной гарантіей. Точно также и обязательное первоначальное образованіе не можетъ нарушать свободы гражданъ, а, напротивъ того, представляетъ собою необходимое условіе ея, такъ какъ при отсутствіи образованія истинная свобода не мыслима.

Подобно умственному, и нравственный элементъ въ трудѣ имѣетъ высокое значеніе въ народной экономіи. Въ древнемъ мірѣ трудиться считали безчестнымъ, всякій матеріальный трудъ считался признакомъ низкаго происхожденія. Если бы каждый думалъ такъ, то экономическое общежитіе было бы не мыслимо. Съ развитіемъ общественности, образованія и въ особенности осознанія христіанскихъ истинъ нравственный элементъ во всякомъ трудѣ получаетъ все большую и большую силу, праздность признается порокомъ, житье здоровыхъ людей на чужой счетъ—преступленіемъ. Существованіе и развитіе трудоваго

нравственнаго элемента гарантируется также общественною властью. Сюда относится дѣятельность солдата, полицейскаго сторожа, судьи, законодателя и т. д. О важности труда этихъ лицъ такъ выражается Милль: „трудъ ихъ составляетъ часть издержекъ производства; если бы количество продуктовъ не было достаточно на содержаніе этого труда, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ теперь. Если бы правительство не давало охраненія дѣлу производства, то производители были бы принуждены или отнимать на свою защиту значительную часть своего времени и труда отъ производства, или нанимать на свою защиту вооруженныхъ людей; въ томъ и другомъ случаѣ трудъ охраненія прямо вознаграждался бы изъ продукта и нельзя было бы производить вещей, не дающихъ средствъ платить за этотъ прибавочный трудъ. При нынѣшнемъ устройствѣ продуктъ платитъ свою долю на такое охраненіе и получаетъ его въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ съ гораздо меньшими издержками“ (6). Изъ этого видно, что развитіе нравственнаго элемента въ трудѣ обусловливается личными выгодами производителей. Личный интересъ производителей требуетъ надлежащей охраны ихъ дѣятельности дѣятельностью законодателя, судьи, полиціи и т. п. Только на низшихъ ступеняхъ общежитія обманъ въ торговлѣ можетъ быть до извѣстной степени выгоденъ; съ экономическимъ развитіемъ онъ становится убыточнымъ для торговца. Отъ торговца, обманывающаго своихъ покупщиковъ, послѣдніе уходятъ къ другимъ торговцамъ и торговое дѣло его падаетъ. Обманъ для торговца могъ быть выгоденъ лишь въ то время, когда, при отсутствіи или слабомъ развитіи торговаго соперничества, покупщикъ не могъ выбирать предмета покупки между многими торговцами, когда положеніе торговца было монополизировано, сравнительно съ положеніемъ покупателя. Въ настоящее время во всѣхъ большихъ городахъ, гдѣ развито торговое соперничество, интересъ каждаго лица, занимающагося торговлей, заключается въ возможно лучшемъ изученіи потребностей покупщиковъ и въ возможно полномъ ихъ удовлетвореніи. Этимъ обусловливаются размѣры получаемой имъ выгоды. Точно также лишь на низшихъ ступеняхъ развитія, при грубомъ состояніи общества, можно было не замѣчать убыточности житья чужимъ трудомъ, дароваго пользованія человѣческими силами, то есть рабства и крѣпостнаго права, подобно тому, какъ только въ это время не замѣчается убыточность такъ называемаго хищническаго пользо-

ванія силами земли, приводящаго къ ея истощенію. Съ размноженіемъ населенія и съ его умственнымъ развитіемъ люди начинаютъ замѣчать, что свободный трудъ несравненно производительнѣе и, слѣдовательно, выгоднѣе труда несвободнаго. Несвободный человѣкъ не имѣетъ личной выгоды быть прилежнымъ, не имѣетъ никакихъ мотивовъ обнаруживать свои трудовыя способности; обнаруженіе ихъ можетъ быть даже вредно, такъ какъ замѣтивъ эти способности, владѣлецъ можетъ усилить свои требованія. Съ другой стороны, необходимость строгаго надзора за несвободнымъ трудомъ еще болѣе усиливаетъ его убыточность. Свободные работники выгоднѣе, поэтому, и для общества и для каждаго отдѣльнаго человѣка. На тѣхъ же основаніяхъ и трудъ справедливо оплачиваемый выгоднѣе труда, оплачиваемаго несправедливо. Производительность зависитъ отъ охоты къ труду, а охота къ труду обусловливается преимущественно тѣмъ, въ какой мѣрѣ продукты труда принадлежатъ производителю и его семьѣ (7).

Знаніе, свобода и собственность представляютъ собою важнѣйшія этическія условія производительности труда. Они находятся между собою въ органической связи: свобода не мыслима безъ собственности и знаніе безъ свободы и собственности не можетъ имѣть нормальнаго практическаго значенія. Системы, уничтожающія собственность, ограничиваютъ свободу и препятствуютъ надлежащему проявленію въ жизни умственнаго элемента. Но еще большее значеніе имѣютъ нравственные мотивы труда—родственныя и семейныя привязанности, любовь къ родинѣ, развитое чувство національности. Безъ этихъ нравственныхъ мотивовъ знаніе, свобода и собственность не могутъ дать наибольшаго напряженія труда. По прекрасному замѣчанію Тэна, эти внутренніе мотивы, заключающіеся въ привязанностяхъ и сокровеннѣйшихъ чувствахъ производителя, представляютъ собою живой источникъ силы, который не можетъ быть отдѣленъ отъ труда. „Одинъ безъ другаго безполезны. Отдѣлите источникъ отъ производителя, передайте его въ постороннія руки, онъ перестанетъ течь и производство прекратится. Слѣдовательно въ случаяхъ, когда требуется усиленное производство, управленіе машиной должно быть предоставлено самому производителю. Онъ есть тотъ настоящій собственникъ, который, неотступно при ней находясь, приводитъ ее въ движеніе, прирожденный, спеціально для того предназначенный инженеръ. Напрасны были бы попытки отвести воды источника въ другую сторону:

это повело бы лишь къ закрытію естественнаго выхода. Въ концѣ концовъ получилась бы плотина, которая запрудила бы полезные стоки; то былъ бы случайный отводъ, который, вмѣсто выгодъ, приносилъ бы убытки. Источникъ превратился бы въ болото, или же сталъ бы не производительно тратить свои воды, размывая крутые берега оврага. Въ крайнемъ случаѣ милліоны ведеръ воды, насильственно вычерпнутой изъ частныхъ резервуаровъ, едва до половины наполнили бы центральный искусственный бассейнъ. А въ немъ мелкая стоячая вода никогда не пріобрѣла бы ни силы, ни объема, достаточныхъ для того, чтобы приводить въ движеніе огромное колесо, которое замѣнило бы въ національномъ трудѣ частныя колеса меньшихъ размѣровъ" (8)(9).

(1) Основ. пол. экономіи, т. 1. стр. 53. (2) Е. де Роберти. Политико-экономическіе этюды, стр. 99. (3) Э. Вреденъ. Строй эконом. предпріятій, стр. 17, 34. (4) Основ. пол. экон. стр. 191. (5) Ibid. стр. 194. (6) Осн. пол. экономіи 1, 49. (7) W. Roscher Die Grundlagen der Nationalökonomie, § 39. (8) Соціализмъ, какъ правительство. стр. 54—55. (9) Въ нашей экономической литературѣ значеніе духовно-нравственной стороны въ трудѣ прекрасно было понято и уяснено первымъ русскимъ писателемъ по политической экономіи. Иваномъ Посошковымъ. Свою книгу „о скудости и богатствѣ" онъ называетъ попыткой насажденія правды и истребленія неправды, что должно привести не только къ улучшенію финансоваго хозяйства страны, но также къ увеличенію народнаго богатства и водворенію народнаго благосостоянія. Онъ замѣчаетъ, что о невещественномъ богатствѣ необходимо заботиться болѣе, чѣмъ о вещественномъ, такъ какъ пріобрѣтеніе перваго является необх. условіемъ пріобрѣтенія втораго. Вотъ подлинныя его слова: „Во изъявленіи моемъ семъ предложилъ девять главъ, а вся сія девятерица главъ состягаются къ насажденію правды, не правды же и всякаго воровства къ истребленію, и аще на всю сію девятерицу съ высоты Богъ милостиво призритъ, а съ низоты Императора нашего великаго соизволеніе всеусердное произыдетъ, то не токмо единая царская сокровища со излишествомъ наполнятся, но и весь народъ обогатится и вражды многія прекратятся, и егда сія девятерица оснуется и твердо укоренится, то яко рѣка тещи имать повсягодно, и неумолчно и неизмѣнно" Соч. Ивана Посошкова, изд. М. Погодинымъ. Москва 1848 г, стр. 8. „Паче же веществаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть о истинной правдѣ. Правдѣ—отецъ Богъ и правда весьма богатство и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ, а неправдѣ отецъ діяволъ и неправда не токмо вновь богатитъ, но древнее богатство отончеваетъ, и въ нищету приводитъ и смертъ наводитъ.—Егда правда въ насъ утвердится, и твердо вкоренится то не можно царству нашему Россійскому не богатитися и славою не возвыситися. То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда яко въ великихъ лицахъ, такъ и въ мизирныхъ она насадится и

твердо вкоренится и вси яко богати, тако и убозіи, между сосою любовію имуть жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольны будутъ“ (Idid. стр. 2).

§ 6. Предѣлы производительности труда обусловливаются физическими силами человѣка, не развивающимися, но остающимися безъ измѣненія, или даже ослабѣвающими съ развитіемъ цивилизаціи. Самое напряженіе физическихъ силъ не усиливаетъ, но уменьшаетъ производительность, не приближаетъ, но отдаляетъ отъ естественнаго предѣла производительности. Англійскій экономистъ Джевонсъ употребилъ слѣдующій пріемъ для иллюстраціи того, что максимумъ производительности не совпадаетъ съ максимумомъ трудоваго напряженія. Взявъ тяжесть опредѣленной величины, онъ измѣрялъ время, въ теченіи котораго рабочій выдерживалъ ее. При этомъ оказалось, что тяжесть вѣсомъ въ 18 ф. рука выдерживала 15 секундъ, 10 ф.—60 секундъ, при 7 ф.—87 с., при 4 ф.—148 с., при 2 ф.—219 с., при 1 ф.—321 с. Умножая вѣсъ на время, получаемъ, что при 18 фунтахъ работа равняется 270 фунто-секундамъ; при 10 ф.=600 ф.—с.; при 7 ф.=609 ф.—с.; при 4 ф.=592 ф.—с.; при 2 ф.=438 ф.—с.; при 1 ф.=321 ф.—с. Другими словами, наибольшее количество работы получается не при самомъ напряженномъ трудѣ, а при средней напряженности его, т. е. въ данномъ случаѣ при вѣсѣ тяжести въ 7 фунтовъ. Вотъ почему сокращеніе рабочаго дня сопрождается не уменьшеніемъ, но увеличеніемъ производительности рабочихъ въ томъ случаѣ, если до этого рабочій день былъ слишкомъ продолжителенъ (1).

Вопросъ о предѣлахъ производительности труда имѣетъ важное значеніе при опредѣленіи нормальныхъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія. Одни опредѣляютъ эти размѣры пространствомъ нужнымъ для пропитанія (Nahrungs-flache), другіе утверждаютъ, что нормальные поземельные надѣлы должны соотвѣтствовать рабочимъ силамъ крестьянской семьи (Arbeits-flache). Первый принципъ принятъ у насъ въ общемъ положеніи 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ которомъ сказано, что надѣлы предоставляются крестьянамъ „для обезпеченія ихъ быта и исправнаго отправленія ими государственныхъ повинностей“ (ст. 6) (2). Если принять такую потребительную норму, то у насъ размѣры крестьянскаго землевладѣнія должны увеличиваться съ юга на сѣверъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшается урожайность земли. По нѣкоторымъ

изсчисленіямъ, естественная потребительная норма для одного потребителя всюду, гдѣ урожайность колеблется между 7—9 четвертями съ десятины, равняется 1 д. посѣва или $1^1/_2$ дес. пашни при трехпольномъ хозяйствѣ. Чѣмъ меньше урожайность, тѣмъ больше должна быть площадь землевладѣнія. Тамъ, гдѣ урожайность уменьшается, одной десятины уже не достаточно для потребителя и надѣлы должны увеличиваться вдвое, втрое и т. д. ([3]). Но такое увеличеніе площади, необходимой для прокормленія, можетъ не соотвѣтствовать рабочимъ силамъ. „Можно создать какіе угодно надѣлы, говоритъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, но отъ этого положеніе рабочей семьи не увеличится, если площадь земли превосходитъ предѣлы рабочихъ силъ“. Какая бы ни была величина надѣла, но обыкновенный косарь въ одинъ день не сдѣлаетъ болѣе 11.000 взмаховъ косою, обыкновенная жница не сдѣлаетъ болѣе 25.000 ударовъ серпа, обыкновенный пахарь не пройдетъ за своей сохой болѣе 30 верстъ. Сила серпа, шагъ пахаря и размахъ косы остаются одни и тѣже на всякомъ надѣлѣ. „Если на данномъ надѣлѣ рабочія силы семьи вполнѣ заняты, то для обработки увеличеннаго надѣла необходимо измѣнить самый трудъ, перейти къ хищнической культурѣ“. Если рабочая семья, какъ представитель извѣстнаго количества механической силы, можетъ, при тройной пахотѣ и систематическомъ удобреніи, обработать десять десятинъ, то для того, чтобы использовать двадцать десятинъ, она должна замѣнить въ своемъ хозяйствѣ тройную пахоту двукратной и отказаться отъ удобренія. Для болѣе тщательной обработки у нея не достанетъ времени, или, что одно и тоже, мускульной силы. Если рабочей семьѣ, вмѣсто десяти десятинъ, даютъ сорокъ, то она должна прибѣгнуть къ переложной системѣ; если ей даютъ восемьдесятъ десятинъ съ обязательствомъ ихъ использовать, она должна оставить земледѣліе и перейти къ скотоводству; если наконецъ семьѣ даютъ 640 д. съ обязательствомъ такъ или иначе эксплоатировать ихъ своей рабочей силой, то даже обыкновенное скотоводство не мыслимо, требуется верховой пастухъ, лассо или арканомъ загоняющій одичавшій скотъ. Рабочей семьѣ уже нѣкогда косить сѣно, она обязательно отвыкаетъ отъ земледѣлія и невольно усвоиваетъ привычки номада“ ([4]).

Но и это не всегда возможно. Предѣлы занятія труда въ сельскомъ хозяйствѣ обусловливаются климатическими особенностями страны, подъ вліяніемъ которыхъ тамъ, гдѣ земледѣліемъ рабочая

семья можетъ быть занята наприм. всего 4 мѣсяца, поземельный надѣлъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ соотвѣтствовать потребительной нормѣ, не можетъ служить *единственнымъ* обезпеченіемъ хозяйственнаго быта населенія. У насъ это нерѣдко забывается при оцѣнкѣ благосостоянія и производительности крестьянъ. Крестьянская рабочая семья сѣверной полосы Россіи не можетъ обезпечить себя доходомъ отъ земли, подобно земледѣльческой семьѣ, работающей 8 или 10 мѣсяцевъ въ году. Трудъ не—земледѣльческій составляетъ для сѣвернаго крестьянина необходимое дополненіе къ труду земледѣльческому. Кн. Васильчиковъ такимъ образомъ характеризуетъ эти особенности земледѣльческаго труда въ Россіи: „Житель тверской, новгородской, псковской губерній (не говоря о крайнемъ сѣверѣ) прикованъ во все лѣто къ полевымъ работамъ на своей землѣ, работы эти слѣдуютъ одна за другою безъ перерыва, безъ отдыха съ ранней весны до осеннихъ заморозковъ: начиная посѣвъ раннихъ яровыхъ въ концѣ апрѣля, онъ оканчиваетъ обработку яроваго поля не ранѣе половины мая; за тѣмъ приступаетъ немедленно къ вывозкѣ и запахиванію навоза; съ Иванова или Петрова дней принимается за сѣнокосъ, который въ сѣверныхъ влажныхъ мѣстностяхъ представляетъ такія трудности, о какихъ жители черноземныхъ и степныхъ губерній не имѣютъ и понятія; тамъ на одну десятину, для просушки и уборки сѣна, выходитъ втрое болѣе рабочихъ дней, чѣмъ въ степяхъ и поляхъ южной полосы. По окончаніи покосовъ, надо двоить паръ, жать рожь, потомъ сѣять озимый хлѣбъ и убирать яровой, что продолжается до конца августа или начала сентября. Всѣ полевыя работы прекращаются около Покрова (1 окт.). Жители черноземной полосы находятся въ совершенно другихъ условіяхъ. Для примѣра возьмемъ группу губерній: тамбовской, воронежской и саратовской. Здѣсь весна открывается въ мартѣ, яровые посѣвы начинаются и большею частью оканчиваются въ апрѣлѣ. За тѣмъ май и іюнь остаются почти свободными, навозницы, этой тяжкой работы сѣверныхъ губерній, здѣсь не знаютъ. Далѣе наступаетъ дѣйствительно рабочая страда—уборка хлѣбовъ, посѣвъ озимей, но опять въ условіяхъ несравненно болѣе легкихъ, чѣмъ въ навозной полосѣ. Хлѣба у крестьянина родится больше и уборка его легче, чѣмъ на влажныхъ и болотистыхъ почвахъ. Тоже можно замѣтить и о сѣнокосахъ, гдѣ они есть. Наконецъ осенне время оставляетъ также много досуга крестьянамъ для постороннихъ работъ и

тогда какъ въ сѣверной полосѣ всякія сообщенія и полевыя работы уже прекращаются, въ южной пахота, подвозы еще продолжаются до ноября. Изъ этого слѣдуетъ, что норма надѣла можетъ быть больше въ южныхъ и степныхъ губерніяхъ, меньше въ центральныхъ и еще меньше въ сѣверныхъ“ (5).

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ климатическихъ особенностей у насъ возникаетъ естественная дисгармонія между трудовою и потребительною нормами землевладѣлія. Задачи народной экономіи у насъ встрѣчаютъ и въ этомъ отношеніи больше препятствій, чѣмъ на западѣ, гдѣ не существуетъ этой дисгармоніи. Уже изъ этого видно, что у насъ болѣе чѣмъ гдѣ либо имѣютъ значеніе всѣ тѣ условія, при помощи которыхъ облегчается трудъ и лучше эксплоатируются силы природы. Эти условія заключаются въ капиталѣ.

(1) И. Иванюковъ. Полит. экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій. Спб. 1885 г. стр. 110. (2) Рѣшительнымъ сторонникомъ потребительной нормы у насъ можно назвать пр. Янсона. См. его книгу: о крестьянскихъ налогахъ и платежахъ. (3) Нормы народнаго землевладѣнія. С. Южаковъ. Русск. Мысль, 1885 г. кн. IX, стр. 38. (4) О. Уманецъ. Колонизація свободныхъ земель Россіи, стр. 81—83. (5) Кн. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи, стр. 91—93.

III. Капиталъ.

§ 1 Третій факторъ производства, являющійся какъ бы посредникомъ между человѣкомъ и силами природы, называется капиталомъ.

Съ частно-хозяйственной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо всякое вообще имущество, которое какимъ бы то ни было образомъ приноситъ доходъ. Политическая экономія, занимающаяся изученіемъ общественной стороны въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, не можетъ ограничиться этимъ частно-хозяйственнымъ понятіемъ.

Понятіе это не можетъ быть примѣнимо къ тому коллективному человѣку, который называется обществомъ. Такъ для частнаго кредитора долговая росписка есть капиталъ, она свидѣтельствуетъ о томъ, что кредиторъ далъ взаймы опредѣленную сумму, которую онъ имѣетъ получить по истеченіи извѣстнаго срока и которая приноситъ ему доходъ, обыкновенно называемый процентами. Но съ общественной

точки зрѣнія такая долговая росписка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа капиталомъ Если бы признать вполнѣ вѣрнымъ часто-хозяйственное понятіе о капиталѣ, то въ такомъ случаѣ, когда кредиторъ ссужаетъ опредѣленную сумму другому лицу, было бы два капитала: въ а) долговая росписка, находящаяся въ рукахъ кредитора и предоставляющая ему право на полученіе въ извѣстное время ссуженнаго имущества и процентовъ, во б) самое это ссуженное имущество, находящееся въ рукахъ должника. Съ общественной точки зрѣнія здѣсь вовсе нѣтъ двухъ капиталовъ, но только одинъ—ссуженное имущество.

Но и это ссуженное имущество не всегда можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія. Положимъ, кредиторъ даетъ взаймы опредѣленное имущество, получая отъ должника долговую росписку, причемъ возвратъ занятаго обезпечивается поземельною собственностью должника. Послѣдній занятую сумму можетъ употребить производительнымъ или непроизводительнымъ образомъ. Онъ можетъ употребить ее или на улучшенія въ своей поземельной собственности, или расточить на пріемы гостей, на балы и т. п. Въ первомъ случаѣ занятое имущество затрачивается производительнымъ образомъ, въ теченіи опредѣленнаго времени издержки, затраченныя на поземельныя улучшенія, возвращаются съ прибылью. Должникъ въ этомъ случаѣ имѣетъ возможность возвратить занятое имъ имущество при посредствѣ этого же занятаго имущества, получая, сверхъ того, опредѣленную прибыль. Здѣсь это имущество воспроизводится впродолженіи извѣстнаго времени, что и даетъ возможность возвратить долгъ при посредствѣ самаго же долга. Во второмъ случаѣ должникъ теряетъ имущество непроизводительно; занятая имъ сумма пропадаетъ, все равно, что бросается въ воду. Должникъ возвращаетъ свой долгъ не посредствомъ самаго же занятаго имущества, но изъ другихъ источниковъ. Потребленное имущество въ этомъ случаѣ не воспроизводится. Съ общественной точки зрѣнія послѣднее имущество не можетъ быть названо капиталомъ. Это имущество для общества не существуетъ, хотя кредиторъ такимъ употребленіемъ его собственности ея не лишается. Не кредиторъ, но общество теряетъ то имущество, которое употребляется непроизводительно, которое послѣ потребленія не воспроизводится. Изъ этого же видно, что съ общественной точки зрѣнія капиталомъ можетъ быть названо лишь то имущество, кото-

рое употребляется производительно, которое воспроизводится послѣ того, какъ было потреблено. Такъ, въ приведенныхъ случаяхъ займа капиталомъ называется то занятое имущество, которое употреблено на поземельныя улучшенія и въ теченіи опредѣленнаго времени воспроизводится. Я затрачиваю свое имущество на содержаніе рабочихъ, строющихъ мнѣ домъ; мое имущество употребляется рабочими, уничтожается ими, но въ результатѣ потребленія и видимаго уничтоженія оно не только воспроизводится, но получается, сверхъ того, прибыль. Затраченное такимъ образомъ имущество можетъ быть названо капиталомъ съ общественной точки зрѣнія (1).

Воспользуемся для болѣе точнаго уясненія научнаго понятія о капиталѣ нѣкоторыми примѣрами, приведенными Миллемъ въ его основаніяхъ политической экономіи (2).

Извѣстное частное лице отдаетъ свои деньги государству и получаетъ долговую росписку или обязательство, по которому государствомъ уплачивается опредѣленный ежегодный доходъ. Безъ всякаго сомнѣнія, для частнаго лица такое обязательство—капиталъ, хотя оно не можетъ быть названо капиталомъ для общества. Но можно ли назвать самое ссуженное имущество капиталомъ? Если оно употребляется на постройку желѣзной дороги, то это—производительное потребленіе; занятая сумма воспроизводится съ прибылью, что даетъ возможность возвратить занятое при посредствѣ самаго же занятаго имущества. Употребленное такимъ производительнымъ образомъ имущество является капиталомъ. Оно перестаетъ быть капиталовъ лишь тогда, когда потребляется непроизводительно, когда оно не воспроизводится, и когда, поэтому, долгъ долженъ быть возвращенъ при помощи другихъ источниковъ доходовъ.

Можно ли считать капиталомъ ту плату, которая идетъ землевладѣльцу въ видѣ вознагражденія за пользованіе принадлежащей ему землей и которая обыкновенно называется рентой? Милль не считаетъ этой платы капиталомъ. „Рента, платимая за землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, говоритъ онъ, есть расходъ непроизводительный. Она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Инструменты—вещи, произведенныя трудомъ, но земля существуетъ сама собою. Плата за землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства; необходимость платить за нее заставляетъ

имѣть такое количество капиталовъ, которое больше размѣра, требуемаго естественною необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Этотъ излишекъ капитала, хотя и назначенъ своими владѣльцами на производство, употребляется въ сущности непроизводительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ собственныхъ продуктовъ." Ученіе Милля можно болѣе наглядно уяснить слѣдующимъ образомъ. Положимъ, арендаторъ земли имѣетъ капитала 1,000 рублей; размѣры ренты—300 рублей, уплачиваемые въ началѣ года. Арендаторъ, уплатившій 300 рублей ренты, имѣетъ капитала только 700 рублей, который онъ и затрачиваетъ на производство. Такимъ образомъ эти 300 рублей не входятъ въ составъ издержекъ производства. Необходимость платить ренту заставляетъ имѣть большее количество капиталовъ, чѣмъ нужно было бы безъ платежа ренты; безъ послѣдняго условія въ приведенномъ случаѣ было бы достаточно имѣть только 700 рублей для полученія того же количества продуктовъ, для полученія котораго, при существованіи ренты, необходимо имѣть 1,000 рублей. Вотъ почему Милль и не считаетъ имущества, входящаго въ составъ ренты, капиталомъ. Съ этимъ воззрѣніемъ мы не можемъ согласиться. Нельзя утверждать, что плата за землю не входитъ въ составъ издержекъ производства. Плата за землю есть плата за пользованіе производительными силами природы, заключенными въ землѣ и состоящими въ частной собственности, безъ существованія которой разумное производство не мыслимо; 300 рублей ренты, о которой мы говорили, существуютъ во все время производства въ ихъ эквивалентѣ—производительныхъ силахъ земли. Плата эта ежегодно воспроизводится не изъ 700 рублей, то есть не изъ оставшейся части имущества арендатора, но изъ производительныхъ силъ земли; она является вполнѣ производительною затратою и затраченная такимъ образомъ сумма должна считаться капиталомъ.

Можно ли считать капиталомъ то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріалъ? „Предположимъ, говоритъ Милль, что налагается пошлина на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, на примѣръ, облагается пошлиной матеріалъ. Фабрикантъ долженъ платить пошлину до начала производства, и потому долженъ имѣть большую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно было бы имѣть безъ этой пошлины. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны:

часть имущества, назначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ.“ Никто не сомнѣвается, что то имущество, которое входитъ въ составъ налога на матеріалъ, необходимый для производства, представляетъ собою вычетъ изъ капитала фабриканта; если бы налога такого не было, то фабрикантъ могъ бы пріобрѣтать большее количество матеріала для своего производства. Нѣтъ сомнѣнія никакого, что налогъ на доходъ, получаемый въ результатѣ производства, выгоднѣе для общества, чѣмъ налогъ на матеріалъ производства. Но все это еще не даетъ права отрицать капиталистическій характеръ у имущества, входящаго въ составъ пошлины на матеріалъ. Когда пошлина эта истрачивается непроизводительно, когда она такимъ образомъ пропадаетъ для общества, только тогда мы не можемъ считать ее капитоломъ. Когда же она производительно употребляется, тогда ущербъ, произведенный уменьшеніемъ капитала фабриканта, восполняется; то, что было бы безъ существованія пошлины произведено фабрикантомъ, производится быть можетъ въ иномъ видѣ лицами, употребляющими имущество, входящее въ составъ пошлины.

И такъ, отличительная черта капитала—воспроизводство; что не воспроизводится въ результатѣ употребленія, то не можетъ считаться въ реэстрѣ народныхъ капиталовъ.

В. Рошеръ называетъ капиталомъ всякое произведеніе, которое предназначено къ полученію новыхъ произведеній. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ онъ насчитываетъ слѣдующіе роды имуществъ, изъ которыхъ слагается народный капиталъ. 1) Поземельныя улучшенія, каковы на прим. осушительныя или оросительныя сооруженія, ограды и т. п. 2) построенія, предназначенныя къ производству, храненію произведеній и лучшенію естественныхъ путей сообщеній; 3) инструменты, машины и утварь (Geräthe), необходимая для пользованія производителей; 4) полезныя животныя, разводимыя человѣкомъ; 5) произведенія, какъ матеріалъ добыванія новыхъ произведеній, наприм. сѣмена; 6) произведенія, необходимыя для производства, но не входящія въ новые продукты какъ ихъ составныя части, наприм. порохъ для охоты; 7) средства содержанія лицъ, занимающихся производствомъ; 8) торговые запасы; 9) деньги и 10) нематеріальныя имущества, (unkörperliche kapitalien, Quasikapitalien по Шмитгеннеру) ([3]).

Попытка Рошера, какъ и вообще всякая попытка опредѣлить точнымъ образомъ, какія вещи входятъ въ составъ капитала и какія не входятъ, не можетъ быть признана удовлетворительною. Дѣло въ томъ, что различіе между капиталомъ и не капиталомъ, какъ основательно замѣтилъ Милль, заключается не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употребить имущество на ту или другую цѣль. Одно и тоже имущество можетъ быть капиталомъ и не быть имъ, смотря по тому, къ какому употребленію назначаетъ его владѣлецъ. Если это имущество употребляется производительно, оно капиталъ; въ противномъ случаѣ, оно перестаетъ быть капиталомъ. Самъ же Милль впадаетъ въ заблужденіе, сдѣлавъ попытку опредѣленія того, какое именно имущество, входящее въ составъ заработной платы, должно считаться капиталомъ. Онъ говоритъ, что значительная часть этого имущества не можетъ считаться капиталомъ. „Тотъ излишекъ заработной платы, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни, составляетъ не содержаніе труда, но его вознагражденіе. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, которая превышаетъ то, что разсчетливый рабовладѣлецъ даетъ на содержаніе своему рабу". Излишекъ этотъ, по мнѣнію Милля, не составляетъ капитала. Если рабовладѣлецъ даетъ своему рабу въ теченіи года имущества на 50 р. и этой суммы достаточно для поддержанія жизни раба; если, далѣе, свободный работникъ получаетъ въ годъ 100 рублей, то излишекъ отъ платы, получаемой рабомъ, составляетъ уже не то, что необходимо для содержанія, но вознагражденіе за трудъ. Излишекъ этотъ не необходимъ для содержанія, слѣдовательно безъ него возможно было бы обойтись въ производствѣ, почему онъ и не составляетъ капитала въ строгомъ смыслѣ этого слова. Утверждая это, Милль не обратилъ вниманія на то, что увеличеніе заработной платы усиливаетъ энергію труда и увеличиваетъ производство. Та часть заработной платы, которая превышаетъ уровень необходимыхъ средствъ для содержанія рабочаго, можетъ быть названа капиталомъ, такъ какъ она увеличиваетъ производительность труда и такимъ образомъ не изчезаетъ безслѣдно, но воспроизводится и почти всегда воспроизводится съ излишкомъ.

Считая воспроизводство отличительною чертою капитала, мы должны сдѣлать слѣдующую оговорку. Имущество иногда можетъ не находить для себя въ продолженіи извѣстнаго времени производитель-

наго употребленія. Такъ имущество, годное для содержанія производительныхъ рабочихъ, иногда можетъ оставаться безъ производительнаго употребленія по недостатку рабочихъ. Капиталъ фабриканта, состоящій въ промышленныхъ постройкахъ, машинахъ и орудіяхъ производства, можетъ нѣкоторое время оставаться безъ употребленія вслѣдствіе недостачи матеріала, обрабатываемаго на фабрикѣ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ имущество остается капиталомъ, но капиталомъ мертвымъ, какъ выражается Милль, или покоющимся, какъ выражается Рошеръ.

Изъ понятія о воспроизводствѣ, какъ отличительной чертѣ капитала, слѣдуетъ, что всякое имущество, представляющее собою капиталъ, должно быть признано активнымъ факторомъ производства. Имущество перестаетъ быть капиталомъ, когда въ результатѣ употребленія возстановленіе его производится на счетъ другихъ источниковъ. Въ научномъ понятіи о капиталѣ, такимъ образомъ, содержится понятіе о его производительности, о его возстановляемости не изъ постороннихъ источниковъ, но изъ собственныхъ силъ, участвующихъ въ производствѣ наравнѣ съ трудомъ человѣка и силами природы. Въ этомъ отношеніи научное понятіе о капиталѣ существенно отличается отъ частно-хозяйственнаго, по которому является капиталомъ все, что только даетъ какимъ бы то ни было образомъ доходъ. Если считать капиталомъ всякое имущество, которое частному лицу приноситъ доходъ не изъ собственныхъ силъ, то производительность уже не можетъ считаться принадлежностью капиталовъ; ея нѣтъ тамъ, гдѣ не существуетъ воспроизводимости. Это различіе между частно-хозяйственнымъ и обще-хозяйственнымъ, единственно научнымъ, опредѣленіемъ капитала игнорируется нѣкоторыми писателями. Между тѣмъ, благодаря смѣшенію ихъ, до настоящаго времени существуетъ экономическая школа, отвергающая производительное значеніе капиталовъ. Послѣдователи этой школы считаютъ, что капиталъ не можетъ быть названъ самостоятельнымъ факторомъ производства, что онъ представляетъ собою только условіе для обнаруженія производительныхъ силъ человѣка и природы. Домъ, говорятъ намъ, не строитъ новыхъ домовъ, но онъ необходимъ для плотника, строющаго дома. Капиталъ—необходимая принадлежность производительныхъ силъ, но самъ ничего не производитъ, подобно тому, какъ старый домъ не строитъ новыхъ домовъ.

Намъ кажется странною мысль доказывать производительность капитала; его производительность очевидная истина для всякаго, кто не смѣшиваетъ обыденныхъ опредѣленій съ научными и кто не закрываетъ глазъ предъ дѣйствительностью, указывающею на капиталъ, какъ на ту великую силу, благодаря которой человѣческій міръ получилъ возможность такого развитія, какого мы не видимъ въ другихъ сферахъ жизни. Капиталъ служитъ съ одной стороны къ поддержанію и усиленію производительности труда, а съ другой къ поддержанію и усиленію производительной дѣятельности природы. Примѣромъ перваго могутъ служить орудія, какъ механизмы, приводимые въ движеніе человѣкомъ и часто замѣняющіе его члены. Животное роетъ землю непосредственно своими членами; человѣкъ передалъ эту дѣятельность заступу и такимъ образомъ увеличилъ силу ноги своей. Животное ловитъ добычу непосредственно своими членами; человѣкъ изобрѣлъ для этого лукъ, ружье и другія орудія, безконечно увеличивающія его силу сравнительно съ силами животныхъ. Всѣ подобнаго рода капиталы служатъ къ увеличенію и поддержанію силъ трудоваго организма (1). Наоборотъ машины, какъ механизмы, въ которыхъ главная дѣйствующая сила не человѣкъ, но силы природы, наприм. вода, вѣтеръ, паръ, служатъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ увеличенія служебности человѣку силъ природы. Безъ дѣятельности капитала человѣкъ былъ бы рабомъ природы, каковымъ мы и находимъ его на низшихъ ступеняхъ развитія. Какъ увидимъ ниже, капиталъ въ сущности своей представляетъ собою знаніе человѣка, принявшее вещественную форму, которая, разрушаясь, воспроизводится и увеличивается, передается отъ одного поколѣнія другому, представляя собою постоянно увеличивающійся фондъ общественнаго благосостоянія. Нужно крайнее пристрастіе къ предвзятымъ теоріямъ, чтобы отрицать производительное значеніе такой важной во всѣхъ отношеніяхъ силы. Конечно, домъ самъ по себѣ ничего не производитъ, но самъ по себѣ ничего не производитъ и трудъ. Дѣло въ томъ, что для экономическаго произведенія необходимы три фактора: природа, трудъ и капиталъ. Только взятые вмѣстѣ эти факторы обнаруживаютъ свою производительность. Домъ, какъ капиталъ, является производительнымъ факторомъ, подобно другимъ факторамъ производства. Онъ, наприм. поддерживаетъ животную теплоту и предохраняетъ организмъ отъ вредныхъ вліяній. Въ первомъ случаѣ онъ представляетъ собою положительную производящую силу, во второмъ

сберегаетъ растрату труда. Самъ по себѣ онъ ничего не производитъ, но также и заступъ ничего не производитъ самъ по себѣ, хотя въ соединеніи съ трудомъ онъ значительно увеличиваетъ результаты производства. Сами по себѣ ни лукъ, ни ружье ничего не производятъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они не оказываютъ никакого вліянія на результаты охоты, что весь результатъ послѣдней достигается только руками человѣка.

(1) Воспроизводимость, какъ существенная черта капитала, придаетъ послѣднему характеръ внутренняго постоянства, не смотря на внѣшнюю его измѣняемость, вслѣдствіе чего капиталъ представляетъ собою какъ бы родъ метапсихозы. „Если земледѣлецъ, наприм. мѣняетъ мѣру хлѣба на барана или на какое-нибудь полевое орудіе, то богатства, находившіяся въ его распоряженіи, измѣняютъ свой видъ; они состоятъ уже изъ другихъ предметовъ, но чрезъ это полезность и цѣнность ихъ, можетъ быть, не увеличились и не уменьшились. Это отвлеченіе нѣкоторой суммы полезностей или цѣнностей, существованіе которой всегда связано съ существованіемъ матеріальнаго богатства, но которая, однакожъ, имѣетъ законы продолжительности, увеличенія и уменьшенія, совершенно независимые отъ законовъ, ксимъ подчинены тѣ или другіе матеріальные предметы, получило особое названіе: его называютъ капиталомъ". К. Сенёль. Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе стр. 14. (2) Осн. пол. экон. т. 1, кн. 1. гл. IV. (3) Die Grundl. der. Nationalökon. § 42. (4) Въ финской поэмѣ „Калевала" лыжи называются „братьями ноги", а лукъ, стрѣла и копье—„товарищами руки".

§ 2. Капиталы раздѣляются на двѣ категоріи, на *постоянные* или *основные* и *оборотные* или *движимые*.

А. Смитъ къ категоріи постоянныхъ относилъ такіе капиталы, которые приносятъ доходъ, не перемѣняя своего владѣльца, не уходя изъ рукъ въ другія руки; наоборотъ, къ категоріи оборотныхъ, по его мнѣнію, относятся капиталы, приносящіе доходъ посредствомъ обмѣна. Машины могутъ приносить доходъ безъ перемѣны ихъ владѣльца, прямымъ употребленіемъ ихъ въ дѣло; въ этомъ случаѣ онѣ считаются постояннымъ капиталомъ. Но машина можетъ принесть доходъ и инымъ образомъ; владѣлецъ можетъ продать ее и такимъ образомъ получить прибыль; здѣсь машина приноситъ доходъ тѣмъ, что переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, перемѣняетъ своего владѣльца и поэтому является оборотнымъ капиталомъ (1).

Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи экономическая наука пришла къ отрицанію этого ученія. Весьма легко замѣтить, что, по

воззрѣнію А. Смита, источникомъ дохода, приносимаго оборотнымъ капиталомъ, не можетъ считаться производство, но обмѣнъ. Между тѣмъ посредствомъ обмѣна доходы только распредѣляются, а не производятся. Если въ результатѣ производства не созданъ доходъ, то онъ не можетъ быть пріобрѣтенъ посредствомъ обмѣна по той простой причинѣ, что контрагенты обмѣна не имѣютъ его. Не обмѣнъ, но лишь производство можетъ быть источникомъ доходовъ или прибылей какъ на постоянный, такъ и на оборотный капиталы.

По ученію Д. Рикардо (2), оборотнымъ капиталомъ называется такой, который быстро разрушается и требуетъ безпрерывнаго возобновленія, постояннымъ же такой, который медленно разрушается. Пивоваръ, машины и строенія котораго долговѣчны, обладаетъ постояннымъ капиталомъ; напротивъ того, сапожникъ, капиталъ котораго состоитъ въ пищѣ, выдаемой рабочимъ, владѣетъ оборотнымъ капиталомъ. Точнѣе формулируя это воззрѣніе Рикардо, въ настоящее время экономисты къ категоріи оборотныхъ капиталовъ относятъ такіе, которые, служа производству, исполняютъ свое назначеніе въ одинъ разъ въ противоложность постояннымъ, могущимъ служить производству много разъ, не измѣняя своей формы. „Сало и поташъ, изъ которыхъ дѣлается мыло, говоритъ Милль, разъ пошедши въ дѣло перестаютъ быть поташемъ и саломъ, и въ другой разъ уже не годятся на выдѣлку мыла, хотя въ новой своей формѣ мыла могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ для другихъ отраслей фабрикаціи. Капиталъ, исполняющій такимъ способомъ въ одинъ только разъ все свое дѣло въ производствѣ, на которое обращенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Другіе капиталы имѣютъ болѣе прочный характеръ, ихъ дѣятельность не истощается однимъ разомъ употребленія ихъ въ дѣло. Сюда принадлежатъ зданія, машины и всѣ или почти всѣ вещи, называемыя инструментами, сюда принадлежатъ прочныя улучшенія земли. Капиталъ, существующій въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращаемый продуктами въ теченіи продолжительнаго времени, называется постояннымъ или основнымъ капиталомъ.“

Указанное различіе между оборотными и постоянными капиталами имѣетъ важное практическое значеніе. Оборотный капиталъ воспроизводится сполна въ результатѣ одной операціи, возстановляется каждый разъ по окончаніи производства, принося прибыль; постоянный же, не разрушаясь одной операціей, возстановляется или вос-

производится по частямъ: если машина служитъ сто лѣтъ для производства, то ежегодно возстановляется только $^1/_{100}$ часть ея стоимости. Изъ этого слѣдуетъ, что превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный можетъ быть вредно для людей, живущихъ заработною платою. Частные случаи такого вреда были возведены нѣкоторыми экономистами въ законъ. Такъ, по ученію Рикардо, превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный ведетъ къ уменьшенію валоваго продукта страны и такимъ образомъ наноситъ вредъ рабочему классу, такъ какъ нѣкоторые изъ его членовъ остаются безъ заработковъ и „часть населенія становится излишнею въ сравненіи съ фондами на употребленіе его въ дѣло.“ Положимъ, землевладѣлецъ употребляетъ капиталъ въ размѣрѣ 200 рублей на содержаніе рабочихъ, какой капиталъ даетъ прибыли $10^0/_0$. Въ результатѣ производства нашъ землевладѣлецъ имѣетъ общаго или валоваго дохода 200 рублей; для простоты вывода мы не беремъ въ разсчетъ другихъ издержекъ, наприм. издержекъ въ видѣ сѣмянъ. На слѣдующій годъ этотъ землевладѣлецъ изъ своего капитала половину употребляетъ на прочныя земледѣльческія улучшенія; въ это время онъ имѣетъ уже только 100 рублей на содержаніе рабочихъ. Половина прежняго количества рабочихъ въ этомъ случаѣ остается безъ заработка. Но измѣнилось ли положеніе самаго землевладѣльца? Нисколько, его чистый доходъ, которымъ лишь онъ и заинтересованъ, остается прежній, хотя измѣняется валовой. Считая прибыли $10^0/_0$, онъ получитъ 20 р. чистаго дохода на весь свой капиталъ; сверхъ того, его оборотный капиталъ, затраченный на содержаніе рабочихъ, въ результатѣ производства весь возстановляется, наконецъ, если новый его постоянный капиталъ служитъ производству 50 лѣтъ, то ежегодно возстановляется только $^1/_{50}$ часть его или 2 рубля. Такимъ образомъ этотъ здмлевладѣлецъ имѣетъ валоваго дохода только 122 р., вмѣсто прежнихъ 220 рублей. Очевидно всякому, что отъ этого измѣненія нисколько не ухудшилось положеніе земледѣльца, онъ получаетъ свой прежній чистый доходъ, которымъ живетъ; измѣненіе состоитъ лишь въ томъ, что одна часть 200 рублей, прежде цѣликомъ расходовавшихся на содержаніе рабочихъ, теперь заключена въ землю, но приноситъ прежній доходъ. Землевладѣльцу нѣтъ дѣла до того, потребляется ли его капиталъ рабочимъ, или заключается въ землю: въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково не пользуется самимъ капиталомъ, а только прибылью. Положеніе на-

шего землевладѣльца не измѣнилось, хотя ухудшилось положеніе рабочихъ. Въ дѣйствительности положеніе этого землевладѣльца можетъ даже улучшиться. Оборотный капиталъ, превращенный въ постоянный въ видѣ поземельныхъ улучшеній, увеличиваетъ плодородіе земли, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ можетъ почучать большій чистый доходъ. Капиталъ, затраченный на поземельныя улучшенія, даетъ, положимъ, 15% прибыли; въ такомъ случаѣ валоваго дохода будетъ 127 рублей, а чистаго 25 рублей. Валовой доходъ хотя и меньше сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не были производимы улучшенія въ землѣ, но чистый доходъ, какъ видимъ, можетъ увеличиться. Улучшеніе, произведенное превращеніемъ оборотнаго капитала въ постоянный, можетъ быть выгодно для капиталистовъ, будучи въ то же время вредно для рабочихъ.

Развивая свою мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, Рикардо представляетъ слѣдующій примѣръ. Положимъ, говоритъ онъ, примѣняется машина въ суконной промышленности; по введеніи машиннаго производства было бы произведено менѣе сукна, ибо предприниматель не сталъ бы нуждаться болѣе въ той части этого количества, которая предназначалась на уплату большему числу рабочихъ. Могутъ возразить, что спросъ на сукно будетъ прежній, но кто заявилъ бы этотъ спросъ? Фермеры и другіе производители необходимихъ предметовъ, которые употребляли свои капиталы на производство этихъ товаровъ съ цѣлію пріобрѣсти за нихъ сукно; они отдавали хлѣбъ и другіе предметы необходимости суконному фабриканту за сукно, а послѣдній доставлялъ ихъ своимъ рабочимъ за сукно, которое производили они для него. По введеніи машинъ, фабрикантъ не нуждается болѣе въ прежнемъ количествѣ пищи для содержанія рабочихъ, потому что этихъ рабочихъ меньше, такъ какъ часть труда рабочихъ замѣнена трудомъ машинъ; ему нѣтъ болѣе мотивовъ производить прежнее количество сукна для полученія пищи. Производители пищи, производившіе ее для обмѣна на сукно, теперь не могутъ получать послѣднее посредствомъ прежняго способа употребленія своихъ капиталовъ. Въ данномъ случаѣ „спросъ на трудъ уменьшился бы и товары, необходимые для поддержанія труда, производились бы въ меньшемъ количествѣ“ (3).

Не отрицая частныхъ случаевъ вреднаго дѣйствія превращеній оборотныхъ капиталовъ въ постоянные, современная экономическая

наука не возводитъ такихъ случаевъ въ непреложный законъ. Превращенія эти обыкновенно производятся въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существуетъ обиліе капиталовъ и трудъ дорогъ; слѣдовательно, они происходятъ не въ бѣдныхъ, но богатыхъ странахъ. Въ такихъ странахъ превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный производится или на счетъ мертвыхъ капиталовъ, или на счетъ доходовъ. Милль говоритъ, что едвали можно найти хотя одинъ примѣръ значительнаго увеличенія постояннаго капитала въ такой странѣ и въ такое время, когда не возрастаетъ быстро оборотный капиталъ; что усовершенствованія очень рѣдко или даже никогда не дѣлаются на капиталъ, извлекаемый изъ существующаго производства, а совершаются обращеніемъ на нихъ возрастанія капитала. Если же такъ, то, по общему правилу, превращеніе оборотныхъ капиталовъ въ постоянные не сопровождается печальными послѣдствіями. Печальныя послѣдствія такого превращенія появляются только тогда, когда оно производится на счетъ уже занятаго оборотнаго капитала. Вотъ почему въ странахъ недостаточно развитыхъ въ экономическомъ отношеніи и, поэтому небогатыхъ капиталами, машины вызываютъ вполнѣ основательныя жалобы со стороны рабочихъ. Но и здѣсь введеніе машиннаго производства, какъ и всякое превращеніе оборотнаго капитала въ постоянный, сокращающее трудъ, будучи въ первое время вредно для рабочихъ, впослѣдствіи становится выгоднымъ для всѣхъ. Когда вводятся усовершенствованные способы производства, тогда обыкновенно понижаются цѣны продуктовъ, производимыхъ этими усовершенствованными способами; у потребителей вслѣдствіе этого происходитъ сбереженія и является возможность постепеннаго накопленія капиталовъ. Пусть въ бумажномъ производствѣ чрезъ приложеніе машинъ фабриканты пришли въ состояніе выдѣлывать свой товаръ съ употреблетолько $^1/_{10}$ части прежнихъ расходовъ. Тогда бумажный товаръ будетъ продаваться за $^1/_{10}$ часть прежней цѣны, вмѣстѣ съ чѣмъ у потребителей остается $^9/_{10}$ отъ денегъ, которыя прежде тратились на этотъ предметъ, а у производителей $^9/_{10}$ свободнаго капитала. Въ такомъ положеніи вещей потребители увеличиваютъ свой спросъ или на бумажныя вещи, если не были достаточно ими снабжены, или же на другіе предметы. Для удовлетворенія этого новаго спроса производство вещей соотвѣтственно возрастаетъ, для чего употребляется упомянутый капиталъ, сдѣлавшійся свободнымъ. Съ увеличеніемъ производства

увеличивается и спросъ на рабочихъ, вслѣдствіе чего тѣ рабочіе, которые были лишены заработка, снова находятъ примѣненіе своей рабочей силы и заработокъ ([4]). Въ однихъ случаяхъ такое увеличеніе спроса на трудъ наступаетъ медленно, въ другихъ же оно является очень быстро. Въ послѣднемъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе грандіозный фактъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный, совершившагося съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. До этого изобрѣтенія множество лицъ занималось перепиской книгъ, какъ ремесломъ, доставлявшимъ средства къ существованію. Съ появленіемъ книгопечатанія это ремесло переписчиковъ само собою уничтожилось, но отъ этого не могли пострадать представители самаго ремесла. Благодаря книгопечатанію, книги сдѣлались продуктомъ дешевымъ, вслѣдствіе чего увеличился спросъ на нихъ и ихъ производство; увеличеніе производства создало значительный спросъ на трудъ людей, занимающихся приготовленіемъ орудій и машинъ, употребляемыхъ для печатанія, а также непосредственно занимающихся этимъ дѣломъ печатанія книгъ. Этотъ видъ превращенія оборотнаго капитала въ постоянный служитъ прекрасной иллюстраціей того, въ какой степени можетъ увеличиваться спросъ на трудъ по прошествіи нѣкотораго времени, необходимаго для увеличенія спроса на товары и увеличенія производства ихъ. Въ настоящее время количество лицъ, непосредственно занимающихся печатаніемъ книгъ, въ громадныхъ размѣрахъ превосходитъ число прежнихъ переписчиковъ.

Наконецъ, необходимо не забывать, что превращеніе оборотняго капитала въ постоянный во многихъ случаяхъ сопровождается еще болѣе значительнымъ освобожденіемъ части оборотныхъ капиталовъ страны. Это въ особенности необходимо сказать относительно постройки желѣзныхъ дорогъ; здѣсь затрата оборотнаго капитала одновременно сопровождается громаднымъ освобожденіемъ тѣхъ долей оборотныхъ капиталовъ, которыя затрачивались на проѣздъ и перевозку по простымъ дорогамъ. Сопоставляя тарифы желѣзныхъ дорогъ съ платою за гужевую перевозку, находимъ, что во Франціи перевозка по желѣзнымъ дорогамъ въ 4 раза дешевле, въ Англіи—въ 7 разъ; перевозка по каналамъ въ среднемъ выводѣ стоитъ вдвое дороже желѣзнодорожной. Но еще большее сбереженіе замѣчаемъ относительно времени. Высшій предѣлъ быстроты проѣзда лошадьми—12 верстъ въ часъ; таково движеніе лучшихъ дилижансовъ Англіи и Франціи. Между

тѣмъ высшій предѣлъ переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ около 84 верстъ въ часъ; въ Англіи, въ которой существуетъ самое быстрое желѣзно-дорожное движеніе, экспрессы или курьерскіе поѣзда проходятъ отъ 74 до 84 верстъ въ часъ (5). Изъ этого видно, какое громадное сбереженіе оборотнаго капитала, необходимаго для сношеній по простымъ дорогамъ, происходитъ одновременно съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, то есть съ превращеніемъ части оборотнаго капитала страны въ постоянный. Французскій экономистъ М. Шевалье, спеціально занимавшійся вопросомъ объ увеличеніи производительности подъ вліяніемъ машинъ, представляетъ слѣдующіе примѣры сбереженія времени. Пріобрѣвшая ловкость женщина, дѣлая чулки, производитъ въ минуту 80 стежекъ или петель, тогда какъ при помощи особаго орудія можетъ производить 480.000 стежекъ въ минуту, т. е. отношеніе равняется 1: 6000. Работа молотья хлѣба на мельницѣ сравнительно съ работой ручнымъ орудіемъ равняется отношенію 1 къ 150. По Вильсону и Виллеру, для приготовленія рубашки необходимо 14 часовъ и 26 минутъ простаго труда, а при помощи машины достаточно 1 часа и 16 минутъ. Въ послѣднемъ случаѣ работница дѣлаетъ 640 стежекъ въ минуту, между тѣмъ какъ въ первомъ всего 23, т. е. въ 28 разъ меньше (6).

Имѣя въ виду эти факты уменьшенія затратъ производства, Молинари говоритъ, что промышленный прогрессъ имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ уменьшеніе неравенства условій въ положеніи разныхъ классовъ общества, т. е. производитъ „демократизацію богатства и цивилизаціи“. Какъ бы ни былъ богатъ путешественникъ, назадъ тому сто лѣтъ онъ не могъ сдѣлать болѣе 15—20 километровъ въ часъ, теперь же богатый и бѣдный могутъ дѣлать по 40, 50, 60 километровъ. Съ учрежденіемъ почтъ богатый и бѣдный за одинаковую плату имѣютъ возможность дешево и регулярно сноситься съ другими. Съ изобрѣтеніемъ фотографіи каждый можетъ имѣть свой портретъ, что прежде было доступно только богатымъ. Бѣдные въ этомъ прогрессѣ выигрываютъ болѣе, чѣмъ богатые. Этотъ процессъ, по мнѣнію Молинари, будетъ продолжаться до той поры, пока *физическій* трудъ не будетъ вполнѣ замѣненъ *механическимъ*.

(1) Richesse des Nations т. 2. стр. 5. (2) Начала политической экономіи и налоги, гл. 1. отд. 4. (3) Ibid. гл. XXXI; (4) Горловъ, нач. пол. экон.

т. 1., стр. 219. (5) А. Чупровъ. Желѣзно-дорожное хозяйство, кн. 1., гл 1. (6) L'évolution écononomique du XIX siècle. par M. Molinari. Jour. des écon. 1887. Janvier., стр. 15. (2) Ibid стр. 18.

§ 3. Уясняя значеніе и свойства капитала, Милль констатируетъ слѣдующія теоремы: а) размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала; б) капиталъ есть результатъ сбереженія; в) хотя капиталъ есть результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе онъ употребляется, и г) спросъ на товары не есть спросъ на трудъ.

а) Размѣръ промышленности, говоритъ онъ, не можетъ быть больше того, на сколько она снабжена необходимыми матеріалами и пищею для прокормленія. Эта истина такъ очевидна, что многими принимается за безспорную въ разговорной рѣчи. Но многіе думаютъ, что можно создать промышленность, не создавая капитала. Думаютъ, напримѣръ, что когда правительство запрещаетъ ввозъ какого нибудь иностраннаго товара и этотъ товаръ начинаетъ производиться въ странѣ, то этимъ страна обогащается, такъ какъ создается, сверхъ существующихъ уже, новая отрасль промышленности. „Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новоприобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ знаніе въ новомъ дѣлѣ".

Можно считать безусловной истиной, что размѣръ народной промышленности ограничивается размѣромъ существующаго капитала, что промышленность не можетъ быть болѣе капитала; рабочихъ не можетъ быть больше того, сколько возможно ихъ содержать запасами приготовленной пищи; утилизированіе силъ природы не можетъ быть больше того, что допускается существующими орудіями и количествомъ рабочихъ, обусловливающимся размѣромъ существующаго капитала. Тѣмъ не менѣе нельзя согласиться съ положеніемъ Милля, что правительство своими запретительными законами не можетъ увеличивать размѣровъ народной промышленности. Оно не можетъ ихъ увеличивать только въ томъ случаѣ, когда уже весь существующій

капиталъ занятъ, когда такимъ образомъ нѣтъ капитала для новой отрасли промышленности. Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно новая отрасль промышленности можетъ образоваться не иначе, какъ отнятіемъ части или даже всего капитала у другой отрасли существующаго производства, которая вслѣдствіе этого или уменьшается или вовсе уничтожается. Созданная при подобныхъ условіяхъ новая отрасль промышленности не увеличиваетъ народнаго богатства; размѣръ народной промышленности остается прежній. Но врядъ ли существуетъ гдѣ либо такая страна, въ которой бы весь капиталъ былъ приложенъ къ производству, въ которой бы не было покоющихся или ищущихъ занятій капиталовъ. Самъ же Милль говоритъ: „Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобы онъ всегда достигалъ этого предѣла". Можетъ случиться, что нельзя найти рабочихъ, которыхъ могъ бы содержать существующій капиталъ; часто капиталъ не употребляется въ дѣло лишь потому, что владѣльцы его не могутъ конкуррировать съ иностранными производителями. Вообще много данныхъ указываютъ на то, что въ каждой странѣ находятся незанятые капиталы. Когда правительство запрещаетъ ввозъ иностраннаго товара, оно представляетъ возможность незанятымъ капиталамъ обратиться къ производству. Появившаяся при такихъ условіяхъ новая отрасль промышленности увеличиваетъ уровень народнаго богатства и уровень народной промышленности.

Такъ какъ размѣръ промышленности ограниченъ размѣрами капитала, то всякое увеличеніе капитала можетъ увеличивать промышленнось. Изъ этой очевидной истины Милль дѣлаетъ въ высшей степени важный въ политической экономи выводъ. Каждое увеличеніе капитала, говоритъ онъ, даетъ труду или увеличеніе занятія, или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, то даетъ прежнимъ рукамъ большую пропорцію продуктовъ и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду. Границею богатства, поэтому, не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служитъ ею недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ.

Соглашаясь съ положеніемъ, что размѣры промышленности не могутъ превышать размѣровъ капитала, мы не можемъ согласиться съ тѣми экономистами, которые утверждаютъ, что такія страны, какъ Россія, не могутъ обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ для поднятія своей промышленности, что иностранные займы необходимы странамъ мало развитымъ въ промышленномъ отношеніи. До той поры, пока въ странѣ находятся свободныя земли, нуждающіяся въ обработкѣ, и пока есть въ ней люди, нуждающіеся въ заработкѣ или вообще въ приложеніи своего труда къ производству, страна не можетъ нуждаться въ иностранныхъ капиталахъ. Добытымъ хлѣбомъ могутъ быть прокормлены рабочіе, добывающіе металлы и перерабатывающіе ихъ въ машины и орудія производства, хотя бы для лучшаго производства того же хлѣба. До той поры, пока существуетъ не занятый трудъ, а слѣдовательно, пока существуетъ нужда, возможно увеличеніе производства, направленнаго къ удовлетворенію нужды посредствомъ занятія труда. Почти всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ о необходимости иностранныхъ займовъ для привлеченія въ страну капиталовъ, страна нуждается не въ дѣйствительныхъ капиталахъ, т. е. не въ капиталахъ для производства, но въ орудіяхъ для соединенія раздѣленныхъ факторовъ производства, на прим. въ организаціи внутренняго кредита, въ деньгахъ бумажныхъ и т. п. Это въ особенности вѣрно въ примѣненіи къ нашему экономическому быту. При избыткѣ хлѣба, отправляемаго нами въ огромныхъ количествахъ за границу, между тѣмъ какъ внутри существуетъ нужда въ хлѣбѣ, Россія можетъ обойтись безъ всякихъ иностранныхъ капиталовъ, давъ надлежащее занятіе труду. До той поры, пока у насъ будетъ существовать нужда, возможно и увеличеніе производства.

б) Если бы каждый человѣкъ расходовалъ все имъ производимое, то не было бы накопленія капиталовъ. Всякій капиталъ есть результатъ сбереженія, онъ не существовалъ бы въ томъ состояніи, при которомъ все производимое потреблялось бы цѣликомъ. И сбереженіе не означаетъ непремѣнно уменьшенія въ размѣрѣ потребленія; оно состоитъ въ томъ, что производится больше, чѣмъ потребляется.

в) Хотя сбереженіе необходимо для возникновенія и накопленія капиталовъ, тѣмъ не менѣе все, что производится, потребляется. „Капиталъ поддерживается отъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всѣ составныя

части его разрушаются употребленіемъ и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала подобно возрастанію населенія. Каждый кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ; потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало вовсе на свѣтѣ до времени не далекой старины." Слово „сбереженіе" не говоритъ о томъ, что продуктъ спрятанъ, что онъ не потребляется, „оно говоритъ только то, что если сберегаемое немедленно потребляется, то не лицемъ сберегающимъ, а другимъ лицемъ. Если продуктъ отложенъ до будущаго потребленія, то нужно сказать просто, что онъ спрятанъ."

Легко замѣтить, что въ изложенныхъ двухъ теоремахъ Милль впалъ въ противорѣчіе, желая отождествить сбереженіе съ потребленіемъ. Сбереженіе есть ничто иное, какъ сохраненіе продукта отъ потребленія, значитъ, оно не тождественно съ послѣднимъ. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что сбереженіе состоитъ въ потребленіи продукта не лицемъ сберегающимъ, а другимъ лицемъ. Если согласиться съ этимъ, то необходимо признать, что накопленіе капиталовъ невозможно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ хозяинъ предпріятія и работникъ соединены въ одномъ лицѣ, каковы наприм. наши крестьяне собственники. Въ дѣйствительности капиталъ образуется и увеличивается какъ сбереженіемъ, такъ и производительнымъ потребленіемъ.

Сбереженіе, какъ экономическій дѣятель, есть результатъ предусмотрительности, существенно необходимой для возникновенія капитала. Человѣкъ замѣчаетъ, что въ одно время онъ можетъ работать и приготовлять продукты для своего прокормленія, между тѣмъ какъ въ другое время этому препятствуютъ внѣшнія условія дѣятельности. Для того, чтобы просуществовать въ холодное время года, онъ заготовляетъ средства къ существованію въ молодости. Безъ предусмотрительности такое предварительное заготовленіе не мыслимо. Есть страны въ высшей степени богатыя производительностью, но въ то же время народъ въ такихъ странахъ весьма часто живетъ въ бѣдности. Извѣстно всѣмъ плодородіе земель Новой Испаніи и въ то же время крайне необезпеченное экономическое положеніе ея туземныхъ жителей. Въ Испанскихъ колоніяхъ часто повторяютъ, что жители

жаркой полосы до тѣхъ поръ не выйдутъ изъ состоянія апатіи, въ которую они погружены уже цѣлыя столѣтія, пока банановыя деревья не будутъ истреблены по распоряженію короля. Очевидно, что одной производительности еще мало для появленія капитала. Для капитализаціи имуществъ необходима предусмотрительность, на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія едва существующая. На этихъ ступеняхъ цивилизаціи, говоритъ американскій экономистъ Рэ, у человѣка недостаетъ привычки связывать въ умѣ будущее съ настоящимъ и представлять рядъ событій, которыми они соединяются. Отсутствіе предусмотрительности представляетъ собою важнѣйшую причину бѣдности людей на этихъ ступеняхъ развитія. Подтвержденіемъ этой мысли служитъ опытъ іезуитовъ цивилизовать парагвайскихъ индѣйцевъ. Іезуиты встрѣтили въ своей попыткѣ препятствіе не въ отсутствіи трудолюбія у туземцевъ; трудолюбіе они успѣли скоро вызвать. Самымъ главнымъ препятствіемъ было отсутствіе предусмотрительности. „Если миссіонеры оставляли на ихъ собственную заботу воловъ, которыми они пахали, индѣйцы въ своей несообразительной беззаботности могли оставлять ихъ на ночь не выпряженными изъ плуга. Бывали примѣры и хуже того, индѣйцы рѣзали воловъ себѣ на ужинъ, и, слыша упрекъ за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: „намъ хотѣлось ѣсть“. Дикарь живетъ только настоящимъ; онъ рубитъ дерево, желая достать плодовъ его, не замѣчая того, что въ будущемъ лишается возможности пользоваться плодами этого дерева. Онъ не можетъ трудиться для будущаго; горизонтъ его мышленія ограничивается настоящимъ, о будущемъ онъ не думаетъ. Ясно, что при такомъ состояніи людей образованіе капиталовъ невозможно. Когда люди непредусмотрительны, сбереженія не существуетъ, не существуетъ и капитализація имуществъ.

Но считая сбереженіе необходимымъ для образованія капиталовъ, мы не должны преувеличивать его значенія, не должны распространять его вліянія на всѣ виды капитала. Сбереженіе необходимо относительно распредѣленія работъ по временамъ года, относительно существованія въ нерабочіе возрасты человѣческой жизни, относительно разныхъ случайныхъ обстоятельствъ каково, наприм. храненіе хлѣба въ общественныхъ магазинахъ на случай неурожая и т. п. обстоятельствъ. Но для массы другихъ общественныхъ явленій сбереженіе не только

не имѣетъ благотворнаго экономическаго вліянія, но часто становится даже вреднымъ.

Одного сбереженія недостаточно для развитія капитализаціи имуществъ. Ирландскій работникъ въ значительной степени бережливъ, но въ тоже время не можетъ выбиться изъ бѣдности. Во всѣ времена отсутствія общественной безопасности люди сберегали запасы, зарывали ихъ въ землю, но этимъ богатство ихъ мало увеличивалось. Капиталъ можетъ увеличиваться не иначе, какъ при производительномъ потребленіи его составныхъ частей. Машины, орудія и тому подобные виды капитала приносятъ доходъ не сбереженіемъ, но производительнымъ потребленіемъ; всякому очевидно, что сбереженіе ихъ отъ употребленія въ дѣло было бы причиною не увеличенія, но уменьшенія капитала. Наблюденіе надъ экономическими фактами современныхъ образованныхъ государствъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что большая часть существующихъ въ настоящее время капиталовъ обязана своимъ существованіемъ производительному потребленію. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно сдѣланное Миллемъ сравненіе роста капиталовъ съ ростомъ населенія. Населеніе постоянно ростетъ, постоянно увеличивается, не смотря на то, что лица, входящія въ составъ его, вовсе не существовали въ недалекомъ прошломъ. Точно также ростетъ и постепенно увеличивается капиталъ. Въ настоящее время почти не существуютъ тѣ капиталы, которыми пользовались люди назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ. Машина, бывшая вполнѣ годною для производства въ прошломъ столѣтіи, вовсе не годится для этой цѣли въ наше время. Капиталы, которыми пользуются современныя общества, будутъ не годиться для цѣлей производства будущимъ поколѣніямъ. Продукты, производимые однимъ поколѣніемъ, потребляются этимъ же поколѣніемъ или ближайшими его преемниками. Одно и только одно передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, постоянно накопляясь и увеличиваясь, это знаніе. „Каждое поколѣніе къ унаслѣдованнымъ отъ предковъ знаніямъ прибавляетъ новыя знанія, увеличивая такимъ образомъ свою власть надъ природой, экономизируя трудъ и въ результатѣ производя все больше и больше капитала, производя, но не накопляя, потому что капиталъ не пригоденъ къ накопленію, и слѣдующія поколѣнія будутъ нуждаться уже въ иныхъ орудіяхъ производства, въ иныхъ капиталахъ. Настоящій капиталъ общества, это знаніе его и власть надъ приро-

дой, и когда мы говоримъ о накопленномъ капиталѣ, мы собственно говоримъ о накопленномъ знаніи, о накопленномъ умѣньи сберегать трудъ“ (2).

г) Спросомъ на товары, говоритъ Милль, опредѣляется направленіе труда, а не самое количество его; послѣднее опредѣляется капиталомъ прямо обращеннымъ на вознагражденіе труда, то есть капиталомъ, представляющимъ собою спросъ на трудъ. Изъ этого видно, что спросъ на товары и спросъ на трудъ не одно и тоже, покупать продуктъ еще не значитъ давать занятіе труду. Положимъ, что потребитель прежде имѣлъ привычку покупать бархатъ, но потомъ онъ отказывается отъ этого расхода и начинаетъ употреблять прежнюю сумму на наемъ каменьщиковъ. Если справедливо, что спросъ на товары есть въ тоже время спросъ на трудъ, то перемѣна въ характерѣ этого расхода не даетъ новаго занятія труду, а только переноситъ занятіе отъ ткачей бархата къ каменьщикамъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ иное. Фабрикантъ бархата, послѣ того, какъ уменьшился спросъ на бархатъ, уменьшаетъ размѣры своего производства и освобождаетъ часть капитала, соотвѣтствующую размѣрамъ уменьшенія производства. Этотъ капиталъ не та сумма, которую покупщикъ сталъ употреблять на продовольствованіе каменьщиковъ; это вторая такая же сумма. Такимъ образомъ мы видимъ теперь двѣ суммы, обращенныя на вознагражденіе труда вмѣсто того, что прежде была только одна такая сумма. Тутъ не просто переносъ занятій отъ бархатныхъ ткачей къ каменьщикамъ; тутъ во первыхъ, создается новое занятіе для каменьщиковъ, а во вторыхъ переносится занятіе отъ ткачей бархата къ какимъ либо другимъ работникамъ, по всей вѣроятности къ тѣмъ, которые производятъ пищу и другіе предметы, потребляемые каменьщиками.

Положеніе, что спросъ на товары не тоже, что спросъ на трудъ, по мнѣнію Милля, равнозначительно выраженію, что человѣкъ приноситъ пользу другимъ не тѣмъ, что потребляетъ самъ, но только тѣмъ, чего не потребляетъ самъ. Если вмѣсто расхода въ 100 р. на вина, говоритъ отъ, я употребляю свои деньги на заработную плату, то спросъ на товары въ обоихъ случаяхъ равенъ: въ 1-мъ случаѣ на 100 р. требуется вина, а во 2-мъ на 100 р. требуется хлѣба и другихъ предметовъ, потребляемыхъ рабочими. Но въ первомъ случаѣ я самъ потребилъ имущество на 100 р., а во второмъ передалъ силу

своего потребленія рабочимъ. Сказать иначе значило бы сказать, что когда я потребилъ меньше прежняго, то не осталось больше прежняго на потребленіе другимъ, а это явное противорѣчіе. Въ этомъ второмъ случаѣ нельзя сказать, что человѣкъ вовсе лишается потребленія, онъ отсрочиваетъ его и на время своей отсрочки передаетъ силу своего потребленія другимъ. „Изъ всей той части продуктовъ страны, которая дѣйствительно и буквально потребляется всѣми другими ея жителями на ихъ личныя потребности, ровно ни одна доля ни малѣйшимъ образомъ не продовольствуетъ труда. Потребленіе не служитъ ни на чью пользу, кромѣ самаго человѣка, который потребляетъ". Иногда увеличеніе потребленія извѣстнаго товара, то есть увеличеніе спроса на извѣстный товаръ, дѣйствительно имѣетъ слѣдствіемъ своимъ, что въ отдѣльной отрасли промышленности, прежній капиталъ даетъ больше занятія труду. Но при этомъ обыкновенно не замѣчаютъ другаго обстоятельства: эта выгода приносится труду и капиталу въ одной отрасли промышленности только отнятіемъ такой же выгоды у другой отрасли.

Научный анализъ отношеній между производствомъ и потребленіемъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Милль правъ, но только односторонне. Онъ вполнѣ правъ, говоря, что если спросъ на товаръ есть спросъ на трудъ, то въ приведенномъ выше случаѣ перемѣны въ характерѣ расходованія капиталовъ не можетъ быть увеличенія ни капитала, ни занятій, а только простое перенесеніе ихъ изъ одной отрасли промышленности въ другую. Въ дѣйствительности весьма часто происходитъ увеличеніе и занятій и капитала, слѣдовательно весьма часто бываетъ, что спросъ на продуктъ не одно и тоже, что спросъ на трудъ. Но такіе случаи представляютъ собою исключеніе изъ общаго правила, а не общее правило. Милль свою теорему основалъ именно на такихъ исключительныхъ случаяхъ. Это очевидно изъ слѣдующихъ его словъ: „спросъ, отложенный до окончанія дѣла, не дѣлающій никакой затраты на производство, а только уплачивающій затраты, сдѣланныя другими, ни мало не составляетъ спроса на трудъ". Это вполнѣ вѣрно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что по общему правилу спросъ на товары не даетъ занятія труду. Къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, когда человѣкъ можетъ покупать, ничего не производя, теорема Милля вполнѣ приложима. Но не могутъ же всѣ члены общества жить такимъ образомъ. Для производительныхъ людей

спросъ на товары есть и условіе и причина занятій труда. При настоящемъ состояніи производства взаимное потребленіе продуктовъ труда есть необходимое условіе для занятія труда. Коль скоро прекращается потребленіе, прекращается сбытъ, прекращается и производство. Взаимность потребленія продуктовъ разнообразныхъ занятій представляетъ собою ничто иное, какъ взаимность спроса на продукты, взаимность сбыта ихъ, безъ котораго невозможно производство. Человѣкъ приноситъ пользу другимъ своимъ собственнымъ потребленіемъ. Я произвожу пшеницу и желаю пріобрѣсть рожь; другой человѣкъ производитъ рожь и желаетъ пріобрѣсть пшеницу. Взаимная нуждаемость порождаетъ обмѣнъ взаимно спрашиваемыхъ продуктовъ, каждый изъ насъ потребляетъ часть продуктовъ, производимыхъ другимъ. Это потребленіе продуктовъ другаго приноситъ пользу каждому же изъ насъ, представляя собою рынокъ для сбыта произведеній. Изъ этого видно, что спросъ на товары является спросомъ на нашъ трудъ. При мѣновомъ хозяйствѣ спросъ на трудъ овеществляется въ спросѣ на продукты. Къ такимъ общественно-хозяйственнымъ фактамъ относится положеніе Кэри, что каждый актъ потребленія есть въ то же время актъ производства, что экономическая жизнь представляетъ собою безконечный кругъ, въ которомъ производство и потребленіе исчезаютъ другъ въ другѣ. Въ сферѣ этихъ общественно-хозяйственныхъ фактовъ спросъ на товары есть въ тоже время спросъ на трудъ.

(1) Осн. пол. экон. т. 1. кн. 1. гл. V. (2) Е. де Роберти. Политико-экон. этюды, стр. 92—93.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Организація производства.

Изъ совмѣстной дѣятельности основныхъ элементовъ производства слагаются предпріятія, общественный организмъ которыхъ имѣетъ свои естественные законы, исключающіе всякій произволъ и искуственную организацію. Законами этими регулируются объемъ, форма и содержаніе всѣхъ предпріятій, направленныхъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Другими словами, всѣ стороны общественнаго организма предпріятій одинаково исключаютъ произволъ, одинаково устраняютъ утопическіе проекты искуственныхъ организацій, какъ основанныхъ на произволѣ и хаотическихъ воззрѣніяхъ разнообразныхъ прожектеровъ. Политическая экономія изучаетъ этого характера естественные законы объема, формы и содержанія предпріятій.

I. Объемъ предпріятій.

Одиночество и хозяйство—понятія взаимно противоположныя. Люди соединяютъ свои усилія для достиженія общихъ цѣлей тождественными средствами, организуютъ предпріятія по закону единенія сходныхъ интересовъ и достигаютъ промышленныхъ результатовъ, достиженіе которыхъ было бы не мыслимо при разъединеніи усилій. Они соединяются вмѣстѣ для поднятія тяжести, которая не могла бы быть поднята, если бы каждый работалъ въ одиночествѣ. Они соединяютъ свои усилія для уборки въ хорошую погоду хлѣба, который могъ бы пропасть въ полѣ безъ этого соединенія усилій. Существуетъ въ обществѣ масса капиталовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности, по своей незначительности, не имѣетъ никакого хозяйственнаго зна-

ченія. Является предприниматель, который собираетъ всѣ эти капиталы въ одно цѣлое и, сами по себѣ ничтожные, капиталы эти получаютъ важное значеніе въ народной экономіи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ соединеніе промышленныхъ факторовъ вызывается необходимостью организаціи предпріятій въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, требуемыхъ самою сущностью предпріятія и недоступныхъ средствамъ одиночныхъ производителей. Съ другой стороны такое соединеніе промышленныхъ факторовъ вызывается также тѣмъ, что многія предпріятія, могущія существовать и при незначительныхъ капиталахъ, даютъ, при организаціи ихъ въ малыхъ размѣрахъ, незначительные результаты. Основной законъ, регулирующій стремленіе предпріятій къ разширенію объема, состоитъ въ томъ, что издержки занятія не возрастаютъ пропорціонально возрастанію размѣровъ его. Для уясненія этого закона возьмемъ въ примѣръ занятіе снабженія городскихъ жителей водою. Если въ городѣ 10 улицъ, то можетъ быть образовано столько же отдѣльныхъ компаній, изъ которыхъ каждая будетъ заниматься снабженіемъ водой жителей одной улицы. Очевидно, при этомъ каждая отдѣльная компанія должна будетъ имѣть отдѣльныя машины для поднятія воды, отдѣльныя зданія, отдѣльныя партіи рабочихъ, отдѣльныхъ надзирателей, распорядителей, кассировъ и т. д. Въ томъ же случаѣ, когда, вмѣсто 10 отдѣльныхъ компаній, устроивается одна, то, вмѣсто 10 отдѣльныхъ партій машинъ, 10 отдѣльныхъ зданій и т. д., достаточно все это имѣть въ двухъ и много въ трехъ экземплярахъ. Такимъ образомъ при увеличеніи размѣровъ предпріятія издержки производства не увеличиваются пропорціонально увеличенію этихъ размѣровъ. Въ почтовомъ дѣлѣ, если бы почта большаго города не была централизована въ одномъ заведеніи, а раздѣлена между нѣсколькими соперничествующими компаніями, каждая изъ этихъ компаній была бы принуждена имѣть заведеніе столь же обширное, какъ то, которое одно можетъ быть достаточно для цѣлаго города при существованіи централизаціи. Каждая компанія, говоритъ Милль, должна была бы устроить пріемъ и раздачу писемъ во всѣхъ частяхъ города, посылать почталіоновъ въ каждую улицу, почти въ каждый домъ, по столько же разъ въ день, какъ посылаетъ почтамтъ при централизаціи, иначе дѣло велось бы хуже. Каждая компанія должна была бы въ каждомъ кварталѣ имѣть контору со всѣми вспомогательными учрежденіями для сбора писемъ изъ

разныхъ конторъ и распредѣленія ихъ по кварталамъ на раздачу. Я уже не говорю о томъ, что понадобилось бы гораздо большее число высшихъ служащихъ для надзора за подчиненными, что потребовалось бы больше расходовъ на жалованье этимъ довѣреннымъ лицамъ, и по ихъ многочисленности, вѣроятно, даже пришлось бы часто быть менѣе разборчивымъ при назначеніи на эти мѣста, брать на нихъ людей, неспособныхъ исполнять свои обязанности (1). Вотъ почему увеличеніе размѣровъ производства сопровождается удешевленіемъ продуктовъ и облегченіемъ потребленія.

По мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, вопросъ о производствѣ въ большихъ и малыхъ размѣрахъ долженъ рѣшаться по примѣненію къ земледѣлію по инымъ основаніямъ, чѣмъ въ примѣненіи къ другимъ отраслямъ промышленности. Таково наприм. мнѣніе Милля, неотрицающаго, впрочемъ, нѣкоторыхъ выгодъ большихъ фермъ сравнительно съ малыми. Большой фермеръ, говоритъ онъ, имѣетъ нѣкоторую экономію въ издержкахъ по постройкахъ; помѣстить большое количество скота въ одной постройкѣ стоитъ дешевле, чѣмъ помѣщеніе его въ нѣсколькихъ постройкахъ. Существуютъ также преимущества и въ пользованіи орудіями производства; мелкому фермеру не такъ легко и удобно имѣть дорогія орудія, какъ большому. Точно также есть нѣкоторая выгода и относительно издержекъ перевоза; перевезти на рынокъ небольшое количество продукта стоитъ почти такого же труда, какъ перевезти гораздо большее количество. Перевозка на ферму малаго количества удобренія или предметовъ ежедневнаго потребленія стоитъ почти тоже, что перевозка гораздо большаго количества; притомъ и покупать вещи большими количествами бываетъ дешевле, чѣмъ малыми. Но всѣ эти выгоды не на столько велики, что бы было желательно уничтоженіе мелкихъ фермъ. Факты изъ обыденной жизни доказываютъ, что мелкія фермы могутъ давать гораздо большій валовой доходъ, чѣмъ большія. Главное преимущество первыхъ предъ послѣдними состоитъ въ томъ, что, какъ выражается Блекеръ, большой фермеръ говоритъ своимъ работникамъ: ступайте на работу, а если мелкій фермеръ нанимаетъ работниковъ, то говоритъ имъ: пойдемте на работу. Разница эта имѣетъ важное значеніе и ее нельзя забывать при сравненіи значенія большихъ и малыхъ фермъ. Одно изъ главныхъ возраженій противъ мелкихъ фермъ состоитъ въ томъ, что онѣ не могутъ содержать достаточнаго количества скота,

вслѣдствіе чего у нихъ недостаетъ удобренія и земля, раздробленная на мелкіе участки, должна постепенно истощаться. Дѣйствительность не подтверждаетъ этого воззрѣнія, а доказываетъ совершенно противное. Изобиліе скота и удобренія на мелкихъ фламандскихъ фермахъ составляетъ самую поразительную черту фламандскаго земледѣлія, которому дивятся всѣ знатоки дѣла и въ Англіи и на континентѣ. Наконецъ, для надлежащаго уясненія вопроса о значеніи обработки земли на небольшихъ участкахъ необходимо обращать вниманіе въ особенности на обработку ея мелкими поземельными собственниками. Ни одинъ наемникъ, какъ бы не была высока его заработная плата, не въ состояніи воздѣлывать землю съ такимъ стараніемъ, съ такимъ уходомъ, какъ воздѣлываетъ ее собственникъ. Вотъ тѣ мотивы, на основаніи которыхъ Милль исключаетъ земледѣліе изъ подчиненія общему закону размѣровъ производства ([2]). Легко замѣтить, что эти мотивы не основательны.

Всѣ сказанныя преимущества малыхъ фермъ и мелкой поземельной собственности существуютъ и въ другихъ отрасляхъ предпріятій, хотя въ тоже время не даютъ въ этихъ послѣднихъ отрасляхъ особенныхъ выгодъ предъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Мелкій ремесленникъ, подобно мелкому фермеру, говоритъ своимъ рабочимъ: „пойдемте на работѣ“, но при всемъ томъ онъ не можетъ производить такъ успѣшно, какъ производитъ капиталистъ, говорящій своимъ рабочимъ: „ступайте на работу“. Мелкій поземельный собственникъ усерднѣе работаетъ, чѣмъ наемщикъ; но, безъ всякаго сомнѣнія, и мелкій самостоятельный ремесленникъ усерднѣе работаетъ, чѣмъ наймитъ, между тѣмъ это не даетъ ему особаго преимущества надъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Необходимо не забывать, что большія предпріятія привлекаютъ къ себѣ образованныхъ распорядителей, а высокое спеціальное и общее образованіе вознаграждаетъ меньшую заинтересованность ихъ въ успѣхѣ предпріятія. Большія сельско-хозяйственныя предпріятія имѣютъ возможность привлекать къ себѣ такихъ образованныхъ распорядителей; а изъ этого слѣдуетъ, что въ той степени, въ какой знаніе или вообще умственное развитіе въ экономическомъ отношеніи важнѣе одного усердія, въ такой же степени большія сельско-хозяйственныя предпріятія выгоднѣе таковыхъ въ малыхъ размѣрахъ. Никто не можетъ упрекнуть нашихъ крестьянъ въ отсутствіи усердія къ труду, между тѣмъ про-

изводительность имъ принадлежащихъ земель слабѣе производительности земель помѣщичьихъ (3). Усердіе не можетъ превозмочь той экономіи въ издержкахъ производства, которая представляетъ собою неотъемлемое свойство земледѣлія въ большихъ размѣрахъ. Уже А. Юнгъ констатировалъ фактъ существованія этой экономіи; онъ считаетъ, что въ его время въ Англіи требовалась для фермы:

въ	30	акр.	по 1	рабочему	на 15	акр. и по 1 лошади на	10 акр.
„	35	„	„		$18^1/_2$	„ „	11 „
„	88	„	„		22	„ „	$14^2/_3$ „

Вотъ почему, говоря относительно, хозяйственный инвентарь въ большихъ имѣніяхъ стоитъ дешевле, чѣмъ въ малыхъ. Въ Саксоніи къ крестьянскихъ хозяйствахъ приходится на 100 акровъ $3^1/_3$ лошадей, между тѣмъ какъ въ дворянскихъ $1^1/_2$. Въ Бельгіи, въ странѣ мелкопомѣстнаго владѣнія, приходится на 100 гектаровъ 10 лошадей, между тѣмъ какъ въ Англіи всего 6. Крупный земледѣлецъ можетъ производить разнообразныя комбинаціи относительно пользованія своимъ рабочимъ скотомъ, что недоступно мелкимъ хозяевамъ; такъ наприм. на тяжелыхъ почвахъ онъ можетъ впрягать въ плугъ по 3 лошади и двумя такими плугами онъ обработаетъ вдвое большее пространство, чѣмъ мелкій хозяинъ также двумя плугами и 4 лошадьми. Торговыя сношенія сельскаго хозяина, говоритъ Рошеръ, не становятся затруднительнѣе въ такой же пропорціи, въ какой возрастаетъ количество производимыхъ имъ продуктовъ. Крупному землевладѣльцу легче производить займы, чѣмъ многимъ мелкимъ, хотя бы сумма землевладѣнія послѣднихъ равнялась одному крупному имѣнію; въ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ поземельный кредитъ дешевле, чѣмъ въ странахъ съ мелкопомѣстнымъ хозяйствомъ. Нельзя также считать не имѣющею важнаго значенія ту экономію, которую имѣетъ крупный землевладѣлецъ въ издержкахъ по постройкамъ; устроить скотный дворъ на 100 коровъ далеко не значитъ издержать въ 20 разъ болѣе дерева, кирпичу и т. п., чѣмъ на такой дворъ для 5 коровъ; издержки по постройкамъ далеко не возрастаютъ пропорціонально увеличенію размѣровъ строеній. Наконецъ, относительно коммерческой прибыли самъ же Милль говоритъ, что крупныя хозяйства прибыльнѣе малыхъ. Говоря, что валовой доходъ отъ малыхъ хозяйствъ выше таковаго въ большихъ хозяйствахъ, онъ утверждаетъ, что большой фермеръ находитъ излишнимъ платить за весь тотъ трудъ, кото-

рому съ радостью отдается поселянинъ или фабричный работникъ, имѣющій въ собственности небольшой участокъ земли. „При одинаковомъ искусствѣ и знаніи, большой фермеръ не получаетъ съ земли столько продукта, какъ мелкій собственникъ или мелкій фермеръ, если у мелкаго фермера есть достаточныя побужденія работать усердно. Но если большой фермеръ получаетъ меньшую пропорцію продукта, онъ расходуетъ еще меньшую пропорцію, а платя за весь трудъ, употребляемый имъ, онъ не находитъ нужнымъ употреблять большее количество его," то есть находитъ излишнимъ употреблять такое количество труда, какое употребляетъ собственникъ на своемъ небольшомъ участкѣ земли. Если же въ большихъ хозяйствахъ получается съ относительно меньшими затратами большій продуктъ, чѣмъ въ хозяйствахъ малыхъ, то изъ этого очевидно, что и сельское хозяйство подчинено тому же общему экономическому закону, по которому издержки дѣла не возрастаютъ пропорціонально размѣрамъ его.

Можно ли на основаніи сказаннаго утверждать, что мелкія самостоятельныя хозяйства не должны существовать, что они должны уступить мѣсто большимъ хозяйствамъ? Многіе даютъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. По видимому, и самая жизнь стремится къ тому, что бы замѣнить малыя хозяйства большими. Если послѣднія производятъ продукты съ меньшими издержками, то первыя не могутъ конкуррировать съ ними и должны прекратить свое существованіе, уступить мѣсто большимъ предпріятіямъ. Но не всегда подобные факты могутъ быть оправданы. При рѣшеніи поставленнаго нами вопроса необходимо постоянно помнить одну истину, въ которой никто никогда не сомнѣвался, которая каждому представляется общимъ мѣстомъ, но которая въ тоже время постоянно забывается, когда рѣшается вопросъ о замѣнѣ производства въ малыхъ размѣрахъ производствомъ въ большихъ размѣрахъ. Истина эта: производство существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для производства. Разширеніе размѣровъ производства желательно лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно не сопровождается униженіемъ личности человѣка. Крайнее разширеніе производства можетъ сопровождаться уничтоженіемъ самостоятельности рабочихъ массъ, низведеніемъ ихъ на степень простыхъ орудій производства; человѣкъ въ этомъ случаѣ становится орудіемъ промышленности, не цѣлію производства, но исключительно средствомъ его. Предприниматель легко склоненъ не признавать въ

этомъ орудіи человѣческаго достоинства, обращается съ человѣкомъ какъ съ инструментомъ, необходимымъ для производства; пользуется имъ, пока онъ здоровъ и можетъ работать, стараясь выжать возможно больше работы за возможно меньшее вознагражденіе, и удаляетъ отъ себя въ случаѣ потери здоровья, удаляетъ также легко, какъ выбрасываетъ тотъ винтъ въ машинѣ, который сдѣлался негоднымъ. Представимъ себѣ, что въ цѣляхъ извлеченія возможно большаго дохода отъ земли поземельная собственность была бы сосредоточена въ рукахъ небольшаго количества землевладѣльцевъ, что мелкая поземельная собственность была бы уничтожена, крестьяне обезземелены. При такомъ положеніи дѣлъ землевладѣлецъ имѣетъ возможность нанимать рабочихъ дешево, издержки производства, въ числѣ другихъ причинъ и вслѣдствіе дешевизны труда, были бы ничтожны; богатство нѣкоторыхъ было бы велико. Но всякому очевидно, что это богатство было бы основано на фундаментѣ несчастій рабочихъ массъ. Преслѣдовать одни цѣли производства и превращать массу людей, во имя увеличенія производства, въ простыя орудія—это значитъ забывать, что не человѣкъ существуетъ для производства, а производство имѣетъ цѣлію удовлетвореніе потребностей людей. Доктрины, преслѣдующія такія цѣли, должны быть признаны безнравственными. Таковы всѣ доктрины, носящія названіе коммунизма и соціализма, разсчитанныя на то, что люди могутъ продать свою самостоятельность и свободу за богатство, подобно Исаву, продавшему свое право первородства за чечевичную похлебку. Такъ, по ученію Фурье, тѣ громадныя богатства, которыми будетъ владѣть человѣчество, когда осуществитъ измышленную имъ систему организаціи труда, главнымъ образомъ будутъ проистекать изъ сбереженія расходовъ производства посредствомъ общественнаго хозяйства. Онъ доказываетъ, что „расходы на строительный матеріалъ для возведенія большаго хлѣбнаго амбара, назначеннаго для 300 семействъ, будутъ едва равняться десятой части расхода, употребляющагося на возведеніе 300 такихъ крестьянскихъ овиновъ, какіе имѣются теперь. Сверхъ того, 300 крестьянскихъ семействъ теряютъ въ настоящее время ежегодно на одномъ только провозѣ на рынокъ своихъ припасовъ приблизительно 6,000 рабочихъ дней, не высчитывая здѣсь ни расхода на самый провозъ, ни фрахта. Дрова, сожигаемыя теперь въ 100 домашнихъ хозяйствахъ и въ 100 различныхъ кухняхъ, печахъ и каминахъ, могутъ приготовлять пищу

для 900 хозяйствъ, если будутъ употребляться въ трехъ нарочно для этой цѣли устроенныхъ кухняхъ; сверхъ того, тѣмъ же самымъ огнемъ можно будетъ еще топить зимою печи.“ Для всей этой экономіи въ расходахъ Фурье требуетъ лишь одного—полнаго отреченія отъ своей самобытности и свободы, жизни въ стойлахъ, называемыхъ фаланстерами и коммунами; во имя увеличенія произведеній, по его системѣ, человѣкъ долженъ быть рабомъ производства ([3]).

Крайнее увеличеніе размѣровъ производства, сопровождаясь порабощеніемъ значитетьной части производителей, въ концѣ концовъ становится невыгоднымъ и въ чисто производительномъ значеніи. Когда работникъ теряетъ самостоятельность, тогда производительность его труда постепенно слабѣетъ и предприниматель начинаетъ больше терять на отсутствіи энергіи въ трудѣ, чѣмъ выигриваетъ на разширеніи размѣровъ своего производства. Подневольный трудъ всегда менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ свободнаго человѣка. Ясно, что разширеніе размѣровъ производства въ своемъ естественномъ развитіи встрѣчаетъ естественный предѣлъ, состоящій въ томъ, что производство перестаетъ приносить выгоды, когда его централизація ведетъ къ потерѣ самостоятельности рабочихъ. Большія сельско-хозяйственныя предпріятія могутъ приносить выгоды лишь до тѣхъ поръ, пока крайнее сосредоточеніе земель не приведетъ къ порабощенію населенія. Таково было положеніе наприм. земледѣльческой промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго до 19 февраля 1864 года. По конституціи, дарованной Наполеономъ 1-мъ учрежденному имъ герцогству Варшавскому, крестьяне этихъ губерній получили личную свободу, но безъ надѣла землей. Весьма естественно, что это освобожденіе было только номинальнымъ; безземельный крестьянинъ находился въ полной зависимости отъ помѣщика,—безъ земли онъ не могъ существовать, а владѣть ею онъ могъ не иначе, какъ съ позволенія помѣщика. Сверхъ того, спустя пять мѣсяцевъ послѣ освобожденія крестьянъ, декретомъ герцога варшавскаго было постановлено, что бы крестьянинъ, переходя отъ одного землевладѣльца къ другому, оставлялъ въ пользу перваго свой домъ, скотъ, земледѣльческія орудія и хлѣбъ, необходимый для посѣва на той землѣ, которую онъ занималъ. Очевидно, этотъ декретъ имѣлъ прямою цѣлію усилить фактическое закрѣпощеніе крестьянъ, а также доставить возможность произвесть его въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ по какимъ

либо обстоятельствамъ крестьянамъ удалось избѣжать его. „При такомъ законодательствѣ крестьянамъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: или согласиться на всякія условія, какія бы ни были предложены помѣщикомъ, или же съ женою и дѣтьми покидать свое прежнее жилище и идти по міру.“ (4). Но это полное сосредоточеніе земли въ рукахъ особаго землевладѣльческаго сословія не было цѣлесообразнымъ и въ спеціально производительномъ значеніи; сельско-хозяйственная производительность того времени была гораздо ниже теперешней производительности. Изъ губерній ц. Польскаго между 1836—1874 г., при населеніи въ 4,800,000 душъ, было вывозимо ежегодно около 2,360,000 прусскихъ шеффелей хлѣба; количество это было достаточно для прокормленія 315,000 человѣкъ; другими словами, вся земледѣльческая производительность края могла давать содержаніе всего 5,115,000 душъ. Въ настоящее время эта производительность даетъ содержаніе почти 6,000,000 туземнаго населенія и, сверхъ того, вывозитъ около 200,000 четвертей, могущихъ покормить 800,000 душъ; то есть въ настоящее время, послѣ надѣленія крестьянъ землей, земледѣльческая производительность края даетъ прокормленіе почти 7,000,000 населенія. Фактъ этотъ неоспоримо доказываетъ, что обработка земли въ большихъ размѣрахъ можетъ считаться прибыльною лишь до тѣхъ поръ, пока она не приводитъ къ уничтоженію самостоятетьности рабочихъ.

Для того, чтобы разширеніе размѣровъ производства могло приносить дѣйствительныя выгоды обществу, необходимо совмѣстное существованіе въ странѣ хозяйственныхъ предпріятій самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. При такомъ экономическомъ строю страны, рабочій не можетъ быть порабощенъ большимъ предпринимателемъ; находя для себя тяжелымъ служить у послѣдняго, онъ предпочтетъ самостоятельное небольшое хозяйство. Большія предпріятія не будутъ вести къ уничтоженію самостоятельности рабочихъ и, поэтому, не будутъ сопровождаться вредными послѣдствіями для общества. Съ другой стороны, существованіе большихъ предпріятій оказываетъ благотворное вліяніе на развитіе малыхъ, служа образцемъ улучшеній и мотивомъ къ ихъ принятію, такъ какъ безъ принятія ихъ не всегда возможно конкуррировать съ большими предпріятіями. Изъ этого видно что необходимо совмѣстное существованіе въ странѣ большой, средней и малой поземельной собственности. На общественной власти ле-

житъ трудная обязанность регулировать разнообразіе хозяйственныхъ предпріятій въ цѣляхъ предупрежденія уничтоженія однихъ другими.

(1) Осн. пол. экономіи, т. 1, стр. 184. (2) Ibid. стр. 185—198. (3) Докладъ коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства 1, стр. 14. (4) National-oekonomie des Ackerbaues B. 11. § 49. (5) В. Гильдебрандтъ. Истор. обозрѣніе пол. экон. системъ, стр. 93. (6) Г. Симоненко. Сравн. статистика ц. польскаго и другихъ европейскихъ странъ, т. 1. стр. 135.

II. Формы предпріятій.

§ 1. Производство можетъ быть предпринимаемо или собственниками или временными владѣльцами тѣхъ или иныхъ факторовъ производства. Вопросъ объ относительномъ значеніи этихъ формъ предпріятій до настоящаго времени раздѣляетъ экономистовъ на два направленія; одни утверждаютъ что производитель наиболѣе усерденъ лишь въ то время, когда онъ является собственникомъ предпріятія, что личная заинтересованность въ трудѣ должна быть признана всеобщимъ экономическимъ двигателемъ, а заинтересованность такая во всей полнотѣ своей проявляется только у собственника; другіе утверждаютъ, что и временные владѣльцы тѣхъ или иныхъ факторовъ производства могутъ вести предпріятія также успѣшно, какъ и собственники, что заинтересованность въ дѣлѣ собственника не можетъ быть признана единственнымъ и основнымъ экономическимъ двигателемъ. Первое воззрѣніе наиболѣе научно развито еще А. Смитомъ. По его мнѣнію, человѣкъ наибольшую пользу приноситъ обществу лишь тогда, когда, какъ производитель, онъ лично заинтересованъ въ исходѣ предпріятія, а наиболѣе онъ заинтересованъ тогда, когда состоитъ собственникомъ предпріятія. Исходя изъ этого понятія о значеніи собственности въ производствѣ, А. Смитъ пришелъ къ тому убѣжденію, что по принципу найма предпріятія могутъ дѣйствовать лишь въ ограниченной сферѣ такихъ операцій, выполненіе которыхъ можетъ быть строго регламентировано и въ которыхъ доступенъ всякому надзоръ за наемными исполнителями дѣла. Къ такимъ операціямъ онъ относитъ: банковыя, страховыя, построеніе каналовъ и водопроводныхъ трубъ (1). Въ сельскомъ хозяйствѣ обработка земли собственниками лучше обработки ея арендаторами, которые уже по-

тому одному не могутъ производить поземельныхъ улучшеній въ такихъ размѣрахъ, какъ собственникъ, что часть капитала ихъ уносится арендной платой (2). Артуръ Юнгъ называлъ собственность „магическою силою, обращающею песокъ въ золото.“ Дайте человѣку, говоритъ онъ, въ прочное владѣніе скалу, онъ обратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню (3). По мнѣнію писателей втораго направленія, добросовѣстный и успѣшный трудъ получается не только тогда, когда производитель лично пользуется въ качествѣ собственника факторами производства. „Какъ незначительна, говоритъ Милль, часть совершаемаго въ Англіи труда, производимаго лицами, работающими въ свою собственную пользу, какъ мала эта часть во всѣхъ родахъ труда, отъ наименѣе вознаграждаемыхъ до наиболѣе вознаграждаемыхъ. Отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго до верховнаго судьи и государственнаго министра почти весь трудъ, совершаемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платою, или опредѣленнымъ жалованьемъ (4). По мнѣнію гр. Гаспарена, въ сельскомъ хозяйствѣ „господство воздѣлыванія почвы самимъ собственникомъ обусловливается малымъ развитіемъ промышленности, даже вообще цивилизаціи и общественной свободы. Господство этого рода землевоздѣлыванія зависитъ отъ бѣдности земледѣльческаго класса, отъ котораго нельзя ждать никакихъ затратъ, иногда отъ его несвободнаго состоянія, потому что при крѣпостномъ состояніи народа помѣщикъ также крѣпокъ землѣ, какъ и крестьянинъ: крѣпостное состояніе принуждаетъ собственника самому заниматься своимъ владѣніемъ вслѣдствіе недостатка и въ людяхъ, на которыхъ можно положиться, и въ людяхъ, у которыхъ есть капиталъ (5). По ученію Рошера, арендная система въ общественномъ отношеніи также болѣе полезна, чѣмъ обработка земли самими собственниками. Разумно устроенная арендная система, говоритъ онъ, имѣетъ тенденцію привлекать къ земледѣлію капиталы, которые безъ нея не пошли бы къ сельскому хозяйству. Если капиталистъ арендуетъ участокъ земли и употребляетъ свой капиталъ на поземельныя улучшенія, то общество болѣе выигриваетъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы этотъ капиталистъ употребилъ свой капиталъ на покупку имѣнія, уплаченной имъ суммы сельское хозяйство лишалось бы (6). По Л. де Ляверню, для производства одинаковыхъ поземельныхъ улучшеній землевладѣлецъ долженъ имѣть вдвое большій капиталъ, чѣмъ арендаторъ;

послѣдній весь свой капиталъ, употребляетъ въ сельско-хозяйственное дѣло, между тѣмъ какъ первый сверхъ того затрачиваетъ часть на покупку имѣнія (7). На основаніи прочныхъ гарантій, представляемыхъ современной арендой, говоритъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, она является образцовой формой хозяйства, Утверждать, будто поземельныя улучшенія могутъ предприниматься лишь тогда, когда земледѣлецъ обезпеченъ въ томъ, что онъ, затрачивающій трудъ и капиталъ, воспользуется самъ и плодами этой затраты въ будущемъ, значитъ впадать въ большую ошибку и противорѣчить дѣйствительности. „Въ числѣ улучшеній земли есть такія, вліяніе которыхъ на почву очень продолжительно и даже, какъ полагаютъ, постоянно; иначе говоря, плоды такихъ улучшеній будутъ получаться въ теченіи продолжительнаго и даже неопредѣленнаго времени. А между тѣмъ и на такія улучшенія временный владѣлецъ затрачиваетъ свой капиталъ также, какъ и на тѣ, вліяніе которыхъ на почву прекращается быстро. Рѣшается онъ на такія затраты всякій разъ, когда улучшеніе обѣщаетъ возвратить израсходованное и дать обычный процентъ на капиталъ, не заботясь нисколько о томъ, что оно будетъ вліять на доходъ и послѣ оплаты затраченнаго капитала. Будетъ ли такъ называемое „постоянное улучшеніе“ произведено фермеромъ, или даже акціонерной компаніей, и тотъ и другая, какъ представители капитала, прилагаютъ его къ землѣ не въ видахъ вѣчнаго полученія дохода, а единственно потому, что это приложеніе въ теченіи извѣстнаго періода возвращаетъ капиталъ обратно и приноситъ такой процентъ, которымъ они вполнѣ удовлетворяются“ (8).

Это разногласіе въ воззрѣніяхъ по вопросу о значеніи принциповъ собственности и временнаго владѣнія въ производство имѣетъ реальное основаніе. Въ дѣйствительности и полная собственность и временное владѣніе не всегда имѣютъ одинаковое значеніе въ производствѣ. Поземельный собственникъ можетъ хищнически пользоваться своимъ имуществомъ, можетъ истощить производительныя силы земли нераціональнымъ пользованіемъ, уничтожить лѣсъ и т. п.; точно также можетъ поступать и временный владѣлецъ. Наоборотъ, при существованіи опредѣленныхъ условій временное владѣніе является „магической силой, превращающей песокъ въ золото,“ подобно магической силѣ, приписываемой собственности. Все зависитъ отъ общихъ экономическихъ условій страны, отъ качества и богатства мѣстныхъ рын-

ковъ, отъ спроса на извѣстныя произведенія, отъ обилія или недостатка капиталовъ, отъ распространенія техническихъ знаній и т. п. Въ Англіи каждый фермеръ, подчиняясь личному интересу, производитъ всевозможныя поземельныя улучшенія, такъ какъ именно въ этомъ состоитъ его прямая выгода; онъ по необходимости въ опредѣленномъ направленіи производитъ капитальныя затраты, такъ какъ всякое иное пользованіе чужою поземельною собственностію было бы для него убыточно. Наоборотъ, при менѣе благопріятномъ экономическомъ строѣ, поземельный собственникъ можетъ истощать силы земли, также подчиняясь личному интересу. Въ этомъ отношеніи разница между принципами временнаго владѣнія и полною собственностію состоитъ въ томъ, что при неблагопріятномъ экономическомъ строѣ временный владѣлецъ болѣе склоненъ къ хищничеству, чѣмъ собственникъ, имущество котораго можетъ быть разрушено продолжительнымъ нераціональнымъ пользованіемъ ([9]).

Съ другой стороны нельзя отрицать того, что при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ предприниматель собственникъ болѣе заинтересованъ въ благоразумномъ пользованіи факторами производства, чѣмъ временный владѣлецъ послѣднихъ Если капитальныя затраты производитъ фермеръ, то еще больше имѣетъ побужденій производить ихъ собственникъ, который не только получаетъ прибыль и возвращаетъ свой капиталъ, подобно фермеру, но и послѣ этого пользуется произведенными улучшеніями. Если фермеръ прилагаетъ къ землѣ свой капиталъ не въ видахъ постояннаго полученія дохода, но „единственно потому, что это приложеніе въ теченіи извѣстнаго періода возвращаетъ капиталъ обратно и приноситъ достаточный процентъ,“ то поземельный собственникъ, сверхъ побужденій, присущихъ и фермеру, производя затраты, имѣетъ въ виду „постоянное“ полученіе дохода. Очевидно, что такой собственникъ имѣетъ болѣе мотивовъ и больше усердія къ хозяйственной дѣятельности, чѣмъ фермеръ. Съ другой стороны, при развитіи кредита этотъ собственникъ не можетъ нуждаться въ капиталѣ, слѣдовательно нельзя сказать, что для него затруднительнѣе производство капитальныхъ улучшеній, чѣмъ для временнаго владѣльца. Относительно усердія и побужденій къ улучшеніямъ, предпріятія, организованныя собственниками, имѣютъ преимущество предъ предпріятіями, организованными временными владѣльцами факторовъ производства. Для надлежащей успѣшности послѣд-

нихъ необходимо существованіе такихъ условій, которыя нейтрализовали бы недостатокъ усердія или вызывали бы побужденія къ затратамъ; только при существованіи такихъ условій предпріятія эти могутъ имѣть благотворное вліяніе на производительность страны. Только при наличности такихъ условій принципъ временнаго владѣнія дѣйствительно можетъ быть подведенъ къ одному знаменателю съ принципомъ полной собственности.

Существеннѣйшее изъ этихъ условій состоитъ въ организаціи предпріятій въ относительно большихъ размѣрахъ. „Усердіе приноситъ мало пользы, справедливо замѣчаетъ Милль, если принадлежитъ человѣку безъ хорошихъ умственныхъ способностей,—а это по необходимости должно быть такъ въ большей части предпріятій, управляемыхъ лицами, наиболѣе заинтересованными въ нихъ. Когда предпріятіе обширно и можетъ давать вознагражденіе, достаточное для привлеченія къ нему кандидатовъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ, то для общаго управленія и для всѣхъ второстепенныхъ обязанностей спеціальнаго рода можно бываетъ выбирать людей съ такими знаніями и умственнымъ развитіемъ, что эти преимущества съ излишкомъ будутъ вознаграждать меньшую степень ихъ заинтересованности въ результатѣ предпріятія. Благодаря своей большой проницательности, они, посвящая дѣлу даже только часть своихъ мыслей, могутъ замѣчать выгоды, которыя не будутъ никакъ замѣчены людьми посредственныхъ способностей даже при полномъ напряженіи вниманія; а превосходство знаній, обычная вѣрность взгляда и сужденія предохраняютъ ихъ отъ ошибокъ, боязнь которыхъ удержала бы рисковать своими интересами чрезъ отступленіе отъ обыкновенной рутины ([10]). Въ большихъ предпріятіяхъ недостатокъ усердія руководителей и исполнителей вполнѣ вознаграждается превосходствомъ ихъ знаній и искусства. Къ этому же результату приводитъ и та экономія въ издержкахъ, которая составляетъ характеристическую черту производства въ большихъ размѣрахъ. Большія фермы привлекаютъ къ себѣ людей опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, вслѣдствіе чего относительный недостатокъ усердія нейтрализуется знаніемъ; съ другой стороны, большой фермеръ имѣетъ экономію въ издержкахъ производства, что въ свою очередь вознаграждаетъ за недостатокъ усердія. Говоря это, необходимо помнить, что размѣры землевладѣнія опредѣляются не механически, но экономически; то пространство земли, которое при

одной системѣ сельскаго хозяйства считается мелкимъ владѣніемъ, при другой можетъ быть крупнымъ ([11]).

([1]) Rich. des Nations, т. III, стр. 103. ([2]) Ibid. т. 2. стр. 150. ([3]) Милль, Основ. пол. экономіи, т. 1. стр. 335. ([4]) Ibid. стр. 254—255. Не менѣе рѣзко отзывается объ арендѣ А. Тэръ, основатель нѣмецкой сельско-хозяйственной экономіи. По его мнѣнію, „собственникъ, поступая какъ хорошій хозяинъ, находитъ и удовольствіе и пользу класть въ свое помѣстье капиталъ и избытки доходовъ, а фермеръ напротивъ извлекаетъ ихъ изъ имѣнія, что бы употребить на что нибудь другое, или отдать деньги въ проценты. Улучшеніе имѣнія составляетъ наслажденіе помѣщика, а фермеръ думаетъ только о своихъ барышахъ. Фермеръ даже не будетъ имѣть средствъ употребить на улучшеніе помѣстья столько, сколько имѣетъ собственникъ. Онъ долженъ ежегодно вносить арендную плату, тогда какъ собственникъ изъ чистаго дохода сберегаетъ часть на поземельныя улучшенія. Отъ фермера нельзя и ожидать, а по свойству его предпріятія даже и требовать, что бы онъ при хозяйствѣ въ чужомъ имѣніи, дѣйствовалъ также, какъ собственникъ и что бы онъ жертвовалъ какою либо частью своихъ доходовъ единственно для возможнаго улучшенія чужаго имѣнія.“ А. Тэръ. Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства, пер. С. Маслова, ч. 1, стр. 87—88. ([5]) Фермерство, стр. 5. ([6]) N.—oekonomie der. Ackerbaues II, § 62. ([7]) Essai sur l'econ. rurale de l'angleterre, de l'écosse et de l'irlande стр. 121—124. ([8]) Посниковъ. Общинное землевладѣніе, 1, стр. 68. ([9]) Подъ вліяніемъ условій сбыта въ Англіи посѣвы, истощающіе почву, занимаютъ не значительное пространство, между тѣмъ какъ во Франціи посѣвы эти имѣютъ преобладающее значеніе, такъ какъ вызываются особенно стями сбыта, о чемъ будетъ сказано подробнѣе ниже. ([10]) Милль. Основанія, т. 1. стр. 181—182. ([11]) Вредъ слишкомъ мелкихъ поземельныхъ арендъ прекрасно уясненъ Л. Штейномъ; см. Drei Fragen des Grundbesitzes Stuttgart. 1881. Онъ видитъ въ уменьшеніи размѣровъ арендъ одно изъ средствъ, употребляемыхъ землевладѣльцами къ тому, что бы въ арендной платѣ получить весь доходъ отъ земли.

§ 2. Одно изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ къ подведенію къ одному знаменателю, съ точки зрѣнія производства, временнаго владѣнія и собственности заключается въ особенности въ установленіи вѣчно-наслѣдственныхъ арендъ. „Сила вѣчно-наслѣдственнаго пользованія чужой землей, говоритъ Н. Карышевъ, заключается въ томъ, что оно ставитъ съемщика въ положеніе весьма близкое къ положенію собственника. Всѣ тѣ же побужденія къ труду, какія имѣетъ собственникъ, являются и у вѣчно-наслѣдственнаго съемщика. Послѣдній, подобно первому, получаетъ, во первыхъ, землю безсрочно и навсегда и, во вторыхъ, право свободнаго распоряженія этой землей,

входить во всѣ возможныя гражданскія сдѣлки. Ясно, что всѣ улучшенія, всѣ затраты въ хозяйствѣ приносятъ при этомъ условіи всѣ тѣ доходы, какіе они могутъ принести, именно тому, кто ихъ произвелъ, т. е. самому съемщику. Онъ и его потомство—вотъ единственныя лица, которыя ими пользуются. Кромѣ собственника, только вѣчно наслѣдственный съемщикъ можетъ наиболѣе работать на собственный рискъ (1). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что вѣчно-наслѣдственный фермеръ не менѣе заинтересованъ въ поземельныхъ улучшеніяхъ и вообще въ правильномъ веденіи хозяйства, чѣмъ и собственникъ. При вѣчно-наслѣдственной арендѣ темныя стороны арендаторства рѣшительно исчезаютъ, фермеръ, пользующійся землей на правѣ вѣчно-наслѣдственной аренды, имѣетъ тѣ же побужденія къ труду и капитальнымъ затратамъ, какъ и собственникъ. Даже болѣе; во многихъ отношеніяхъ эта форма отношеній къ факторамъ производства должна быть признана высшею, сравнительно съ обработкой земли самими собственниками. При равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, у арендатора капиталъ культуры больше, чѣмъ у собственника, затрачивающаго часть своихъ средствъ въ видѣ капитала землевладѣнія. По справедливому замѣчанію Рошера, разумно организованная арендная система въ странѣ „имѣетъ свойство привлекать къ сельскому хозяйству капиталы, которые безъ этой системы избѣгали бы его“. Это воззрѣніе вполнѣ подтверждается фактами. Нигдѣ мы не видимъ такой массы капиталовъ, обращенныхъ къ сельскохозяйственному производству, какъ въ странахъ, въ которыхъ издавна ведется разумная система фермерства. Въ Англіи наприм. почти нигдѣ не существуетъ такъ называемаго желѣзнаго инвентаря, орудія, скотъ, машины и т. д.—все это составляетъ собственность фермеровъ, а между тѣмъ своимъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ славится Англія. На сколько ошибочна мысль, что арендаторъ, въ силу платежа ренты, владѣетъ меньшимъ культурнымъ капиталомъ, чѣмъ собственникъ, можно видѣть изъ того, что въ Англіи обработка земли самими ея собственниками постепенно уступала мѣсто фермерской системѣ обработки по тому естественному побужденію, что для большинства собственниковъ оказалось выгоднѣе стать фермерами. Въ Англіи, говоритъ де-Лявернь, нѣкогда было значительное количество мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, представлявшихъ собою довольно значительный классъ населенія въ государствѣ; ихъ звали уеомен для

отличія джентльменовъ—помѣщиковъ, которые носили названіе squires. Эти yeomen почти совершенно исчезли, но не вслѣдствіе какого либо насильственнаго переворота, исчезали они по собственной волѣ и постепенно. Они продавали свои имѣнія для того, чтобы сдѣлаться фермерами, такъ какъ это послѣднее оказалось болѣе выгоднымъ. Капиталъ, затраченный на землевладѣніе, давалъ меньшій процентъ, чѣмъ капиталъ, затрачиваемый въ поземельную культуру ([2]). Вотъ почему было выгодно продать поземельный участокъ и за тѣмъ взять его въ аренду для сельско-хозяйственной культуры. При равенствѣ другихъ условій, та страна, въ которой болѣе развита система аренды, заключаетъ большее количество капиталовъ въ земледѣліе, чѣмъ страна, въ которой не существуетъ или слабо развита эта система. Фермерство въ существѣ дѣла представляетъ собою ни что иное, какъ ассоціацію, въ которой одному лицу принадлежитъ капиталъ землевладѣнія, а другому капиталъ земледѣльческой культуры. Страна, не пользующаяся производительной силой этой ассоціаціи, должна прибѣгать къ кредиту, посредствомъ котораго капиталъ землевладѣнія распредѣляется въ обществѣ и землевладѣлецъ имѣетъ больше средствъ для поземельной культуры.

Ассоціація капиталовъ и труда въ формѣ фермерства имѣетъ наиболѣе производительное значеніе тогда, когда аренда является вѣчно-наслѣдственной. Вѣчно-наслѣдственный арендаторъ въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ ничѣмъ не отличается отъ собственника; онъ также заинтересованъ въ улучшеніяхъ земли, какъ и собственникъ; онъ, подобно собственнику, видитъ въ своемъ поземельномъ участкѣ сберегательную кассу, въ которой сохранится для его и его семьи все, что онъ ни вложитъ въ нее. А между тѣмъ вносить эти вклады въ свою сберегательную кассу ему легче, чѣмъ собственнику, который часть своего капитала долженъ затрачивать на образованіе самой кассы.

При оцѣнкѣ экономическаго значенія вѣчно-наслѣдственной аренды необходимо обратить также вниманіе на то, что въ этой арендѣ заключается лучшее изъ средствъ противъ темныхъ сторонъ мобилизаціи поземельной собственности. Мобилизація поземельной собственности, превращающая землю въ обыкновенный товаръ, быстро обращающійся на рынкѣ, производитъ несомнѣнно вредное вліяніе на земледѣльческую культуру страны. Чѣмъ чаще мѣняетъ земля своихъ

собственниковъ, тѣмъ плоше она обрабатывается, такъ какъ каждый собственникъ, не считая себя прочнымъ и постояннымъ владѣльцемъ избѣгаетъ всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя не скоро возстановляютъ свою стоимость. При вѣчно-наслѣдственной арендѣ послѣдствія мобилизаціи, состоящія въ плохомъ веденіи хозяйства, вполнѣ нейтрализуются, такъ какъ, кому бы не принадлежала земля, она обрабатывается постояннымъ хозяиномъ ея—наслѣдственнымъ арендаторомъ. Въ послѣднее время у насъ возникла поземельная мобилизація. Съ 1870 по 1877 г. въ полтавской губерніи продано 373,500 десятинъ, что составляетъ 8,2% всѣхъ земель, или болѣе 1% на годъ. Въ московской губерніи съ 1867 по 1876 г. перешло изъ рукъ въ руки 401,150 д. земли, что составляетъ почти 4% земель, состоящихъ въ частномъ владѣніи (3). Конечно, эта мобилизація незначительна сравнительно съ передвиженіемъ земли изъ рукъ въ руки на западѣ. Въ Пруссіи земля перемѣняетъ своихъ владѣльцевъ среднимъ числомъ въ 15 лѣтъ, во Франціи каждыя 12—15 лѣтъ, въ Австріи въ 16 лѣтъ, въ Силезіи въ 12 лѣтъ. Но къ подобному же передвиженію земли приближаемся и мы; избѣжать его не мыслимо, но вполнѣ возможно предупредить его печальныя послѣдствія для сельско-хозяйственной культуры. Когда земля часто мѣняетъ своихъ владѣльцевъ-хозяевъ, тогда хищническая культура можетъ угрожать полнымъ истощеніемъ производительныхъ силъ; временный хозяинъ стремится выжать сколько возможно больше изъ своей земли и затѣмъ передаетъ другому. Это зло прекращается установленіемъ наслѣдственныхъ арендъ. При существованіи наслѣдственныхъ арендъ мобилизація не оказываетъ никакого вліянія на земледѣліе; перемѣняются владѣльцы, но хозяева остаются тѣже. Наконецъ вѣчно-наслѣдственныя аренды имѣютъ особенно важное значеніе для распространенія въ странѣ мелкой земледѣльческой культуры и вообще для колонизаціи свободныхъ земель. Пріобрѣтеніе поземельнаго участка въ собственность не всякому доступно и обыкновенно колонизація встрѣчаетъ важнѣйшее препятствіе въ недостаточности средствъ для пріобрѣтенія земли въ полную частную собственность. Между тѣмъ при вѣчно-наслѣдственной арендѣ земля становится доступнѣе бѣднѣйшей части населенія и такимъ образомъ облегчается дѣло колонизаціи. Наслѣдственная аренда, имѣя въ экономическомъ отношеніи всѣ свойства собственности, въ то же время, какъ мы видѣли, имѣетъ и преимущество предъ послѣднею

въ томъ чтокапиталъ земледѣльца не уменьшается въ размѣрѣ уплаты за пріобрѣтаемую землю, почему земледѣліе становится болѣе доступнымъ и самимъ небогатымъ людямъ. Еще А. Васильчиковъ замѣтилъ что у насъ „спросъ на арендованіе сильнѣе, чѣмъ спросъ на покупку земли.“ Это и понятно, такъ какъ посредетвомъ аренды большая масса населенія имѣетъ возможность приложить свой трудъ и капиталъ къ земледѣлію, чѣмъ посредствомъ покупки земель. Въ вѣчно наслѣдственной арендѣ нельзя не видѣть одного изъ лучшихъ средствъ къ колонизаціи въ странѣ свободныхъ земель. Такъ въ большинствѣ случаевъ и происходило возникновеніе наслѣдственнаго фермерства. Такъ возникло у насъ такъ называемое чиншевое владѣніе землей. Землевладѣльцы старались привлекать къ себѣ всевозможными льготами земледѣльцевъ и одной изъ такихъ льготъ было установленіе постоянной платы за пользованіе землей или чинша. Пока земледѣлецъ уплачивать свой чиншъ, землевладѣлецъ не могъ удалить его съ своей земли, вслѣдствіе чего владѣніе чиншевика было вѣчно-наслѣдственнымъ владѣніемъ за постоянную плату, которая не могла быть увеличиваема землевладѣльцемъ. Подобнымъ же образомъ возникло во Франціи соотвѣтствующее же владѣніе, носящее названіе Droit de marché, представляющее собою такое право съемщика, въ силу котораго онъ пользуется вѣчно и наслѣдственно чужой землей. По объясненію Uion'a, droit de marché есть плата за расчистку новыхъ пространствъ. Владѣльцы отдавали крестьянамъ пустынные и заросшіе участки, которые тѣ обращали въ обработанныя поля. Въ началѣ арендная плата была, конечно, не значительна, какъ потому, что земля давала мало, такъ и потому, что собственникъ не могъ быть требовательнымъ по отношенію къ работнику, безъ котораго онъ не получилъ бы ничего. Мало по малу Богъ благословлялъ труды послѣдняго, населеніе нарождалось, выростало и умножалось въ мѣстностяхъ, бывшихъ прежде пустыней. Доходность земли увеличивалась, но раздѣлъ этихъ доходовъ между фермеромъ, которому она обязана своимъ происхожденіемъ, и собственникомъ имѣетъ тенденцію клониться въ пользу послѣдняго и даже уничтожаться по мѣрѣ удаленія отъ начала ихъ взаимныхъ отношеній. Если есть еще мѣстности, гдѣ этотъ раздѣлъ не вполнѣ уничтоженъ временемъ, тамъ часть съемщика и называется droit de marché. Такимъ образомъ послѣднее представляетъ собою плату за расчистку необработанныхъ пространствъ земли. Таково же

происхожденіе арендnаго владѣнія, распространеннаго въ Бретани и Пикардіи, подъ именемъ domaine congéable. По этому владѣнію, „собственникъ распространяетъ свое право собственности только на почву въ ея естественномъ состояніи. Все же, что находится на этой почвѣ, признается собственностью съемщика (постройки, улучшенія, искусственные луга, орошенія, пни, плодовыя деревья). Это право также наслѣдственно“. Въ Португаліи такимъ же путемъ возникла наслѣдственная, хотя и не всегда вѣчная, но долгосрочная аренда, носящая названіе aforamento, о распространенности которой можно судить изъ того, что по aforamento владѣютъ землей до 90% жителей. Владѣніе это—или вѣчное, или долгосрочное, съ платой постоянной доли продуктовъ. Возникло оно такимъ образомъ: португальскіе короли рано начали заботиться объ увеличеніи и развитіи сельскихъ общинъ. Каждая община получала особую хартію, опредѣлявшую ея права и обязанности по отношенію къ королю. „Въ этой хартіи заключался между прочимъ и контракты по aforamento, на обработку тѣхъ земель, которыя давалъ король въ наемъ каждому члену общины въ отдѣльности за опредѣленную неизмѣнную плату и на пользованіе выгонами и лѣсами, которые давались въ нераздѣльное владѣніе всей общинѣ въ совокупности. Этимъ путемъ короли создали обезпеченный земледѣльческій классъ. Примѣру королей слѣдовали ихъ приближенные и духовенство. Монастыри, церкви и частные собственники начали прибѣгать къ тому же способу обработки своихъ владѣній,—онъ представлялся наиболѣе удобнымъ въ то время, когда капиталы были крайне рѣдки. Собственники не могли быть увѣренными въ правильномъ поступленіи арендной платы, если бы они требовали взноса ея деньгами и если бы сдавали дикіе участки лишь въ срочное пользованіе. Земледѣльцы получали охоту класть много труда на разчистку новыхъ заросшихъ пространствъ, зная, что трудъ этотъ принесетъ плоды имъ самимъ и ихъ семьямъ, что плата собственнику изъ доли урожая и, слѣдовательно, никогда не превиситъ извѣстной части его дохода“. Такимъ же путемъ возникали наслѣдственныя аренды и въ другихъ странахъ, наприм. въ Голландіи, Италіи, въ Мекленбургъ-Шверинѣ (4).

(1) Н. Карышевъ. Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ западной Европы. Спб. 1885. стр. 311—312. (2) L. de Lavergne. Essai sur l'econ. rurale de l'angletterre, de l'ecosse et de l' irland. стр. 121—122.

(7) Статистическія свѣдѣнія о пространствѣ дачъ, объ арендованіи и переходахъ земель въ Полтавской Губерніи. Полтава. 1861 г. Ст. Н. Терешкевича: „Очеркъ движенія земельной собственности въ Полтавской губерніи за 8-лѣтіе 1870—1877 г., сравнительно съ московскою губерніей: (4) Н. Карышевъ, стр. 36—37, 61—62, 129 и слѣд.

§ 3. Всѣ производства, основанныя какъ на принципѣ полной, такъ и на принципѣ неполной собственности, обыкновенно предпринимаются или единоличными предпринимателями, или товариществами самихъ рабочихъ.

Когда отдѣльный человѣкъ становится промышленнымъ предпринимателемъ, ведетъ дѣло на собственный рискъ и отвѣтственность, то всѣ другіе люди, участвующіе въ такомъ предпріятіи, имѣютъ значеніе вполнѣ подчиненное; за свой трудъ они получаютъ опредѣленное жалованіе, не участвуя ни въ прибыляхъ, ни въ убыткахъ предпріятія. Это чуждая всѣхъ осложненій форма производства, совершаемаго единоличными предпринимателями. При этой формѣ предприниматель пользуется найбольшею хозяйственною свободою; ему принадлежитъ инціатива дѣла, отъ него одного зависитъ то или иное направленіе предпріятія, его существованіе и прекращеніе. Вотъ почему съ точки зрѣнія хозяйственной свободы форма эта должна быть признана имѣщею особенно важное значеніе въ народной экономіи. Экономическій прогресъ былъ бы не мыслимъ, если бы не было въ обществѣ людей передовыхъ, силой мысли своей освободившихся отъ обычной рутины въ производствѣ, изобрѣтающихъ способы улучшеній и осуществляющихъ ихъ на дѣлѣ; масса обыкновенныхъ людей, боящаяся нововведеній до той поры, пока не увидитъ ихъ выгодности, только благодаря такой дѣятельности передовыхъ предпринимателей можетъ развиваться прогрессивно. Чужіе капиталы съ большимъ трудомъ получаются для нововведеній; представителямъ послѣднихъ почти всегда приходится единолично нести рискъ и соотвѣтственность по осуществленію ихъ изобрѣтеній и открытій. Въ единоличныхъ предпріятіяхъ безусловно осуществляется идея личнаго интереса, такъ какъ единоличный предприниматель дѣйствуетъ вполнѣ свободно, преслѣдуя тѣ или иныя промысловыя цѣли. И такъ какъ личный интересъ является основнымъ двигателемъ на пути хозяйственныхъ улучшеній, то единоличныя предпріятія, представляя собою полное выраженіе идеи личнаго интереса, представляютъ собою тѣ формы дѣятельности, бла-

годаря которымъ индивидуумъ освобождается отъ стѣсняющихъ условій труда и становится піонеромъ въ сферѣ производственныхъ усовершенствованій.

Но въ дѣйствительности существуетъ много предпріятій, выполненіе которыхъ недоступно средствамъ отдѣльнаго лица. Отсюда возникаетъ необходимость товариществъ между предпринимателями—капиталистами, между капиталистомъ или ихъ товариществомъ и рабочими, и между самими рабочими. Товарищество между капиталистами —предпринимателями раздѣляются на полныя товарищества и товарищества пайщиковъ. Полное товарищество состоитъ въ томъ, что всѣ участники, складывающіе свои капиталы для осуществленія опредѣленнаго предпріятія, отвѣчаютъ предъ третьими лицами всѣмъ своимъ имуществомъ; отвѣтственность ихъ—неограниченная. Весьма естественно, что не много можетъ быть такихъ людей, которые на подобныхъ условіяхъ соглашались бы вступать въ товарищества; поэтому полныя товарищества не часто встрѣчаются. Большею частью встрѣчаются товарищества съ ограниченною отвѣтственностью участниковъ, или товарищества пайщиковъ. Ограниченная отвѣтственность участниковъ предпріятія можетъ быть двухъ видовъ, она можетъ относиться или ко всѣмъ участникамъ предпріятія, или только къ нѣкоторымъ. Въ первомъ случаѣ товарищества называются акціонерными въ тѣсномъ смыслѣ слова; во второмъ—товариществами на вѣрѣ или коммандитными товариществами. Когда нѣсколько лицъ вступаютъ между собою въ союзъ для веденія какого либо дѣла и вносятъ опредѣленныя доли капитала, объявляя всѣмъ третьимъ лицамъ, съ которыми могутъ имѣть сношенія, что берутъ на себя отвѣтственность при могущихъ случиться потеряхъ только въ размѣрахъ складочнаго капитала, то такое товарищество называется акціонернымъ. Французское законодательство называетъ подобнаго рода товарищества также анонимными. Когда же промышленное товарищество образуется такимъ образомъ, что одни изъ участниковъ входятъ на правахъ полныхъ товарищей, то есть несутъ отвѣтственность всѣмъ своимъ имуществомъ, а другіе принимаютъ на себя отвѣтственность только имуществомъ складочнымъ, то эти товарищества носятъ названіе коммандитныхъ, или товариществъ на вѣрѣ.

Товарищества между предпринимателями и рабочими состоятъ изъ союзовъ, въ которыхъ вознагражденіе рабочихъ за ихъ трудъ не ог-

раничиваестя однимъ постояннымъ окладомъ въ видѣ или жалованья, выдаваемаго за извѣстное рабочее время, или такъ называемой поштучной платы, но при существованіи этой формы вознагражденія, или даже безъ нея, рабочіе имѣютъ участіе въ прибыляхъ отъ предпріятія. Существованіе этой формы предпріятій вызывается какъ необходимостью привлеченія рабочихъ къ опредѣленной отрасли производства, такъ и стремленіемъ заохотить ихъ къ труду, такъ какъ работникъ, интересы котораго солидарны съ интересами предпринимателя, работаетъ усерднѣе того, кто мало или вовсе не заинтересованъ въ успѣшности дѣла. Въ обрабатывающихъ отрасляхъ промышленности продуктивное значеніе этой солидарности интересовъ уже давно сознано и осуществленіе ея встрѣчается весьма часто. Въ сельскомъ хозяйствѣ такая форма предпріятій болѣе рѣдка, хотя именно въ этой отрасли промышленности она наиболѣе необходима (1). Въ земледѣліи наиболѣе употребительнымъ видомъ товарищества между землевладѣльцемъ и лицами, обрабатывающими землю, можетъ быть названа система половничества, являющаяся въ тоже время весьма неудовлетворительной формой. Обрабатывающій землю на правахъ половника обыкновенно отдаетъ половину плодовъ собственнику земли, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доля послѣдняго бываетъ или больше, или меньше этой обычной нормы. По видимому, такое половничество вполнѣ объединяетъ интересы земледѣльца съ землевладѣльцемъ; чѣмъ лучше будетъ обрабатывать землю первый, тѣмъ большій получитъ онъ доходъ и въ тоже время тѣмъ большій доходъ отъ земли получитъ и землевладѣлецъ. Дѣйствительность не оправдываетъ этого предположенія. Въ то время, когда земледѣліе ведется экстенсивно, когда въ землы затрачивается мало капиталовъ, половничество не тормозитъ развитія сельскаго хозяйства; на высшихъ же ступеняхъ общественности оно является системой вредной въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. По мѣрѣ увеличенія поземельныхъ затратъ со стороны половника, обработка земли для послѣдняго становится все болѣе и болѣе убыточною, подъ вліяніемъ закона непропорціональности между возрастаніемъ продукта и возрастаніемъ издержекъ. При издержкѣ половника въ 100 р. и при валовомъ доходѣ въ 500 рублей, половникъ получитъ 150 р., землевладѣлецъ 250; при издержкѣ половника въ 300 р. и при валовомъ доходѣ въ 800 руб., половникъ получитъ 100 руб., а землевладѣлецъ 400 рублей (2). Очевидно, что половнику невыгодно производить по-

земельныя улучшенія, требующія капитальныхъ затратъ; его интересы въ этомъ отношеніи не солидарны съ интересами землевладѣльца. По мнѣнію А. Смита, половникъ не имѣетъ выгоды производить какія бы то ни было улучшенія на собственный счетъ ([3]). Самая форма платежа за землю, состоящая почти всегда въ выдачѣ продуктовъ, не благопріятствуетъ развитію сельско-хозяйственнаго дѣла. По справедливому замѣчанію de Passy, половникъ, отдающій землевладѣльцу часть продуктовъ изъ всей массы его произведеній, не можетъ быть заинтересованъ въ производствѣ возможно большаго чистаго дохода съ опредѣленнаго пространства земли. Предположимъ, что въ данной мѣстности гектаръ, засѣянный рожью, приноситъ 125 франковъ, при издержкахъ въ 45 фр.; между тѣмъ какъ тотъ же гектаръ засѣянный пшеницей, при издержкахъ въ 120 франковъ, приноситъ 250 фр. валоваго дохода. Арендаторъ, платящій денежную ренту, безъ всякаго сомнѣнія, предпочтетъ культуру пшеницы культурѣ ржи; культура, дающая ему 130 франковъ чистаго дохода, для него выгоднѣе культуры, дающей всего 80 фр. такого дохода. Совершенно иначе разсчитываетъ половникъ; гектаръ пшеницы, дающій 250 фр., при затратахъ въ 120 фр., даетъ ему валоваго дохода 125 фр., а по вычетѣ затратъ приноситъ чистаго дохода всего 5 франковъ;—гектаръ ржи, при издержкахъ въ 45 фр. и валовомъ доходѣ въ 125 фр., даетъ ему валоваго дохода $62^1/_2$ фр. а чистаго $17^1/_2$ франковъ. Очевидно, что половникъ будетъ засѣвать на арендуемомъ имъ полѣ не пшеницу, но рожь; культура пшеницы для него убыточна сравнительно съ культурой ржи. На этомъ же основаніи, говоритъ de Passy, половникъ не будетъ заниматься культурой льна, пеньки и имъ подобныхъ продуктовъ, производство которыхъ поглощаетъ болѣе половины цѣнности получаемаго чистаго дохода. Половничество, такимъ образомъ, препятствуетъ введенію и развитію тѣхъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, которыя, при значительныхъ затратахъ, ведутъ къ увеличенію чистаго дохода съ опредѣленнаго участка земли. Эта система должна быть признана вредною для сельско-хозяйственнаго прогресса ([4]). Во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ господствуетъ половничество, капиталы для поземельныхъ улучшеній даются землевладѣльцами. Но легко можетъ случиться, что полученный для такихъ цѣлей капиталъ будетъ употребленъ половникомъ въ посторонніе земледѣлію промыслы; съ другой стороны, снабженіе половниковъ капиталами выгодно для зе-

млевладѣльца лишь тогда, когда эти капиталы, затраченные въ землю, приносятъ по крайней мѣрѣ вдвое большій процентъ сравнительно съ обычнымъ въ данной мѣстности; если этого условія нѣтъ, то землевладѣльцу нѣтъ выгоды снабжать капиталомъ своего половника, такъ какъ ему прійдется получить при этомъ процентъ на половину меньшій противъ обычнаго. Вотъ почему половничество, по общему правилу, термозитъ развитіе сельско-хозяйственнаго дѣла. Оно можетъ быть оправдываемо лишь въ видѣ такъ называемой испольной работы, когда нанимаемый работникъ получаетъ вознагражденіе въ натурѣ изъ части продуктовъ, въ производствѣ которыхъ онъ участвуетъ только своимъ трудомъ. Такъ при косеніи сѣна такая форма участія рабочаго въ общемъ доходѣ отъ луговодства вполнѣ раціональна; чѣмъ тщательнѣе съ опредѣленнаго участка онъ скоситъ сѣно, тѣмъ большая доля продукта ему достанется, а вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ болѣе выиграетъ и луговладѣлецъ. Натуральное участіе въ прибыляхъ предпріятія во многихъ случаяхъ можетъ быть замѣнено денежнымъ, но до настоящаго времени сельско-хозяйственная практика представляетъ мало фактовъ такой организаціи сельско-хозяйственнаго труда, далеко отставшаго въ этомъ отношеніи отъ обрабатывающихъ отраслей промышленности.

Послѣднюю форму предпріятій составляютъ союзы рабочихъ, называемые у насъ артелями. Предпріятія въ этой формѣ уже давно обратили на себя вниманіе многихъ писателей, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ извратившихъ истинное значеніе артельнаго труда и превратившихъ его въ какое то страшилище, угрожающее проглотить и уничтожить цивилизацію современныхъ народовъ.

Союзы рабочихъ, такъ искаженные разными прожектерами, организуются по закону простаго сотрудничества или единенія сходныхъ интересовъ. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что разныя лица помогаютъ другъ другу въ выполненіи одной и той же работы. Такимъ образомъ значеніе ихъ сводится къ значенію въ народной экономіи простаго сотрудничества. Въ борьбѣ съ разнообразными препятствіями въ дѣлѣ производства и удовлетворенія потребностей, людямъ необходимо соединяться вмѣстѣ, иначе индивидуальныя усилія ихъ могутъ оказаться безполезными; имъ необходимо соединяться вмѣстѣ не только для борьбы съ могучими силами природы, но и для спасенія въ сферѣ той между-человѣческой борьбы, которая называется конкурренціей.

Отдѣльный экономическій атомъ легко погибаетъ въ этой борьбѣ; другіе занимаютъ его мѣсто, радуясь паденію конкуррента, радуясь появленію вакантнаго мѣста. Спасеніе и помощь въ такіе черные дни онъ можетъ найти только въ союзахъ, организованныхъ по закону единенія сходныхъ интересовъ. Принципъ общиннаго труда имѣетъ такимъ образомъ высокое значеніе въ народной экономіи. Но не нужно преувеличивать этого значенія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, желающіе, чтобы артельная форма предпріятій поглотила всѣ другія формы. У насъ, наприм., нѣкоторые писатели предлагаютъ проекты такихъ земледѣльческихъ артелей, при которыхъ отдѣльные крестьяне не имѣли бы самостоятельной поземельной собственности, сообща обрабатывали землю, принадлежащую общинѣ и, за тѣмъ, дѣлились бы продуктами. Эти проекты обезземеленія крестьянъ противны свободѣ человѣка. Не имѣя отдѣльной собственности, къ которой можно было бы приложить свой трудъ и добыть себѣ средства существованія, отдѣльный работникъ будетъ въ полной зависимости отъ артели, его личная свобода будетъ только номинальною свободою. Всѣ приговоры большинства артельщиковъ, которымъ онъ не сочувствуетъ, будутъ имѣть для него принудительное значеніе; онъ долженъ будетъ работать такъ и тогда, какъ того желаетъ большинство артельщиковъ, или лица, стоящія во главѣ артели. Не повиноваться онъ не можетъ, такъ какъ неповиновеніе можетъ быть равносильно лишенію средствъ существованія. Въ поземельной артели неизбѣжно встрѣтиться съ тѣмъ общимъ явленіемъ, что одна личная свобода, несопровождаемая свободою экономическою, равняется нулю. Конечно, можетъ быть установлено для всѣхъ артелей общее правило, по которому посредствомъ годичнаго взноса опредѣленной суммы артельщикъ можетъ освободить себя отъ работы въ натурѣ, не лишаясь правъ на доходы, какъ это было въ извѣстной ржищевской артели ([5]); мы не отрицаемъ, что такое постановленіе можетъ принести извѣстную долю пользы, но далеко не всегда. Артельщикъ не всегда можетъ владѣть достаточными средствами для подобныхъ взносовъ; за тѣмъ, если возможность такихъ взносовъ будетъ облегчена, наприм. посредствомъ особаго кредита, то артель легко останется безъ членовъ работниковъ, которые предпочтутъ работу, соотвѣтствующую личному выбору, работѣ по наряду. Въ послѣднемъ случаѣ артель перестанетъ существовать, между тѣмъ какъ въ первомъ она будетъ особымъ видомъ закрѣпощенія, будетъ, такъ сказать,

взаимнымъ закрѣпощеніемъ, такъ какъ при отсутствіи экономической свободы не можетъ быть и рѣчи о существованіи личной свободы человѣка. На этомъ основаніи Милль осуществленіе артельнаго сельскаго хозяйства, организованнаго парагвайскими іезуитами, объясняетъ тѣмъ, что образованные люди привели подъ свое умственное владычество племя дикарей, подчинившихся ихъ безусловной власти. Это хозяйство, говоритъ онъ, „предполагаетъ полный деспотизмъ со стороны правителей—товарищей, и черта эта мало измѣнилась бы тѣмъ, если бы лица, которымъ ввѣряется власть, стали по временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ (6). Вотъ почему и въ западной Европѣ мы встрѣчаемъ факты артельнаго сельскаго хозяйства, но только въ тѣ вѣка, когда люди мало дорожили свободой, когда немногіе изъ образованныхъ людей понимали и чувствовали потребность индивидуальной свободы. Во Франціи въ средніе вѣка существовали крестьянскія общины—communautés, обрабатывавшія землю сообща и дѣлившія между собою продукты общиннаго труда. Общинники жили „á communs pot, sel et dépense, „a mixtion des biens“, старались быть въ отношеніяхъ между собою „uns et communs en biens meubles, héritages et conquêtes“. Нравственныя и общественныя условія, споспѣшествовавшія развитію индивидуализма, свободы и уваженія къ личности ближнихъ, были причиною постепеннаго исчезновенія этихъ общинъ, въ большей части случаевъ неоставившихъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, почему въ настоящее время слабые остатки ихъ рѣдко гдѣ встрѣчаются. Лишь тотъ, кто не желаетъ видѣть въ человѣкѣ индивидуума, а только экземпляръ породы въ особомъ стадѣ, можетъ не сомнѣваться въ разумности артельныхъ общинъ. Если бы такому человѣку предстояла дилемма: или поступить въ члены поземельной артели, или получить незначительный надѣлъ земли въ частное владѣніе, онъ, не задумываясь, предпочелъ бы послѣднее, предпочелъ бы свободу распоряженія своимъ рабочимъ временемъ труду обязательному и подневольному въ сельской общинѣ. Но вопросъ иначе рѣшается разнаго рода соціалистическими прожектерами, когда дѣло идетъ о другихъ и въ особенности о „мужикѣ“. Для этихъ другихъ законъ индивидуальнаго развитія и личной независимости не признается; даже совѣсть не протестуетъ у этихъ писателей—преобразователей, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подѣлить людей на особыя стойла, называемыя земледѣльческими артелями, коммунами и т. п. Подума-

ешь, что вопросъ идетъ лишь объ уничтоженіи пастбищъ и кормленіи скота въ стойлахъ.

Наши крестьяне несравненно разумнѣе относятся къ вопросу объ артельныхъ предпріятіяхъ. Они, напримѣръ, избѣгаютъ такихъ видовъ земледѣльческой артели, при которыхъ каждый отдѣльный членъ долженъ отказаться отъ своего поземельнаго надѣла, лишиться такимъ образомъ хозяйственной свободы, и при которыхъ участіе въ артели должно быть обязательно какъ для настоящихъ, такъ и для нарождающихся поколѣній рабочихъ. Они понимаютъ, что именно такіе виды артели всего опаснѣе для свободной дѣятельности каждаго, дѣлая отдѣльнаго хозяина батракомъ общины. Поэтому общинный трудъ, направленный къ обработкѣ собственныхъ пахатныхъ участковъ, практикуется ими въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда самостоятельная обработка положительно не мыслима. При такъ называемомъ общинномъ землевладѣніи, пока общинниковъ мало, общинная земля раздѣляется на крупныя полосы; съ увеличеніемъ населенія возникаетъ необходимость съуживать полосы. При этомъ, когда дѣло доходитъ до того, что полосы становятся чрезвычайно узки, то хозяева, получающіе надѣлъ всего на одну душу, соединяются съ какимъ либо сосѣдомъ, получаютъ надѣлъ вмѣстѣ и обрабатываютъ его сообща. Такое соединеніе надѣловъ и труда нисколько не связываетъ отдѣльныхъ членовъ тѣми стѣсненіями, которыя неизбѣжны въ обширной поземельной артели. Два или три сосѣда, соединяющіе свои надѣлы для совмѣстной ихъ обработки, продолжаютъ состоять временными собственниками своей земли, ихъ частныя права не поглощаются правами артели на эту землю, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ сохраняетъ свою хозяйственную свободу и можетъ состоять въ артели до той поры, пока ему это выгодно. Если общность обработки начинаетъ стѣснять его, онъ можетъ соединить свой надѣлъ и трудъ съ другими, съ которыми вести общее дѣло ему нисколько не противно. Между такою вполнѣ свободною формою артельнаго труда и постоянными земледѣльческими артелями, разрушающими хозяйственную свободу отдѣльныхъ членовъ, нѣтъ ничего общаго.

Можно признать отличительнымъ характеромъ всѣхъ практикуемыхъ нашимъ крестьянствомъ производительныхъ артелей—временное ихъ назначеніе. Это служитъ положительнымъ доказательствомъ отвращенія крестьянъ отъ тѣхъ видовъ артельныхъ предпріятій, посредствомъ которыхъ

уничтожается независимость отдѣльныхъ членовъ. Краткосрочность артельнаго труда служитъ гарантіей независимости отъ артельныхъ руководителей, которые свое непродолжительное старшинство надъ товарищами считаютъ высокою честью, стараются исполнять честно и свои обязанности. Самое же существенное въ этихъ, хотя и кратковременныхъ, но ежеминутно въ крестьянской средѣ учреждаемымъ артеляхъ состоитъ въ возможности выхода изъ опредѣленной артели, коль скоро порядки ея или произволъ руководителей оказываются для того или иного члена обременительными. Возможность выхода обезпечиваетъ взаимное уваженіе правъ каждаго, служитъ гарантіей противъ притѣсненій меньшинства большинствомъ членовъ, чего нѣтъ и не можетъ быть въ постоянной артели, въ особенности же въ постоянной земледѣльческой артели, въ которой поземельные участники лишаются своихъ поземельныхъ надѣловъ, отдаютъ ихъ въ артельную массу, прикрѣпляясь вмѣстѣ съ ними къ артели. Послѣдователи послѣдняго вида артелей игнорируютъ тотъ знаменательный фактъ, что въ средѣ нашего крестьянства, такъ склоннаго къ артельному труду, нигдѣ не существуетъ постоянныхъ земледѣльческихъ артелей. Крестьяне весьма часто артельно обрабатываютъ арендуемыя ими земли, но не соединяютъ въ большихъ размѣрахъ въ одну артельную массу собственныхъ надѣловъ. Имѣя свою собственную землю, крестьяне артельно обрабатываютъ арендуемый ими участокъ, если не сознавая, то чувствуя, что такая артель не можетъ принести каждому изъ нихъ особенныхъ стѣсненій, такъ какъ выходъ изъ нея вполнѣ возможенъ, чего не было бы въ томъ случаѣ, если бы они отказались отъ своей земли, находящейся въ ихъ частной собственности и превратили бы эту землю въ артельную. Даже и къ своимъ собственнымъ землямъ и притомъ въ большихъ размѣрахъ они примѣняютъ артельный трудъ, но только въ такихъ его формахъ, при которыхъ каждый отдѣльный хозяинъ не лишается надѣла, не теряетъ хозяйственной самостоятельности. Такъ, въ степной полосѣ между Ураломъ и Волгою крестьяне соединяютъ своихъ лошадей и воловъ для обработки земли тяжелымъ плугомъ, такъ какъ живой инвентарь каждаго отдѣльнаго хозяина весьма часто недостаточенъ для такой обработки. Таковы же артели крестьянъ, имѣющія цѣлію пріобрѣтеніе разнаго рода дорогихъ орудій, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, но пріобрѣтеніе которыхъ для каждаго отдѣльнаго хозяина на собственныя средства затруднительно или

вовсе невозможно. Всѣ подобнаго рода артельныя предпріятія, поднимая производительное значеніе личности, не отнимаютъ хозяйственной самостоятельности и свободы.

(1) Это проистекаетъ изъ необходимости свободнаго распоряженія трудомъ рабочихъ, что невозможно при отсутствіи солидарности ихъ интересовъ съ интересами землевладѣльца. Нѣкоторые требуютъ даже уничтоженія или ограниченія свободы сельскихъ рабочихъ, исхода изъ необходимости въ сельскомъ хозяйствѣ полной свободы распоряженія трудомъ. Польскій экономистъ Н. Миттельштедтъ говоритъ по этому поводу: „Освобожденный работникъ зачастую говоритъ: сего дня дождь, я останусь дома.“ Если бы генералу поручили команду надъ войскомъ, которое будетъ драться только тогда когда захочетъ, и откажется идти въ походъ въ дождливую погоду, что онъ бѣдняга сдѣлаетъ? А въ хозяйствѣ хуже чѣмъ на войнѣ; потерянная недѣля ничѣмъ не вознаградится, даже если бы въ слѣдующую недѣлю располагали двойными рабочими силами; время ушло, солнце грѣетъ слабѣе и результатъ долженъ выйти плохой, тогда какъ на войнѣ можно вознаградить потерянное и въ концѣ концовъ все таки остаться побѣдителемъ.“ Нов. экон. начала, стр. 100. (2) Н. Бунге. Полицейское право, выпускъ 3, стр 228. (3) Richesse des Nations т. II. стр. 145. (4) Dict. de l'econ. pol. сл agriculture. (5) Фундуклей. Стат. описаніе Кіевск. губ. т. II, стр. 292—298.

III. Отрасли производительной дѣятельности.

Производительная дѣятельность человѣка раздѣляется на двѣ категоріи: на дѣятельность, направленную къ производству духовно-нравственныхъ благъ, и дѣятельность, овеществляющуюся въ матеріальныхъ произведеніяхъ. Съ экономической точки зрѣнія наиболѣе существенное различіе между ними состоитъ въ томъ, что вещественная дѣятельность создаетъ продукты, отчуждаемые въ обмѣнѣ, между тѣмъ какъ духовно-нравственныя блага, называемыя обыкновенно услугами, не отчуждаются. Учитель, передающій знанія своему ученику, не лишается ихъ; докторъ, оказывающій услугу больному своимъ совѣтомъ, не отчуждаетъ части своихъ медицинскихъ свѣдѣній; артистъ, доставляющій своей игрой слушателямъ эстетическое удовольствіе, не лишается таланта, которымъ онъ удовлетворяетъ другихъ. Второе отличіе состоитъ въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ для пользованія услугами необходима встрѣчная дѣятельность со стороны тѣхъ, кто пользуется услугой. Для того, чтобы урокъ учителя не пропалъ безслѣдно, необходимо надлежащее усвоеніе его со стороны уче-

ника; для того, чтобы воспользоваться услугой артиста, необходима извѣстная артистическая подготовка со стороны слушателей. Но, съ другой стороны, въ духовно-нравственныхъ благахъ заключается сила, вызывающая эту встрѣчную дѣятельность другихъ. Живое слово оратора увлекаетъ слушателей; талантливый писатель заставляетъ своихъ читателей мыслить и чувствовать то, что онъ самъ передумалъ и перечувствовалъ; опытный педагогъ не только вызываетъ любознательность, но и усидчивость къ занятіямъ.

Какъ мы уже говорили, между духовно-нравственною и матеріальною дѣятельностью человѣка существуетъ тѣсная связь: духовный трудъ не мыслимъ безъ матеріальнаго и въ свою очередь матеріальный трудъ не мыслимъ безъ духовно-нравственнаго. Если матеріальный трудъ не мыслимъ безъ сознанія и знанія, то и духовный трудъ требуетъ матеріальныхъ пособій, техническихъ инструментовъ, орудій медицинскихъ, телеграфическихъ и т. п.

Система орудій и машинъ представляетъ собою какъ бы смѣшанный элементъ, объединяющій матеріальную и духовную дѣятельность. Орудія и машины представляютъ собою овеществленное знаніе человѣка, направленное къ увеличенію благосостоянія.

Орудіями называются приспособленія, непосредственно увеличивающія силы человѣка. Вмѣсто того, чтобы непосредственно своими руками утилизировать матеріалъ, наприм. дерево, землю, человѣкъ употребляетъ орудіе (топоръ, заступъ), при помощи котораго онъ получаетъ возможность лучше воспользоваться матеріаломъ производства. Орудія, поэтому, приводятся въ движеніе непосредственно органами человѣка, въ увеличеніи силъ коихъ и состоитъ назначеніе орудій.

Машиной называется система орудій, приводимыхъ въ движеніе посредствомъ стихійныхъ дѣятелей. Машина обыкновенно состоитъ изъ трехъ частей: двигательной, передаточной и рабочей. Двигательная часть машины получаетъ силу или непосредственно извнѣ (сила вѣтра, воды), или вырабатываетъ ее въ себѣ (паровая машина). Передаточная часть состоитъ изъ механическихъ приспособленій, имѣющихъ своей задачей передачу силы рабочей части. Наконецъ рабочая часть состоитъ изъ орудій, употребляющихся отдѣльно въ производствахъ, но болѣе развитыхъ и усовершенствованныхъ, согласно со свойствами болѣе могучихъ двигателей. Ж. Б. Сэ опредѣлялъ орудіе, какъ простую машину, а машины называлъ сложною системой орудій. Это

послѣднее опредѣленіе вѣрно относительно рабочей части машины. Рабочая часть машины дѣйствительно представляетъ собою сложную систему орудій. Когда работаетъ при помощи орудія человѣкъ, то, вслѣдствіе ограниченности силъ, одновременно употребляется въ дѣло одинъ инструментъ. Въ машинѣ количество такихъ употребляющихся въ дѣло орудій значительно увеличивается, такъ какъ и сила, приводящая ихъ въ движеніе, значительно превосходитъ силы человѣка. Поэтому одна и таже двигательная сила можетъ быть направлена съ одной стороны къ работѣ многочисленныхъ однородныхъ орудій, а съ другой къ работѣ разнородныхъ орудій, наприм. къ молотьбѣ хлѣба, обмолу его, рѣзкѣ соломы и т. п.

Средину между орудіями и машинамы въ строгомъ смыслѣ этого слова составляютъ простыя машины, состоящія изъ двухъ частей: изъ передаточнаго механизма и рабочей части. Въ этихъ машинахъ двигательная сила принадлежитъ человѣку, какъ наприм. въ швейной машинѣ. Выражаясь точно, такія машины слѣдовало бы называть усовершенствованными орудіями, такъ какъ назначеніе и самый механическій составъ ихъ вполнѣ аналогичны съ назначеніемъ и механическимъ составомъ орудій. Не смотря на значительное облегченіе труда, такая машина далеко не представляетъ собою той силы, какая дается машинами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Все значеніе послѣднихъ сводится къ свойствамъ двигательныхъ частей ихъ, отъ которыхъ зависитъ значеніе рабочаго механизма и все значеніе машины въ народной экономіи.

На низшихъ ступеняхъ развитія двигательной силой въ машинахъ служатъ силы животныхъ. Значительный шагъ впередъ въ развитіи человѣчества состоялъ въ томъ, что силы животнихъ были употреблены въ производствѣ вмѣсто силъ рабовъ, приводившихъ въ движеніе ручныя мельницы и т. п. Еще болѣе значительный шагъ былъ сдѣланъ тогда, когда люди начали употреблять въ качествѣ двигателей силы воды и вѣтра. Въ теченіи вѣковъ человѣчество пользовалось услугами только этихъ двигателей, которые не поддаются свободному распоряженію, вслѣдствіе чего и промышленность, основанная на нихъ, не могла быстро развиваться. Силы вѣтра не могутъ быть въ постоянномъ и правильномъ подчиненіи; они измѣнчивы и неравномѣрны. Силы воды имѣютъ тотъ недостатокъ, что ими возможно пользоваться только въ опредѣленныхъ мѣстахъ и также не

съ такимъ постоянствомъ, какъ это необходимо для правильнаго развитія промышленности. Только съ примѣненіемъ пара производительная дѣятельность получила то развитіе, какимъ она характеризуется въ настоящее время. Паръ вполнѣ подчиненъ человѣку, такъ какъ создается въ производствѣ и создается въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ нуждается производство. Силы его примѣнимы ко всѣмъ видамъ матеріальнаго производства и примѣненіе ихъ не зависитъ отъ опредѣленныхъ условій мѣстности, въ виду того, что вмѣстители ихъ могутъ быть легко передаваемы изъ однихъ мѣстностей въ другія. Благодаря этому, промышленность, послѣ открытія Уатта, получила такое развитіе, какое не извѣстно было во все предшествовавшее время.

Но и этотъ двигатель имѣетъ свои недостатки, отражающіеся на всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ. Примѣненіе пара къ промышленности въ малыхъ размѣрахъ встрѣчаетъ пока непреодолимыя препятствія въ томъ отношеніи, что производство его, какъ движущей силы, обходится дорого, а между тѣмъ передача на большія разстоянія не возможна. Вотъ почему промышленность, основанная на этомъ двигателѣ, получила характеръ производства въ большихъ размѣрахъ, концентрированнаго въ опредѣленныхъ пунктахъ. Возникли громадные промышленные центры, подавившіе или подавляющіе мелкую промышленность, возникъ быстрый ростъ городскаго населенія, скученность рабочихъ массъ со всѣми ея печальными послѣдствіями, вредно отражающимися и на сельскомъ населеніи. Темныя стороны существующей промышленности, проистекающія изъ свойствъ самаго двигателя ея, могутъ быть измѣнены не иначе, какъ съ измѣненіемъ самаго двигателя. Попытки въ этомъ направленіи съ каждымъ днемъ даютъ все большую и большую увѣренность въ успѣхѣ. Новымъ двигателемъ, долженствующимъ замѣнить паръ, по всей вѣроятности, будетъ электричество. Сила этого двигателя можетъ быть передаваема на громадныя разстоянія, вслѣдствіе чего должно исчезнуть не только сосредоточіе производства въ опредѣленныхъ пунктахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшатся темныя стороны производства въ большихъ размѣрахъ. Производство силы, стоющее дорого, при распредѣленіи ея между многими пользующимися ею, каждому въ отдѣльности окажется по средствамъ и такимъ образомъ мелкій ремесленникъ, работающій у себя дома, получитъ возможность облегчать свою работу силой, которая теперь доступна лишь крупнымъ предпринимателямъ. Передача

пара не мыслима въ такой мѣрѣ, какъ передача наприм. газа для освѣщенія, воды для питья и т. п. Идутъ лишь попытки канализировать теплоту, на подобіе передачи по трубамъ воды. Примѣненіе электричества подаетъ надежду въ томъ, что подобно тому, какъ въ настоящее время каждый за недорогую цѣну имѣетъ у себя дома газовое освѣщеніе и воду, съ теченіемъ времени каждый производитель получитъ возможность имѣть у себя же на дому и движущую силу.

Мы выше говорили, что всѣ отрасли дѣятельности человѣка, направленной къ удовлетворенію нормальныхъ потребностей, имѣютъ производительное значеніе. Но при этомъ одни отрасли имѣютъ непосредственно производственное значеніе, другія являются отраслями дѣятельности преимущественно въ сферахъ распредѣленія и потребленія, имѣя лишь посредственно производственное значеніе. Въ настоящемъ отдѣлѣ о производствѣ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть слѣдующія отрасли производительной дѣятельности: 1) духовно-нравственную дѣятельность, 2) добывающую промышленность, 3) сельско-хозяйственное производство, 4) лѣсоводство и въ 5) обрабатывающую промышленность.

а) Духовно-нравственная дѣятельность.

§ 1. Духовно-нравственный строй населенія принадлежитъ къ такимъ элементамъ народной жизни, которыми всецѣло обусловливается состояніе и развитіе остальныхъ элементовъ. Дѣятельность человѣка въ обществѣ слагается изъ двухъ сферъ. Съ одной стороны она зависитъ отъ механическихъ законовъ, заключающихся въ природѣ личности и ея отношеній къ другимъ. Это сфера господства законовъ *общественной физики*, сфера подчиненія человѣка. Но эта сторона еще не заключаетъ въ себѣ всего человѣка и всей его дѣятельности. Какъ существо разумно-нравственное, человѣкъ можетъ управлять самимъ собою и внѣшнимъ міромъ, можетъ руководить отношеніями къ другимъ, направлять свою дѣятельность и дѣятельность другихъ къ опредѣленнымъ, свободно избраннымъ цѣлямъ. Это сфера *общественной этики*, отъ развитія которой зависитъ то, въ какой мѣрѣ человѣкъ перестаетъ быть рабомъ природы, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. въ какой мѣрѣ онъ перестаетъ быть рабомъ не только внѣшней природы и другихъ людей, но также рабомъ самаго себя, своего невѣжества и страстей. Развиваясь духовно-нравственно, человѣкъ воз-

дѣйствуетъ на физико-общественные законы, сознательно руководитъ ими. Истина даетъ человѣку дѣйствительную свободу. Такъ возникаетъ взаимодѣйствіе между двумя взаимно-противоположными общественными сферами, между общественной физикой и общественной этикой. Начавшееся взаимодѣйствіе ведетъ *къ органическому развитію.* Общественный организмъ представляетъ собою ни что иное, какъ совокупность условій такого взаимодѣйствія между элементами физики и этики въ общежитіи. Внѣ сферы общественной этики господствуетъ слѣпая необходимость и чисто животная жизнь. Только благодаря этическому элементу, человѣкъ возвышается надъ чисто животнымъ міромъ.

Какъ мы уже говорили, существованіе этихъ двухъ общественныхъ сферъ было развито еще А. Смитомъ, констатировавшимъ въ своемъ „Богатствѣ народовъ" законы общественной физики, а въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ"—законы общественной этики. Къ сожалѣнію, самъ А. Смитъ далъ поводъ своимъ послѣдователямъ къ игнорированію духовно-нравственною дѣятельностью, назвавъ эту послѣднюю, какъ не овеществляющуюся въ произведеніяхъ, не производительною дѣятельностью. Лишь послѣ того, какъ въ послѣднее время экономическая наука пришла къ отрицанію доктрины непроизводительности духовнаго труда, духовно-нравственная дѣятельность начинаетъ получать въ политической экономіи надлежащее значеніе.

Послѣ уясненія значенія въ народной экономіи умственнаго элемента начинаютъ постепенно уясняться и другія стороны духовной дѣятельности. Укажемъ наприм. на констатированное М. Гаусгоферомъ общественное значеніе фантазіи. Семья, говоритъ онъ, представляетъ собою произведеніе двухъ первобытныхъ дѣятелей: борьбы индивидуума за существованіе и борьбы за существованіе рода, къ которому принадлежитъ индивидуумъ. Послѣдній факторъ въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ носитъ названіе любви, въ которой воображеніе или фантазія безспорно играетъ большую роль, а слѣдовательно эта фантазія не можетъ не имѣть большаго значенія и въ организаціи семьи. Особенно важное значеніе она имѣетъ относительно прочности семейныхъ союзовъ. Здѣсь можно замѣтить слѣдующее: гдѣ народное воображеніе (Volksphantasie) такимъ образомъ воспитано, что объективный идеалъ долга (обязанности) считается выше субъективнаго идеала индивидуума, тамъ воображеніе не дѣйствуетъ разрушительно

на семейныя связи. Въ противномъ случаѣ, когда субъективные идеалы цѣнятся выше долга, тамъ прочность семьи становится не мыслимою въ большинствѣ случаевъ. Не найдя осуществленія своего субъективнаго идеала, подъ вліяніемъ воображенія человѣкъ ищетъ новыхъ и такимъ образомъ фантазія подкапываетъ прочность и общественное значеніе семьи. Отъ правильнаго развитія и направленія народнаго воображенія въ значительной степени зависитъ даже развитіе національнаго духа. Національность зависитъ отъ любви къ родинѣ, отъ литературнаго общенія, отъ развитія въ народѣ собственнаго художественнаго творчества и т. п. элементовъ, обусловливаемыхъ въ своемъ существованіи развитіемъ не только мысли, но и воображенія (1).

(1) Max. Haushofer. Die Phantasie als sociale Macht. Eine studie aus dem Gebiete der gesellschaftslehre. „Westermann's Monats hefte" Juni 1885.

§ 2. Ни одинъ видъ дѣятельности такъ тѣсно не связанъ съ личностью человѣка, какъ духовно-нравственная дѣятельность. Какъ выше сказано было, даже передача произведеній духовно-нравственнаго труда отъ одного лица къ другому необходимо требуетъ встрѣчной духовно-нравственной дѣятельности другаго, иначе не мыслимо усвоеніе, т. е. не мыслима самая передача, не возможенъ духовно-нравственный обмѣнъ. Тѣмъ въ большей степени отъ свойствъ и качествъ личности зависитъ самое производство невещественныхъ богатствъ. Здѣсь все зависитъ отъ призванія, отъ способностей, отъ внутреннихъ, свойствъ личности. Работа по заказу въ этой сферѣ не можетъ имѣть того значенія, какое она имѣетъ въ производствѣ матеріальныхъ богатствъ.

Эта органическая связь духовно-нравственной дѣятельности съ личностью трудящагося привела нѣкоторыхъ изслѣдователей къ мысли, что отношенія государства къ духовно-нравственной дѣятельности должны имѣть исключительно отрицательный характеръ, т. е. состоять въ устраненіи препятствій для этой дѣятельности и въ облегченіи средствъ къ ея развитію. Такъ наприм. во Франціи въ теченіи долгаго времени господствовало воззрѣніе, что исправительныя колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ должны быть исключительно частными учрежденіями, а не правительственными. Трудная задача испра-

ленія преступника можетъ быть осуществляема лишь тѣми лицами, которыя чувствуютъ внутреннее призваніе къ этому дѣлу высокой благотворительности, не всякому даже понятной. Здѣсь нуженъ не наемный трудъ, но трудъ тѣхъ, у кого есть непреодолимая потребность именно къ этой тяжелой дѣятельности. „Въ образѣ жизни и содержаніи малолѣтнихъ преступниковъ, говорятъ приверженцы системы частныхъ исправительныхъ заведеній, должно руководствоваться не идеею исправительнаго наказанія, а мыслью исправительнаго воспитанія. Цѣль содержанія ихъ въ заведеніи не можетъ состоять сначала въ запугиваньи ихъ воображенія страхомъ наказанія, а потомъ въ напоминаніи имъ о семъ. Напротивъ, порядокъ заведенія долженъ быть направленъ къ тому, что бы умягчить юныя сердца, ожесточенныя дурнымъ воспитаніемъ, вредными примѣрами и заброшенностью, и это съ тою цѣлію, что бы возстановить тѣ поврежденія, которыя сдѣланы были преждевременною порчею. Словомъ тутъ дѣло идетъ прежде всего о благотворительности. Правительство, по самой природѣ своей, не есть учрежденіе благотворительное. Гдѣ дѣло касается этой цѣли, тамъ частная дѣятельность сдѣлаетъ больше, чѣмъ правительственная.“ (1) Согласившись съ этимъ мы должны согласится также и съ тѣмъ, что государство вовсе не должно участвовать въ организаціи общественнаго призрѣнія, подаянія помощи не имущимъ, призрѣнія сиротъ и т. п. такъ какъ это все дѣла благотворительности. Въ силу подобныхъ же соображеній признаютъ принципъ laissez—passer, laissez—faire въ примѣненіи къ развитію и распространенію знаній. Духовныя блага—это блага вполнѣ личныя, возникаютъ въ личности и государство здѣсь ничего не можетъ создавать.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что блага духовныя, по своей тѣсной связи съ личностью, правильно создаются и растутъ только тогда, когда личность по собственной иниціативѣ стремится къ нимъ, работаетъ по внутреннему призванію, а не по принужденію. Но это нисколько не исключаетъ государственнаго участія въ этомъ важнѣйшемъ дѣлѣ народнаго благосостоянія. Государство не есть что либо отдѣльное отъ гражданъ, что либо внѣшнее въ отношеніи къ подданнымъ. Оно дѣйствуетъ въ интересахъ всѣхъ чрезъ лучшихъ изъ своихъ членовъ, работающихъ также по внутреннему призванію служить общему интересу. Въ духовно-нравственныя учрежденія, какъ наприм. въ правительственныя исправительныя колоніи могутъ быть привлека-

емы люди, ищущіе именно этого рода дѣятельности и работающіе не по заказу, но по внутреннему побужденію. Не даромъ въ дѣйствительности правительственныя исправительныя колоніи оказались не менѣе успѣшными, чѣмъ и частныя. Участіе государства въ данномъ случаѣ открываетъ возможность всѣмъ, чувствующимъ призваніе къ извѣстной духовно-нравственной дѣятельности, найти приложеніе своимъ силамъ, такъ какъ не всегда частныя средства могутъ дать такую возможность.

Многія изъ средствъ изученія явленій не доступны или мало доступны не только силамъ отдѣльныхъ лицъ, но также и обществъ, почему и въ этихъ случаяхъ возникаетъ необходимость непосредственнаго участія въ этомъ дѣлѣ государственной власти. Государство обыкновенно и принимаетъ участіе посредствомъ особыхъ коммиссій и ученыхъ обществъ, таковы наприм. мѣры относительно собиранія географическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и т. п. научныхъ свѣдѣній. Дѣятельность государства въ собираніи метеорологическихъ данныхъ лучше всего можетъ иллюстрировать значеніе подобнаго участія. Для собиранія этихъ данныхъ необходима одновременная работа многихъ людей на значительныхъ пространствахъ, причемъ чѣмъ больше поле наблюденій, тѣмъ большее научное и практическое значеніе будетъ имѣть полученный результатъ. Но такая работа положительно не доступна частнымъ средствамъ и безъ участія государства развитіе такой важной науки, какъ метеорологія, было бы не мыслимо. Здѣсь частное простое сотрудничество не можетъ имѣть практическаго примѣненія и должно уступить мѣсто служебному сотрудничеству, организуемому государствомъ. Заслуживаетъ особаго вниманія въ этомъ отношеніи образцовая дѣятельность въ Соед. Штатахъ сѣверной Америки. „Въ Соед. Штатахъ при военномъ департаментѣ существуетъ корпусъ сигнальныхъ офицеровъ, на обязанности которыхъ лежитъ устройство и поддержка телеграфическихъ сообщеній во время войны. Декретомъ конгресса отъ 9 февр. 1870 г. при томъ же корпусѣ учреждено „Отдѣленіе метеорологическихъ телеграммъ и отчетовъ о погодѣ на пользу торговли и земледѣлія“. На подвѣдомственныхъ отдѣленію метеорологическихъ станціяхъ наблюденія производятся офицерами и подготовленными солдатами сигнальнаго корпуса, который такимъ образомъ въ мирное время занимается научными работами. Три раза въ день наблюденія производятся одновременно по

всей территоріи Соед. Штатовъ и немедленно сообщаются въ Вашингтонъ, въ центральное отдѣленіе. Для этой цѣли безплатно представляются въ распоряженіе наблюдателей всѣ телеграфныя линіи. Нерѣдко въ теченіи 45 минутъ донесенія 138 станціи сосредоточиваются въ Вашингтонѣ, а часъ спустя результаты и предсказанія публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Предсказанія составляются три раза въ день и вмѣстѣ съ данными о состояніи погоды сообщаются во всѣ концы страны. Чтобы сдѣлать ихъ доступными земледѣльческому классу, приняты особыя мѣры. Когда бюллетень составленъ на основаніи наблюденій въ 11 ч. ночи, его сообщаютъ по телеграфу на отдѣльныя станціи, тамъ онъ немедленно печатается и отсылается въ ближайшія почтовыя учрежденія, гдѣ выставляется на видныхъ мѣстахъ. Предувѣдомленія о погодѣ сообщаются въ разныя желѣзно-дорожныя общества, директора которыхъ немедленно распоряжаются отпечатать сообщенія и принимаютъ мѣры для быстраго распространенія ихъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ“ (2). Всякому очевидно, что подбоная дѣятельность не возможна безъ участія въ этомъ дѣлѣ государства.

Во многихъ случаяхъ она не возможна безъ такого участія даже тогда, когда была бы по силамъ частнымъ лицамъ и обществамъ. Экономисты считали духовную дѣятельность непроизводительною потому, что она не овеществляется въ опредѣленныхъ произведеніяхъ, которыя могли бы переходить посредствомъ купли—продажи. Какъ мы говорили, эта особенность ни въ какомъ случаѣ не препятствуетъ духовному труду считаться производительнымъ трудомъ. Но указанная экономистами особенность духовнаго труда имѣетъ несомнѣнное значеніе въ томъ отношеніи, что ею обусловливается матеріальная бездоходность многихъ видовъ этого труда. А между тѣмъ работать и жертвовать средствами для идеи, а не дохода, не многіе могутъ. Если бы пришлось ожидать частнаго почина и частныхъ средствъ, то многія изъ наукъ до сихъ поръ не существовали бы.

Наконецъ необходимо не забывать и того, что, хотя духовно-нравственная дѣятельность человѣка тѣсно связана съ личностью, она въ тоже самое время не менѣе органически связана со всѣми сторонами общественной жизни. Если ни одинъ видъ дѣятельности человѣка такъ тѣсно не связанъ съ личностью, какъ духовно-нравственное производство, то въ тоже самое время необходимо также сказать, что ни одинъ видъ дѣятельности индивидуума такъ тѣсно не связанъ

и съ общественною жизнью, какъ духовно-нравственный трудъ. Примѣромъ этой связи можетъ служить печать. Какъ замѣтилъ Л. Штейнъ, „въ силу природы книгопечатанія печать есть та форма, въ которой *частное лице* работаетъ *для всѣхъ*. Она имѣетъ возможность передать каждому человѣку на всякомъ поприщѣ образованіе всѣхъ вообще. Вслѣдствіе этого по самой своей природѣ она безгранична по отношенію къ предметамъ, воззрѣніямъ, лицамъ. Она есть воплощеніе и фактическое осуществленіе совокупной жизни духа. Она есть потому могущественная власть, ибо она есть власть имѣющагося создаться будущаго надъ настоящимъ“ (3). Уже эта одна органическая связь духовно-нравственной дѣятельности отдѣльнаго лица съ обществомъ указываетъ на то, что эта дѣятельность не можетъ быть предоставлена исключительно личному интересу, личной иниціативѣ и частнымъ средствамъ. Здѣсь одна изъ труднѣйшихъ задачъ народной экономіи. Начало безусловно личное должно быть строго примирено съ требованіями общественности, такъ какъ при подавленіи одного изъ элементовъ правильное ризвитіе духовно-нравственной дѣятельности становится вполнѣ затруднительнымъ. Примиреніе достигается развитіемъ принципа національности, въ которомъ объединяются задачи личности съ задачами государственности.

Страна безъ національной духовно-нравственной дѣятельности не можетъ существовать, какъ самостоятельный членъ въ семьѣ другихъ народовъ. Гдѣ нѣтъ собственной головы, гдѣ нѣтъ самосознанія, знанія окружающей природы и своей воли, руководимой собственнымъ сознаніемъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть никакой самостоятельности.

Если страна еще можетъ существовать безъ какой либо отрасли вещественнаго производства, получая необходимые ей продукты изъ другихъ странъ, то ни въ какомъ случаѣ никакая страна не можетъ жить чужими мыслями и чужими чувствами, сохраняя въ тоже время свою самобытность. Несчастенъ отдѣльный человѣкъ, принужденный жить чужой головой и чужой волей; но еще несчастнѣе страна, безъ національной духовно-нравственной дѣятельности. Международное рабство—вотъ судьба такой страны. Но требованія національнаго духа глубоко коренятся въ самой природѣ личности, будучи въ тоже время коренными требованіями государства. Требованія во имя національнаго развитія не могутъ не быть близки каждому, почему въ этихъ требованіяхъ и объединяются требованія личности съ требованіями

государственности въ дѣлѣ духовно-нравственнаго производства. Просвѣщеніе, образованіе и воспитаніе должны быть національными. Только при этомъ условіи духовно-нравственныя блага будутъ самостоятельно развиваться въ странѣ, нося въ себѣ сѣмена своей собственной жизни. Духовно-нравственныя блага растутъ и саморазвиваются только на почвѣ національности—это основной законъ духовно-нравственной дѣятельности.

(1) А. Ѳ. Кистяковскій. Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія, стр. 42—43. (2) В. И. Заіончевскій. О предсказаніи погоды. Записки Ново-Александрійскаго Института. 1883. (3) Ученіе объ управленіи и право управленія, стр. 162—163.

б) Добывающая промышленность.

Добывающая промышленность состоитъ въ добычѣ готовыхъ даровъ природы, количество которыхъ искусственно не увеличивается человѣкомъ.

На низшихъ ступеняхъ историческаго развитія эта промышленность состояла въ сборѣ дикихъ плодовъ, въ рыбной ловлѣ и охотѣ. Теперь, по замѣчанію Лавеле, „въ Европѣ сборъ дикихъ плодовъ остается воспоминаніемъ золотаго вѣка, охота же удовольствіемъ, стоющимъ болѣе, чѣмъ приносящимъ дохода. Одна рыбная ловля сохранила нѣкоторое значеніе. Въ Норвегіи она приноситъ столько же дохода, сколько и земледѣліе“ (1). Сборъ дикихъ плодовъ замѣненъ садоводствомъ, появилось и получаетъ все большее и большее значеніе искусственное рыбоводство, какъ равно и искусственное разведеніе дичи. Такимъ образомъ эти виды труда перестаютъ принадлежать къ добывающей промышленности, такъ какъ количество произведеній начинаетъ искусственно увеличиваться. Тоже самое необходимо сказать и о лѣсоводствѣ. Только на извѣстныхъ ступеняхъ развитія лѣсоводство можно причислять къ добывающей промышленности; когда лѣсовъ много, сравнительно съ количествомъ населенія, еще нѣтъ нужды въ искусственномъ разведеніи лѣса, человѣкъ довольствуется тѣмъ, что создается по мимо его воли силами природы. Но уже въ настоящее время почти во всѣхъ современныхъ европейскихъ государствахъ лѣсъ правильно культивируется и пересталъ принадлежать къ добывающимъ видамъ промышленности.

Другіе виды добывающей промышленности принадлежатъ къ ней въ силу самой природы промысла, почему и остаются добывающими отраслями труда на всѣхъ ступеняхъ развитія. Такова наприм. добыча изъ нѣдръ земли маталловъ, каменнаго угля, соли, нефти и т. п. Количество этихъ произведеній ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть увеличиваемо человѣкомъ, а между тѣмъ спросъ на нихъ увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ экономической жизни. Большая часть добываемыхъ такимъ образомъ произведеній, увеличеніе которыхъ не зависитъ отъ воли человѣка, имѣетъ высокое экономическое значеніе. Таково наприм. значеніе золота и серебра, какъ матеріала, изъ котораго приготовляются деньги. „На одинъ вопросъ, говоритъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, не представляется столь важнымъ *для всего человѣчества*, какъ вопросъ о производительности и потребленіи драгоцѣнныхъ металловъ. Вопросъ этотъ интересуетъ всѣ народы мало-мальски цивилизованные и имѣющіе торговыя сношенія съ другими народами. Но кромѣ общаго интереса для цѣлыхъ народовъ, вопросъ о драгоцѣнныхъ металлахъ невольно интересуетъ всѣхъ и каждаго изъ насъ, постоянно находящихся подъ его вліяніемъ и чувствующихъ на своихъ карманахъ отраженіе явленій, вліяющихъ на производительность и потребленіе драгоцѣнныхъ металловъ. Монета есть представитель цѣнности, и она повсюду дѣлается изъ золота и серебра. Взаимная солидарность между различными народами въ этомъ отношеніи гораздо тѣснѣе, чѣмъ можно предположить съ перваго взгляда; такъ, какое нибудь постановленіе, состоявшееся гдѣ либо на западѣ, въ Берлинѣ или Парижѣ, по монетному вопросу, отражается на богатствѣ и доходахъ народовъ, живущихъ у подошвы ли Гималайскихъ горъ или за Кордильерами, на берегахъ ли Желтой или же Амазонской рѣки. Вслѣдствіе легкости и удобства перевозки драгоцѣнныхъ металловъ образовался одинъ общій всемірный рынокъ для золота и серебра“ (2). Но количество этихъ металловъ не можетъ быть по произволу увеличиваемо; человѣкъ лишь добываетъ золото и серебро, но не производитъ ихъ. Между тѣмъ спросъ долженъ постоянно увеличиваться вмѣстѣ съ увеличеніемъ торговыхъ оборотовъ и увеличеніемъ населенія. Должно наступить время, когда ежегодная добыча драгоцѣнныхъ металловъ не будетъ въ состояніи удовлетворять потребности въ нихъ. Э. Зюссъ рѣшительно утверждаетъ, что ежегодная добыча золота постепенно должна пони-

жаться и долженъ возникнуть недостатовъ въ золотѣ для покрытія существующихъ потребностей въ этомъ металлѣ. Онъ утверждаетъ, что съ теченіемъ времени даже вмѣстѣ взятые оба металла—золото и серебро—не будутъ въ состояніи удовлетворять потребности торговли (3).

Не меньшее значеніе для современнаго экономическаго быта имѣетъ и каменный уголь. Каменный уголь называютъ даже „хлѣбомъ промышленности". Англія обязана высокимъ развитіемъ своей промышленности главнымъ образомъ каменно-угольнымъ залежамъ. Между тѣмъ эти залежи ежегодно истощаются и чѣмъ быстрѣе добыча, тѣмъ скорѣе должно наступить полное истощеніе. Джевонсъ Стенлей говоритъ, что при существующихъ размѣрахъ эксплоатаціи, когда внутреннее потребленіе каменнаго угля въ Англіи ежегодно возрастаетъ въ поражающей прогрессіи, достаточно одного столѣтія для истощенія Англіей основнаго источника своего торговаго могущества. Варингтонъ Смитъ отдаляетъ срокъ полнаго истощенія на 2—3 столѣтія. Какъ бы то ни было, истощеніе несомнѣнно должно наступить и по мѣрѣ приближенія къ нему цѣны каменнаго угля должны возвышаться и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваться затрудненія во всѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ каменный уголь служитъ источникъ основной силы, дающей движеніе. Къ счастію, Бельгія, Америка, Франція и Россія владѣютъ громадными залежами, которыя придутъ на помощь европейской промышленности. Но и эти залежи не безконечны. Вопросъ о раціональной эксплоатаціи ихъ становится вопросомъ также важнымъ, какъ важенъ каменный уголь въ народно-экономическихъ отношеніяхъ.

Истощеніе особенно легко въ добычѣ такихъ продуктовъ, какъ нефть. Золото, если не разрабатывается, говоритъ Д. Менделѣевъ, лежитъ въ землѣ и достанется нашимъ потомкамъ—хоть этимъ можно себя утѣшить; нефть же, если не будетъ извлена, утечетъ въ моря, испарится, оставивъ одинъ „киръ" или землю, пропитанную нефтяными остатками. Мѣшкать въ нефтяномъ дѣлѣ—значитъ терять безвозвратно (4).

Но въ горномъ дѣлѣ важно не только предупрежденіе и замедленіе истощенія, а также правильное удовлетвореніе потребностей въ горныхъ продуктахъ. Страна можетъ испытывать нужду въ такомъ продуктѣ первой необходимости, какъ соль, но частные собственники,

которымъ принадлежатъ соляные источники, могутъ не пользоваться ими въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для удовлетворенія спроса; нѣкоторые изъ нихъ могутъ и вовсе не разрабатывать ихъ. Страна съ развитою обрабатывающею промышленностью нуждается въ томъ, чтобы залежи каменнаго угля правильно эксплоатировались, но частнымъ собственникамъ можетъ быть выгодно не эксплоатировать ихъ вполнѣ, для того, чтобы спросъ превышалъ предложеніе и такимъ образомъ стояли бы высокія цѣны на продуктъ, имѣющій значеніе „хлѣба промышленности". Очевидно, необходимо въ горномъ дѣлѣ съ одной стороны принятіе мѣръ къ тому, чтобы богатства, скрываемыя въ нѣдрахъ земли, были добываемы и страна могла получать правильное удовлетвореніе въ горныхъ продуктахъ, а съ другой необходимы мѣры къ предупрежденію хищнической эксплоатаціи этихъ богатствъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо путемъ производства.

Это достигается съ одной стороны отдѣленіемъ права собственности на поверхность земли отъ права собственности на нѣдра и запрещеніями неразработки или малой разработки нѣдръ, а съ другой постановленіями, направленными спеціально противъ хищнической культуры въ добывающей промышленности.

У насъ еще указомъ Петра Великаго отъ 10 дек. 1719 года было установлено отдѣленіе правъ собственности на поверхность отъ правъ собственности на нѣдра. Этимъ указомъ было разрѣшено „всѣмъ и каждому, какого бы чина и достоинства ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ, какъ собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы, минералы, земли и каменья". При этомъ „если владѣлецъ не имѣетъ самъ охоты строить заводъ, то принужденъ будетъ терпѣть, что другіе въ его земляхъ руду и минералы искать, копать и передѣлывать будутъ, дабы благословеніе Божіе подъ землею втунѣ не оставалось". Законъ Петра В. существовалъ до 1782 г., когда Императрица Екатерина II закрѣпила за владѣльцами поверхности земли право на нѣдра. Въ манифестѣ отъ 28 іюня 1782 г. сказано: „Право собственности каждаго въ имѣніи его распространяемъ и повелѣваемъ разумѣть не одной поверхности земли имъ благопріятѣнной, или по наслѣдству перешедшей; но и въ самыхъ нѣдрахъ земли и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на сокровенные

минералы и произращенія, и на всѣ дѣлаемые изъ того металлы". По дѣйствующему законодательству, право собственности на поверхность не отдѣляется отъ права собственности на нѣдра (ст. 424, ч. 1. т. X. св. зак.). Неудовлетворительность такого отождествленія правъ на поверхность съ правами на нѣдра земли была признана у насъ особой коммиссіей для пересмотра горнаго устава. Въ трудахъ этой коммиссіи между прочимъ говорится: „Въ настоящее время никто уже не станетъ отвергать, что всѣ успѣхи цивилизаціи, наукъ и искусства, развитіе всѣхъ отраслей промышленности, народнаго хозяйства, народнаго благосостоянія тѣсно связаны съ успѣхами горнозаводскаго дѣла. Ни одно открытіе въ области наукъ, никакое улучшеніе въ бытѣ народа было бы не мыслимо, если бы человѣчество было лишено величайшаго дара природы—желѣза". Отдѣленіе правъ на поверхность отъ правъ на нѣдра требуется преимущественно этимъ жизненнымъ значеніемъ для всей страны горнозаводскаго дѣла. Въ настоящее время, при господствѣ началъ частной собственности въ примѣненіи къ этому дѣлу, „интересы государственнаго хозяйства, развитіе народнаго богатства и промышленности, успѣхи цивилизаціи, даже политическое значеніе Россіи въ средѣ европейскихъ государствъ поставляется нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ произвола или матеріальныхъ условій частныхъ лицъ" (5).

Въ губерніяхъ Привислянскаго края нѣкоторое отдѣленіе указанныхъ правъ было принято еще въ законѣ отъ 6 мая 1817 года. По этому закону, „руды мѣдныя, свинцовыя и серебрянныя, а равно и соль признаются общественнымъ благомъ." (Дневникъ законовъ, т. III, ст. 152). По новому закону 1870 г., хотя и удерживается за собственникомъ земли право на нѣдра ея, но если онъ не желаетъ разрабатывать, то обязывается уступить это право постороннимъ лицамъ за опредѣленное вознагражденіе. Подобное же законодательство дѣйствуетъ и въ Финляндіи. Отдѣленіе права собственности на поверхность отъ правъ на нѣдра принято въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, въ которыхъ существуютъ также особыя мѣры противъ неразработки, малой или хищнической разработки нѣдръ земли. Въ Франціи по закону 21 апр. 1810 г. правительству предоставляется „принять должныя мѣры" въ томъ случаѣ, когда эксплоатація рудника уменьшена или пріостановлена въ ущербъ интересамъ потребителей. Закономъ 22 апр. 1838 г. администраціи предоставлено

въ такихъ случаяхъ продавать концессію съ публичнаго торга. Въ Пруссіи, по закону 24 іюня 1865 года, горнопромышленникъ обязанъ разрабатывать рудникъ, если остановкѣ работъ противятся, по отзыву горнаго начальства, вѣсскія соображенія общественной пользы. Въ Австріи, по закону 23 мая 1854 г., требуется постоянство въ разработкѣ тѣмъ, что горнопромышленникъ обязанъ занимать каждый рабочій день не менѣе 8 часовъ то количество рабочихъ, какое оказывается необходимымъ по мѣстнымъ условіямъ разработки. Такимъ же образомъ западно-европейскія государства принимаютъ болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры и противъ хищнической разработки. Такъ въ Франціи на основаніи министерской инструкціи отъ 3 авг. 1810 г., въ самомъ актѣ о концессіи, которымъ частному лицу предоставляется право разработки нѣдръ, долженъ быть опредѣленъ способъ эксплоатаціи, а также мѣры къ тому, чтобы бы разработка производилась наиболѣе выгодно для общества Въ Бельгіи администрація отнимаетъ рудникъ при не исполненіи концессіонеромъ условій разработки (6).

Наконецъ особое вмѣшательство государства въ горнозаводную промышленность вызывается также тѣмъ, что въ этой отрасли производства больше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ происходятъ жертвы несчастныхъ случаевъ. Частный интересъ въ этомъ отношеніи можетъ рѣзко расходиться съ интересомъ общественнымъ и государственное регулированіе устройства рудниковъ и самаго процесса работъ безусловно необходимо. На заграничныхъ копяхъ на 1000 рабочихъ ежегодно приходится не менѣе 3 жертвъ (7).

(1) Elémenls d'économie politique, гл. IX. (2) А. Кеппенъ. Драгоцѣнные металлы, ихъ потребленіе и производство. Горный журналъ 1880 г. т. 1. стр. 240—271. E. de Lavelleye. La production et la consommation des métaux pré cieux. Revue des deux Mondes. 1878. 15 Aout. 921—947. (3) Die Zukunft des Goldes. Wien. 1874. (4) Д. Менделѣевъ О современномъ развитіи нѣкоторыхъ химическихъ производствъ. Спб. 1868 г. стр. 108. (5) Труды Коммиссіи по пересмотру Горнаго Устава. Спб. 1866 г. (6) А. Штофъ. Сравнительный очеркъ горнаго законодательства въ Россіи и З. Европѣ. ч. 1., Спб. 188? г. Грамматиковъ. Горное законодательство и горная администрація Англіи, Бельгіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. Спб. 1870. К. Скальковскій. Кому должно принадлежать право собственности на нѣдра земли. Горн. Журн. 1868 г. т. IV. (7) В. Хорошевскій. Несчастные случаи на каменноугольныхъ копяхъ ц. Польскаго съ 1874 по 1879 г. Горный Журналъ 1880 г. т. 1.

в) Сельское хозяйство.

§ 1. Сельскимъ хозяйствомъ называется промышленность, состоящая въ производствѣ и первичной обработкѣ органическаго вещества. Сельскій хозяинъ производитъ органическое вещество въ видѣ растеній и животныхъ. Отсюда первое дѣленіе сельскаго хезяйства на два отдѣла: на растеньеводство и скотоводство. Каждая изъ этихъ отраслей въ свою очередь подраздѣляется на отдѣльные виды. Въ растеньеводствѣ въ настоящее время настолько рѣзко выдѣлилось лѣсоводство отъ землѣдѣлія, что первое составляетъ какъ бы особую отрасль промышленности, производящей органическое вещество, существующую вполнѣ самостоятельно Между другими отраслями сельскаго хозяйства существуетъ органическая связь, въ силу которой развитіе каждой изъ нихъ обусловливается развитіемъ остальныхъ.

Основная задача земледѣлія состоитъ въ возможно большемъ извлеченіи изъ земли произведеній, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей человѣка. Задача эта можетъ быть осуществляема двоякимъ путемъ, или путемъ прямымъ, состоящимъ въ увеличеніи хлѣбныхъ запашекъ, или путемъ посредственнымъ, состоящимъ въ уменьшеніи хлѣбныхъ запашекъ. При первомъ методѣ осуществленія сельскохозяйственной задачи разведеніе зерновыхъ хлѣбовъ составляетъ главную отрасль доходности и главныя заботы земледѣльца. При косвенномъ или посредственномъ методѣ основное значеніе имѣютъ не зерновые хлѣба, но травосѣяніе и скотоводство. Принятіемъ того или другого метода обусловливается весь характеръ сельско-хозяйственнаго производства и отношеніе его къ другимъ отраслямъ промышленной дѣятельности.

Прекрасной иллюстраціей сущности и значенія косвеннаго метода служитъ англійское земледѣліе. Англійскіе сельскіе хозяева уже давно обращаютъ преимущественное вниманіе на развитіе скотоводства. Побужденіемъ къ этому было не то, что скотъ необходимъ для поддержанія плодородія земли, но то, что на мѣстѣ существуетъ громадный спросъ на мясо, вслѣдствіе чего скотоводство является вполнѣ доходною отраслью промышленности. О распространенности тамъ скотоводства можно судить по слѣдующимъ даннымъ, сообщаемымъ М. Шевалье: 1000 земледѣльческихъ семействъ въ Англіи имѣютъ: 273 лошади, 1230 головъ рогатаго скота, 11000 овецъ и ежегодно 56.000

гектолитровъ хлѣба, между тѣмъ какъ во Франціи: 65 лошадей, 203 штуки рогатаго скота, 1043 овцы и 40.000 гектолитровъ хлѣба (1). Скотоводство, вызванное значительнымъ внутреннимъ спросомъ, составляетъ главную отрасль сельско-хозяйственнаго производства страны и лежитъ въ основаніи всей системы ея земледѣлія. Для разширенія его весьма рано возникла необходимость въ развитіи искусственнаго луговодства, искусственнаго разведенія травъ и части опредѣленныхъ видовъ хлѣба, главнымъ образомъ предназначенныхъ въ кормъ скоту. Сообразно съ этимъ необходимо было уменьшить не только количество паровыхъ полей, то есть оставить трехпольную систему хозяйства, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить и количество хлѣбныхъ запашекъ, обративъ исключительное вниманіе на наиболѣе цѣнный продуктъ, на пшеницу. Такъ и было поступлено. По даннымъ, приводимымъ Л. де-Лявернемъ, пахатныя поля занимаютъ въ Англіи $^1/_5$ часть всего пространства земель, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ на ихъ долю приходится до $50^0/_0$. Но и изъ пахатныхъ полей только незначительная часть предназначается подъ обработку хлѣба. По де-Ляверню, всѣ удобныя земли Англіи распредѣляются на слѣдующія угодья (2):

Естественные луга	занимаютъ	8	милл. гектаровъ.
Искусственные „	„	3	„ „
Корнеплоды „	„	2	„ „
Ячмень „	„	1	„ „
Овесъ „	„	2.500.000	„
Паръ „	„	500.000	„
Пшеница „	„	1.800.000	„
Сады и т. п. „	„	200.000	„
Лѣсъ „	„	1.000.000	„

При первомъ же обозрѣніи этихъ данныхъ бросается въ глаза фактъ ничтожнаго количества земли, обработка которой предназначается для производства пищи человѣку. Исключивъ 1 мил. гект. лѣса, въ остальныхъ 19 мил. можно признать только 4 м. по преимуществу предназначенныхъ къ производству пищи человѣку, а 15 милл. гект. предназначены къ производству пищи скоту. По требованіямъ громаднѣйшаго рынка, представляемаго мануфактурною промышленностью, сельскіе хозяева обратили главное вниманіе на производство продуктовъ скотоводства, для чего съузили хлѣбныя запашки и увеличили культуры, предназначенныя къ производству пищи для скота. Развитіе

скотоводства оказало благотворное вліяніе и на все земледѣліе, служа важнѣйшимъ источникомъ удобренія, вслѣдствіе чего уменьшеніе хлѣбныхъ запашекъ оказалось выгоднымъ и въ чисто земледѣльческомъ отношеніи. Оно привело къ увеличенію количества хлѣба, производимаго на мѣстѣ. На основаніи данныхъ изъ англійской сельско-хозяйственной статистики де-Лявернь вывелъ основной принципъ раціональной сельско-хозяйственной культуры, состоящій въ извѣстномъ положеніи, что для увеличенія хлѣба необходимо уменьшить количество хлѣбныхъ запашекъ. И дѣйствительно, англійское земледѣліе служитъ безспорнымъ доказательствомъ вѣрности этого положенія. Это положеніе представляетъ собою какъ бы естественный фундаментъ системы земледѣлія цѣлой страны, благодаря которому англійское земледѣліе считается однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Это своего рода экономическій центръ тяжести, къ которому тяготѣютъ отдѣльныя хозяйства, съ которымъ сообразуются не только собственники, но и временные владѣльцы земли.

Въ Англіи косвенный методъ осуществленія сельско-хозяйственной задачи, возникшій подъ вліяніемъ развитія внутренней мануфактурной промышленности, привелъ къ тому, что и временное владѣніе землей превратилось въ ту магическую силу, которая, по выраженію А. Юнга, превращаетъ песокъ въ золото и которая отождествлялась классиками экономической науки исключительно съ частною собственностью. Совершенно къ противоположнымъ результатамъ приводитъ прямой или непосредственный методъ. Во Франціи земля обрабатывается преимущественно собственниками, принявшими прямой методъ, подъ вліяніемъ котораго 42 мил. гектаровъ удобныхъ земель распредѣляются такимъ образомъ ([3]):

Естественные луга занимаютъ			4	мил.	гект.
Искусственные	„	„	3	„	„
Корнеплоды	„	„	2	„	„
Овесъ	„	„	3	„	„
Паръ	„	„	5	„	„
Пшеница	„	„	6	„	„
Рожь, ячмень, рисъ	„	„	6	„	„
Усадьбы	„	„	3	„	„
Сады съ виноградниками	„	„	2	„	„
Лѣса	„	„	8	„	„

Сравнивая эти данныя съ распредѣленіемъ сельско-хозяйственныхъ угодій въ Англіи, находимъ, что во Франціи посѣвы истощающіе почву имѣютъ преобладающее значеніе сравнительно съ посѣвами обогащающими почву (4). Во Франціи удобряющіе посѣвы занимаютъ всего 9 м. гектаровъ, между тѣмъ какъ на долю истощающихъ приходится вдвое большее количество. Въ Англіи совершенно обратное отношеніе между этими двумя категоріями посѣвовъ, не смотря на то, что въ ней фермерская обработка земли преобладаетъ надъ обработкой самими собственниками. Такимъ образомъ въ одной странѣ временное владѣніе землей является той магической силой, какая приписывалась собственности, является силой, превращающей песокъ въ золото и скалы въ сады; между тѣмъ какъ въ другой частное землевладѣніе приводитъ къ хищническому пользованію землей, къ истощенію ея производительныхъ силъ. Вотъ противоположные результаты двухъ взаимно противоположныхъ системъ сельскаго хозяйства, изъ коихъ одна основывается на косвенномъ, а другая на прямомъ методѣ осуществленія сельско-хозяйственной задачи (5).

(1) M. Chevalier. Cours d'économie dolitique, 1, стр. 117. (2) L. de Lavergne. Essai sur l'écon. rurale. стр. 54. (3) Ibid. стр. 56. (4) Говоря безотносительно, всякое растеніе истощаетъ почву и не можетъ быть растеній, обогащающихъ ее въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всякое растеніе, что нибудь беретъ изъ земли. Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ относительное истощеніе. Хлѣбъ, уходящій изъ имѣнія, уноситъ составныя части почвы между тѣмъ какъ трава, скормленная скоту, въ видѣ удобренія возвращается обратно въ почву, въ тоже время улучшая послѣднюю въ физическомъ отношеніи. (5) По разсчетамъ де-Ляверня, въ Франціи получается 100 франковъ выручки съ гектара какъ удобной, такъ и не удобной земли. Въ Великобританіи эта выручка равняется 200 франкамъ. На англійской фермѣ съ однихъ животныхъ продуктовъ выручается столько дохода, сколько во Франціи выручается всего дохода на такомъ же пространствѣ. Весь доходъ продуктовъ растеньеводства составляетъ въ Англіи излишекъ противъ дохода съ французскихъ фермъ. Такимъ образомъ подтверждается фактами тотъ принципъ сельскаго хозяйства, по которому для выручки возможно большаго количества хлѣба сдѣдуетъ уменьшить пространство, засѣваемое хлѣбомъ.

§ 2. Слѣдуя Рошеру, можно разнообразныя системы земледѣлія подвести къ слѣдующимъ пяти категоріямъ ихъ: 1) *полукочевое* хозяйство, состоящее въ воздѣлываніи земли въ теченіи опредѣленнаго времени, послѣ чего эта земля бросается подъ залежь (Dreisch), а земле-

дѣлецъ обращается къ воздѣлыванію новыхъ земель. Сюда относится наприм. наше подсѣчное хозяйство, при которомъ для обращенія земли въ положеніе годное для земледѣлія прибѣгаютъ къ выжиганію лѣса, кустарника или дерна; выжженные участки воздѣлываются въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего бросаются, а землевладѣлецъ переходитъ къ новымъ участкамъ. 2) *Трехпольное* хозяйство, которое Рошеръ называетъ системой вѣчнаго пастбища; при этомъ хозяйствѣ каждое поле одинъ годъ засѣвается озимымъ хлѣбомъ, другой годъ яровымъ, а на третій остается подъ паромъ, то есть не засѣвается съ самой весны, а только обрабатывается и унаваживается, а за тѣмъ только поступаетъ подъ посѣвъ озимаго хлѣба, который снимается уже въ послѣдующій годъ. 3) *Выгонное* хозяйство, при которомъ происходитъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, постоянная смѣна между посѣвами хлѣба и разведеніемъ кормовыхъ травъ. Въ этомъ хозяйствѣ силы земли возстановляются не залежью, какъ при полукочевомъ, и не исключительно паромъ, какъ при трехпольномъ хозяйствахъ, но посредствомъ травосѣянія, дающаго возможность содержанія значительнаго количества скота, какъ машины для удобренія. 4) *Плодосмѣнное* хозяйство, состоящее въ правильной смѣнѣ между хлѣбными, корнеплодными, травяными и другими культурными растеніями; здѣсь возстановленіе силъ земли достигается съ одной стороны сильнымъ удобреніемъ, наприм. гуано, молотою костью и съ другой смѣной насажденій, подготовляющей почву въ химическомъ и физическомъ отношеніяхъ къ развитію будущихъ растеній. 5) *Свободное* хозяйство, называемое Рошеромъ огородническимъ хозяйствомъ, идеалъ котораго, говоря словами Либиха, состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ плодосмѣнной системы при посредствѣ смѣны различныхъ видовъ удобренія.

Принятіе каждой изъ этихъ системъ хозяйства зависитъ не отъ свободной воли сельскаго хозяина, но отъ всей совокупности экономическихъ условій, среди которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать,—другими словами, отъ развитія всѣхъ остальныхъ отраслей народнаго труда. Представимъ себѣ, слѣдуя ф. Тюнену, совершенно изолированное государство, имѣющее кругообразную территорію, почву на всемъ пространствѣ одинаково плодородную, безъ судоходныхъ рѣкъ и желѣзныхъ дорогъ, но съ большимъ городомъ въ центрѣ круга, въ которомъ сосредоточены неземледѣльческія отрасли труда и который, поэтому, представляетъ собою единственный рынокъ для сбыта

земледѣльческихъ продуктовъ. Какъ будутъ распредѣлены системы хозяйства въ этомъ государствѣ?

Вблизи города, при обиліи удобренія и высокихъ цѣнахъ продуктовъ, будетъ господствовать система вольнаго хозяйства: здѣсь будутъ производимы тѣ продукты, которые не выносятъ далекой перевозки, которые скорѣе переносятся, чѣмъ перевозятся въ городъ; получая удобреніе изъ города, хозяева будутъ продавать сѣно и солому для городскихъ лошадей. Получая высокія цѣны за продукты и получая обильное удобреніе изъ города, сельскіе хозяева будутъ возстановлять силы земли смѣной различныхъ видовъ удобренія, не держась никакихъ опредѣленныхъ и постоянныхъ перемѣнъ въ посѣвахъ и насажденіяхъ. Очевидно, въ этой мѣстности будетъ господствовать наиболѣе интенсивное хозяйство, воздѣлываніе земли будетъ наиболѣе культурнымъ. По мѣрѣ отдаленія отъ города выгодныя условія хозяйства будутъ все болѣе и болѣе уменьшаться, вмѣстѣ съ чѣмъ должна уменьшаться и степень его интенсивности. Такъ какъ городъ въ нашемъ изолированномъ государствѣ представляетъ собою единственный рынокъ для сбыта продуктовъ, остающихся отъ потребленія на мѣстѣ, то въ мѣстахъ производства цѣны понижаются по мѣрѣ отдаленія отъ города концентрическими кругами обратно пропорціанально увеличенію затратъ на провозъ. Также уменьшается возможность пользованія изъ города удобреніемъ, вслѣдствіе увеличенія затратъ перевозки его. Это и заставляетъ сельскихъ хозяевъ, по мѣрѣ удаленія отъ города, все болѣе и болѣе уменьшать степень интенсивности хозяйства, то есть уменьшать поземельныя затраты. На этомъ основаніи за округомъ вольнаго хозяйства будетъ слѣдовать округъ хозяйства плодосмѣннаго, при которомъ, сверхъ сильнаго удобренія, силы земли возстановляются также естественнымъ путемъ чрезъ смѣну посѣвовъ. За этимъ округомъ будетъ слѣдовать культура выгоннаго хозяйства; находясь вдали отъ города сельскій хозяинъ долженъ получать удобреніе на мѣстѣ производства, чего онъ достигаетъ разведеніемъ травъ. За округомъ выгоннаго хозяйства еще болѣе усиливается необходимость уменьшенія издержекъ производства для возможности доставки продуктовъ въ городъ; здѣсь сельскій хозяинъ обратитъ вниманіе на паръ, какъ существенное средство возстановленія силъ земли и въ этой мѣстности будетъ господствовать трехпольное хозяйство. За этимъ округомъ будетъ слѣдовать полукочевое хозяйство, крайняя противопо-

ложность вольному хозяйству; при рѣдкости населенія и обиліи некультивированныхъ земель, здѣсь будетъ господствовать кочевое скотоводство, какъ продуктъ, который самъ себя доставляетъ къ мѣсту продажи. Наконецъ, за этимъ округомъ невозможно никакое земледѣліе, какъ промышленность; здѣсь будетъ господствовать лишь охота и рыболовство (1).

Изъ этой гипотезы, основанія которой предложены Тюненомъ въ видѣ отвлеченія, способствующаго уясненію сложныхъ хозяйственныхъ фактовъ, всякому очевидно, что принятіе усовершенствованныхъ системъ землѣдѣлія зависитъ не отъ воли землевладѣльца, но обусловливается экономическимъ строемъ страны, развитіемъ путей сообщенія и сбыта, то есть развитіемъ неземледѣльческихъ отраслей народнаго труда. Вотъ почему усовершенствованныя системы земледѣлія не могутъ быть примѣняемы къ сельскому хозяйству тѣхъ странъ, въ которыхъ экономическій бытъ вообще слабо развитъ. Наоборотъ, въ странахъ съ высшимъ хозяйственнымъ развитіемъ убыточны экстенсивныя системы землѣдѣлія; сельскій хозяинъ въ этихъ странахъ, ведя хозяйство, свойственное низшимъ ступенямъ общественности, легко можетъ разорить свое состояніе, не выдержать конкурренціи съ раціонально ведущими свое дѣло сельскими хозяевами. Размѣры приложенія труда къ производству всецѣло обусловливаются размѣрами сбыта. Не имѣя сбыта, сельскій хозяинъ занимается землѣдѣліемъ исключительно для своихъ домашнихъ потребностей; количество его произведеній не можетъ быть значительнымъ, качество не всегда можетъ быть удовлетворительнымъ, потому что такой хозяинъ не спеціализируетъ своего занятія; онъ долженъ заботиться также объ удовлетвореніи своимъ непосредственнымъ трудомъ другихъ своихъ потребностей. Когда появляется сбытъ, сельское хозяйство совершенно преобразуется; изъ домашняго занятія, какъ промысла, направленнаго къ непосредственному удовлетворенію потребностей производителя, оно превращается въ самостоятельную промышленность, производящую для сбыта въ обмѣнъ на продукты другихъ отраслей труда. И чѣмъ лучше организованъ сбытъ, тѣмъ раціональнѣе организуется сельско-хозяйственное дѣло, тѣмъ выше степень интенсивности его. Земледѣліе становится промышленностью, говоритъ де Лявернь, коль скоро развивается въ странѣ торговое и мануфактурное населеніе и когда это населеніе или находится на однихъ мѣстахъ съ земледѣльческимъ,

или связано съ послѣднимъ удобными и дешевыми путями сообщеній Англія Бекуелю обязана своимъ раціональнымъ скотоводствомъ; но если бы въ этой странѣ не было Аркрайта и Уатта, то и Бекуель не имѣлъ бы успѣха. „Если вы желаете развить земледѣліе, то постарайтесь о развитіи обрабатывающей промышленности и торговли, умножающихъ количество потребителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, въ особенности же усовершенствуйте пути сообщеній, благодаря которымъ происходитъ сближеніе между производителями и потребителями; все остальное возникаетъ само собою. Торговая и обрабатывающая промышленность такое же оказываетъ вліяніе на земледѣліе вообще, какъ кормовыя травы и скотоводство на хлѣбные посѣвы; съ перваго взгляда между этими отраслями занятій можетъ показаться противорѣчіе (opposition), но вникнувъ глубже въ предметъ, мы замѣчаемъ между ними такую тѣсную связь, по которой солидность развитія каждой изъ нихъ обусловливается развитіемъ остальныхъ“ (2).

Неудовлетворительное состояніе нашего земледѣлія зависитъ главнымъ образомъ отъ отсутствія внутренняго рынка для сбыта продуктовъ, что въ свою очередь обусловливается невысокимъ развитіемъ неземледѣльческихъ отраслей промышленности. Наше земледѣліе, подобно французскому, основано на прямомъ методѣ осуществленія сельскохозяйственной задачи, при которомъ зерновые посѣвы имѣютъ преобладающее значеніе въ системѣ хозяйства. Преобладаніе ихъ объясняется тѣмъ, что у насъ неземледѣльческія отрасли народнаго труда менѣе развиты, чѣмъ въ какой либо другой изъ европейскихъ странъ. Главнымъ представителемъ этихъ отраслей является городъ и по количеству наиболѣе значительныхъ городскихъ поселеній можно въ извѣстной степени судить о развитіи неземледѣльческихъ промысловъ. Признавъ наиболѣе значительными такія городскія поселенія, въ которыхъ имѣется населенія болѣе 20,000, мы находимъ слѣдующее процентное отношеніе ихъ ко всему населенію страны:

Въ Велико-Британіи . .	37,5
„ Франціи.	15,6
„ Германіи	12,9
„ Европейской Россіи.	5,9

Это ясно говоритъ о ничтожномъ развитіи у насъ не земледѣльческихъ отраслей труда, т. е. объ отсутствіи внутренняго рынка для

сбыта земледѣльческихъ произведеній. Отдаленность же рынковъ для сбыта и производитъ то, что у насъ посѣвы истощающіе почву подавляютъ собою посѣвы, удобряющіе ее.

(1) Тюненъ. Изолированное государство, стр 1. и слѣд. Roscher. N.—oecon. der Ackerbaues, кн. II. §§ 40—41. (2) Essai sur l'écon. rurale и пр. стр. 170. 172 и 179.

§ 3. Естественно-экономическое распредѣленіе системъ хозяйства въ Европейской Россіи служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, въ какой мѣрѣ земледѣліе въ своемъ развитіи обусловливается развитіемъ не—земледѣльческихъ отраслей народнаго труда (1).

1. Система огневаго или подсѣчнаго хозяйства. Системой огневаго или подсѣчнаго хозяйства называется у насъ такое хозяйство, при которомъ для образованія пахатныхъ полей прибѣгаютъ къ выжиганію лѣса, кустарника и дерна. Выжегъ лѣса обыкновенно называется *лядомъ*, выжегъ кустарника *сыроскомъ*, а выжегъ дерна—*кубышемъ*. Это одна изъ самыхъ первобытнымъ культуръ. Она почти всегда была въ употребленіи при разселеніи населенія путемъ колонизаціи. Для обращенія земель въ пашни приходилось уничтожать лѣсъ, а самымъ легкимъ и общедоступнымъ способомъ уничтоженія его былъ выжегъ, поэтому огонь, какъ средство расчистки, и былъ издавна употребляемъ при колонизаціи. Будучи самою первобытною культурою эта система является въ тоже время и наиболѣе хищническою культурою. Огневая система, говоритъ И. Вильсонъ, „только беретъ изъ земли составныя ея части и не возвращаетъ ровно ничего, поэтому она возможна только при обиліи земли и скудости населенія, при дешевизнѣ лѣса и труда на расчистку его. При этихъ условіяхъ выгода подсѣчной системы заключается въ томъ, что обжиганіе почвы въ своихъ химическихъ послѣдствіяхъ сходно съ дѣйствіемъ пара, только гораздо быстрѣе послѣдняго, и что выжженныя почвы не нуждаются ни въ какомъ удобреніи, даже и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по климату уже почти ничего нельзя сѣять; наприм. извѣстно, что у насъ подъ 65° сѣв. широты, по р. Мезени, при помощи пожоговъ рѣпа сѣется не только на огородахъ, но и на поляхъ даетъ отличные урожаи“.

Подсѣчная система господствуетъ у насъ въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской, хотя часто встрѣчается и въ гу-

берніяхъ Новгородской, Костромской, Вятской и Пермской. Господство ея на сѣверѣ зависитъ отъ рѣдкости населенія и обилія лѣсовъ. Такъ, по Вильсону, приходится:

	жителей на 1 кв. версту	% лѣсовъ	кв. верстъ на 1 селеніе
Въ Архангельской губерніи.	1,6	85,2	61,8
„ Олонецкой „	2,5	80,3	28,5
„ Вологодской „	2,8	92,3	28,3

Обусловливаемость подсѣчной системы рѣдкостью населенія и обиліемъ лѣсовъ ясно подтверждается тѣмъ, что тамъ, гдѣ лѣса порѣдѣли и населеніе гуще, подсѣчная система уступаетъ мѣсто трехпольной, какъ наприм. въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, или въ уѣздахъ Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ Вологодской губерніи.

2. Переложная система. Переложная система хозяйства представляетъ собою другую первобытную культуру, соотвѣтствующую подсѣчной по времени возникновенія и своему значенію, но только встрѣчающуюся не въ лѣсистыхъ, а въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ. Она состоитъ въ томъ, что земля, послѣ легкой обработки, засѣвается сряду въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока не начнутъ уменьшаться сборы, послѣ чего бросается на нѣсколько лѣтъ подъ залежь или перелогъ, между тѣмъ какъ въ обработку поступаютъ новыя земли. Когда участокъ, бывшій подъ залежью, возстановитъ свои силы дѣйствіемъ стихійныхъ дѣятелей, онъ снова поступаетъ въ обработку. Подобно тому, какъ и въ подсѣчномъ хозяйствѣ, при переложной системѣ хозяинъ нечего не возвращаетъ землѣ, исключительно расчитывая на возстановленіе ея силъ залежью. Поэтому переложная система является въ такой же мѣрѣ хищническою и экстенсивною, какъ и подсѣчная. Обѣ эти системы въ существѣ дѣла представляютъ собою два вида *полукочеваго хозяйства.*

Переложное хозяйство господствуетъ у насъ въ большинствѣ чисто степныхъ губерній. Подобно тому, какъ на сѣверѣ обиліе лѣсовъ и рѣдкость населенія вызвали подсѣчное хозяйство, на югѣ много земельность и рѣдкость населенія вызвали переложное хозяйство. Поэтому же въ тѣхъ мѣстностяхъ южныхъ губерній, въ которыхъ населеніе гуще и нѣтъ многоземелья, переложная система исчезаетъ, переходя въ трехпольную, какъ наприм. въ сѣверной части Бессарабіи,

гдѣ населеніе гуще и больше лѣсовъ, или же въ сѣверной части Саратовской губерніи. Съ умноженіемъ населенія приходится также уменьшать время, въ теченіи котораго земля остается подъ залежью, почти не измѣняя при этомъ періода посѣвовъ. По мѣрѣ увеличенія населенія, „для увеличенія размѣровъ хлѣбной культуры, говоритъ А Ермоловъ, періодъ послѣдней удлиняютъ относительно мало, но за то значительно сокращаютъ сроки залежи, сближаютъ между собою періоды культуръ. Такъ, отъ пяти лѣтъ культуры при 25 годахъ залежи переходятъ къ 5—6 годамъ культуры при 20, а потомъ и при 15 годахъ залежи; въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда 5 лѣтъ культуры смѣняются 15 годами залежи, мы будемъ имѣть въ обработкѣ уже не $^1/_6$, но $^1/_4$ часть всей земли; доходятъ за тѣмъ и до 6 лѣтъ культуры при 12 годахъ залежи, что соотвѣтствуетъ $^1/_3$ земли подъ распашкой. Безъ измѣненія залежной системы въ какую нибудь другую, рѣдко однако переходятъ далѣе этого предѣла, такъ какъ, менѣе чѣмъ въ 12 лѣтъ, залежь, не засѣянная искусственно улучшающими почву травами, не успѣваетъ не только возстановить сколько нибудь значительно производительныя силы почвы, но даже избавить почву отъ бурьяновъ, которые засоряютъ ее въ первые годы послѣ прекращенія культуры и которые, вмѣстѣ съ развивающимся въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ первые годы залежи пыреемъ, угрожали бы заглушить посѣвы, въ случаѣ если бы земля была вновь слишкомъ скоро пущена въ обработку“ ([2]).

3. Трехпольная система. Трехпольная система господствуетъ у насъ въ черноземной не степной полосѣ, въ сѣверныхъ частяхъ черноземной степной, въ центральной промышленной области, въ нѣкоторыхъ Полѣсьяхъ и въ частью въ З. окраинѣ. Она возникла въ Россіи не раньше 16 вѣка, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. „Возникнувъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, говоритъ И. Вильсонъ, эта система и держалась до сихъ поръ, въ продолженіи 3 столѣтій, преимущественно благодаря крѣпостному праву и недостатку знанія. Съ уничтоженіемъ же крѣпостнаго права повсюду высказываются мнѣнія о необходимости перейти къ другимъ системамъ земледѣлія“. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ настоящее время трехпольная система не соотвѣтствуетъ естественно-экономическимъ условіямъ жизни и мало по малу должна быть измѣнена. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, что она господствовала въ теченіи трехъ вѣковъ, только благодаря крѣпо-

стному праву и незнанію. Въ свое время она вполнѣ соотвѣтствовала экономическимъ условіямъ страны, подобно тому, какъ и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ условіямъ системы подсѣчная и переложная. И въ настоящее время тамъ, гдѣ встрѣчаются благопріятныя условія, сельскіе хозяева оставляютъ трехполье и переходятъ къ высшимъ системамъ земледѣлія. Но переходъ этотъ не легокъ и высшія системы земледѣлія встрѣчаются лишь тамъ, гдѣ встрѣчаемъ наиболѣе благопріятныхъ для этого условій (3).

4. Плодосмѣнная система. Плодосмѣнное хозяйство у насъ господствуетъ въ Остзейскомъ краѣ, частью въ Привислянскомъ краѣ и вблизи большихъ городовъ, какъ мѣстныхъ рынковъ для сбыта хлѣба. Господство этой системы въ Остзейскихъ губерніяхъ И. Вильсонъ объясняетъ слѣдующими подготовительными благопріятными условіями: положеніемъ 1804 г., даровавшимъ крестьянамъ права и опредѣлившимъ съ нѣкоторою точностью ихъ повинности; закономъ 1819 года, уничтожившимъ крѣпостное состояніе, и наконецъ положеніемъ 1849 г., доставившимъ крестьянамъ исключительное право пользованія отрѣзанною частью земли, открывшимъ путь къ пріобрѣтенію поземельной собственности и опредѣлившимъ постепенное уничтоженіе барщины. „Эти законодательныя мѣры расчистили поле для введенія плодоперемѣнной системы; но до 30-хъ годовъ она распространялась медленно. До этого времени господствовала трехпольная система съ истощенными землями, какія по сію пору встрѣчаются въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ. Но въ 30-хъ годахъ начинаются реформы въ хозяйствѣ: является усиленное винокуреніе, а вмѣстѣ съ нимъ откармливаніе скота на бардѣ; винокуреніе заставило усилить производство зерна и картофеля, а это въ свою очередь потребовало болѣе удобренія, безъ котораго истощенныя поля не въ состояніи были давать хорошихъ урожаевъ; оказалось необходимымъ для содержанія скота ввести травосѣяніе и полевые выгоны. Такимъ образомъ вѣрный сбытъ хлѣба на винокурни и къ тому же близость рынка для отпуска хлѣба за границу, при постоянно высокихъ цѣнахъ, заставили помѣщиковъ обратить особенное вниманіе на улучшеніе хозяйства. Благодаря этимъ условіямъ, плодоперемѣнная система хозяйства, показавшая возможность получать большой доходъ, не истощая почвы, стала распространяться все болѣе и болѣе, и въ настоящее время не только повсемѣстна у помѣщиковъ, но даже введена и въ

хозяйствѣ крестьянъ“ (4). Въ Привислянскомъ краѣ развитію плодосмѣнной системы содѣйствовали: близость границы и густота населенія, вмѣстѣ съ развитіемъ внутренней обрабатывающей промышленности, разширившей рынокъ для сбыта земледѣльческихъ произведеній.

Такимъ образомъ чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ больше и ближе рынокъ для сбыта, тѣмъ земледѣльческая культура у насъ выше. Въ раіонѣ подсѣчнаго хозяйства не мыслимо принятіе плодосмѣнной системы, какъ и на оборотъ полукочевое хозяйство не мыслимо въ раіонѣ плодосмѣна. Въ общемъ распредѣленіе системъ хозяйства у насъ сложилось соотвѣтственно естественно—экономическимъ условіямъ. Но съ измѣненіемъ этихъ послѣднихъ условій не всегда возможно соотвѣтствующее же измѣненіе системъ хозяйства. Сельскій хозяинъ по необходимости можетъ въ теченіи продолжительнаго времени вести такую культуру, которая уже не соотвѣтствуетъ измѣнившимся условіямъ. Таково наприм. въ большинствѣ случаевъ наше трехпольное хозяйство.

При трехпольной системѣ для содержанія скота нѣтъ искусственныхъ луговъ; здѣсь прокормленіе скота исключительно обусловливается естественными лугами. При этой системѣ необходимо содержать опредѣленное количество скота для удобренія, необходимость въ которомъ тѣмъ болѣе чувствуется, чѣмъ продолжительнѣе было примѣненіе системы и истощеніе производительныхъ силъ земли. Такъ какъ необходимое для полученія удобренія количество скота при этой системѣ обусловливается существованіемъ естественныхъ луговъ, пространство которыхъ должно быть въ соотвѣтствіи съ необходимымъ количествомъ скота, то очевидно, что въ числѣ естественныхъ условій, отъ наличности которыхъ зависитъ успѣшность системы, важнѣйшее условіе—существованіе достаточнаго количества луговъ. Въ той мѣстности, въ которой нѣтъ достаточнаго количества естественныхъ луговъ и земля отъ продолжительнаго господства трехпольной системы значительно истощена, дальнѣйшее примѣненіе такой системы не только не можетъ приносить сельскому хозяину выгоды, а напротивъ того начинаетъ приносить одинъ убытокъ. Такой сельскій хозяинъ попадаетъ въ экономическій кругъ, въ которомъ онъ вертится какъ бѣлка въ колесѣ, бьется изъ всѣхъ силъ, затрачиваетъ въ землю массу своего труда, но въ тоже время ничего не имѣетъ кромѣ скуднаго продовольствія и долговъ. Въ его положеніи успѣшность трех-

польной системы обусловливается достаточнымъ существованіемъ скота, что въ свою очередь требуетъ достаточнаго количества естественныхъ луговъ, между тѣмъ луговъ недостаточно. Вслѣдствіе трехпольной системы скотоводство находится въ неудовлетворительномъ состояніи, что въ свою очередь увеличиваетъ неудовлетворительность трехпольной системы. Выходъ изъ этого экономическаго круга возможенъ только одинъ,—принятіе плодосмѣнной системы. Эта система уничтожаетъ значеніе естественныхъ луговъ, даетъ возможность содержать большее количество скота, что въ свою очередь оказываетъ вліяніе на улучшеніе принятой системы. Здѣсь появляется новый экономическій кругъ, но благодѣтельный, обогащающій и сельскаго хозяина, и общество.

Дать общій отвѣтъ на вопросъ, какое количество естественныхъ луговъ должно быть признано самымъ нормальнымъ для доходности трехпольной системы, не возможно, такъ какъ въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, наприм. отъ производительности луговъ, отъ степени истощенія пахатныхъ полей и т. д. Общіе разсчеты здѣсь могутъ имѣть лишь приблизительное значеніе. По разсчету, принимаемому Вильсономъ, „между пашнями и лугами для выгодности трехполья должно существовать такое отношеніе, чтобы можно было удобрять ежегодно третью часть полей; для этого же на каждую десятину пахоти нужно имѣть сѣна до 250 пудовъ, или же до трехъ десятинъ луговъ.“ Г. де-Ливронъ въ своемъ „Статистическомъ обозрѣніи Россійской Имперіи“ говоритъ также, что на каждую десятину пахоти при трехпольной системѣ нужно имѣть до трехъ десятинъ луга. Г. Тенгоборскій въ своей извѣстной книгѣ, „О производительныхъ силахъ Россіи“ утверждаетъ, что у насъ при трехпольной системѣ на каждыя 100 д. пахатнаго поля необходимо имѣть не менѣе 50 д. луга. Если принять послѣдній разсчетъ, какъ наименьшій, то необходимо согласиться, что въ большинствѣ мѣстностей наша трехпольная система не нормальна, такъ какъ въ настоящее время, съ размноженіемъ населенія и размноженіемъ хлѣбныхъ запашекъ, нарушена пропорція между количествомъ естественныхъ луговъ и количествомъ пахатныхъ полей. Такъ, по даннымъ г. Вильсона, существуетъ слѣдующее отношеніе между пахатными полями и лугами въ губерніяхъ:

Московской	25%	луговъ на 100 д. пашень
Тульской	15%	„ „ „
Калужской	19,8%	„ „ „

Рязанской	17,0%	луговъ на 100 д. пашень
Орловской	16,6%	„ „ „
Курской	14,1%	„ „ „

Но и это ничтожное количество луговъ приноситъ мало пользы, такъ какъ наши луга, при отсутствіи искусственнаго орошенія, въ высшей степени мало производительны. Очевидно система хозяйства, такимъ образомъ не соотвѣтствующая мѣстнымъ условіямъ, должна быть признана ненормальною. Въ этой ненормальности нашего трехполья заключается одна изъ причинъ малодоходности сельскаго хозяйства. Выходъ изъ затрудненій можетъ быть данъ съ одной стороны переходомъ къ плодосмѣнной системѣ, уничтожающей господствующее значеніе въ хозяйствѣ естественныхъ луговъ, а съ другой улучшеніемъ этихъ послѣднихъ (5).

Переходъ къ высшимъ системамъ хозяйства встрѣчаетъ затрудненія, которыя, при обыденныхъ условіяхъ, могутъ быть преодолѣны далеко не всѣми. Всякій переходъ отъ низшей системы хозяйства къ высшей сопровождается временнымъ періодомъ уменьшенія доходности. „Во время такъ называемаго переходнаго періода отъ старой системы къ новой, хотя бы неизмѣримо болѣе совершенной, нежели прежняя, говоритъ А. Ермоловъ, доходность имѣнія можетъ значительно понизиться. Это, часто неизбѣжное, пониженіе доходности и дѣлаетъ то, что хозяева боятся агрономіи, считаютъ что, введеніе раціональнаго хозяйства можетъ уменьшить ихъ выгоды“ (6). Переходной періодъ можетъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ, смотря по системѣ сѣвооборота, принимаемой въ хозяйствѣ, но наступленіе его въ большинствѣ случаевъ неизбѣжно. Если переходъ отъ старой системы къ новой совершается медленно, то и въ это время нельзя избѣжать нѣкотораго уменьшенія доходности. Въ первое время „полезное дѣйствіе травосѣянія на почву еще не успѣетъ сказаться, избытокъ удобренія, получаемаго на счетъ кормовыхъ средствъ, доставляемыхъ новыми травяными участками, еще не успѣваетъ въ достаточной мѣрѣ себя проявить, въ тоже время посѣвы хлѣбовъ сокращаются.“ Если при господствующей системѣ сельскій хозяинъ получаетъ изъ своего хозяйства мало доходовъ, то, понятно, выходъ изъ затруднительнаго положенія ему еще труднѣе, такъ какъ при новой системѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ долженъ получать еще меньше. Впослѣдствіи доходность увеличится, но выждать переходное время нѣтъ средствъ,

благодаря чему ненормальная система хозяйства и продолжаетъ господствовать. Для выхода изъ круга затрудненій необходима помощь извнѣ, въ видѣ учета будущей увеличенной доходности имѣнія, т. е. необходимо созданіе особаго кредита, безъ котораго переходъ отъ низшихъ системъ хозяйства къ высшимъ при существующихъ условіяхъ въ большинствѣ случаевъ положительно не мыслимъ.

(1) А. Совѣтовъ. О системахъ земледѣлія, стр. 1—10. И. Вильсонъ. Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи. Изд. четвертое стр. 46—69. (2) А. Ермоловъ. Организація полеваго хозяйства, стр. 100—101. (3) Сохраненіе пара г. Ермоловъ считаетъ необходимымъ спеціально въ русскомъ хозяйствѣ, хотя паръ всегда считается отличительнымъ признакомъ трехполья. Онъ говоритъ: „Къ совершенному уничтоженію пара есть основаніе прибѣгать только въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно, примѣненіемъ соотвѣтственнаго количество удобренія и соотвѣтственной обработкой, совершенно замѣнить хорошее дѣйствіе пара на почву, занимая въ то же время паръ такими растеніями, которыя, будучи сами по себѣ доходны, въ то же время позволятъ произвести посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ по снятіи этихъ растеній еще въ томъ же году не слишкомъ поздно, чтобы не упустить хорошаго времени для посѣва. А такъ какъ такихъ растеній, которыя бы въ нашемъ климатѣ вызрѣвали на столько быстро, чтобы позволить еще въ томъ же году своевременное производство озимаго посѣва, весьма не много, тѣмъ болѣе, что озимый посѣвъ у насъ производится обыкновенно чрезвычайно рано, гораздо раньше, чѣмъ въ западной Европѣ, то сохраненіе пара представляется въ большой части мѣстностей Россіи еще вполнѣ необходимымъ.“ Ibid. часть II, стр. 61. (4) Объясненія и пр., стр. 65—66. (5) Значеніе улучшеній нашего луговодства прекрасно уяснено С. Уманскимъ въ его „Отчетѣ о поѣздкѣ за границу для изученія сельскаго и лѣснаго инженернаго искусства. Жур. Мин. Госуд. Имуществъ, часть CXX. Г. Уманскій говоритъ что у насъ луга среднимъ числомъ даютъ 70 пудовъ сѣна съ десятины. Послѣ орошенія должны давать по меньшей мѣрѣ 420 пудовъ. Полагая цѣнность пуда только въ 5 коп. на скосъ, получимъ увеличеніе дохода съ орошаемыхъ луговъ въ 17 р. 50 к. съ десятины, слѣдов. чистаго дохода 12 р. 50 коп. Считая луговъ только 25 мил. десятинъ, мы имѣемъ ежегодную потерю отъ неорошенія ихъ въ 312 мил. рублей, т. е. болѣе половины всѣхъ государственныхъ доходовъ. (6) Организація полеваго хозяйства, II, стр. 191—197.

§ 4. Земледѣліе издавна считалось занятіемъ наиболѣе прочнымъ обезпечивающимъ самостоятельность и поэтому наиболѣе достойнымъ свободнаго человѣка. Еще въ древнемъ мірѣ лучшіе изъ мыслителей того времени видѣли въ земледѣліи занятіе, облагораживающее дѣло и душу. Цицеронъ говоритъ: Omnium rerum ex quibus aliquid acquiritur, nihil est agricultura melius, nihil uberius, nihil dulcius, nihil

homine libero dignius. (De officiis, 1, 42). Такимъ же образомъ отзывались о земледѣліи Ксенофонтъ, Катонъ Старшій, Горацій и другіе. Согласно съ этими воззрѣніми, въ теченіи долгаго времени землевладѣніе было привилегіей благородныхъ и свободныхъ классовъ населенія.

Не можетъ быть сомнѣнія, что и въ дѣйствительной экономической жизни земледѣліе въ теченіи всего этого времени было занятіемъ, дававшимъ наибольшую экономическую самостоятельность, а слѣдовательно и наиболѣе свободы, прочности, гарантіи отъ невзгодъ. Не даромъ еще и въ настоящее время нѣкоторые всю свою трудовую жизнь направляютъ къ тому, чтобы пріобрѣсть хотя бы небольшой участокъ земли, изъ котораго можно было бы содержать себя на старости. Это остатокъ воззрѣній того времени, когда земледѣліе давало дѣйствительную независимость и свободу, когда земледѣлецъ былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, между тѣмъ какъ въ неземледѣльческихъ отрасляхъ труда подобной увѣренности не могло быть. Сюлли говорилъ: „земледѣліе и скотоводство—двѣ кормилицы государства,“ тѣмъ болѣе они были кормилицами самихъ земледѣльцевъ, доходами которыхъ кормилось и государство.

Съ развитіемъ фабрично-заводской и торговой промышленности въ новѣйшее время земледѣліе уже потеряло это высокое значеніе въ народной экономіи. Въ настоящее время уже не земледѣліе, но торговля и обрабатывающая промышленность считаются занятіями дающими богатство, благосостояніе и экономическую независимость. Въ соотвѣтствіе съ этимъ, не земледѣліе, но торговля и обрабатывающая промышленность пользуются наибольшимъ покровительствомъ со стороны государства. „Въ настоящее время, говоритъ Лавеле, все вниманіе и всѣ преимущества на сторонѣ мануфактурной промышленности. Нельзя не признать этого ошибкой. Если дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать людей болѣе счастливыми и здоровыми, а не о постоянномъ увеличеніи производства, то на земледѣліе слѣдуетъ обратить особое вниманіе“ (1). Для этого необходимо устраненіе тѣхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ сельское хозяйство перестало быть занятіемъ прочнымъ, привлекавшимъ къ себѣ трудъ и капиталъ.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ затрудненій, испытываемыхъ земледѣліемъ почти во всей Европѣ, является конкурренція въ хлѣбной производительности Индіи и Соед. Штатовъ Сѣв. Америки. Подъ

вліяніемъ этой конкурренціи цѣны важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній въ послѣднее время начали быстро падать. Вотъ наприм. движеніе цѣнъ за квартеръ хлѣба въ Англіи:

			шиллинги.		
			пшеница	ячмень	овесъ
1851	—	1860 г.	54,6	34,5	23,9
1861	—	1870 „	51,1	36,9	23,7
1871	—	1875 „	54,8	39,5	26,3
1876	—	1880 „	47,6	36,4	24,3
		1881 „	45,4	31,11	21,9
		1882 „	45,1	31,2	21,10
		1883 „	41,7	31,10	21,5

Таково же движеніе хлѣбныхъ цѣнъ за указанные годы, съ слабыми отклоненіями, и на другихъ европейскихъ рынкахъ. Быстрый упадокъ цѣнъ не могъ не вызвать кризиса, который все болѣе и болѣе становится хроническимъ, что въ свою очередь должно было отвлечь отъ земледѣлія капиталы и ослабить земледѣльческую производительность. Такое же вліяніе производятъ и колебанія въ цѣнахъ, происходящія не отъ условій производства на мѣстѣ, но отъ производства на отдаленныхъ дѣвственныхъ почвахъ Америки и Индіи. Подъ вліяніемъ такихъ колебаній сельское хозяйство все болѣе и болѣе становится не прочнымъ занятіемъ, мало по малу превращается въ игру, въ которой успѣхъ зависитъ отъ случая, а не отъ труда и предусмотрительности. Понятно, почему такому не прочному промыслу предпочитается обрабатывающая промышленность и торговля. Колебанія въ цѣнахъ, какъ увидимъ ниже, значительно усиливаются повсемѣстнымъ лѣсоистребленіемъ, превращающимъ земледѣліе въ азартную игру.

Отдѣльные сельскіе хозяева не могутъ бороться съ этими затрудненіями. Здѣсь необходима систематическая помощь со стороны государства, направленная къ огражденію внутренняго производства отъ иноземной конкурренціи, къ созданію внутреннихъ рынковъ для сбыта хлѣба, къ удешевленію пользованія капиталами, къ привлеченію послѣднихъ въ сельское хозяйство и т. п. (2).

(1) Èléments d'écon. politique, стр. III. (2) Листъ (Nationales System, стр. 333—336) первый обратилъ вниманіе на зависимость развитія сельскаго

хозяйства отъ внутреннихъ рынковъ для сбыта, представляемыхъ обрабатывающею промышленностью. Кэри уясняетъ эту же мысль массой вполнѣ основательныхъ соображеній и фактовъ. (Principes de la science sociale, гл. X.) Рау сельско-хозяйственной политикѣ посвящаетъ почти цѣлый томъ своей Volkswirthschaftspolitik, I, 77—334. Но особаго интереса заслуживаетъ книга Рошера: Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію и другимъ отраслямъ первоначальной промышленности. Изъ русскихъ книгъ наиболѣе капитальною слѣдуетъ признать книгу Людоговскаго — Основы сельскохозяйственной экономіи.

г) Лѣсоводство.

§ 1. На низшихъ ступеняхъ развитія человѣкъ всегда относится съ особымъ уваженіемъ къ лѣсу. „Въ лѣсу, говоритъ извѣстный спеціалистъ по лѣсоводству М. Шлейденъ въ своемъ сочиненіи „О Лѣсѣ“, всегда звучалъ человѣку голосъ природы; тамъ слышалъ онъ языкъ невидимаго существа, тамъ видѣлъ онъ проявленіе божества; и святъ былъ ему высокій торжественный куполъ, воздвигнутый надъ его головою самою природою“. Лѣсъ былъ молитвеннымъ мѣстомъ и въ древнемъ мірѣ повсюду встрѣчались священныя рощи. По Гримму, у народовъ въ юношескій періодъ ихъ развитія лѣсъ и храмъ—тождественныя понятія. Древніе Греки свое благоговѣніе къ лѣсу простирали до того, что каждую породу лѣса посвящали отдѣльному божеству. Слѣды этого глубокаго уваженія лѣса встрѣчаемъ и теперь. До сихъ поръ нѣкоторыя породы лѣса считаются національными у разныхъ народовъ. Русскій привязанъ къ ивѣ, нѣмецъ къ липѣ и т. п. О такихъ избранныхъ народомъ породахъ дерева говорится въ его пѣсняхъ, имъ воздается почтеніе, съ ними въ пѣсняхъ и сказкахъ народъ дѣлитъ свое горе и свои радости.

На высшихъ ступеняхъ развитія это безсознательное уваженіе къ лѣсу превращается въ сознательную оцѣнку его какъ такого элемента, который имѣетъ не только частное, но и общегосударственное значеніе, который даже и въ томъ случаѣ, когда состоитъ въ частномъ обладаніи, не исключаетъ правъ государства и общества надъ собою. Въ настоящее время это значеніе лѣса все болѣе и болѣе распространяется въ сознаніи образованныхъ народовъ. Оно переходитъ даже въ крайность, выраженную наприм. въ слѣдующемъ положеніи, которое вполнѣ раздѣляетъ и М. Шлейденъ: „если живительный солнечный лучъ не можетъ и не долженъ быть частною собственностью, то тоже

относится и къ лѣсу, составляющему воплощеніе солнечной теплоты". Общегосударственное значеніе лѣса обусловливается вліяніемъ лѣсовъ на температуру страны, влажность воздуха, распредѣленіе водъ въ рѣкахъ и т. п.

Прежде всего лѣсъ производитъ умѣреніе крайностей въ температурѣ данной мѣстности. Будучи зимой теплѣе открытыхъ пространствъ, лѣсъ долженъ уменьшать низкую температуру послѣднихъ. На оборотъ, лѣтомъ въ лѣсу холоднѣе, чѣмъ на открытыхъ поляхъ; поэтому въ теченіи лѣта низшая температура лѣса сравнительно съ открытыми полями должна производить пониженіе температуры послѣднихъ. Днемъ въ лѣсу холоднѣе, чѣмъ на открытыхъ поляхъ, а ночью, обратно, въ лѣсу теплѣе, чѣмъ въ чистомъ полѣ. Поэтому днемъ лѣсъ охлаждаетъ сосѣднія открытыя мѣстности, ночью возвышаетъ ихъ температуру. Очевидно, въ этихъ случаяхъ лѣсъ является умѣрителемъ крайностей температуры. Въ лѣсистыхъ странахъ крайности температуры ничтожны и климатъ лѣсныхъ мѣстностей вполнѣ основательно сравнивается съ приморскимъ климатомъ. „Если къ лѣсу, говоритъ Я. Вейнбергъ, и не вполнѣ примѣнимы свойства водянаго бассейна съ большимъ протяженіемъ, то тѣмъ не менѣе температура его, по умѣренности своей и уравненію крайностей, скорѣе носитъ характеръ морскаго климата, чѣмъ континентальнаго, такъ что лѣсная площадь служитъ какъ бы переходною ступенью между этими двумя противоположностями и понятно, что чѣмъ площадь эта больше и непрерывнѣе, тѣмъ вліяніе ея на климатъ сосѣднихъ мѣстъ будетъ значительнѣе" (1).

Оказывая значительное вліяніе на уменьшеніе крайностей температуры, уже поэтому лѣсъ долженъ оказывать извѣстное вліяніе на уменьшеніе вреда отъ такъ называемыхъ утренниковъ и вообще на уменьшеніе вреднаго дѣйствія возврата холодовъ. Одно изъ главныхъ причинъ утренниковъ—это холодные вѣтры, быстро производящіе охлажденіе температуры, подъ вліяніемъ котораго водные пары, осажденные на растеніяхъ, замерзаютъ. Тамъ, гдѣ такіе утренники встрѣчаются часто, земледѣліе становится промысломъ въ высшей степени рисковнымъ. По словамъ г. Веселовскаго, въ Иркутскѣ, гдѣ замерзаніе ртути зимой не составляетъ необыкновеннаго явленія, производится весьма выгодное земледѣліе, тогда какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Финляндіи жатвы очень не вѣрны, по причинѣ утренниковъ, бывающихъ

весной, осенью и даже лѣтомъ. Лѣсъ устраняетъ вредное дѣйствіе ихъ, ограждая поля отъ холодныхъ вѣтровъ и нагрѣвая послѣдніе.

Оказывая вліяніе на температуру страны, производя то, что лѣсной климатъ становится аналогичнымъ съ приморскимъ климатомъ, лѣсъ имѣетъ уже по этому одному важное значеніе для государства. Гусударство, какъ представатель общихъ интересовъ, заинтересовано въ правильномъ веденіи лѣснаго хозяйства страны и лѣсное дѣло не можетъ быть предоставлено произволу каждаго. Но есть и другія черты, въ силу которыхъ значеніе лѣса для государства еще болѣе увеличивается.

Сравнивая климатъ лѣсныхъ странъ съ приморскимъ, мы тѣмъ самымъ уже указываемъ на то, что лѣсной воздухъ влажнѣе воздуха открытыхъ полей. Между тѣмъ воздушная влажность имѣетъ громадное значеніе для производительности. „Сухость воздуха, говоритъ Я. Вейнбергъ, имѣетъ слѣдствіемъ сильное нагрѣваніе почвы лѣтомъ и днемъ, и быстрое оттаиваніе ея зимой и ночью. Извѣстно, что среди лѣта песчаная степь Сахары иногда ночью, благодаря чрезвычайной сухости воздуха, остываетъ такъ быстро, что уснувшіе путешественники на слѣдующее утро оказываются погибшими отъ холода, а на иныхъ мѣстахъ образуется даже ледъ. Тоже самое замѣчается иногда и въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ, а именно въ мѣстахъ лишенныхъ воды и поэтому особенно страдающихъ отъ сухости воздуха. Такимъ образомъ оказывается, что влажность воздуха играетъ роль какъ бы одежды для нашего земнаго шара, препятствующей быстрому и чрезмѣрному ея охлажденію; безъ влажности наши зимы и ночи были бы несравненно холоднѣе, уже не говоря о томъ, что жизнь животныхъ и растеній сдѣлалась бы не возможною. Если бы, говоритъ Тиндаль, вся влажность, содержащаяся въ атмосферѣ надъ поверхностью Англіи, исчезла хотя на одну ночь, то вслѣдствіе мороза погибло бы множество растеній“.

Эта одежда нашего земнаго шара поддерживается и частью увеличивается лѣсами.

Лѣсная растительность, испаряя влагу, дѣйствуетъ на окружающій воздухъ прежде всего тѣмъ, что охлаждаетъ его, такъ какъ при испареніи происходитъ превращеніе теплоты въ скрытый теплородъ, за тѣмъ увеличиваетъ влажность мѣстности. По объясненію Шлейдена, охлаждающее дѣйствіе растеній „простирается на слой

воздуха, лежащій надъ растительнымъ покровомъ, что, конечно, испыталъ всякій путешественникъ, переходя отъ знойнаго поля на свѣжій лугъ, гдѣ температура тотчасъ понижается. Съ другой стороны, увеличеніе, посредствомъ испаренія воды, абсолютнаго содержанія влажности въ воздушномъ слоѣ, лежащемъ надъ растительнымъ покровомъ, должно быть признано очевиднымъ и обнаруживается наприм. въ осажденіи гораздо большаго количества росы на дернѣ, чѣмъ на голой почвѣ. Оба эти явленія производятъ еще дальнѣйшія измѣненія атмосферы. А именно, воздухъ имѣетъ свойство при каждой данной температурѣ принимать и удерживать опредѣленное количество воды въ парообразной формѣ. Съ пониженіемъ температуры или же съ увеличеніемъ влажности воздуха, часть влаги отдѣляется въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, образующихъ облака или даже непосредственно дождевыя капли. Большія же площади, покрытыя растительностью, а особенно лѣса, дѣйствуютъ одновременно и на охлажденіе воздуха и на увеличеніе влажности его, т. е. на обѣ причины образованія облаковъ и дождя".

Необходимо отличать абсолютную влажность лѣснаго воздуха отъ его относительной влажности. Первою называется вообще данное количество водяныхъ паровъ, содержащееся въ опредѣленномъ объемѣ воздуха. Второю называется отношеніе этого количества къ тому, которое насыщаетъ воздухъ при данной температурѣ. По многимъ наблюденіямъ оказывается, что относительная влажность лѣснаго воздуха всегда больше относительной влажности воздуха открытыхъ полей. Но особенно велика такая разница въ лѣтніе мѣсяцы. Разница въ количествѣ относительной влажности лѣсныхъ и безлѣсныхъ пространствъ оказываетъ значительное вліяніе на климатъ лѣсистыхъ странъ. Дѣло въ томъ, что большее количество относительной влаги въ лѣсу указываетъ на то, что въ лѣсу воздухъ ближе къ точкѣ насыщенія. Это же, очевидно, приводитъ къ тому, что вѣроятность появленія водныхъ осадковъ въ лѣсу несравненно больше, чѣмъ въ открытомъ полѣ. Эта вѣроятность прямо пропорціональна разницѣ въ относительной влажности воздуха; чѣмъ больше такая разница въ пользу лѣса, тѣмъ больше вѣроятность выпаденія въ лѣсу дождя и тумана. Весьма естественно, что лѣса содѣйствуютъ увлажненію климата данной мѣстности, такъ какъ полезное дѣйствіе ихъ относительно влажности не можетъ остаться безъ вліянія на окрестныя поля и

вообще на сосѣднія безлѣсныя мѣстности. „Лѣсъ, говоритъ Я. Вейнбергъ, содѣйствуетъ влажности данной мѣстности особенно въ то время года, когда она всего болѣе въ этомъ нуждается, т. е. лѣтомъ, такъ какъ именно въ это время года воздушныя теченія, направленныя изъ лѣса въ поле и обратно, бываютъ особенно сильны. Лѣсной воздухъ, перешедшій въ поле, дѣлаетъ воздухъ послѣдняго влажнѣе и тѣмъ самымъ предохраняетъ поля отъ сильнаго лучеиспусканія ночью, а весною и осенью отъ утренниковъ".

Статистическія данныя о распредѣленіи атмосферическихъ осадковъ въ Россіи вполнѣ подтверждаютъ изложенное ученіе о вліяніи лѣсовъ на влажность климата. Въ лѣсной мѣстности Европейской Россіи количество выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ несравненно больше, чѣмъ въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ. Такъ изъ таблицы о распредѣленіи дождей въ Россіи, составленной г. Воейковымъ, оказывается, что годовое количество дождей въ день составляетъ ([3]):

Въ	Варшавѣ	1,58	милиметра.
„	Костромѣ	1,65	„
„	Кіевѣ	1,33	„
„	Самарѣ	1,05	„
„	Севастополѣ	0,63	„
„	Астрахани	0,34	„

Мало того, по даннымъ г. Воейкова, въ сѣверныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ наибольшее количество воды выпадаетъ лѣтомъ, особенно въ Іюлѣ и Августѣ. Лѣтомъ разница въ относительной влажности лѣснаго воздуха и воздуха безлѣсныхъ пространствъ достигаетъ наибольшей величины. Весьма понятно, что эта разница должна оказывать свое наибольшее вліяніе на увеличеніе водныхъ осадковъ именно въ это время, что и оказывается въ дѣйствительности. Не смотря на обиліе снѣговъ, выпадающихъ на сѣверѣ въ теченіи продолжительнаго зимняго времени, нашъ русскій лѣсистый сѣверъ принадлежитъ къ числу мѣстностей съ преобладаніемъ лѣтнихъ водныхъ осадковъ. Значительное количество зимней влаги, получаемой почвою въ видѣ снѣга, дало возможность появиться тамъ лѣсамъ. Появившіеся лѣса въ свою очередь стали увеличивать количество влаги и особенно лѣтней, что благодѣтельно отозвалось и на самомъ лѣсоводствѣ и сельскомъ хозяйствѣ вообще. Районъ этого вліянія довольно великъ, онъ распространяется на сосѣднія безлѣсныя мѣстности.

Въ нашемъ климатѣ безъ одежды человѣкъ подвергался бы невѣроятнымъ переходомъ отъ холода къ теплу, отъ сырости къ засухамъ и т. п. Безъ лѣса страна была бы подвержена подобнымъ же рѣзкимъ переходомъ отъ холода къ теплу, отъ сырой погоды къ засухамъ и т. п. Сохраненіе лѣса имѣетъ значеніе сохраненія одежды, безъ которой растительная и животная жизнь была бы не мыслима.

Наконецъ лѣса оказываютъ въ такой же мѣрѣ значительное вліяніе на распредѣленіе и количество водъ въ рѣкахъ. Изъ атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ на землю, одна часть непосредственно стекаетъ по земной поверхности въ рѣки и озера, а другая проникаетъ въ почву, гдѣ она является въ видѣ подпочвенной воды, представляющей собою источникъ, питающій наши рѣки, озера и колодцы. Въ первомъ видѣ стекаетъ не болѣе $^1/_6$—$^1/_3$ всей массы атмосферныхъ осадковъ, все остальное количество просачивается и стекаетъ въ наиболѣе низкія мѣста вторымъ способомъ. Представимъ себѣ, что вслѣдствіе какихъ либо причинъ водные осадки будутъ стекать по земной поверхности, вмѣсто того, чтобы проникать въ почву. Весьма естественно, въ этомъ случаѣ рѣки будутъ быстро наполняться водой, наводненія должны быть часты и гибельны. Весьма естественно также, что при такихъ условіяхъ половодья должны быть велики и причиняемый ими вредъ особенно значителенъ. Весной воды, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ препятствій, быстро стекаютъ въ рѣки, какъ самыя низкія мѣста; уровень водъ въ рѣкахъ быстро поднимается, рѣки выходятъ изъ береговъ, затопляя сосѣднія мѣстности. Истребленіе лѣсовъ равносильно уничтоженію препятствій къ быстрому стоку воды по поверхности земли, благодаря чему увеличиваются половодья.

Даже предположивъ, что общее количество атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ въ теченіи года въ данной странѣ, остается при истребленіи лѣсовъ неизмѣннымъ, необходимо признать, что лѣса имѣютъ общегосударственное значеніе, распредѣляя воды въ рѣкахъ равномѣрно по временамъ года. Но лѣсъ имѣетъ также вліяніе и на самое количество водъ въ рѣкахъ. „Находясь въ тѣни, говоритъ Векслъ, лѣсная почва лѣтомъ и днемъ менѣе нагрѣвается, чѣмъ открытая мѣстность, и испареніе тамъ происходитъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ полѣ, по меньшей мѣры въ 4 или 5 разъ. Поэтому атмосферная влага, упавшая въ лѣсу, остается тамъ долѣе и успѣваетъ просачиваться въ землю. Съ другой стороны, разность температуры лѣса и откры-

таго поля причиняетъ воздушныя теченія, и водяные пары, при встрѣчѣ съ холодной листвой, достигаютъ точки насыщенія и превращаются въ капельно—жидкое состояніе. Далѣе, по причинѣ лиственнаго покрова, на почвѣ покрытой лѣсомъ выпадаетъ менѣе дождя, чѣмъ на открытомъ полѣ, но за то капли дождя достигаютъ земли съ меньшею скоростью, а потому не образуютъ потоковъ, но всасываются въ землю, въ особенности благодаря многочисленнымъ корнямъ, мхамъ, лишаямъ и сгнившимъ пнямъ, которые весьма жадно впитываютъ въ себя влажность. Перегной, покрывающій собою лѣсную почву, поглощаетъ вдвое болѣе влажности, чѣмъ открытое поле, даже покрытое травой. Кромѣ того, испареніе воды въ лѣсу лѣтомъ происходитъ весьма медленно и даже испарившаяся влага, при поднятіи своемъ встрѣтивъ холодную нижнюю поверхность листа, опять превращается въ капли и снова падаетъ на ту же лѣсную почву“ (2). Шлейденъ утверждаетъ, что при истребленіи лѣсовъ постоянные источники могутъ вовсе исчезнуть, обращаясь въ перемежающіеся ключи, которые текутъ лишь весной, при изобиліи влажности, а съ возрастающимъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей совершенно изсякаютъ. Для постоянства правильности въ питаніи источниковъ дождемъ, снѣгомъ и другими атмосферными осадками необходимо регулированіе этого питанія посредствомъ почвеннаго покрова того пространства, отъ котораго источники получаютъ воду.

Коммиссія, назначенная нашей Императорской Академіей Наукъ для изслѣдованія вопроса о вліяніи истребленія лѣсовъ на рѣки, въ докладѣ своемъ отъ 27 января 1876 года вполнѣ признаетъ это вліяніе. „Та часть южной Россіи, говорится въ докладѣ, въ которой 150—200 лѣтъ тому назадъ находились громадныя лѣсныя пространства, нынѣ представляетъ собою голую степь съ безводными возвышенностями, жители которой вынуждены селиться по берегамъ тощихъ рѣченокъ, плосскихъ долинъ, что бы только какъ нибудь избѣгнуть полнаго недостатка воды. Нельзя не упомянуть при этомъ и о Волгѣ съ Днѣпромъ, по берегамъ которыхъ съ юга на сѣверъ уничтоженіе лѣсовъ сдѣлало и продолжаетъ дѣлать такіе успѣхи, что среднія и нижнія части этихъ столь необходимыхъ для русской торговли рѣкъ протекаютъ нынѣ по мѣстностямъ, совершенно лишеннымъ лѣса, въ которыхъ полыя воды достигаютъ уже большей высоты, чѣмъ въ прежнія времена. Кому неизвѣстны ежегодно повторяющіяся тяжкія жалобы

на видоизмѣненія рѣчнаго дна, на образованіе новыхъ мелей и на измѣненіе рѣчныхъ фарватеровъ. Кому не извѣстно, что безводныя и зимой и сухимъ лѣтомъ балки при быстромъ весеннемъ таяніи снѣговъ въ обнаженной степи и при сильныхъ дождяхъ превращаются въ мутные потоки, отрывающіе и совершенно губящіе участки плодородныхъ полей. Въ концѣ концовъ притоки и береговыя рытвины доставляютъ рѣкѣ огромное количество смытыхъ землистыхъ веществъ,— обильный матеріалъ для образованія новыхъ отмелей. Коммиссія считаетъ своею обязанностью высказать убѣжденіе, что эти бѣдствія на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ въ значительной степени могли бы быть смягчены, если бы удалось найти средство предохранить береговыя пространства этихъ рѣкъ отъ лѣсоистребленія“ (4). Такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія, что лѣсъ представляетъ собою какъ бы естественное управленіе, вѣдающее распредѣленіемъ и даже среднимъ количествомъ водъ въ рѣкахъ.

(1) Русскій Вѣстникъ, т. 139, стр. 546. Въ 1878 и 1879 гг. въ этомъ журналѣ былъ помѣщенъ рядъ статей Я. Вейнберга о значеніи лѣсовъ, вышедшихъ за тѣмъ отдѣльной книгой: „Лѣсъ и его значеніе въ природѣ,“ (1884 г.) составляющей одно изъ наиболѣе капитальныхъ сочиненій по вопросу о значеніи лѣсовъ. (2) На вопросъ объ уменьшеніи водъ въ рѣкахъ обратилъ вниманіе еще въ 1837 г. Берггаусъ въ своей физической географіи. Но вопросъ оставался въ забытьи до 1873 г. когда появилось знаменитое изслѣдованіе Rekca: Ueber die Wasserbanahme in den Quellen, Flüssen und Strömen, bei gleichzeitiger steigerung der Hochwässer in den Culturländer. (3) Метеорологическій сборникъ, изд. Императорскою Академіей Наукъ, подъ ред. Г. И. Вильда 1870 г. т. 1. А. Воейковъ: О распредѣленіи дождей въ Россіи, стр. 191 и слѣд. (4) Въ 1842 г. извѣстный геологъ Мурчисонъ, совершившій свое геологическое путешествіе по Россіи, былъ представленъ Государю Николаю Павловичу, который спросилъ его: „Что всего болѣе въ Россіи привлекло его вниманіе и поразило его при обозрѣніи страны?“ „Меня всего болѣе поразила, отвѣтилъ великій геологъ, та быстрота, съ которою истребляются лѣса по всему пространству вашего государства. Я не могу не заявить о томъ Вашему Величеству и умоляю Васъ, во имя человѣчества, принять теперь же самыя энергическія мѣры къ прекращенію этого безрасуднаго расхищенія, грозящаго гибелью вашему прекрасному отечеству.“

§ 2. Указанное вліяніе лѣсовъ на температуру, влажность, количество и распредѣленіе водъ въ рѣкахъ не можетъ не оказывать значительнаго воздѣйствія на весь экономическій бытъ страны. Это

воздѣйствіе въ особенности замѣтно въ странахъ земледѣльческихъ, такъ какъ вліяніе лѣсовъ прежде всего отражается на земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ вообще.

Въ странахъ безлѣсныхъ развитіе сельскаго хозяйства встрѣчаетъ препятствія, съ которыми отдѣльный производитель бороться не можетъ, вслѣдствіе чего успѣхи сельско-хозяйственной промышленности не зависятъ отъ индивидуальнаго труда. При отсутствіи лѣсовъ, климатъ страны отличается непостоянствомъ, колебанія въ урожайности значительны и сельское хозяйство имѣетъ характеръ азартной игры. Съ 1870 по 1876 г. разность между наибольшею и наименьшею жатвою составляла 28% средняго сбора, по отдѣльнымъ же полосамъ эта разность колеблется такимъ образомъ:

Въ губ. Сѣверныхъ	18%	средняго сбора
„ средн. не черноземныхъ	28%	„ „
„ прибалтійскихъ	14%	„ „
„ западныхъ	27%	„ „
„ привислянскихъ	9%	„ „
„ юго-западныхъ	15%	„ „
„ степныхъ	86%	„ „
„ средн. черноземныхъ	47%	„ „
„ нижне-волжскихъ	58%	„ „

Изъ этого видно, что наибольшею устойчивостью урожаевъ, наименьшими погодными колебаніями отличаются губерніи, въ которыхъ встрѣчается достаточное количество лѣсовъ и, на оборотъ, безлѣсныя губерніи имѣютъ наибольшій процентъ колебаній, т. е. наименьшую устойчивость въ урожайности хлѣбовъ. Вліяя на сельское хозяйство, лѣсъ въ свою очередь вліяетъ на всѣ экономическія отношенія страны, такъ какъ сельское хозяйство лежитъ въ фундаментѣ народной экономіи. „Лѣсъ, справедливо говоритъ Шлейденъ, не только служитъ для доставленія строеваго и дровянаго матеріала, но имѣетъ еще и другое, притомъ гораздо большее значеніе для человѣческаго общества и близорукое, безсовѣстное истощеніе и истребленіе лѣсовъ можетъ причинить трудно-поправимое, а иногда и вовсе не поправимое зло не только самому легкомысленному собственнику, но и множеству лицъ, не причастныхъ дѣлу истребленія, при извѣстныхъ же обстоятельствахъ даже и цѣлому народу. Именно здѣсь яснѣе чѣмъ гдѣ нибудь сказывается грубость и безнравственность принципа: qui suo jure uti-

tur, nemini facit injuriam. Этотъ принципъ достоинъ лишь самыхъ грубыхъ дикарей, не знающихъ и не признающихъ человѣческаго общества. Мое ружье составляетъ мою собственность, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что я имѣю право стрѣлять изъ него въ своего ближнаго. Лѣсъ тоже мой, но я не имѣю права уничтожать его, если отъ его вырубки цѣлая трудолюбивая и достаточная община обратится въ нищихъ; если же я это сдѣлаю, то государство имѣетъ, конечно, право и обязанность препятствовать такому безчинству всѣми зависящими отъ него средствами".

На низшихъ ступеняхъ общественности, когда народонаселенія было мало сравнительно съ количествомъ лѣсныхъ пространствъ, не было никакой опасности отъ истребленія лѣсовъ. Напротивъ того, уничтоженіе части ихъ могло быть полезно для страны. Громадныя лѣсныя пространства, содѣйствуя увеличенію влаги и образованію болотъ, были причиною разныхъ болѣзней, истреблявшихъ населеніе. Съ уничтоженіемъ части лѣсовъ увеличивалась сухость воздуха, уничтожались болота и увеличивались пространства, удобныя для скотоводства и хлѣбопашества. Въ это время хищническое пользованіе лѣсными имуществами никому не причиняло вреда и не было необходимости въ регулированіи этого пользованія со стороны государства. Каждый по своему собственному усмотрѣнію можетъ сжечь свой домъ, находящійся гдѣ либо въ глуши, вдали отъ жилья другихъ людей. Но никто изъ городскихъ жителей не можетъ имѣть подобнаго права на свой домъ, находящійся въ чертѣ города. Въ первомъ случаѣ, сжигая домъ, я никому не угрожаю; во второмъ, я причиняю убытокъ моимъ сосѣдямъ, дома которыхъ могутъ сгорѣть. И такъ какъ вреда другимъ никто не можетъ причинять ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ, то, понятно, никто изъ жителей города не можетъ угрожать другимъ, сжигая свой домъ. Совершенно въ аналогичномъ положеніи находится и лѣсовладѣлецъ. Только на низшихъ ступеняхъ общественности его право пользоваться лѣсомъ могло быть совершенно безконтрольнымъ, такъ какъ только въ это время, при обиліи лѣсовъ, злоупотребленія лѣсною собственностью не могли причинять вреда другимъ, не могли отозваться вредно, наприм., на измѣненіи климата. Съ умноженіемъ населенія, когда первобытное обиліе лѣсовъ сдѣлалось лишь преданіемъ, подобное безконтрольное хозяйство было бы анахронизмомъ. Вотъ почему въ настоящее время почти вездѣ въ за-

падно-европейскихъ государствахъ съ одной стороны государства заботятся о правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ въ казенныхъ лѣсахъ, а съ другой обязываютъ вести правильное лѣсное хозяйство и въ частныхъ лѣсахъ. Обыкновенно считается обязательною такъ называемая лѣсосѣчная система, по которой ежегодно вырубается лишь опредѣленное пространство лѣсной площади, такъ, что когда дойдетъ очередь рубить лѣсъ на послѣдней лѣсосѣкѣ, то на первой уже выростаетъ лѣсъ, годный къ новой рубкѣ. Если имѣется 80-лѣтнія насажденія, то лѣсное пространство дѣлится на 80 частей, изъ коихъ ежегодно рубится одна часть, послѣ чего вырубленное пространство обсѣменяется и остается не тронутымъ до того времени, пока не появится на немъ 80-лѣтній лѣсъ. При этой системѣ капиталъ, представляемый лѣсомъ, остается не тронутымъ, лѣсовладѣлецъ пользуется только доходами изъ этого капитала, какъ ежегоднымъ приростомъ.

Обязательное веденіе правильнаго лѣснаго хозяйства въ частныхъ лѣсахъ по правиламъ, утвержденнымъ подлежащими властями, находитъ оправданіе и въ самыхъ экономическихъ особенностяхъ лѣса. По замѣчанію Рошера, лѣсные продукты представляютъ собою даръ силъ природы въ большей мѣрѣ, чѣмъ какіе бы то ни были другіе продукты. Лѣсъ удабривается самъ собою, посредствомъ листьевъ, въ большинствѣ случаевъ также естественно происходитъ обсѣмененіе. Если при этомъ требуется работа человѣка, то работы, произведенной одинъ разъ, бываетъ достаточно на цѣлый человѣческій вѣкъ и даже на цѣлое столѣтіе. Вообще трудъ и капиталъ въ лѣсномъ хозяйствѣ имѣютъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ въ остальныхъ отрасляхъ народной промышленности. Главное значеніе въ лѣсоводствѣ принадлежитъ силамъ природы. Эта экономическая особенность лѣсоводства имѣетъ важное значеніе при регулированіи государствомъ лѣснаго хозяйства. Тѣ отрасли народной дѣятельности, продукты которыхъ въ значительной мѣрѣ представляютъ собою результатъ труда и капитала, не могутъ быть такъ строго регламентированы, какъ тѣ отрасли, въ которыхъ главное участіе принадлежитъ даровымъ дѣятелямъ, не созданнымъ человѣкомъ. Лѣсъ по самому существу своему, какъ продуктъ главнымъ образомъ такихъ даровыхъ дѣятелей, весьма естественно и можетъ подлежать болѣе строгой регламентаціи, чѣмъ другіе виды народной промышленности. Въ силу преобладающаго значенія въ лѣсоводствѣ даровыхъ факторовъ лѣсное хозяйство и на высшихъ

ступеняхъ развитія имѣетъ экстенсивный характеръ. Отличительная черта всякаго экстенсивнаго хозяйства состоитъ въ томъ, что въ немъ чистый доходъ занимаетъ большой процентъ въ валовомъ, между тѣмъ какъ въ интенсивныхъ хозяйствахъ, на оборотъ, чистый доходъ, какъ процентъ, обыкновенно малъ. Въ отношеніи къ лѣсоводству имѣетъ преобладающее значеніе то, что въ сельскомъ хозяйствѣ служитъ признакомъ его первобытности и что въ настоящее время въ экономически развитыхъ странахъ было бы чистѣйшимъ анахронизмомъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Издержки производства въ лѣсномъ хозяйствѣ ничтожны, сравнительно съ чистымъ доходомъ. По Рошеру, издержки производства въ лѣсномъ хозяйствѣ Бельгіи составляютъ 19%, во Франціи 15% валоваго дохода. Экстенсивность культуры въ свою очередь производитъ то, что вмѣшательство государства въ лѣсное дѣло частныхъ лицъ не сопровождается затрудненіями въ хозяйственныхъ соображеніяхъ.

Основаніемъ къ введенію обязательнаго по извѣстнымъ правиламъ веденія лѣснаго хозяйства служитъ наконецъ то, что въ лѣсномъ дѣлѣ исправленіе ошибокъ не легко. Торговля лѣсными продуктами, имѣющими большой объемъ при не высокой цѣнности, сравнительно съ объемомъ, не такъ удобна, какъ торговля другими продуктами. Она не можетъ быть распространена на такихъ значительныхъ районахъ доставки, какъ торговля полевыми продуктами. Страна можетъ терпѣть, вслѣдствіе истребленія своего лѣса, сильную нужду въ деревѣ и съ трудомъ получать его изъ сосѣдней мѣстности. Ошибка, произведенная въ одной мѣстности, съ большимъ трудомъ можетъ быть поправима привозомъ дерева изъ другой. За тѣмъ такая ошибка путемъ лѣсоразведенія можетъ быть исправлена не иначе, какъ послѣ продолжительнаго періода времени. По выраженію Рошера, большая часть продуктовъ лѣсоводства для достиженія полной зрѣлости требуетъ большаго числа лѣтъ, чѣмъ полевые продукты недѣль, вслѣдствіе чего въ лѣсномъ дѣлѣ гораздо труднѣе соразмѣрять предложеніе со спросомъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ производствахъ. Понятно изъ этого, что расхищеніе лѣса не такъ легко можетъ быть поправимо, какъ могутъ быть поправимы ошибки въ сельскомъ хозяйствѣ и вообще во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ продукты производятся въ болѣе короткіе сроки. Уже въ виду этого противъ расхищающаго хозяйства въ лѣсномъ дѣлѣ важны не столько карательныя

мѣры, сколько мѣры предупредительнаго характера, посредствомъ которыхъ предупреждалось бы хищническое пользованіе лѣсомъ. Всякія же предупредительныя мѣры требуютъ большей регламентаціи производства, чѣмъ мѣры карательнаго характера, вслѣдствіе чего къ лѣсному хозяйству и не примѣнима такая свобода, какая является основнымъ началомъ въ земледѣліи.

§ 3. Въ Европейской Россіи общая площадь лѣсовъ простирается до 149 мил. десятинъ, что составляетъ 38% всего пространства. Въ Австріи лѣса занимаютъ 29%, въ Пруссіи 26%, въ Швейцаріи 21% въ Италіи 19%. Только въ Швеціи и Норвегіи процентъ лѣсовъ выше чѣмъ у насъ. Если исключить эти двѣ страны, то Европейская Россія должна быть причислена къ самымъ лисистымъ странамъ Европы. Но наши лѣса распредѣляются въ висшей степени неравномѣрно.

Такъ имѣютъ лѣса:

Сѣверь и Сѣверо-Востокъ	90,2%
Финляндія	89,3 „
Полоса Черноземно-суглинистая	51,5 „
Финское полѣсье	49,7 „
Промышленная область	39,4 „
Пинское полѣсье	30,5 „
Западная окраина	28,8 „
Бѣлорусское полѣсье	26,3 „
Полоса степная нечерноземная	14,5 „
Черноземная степная	6,1 „

По поводу этого неравномѣрнаго распредѣленія лѣсовъ Вильсонъ замѣчаетъ: „Двѣ трети общаго пространства лѣсовъ приходятся на долю сѣверо-восточной окраины Европейской Россіи; покрывая здѣсь почву сплошною массою, они постепенно рѣдѣютъ къ югу и занимаютъ въ наиболѣе населенныхъ частяхъ Европейской Россіи не болѣе $^1/_3$ общаго ихъ пространства, за тѣмъ въ полосѣ губерній малороссійскихъ и такъ называемыхъ степныхъ они составляютъ не болѣе $^1/_8$ общаго пространства, а въ губерніяхъ южныхъ, занимающихъ болѣе 11.000 кв. миль, только $^1/_{50}$ часть поверхности. Такимъ образомъ мы имѣемъ крайности, которыя не встрѣчаются ни въ одномъ значительномъ государствѣ Европы“ (1). Средній выводъ о количествѣ лѣсовъ въ Европейской Россіи оказывается менѣе пригоднымъ для сужденія о лѣсномъ богатствѣ страны, чѣмъ въ какомъ либо иномъ го-

сударствѣ Западной Европы. У насъ встрѣчается почти сплошной лѣсъ на пространствѣ десятковъ милліоновъ десятинъ и совершенное отсутствіе его на громадныхъ пространствахъ, равныхъ по своей величинѣ наприм. Франціи. Даже и въ лѣсистыхъ губерніяхъ встрѣчаются уѣзды мало или вовсе безлѣсные. Таковъ наприм. Нолинскій уѣздъ Вятской губерніи, земли котораго почти сплошь обращены подъ хлѣбопашество. Въ Рязанской губерніи уѣзды Егорьевскій и Кассимовскій къ сѣверу отъ Оки покрыты почти сплошнымъ лѣсомъ, а южные уѣзды представляютъ собою вполнѣ степную мѣстность, лишенную лѣсной растительности. Въ Пермской губерніи одни уѣзды имѣютъ лѣсовъ болѣе 90% общаго пространства, наприм. Чердынскій уѣздъ имѣетъ 94,3% общаго пространства подъ лѣсомъ, а другіе уѣзды сравнительно не богаты лѣсомъ. Въ Харьковской губерніи въ Лебединскомъ и Сумскомъ уѣздахъ считается подъ лѣсомъ до 70% общаго ихъ пространства, между тѣмъ какъ въ Старобѣльскомъ всего 4% лѣса. Гдѣ же причина этой неравномѣрности въ распредѣленіи лѣсовъ Европейской Россіи?

По мнѣнію академика Рубрехта, „безлѣсье степи есть слѣдствіе чрезмѣрной сухости, рѣдкости или недостатка росы лѣтомъ. Число дождевыхъ и снѣжныхъ дней и количество воды, осаждающейся изъ атмосферы, постепенно уменьшается отъ запада къ востоку. Самыя южныя губерніи еще бѣднѣе восточныхъ атмосферными осадками. На сѣверной границѣ чернозема лѣса могутъ рости подъ вліяніемъ сосѣдней сырой области ели. Если бы климатъ былъ не причиною, но слѣдствіемъ безлѣсья, то это могло бы случиться только въ томъ случаѣ, когда лѣсъ былъ бы истребленъ вдругъ и повсемѣстно, потому что мѣстное и медленное истребленіе скоро поправилось бы новымъ подростомъ лиственныхъ деревъ. На Уральскихъ горахъ, не смотря на сильное истребленіе, лѣса сохраняются. Сухость степей существовала всегда и нѣтъ никакой необходимости предполагать измѣненіе климата, когда явленія объясняются и безъ всякаго измѣненія“ (2).

По мнѣнію Воейкова, такимъ же образомъ неравномѣрное распредѣленіе влаги представляетъ собою основную причину неравномѣрнаго распредѣленія лѣсовъ Европейской Россіи. Лѣсъ нуждается въ значительномъ количествѣ почвенной влаги уже потому одному, что онъ испаряетъ ея значительное количество. Но понятно, если выпавшая влага менѣе испаряется и болѣе проникаетъ въ почву, то пита-

ніе растеній такою влагою цѣльнѣе и лучше. Поэтому для лѣсовъ наиболѣе выгодна влага не лѣтнихъ дождей, при которыхъ въ короткое время выпадаетъ значительное количество воды, быстро испаряющейся или стекающей по поверхности, но продолжительные дожди, выпадающіе весною и осенью. Въ особенности полезенъ снѣжный покровъ, изъ котораго вода въ лѣсахъ медленно всасывается почвою, гдѣ и является тѣмъ капиталомъ, на счетъ котораго растенія питаются въ сухое время года. „Мнѣніе, будто бы лѣтніе дожди для лѣсной растительности необходимы, говоритъ Воейковъ, лишено основанія. Хотя нельзя отрицать вліянія лѣтнихъ дождей на лѣса, какъ и вообще на растительность, но тѣмъ не менѣе осадки въ холодное время года, въ особенности же въ видѣ снѣга, гораздо важнѣе. Рано или поздно выпалъ снѣгъ, онъ всегда оттаиваетъ весною, когда пробудившаяся растительность въ особенности нуждается въ водѣ. Постоянный снѣжный покровъ зимою есть главная причина существованія лѣсовъ въ сѣверной Россіи и Швеціи, не смотря на то, что годовое количество водяныхъ осадковъ гораздо менѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. На югѣ, въ степи, количество выпадающаго снѣга гораздо меньше, и даже выпадающій снѣгъ сдувается вѣтромъ и сносится въ ложбины, между тѣмъ какъ мѣста выше лежащія остаются безъ снѣга“ (3).

Наконецъ этимъ же распредѣленіемъ влаги объясняетъ распредѣленіе нашихъ лѣсовъ и Вейнбергъ. Вслѣдствіе континентальнаго характера Россіи, говоритъ онъ, средняя годовая температура, а равно и зимняя температура понижается не только съ юга на сѣверъ, но и съ запада къ востоку, а потому и число снѣжныхъ дней и продолжительность снѣжнаго покрова должны увеличиваться. Если прибавить къ этому Уральскую возвышенность, способствующую осажденію атмосферной влаги, приносимой юго-западнымъ пассатомъ, то можно объяснить себѣ обиліе лѣсовъ въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи (4).

Необходимо согласиться, что дѣйствительно неравномѣрное распредѣленіе влаги представляетъ собою основную причину, отъ которой зависитъ обиліе или недостатокъ лѣсовъ въ Европейской Россіи. Значительный снѣжный покровъ сѣверной и сѣверо-восточной Россіи произвелъ возможность капитализаціи влаги, которая послужила благопріятнымъ условіемъ для появленія лѣсной растительности въ громадныхъ размѣрахъ и которая естественнымъ путемъ возстановляетъ

лѣса, истребляемые человѣкомъ. Появившіеся лѣса въ свою очередь увеличили количество не только зимнихъ, но и въ особенности лѣтнихъ водныхъ осадковъ, которые, выпадая на лѣсную почву, просачиваются и также остаются не безполезными для лѣсной растительности. Въ слѣдующей средней области, въ такъ называемой черноземной не степной, лѣса еще могутъ расти подъ вліяніемъ сосѣдней сырой области. За тѣмъ чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ болѣе и болѣе уменьшается лѣсная растительность и мѣстность получаетъ характеръ чистой степи, гдѣ недостатокъ влаги ограничиваетъ лѣсную растительность.

Въ степи для лѣсоразведенія необходимо искусственное орошеніе, такъ какъ лѣтняя влага не приноситъ надлежащаго вліянія, быстро испаряясь и стекая по голой поверхности, а осенней влаги слишкомъ мало. Недостатокъ послѣдней необходимо признать одною изъ важнѣйшихъ причинъ безлѣсья степей. Въ южной Франціи и въ Италіи, говоритъ Воейковъ, выпадаетъ гораздо менѣе воды, чѣмъ въ южной Россіи. Такъ выпадаетъ среднимъ числомъ милиметровъ въ день:

	Іюнь	Іюль	Августъ.
Въ Тулонѣ	0,60	0,30	0,55
„ Монпелье	1,34	0,61	0,90
„ Римѣ	1,42	0,59	0,82
„ Палермо	0,62	0,17	0,28

Но эти страны нельзя назвать степями, и тамъ разведеніе деревьевъ считается самой вѣрной отраслью хозяйства, благодаря тому, что тамъ *осенью* выпадаетъ до 3 и $3^1/_2$ мм. въ день и земля успѣваетъ промокнуть на такую глубину, что доставляетъ влагу корнямъ въ теченіи всего лѣта. Въ степи дожди выпадаютъ преимущественно въ теплое время года и притомъ въ видѣ проливныхъ дождей. Понятно, что такая влага быстро испаряется или еще быстрѣе стекаетъ по поверхности земли, не проникая въ почву и, поэтому, не капитализируется. Безъ такой капитализаціи влаги лѣсная растительность почти не мыслима. Отсутствіе естественной капитализаціи необходимо замѣнить искусственнымъ орошеніемъ.—При этомъ орошеніи лѣсоводство сдѣлается вполнѣ возможнымъ и появившіеся въ значительныхъ количествахъ лѣса могутъ сами себѣ создать и естественную капитализацію влаги, такъ какъ степные лѣтніе ливни, выпадая на лѣсныя пространства, не такъ быстро будутъ стекать по поверхности и вода,

ими приносимая, не такъ быстро будетъ испаряться съ отѣненныхъ пространствъ. Мы знаемъ также, что лѣса обладаютъ и способностью увеличивать абсолютное количество влаги, выпадающей въ данной мѣстности. Появившіеся лѣса могутъ сами себѣ, такимъ образомъ, создать необходимую имъ влагу; искусственное орошеніе необходимо только на первыхъ порахъ, пока лѣса не распространятся въ краѣ.

Но признавая, что не равномѣрное распредѣленіе влаги представляетъ собою основную причину неравномѣрнаго распредѣленія лѣсовъ, мы должны сказать, что въ большей части нашихъ степей и самыя свойства почвы оказываютъ значительное вліяніе на отсутствіе лѣсовъ. Уже давно замѣченъ тотъ фактъ, что въ черноземной степной области, вообще въ высшей степени бѣдной лѣсомъ, встрѣчаются мѣстности богатыя лѣсомъ. Такъ, по Рупрехту, въ Нижнегородской губерніи въ Лукьяновскомъ уѣздѣ лѣса занимаютъ 51,3%; въ Пензенской губ. въ двухъ уѣздахъ почти столько же лѣса, а въ третьемъ 73%. Эти лѣсные острова среди степей въ большинствѣ случаевъ попадаются тамъ, гдѣ среди чернозема попадаются нечерноземныя почвы, напримѣръ на песочныхъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи Волынская губ. Она раздѣляется на степную мѣстность, называемую собственно Волынью и на Полѣсье, почти сплошь покрытое лѣсомъ, въ большинствѣ случаевъ сосновымъ. Къ степи относятся южные уѣзды: Староконстантиновскій, Заславскій, Острожскій, Дубенскій, Кременецкій и Владимірскій, въ которыхъ лѣса занимаютъ не болѣе 23% общей площади. Полѣсье лежитъ на сѣверъ отъ дороги, ведущей изъ Устилуга (на Бугѣ) въ Житоміръ. Къ сѣверу отъ этой дороги почва песчаная, къ югу большею частію чистый черноземъ. Въ первой половинѣ губерніи почти все пространство сплошь покрыто лѣсомъ, между тѣмъ какъ вторая половина, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, имѣетъ вполнѣ степной характеръ.

Уже эти факты приводятъ къ мысли, что и въ физическихъ свойствахъ чернозема должна заключаться причина того, почему въ нашихъ черноземныхъ степяхъ такъ мало лѣсной растительности.

Прежде всего очевидно, что черноземъ, какъ почва быстро засыхающая и въ этомъ видѣ представляющаяся твердой, какъ камень, въ такомъ состояніи слабо проникается влагою, вода быстро стекаетъ по черноземной поверхности, оставляя въ подпочвѣ самые ничтожные слѣды. По этому и при равномъ количествѣ выпадающей влаги тѣ

почвы, которыя не такъ тверды, имѣютъ способность лучше капитализировать влагу и на нихъ вѣроятность появленія и хорошаго роста древесныхъ растеній больше. За тѣмъ черноземъ, представляя собою прекрасную почву въ томъ отношеніи, что въ немъ заключается все необходимое для питанія растеній, является почвою для нихъ неудобною въ видѣ жилища. Земля должна доставлять растущимъ на ней растеніямъ извѣстный доступъ для воздуха, должна быть въ извѣстномъ смыслѣ вентилируема, безъ какой вентиляціи жизнь растенія положительно не мыслима. Весьма часто въ городахъ можно встрѣтить растенія насажденныя среди плотно убитыхъ мостовыхъ; кругомъ ихъ твердая мостовая, на которой, возлѣ самаго дерева, оставляется не большое углубленіе для поливки его. Не смотря на обильную поливку, обыкновенно такія растенія представляются въ высшей степени чахлыми; скоро погибаютъ и замѣняются новыми, съ которыми повторяется таже исторія. Нѣтъ сомнѣнія, что причиною болѣзненнаго вида и смерти ихъ—твердая мостовая, преграждающая доступъ воздуха въ почву и къ корнямъ растеній. Черноземъ по своимъ физическимъ свойствамъ относительно жизни растеній напоминаетъ собою подобную мостовую. Онъ состоитъ изъ мелкихъ частицъ, плотно прилегающихъ другъ къ другу и такимъ образомъ преграждающихъ доступъ воздуху. Растеніе съ трудомъ можетъ жить на такой почвѣ, если корни его идутъ глубоко, а надъ корнями его лежитъ твердый покровъ, не допускающій воздуха къ корнямъ. Вотъ почему на черноземныхъ почвахъ удаются преимущественно такія древесныя породы, которыя отличаются высоко развитою корневою системою и притомъ развитою не въ перпендикулярномъ, но горизонтальномъ направленіи, какова, напримѣръ, акація. Такія растенія, разрыхляя своими многочисленными корнями землю, сами производятъ въ черноземной почвѣ необходимую имъ вентиляцію и растутъ съ успѣхомъ, между тѣмъ какъ сосна, имѣя корни, идущіе въ глубь и не такъ богатые побочными вѣтвями, почти всегда погибаетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ черноземѣ содержится много крупнаго песку. Лѣсные острова въ нашихъ степяхъ служатъ наглядnымъ подтвержденіемъ сказаннаго. На такихъ островахъ мы встрѣчаемъ прекрасно растущую сосну, между тѣмъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ острова—въ большинствѣ случаевъ съ песчанною почвою—сосна не удается на чистомъ черноземѣ. На эти острова до сихъ поръ лѣсоводы вовсе не

обращаютъ вниманія, между тѣмъ изученіе ихъ безусловно необходимо для рѣшенія вопроса о причинахъ безлѣсія степей. Почва этихъ острововъ мало плодородна, она даетъ мало пищи для растеній, покрайней мѣрѣ мало сравнительно съ черноземомъ. Но въ ней удобнѣе жилище для растенія, доступъ воздуха къ корнямъ нормаленъ и растенія прекрасно растутъ, безъ всякаго ухода со стороны человѣка. Для лѣсной растительности въ степяхъ, по всей вѣроятности, необходимо нѣкоторое измѣненіе въ физическихъ свойствахъ чернозема даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ самое орошеніе. Это измѣненіе можетъ быть достигнуто распространеніемъ разныхъ видовъ акаціи, производящей въ почвѣ и подпочвѣ разрыхленіе, открывающее доступъ воздуху. На подготовленной такимъ образомъ почвѣ, въ особенности при смѣшеніи насажденій, и остальные виды древесныхъ насажденій, свойственные климату нашихъ степей, должны будутъ съ успѣхомъ произрастать.

Такимъ образомъ облѣсеніе нашихъ степей вполнѣ возможно. И такъ какъ вопросъ объ облѣсеніи ихъ представляетъ собою вопросъ общегосударственный, то правильная постановка и надлежащее разрѣшеніе его на практикѣ не можетъ быть исключительно дѣломъ частнаго почина и частныхъ средствъ. Здѣсь необходима дѣятельность многихъ одновременная и по одному общему плану, т. е. необходимо такое простое сотрудничество, осуществленіе котораго не мыслимо безъ надлежащей регламентаціи и матеріальнаго содѣйствія со стороны государства и общества.

(1) Объясненіе къ хозяйственно-статистическому атласу Евр. Россіи, стр. 481—482. (2) О научномъ значеніи чернозема. Натуралистъ 1864 г., стр. 309. (3) Я. Вейнбергъ. Лѣсъ и его значеніе. Русскій Вѣстникъ, т. 141, стр. 58. См. также. Метеорологическій сборникъ 1870 г. т. 1, вып. 2., ст. А. Воейкова: о распредѣленіи дождей въ Россіи, стр. 187—188. (4) Рус. Вѣстникъ, т. 141, стр. 59.

д) Обрабатывающая промышленность.

§ 1. Весьма рано человѣкъ перестаетъ довольствоваться готовыми или создаваемыми при помощи силъ природы въ сельскомъ хозяйствѣ произведеніями и старается перерабатывать ихъ соотвѣтственно своимъ постоянно развивающимся потребностямъ. Въ первое время обработка суровья производилась самимъ производителемъ послѣдняго

и была тѣсно связана съ земледѣліемъ. Въ домѣ каждаго Грека или Римлянина, жившаго продуктами своего поля, обыкновенно производилась и обработка суровья, получаемаго отъ земли. Женщины занимались пряжей, тканьемъ и изготовленіемъ одежды. На этой ступени развитія обрабатывающая промышленность характеризуется тѣмъ, что здѣсь производство въ точности опредѣляется размѣрами спроса или потребленія. Размѣры производства вполнѣ опредѣляются размѣрами нуждъ самихъ производителей. Въ этомъ видѣ обрабатывающая промышленность еще до сихъ поръ существуетъ между нашими крестьянами, производящими для себя мебель, одежду, обувь, деревянные замки и т. п. Съ развитіемъ потребностей такое производство исчезаетъ, такъ какъ оно не допускаетъ спеціализаціи труда, а слѣдовательно не можетъ доставлять произведеній, вполнѣ удовлетворяющихъ потребителей. Обрабатывающая промышленность начинаетъ спеціализироваться и прежде всего является въ формѣ *ремесла*. Въ ремесленномъ производствѣ размѣры приложенія труда опредѣляются не индивидуальными нуждами самаго производителя, но индивидуальными нуждами заказчика. Такое производство обыкновенно существуетъ въ двухъ видахъ. Примитивный видъ его—это путешествіе ремесленника по селамъ и деревнямъ для отыскиванья заказчиковъ; за тѣмъ, когда заказчикъ найденъ, работа производится у него на дому, на его содержаніи и подъ его непосредственнымъ надзоромъ. До сихъ поръ у насъ во многихъ мѣстахъ сохранилось такое примитивное ремесло. Такъ напримѣръ шьются крестьянскія свитки особыми портными, періодически посѣщающими опредѣленную мѣстность и обходящими жителей отъ одного дома къ другому, во время работы содержаніе портному дается хозяиномъ, для котораго производится работа. Высшимъ видомъ ремесленнаго труда является работа у себя на дому, по заказу. Здѣсь не ремесленникъ отыскиваетъ заказчика, но наоборотъ, заказчикъ отыскиваетъ ремесленника. Очевидно, въ этомъ высшемъ видѣ ремесло могло возникнуть лишь послѣ достаточнаго увеличенія густоты населенія, съ возникновеніемъ мѣстечекъ и городовъ, какъ опредѣленныхъ и извѣстныхъ центровъ, въ которые заказчики начали обращаться съ своими заказами. Въ обоихъ видахъ ремесленнаго производства производитель работаетъ по заказу и, слѣдовательно, сообразуясь съ индивидуальными нуждами потребителя. Размѣры заказовъ опредѣляютъ размѣры производства. При ремеслѣ, точно

также, какъ и въ то время, когда производитель работалъ непосредственно для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ, въ размѣрахъ производства продуктовъ обрабатывающей промышленности нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго. Каждый производитъ столько, сколько въ данный моментъ необходимо для удовлетворенія потребностей. Различіе лишь въ томъ, что въ одномъ производитель въ размѣрахъ производства сообразуется и собственными потребностями, а въ другомъ съ индивидуальными потребностями заказчиковъ.

Работа по заказу не всегда можетъ дать надлежащій доходъ производителю. Въ большинствѣ случаевъ она является работой случайной; въ одно время можетъ быть изобиліе заказовъ, между тѣмъ какъ въ другое время рабочій остается безъ работы. Этотъ недостатокъ ремесленнаго производства вызвалъ съ одной стороны организацію ремеслъ въ формѣ цеховъ въ цѣляхъ устраненія взаимной конкурренціи производителей и большаго обезпеченія заработка, а съ другой работу не для индивидуальныхъ потребителей, но для цѣлыхъ разрядовъ послѣднихъ и безъ всякаго заказа. На этой ступени своего развитія обрабатывающая промышленность является въ формѣ *мануфактуры, кустарнаго производства* и *фабрично-заводской промышленности*. По опредѣленію Г. Корсака, мануфактурой называется обширная мастерская, въ которой въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ примѣняется раздѣленіе труда между рабочими, работающими съ помощью главнымъ образомъ орудій, а также не большихъ машинъ, которыми управляютъ рабочіе. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является трудъ человѣка, какъ и въ ремеслѣ (1). На фабрикѣ и заводѣ обработка производится посредствомъ системы механизмовъ, подчиненныхъ одной центральной силѣ. Труду человѣка въ этой системѣ принадлежитъ вполнѣ подчиненное значеніе. Нѣкоторыя части работъ при этомъ могутъ выдѣляться и выполняться отдѣльно рабочими, живущими внѣ фабрики и завода и работающими у себя на дому. Это такъ называемая *домашняя система* производства, при которой рабочій работаетъ на фабрику или заводъ, причемъ его произведенія подлежатъ дальнѣйшей переработкѣ на послѣднихъ. Здѣсь жилье рабочаго является какъ бы частью фабрики или завода. Такое домашнее производство можетъ существовать также въ видѣ мелкой мануфактуры. Наконецъ, кустарною промышленностью называется обработка суровья въ видѣ подспорнаго промысла на неизвѣстныхъ потребителей. Отъ ремесла кустарное про-

изводство отличается тѣмъ, что продуктъ производится не для удовлетворенія индивидуальныхъ потребностей, не по заказу, но для цѣлыхъ разрядовъ потребителей. Отъ мануфактуры кустарная промышленность отличается тѣмъ, что рабочіе—кустари работаютъ лишь въ свободное время отъ другихъ занятій, напримѣръ зимой, когда невозможны полевыя работы. Кустарная промышленность только этимъ и отличается отъ мануфактуръ, такъ какъ при ней въ такой же мѣрѣ возможно и въ дѣйствительности существуетъ широкое раздѣленіе труда, какъ и въ мануфактурахъ, а также подобное же облегченіе труда орудіями и машинами (2).

Такимъ образомъ обрабатывающая промышленность въ своемъ развитіи представляетъ слѣдующія формы:

1) Обработка суровья самимъ потребителямъ для своихъ нуждъ.

2) Ремесло, при которомъ продукты производятся для другихъ, но сообразно съ индивидуальными нуждами потребителей.

3) Кустарная промышленность,—обработка суровья въ видѣ подспорнаго занятія.

4) Мануфактуры—обработка суровья въ видѣ постояннаго промысла, производящаго для цѣлыхъ разрядовъ потребителей.

5) Фабрично-заводское производство, оперирующее большими капиталами и перерабатывающее продукты главнымъ образомъ при помощи машинъ.

6) Домашняя система производства, при которой рабочій работаетъ на фабрику или заводъ или организуетъ собственную мелкую мануфактуру.

Обработка суровья самими потребителями съ экономическимъ развитіемъ мало по малу исчезаетъ. Кустарная промышленность и мануфактуры отличаются не по существу производства, но по степени спеціализаціи занятій. Наконецъ, домашняя система производства является частью фабрично-заводскаго производства или мелкой мануфактурой. Такимъ образомъ обрабатывающая промышленность на высшихъ ступеняхъ развитія является въ двухъ общихъ формахъ: въ видѣ производства по заказу и въ видѣ производства для неизвѣстныхъ потребителей.

(1) Корсакъ. О формахъ промышленности. Москва. 1861. (2) Опредѣленіе кустарной промышленности до сихъ поръ у насъ не установилось. Г. Корсакъ

называетъ кустарною промышленностью домашнюю систему производства, причемъ подъ домашней системой производства онъ разумѣетъ такую форму производства, въ которой производители работаютъ дома, но исполняютъ заказы капиталистовъ и получаютъ заработную плату. О формахъ промышленности, стр. 17. Пр. Вредень называетъ кустарной промышленностью предпріятія, основанныя на стихійномъ союзѣ т. е. семействѣ. Это производство семейное, безъ наемныхъ рабочихъ. Курсъ нол. экономіи, стр. 128 и слѣд. По опредѣленію коммиссіи для изслѣдованія кустарныхъ промысловъ, кустарная промышленность есть тотъ видъ обрабатывающей промышленности, который является домашнимъ занятіемъ преимущественно сельскаго населенія и служитъ болѣе или менѣе дополнительнымъ при сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ. Труды коммиссіи и пр. т. 1. отд. 1. стр. II. Г. Прилежаевъ кустарною промышленностью называетъ семейное производство. Что такое кустарная промышленность, стр. 49 и слѣд. Г. Исаевъ кустарями называетъ сельскихъ промышленниковъ, работающихъ для отдаленныхъ рынковъ. Кустарями, говоритъ онъ, никогда не называютъ городскихъ ремесленниковъ. Къ вопросу о кустарной промышленности. Русская мысль, 1880 г. кн. XI. Необходимо сказать, что выраженіе „кустарь“ слабо распространено въ народѣ. Въ Москов. Губ. кустарями называютъ самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ. „Какъ про безпаспортнаго говорятъ: „онъ ушелъ въ кусты“, чтобы тѣмъ выразить его зависимость отъ поймавшихъ его властей, такъ и про работника, ушедшаго работать въ свою избу, говорятъ—онъ ушелъ въ кусты и тѣмъ указываютъ на шаткое его положеніе сравнительно съ мастеромъ, не несущимъ на себѣ никакой отвѣтственности, всецѣло падающей на хозяина.“ Исаевъ. Пр. М. губерніи, 1, стр. 41. См. также: Н. Цытовичъ. Кустарная промышленность въ Россіи, стр. 12—23. Г. Цытовичъ кустарною промышленностью называетъ промыслы, принадлежащіе къ области обрабатывающей промышленности, соединенные съ земледѣліемъ.

§ 2. Развитіе обрабатывающей промышленности въ странѣ зависитъ отъ размѣровъ рынка для сбыта продуктовъ, отъ свойствъ самой обработки и отъ особенностей народнаго труда. Различіе въ этихъ условіяхъ и производитъ то, что обрабатывающая промышленность не одинаково развита въ различныхъ государствахъ.

Зависимость обрабатывающей промышленности отъ рынка для сбыта продуктовъ прежде всего выражается въ связи ея съ густотой населенія, отъ которой зависятъ размѣры внутренняго рынка для сбыта. При рѣдкости населенія, раздѣленіе труда не можетъ имѣть сколько нибудь значительнаго распространенія, каждый долженъ производить почти все, что нужно для удовлетворенія его потребностей. Обрабатывающая промышленность при такомъ состояніи общества носитъ характеръ семейнаго производства, при которомъ продукты произво-

дятся самими потребителями. Производство въ цѣляхъ сбыта для неизвѣстныхъ потребителей еще не возможно, хотя можетъ имѣть мѣсто ремесло въ кустарной формѣ, т. е. ремесленникъ, занимающійся наприм. земледѣліемъ, можетъ въ тоже время заниматься по заказу портняжествомъ, тканьемъ и т. п. Съ размноженіемъ населенія ремесленная форма производства начинаетъ обособляться тамъ, гдѣ вполнѣ возможно, въ силу климатическихъ условій, такое обособленіе. Гдѣ это не возможно, тамъ имѣетъ мѣсто кустарная промышленность. Наконецъ фабрично-заводское производство возникаетъ и развивается на высшихъ ступеняхъ развитія, когда сбытъ продуктовъ его обезпечивается не только внутренними, но и внѣшними рынками. Внутренніе рынки, особенно въ первое время, для возникновенія и развитія фабрично-заводской промышленности имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ внѣшніе. Не даромъ эта промышленность болѣе развита въ Англіи, чѣмъ въ Германіи и въ послѣдней болѣе, чѣмъ въ Россіи. Даже въ одной и той же странѣ легко замѣтить эту зависимость фабрично-заводской промышленности отъ густоты населенія. Вблизи столицъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе населенныхъ, какъ графство Ланкаширъ въ Англіи, департаментъ du Nord во Франціи, восточные сѣверо-американскіе штаты, фабрично-заводская промышленность раньше возникаетъ, чѣмъ въ другихъ менѣе населенныхъ частяхъ страны. Въ настоящее время при развитіи путей сообщеній внѣшніе рынки имѣютъ большее значеніе для фабрично-заводской промышленности, чѣмъ внутренніе. Иногда они имѣютъ такое значеніе даже во вредъ цѣлой странѣ. Такова наприм. у насъ разработка фосфоритовъ исключительно въ цѣляхъ вывоза. У насъ на огромномъ пространствѣ, обнимающемъ собою до 20.000 кв. верстъ, тянется длинная полоса фосфоритныхъ залежей, прекраснаго удобренія, необходимаго для постоянно истощающихся нашихъ полей. „Обиліе этого камня такъ велико, что онъ употребляется какъ простой булыжникъ для мощенія улицъ и дорогъ, для фундаментовъ подъ дома и пр. Весь городъ Курскъ вымощенъ этимъ драгоцѣннымъ камнемъ; имъ же вымощено все шоссе между Курскомъ и Кромами“ (1). Попытки обрабатывать фосфориты для внутренняго употребленія оказались безуспѣшными, въ виду того, что наши сельскіе хозяева еще не сознаютъ важности искусственнаго удобренія своихъ земель. Вотъ почему до послѣдняго времени фосфориты только и употреблялись въ видѣ булыжника. Только съ недавнихъ

поръ они начали разрабатываться для отправки на заграничные рынки. Когда разовьется внутренній спросъ, залежи фосфорно-кислой извести могутъ оказаться отправленными за границу и наше земледѣліе лишится такого важнаго условія поддержанія плодородія земли, какое дается фосфоритами, пока не находящими почти никакого спроса внутри страны.

Въ фабрично-заводской промышленности, дѣйствующей дорогими двигателями и машинами, необходимо постоянство работы. Остановка въ работѣ равносильна потерѣ процентовъ на капиталъ, заключенный въ дѣло. И такъ какъ капиталы эти, въ силу свойствъ самихъ двигателей и приспособленій, необходимыхъ для пользованія ими, значительны, то всякая пріостановка работъ обыкновенно сопровождается также значительными потерями. Для того, чтобы вполнѣ окупаться, машина должна работать день и ночь. Но, очевидно, для такой постоянной работы необходимъ не менѣе постоянный же рынокъ для реализаціи капитала, заключаемаго въ произведенія, безъ чего не мыслимо дальнѣйшее производство. Внутренніе рынки не всегда даютъ такое постоянство сбыта, тѣмъ болѣе, что постоянная работа въ машиномъ производствѣ скоро наполняетъ внутренніе рынки. Возникаетъ необходимость въ сбытѣ на сторону и естественно начинается погоня за иностранными рынками. Съ этими цѣлями устрояются въ различныхъ странахъ колоніи съ одной стороны для полученія дешеваго суровья, а съ другой для сбыта въ колонію того же суровья въ обработанномъ видѣ. Изъ за рынковъ же происходитъ борьба между народами; болѣе развитые въ промышленномъ отношеніи стремятся менѣе развитымъ навязать свои произведенія, подавляя зараждающуюся у нихъ національную промышленность. Такимъ образомъ вопросъ о рыкахъ для сбыта становится жгучимъ вопросомъ, хотя одновременно съ заботами о снабженіи иностранцевъ произведеніями внутренней обрабатывающей промышленности внутри страны можетъ существовать нужда и массы населенія испытываютъ недостатокъ въ самыхъ настоятельныхъ произведеніяхъ тѣхъ же обрабатывающихъ отраслей труда.

Вопросъ о рынкахъ для сбыта произведеній обрабатывающей промышленности нерѣдко возникаетъ и у насъ. Если западно-европейскія государства, съ развитою промышленностью, испытываютъ затрудненія въ дѣлѣ сбыта своихъ произведеній, то развитіе обрабаты-

вающей промышленности въ Россіи должно еще болѣе увеличить эти затрудненія и само должно встрѣтить непреодолимыя препятствія въ томъ, съ чѣмъ не всегда съ успѣхомъ ведется борьба промышленно-развитыми государствами. По поводу этого мнѣнія прекрасно замѣчаетъ г. Менделѣевъ: „Не надо забывать, что Россія сама по себѣ со своими почти ста милліонами жителей составляетъ обширнѣйшій рынокъ для самостоятельнаго внутренняго потребленія. Дайте крестьянину заработокъ не только лѣтомъ на той землѣ, которую ему отвели, дайте ему возможность зарабатывать въ теченіи цѣлаго года и его потребности возрастутъ по мѣрѣ его доходовъ, онъ самъ составитъ рынокъ громадной обширности. Сѣверъ будетъ торговать съ югомъ Россіи такъ же, какъ югъ съ сѣверомъ, и востокъ съ западомъ. Вообще, мнѣ кажется, что вопросъ о томъ, кому сбывать фабрикатъ, есть вопросъ, такъ сказать, діалектически—праздный, черезчуръ умственный, и вовсе не реальный“ (2).

Дѣйствительно, съ точки зрѣнія нормальныхъ отправленій въ народной экономіи это вопросъ „діалектически—праздный“. Можно ли поднимать вопросъ о трудностяхъ сбыта, о необходимости пріисканія отдаленныхъ рынковъ и т. п., когда внутри страны существуютъ неудовлетворенныя потребности? Производство можетъ получить слишкомъ одностороннее направленіе и только изъ этого возникаютъ затрудненія въ сбытѣ. Слѣдуетъ измѣнить направленіе производства, слѣдуетъ производить то, въ чемъ испытываетъ дѣйствительную нужду страна, и тогда вопросъ объ отдаленныхъ рынкахъ для сбыта дѣйствительно покажется совершенно празднымъ. Пока существуетъ нужда внутри страны, до той поры этотъ вопросъ не можетъ не быть „діалетически празднымъ“.

Каждая отрасль производства представляетъ собою рынокъ для сбыта произведеній другихъ отраслей. Поэтому при равномѣрномъ развитіи въ странѣ всѣхъ отраслей промышленности, какія только возможны при данныхъ климатическихъ условіяхъ, не можетъ быть никакихъ затрудненій въ дѣлѣ сбыта. Затрудненія возникаютъ съ того времени, когда одна отрасль производства развивается на счетъ другихъ. Когда страна посвящаетъ весь свой трудъ на производство продуктовъ земледѣлія, то, понятно, внутри страны нѣтъ сбыта для излишковъ въ хлѣбномъ производствѣ и по необходимости приходится

искать иностранныхъ рынковъ. Но когда вмѣстѣ съ земледѣліемъ развивается въ странѣ и обрабатывающая промышленность, тогда продукты сельскаго хозяйства находятъ сбытъ на мѣстѣ въ средѣ населенія, посвящающаго свой трудъ обрабатывающей промышленности, какъ и на оборотъ продукты обрабатывающей промышленности находятъ для себя сбытъ внутри же страны, въ средѣ сельскихъ хозяевъ. Солидарность между различными видами народнаго труда и происходитъ изъ того, что каждый изъ нихъ представляетъ собою рынокъ для сбыта произведеній всѣхъ другихъ. Равномѣрное развитіе ихъ является условіемъ существованія правильнаго взаимнаго сбыта произведеній.

Между обрабатывающею промышленностью и нѣкоторыми отраслями сельскаго хозяйства и добывающей промышленности существуетъ еще болѣе тѣсная связь, возникающая изъ того, что послѣднія отрасли народнаго труда доставляютъ матеріалъ для обработки. Такова напримѣръ тѣсная связь между овцеводствомъ и шерстяною промышленностью. При плохомъ состояніи овцеводства, шерстяная промышленность получаетъ плохой матеріалъ для работы на суконныхъ фабрикахъ, производство шерстяныхъ издѣлій неудовлетворительно, что въ свою очередь не даетъ возможности производить улучшенія въ производствѣ шерсти, такъ какъ при неудовлетворительномъ состояніи фабричнаго дѣла не будетъ сбыта для шерсти болѣе высокаго достоинства. Здѣсь состояніемъ сельско-хозяйственной стороны шерстянаго производства опредѣляется состояніе его же фабричной стороны, какъ и на оборотъ, производство суконъ опредѣляетъ состояніе производство шерсти въ сельскомъ хозяйствѣ. Такова же зависимость между производствомъ полотенъ и культурой льна и пеньки. Достоинствомъ послѣдней опредѣляется достоинство перваго, какъ и на оборотъ. Поднятіе одной отрасли производства безъ соотвѣтствующаго развитія другой въ большинствѣ случаевъ дѣло не мыслимое. Развитіе производства шерсти безъ соовѣтствующаго развитія шерстяныхъ фабрикъ должно сопровождаться паденіемъ цѣнъ на шерсть и поисками за иностранными рынками для сбыта. Только мѣры, одновременно направленныя къ улучшенію и сельско-хозяйственной и фабричной стороны производства, поведутъ къ дѣйствительному улучшенію. Въ губерніяхъ Привислянскаго края тонкорунное овцеводство и суконное производство развиты болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи именно потому, что тамъ одновременно были предприняты мѣры къ

развитію того и другаго. Еще съ 1828 г. въ мѣстномъ Польскомъ банкѣ были открыты ссуды для суконныхъ фабрикантовъ, причемъ банкъ выдавалъ ссуды фабрикантамъ на пріобрѣтеніе ими орудій, машинъ, на покупку ими шерсти и даже въ первое время закупалъ шерсть непосредственно чрезъ своихъ членовъ и за тѣмъ продавалъ ее въ кредитъ фабрикантамъ. Ссуды выдавались за тѣмъ подъ залогъ шерстяныхъ издѣлій и самой шерсти, привезенной на продажу. Сельскіе хозяева получали ссуды на покупку овецъ улучшенныхъ породъ и т. д. Благодаря этимъ мѣрамъ съ одной стороны былъ организованъ внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ овцеводства, а съ другой поддержанъ и рынокъ для сбыта продуктовъ фабричнаго производства. Улучшенія въ овцеводствѣ не могли не сказаться на улучшеніяхъ вообще въ сельскомъ хозяйствѣ, подняли доходность его и слѣдовательно дали средства пріобрѣтенія произведеній мѣстныхъ шерстяныхъ фабрикъ. Такъ какъ размѣрами рынка опредѣляются размѣры производства, то одновременныя мѣры къ развитію и сельско-хозяйственной и фабричной стороны шерстяного производства были причиною разширенія и овцеводства и шерстяныхъ фабрикъ ([3]).

Указанная зависимость развитія обрабатывающей промышленности отъ другихъ отраслей народнаго труда вызываетъ необходимость правильнаго регулированіл этого труда со стороны государства и общества. Регулированіе должно быть направлено къ одновременному улучшенію производительности тѣхъ отраслей, развитіе которыхъ взаимно обусловливается, такъ что развитіе одной отрасли не мыслимо безъ развитія другихъ. Оно можетъ состоять главнымъ образомъ въ организаціи сбыта, т. е. спроса на товары, при помощи кредита. Ниже, въ отдѣлѣ о кредитѣ, мы указываемъ основанія этой организаціи. Спросъ на продукты можетъ быть поддержанъ также посредствомъ охраненія внутренней производительности покровительственными тарифами. Въ какой мѣрѣ создаваемый покровительственными тарифами спросъ на внутреннія произведенія можетъ дѣйствительно содѣйствовать развитію производительности въ той отрасли промышленности, которая поддерживается тарифами, ограничивающими ввозъ иностранныхъ товаровъ, объ этомъ лучше всего судить по развитію нашей свекло-сахарной промышленности. Въ 1829 году въ Россіи было производимо всего 150.000 пудовъ сахарнаго песку, между тѣмъ какъ въ настоящее время производство рафинада

и песка оцѣнивается въ 100.000.000 рублей. Это быстрое развитіе свекло-сахарной промышленности произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, обезпечившихъ внутренній сбытъ произведеній. Безъ огражденія отъ иностранной конкурренціи, свекло-сахарная промышленность не могла бы въ такихъ широкихъ размѣрахъ укорениться у насъ. Тоже самое необходимо сказать и о многихъ другихъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, которыя не могли бы даже возникнуть у насъ, если бы внутренній спросъ не былъ организованъ огражденіемъ производства отъ иностранной конкурренія. Впрочемъ такое огражденіе вызываетъ массу возраженій, о которыхъ мы говоримъ въ отдѣлѣ о международной торговлѣ.

Историческое развитіе обрабатывающей промышленности въ значительной степени зависитъ также отъ самихъ свойствъ различныхъ видовъ обработки. Въ этомъ отношеніи существуетъ весьма важное различіе между химическою и механическою обработкою. Химическая обработка состоитъ въ химическомъ измѣненіи матеріаловъ, доставляемыхъ обрабатывающей промышленности сельскимъ хозяйствомъ и добывающею промышленностью. Механическая обработка состоитъ лишь въ такихъ измѣненіяхъ сырыхъ продуктовъ, которыя получаются чисто механическимъ путемъ, таково напримѣръ тканье нитокъ, превращеніе шерсти въ войлокъ и сукно. Фабричная дѣятельность представляетъ собою главнымъ образомъ такую механическую обработку, между тѣмъ какъ заводское дѣло состоитъ главнымъ образомъ въ химическихъ измѣненіяхъ суровья. Механическая обработка проще и общедоступнѣе химической, требующей извѣстнаго накопленія и распространенія техническихъ и даже научныхъ знаній. Вотъ почему тѣ виды обрабатывающей промышленности, которые состоятъ въ механической обработкѣ сырыхъ произведеній, должны были возникнуть раньше и больше распространиться, чѣмъ отрасли промышленности, основанные на химическихъ измѣненіяхъ въ веществѣ. На этомъ основаніи механическія издѣлія изъ разныхъ видовъ пряжи, приготовляемыя напримѣръ на полотняныхъ, суконныхъ, канатныхъ фабрикахъ, а также обработка металлическихъ предметовъ должны были развиться раньше, чѣмъ химическія производства. Наша кустарная промышленность состоитъ по этой же причинѣ почти исключительно изъ механической обработки. Такъ, главнымъ кустарнымъ промысломъ

является промыселъ волокнистыхъ веществъ, состоящій въ приготовленіи крестьянами ручнымъ способомъ и при помощи самыхъ простыхъ станковъ полотна, сукна и т. п. За тѣмъ идутъ издѣлія изъ дерева, желѣза, кожи и роговъ, гончарныя издѣлія и т. д. Кустарю не доступна еще химическая обработка и онъ по необходимости направляетъ свой трудъ на механическую переработку, какъ болѣе простую, обученіе которой доступнѣе каждому тутъ же на мѣстѣ. Этимъ же объясняется то, почему самоучки-техники чаще являются въ механической обрабатывающей промышленности, чѣмъ въ химической. Химическія превращенія, говоритъ пр. Менделѣевъ, такъ сказать, закрыты, молекулярны, невидимы въ своемъ механизмѣ и требуютъ для сознательнаго обладанія ими такого знакомства съ ними, какое возможно для видимыхъ механическихъ измѣненій, иначе дѣятель будетъ просто слѣпъ для той механики, которая нужна на химическомъ заводѣ. „Тамъ, гдѣ химическое развитіе не пустило еще надлежащихъ корней, хотя и мыслимо созданіе новыхъ родовъ химической промышленности, но лишь при условіи отсутствія соперничества со стороны знающихъ людей, которымъ открыта геніями науки послѣдняго столѣтія завѣса, скрывающая механизмъ невидимыхъ глазу простого наблюдателя химическихъ превращеній веществъ. Основная сущность всякаго заводскаго дѣла состоитъ въ химическихъ измѣненіяхъ вещества, не видимыхъ по безконечной малости отдѣльностей, но опредѣляемыхъ за то и чрезвычайно энергическими силами, примѣръ которыхъ человѣкъ давно знаетъ въ огнѣ. А какъ понятія о механизмѣ такихъ силъ и явленій, сокрытыхъ отъ органовъ зрѣнія и осязанія, стали накопляться только съ того сравнительно недавняго времени, когда родилось живое и опытное знаніе, взамѣнъ господства отвлеченнаго познаванія, основанного лишь на наблюденіи и выразившагося въ діалектикѣ, то отсюда становится понятнымъ, почему заводское дѣло началось позднѣе фабричнаго и почему развитіе заводовъ находится въ тѣсной связи съ развитіемъ современныхъ началъ образованности, опирающихся на естествознаніи“ (4).

Но въ странѣ могутъ существовать и необходимыя знанія, а промышленность, основывающаяся на нихъ, не будетъ пользоваться ими и все промышленное дѣло страны можетъ находиться въ рукахъ, ничего общаго съ наукой и знаніями не имѣющихъ. Сколько народу учится у насъ химіи, говоритъ въ другомъ своемъ сочиненіи пр. Мен-

дѣлѣевъ, а между тѣмъ химическая промышленность находится въ совершенно невѣжественныхъ рукахъ. Странна въ этомъ отношеніи судьба нашей страны. Не только главныя государственныя тяготы лежатъ на крестьянинѣ, не только главные историческіе моменты построены простолюдиномъ, но даже и важнѣйшія, производительнѣйшія предпріятія у насъ попали въ руки простыхъ людей, *понимающихъ* скорѣе, чѣмъ масса нашей интеллигенціи—гдѣ и что выгодно сдѣлать. Наши помѣщичьи хозяйства и предпріятія уходятъ изъ рукъ образованныхъ людей, химическіе заводы учреждаются, размножаются и растутъ въ рукахъ мало знающихъ, но много понимающихъ простыхъ русскихъ людей. Если наша интеллигенція хочетъ занять подобающее мѣсто въ средѣ дѣятельныхъ русскихъ силъ—она обязана стать во главѣ предстоящихъ многихъ дѣлъ, касающихся промышленной разработки природныхъ богатствъ Россіи, иначе новыя предпріятія прививаться не будутъ или замедлятся до крайности; она должна сдѣлать почетнымъ, а не презрѣннымъ, какъ еще было недавно у насъ, имя промышленника и заводчика, увеличивающихъ благосостояніе народа и страны, должна, если не хочетъ потерять всего своего значенія, если не хочетъ остатся съ одними рѣчами, не у дѣлъ, если хочетъ показать, что она понимаетъ требованія эпохи, наступившей съ преобразованіями всего прежняго, на земледѣліи основаннаго государственнаго быта. Надо дать себѣ и народу новыя производительныя дѣла, такъ какъ на одномъ земледѣліи живутъ только страны дѣвственныя, а не тѣ, которыя выросли до состоянія цивилизаціи и свободы, не дикой, а разумной“ (5). Очевидно, для надлежащаго направленія къ великому народному дѣлу научныхъ знаній недостаточно еще одного распространенія ихъ, необходимо также сознаніе достоинства промышленнаго труда, уваженіе къ нему въ обществѣ и распространеніе въ образованной средѣ того духа предпріимчивости, безъ котораго промышленное развитіе положительно не мыслимо. Въ такихъ странахъ, въ которыхъ техническое образованіе отдѣлено отъ обладанія капиталами, а также слаба промышленная предпріимчивость, настоятельно необходимо особое участіе государства съ одной стороны къ соединенію духовнаго капитала съ матеріальнымъ, а съ другой къ поддержанію и укрѣпленію промышленной предпріимчивости. Это можетъ быть легко достигнуто при помощи покровительственныхъ тарифовъ и особыхъ промышленныхъ банковъ.

(1) Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи, стр. 73. О фосфоритахъ въ Россіи. брош. Спб. 1868. Въ какой мѣрѣ возникавшій въ широкихъ размѣрахъ спросъ создавалъ у насъ новыя отрасли промышленности, это видно наприм. изъ того, что нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности обязаны своимъ возникновеніемъ такому спросу. Съ 1812 г. у насъ возникло кустарное пуговичное производство, благодаря тому, что пуговицы потребовались въ значительномъ количествѣ для войскъ и ополченія. Постройка иконостасовъ въ Москвѣ вызвала кустарное производство сусальнаго золота, которое прежде получалось изъ за границы. (2) Д. Менделѣевъ. Объ условіяхъ развитія заводскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1882 г. стр. 18. (3) Развитіе овцеводства въ Привислянскомъ краѣ тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что „естественныя условія привислянскихъ губерній, въ большинствѣ случаевъ, не представляются благопріятными для развитія овцеводства.“ Труды Импер. В. Экон. Общества. 1883 г. т. 1., стр. 503. (4) Объ условіяхъ разв. зав. дѣла., стр. 5. (5) Гдѣ строить нефтяные заводы? Журналъ русскаго физико-химическаго общества, т. XIII, 1881 ч. прил. къ отдѣлу II., стр. 83.

§ 3. Ремесленная промышленность получила широкое развитіе вмѣстѣ съ развитіемъ въ средніе вѣка городовъ. Въ первое время города почти ничѣмъ въ экономическомъ отношеніи не отличались отъ деревень, представляя собою лишь огражденныя крѣпостныя поселенія, въ которыхъ населеніе находило для себя болѣе безопасности, чѣмъ въ деревняхъ. Жители городовъ занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, наравнѣ съ жителями деревень. Устроялись города главнымъ образомъ для военныхъ цѣлей, но впослѣдствіи начали устроять ихъ и для экономическихъ цѣлей, для устройства ярмарокъ и сбора доходовъ съ торгующихъ лицъ. Развитіе въ городахъ торговли предоставило возможность городскимъ жителямъ заняться ремеслами, обработкой продуктовъ по заказу. Мало по малу городъ сдѣлался рынкомъ для сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства и обмѣна ихъ на продукты ремеслъ. Въ XI и XII вв. возникаетъ ремесленное устройство въ формѣ цеховъ, имѣвшихъ своей задачей ограничить соперничество между ремесленниками и поднять ихъ образованіе. Для достиженія первой цѣли ограничивалось число учениковъ и подмастерьевъ, работавшихъ у мастеровъ; запрещалось однимъ и тѣмъ же мастерамъ заниматься нѣсколькими ремеслами; поступленіе въ цехъ ограничивалось опредѣленными условіями, наприм. извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, хорошей репутаціей и т. п. Для достиженія второй цѣли званіе мастера получалось не иначе, какъ послѣ извѣстнаго числа лѣтъ у

мастеровъ, полученія отъ нихъ аттестатовъ и представленія образцовой работы. Не пріобрѣвшіе званія мастера не могли заниматься ремесломъ, какъ равно пріобрѣвшіе это званіе могли заниматься лишь тѣмъ ремесломъ, къ которому относится ихъ аттестатъ. Цехъ дѣйствительно былъ практической школой ремесленно-техническаго образованія. Не даромъ къ ремесленному періоду промышленности относится масса техническихъ открытій и улучшеній. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Въ половинѣ XVI вѣка нѣкто Іоганнъ Юргенсъ изобрѣтаетъ самопрялку; во второй половинѣ того же вѣка изобрѣтается процессъ вязанія, а въ концѣ его англичаниномъ Вильгельмомъ Ли—чулочно-вязальный станокъ; до начала XVI вѣка желѣзная руда растиралась по большей части въ обыкновенныхъ ступкахъ, а только въ это время изобрѣтаетъ нѣкто Павелъ Громменштеттеръ толчейную мельницу. Искусство превращать полосовое желѣзо въ сталь погруженіемъ его въ расплавленное желѣзо также представляетъ изобрѣтеніе ремесленнаго періода. Имена Эгемана, Манга, Даннера и Гопперта, жившихъ частью въ XVI в., частью въ XVII ст., связываются съ изобрѣтеніемъ множества мелкихъ приспособленій въ слесарной промышленности. Изобрѣтеніе пороха влечетъ за собою изготовленіе въ XVI в. металлическихъ пушекъ, стрѣляющихъ каменными ядрами. Изготовленіе стѣнныхъ колесныхъ часовъ для башень и колоколень въ XIV в. распространяется по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Въ 1500 г. Петръ Геле изобрѣтаетъ карманные часы съ узкой спиральной пружиной. Около половины XIV в. изобрѣтатается трапичная бумага, а нѣсколько позже являются уже и машины для дѣланія ея. Въ эту же эпоху Гуттенбергъ изобрѣтаетъ книгопечатаніе, т. е. металлическія и деревянныя буквы и книгопечатаный станокъ, которыя вслѣдъ за тѣмъ подвергаются многочисленнымъ усовершенствованіямъ“ ([1]). Уже изъ этого перечня открытій и изобрѣтеній видно, какое громадное значеніе въ развитіи экономическихъ отношеній имѣетъ ремесленный періодъ промышленности.

Но тѣ же условія, которыя вызвали процвѣтаніе ремеслъ, были съ теченіемъ времени причиною и упадка ихъ. Спеціализація занятій, поддерживаемая цеховымъ порядкомъ, съ теченіемъ времени превратилась въ крайнее развитіе дѣленія занятій въ одномъ и томъ же промыслѣ, не только начавшее стѣснять производство, но отнимавшее заработокъ у массы ремесленниковъ. До чего доходило раздѣленіе занятій видно изъ того,

что башмачники раздѣлялись на шьющихъ новые башмаки и починяющихъ старые, причемъ первые не могли заниматься починкой, а вторые шить новыхъ башмаковъ. Кузнецъ во Франціи не могъ приготовлять гвоздей, одни портные дѣлали новыя платья, другіе должны были заниматься исключительно починкой старыхъ и т. п. Тамъ же были особые цехи торговли жареною и нежареною дичью, отдѣльные цехи торговцевъ старымъ желѣзомъ и т. д. Это ограниченіе занятій, вызванное задачами охраненія благосостоянія производителей, начало давать совершенно противоположныя результаты. Всякое измѣненіе въ спросѣ на товаръ отнимало хлѣбъ у ремесленниковъ, остающихся безъ работы. „Если ходъ развитія ремеслъ, говоритъ Степановъ, дѣлалъ ненужными извѣстные предметы, то дѣло шло о жизни и смерти членовъ корпораціи. Въ этихъ случаяхъ являются съ ихъ стороны просьбы о покровительствѣ, о запрещеніи вредной новизны. Въ Германіи сошли со сцены послѣ долгой и мужественной борьбы шнурочники, дѣлатели стрѣлъ, арбалетовъ, оловянщики, парикмахеры, чулочники и многіе другіе. Очевидно, что при длинныхъ платьяхъ не нужно чулокъ, при всеобщемъ употребленіи глиняной, фаянсовой и каменной посуды оловяная становится рѣдкостью, при огнестрѣльномъ оружіи не годятся стрѣлы, и болѣе естественный вкусъ въ уборкѣ головы роняетъ употребленіе париковъ“ (2). Узкая и большею частью искусственная спеціализація занятій вызвала крайнюю необезпеченность заработка и слѣдовательно необезпеченность въ средствахъ существованія. Вмѣстѣ съ этимъ развитіе городовъ и сельскаго хозяйства требовали большей свободы въ производствѣ и увеличенія послѣдняго. Возникла необходимость производства въ большихъ размѣрахъ, для цѣлыхъ категорій производителей, вмѣсто производства для удовлетворенія индивидуальныхъ нуждъ заказчиковъ. Цеховыя ограниченія стѣсняли экономическую жизнь, условіямъ которой они перестали соотвѣтствовать. Начались измѣненія цеховыхъ статутовъ и наконецъ упраздненіе ихъ. Господство ремесленной формы производства падаетъ, уступая мѣсто сперва мануфактурамъ, а потомъ фабрикамъ и заводамъ,—промышленности въ крупныхъ размѣрахъ.

Мануфактура представляетъ собою соединеніе раздробленныхъ ремеслъ. Отдѣльные ремесленники, изъ которыхъ каждый самостоятельно производилъ наприм. часть кареты, каковы сѣдельщики, портные, столяра, точильщики, маляры и т. д. соединяются вмѣстѣ однимъ

предпринимателемъ, организующимъ мануфактуру. Соединеніе людей для общей работы даетъ возможность усилить раздѣленіе труда на отдѣльныя операціи и такимъ образомъ усилить производство продукта, которое усиливается также употребленіемъ въ дѣло болѣе дорогихъ усовершенствованныхъ орудій и простыхъ машинъ. Мануфактура побѣждаетъ ремесло, отнимая у него господствующее значеніе. Но въ дальнѣйшемъ развитіи и мануфактура въ значительной степени уступаетъ мѣсто машинному производству въ большихъ размѣрахъ—фабрично-заводской промышленности. Вмѣстѣ съ этимъ рѣшительно измѣняется характеръ отношеній между участниками въ производствѣ. Самостоятельные мелкіе производители подавляются крупными предпринимателями, теряютъ самостоятельность и превращаются въ наемныхъ рабочихъ. Сосредоточеніе промышленности въ опредѣленныхъ центрахъ вызываетъ скопленіе рабочихъ, конкуррирующихъ другъ съ другомъ изъ за наемной платы. Всякое потрясеніе въ сбытѣ или производствѣ тяжело отзывается на положеніи рабочихъ массъ, живущихъ заработкомъ и вопросъ объ улучшеніи ихъ быта становится однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ экономической политики современныхъ западно-европейскихъ государствъ.

Необходимо сказать, что въ этомъ процессѣ вытѣсненія мелкаго производства крупнымъ весьма часто преувеличивается значеніе машинъ и усовершенствованныхъ орудій, которыми располагаютъ фабрики, заводы и мануфактуры. Не можетъ быть сомнѣнія, что машина даетъ силу, значительно превосходящую силы человѣка. По замѣчанію г. Корсака, работникъ, вооруженный на фабрикѣ машинами, дѣлаетъ за 20 и даже за 50 человѣкъ, дѣйствующихъ одними руками и притомъ дѣлаетъ гораздо лучше и дешевле. При равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, съ машиннымъ производствомъ рабочій не можетъ бороться. Но машина не можетъ производить всего того, что производится руками человѣка. „Какъ ни геніальны изобрѣтенія новой промышленности, говоритъ г. Корсакъ, но все таки машина не замѣнитъ человѣка. Механизмъ, какъ бы ни былъ онъ совершененъ, имѣетъ тѣсныя границы въ приложеніи; онъ примѣнимъ только тамъ, гдѣ требуется непрерывность дѣйствія, точность и сила, притомъ гдѣ движеніе болѣе или менѣе однообразно и можетъ быть опредѣлено и расчитано заранѣе. Оттого то, гдѣ главное условіе заключается въ однообразіи работы, въ одинаковой и постоянной степени усилія, въ не-

прерывности и силѣ дѣйствія, трудъ человѣка менѣе удобенъ, чѣмъ машина. Но человѣку открывается за тѣмъ обширное поле дѣйствія въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ машины безсильны: въ работахъ, требующихъ постояннаго соображенія, не допускающихъ заранѣе опредѣленныхъ движеній, гдѣ, наконецъ, долженъ быть просторъ индивидуальному вкусу, ловкости и самому разнообразному сочетанію дѣйствій, которое нельзя подвергнуть строгому вычисленію“ (3). Во вторыхъ, производство машинное, какъ и вообще производство, расчитанное на цѣлыя категоріи потребителей, не всегда удовлетворяетъ индивидуальныхъ потребителей, предпочитающихъ болѣе дорогой продуктъ, приготовленный по заказу, дешевому фабричному издѣлію. Обѣдъ въ общественной столовой или въ трактирѣ стоитъ дешевле домашняго обѣда, но этими дешевыми обѣдами пользуются лишь тѣ, кто не можетъ имѣть домашняго стола. По этому же платье, сдѣланное по заказу, предпочитается готовому, приготовленному въ большомъ производствѣ для неизвѣстныхъ покупщиковъ. Въ третьихъ, мелкое производство, какъ въ формѣ кустарной промышленности, такъ и въ формѣ мануфактуръ и ремеслъ, начинаетъ пользоваться машинами по мѣрѣ того, какъ начинаютъ распространяться простые механическіе двигатели, доступные по цѣнѣ каждому (4). Въ четвертыхъ, мелкое производство весьма часто уступаетъ свое мѣсто крупному не столько въ силу особыхъ свойствъ послѣдняго, сколько подъ вліяніемъ необезпеченности мелкихъ производителей, по которой они не выдерживаютъ колебаній въ условіяхъ сбыта. „Для мелкой промышленности опасно не столько то свойство крупной промышленности, что она можетъ производить нѣкоторыя издѣлія лучше и дешевле, чѣмъ ихъ производитъ промышленность мелкая, сколько необезпеченность мелкихъ промышленниковъ, предоставленныхъ всѣмъ случайностямъ рынка, сравнительно съ положеніемъ наемныхъ рабочихъ въ крупномъ производствѣ. Эта необезпеченность заставляетъ самостоятельнаго промышленника дѣлаться наемнымъ рабочимъ даже въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя по техникѣ вполнѣ доступны производительнымъ предпріятіямъ небольшихъ размѣровъ. Въ этой то необезпеченности, а вовсе не въ успѣхахъ машиннаго производства, кроется наибольшая опасность для класса самостоятельныхъ промышленниковъ. Мелкій промышленникъ, получающій средства существованія исключительно отъ промысла и предоставленный въ рыночной борьбѣ исключительно

собственнымъ силамъ, долженъ, во первыхъ, во чтобы то ни стало доставить для своей работы сырой матеріалъ, и во вторыхъ, какъ можно скорѣе сбывать свои издѣлія. При малѣйшей задержкѣ какъ въ покупкѣ матеріала, такъ и въ сбытѣ издѣлій ему грозитъ голодная смерть“ (5). Наконецъ въ пятыхъ, необходимость, вызываемая борьбою съ крупнымъ производствомъ, продавать дешево произведенія мелкой промышленности не всегда имѣетъ тѣ темныя стороны, о которыхъ обыкновенно говорятъ сторонники крупнаго производства. Представимъ себѣ, что въ странѣ значительно распространена мелкая мануфактура рядомъ съ производствомъ тѣхъ же издѣлій въ большихъ размѣрахъ. Подъ вліяніемъ конкурренціи съ послѣднимъ, мелкіе промышленники будутъ принуждены продавать свои издѣлія дешевле, чѣмъ продавали они до той поры, пока въ странѣ не развилось производство въ крупныхъ размѣрахъ. Если такое удешевленіе издѣлій относится ко всѣмъ видамъ мелкой мануфактуры, то экономическій бытъ мелкихъ промышленниковъ мало измѣнится. Хотя каждый изъ нихъ свои издѣлія продаетъ дешевле, но при этомъ каждый же изъ нихъ покупаетъ необходимыя ему издѣлія также дешевле; то, что теряется въ одномъ случаѣ, выигрывается въ другомъ и измѣненіе доходовъ будетъ имѣть только номинальное значеніе. Положимъ, производители гвоздей, подъ вліяніемъ конкурренціи съ машиннымъ производствомъ, продаютъ свои гвозди на половину дешевле. Доходы ихъ при этомъ уменьшатся на половину. Но если одновременно съ удешевленіемъ издѣлій мелкаго гвоздарнаго производства уменьшатся цѣны издѣлій, потребляемыхъ гвоздарями и производимыхъ другими мелкими промышленниками, то каждый гвоздарь на свои уменьшившіеся на 50% доходы будетъ получать тѣ же продукты, какіе онъ и прежде получалъ. Хотя доходы его уменьшились на 50%, но на 50% дешевле онъ будетъ покупать необходимую обувь, платье, издѣлія изъ дерева, станки для производства и т. д. Борьба съ крупнымъ производствомъ для него будетъ страшна лишь тогда, когда мелкое производство вообще слабо распространено въ странѣ, когда при удешевленіи его издѣлій не происходитъ соотвѣтствующаго удешевленія въ тѣхъ продуктахъ, которые онъ пріобрѣтаетъ на свои доходы. Благосостояніе каждаго опредѣляется суммой предметовъ потребленія, идущихъ на удовлетвореніе потребностей. Если размѣры удовлетровенія потребностей не измѣняются, то для производителя совершенно безразлично то, по какой

цѣнѣ онъ продаетъ свои произведенія, каковы номинально его доходы. Здѣсь, впрочемъ, необходимо различать между коммерческимъ мелкимъ производствомъ и производствомъ домашнимъ, въ которомъ первенствующее значеніе имѣетъ ручной самостоятельный, а не наемный трудъ. Коммерческое мелкое производство не выдерживаетъ конкурренціи съ крупнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда домашнее производство самостоятельныхъ рабочихъ съ полнымъ успѣхомъ еще продолжаетъ конкуррировать съ крупнымъ производствомъ. Въ коммерческомъ хозяйствѣ затраты производства опредѣляются капиталомъ, вложеннымъ въ продуктъ. Положимъ, въ одно время каждая единица продукта сбывается по 105 коп., принося 5% дохода мелкому коммерческому предпринимателю. Если со введеніемъ машиннаго производства каждая единица этого продукта будетъ стоить 1 р., то мелкій предприниматель станетъ выручать только затраты производства, не получая никакой прибыли. Понятно, онъ долженъ прекратить свое производство, которое послѣ введенія машиннаго производства оказалось для него бездоходнымъ. При подобныхъ условіяхъ коммерческое мелкое производство не можетъ конкуррировать съ крупною промышленностью. Но въ тоже самое время мелкій самостоятельный рабочій можетъ съ полнымъ успѣхомъ вести такую конкурренцію. То, что для коммерческаго предпринимателя входитъ въ составъ издержекъ производства, составляетъ чистый заработокъ рабочаго. Во всякомъ производствѣ отличаютъ валовой доходъ отъ чистаго; валовымъ называютъ весь доходъ, выручаемый въ результатѣ производства, между тѣмъ какъ чистымъ называется доходъ, который получается послѣ вычета изъ валоваго дохода издержекъ производства. Рабочее населеніе, живущее наемной платой, живетъ не чистымъ доходомъ отъ предпріятій, который составляетъ прибыль предпринимателей, но валовымъ доходомъ, или, точнѣе говоря, издержками производства, идущими на наемъ рабочихъ. Эти послѣдніе издержки производства, не входящіе въ составъ чистаго дохода коммерческаго предпринимателя, входятъ въ составъ чистаго заработка и составляютъ прибыль рабочаго. Очевидно, въ тѣхъ случаяхъ, когда коммерческій мелкій предприниматель оказывается не въ состояніи конкуррировать съ машиннымъ производствомъ, выручая въ цѣнѣ издѣлій лишь издержки производства, мелкій самостоятельный предприниматель, производящій продукты своимъ трудомъ, выручая тѣ же цѣны за свои издѣлія, при которыхъ первый

прекращаетъ свое производство за бездоходностью его, продолжаетъ получать чистый заработокъ, составляющій его доходъ, источникъ средствъ къ существованію. То, что оказывается совершенно бездоходнымъ для коммерческаго предпринимателя, оказывается вполнѣ доходнымъ для самостоятельнаго рабочаго—предпринимателя.

Въ западной Европѣ мелкая промышленность сохранилась до сихъ поръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ существовали указанныя условія, при которыхъ эта промышленность можетъ успѣшно конкуррировать съ крупною. Между этими условіями имѣетъ особенно важное значеніе соединеніе мелкаго производства съ земледѣліемъ. Имѣя хотя бы и не большое обезпеченіе въ поземельномъ трудѣ, такой промышленникъ легче переноситъ колебанія въ условіяхъ сбыта своихъ издѣлій и пріобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ, онъ менѣе зависитъ отъ случайностей рынка, чѣмъ мелкій промышленникъ, живущій исключительно мелкимъ обрабатывающимъ трудомъ. Сравнительно большая обезпеченность отъ случайностей рынка даетъ возможность удержаться при самостоятельномъ хозяйствѣ, которое предпочитается наемному труду, также обезпечивающему заработокъ отъ случайностей рынка, но въ то же время отнимающему хозяйственную независимость и свободу распоряженія своимъ трудомъ. Вотъ почему мелкіе самостоятельные производители въ обрабатывающей промышленности, владѣвшіе землей, не охотно поступали въ разрядъ наемныхъ рабочихъ на мануфактурахъ и фабрикахъ; приходилось употреблять для этого даже различныя понудительныя мѣры. „Пока сельскіе жители, говоритъ г. Корсакъ, оставались прикрѣпленными къ землѣ или находили возможность за умѣренную плату добывать клочекъ земли для своего существованія, до тѣхъ поръ они не имѣли сильнаго побужденія стремиться въ города и наполнять немногочисленныя мануфактуры. Во Франціи Кольберъ долженъ былъ прибѣгать къ крутымъ принудительнымъ мѣрамъ для того, чтобы основанныя имъ мануфактуры не оставались безъ работниковъ. Занимаясь обработкою небольшаго поля, земледѣлецъ посвящалъ свободное время домашнимъ работамъ за ткацкимъ станкомъ, въ которомъ принимало участіе все его семейство“ (6). Въ Англіи уничтоженіе мелкой поземельной собственности содѣйствовало подавленію мелкой обрабатывающей промышленности крупною, но и тамъ самостоятельная домашняя система обработки сохранила нѣкоторое значеніе въ мѣстностяхъ, гдѣ осталось мелкое

владѣліе землей. О значеніи этой формы обработки И. Горловъ замѣчаетъ слѣдующее: „Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ работники имѣютъ маленькіе участки земли, примѣрно отъ $^1/_2$ до 1 десятины; это доставляетъ ту выгоду, что мастеровой, въ дополненіе къ своимъ заработкамъ на фабрикѣ, получаетъ еще плоды съ земли и тѣмъ облегчаетъ свое содержаніе. Или мастеровой этотъ совсѣмъ не занимается внѣшними работами, а исправляетъ у себя дома какое нибудь ремесло, вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ. Конечно, большею частью оттого страдаетъ техническое совершенство издѣлій, ибо нарушается начало раздѣленія труда; но эта невыгода выкупается ихъ относительною дешевизною, такъ какъ работникъ, живущій на своей землѣ, въ деревнѣ имѣетъ почти все свое, что необходимо для его продовольствія, а чего ему не достаетъ, то можетъ закупать по дешевой цѣнѣ. Дешевая жизнь деревенскаго ремесленника служитъ причиною дешевизны его издѣлій. Иногда даже и въ техническомъ отношеніи такіе мастера мало отстаютъ отъ фабричнаго производства. Такъ въ Англіи около Лидса, Хеддерефильда и въ сѣверномъ Валлисѣ живетъ много суконныхъ мастеровъ; они имѣютъ по малому участку земли; для нихъ держатъ особыя машины, которыя мастера эти нанимаютъ за условную плату и такимъ образомъ вырабатываютъ товаръ, который по достоинству соперничаетъ съ фабричнымъ. Эта домашняя ремесленность (domestic system), въ противоположность коммерческой системѣ, доставляетъ выгоды признанныя во всѣхъ странахъ и тѣмъ большія, что тогда мастеровой работаетъ въ своей семьѣ, не отлучается на сторону и рано пріучаетъ своимъ примѣромъ дѣтей къ труду и мастерству. Слѣдовательно, семейный союзъ, природный и самый крѣпкій, которому угрожаетъ фабричная система, разлучающая такъ рано дѣтей и матерей, поддерживается въ системѣ домашней ремесленности“ (7). Швейцарія представляетъ особенно интересный примѣръ развитія этого облагораживающаго домашняго труда въ зависимости отъ земледѣлія. Мелкіе промышленники, находящіе поддержку въ земледѣліи, при наступленіи застоя въ одной отрасли производства, не прекращаютъ своего самостоятельнаго хозяйства, не поступаютъ въ наемные рабочіе, но переходятъ къ другой отрасли производства, болѣе выгодной при данныхъ условіяхъ. „Когда начала падать льняная промышленность, то въ Галленѣ и Аппенценѣ жители перешли отъ льняного ткачества къ вышиванью и ткачеству муслиновъ; на

Юрѣ, въ критическіе моменты часоваго производства, возникло приготовленіе физическихъ инструментовъ; льняное ткачество и обработка шелка положили начало сильному развитію хлопчато-бумажной фабрикаціи. Съ необычайною легкостью переходитъ швейцарскій работникъ отъ бумажнаго ткачества къ шелковому, если въ послѣднемъ оказывается выше заработная плата и болѣе бываетъ заказовъ и тотчасъ же оставляетъ его, какъ скоро плата понижается въ послѣднемъ, а первое обѣщаетъ большій заработокъ; когда кризисъ 1857 г. нанесъ чувствительный ударъ шелковой промышленности Швейцаріи, то шелковые ткачи толпами бросались въ хлопчато-бумажное ткачество. Плетеніе соломенныхъ издѣлій, замѣнившее обработку флоретоваго шелка, представляетъ также замѣчательный примѣръ: въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія плетеніе соломы было ничтожнымъ домашнимъ занятіемъ одной долины Бюнца; теперь оно принадлежитъ къ числу главныхъ отраслей промышленности, распространилось по всему кантону до верхняго Цюрихскаго озера, проникло далеко въ кантонъ и чрезъ Бернъ въ глубину Фрейбурга“ ([8]). Въ Швейцаріи во многихъ отрасляхъ домашняго производства имѣетъ полное примѣненіе начало раздѣленія труда въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ напримѣръ „отдѣльныя части часоваго механизма приготовляются здѣсь особенными работниками, которые продаютъ ихъ сотнями другимъ. Такимъ образомъ, одинъ постоянно дѣлаетъ только цѣпочки, другой—стрѣлки, третій—циферблаты, пружины, ключики или часовые корпусы и т. д. Даже мельчайшая часть механизма не дѣлается одними и тѣми же руками; она должна перейти нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ будетъ совершенно готова“ ([9]).

Такимъ образомъ сохраненіе мелкаго производства рядомъ съ крупнымъ не только вполнѣ возможно, но и необходимо въ цѣляхъ возможной нейтрализаціи темныхъ сторонъ крупной промышленности. При существованіи производства въ мелкихъ размѣрахъ темныя стороны крупной промышленности нейтрализуются уже тѣмъ, что рабочій всегда можетъ оставить фабрику, заводъ или крупную мануфактуру, находя заработокъ въ мелкомъ самостоятельномъ производствѣ. Благодаря этому, вознагражденіе за трудъ не можетъ не быть болѣе нормальнымъ, родители не вступаютъ въ конкурренію съ дѣтьми изъ за рабочей платы, матери могутъ не оставлять дѣтей. Минимумъ удобствъ, доставляемыхъ домашнимъ производствомъ, является мини-

мумомъ тѣхъ удобствъ, какія должна доставить крупная промышленность наемному рабочему. Если послѣдній будетъ ниже перваго, рабочіе уйдутъ изъ крупнаго производства. Если же послѣдній будетъ выше, то домашнее производство будетъ оставлено лишь тѣми, кто менѣе дорожитъ своимъ домомъ, уйдутъ холостые, могутъ посылаться на фабрику нѣкоторые члены семьи и т. п. Такое отношеніе между различными формами обрабатывающей промышленности не сохранилось во всей желаемой полнотѣ въ западной Европѣ главнымъ образомъ потому, что прежде всего не удержалось тамъ мелкое землевладѣніе и мелкая промышленность въ большинствѣ случаевъ имѣла характеръ коммерческаго производства, которое не можетъ такъ успѣшно конкуррировать съ крупною промышленностью, какъ мелкое производство, организуемое самостоятельными рабочими безъ наемнаго труда или съ незначительнымъ участіемъ послѣдняго.

(1) Н. Зиберъ. Д. Рикардо и пр. стр. 417—418. (2) Сравнительно-историческій очеркъ организаціи ремесленной промышленности. Кіевъ. 1864 г. (3) О формахъ промышленности, стр. 33. (4) Н. Цытовичъ. Кустарная промышленность въ Россіи, стр. 41—42. (5) Ibid. стр. 43. (6) О формахъ промышленности, стр. 72. (7) Начала политической экономіи. т. I. стр. 354—355. (8) Корсакъ, стр. 299. (9) Ibid. стр. 282.

§ 4. Ежегодная производительность нашихъ фабрикъ и заводовъ опредѣляется въ 1.305.000.000 рублей. Фабрикъ и заводовъ, не считая горныхъ,—35.000, дающихъ занятіе 800.000 рабочихъ. Кустарная промышленность даетъ занятіе $7^1/_2$ милліонамъ населенія и ежегодная производительность составляетъ $1^1/_2$ милліарда рублей (1). Изъ этихъ данныхъ видно, что у насъ кустарная промышленность съ народнохозяйственной точки зрѣнія имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ и земледѣліе. Она даетъ занятіе $7^1/_2\,^0/_0$ населенія, распространяя въ тоже время произведенія обрабатывающей промышленности по дешевой цѣнѣ по всей Россіи. Вопросъ о кустарной промышленности у насъ имѣетъ высокое національное значеніе.

Еще недавно господствовало воззрѣніе, что развитіе кустарной промышленности у насъ произошло подъ вліяніемъ причинъ, задерживающихъ развитіе крупной промышленности, къ какимъ причинамъ обыкновенно относятъ: недостатокъ капиталовъ, дороговизну машинъ,

неудовлетворительное состояніе путей сообщеній и т. п. Въ дѣйствительности эти причины далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ приписывалось. Кустарная промышленность возникла у насъ подъ вліяніемъ естественно-климатическихъ и экономическихъ условій, которымъ она вполнѣ соотвѣтствуетъ.

Мы уже говорили, что у насъ въ большей части Россіи крестьянинъ можетъ заниматься полевыми работами ни въ какомъ случаѣ не болѣе 170 дней, слѣдовательно по крайней мѣрѣ $^1/_2$ года онъ свободенъ отъ занятій въ своемъ полевомъ хозяйствѣ. Конечно, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи періодъ этого свободнаго отъ полевыхъ занятій времени не одинаковъ. Въ Вологодской и Пермской губерніяхъ полевыя работы продолжаются не болѣе 4 мѣсяцевъ, во Владимірской 5 мѣс., въ Херсонской 9 мѣсяцевъ; въ Черниговской—6—8 мѣсяцевъ въ году (2). Ничего подобнаго не существуетъ ни въ Зап. Европѣ, ни въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Англіи, Испаніи, на берегахъ Нѣмецкаго моря зимы почти не бываетъ; въ Берлинѣ зима продолжается около 40 дней, въ Вѣнѣ около 70. Такимъ образомъ у насъ существуетъ значительный періодъ совершенно свободнаго отъ полевыхъ работъ времени, колеблющійся въ разныхъ мѣстахъ Россіи отъ 3 до 8 мѣсяцевъ въ году. Какъ мы уже говорили, именно это обстоятельство является причиною несоотвѣтствія между потребительною и рабочею нормами крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянинъ, могущій заниматься полевыми работами не болѣе 4 мѣсяцевъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ однимъ земледѣльческимъ трудомъ обезпечить себя и свою семью. Крестьяне, поставленные въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія и могущіе работать на поляхъ 7—8 мѣсяцевъ, имѣютъ также свободное время, которое они, привыкшіе къ труду, не могутъ проводить въ праздности. Такимъ образомъ возникаетъ необходимость занять чѣмъ либо это свободное время. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ крестьяне болѣе обезпечиваютъ себя земледѣльческимъ трудомъ, оно посвящается обрабатывающей промышленности главнымъ образомъ для собственныхъ нуждъ. Такъ въ юго-западномъ краѣ зимнее время обыкновенно посвящается женщинами пряденью и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ткачеству. „Въ Херсонской губерніи ткацкій станокъ составляетъ принадлежность всякой порядочной крестьянской семьи, занимая руки женщинъ во всякій часъ, свободный отъ другихъ работъ. Но ткацкія произведенія

рѣдко появляются здѣсь на рынкѣ; всякая состоятельная хозяйка десятки лѣтъ хранитъ массу сотканнаго холста въ сундукѣ, бережливо расходуетъ его въ семьѣ и постоянно возобновляетъ новыми штуками“ (3). Тамъ, гдѣ земледѣліе не достаточно обезпечиваетъ крестьянина, кустарная промышленность является главнымъ образомъ въ видѣ приготовленія издѣлій для сбыта. Такъ въ Ярославской губерніи, издавна славившейся культурой льна, развилось въ обширныхъ размѣрахъ кустарное ткачество, сбывающее продукты по всей Россіи. Въ одномъ Ярославскомъ уѣздѣ производится ежегодно полотенъ на 800.000 рублей. Въ той же Ярославской губерніи не менѣе развилось производство крестьянскихъ суконъ, также находящихъ для себя сбыта въ крестьянской средѣ по всей Россіи. Даже крестьянская обувь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сдѣлалась спеціальнымъ кустарнымъ промысломъ. Таково наприм. кустарное плетеніе лаптей въ заволожской части губерній Нижегородской и Костромской; въ послѣдней губерніи ежегодно производится лаптей на сумму свыше 100.000 рублей. Кустарный промыслъ имѣетъ значеніе подспорнаго труда, дающаго заработокъ или необходимые предметы удобства въ такое время года, когда занятіе главнымъ промысломъ въ силу климатическимъ условій невозможно.

Въ этой подспорности и заключается характеристическая черта нашей кустарной промышленности, являющаяся основною причиною стойкости промысла, хотя нѣкоторые изслѣдователи именно въ этой особенности и видятъ главный недостатокъ. Такъ, еще Гакстгаузенъ говорилъ: „Нѣмецъ отличается любовью къ своему сословію, любовью къ своему ремеслу и даже къ труду своихъ рукъ; русскій не знаетъ ни того, ни другаго. Нѣмецкій ремесленникъ, вѣрный разъ избранному состоянію, не промѣняетъ его на другое; онъ любитъ и гордится имъ; его честь заключается въ усовершенствованіи, его счастье—въ успѣхѣ дѣла; свое положеніе онъ считаетъ предопредѣленіемъ судьбы, заставляющей его оставаться въ немъ. У русскаго все наоборотъ. Всего чаще одинъ случай рѣшаетъ для него выборъ ремесла. Безъ соревнованія и самолюбія, руководящаго каждой хорошей работой, русскій не заботится объ усовершенствованіи и довольствуется наружностью; къ репутаціи своей, какъ мастера, онъ совершенно равнодушенъ. Недовольный ремесломъ, онъ его бросаетъ и берется за другое; изъ башмачника дѣлается портнымъ и столяромъ, и такимъ образомъ съ ве-

личайшею безпечностью переходитъ отъ одного ремесла къ другому". По поводу этого мнѣнія вполнѣ основательно замѣчаетъ г. Цытовичъ въ своей книгѣ о кустарной промышленности въ Россіи: „Историческія и экономическія условія, дѣйствительно, произвели рѣзкую границу между характерами нѣмецкихъ и русскихъ ремесленниковъ; у первыхъ живы еще цеховыя традиціи, для вторыхъ такихъ традицій не существуетъ. Если сравнить нѣмецкаго ремесленника съ русскимъ кустаремъ, то разница окажется еще большая: для перваго ремесло составляетъ единственное занятіе, дающее средства къ жизни; для втораго—побочное; слѣдовательно, у кустарей еще меньше причинъ питать привязанность къ своему промыслу. Они занимаются извѣстною отраслью промышленности только до тѣхъ поръ, пока не представится болѣе выгоднаго занятія; такимъ же образомъ поступаютъ и швейцарскіе кустари, находящіеся почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ нашими. Подобное отношеніе къ дѣлу положительно необходимо для кустарей, производящихъ на отдаленныхъ потребителей, такъ какъ такіе кустари подвержены вліянію промышленныхъ кризисовъ; пріобрѣтя черезъ чуръ сильную привязанность къ одному какому нибудь занятію, они становились бы въ очень затруднительное положеніе при всякомъ кризисѣ. Такимъ образомъ мы признаемъ въ русскихъ кустаряхъ способность мѣнять занятія при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но эта способность не доходитъ до такой степени, какъ говоритъ Гакстгаузенъ. Переходить „съ величайшею легкостью" отъ одного ремесла къ другому можно только тогда, когда оба эти ремесла не требуютъ долгаго изученія или, по крайней мѣрѣ, когда ремесленникъ, вслѣдствіе неприхотливости потребителей, можетъ довольствоваться плохими издѣліями, не требующими долгаго изученія ремесла. Между деревенскими ремесленниками, работающими исключительно для мѣстныхъ крестьянъ, можно встрѣтить такихъ, которые не только постоянно мѣняютъ свои занятія, но иногда даже въ одно и тоже время занимаются нѣсколькими ремеслами. Но кустари, занимающіеся промысломъ, которому они учились съ дѣтства и для котораго необходимы извѣстныя затраты на первоначальное обзаведеніе, не будутъ легкомысленно бросать его и перемѣнять на другой; прямой разсчетъ не допуститъ ихъ до этого: не легко было бы кимрскому башмачнику, дошедшему до замѣчательнаго искусства въ шитьѣ обуви, заняться приготовленіемъ мебели подобной той, какую дѣлаютъ московскіе сто-

ляры, также точно, какъ не легко было бы этимъ послѣднимъ научиться производству стальныхъ издѣлій, вродѣ издѣлій сс. Павлова и Ворсмы“ (4). А. Смитъ, указывая на темныя стороны соединенія земледѣлія съ обрабатывающими промыслами, имѣлъ въ виду англійскихъ или шотландскихъ кустарей, которые могутъ круглый годъ заниматься своимъ главнымъ трудомъ—земледѣліемъ. Онъ говорилъ, наприм., что деревенскій ткачъ, обрабатывающій небольшое поле, теряетъ время при переходахъ отъ станка къ полю и отъ поля къ станку, что такіе переходы развиваютъ лѣность и т. п. Примѣнять это воззрѣніе А. Смита къ нашимъ кустарямъ нѣтъ никакихъ основаній. Наши кустари занимаются обработкой продуктовъ тогда, когда свободны отъ занятій въ земледѣліи, слѣдовательно не могутъ переходить отъ станка къ полю и обратно. Каждый годъ они занимаются своимъ промысломъ непрерывно въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, примѣняя въ широкихъ размѣрахъ раздѣленіе труда. Тамъ гдѣ рабочая семья многочисленна, раздѣленіе труда примѣняется въ семьѣ: женщины занимаются одними операціями, мужчины другими, дѣти третьими, болѣе легкими. Но такое дѣленіе затруднительно въ промыслѣ, требующемъ большой спеціализаціи, безъ которой не мыслимо надлежащее изготовленіе продукта. И вотъ для достиженія такой спеціализаціи между нашими кустарями установилось дѣленіе производительныхъ операцій между нѣсколькими кустами. Такъ наприм. въ Шуйскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Хритоновѣ производство косъ проходитъ чрезъ кузницы, точильни и угольницы. Сначала накаленное въ горнѣ желѣзо рубится кузнецомъ и молотобойцемъ въ куски, отъ 5—8 верш., изъ нихъ выковываются пластинки нѣсколько изогнутыя; также рубится сталь, отъ 2—3 верш., и куется въ пластинки прямыя; за тѣмъ кузнецъ привариваетъ послѣднія къ срединѣ первыхъ и передаетъ ихъ на второе горно мастеру, или косному ковальщику, который выдѣлываетъ косу въ чернѣ. Въ чернѣ коса передается точильщику для сглаживанія неровностей на мягкомъ камнѣ, далѣе опять мастеръ приковываетъ холодную косу и, пробивъ ее, снова отдаетъ точильщику, который ее шлифуетъ на крѣпкомъ точилѣ. Для очистки обуха и мѣста для кольца, коса передается въ руки дѣтей и женщинъ, которыя оттираютъ ее сырою осиновою палкою и мелкимъ пескомъ. На очищенной косѣ мастеръ пробиваетъ остріе или лезо, которое сряду же оттачиваетъ точильщикъ на жесткомъ точилѣ. Далѣе коса закаливается на ржаномъ растворѣ, счис-

чается стамескою, отворонивается въ темно-синій цвѣтъ, къ ней придѣлывается подмога и надѣвается кольцо, чтобы она могла держаться на косникѣ; наконецъ, въ послѣдній разъ, приправляетъ ее точильщикъ и тогда поступаетъ коса къ скупщикамъ (5). Въ производствѣ ложекъ существуетъ еще болѣе детальное дѣленіе труда. Одни мастерскія спеціально занимаются выдѣлкой ложекъ вчернѣ, а другія занимаются окончательной ихъ отдѣлкой. Послѣдняя операція въ свою очередь подраздѣляется между разными мастерскими. Одни кустари занимаются обтачиваніемъ ложекъ, другія—окраской ихъ. Эти спеціализированныя между различными мастерскими операціи производства ложки въ свою очередь подраздѣляются далѣе въ каждой отдѣльной мастерской. Такъ приготовленіе ложекъ вчернѣ раздѣляется на слѣдующія 4 операціи: 1) приготовленіе баклушъ, т. е. кусковъ дерева, изображающихъ собою грубое подобіе ложки; этой операціей обыкновенно занимаются дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ; 2) за тѣмъ ложкари выдалбливаютъ въ баклушѣ впадину, обрѣзаютъ ножемъ бока, вычищаютъ рѣзцомъ, ровняютъ и скоблятъ; 3) послѣ этого завивальщики затачиваютъ конецъ ручки и нарѣзываютъ зубцы; наконецъ 4) ложка переходитъ въ женскія руки для окончательной внѣшней отдѣлки. Обтачиванье черенковъ разлагается еще на двѣ операціи, а окраска на четыре (6). Всѣхъ операцій въ ложкарномъ производствѣ производимыхъ отдѣльными рабочими десять. Такая спеціализація отдѣльныхъ операцій оказалось возможною въ кустарной промышленности только благодаря тому, что производство подраздѣлилось между нѣсколькими кустами. Если бы всѣ операціи производились въ отдѣльной мастерской каждаго кустаря, занимающагося этимъ промысломъ, то подобная спеціализація была бы не мыслима за недостаточностью для этого рабочихъ рукъ.

Спеціализація операцій производства въ нашей кустарной промышленности доходитъ до того, что отдѣльныя операціи раздѣляются не только между разными мастерскими въ одной и той же деревнѣ, но даже между кустами различныхъ деревень. Такъ, напримѣръ, выдѣлкой ложекъ вчернѣ занимаются жители однихъ деревень, а окончательной отдѣлкой ихъ жители другихъ деревень. Въ тележномъ промыслѣ жители однихъ деревень производятъ колеса, и другія деревни телеги. Даже въ производствѣ колесъ встрѣчается дѣленіе операцій между жителями разныхъ деревень: одни деревни занимаются

приготовленіемъ ободьевъ, а другія окончательной отдѣлкой ихъ. Эта спеціализація операцій производства, упрощая занятіе каждаго, облегчаетъ обученіе и даетъ возможность въ критическіе хозяйственные моменты переходить отъ однихъ промысловъ въ другіе, гдѣ это оказывается выгоднымъ. Эта же спеціализація операцій въ экономическомъ отношеніи возвышаетъ кустарную промышленность, приравнивая ее съ мануфактурами относительно техники производства. Съ мануфактурами кустари могутъ такимъ образомъ вполнѣ успѣшно конкуррировать.

Въ особенности вполнѣ ошибочно мнѣніе Гакстгаузена, утверждающаго, что русскій кустарь не имѣетъ той любви къ дѣлу, какою характеризуетъ онъ нѣмца ремесленника. Любовь къ дѣлу у русскаго кустаря развивается подъ вліяніемъ того, что кустарное производство семейное. По справедливому замѣчанію пр. Вредена, кустарная промышленность „держится на кровной связи и родственномъ расположеніи между членами. Естественно, что сынъ у отца усвоиваетъ знанія не только ради прибыли, но первоначально даже потому, что не желаетъ огорчить родителя. Эта привязанность важна не только при усвоеніи тайнъ, которыми обезпечивается совершеннѣйшее производство, но и вообще ради добросовѣстности въ работѣ. Вотъ почему всѣ издѣлія, требующія изящества, тщательности въ отдѣлкѣ, съ высшимъ совершенствомъ доставляются кустарнымъ производствомъ; они на всегда закрѣплены за этою формою производства“ ([7]). Семейная работа и семейное обученіе производству несомнѣнно развиваютъ такую привязанность къ дѣлу, какой не можетъ быть у нѣмецкаго ремесленника, большею частью обучающагося на сторонѣ. Кустарь мѣняетъ свое кровное, родовое занятіе не потому, чтобы онъ не былъ привязанъ къ дѣлу, но въ силу экономической необходимости.

Указанныя особенности кустарной промышленности даютъ ей силу въ борьбѣ съ мануфактурами и фабрично-заводскимъ производствомъ. Всѣ тѣ продукты, которые доступны мануфактурамъ, вполнѣ доступны и кустарному производству. Продукты, производящіеся на фабрикахъ, гдѣ главнымъ дѣятелемъ является не трудъ, но машина, менѣе доступны кустарю, борьба болѣе тяжела и не всегда оканчивается съ успѣхомъ. Но и здѣсь кустарь выдерживаетъ борьбу тамъ, гдѣ коммерческое фабрично-заводское производство не можетъ конкуррировать съ крупнымъ. Въ кустарномъ производствѣ капиталъ не имѣетъ того значенія, какое имѣетъ онъ въ коммерческомъ производ-

ствѣ и издержки производства, т. е. главнымъ образомъ трудъ, составляютъ заработокъ кустаря. Если фабрично-заводское производство даетъ продукты, сбываемые по цѣнамъ, не оплачивающимъ заработка кустаря, какой онъ получилъ бы на сторонѣ, работая по найму, кустарное производство оказывается не выгоднымъ. Но и въ этихъ случаяхъ кустарь не всегда оставляетъ свое производство. Если поземельный участокъ даетъ ему количество хлѣба, достаточное для прокормленія семьи, такъ что онъ не нуждается или мало нуждается въ покупномъ хлѣбѣ, то предметы обрабатывающей промышленности онъ пріобрѣтаетъ въ обмѣнъ на собственныя издѣлія. Если предметъ его производства, представляющій собою два рабочихъ дня, подъ вліяніемъ машиннаго производства продается за одинъ рабочій день, то и предметы, покупаемые имъ, подъ вліяніемъ той же причины, также подешевѣли, слѣдовательно, за продуктъ двухъ рабочихъ дней онъ пріобрѣтаетъ прежнее количество нужныхъ ему предметовъ. Отказавшись отъ промысла, онъ не могъ бы имѣть этихъ предметовъ своего благосостоянія, такъ какъ крупное производство не можетъ занять столько рабочихъ рукъ, сколько занимаетъ кустарная промышленность.

(1) Е. Н. Андреевъ. Кустарная промышленность въ Россіи. СПБ. 1882. г. стр. 12. (2) Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи, т. 1, стр. 15. Статистическое описаніе Нѣжинскаго уѣзда, стр. 137. Докладъ Высочайше утвержденной Коммиссіи для изслѣдованія настоящаго положенія сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ Россіи, прил. 1. отд. 11. (3) Труды Коммиссіи для изслѣдованія куст. промышленности, VIII, стр. 1612. (4) Н. Цытовичъ. Куст. промышленность въ Россіи, стр. 134—135. (5) Вреденъ. Курсъ политической экономіи, стр. 88. (6) Труды коммиссіи для изсл. куст. промышленности, II,—15—18. Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи. 1861. I, 256. (7) Курсъ политич. экономіи, 142.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

О факторахъ распредѣленія.

Произведенные продукты могутъ быть распредѣляемы между людьми или на основаніи установленныхъ обычаемъ и закономъ правилъ, или же на основаніи свободнаго соглашенія; въ первомъ случаѣ распредѣленіе является актомъ обязательнымъ и eo ipso принудительнымъ, во второмъ—актомъ добровольнымъ. Обязательность тѣхъ или иныхъ правилъ распредѣленія, придуманныхъ разными писателями, лежитъ въ основаніи системъ, носящихъ въ настоящее время общее названіе соціализма. Добровольность или свобода распредѣленія лежитъ въ основаніи науки политической экономіи, признающей принадлежность человѣку того, что произведено имъ, или ему передано по доброй волѣ другими производителями. При этомъ разумная свобода не только не исключаетъ законодательныхъ нормъ, но требуетъ ихъ, какъ общественной гарантіи; свобода въ сферѣ экономическихъ отношеній не есть абсолютная свобода, но свобода законная, по которой человѣкъ не можетъ своею дѣятельностью, прямо или косвенно, причинять вредъ другимъ людямъ. Если соціализмъ, во имя увеличенія благосостоянія, превращаетъ людей въ рабовъ, отнимая у нихъ право на плоды ихъ дѣятельности, то всякому очевидно, что и противоположный принципъ —абсолютная свобода—не можетъ быть нормальнымъ принципомъ общежитія; внѣ закона нѣтъ истинной свободы, какъ такой, которая была бы достойною человѣка и, поэтому, не приводила бы къ порабощенію однихъ другими; внѣ закона, гарантирующаго свободную дѣятельность всѣхъ и каждаго, не можетъ быть и разумнаго эконо-

мическаго общежитія. Свобода соглашенія въ распредѣленіи результатовъ производства есть тотъ естественный экономическій законъ, который охраняется положительнымъ правомъ и развивается подъ защитой его. Основными факторами этого естественно-экономическаго распредѣленія произведеній служатъ: цѣнность, деньги и кредитъ.

I. Цѣнность (1).

§ 1. Съ понятіемъ о цѣнности соединяется неодинаковое значеніе съ точекъ зрѣнія производства, респредѣленія и потребленія.

Съ исключительной точки зрѣнія производства, цѣнность произведеннаго продукта представляется ни чѣмъ инымъ, какъ количествомъ пожертвованій, затраченныхъ на его производство. Для производителя то дорого, что требуетъ для производства большаго количества усилій, и то дешево, что стоитъ малаго ихъ количества. Все, что получается безъ пожертвованій, разсуждаетъ производитель, не имѣетъ цѣнности; воздухъ не имѣетъ цѣнности, потому что для пріобрѣтенія его не требуется никакихъ усилій. Цѣнность возникаетъ только тогда, когда возникаетъ необходимость въ пожертвованіяхъ для полученія продукта—источникъ ея—усилія производства, чѣмъ больше количество такихъ усилій или пожертвованій, тѣмъ выше и цѣнность произведеннаго: размѣрами пожертвованій обусловливается размѣръ цѣнности продукта. Если бы намъ не было необходимости преодолѣвать препятствія въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей, то мы и понятія не имѣли бы о цѣнности, а знали бы только полезность вещей. „Для волшебниковъ не существуетъ понятія цѣнности, такъ какъ одного мановенія жезла ихъ достаточно для того, чтобы получить все, чего только они могутъ пожелать“. Цѣнность, такимъ образомъ, есть результатъ усилій, результатъ борьбы человѣка съ природою, есть мѣрило тѣхъ препятствій, которыя человѣку необходимо побороть для полученія желаемаго, мѣрило зависимости человѣка отъ природы въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Съ этой точки зрѣнія экономическій прогрессъ состоитъ въ уменьшеніи цѣнности, въ борьбѣ съ тѣмъ зломъ, которое называется цѣнностью. Чѣмъ невыгоднѣе положеніе производителя въ дѣлѣ производства, тѣмъ выше для него цѣнность результатовъ производства; на оборотъ, чѣмъ легче добывается продуктъ, чѣмъ меньше затрачивается издержекъ на его производство, тѣмъ больше

получается полезностей въ результатѣ производства, но въ тоже время тѣмъ меньше цѣнность произведеній. Цѣнность и полезность вещей находятся между собою въ обратно-пропорціональномъ отношеніи. Благосостояніе и цѣнность—величины противоположныя, увеличеніе одной изъ нихъ равносильно уменьшенію другой.

Въ актѣ распредѣленія необходимо отличать два момента: сбытъ и пріобрѣтеніе, или предложеніе и спросъ.

Съ точки зрѣнія спроса воззрѣніе на цѣнность аналогично съ воззрѣніемъ производителя. Для желающаго пріобрѣсть продуктъ отъ другихъ цѣнность представляется суммой пожертвованій, необходимыхъ для пріобрѣтенія. Какъ изолированный хозяинъ, такъ, напримѣръ, и чиновникъ, живущій жалованьемъ, одинаково смотрятъ на цѣнность какъ на зло, въ уменьшеніи котораго они прямо заинтересованы. По воззрѣнію обоихъ, экономическій прогрессъ состоитъ въ уменьшеніи цѣнности продуктовъ, что равносильно уменьшенію препятствій въ удовлетвореніи потребностей и увеличенію благосостоянія.

Совершенно противоположное понятіе придается слову цѣнность съ точки зрѣнія сбыта или предложенія. Для продавца цѣнность есть покупная сила его продуктовъ, мѣра власти его надъ принадлежащими другимъ лицамъ факторами производства и ихъ произведеніями. Продавецъ видитъ въ цѣнности сбываемаго собственный интересъ, личную выгоду; для него цѣнность и личная выгода прямо пропорціональны. Цѣнность опредѣляется не размѣромъ пожертвованій, необходимыхъ для производства или пріобрѣтенія, а, на оборотъ, опредѣляетъ размѣръ этихъ пожертвованій. Продуктъ не потому имѣетъ высокую цѣнность, что на производство его затрачено много издержекъ, а, на оборотъ, на производство этого продукта потому только затрачено много издержекъ, что онъ высоко цѣнится. Цѣнность есть власть надъ факторами производства и произведеніями другихъ лицъ; величина издержекъ какъ производства, такъ и пріобрѣтенія обусловливается размѣрами этой власти, а не на оборотъ.

Такимъ образомъ съ точки зрѣнія спроса цѣнность является экономическимъ зломъ, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія предложенія—благомъ. Если пріобрѣтатель заинтересованъ въ уменьшеніи цѣнности, то продавецъ, на оборотъ, заинтересованъ въ ея увеличеніи. Цѣнность въ своихъ размѣрахъ опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, какъ борьбой взаимно противоположныхъ

интересовъ. Каждый изъ контрагентовъ обмѣна, какъ продавецъ, желаетъ получить за свой продуктъ какъ можно больше чужихъ продуктовъ,—какъ покупщикъ, желаетъ дать за чужіе продукты какъ можно меньше своихъ. Интересы каждаго изъ нихъ противоположны, то, что для одного является мѣриломъ экономической власти, для другаго является мѣриломъ экономической зависимости; благосостояніе одного—несчастіе другаго, прибыль продавца—потеря покупателя. Обмѣнъ является актомъ борьбы интересовъ, причемъ, какъ и во всякой борьбѣ, побѣждаетъ болѣе сильный. Цѣнность продуктовъ—результатъ этой борьбы; она прямо пропорціональна силѣ продавца и обратно пропорціальна силѣ покупщика.

Наконецъ, съ исключительной точки зрѣнія потребленія цѣнность представляется тождественною съ полезностью, какъ годностью продукта къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Увеличеніе или уменьшеніе полезности въ глазахъ потребителя равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности; вещь, не имѣющая никакой полезности, не имѣетъ и цѣнности. Потребитель наиболѣе дорожитъ тѣми продуктами, которые для него наиболѣе полезны; вещество, содержащее въ себѣ возможность большаго удовлетворенія потребности въ опредѣленное время, цѣннѣе вещества, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, содержащаго въ себѣ такую возможность въ меньшей степени. Законъ цѣнности съ этой точки зрѣнія формулируется въ словахъ: опредѣленное количество вещества, удовлетворяющаго потребность, всегда предпочитается меньшему количеству такого вещества. Съ исключительной точки зрѣнія потребленія случаи высокой оцѣнки вещей малополезныхъ—ненормальные случаи.

Въ основаніи ученій экономистовъ о сущности и законахъ цѣнности лежатъ обыденные факты, на которые можно смотрѣть съ указанныхъ точекъ зрѣнія. Одни изъ экономистовъ смотрятъ на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія, другіе съ точки зрѣнія распредѣленія, третьи съ точки зрѣнія производства и, наконецъ, четвертые, которые могутъ быть названы эклектиками, безразлично употребляютъ для уясненія понятія и законовъ цѣнности всѣ три изложенныя воззрѣнія. Вся литература вопроса о цѣнности сводится къ этимъ четыремъ категоріямъ, какъ теоретическимъ школамъ, породившимъ безчисленное множество споровъ и пререканій. Понятіе о цѣнности съ точки зрѣнія потребленія лучше всего уяснено въ теоріи Шторха; понятіе мѣ-

новой цѣнности нашло въ извѣстной степени послѣдовательныхъ выразителей въ лицѣ Мальтуса, Маклеода и Бастіа; воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія производства наиболѣе послѣдовательно развито въ ученіяхъ Рикардо и Кэри. Къ представителямъ эклектическаго направленія въ ученіяхъ о явленіяхъ цѣнности принадлежатъ— А. Смитъ, Ж. Б. Сэ, Д. С. Милль и Ф. Бастіа.

§ 2. А. Смитъ первый замѣтилъ существованіе тройственности въ обыденныхъ понятіяхъ о существѣ цѣнности.

„Слово цѣнность," говоритъ онъ, „иногда означаетъ полезность предмета, (l'utilité d'un objet particulier), иногда покупную силу его, какъ возможность пріобрѣтенія другихъ предметовъ посредствомъ обмѣна (la faculté que donne la possession de cet objet d'en acheter d'autres marchandises). Въ первомъ смыслѣ цѣнность можетъ быть названа *цѣнностью потребительною* (Valeur en usage), во второмъ— *мѣновою цѣнностью* (Valeur en échange). Между размѣрами потребительной цѣнности и цѣнности мѣновой нѣтъ соотвѣтствія. Вода имѣетъ высокую потребительную цѣнность, но въ то же время не имѣетъ цѣнности мѣновой; наоборотъ, алмазъ имѣетъ высокую мѣновую цѣнность, не имѣя потребительной.

Въ мѣновой цѣнности А. Смитъ въ свою очередь замѣчаетъ двойственное значеніе, вытекающее изъ того, будемъ-ли мы смотрѣть на цѣнность съ точки зрѣнія пріобрѣтенія или сбыта.

Человѣкъ, говоритъ онъ, богатъ или бѣденъ, смотря по имѣющимся у него средствамъ удовлетворенія потребностей. При раздѣленіи занятій своимъ непосредственнымъ трудомъ человѣкъ удовлетворяетъ самой незначительной части своихъ потребностей, большую же часть потребляемыхъ имъ продуковъ онъ получаетъ отъ труда другихъ людей. Такимъ образомъ, при существованіи раздѣленія занятій, богатство или бѣдность его зависятъ отъ того, какимъ количествомъ труда другихъ людей онъ можетъ располагать. На этомъ основаніи цѣнность вещи для человѣка, который не думаетъ пользоваться ею самъ непосредственно, но желаетъ сбыть другимъ, равна тому количеству работы, которое онъ получаетъ за свою вещь, равна труду и усиліямъ, сберегаемымъ человѣкомъ при посредствѣ обладанія ею и получаемымъ отъ другихъ людей. Наоборотъ, для человѣка желающаго пріобрѣсть эту вещь, цѣнность равна труду и усиліямъ, необходимымъ для пріобрѣтенія.

Въ приведенныхъ словахъ А. Смитъ ясно указываетъ на ту тройственность понятій о цѣнности, о которой мы выше говорили. Для потребителя цѣнность отожествляется съ полезностью или годностью вещи къ удовлетворенію потребности; для продавца она отожествляется съ трудомъ сберегаемымъ и перелагаемымъ на другихъ людей, слѣдовательно, есть власть, доставляемая обладаніемъ продуктомъ надъ трудомъ и произведеніями другихъ лицъ; наконецъ, для пріобрѣтателя цѣнность равна не сберегаемому, но затрачиваемому для пріобрѣтенія труду. Отъ указанныхъ нами понятій ученіе А. Смита отличается лишь тѣмъ, что въ мѣновой цѣнности А. Смитъ какъ издержки пріобрѣтенія, такъ и покупную силу продукта измѣряетъ трудомъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такого подведенія этихъ издержекъ и покупной силы къ трудовому знаменателю мы не встрѣчаемъ. Сверхъ того, А. Смитъ не замѣтилъ, что тройственность понятій о цѣнности есть результатъ тройственности отправленій въ экономическомъ организмѣ, то есть взятыхъ отдѣльно потребленія, обмѣна и производства. Вотъ почему въ теоріи А. Смита мы не встрѣчаемъ ученія о цѣнности съ точки зрѣнія производства, хотя и встрѣчаемъ аналогичное воззрѣніе съ точки зрѣнія пріобрѣтенія. Замѣтивъ противорѣчія въ понятіяхъ о существѣ цѣнности, А. Смитъ тѣмъ не менѣе не дѣлаетъ попытки къ выходу изъ нихъ. Онъ какъ бы санкціонируетъ эти противорѣчія, принимая ихъ въ своей системѣ. Такъ наприм. онъ одинаково допускаетъ оба воззрѣнія съ точки зрѣнія распредѣлія, не замѣчая происходящихъ отсюда противорѣчій въ его ученіи. Цѣнность труда, наприм. утверждаетъ онъ, совершенно не зависитъ отъ того, какое количество продуктовъ потребленія получаетъ рабочій въ видѣ заработной платы. Каково бы ни было количество предметовъ, получаемыхъ работникомъ въ вознагражденіе за трудъ, цѣна, платимая имъ, всегда одинакова. То дорого, что достается съ трудомъ, и то дешево, что стоитъ малаго труда. Одинаковыя количества труда во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ представляютъ одинаковую цѣнность для работника, который, при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и искусства, всегда жертвуетъ одинаковымъ количествомъ досуга, свободы и благополучія. Трудъ такимъ образомъ никогда не измѣняется въ своей собственной цѣнности, почему и можетъ быть мѣриломъ цѣнности всѣхъ товаровъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ А. Смитъ смотритъ на цѣнность съ точки зрѣнія пріобрѣтенія; для рабочаго, желаю-

щаго пріобрѣсть продуктъ за свое рабочее время, день труда имѣетъ одинаковую цѣнность, такъ какъ при обыкновенномъ положеніи онъ въ продолженіи этого времени жертвуетъ одинаковымъ количествомъ досуга, свободы и благополучія. Увеличеніе или уменьшеніе вознагражденія за трудъ, говоритъ онъ, свидѣтельствуетъ только объ увеличеніи или уменьшеніи цѣнности продуктовъ, входящихъ въ составъ заработчей платы, а не объ увеличеніи или уменьшеніи цѣнности труда. Съ точки зрѣнія человѣка нанимающаго трудъ, цѣнность послѣдняго измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ количества полезностей, отдаваемыхъ за трудъ; она бываетъ то больше, то меньше, смотря по тому, увеличивается или уменьшается это количество. Но эта точка зрѣнія нанимающаго трудъ въ данномъ случаѣ оказывается невѣрною, въ этомъ случаѣ необходимо сказать, говоритъ А. Смитъ, что измѣняется не цѣнность труда, но цѣнность товаровъ, уплачиваемыхъ за трудъ. Само собою раждается вопросъ—отчего же необходимо такъ сказать, но на этомъ вопросѣ А. Смитъ не останавливается, хотя ясно, что игнорируя точкой зрѣнія нанимающаго трудъ, онъ уже отрицаетъ ту двойственность въ понятіи о существѣ мѣновой цѣнности, о которой прежде говорилъ. Между тѣмъ вслѣдъ за этимъ онъ принимаетъ и эту другую точку зрѣнія. Такъ онъ говоритъ: „*Въ обыкновенномъ смыслѣ*“ (dans acception vulgaire) можно сказать, что трудъ, подобно другимъ товарамъ, имѣетъ реальную и номинальную цѣнность. Реальная цѣнность состоитъ въ количествѣ товаровъ, получаемыхъ рабочимъ за его трудъ, номинальная состоитъ въ количествѣ денегъ, имъ получаемыхъ. Работникъ богатъ или бѣденъ, вознагражденъ хорошо или плохо, смотря по реальной, а не номинальной цѣнности своего труда“. Ясно, что, говоря это, А. Смитъ отожествляетъ цѣнность труда съ заработчей платой, называетъ цѣнностью труда количество товаровъ или денегъ, получаемыхъ рабочимъ, въ какомъ случаѣ цѣнность эта уже перестаетъ быть величиною вѣчно неизмѣнною; она увеличивается или уменьшается вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ количествахъ этихъ товаровъ или денегъ. Пожертвованія досугомъ, свободой и благополучіемъ могутъ быть равны въ двухъ случаяхъ, но при неравенствѣ товаровъ или денегъ, получаемыхъ рабочимъ, цѣнность его труда уже не тождественна въ обоихъ случаяхъ.

Если для пріобрѣтателя цѣнность есть зло, а для продавца благо, то интересы продажи и пріобрѣтенія прямо противоположны. Каждый,

какъ пріобрѣтатель, старается дать какъ можно меньше, какъ продавецъ, старается получить за свой товаръ какъ можно больше другихъ товаровъ. Каждый смотритъ на другаго какъ на врага, котораго необходимо побороть, иначе пострадаютъ собственные интересы. Экономической наукѣ приходится систематизировать эту борьбу, или, по выраженію О. Конта, возвесть въ принципъ хозяйственную хаотичность интересовъ, приходится утверждать, что въ сферѣ мѣновыхъ отношеній господствуетъ произволъ, то или иное случайное экономическое положеніе мѣняющихся сторонъ. Такое возведеніе въ принципъ произвола не могло удовлетворить А. Смита и онъ дѣлаетъ попытку найти упорядочивающее начало тамъ, гдѣ съ перваго взгляда все представляется хаотическимъ.

Необходимо отличать, говоритъ онъ, рыночную цѣнность отъ естественной. Всякая цѣнность, при настоящемъ состояніи производства, слагается изъ трехъ элементовъ: изъ заработной платы, прибыли и ренты. Въ начальномъ состояніи общества, предшествовавшемъ накопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земли, единственнымъ элементомъ цѣнности было количество труда, необходимое для пріобрѣтенія продукта. Если для того, чтобы убить козу, необходимо было охотнику истратить два дня труда, между тѣмъ какъ бобръ могъ быть пойманъ въ одинъ день, то два бобра будутъ имѣть одинаковую цѣнность съ одной козой. Въ это время весь продуктъ труда принадлежалъ тому, кто произвелъ его. Съ накопленіемъ капиталовъ появился спросъ на чужой трудъ; человѣкъ, владѣющій капиталомъ, получилъ возможность заказывать трудъ рабочему, давая ему во время работы матеріалъ и средства къ существованію. Въ такомъ состояніи продукціи изъ продукта труда одна часть идетъ въ вознагражденіе капиталиста за его услуги работнику, составляя прибыль на его капиталъ, и только другая часть достается на долю работника. Доходъ капиталиста въ этомъ случаѣ совершенно отличенъ отъ дохода, называемаго заработной платой. Прибыль не можетъ считаться вознагражденіемъ за трудъ надзора и управленія работами; единственное основаніе ея —употребленный въ дѣло капиталъ, почему она зависитъ отъ цѣнности этого капитала. Капиталистическая прибыль входитъ въ составъ цѣнности какъ совершенно самостоятельный элементъ, не зависящій отъ заработной платы.

Подобный же элементъ вносится и силами природы; элементъ

этотъ называется рентою. Понятіе объ этомъ третьемъ элементѣ цѣнности у А. Смита слишкомъ неопредѣленно. Одинъ разъ онъ говоритъ, что рента есть результатъ монополіи, результатъ того, что земледѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли, въ такомъ случаѣ, очевидно, рента можетъ быть только результатомъ цѣнности, сложенной изъ элементовъ заработной платы и прибыли, можетъ быть только вычетомъ опредѣленной доли изъ этой цѣнности. Другой разъ онъ утверждаетъ, что вовсе не знаютъ природы ренты тѣ, которые безразлично называютъ прибылью весь доходъ собственника земледѣльца. Въ этомъ случаѣ одна доля дохода добывается трудомъ, другая капиталомъ, а третья производительной силой земли, которая такимъ образомъ даетъ общественно, а не частно-хозяйственный доходъ, называемый рентой. Очевидно, только въ этомъ послѣднемъ понятіи ренты можно считать ее третьимъ и самостоятельнымъ элементомъ цѣнности, что противорѣчитъ первому положенію.

Во всякомъ обществѣ, говоритъ далѣе А. Смитъ, есть средняя величина указанныхъ элементовъ цѣнности. Цѣнность, сложенную изъ такихъ среднихъ элементовъ, можно назвать естественною цѣнностью, которую необходимо отличать отъ рыночной. Рыночная цѣна товаровъ опредѣляется отношеніемъ между предложеніемъ ихъ на рынкѣ и требованіемъ со стороны людей, желающихъ пріобрѣсть ихъ и обладающихъ необходимыми для такого пріобрѣтенія средствами. Такое требованіе представляетъ собою реальный спросъ, который необходимо отличать отъ спроса вообще, напримѣръ отъ спроса со стороны нищаго на продукты, къ пріобрѣтенію которыхъ у него нѣтъ средствъ. Если предложеніе товаровъ меньше спроса, то потребители готовы заплотить выше естественной цѣны, соотвѣтствующей суммѣ составныхъ элементовъ въ ихъ средней величинѣ; въ этомъ случаѣ между покупателями возникаетъ конкурренція, вслѣдствіе вліянія которой рыночная цѣнность возвысится надъ естественною, смотря по ограниченности предложенія съ одной стороны и съ другой по богатству и желанію спрашивающихъ. Въ противоположномъ случаѣ, то есть когда спросъ меньше предложенія, возникаетъ конкурренція между продавцами, вслѣдствіе чего рыночная цѣна будетъ ниже естественной. Въ томъ случаѣ, когда предложеніе соотвѣтствуетъ реальному спросу, рыночная цѣнность вполнѣ совпадаетъ съ естественною. Предложеніе товаровъ по естественному закону стремится къ соотвѣтствію съ ре-

альнымъ спросомъ. Происходитъ это такимъ образомъ: когда предложеніе товара превышаетъ существующій спросъ на него, то вслѣдствіе этого какой либо элементъ цѣнности—заработная плата, прибыль или рента—будетъ оплачиваться ниже обыкновеннаго средняго уровня. Если это случится напримѣръ съ рентой, то весьма естественно землевладѣльцы будутъ производить меньше прежняго, такимъ образомъ уменьшится предложеніе товара, вслѣдствіе чего произойдетъ поднятіе рыночной цѣны до уровня естественной. На оборотъ, если рыночная цѣна будетъ выше естественной, интересы производителей потребуютъ увеличенія производства и вслѣдствіе увеличенія предложенія цѣнность понизится до своего естественнаго уровня. Такимъ образомъ естественная цѣнность представляетъ собою какъ бы центръ тяжести, къ которому постоянно тяготѣютъ рыночныя цѣны товаровъ. При обыкновенномъ положеніи дѣлъ, въ продолжительное время рыночная цѣнность не можетъ быть ни выше, ни ниже естественной цѣнности, такъ какъ вся сумма производительности естественно соразмѣряется съ реальнымъ спросомъ. Только особенныя обстоятельства могутъ препятствовать тяготѣнію рыночныхъ цѣнъ къ ихъ естественному центру и втеченіи болѣе или менѣе значительнаго времени держать ихъ выше естественной цѣнности. Эти обстоятельства могутъ быть: или чисто случайныя, каковы секреты въ производствѣ товаровъ, или естественныя, каковы спеціальныя особенности мѣстностей, или наконецъ общественныя, каковы привиллегіи, цехи и проч. Исключительныя привиллегіи, какъ и вообще всѣ законы, направленные къ ограниченію конкурренціи, могутъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій въ извѣстныхъ промыслахъ удерживать рыночную цѣнность выше естественной.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что А. Смитъ нашелъ упорядочивающій принципъ явленій цѣнности, отрицаніе котораго требовалось признаніемъ противорѣчія въ самомъ понятіи о существѣ цѣнности. А. Смитъ, по видимому, отыскалъ то регулирующее начало, по которому борьба въ мѣновыхъ отношеніяхъ представляется только явленіемъ, а не закономъ, и притомъ явленіемъ временнымъ, скоропреходящимъ при обыкновенномъ теченіи дѣлъ. Къ сожалѣнію, это только иллюзія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ своего изслѣдованія А. Смитъ пришелъ къ заключенію, что средній уровень составныхъ частей естественной цѣнности опредѣляется тѣмъ же началомъ борьбы взаимно-

противоположныхъ интересовъ, которымъ онъ опредѣляетъ и рыночныя цѣны. Очевидно, регулирующее начало само обусловливается тѣмъ, что должно бы оно регулировать. Не найдя теоретическаго выхода изъ логическихъ противорѣчій въ обыденныхъ понятіяхъ о цѣнности, А. Смитъ не нашелъ и практическаго выхода изъ видимой хаотичности въ явленіяхъ цѣнности.

Вслѣдъ за А. Смитомъ въ подобныя же ошибки впали и многіе изъ другихъ экономистовъ. Таковы наприм. ученія о цѣнности Ж. Б. Сэ, Бастіа и Милля.

„Цѣнность, говоритъ Сэ, есть количество всякой другой вещи, получаемое въ обмѣнъ за вещь отчуждаемую". Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, всякое увеличеніе количества товаровъ, получаемыхъ въ обмѣнъ за отчуждаемый продуктъ, слѣдуетъ разсматривать какъ увеличеніе цѣнности послѣдняго; и на оборотъ, всякое уменьшеніе этого количества должно быть равносильно уменьшенію цѣнности этого продукта. Но это заключеніе, какъ и только что высказанное понятіе о цѣнности, разрушаются самимъ же Сэемъ, переходящимъ на другую точку зрѣнія о существѣ цѣнности. Однѣ изъ нашихъ потребностей, говоритъ онъ, могутъ быть удовлетворяемы продуктами, доставляемыми природою даромъ, таковы воздухъ, вода, солнечный свѣтъ. Продукты такіе могутъ быть названы естественнымъ богатствомъ, въ противоположность богатству общественному (richesses sociales), представляющему собою результатъ производства. Цѣнность имѣютъ только общественныя богатства и цѣнность они имѣютъ только потому, что пріобрѣтеніе ихъ сопряжено съ затратами производительныхъ услугъ. Мѣновая цѣнность пропорціональна этимъ затратамъ. Обмѣнивая одинъ килограммъ кофе на 15 килограммовъ хлѣба, мы обмѣниваемъ производительныя услуги, посредствомъ которыхъ произведенно 15 килограммовъ хлѣба, на производительныя услуги, посредствомъ которыхъ произведенъ одинъ килограммъ кофе. Если бы однѣ производительныя услуги не оплачивались вполнѣ, то онѣ оставили бы производство и перешли бы въ другія отрасли промышленности. Въ этихъ словахъ Сэ ясно проводитъ воззрѣніе на цѣнность съ частно-хозяйственной точки зрѣнія производства и пріобрѣтенія и тѣмъ самымъ разрушаетъ свое опредѣленіе цѣнности, въ которомъ онъ смотритъ на послѣднюю съ точки зрѣнія продавца. Послѣднее воззрѣніе разрушается также приведеннымъ различіемъ между богат-

ствами естественными и общественными. Увеличеніе или уменьшеніе даровой дѣятельности силъ природы, по его ученію, ведетъ къ увеличенію или уменьшенію цѣнности. Но, очевидно, увеличеніе этой дѣятельности должно сопровождаться увеличеніемъ количества получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ; послѣднее не равносильно увеличенію цѣнности, слѣдовательно цѣнность перестаетъ быть количествомъ получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ. За тѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи своей теоріи Сэ принимаетъ и воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія, также не замѣчая въ этомъ никакого противорѣчія. „Каждый продуктъ спрашивается потому, что имѣетъ полезность и эта полезность вещи составляетъ ея цѣнность. Возможность созданія полезности вызываетъ спросъ на производительныя услуги и создаетъ ихъ цѣнность.— Можетъ быть, что полезность вещи, т. е. потребность въ ней не въ состояніи поднять цѣну до уровня цѣнности, необходимой для оплаты производительныхъ услугъ. Въ такихъ случаяхъ данная вещь не можетъ быть предметомъ производства, такъ какъ издержки производства были бы выше ея цѣнности".

Основнымъ закономъ явленій цѣнности Сэ признаетъ законъ спроса и предложенія. Цѣна всякой вещи, говоритъ онъ, во всякомъ мѣстѣ тѣмъ выше, чѣмъ меньше ея предложеніе и чѣмъ больше спросъ; на оборотъ, цѣна тѣмъ ниже, чѣмъ больше предложеніе или меньше спросъ. Другими словами, увеличеніе цѣны находится въ прямомъ отношеніи къ спрашиваемому количеству и въ обратномъ къ количеству предлагаемому. Но вслѣдъ за тѣмъ Сэ утверждаетъ, что количественная сторона въ спросѣ и предложеніи зависитъ отъ цѣнъ, а не на оборотъ. Нѣтъ ни одной вещи, говоритъ онъ, которая, будучи полезною, не могла бы быть спрашиваема въ количествѣ неограниченномъ. Кто откажется отъ принятія вещи, считая ее пріятною или полезною для себя? Спросъ въ экономическомъ отношеніи ограничивается возможностью уплаты за пріобрѣтаемые продукты, возможностью пріобрѣтенія продуктовъ, которые могутъ быть отданы за другіе, нами спрашиваемые. Во всѣхъ странахъ имущества постепенно поднимаются, начиная отъ ничтожныхъ, которыхъ наибольшее количество, до громаднѣйшихъ, количество которыхъ самое незначительное. Изъ этого слѣдуетъ, что продукты тѣмъ больше спрашиваются, чѣмъ меньше ихъ цѣна, такъ какъ въ этомъ случаѣ они доступны большему числу потребителей. Спросъ на продукты ограничивается ихъ

цѣною; отъ увеличенія или уменьшенія цѣны зависитъ увеличеніе или уменьшеніе спроса.

Тоже самое Сэ утверждаетъ и относительно предложенія. Продуктъ находится въ предложеніи тогда, когда по цѣнѣ онъ доступенъ для покупщиковъ. Когда продуктъ произведенъ издержками, которыя не могутъ быть оплачены на рынкѣ, то съ экономической точки зрѣнія продуктъ этотъ все равно, что не произведенъ, его нѣтъ въ предложеніи. Точно также не можетъ считаться въ составѣ предложенія продуктъ, продавецъ котораго назначаетъ цѣну, которой никто несогласенъ дать. Каждый продуктъ былъ бы спрашиваемъ въ неограниченномъ количествѣ, если бы трудность пріобрѣтенія, или цѣна, не ограничивала и не стѣсняла спроса. Съ другой стороны, продуктъ былъ бы предлагаемъ въ неограниченномъ количествѣ, если бы тоже ограниченіе не стѣсняло и не уменьшало предложенія; если бы не было препятствій съ этой стороны, то безъ всякаго сомнѣнія, было бы выносимо на рынокъ все, что только могло быть продано за какую бы то нибыло цѣну. Такимъ образомъ размѣры спроса и предложенія, по сознанію Сэ, опредѣляются цѣною, а не на оборотъ.

Такія же логическія несообразности встрѣчаемъ мы и у Д. С. Милля, этого величайшаго изъ логиковъ послѣ Аристотеля.

Мѣновую цѣнность, говоритъ онъ, надобно различать отъ цѣны. Цѣною вещи называется ея денежная цѣнность, а подъ цѣнностью общая покупная сила ея, размѣръ той возможности, какую даетъ она своему владѣльцу пріобрѣтать продажные товары вообще. Для того, чтобы вещь имѣла мѣновую цѣнность, необходимы два условія. Вещь должна быть на что нибудь пригодна, должна соотвѣтствовать какой нибудь цѣли, удовлетворять какому нибудь желанію. Во вторыхъ предметъ долженъ быть не только пригодный на что нибудь, но и получаемый не безъ нѣкотораго затрудненія.

Степень полезности вещи—крайній предѣлъ мѣновой цѣнности; выше этого при обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ мѣновая цѣнность не можетъ подняться. Трудность полученія предмета зависитъ: а) отъ того, что предложеніе его ограничено безусловнымъ предѣломъ. Есть вещи, количество которыхъ физически невозможно увеличить выше извѣстной тѣсной границы. Таковы вина, доставляемыя только извѣстною почвою въ извѣстномъ климатѣ. Таковы древнія статуи, рѣдкія картины и пр. б) отъ того, что самое производство предмета требуетъ

извѣстнаго труда и расхода, но если люди соглашаются на этотъ трудъ и расходъ, то нѣтъ границы къ увеличенію количества товара и в) отъ того, что предметы по данной стоимости могутъ быть производимы только въ извѣстномъ количествѣ; если понадобится больше, то стоимость производства этой прибавки будетъ больше прежняго. Цѣнность товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу, опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Но такихъ товаровъ мало. Большая часть предметовъ производится человѣкомъ по мѣрѣ существованія нужды въ нихъ. Цѣнность такихъ предметовъ опредѣляется издержками производства. Производство товара не будетъ продолжаться, если цѣнность не достаточна на вознагражденіе стоимости производства съ прибавленіемъ прибыли по обыкновенному разсчету. Капиталисты не захотятъ постоянно производить въ убытокъ; не станутъ производитъ и съ прибылью меньшею той, какая нужна имъ на то, чтобы жить ею. Стоимость производства съ прибавленіемъ обыкновенной прибыли можно назвать обыкновенною цѣною или цѣнностью всѣхъ предметовъ, производимыхъ трудомъ и капиталомъ. Тайное вліяніе, заставляющее цѣнности вещей въ среднемъ выводѣ быть сообразными со стоимостью производства, состоитъ въ томъ, что иначе измѣнился бы размѣръ снабженія товаровъ. Снабженіе возросло бы, если бы предметъ продолжалъ продаватся выше, чѣмъ соразмѣрно со стоимостью его производства; оно уменьшилось бы, если бы цѣнность предмета упала ниже этой соразмѣрности. Исключеніе изъ этого общаго закона составляютъ товары, въ производствѣ которыхъ прибыль имѣетъ болѣе значительную долю, чѣмъ въ другихъ. Одинъ товаръ можетъ требовать прибыли за болѣе долгій срокъ времени, чѣмъ другой. Положимъ, извѣстное количество вина и извѣстное количество сукна произведены одинаковымъ количествомъ труда. Сукно не улучшается отъ того, что становится старѣе. Положимъ, для достиженія требуемаго достоинства вину нужно простоять пять лѣтъ. Производитель или торговецъ не станетъ беречь его пять лѣтъ, если по истеченіи не можетъ продать его на столько дороже сукна, на сколько должна возрасти прибыль за пять лѣтъ.

Такимъ образомъ Милль съ одной стороны принимаетъ воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія, говоря, что полезность представляетъ собою крайній предѣлъ цѣнности, а съ другой стороны утверждаетъ, что всѣ продукты, производимые трудомъ и капиталомъ,

регулируются стоимостью производства. Онъ не замѣтилъ того, что здѣсь существуетъ противорѣчіе. Если мѣновая цѣнность не можетъ быть выше полезности, то eo ipso не можетъ быть и ниже ея, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ для одной изъ мѣняющихся сторонъ она была бы выше полезности. Одновременное опредѣленіе цѣнности полезностью и стоимостью производства—логическая несообразность. Предметъ можетъ быть въ высшей степени полезенъ, но при дешевизнѣ производства цѣнность его будетъ ничтожна. Милль допускаетъ также и одностороннее понятіе о цѣнности съ точки зрѣнія продавца, исключающее воззрѣніе съ точекъ зрѣнія потребленія и производства. Онъ говоритъ: „Цѣнность есть явленіе относительное. Цѣнность предмета—это значитъ количество какого нибудь другаго предмета или количество предметовъ вообще, за какое онъ обмѣнивается. Потому цѣнности всѣхъ предметовъ не могутъ одновременно ни подниматься, ни падать. Общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей дѣло не возможное. Всякое возвышеніе извѣстной цѣнности связано съ упадкомъ другой цѣнности, и на оборотъ.“ Говоря это, Милль рѣшительно переходитъ на точку зрѣнія продавца. Дѣйствительно, если цѣнность есть количество предметовъ, получаемыхъ за отчуждаемый предметъ, то общее возвышеніе или пониженіе цѣнностей не мыслимо. Если за продуктъ А получается большее количество продукта Б, что равносильно увеличенію цѣнности продукта А, то очевидно, въ тоже время за большее количество продукта Б получается меньшее количество продукта А, что равносильно уменьшенію цѣнности продукта Б. Но съ той точки зрѣнія, по которой цѣнность опредѣляется стоимостью производства, что принимаетъ и Милль, вполнѣ возможно и общее возвышеніе, и общее уменьшеніе цѣнности. Представимъ себѣ двухъ производителей, изъ которыхъ одинъ производитъ четыремя днями хозяйственнаго времени продуктъ А, другой такой же затратой времени—продуктъ В, въ этомъ случаѣ каждая единица продукта А обмѣнивается на каждую единицу продукта В. Положимъ, въ другое время происходитъ усовершенствованіе, по которому каждый изъ производителей имѣетъ возможность производить продуктъ своей спеціальности двумя днями хозяйственнаго времени, при чемъ количество производимыхъ продуктовъ удвоивается. Въ этомъ случаѣ продукты будутъ обмѣниваться въ прежней пропорціи 1 : 1, *такъ какъ* въ каждомъ изъ нихъ заключено *одинаковое* количество

времени производства. Цѣнность опредѣляется этимъ временемъ, а не количествомъ получаемыхъ продуктовъ; время производства *не одно и тоже* въ обоихъ случаяхъ, одно на половину меньше въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ заключается въ продуктъ только два дня, вмѣсто четырехъ; слѣдовательно, во второмъ случаѣ цѣнность *каждаго* продукта уменьшилась на половину. Количество продуктовъ удвоилось, вмѣсто одного, положимъ, производится два продукта; въ послѣднемъ случаѣ общая цѣнность продуктовъ каждаго хозяйства остается безъ измѣненія, хотя каждое получаетъ больше продуктовъ отъ другаго, при уменьшеніи на половину цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, изъ которыхъ каждый промѣнивается между собою въ прежней пропорціи. Удешевленіе продуктовъ сопровождается увеличеніемъ потребленія, легкость въ удовлетвореніи потребности поднимаетъ энергію въ трудѣ, противоположное положеніе вызываетъ апатію. Предположимъ, что каждый изъ нашихъ производителей, польщенный большею легкостью производства и возможностью увеличенія степени удовлетворенія потребности въ геометрической пропорціи при увеличеніи труда въ ариѳметической, удвоитъ свое производство; вмѣсто работы въ теніи четырехъ дней, положимъ будетъ работать восемь дней Въ этомъ случаѣ общая цѣнность продуктовъ *каждаго* хозяйства удвоится, какое удвоеніе будетъ въ тоже время сопровождаться удешевленіемъ на половину цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта. И такъ, если смотрѣть на цѣнность съ точки зрѣнія стоимости производства, то возможно и общее возвышеніе, и общее паденіе цѣнности. Оно оказалось не возможнымъ у Милля только потому, что онъ, оставивъ понятіе о цѣнности, какъ стоимости производства, перешелъ на точку зрѣнія продавца и утверждаетъ, что цѣнность есть количество предметовъ, получаемыхъ въ обмѣнъ за отчуждаемый.

Такое же внутреннее противорѣчіе встрѣчаемъ и въ теоріи Ф. Бастіа. По его ученію, источникомъ цѣнности является обмѣнъ. Обмѣнъ, говоритъ онъ, не только утверждаетъ и измѣряетъ цѣнности, онъ ихъ творитъ. Я не говорю этимъ, что обмѣнъ даетъ существованіе промѣниваемымъ дѣйствіямъ и вещамъ, онъ даетъ бытіе понятію цѣнности. Когда два человѣка взаимно обмѣниваются своими усиліями или результатами усилій, они оказываютъ другъ другу *услугу*. Цѣнность есть ни что иное, какъ отношеніе между промѣниваемыми

услугами. Идея цѣнности впервые появилась тогда, когда одинъ человѣкъ сказалъ другому: сдѣлай для меня это, а я сдѣлаю для тебя то, и когда послѣдовало между ними соглашеніе. Тогда впервые можно было сказать: промѣниваемыя услуги имѣютъ цѣнность. Истинная теорія цѣнности заключается въ прекрасной баснѣ Флоріана—Слѣпой и Паралитикъ. Въ этой баснѣ заключается вполнѣ точное понятіе о цѣнности. Двое насчастныхъ взаимно промѣниваются услугами, не интересуясь тѣмъ, который изъ нихъ приноситъ другому большую выгоду. Если бы всѣ люди или большая часть ихъ были паралитиками и слѣпыми, тогда со всею ясностью представился бы намъ неумолимый законъ спроса и предложенія, устанавливающій справедливость въ отношеніяхъ. Въ извѣстномъ смыслѣ мы всѣ слѣпцы и паралитики. Легко понимаемъ, что, помогая другъ другу, облегчаемъ свои несчастія. Отсюда—*обмѣнъ*. Трудимся для того, чтобы прокормить, одѣть, образовать одни другихъ. Отсюда взаимныя *услуги*. Эти услуги мы сравниваемъ, оцѣниваемъ. Отсюда—*цѣнности*. Источникъ цѣнности не въ полезности, не въ трудѣ, но въ промѣниваемыхъ услугахъ, точно также цѣнность въ своихъ размѣрахъ паралельна не полезности и не труду, но услугѣ. Я говорю своему сосѣду: *сберегите* мой трудъ, окажите мнѣ *услугу*, принесите вмѣсто меня воды. За вашу услугу я отплачу услугой, буду обучать вашихъ дѣтей. Сосѣдъ соглашается и происходитъ обмѣнъ услугъ, въ это время можно сказать, что одна услуга *стоитъ* другой. Здѣсь, очевидно, сравниваются не двѣ потребности и не удовлетворенія, но двѣ услуги: что можетъ быть общимъ мѣриломъ для сравненія потребностей пить и учиться грамотѣ? Оставимъ вещамъ принадлежащія имъ свойства: водѣ, воздуху *полезность*, услугамъ—*цѣнность*. Вода полезна, потому что имѣетъ свойство удовлетворять жажду, услуга цѣнна, потому что есть результатъ соглашенія. Полезность воды не измѣняется отъ того далеко или близко рѣка, но цѣнность при этомъ увеличивается или уменьшается. Почему же? Потому, что при этомъ увеличивается или уменьшается услуга. Прохаживаясь по морскому берегу, я нахожу брильянтъ и тѣмъ самымъ становлюсь обладателемъ высокой цѣнности. Гдѣ же причина этого? Не въ полезности брильянта для общества и не въ трудѣ находки, а въ томъ, что покупающій у меня брильянтъ считаетъ, что я оказываю ему большую услугу. Я вовсе не трудился и не принесъ человѣчеству никакого благодѣянія. Цѣнность, такимъ

образомъ, не равна труду заключенному въ продуктѣ, а труду *сбереженному* лицемъ, которому оказана мною услуга.

Такимъ образомъ, по ученію Бастіа, мѣновые интересы покупщика и пріобрѣтателя объединяются въ понятіи объ услугѣ; покупщикъ и пріобрѣтатель не враги между собою, но люди оказывающіе другъ другу услуги, сберегающіе другъ другу усилія въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Мѣновыя отношенія основаны на принципѣ взаимности, въ относительномъ положеніи контрагентовъ обмѣна нѣтъ монополизированности, подобно тому, какъ нѣтъ монополіи въ положеніи людей, изъ которыхъ одинъ слѣпой, но имѣетъ здоровыя ноги, другой имѣетъ здоровые глаза, но не можетъ ходить. Для каждаго изъ нихъ желаемая услуга находится въ рукахъ другаго, слѣдовательно взаимная зависимость ихъ одинакова, для закона спроса и предложенія, какъ борьбы между пріобрѣтателемъ и продавцемъ, нѣтъ мѣста. Но установивъ такимъ образомъ общее понятіе о цѣнности для продавца и пріобрѣтателя, Бастіа не избѣжалъ противорѣчія въ своей теоріи. Цѣнность существуетъ и внѣ обмѣна, посредствомъ обмѣна только распредѣляются цѣнности, но не производятся. Понятіе о цѣнности какъ услугѣ, какъ не кажется оно всеобъемлющимъ, относится только къ обмѣну, не обнимаетъ собою всѣхъ явленій цѣнности. Бастіа видѣлъ невозможность подведенія всѣхъ явленій цѣнности къ понятію объ услугѣ. Такъ онъ сказавъ, что источникъ цѣнности обмѣнъ, въ то же время признаетъ, что цѣнность есть результатъ препятствій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ на пути къ удовлетворенію потребностей, что она есть зло, есть выраженіе, симптомъ, свидѣтельство нашей прирожденной слабости. „Цѣнность безпрестанно напоминаетъ намъ приговоръ: въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой. Для Всемогущаго Существа слова: усиліе, услуга и, слѣдовательно, цѣнность не существуютъ. Что же касается насъ, то мы окружены полезностями, изъ которыхъ однѣ даровыя, но другія могутъ быть пріобрѣтаемы не иначе, какъ трудомъ. Между потребностями и полезностями послѣдняго рода находятся препятствія, которыя необходимо побороть, иначе полезности останутся для насъ недоступными; мы должны работать или на самихъ себя или на тѣхъ, которые въ потѣ чела на насъ работали.“ Очевидно, въ этихъ словахъ Бастіа переходитъ на точку зрѣнія производственной цѣнности, совершенно противорѣчащую понятію о цѣнности съ точки зрѣнія обмѣна.

§ 3. Присущая вещамъ способность удовлетворять потребность, говоритъ Шторхъ, называется полезностью. Полезность вещи открывается или осознается людьми, что зависитъ отъ ихъ мыслительныхъ способностей. Впрочемъ инстиктъ, опытъ, случай иногда замѣняютъ мыслительныя способности, но въ вопросѣ о поддержаніи жизни надѣяться на одинъ инстинктъ недостаточно, а опытъ и случай, не руковидимые разумомъ, сами не будутъ надежными руководителями. Разумъ составляетъ понятіе объ отношеніи между полезностями и потребностями. Сужденіе нашего мышленія, приписывающее вещамъ полезность, производитъ ихъ цѣнность. Для возникновенія цѣнности недостаточно, чтобы вещь существовала или могла быть полезною, но необходимо, чтобы человѣкъ узналъ ея полезность. Отсюда вытекаетъ то существенно важное положеніе, что источникъ цѣнности не въ самой вещи, но въ сужденіи тѣхъ, которые употребляютъ ее для удовлетворенія своихъ потребностей. Каждая вещь, обладающая цѣнностью, есть результатъ дѣятельности или силъ природы, или человѣка, полезность ея есть результатъ только этихъ силъ, но можно-ли на этомъ основаніи утверждать, что каждый продуктъ труда или силъ природы имѣетъ цѣнность? Для существованія цѣнности необходима наличность трехъ условій: 1) необходимо, чтобы человѣкъ чувствовалъ какую либо потребность; 2) необходимо, чтобы существовала годная къ удовлетворенію этой потребности вещь; 3) необходимо, чтобы человѣкъ осозналъ полезность вещи. Что же такое цѣнность? Цѣнность есть сравнительная полезность вещи, осознанная людьми, употребляющими эту вещь для удовлетворенія своихъ потребностей.

Коль скоро мы произносимъ сужденіе, что вещь можетъ служить къ удовлетворенію потребностей, то мы тѣмъ самымъ придаемъ вещи цѣнность. Послѣдняя не есть что либо прирожденное вещи, источникъ ея въ нашемъ сужденіи о полезности. Даже предметы первой необходимости заимствуютъ свою цѣнность изъ того же источника. Правда, они служатъ къ удовлетворенію потребностей, возникновеніе которыхъ независимо отъ нашего сужденія, но представленіе наше о полезности этихъ предметовъ вполнѣ зависитъ отъ нашего сужденія. Питаніе—это потребность, которую нельзя назвать продуктомъ нашего познанія, но коль скоро я избираю для прокормленія тотъ или другой предметъ, приписываю ему способность удовлетворять мою потребность, то цѣнность такого предмета опредѣляется

моимъ сужденіемъ. Необходимо отличать цѣнность безотносительную отъ относительной. Воздухъ, свѣтъ, вода имѣютъ безотносительную цѣнность, независящую отъ нашего сужденія. Каждый предметъ, удовлетворяющій потребность, можетъ временно перейти въ разрядъ безотносительныхъ цѣнностей, когда нѣтъ выбора между разными предметами, которые могли бы служить къ удовлетворенію потребности. Никто не приписываетъ безотносительной цѣнности хлѣбу, такъ какъ свою способность къ удовлетворенію потребности онъ раздѣляетъ со множествомъ другихъ продуктовъ. Но въ той странѣ, въ которой жители въ своемъ существованіи зависятъ исключительно отъ этой растительной пищи, хлѣбъ получаетъ значеніе безотносительной цѣнности, такъ какъ не можетъ быть замѣненъ какимъ либо другимъ кормомъ и сужденіе наше не можетъ въ этомъ случаѣ дѣлать никакого выбора.

Такъ какъ источникъ цѣнности сужденіе, то цѣнность не можетъ быть величиною постоянною. Сужденіе наше не можетъ измѣнять потребностей врожденныхъ, но онѣ сами по себѣ не всегда и не вездѣ одинаковы. Въ умѣренныхъ странахъ потребность въ средствахъ къ прокормленію можетъ быть удовлетворена не сравненно меньшимъ количествомъ этихъ средствъ, чѣмъ въ странахъ холодныхъ. И другія врожденныя потребности точно также измѣняются по мѣстностямъ. Есть мѣстности, въ которыхъ можно вовсе обойтись безъ одежды, домовъ и топлива; въ другихъ мѣстностяхъ, напротивъ того, эти предметы являются также настоятельными, какъ хлѣбъ. Если наши врожденныя потребности не одинаковы, то тѣмъ болѣе не можетъ быть тождественнымъ наше сужденіе о средствахъ удовлетворенія этихъ потребностей. Сужденіе въ этомъ случаѣ не только различно въ различныхъ странахъ, но измѣняется въ одной и той-же странѣ въ различныя эпохи. Народъ, привыкшій къ однимъ средствамъ удовлетворенія потребностей, можетъ перемѣнить эти средства на другія, коль скоро найдетъ послѣднія болѣе полезными. Если когда-либо въ Индіи распространится христіанство, то населеніе перестанетъ отвращаться отъ мяса. Развитіе земледѣлія въ Камчаткѣ измѣнитъ средства прокормленія жителей, которые вмѣсто рыбы будутъ потреблять хлѣбъ и мясо. Наконецъ, что касается искусственныхъ потребностей, то здѣсь были бы излишними доказательства, что цѣнность средствъ удовлетворенія ихъ постоянно измѣняется, такъ какъ сами эти потребности представляютъ собою результатъ нашего сужденія.

За тѣмъ Шторхъ отличаетъ цѣнности—непосредственную и посредственную или мѣновую. Вещи, говоритъ онъ, могутъ служить человѣку двоякимъ образомъ,—непосредственно, когда потребляются для удовлетворенія потребности, посредственно когда обмѣниваются на другіе предметы. Въ первомъ случаѣ вещь имѣетъ непосредственную цѣнность, во второмъ посредственную. Послѣдняя цѣнность находится въ естественной связи съ первою. Дикарь охотникъ убиваетъ столько дичи, что не можетъ всего потребить самъ прежде, нежели она испортится; если бы онъ не имѣлъ возможности промѣнять свою лишнюю дичь на другіе предметы своего потребленія, то не приписывалъ бы ей никакой цѣнности; для него лишняя дичь не имѣла бы никакой полезности. Другой охотникъ имѣетъ болѣе, нежели ему нужно, стрѣлъ и желаетъ промѣнять ихъ на готовую дичь; тогда возникаетъ посредственная цѣнность для дичи, пропорціональная той, какую охотникъ приписываетъ своимъ стрѣламъ. Вещи, годныя къ промѣну на другія, обладаютъ цѣнностью посредственною или мѣновою. Легко замѣтить, что мѣновая цѣнность зависитъ не отъ предложенія, но отъ спроса. Напрасенъ трудъ книгопродавца, который бы старался продать свои книги въ деревнѣ, гдѣ не умѣютъ читать; книги въ такой деревнѣ не будутъ имѣть никакой мѣновой цѣнности, такъ какъ ихъ никто не спрашиваетъ. Для того, чтобы вещь была спрашиваема, необходимо, чтобы она имѣла непосредственную цѣнность: никто же не будетъ спрашивать безполезной вещи. Изъ этого видно, что непосредственная цѣнность можетъ существовать безъ мѣновой, но послѣдняя необходимо основывается на первой. Изъ этого же въ свою очередь видно, что мѣновая цѣнность каждаго предмета не можетъ быть выше непосредственной цѣнности. Коль скоро потребитель вещи перестанетъ приписывать ей непосредственную цѣнность, мѣновая цѣнность ея исчезаетъ.

Цѣнность Шторхъ отличаетъ отъ цѣны. Цѣна, говоритъ онъ, есть болѣе точное означеніе цѣнности. Когда чай и сукно могутъ взаимно промѣниваться, то обладаютъ мѣновою цѣнностью. Но когда за опредѣленное количество сукна даютъ опредѣленное количество чаю, тогда обозначается степень мѣновой цѣнности, которую мѣняющіяся стороны приписываютъ своимъ товарамъ. Эта то степень мѣновой цѣнности и называется цѣною. Но есть и другая разница между цѣною и мѣновою цѣнностью. Послѣдняя зависитъ исключительно

отъ спроса на товаръ, но цѣна зависитъ какъ отъ спроса, такъ и предложенія, то есть отъ взаимнаго уравненія ихъ. Если бы цѣна зависѣла только отъ спроса, то была бы величиною произвольною, но такая произвольность уничтожается зависимостью цѣны отъ спроса и предложенія въ одно и тоже время, вслѣдствіе чего всякая цѣна имѣетъ постоянное основаніе, къ которому тяготѣетъ и удалиться отъ котораго на долгое время не можетъ, потому что за этимъ послѣдовало бы измѣненіе въ предложеніи товара. Основаніе это—издержки производства, то есть затраты, которыя необходимо употребить прежде, нежели товаръ можетъ быть доставленъ на рынокъ. Эти издержки составляютъ необходимую цѣну (le prix nécessaire) предмета, которую А. Смитъ называетъ естественною цѣнностью. Производитель не захочетъ продать свой продуктъ ниже этой цѣны, такъ какъ понесетъ очевидную потерю; если иной разъ и будетъ принужденъ взять меньшую цѣну, то не захочетъ болѣе производить продуктовъ, не оплачивающихъ даже издержекъ. Никто не станетъ заниматься такимъ производствомъ, которое причиняетъ болѣе ущерба, чѣмъ выгоды. Опредѣливъ, что такое необходимая цѣна, намъ уже легко точнѣе обозначить ея зависимость отъ спроса и предложенія. Товаръ тогда спрашивается, когда предлагаемая за него цѣнность равна необходимой цѣнѣ. Такъ какъ необходимая цѣна разнообразна, вслѣдствіе разнообразныхъ условій мѣстности и времени, то изъ двухъ людей, имѣющихъ въ предложеніи одинаковый товаръ, тотъ будетъ имѣть большій сбытъ для товара, кто можетъ продать за меньшую необходимую цѣну; въ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ имѣть больше покупателей. Если бы предложеніе товара всегда было въ соотвѣтствіи со спросомъ, тогда бы всѣ товары промѣнивались по необходимой цѣнѣ. Но равновѣсіе спроса и предложенія въ дѣйствительности рѣдко бываетъ. Съ одной стороны постоянно измѣняется спросъ товаровъ, соотвѣтственно количеству разнообразныхъ потребностей потребителей, съ другой стороны подлежитъ постояннымъ измѣненіямъ и предложеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что цѣна есть результатъ постоянной борьбы между спрашивающими и предлагающими товаръ. Каждая изъ этихъ сторонъ стремится къ противоположнымъ цѣлямъ, не обращаетъ вниманія на потери другой, но ищетъ личной выгоды. Согласіе между ними можетъ наступить только тогда, когда разница въ цѣнѣ будетъ подѣлена между ними пропорціонально ихъ силамъ. Такимъ путемъ

устанавливается цѣна, которая обыкновенно называется рыночною или торговою (le prix courant ou le prix de marché).

Уясняя значеніе спроса и предложенія, Шторхъ отличаетъ объемъ (l'étendue) какъ въ спросѣ, такъ и въ предложеніи, отъ интенсивности ихъ (l'énergie). Съ точки зрѣнія объема спросъ и предложеніе могутъ быть размѣровъ большихъ и малыхъ; съ точки зрѣнія интенсивности могутъ быть разсматриваемы, какъ обладающія крѣпостью или слабостью. Что касается объема, то предложеніе и спросъ всегда находятся въ равновѣсіи, слѣдовательно въ этомъ отношеніи торговая цѣна всегда равняется необходимой цѣнѣ. Но когда спросъ становится сильнымъ или слабымъ, то тотчасъ же къ борьбѣ между спрашивающими и предлагающими присоединяется борьба или между самими предлагающими, желающими сбыть свой товаръ, вслѣдствіе чего цѣна понижается, или между спрашивающими, желающими пріобрѣсть товаръ, вслѣдствіе чего цѣна возвышается. Сильный спросъ производитъ конкурренцію между спрашивающими, слабый производитъ тоже между предлагающими товаръ. Сила каждой изъ этихъ сторонъ находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ числомъ ихъ членовъ и настоятельностью потребности въ обмѣнѣ. Число членовъ усиливаетъ конкурренцію между лицами, преслѣдующими одну и туже цѣль, а настоятельность потребности принуждаетъ ихъ соглашаться на условія заключенія торга. Сильный спросъ служитъ признакомъ излишка спроса товара надъ его предложеніемъ, вслѣдствіе чего не всѣ спрашивающіе могутъ пріобрѣсть желаемый ими товаръ. Болѣе богатые изъ нихъ, или чувствующіе большую настоятельность потребности въ товарѣ предлагаютъ болѣе высокую цѣну. Съ другой стороны и предлагающіе, замѣтивъ конкурренцію въ сферѣ спрашивающихъ, требуютъ болѣе высокую цѣну. Такимъ образомъ торговая цѣна становится выше необходимой. Слабый спросъ служитъ признакомъ излишка предложенія надъ спросомъ, всѣдствіе чего не всѣ товары могутъ быть сбыты по необходимой цѣнѣ. Часть ихъ должна быть продана лицамъ, желающимъ пріобрѣсть ихъ по уменьшенной цѣнѣ. Цѣна этой части должна вліять и на уменьшеніе цѣны остальныхъ товаровъ. Такимъ образомъ торговая цѣна становится меньше необходимой. Цѣна подчинена всеобщему закону, по которому она увеличивается, когда спросъ сильнѣе предложенія, и уменьшается, когда предложеніе больше спроса. Цѣна опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предло-

женіемъ; если отношеніе между ними остается неизмѣннымъ, то остается неизмѣнною и цѣна. На этомъ основаніи одинаковыя измѣненія въ спросѣ и предложеніи остаются безъ вліянія на цѣну, такъ какъ при этомъ не измѣняется отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Но при всѣхъ колебаніяхъ своихъ торговая цѣна постоянно тяготѣетъ къ необходимой. Если она ниже послѣдней, то уменьшается предложеніе; если выше, то предложеніе увеличивается, вслѣдствіе чего и устанавливается равновѣсіе. Нарушеніе этого равновѣсія въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени можетъ произойти только подъ вліяніемъ монополій, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ, стѣсняющихъ свободу производства. Разница торговой цѣны сравнительно съ необходимою, или то, что предлагающій получаетъ болѣе, нежели стоило производство товара составляетъ его прибыль. Превышеніе необходимой цѣны надъ торговою составляетъ потерю продавца.

Такимъ образомъ, по ученію Шторха, цѣнность есть полезность вещи, признанная человѣческимъ сужденіемъ. Между цѣнностями необходимо различать: безотносительную и относительную, непосредственную и посредственную или мѣновую. Послѣдняя въ свою очередь можетъ быть разсматриваема или какъ общая способность къ посредственному удовлетворенію потребностей, или какъ выраженная въ опредѣленномъ количествѣ получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ, въ какомъ случаѣ мѣновая цѣнность является цѣною, которая опредѣляется издержками производства и отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ.

Въ этомъ ученіи Шторха мы находимъ всѣ научныя данныя, на основаніи которыхъ одностороннее воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія не можетъ быть принято въ наукѣ. Можно сказать, что самъ Шторхъ видѣлъ невозможность подведенія всѣхъ явленій цѣнности къ полезности, по крайней мѣрѣ мы не видимъ иныхъ основаній этого дѣленія цѣнности на безотносительныя и относительныя, непосредственныя и посредственныя. Подраздѣленія эти вызваны невозможностью подведенія всѣхъ существующихъ явленій цѣнности къ потребительной цѣнности, какъ полезности. Дѣйствительно, безотносительныя, относительныя и непосредственныя цѣнности еще могутъ быть отождествляемы съ полезностью, но такія цѣнности могутъ существовать или на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, или

же только въ тѣхъ или иныхъ частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ случаяхъ на высшихъ ступеняхъ экономическаго быта. Между тѣмъ относительно посредственной цѣнности, какъ полезности, самъ Шторхъ замѣчаетъ, что она опредѣляется издержками производства и закономъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Полезность можно было бы признать основнымъ регуляторомъ цѣнности только въ томъ случаѣ, если бы актъ потребленія находился внѣ всякой зависимости отъ актовъ обмѣна и производства. Съ появленіемъ такой зависимости, говоря словами Шторха, возникаетъ посредственная цѣнность, не зависящая отъ полезности. Это прекрасно уяснено самимъ же Шторхомъ, замѣтившимъ, что цѣнности безотносительныя, относительныя и непосредственныя, отожествляемыя имъ съ полезностью, *зависятъ только отъ спроса*, а посредственныя цѣнности опредѣляются отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, что ведетъ къ зависимости ихъ отъ издержекъ производства. При слабомъ развитіи раздѣленія занятій и обмѣна, когда общество не было экономическимъ организмомъ, въ которомъ всѣ части связаны между собою законами единенія различій и сходствъ, въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ вещь цѣнилась по ея полезности. Въ это время можно было съ полною основательностью утверждать, что не хозяйственный трудъ привлекаетъ къ себѣ цѣнность, а на оборотъ, цѣнность, какъ полезность вещи для хозяйства, привлекаетъ къ себѣ хозяйственный трудъ, причемъ размѣры послѣдняго опредѣляются размѣрами потребительнаго значенія вещи для хозяйства. Такова безотносительная цѣнность Шторха. Человѣкъ приписываетъ безотносительную цѣнность хлѣбу, когда продуктъ этотъ не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ питательнымъ веществомъ. Цѣнность его въ данномъ случаѣ будетъ опредѣляться его полезностью, измѣряемою настоятельностью потребности. Чѣмъ настоятельнѣе нужда въ хлѣбѣ, тѣмъ большую полезность онъ имѣетъ въ данное время для хозяйства и *поэтому* человѣкъ тѣмъ больше употребляетъ хозяйственнаго труда для пріобрѣтенія этого продукта. Такое же значеніе имѣютъ и цѣнности относительная и непосредственная. Имѣя возможность выбора между продуктами, удовлетворяющими потребность, человѣкъ останавливается на продуктѣ болѣе полезномъ, удовлетворяющемъ потребность полнѣе и лучше и приписываетъ ему большую цѣнность въ сравненіи съ продуктами, обладающими меньшею способностью къ удовлетворенію потребности

и слѣдовательно менѣе полезными. Весьма естественно, что продуктъ болѣе полезный привлекаетъ къ себѣ и большее количество хозяйственнаго труда и такимъ образомъ цѣнность опредѣляется не хозяйственнымъ трудомъ, а на оборотъ, цѣнность, какъ полезность, привлекаетъ къ себѣ хозяйственный трудъ. Непосредственная цѣнность можетъ быть или безотносительною или относительною, вслѣдствіе чего сказанное объ этихъ послѣднихъ цѣнностяхъ вполнѣ прилагается и къ непосредственной цѣнности. Шторхъ вполнѣ правъ утверждая, что цѣнности безотносительная, относительная и непосредственная въ своихъ размѣрахъ опредѣляются полезностью, какъ потребительнымъ значеніемъ вещи для хозяйства. Вполнѣ вѣрно также, что мѣновая цѣнность не зависитъ отъ полезности, что только въ изолированномъ хозяйствѣ цѣнность исключительно зависитъ отъ спроса, а въ мѣновомъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, вслѣдствіе чего мѣновая цѣнность имѣетъ центръ, къ которому постоянно тяготѣетъ. Если же мѣновая цѣнность зависитъ отъ спроса и предложенія, что въ среднемъ выводѣ, по ученію Шторха, приводитъ къ зависимости ея отъ издержекъ производства, то полезность продукта можетъ оставаться безъ измѣненій, между тѣмъ какъ мѣновая цѣнность его при измѣненіяхъ въ издержкахъ необходимыхъ для его производства, какъ и при измѣненіяхъ въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, можетъ измѣняться. Продуктъ, производимый при усовершенствованной техникѣ меньшимъ количествомъ издержекъ, вслѣдствіе этой большей легкости въ его производствѣ нисколько не теряетъ своей полезности, между тѣмъ какъ цѣнность его уменьшается пропорціонально увеличенію этой легкости производства. Но Шторхъ не замѣтилъ, что въ мѣновомъ хозяйствѣ нѣтъ мѣста для его цѣнностей безотносительной, относительной и непосредственной. Общественность въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей въ развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ подчиняетъ себѣ и домашнее производство, которое должно быть разсматриваемо какъ одна изъ составныхъ частей общаго народнаго хозяйства, органически связанная съ цѣлымъ. Если въ общемъ мѣновомъ хозяйствѣ цѣнность перестаетъ быть въ зависимости отъ одного спроса, слѣдовательно перестаетъ быть величиною постоянно колеблющеюся, неопредѣленною, зависящею отъ настоятельности потребности въ данномъ продуктѣ, то это же нужно сказать и объ явленіяхъ цѣнности въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ. Когда цѣнность опредѣляется од-

нимъ спросомъ, тогда производитель можетъ приписывать самую высокую цѣнность предмету, на производство котораго затрачены издержки въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ; все здѣсь обусловливается съ одной стороны настоятельностью спроса и съ другой годностью предмета къ удовлетворенію потребности. Но въ мѣновомъ хозяйствѣ, какъ основательно замѣтилъ Шторхъ, производитель не захочетъ продать свой продуктъ ниже необходимой цѣны, въ народномъ хозяйствѣ появляется центръ, которымъ регулируются рыночныя цѣны. Очевидно же, если въ данномъ обществѣ мѣновая цѣнность перестаетъ регулироваться полезностью и въ среднемъ выводѣ начинаетъ подчиняться закону издержекъ производства, когда происходитъ уравненіе спроса и предложенія, то этотъ же законъ становится регулирующимъ принципомъ цѣнности въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ. Если продуктъ стоитъ въ обществѣ b цѣнности, то такую же цѣнность будетъ приписывать ему и всякій отдѣльный хозяинъ; онъ не будетъ приписывать продукту цѣнности больше b на томъ основаніи, что во всякое время можетъ пріобрѣсть именно за эту цѣну такой продуктъ отъ другихъ людей. Какова бы ни была его потребность въ продуктѣ, продукту этому онъ не станетъ приписывать цѣнность не соотвѣтствующую издержкамъ производства, такъ какъ во всякое время можетъ пріобрѣсть желаемый продуктъ за цѣну пропорціональную этимъ издержкамъ. Если въ обществѣ цѣнность становится въ зависимость отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ и отъ издержекъ производства, то и во всякомъ отдѣльномъ хозяйствѣ она становится въ зависимость отъ этихъ же законовъ. Конечно, въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ человѣкъ можетъ приписывать цѣнностъ вещи по ея субъективной оцѣнкѣ, можетъ приписывать высокую цѣнность такой вещи, которая не имѣетъ никакой цѣнности для общества и издержки производства которой ничтожны. Такова цѣнность вещей, сохраняемыхъ на память о комъ или о чемъ либо; вещи такія могутъ имѣть высокую цѣнность для лица ихъ сохраняющаго, хотя для общества онѣ могутъ не имѣть вовсе цѣнности. Но подобныхъ фактовъ цѣнности никто не станетъ считать обыкновенными и общественно-хозяйственными фактами.

И такъ на основаніи данныхъ, приводимыхъ самимъ же Шторхомъ, мы имѣемъ основаніе заключить, что полезность можетъ быть основаніемъ цѣнности или на низшихъ ступеняхъ экономическаго разви-

тія или въ частно-хозяйственныхъ случаяхъ на высшихъ ступеняхъ. Потребительная цѣнность господствовала и въ настоящее время проявляетъ себя въ тѣхъ случаяхъ, когда актъ потребленія является въ качествѣ независимаго акта отъ производства и обмѣна. Когда производство находилось въ зародышевомъ состояніи, когда раздѣленія и соединенія занятій почти не было, когда населеніе въ количественномъ отношеніи было ничтожно и жило на готовыхъ хлѣбахъ природы, тогда дѣйствительно цѣнность могла опредѣляться только спросомъ и полезность была исключительнымъ основаніемъ предпочтенія продукта продукту. Тоже самое можетъ быть и на высшихъ ступеняхъ развитія, но опять—таки въ случаяхъ, когда потребительная точка зрѣнія выдѣляется отъ актовъ производства и обмѣна. Мы указали случай оцѣнки вещи по ея полезности, какъ памятника извѣстныхъ отношеній. На этомъ же основаніи нашъ простолюдинъ высоко цѣнитъ какую нибудь простую траву, когда послѣдняя дана ему знахаремъ, какъ талисманъ противъ различныхъ золъ. Съ появленіемъ и развитіемъ обмѣна и производства, потребительная цѣнность подчиняется условіямъ этихъ актовъ. Даже болѣе; природа самаго потребленія требуетъ этого подчиненія цѣнности актамъ обмѣна и производства, требуетъ несоотвѣтствія цѣнности съ полезностью. По странной случайности, это воззрѣніе прекрасно уяснено именно тѣми экономистами, которые замѣтили въ экономической жизни фактъ несоотвѣтствія полезности съ цѣнностью или старались ихъ примирить.

На фактѣ несоотвѣтствія между цѣнностью и полезностью П. Прудонъ основалъ всю свою систему экономическихъ противорѣчій, вполнѣ основательно замѣтивъ, что „la valeur est la pierre angulaire de l'édifice économique“.

Въ понятіи цѣнности, говоритъ онъ, заключается очевидное противорѣчіе. Цѣнность означаетъ или полезность, какъ способность продукта удовлетворять потребность (valeur d'usage, ou valeur en soi), или его мѣноспособность, какъ годность къ промѣну на другіе продукты (valeur en échange, ou d'opinion). По видимому, каждый человѣкъ долженъ бы быть тѣмъ богаче, чѣмъ больше онъ производитъ, между тѣмъ въ дѣйствительности мы тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше производимъ, такъ какъ съ увеличеніемъ производства увеличивается предложеніе и цѣнность падаетъ. Чѣмъ больше является на рынокъ полезностей, тѣмъ меньшую онѣ имѣютъ цѣнность. На оборотъ, чѣмъ

меньше такихъ полезностей, тѣмъ больше ихъ цѣнность; во время неурожая сельскій производитель производитъ меньше, чѣмъ во время урожая, и цѣнность каждой единицы хлѣба увеличивается, хотя полезность осталась безъ измѣненія. Такимъ образомъ на каждомъ шагу въ экономической жизни мы встрѣчаемся съ страннымъ фактомъ: предметы найболѣе полезные, существующіе въ достаточномъ количествѣ, имѣютъ незначительную цѣнность, между тѣмъ какъ рѣдкіе и безполезные предметы обладаютъ высокою цѣнностью. Противорѣчіе между полезностью и цѣнностью существовало во всѣ времена исторической жизни народовъ, оно было основною причиною экономическихъ несчастій. Въ рѣшеніи вопроса о цѣнности, поэтому, заключается ключь къ рѣшенію всѣхъ общественныхъ экономическихъ вопросовъ. Предложенное Прудономъ рѣшеніе заключается въ слѣдующемъ. Такъ какъ въ дѣйствительной жизни въ мѣновыхъ отношеніяхъ правда хромаетъ, то необходимо возстановить справедливость посредствомъ valeur constituée, состоящей въ распредѣленіи продуктовъ посредствомъ масштаба труда. Мѣновая цѣнность каждаго предмета должна быть равна количеству труда, необходимому для производства; увеличеніе или уменьшеніе заключеннаго въ продуктѣ труда должно быть равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности этого продукта. Мѣновая цѣнность, регулируемая такимъ образомъ, не будетъ въ противорѣчіи съ полезностью; удешевленный продуктъ найдетъ большее количество покупателей, такъ что потребительность продукта возрастетъ пропорціонально его удешевленію. Если количество труда, необходимое для производства какого либо продукта, уменьшается въ десять разъ, то цѣнность этого продукта уменьшится также въ десять разъ, но за то потребительность его удесятерится, слѣдовательно между цѣнностью и полезностью не будетъ противорѣчія.

Это ученіе Прудона было подвергнуто критикѣ нѣмецкими экономистами Бруно-Гильдебрандтомъ и Рошеромъ.

Противорѣчіе между полезностью и мѣновою цѣнностью, говоритъ Бруно-Гильдебрандтъ, должно быть или логическимъ или фактическимъ. Цѣнность есть отношеніе предмета къ лицу, которое его цѣнитъ. Она является полезностью, когда берется во вниманіе способность предмета удовлетворять человѣческимъ потребностямъ; она же является мѣновою цѣнностью, когда основывается на оцѣнкѣ лицъ, желающихъ обладать предметомъ. Машина имѣетъ полезную цѣнность

для лица, нуждающагося въ ней, а мѣновую цѣнность для покупающаго въ цѣляхъ перепродажи. Такъ какъ мѣновая цѣнность основывается на оцѣнкѣ третьихъ лицъ, то „въ основаніи этой оцѣнки никогда не можетъ быть принята годность предмета, а напротивъ оцѣнка сама принимается за основаніе годности". Сверхъ того, въ основаніе мѣновой и полезной цѣнностей можетъ быть даже принято одно и тоже качество предмета; такимъ образомъ о логическомъ противорѣчіи обоихъ понятій здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Не существуетъ также и фактическаго противорѣчія. Увеличеніе количества полезныхъ предметовъ, при неизмѣняющейся въ нихъ потребности, равносильно уменьшенію полезной цѣнности каждой единицы предметовъ. Гдѣ нѣтъ людей и потребностей, тамъ нѣтъ и полезностей; мѣриломъ полезности служитъ потребность. „Предположимъ, что общая потребность народа составляетъ цифру 100; въ этомъ случаѣ, полезная цѣнность каждаго вида предметовъ будетъ выражаться различнымъ процентнымъ содержаніемъ; пусть, напримѣръ, полезная цѣнность желѣза равна 5%, допустивъ, что надобность въ немъ будетъ оставаться неизмѣнною, а производство желѣза будетъ возрастать, и что потому 5% полезной цѣнности будетъ распредѣляться на отдѣльныя единицы производимаго количества. Въ то время, какъ изъ 500 пудовъ произведеннаго желѣза, каждый пудъ имѣетъ $^1/_{100}$% общей полезной цѣнности желѣза, при производствѣ 5.000, 50.000, 5.000.000 и т. д. пудовъ полезная цѣнность каждаго пуда понизится на 0,001, 0,0001, 0,00001 и т. д. процентовъ общей суммы національной полезной цѣнности желѣза". Въ основаніи теоріи Прудона лежитъ „ошибочное понятіе, что полезная цѣнность есть нѣчто объективное, исключительно принадлежащее предмету, тогда какъ полезная цѣнность зависитъ на оборотъ отъ людей и ихъ личныхъ потребностей".

Для рѣшенія вопроса объ отношеніи между цѣнностью и полезностью, по мнѣнію Рошера, необходимо помнить различіе между цѣнностями абстрактною и конкретною. Абстрактная цѣнность (Der abstracte oder Gattungswerth) имѣетъ своимъ основаніемъ отношеніе между родомъ предметовъ и потребностями человѣка вообще. Конкретная цѣнность (Der concrete oder Quantitatswerth) основывается на отношеніяхъ опредѣленнаго предмета къ даннымъ потребностямъ опредѣленнаго лица или народа въ опредѣленное время. Соціалисты, говоря о противорѣчіи между цѣнностью и полезностью, не знали этого раз-

личія. Они говорятъ, что фунтъ золота имѣетъ высшую мѣновую цѣнность, нежели фунтъ желѣза, хотя полезность желѣза выше полезности золота. Но родовая или абстрактная цѣнность желѣза выше таковой же цѣнности золота. Предположимъ, что потребность какого либо народа въ золотѣ удовлетворяется 10 цент. золота, а въ желѣзѣ $2^1/_2$ милл. цент. Если такъ, то каждый центнеръ золота удовлетворяетъ $^1/_{10}$ потребности въ золотѣ, а центнеръ желѣза $^1/_{2,500,000}$ потребности въ желѣзѣ. Такимъ образомъ конкретная полезность (Gebrauchswerth) золота несравненно выше конкретной полезности желѣза; таково же отношеніе между ними и въ мѣновой цѣнности, о противорѣчіи между цѣнностью и полезностью не должно быть и рѣчи. Вообще, заключаетъ Рошеръ, съ историческимъ развитіемъ устанавливается между цѣнностью и полезностью все большее и большее согласіе, народъ все болѣе и болѣе пріучается цѣнить предметы по ихъ полезному назначенію.

Легко замѣтить, что возраженія какъ Гильдебрандта, такъ и Рошера, съ одной стороны основаны на игнорированіи объективнаго элемента въ полезности, съ другой заимствованы у самаго же Прудона. Первое особенно бросается въ глаза въ возраженіи Б. Гильдебрандта. Всякая полезность, какъ экономическій фактъ, необходимо требуетъ наличности элементовъ объективнаго и субъективнаго. Б. Гильдебрандтъ прямо заявляетъ, что въ этомъ случаѣ достаточно одного субъективнаго элемента, что цѣнность полезная не есть что либо объективное, что она не существуетъ внѣ субъекта, употребляющаго ее. Очевидно, Б. Гильдебрандтъ повторяетъ извѣстную теорію Фихте, по ученію котораго весь міръ есть произведеніе нашего я и внѣ этого я окружающаго насъ внѣшняго міра не существуетъ. Подобно Фихте, Б. Гильдебрандтъ не обратилъ вниманія на то, что для всякаго производенія необходимо два сомножителя, что безъ объективнаго элемента не мыслимо и проявленіе субъективнаго. Два человѣка читаютъ одну и туже книгу и выносятъ изъ прочтеннаго совершенно различныя воззрѣнія; это случается и съ однимъ и тѣмъ же читателемъ, читающимъ книгу въ разные періоды своей жизни. Можно ли на основаніи подобныхъ фактовъ заключить, что читаемая книга была произведеніемъ читающаго я и что внѣ этого я книга не существовала? Изъ подобныхъ фактовъ слѣдуетъ лишь то положеніе, что пріобрѣтенное воззрѣніе есть результатъ двухъ элементовъ,—объективнаго и

субъективнаго, причемъ общечеловѣчность послѣдняго есть условіе нормальности пріобрѣтенія. Тоже самое и относительно полезности. Полезность, какъ экономическій фактъ, не существуетъ въ то время, когда нѣтъ людей; въ это время предметы обладаютъ физическими, химическими и т. п. свойствами, не имѣя свойствъ экономическихъ. Но изъ этого еще нельзя заключать, что полезность есть произведеніе нашего я, безъ всякаго участія объективныхъ свойствъ продукта, осознаваемыхъ, но не создаваемыхъ нашимъ я. Между тѣмъ именно на этомъ заключеніи Б. Гильдебрандтъ основываетъ свое положеніе, по которому при неизмѣняющейся потребности увеличеніе продуктовъ равносильно уменьшенію полезности каждой единицы продукта. Это значитъ, что удвоенное количество хлѣба, при неизмѣненіи въ потребности, не есть удвоеніе полезности, а напротивъ того каждая единица продукта въ этомъ случаѣ вдвое уменьшается въ своей полезности. Если каждая единица продукта прежде удовлетворяла 1 потребности, то теперь она удовлетворяетъ только $^1/_2$ ея и поэтому полезность предмета вдвое меньше. Но коль-скоро произведенный продуктъ находитъ потребителей, то полезность его нисколько не измѣняется отъ того, что потребитель имѣетъ возможность употреблять двѣ четверти хлѣба, вмѣсто одной. Если же продуктъ вовсе не находитъ потребленія, то онъ не имѣетъ экономическихъ свойствъ; табакъ не имѣлъ экономическихъ свойствъ до той поры, пока люди не осознали его потребительнаго значенія и не нашлись потребители. Смѣшивать эти двѣ категоріи предметовъ или сопоставлять ихъ между собою нѣтъ никакихъ научныхъ данныхъ. Нельзя сказать, что продуктъ уменьшился въ полезности только потому, что данная потребность удовлетворяется полнѣе, вмѣсто одного удовлетворяется двумя продуктами, хотя очевидно въ тоже время, что всякій непотребляемый продуктъ безполезенъ.

Другое положеніе, какъ мы сказали, заимствовано у самаго же Прудона. Прудонъ говоритъ, что при удешевленіи продукта возрастаетъ общее количество потребленія и такимъ образомъ поднимается цѣнность всего потребляемаго количества и возстановляется согласіе между полезностью и цѣнностью. Самъ Б. Гильдебрандтъ такимъ образомъ передаетъ эту мысль Прудона. „Если какой нибудь предметъ, стоившій 10 дней труда, сталъ производиться въ одинъ день, то цѣнность его упадетъ со 100 на 10; потребность же на него удесяте-

рится. Противоположность полезной и мѣновой цѣнностей является въ этомъ случаѣ какъ необходимое свойство одной общественной цѣнности, которая снова возстановляетъ ее.“ Возражая Прудону, Рошеръ говоритъ, что общее потребленіе желѣза болѣе общаго потребленія золота и родовая цѣнность желѣза болѣе родовой цѣнности золота. Ясно, что этимъ Рошеръ только повторяетъ слова Прудона, болѣе строго формулируя мысль послѣдняго ученіемъ Рау о цѣнностяхъ абстрактной и конкретной. Б. Гильдебрандтъ предполагаетъ случай противоположный тому, который представленъ у Прудона. Если общая потребность народа составляетъ цифру 100 и полезность желѣза равна 5% этой цифры; если потребность въ желѣзѣ не измѣнится, между тѣмъ какъ производство его будетъ увеличиваться, то 5% полезной цѣнности желѣза будутъ распредѣляться между большимъ его количествомъ и слѣдовательно на каждую долю желѣза прійдется менѣе этой полезной цѣнности. Другими словами, по ученію Б. Гильдебрандта, съ удешевленіемъ товара, при неизмѣненіи потребности, послѣдняя будетъ удовлетворяться большимъ количествомъ продуктовъ, то есть произойдетъ общее увеличеніе потребленія, что и утверждалъ Прудонъ. Въ этомъ случаѣ, употребляя терминъ Рау, происходитъ при уменьшеніи цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта увеличеніе абстрактной цѣнности. Б. Гильдебрандтъ не утверждаетъ послѣдняго, —что прибавилъ Рошеръ,—но это заключеніе ясно слѣдуетъ изъ всего имъ прежде сказаннаго. Тоже самое утверждаетъ и Прудонъ; отличіе его ученія отъ ученія Б. Гильдебрандта и Рошера состоитъ лишь въ томъ, что указанное примиреніе между цѣнностью и полезностью, по Прудону, должно произойти посредствомъ установленной цѣнности, между тѣмъ какъ нѣмецкіе экономисты отрицаютъ необходимость таковаго примиренія, допуская его реальное существованіе.

Но дѣйствительно ли въ указанныхъ отношеніяхъ между полезностью и цѣнностью происходитъ примиреніе послѣднихъ, такъ что и цѣнность и полезность являются паралельными другъ другу, или лучше совпадаютъ между собою?

Если продуктъ начинаетъ производится вдвое меньшимъ количествомъ времени, вслѣдствіе чего вдвое же уменьшается его цѣнность и удвоивается потребленіе, то общее количество потребляемой полезности удвоится, но та цѣнность, которую Рошеръ вслѣдъ за Рау называетъ абстрактною, останется безъ измѣненія. Всякому должно

быть очевидно, что общая или абстрактная цѣнность вдвое большаго количества полезностей, вдвое подешевѣвшихъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, равна количеству ихъ одинъ разъ взятому, когда еще не происходило такого удешевленія. Положимъ потребленіе учетверится при этомъ удешевленіи каждаго продукта, въ такомъ случаѣ общая цѣнность всѣхъ продуктовъ удвоится, но учетверится количество единицъ полезностей. Наконецъ весьма естественны случаи, что при уменьшеніи издержекъ производства и цѣнности потребленіе не измѣнится; въ этихъ случаюхъ количество полезностей остается прежнее, но при уменьшеніи ихъ цѣнности потребность удовлетворяется легче. Въ всѣхъ указанныхъ случаяхъ нѣтъ и не можетъ быть паралельности между цѣнностью и полезностью; попытка Рошера, Б. Гильдебрандта и Прудона найти такую паралельность должна быть признана неудачною. Прудонъ вполнѣ правъ, говоря, что въ дѣйствительности существуетъ противорѣчіе между полезностью и мѣновою цѣнностью, цѣнность съ точки зрѣнія потребленія не тождественна съ понятіемъ о цѣнности съ точки зрѣнія обмѣна и производства.

§ 4. Понятіе о цѣнности съ точки зрѣнія производства наиболѣе послѣдовательно развито въ ученіяхъ Рикардо и Кэри.

По ученію Рикардо, въ основаніи всякой цѣнности лежитъ полезность, безъ послѣдней цѣнность не мыслима, какова бы ни была рѣдкость безполезнаго предмета и сколько бы не требовалось труда для производства такого предмета. Но если полезность необходима для того, чтобы предметъ имѣлъ цѣнность, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій. Полезность воды и воздуха въ высшей степени значительна, тѣмъ не менѣе при обыкновенныхъ обстоятельствахъ ни вода, ни воздухъ не имѣютъ цѣнности; наоборотъ: золото, сравнительно съ водою и воздухомъ, имѣетъ незначительную полезность, но при всемъ томъ цѣнность его высока. Полезность и цѣнность не находятся между собою въ прямомъ отношеніи. Предметы, признанные полезными, заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ, изъ рѣдкости и труда, необходимаго для ихъ производства. Цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ опредѣляется исключительно ихъ рѣдкостью, таковы рѣдкія картины, медали, статуи, то есть всѣ тѣ предметы, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по нашему произволу. Но эти предметы составляютъ весьма незначительную часть въ массѣ ежедневнаго обо-

рота. Большая часть предметовъ, обращающихся на рынкѣ, можетъ быть увеличиваема по мѣрѣ увеличенія труда, необходимаго на ихъ производство. Говоря о мѣновой цѣнности предметовъ, Рикардо имѣетъ въ виду исключительно предметы послѣдней категоріи. Цѣнность такихъ предметовъ, по его мнѣнію, опредѣляется количествомъ труда, необходимымъ для ихъ производства; увеличеніе или уменьшеніе этого труда равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности производимыхъ предметовъ. Опредѣляя, наприм. цѣнность бумажныхъ чулокъ, мы находимъ, говоритъ Рикардо, что она равна суммѣ труда, употребленнаго на ихъ производство и доставку. Сюда входитъ трудъ обработки земли, доставляющей сырой хлопокъ, трудъ доставки хлопка на мѣсто производства чулокъ, часть труда, употребленнаго на постройку судна, перевозящаго хлопокъ, часть труда инженера, плотника, трудъ прядильщика, ткача и многихъ другихъ лицъ. Для доказательства того, что именно здѣсь дѣйствительное основаніе цѣнности, предположимъ, что въ какой либо изъ разнообразныхъ операцій приготовленія чулокъ происходитъ усовершенствованіе, сокращающее трудъ. Если необходимо, напримѣръ, меньше труда для воздѣлыванія хлопка, или меньше матросовъ, или меньше мастеровъ для постройки зданій и сооруженія машинъ, то чулки непремѣнно понизятся въ цѣнѣ и, слѣдовательно, онѣ могутъ быть обмѣнены только на меньшее количество другихъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ не произошло подобныхъ усовершенствованій. Экономія въ трудѣ всегда сопровождается уменьшеніемъ цѣнности товара, все равно экономія эта произошла ли въ трудѣ непосредственно необходимомъ для производства извѣстнаго товара, или въ трудѣ, необходимомъ для образованія капитала, при помощи котораго производится товаръ. Въ первомъ случаѣ все сбереженіе въ трудѣ будетъ отнесено къ чулкамъ, во второмъ только часть, такъ какъ другія части должны будутъ разложены на другіе предметы, производимые при участіи капитала. Такимъ образомъ цѣнность опредѣляется количествомъ труда, овеществленнаго въ продуктѣ. Она не зависитъ ни отъ количества продуктовъ, ни отъ размѣровъ заработной платы и прибыли. Величина заработной платы имѣетъ важное значеніе для вопроса о прибыли, такъ какъ отъ увеличенія или уменьшенія первой зависитъ уменьшеніе или увеличеніе послѣдней. Если бы капиталъ рыбака имѣлъ цѣнность во 100 ф. ст. и служилъ десять лѣтъ; если бы этотъ капиталистъ располагалъ де-

сятью рабочими, годовая плата которыхъ была бы 100 ф. ст., если бы такимъ трудомъ было добываемо въ день 20 штукъ семги; съ другой стороны, если бы капиталъ охотника стоилъ также 100 ф. ст., если бы охотникъ нанималъ 10 рабочихъ съ платой въ 100 ф. и добывалъ ежедневно по 10 дикихъ козъ,—то естественную цѣну одной козы составляли бы двѣ семги, какъ бы ни была велика или мала часть продукта, отданная рабочимъ. Если бы охотникъ захотѣлъ получить больше рыбы за дичь, ссылаясь на то, что увеличилась плата рабочимъ, то рыбакъ отвѣтилъ бы ему, что и онъ самъ находитси въ такихъ же обстоятельствахъ. Пока трудъ одного дня будетъ доставлять прежнее количество рыбы и дичи, цѣнность этихъ продуктовъ не измѣнится, каковы бы ни были измѣненія въ заработной платѣ и капиталистической прибыли. Цѣнность зависитъ только отъ количествъ труда, затрачиваемыхъ на производство.

Изъ этого видно, что цѣнность и богатство, по ученію Рикардо, выраженія не тожественныя. Трудъ милліона людей въ данной отрасли промышленности, говоритъ онъ, производитъ всегда одну и туже цѣнность, но не всегда одно и тоже богатство. Вслѣдствіе улучшеній въ производственныхъ процессахъ или вслѣдствіе открытія болѣе выгодныхъ для сбыта рынковъ, этотъ милліонъ людей можетъ увеличить въ нѣсколько разъ свое богатство, но мы не можетъ сказать, что вмѣстѣ съ этимъ увеличеніемъ богатства увеличилась и цѣнность продуктовъ. Увеличивая легкость производства, мы уменьшаемъ цѣнность товаровъ, хотя увеличиваемъ тѣмъ самымъ народное богатство. Много заблужденій въ политической экономіи произошло именно изъ того ложнаго взгляда, по которому богатство и цѣнность считались синонимами, увеличеніе цѣнности и увеличеніе богатства считались выраженіями тожественными. Благодаря смѣшенію цѣнности съ богатствомъ, можно было утверждать, что, уменьшая количество продуктовъ, можно увеличить богатство. Если бы цѣнность дѣйствительно была мѣриломъ богатства, то этого предложенія невозможно было бы отрицать, такъ какъ всякая затруднительность въ пріобрѣтеніи вещей увеличиваетъ ихъ цѣнность. Но богатство состоитъ въ предметахъ, удовлетворяющихъ наши потребности; увеличиваться оно не можетъ отъ уменьшенія этихъ предметовъ. Безъ сомнѣнія, человѣкъ, обладающій рѣдкимъ предметомъ, обладаетъ богатствомъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ можетъ пріобрѣсть себѣ количество другихъ предметовъ отъ другихъ

лицъ. Но въ этомъ случаѣ размѣръ того общаго капитала, изъ котораго извлекаетъ свое богатство каждый отдѣльный человѣкъ, уменьшается на всю сумму, получаемую за рѣдкій предметъ, слѣдовательно богатство другихъ лицъ должно уменьшиться въ соотвѣтствующей пропорціи. Пусть вода, говоритъ Лодердаль, станетъ рѣдкостью и сдѣлается собственностью одного лица, тогда она получитъ цѣнность и отъ этого богатство лица увеличится; если же народное богатство есть сумма индивидуальныхъ богатствъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и народное богатство. Но, очевидно, что въ этомъ случаѣ, хотя дѣйствительно богатство отдѣльнаго лица увеличится, но ничего подобнаго не произойдетъ съ народнымъ богатствомъ. Новая часть богатства отдѣльнаго лица будетъ вычетомъ изъ богатства другихъ лицъ, всѣ другія лица должны будутъ лишиться опредѣленной доли изъ своего состоянія, чтобы пріобрѣсть себѣ воды, которую прежде получали даромъ; значитъ, они обѣднѣютъ на всю сумму товаровъ, жертвуемыхъ для пріобрѣтенія воды, а владѣлецъ послѣдней получитъ прибыль, равную ихъ потерѣ. Можно назвать двѣ страны равно богатыми, если каждая изъ нихъ обладаетъ одинаковымъ количествомъ предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, но цѣнность имущества каждой изъ этихъ странъ можетъ быть не одинакова, при неравенствѣ количествъ труда, посредствомъ которыхъ эти имущества производятся. Цѣнность даннаго имущества можетъ увеличиться и при неизмѣняемости его размѣровъ. Количество добываемыхъ произведеній можетъ увеличиваться, уменьшаться, оставаться неизмѣннымъ, но измѣненіе ихъ цѣнности будетъ зависѣть исключительно отъ труда, овеществленнаго въ нихъ. Цѣнность произведеній измѣняется не вслѣдствіе измѣненій въ количествѣ другихъ продуктовъ, въ обмѣнъ за первыя получаемыхъ, а на оборотъ. Если для производства сукна начинаетъ требоваться вдвое болѣе труда, между тѣмъ какъ производство другихъ товаровъ остается при прежнихъ условіяхъ, то сукно начинаетъ обмѣниваться на большее количество этихъ другихъ товаровъ. Цѣнность сукна въ данномъ случаѣ увеличится, но увеличится не вслѣдствіе увеличенія получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ, а на оборотъ, получится въ обмѣнъ больше другихъ товаровъ вслѣдствіе того, что цѣнность сукна увеличилась чрезъ увеличеніе затруднительности въ его производствѣ. Если производство сукна будетъ вестись на прежнихъ условіяхъ, между тѣмъ какъ сдѣлается болѣе легкимъ

производство другихъ товаровъ, вслѣдствіе чего сукно начнетъ обмѣниваться на большее количество послѣднихъ, то въ этомъ случаѣ нужно сказать, что цѣнность сукна остается безъ всякаго измѣненія, не смотря на увеличеніе количества товаровъ, въ обмѣнъ за него получаемыхъ, но что цѣнность этихъ послѣднихъ товаровъ уменьшилась. Положимъ, что два мѣшка хлѣба станутъ производиться тѣмъ же способомъ, какъ прежде одинъ, въ такомъ случаѣ цѣнность каждаго мѣшка понизится на половину. Если суконный фабрикантъ, прежде обмѣнивавшій свои матеріи на одинъ мѣшокъ, теперь станетъ обмѣнивать ихъ на два, то очевидно, онъ получитъ за свой товаръ туже самую цѣнность, какъ и прежде, потому что два мѣшка хлѣба имѣютъ теперь ту же цѣнность, какую прежде имѣлъ одинъ мѣшокъ. Суконный фабрикантъ получитъ вдвое болѣе богатства, вдвое болѣе полезностей, чѣмъ получалъ прежде, но не вдвое болѣе цѣнности. Цѣнность и богатство вовсе не синонимы.

Общій законъ мѣновой цѣнности, по которому товары обмѣниваются пропорціонально количествамъ овеществленнаго въ нихъ труда, по ученію Рикардо, подвергается измѣненіямъ, происходящимъ отъ вліянія закона спроса и предложенія и неравенства затратъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ.

При обыкновенномъ ходѣ вещей, говоритъ онъ, нѣтъ продуктовъ, предложеніе которыхъ въ точности соотвѣтствовало бы существующему на нихъ спросу; при перевѣсѣ предложенія надъ спросомъ цѣнность продуктовъ можетъ быть ниже указанной выше естественной цѣнности, въ противоположномъ случаѣ—выше. Но это отклоненіе рыночной цѣнности отъ естественной не можетъ быть продолжительнымъ при свободѣ соперничества. Увеличеніе или уменьшеніе уровня прибыли въ извѣстной отрасли промышленности, происходящее отъ даннаго положенія рыночной цѣны къ естественной, сопровождается увеличеніемъ или уменьшеніемъ размѣровъ производства, что ведетъ къ болѣе правильному соотношенію между спросомъ и предложеніемъ, къ уравненію прибыли въ данной отрасли промышленности съ другими и, слѣдовательно, къ обмѣну продуктовъ по закону естественной цѣнности. Законъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ производитъ, такимъ образомъ, только временное отклоненіе рыночной цѣнности отъ естественной. Неравенство затратъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ представляетъ собою болѣе постоянную причину

нарушеній закона естественной цѣнности. Можетъ случиться, что въ двухъ отрасляхъ промышленности затрачиваются одинаковыя количества капитала, но въ одной изъ нихъ можетъ преобладать постоянный капиталъ, тогда какъ въ другой—оборотный; въ одной изъ нихъ, напримѣръ, можетъ быть затрачена незначительная доля капитала въ видѣ заработной платы, въ другой, на оборотъ, въ видѣ заработной платы можетъ быть значительнѣйшая часть; въ первой можетъ преобладать капиталъ въ видѣ машинъ, во второй же капиталъ въ этомъ видѣ можетъ быть весьма незначителенъ. Если бы производство велось съ помощью одного только труда, причемъ на производство продукта затрачивалось бы одинаковое его количество, то цѣнность продуктовъ была бы равна большей или меньшей суммѣ заключеннаго такимъ образомъ въ продуктъ труда. Тоже самое было бы и при затратѣ въ дѣло одинаковыхъ долей капиталовъ оборотнаго и постояннаго. Но при затратѣ не одинаковыхъ долей этихъ капиталовъ, хотя бы количества овеществленнаго въ продуктахъ труда были одинаковы, цѣнность произведенныхъ при такихъ условіяхъ продуктовъ будетъ не одинакова. Положимъ, что одно лицо ежегодно употребляетъ сто человѣкъ на постройку машинъ и что другое лицо употребляетъ тоже самое число рабочихъ на производство хлѣба,—въ такомъ случаѣ машины и хлѣбъ будутъ имѣть одинаковую цѣнность, такъ какъ въ нихъ овеществлено одинаковое количество труда. Положимъ далѣе, что владѣлецъ машинъ употребляетъ ихъ при помощи ста рабочихъ на производство сукна, фермеръ же при помощи своихъ ста рабочихъ продолжаетъ производить хлѣбъ. Въ концѣ года товаръ фабриканта будетъ представлять результатъ труда 200 человѣкъ, работавшихъ въ теченіи года, или ста человѣкъ, работавшихъ въ теченіи двухъ лѣтъ, хлѣбъ будетъ представлять рабочее время только ста человѣкъ. И такъ, если цѣнность хлѣба равна 500 ф., то продукты фабриканта будутъ вдвое дороже. Но въ дѣйствительности послѣдніе будутъ стоить болѣе чѣмъ вдвое; такъ какъ фабрикантъ присоединитъ къ своему капиталу прибыль за первый годъ. Цѣнность продуктовъ фабриканта въ отношеніи къ продуктамъ фермера превзойдетъ отношеніе 2 : 1, чтобы вознаградить за то время, которое должно истечь, прежде чѣмъ продуктъ можетъ быть представленъ къ сбыту. Въ этихъ случаяхъ и заработная плата оказываетъ вліяніе на цѣнность продуктовъ. Увеличеніе заработной платы влечетъ за собою пониженіе прибыли,

вслѣдствіе этого фабрикантъ присоединитъ къ цѣнности своихъ продуктовъ меньшую прибыль и въ размѣрѣ этого цѣнность продуктовъ будетъ меньше. Всѣ продукты, въ производствѣ которыхъ участвуетъ постоянный капиталъ, испытываютъ въ своей цѣнности вліяніе размѣра заработчей платы; цѣнность ихъ уменьшается вмѣстѣ съ увеличеніемъ заработчей платы сравнительно съ продуктами, въ производствѣ которыхъ имѣетъ большее участіе оборотный капиталъ. Такое же измѣненіе общаго закона цѣнности производитъ, при равенствѣ долей постояннаго и оборотнаго капиталовъ въ производствѣ, неравенство долговѣчности или прочности постояннаго капитала. Если постоянный капиталъ не проченъ, то нужны ежегодныя пожертвованія для поддержанія его; этотъ трудъ поддержанія капитала долженъ быть разсматриваемъ какъ служащій производству продуктовъ, почему онъ и долженъ входить въ составъ цѣнности. Чѣмъ долговѣчнѣе капиталъ, тѣмъ меньше сумма, получаемая въ видѣ вознагражденія за его употребленіе; но если уничтоженіе капитала идетъ быстро, то къ цѣнѣ товаровъ присоединяется большая доля. Въ томъ и другомъ случаѣ увеличеніе заработчей платы дѣйствуетъ не одинаково на цѣнность. Въ первомъ случаѣ на продуктъ переносится не значительная доля труда, во второмъ его переносится много. Увеличеніе заработчей платы или, что тоже, пониженіе прибыли сопровождается уменьшеніемъ цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи прочнаго капитала, и на оборотъ, ведетъ къ увеличенію цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи менѣе прочнаго капитала. Уменьшеніе заработчей платы оказываетъ противоположное вліяніе.

Взглядъ, положенный въ основаніи теоріи цѣнности Рикардо, съ особенною отчетливостью былъ развитъ американскимъ экономистомъ Кэри.

Цѣнность, говоритъ этотъ экономистъ, есть ни что иное, какъ оцѣнка тѣхъ препятствій, которыя человѣку необходимо побороть въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей. Полезности, достающіяся человѣку даромъ, не имѣютъ цѣнности. Такъ, воздухъ не имѣетъ цѣнности, потому что для пріобрѣтенія его не требуется преодолѣнія никакихъ препятствій. По этой же причинѣ днемъ свѣтъ и лѣтомъ теплота, не смотря на всю ихъ полезность, не имѣютъ цѣнности. Цѣнность возникаетъ только тогда, когда для пріобрѣтенія предмета, удовлетворяющаго потребность, является необходимость со стороны чело-

вѣка въ усиліяхъ или въ трудѣ, является необходимость побороть извѣстныя препятствія. Человѣкъ приписываетъ цѣнность свѣту ночью и теплу зимой, такъ какъ для обладанія ими въ это время требуются усилія. Уголь природа доставляетъ человѣку даромъ, но доставка его на мѣсто потребленія требуетъ труда и, поэтому, уголь имѣетъ цѣнность. Такимъ же образомъ приготовленіе свѣта для того, чтобы пользоваться имъ ночью, требуетъ труда, по этому газъ и свѣчи имѣютъ цѣнность. Точно также, если бы явилась необходимость доставлять воздухъ въ такое мѣсто, въ которомъ его нѣтъ, тогда и воздухъ получилъ бы цѣнность, потому что для пріобрѣтенія его въ этомъ мѣстѣ необходимы были бы пожертвованія или трудъ.

Установивъ это понятіе о существѣ цѣнности, Кэри уже прямо заключаетъ, что цѣнность и полезность, цѣнность и богатство—это понятія противоположныя. Богатство народа, говоритъ онъ, состоитъ въ прямомъ отношеніи съ тѣми факторами, посредствомъ которыхъ народъ утилизируетъ услуги природы. Чѣмъ лучше человѣкъ утилизируетъ силы природы, тѣмъ больше за извѣстную сумму труда онъ получаетъ полезностей, необходимыхъ для удовлетворенія его потребностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается легкость и полнота въ удовлетвореніи потребностей. Богатство человѣка прямо пропорціонально этой легкости въ пріобрѣтеніи средствъ удовлетворенія потребностей. Но чѣмъ легче пріобрѣтеніе этихъ средствъ, чѣмъ необходимо меньше труда къ преодолѣнію препятствій на пути къ ихъ пріобрѣтенію, тѣмъ меньше и цѣнность пріобрѣтаемаго. Прегрессъ человѣчества находится въ прямомъ отношеніи съ уменьшеніемъ цѣнности средствъ удовлетворенія потребностей человѣка. Увеличеніе полезности и богатства всегда сопровождается уменьшеніемъ цѣнности. Человѣкъ, которому необходимо идти за водой съ горы къ отдаленному источнику, затрачиваетъ для этого значительное количество труда, но, выкопавъ колодезь, онъ получаетъ необходимое ему количество воды за несравненно меньшую долю труда. Потомъ этотъ человѣкъ устраиваетъ въ колодезѣ насосъ, посредствомъ котораго еще больше облегчается добываніе воды; полезность послѣдней увеличилась, но цѣнность ея пала. Наконецъ, когда населеніе увеличилось, проводятся въ дома трубы; человѣку съ его семействомъ является возможность за самое дешевое вознагражденіе потреблять воды въ одинъ день болѣе, чѣмъ прежде можно было въ мѣсяцъ, пользованіе водою стано-

вится почти безплатнымъ. Полезность есть мѣрило силы человѣка надъ природою, цѣнность, на оборотъ, есть мѣрило силы природы надъ человѣкомъ. Полезность и цѣнность взаимно противоположны, всегда находятся между собою въ обратномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, по ученію Рикардо и Кэри, цѣнность какъ стоимость производства, есть зло: происхожденіе и размѣры ея—въ суммѣ препятствій, преодолеваемыхъ человѣкомъ на пути къ удовлетворенію своихъ потребностей. Различіе между теоріями этихъ мыслителей не въ ученіи о существѣ цѣнности, но въ ихъ возрѣніяхъ на ея динамическій законъ.

По Кэри, цѣнность есть зло, съ которымъ человѣкъ постоянно борется и которое онъ постоянно побѣждаетъ. Человѣкъ постоянно борется съ силами природы, но въ этой борьбѣ онъ постоянно увеличиваетъ свои силы надъ силами послѣдней, все болѣе и болѣе высвобождается отъ власти природы и самъ становится ея повелителемъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ индивидуальныхъ силъ все болѣе и болѣе развивается сила ассоціаціи, комбинація труда дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ къ преодолѣнію противодѣйствій природы, каждая побѣда въ этомъ направленіи сопровождается уменьшеніемъ труда, необходимаго для удовлетворенія потребностей. Параллельно съ уменьшеніемъ труда цѣнность производимыхъ продуктовъ все болѣе и болѣе уменьшается. Робинзонъ на своемъ изолированномъ островѣ, окруженный всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія его потребностей, въ тоже время былъ въ самомъ безпомощномъ положеніи, такъ какъ предметы потребленія находились внѣ сферы его силъ. Заяцъ убѣгалъ отъ него, рыба уплывала; ему приходилось довольствоваться преимущественно растительною пищей, такъ такъ мясная доставалась съ большимъ трудомъ. Но послѣ того, какъ былъ изготовленъ лукъ, мясная пища начинаетъ пріобрѣтаться легче, чѣмъ растительная простыми руками; въ это время происходитъ измѣненіе въ цѣнности обоихъ родовъ пищи; цѣнность мясной пищи падаетъ сравнительно съ растительною. Весьма естественно, Крузэ замѣчаетъ, что при помощи капитала облегчается пріобрѣтеніе необходимыхъ ему продуктовъ. Онъ замѣчаетъ, что продукты, пріобрѣтенные съ помощью капитала, имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ пріобрѣтенные безъ его помощи и, слѣдовательно, пріобрѣтенные съ большимъ трудомъ Цѣну послѣднихъ онъ начинаетъ опредѣлять цѣной первыхъ, то есть не заплатитъ за

продуктъ, добываемый легче, столько же, сколько платилъ прежде, когда онъ пріобрѣтаемъ былъ съ большимъ трудомъ. Одна побѣда надъ силами природы вызываетъ дальнѣйшія. Первый лукъ могъ быть сдѣланъ только съ большимъ трудомъ; много нужно было преодолѣть препятствій для пріобрѣтенія тетивы къ этому луку, такъ какъ необходимое для этого животное безъ лука могло быть поймано не иначе, какъ съ большими пожертвованіями. Но разъ произведенный лукъ даетъ возможность легче пріобрѣтать животныхъ, доставляющихъ тетиву; лукъ такимъ образомъ можетъ быть произведенъ уже съ меньшими пожертвованіями, вслѣдствіе чего прежде произведенный падаетъ въ своей цѣнности. Самъ лукъ, слѣдовательно, является причиною уменьшенія своей собственной цѣнности. Никто не дастъ за новый лукъ столько труда, сколько было необходимо для пріобрѣтенія прежняго, такъ какъ этотъ новый лукъ можетъ быть произведенъ съ меньшими пожертвованіями. Если на производство стараго лука нужно было затратить 10 дней труда, между тѣмъ какъ на производство новаго достаточно 5 дней, то цѣнность и перваго будетъ не 10 дней, то есть не трудъ заключенный въ продуктъ, но 5 дней, то есть трудъ необходимый для воспроизводства при усовершенствованной техникѣ, при болѣе легкихъ условіяхъ производства. Цѣна прежде произведенныхъ продуктовъ опредѣляется не количествомъ овеществленнаго въ нихъ труда, но количествомъ труда, необходимымъ для воспроизводства ихъ въ настоящемъ, когда человѣкъ пріобрѣлъ больше господства надъ силами природы. Чѣмъ больше времени проходитъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ произведенъ предметъ, тѣмъ больше онъ теряетъ цѣнности. Экземпляръ Мильтона или Шекспира въ настоящее время можно пріобрѣсть цѣною одного дня труда искуснаго рабочаго и притомъ экземпляръ этотъ будетъ несравненно лучшаго качества, чѣмъ тотъ, который можно было пріобрѣсть назадъ тому 50 лѣтъ не иначе, какъ за недѣльный трудъ. Цѣнность всѣхъ предметовъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается господство человѣка надъ силами природы вслѣдствіе усовершенствованій въ техникѣ производства; чѣмъ быстрѣе или медленнѣе такія усовершенствованія, тѣмъ быстрѣе или медленнѣе паденіе цѣнности. Цѣнность опредѣляется не издержками производства, но издержками воспроизводства.

Совершенно противоположный взглядъ на движеніе цѣнности представляетъ собою теорія Рикардо. Рикардо смотритъ на экономи-

ческое движеніе съ точки зрѣнія, по которой трудность добыванія средствъ удовлетворенія потребностей постоянно увеличивается подъ вліяніемъ закона размноженія народонаселенія въ быстрѣйшей пропорціи сравнительно съ увеличеніемъ средствъ существованія. Размѣромъ наивысшей ступени въ этомъ регрессѣ средствъ существованія опредѣляется, по его ученію, размѣръ цѣнности продуктовъ. Мѣновая цѣнность товара, говоритъ онъ,—будетъ ли это произведеніе мануфактуры, земли или рудника,—никогда не опредѣляется наименьшимъ количествомъ труда, необходимымъ для производства при обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ, которыми пользуются тѣ, въ чьемъ распоряженіи находятся особенно легкіе способы производства. Напротивъ того, она опредѣляется наибольшимъ количествомъ труда, какое вынуждены употреблять тѣ, кто для производства товара долженъ бороться съ самыми неблагопріятными обстоятельствами, разумѣя подъ наиболѣе неблагопріятными обстоятельствами самыя неблагопріятныя изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ добывается необходимое количество продукта.

При всей противоположности этихъ воззрѣній на динамическій законъ явленій цѣнности, въ воззрѣніяхъ Рикардо и Кэри на сущность цѣнности и ея статическій законъ мы не видимъ никакого различія. У того и другаго цѣнность есть зло, она равна суммѣ издержекъ необходимыхъ для преодолѣнія препятствій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ на пути удовлетворенія своихъ потребностей. Различіе только въ томъ, что по ученію одного цѣнность равна издержкамъ производства, заключаемымъ въ продуктъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, между тѣмъ какъ, по ученію другаго, она равна издержкамъ производства, заключаемымъ въ продуктъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Цѣнность есть зло по ученію и Рикардо и Кэри, но по ученію перваго это зло, съ которымъ человѣку приходится все труднѣе и труднѣе бороться, между тѣмъ какъ по взгляду Кэри—это зло, съ которымъ человѣкъ борется вполнѣ успѣшно. Для примиренія обоихъ воззрѣній достаточно сказать, что цѣнность равна общественно необходимымъ издержкамъ производства.

Недостатокъ изложенныхъ ученій прежде всего состоитъ въ томъ, что въ нихъ издержки производства сводятся исключительно къ труду человѣка и такимъ образомъ игнорируются другіе факторы производства. Если бы въ цѣнности отчуждаемыхъ продуктовъ выручался бы

лишь эквивалентъ труда и не выручались бы доли, данныя наприм. силами природы, дѣйствующими въ почвѣ и необходимыя для возстановленія производительности почвы, то хозяйство при такихъ условіяхъ было бы не мыслимо. Законъ сохраненія хозяйственныхъ силъ требуетъ, чтобы въ мѣновой цѣнности выручались не только затраты труда, но также эквивалентъ силъ природы и капитала. За тѣмъ легко замѣтить, что односторонность понятія о цѣнности съ точки зрѣнія исключительно производства чувствовалась и Рикардо и Кэри. Рикардо устанавливаетъ изъятія изъ понятія о цѣнности, какъ трудѣ производства, въ пользу значительнаго количества товаровъ, производимыхъ различными долями капиталовъ постояннаго и оборотнаго: при одинаковыхъ затратахъ, говоритъ онъ, цѣнность можетъ быть не одинакова. Очевидно, въ этихъ случаяхъ онъ уже не отождествляетъ цѣнности съ трудомъ производства, но переходитъ къ понятію о цѣнности съ точки зрѣнія обмѣна, какъ суммѣ того, что получается въ обмѣнъ за отчуждаемый товаръ. Но особенно рѣзко противорѣчіе у Кэри. Цѣнность, говоритъ онъ, есть зло и прогрессъ состоитъ въ успѣшности борьбы съ этимъ зломъ. Но въ тоже время онъ утверждаетъ, что цѣнность человѣка увеличивается по мѣрѣ того, какъ уменьшается цѣнность товаровъ и что экономическій прогрессъ состоитъ въ возвышеніи цѣнности человѣка. Очевидно, цѣнность человѣка не есть зло, а слѣдовательно общее понятіе его о цѣнности является односторонним, не ко всѣмъ явленіямъ цѣнности примѣнимымъ.

§ 5. Наконецъ, съ точки зрѣнія обмѣна понятіе о цѣнности послѣдовательнѣе другихъ развито въ ученіяхъ Мальтуса и Маклеода.

Цѣнность, говоритъ Мальтусъ, имѣетъ своимъ основаніемъ желаніе пріобрѣсть предметъ и съ другой возможность такого пріобрѣтенія. Съ развитіемъ раздѣленія занятій, когда общество раздѣлилось на покупщиковъ и продавцевъ, цѣнность исключительно опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Спросомъ называется желаніе соединенное со средствами пріобрѣтенія предмета, подъ предложеніемъ—произведенные продукты и желаніе сбыть ихъ. Цѣнность возвышается, когда уменьшается предложеніе и увеличивается спросъ; она падаетъ, когда уменьшается спросъ и увеличивается предложеніе.

Подобно Шторху, въ спросѣ и предложеніи Мальтусъ отличаетъ объемъ ихъ отъ ихъ силы или интенсивности. Объемъ (étendue) спроса и предложенія мѣняющихся сторонъ не имѣетъ никакого вліянія на

установленіе тѣхъ или иныхъ мѣновыхъ пропорцій. Дѣйствительный объемъ спроса всегда равенъ дѣйствительному объему предложенія, какъ и на оборотъ. Говоря, что цѣнность зависитъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, Мальтусъ имѣетъ въ виду исключительно интенсивность, внутреннюю сторону этого закона, а не объемъ, или внѣшнюю его сторону. Завися отъ интенсивности спроса, цѣнность измѣняется въ прямо-пропорціональномъ отношеніи къ спросу и обратномъ отношеніи къ предложенію. Если какой либо товаръ, обыкновенно спрашиваемый опредѣленнымъ числомъ покупщиковъ, начинаетъ спрашиваться ихъ удвоенныхъ числомъ, то нѣкоторые изъ нихъ должны остаться безъ пріобрѣтенія желаемаго продукта. Можетъ быть, что въ этомъ увеличенномъ числѣ покупщиковъ найдутся такіе, которые, опасаясь остаться безъ желаемаго продукта, согласятся дать высшую цѣну. Ясно, что въ этомъ случаѣ увеличеніе цѣны произойдетъ вслѣдствіе увеличенія интенсивности спроса. Тоже самое произойдетъ, если количество предлагаемаго продукта уменьшится, а число покупщиковъ останется тоже самое. Точно также, если вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ увеличатся издержки производства, покупщики, не желая остаться безъ продукта, согласятся поднять цѣну до уровня оплаты этихъ увеличенныхъ издержекъ. Но если у покупщиковъ нѣтъ ни желанія, ни средствъ къ этому, другими словами— если интенсивность спроса останется безъ измѣненія во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, то останется безъ измѣненія и цѣнность продукта. Издержки производства сами по себѣ не оказываютъ никакого вліянія на размѣры цѣнности; онѣ могутъ вліять въ этомъ случаѣ лишь въ той степени, въ какой измѣненіе въ ихъ размѣрахъ ведетъ къ измѣненію въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ. Но если отношеніе между спросомъ и предложеніемъ останется безъ измѣненій, то никакія измѣненія въ размѣрахъ затратъ производства не могутъ вліять на измѣненія въ цѣнности. Обыкновенно издержки производства вліяютъ на это отношеніе тѣмъ, что продуктъ въ мѣновой цѣнности не возвращающій затратъ перестаетъ производиться, или уменьшаются размѣры производства. Такимъ образомъ издержки производства вліяютъ на цѣнность тѣмъ, что указываютъ минимумъ послѣдней. Такую цѣнность можно назвать необходимою цѣнностью. Такъ какъ цѣнность опредѣляется исключительно отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, а размѣры издержекъ производства имѣютъ

только посредственное вліяніе и опредѣляютъ условія необходимой цѣны, не имѣя прямаго вліянія на размѣры мѣновыхъ пропорцій, то трудъ заключенный въ продуктъ не можетъ быть мѣриломъ цѣнности. Такимъ мѣриломъ можетъ быть трудъ покупаемый продуктомъ, какъ величина менѣе другихъ подверженная колебаніямъ въ своей собственной цѣнности.

Мальтусъ не далъ точнаго опредѣленія понятія цѣнности, но изъ послѣднихъ словъ его видно, что онъ смотритъ на цѣнность съ точки зрѣнія продавца и что, по его ученію, цѣнность можетъ быть опредѣлена какъ количество покупаемаго продуктомъ труда.

Г. Маклеодъ, ясно высказывая мысль о тождествѣ предмета политической экономіи съ изслѣдованіями о законахъ явленій цѣнности, уже поэтому одному въ своей экономической системѣ даетъ большое мѣсто теоріи цѣнности, въ которой со всею подробностью и рѣдкою ясностью развиваются принципы мѣновой цѣнности, намѣченные уже Мальтусомъ. По его ученію, цѣнность и трудъ такъ тѣсно связаны между собою, что разграниченіе ихъ представляетъ такую же трудную операцію, какъ сдѣланное Г. Беллемъ разграниченіе между нервами ощущеній и движенія. При всемъ томъ разграниченіе должно быть сдѣлано. Трудъ не составляетъ причины цѣнности; цѣнится только результатъ труда, не обращая вниманія на то, при посредствѣ какого количества труда добытъ этотъ результатъ. Человѣкъ, идя дорогою, находитъ алмазъ, алмазъ этотъ будетъ имѣть такую же цѣнность, какъ еслибы его искали въ теченіи двадцати лѣтъ. Алмазъ не потому цѣненъ, что человѣкъ поднялъ его съ земли, а потому человѣкъ его поднялъ, что онъ цѣненъ. Не трудъ сообщаетъ продукту цѣнность, а цѣнность привлекаетъ къ себѣ трудъ. Если бы трудъ былъ причиной цѣнности, то муссоръ, вынутый изъ глубокаго колодца, имѣлъ бы высокую цѣнность, между тѣмъ какъ алмазъ, найденный на поверхности земли, не имѣлъ бы никакой цѣнности. Если бы перевозочныя издержки что либо прибавляли къ цѣнности продукта, то изъ этого слѣдовало бы, что переслать масло, идущее обыкновенно изъ Марселя въ Парижъ, обратно изъ Парижа въ Марсель—значитъ увеличить его цѣнность, а переправить его такимъ образомъ взадъ и впередъ двадцать разъ значитъ въ двадцать разъ возвысить его цѣнность. Въ дѣйствительности „никакіе расходы на перевозку ничего не прибавляютъ къ цѣнности товара“. Не расходы на перевозку опредѣляютъ цѣн-

ность, а люди потому только рѣшаются производить перевозочные расходы, что надѣются, что разница въ цѣнѣ на товаръ въ двухъ различныхъ пунктахъ вознаградитъ перевозочныя издержки. „Такъ, если бы какая нибудь библіотека или музей привезены были изъ деревни въ Лондонъ для продажи, то деньги, издержанныя на перевозку, не прибавили бы ничего къ цѣнности книгъ; на оборотъ, книги были бы доставлены въ Лондонъ потому лишь, что болѣе высокая цѣнность ихъ въ столицѣ должна, по вѣроятному разсчету, вознаградить за издержки, употребленныя на ихъ доставку". Результатъ громаднаго количества труда можетъ оказаться не имѣющимъ ни малѣйшей частицы цѣнности, какъ и на оборотъ результатъ ничтожнаго количества труда можетъ имѣть высокую цѣнность. Алмазъ самой лучшей воды можетъ быть отысканъ послѣ поисковъ въ теченіи пяти минутъ, тогда какъ послѣ самыхъ продолжительныхъ поисковъ можетъ быть отысканъ самый плохой алмазъ. Во всѣхъ случаяхъ оцѣнки предметовъ обращается вниманіе только на результатъ, и только на результатъ, независимо отъ того труда, который былъ потраченъ на полученіе этого результата.

Изъ приведенныхъ словъ очевидно, что Маклеодъ смотритъ на цѣнность исключительно съ точки зрѣнія продавца. Цѣнится только результатъ, для достиженія котораго производятся затраты; цѣнность не зло, но благо, къ достиженію обладанія которымъ направлены усилія; размѣры послѣднихъ обусловливаются значеніемъ этого блага, а не на оборотъ. Но еще яснѣе это воззрѣніе высказано Маклеодомъ въ слѣдующихъ опредѣленіяхъ цѣнности: Цѣнность предмета есть соотвѣтствующее количество, въ какомъ другой предметъ можетъ быть, въ данный моментъ, обмѣненъ на первый;—мѣновое отношеніе предметовъ въ приложеніи къ ихъ численнымъ количествамъ;—мѣновая сила количествъ.

Но если для продавца цѣнность есть благо, то для пріобрѣтателя она есть зло, если первый заинтересованъ въ увеличеніи цѣнности, то послѣдній заинтересованъ въ ея уменьшеніи. Что же такое цѣнность, благо или зло? Стать на точку зрѣнія продавца, какъ это сдѣлалъ Маклеодъ, еще не значитъ научно отвѣтить на вопросъ, такъ какъ отрицаніе воззрѣнія пріобрѣтателя не возможно. Маклеодъ и не отрицаетъ этого воззрѣнія, *eo ipso* отрицаетъ все сказанное имъ о существѣ цѣнности съ точки зрѣнія продавца. Воззрѣніе пріобрѣта-

теля онъ *tacite* допускаетъ въ своемъ ученіи о спросѣ и предложеніи, какъ регуляторѣ мѣновыхъ пропорцій.

Цѣнность, говоритъ онъ, есть результатъ борьбы между покупщикомъ и продавцемъ, выигриваетъ изъ нихъ тотъ, кто сильнѣе. По мѣрѣ того, какъ одинъ получаетъ перевѣсъ надъ другимъ, цѣна повышается или понижается, подобно тому какъ пѣна, при встрѣчѣ волнъ, бросается впередъ или назадъ, сообразно съ относительной силой каждой изъ встрѣтившихся волнъ Если бы человѣку, послѣ роскошнаго обѣда, предложили корку хлѣба и стаканъ воды, то такое предложеніе не имѣло бы никакой цѣны. Но если бы тотъ же человѣкъ находился въ состояніи близкомъ къ голодной смерти, или изнемогалъ отъ жара и жажды посреди африканскихъ степей, то съ какимъ восторженнымъ чувствомъ онъ принялъ бы тоже самое предложеніе! При такихъ обстоятельствахъ владѣлецъ подобныхъ предметовъ могъ бы вынудить у страдальца всякую цѣну, какую бы только послѣдній могъ уплатить. Точно также если одинъ лодочникъ отправляется спасать утопающаго, то можетъ вытребовать отъ утопающаго какую угодно цѣну, такъ какъ послѣдній будетъ находиться совершенно во власти лодочника и принужденъ соглашаться на всѣ условія, какъ бы они не были чрезмѣрны. Но если бы вмѣсто одного явилось нѣсколько лодочниковъ, то условія спасенія понизились бы, потому что каждый изъ нихъ пожелалъ бы заработать деньги въ свою пользу. Изъ этого видно, что цѣнность слагается изъ двухъ элементовъ, изъ власти продавца надъ пріобрѣтателемъ и изъ степени нуждаемости послѣдняго въ услугѣ перваго. *Цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцемъ.* Законъ этотъ тожественъ съ закономъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Цѣна есть результатъ борьбы между спрашивающими и предлагающими продуктъ, этой борьбой обусловливается цѣнность всѣхъ продуктовъ. Законъ спроса и предложенія, подобно закону тяготѣнія, прилагается ко всѣмъ явленіямъ цѣнности. Всѣ обстоятельства, вліяющія на измѣненія въ цѣнности, прежде всего вліяютъ на измѣненіе въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, безъ послѣдняго не мыслимо первое. Никакое измѣненіе въ издержкахъ производства не вызоветъ измѣненія въ цѣнности, если оно не сопровождается измѣненіемъ въ отношеніи спроса и предложенія. Доказывать обусловли-

ваемость цѣнности издержками производства можно лишь въ томъ смыслѣ, что никто не согласится добровольно продать произведенный предметъ за цѣну меньшую издержекъ производства; никто не могъ бы производить продажу такимъ образомъ въ теченіе долгаго времени. Но выше этого уровня человѣкъ старается выручить какъ можно больше и прибыль его будетъ опредѣляться необходимостью, которую покупщикъ ощущаетъ въ пріобрѣтеніи извѣстной услуги, совокупно съ числомъ совмѣстниковъ, желающихъ оказать ему услугу. Съ другой стороны покупщикъ вовсе не обращаетъ вниманія на издержки производства, его единственная цѣль—купить какъ можно дешевле, не заботясь о томъ, продаетъ ли производитель съ убыткомъ, или безъ убытка. Результатомъ перваго будетъ то, что если продажная цѣна предмета будетъ ниже издержекъ производства, то это не можетъ долго продолжаться, въ противномъ случаѣ производство предмета прекратится.

Спросъ и предложеніе Маклеодъ опредѣляетъ такъ: Нѣкоторые признавали потребленіе равносильнымъ уничтоженію, истребленію продукта; мы употребляемъ это слово въ смыслѣ продажи. Когда мы говоримъ о потребленіи предмета, мы разумѣемъ проданное количество. Производитель есть лицо, доставляющее предметъ для продажи; потребитель есть лицо, уносящее предметъ съ рынка посредствомъ покупки его. Какъ произведенное количество выражаетъ предложеніе (supply), такъ количество проданное выражаетъ спросъ (demand). Такимъ образомъ выраженія: произведеніе и потребленіе, предложеніе и спросъ не означаютъ ничего болѣе, какъ количество предлагаемое для продажи и количество проданное.

§ 6. И такъ, на цѣнность можно смотрѣть съ различныхъ и взаимно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Если же такъ, то возможно ли построеніе общей теоріи явленій цѣнности? Если о цѣнности съ равною основательностью можно утверждать и pro и contra, то неужели экономическая наука должна признать, что научное рѣшеніе вопроса о цѣнности не мыслимо, такъ такъ вопросъ этотъ допускаетъ взаимно-противорѣчивыя рѣшенія?

Общество представляетъ собою не простую сумму отдѣльныхъ частей, но цѣлое, въ которомъ всѣ части находятся между собою въ органической связи. Подобно тѣсной связи составныхъ частей каждаго индивидуальнаго организма, общественный организмъ пред-

ставляетъ намъ такую солидарность своихъ составныхъ частей, по которой неправильное отправленіе въ одной изъ нихъ сопровождается направильными отправленіями въ другихъ, болѣзнь одного органа сопровождается заболѣваемостью въ остальныхъ. Но при этомъ необходимо не забывать, что общественная органичность есть органичность развивающаяся, что она не тождественна во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ. Сверхъ того, и на высшихъ ступеняхъ развитія въ каждомъ изъ наиболѣе развитыхъ общественныхъ организмовъ въ частныхъ случаяхъ существуютъ стремленія противо-органическія. Вотъ почему не всегда существуетъ связь между основными актами экономической жизни, между производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ. Отсутствіе органической связи между этими актами, замѣчаемое какъ въ прошедшемъ экономической жизни, такъ и на высшихъ ступеняхъ общежитія въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ, породило указанную нами тройственность понятій о цѣнности. Но по мѣрѣ развитія общественной органичности, по мѣрѣ усиленія органической связи между основными актами экономической жизни, эти частно-хозяйственныя понятія исчезаютъ, уступая мѣсто общественно-хозяйственному понятію, объединяющему и примиряющему частныя понятія.

Полезность можетъ быть единственнымъ основаніемъ цѣнности лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда потребленіе существуетъ какъ актъ въ большей или меньшей степени независимый отъ производства и обмѣна. Когда человѣкъ жилъ на готовыхъ хлѣбахъ природы, тогда цѣнность вещей для него тождественна была съ ихъ полезностью; въ то время не могло быть иного основанія для предпочтенія однихъ вещей другимъ. Когда земли было много, сравнительно съ количествомъ населенія, когда всякій могъ занимать любой поземельный участокъ и поземельная собственность въ точности не опредѣлялась, а распространялась вездѣ „куда плугъ и соха и топоръ и коса ходятъ“, тогда единственнымъ основаніемъ предпочтенія одного участка другому была его полезность. Полезность въ это время и была мѣриломъ цѣнности одного участка сравнительно съ другимъ. Съ умноженіемъ населенія это экономическое положеніе постепенно уступаетъ мѣсто другому, при чемъ полезность уступаетъ свое мѣсто хозяйственному труду, который все болѣе и болѣе становится на первомъ планѣ въ вопросѣ о предпочтеніи одного предмета другому. Полезность продукта можетъ оставаться безъ всякаго измѣненія, но съ измѣненіемъ затрачиваемаго на производство

его хозяйственнаго труда цѣнность необходимо измѣняется. Положимъ, что этотъ продуктъ будетъ производиться вдвое меньшимъ количествомъ рабочаго времени, въ такомъ случаѣ онъ будетъ производиться вдвое легче и цѣнность его уменьшиться на половину, хотя полезность не имѣняется. Необходимо сказать, что самый законъ развивающагося потребленія требуетъ несоотвѣтствія между цѣнностью вещей и ихъ полезностью. Потребленіе требуетъ съ одной стороны легкости въ пріобрѣтеніи средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія нашихъ нуждъ; съ другой стороны —возможной полноты въ удовлетвореніи послѣднихъ. При существованіи раздѣленія занятій, этотъ естественный законъ потребленія можетъ быть осуществленъ въ жизни не иначе, какъ при удешевленіи каждаго отдѣльнаго продукта (этимъ обусловливается легкость удовлетворенія потребности), и въ тоже время при неизмѣненіи или же возвышеніи цѣнности всѣхъ потребляемыхъ продуктовъ (этимъ обусловливается полнота удовлетворенія потребности). Торговецъ, разумно понимающій свои собственные интересы, заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть возможность продавать продукты какъ можно дешевле, такъ какъ дешевизна привлекаетъ покупщиковъ и увеличиваетъ его общій доходъ. Торговцу выгоднѣе получить по одной копѣйкѣ дохода съ 10 сдѣлокъ въ теченіи опредѣленнаго времени, чѣмъ съ одной сдѣлки 5 копѣекъ. Торговцы, предпочитающіе 5 единицъ дохода 10 единицамъ, поступаютъ точно также, какъ поступаетъ дикарь, срубающій дерево для того, что бы воспользоваться его плодами. Точно также поступаютъ тѣ дикари, которые съѣдаютъ данный имъ для обработки земли скотъ и полагаютъ, что находятъ достаточное оправданіе, говоря: мы ѣсть хотѣли. Только при слабомъ пониманіи собственныхъ выгодъ торговецъ предпочитаетъ большой доходъ съ единицы продукта, не замѣчая происходящихъ отъ этого потерь. Чѣмъ дороже каждый отдѣльный продуктъ, тѣмъ ограниченнѣе его сбытъ, тѣмъ меньше общій доходъ; на оборотъ, удешевленіе продукта ведетъ къ разширенію сбыта и увеличенію общаго дохода. Но удешевленный продуктъ остается тою же самою единицею полезности; четверть ржи, цѣнность которой уменьшилась на половину, отъ этого удешевленія нисколько не уменьшается въ своей полезности. Если же удешевленіе продуктовъ требуется закономъ потребленія, то ясно, что закономъ потребленія требуется и несоотвѣтсткіе между полезностью и цѣнностью.

Такимъ образомъ теорія Шторха, отождествляющая цѣнность съ полезностью, можетъ быть признана вѣрною или къ низшимъ ступенямъ экономическаго развитія, или къ частнымъ случаямъ на высшихъ ступеняхъ. Но если потребительное значеніе вещи перестаетъ быть основаніемъ цѣнности, то при этомъ потребленіе, какъ одинъ изъ основныхъ актовъ экономической жизни, не перестаетъ вліять на явленія цѣнности. Потребленіе, требуя легкости и полноты удовлетворенія нуждъ, требуетъ движенія цѣнности по двумъ противоположнымъ направленіямъ, требуетъ удешевленія каждаго продукта въ отдѣльности и въ тоже время неизмѣняемости или увеличенія общей цѣнности всѣхъ потребляемыхъ продуктовъ. Эти требованія потребленія осуществляются посредствомъ законовъ обмѣна и производства.

Основной законъ обмѣна—это законъ отношенія между спросомъ на продукты и предложеніемъ ихъ. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія спроса цѣнность есть зло, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія предложенія или сбыта—благо. Подъ вліяніемъ противоположности интересовъ продавца и покупщика, выражающейся въ ихъ воззрѣніяхъ на цѣнность, законъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ представляется въ видѣ борьбы. Въ этой мѣновой борьбѣ каждый желаетъ покупать какъ можно дешевле и продавать свои продукты какъ можно дороже. Никто не отрицаетъ, что въ этомъ видѣ мѣновыя отношенія встрѣчаются на каждомъ шагу. Но можно ли возводить факты этой борьбы въ законъ? Можно ли утверждать, что мѣновыя отношенія между людьми и должны быть основаны на борьбѣ взаимно противоположныхъ интересовъ? Можно ли согласиться, что конкурренція, которую еще А. Смитъ назвалъ „грубою справедливостью“, представляетъ собою нормальный законъ отношеній?

Вопросъ о значеніи конкурренціи раздѣлилъ изслѣдователей на два противоположныя направленія. Одни утверждаютъ, что она представляетъ собою естественный и вполнѣ справедливый законъ мѣновыхъ отношеній, что всякая попытка ограничить поле ея дѣятельности равносильна покушенію на свободу человѣка. Нѣтъ никакой „анархической конкурренціи,“ говоритъ Ф. Бастіа, напротивъ того, конкурренція представляетъ собою законъ регулирующій экономическую жизнь, упорядочивающій мѣновыя сношенія. „Что такое анархическая конкурренція? Не знаю. Что можно бы поставить на мѣстѣ конкурренціи? Тоже не знаю. Конкурренція есть ни что иное, какъ отрица-

ніе стѣсненій, какъ свобода человѣка. Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что конкурренція ведетъ къ порабощенію человѣка человѣкомъ, что она—законъ борьбы между людьми, а во всякой борьбѣ есть побѣдитель и побѣжденный, есть повелитель и угнетенный, есть счастливый и несчастный. Возводить въ принципъ фактъ существованія конкурренціи—значитъ считать неизбѣжнымъ и справедливымъ порабощеніе людей.

Крайняя противоположность этихъ воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ говоритъ намъ о томъ, что въ этомъ самомъ предметѣ должны быть двѣ стороны, иначе не мыслимъ былъ бы споръ. И дѣйствительно, каждый изъ противниковъ видѣлъ одну сторону предмета, не обращая вниманія на другую; одни видѣли только хорошую сторону въ соперничествѣ, другіе только дурную. Между тѣмъ, обративъ вниманіе только на хорошую сторону, приходится санкціонировать темныя стороны конкурренціи, благодаря чему, многіе экономисты какъ бы повторяютъ слова Гегеля: все, что существуетъ, то и разумно. Съ другой стороны, обративъ исключительное вниманіе только на темныя стороны, получается еще болѣе печальный результатъ. Если конкурренція и анархія интересовъ одно и тоже, то необходимо уничтожить ее. Но чѣмъ же замѣнить? Уничтоженіе конкурренціи или соперничества равносильно уничтоженію личныхъ самостоятельныхъ побужденій къ дѣятельности; уничтожить конкурренцію, значитъ уничтожить личную отвѣтственность и свободу. Усиленная дѣятельность, вызываемая соперничествомъ, уступила бы мѣсто лѣнности и упадку силъ. Соперничеству противоположна монополія. Но, по справедливому замѣчанію Прудона, если соперничество есть война, то монополія есть избіеніе плѣнныхъ.

Въ развитіи конкурренціи необходимо отличать два періода: первый, когда конкурренція представляетъ собою борьбу всѣхъ и каждаго противъ всѣхъ и каждаго; второй, когда она становится закономъ, гарантирующимъ возможно полное осуществленіе въ мѣновыхъ сношеніяхъ взаимности интересовъ.

Въ первомъ періодѣ развитія конкурренціи безусловно господствуетъ двойственность и противоположность воззрѣній продавца и пріобрѣтателя на цѣнность. Пріобрѣтатель смотритъ на цѣнность какъ на зло, какъ на выраженіе экономической зависимости отъ продавца; продавецъ смотритъ на цѣнность своего товара какъ на благо, какъ

на выраженіе экономической власти надъ произведеніями и факторами производства другихъ. Первый желаетъ дать за чужой товаръ какъ можно меньше и получить за свой какъ можно больше; второй старается парализовать это стремленіе пріобрѣтателя, стремясь получить отъ него возможно большую плату за свой товаръ; результатомъ этой мѣновой борьбы и является цѣнность. Каждый изъ контрагентовъ обмѣна видитъ въ другомъ своего врага, котораго необходимо побороть; въ отношеніи къ нимъ вполнѣ примѣнимо положеніе: homo homini lupus est. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія иначе и не можетъ быть. При слабомъ развитіи раздѣленія и соединенія занятій производительность слаба, вслѣдствіе чего въ обмѣнѣ значительная прибыль получается лишь тогда, когда другая сторона несетъ потерю. Весьма естественно, что каждый смотритъ на прибыль одного, какъ на потерю другаго.

Относительно этого періода развитія экономической культуры необходимо признать вполнѣ вѣрными теоріи цѣнности Мальтуса и Маклеода.

Но борьба интересовъ не можетъ быть названа основнымъ и неизбѣжнымъ закономъ отношеній между людьми. Для жизни растительной и чисто животной борьба за существованіе—законъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; для существъ разумныхъ она только фактъ, явленіе преходящее, по мѣрѣ умственнаго развитія уступающее мѣсто закону взаимности или союзности всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ.

Интересенъ фактъ, что въ томъ періодѣ жизни народовъ, когда люди жили общинами, родами и т. п., отношенія между членами каждой изъ такихъ сферъ были основаны на принципѣ взаимности. Слѣды этихъ отношеній сохраняются и въ настоящее время; такъ и въ настоящее время обманъ, барышничество и т. п. виды борьбы за существованіе считаются дѣломъ безчестнымъ въ отношеніяхъ между ближайшими родственниками, даже въ понятіяхъ торговцевъ, полагающихъ, что торговля не мыслима безъ обмановъ. Мѣновая борьба появилась впервые въ отношеніяхъ между членами различныхъ общинъ, родовъ и имъ подобныхъ сферъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Мэнъ, на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ Д. Леббокомъ: „Люди, соединенные въ группы, изъ которыхъ развилось новѣйшее общество, не заключали другъ съ другомъ торговыхъ сдѣлокъ, основанныхъ на такъ

называемыхъ. для краткости, коммерческихъ принципахъ. Общее положеніе, по которому каждый стремится покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже, впервые сдѣлалось вѣрнымъ при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ только и было возможно въ то время, а именно—по отношенію не къ членамъ одной и той же группы, а къ иностранцамъ. Постепенно положеніе о правѣ каждаго добиваться наивысшей цѣны за товаръ проникло и въ эти группы, но никогда не было принято вполнѣ, пока соединительными узами между людьми считались узы семьи или класса. Правило это одерживаетъ верхъ лишь тогда, когда первобытная община разрушена.“ Отдѣльныя группы, на которыя раздѣлялось древнее общество, были между собою во враждебномъ отношеніи; каждая изъ нихъ смотрѣла на другую какъ на группу враговъ, торговыя сношенія между ними были отношеніями войны, по которой каждый изъ контрагентовъ обмѣна старался обмануть другаго, старался продавать какъ можно дороже, покупать какъ можно дешевле. Подобныя сношенія между членами одной и той же группы считались безчестными. Только съ тѣхъ поръ, когда эти группы потеряли свое значеніе, когда общество разчленилось на свои составныя индивидуальныя части, когда оно превратилось, говоря словами Мэна, изъ скопленія семействъ въ собраніе индивидуумовъ—отношенія между индивидуумами получили такой же характеръ, какой прежде имѣли отношенія между отдѣльными, чуждыми между собою группами.

Но общество мало по малу превращается изъ „собранія индивидуумовъ“ въ организмъ, въ которомъ развитіе и благосостояніе каждой отдѣльной части обусловливается развитіемъ и благосостояніемъ остальныхъ. Съ развитіемъ экономической органичности мѣновая борьба постепенно уступаетъ мѣсто закону взаимности интересовъ. Каждый начинаетъ осознавать свои интересы въ такой или иной мѣрѣ солидарными съ интересами другихъ и цѣнность продуктовъ является мѣриломъ этой солидарности. Интересно, что именно это воззрѣніе прекрасно уяснено тѣмъ же Маклеодомъ, который такъ рѣзко возводитъ въ законъ борьбу взаимно-противоположныхъ мѣновыхъ интересовъ. Въ самомъ началѣ своихъ „основаній политической экономіи“ онъ говоритъ: „Что бы получить для себя необходимое, человѣкъ долженъ изучать и наблюдать, въ чемъ нуждаются другіе люди; на оборотъ, если другіе нуждаются въ томъ, что онъ производитъ, то должны изу-

чать, въ чемъ онъ самъ нуждается, что бы предложить ему этотъ нужный предметъ въ обмѣнъ на его произведеніе. При такихъ условіяхъ, общество состоитъ изъ членовъ связанныхъ другъ съ другомъ и принужденныхъ изучать потребности и желанія каждаго изъ своей среды". Если же каждый для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей долженъ изучать потребности другихъ и содѣйствовать ихъ удовлетворенію; если каждый, такимъ образомъ, своимъ собственнымъ благосостояніемъ заинтересованъ въ благосостояніи другихъ, то научно ли утверждать, что мѣновыя пропорціи всегда регулируются борьбой взаимно-противоположныхъ интересовъ? Въ другомъ мѣстѣ своей книги Маклеодъ не менѣе точно уяснилъ и тотъ законъ движенія цѣнности, который наиболѣе отвѣчаетъ тробованіямъ потребленія. Онъ говоритъ, что если пониженіе цѣны продуктовъ совершается въ ариѳметической пропорціи, то увеличеніе потребляемаго количества совершается въ быстро восходящей геометрической пропорціи. При этомъ, хотя цѣнность каждаго продукта въ отдѣльности будетъ меньше, но возвысится общая цѣнность всѣхъ потребляемыхъ продуктовъ, „Эта истина способна къ всеобщему приложенію. Цѣнность всѣхъ хлопчатобумажныхъ товаровъ Великобританіи теперь, можетъ быть, во сто разъ выше противъ того времени, когда каждая отдѣльная штука этихъ товаровъ была въ десятеро выше настоящей цѣны. Тоже самое съ книгами. Цѣнность всѣхъ произведеній книжной торговли теперь, можетъ быть, во сто разъ выше, чѣмъ въ то время, когда каждая отдѣльная книга стоила во сто разъ дороже, чѣмъ теперь." Изъ этого видно, что каждый человѣкъ, желая легче и полнѣе удовлетворять свои потребности, долженъ также заботиться о легкости и полнотѣ удовлетворенія потребностей другихъ людей; каждый человѣкъ, желая пріобрѣтать какъ можно дешевле и больше чужихъ продуктовъ, долженъ заботиться о дешевизнѣ и большемъ количествѣ своихъ собственныхъ. Мѣриломъ и выраженіемъ этой взаимности интересовъ служитъ цѣнность проуктовъ. Двойственность въ понятіи мѣновой цѣнности исчезаетъ по мѣрѣ исчезновенія противоположности интересовъ продавца и пріобрѣтателя. Съ точки зрѣнія и одного и другаго цѣнность становится мѣриломъ союзности въ общемъ дѣлѣ удовлетворенія потребностей; нельзя сказать въ это время, что цѣнность съ точки зрѣнія продавца есть благо, потому что разумно понимающій свои выгоды продавецъ заинтересованъ въ возможности продавать свои продукты дешево; нельзя также ска-

зать, что съ точки зрѣнія пріобрѣтателя цѣнность есть зло, такъ какъ, при развитіи раздѣленія и соединенія занятій, всякій пріобрѣтатель заинтересованъ въ возвышеніи общей цѣнности своихъ продуктовъ, при уменьшеніи ихъ относительной цѣнности. Противоположныя понятія продавца и пріобрѣтателя о существѣ цѣнности уступаютъ мѣсто одному общему понятію, находя въ немъ объединеніе и примиреніе.

Точно также на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія и понятіе о цѣнности съ исключительной точки зрѣнія производства уступаетъ мѣсто общественно-хозяйственному понятію. При развитіи раздѣленія и соединенія занятій каждый производитель заинтересованъ въ томъ, чтобы какъ можно легче и больше производить, такъ какъ лишь при этомъ условіи онъ можетъ и съ меньшими издержками и въ большемъ количествѣ получать продукты отъ другихъ производителей. При такомъ положеніи дѣлъ онъ не можетъ смотрѣть на цѣнность какъ на зло; онъ заинтересованъ въ уменьшеніи издержекъ производства каждаго отдѣльнаго продукта и въ то же время въ возможномъ увеличеніи общаго количества затратъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ въ его хозяйствѣ получаются продукты и легче и въ большемъ количествѣ. Такимъ образомъ этотъ производитель, будучи заинтересованъ въ уменьшеніи цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, въ то же время заинтересованъ въ увеличеніи цѣнности всего количества производимыхъ имъ продуктовъ, слѣдовательно не можетъ смотрѣть на цѣнность какъ на экономическое зло. Только въ изолированномъ положеніи и при отсутствіи органической связи между производствомъ и другими актами экономической жизни, производитель могъ смотрѣть на цѣнность какъ на зло и на экономическій прогресъ какъ на успѣшную борьбу съ этимъ зломъ. Въ общественной жизни, когда, говоря словами А. Смита, каждый живетъ не столько продуктами своего труда, сколько продуктами труда другихъ людей, производитель не можетъ быть заинтересованъ только въ одномъ удешевленіи продуктовъ. Если продукты его сдѣлаются дешевле на половину, то отъ этой дешевизны онъ ничего не выиграетъ; но онъ выигриваетъ въ томъ случаѣ, когда каждый продукъ въ отдѣльности сдѣлается вдвое дешевле, а производство и сбытъ всѣхъ продуктовъ, наприм. учетверятся.

И такъ, съ экономическимъ развитіемъ обществъ взаимно-противорѣчивыя воззрѣнія на цѣнность исчезаютъ, уступая мѣсто общему

понятію, по которому цѣнность вещей является мѣриломъ и выраженіемъ союзности между людьми въ ихъ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей людей. Полезность весьма рано перестаетъ быть явленіемъ тождественнымъ съ цѣнностью, но законъ потребленія—легкость и полнота въ удовлетвореніи потребностей—является основаніемъ движенія или развитія цѣнности по двумъ, указаннымъ нами, направленіямъ. Развитіе это совершается при посредствѣ развитія отношеній между спросомъ и предложеніемъ, которыя мало по малу перестаютъ быть подчиненными борьбѣ за существованіе, подчиняясь закону союзности между людьми въ цѣляхъ лучшаго существованія. Враждебное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ съ экономическимъ развитіемъ постепенно исчезаетъ, законъ спроса и предложенія естественно становится закономъ взаимности интересовъ, взаимности мѣновой зависимости. Въ каждомъ болѣе или менѣе развитомъ общественномъ организмѣ каждый, какъ представитель спроса, желаетъ пріобрѣсть отъ другихъ какъ можно больше и съ меньшими издержками, каждый, какъ представитель предложенія, желаетъ высшей покупной силы своему имуществу. Но каждый же своему желанію можетъ удовлетворить не иначе, какъ возможно лучшимъ удовлетвореніемъ желаній другихъ. Такое взаимное удовлетвореніе желаній возможно не иначе, какъ при постепенномъ уменьшеніи издержекъ производства, сопровождающемся увеличеніемъ потребленія. Каждый начинаетъ понимать, что гораздо выгоднѣе получить за десять продуктовъ по копѣйкѣ, чѣмъ за одинъ продуктъ пять копѣекъ. Каждый стремится къ улучшенію своего производства, къ удешевленію его, къ увеличенію продуктовъ потребленія при относительномъ уменьшеніи издержекъ производства каждаго изъ нихъ. Только этимъ средствомъ каждый, какъ представитель спроса, получаетъ возможность пріобрѣтенія продуктовъ легче и больше, и, какъ представитель предложенія, получаетъ возможность увеличить покупную силу своего хозяйства. Въ этомъ высшемъ своемъ развитіи законъ спроса и предложенія продуктовъ и услугъ становится закономъ общественнаго прогресса, какъ той естественной формой, посредствомъ которой происходитъ удовлетвореніе потребностей въ мѣновомъ хозяйствѣ.

Постепенно развивающаяся въ мѣновыхъ отношеніяхъ взаимность интересовъ требуетъ, чтобы продукты обмѣнивались пропорціонально издержкамъ производства. Разнообразныя издержки производства мо-

гутъ быть подведены къ одному общему знаменателю—къ времени, необходимому для обнаруженія производительной дѣятельности факторовъ производства. Если въ продуктахъ А и В овеществлено по три дня такого времени, то, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, эти продукты будутъ имѣть одинаковую цѣнность, такъ какъ только при этомъ условіи ни одинъ изъ контрагентовъ обмѣна не несетъ потери. Если владѣлецъ продукта А захочетъ взять за свой продуктъ два продукта В, то, очевидно, собственнику продукта В такой обмѣнъ не выгоденъ; ему приходится шестью днями рабочаго времени покупать всего три дня. Производитель продуктовъ В при существованіи такихъ условій обмѣна не можетъ долго вести свое хозяйство. Продукты А и В при обыкновенномъ положеніи дѣлъ необходимо должны обмѣниваться пропорціонально издержкамъ производства. Конечно, здѣсь разумѣются не индивидуальныя, но общественно-необходимыя издержки. Если бы цѣнность опредѣлялась уровнемъ первыхъ издержекъ, то продукты, произведенные лѣнивымъ рабочимъ, имѣли бы наиболѣе высокую цѣнность, потому что такой рабочій затрачиваетъ много времени на производство каждаго отдѣльнаго продукта. Цѣнность опредѣляется не такими индивидуальными, но общественно-необходимыми издержками производства, которыя требуются уровнемъ развитія техники въ опредѣленное время.

Мы говоримъ, что разнообразныя издержки производства *могутъ быть* подведены къ одному знаменателю—времени, необходимому для производства. Но этотъ знаменатель имѣетъ только абстрактное значеніе, къ которому прибѣгаютъ для лучшаго уясненія соотношенія между мѣновыми пропорціями и издержками производства. Въ обыденной жизни этотъ знаменатель не имѣетъ практическаго значенія, къ нему никакой производитель не прибѣгаетъ въ цѣляхъ опредѣленія размѣровъ затратъ производства.

Между тѣмъ для опредѣленія цѣнности издержками производства прежде всего необходимо опредѣлить цѣнность самихъ издержекъ производства. Теоретически выходъ изъ этого cercle vicieux легко дается, опредѣляя размѣры издержекъ производства временемъ, необходимымъ для хозяйственной дѣятельности. Но если въ обыденной жизни не существуетъ этого опредѣленія, то какимъ же образомъ происходитъ регулированіе мѣновыхъ пропорцій производственными затратами?

Какимъ образомъ въ дѣйствительности происходитъ выходъ изъ того логическаго круга, по которому опредѣляемое должно опредѣляться самымъ же опредѣляемымъ, то есть, по которому цѣнность вещей опредѣляется цѣнностью производительныхъ затратъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ факты мѣновой борьбы, какъ основной формы междучеловѣческой борьбы за существованіе, всецѣло господствующей на низшихъ ступеняхъ развитія и на высшихъ ступеняхъ являющейся гарантіей осуществленія союзности.

Когда цѣнность вещей всецѣло представляла собою результатъ мѣновой борьбы между продавцемъ и пріобрѣтателемъ, тогда же появился общій знаменатель, называемый деньгами, послужившій средствомъ къ измѣренію всевозможныхъ цѣнностей. Цѣнность денегъ опредѣлялась также мѣновой борьбой, какъ и цѣнность всѣхъ товаровъ вообще. Но товаръ—деньги былъ товаромъ наиболѣе желательнымъ и общеспрашиваемымъ, обладая которымъ можно было пріобрѣтать все, въ чемъ только существовала нужда. Весьма естественно, что прибыльность хозяйства стали измѣрять его денежною доходностью, а это и привело къ практическому выходу изъ указаннаго нами круга. Всякій старался производить то, что даетъ возможность получить отъ другихъ наибольшее количество денегъ, оставляя тѣ промыслы, отъ которыхъ получается меньшая денежная прибыль, чѣмъ отъ другихъ. Если въ одной отрасли производства, затративъ 1000 рублей, производитель получаетъ дохода 1500, между тѣмъ какъ въ другой, при таковыхъ же издержкахъ, получаетъ всего 1300 рублей, то очевидно, онъ предпочтетъ заниматься первымъ промысломъ, дающимъ 50% дохода, въ то время какъ второй промыслъ приноситъ всего 30%. Это-то стремленіе каждаго заниматься наиболѣе прибыльнымъ промысломъ и приводитъ естественнымъ путемъ къ опредѣленію цѣнности размѣрами издержекъ производства. „Предметы, говоритъ Милль, имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычною прибылью, иными словами, которыя даютъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ расходъ. Но чтобы на равный расходъ, то есть на равную стоимость производства была равная прибыль, предметы должны въ среднемъ выводѣ обмѣниваться другъ на друга пропорціонально стоимости своего производства; предметы, стоимость которыхъ одинакова, должны имѣть одинаковую цѣн-

ность, потому что лишь въ этомъ случаѣ будетъ равная выручка съ равнаго расхода". Предположимъ, что въ двухъ отрасляхъ промышленности затрачивается по 1000 рублей; предположимъ, далѣе, что одна отрасль промышленнности приноситъ 50% дохода, а другая 30. Весьма естественно, что капитаты устремляются въ первую отрасль, оставля вторую. Увеличеніе продуктовъ въ первой отрасли промышленности увеличиваетъ конкурренцію между продавцами продуктовъ, желающими сбыть свои товары, вслѣдствіе чего цѣны товаровъ понижаются. Во второй отрасли промысловъ происходитъ обратное; часть капиталовъ отвлекается къ другимъ занятіямъ, благодаря чему, уменьшается конкурренція между продавцами и цѣны возвышаются. Это паденіе цѣнъ однихъ продуктовъ и возвышеніе другихъ будетъ происходить до тѣхъ поръ, пока въ обѣихъ отрасляхъ промышленности не сдѣлаются равными прибыли, для чего необходимо, чтобы продукты обмѣнивались пропорціонально издержкамъ производства. Такимъ образомъ между производителями возникаетъ борьба въ тѣхъ случаяхъ, когда прибыль отъ однихъ занятій выше чѣмъ въ другихъ промыслахъ, то есть возникаетъ тогда, когда цѣнности не опредѣляются издержками производства, когда прибыль одного въ такой или иной мѣрѣ является убыткомъ для другаго. Мѣновая борьба становится стражемъ мѣновой солидарности.

Цѣнность, въ точности соотвѣтствующую общественно-необходимымъ издержкамъ производства, можно назвать естественною, въ отличіе отъ рыночной, подверженной вліянію всей совокупности разнообразныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ могутъ находиться продавцы, покупщики, производство и т. д. Естественная цѣнность, какъ выразился А. Смитъ, представляетъ собою какъ бы центръ тяжести, къ которому постоянно тяготѣютъ рыночныя цѣны товаровъ. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ, въ продолжительное время рыночныя цѣны не могутъ быть ни выше, ни ниже естественной цѣнности. Если въ данной мѣстности рыночная цѣна продукта выше естественной, то это значитъ, что прибыль отъ производства этого продукта выше, чѣмъ въ другихъ занятіяхъ. Въ такое болѣе доходное производство устремляются капиталы, предложеніе товаровъ увеличивается, усиливается конкурренція между продавцами и цѣнность понижается до ея естественнаго уровня. Наоборотъ, когда рыночная цѣнность даннаго продукта ниже естественной, то происходитъ отвлеченіе къ

другимъ занятіямъ части капиталовъ уменьшеніе предложенія и поднятіе цѣнности до ея естественнаго уровня. Только особенныя и исключительныя обстоятельства могутъ препятствовать тяготѣнію рыночныхъ цѣнъ къ ихъ естественному центру.

§ 7. Съ экономическимъ развитіемъ обществъ увеличивается количество капиталовъ, такъ какъ облегчается производство ихъ.

Увеличеніе количества капиталовъ и облегченіе ихъ производства приводитъ къ уменьшенію ихъ цѣнности и уменьшенію платы за пользованіе ими. Какъ замѣтилъ Кэри, первый лукъ, созданный человѣкомъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ невооруженными руками трудно было поймать животное, необходимое для тетивы, былъ причиною уменьшенія своей собственной цѣнности; при посредствѣ разъ созданнаго лука новый могъ быть созданъ легче, съ меньшими пожертвованіями и трудомъ. Точно также каждый созданный капиталъ, служа къ облегченію производства, тѣмъ самимъ представляетъ собою причину уменьшенія своей цѣнности, облегчая созданіе новыхъ капиталовъ. Весьма естественно, что всѣ тѣ продукты, въ производствѣ которыхъ значительное участіе принимаетъ капиталъ, должны дешевѣть съ экономическимъ развитіемъ обществъ.

Таковы, главнымъ образомъ, мануфактурные продукты, постоянное удешевленіе которыхъ исторія вполнѣ подтверждаетъ. Такимъ же образомъ, по мѣрѣ экономическаго развитія, должны дешевѣть и тѣ продукты, въ производствѣ которыхъ принимаетъ значительное участіе трудъ человѣка. Развитіе раздѣленія труда, поощреніе энергіи послѣдняго лучшимъ вознагражденіемъ, въ особенности постоянно увеличивающееся образованіе производителей—это силы, благодаря которымъ въ одно и то же время начинаетъ производиться больше продуктовъ, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ въ отдѣльности дешевѣетъ. Особенно важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи образованіе производителей. Кэри вполнѣ правъ утверждая, что цѣнность продуктовъ падаетъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ происходитъ замѣна физической силы умственною, замѣна свойствъ, общихъ у человѣка съ животными, тѣми свойствами, которыя принадлежатъ только одному человѣку. Всѣ продукты, въ производствѣ которыхъ трудъ и капиталъ принимаютъ совмѣстное участіе большее, чѣмъ силы природы, имѣютъ естественное стремленіе дешевѣть. Во многихъ отрасляхъ промышленности даже увеличеніе цѣнности сыраго матеріала

не сопровождается возвышеніемъ цѣнности продуктовъ, благодаря участію въ производствѣ труда и капитала. Въ производствѣ кружевъ, по словамъ Сеньера, сырой матеріалъ, стоющій 2 шилл., можетъ быть посредствомъ обработки возвышенъ въ цѣнности до 150 фунт. стерлинговъ. Если вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ сырой матеріалъ въ этомъ производствѣ поднимется до 4 шилл., то есть если цѣнность его увеличится вдвое, то въ то же время, вслѣдствіе улучшеній въ обработкѣ, вслѣдствіе введенія машинъ и орудій, облегчающихъ трудъ, вслѣдствіе лучшей организаціи раздѣленія производительныхъ операцій и т. п., издержки фабрикаціи могутъ уменьшиться на $^1/_4$ и цѣнность продукта уменьшится до 78 фунт. 19 шилл.; другими словами, увеличеніе цѣнности суровья не окажетъ никакого вліянія на цѣнность самаго продукта, существенная часть которой есть результатъ дѣятельности производительныхъ факторовъ,—капитала и труда человѣка.

Относительно движенія цѣнности тѣхъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ главное участіе принадлежитъ силамъ природы, въ настоящее время господствуетъ воззрѣніе, по которому всѣ эти продукты дорожаютъ и должны дорожать съ экономическимъ развитіемъ обществъ. Основной законъ возрастанія продукта отъ земли, принятый въ настоящее время наукою, состоитъ въ положеніи, что при данной техникѣ увеличеніе затратъ не сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта; другими словами, этотъ законъ состоитъ въ томъ, что при данной техникѣ возрастаніе продукта отъ земли получается болѣе чѣмъ пропорціональнымъ увеличеніемъ издержекъ. Изъ этого-то и дѣлается заключеніе, что цѣны на продукты земледѣлія должны возвышаться по мѣрѣ увеличенія населенія, когда является необходимость въ увеличеніи продукта для прокормленія этого населенія; возвышенныя цѣны необходимы для вознагражденія за увеличенныя издержки. Съ этой точки зрѣнія интенсивныя системы поземельной обработки представляютъ собою симптомъ болѣе тяжкихъ условій прокормленія населенія. „Заботливое воздѣлываніе земли въ англійскихъ или шотландскихъ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, говоритъ Милль, служитъ симптомомъ или слѣдствіемъ болѣе тяжелыхъ условій, которыхъ стала требовать земля для увеличенія продукта. Эта усовершенствованная обработка требуетъ гораздо большей пропорціи расходовъ, чѣмъ хозяйство по болѣе по-

верхностной системѣ; для того, чтобы она стала прибыльною, нужны болѣе высокія цѣны". Такимъ образомъ интенсивность хозяйства не мыслима безъ высокихъ цѣнъ продуктовъ. Существованіе ея свидѣтельствуетъ объ увеличеніи затрудненій, встрѣчаемыхъ увеличившимся числомъ людей въ дѣлѣ своего прокормленія. Она свидѣтельствуетъ о томъ, какъ выражается Милль въ другомъ мѣстѣ своихъ основаній политической экономіи, что новые желудки требуютъ прежней пищи, между тѣмъ какъ новыя руки производятъ меньше прежняго.

Зависимость между цѣнностью продуктовъ и возможностью принятія интенсивныхъ системъ хозяйства Роперъ доказываетъ слѣдующимъ исчисленіемъ. Предположимъ, говоритъ онъ, что въ опредѣленной мѣстности рядомъ существуютъ четыре имѣнія, въ которыхъ, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, приняты разныя системы хозяйства, напримѣръ въ одномъ ведется сибирское хозяйство (С), въ другомъ старое трехпольное (Т), въ третьемъ мекленбургское (М), въ четвертомъ фландрійское (Ф). Предположимъ, далѣе, что въ этихъ хозяйствахъ получится дохода:

	С.	Т.	М.	Ф.
валоваго	500 шф.	1200 шф.	3000 шф.	7000 шф.
при расходѣ	50 тлр.	300 тлр.	1000 тлр.	3000 тлр.

Если шеффель продукта стоитъ $^1/_4$ талера, то чистаго дохода будетъ:

\+ 75 тлр. 0 тлр. — 250 тлр. — 1250 тлр.

При такомъ положеніи дѣлъ одно лишь то имѣніе, въ которомъ ведется сибирское хозяйство, приноситъ доходъ, старая трехпольная система не приноситъ никакого дохода, мекленбургское хозяйство даетъ убытокъ въ 250 талеровъ, а фландрійское въ 1250 талеровъ. При данныхъ издержкахъ и цѣнѣ шеффеля въ $^1/_4$ тлр. возможно лишь одно сибирское хозяйство. Для принятія высшихъ системъ хозяйства необходимо возвышеніе цѣнъ. Но всякая высшая система сопровождается увеличеніемъ издержекъ производства, вслѣдствіе чего для принятія ея необходимо возвышеніе цѣнъ въ большей пропорціи сравнительно съ увеличеніемъ издержекъ. Если цѣнность шеффеля хлѣба удвоится и въ тоже время удвоятся издержки производства, то отношеніе между доходностью указанныхъ хозяйствъ останется безъ всякаго измѣненія, по прежнему будетъ приносить чистый доходъ одно

сибирское хозяйство, старая трехпольная система не даетъ никакого дохода, а хозяйства мекленбургское и фландрійское принесутъ чистый убытокъ. Предположимъ, по этому, что цѣны на хлѣбъ удвояются, между тѣмъ какъ издержки производства увеличиваются въ полтора раза. При цѣнѣ въ $^1/_2$ талера за шеффель, указанное отношеніе между доходами хозяйства измѣнится въ слѣдующее:

	С.	Т.	М.	Ф.
Валовой доходъ	250 тал.	600 тал.	1500 тал.	3500 тал.
Затраты	75 „	450 „	1500 „	4500 „
Чистый доходъ	175 „	150 „	0 „	—1000 „

При цѣнѣ въ 1 талеръ за шеффель:

Валовой доходъ	500 тал.	1200 тал.	3000 тал.	7000 тал.
Затраты	112,5 „	675 „	2250 „	6750 „
Чистый доходъ	387,5 „	525 „	750 „	250 „

При цѣнѣ въ 2 талера:

Валовой доходъ	1000 тал.	2400 тал.	6000 тал.	14000 тал.
Затраты	168,75 „	1012,5 „	3375 „	10125 „
Чистый доходъ	831,25 „	1387,5 „	2625 „	3875 „

И такъ, заключаетъ Рошеръ, экстенсивныя системы хозяйства приносятъ выгоды лишь на низшихъ ступеняхъ развитія, на высшихъ же становится болѣе выгодною интенсивность хозяйства. Но легко замѣтить всякому, что эта выгодность—односторонняя. Она, по ученію Рошера, получается на счетъ покупщиковъ продуктовъ земледѣлія, при чемъ эти покупщики должны оплачивать не только увеличенныя издержки производства, но и, сверхъ того, какъ бы премію сельскому хозяину за введеніе въ его имѣніи интенсивнаго хозяйства. Безъ такой преміи, то есть безъ увеличенія цѣны продукта въ большей пропорціи, чѣмъ происходитъ увеличеніе издержекъ, введеніе интенсивныхъ системъ хозяйства не мыслимо. Очевидно, что, по Рошеру, интенсивность хозяйства еще въ большей степени представляетъ собою симптомъ и слѣдствіе тяжелаго состоянія населенія въ дѣлѣ прокормленія, чѣмъ по теоріи Милля и другихъ экономистовъ.

Таковы воззрѣнія современныхъ экономистовъ. Геніальный основатель политической экономіи думалъ иначе. А. Смитъ считаетъ яв-

леніемъ вполнѣ нормальнымъ возвышеніе рыночной цѣнности сельскохозяйственныхъ продуктовъ до уровня ихъ естественной цѣнности. Онъ утверждаетъ также, что во многихъ случаяхъ и поднятіе цѣнъ выше этого уровня представляетъ собою явленіе вполнѣ благопріятное. Выгода предпріятія, говоритъ онъ, служитъ мотивомъ къ улучшеніямъ; по этому поднятіе цѣнъ, сопровождающееся улучшеніями въ обработкѣ земли, нисколько не противорѣчитъ общественному интересу. Но считая для исключительныхъ случаевъ вздорожаніе хлѣба явленіемъ благопріятнымъ, А. Смитъ въ то же время считаетъ общимъ правиломъ, что съ экономическимъ развитіемъ цѣнность хлѣба или не измѣняется, или имѣетъ тенденцію уменьшаться. Обращаясь къ исторіи, онъ находитъ, что цѣнность хлѣба, какъ средняя величина, взятая за большіе періоды времени, не измѣняется. Въ этомъ отношеніи, по его мнѣнію, хлѣбъ можетъ быть лучшимъ мѣриломъ измѣненій въ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, если намъ необходимо прослѣдить эти измѣненія за большіе періоды времени. Но констатируя исторически постоянство цѣнности хлѣба, А. Смитъ не отрицаетъ возможности его удешевленія. Улучшеніе земель, говоритъ онъ, находится въ тѣсной зависимости отъ развитіемъ скотоводства. На низшихъ ступеняхъ экономическаго быта, когда существуютъ огромныя пространства невоздѣланныхъ земель, на которыхъ свободно пасется всякій скотъ, цѣнность скота ничтожна. Въ это же время господствуютъ хищническія системы полеводства и растительная пища, сравнительно съ животною, дорога. Мало по малу увеличивается населеніе, возникаетъ необходимость обработки невоздѣлываемыхъ земель и улучшенія обработки прежнихъ. Для этого необходимо удобреніе; увеличивается спросъ на скотъ, количество котораго уменьшилось вслѣдствіе уменьшенія свободныхъ для пастьбы земель; цѣнность скота поднимается. Цѣна животной пищи возвышается, пока не достигнетъ до того, что будетъ столь же выгодно воздѣлывать на лучшихъ земляхъ пищу для скота, какъ и пищу для людей. Выше этого предѣла она не можетъ подняться, такъ какъ въ противномъ случаѣ большая часть хлѣбныхъ полей была бы обращена подъ пастбища. Но улучшенія въ земледѣліи, сопровождаясь возвышеніемъ цѣны животной пищи, въ то же время должны сопровождаться удешевленіемъ пищи растительной, такъ какъ эти улучшенія состоятъ въ увеличеніи производительности земли и, слѣдовательно, въ увеличеніи количества растительной пищи. Если же улучшенія въ зем-

ледѣліи ведутъ къ удешевленію растительной пищи и къ вздорожанію животной, то заключаетъ А. Смитъ, неблагопріятныя послѣдствія послѣдняго нейтрализуются первымъ; люди обладаютъ большими средствами для пріобрѣтенія болѣе дорогой животной пищи, заключающимися въ увеличенномъ количествѣ пищи растительной.

Во время А. Смита еще не былъ уясненъ указанный выше законъ возрастанія продукта отъ земли, послужившій основаніемъ для позднѣйшихъ ученій о необходимости постояннаго вздорожанія продуктовъ зеиледѣлія. Можно подумать, что именно это и было причиною того, что А. Смитъ отрицалъ такую необходимость. Но въ его экономической системѣ мы встрѣчаемъ данныя, на основаніи которыхъ можно думать, что А. Смитъ не придалъ бы указанному закону фаталистическаго характера и что въ дѣйствительности законъ этотъ не имѣетъ такого характера.

А. Смитъ говоритъ, что съ экономическимъ развитіемъ, по мѣрѣ умноженія капиталовъ, процентъ съ каждой доли капитала уменьшается. Это положеніе, подтверждаемое всѣми историческими фактами, говоритъ намъ о томъ, что тенденція къ постоянному вздорожанію хлѣба отъ увеличенія затратъ, непропорціональнаго увеличенію продуктовъ, нейтрализуется удешевленіемъ каждой единицы капитала и, слѣдовательно, сельско-хозяйственныхъ затратъ. Для введенія интенсивной культуры необходимо удешевленіе капиталовъ, постепенное удешевленіе которыхъ представляетъ собою безспорный историческій фактъ. Съ этой точки зрѣнія, интенсивное хозяйство—не симптомъ затрудненій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей, но несомнѣнный признакъ увеличенія могущества человѣка. Изобиліе силы, называемой капиталомъ, производитъ общедоступность и дешевизну ея, даетъ возможность увеличивать земледѣльческія затраты, не обращая вниманія на несоотвѣтствіе этихъ затратъ съ количествомъ получаемыхъ продуктовъ. Конечно, въ частныхъ случаяхъ можетъ возникать необходимость такихъ затратъ въ то время, когда цѣнность капитала еще не понизилась въ соотвѣтствующей для этого пропорціи; эта необходимость возникаетъ обыкновенно въ странахъ, размноженіе населенія которыхъ идетъ быстрѣе развитія капитала. Во всѣхъ такихъ случаяхъ происходитъ неблагопріятное возвышеніе цѣнности хлѣба, дѣйствительно служащее симптомомъ затрудненій въ дѣлѣ прокормленія. Но есть ли разумныя основанія для того,

чтобы считать такое положеніе сельско-хозяйственнаго дѣла вполнѣ нормальнымъ положеніемъ? Кто знакомъ съ экономитескимъ развитіемъ человѣчества, идущимъ совмѣстно съ его умственнымъ развитіемъ, тотъ не возведетъ подобныхъ фактовъ въ законъ. А. Смитъ не сомнѣвался въ могуществѣ человѣка, зависящемъ отъ его знанія, и вполнѣ основательно считалъ, что съ экономическимъ развитіемъ растительная пища или не измѣняется въ цѣнѣ, или можетъ дешевѣть, что возвышается цѣна животной пищи, но что это нисколько не противорѣчитъ общественному благосостоянію.

Исторія цѣнности хлѣба подтверждаетъ воззрѣніе А. Смита. М. Блокъ въ своей статистикѣ Франціи приводитъ данныя о цѣнахъ на пшеницу съ начала настоящаго столѣтія до 1858 года включительно. Данныя эти, раздѣленныя на два періода, вовсе не говоритъ о возвышеніи цѣны пшеницы, а говорятъ о нѣкоторомъ удешевленіи ея. Среднія цѣны гектолитра пшеницы были:

съ 1800 — 1829	20 фр. 91	сант.
съ 1830 — 1858	20 фр. $61^{2}/_{3}$	сант.

Тотъ же статистикъ сообщаетъ свѣдѣнія о цѣнахъ на пшеницу въ Англіи, свѣдѣнія, обнимающія 32 лѣтній періодъ, начиная съ 1827 по 1858 г. включительно. Цѣны эти, раздѣленныя на два періода, представляются въ слѣдующемъ видѣ: гектолитръ пшеницы стоитъ по 16-ти лѣтней сложности.

съ 1827 — 1842	25 фр. $21^{1}/_{4}$	сант.
съ 1843 — 1858	23 фр. $34^{5}/_{10}$	сант.

Такимъ образомъ вмѣсто вздорожанія этого продукта, мы видимъ, напротивъ того, нѣкоторое удешевленіе его. Это ясно свидѣтельствуетъ, что интенсивное земледѣліе возможно и безъ возвышенія цѣнъ, но при условіи удешевленія въ странѣ капиталовъ. Пониженіе цѣнъ, не сопровождающееся соотвѣтствующимъ удешевленіемъ капиталовъ, вызываетъ необходимость уменьшенія степени интенсивности хозяйства, т. е. въ большей или меньшей мѣрѣ возврата къ хозяйству экстенсивному. По этой причинѣ западно-европейское земледѣліе переживаетъ въ настоящее время критическій моментъ, вызванный доставкой на западно-европейскіе рынки дешеваго хлѣба изъ Индіи и Америки. Выходъ изъ кризиса можетъ быть данъ единственно такой національно-хозяйственной политикой, при которой прежде всего національное

земледѣліе должно быть ограждено отъ иноземной конкурренціи на внутреннихъ рынкахъ, за тѣмъ будутъ предприняты мѣры къ развитію всѣхъ неземледѣльческихъ отраслей народнаго труда. Какъ уже было сказано во введеніи къ настоящему курсу, развитіе неземледѣльческихъ отраслей промышленности должно сопровождаться удешевленіемъ расходовъ каждаго на предметы обрабатывающей промышленности и слѣдовательно равносильно облегченію пріобрѣтенія продуктовъ земледѣлія. Съ другой стороны, общее развитіе народнаго труда и предпріимчивости должно сопровождаться увеличеніемъ и удешевленіемъ капиталовъ, благодаря чему интенсивное земледѣліе окажется вполнѣ возможнымъ и при низкихъ цѣнахъ земледѣльческихъ продуктовъ. Національная экономія на высшихъ ступеняхъ своего развитія естественно приводитъ къ тому, что высшее интенсивное хозяйство перестанетъ нуждаться въ огражденіи отъ конкурренціи съ экстенсивнымъ земледѣліемъ. Тотъ „дешевый хлѣбъ," который въ настоящее время причиняетъ столько затрудненій высшей земледѣльческой культурѣ, перестанетъ быть пращей, брошенной новымъ свѣтомъ въ старый культурный свѣтъ. Но для достиженія этого экономическая культура государствъ стараго свѣта должна сдѣлаться систематически національною культурою. У насъ вступленіе на этотъ путь національно-экономической культуры необходимо болѣе чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ съ каждымъ годомъ дешевый хлѣбъ изъ Индіи и Америки вытѣсняетъ нашъ хлѣбъ изъ западно-европейскихъ рынковъ. Необходимо открыть внутренніе рынки, а это требуетъ развитія неземледѣльческихъ отраслей труда и огражденія внутренняго производства отъ иностранной конкурренціи. Національное хозяйство и у насъ единственный путь къ удешевленію капиталовъ, а слѣдовательно и къ тому, чтобы интенсивное земледѣніе не находилось въ противорѣчіи съ потребителями продуктовъ сельскаго хозяйства.

(1) Литература вопроса о цѣнности подробно указана въ нашемъ изслѣдованіи: „Теорія цѣнности". Варшава, 1877 года.

II. Деньги.

§ 1. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія господствуетъ такъ называемый натуральный обмѣнъ, при которомъ продукты обмѣниваются непосредственно на продукты. При господствѣ

этой формы обмѣна мѣновая ассоціація не могла правильно развиваться по слѣдующимъ причинамъ:

а) При натуральномъ обмѣнѣ необходима такая же натуральная взаимность спроса и предложенія мѣняющихся сторонъ. Если я желаю пріобрѣсть хлѣбъ, имѣя для сбыта вино, то мнѣ необходимо отыскать именно такого человѣка, который имѣетъ хлѣбъ и желаетъ пріобрѣсть вино. Очивидно, что такая взаимность въ спросѣ и предложеніи не всегда встрѣчается и мѣновой сдѣлкѣ трудно состояться. Портной, не имѣющій ничего, кромѣ платья, говоритъ Д. С. Милль, могъ бы умереть съ голода, прежде чѣмъ найдетъ человѣка, желающаго пріобрѣсть платье и продать хлѣбъ (1).

б) При натуральномъ обмѣнѣ трудно соразмѣрять цѣнности обмѣниваемыхъ предметовъ. Многіе предметы могутъ быть дѣлимы не иначе, какъ съ значительной потерей своей цѣнности. Если кто нибудь, говоритъ Горловъ, желаетъ промѣнять холстъ на одинъ пудъ говядины и если найденъ человѣкъ готовый на такой обмѣнъ, но у него говядины не пудъ, а цѣлый волъ, то какъ произвести обмѣнъ? Для одного пуда говядины невозможно убить быка (2).

в) При натуральномъ обмѣнѣ необходимо помнить всѣ разнообразныя мѣновыя пропорціи, что не только затруднительно, но во многихъ отношеніяхъ почти невозможно. Каждый долженъ помнить, сколько за данный продуктъ, положимъ за ржаной хлѣбъ, необходимо взять мяса, кожъ, вина и т. д. При такомъ положеніи дѣлъ необходимо имѣть лексиконъ, къ которомъ бы обозначены были всѣ существующіе товары и противъ каждаго изъ нихъ—количество каждаго изъ всѣхъ остальныхъ, которое можно получить въ обмѣнъ безъ убытка. Но, ясно, что и такой лексиконъ приносилъ бы мало пользы. Цѣнность продуктовъ часто мѣняется, вслѣдствіе чего записанныя мѣновыя пропорціи товаровъ, годныя для одного дня, будутъ совершенно безполезны для другаго.

Для избѣжанія этихъ неудобствъ натуральнаго обмѣна каждый человѣкъ старался запастись такимъ товаромъ, въ отношеніи къ которому спросъ наиболѣе постояненъ и который, поэтому, гарантируетъ возможность пріобрѣтенія желаемаго продукта во всякое время. Каждый народъ, смотря по различнымъ условіямъ своей хозяйственной жизни, избиралъ съ этою цѣлію особый товаръ. У народовъ пастушескихъ такимъ наиболѣе спрашиваемымъ и наиболѣе обращающимся

товаромъ былъ скотъ. Скотъ у этихъ народовъ и служилъ мѣновымъ посредникомъ; каждый старался пріобрѣсть его, такъ какъ былъ гарантированъ въ возможности обмѣна его на желаемый продуктъ во всякое время, у кого только былъ встрѣчаемъ этотъ желаемый продуктъ. Скотъ былъ употребляемъ въ видѣ денегъ древними Греками гомеровскихъ временъ; у древнихъ Римлянъ скотъ также былъ мѣновымъ посредникомъ, на какой фактъ указываетъ и происхожденіе слова pecuniae отъ pecus-скотъ. Русскіе въ древнее время въ видѣ денегъ употребляли куньи мѣха. Въ древней Россіи казна носила названіе „скотницы“, что также указываетъ на скотъ, какъ на орудіе обмѣна. Въ скотницѣ хранились мѣха, служившіе деньгами. Лѣтописецъ Несторъ говоритъ: Св. Владиміръ „повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питіе и яденіе и отъ скотницъ кунами“. У многихъ земледѣльческихъ народовъ въ видѣ денегъ употреблялись разные земледѣльческіе продукты; у нѣкоторыхъ народовъ—соль, табакъ, раковины и т. п.

Съ экономическимъ развитіемъ въ видѣ денегъ начинаютъ употребляться драгоцѣнные металлы—золото и серебро. Является вопросъ, что же было основаніемъ, по которому именно этотъ матеріалъ входитъ во всеобщее употребленіе для составленія мѣноваго посредника?

а) Прежде всего это объясняется особеннымъ свойствомъ всѣхъ народовъ, находящихся на низшихъ ступеняхъ развитія. „Послѣ пищи и одежды, а въ нѣкоторыхъ климатахъ даже больше одежды, говоритъ Милль, самое сильное расположеніе въ грубомъ обществѣ бываетъ къ нарядамъ и къ тому отличію, которое доставляется роскошью или дороговизною этихъ нарядовъ. По удовлетвореніи первыхъ необходимостей жизни, каждый старался собирать какъ можно большій запасъ дорогихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нарядныхъ вещей, а главными изъ иихъ были золото, серебро и драгоцѣнные камни. Каждому пріятнѣе всего было имѣть именно эти предметы и на нихъ вѣрнѣе было надѣяться, что каждый захочетъ принять ихъ въ обмѣнъ на всякій продуктъ“ ([3]). Эти вещи были общеспрашиваемы, слѣдовательно каждому гарантировали возможность пріобрѣтенія желаемаго продукта во всякое время и у всякаго. Вотъ почему уже на низшихъ ступеняхъ общественности золото и серебро начали употребляться въ видѣ мѣноваго посредника, постепенно вытѣсняя собою всякій иной матеріалъ ([4]).

б) Въ этомъ вытѣсненіи особенное значеніе имѣло практически развившееся убѣжденіе о наибольшей пригодности золота и серебра для отправленія функцій мѣноваго посредника. И въ дѣйствительности золото и серебро наиболѣе удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ мѣноваго посредника.

а) Цѣнность этого товара общеизвѣстна; золото и серебро, какъ мы сказали, составляютъ предметъ, которымъ уже на низшихъ ступеняхъ гражданственности интересовался каждый и который не перестаетъ быть общеспрашиваемымъ и на высшихъ ступеняхъ развитія, не переставая служить средствомъ удовлетворенія потребностей роскоши. Сверхъ того, когда замѣчено было удобство въ обладаніи ими для цѣлей пріобрѣтенія другихъ товаровъ, тогда спросъ на нихъ еще болѣе увеличился и къ годности золота и серебра, какъ средства удовлетворенія потребностей роскоши, присоединилась новая годность, заключающаяся въ способности ихъ служить мѣновымъ посредникомъ. Такимъ образомъ золото и серебро сдѣлались товаромъ наиболѣе спрашиваемымъ, цѣнность котораго общеизвѣстна. Это свойство имѣетъ весьма существенное значеніе. Очевидно всякому, что не можетъ быть мѣновымъ посредникомъ такой предметъ, цѣнность котораго мало извѣстна, какъ не можетъ быть мѣриломъ длины предметъ, размѣры котораго не точно опредѣлены.

б) Цѣнность золота и серебра высока сравнительно съ объемомъ, что зависитъ отъ ограниченности ихъ предложенія сравнительно со спросомъ или, что одно и тоже, отъ трудности ихъ добычи. Соединеніе высокой цѣнности съ малымъ объемомъ и вѣсомъ дѣлаетъ золото и серебро болѣе другихъ товаровъ удобными для перевозки и храненія. Не можетъ быть мѣновымъ посредникомъ предметъ незначительной цѣнности сравнительно съ объемомъ и вѣсомъ, такъ какъ при таковомъ посредникѣ мѣновыя сношенія затруднялись бы его тяжеловѣсностью и денежный обмѣнъ почти ничѣмъ не отличался бы въ существѣ дѣла отъ натуральнаго обмѣна.

в) Цѣнность золота и серебра болѣе постоянна, чѣмъ цѣнность другихъ товаровъ. Постоянство ихъ цѣнности обусловливается тѣмъ, что количество ихъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу. Сверхъ того, золото и серебро, не портясь, могутъ быть сохраняемы въ теченіи вѣковъ, что также имѣетъ значительное вліяніе на постоянство ихъ цѣнности. Можетъ быть еще и теперь, справедливо замѣчаетъ Рошеръ,

находятся въ обращеніи монеты, матеріалъ для коихъ добытъ Филиппомъ Македонскимъ, или изъ испанскихъ рудниковъ временъ Аннибала. Благодаря такой долговѣчности, золото и серебро накопляются въ видѣ громадныхъ сокровищъ, въ сравненіи съ которыми ежегодное производство кажется незначительнымъ, какъ бы ни было абсолютно велико. Когда собранъ новый хлѣбъ, то весь прежній почти уничтоженъ; измѣненіе цѣны хлѣба зависитъ отъ его новаго предложенія; между тѣмъ какъ относительно цѣнности золота и серебра новое предложеніе ихъ имѣетъ ничтожное значеніе. Новая масса годовой добычи ихъ, сравнительно съ сокровищами, вѣками накопленными, представляется ничтожною (5).

г) Золото и серебро легко могутъ быть дѣлимы безъ всякой потери своей цѣнности. По условіямъ цѣнности своей, нѣкоторые другіе товары могли бы служить мѣновымъ посредникомъ, но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ такою экономическою дѣлимостью, какъ золото и серебро. Алмазъ по цѣнности своей легко могъ бы служить мѣновымъ посредникомъ, но онъ не можетъ быть дѣлимъ такъ удобно, какъ дѣлятся на части золото и серебро. Алмазъ дѣлится на части не иначе, какъ съ потерей своей цѣнности. Если вѣсъ его болѣе одного карата, то цѣнность его опредѣляется умноженіемъ квадрата вѣса на цѣну одного карата; если одинъ каратъ стоитъ 10 рублей, то алмазъ въ пять каратовъ будетъ стоить 250 рублей. Если этотъ алмазъ раздѣлить на пять равныхъ частей, то цѣнность ихъ будетъ равняться всего 50 рублямъ. Очевидно, алмазъ не можетъ быть мѣновымъ посредникомъ, такъ какъ матеріалъ, служащій для изготовленія мѣноваго посредника, долженъ быть дѣлимъ безъ всякой потери своей цѣнности.

д) Наконецъ, чеканка золота и серебра не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Для того, чтобы каждый могъ быть вполнѣ увѣренъ въ достоинствѣ монеты, обыкновенно правительства берутъ на себя обязанность обозначать на каждой монетѣ ея вѣсъ и пробу.

По всѣмъ этимъ основаніямъ и произошло то, что золото и серебро признаны исключительнымъ матеріаломъ для денегъ.

Этотъ краткій генезисъ денегъ указываетъ намъ на то, что металлическія деньги съ одной стороны представляютъ собою самостоятельный товаръ, обладающій самостоятельною цѣнностью, независящею отъ спроса на золото и серебро, какъ на матеріалъ для изготовленія мѣноваго посредника,—съ другой же стороны, что въ металлическихъ

деньгахъ долженъ существовать элементъ цѣнности, отличный отъ этой самостоятельной или внутренней цѣнности, обусловливаемой спросомъ на металлъ для удовлетворенія потребностей роскоши. Маталлическія деньги въ данномъ отношеніи совершенно отличны отъ тѣхъ первобытныхъ денегъ, которыя существовали уже при натуральномъ обмѣнѣ, наприм. отъ скота, какъ мѣноваго посредника.

Полезность скота, какъ продукта потребленія, была основаніемъ цѣнности его. Размѣрами этой полезности, какъ размѣрами спроса на скотъ для удовлетворенія потребностей въ молокѣ, мясѣ и т. п., опредѣлялась цѣнность каждой штуки скота. И такъ какъ спросъ на скотъ былъ великъ, то de facto скотъ могъ служить мѣновымъ посредникомъ. Другими словами, основаніемъ употребленія скота въ качествѣ мѣноваго посредника было употребленіе его для непосредственнаго потребленія. Послѣдняя цѣнность его, т. е. цѣнность опредѣляемая спросомъ для непосредственнаго потребленія была регуляторомъ его первой цѣнности, какъ орудія для мѣновыхъ сношеній. Покупная сила штуки скота въ качествѣ мѣноваго орудія была *вполнѣ* тождественною съ продажной цѣной для удовлетворенія непосредственныхъ нуждъ человѣка въ молокѣ, мясѣ, рабочей силѣ. Такъ и въ настоящее время основаніемъ обращаемости наприм. доковыхъ и грузовыхъ свидѣтельствъ служитъ цѣнность товара, представителемъ котораго является данное свидѣтельство. Каждый принимаетъ это свидѣтельство въ видѣ платежа за отдаваемые продукты, считая цѣнность получаемаго по этому свидѣтельству товара равноцѣнностью отдаваемаго. Непосредственная потребительная цѣнность товара здѣсь предшествуетъ его годности къ обращаемости въ качествѣ мѣноваго посредника и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ въ точности размѣры цѣнности его и въ этомъ послѣднемъ назначеніи. Нельзя этого сказать относительно звонкой монеты.

Если продуктъ можетъ служить къ удовлетворенію двухъ категорій потребностей, изъ которыхъ первая несравненно больше и интенсивнѣе второй, то цѣнность такого продукта опредѣляется размѣрами существующаго спроса для удовлетворенія первой категоріи потребностей.

Въ первое время цѣнность золота и серебра опредѣлялась исключительно спросомъ для непосредственнаго потребленія: для украшеній разныхъ частей тѣла и другихъ изящныхъ издѣлій. Но за тѣмъ зо-

лото и серебро получаютъ общественное значеніе, появляется общій спросъ на эти товары, какъ на матеріалъ для мѣноваго посредника. Послѣдній спросъ несравненно больше и интенсивнѣе перваго. Каждый старается пріобрѣсть эти товары не для украшеній, но какъ такіе товары, за которые можно во всякое время получить въ обмѣнъ другіе товары. Монета представляетъ собою товаръ, избирающій всѣ другіе товары, тогда какъ каждый другой товаръ представляетъ собою благо избираемое. Понятно, что, сосредоточивая въ себѣ общій спросъ, монета въ этомъ отношеніи пользуется большимъ спросомъ, чѣмъ какой бы то ни было другой товаръ. Когда возникъ этотъ новый спросъ, цѣнность золота и серебра перестала регулироваться прежнимъ единичнымъ спросомъ для удовлетворенія потребностей тщеславія. Уже въ силу одного того, что къ индивидуальной годности золота и серебра присоединилась годность общественная, цѣнность этого матеріала должна была увеличиться. И по мѣрѣ того, какъ спросъ на золото и серебро, какъ на матеріалъ для денегъ, получалъ все большее и большее значеніе, цѣнность ихъ начала регулироваться спросомъ для этого посредственнаго употребленія, начала обусловливаться годностью ихъ служить мѣновымъ посредникомъ, а не годностью для издѣлій. Конечно, при этомъ не существуетъ особой значительной разницы между цѣнностью золота и серебра въ монетѣ и цѣнностью ихъ въ слиткахъ. Вполнѣ вѣрно, что „годность золота и серебра, какъ монеты, при существующемъ спросѣ и предложеніи, создала цѣнность матеріала, изъ котораго чеканятся металлическія деньги, точно также какъ годность хлопка, перерабатываемаго въ ткани, при существующемъ спросѣ и предложеніи тканей, создала цѣнность хлопка, какъ сырого матеріала; но такъ какъ издержки чеканки не значительны, то разность въ цѣнности между металломъ въ слиткахъ и въ монетѣ оказывается ничтожною“ (6). Годность золота и серебра быть деньгами возсоздала ихъ цѣнность какъ матеріала для издѣлій. Если въ силу появленія общественнаго спроса золото и серебро должно было подняться въ цѣнности, то оно поднялось также въ качествѣ матеріала для издѣлій. Понятно, что при этомъ не послѣдняя цѣнность регулируетъ первую, а совершенно на оборотъ: спросомъ на золото и серебро, какъ на монету, опредѣляется цѣнность золота и серебра въ издѣліяхъ. Спросъ на хлопчатобумажныя ткани создалъ цѣнность хлопка, какъ сырого матеріала.

Если бы этотъ спросъ по какимъ либо обстоятельствамъ пересталъ существовать, то и созданная имъ цѣнность прекратила бы свое существованіе. Если бы и спросъ на золото и серебро, какъ на матеріалъ, изъ котораго приготовляется монета, пересталъ существовать или уменьшился, то и созданная имъ цѣнность золота и серебра въ издѣліяхъ должна была бы прекратиться или уменьшиться. Въ данномъ случаѣ осталась бы лишь та цѣнность, которая соотвѣтствовала бы одиночному спросу на золото и серебро, какъ на матеріалъ для издѣлій.

Такимъ образомъ утрата общественной годности металла влечетъ за собою потерю его цѣнности и съ другой стороны утрата цѣнности равносильна утратѣ общественной годности. Вполнѣ основательно утверждаютъ, что въ этомъ отношеніи деньги представляютъ собою своеобразный товаръ, рѣшительно отличный отъ другихъ товаровъ. Во всѣхъ другихъ товарахъ утрата цѣнности не влечетъ за собой потери ихъ полезности или годности служить для удовлетворенія потребностей. „Если бы хлѣбъ утратилъ на $^{999}/_{1000}$ своей цѣнности, то онъ по прежнему служилъ бы для питанія, но если бы золото и серебро утратили въ такой же мѣрѣ свою цѣнность, то, очевидно, что они перестали бы служить покупною силою“ (7). Въ монетѣ цѣнность и общественная годность находятся между собою въ такой же тѣсной связи, въ какой находится отношеніе между спросомъ и цѣнностью предложенія. Если увеличивается предложеніе, то, при неизмѣненіи существующаго спроса, цѣнность вещей падаетъ. Такъ какъ относительно менеты спросъ и общественная годность—понятія тождественныя, то съ увеличеніемъ количества денегъ, при неизмѣненіи спроса, общественная годность денегъ распредѣляется между большимъ ихъ количествомъ и соотвѣтственно съ этимъ падаетъ ихъ цѣнность. Годностью золота и серебра, какъ монеты, т. е. спросомъ на золото и серебро, какъ на матеріалъ для мѣноваго посредника, опредѣляется ихъ цѣнность. Безъ этого спроса золото и серебро, удовлетворяя исключительно потребностямъ въ издѣліяхъ, имѣли бы несравненно меньшую цѣнность, такъ какъ уменьшеніе спроса равносильно уменьшенію цѣнности вещей и услугъ.

Вотъ почему на правъ А. Вагнеръ, считая недоказаннымъ положеніе, что „деньги и цѣнность вещества, изъ котораго деньги приготовлены, тождественны“. Но онъ вполнѣ справедливо утверждаетъ,

что цѣнность металлическихъ денегъ зависитъ какъ отъ первоначальной цѣнности металловъ, такъ и отъ употребленія металловъ какъ денегъ. „Основу для этого приращенія цѣнности составляетъ годность денегъ, которою обусловливается обмѣнъ ихъ на предметы потребленія. Здѣсь *высота цѣнности и годность обусловливаютъ другъ друга*“ (8). Эта взаимная обусловливаемость въ монетѣ годности и цѣнности ея должна быть признана краеугольнымъ камнемъ всей научной системы о мѣновомъ посредникѣ вообще, изъ какого матеріала онъ не изготовлялся бы въ странѣ.

Тѣсная связь между годностью и цѣнностью денегъ легко приводитъ къ мысли, что въ деньгахъ цѣнность имѣетъ лишь подчиненное значеніе, въ существѣ же дѣла важно лишь одно, а именно годность къ службѣ въ качествѣ мѣноваго посредника. Такъ А. Вагнеръ утверждаетъ, что вещная цѣнность въ монетѣ, какъ и вообще во всякихъ деньгахъ, „составляетъ добавочное обезпеченіе и служитъ къ тому, чтобы подкрѣпить требованіе, заключающееся въ деньгахъ на равноцѣнную услугу.“ Въ существѣ дѣла нѣтъ надобности въ этомъ „добавочномъ обезпеченіи.“ „Деньги въ идеѣ, говоритъ онъ, составляютъ передаточное долговое обязательство, полученное за услуги оказанныя обществу и уполномочивающее обладателя получить равноцѣнность своихъ услугъ произведеніями, принадлежащими другимъ владѣльцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, годность денегъ, равно какъ и всякаго вещества, служащаго деньгами, вещества, которое, подобно драгоцѣннымъ металламъ, имѣетъ и годность и цѣнность, не мыслима безъ довѣрія къ тому, что эти деньги представляютъ повсемѣстно въ обществѣ покупную силу. Если этого довѣрія нѣтъ, то деньги утрятятъ свою цѣнность, если это довѣріе уменьшится, то уменьшится ихъ цѣнность. Извѣстные примѣры населенія, голодавшаго въ крѣпостяхъ, могутъ быть разсматриваемы съ этой стороны и могутъ служить поясненіемъ предъидущему.“

Мысль о томъ, что въ деньгахъ цѣнность матеріала имѣетъ значеніе только „добавочнаго обезпеченія“ возникла изъ того, что, какъ выразился Вагнеръ, въ развитомъ народномъ хозяйствѣ большинство смотритъ на фактъ покупной силы, заключающейся въ монетѣ, какъ въ деньгахъ, причемъ спросъ на золото и серебро, какъ на матеріалъ для этой покупной силы, создаетъ цѣнность самаго матеріала. Цѣнность денегъ всецѣло опредѣляется этимъ спросомъ на покупную

силу, опредѣляется размѣрами потребности народнаго хозяйства въ мѣновыхъ орудіяхъ и количествомъ предложенія ихъ. При равновѣсіи между спросомъ и предложеніемъ денегъ цѣнность ихъ опредѣляется затратами производства, вызываемыми существующимъ спросомъ. При увеличеніи спроса и неизмѣненіи предложенія цѣнность монеты должна подниматься; при уменьшеніи спроса цѣнность ея должна падать. Въ основаніи этихъ колебаній лежитъ законъ издержекъ производства. При уменьшеніи спроса цѣнность монеты падаетъ, вслѣдствіе чего разработка многихъ рудниковъ, небогатыхъ мѣсторожденіями, должна прекратиться. При увеличеніи спроса происходитъ обратное явленіе; вслѣдствіе возвышенія цѣнности монеты становится выгодною разработка небогатыхъ рудниковъ, въ которыхъ каждая единица продукта представляетъ собою результатъ большей суммы затратъ. Здѣсь, очевидно, мы видимъ тѣ же явленія, которыми сопровождаются измѣненія въ спросѣ и относительно хлопка-сырца; увеличеніе или уменьшеніе его равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности хлопка, что въ свою очередь ведетъ къ измѣненіямъ въ количествѣ труда и капитала, затрачиваемыхъ въ производствѣ его.

Ва каждой отдѣльной странѣ спросъ на деньги состоитъ въ общей массѣ произведеній, предлагаемыхъ для сбыта. Предложеніе же денегъ состоитъ не только въ ихъ физическомъ количествѣ, но и въ особенности въ ихъ экономическомъ количествѣ. Рубль, обращающійся въ теченіи опредѣленнаго времени десять разъ, равняется десяти рублямъ, изъ которыхъ каждый въ теченіи этого времени переходитъ изъ хозяйства въ другое хозяйство по одному разу. Увеличеніе количества произведеній, при неизмѣненіи предложенія денегъ, ведетъ къ возвышенію цѣнности послѣднихъ. Увеличеніе предложенія денегъ, при неизмѣненіи количества произведеній страны, предлагаемыхъ для сбыта, приводитъ къ уменьшенію цѣнности денегъ. Уменьшеніе произведеній, при неизмѣненіи предложенія денегъ, сопровождается уменьшеніемъ цѣнности денегъ. Наконецъ, уменьшеніе предложенія денегъ, при неизмѣненіи количества произведеній страны, ведетъ къ увеличенію ихъ цѣнности.

Такимъ образомъ цѣнность мѣноваго посредника въ каждой отдѣльной странѣ зависитъ отъ спроса на орудія обращенія, выраженіемъ котораго является производительность страны. Эту зависимость между цѣнностью денегъ и производительностью страны экономисты

выражаютъ въ извѣстномъ положеніи, что цѣнность денегъ и произведеній состоятъ между собою въ обратно-пропорціональномъ отношеніи. Это какъ бы два ведра въ колодезномъ воротѣ; поднятіе одного равносильно паденію другаго. Возвышеніе цѣнности товаровъ равносильно паденію цѣнности денегъ и на оборотъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ цѣнность денегъ представляетъ собою результатъ производительной дѣятельности страны, воплощающей собою спросъ на деньги. Цѣнность денегъ создается самимъ населеніемъ и есть ни что иное, какъ выраженіе его труда и производительности: чѣмъ въ большей мѣрѣ каждая единица представляетъ собою овеществленіе народной предпріимчивости, тѣмъ выше и достоинство или цѣнность ея. Въ этомъ слыслѣ мы понимаемъ ученіе экономистовъ объ обратнопропорціональномъ отношеніи между цѣнностью товаровъ и цѣнностью денегъ. Чѣмъ ниже народная предпріимчивость, тѣмъ меньше въ странѣ произведеній, предлагаемыхъ для сбыта, тѣмъ больше цѣны этихъ произведеній и поэтому тѣмъ меньше цѣнность денегъ. На оборотъ, чѣмъ выше народная предпріимчивость, тѣмъ болѣе въ странѣ произведеній, необходимыхъ для удовлетворенія ея потребностей и предлагаемыхъ для сбыта, тѣмъ меньше цѣнность каждаго произведенія, взятаго въ отдѣльности, и тѣмъ выше цѣнность денегъ. Если цѣнность произведеній и денегъ состоятъ между собою въ обратно-пропорціональномъ отношеніи, то народная предпріимчивость и цѣнность денегъ находятся въ прямо—пропорціональномъ отношеніи.

Изъ этого видно, что въ монетѣ матеріалъ не служитъ только „добавочнымъ обезпеченіемъ“, такъ какъ цѣнность матеріала всецѣло опредѣляется цѣнностью монеты. Этотъ матеріалъ служитъ полнымъ обезпеченіемъ въ такой мѣрѣ, въ какой цѣнность монеты есть результатъ даннаго состоянія народной предпріимчивости. Это обезпеченіе такъ несомнѣнно, какъ и несомнѣнно паденіе одного ведра въ колодезномъ воротѣ при поднятіи другаго. При этомъ необходимо не забывать, что несомнѣнность и твердость этого обезпеченія зависитъ также отъ всемірности спроса на золото и серебро, какъ на матеріалъ для мѣноваго посредника. Цѣнность матеріала, созданная годностью его для монеты, также прочна, какъ проченъ этотъ всемірный спросъ и является не добавочнымъ, но существеннымъ обезпеченіемъ.

Деньги, такимъ образомъ, представляютъ собою самостоятельный товаръ-посредникъ, цѣнность котораго прочнѣе цѣнности остальныхъ

товаровъ вслѣдствіе особыхъ условій спроса и предложенія его.

(1) Основ. пол. экономіи II. кн. III гл. VII. (2) Начала пол. экономіи. II., гл. VIII. (3) Основанія и пр. гл. VII. (4) M. Chevalier. La monnaie. 1866 стр. 31, 25 и слѣд. (5) W. Roscher. Die Grundl. d. №.—oekonomie § 120—Chevalier. ibid. стр. 20—27. На этомъ основаніи попытки введенія платиновой монеты у насъ съ 1828—1845 гг. оказались совсѣмъ неудачными, такъ какъ платина не имѣетъ за собой вѣковыхъ накопленій, придающихъ постоянство цѣнности товару. Постоянство здѣсь подразумѣвается относительное, въ виду безусловной невозможности отыскать неизмѣняющійся въ своей цѣнности предметъ, который могъ бы также служить мѣриломъ цѣнностей, какъ служитъ напр. неизмѣнный метръ мѣриломъ длины. Wolowski. L'or et l'argent. Paris. 1870, стр. III—VIII. (6) А. Вагнеръ. Русскія бумажныя деньги. примѣч. перводчика, стр 118. (7) Н. Бунге. Полицейское право, т. II. выпускъ 4, стр. 6. (8) А. Вагнеръ. Русскія бумажныя деньги, стр. 43.

§ 2. Основныя функціи денегъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ категоріямъ:

а) Цѣнность денегъ служитъ общимъ знаменателемъ, при посредствѣ котораго сравниваются цѣнности всѣхъ остальныхъ произведеній и услугъ. Постоянство и прочность ея, исключающая не только всякій произволъ, но и вліяніе случайныхъ событій, производитъ незамѣнимость монеты какимъ либо другимъ товаромъ въ качествѣ мѣрила цѣнностей. Классики политической экономіи, противополагавшіе произвольнымъ порядкамъ въ устроеніи обществъ естественные законы послѣднихъ и въ этомъ отношеніи часто впадавшіе въ ошибки, возводя простой фактъ въ принципъ, въ данномъ случаѣ вполнѣ правы, видя въ звонкой монетѣ твердый базисъ для развитія промышленности, совершенно независящій отъ какого бы то ни было произвола. Могутъ быть искусственныя деньги, но для устраненія произвола въ ихъ количествѣ они должны быть основаны на естественнымъ деньгахъ—звонкой монетѣ, цѣнность которой изъ всѣхъ существующихъ цѣнностей наименѣе произвольна, наименѣе зависитъ отъ воли людей. И такъ какъ въ дѣлѣ измѣренія цѣнности произведеній и услугъ необходимо имѣть наиболѣе точное мѣрило, то звонкая монета, являющаяся въ данномъ случаѣ наиболѣе удовлетворительнымъ мѣриломъ, въ дѣлѣ измѣренія цѣнностей не можетъ быть замѣнима никакими другими веществами, никакими искусственными деньгами.

б) Уплатой денегъ за произведенія или услуги оканчивается мѣновая сдѣлка, такъ какъ цѣнность монеты представляетъ собою рав-

ноцѣнность пріобрѣтенія. Этимъ существенно отличается денежное обращеніе отъ кредитнаго, въ которомъ уплата равноцѣнности за передаваемое произведеніе или услугу ожидается въ будущемъ. Конечно, получающій деньги имѣетъ въ виду пріобрѣтеніе общей покупной силы, но это еще не даетъ основаній къ отождествленію денежнаго обмѣна съ кредитнымъ, денегъ съ долговымъ документомъ. Съ понятіемъ о долгѣ необходимо соединяется два элемента: лице, обязанное исполнить принятое имъ обѣщаніе, и предметъ долга, какъ содержимое требованія съ одной стороны и обязательства съ другой. Но въ деньгахъ не указывается спеціально ни лице, обязанное дать за нихъ товары, ни предметъ долга; за одну и туже сумму денегъ можно получить разнообразные товары и разное ихъ количество. Съ того момента, когда продуктъ проданъ за деньги, всѣ отношенія между участниками сдѣлки прекращаются, слѣдовательно о долгѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Продавецъ, получивъ деньги, получаетъ не право, но общую возможность пріобрѣтенія желаемаго отъ другихъ. Такая возможность дается и всѣми другими продуктами, но только не въ такой общей или, можно сказать, абстрактной формѣ, какая заключается въ деньгахъ. Если монета представляетъ собою вексель на общество, то также должны быть названы векселями и всякіе другіе товары, доставляющіе возможность пріобрѣтенія произведеній чужаго труда. Эта возможность въ товарахъ посредственнаго потребленія основывается на спеціальномъ спросѣ или спеціальной годности ихъ служить для удовлетворенія опредѣленныхъ потребностей, между тѣмъ какъ въ деньгахъ она основана на всеобщности спроса на золото и серебро, какъ на матеріалъ для мѣноваго посредника. Поэтому необходимо признать, что въ уплатѣ продуктомъ за продуктъ въ меньшей степени передается прочная равноцѣнность, чѣмъ въ уплатѣ деньгами, въ той мѣрѣ, въ какой спеціальный спросъ меньше гарантируетъ правильный сбытъ продукта, чѣмъ всеобщій спросъ на опредѣленный товаръ.

в) Общность покупной силы, заключающейся въ деньгахъ, придаетъ деньгамъ значеніе орудія облегчающаго развитіе сношеній и слѣдовательно развитіе ассоціаціи между людьми.

По видимому, съ появленіемъ денегъ произошло разобщеніе между производителемъ и потребителемъ. Съ возникновеніемъ денежнаго обмѣна мѣновой актъ раздвоился, появилась купля-продажа (Kauf und

Verkauf); человѣкъ сперва продаетъ продуктъ за деньги, за тѣмъ уже обмѣниваетъ деньги на желаемый продуктъ. Но въ существѣ дѣла здѣсь произошло большее сближеніе между продавцемъ и покупателемъ, между спросомъ и предложеніемъ. Спросъ на всякій отдѣльный товаръ есть спросъ именно на данный товаръ, между тѣмъ какъ спросъ на деньги есть спросъ на товары вообще; равнымъ образомъ и предложеніе всякаго отдѣльнаго товара есть предложеніе именно этого товара, между тѣмъ какъ предложеніе денегъ равносильно предложенію товаровъ вообще. Вотъ почему справедливо говорятъ, что деньги представляютъ собою какъ бы отвлеченное богатство, служа обобщеніемъ всѣхъ проявленій человѣческаго труда. Поэтому то переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному представляетъ собою величайшій шагъ въ исторіи человѣчества къ человѣчности интересовъ, къ общей союзности въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Представляя собою отвлеченный спросъ и отвлеченное предложеніе, деньги производятъ сближеніе между спросомъ и предложеніемъ отдѣльныхъ товаровъ и услугъ. Портной, который при натуральномъ обмѣнѣ могъ умеретъ съ голода, прежде нежели встрѣтился бы съ человѣкомъ, желающимъ обмѣнять свой хлѣбъ на платье, при существованіи денежнаго обмѣна легко можетъ получить желаемый продуктъ, обмѣнявъ предварительно платье на деньги. При натуральномъ мѣновомъ хозяйствѣ онъ вполнѣ зависитъ отъ человѣка, владѣющаго хлѣбомъ; при денежномъ хозяйствѣ между производителями устанавливается взаимная зависимость и опредѣленная союзность интересовъ.

При натуральномъ обмѣнѣ производитель платья долженъ былъ искать человѣка, который бы имѣлъ хлѣбъ и желалъ обмѣнять этотъ хлѣбъ на платье. Не говоря уже о продолжительности поисковъ за такимъ контрагентомъ обмѣна, и при встрѣчѣ съ послѣднимъ производитель платья долженъ былъ подчиняться мѣновымъ условіямъ владѣльца хлѣба, или на оборотъ, смотря по тому, у кого потребность въ чужомъ продуктѣ была настоятельнѣе. Ограниченность выбора между контрагентами обмѣна дѣйствовала такимъ же образомъ на цѣнность, какъ дѣйствуетъ на цѣны продуктовъ осада города непріятелемъ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ покупщикъ вполнѣ зависитъ отъ того или иного продавца, количество которыхъ незначительно, такъ и въ первомъ случаѣ одна изъ мѣняющихся сторонъ становится въ монопольное положеніе сравнительно съ другою, имѣетъ возможность

предписывать условія обмѣна для послѣдней. Здѣсь спросъ концентрируется въ данномъ пунктѣ и настоятельностью его опредѣляются размѣры цѣнности. Но деньги, будучи общеспрашиваемымъ товаромъ, разширяютъ раіонъ какъ спроса, такъ и предложенія. При натуральномъ хозяйствѣ на мѣстѣ спроса можетъ быть предложеніе товаровъ ограниченно, какъ и на оборотъ, на мѣстѣ предложенія можетъ быть ничтоженъ спросъ, при денежномъ хозяйствѣ въ этихъ случаяхъ является уравновѣшивающая сила. Портному нечего искать владѣльца хлѣба, желающаго обмѣнять этотъ хлѣбъ именно на опредѣленное платье; онъ можетъ продать свой товаръ всякому имѣющему хлѣбъ въ абстрактномъ видѣ денегъ; слѣдовательно, деньги приводятъ къ увеличенію раіона сбыта продуктовъ. Съ другой стороны, получивъ деньги, онъ можетъ обмѣнять ихъ на хлѣбъ у перваго встрѣчнаго владѣльца хлѣба, нѣтъ надобности искать такого владѣльца, который бы желалъ продать хлѣбъ за платье; слѣдовательно, деньги приводятъ къ увеличенію раіона предложенія желаемыхъ продуктовъ. Когда при натуральномъ обмѣнѣ раіонъ предложенія ограниченъ, продавецъ находится въ монопольномъ положеніи сравнительно съ покупщикомъ, можетъ требовать цѣну, какую только можетъ дать покупщикъ, смотря по своимъ средствамъ и нуждаемости въ продуктѣ. При появленіи денегъ разширеніе раіона предложенія увеличиваетъ конкурренцію между прадавцами, что ведетъ къ устраненію манополизированности въ ихъ положеніи. На оборотъ при ограниченности раіона спроса покупщикъ находится въ монопольномъ положеніи сравнительно съ продавцемъ, можетъ послѣднему предлагать мѣновыя условія, при которыхъ продавецъ несетъ потери. Разширяя раіонъ какъ спроса, такъ и предложенія, деньги, очевидно, ведутъ къ устраненію монополизированности въ положеніи той или иной мѣняющейся стороны, устанавливаютъ равновѣсіе и взаимность въ спросѣ и предложеніи. Вотъ почему вполнѣ справедливо замѣчаніе Кэри, что деньги—одно изъ основныхъ орудій ассоціаціи между людьми. Мирабо и Рошеръ ставятъ деньги на ряду съ величайшими изобрѣтеніями, которымъ человѣчество обязано своей цивиллизаціей. По основательному замѣчанію Рошера, деньги въ народномъ хозяйствѣ имѣютъ такое же значеніе, какое имѣетъ кровь въ животномъ организмѣ; благодаря имъ, питательныя вещества разносятся по всѣмъ частямъ общественнаго организма, питая и развивая ихъ.

г) Сближая производителя съ потребителемъ, уже поэтому одному деньги должны оказывать громадное вліяніе на производительную дѣятельность страны. Уменьшая издержки сбыта и пріобрѣтенія продуктовъ, деньги влияютъ на уменьшеніе издержекъ производства (1). Съ другой стороны, облегчая сбытъ и пріобрѣтеніе, деньги усиливаютъ раздѣленіе труда и спеціализацію занятій, что въ свою очередь вызываетъ усиленіе разнообразій въ комбинированіи труда и общее увеличеніе производительности. Оказывая такимъ образомъ вліяніе на сокращеніе затратъ и на увеличеніе производства, деньги должны считаться въ реэстрѣ производительныхъ силъ страны. Но до настоящаго времени въ наукѣ господствуетъ противоположное воззрѣніе, установленное классиками политической экономіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ историческихъ условій.

Это господствующее ученіе основано А. Смитомъ и представляетъ собою реакцію меркантилистической доктринѣ, почему, подобно всякой реакціи, должно быть признано одностороннимъ.

А. Смитъ выступилъ противъ ученія меркантилистовъ о деньгахъ, какъ единственномъ богатствѣ страны. Противъ преувеличенія значенія денегъ въ народной экономіи онъ выступилъ со своей доктриной, съуживающей и уменьшающей ихъ дѣйствительныя функціи. Богатство, говоритъ онъ, состоитъ въ продуктахъ труда и земли, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей. Деньги къ числу такихъ продуктовъ не относятся, но они имѣютъ своимъ назначеніемъ служить мѣновымъ орудіемъ при переходѣ дѣйствительныхъ богатствъ изъ рукъ въ руки. Смѣшивать деньги съ богатствомъ значитъ впадать въ такое же заблужденіе, какъ смѣшивать дорогу, по которой вы можете пріѣхать въ вашъ домъ или помѣстье, съ этимъ самымъ домомъ или помѣстьемъ. Сравнивая деньги съ капиталомъ, необходимо сказать, что это мертвый или непроизводительный капиталъ. Монета страны представляетъ собою лишь ту дорогу, по которой доставляются на рынокъ произведенія и которая сама по себѣ не производитъ ни одной и самой ничтожной части этихъ произведеній. Такимъ образомъ сами по себѣ деньги вовсе не имѣютъ производительнаго значенія, но если на монету пріобрѣтаются внѣ страны дѣйствительные капиталы, на прим. земледѣльческія орудія, скотъ, удобреніе и т. п., то этимъ косвеннымъ путемъ они вліяютъ на увеличеніе народнаго богатства (2).

Это ученіе было развито болѣе детально послѣдующими экономистами и считается господствующимъ въ наукѣ. Въ нашей экономической литературѣ это воззрѣніе въ рѣзкой послѣдовательности высказано Горловымъ: „Если бы въ оборотѣ появилось болѣе денегъ, при томъ же количествѣ товаровъ, говоритъ онъ, то цѣнность ихъ или покупная сила должна понизиться. Когда появляется въ народѣ прибавочное количество денегъ, то оно не вдругъ обращается на покупку всѣхъ товаровъ. Смотря по тому, въ чьихъ рукахъ находятся первоначально деньги, и спросъ обращается преимущественно на тѣ, или другіе товары. Если деньги сосредоточиваются у такихъ золотопромышленниковъ, которые смотрятъ на свое дѣло не съ серьезной точки зрѣнія, а какъ на спекуляцію, то они могутъ быть издержаны совсѣмъ непроизводительно, на великолѣпную жизнь и предметы роскоши. А если они попадутся въ руки заводчиковъ, сельскихъ хозяевъ или торговцевъ, то будутъ причиною увеличенія спроса на работниковъ, сырой матеріалъ, на постройки и машины. Но очевидно, что работники и всякіе другіе промышленники, въ свою очередь, также распространятъ спросъ на разные предметы и такъ или иначе, скоро, или не такъ скоро, деньги должны наконецъ разлиться по всѣмъ промысламъ и вездѣ произвести болѣе или менѣе усиленный спросъ на товаръ, слѣдовательно возвышеніе на цѣну. Когда этотъ результатъ окончательно выработается и всѣ цѣны поднимутся въ большей или меньшей пропорціи, то окажется, что народъ не получилъ ровно никакой выгоды отъ этого прилива дорогихъ металловъ. Какъ прежде данное количество обращающихся денегъ служило для размѣна товаровъ, такъ и теперь, положимъ, вдвое большее количество ихъ служитъ съ одинаковымъ успѣхомъ и выгодою для той же цѣли.“ Нашъ экономистъ не соглашается съ Юмомъ, доказывавшимъ, что увеличеніе монеты въ странѣ оживляетъ промышленность. „Если получившіе монету, говоритъ онъ, будутъ покупать товаровъ болѣе, то для другихъ ихъ останется менѣе; одни получатъ выгоду, другіе понесутъ потерю. И если отъ усилившагося спроса на вещи цѣна ихъ поднимется, то владѣльцы большихъ денежныхъ суммъ будутъ безъ затрудненія дѣлать покупки, а всѣ остальные жители, которыхъ несравненно большее число, могутъ придти въ крайность по случаю возвысившихся цѣнъ, тогда какъ собственныя ихъ средства остались по прежнему. И такъ, не столько оживленія промышленности, сколько ея

потрясеній и кризисовъ можно ожидать отъ временнаго прилива денегъ, и не столько возвышенія народнаго благосостоянія, сколько нѣкотораго нарушенія прежняго равновѣсія ([3]).

Но весьма рано возникло и другое ученіе о значеніи денегъ въ производствѣ, которое, чуждаясь преувеличеній меркантилизма, считаетъ деньги въ числѣ важнѣйшихъ орудій, усиливающихъ производительность страны.

Такъ, еще Г. Шторхъ замѣтилъ, что въ высшей степени трудно рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ отдѣлѣ политической экономіи говорить о деньгахъ: въ отдѣлѣ о производствѣ, или въ отдѣлѣ объ обращеніи. Затрудненіе, говоритъ онъ, происходитъ отъ того, что съ одной стороны деньги по своей природѣ должны быть причислены къ капиталамъ, съ другой же стороны, не принося непосредственно доходовъ ни индивидууму, ни обществу, существенно отличаются отъ капиталовъ. Уясняя участіе денегъ въ производствѣ, Шторхъ говоритъ: Монета способствуетъ производству тѣмъ, что увеличиваетъ мѣновыя сдѣлки, безъ которыхъ не мыслимо развитіе производства. Деньги въ обращеніи имѣютъ почти такое же значеніе, какъ каналы, рѣки и моря. При существованіи исключительно сухопутныхъ сообщеній былъ бы невозможенъ обмѣнъ съ отдаленными странами и, подобно тому, какъ водные пути, облегчая сношенія, учащаютъ обмѣнъ, такъ и деньги, облегчая мѣновыя сдѣлки, увеличиваютъ ихъ число. Значеніе денегъ можно сравнить съ ремесленными инструментами, безъ которыхъ увеличивается трудъ производства и при помощи которыхъ этотъ трудъ значительно сокращается. Подобно тому, какъ возможно обойтись безъ станковъ въ производствѣ чулокъ, также можно было бы производить мѣновыя сдѣлки безъ посредства денегъ: но какъ несравненно удобнѣе производство чулокъ при употребленіи станковъ, такъ и несравненно удобнѣе производить обмѣнъ при помощи денегъ ([4]).

Въ новѣйшее время это ученіе наиболѣе энергично было поддержано и развито Г. Кэри и Г. Маклеодомъ.

По Кэри, господство человѣка надъ силами природы есть результатъ надлежащаго сочетанія труда, называемаго ассоціаціей. Съ развитіемъ ассоціаціи возрастаетъ цѣнность труда и уменьшается цѣнность вещей, въ производствѣ которыхъ необходимо его участіе. Для достиженія этого люди и пользуются монетой, какъ однимъ изъ лучшихъ орудій ассоціаціи, облегчающихъ и поэтому увеличивающихъ

союзы, имѣющіе своимъ источникомъ различія въ занятіяхъ и потребностяхъ. „Монета въ общественной жизни имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ пища для тѣла,—она производитель движенія.“ Но пища производитъ силу только тогда, когда будетъ правильно потреблена организмомъ; точно также и деньги производятъ движеніе и силу только тогда, когда они будутъ переварены экономическимъ организмомъ, въ противномъ случаѣ деньги приносятъ столько же пользы, насколько полезна пища человѣку больному холерой (5). Ошибочно мнѣніе экономистовъ, что для народнаго хозяйства безразлично количество обращающихся денегъ, такъ какъ увеличеніе или уменьшеніе ихъ имѣетъ будто бы такое же значеніе, какое имѣетъ напримѣръ замѣна въ торговой книгѣ арабскаго счисленія, основаннаго на немногихъ знакахъ, счисленіемъ римскимъ, требующимъ большаго ихъ количества, или, наоборотъ, употребленіе арабскаго счисленія вмѣсто римскаго. Дѣйствительность рѣшительнымъ образомъ разрушаетъ эту теорію экономистовъ. Во Франціи въ теченіи послѣдняго столѣтія количество обращающихся денегъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое и вмѣстѣ съ этимъ происходило соотвѣтственное увеличеніе произведеній и услугъ, получаемыхъ въ обмѣнъ на деньги. При этомъ въ цѣнности человѣка и земли произошло значительное возвышеніе, между тѣмъ какъ цѣнность произведеній неземледѣльческихъ отраслей народнаго труда понижалась. Тѣ же экономическія явленія наблюдаются и во всѣхъ странахъ, къ которымъ приливали деньги изъ другихъ странъ или вообще въ которыхъ не было недостатка въ этомъ орудіи ассоціаціи, между тѣмъ какъ совершенно обратныя явленія замѣчаются въ странахъ съ бѣдными запасами монеты и изъ которыхъ уходятъ деньги, таковы экономическія явленія наприм. въ Ирландіи, Турціи и друг. Уходъ денегъ изъ одной страны въ другую зависитъ отъ полезности ихъ въ данномъ мѣстѣ. Деньги уходятъ изъ странъ, гдѣ они безполезны или приносятъ мало пользы и стремятся въ тѣ страны, въ которыхъ наибольше экономическаго движенія, такъ какъ въ этихъ странахъ и потребность въ деньгахъ наиболѣе живуча (6).

По Кэри, деньги имѣютъ производительное значеніе посредственное, обусловливаемое прямымъ вліяніемъ ихъ на облегченіе сношеній, какъ суммы единеній, происходящихъ отъ существованія различій между людьми, отождествляемой въ ученіи американскаго экономиста съ самымъ понятіемъ ассоціаціи. Въ ученіи Маклеода день-

гамъ придается непосредственно производительное значеніе, причемъ самое понятіе о капиталѣ представляется какъ бы тождественнымъ съ понятіемъ о деньгахъ. Сущность воззрѣнія Маклеода состоитъ въ слѣдующемъ (7).

За личный трудъ рабочій получаетъ вознагражденіе деньгами. Предположимъ, что часть этихъ денегъ онъ сберегаетъ. Это сбереженіе и называется капиталомъ. „По основной идеѣ, капиталъ есть запасъ накопленнаго труда, еще не обращенный владѣльцемъ на покупку предметовъ потребленія. Онъ не представляетъ самыхъ предметовъ потребленія, а изображаетъ лишъ власть или возможность, какую владѣлецъ имѣетъ купить то, что ему нужно. Очевидно также, что онъ не представляетъ опредѣленнаго отношенія къ предметамъ потребленія, потому что количество капитала, накопляемое владѣльцемъ, составляетъ именно то количество, которое онъ устраняетъ отъ затратъ.“ Символомъ накопленнаго и сберегаемаго труда служатъ деньги.

Вотъ почему „первое понятіе, какое дѣловой человѣкъ соединяетъ съ словомъ капиталъ, суть деньги. Поэтому-же капиталистомъ, на дѣловомъ техническомъ языкѣ, называется лицо, имѣющее въ своемъ распоряженіи значительный запасъ свободныхъ денегъ. Положить капиталъ въ дѣло значитъ употребить деньги на извѣстное предпріятіе.“ Но не всякій запасъ накопленнаго труда Маклеодъ считаетъ капиталомъ. По его ученію, понятіе о капиталѣ относится болѣе къ способу употребленія извѣстнаго качества, чѣмъ къ какому либо опредѣленному предмету. Для того, чтобы придать имуществу названіе капитала, прежде всего необходимо знать назначеніе его; только то имущество, которое употребляется для производительныхъ занятій, употребляется какъ капиталъ. Такимъ же образомъ и богатство страны не должно быть опредѣляемо наличною массою полезныхъ предметовъ, которыми страна владѣетъ въ данный моментъ. Богатство состоитъ главнымъ образомъ въ силѣ для созданія требуемой массы предметовъ, т. е. въ свойственной странѣ власти управлять производствомъ. Поэтому возрастаніе богатства страны зависитъ не столько отъ увеличенія количества находящихся въ ней полезныхъ предметовъ, сколько отъ увеличенія ея производительныхъ средствъ, или ея ресурсовъ. Весьма часто самый фактъ изобилія запасовъ служитъ доказательствомъ бѣдности ресурсовъ и слѣдовательно бѣдности страны вообще. Если мы видимъ каналъ съ множествомъ резервуаровъ по сторо-

намъ его, то заключаемъ, что снабженіе канала водою недостаточно надежно. Если снабженіе водою не подлежитъ никакому сомнѣнію, то нѣтъ надобности въ резервуарахъ.

Деньги Маклеодъ относитъ къ категоріи средствъ или ресурсовъ страны, т. е. къ числу силъ для созданія полезностей. И эта сила, подобно всѣмъ производительнымъ силамъ, можетъ принести пользу лишь тогда, когда она находится въ дѣйствіи. „Страна, которая изобилуетъ золотою и серебряною монетою, не можетъ въ строгомъ смыслѣ быть названа вслѣдствіе того богатою страною, точно также какъ не можетъ считаться ботатою страна вслѣдствіе изобилія въ ней машинъ. До тѣхъ поръ, пока монета и машины остаются безъ движенія, страна бываетъ бѣдна, подобно фабричному городу во время перерыва работъ, вслѣдствіе стачки рабочихъ. Только движеніе или обращеніе денегъ и машинъ создаетъ богатство, только быстрота этого движенія или обращенія показываетъ размѣръ успѣховъ или прогресса“. Такимъ образомъ полезность денегъ обусловливается вліяніемъ ихъ на предпріимчивость и въ этомъ отношеніи деньги имѣютъ вполнѣ производительное значеніе для страны.

Воззрѣнія Кэри и въ особенности Маклеода не встрѣтили особаго сочувствія въ экономической литературѣ и въ настоящее время, какъ мы сказали, господствуетъ доктрина, выработанная А. Смитомъ, и представляющая собою реакцію меркантилистическимъ представленіямъ о значеніи денегъ. Между тѣмъ уже изъ краткаго очерка ученій этихъ экономистовъ легко замѣтить, что господствующая доктрина слишкомъ односторонняя и уже поэтому одному не можетъ имѣть строго научнаго значенія.

Въ вопросѣ о значеніи денегъ для производительной дѣятельности страны необходимо различать двѣ стороны общественности, изъ коихъ въ одной деньги оказываютъ главнымъ образомъ косвенное віяніе на производство, а въ другой прямое и болѣе непосредственное.

Мы уже говорили, что общественность состоитъ изъ сложнаго и простаго сотрудничества. Первое представляетъ собою мѣновую ассоціацію, основанную на принципѣ раздѣленія занятій и является той стороной общественности въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, которую Кэри называетъ суммой единеній, происходящихъ отъ существованія различій. Второе представляетъ собою непосредственное созданіе силъ и средствъ для полученія опредѣлен-

наго результата и является суммой единеній, происходящихъ изъ существованія сходныхъ интересовъ.

Значеніе денегъ въ развитіи мѣновой ассоціаціи прекрасно уяснено уже классиками политической экономіи и воззрѣніе Кэри представляетъ собою логическій выводъ изъ ихъ ученія. И дѣйствительно, признавъ вліяніе денегъ на облегченіе мѣновыхъ сношеній, мы eo ipso должны признать за деньгами громадное вліяніе на всю производительную дѣятельность страны. Облегченіе мѣновыхъ сношеній равносильно разширенію рынка для сбыта, что въ свою очередь, какъ это уясненно еще А. Смитомъ, равносильно увеличенію благопріятныхъ условій производства, такъ какъ „размѣры приложенія труда къ производству обусловливаются размѣрами рынка для сбыта произведеній“. Уже поэтому одному для страны не безразлично то, какое существуетъ въ ней количество монены. При большемъ ея количествѣ больше условій развитія мѣновой ассоціаціи и больше размѣры приложенія труда къ производству. Конечно, это полезное значеніе денегъ зависитъ не отъ самихъ денегъ, но отъ ихъ употребленія. Въ странѣ съ населеніемъ невѣжественнымъ и лишеннымъ трудовой энергіи увеличеніе количества денегъ также безполезно, какъ безполезно и увеличеніе другихъ орудій производства, остающихся безъ надлежащаго употребленія. По этой же причинѣ въ подобныхъ странахъ и вблизи большихъ городовъ, какъ центральныхъ рынковъ для сбыта, хозяйство или плохо вообще или ведется иноземцами. Разширеніе рынка для сбыта полезно лишь тогда, когда существуетъ энергія, необходимая для того, чтобы воспользоваться благопріятными условіями. Увеличеніе денегъ, облегчающее сбытъ, приводитъ къ усиленію производства только при существованіи подобнаго рода промышленной энергіи. Въ этомъ отношеніи оказывается вѣрнымъ во всѣхъ подробностяхъ приведенное А. Смитомъ сравненіе денегъ съ дорогами, по которымъ перевозятся произведенія труда. Въ однихъ случаяхъ съ проведеніемъ наприм. желѣзной дороги быстро увеличивается количество грузовъ и сумма перевозимыхъ продуктовъ значительно превосходитъ прежнее ихъ количество, перевозившееся по простымъ дорогамъ; въ другихъ случаяхъ желѣзныя дороги перевозятъ лишь то, что прежде перевозимо было на простыхъ дорогахъ. Въ первомъ случаѣ желѣзная дорога создаетъ или, точнѣе говоря, вызываетъ созданіе перевозимыхъ ею продуктовъ, во второмъ не оказываетъ никакого производительнаго

значенія. Вотъ почему въ однихъ мѣстностяхъ при рѣшеніи вопроса о проведеніи желѣзной дороги имѣется въ виду не только существующее количество произведеній, перевозимыхъ на простыхъ дорогахъ, но также и тѣ произведенія, которыя будутъ вызваны къ жизни облегченіемъ сношеній; между тѣмъ какъ въ приложеніи къ другимъ мѣстностямъ подобные разсчеты могутъ быть положительно ошибочны. Деньги тѣ же дороги и увеличеніе ихъ въ однихъ случаяхъ вызываетъ созданіе большаго количества перевозимыхъ продуктовъ, въ другихъ остается безъ всякаго вліянія и дѣйствительно является безполезнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ призналъ эту безполезность А. Смитъ Мы увидимъ ниже, что въ самомъ процессѣ введенія денегъ въ обращеніе существуютъ условія, въ силу которыхъ деньги являются полезными или безполезными дорогами.

Обыкновенно говорятъ, что для страны безразлично количество существующей монеты въ виду того, что съ развитіемъ потребности въ деньгахъ для обращенія усиливается ихъ обращаемость и недостатокъ физическаго ихъ количества восполняется, такъ сказать, экономическимъ количествомъ. Вполнѣ вѣрно, что это восполненіе въ значительной мѣрѣ наблюдается въ каждой странѣ и рубль, обращающійся въ теченіи опредѣленнаго времени десять разъ, исполняетъ работу десяти рублей. Но при этомъ необходимо не забывать, что существуетъ извѣстный предѣлъ, обусловливающій степень обращаемости денегъ въ каждой странѣ. Предѣлъ этотъ главнымъ образомъ обусловливается состояніемъ духа предпріимчивости въ населеніи и свойствами промысловъ, имѣющихъ преобладающее значеніе. Въ первомъ отношеніи замѣчаются значительныя различія не только между населеніемъ разныхъ государствъ, но также и между разными племенами и классами населенія, входящаго въ составъ одного и того же государства. Возможность усиленія денежной циркуляціи въ цѣляхъ восполненія недостатка въ деньгахъ вѣроятнѣе въ мѣстности съ болѣе предпріимчивымъ населеніемъ, чѣмъ въ мѣстности, гдѣ слабъ духъ предпріимчивости. Свойства промысловъ также имѣютъ въ данномъ случаѣ большое значеніе. Какъ замѣтилъ Маклеодъ, разныя отрасли промышленности не въ одинаковой степени заключаютъ въ себѣ силу, приводящую деньги въ движеніе. „Изъ всѣхъ видовъ промышленности земледѣліе наименѣе содѣйствуетъ скорому обращенію денежныхъ знаковъ. Путемъ чрезвычайныхъ, поощрительныхъ мѣръ произведенія человѣческой предпріим-

чивости могутъ быть умножены и созданіе ихъ можетъ быть ускорено до необыкновенныхъ размѣровъ, тогда какъ природа совершаетъ свой процессъ медленно и дѣятельность ея не можетъ быть ускорена по произволу. Различныя торговыя дѣла вызываютъ быстрое обращеніе денегъ въ разныхъ степеняхъ; но вообще, обращеніе, обусловливаемое торговлей, быстрѣе, чѣмъ то, которое возникаетъ изъ земледѣлія" (8). Въ тѣхъ промыслахъ, въ которыхъ обыкновенно денежное обращеніе быстрѣе по самой природѣ промысла, болѣе возможно ускореніе циркуляціи, чѣмъ въ промыслахъ съ медленнымъ оборотомъ, что отражается и на самомъ характерѣ производителей. Но сверхъ этихъ главныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ предѣлъ денежной циркуляціи, существуетъ масса второстепенныхъ, въ свою очередь въ общей массѣ оказывающихъ значительное вліяніе на установленіе этого предѣла и на разнообразіе его въ разныхъ странахъ. Сюда относятся —состояніе путей сообщеній, почтъ, телеграфовъ, положеніе кредита и т. п.

При существованіи въ каждой странѣ предѣла обращаемости денежной единицы количество денегъ становится вопросомъ не безразличнымъ. Когда потребность въ мѣновомъ орудіи не можетъ быть въ надлежащей мѣрѣ восполнена ихъ обращаемостью, мѣновая ассоціація встрѣчаетъ преграды для своего развитія въ недостаткѣ въ деньгахъ и производство ограничивается размѣрами существующаго количества и обращаемости денегъ.

Еще большее значеніе имѣютъ деньги въ производствѣ чрезъ свое вліяніе въ сферѣ простаго сотрудничества. Одна изъ основныхъ формъ такого сотрудничества состоитъ въ привлеченіи къ опредѣленной работѣ за условленное вознагражденіе, выдаваемое не въ натурѣ, но деньгами. Деньги въ этомъ случаѣ представляютъ собою силу, соединяющую людей для веденія общихъ предпріятій на началахъ, исключающихъ посягательство на свободу личности. Весьма часто страна нуждается не въ вещественныхъ капиталахъ, размѣрами которыхъ опредѣляли размѣры производства, но именно въ этой силѣ для добровольнаго соединенія людей. Представляя собою орудіе добровольнаго и свободнаго соединенія людей, деньги содѣйствуютъ соединенію между собою разъединенныхъ факторовъ производства и слѣдовательно содѣйствуютъ оживленію производства и увеличенію производительности.

д) Будучи орудіемъ простаго и сложнаго сотрудничества, деньги имѣютъ общественно-хозяйственное назначеніе и выполненіе этой задачи зависитъ отъ быстроты ихъ обращенія: чѣмъ меньше времени лежатъ деньги у одного и того же человѣка, тѣмъ скорѣе ими выполняется ихъ общественная функція. Но въ тоже время деньги выполняютъ и важную частно-хозяйственную функцію, противорѣчащую первой.

Если съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія полезность денегъ обусловливается быстротой ихъ передвиженія, то съ частной точки зрѣнія полезность ихъ прямо пропорціональна задержанію ихъ у себя, возможности сберечь и сохранить у себя. Съ появленіемъ денегъ наклонность къ сбереженію должна была значительно увеличиться, такъ какъ сберечь богатство въ формѣ денегъ насравненно удобнѣе, чѣмъ во всякой иной формѣ. А между тѣмъ, какъ основательно замѣтилъ еще Шторхъ, народное богатство увеличивается не сбереженіемъ, но производительною дѣятельностью (9). Такимъ образомъ возникаетъ коллизія между двумя важнѣйшими функціями денежнаго обращенія. Для частнаго лица важно какъ можно больше сберечь у себя денегъ, между тѣмъ какъ для общества важно, что бы деньги не задерживались долго въ однихъ рукахъ Эта коллизія въ значительной степени примиряется при помощи кредита. Сберегаемыя частнымъ лицемъ деньги обыкновенно не хранятся въ кладовыхъ его, но отдаются въ банкъ, въ которомъ не праздно лежатъ, но передаются нуждающимися для употребленія въ дѣло. Вотъ почему нѣкоторые экономисты самое слово „сбереженіе“ понимаютъ иначе, чѣмъ понимается оно въ обыденной жизни.

е) Подобная же коллизія существуетъ между задачей денегъ въ производствѣ и основной функціей ихъ въ потребленіи.

Въ качествѣ покупной силы деньги могутъ быть направлены исключительно на пріобрѣтеніе средствъ удовлетворенія потребностей, въ первое время не оказывая никакого вліянія на увеличеніе запаса этихъ средствъ. Къ этому то употребленію денегъ и относится положеніе классиковъ политической экономіи о томъ, что увеличеніе денегъ въ странѣ, будучи увеличеніемъ покупной силы въ рукахъ части населенія, приводитъ къ возвышенію цѣнъ продуктовъ и паденію цѣнности денежной единицы. „Еслибы въ оборотѣ, справедливо замѣчаетъ И. Горловъ, появилось болѣе денегъ (при томъ же количествѣ това-

ровъ), то покупная сила ихъ должна понизиться. Въ Калифорніи, при обиліи добывавшагося золота, цѣны на все такъ возвысились, что даже въ 1850 году, когда ужасная дороговизна уже побудила къ значительному привозу товаровъ, мука все таки стоила 20 к. за фунтъ, кочанъ капусты 5 рублей, лукъ и рѣпа по 75 коп. за штуку, штофъ молока $4^1/_2$ рубля. Въ Австраліи (по открытіи розсыпей) цѣны на товары также поднялись чрезвычайно; высока была тамъ и плата за услуги: простой работникъ получалъ ежедневно $4^1/_2$ рубля, плотникъ $6^1/_2$, кузнецъ $7^1/_2$ [10]).

Представимъ себѣ, что въ страну одновременно ввозится, по какимъ либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, наприм. въ видѣ контрибуціи, значительное количество монеты. Представимъ далѣе, что эта монета распредѣляется между классами населенія не занимающимися производствомъ матеріальныхъ продуктовъ, т. е. между чиновниками, военными служащими, врачами и т. п. и затѣмъ расходуется ими на пріобрѣтеніе продуктовъ потребленія. Новая покупная сила, появившаяся въ рукахъ этихъ лицъ, очевидно, измѣняетъ прежнее соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ тѣхъ товаровъ, на покупку которыхъ будутъ обращены новыя деньги. Спросъ этихъ товаровъ быстро увеличится, между тѣмъ какъ предложеніе остается прежнее, подъ вліяніемъ чего цѣна ихъ возвысится, часть прежнихъ покупщиковъ должна будетъ отказаться отъ обычнаго потребленія, одни станутъ покупать болѣе товаровъ, другіе менѣе сравнительно съ прежнимъ, одни получатъ выгоду, другіе понесутъ потерю. Уже въ первое время своего появленія въ данномъ случаѣ деньги приводятъ къ тому, что довольство и благополучіе однихъ основывается на недовольствѣ и уменьшеніи благосостоянія другихъ.

Съ возвышеніемъ цѣнъ на опредѣленнаго рода продукты въ первое время, при неизмѣненіи издержекъ производства, продавцы получаютъ высокія прибыли. Это побуждаетъ къ усиленію производства, капиталы устремляются въ тѣ отрасли промышленности, которыя приносятъ такія особыя прибыли, происходитъ оживленіе и возбужденіе въ этой сферѣ народнаго труда. Производство расширяется, увеличивается общая масса произведеній, оплачивающихъ лучше другихъ затраты, и можно бы ожидать, что усиленіе производства, увеличивъ количество произведеній, должно возстановить къ лучшему соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ товаровъ. Увеличеніе

предложенія ихъ при существующемъ спросѣ должно бы сопровождаться возстановленіемъ прежнихъ цѣнъ, послѣ чего разница промышленной дѣятельности послѣдняго времени съ временемъ до наплыва денегъ состояла бы лишь въ большемъ оживленіи нѣкоторыхъ отраслей народнаго труда. На дѣлѣ этого не бываетъ по двумъ причинамъ: а) вслѣдствіе того, что спросъ на товары не всегда равносиленъ спросу на трудъ, и б) что усиленіе производства большею частью получается при обстоятельствахъ, вызывающихъ увеличеніе издержекъ производства. Постояннымъ и общимъ спросомъ на трудъ можетъ быть лишь тотъ спросъ, который не отложенъ до конца дѣла, а овеществляется въ продуктахъ труда. Для производительныхъ людей спросъ на товары есть условіе и причина занятій труда. При настоящемъ состояніи производства взаимное потребленіе продуктовъ труда является условіемъ занятія труда. Я произвожу пшеницу и желаю пріобрѣсть рожь; другой человѣкъ производитъ рожь и желаетъ пріобрѣсть пшеницу. Взаимная нуждаемость порождаетъ обмѣнъ взаимно спрашиваемыхъ продуктовъ, каждый изъ насъ потребляетъ часть продуктовъ, производимыхъ другими. Здѣсь спросъ на товары является спросомъ на нашъ трудъ. Здѣсь взаимность спроса является условіемъ и средствомъ въ дальнѣйшему производству, но нельзя ничего подобнаго сказать о спросѣ на трудъ, „отложенномъ до конца дѣла“, по выраженію Милля. Такой спросъ по необходимости краткосроченъ и въ себѣ самомъ заключаетъ причины болѣе или менѣе скораго прекращенія. Уплачивать затраты, производимыя другимъ, не производя никакихъ затратъ, значитъ жить на счетъ готоваго капитала, который и разрушается постепенно, по мѣрѣ производимыхъ такимъ образомъ уплатъ. Въ приведенномъ нами предположеніи новый спросъ образованъ на счетъ денежныхъ суммъ, полученныхъ извѣстнымъ классомъ населенія и такъ какъ эти суммы не затрачиваются въ дѣло, служа исключительно спросомъ на товаръ, то и существованіе его ограничивается размѣрами полученныхъ денежныхъ суммъ. Вызванное такимъ образомъ оживленіе промышленности не можетъ быть продолжительнымъ; раньше или позже оно должно окончиться кризисомъ. Искусственно вызванный спросъ на товары, по израсходованіи полученныхъ денегъ, прекращается и заготовленные товары остаются безъ сбыта. А между тѣмъ въ періодъ промышленнаго возбужденія производство товаровъ могло быть разсчитано на продажу по возвысившимся цѣнамъ, вслѣд-

ствіе чего увеличеніе количества ихъ могло быть получено посредствомъ привлеченія рабочихъ болѣе высокимъ вознагражденіемъ, причемъ и матеріалъ для производства долженъ былъ вздорожать, подъ вліяніемъ усилившагося спроса на пріобрѣтеніе его. Съ прекращеніемъ искусственнаго спроса эти товары по болѣе дешевымъ цѣнамъ могутъ быть продаваемы не иначе, какъ съ убыткомъ, что разоряетъ производителей, отражаясь и на всѣхъ тѣхъ, съ которыми они состоятъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Когда такимъ образомъ оживленіе оканчивается кризисомъ, вмѣстѣ съ этимъ наступаетъ частное ощущеніе безденежья, не смотря на общее увеличеніе количества денегъ въ странѣ. Производители товара, не находя соотвѣтствующаго условіямъ производства сбыта, не могутъ выполнять своихъ обязательствъ, чувствуютъ недостатокъ въ деньгахъ, въ ихъ сферѣ спросъ на деньги становится интенсивнѣе и вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ цѣна за пользованіе деньгами. Прежніе потребители товара такимъ же образомъ чувствуютъ недостатокъ въ деньгахъ для пріобрѣтенія желаемыхъ продуктовъ, отъ потребленія которыхъ имъ можетъ быть тяжело отказаться, почему и въ ихъ средѣ усиливлется интенсивность спроса на деньги и также цѣна за пользованіе ими возвышается.

Израсходованныя суммы постепенно переходятъ изъ рукъ производителей данныхъ товаровъ къ рабочимъ, владѣльцамъ сырыхъ матеріаловъ, производителямъ орудій и машинъ, къ лицамъ, занимающимся перевозкой и т. п. Распространяясь такимъ образомъ по всей странѣ, деньги усиливаютъ спросъ на товары вообще и слѣдовательно производятъ возвышеніе ихъ цѣнъ, предполагая, конечно, что и въ этомъ второмъ періодѣ они служатъ исключительно или главнымъ образомъ цѣлямъ потребленія. При этомъ цѣны товаровъ возвышаются не равномѣрно; одни возвысятся болѣе, другіе менѣе, при чемъ можетъ быть, что цѣны нѣкоторыхъ товаровъ останутся и безъ всякаго измѣненія; все будетъ зависѣть отъ того, на какіе товары и въ какой мѣрѣ будетъ направленъ усилившійся спросъ. Это вызываетъ неравномѣрность оживленія разныхъ промысловъ, которое и здѣсь должно продолжаться лишь временно, пока потребителями не будутъ израсходованы деньги. И здѣсь раньше или позже долженъ наступить кризисъ и ощущеніе безденежья, но уже не частное, а болѣе или менѣе общее, не смотря на обиліе денегъ въ странѣ. Необходимо сказать, что уже въ самомъ разгарѣ возбужденія безденежье начинаетъ обнаруживаться и по мѣрѣ

этого начинается возрастать плата за пользованіе деньгами. Неравномѣрность возрастанія цѣнъ производитъ то, что средства однихъ увеличиваются, между тѣмъ какъ средства другихъ пропорціонально этому уменьшаются. Если заработная плата увеличилась номинально на 50%, между тѣмъ какъ цѣны хлѣба и вообще жизненныхъ припасовъ возвысились на 75%, то, очевидно, средства рабочаго уменьшились на 25%. Если, такимъ же образомъ, продукты одной отрасли производства поднялись въ цѣнѣ на 50%, между тѣмъ какъ другіе продукты, сбываемые производителямъ первыхъ, вздорожали на 75%, то средства однихъ увеличиваются, а другихъ уменьшаются на 25%. При неравномѣрно возвысившихся цѣнахъ ощущеніе безденежья должно испытываться всѣми, денежныя средства которыхъ не возрасли пропорціонально вздорожанію потребляемыхъ ими продуктовъ. Повсемѣстное ощущеніе безденежья, при обиліи денегъ, должно наступить въ концѣ промышленнаго возбужденія. Производители продуктовъ, продаваемыхъ по высокимъ цѣнамъ и дающихъ большія прибыли, для разширенія производства, подъ вліяніемъ взаимнаго соперничества, увеличиваютъ затраты производства, возвышается цѣна матеріала и работы и вообще факторовъ производства. Но продукты, подъ вліяніемъ того же соперничества, вызваннаго промышленнымъ возбужденіемъ, не возвышаются въ цѣнѣ въ такой же пропорціи. Если цѣна матеріала поднимается на 30%, между тѣмъ какъ цѣна продуктовъ на 25%, то, очевидно, прибыли производителя уменьшаются пропорціонально этой разницѣ между возвышеніемъ стоимости производства и стоимости продуктовъ, въ какой мѣрѣ уменьшаются и средства его, то есть увеличивается нужда въ деньгахъ. Какъ увидимъ ниже, на общее ощущеніе безденежья особенно вліяетъ то, что цѣны могутъ возвышаться въ большей пропорціи, чѣмъ увеличилось количество денегъ.

Общее возвышеніе цѣнъ является преміей на привозъ иностранныхъ продуктовъ и пошлиной на вывозъ. Внутренній производитель не можетъ конкуррировать на иноземномъ рынкѣ, вслѣдствіе вздорожанія стоимости производства. Но онъ не можетъ конкуррировать съ нимъ и на внутреннемъ рынкѣ, такъ какъ ввозимые продукты могутъ быть продаваемы дешевле продуктовъ внутренняго производства. Въ этомъ заключается второе условіе неизбѣжности наступленія кризиса послѣ промышленнаго возбужденія, вызваннаго приливомъ денегъ.

Подъ вліяніемъ ограниченія вывоза и усиленія ввоза деньги мало по малу уйдутъ за границу и вѣроятнѣе всего въ ту страну, изъ которой были получены. Но и послѣ ухода ихъ нормальное положеніе промышленности не легко можетъ быть возстановлено, въ особенности при свободѣ международной торговли. Внутренняя промышленность послѣ паденія не скоро поднимается именно по тому, что ей, какъ начинающей ab ovo, приходится выдержать борьбу съ могущественнымъ противникомъ и эта борьба, употребляя выраженіе Ф. Листа, будетъ вполнѣ аналогичной съ борьбой карлика и великана. Не даромъ въ теченіи вѣковъ Испанія не могла поправить свои промышленныя дѣла послѣ золотаго дождя, который произвелъ своего рода потопъ въ ея экономическимъ отношеніяхъ. Такъ и Германія до сихъ поръ испытываетъ послѣдствія экономическихъ потрясеній, произведенныхъ французскими милліардами.

Темныя стороны функціи денегъ, какъ орудія сбереженія, нейтрализуются правильной организаціей кредита. Въ этой же организаціи, какъ увидимъ ниже, заключаются условія нейтрализаціи и темныхъ сторонъ потребительной функціи денегъ.

(1) M Molinari. Cours d'economie politique, II, стр. 62 и слѣд. (2) Richesse des Nations, IV, гл. VIII и IX. (3) Начала политической экономіи, II, стр. 122 и слѣд. (4) H. Storch. Cours d'econ pol. I. стр. 291—292. (5) Principes do la science sociale, II. стр. 491. (6) Ibid. гл. XXXVII. (7) Осн. пол. экономіи, гл. I и II. (8) Основ. пол. экон., стр. 94—95. (9) Основаніе ученія объ этой коллизіи совершенно ошибочно приписывается американскимъ экономистамъ. Шторхъ ясно говоритъ о томъ, что сбереженіе можетъ быть источникомъ богатства исключительно съ частной точки зрѣнія, между тѣмъ какъ съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія таковымъ служитъ только промышленность. Cours d'econ. pol. I. стр. 275 и слѣд. (10) Начала пол. экон., II, стр. 121—122.

§ 3. Будучи основнымъ орудіемъ мѣновой ассоціаціи, денежная единица не должна подвергаться значительнымъ колебаніямъ въ цѣнности, такъ какъ такія колебанія ведутъ къ хозяйственнымъ потерямъ, къ непрочности предпріятій и отклоняютъ отъ нихъ капиталы. Если бы матеріаломъ для денежной единицы служилъ только одинъ металлъ, наприм. золото, то колебанія цѣнности этой единицы зависѣли бы исключительно отъ постоянства цѣнности этого одного избраннаго для денегъ матеріала. Но въ дѣйствительности матеріаломъ

для денегъ служатъ два металла—золото и серебро; сверхъ того во всѣхъ государствахъ существуетъ такъ называемая дополнительная монета, матеріаломъ для которой служатъ металлы низшаго достоинства, наприм. мѣдь. При такихъ условіяхъ постоянство цѣнности денежной единицы зависитъ отъ положенія цѣнности всѣхъ матеріаловъ, изъ коихъ приготовляются деньги.

Когда матеріаломъ для денегъ служитъ золото и серебро, тогда, обыкновенно, отношеніе ихъ между собою по цѣнности опредѣляется законодательнымъ путемъ. Но не смотря на это законодательное опредѣленіе, цѣнность золота и серебра можетъ измѣняться, слѣдуя естественнымъ законамъ цѣнности каждаго изъ этихъ продуктовъ, при чемъ цѣнность одного можетъ уменьшиться, въ то время какъ цѣнность другаго увеличится. При такихъ случаяхъ дѣйствительное мѣновое отношеніе между золотомъ и серебромъ можетъ не сходиться съ мѣновымъ отношеніемъ между ними, установленнымъ закономъ. Если серебро сдѣлается дешевле золота, а законное отношеніе между ними останется прежнее, тогда одну и ту же цѣну выгоднѣе уплачивать серебромъ, нежели золотомъ. Каждый найдетъ для себя болѣе выгоднымъ платить по своимъ обязательствамъ серебромъ, нежели золотомъ; потому что наприм. въ пяти рубляхъ золотомъ реально будетъ содержаться болѣе чѣмъ пять рублей серебромъ, хотя номинальное содержаніе не измѣнилось. Каждый найдетъ для себя болѣе выгоднымъ уплачивать свои долги металломъ, цѣнность котораго упала. Болѣе дорогой металлъ мало по малу выйдетъ изъ обращенія. При такомъ положеніи дѣлъ каждый разъ возникаетъ необходимость измѣнять закономъ установленное мѣновое отношеніе и уравнивать его съ дѣйствительно существующимъ. При двойной денежной системѣ, говоритъ Милль, деньги въ обществѣ никогда не будутъ на самомъ дѣлѣ состоять изъ двухъ металловъ, а всегда будутъ состоять лишь изъ одного, въ каждое данное время изъ того, который сообразенъ съ выгодою должника, и нормальная монета въ дѣйствительномъ обращеніи постоянно будетъ подвержена переходу изъ одного металла въ другой, а съ каждымъ переходомъ будетъ соединена потеря издержекъ, сдѣланныхъ на чеканку того металла, который выходитъ изъ употребленія. Имѣя это въ виду, нѣкоторые экономисты пришли къ мысли о необходимости ограничить употребленіе одного изъ металловъ незначительнымъ кругомъ платежей, считая главнымъ платежнымъ ору-

діемъ другой металлъ. Эта мысль была осуществлена англійскимъ законодательствомъ въ 1816 году. Въ Англіи главнымъ законнымъ платежнымъ орудіемъ считается золотая монета, серебряная же законнымъ орудіемъ признана лишь для платежей, не превышающихъ сумму въ 40 шиллинговъ. Для того, что бы серебро не могло выйдти изъ обращенія, внутренняя цѣнность серебряныхъ монетъ повышена почти на 6%, то есть серебро въ монетѣ на столько процентовъ оцѣнено выше серебра въ слиткахъ. Конечно, въ этомъ случаѣ является выгода пріобрѣтать серебряные слитки и чеканить изъ нихъ монету; противъ такихъ злоупотребленій направленъ законъ, ограничивающій чеканку серебряныхъ денегъ опредѣленнымъ количествомъ, которое будетъ признано правительствомъ необходимымъ для платежей. По этой системѣ денежное обращеніе юридически ограничивается однимъ металломъ, другой служить лишь дополненіемъ къ главному платежному орудію.

Это ограниченіе дѣлаетъ денежное обращеніе неполнымъ, какая неполнота во многихъ случаяхъ можетъ быть опасна, можетъ приводить къ большимъ затрудненіямъ въ торговыхъ оборотахъ. При двойной денежной системѣ, когда матеріаломъ для денегъ служатъ два металла, въ случаѣ исчезновенія одного изъ нихъ остается другой; точно также во всѣхъ случаяхъ необходимости быстраго пріобрѣтенія платежныхъ средствъ это можетъ быть гораздо удобнѣе сдѣлано при двойной денежной нормѣ. Необходимо, наконецъ, не забывать, что оба металла, и золото и серебро, представляютъ собою матеріалъ, почти въ одинаковой степени годный къ выполненію функцій мѣноваго посредника, такъ что къ исключенію изъ обращенія одного изъ нихъ нѣтъ въ этомъ отношеніи достаточныхъ основаній. Невозможно ли по этому принять двойную денежную систему и въ тоже время избѣжать ея невыгодныхъ сторонъ? Французскій экономистъ Шевалье въ своемъ курсѣ политической экономіи отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Необходимо допустить въ обращеніе, говоритъ онъ, оба металла, но безъ обозначенія на монетахъ того, сколько за монету одного металла слѣдуетъ получить монетъ изъ другаго металла. Сколько за золотыя монеты слѣдуетъ получить серебряныхъ, это можно опредѣлять, смотря по обстоятельствамъ, на годъ или шесть мѣсяцевъ, и это опредѣленіе должно имѣть законную силу только въ теченіи указаннаго времени. По истеченіи установленнаго срока должна быть сдѣлана и объявлена переоцѣнка, приноровленная къ

новому положенію цѣнъ золота и серебра на рынкѣ. При такомъ регулированіи денежнаго обращенія двойная денежная система будетъ существовать въ дѣйствительности, а не въ кодексахъ только (1). Это воззрѣніе поддерживается и Миллемъ. „При двухъ денежныхъ нормахъ, говоритъ онъ, для пополненія въ обращающемся количествѣ денегъ источникомъ служитъ запасъ обоихъ металловъ въ торговомъ мірѣ, а не запасъ лишь одного изъ нихъ, котораго иной разъ и нельзя бываетъ пріобрѣтать съ достаточною быстротою, по какому нибудь случайному поглощенію его. Мнѣ кажется, что эту выгоду безъ неудобствъ двойной нормы усваиваютъ тѣ націи, у которыхъ законною нормою служитъ лишь одинъ металлъ, но другой также чеканится и допускается въ обращеніе по цѣнности, какую имѣетъ на рынкѣ“ (2). Какъ видимъ, воззрѣніе Милля отличается отъ изложеннаго нами воззрѣнія Шевалье лишь тѣмъ, что послѣдній требуетъ законнаго опредѣленія на непродолжительное время мѣноваго отношенія между золотомъ и серебромъ. Необходимо согласиться, что правъ Шевалье, стоя за это опредѣленіе. Если деньги служатъ законнымъ платежнымъ орудіемъ, то должно быть опредѣляемо и законное отношеніе между разными монетами, въ противномъ случаѣ возможны злоупотребленія и неизбѣжны торговыя затрудненія.

Сверхъ основной золотой и серебряной монеты, какъ мы сказали, въ государствахъ существуетъ еще дополнительная монета, матеріаломъ для которой служатъ металлы низшаго достоинства. Необходимость такой дополнительной монеты вытекаетъ изъ того, что золотыми и серебряными деньгами невсегда могутъ быть произведены платежи. Золотая монета обыкновенно употребляется для болѣе дорогихъ платежей, серебряная для мелкихъ. У насъ самая дробная серебряная монета—пятикопѣечникъ; дробить серебро на болѣе мелкія доли затруднительно; серебряная монета, цѣнностью меньше 5 коп., была бы слишкомъ незначительна по объему, что неудобно для обращенія. Между тѣмъ въ ежедневномъ товарномъ оборотѣ на каждомъ шагу встрѣчается необходимость въ меньшихъ по цѣнности платежныхъ орудіяхъ. Съ одной стороны мы видимъ громадную массу товаровъ, продающихся по частямъ, изъ коихъ каждая имѣетъ цѣну меньше 5 копѣекъ; съ другой стороны и при покупкахъ на высшія цѣны не всегда возможно обойтись съ одними монетными единицами,

цѣнность которыхъ не менѣе пяти копѣекъ; такими единицами невозможно уплатить наприм. 16 копѣекъ.

Необходимость такого рода платежей и вызвала существованіе дополнительной или билонной монеты, чеканенной изъ металловъ не такъ цѣнныхъ какъ золото и серебро, или изъ различныхъ сплавовъ. Эта дополнительная монета легко можетъ приводить къ нарушенію правильнаго теченія денежнаго обращенія. Когда она выпускается по цѣнности слишкомъ увеличенной сравнительно съ цѣнностью того металла, изъ котораго она сдѣлана, то это можетъ сопровождаться фальсификаціей ея, вслѣдствіе чего такой монеты въ оборотѣ появляется много, цѣны на продукты поднимаются, никто не находитъ выгоднымъ платить по своимъ обязательствамъ болѣе цѣнными деньгами—золотыми и серебряными; золото и серебро исчезаютъ изъ народнаго рынка, на которомъ остается только дополнительная монета. Тоже самое можетъ случиться и безъ фальсификаціи дополнительной монеты, когда послѣдняя и законнымъ путемъ выпускается, но въ значительныхъ размѣрахъ.

(1) Cours d'économie politique, стр. III, 149 и слѣд. (2) Осн. политической экономіи, II, кн. III. гл. X.

§ 4. Металлическія деньги представляютъ собою товаръ, служащій при обмѣнѣ равноцѣнностью покупаемаго продукта. Но всѣмъ извѣстно, что въ дѣйствительности въ видѣ мѣноваго посредника обращаются вещи, не имѣющія сами по себѣ никакой цѣнности и по этому не представляющія равноцѣнности покупаемому продукту. Таковы бумажныя деньги. Основаніе обращенія этихъ денегъ заключается съ одной стороны въ общественномъ довѣріи, по которому каждый принимаетъ ихъ въ увѣренности, что они будутъ приниматься другими, и съ другой стороны въ возможности обмѣна на дѣйствительныя деньги—золото и серебро.

Цѣнность металлическихъ денегъ не можетъ быть названа произвольною, она опрѣдѣляется естественными законами. Этого нельзя сказать относительно бумажныхъ денегъ. Цѣнность ихъ есть величина зависящая отъ воли тѣхъ или иныхъ лицъ и учрежденій, завѣдывающихъ ихъ выпускомъ. Увеличеніе количества этихъ денегъ не требуетъ особенныхъ затратъ, можетъ быть производимо легко и вслѣдствіе этого цѣнность ихъ можетъ быть произвольною.

Представимъ себѣ, что въ данной странѣ, въ которой обращалась только звонкая монета, происходитъ выпускъ бумажныхъ денегъ на половину всего количества звонкой монеты, для цѣлей матеріально *непроизводительныхъ*. Первымъ послѣдствіемъ этого выпуска будетъ возвышеніе цѣнъ всѣхъ продуктовъ, появляющееся всегда вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества денежныхъ знаковъ, не сопровождающимся увеличеніемъ количества товаровъ. Когда поднимутся цѣны послѣднихъ, то въ ихъ числѣ поднимутся цѣны серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, а также цѣны золота и серебра въ слиткахъ. Такъ возникнетъ неравенство цѣнъ золота и серебра въ слиткахъ и издѣліяхъ сравнительно съ цѣною ихъ въ монетѣ; унція золота въ издѣліи будетъ дороже унціи золота въ монетѣ. Если это вздорожаніе золотыхъ и серебряныхъ слитковъ и издѣлій будетъ выше издержекъ передѣлки монетъ въ слитки и издѣлія, тогда такія передѣлки будутъ выгодны и возникнутъ сами собою. Продолжаться они будутъ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать ихъ вызвавшіе мотивы, то есть пока золотыя и серебряныя вещи будутъ цѣниться дороже, чѣмъ золото и серебро въ монетѣ.

Когда сумма золотыхъ и серебряныхъ денегъ, переплавленная въ издѣлія, будетъ равна количеству выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, тогда въ народномъ обращеніи останется то количество денегъ, которое существовало до выпуска бумажно-денежныхъ знаковъ. Тогда цѣны продуктовъ упадутъ до прежняго уровня и передѣлка звонкой монеты въ издѣлія пріостановится.

Если произойдетъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ и въ прежнемъ количествѣ, то снова произойдетъ возвышеніе цѣнъ и передѣлка звонкой монеты въ издѣлія, пока, наконецъ, звонкая монета совершенно не исчезнетъ изъ обращенія и останутся однѣ бумажныя деньги, количество которыхъ будетъ равно прежде существовавшему количеству исключительно звонкой монеты. Въ послѣднемъ случаѣ цѣны понизятся до своего прежняго уровня и вся разница съ прежнимъ положеніемъ будетъ состоять лишь во томъ, что платежи будутъ производиться бумажными деньгами, вытѣснившими изъ обращенія металлическія деньги. Если произойдетъ въ это время третій выпускъ бумажныхъ денегъ, то новое возвышеніе цѣнъ уже не будетъ кратковременнымъ. Бумажныхъ денегъ нельзя ни вывозить за границу, ни переплавлять и передѣлывать въ издѣлія, вслѣдствіе чего возвышеніе цѣнъ

не можетъ быть остановлено исчезновеніемъ части денегъ, но будетъ постояннымъ.

Бумажныя деньги, замѣняющія звонкую монету, могутъ быть регулируемы въ своей цѣнности вполнѣ правильно. Это регулированіе можетъ быть или естественнымъ или искусственнымъ.

Когда выпускаются бумажныя деньги съ условіемъ обмѣна ихъ во всякое время на звонкую монету, тогда всякое излишнее ихъ количество, ведущее къ упадку ихъ цѣнности сравнительно съ металломъ, будетъ представляемо для обмѣна на звонкую монету, имѣющую высшую цѣнность сравнительно съ упавшими въ цѣнѣ бумажными деньгами. Обмѣнъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока цѣнность бумажныхъ денегъ не сдѣлается равною цѣнности звонкой монеты, слѣдовательно пока не будетъ представлено къ обмѣну все излишнее количество ихъ, благодаря которому и произошло паденіе ихъ цѣнности. При свободномъ обмѣнѣ бумажныхъ денегъ на монету всякое излишнее ихъ количество нарушающее установившееся равновѣсіе въ цѣнахъ, не можетъ быть удержано въ народномъ обращеніи; оно возвратится обратно въ то учрежденіе, которое произвело ихъ выпускъ. Бумажныя деньги, цѣнность которыхъ такимъ образомъ регулируется съ цѣнностью металлическихъ денегъ, не представляютъ тѣхъ неудобствъ, которыми сопровождаются излишніе ихъ выпуски.

Искусственное регулированіе, допускаемое нѣкоторыми экономистами, состоитъ въ искусственномъ измѣненіи количества обращающихся бумажныхъ денегъ въ цѣляхъ уравненія ихъ цѣнности съ цѣнностью металлическихъ денегъ. Оно относится къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ. Есть признакъ, который даетъ намъ, говоритъ Милль, возможность судить о томъ, на сколько упала цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ сравнительно съ цѣнностью звонкой монеты, если бы таковая была въ обращеніи. Признакъ этотъ—цѣна золота и серебра въ слиткахъ. „Когда уже не остается звонкой монеты въ обращеніи и нельзя достать ее на переливку въ слитки, цѣна золота и серебра поднимается и падаетъ подобно цѣнѣ другихъ предметовъ. Если она выше цѣны, установленной для чеканки денегъ, если унція золота, изъ которой вычеканивалось 3 фунта, 16 шиллинговъ и $10^1/_2$ пенсовъ, продается за 4 или 5 фунтовъ на бумажныя деньги, то это значитъ, что въ такой пропорціи цѣнность ихъ упала ниже цѣнности, какую имѣла бы звонкая монета. По этому, бумажныя деньги не бу-

дутъ имѣть ни одного изъ неудобствъ, обыкновенно считаемыхъ принадлежностью натуры ихъ, если выпускъ такихъ денегъ подчиненъ строгимъ правиламъ, изъ которыхъ однимъ будетъ, что когда цѣна слитковъ поднимается выше монетной цѣны металла, количество выпущенныхъ бумажныхъ денегъ должно быть уменьшаемо до того, пока рыночная цѣна слитковъ и монетная цѣна сравняются."

Бумажныя деньги, цѣнность которыхъ регулируется цѣнностью звонкой менеты, не только не представляютъ никакихъ неудобствъ, обыкновенно приписываемыхъ вообще бумажнымъ деньгамъ, но представляютъ чистый выигрышъ для націи. „Звонкая монета, обращающаяся въ странѣ, говоритъ А. Смитъ, можетъ быть сравнена съ дорогою, не производящею продуктовъ, но облегчающею средства ихъ доставки на рынокъ. Банковыя операціи обращаютъ эту дорогу въ пахатныя поля и луга, открывая для перевозки продуктовъ, такъ сказать, воздушные пути и тѣмъ самымъ увеличивая производительность земель и труда". Бумажныя деньги, замѣняющія золото и серебро, представляютъ собою такого рода воздушные пути для перехода продуктовъ изъ рукъ въ руки, изъ хозяйствъ въ хозяйства, давая возможность часть звонкой монеты обратить на пріобрѣтеніе капиталовъ и содѣйствуя такимъ образомъ увеличенію производительности.

Это значеніе бумажныя деньги сохраняютъ только до тѣхъ поръ, пока замѣняютъ собою звонкую монету, количество которой вполнѣ соотвѣтствуетъ потребности въ орудіяхъ оборота; всякій излишній выпускъ сопровождается неблагопріятными послѣдствіями. При такихъ излишнихъ выпускахъ бумажныя деньги теряютъ часть своей цѣны, что приводитъ къ имущественнымъ потерямъ. Кредиторъ, ссудившій своимъ капиталомъ должника, получаетъ отъ послѣдняго капиталъ упавшими въ цѣнѣ деньгами; слѣдовательно лишь номинально получаетъ туже цѣнность, которая имъ была ссужена, въ дѣйствительности же получаетъ только часть ея, лишаясь такимъ образомъ опредѣленной доли своего имущества. Если бумажныя деньги упали на половину въ своей цѣнности, то кредиторъ этотъ получаетъ отъ должника только половину своего капитала. Точно также теряютъ часть имущества всѣ лица, живущія опредѣленнымъ жалованьемъ. Они получаютъ номинально прежнее вознагражденіе за свой трудъ, но получаютъ его деньгами, цѣнность которыхъ упала, покупная сила уменьшилась, слѣдовательно реально получаютъ меньше, чѣмъ получали прежде. Терпитъ убытокъ и

казна, какъ получатель налоговъ, такъ какъ послѣдніе, сохраняя прежніе размѣры, въ дѣйствительности представляютъ меньшую покупную силу, уменьшившуюся пропорціонально паденію цѣнности денегъ.

Нѣкоторые думаютъ, что съ общественной точки зрѣнія возвышеніе цѣнъ или упадокъ цѣнности денежныхъ знаковъ не имѣетъ особенно вреднаго значенія. Такъ, наприм., хотя отъ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ теряютъ часть своего имущества кредиторы, но при этомъ выигрываютъ должники, выигрываютъ тѣ лица, которые занимали капиталы для промышленныхъ цѣлей, люди главнымъ образомъ производительные,—такъ какъ главные заемщики большею частью производительные классы и главные кредиторы—большею частью люди, не могущіе самостоятельно утилизировать свои капиталы. Но, по замѣчанію Милля, это воззрѣніе можно было бы признать вѣрнымъ, если бы честность и добросовѣстность не были вещами важными для всѣхъ, а въ особенности для промышленности. Съ другой стороны, легко можетъ показаться, что съ общественной точки зрѣнія не имѣютъ никакого значенія колебанія въ цѣнности бумажныхъ денегъ и происходящія отъ этого потери для тѣхъ или иныхъ лицъ и учрежденій. Одни теряютъ, другіе въ размѣрѣ этихъ потерь выигрываютъ, слѣдовательно уровень общественнаго богатства нисколько не измѣняется; теряетъ кредиторъ, выигрываетъ должникъ, общество, по видимому, ничего не теряетъ отъ этого перехода имуществъ. Но возможно ли утверждать, что общество ничего не теряетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда начинаютъ страдать цѣлые классы населенія, когда значительная часть послѣдняго близка къ раззоренію, когда массы голодаютъ, не имѣя возможности пріобрѣтать вздорожавшій хлѣбъ? Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно возникаетъ хозяйственная паника, удаляющая трудъ и капиталы отъ предпріятій, подрывающая кредитъ, уменьшающая производство и сопровождающаяся такими же разрушительными послѣдствіями, какими сопровождается непріятельское нашествіе. Такое положеніе дѣлъ не можетъ быть безразлично для общества.

Самый процессъ колебаній въ цѣнахъ долженъ быть признанъ имѣющимъ разрушительное значеніе для промышленности страны. Промышленная коньектура встрѣчаетъ неопреодолимыя препятствія, никто не можетъ напередъ разсчитывать, что дастъ данное предпріятіе, такъ какъ съ измѣненіемъ цѣнности денежной единицы всѣ предваритель-

ные разсчеты потеряютъ свое значеніе. Ничего нѣтъ враждебнѣе производительной дѣятельности, какъ сильныя колебанія въ цѣнахъ производимыхъ продуктовъ. Положеніе производителя при существованіи такихъ колебаній вполнѣ аналогично съ положеніемъ того человѣка, который не увѣренъ, что часть произведеній его труда не будетъ у него отнята непріятелемъ. Различіе въ положеніи перваго не улучшается отъ того, что имущество захватывается безъ физическаго насилія. И тотъ и другой, будучи не увѣрены въ прочности пользованія доходами отъ своего труда, апатично относятся къ промыслу, работаютъ только по необходимости, лишь бы не лишиться необходимаго къ существованію. При значительности колебаній въ цѣнахъ, когда мало увѣренности въ томъ, что въ продуктахъ труда выручатся затраты и получится чистый доходъ, никакая производительная дѣятельность не можетъ быть въ надлежащей мѣрѣ успѣшною. Временное оживленіе промышленности, происшедшее вслѣдъ за выпусками бумажныхъ денегъ для покрытія военныхъ расходовъ, какъ одностороннее и направленное къ удовлетворенію того спроса, который не даетъ занятія труду, замѣняется промышленнымъ застоемъ, экономической апатіей, при наступленіи которой разумное промышленное движеніе становится не мыслимымъ.

Въ это время и здѣсь возникаетъ то своеобразное явленіе безденежья при обиліи денегъ, о которомъ мы выше говорили. При обиліи денежныхъ знаковъ всѣми въ большей или меньшей степени ощущается безденежье и отъ промышленныхъ классовъ слышатся съ одной стороны нареканія на недостаточное количество бумажныхъ денегъ и съ другой стороны просьбы объ увеличеніи ихъ количества посредствомъ новыхъ выпусковъ. Если бы всѣ произведенія и услуги подъ вліяніемъ бумажно-денежныхъ выпусковъ возвысились въ цѣнѣ въ одинаковой пропорціи, то подобное явленіе въ народной экономіи было бы не мыслимо. Если бы съ удвоеніемъ количества бумажныхъ денегъ всѣ произведенія и услуги удвоились въ свой цѣнѣ, то при этомъ доходы и расходы всѣхъ производителей остались бы безъ всякаго измѣненія.

Хотя съ удвоеніемъ цѣнъ расходы каждаго удвоились, но въ такой же пропорціи возрасли и денежные доходы каждаго производителя, продающаго свои продукты по удвоеннымъ цѣнамъ. При такихъ условіяхъ никто бы изъ производителей не чувствовалъ сравнительно

съ прежнимъ временемъ недостатка въ орудіяхъ мѣноваго обращенія. Безденежье чувствовали бы лишь тѣ классы населенія, которые живутъ опредѣленными денежными доходами; доходы ихъ уменьшились бы пропорціонально возвышенію цѣнъ.

Но такъ какъ цѣны различныхъ произведеній и услугъ возвышаются не въ одинаковой пропорціи, то въ бюджетѣ массы населенія происходитъ нарушеніе равновѣсія между доходами и расходами, ощущается недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, не смотря на ихъ обиліе въ странѣ. Это ощущеніе недостатка въ мѣновомъ посредникѣ въ особенности увеличивается подъ вліяніемъ того, что цѣны могутъ возвышаться въ большей пропорціи, чѣмъ произошло увеличеніе денегъ. При удвоеніи общей массы денежныхъ знаковъ цѣны на продукты могутъ въ среднемъ выводѣ подняться болѣе чѣмъ вдвое. Мы уже говорили, что въ цѣнности денегъ имѣетъ важное значеніе не только ихъ физическое количество, но также и обращаемость, въ силу чего рубль, обращающійся въ теченіи опредѣленнаго времени десять разъ, равняется десяти рублямъ, изъ коихъ каждый въ теченіи этого времени обращается одинъ разъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ, при поднятіи цѣнъ въ большей пропорціи сравнительно съ увеличеніемъ бумажныхъ денегъ, возникаетъ ощущеніе общаго безденежья и требованія новыхъ выпусковъ. Когда эти требованія будутъ удовлетворены, новый выпускъ бумажныхъ денегъ въ первое время дѣйствительно произведетъ нѣкоторое успокоеніе, ощущеніе общаго безденежья прекратится. Но такое успокоеніе не можетъ быть продолжительнымъ. Новыя массы денегъ, при неизмѣненіи количества произведеній и услугъ, должны произвести новое возвышеніе ихъ цѣнъ и новый упадокъ цѣнности денежной единицы. Снова повторятся тѣ же явленія, снова возникнетъ сперва частное, а потомъ и общее ощущеніе безденежья, но уже въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде, соотвѣтственно увеличенію причины этого безденежья—увеличенію бумажныхъ денегъ. Но при такихъ условіяхъ и уменьшеніе въ странѣ денегъ должно произвести подобное же потрясеніе въ народной экономіи, какъ и увеличеніе ихъ количества. При появленіи безденежья изъятіе бумажныхъ денегъ равносильно искусственному увеличенію недостачи въ деньгахъ, усиленію тяжести и безъ того тяжелаго положенія промышленности и торговли, равносильно наложенію рукъ на народную предпріимчивость. Этотъ фактъ былъ въ свое время прекрасно констатированъ еще Карамзинымъ въ его

извѣстной запискѣ, поданной Императору Александру I-му. По поводу уничтоженія излишне выпущенныхъ ассигнацій Карамзинъ сообщаетъ слѣдующее:

„Цѣны на вещи возвышались не только по соразмѣрности прибавляемыхъ ассигнацій, но и по вѣроятностямъ ихъ будущаго выпуска, также вслѣдствіе новыхъ податей и низкаго курса. Дороговизна ежедневно возрастала. Въ пятницу хотѣли взять за товаръ больше нежели въ четвергъ, въ субботу болѣе нежели въ пятницу, слѣдуя иногда привычкѣ и вкусу своего корыстолюбія. Уже не дѣйствуетъ сила, приведшая въ дѣйствіе шаръ, а онъ еще катится. Вѣрятъ и не вѣрятъ, чтобы казна перестала выдавать ассигнаціи. Наконецъ открывается нечаянность: большая нужда въ деньгахъ, т. е. въ ассигнаціяхъ. Купцы въ Москвѣ съ изумленіемъ спрашиваютъ другъ друга, куда онѣ дѣвались и предлагаютъ заимодавцамъ три процента въ мѣсяцъ. Ассигнацій не убыло, но, по дороговизнѣ, дѣлается мало, то есть излишне высокія цѣны въ послѣднее время вышли изъ соразмѣрности съ суммою оныхъ. Наприм. купецъ, имѣя прежде 10,000 руб. въ капиталѣ, нынѣ имѣетъ 15,000 руб., но какъ цѣна покупаемаго имъ товара удвоилась, то онъ, чтобы не уменьшить своей торговли, долженъ занять 5,000 рублей. Если казна, посредствомъ банка и продажи имѣній, вынетъ теперь изъ оборота милліоновъ двѣсти, увидимъ страшный недостатокъ въ деньгахъ; винные откупщики раззорятся, крестьяне не заплатятъ оброка господину, купцы не купятъ или не продадутъ товара, найдется недоимка въ казенныхъ сборахъ. Не думайте, чтобы вдругъ оказалась дешевизна; нѣтъ, первые продавцы не скоро уступятъ вамъ вещь за половину ея цѣны, но сдѣлается остановка въ торговлѣ и въ платежахъ. Неудовольствіямъ, жалобамъ не будетъ конца, и многіе окажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядокъ въ оцѣнкѣ вещей соразмѣрно съ количествомъ денегъ въ государствѣ. Великіе переломы опасны. *Вдругъ уменьшить количество бумажныхъ денегъ также вредно, какъ вдругъ умножить*“.

Этотъ выводъ необходимо признать безусловно вѣрнымъ. Внезапное уменьшеніе бумажныхъ денегъ также вредно для народной промышленности, какъ и значительное ихъ увеличеніе, при неизмѣненіи потребности въ мѣновомъ посредникѣ для оборотовъ. При наступленіи ощущенія безденежья плата за пользованіе деньгами возвышается и въ это время изъятіе значительной ихъ части должно вызвать еще

большую дороговизну денегъ, затрудненія въ торговлѣ и предпріятіяхъ, что въ свою очередь должно повлечь за собою уменьшеніе производительной дѣятельности, уменьшеніе количества произведеній. Если бумажныя деньги будутъ одновременно извлечены изъ обращенія въ значительномъ количествѣ, то впослѣдствіи трудно ожидать поднятія ихъ достоинства.

§ 5. Мы разсмотрѣли цѣнность и значеніе бумажныхъ денегъ на внутреннемъ рынкѣ, при отсутствіи условій увеличенія въ количествѣ произведеній и услугъ. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть значеніе ихъ при тѣхъ же условіяхъ въ международномъ обмѣнѣ и косвенное ихъ вліяніе въ этомъ отношеніи на экономическій бытъ.

Нѣкоторые изъ представителей политической экономіи думаютъ, что бумажныя деньги не оказываютъ никакого вліянія на международный обмѣнъ. Такъ, по мнѣнію Милля, „упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ не имѣетъ вліянія на внѣшнюю торговлю страны: она ведется рѣшительно такъ, какъ будто деньги сохраняютъ свою цѣнность.“ Свое воззрѣніе Милль основываетъ на слѣдующемъ. Въ международномъ обмѣнѣ ввозъ и вывозъ продуктовъ опредѣляются не на бумажныя деньги, но на звонкую монету. Если извѣстный продуктъ покупаемъ былъ въ Англіи за 5 фунтовъ, когда существовала только звонкая монета, причемъ этотъ продуктъ вывозился во Францію и продавался за 6 фунтовъ и 10 шиллинговъ, то онъ будетъ вывозиться и при упадкѣ цѣнности бумажныхъ денегъ. Послѣ упадка ихъ цѣнности продуктъ этотъ можетъ стоить въ Англіи 6 фунтовъ, во Франціи же можетъ быть проданъ не иначе какъ по прежней цѣнѣ, то есть за 5 фунтовъ и 10 шиллинговъ. Но при всемъ томъ условія вывоза не измѣнятся и этотъ продуктъ будетъ по прежнему вывозиться. „5 фунтовъ и 10 шиллинговъ, получаемые за него во Франціи, получаются не бумажными деньгами, упавшими въ цѣнѣ но золотомъ и серебромъ, а цѣна металловъ въ Англіи поднялась одинаково съ цѣною другихъ предметовъ; и если купецъ привозитъ въ Англію золото и серебро, продаетъ онъ 5 ф. и 10 шил. за 6 ф. и 10 шил., и по прежнему получаетъ $10^0/_0$ за расходы и въ прибыль себѣ“. Такимъ образомъ упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ долженъ остаться безъ всякаго вліянія на международный обмѣнъ.

Для надлежащей оцѣнки этого воззрѣнія намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на механизъ международнаго обмѣна. Каждая страна

уплачиваетъ за полученные ею отъ другой страны продукты своими продуктами, причемъ необходимость пересылки золота и серебра возникаетъ лишь въ случаяхъ значительнаго перевѣса привоза надъ отпускомъ, когда цѣнность отпущенныхъ товаровъ недостаточна для уплаты цѣнности привезенныхъ товаровъ. Представимъ себѣ, что петербургскій торговецъ выписываетъ мебель изъ Парижа, за которую онъ долженъ заплатить пудъ золота. Пересылка этой суммы требуетъ извѣстныхъ расходовъ какъ на транспортъ, такъ и на страхованіе. Весьма естественно, что нашъ торговецъ старается по возможности уменьшить эти расходы, старается найти такой способъ уплаты, при которомъ не нужно было бы пересылать денегъ. Способъ этотъ онъ легко находитъ, если парижскіе торговцы выписываютъ товары изъ Петербурга. Предположимъ, что парижскій торговецъ выписываетъ изъ Петербурга хлѣбъ, за который долженъ заплатить пудъ золота. Если такъ, то нѣтъ никакихъ мотивовъ къ пересылкѣ золота изъ Петербурга въ Парижъ для уплаты за мебель и изъ Парижа въ Петербургъ для уплаты за хлѣбъ. Въ Петербургѣ слѣдуетъ получить за хлѣбъ пудъ золота изъ Парижа; петербургскій торговецъ, которому слѣдуетъ послать золото въ Парижъ, уплачиваетъ пудъ золота петербургскому же торговцу, пославшему свой хлѣбъ въ Парижъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы его парижскій должникъ произвелъ уплату парижскому же торговцу, пославшему свою мебель въ Петербургъ. Такая уплата обыкновенно производится посредствомъ покупки векселей не прямо отъ торговцевъ, ведущихъ торгъ произведеніями съ иностранными государствами, но отъ лицъ или учрежденій, занимающихся переводами долговъ. Этотъ фиктивный примѣръ показываетъ намъ сущность механизма международнаго обмѣна. Народы, ведущіе между собою торговлю, ликвидируютъ свои обязательства безъ пересылки звонкой монеты, которая необходима лишь въ случаяхъ неравенства цѣнности ввозимыхъ и отпускаемыхъ товаровъ, то есть въ случаяхъ неравенства взаимной между народами задолженности.

При существованіи въ странѣ звонкой монеты нарушеніе равенства взаимной задолженности въ большинствѣ случаевъ естественно возстановляется дѣйствіемъ закона цѣнъ. При существованіи неравенства необходимо изъ страны высылать деньги, вслѣдствіе чего въ этой странѣ цѣны понижаются, между тѣмъ какъ въ той, въ которую деньги ввозятся, цѣны продуктовъ возвышаются. Это ведетъ къ уси-

ленію вывоза дешевыхъ продуктовъ и ограниченію ввоза дорогихъ, то есть приводитъ естественнымъ путемъ къ возстановленію равновѣсія въ международномъ обмѣнѣ.

Возстановленію этого равновѣсія содѣйствуетъ также вліяніе вексельнаго курса. Когда привозъ товаровъ въ страну равенъ по цѣнности количеству отпускаемыхъ товаровъ, тогда требованія и обязательства странъ, ведущихъ между собою торговлю, равны, вслѣдствіе чего спросъ на векселя и предложеніе векселей также равны между собою.

Когда спросъ векселей равенъ ихъ предложенію, тогда плата за нихъ или вексельный курсъ стоитъ al pari. Другими словами, при такомъ положеніи международной торговли вексельный курсъ въ 1000 р., въ которомъ содержится 44 фунта серебра, будетъ продаваться за границу также за 44 фунта, съ присоединеніемъ небольшаго излишка, необходимаго на пересылку векселя или за комиссію учрежденіямъ и лицамъ, занимающимся вексельной торговлей. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда отпускъ товаровъ не равенъ привозу, спросъ на векселя не можетъ быть равенъ предложенію ихъ. Когда отпускъ превышаетъ привозъ, тогда предложеніе векселей больше спроса, цѣна ихъ понижается, вексельный курсъ становится благопріятнымъ. На оборотъ, когда привозъ товаровъ превышаетъ отпускъ, тогда спросъ векселей превышаетъ ихъ предложеніе и цѣна ихъ возвышается; вексельный курсъ при такихъ обстоятельствахъ становится неблагопріятнымъ.

Но неблагопріятный вексельный курсъ не выгоденъ только плательщикамъ. Неблагопріятенъ онъ тѣмъ лицамъ, которымъ слѣдуетъ произвести уплату за границей за товары, ввезенные ими въ страну. Напротивъ того, для торговцевъ, вывозящихъ товары за границу, этотъ самый неблагопріятный вексельный курсъ выгоденъ. Если перевѣсъ находится на сторонѣ привоза и, слѣдовательно, вексельный курсъ неблагопріятенъ, то лица, вывозящія свои товары за границу, за каждую сумму, слѣдующую имъ за границей, получаютъ дома посредствомъ перевода векселей нѣсколько болѣе. Неблагопріятный вексельный курсъ является какъ бы преміей за вывозъ товаровъ; напротивъ того, вполнѣ благопріятный вексельный курсъ является своего рода налогомъ на вывозъ. При неблагопріятномъ вексельномъ курсѣ усиливается вывозъ, увеличивается количество векселей, уменьшается цѣна ихъ и вексельный курсъ мало по малу становится al pari, что свидѣ-

тельствуетъ о наступленіи равновѣсія между привозомъ и отпускомъ. На оборотъ, при излишкѣ отпуска надъ привозомъ, когда вексельный курсъ благопріятенъ, мало по малу уменьшается отпускъ и увеличивается ввозъ, что также приводитъ къ равновѣсію въ международномъ обмѣнѣ.

Для того, чтобы указанный механизмъ международнаго обмѣна не былъ нарушаемъ бумажно-денежными знаками необходимо, чтобы существовало полное соотвѣтствіе между лажемъ, вексельнымъ курсомъ и упадкомъ цѣнности бумажныхъ денегъ относительно продуктовъ. Но въ дѣйствительности такое соотвѣтствіе бываетъ рѣдко.

Въ первое время послѣ выпусковъ бумажныхъ денегъ обыкновенно ихъ металлическая цѣнность падаетъ несравненно болѣе вещной ихъ цѣнности. Излишніе выпуски бумажныхъ денегъ прежде всего и почти немедленно отражаются на цѣнности металла и звонкой монеты, цѣнность которыхъ возвышается и пропорціонально этому падаетъ цѣнность бумажныхъ денегъ. Въ отношеніи къ вещной ихъ цѣнности въ первое время особаго паденія не замѣчается. Здѣсь въ первое время находитъ полное примѣненіе указанный нами законъ самосохраненія цѣнъ и въ то время когда бумажный рубль относительно серебра теряетъ 50% своего достоинства, относительно разныхъ продуктовъ отъ можетъ терять не болѣе 10%.

Въ этотъ первый періодъ соотношенія между металлическою и вещною цѣнностью бумажно-денежной единицы должно произойти усиленіе вывоза товаровъ, вызываемое прибылями, получаемыми торговцами и производителями по переводу денегъ. Продуктъ внутри страны до выпуска бумажныхъ денегъ стоилъ рубль и былъ отправляемъ за границу, гдѣ продавался за 1 рубль 10 коп. Предположимъ, что въ первое время послѣ выпуска бумажныхъ денегъ не произойдетъ вовсе паденія вещной цѣнности бумажнаго рубля относительно даннаго товара, при паденіи его на 20% относительно звонкой монеты. При такихъ условіяхъ нашъ товаръ будетъ отправляемъ за границу въ большихъ количествахъ противъ прежняго времени, такъ какъ 1 р. 10 коп., получаемые за него за границей, получаются золомъ или серебромъ и стоютъ внутри страны, при обмѣнѣ на бумажныя деньги, 1 р. 22 к., то есть торговецъ по переводу денегъ выигриваетъ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ 12 к. Но мы предположили, что вещная цѣнность бумажнаго рубля осталась послѣ выпуска бу-

мажныхъ денегъ безъ всякаго измѣненія. Это и бываетъ относительно нѣкоторыхъ товаровъ. Но тотъ же результатъ получается и во всѣхъ случаяхъ возвышенія цѣнъ товаровъ не прямо пропорціональнаго возвышенію лажа и вексельнаго курса. Въ этихъ случаяхъ, конечно, прибыль производителя уменьшится соотвѣтственно паденію вещной цѣнности бумажнаго рубля.

Бумажныя деньги, распространяясь въ народномъ оборотѣ, все болѣе и болѣе теряютъ свою вещную цѣнность и должно наступить уравненіе покупной силы денегъ относительно звонкой монеты и всѣхъ другихъ произведеній. Въ этомъ второмъ періодѣ упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ дѣйствительно не оказываетъ никакого вліянія на международный обмѣнъ и только въ примѣненіи къ этому періоду относится и должно быть признано вѣрнымъ приведенное нами ученіе Милля.

Но въ дальнѣйшемъ движеніи цѣнности бумажныхъ денегъ можетъ наступить моментъ, когда упадокъ вещной цѣнности бумажнаго рубля будетъ превосходить въ большей или меньшей степени упадокъ его достоинства относительно монеты. Въ этихъ случаяхъ бумажныя деньги оказываютъ безусловно неблагопріятное вліяніе на международный обмѣнъ и даже на всю народную производительность.

Предположимъ, что вещная цѣнность бумажнаго рубля уменьшилась на 50%, а металлическая на 30%; продуктъ стоившій рубль теперь продается за 1 р. 50 коп. Прежде этотъ продуктъ былъ вывозимъ за границу и продаваемъ наприм. за 1 р. 10 коп. металлическихъ денегъ. Послѣ упадка внутри страны цѣнности бумажныхъ денегъ, цѣны продуктовъ на иностранныхъ рынкахъ остались безъ измѣненія. Если нашъ продуктъ по прежнему будетъ вывозимъ заграницу и продаваемъ за 1 р. 10 коп. металлическихъ, то продавецъ будетъ нести потери, такъ какъ 1 р. 10 коп., вырученныя за границей, внутри страны равны 1 р. 33 коп., между тѣмъ какъ на мѣстѣ товаръ стоитъ 1 р. 50 коп. Рубль металлическій, получаемый внѣ страны, внутри ея равенъ 1 р. 30 коп., но эта выгода, получаемая отъ перевода денегъ, нейтрализуется внутреннимъ вздорожаніемъ продуктовъ, превосходящимъ пропорцію увеличенія лажа. Такимъ образомъ паденіе вещной цѣнности бумажно-денежной единицы, превосходящее упадокъ ея металлическаго достоинства, приводитъ къ ограниченію вывоза, равносильно установленію пошлинъ на вывозимые

продукты и ограниченію рынка для сбыта. И такъ какъ размѣрами рынка опредѣляются размѣры производства, то этотъ упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ равносиленъ ограниченію внутренняго производства.

Вмѣстѣ съ ограниченіемъ внѣшняго сбыта, благодаря тому же упадку цѣнности бумажныхъ денегъ, усиливается ввозъ иностранныхъ продуктовъ, такъ какъ иностранные торговцы получаютъ особую прибыль на возвышеніи цѣнъ, превосходящемъ пропорцію увеличенія лажа. Эта разница составляетъ какъ бы премію на ввозъ иностранныхъ продуктовъ. Она же представляетъ собою могущественное орудіе въ рукахъ иноземцевъ къ полному порабощенію внутренняго производства въ странѣ съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, прекращая всякую возможность успѣшной конкурренціи внутренняго производства съ иноземнымъ. Эту особенность вліянія бумажно-денежнаго обращенія на народную производительность положительно забываютъ сторонники свободы международной торговли.

Представимъ себѣ, что иностранный промышленникъ покупаетъ опредѣленное количество сырого матеріала за 50 р. серебромъ или за 55 р. на бумажныя деньги, при упадкѣ у насъ металлической цѣнности послѣднихъ на 10%. Предположимъ, что пріобрѣтенный такимъ образомъ сырой матеріалъ перерабатывается и вся стоимость продукта равняется 110 рублямъ бумажнымъ. Если у насъ цѣнность сырого матеріала и производства будетъ такая же, то этотъ товаръ и на нашемъ рынкѣ будетъ стоить 110 рублей бумажныхъ или 100 р. металлическихъ. При такихъ условіяхъ не будетъ ни привоза, ни вывоза его. Но предположимъ, что у насъ вещная цѣнность рубля упадетъ на 20%, при положеніи цѣны металлической по прежнему на 10% ниже нормы. Въ это время иностранный промышленникъ получаетъ возможность привозить свой товаръ къ намъ и положительно подорвать внутреннее его производство. Онъ можетъ продать свой товаръ наприм. за 114 р. бумажныхъ и при этомъ получаетъ чистаго выигрыша 4 р. такъ какъ производство товара, оцѣнивая на бумажныя деньги, обошлось ему въ 110 рублей, а продается товаръ въ 114 р. Внутренній производитель по этой цѣнѣ можетъ продавать свой продуктъ не иначе, какъ съ убыткомъ, такъ какъ ему самому производство товара стоитъ дороже при возвысившихся цѣнахъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ безъ особаго покровительства при посредствѣ охранительныхъ тарифовъ внутреннее производство товара должно прекратиться, а послѣ этого иностранный производитель можетъ продавать продуктъ по произвольнымъ монопольнымъ цѣнамъ. Такъ какъ иностранный торговецъ имѣетъ возможность сравнительно съ прежнимъ временемъ продавать свой продуктъ дороже на 4 р. 54 коп. мет., то въ размѣрѣ этого выигрыша увеличивается покупная сила ввоза, оказывая давленіе на вывозъ. Такимъ образомъ при полной свободѣ международнаго обмѣна хозяйство страны вполнѣ порабощается иностраннымъ производствомъ, экономическій бытъ страны долженъ все болѣе и болѣе ухудшаться и возвратъ къ нормальному положенію все болѣе и болѣе становится затруднительнымъ, требуя громадныхъ пожертвованій.

Но нельзя сказать, чтобы и первый періодъ соотношенія между упадкомъ вещной и металлической цѣнности бумажнаго рубля былъ благопріятнымъ періодомъ. Премія на вывозъ въ дѣйствительности является не менѣе тяжелымъ бременемъ для народной экономіи, какъ и этотъ налогъ на вывозную торговлю.

Возьмемъ прежній примѣръ. Продуктъ внутри страны на бумажныя деньги стоитъ одно время 110 рублей при упадкѣ цѣны рубля на $10^0/_0$; за границей онъ стоитъ 100 р. металлическихъ. Когда бумажный рубль относительно товаровъ упадаетъ до $20^0/_0$, нашъ товаръ внутри страны будетъ стоить 120 рублей. Предположимъ, что бумажный рубль относительно монеты падетъ въ цѣнѣ на $30^0/_0$. Въ этомъ случаѣ продуктъ съ выгодою можно продавать за границей не за 100 рублей металлическихъ, равныхъ внутри 130 р. бумажнымъ, а наприм. за 95 р. м.$=123^1/_2$ р. бумажныхъ. Другими словами, при частно-хозяйственномъ выигрышѣ въ это время возникаетъ народнохозяйственная потеря. При существующей конкурренціи между внутренними производителями, обусловливаемой не одинаковымъ возвышеніемъ цѣнъ и безденежьемъ, обыкновенно такъ и бываетъ, иностранцы имѣютъ возможность пріобрѣтать продукты дешевле и увеличеніе вывоза продуктовъ не всегда является увеличеніемъ платежныхъ силъ по международной задолженности. Такъ возникаетъ и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ внѣшней торговли недостаточная оплата предметовъ отпуска.

Второй періодъ, когда бумажныя деньги не вліяютъ на торговлю, обыкновенно не продолжителенъ и напрасно думаютъ нѣкоторые, что возвышеніе цѣнъ сообразно лажу представляетъ собою необходимое явленіе, по крайней мѣрѣ относительно главныхъ предметовъ отпуска. Въ дѣйствительности это соотвѣтствіе если и бываетъ, то продолжается не долго.

Представимъ себѣ, что въ одно время продуктъ продается за 100 р. и вывозится за границу, гдѣ продается за 150 рублей металлическихъ, когда рубль бумажный стоитъ 4 франка. Предположимъ далѣе, что послѣ выпуска бумажныхъ денегъ рубль превратится въ полтинникъ и относительно товаровъ и относительно монеты. При этомъ нашъ продуктъ внутри страны будетъ продаваться за 200 р. или 400 франковъ. При такихъ условіяхъ нашъ продуктъ по прежнему можно вывозить за границу и получать 150 р. металлическихъ, равныхъ 300 р. бумажнымъ. Но внутри страны, при возвышеніи многихъ цѣнъ, возникаетъ нужда въ деньгахъ. Землевладѣлецъ продаетъ вдвое дороже свой хлѣбъ, но ему быть можетъ приходится платить втрое дороже за многіе продуты его потребленія. Подъ вліяніемъ этой нужды въ деньгахъ приходится довольствоваться меньшею прибылью отъ предпріятія. Это обыкновенное и повседневное явленіе. Кто наиболѣе нуждается въ деньгахъ, тотъ продаетъ наиболѣе дешево свои продукты. Иначе и не можетъ быть въ данныхъ уловіяхъ, когда нужда въ деньгахъ возникаетъ у многихъ, подъ вліяніемъ которой усиливается конкурренція между продавцами. Вслѣдствіе этой конкурренціи землевладѣлецъ долженъ продавать свой хлѣбъ не за 150 р. металическихъ на иностранномъ рынкѣ, но наприм. за 125 р. Такимъ образомъ иностранный пріобрѣтатель на каждой единицѣ даннаго товара выигрываетъ 25 р. и на такую же сумму на каждой единицѣ этого товара уменьшаются платежныя средства страны. Вотъ почему относительно такого положенія вполнѣ вѣрно замѣчаніе А. Вагнера, что „страна съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ, сравнительно съ страною, имѣющею металлическое обращеніе, находится въ положеніи того торговца, который принужденъ принимать цѣны, предписываемыя ему кліентомъ, и который регулярно покупаетъ товары по высокимъ цѣнамъ и продаетъ по низкимъ“.

Изъ сказаннаго достаточно ясно, что увеличеніе бумажныхъ денегъ, при отсутствіи условій увеличенія количества произведеній и

услугъ, является народнымъ бѣдствіемъ. Это зло не измышленное теоретиками, а дѣйствительное зло, съ которымъ необходимо бороться. Борьба тѣмъ труднѣе, чѣмъ продолжительнѣе бумажно-денежное хозяйство. Въ такомъ хозяйствѣ „постоянно возобновляется мучительная дилемма:—уменьшеніе количества бумажныхъ денегъ усиливаетъ неизбѣжное и безъ того переходное состояніе—застой въ дѣлахъ и затрудненія; увеличеніе—доставляетъ лишь временное облегченіе, причины же колеблющихся денежныхъ отношеній усиливаются и возможность возстановленія денежной системы отдаляется еще болѣе. Бумажныхъ денегъ оказывается много, слишкомъ много для того, чтобы возвратиться къ металлической денежной единицѣ, и все таки слишкомъ мало для того, чтобы единичныя хозяйства и народное хозяйство могли продолжать работать при отношеніяхъ и условіяхъ, которыя вызваны бумажно-денежнымъ хозяйствомъ".

Такимъ образомъ бумажныя деньги, выпущенныя для потребительныхъ расходовъ, приводятъ страну въ состояніе экономической дилеммы, по которой уменьшеніе количества денежныхъ знаковъ не можетъ не сопровождаться потрясеніями въ такой же мѣрѣ, какъ и новое увеличеніе ихъ. Гдѣ же выходъ изъ этой дилеммы?

§ 6. Упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ указываетъ на то, что нарушено равновѣсіе между предложеніемъ и спросомъ или потребностью страны въ деньгахъ. Понятно, по этому, что для возстановленія ихъ цѣнности необходимо возстановить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, что можетъ быть достигнуто или уменьшеніемъ предложенія денегъ, или увеличеніемъ спроса. Уменьшеніе предложенія денегъ можетъ состоять или въ извлеченіи опредѣленнаго ихъ количества изъ обращенія, или въ девальваціи.

а) Извлеченіе излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ можетъ быть произведено или посредствомъ займовъ или посредствомъ обыкновенныхъ финансовыхъ доходовъ, когда въ государственномъ казначействѣ имѣются свободныя средства для этого. Извлеченіе путемъ займовъ носитъ названіе превращенія безпроцентнаго государственнаго долга въ процентный. Полезность его доказывается слѣдующими соображеніями. Съ финансовой точки зрѣнія государство несетъ большія потери, происходящія отъ упадка покупной силы бумажныхъ денегъ. Такъ наприм. оно несетъ потери при уплатѣ процентовъ по иностраннымъ займамъ, заключеннымъ въ денежной валютѣ. Если

ежегодный платежъ такихъ процентовъ при нормальной цѣнности денегъ равняется 50 мил. рублей, то при упадкѣ курса на 50%, изъ доходовъ государства приходится уплачивать 100 мил. по заграничнымъ займамъ. Такія же потери несетъ государство ежегодно по содержанію своихъ агентовъ за границей, по пріобрѣтенію разныхъ вещей, наприм. провіанта для солдатъ и т. д. Предположимъ, что въ общей массѣ всѣ эти чисто финансовые убытки отъ паденія цѣнности денежной единицы составляютъ 150 мил. рублей. Очевидно, если для возстановленія нормальной денежной единицы необходимо заключить заемъ, по которому уплата процентовъ съ погашеніемъ будетъ равняться 100 мил. рублей, то превращеніе безпроцентнаго займа, какимъ является выпускъ бумажныхъ денегъ для финансовыхъ цѣлей, въ заемъ процентный равносильно сбереженію въ ежегодныхъ расходахъ на 50 мил. рублей. Таковы выгоды чисто финансовыя. Но не меньшія выгоды заключаются и въ народно-экономическомъ отношеніи, такъ какъ правильное экономическое развитіе не мыслимо безъ возстановленія нормальной денежной единицы. Въ виду такихъ выгодъ, говорятъ, нельзя останавливаться предъ жертвами, необходимыми для извлеченія и уничтоженія излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ.

Въ основаніи этого воззрѣнія лежитъ вполнѣ вѣрная мысль, что уменьшеніемъ предложенія возможно поднять цѣнность товара. Это старая истина, издавна съ успѣхомъ практиковавшаяся. Интересный образецъ примѣненія ея представляетъ собою извѣстный фактъ уничтоженія въ 1652 г., по распоряженію Голландско-остъиндской компаніи, большей части пряныхъ растеній на Молуккскихъ островахъ. Подобныя распоряженія въ Остъ-индіи относительно пряныхъ кореньевъ повторялись часто; тоже дѣлали позднѣе съ сѣверо-американскимъ табакомъ. Цѣль всѣхъ подобныхъ операцій заключается въ томъ, чтобы уменьшивъ предложеніе товара, поднять цѣнность его, причемъ остатокъ товара, проданный по высокой цѣнѣ, даетъ доходъ большій, чѣмъ тотъ, который могъ бы получиться послѣ продажи всего количества товара по низкимъ цѣнамъ. Всякое уменьшеніе предложенія товара, при неизмѣненіи спроса, ведетъ къ возвышенію цѣнности этого товара. Но эта истина не имѣетъ такого значенія въ примѣненіи къ деньгамъ, какое она имѣетъ относительно всѣхъ остальныхъ товаровъ въ виду того, что существуетъ весьма важное различіе

между опредѣленіемъ цѣнности товаровъ и цѣнности денегъ, о чемъ уже мы говорили.

Въ вопросѣ о цѣнности денегъ имѣетъ существенное значеніе не только ихъ физическое количество, но также обращаемость, такъ какъ рубль, обращающійся въ теченіи опредѣленнаго времени десять разъ, равенъ десяти рублямъ, изъ коихъ каждый переходитъ изъ рукъ въ руки для обращенія товаровъ по одному разу. Когда происходитъ выпускъ бумажныхъ денегъ для финансовыхъ цѣлей на 100 мил. рублей и когда за тѣмъ возникаетъ ощущеніе безденежья, то при этомъ обращаемость денежныхъ знаковъ усилится, если она еще не достигла своего предѣла. Если она утроится, то дальнѣйшее паденіе цѣнности денегъ зависитъ не только отъ усиленной обращаемости 100 мил. рублей, но также отъ обращаемости прежняго количества денегъ. Уничтоженіе 100 мил. рублей не можетъ повліять на уменьшеніе этой обращаемости прежнихъ денегъ, а скорѣе будетъ сопровождаться усиленіемъ ея, что естественно должно произойти подъ вліяніемъ усиленія безденежья, вызваннаго уничтоженіемъ части денегъ. При такихъ обстоятельствахъ, уничтоженіе физическаго количества бумажныхъ денегъ будетъ немедленно же восполняться экономическимъ ихъ количествомъ и въ дѣйствительности не произойдетъ того уменьшенія предложенія денегъ, которое должно было бы сопровождаться поднятіемъ ихъ цѣнности. Это и случилось у насъ съ попыткой возстановленія цѣнности ассигнаціонныхъ денегъ, произведенной по закону 14 апр. 1817 г. Тогда рѣшено было для уменьшенія количества ассигнацій извлекать ихъ постепенно изъ обращенія до того времени, пока цѣнность ихъ не будетъ равна цѣнности звонкой монеты. На сколько послѣдовавшее за тѣмъ изъятіе ассигнацій повліяло на поднятіе ихъ цѣнности, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

годы	изъято	осталось	цѣнность
1818	38,023,875	797,976,125	$25^1/_4$ коп. сер.
1819	78,650,530	719,325,595	$26^1/_3$ „
1820	34,153,050	685,172,545	$26^1/_3$ „
1821	33,487,445	651,685,100	$25^2/_3$ „
1822	44,968,230	606,716,870	$26^1/_4$ „

Не предъявлено ассигнацій къ обмѣну на 10. 940. 560 р., какая сумма ихъ также признана уничтоженною. Всего такимъ образомъ уничтожено 240,223,690 рублей. Но, какъ видимъ, не смотря

на всю громадность этой суммы, улучшеній въ достоинствѣ ассигнацій никакихъ не произошло. Опытъ стоилъ громадныхъ пожертвованій со стороны государства и привелъ къ одному отрицательному результату, привелъ къ убѣжденію, что этотъ путь не всегда приводитъ къ желаемой цѣли, вслѣдствіе чего закономъ 25 апр. 1824 г. положено прекратить дальнѣйшее уничтоженіе ассигнацій.

Этотъ опытъ могъ бы окончиться и ухудшеніемъ достоинства денежныхъ знаковъ, если бы вмѣстѣ съ уменьшеніемъ ихъ количества, вслѣдствіе затрудненій въ торговлѣ и въ пріобрѣтеніи кредита, еще въ большей пропорціи сравнительно съ ихъ уменьшеніемъ произошло уменьшеніе производительности страны.

Нѣкоторые полагаютъ, что постепенное уменьшеніе бумажныхъ денегъ должно возстановить ихъ достоинство, не сопровождаясь вредными потрясеніями въ народной экономіи. И эту мысль необходимо признать ошибочною съ точки зрѣнія статики одного изъ существеннѣйшихъ моментовъ, имѣющихъ ближайшее вліяніе на опредѣленіе цѣнности орудій мѣноваго обращенія. Если количество произведеній и услугъ не увеличивается, если одновременно съ постепеннымъ уменьшеніемъ количества бумажныхъ денегъ не предпринимается никакихъ мѣръ къ улучшенію и развитію народнаго труда, то одно это уменьшеніе денежныхъ знаковъ не можетъ привести къ возстановленію ихъ достоинства.

Если внезапное изъятіе денегъ можетъ сопровождаться увеличеніемъ ощущенія безденежья и уменьшеніемъ производительности, то постепенное ихъ изъятіе можетъ постепенно приводить къ тому же результату. Сперва незначительныя затрудненія въ пріобрѣтеніи денегъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливаются, затрудненія въ торговлѣ становятся все больше и больше, народная предпріимчивость постепенно сковывается ими и количество произведеній и услугъ должно уменьшиться. Тогда уменьшеніе денежныхъ знаковъ или не оказываетъ никакого вліянія на поднятіе ихъ достоинства, или же достоинство ихъ должно понизиться.

Если бумажныя деньги извлекаются незначительными пріемами, то изъятіе ихъ въ первое время будетъ не замѣтно. Произведенія и услуги будутъ продаваться по прежнимъ цѣнамъ, установившимся подъ вліяніемъ значительныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Цѣны же произведеній и услугъ можно считать установившимися, когда

бумажныя деньги имѣли достаточно времени оказать свое вліяніе на всѣ отрасли труда, когда издержки производства всѣхъ произведеній и услугъ возвысились соотвѣтственно увеличенію бумажныхъ денегъ. Незначительныя изъятія бумажныхъ денегъ не могутъ оказать вліянія на такія цѣны. Народное хозяйство вообще и въ особенности на высшихъ ступеняхъ развитія представляетъ собою органическое цѣлое, въ которомъ всѣ части находятся между собою въ тѣсной связи и состояніе каждой изъ нихъ обусловливается состояніемъ другихъ. Въ такомъ органическомъ цѣломъ установившіяся цѣны получаютъ способность сопротивленія попыткамъ нарушить равновѣсіе. Явленіе это проистекаетъ какъ бы изъ особой наклонности установившихся цѣнъ къ самосохраненію, наклонности не менѣе живучей и сильной, чѣмъ и животный инстинктъ самосохраненія, изъ котораго въ существѣ дѣла она получаетъ свое начало. Если не происходитъ особыхъ и существенныхъ измѣненій въ предложеніи произведеній и услугъ, то одно уменьшеніе количества денежныхъ знаковъ, при этомъ стремленіи цѣнъ къ самосохраненію, должно вызвать усиленіе денежной обращаемости и не повліяетъ на поднятіе ихъ достоинства. Если въ странѣ уже ощущается безденежье, то оно еще болѣе усилится уменьшеніемъ денегъ и еще болѣе усилится затруднительное положеніе промышленности, что приведетъ не къ улучшенію, но къ ухудшенію достоинства денежныхъ знаковъ. Изъятіе части бумажныхъ денегъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, наприм. въ послѣднее время въ Италіи, имѣло благопріятное вліяніе только потому, что оно сопровождалось благопріятными условіями для производительности страны. Безъ этихъ послѣднихъ условій изъятіе излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно.

б) Девальваціей называется признанное закономъ пониженіе номинальной цѣнности бумажныхъ денегъ до уровня ихъ дѣйствительной цѣнности, опредѣляемой по курсу на звонкую монету. Если наприм. бумажный рубль стоитъ 50 коп. на звонкую монету и если въ странѣ существуетъ 1 милліардъ бумажныхъ денегъ, то девальвація будетъ состоять въ признаніи рубля равнымъ 50 коп., благодаря чему въ обращеніи будетъ не 1 милліардъ, но 500 мил. рублей. Такова девальвація была произведена у насъ по закону 1 іюля 1839 г., когда опредѣлено было принимать 3 р. 50 к. за 1 рубль серебромъ (за 4 зол. 21 долю чистаго серебра). Такая же девальвація была про-

изведена въ началѣ 1811 года въ Австріи, когда австрійское правительство объявило обязательный обмѣнъ 1060 мил. флориновъ банкоцеттелей на 212 мил. флориновъ новыхъ бумажныхъ денегъ (Einlösungsscheine). Въ 1820 г. девальвація была повторена, такъ какъ новыя бумажныя деньги пали въ цѣнѣ, когда австрійскому банку было поручено производить обмѣнъ бумажныхъ денегъ на размѣнные банковые билеты по курсу 250 за 100.

Девальвація представляется многимъ наиболѣе простымъ средствомъ воздѣйствія на предложеніе денегъ въ цѣляхъ возстановленія равновѣсія между ихъ предложеніемъ и спросомъ. Но эта простота въ дѣйствительности можетъ сопровождаться страшными несправедливостями. Девальвація—это открытое финансовое банкротство, влекущее за собою грабежъ имущества подданныхъ. Невозможно указать вполнѣ точную норму, по которой можно было бы произвести девальвацію, такъ какъ металлическій курсъ бумажныхъ денегъ мѣняется каждый день, а вещная цѣнность ихъ не совпадаетъ съ металлическою и также часто мѣняется. При такихъ условіяхъ девальвація отнимаетъ состояніе у многихъ, доходы которыхъ уменьшаются въ томъ размѣрѣ, въ которомъ принятая оффиціальная цѣнность денежнаго знака меньше той цѣнности, какая существовала въ данныхъ частныхъ отношеніяхъ. Необходимо также не забывать и того, что общее финансовое банкротство является не менѣе общимъ банкротствомъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, постоянные доходы которыхъ упали отъ уменьшенія цѣнности денегъ. „Обанктротившееся правительство можетъ вознаградить народъ только на счетъ самаго народа и не можетъ вознаградить тѣхъ, которые раззорились отъ упадка курса бумажныхъ денегъ. По исчисленіямъ Горна, человѣкъ, имѣвшій въ Австріи въ 1799 г. 10.000 флориновъ капитала, процентами съ котораго еще можно было существовать, въ 1815 г. спасалъ отъ своего состоянія только 600 флориновъ, быть можетъ то, что составляло прежде его ежегодный доходъ“ (1).

Такимъ образомъ ни изъятіе излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, ни девальвація не даютъ надлежащаго выхода изъ экономической дилеммы, въ которой находится страна съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Выхода слѣдуетъ искать въ надлежащемъ воздѣйствіи не на предложеніе, а на спросъ или потребность страны въ деньгахъ.

в) Представимъ себѣ, что значительное количество бумажныхъ денегъ выпускается въ то время, когда страна переходитъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. При этомъ переходѣ происходитъ увеличеніе спроса на орудія обращенія. Если такой спросъ превосходитъ предложеніе, то увеличеніе количества денежныхъ знаковъ не будетъ сопровождаться упадкомъ ихъ цѣнности; напротивъ того, увеличеніе количества денегъ въ странѣ будетъ сопровождаться возвышеніемъ ихъ цѣнности. Очевидно, въ вопросѣ о цѣнности бумажныхъ денегъ одна количественная сторона недостаточна. Нельзя сказать, что при всѣхъ обстоятельствахъ увеличеніе количества бумажныхъ денегъ равносильно паденію ихъ цѣнности. Точно также если деньги употребляются на производство, то увеличеніе количества ихъ равносильно увеличенію предложенія товаровъ, т. е. спроса на деньги или потребности страны въ орудіяхъ обращенія, вслѣдствіе чего въ этомъ случаѣ увеличеніе въ странѣ бумажныхъ денегъ не можетъ сопровождаться паденіемъ ихъ цѣнности, а напротивъ того сопровождается возвышеніемъ ихъ цѣнности. Если въ странѣ существуютъ не занятые факторы производства, то оживленіе ихъ посредствомъ выпусковъ бумажныхъ денегъ приводитъ къ увеличенію произведеній и къ увеличенію потребности страны въ деньгахъ. Здѣсь спросъ на деньги создается производительнымъ употребленіемъ самыхъ же денегъ. При этомъ такой спросъ не можетъ быть названъ одностороннимъ и непрочнымъ, почему и оживленіе промышленности также не можетъ быть признано одностороннимъ и не прочнымъ. Здѣсь спросъ на товары овеществляется въ произведеніяхъ промышленности, не является „отложеннымъ до конца дѣла“, слѣдовательно не является тѣмъ односторонним спросомъ, который вызываетъ скоротечное оживленіе производства, быстро оканчивающееся промышленнымъ кризисомъ. Такимъ же образомъ увеличеніе спроса на деньги, создаваемое производительнымъ употребленіемъ денегъ, не имѣетъ значенія болѣзненнаго спроса, возникающаго при не производительномъ ихъ употребленіи. Потребность въ орудіяхъ оборота создается увеличеніемъ предметовъ оборота, увеличеніемъ потребленія и обмѣна. Безденежье, вызываемое обиліемъ потребительныхъ бумажныхъ денегъ, создается недостаткомъ въ сбытѣ, ограниченіемъ въ потребленіи и обмѣнѣ, наступающемъ послѣ израсходованія денегъ на цѣли потребленія. Въ послѣднемъ случаѣ нужда страны въ деньгахъ равносильна нуждѣ въ деньгахъ разорившагося

человѣка, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ это потребность въ орудіяхъ оборота человѣка, увеличивающаго свои обороты, увеличивающаго свою производительность и богатство.

Такой же результатъ можетъ быть полученъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда происходятъ выпуски бумажныхъ денегъ на цѣли посредственно производительныя. Представимъ себѣ, что выпускаются бумажныя деньги на устройство желѣзной дороги въ цѣляхъ соединенія богатаго края съ центромъ страны. До производства этого соединенія богатый край не могъ сбывать на сторону своихъ произведеній, эксплоатація его богатствъ ничтожна именно потому, что размѣры всякой производительности ограничиваются размѣрами сбыта. Желѣзная дорога, открывая сбытъ, оживляетъ промышленность, увеличивается производительность страны и потребность ея въ орудіяхъ оборота, цѣнность которыхъ возвышается подъ вліяніемъ увеличенія ихъ количества для производительныхъ цѣлей. Вотъ почему темныя стороны бумажно-денежныхъ знаковъ, выпущенныхъ для хозяйственно-непроизводительныхъ расходовъ, нерѣдко значительно смягчаются и даже нейтрализуются, когда въ странѣ существуютъ условія, при которыхъ потребительная функція бумажныхъ денегъ превращается въ производительную. Деньги, ушедшія изъ рукъ первыхъ потребителей, могутъ поступить въ руки производителей, увеличивающихъ свою производительную дѣятельность. Если это оживленіе производства распространяется болѣе или менѣе равномѣрно на многія отрасли народнаго труда, то оно вызываетъ общій спросъ на орудія оборота и поднимаетъ ихъ достоинство. Прекраснымъ доказательствомъ этого служитъ помѣсячное движеніе нашего вексельнаго курса въ связи съ помѣсячнымъ же движеніемъ количества обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ. Вотъ данныя о помѣсячномъ распредѣленіи максимумовъ и минимумовъ вексельныхъ курсовъ изъ С.-Петербурга на Парижъ съ 1854 по 1880 г.

годы.	высшіе.	мѣсяцы.	низшіе.	мѣсяцы.
1854	405 сант.	январь	308½ сант.	мартъ.
1855	384 „	январь	361 „	октябрь.
1856	415 „	сентябрь	368 „	январь.
1857	403½ „	февраль	360 „	ноябрь.
1858	383 „	декабрь	370 „	январь.
1859	385 „	январь	325 „	мэй.
1860	385 „	октябрь	363 „	январь.
1861	374½ „	январь	346 „	декабрь.
1862	377 „	декабрь	345 „	февраль.

1863	399 „	авг. и сент.	350 „	ноябрь.
1864	366 „	январь	312 „	сентябрь.
1865	337½ „	мартъ	323 „	январь.
1866	340 „	декабрь	266 „	іюнь.
1867	350 „	іюнь	315½ „	апрѣль.
1868	347½ „	январь	339 „	іюль.
1869	344 „	январь	306 „	іюль.
1870	333 „	іюль	399 „	іюль.
1871	360 „	октябрь	336½ „	іюль.
1872	355 „	январь	344 „	апрѣль.
1873	349½ „	январь	340½ „	іюнь.
1874	354½ „	іюнь	345 „	январь.
1875	353 „	іюль	326½ „	декабрь.
1876	333 „	май	297 „	ноябрь.
1877	314¼ „	январь	234 „	сент. и окт.
1878	282 „	январь	233 „	апрѣль.
1879	272 „	октябрь	237½ „	январь.
1880	267 „	февраль	247 „	октябрь.

Такимъ образомъ изъ 28 мѣсяцевъ максимальнаго помѣсячнаго положенія вексельныхъ курсовъ 11 случаевъ приходится на январь, 2—на февраль, 1—на мартъ, 1—на май, 1—на іюнь, 3—на іюль, 1—на августъ, 2—на сентябрь, 3—на октябрь, 3—на декабрь, т. е. на полугодіе съ августа по январь включительно приходится 20 случаевъ изъ 28, а на остальное полугодіе всего 8. Изъ 28 случаевъ минимальнаго положенія на первое полугодіе приходится 16, а на второе 12 случаевъ. Другими словами, въ первомъ полугодіи въ среднемъ выводѣ высшіе вексельные курсы преобладаютъ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ во второмъ въ теченіе 2-хъ; низшіе, на оборотъ, во второмъ полугодіи встрѣчаются въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, а въ первомъ всего въ теченіи 2-хъ. Въ такомъ порядкѣ происходитъ движеніе вексельныхъ курсовъ и на другіе города. Другими словами, съ августа по январь включительно металлическая цѣнность нашего кредитнаго рубля выше, чѣмъ въ полугодіи съ февраля по іюль. Для полученія болѣе точнаго представленія объ этой разницѣ приводимъ среднія данныя за тридцатилѣтіе съ 1851 по 1880 г. о помѣсячномъ движеніи курсовъ:

	низшій курсъ.	высшій —	средній —
январь	344	351	347½
февраль	444⅓	349⅓	344½
мартъ	440⅓	346	343
апрѣль	336	344⅓	340

май	337	$345^1/_3$	341
іюнь	342	348	315
іюль	342	349	$345^1/_2$
августъ	344	354	349
сентябрь	$342^1/_3$	$349^2/_3$	346
октябрь	342	349	$345^1/_2$
ноябрь	$339^2/_3$	348	344
декабрь	$340^1/_3$	$349^1/_3$	$344^1/_2$

Такимъ образомъ на время года съ августа по январь включительно приходится наиболѣе благопріятное положеніе вексельныхъ курсовъ, а именно: наивысшій курсъ приходится на четверть съ августа по октябрь, въ какое время средній вексельный курсъ равняется $346^2/_3$ сант.; въ слѣдующую четверть въ движеніи средняго курса замѣчается небольшое пониженіе, онъ равняется 345 сант. За тѣмъ съ февраля по апрѣль курсъ сразу понижается до $341^1/_3$ сант., и нѣсколько повышается съ мая по іюль. Мунимумъ цѣнности рубля приходится на апрѣль, максимумъ на августъ. Начиная съ февраля курсъ падаетъ по май, затѣмъ начинаетъ подниматься и, достигнувъ максимума въ августѣ, понижается снова, но уже въ меньшей степени. Въ общемъ въ указанномъ періодѣ времени нашъ вексельный курсъ понижался, но пониженіе его имѣетъ форму холмообразнаго спуска. Всякій разъ въ полугодіе съ августа по январь вексельный курсъ поднимается, но это поднятіе нейтрализуется въ полугодіе съ февраля по іюль, причемъ и въ послѣднемъ полугодіи встрѣчается стремленіе къ поднятію въ теченіи мая по іюль. Но при этомъ сила паденія оказываетъ болѣе значительное дѣйствіе, чѣмъ сила, стремящаяся къ поднятію цѣнности бумажныхъ денегъ, въ слѣдствіе чего въ общемъ вексельный курсъ постоянно понижается.

Повышеніе курса происходитъ именно въ то время года, когда количество бумажныхъ денегъ увеличивается въ народномъ обращеніи. Въ среднемъ выводѣ съ 1862 г. по 1880 г. помѣсячное распредѣленіе кредитныхъ билетовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

январь	$796,_2$	мил.	руб.
февраль	$736,_8$	„	„
мартъ	$788,_3$	„	„
апрѣль	$785,_8$	„	„
май	$787,_8$	„	„
іюнь	$791,_1$	„	„
іюль	$792,_6$	„	„
августъ	$796,_3$	„	„

сентябрь	$804_{,6}$	„	„
октябрь	$816_{,9}$	„	„
ноябрь	$823_{,5}$	„	„
декабрь	$822_{,0}$	„	„

Такимъ образомъ денежное обращеніе больше всего съ сентября по декабрь включительно, въ январѣ оно уменьшается и затѣмъ достигаетъ минимума въ февралѣ, послѣ чего слабо увеличивается въ мартѣ и апрѣлѣ и съ мая по іюль оживляется въ большей степени.

Приведенныя данныя ясно говорятъ противъ теоріи, признающей количество бумажныхъ денегъ основнымъ элементомъ ихъ цѣнности. При равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій дѣйствительно увеличеніе денегъ должно сопровождаться паденіемъ ихъ цѣнности, но такое равенство случается лишь въ теоретическихъ предположеніяхъ. Въ дѣйствительности эти другія условія рѣдко бываютъ тождественны и ими нейтрализуется стремленіе силы количества къ пониженію достоинства денежной единицы. Мало того; въ жизни на каждомъ шагу приходится наблюдать борьбу двухъ противоположныхъ силъ, заключающихся въ природѣ денегъ и денежныхъ знаковъ, изъ коихъ одна имѣетъ значеніе исключительно потребительное, а другая—оживляющее производительность. Если дѣйствіе первой нейтрализуется дѣйствіемъ второй, то цѣнность денежной единицы не только не падаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества денегъ, но возвышается именно благодаря этому увеличенію количества денегъ. Такое положеніе курса денежныхъ знаковъ бываетъ или тогда, когда одновременно съ хозяйственно-непроизводительными выпусками бумажныхъ денегъ происходятъ выпуски ихъ для производительныхъ занятій, или же когда перваго качества выпуски, перешедши въ руки предпринимателей, служатъ нормальнымъ потребностямъ предпріимчивости. Увеличеніе или уменьшеніе сельско-хозяйственныхъ работъ и сбыта хлѣба вполнѣ объясняетъ эти движенія курсовъ. Время увеличенія бумажно-денежнаго обращенія совпадаетъ съ временемъ главныхъ оборотовъ по торговлѣ сельскохозяйственными продуктами, когда увеличенное количество денегъ находитъ производительную работу, вслѣдствіе чего и возвышается ихъ достоинство.

Не можетъ быть сомнѣнія, что достоинство бумажнаго рубля всецѣло опредѣляется достоинствомъ его работы. Если онъ не находитъ себѣ работы, достоинство его падаетъ, если увеличенное коли-

чество бумажныхъ денегъ находитъ вполнѣ производительное занятіе, рубль возвышается въ своей цѣнности. Слѣдуетъ найти производительную работу орудію оборота, превратить его потребительную функцію въ производительную, и этимъ вполнѣ возможно исправить денежное обращеніе страны. Средствами къ этому служатъ всѣ мѣры, направленныя къ поднятію національной промышленности: таможенное покровительство, производительный кредитъ, устройство путей сообщеній, техническое образованіе и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть цѣлесообразнымъ и выпускъ новыхъ бумажныхъ денегъ для организаціи общественныхъ предпріятій, несомнѣнно поднимающихъ благосостояніе, оживляющихъ предпріимчивость и промышленность страны. Такъ землевладѣлецъ, обремененный непроизводительными долгами, поправляетъ свои дѣла займомъ на производство улучшеній въ имѣніи, поднимающихъ его доходность и возвышающихъ его цѣнность. Въ производительныхъ бумажно-денежныхъ выпускахъ можетъ заключаться средство противъ послѣдствій выпусковъ ихъ для цѣлей хозяйственно-непроизводительныхъ ([2]).

([1]) Н. Бунге. О кредитѣ и банкахъ, стр. 90. ([2]) Литература предмета подробно указана въ нашемъ изслѣдованіи: Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственные кредитные билеты. Кіевъ. 1883 года.

§ 7. Въ основаніи обращаемости какъ звонкой монеты, такъ и бумажныхъ денегъ лежитъ увѣренность, что каждый признаетъ ихъ платежнымъ орудіемъ. Имѣя это въ виду, нѣкоторые экономисты пришли къ полному отождествленію значенія металлическихъ и бумажныхъ денегъ. Такъ возникла теорія, по которой деньги не самостоятельный товаръ, представляющій эквивалентъ покупаемаго продукта, а толькой простой мѣновой знакъ. Въ настоящее время представителемъ этой теоріи можетъ быть названъ Г. Маклеодъ, извѣстный англійскій экономистъ ([1]).

Большинство экономистовъ, говоритъ онъ, разсматриваютъ деньги какъ товаръ—посредникъ, облегчающій обмѣнъ. Если сапожникъ продаетъ сапоги за деньги и потомъ за деньги покупаетъ шляпу, то это равносильно обмѣну сапоговъ на шляпу; деньги служатъ товаромъ, облегчающимъ обмѣнъ.

По мнѣнію Маклеода, эта теорія экономистовъ въ свое время была вполнѣ удовлетворительна, подобно тому какъ въ свое время

было удовлетворительно опредѣленіе угла, принятое Эвклидомъ, какъ была удовлетворительна теорія истеченія свѣта. Во всѣхъ наукахъ отъ времени до времени возникаетъ необходимость измѣнять теоріи соотвѣтственно съ увеличеніемъ фактовъ и новыхъ наблюденій. Опредѣленіе угла, принятое Эвклидомъ, въ настоящее время измѣнено; оно недостаточно для тригонометріи, основывающейся на совершенно иномъ понятіи объ углѣ, сравнительно съ принятымъ въ геометріи. Подобнымъ же образомъ теорія, принимавшая свѣтъ за самобытное тѣло, уступила мѣсто извѣстной теоріи волнообразнаго движенія. Тоже необходимо сказать и о теоріи, по которой деньги представляютъ собою товаръ, облегчающій обмѣнъ. Если бы не существовало никакихъ другихъ денежныхъ знаковъ, кромѣ звонкой монеты, то прежнее опредѣленіе понятія денегъ было бы достаточно. Но въ позднѣйшее время явилось орудіе болѣе сложнаго устройства, извѣстное подъ именемъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Прежнее опредѣленіе денегъ не можетъ объяснить самыхъ существенныхъ и важныхъ задачъ бумажно-денежныхъ знаковъ. Новое опредѣленіе должно заключать въ себѣ и монету и бумажныя деньги.

Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній Маклеодъ переходитъ къ уясненію положеній своей теоріи денежнаго обращенія. При господствѣ натуральнаго обмѣна можетъ случиться, что въ то время, когда одинъ человѣкъ ищетъ услугъ другаго, послѣдній не нуждается въ равныхъ по цѣнности услугахъ отъ перваго. Если и при такихъ обстоятельствахъ сдѣлка будетъ заключена, то по сравненіи стоимости услугъ окажется, что существуетъ между ними извѣстная разность, которая составляетъ долгъ. Такъ возникаетъ требованіе одного лица къ другому. Для обезпеченія такого требованія можетъ случиться необходимость въ какомъ либо знакѣ, который бы свидѣтельствовалъ о существованіи долга. Если вступающіе въ сдѣлку грамотны, то такимъ знакомъ служитъ письменное обязательство возвратить долгъ. Теперь предположимъ, что держатель долговаго документа входитъ въ сношеніе съ новымъ лицемъ и требуетъ его услугъ, но это третье лице не желаетъ его услугъ, имѣя нужду въ услугахъ того, который выдалъ на себя долговое обязательство. Тогда этотъ новый контрагентъ въ уплату за свои услуги можетъ принять существующее долговое обязательство. Подобная сдѣлка можетъ повторяться неопредѣленное число разъ; долговой документъ будетъ переходить изъ рукъ въ руки, пріобрѣ-

таетъ свойство обращаемости, а отъ этого свойства получаетъ названіе ходячаго денежнаго знака. Денежный знакъ, слѣдовательно, есть ничто иное, какъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, что оказаны услуги, за которыя равныя услуги еще не получены; онъ представляетъ собою свидѣтельство о долгѣ, причитающемся его владѣльцу; доказательство того, что владѣлецъ его оказалъ кому либо изъ членовъ общества услуги, за которыя вознагражденіе онъ можетъ потребовать во всякое время. А. Смитъ, который придерживался стараго понятія о деньгахъ, случайно наткнулся на истину въ слѣдующихъ словахъ: „гинея можетъ быть разсматриваема какъ вексель на полученіе извѣстнаго количества предметовъ, выданный на всѣхъ окрестныхъ торговцевъ“. Но къ сожалѣнію, подобно крестьянину, нашедшему алмазъ, онъ не замѣтилъ достоинства истины, случайно имъ высказанной, и выпустилъ ее изъ рукъ.

Изъ этого видно, что, по ученію Маклеода, въ принципѣ нѣтъ никакой существенной разницы между металлическою и бумажною монетою. Мало того; есть даже невыгодная сторона въ металлической монетѣ сравнительно съ бумажными деньгами, говоритъ онъ. Металлическая монета подвержена убыточнымъ вліяніемъ, вслѣдствіе перехода изъ рукъ въ руки; именно, она значительно стирается, можетъ быть такимъ образомъ уменьшаема въ вѣсѣ, не говоря уже о злонамѣренныхъ попыткахъ къ его уменьшенію. Количество металла представляетъ размѣръ услугъ, которыя состоятъ въ распоряженіи владѣльца, по этому когда вѣсъ металла уменьшается, то и размѣръ услугъ, представляемыхъ металлическими деньгами, также уменьшается. Бумажныя деньги не подвержены подобнымъ измѣненіямъ. Въ этомъ отношеніи, при твердомъ обезпеченіи, они имѣютъ значительныя преимущества предъ металлическими.

Все, что даетъ право требовать исполненія долга, говоритъ далѣе Маклеодъ, есть денежный знакъ, будетъ ли это металлъ или другой какой либо документъ. Деньги и долгъ—это понятія равнозначащія и не можетъ быть денежнаго знака тамъ, гдѣ нѣтъ долга. Изъ этого же видно, что деньги имѣютъ своимъ назначеніемъ не облегчать обмѣнъ, но устранять его, доставлять возможность обходиться безъ обмѣна. Деньги возникаютъ изъ того, что одинъ изъ контрагентовъ не имѣетъ возможности вознаградить въ данное время за услугу другаго, вслѣдствіе чего выдалъ долговой документъ. Будучи предста-

вителемъ долга, деньги выражаютъ собою только общую сумму долга, по этому не представляютъ собою какого либо спеціальнаго предмета. Часто говорятъ, что будто бы денежные знаки представляютъ товары; такихъ воззрѣній слѣдуетъ тщательно избѣгать. Денежные знаки изображаютъ собою лишь отвлеченное право или власть управлять услугами вообще. Если виноторговецъ беретъ денежную росписку торговца колоніальныхъ товаровъ, съ обязательствомъ заплатить по востребованію полфунта чаю за вино, то эта росписка даетъ лишь общее право требовать столько-то чаю съ колоніальнаго торговца, а не сообщаетъ спеціальнаго права на извѣстное количество чаю. Весь запасъ чая, находящійся у колоніальнаго торговца, составляетъ неотъемлемую его собственность до тѣхъ поръ, пока не поступитъ къ нему требованіе о платежѣ.

Если вещь отдается на храненіе и полученный объ этомъ документъ переходитъ изъ рукъ въ руки, то при всемъ томъ онъ не можетъ быть названъ денежнымъ знакомъ, потому что здѣсь нѣтъ долга; документъ этотъ относится къ спеціальному предмету, отданному на храненіе. Доковыя и грузовыя свидѣтельства—не денежные знаки; каждый владѣлецъ такого свидѣтельства становится собственникомъ имущества, сложеннаго въ докъ или на корабль. Обращаемость не есть главное и отличительное свойство денежнаго знака, потому что предметъ можетъ въ высшей степени обладать этимъ свойствомъ и въ тоже время не представлять собою денежнаго знака, каковы доковыя и грузовыя свидѣтельства. Главное свойство денежнаго знака—это долгъ. Къ денежнымъ знакамъ относятся: 1) чеканенная монета, золото серебро и мѣдь; 2) бумажные денежные знаки, куда относятся также платежныя обязательства или росписки и переводные векселя со всѣми ихъ видоизмѣненіями; 3) простые долги разнаго рода, каковы счетъ у банкировъ, долги купцовъ по торговымъ книгамъ и частные долги тѣхъ или иныхъ лицъ.

Ученіе Маклеода о деньгахъ резюмируется въ трехъ слѣдующихъ положеніяхъ:

а) денежные знаки и долговыя записки—понятія тождественныя;

б) гдѣ нѣтъ долга, тамъ не можетъ быть и денежнаго знака;

в) употребленіе денежныхъ знаковъ имѣетъ своею задачею не облегченіе обмѣна, но устраненіе его.

Ученіе это, какъ легко замѣтить, основано на одностороннемъ понятіи о томъ, что такое долгъ. Долгъ, по общепринятому значенію слова, представляетъ собою личное обязательство, къ выполненію котораго можетъ быть употреблено принужденіе. Но къ деньгамъ это понятіе о долгѣ никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено. Никто не имѣетъ права заставить человѣка отдать за деньги какой либо продуктъ; между тѣмъ, еслибы деньги представляли собою долговой документъ, то ихъ владѣлецъ имѣлъ бы такое право. Сверхъ того, съ понятіемъ о долгѣ необходимо соединяется два элемента,—лице, обязанное исполнить принятое имъ обѣщаніе, и предметъ долга, какъ содержимое требованія съ одной стороны и обязательства съ другой. Но деньги не указываютъ спеціально лица, которое обязано дать за нихъ товары. Точно также они не указываютъ и предмета долга; за одну и туже сумму денегъ можно получить разнообразные товары и разное ихъ количество. Какъ видимъ, понятіе долга вовсе не приложимо къ понятію денегъ.

Сверхъ того, въ ученіи Маклеода мы встрѣчаемъ логически неизбѣжное противорѣчіе, разрушающее всю его теорію. Обарщаемость долговаго документа дала возможность назвать этотъ документъ денежнымъ знакомъ. Но если деньги и долговой документъ понятія тождественныя, то изъ этого слѣдуетъ, что въ томъ случаѣ, когда какой либо предметъ имѣетъ въ высшей степени свойство обращаемости, вслѣдствіе чего служитъ мѣновымъ посредникомъ, но при этомъ не заключаетъ въ себѣ понятія долга, нѣтъ денежнаго орудія. Маклеодъ дѣйствительно и утверждаетъ это, говоря, что доковыя и грузовыя свидѣтельства, не смотря на то, что обладаютъ свойствомъ обращаемости, не должны считаться въ числѣ денежныхъ знаковъ, такъ какъ не представляютъ собою долговыхъ документовъ, а только простыя росписки о передачѣ вещей на храненіе. Такимъ образомъ свойство обращаемости дало Маклеоду возможность назвать долговой документъ деньгами, но, отождествивъ деньги и долговой документъ, Маклеодъ долженъ былъ признать, что обращаемость не есть отличительное свойство денегъ, то есть долженъ былъ разрушить то положеніе, которое дало ему возможность отождествить деньги съ долгомъ.

Считая неосновательнымъ отождествленіе понятія денегъ и долга, мы признаемъ имѣющимъ важное значеніе самый фактъ возможности появленія такой теоріи денежнаго обращенія, какова теорія Маклеода.

Эта возможность отождествленія денегъ съ долговыми документами служитъ яснымъ доказательствомъ органическаго характера экономическаго общежитія. Деньги представляютъ собою важнѣйшее орудіе мѣновой ассосіаціи, какъ общей солидарности хозяйствъ.

Это свойство мѣноваго посредника лежитъ въ основаніи изложенной нами теоріи. Выражаясь образно, дѣйствительно можно сравнивать гинею съ векселемъ, деньги съ долговымъ документомъ и все денежное обращеніе съ общественной долговой книгой. Свою теорію Маклеодъ иллюстрируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ назначеніе денежныхъ знаковъ заключается въ томъ, чтобы приводить на память и переводить долги, то, если вообразить себѣ большую, содержимую народною властью общественную книгу, въ которую всякій заносилъ бы свои услуги, выраженныя посредствомъ цифръ,—такая книга представляла бы самое отчетливое выраженіе денежныхъ знаковъ страны. Тогда всякій, имѣющій по этой книгѣ кредитъ, могъ бы требовать услугъ отъ другаго лица и дать приказъ національному бухгалтеру перевести цифры, выражающія размѣръ этихъ услугъ, изъ своего столбца въ столбецъ своего кредитора. Самая книга служила бы къ приведенію на память и обозначенію долговъ, весь итогъ цифръ по кредитамъ отдѣльныхъ лицъ составлялъ бы полный итогъ денежныхъ знаковъ страны, а переводъ цифръ изъ одного столбца въ другой выражалъ бы переводъ долга и обозначалъ бы точно такую же операцію, какъ переводъ монеты отъ одного лица къ другому; итогъ же всѣхъ этихъ переводовъ составилъ бы итогъ денежнаго обращенія.“ Очевидно, что если бы въ дѣйствительности деньги не были орудіемъ мѣновой солидарности, то построеніе такой теоріи было бы не мыслимо. Но не нужно преувеличивать экономическаго значенія этого орудія; и при денежномъ обмѣнѣ, устранившемъ недостатки обмѣна натуральнаго, существуютъ нѣкоторыя препятствія, мѣшающія надлежащему развитію мѣновой взаимности. Эти недостатки вызвали необходимость кредита.

(1) Осн. пол. экономіи. гл. 1.

III. Кредитъ.

§ 1. Недостатки натуральнаго обмѣна вызвали обмѣнъ денежный; въ свою очередь недостатки обмѣна денежнаго вызвали существованіе кредита.

При денежномъ обмѣнѣ необходимо, чтобы каждый контрагентъ обладалъ взаимно-спрашиваемымъ, между тѣмъ это не всегда бываетъ. Одинъ человѣкъ можетъ имѣть необходимое другому, но этотъ послѣдній можетъ не имѣть денежнаго эквивалента продуктовъ. На первыхъ ступеняхъ развитія человѣческаго общежитія въ подобныхъ случаяхъ обмѣнъ не возможенъ; въ такихъ случаяхъ не можетъ быть ни натуральнаго, ни денежнаго обмѣна. Съ развитіемъ обществъ явилась возможность производить мѣновыя сдѣлки и въ подобныхъ случаяхъ. Съ накопленіемъ капиталовъ сдѣлалось возможнымъ ожиданіе уплаты въ будущемъ, укрѣпленіе же общежитія даетъ гарантію, что эта уплата въ свое время будетъ произведена. Укрѣпленіе общежитія свидѣтельствуетъ о развитіи честности, труда и правосудія, а эти основные элементы всякаго общежитія въ высшей степени важны для увѣренности, что заключенное обѣщаніе будетъ исполнено. Отъ развитія честности зависитъ доброе желаніе уплатить обѣщанное, а правильный судъ гарантируетъ, что въ случаѣ нежеланія исполнить должное будутъ употреблены мѣры принужденія въ цѣляхъ этого исполненія. Развитіе труда гарантируетъ то, что не имѣющій въ данное время необходимыхъ элементовъ для обмѣна, занявъ капиталъ, можетъ производительнѣе употребить свой трудъ и такимъ образомъ получить возможность возвратить должное.

Такъ возникаетъ въ исторіи мѣновыхъ явленій третья ступень— кредитный обмѣнъ, являющійся на помощь человѣку въ то время, когда нѣтъ мѣста ни для обмѣна натуральнаго, ни для обмѣна денежнаго. Укажемъ на нѣкоторыя стороны этого обмѣна, доказывающія, что дѣйствительно кредитъ представляетъ собою одну изъ высшихъ ступеней въ развитіи мѣновыхъ сношеній.

Кредитъ дѣлаетъ возможнымъ такой обмѣнъ, при которомъ вторая половина мѣновой сдѣлки осуществляется посредствомъ первой. Я занимаю капиталъ, употребляю его производительнымъ образомъ и возвращаю занятое послѣ производства. Здѣсь занятое возвращается при посредствѣ самаго же занятаго, производительно употребленнаго. Благодаря кредиту, покупаемое покупается посредствомъ производительнаго употребленія самаго же покупаемаго. Величественный образецъ такой кредитной сдѣлки представляетъ собою законъ 19 Февраля, по которому крестьяне надѣлены землей, причемъ эту землю они постепенно выкупаютъ посредствомъ производительнаго ея употребленія,

то есть пріобрѣтаютъ имущество при посредствѣ этого же покупаемаго имущества. Уже изъ этого факта всякому должно быть очевидно высокое значеніе для общества кредитнаго обмѣна.

Кредитъ освобождаетъ мѣновыя сдѣлки отъ ограниченія ихъ даннымъ настоящимъ моментомъ, вслѣдствіе чего облегчаетъ равномѣрное развитіе промышленности. Безъ кредита развитіе промышленности имѣло бы характеръ случайности и отрывчатости. Кто имѣетъ въ данный моментъ средства, тотъ только и могъ бы производить хозяйственныя операціи, которыя въ своихъ размѣрахъ безусловно ограничивались бы наличностью средствъ. Предприниматель, имѣющій массу произведеній, не находящихъ сбыта вслѣдствіе отсутствія наличныхъ средствъ у покупщиковъ, долженъ остановить производство, ожидать распродажи товаровъ для продолженія дѣла. Внѣ кредитнаго обмѣна его положеніе можетъ быть также безотрадно, какъ и положеніе покупщиковъ, нуждающихся въ его произведеніяхъ для своихъ хозяйственныхъ операцій. Вся производительная дѣятельность его не можетъ имѣть необходимой прочности и постоянства, такъ какъ за отсутствіемъ кредита не можетъ быть прочности и постоянства въ сбытѣ произведеній.

Кредитъ содѣйствуетъ производству еще тѣмъ, что доставляетъ капиталы для занятія производительныхъ силъ, вслѣдствіе чего общество имѣетъ возможность наилучшимъ образомъ утилизировать способности своихъ членовъ, между тѣмъ какъ безъ кредита такія способности могли бы оставаться непродуктивными. Благодаря кредиту, капиталъ обыкновенно переходитъ въ руки лицъ, въ данное время наиболѣе способныхъ приложить этотъ капиталъ къ дѣлу. И это очень просто. Всякій кредиторъ обыкновенно старается давать кредитъ только тѣмъ лицамъ, на которыхъ онъ надѣется, что они не расточатъ занятое имущество; всякій оберегается давать кредитъ расточителямъ и мотамъ, отъ которыхъ трудно и часто невозможно получить обратно занятую сумму. Такимъ образомъ посредствомъ кредита тѣ силы, которыя отличаются хозяйственными способностями, получаютъ возможность приложить свои способности къ дѣлу и вслѣдствіе этого увеличивается богатство страны.

Кредитъ соединяетъ мелкія доли капиталовъ, принадлежащія разнымъ лицамъ, благодаря чему, устрояется производство въ большихъ размѣрахъ, весьма часто недоступныхъ силамъ отдѣльныхъ капита-

листовъ. Безъ развитія въ обществѣ кредита многія хозяйственныя предпріятія, имѣющія высокое общественное значеніе, каковы наприм. предпріятія желѣзнодорожныя, были бы вовсе не доступны частнымъ лицамъ.

Кредитъ доставляетъ возможность дѣлать сбереженія въ наличныхъ средствахъ мѣноваго обращенія. Для уясненія этого представимъ себѣ типическій образецъ, къ которому дѣйствительность болѣе или менѣе приближается. Представимъ себѣ двухъ торговцевъ, которые отдали въ одинъ и тотъ же банкъ по 10.000 рублей. Оба торговца ведутъ другъ съ другомъ торговлю; каждый беретъ у другаго товары, но не платитъ деньгами, а чеками, то есть приказами банку уплатить такую-то сумму. Въ концѣ опредѣленнаго времени ихъ приказы взаимно нейтрализуются, т. е. ихъ долги другъ другу погашаются и слѣдовательно, 20.000 рублей, отданныхъ ими въ банкъ, остаются безъ всякаго движенія. Но банкиру не для-чего держать такимъ образомъ эти деньги; онъ можетъ ссудить ихъ кому либо подъ вѣрное обезпеченіе. Такимъ образомъ является въ дѣйствительности удвоеніе орудій мѣноваго обращенія. Кредитъ дѣлаетъ возможнымъ сбереженіе въ этихъ орудіяхъ и употребленіе всего или части сбереженнаго ихъ количества на промышленныя операціи.

Кредитъ оказываетъ благотворное вліяніе на установленіе постоянства въ цѣнахъ. Вотъ простой примѣръ такого вліянія. Купецъ нуждается въ деньгахъ; при отсутствіи кредита для скораго полученія денегъ ему пришлось бы крайне понизить цѣны товаровъ въ цѣляхъ ихъ скорѣйшей распродажи; при существованіи кредита ему легко избѣжать этой крайности, онъ можетъ получить необходимыя деньги отъ кредитора и продавать товары по прежнимъ цѣнамъ. Кредитъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ является уравнителемъ цѣнъ.

Наконецъ, кредитъ, говоря словами одного изъ нашихъ экономистовъ, представляетъ собою мостъ, перекинутый чрезъ ту пропасть, которая отдѣляетъ богатство отъ бѣдности. „Функція кредита—соединять элементы производительности, вопреки тѣмъ вліяніямъ, которыми бѣдность препятствуетъ такому соединенію. Съ экономической точки зрѣнія бѣдность есть ничто иное, какъ изолированный элементъ производительности, не приведенный въ связь съ другими элементами и оттого стѣсненный въ своей производительности. Ускоряя соединеніе элементовъ производительности и чрезъ это возвышая ихъ доходность, кредитъ

ускоряетъ обогащеніе тѣхъ лицъ, сословій и народовъ, которые являются представителями означенныхъ элементовъ. Соединяя производительные элементы, онъ даетъ имъ возможность подниматься до наивысшей производительности и этимъ противодѣйствуетъ бѣдности." Очевидно, правильная организація кредита—это одно изъ важнѣйшихъ условій общественнаго благосостоянія.

§ 2. Кредитныя сдѣлки раздѣляются на двѣ основныя формы: на краткосрочныя и долгосрочныя. Краткосрочными сдѣлками называются такія, въ которыхъ обѣщаніе платежа осуществляется въ краткій срокъ; напротивъ того долгосрочный кредитъ состоитъ въ сдѣлкахъ, допускающихъ лишь медленное осуществленіе платежа. Въ сферѣ краткосрочныхъ сдѣлокъ наибольшее значеніе имѣетъ коммерческій или торговый кредитъ, а также сельско-хозяйственный, въ сферѣ же долгосрочнаго кредита поземельный.

Представимъ себѣ трехъ производителей, изъ которыхъ одинъ—сельскій хозяинъ, занимающійся разведеніемъ овецъ, другой—мануфактуристъ, занимающійся изготовленіемъ шерстяныхъ издѣлій, третій—фабрикантъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Предположимъ, что первый изъ нихъ имѣетъ готовый запасъ шерсти, не находящей сбыта, такъ какъ обыкновенный покупщикъ ея самъ имѣетъ въ запасѣ шерстяныя издѣлія, еще не проданныя, почему не имѣетъ денегъ, за которыя онъ могъ бы пріобрѣсть новую шерсть для своей фабрики.

Предположимъ, далѣе, что производитель сельско-хозяйственныхъ орудій нуждается въ пріобрѣтеніи для себя шерстяныхъ издѣлій. Онъ имѣетъ въ запасѣ сельско-хозяйственныя орудія, не находящія сбыта, такъ какъ сельскій хозяинъ не имѣетъ средствъ для этого, не имѣетъ денегъ, хотя имѣетъ большой капиталъ въ видѣ шерсти. Очевидно, при такомъ положеніи для каждаго изъ нихъ произведенные запасы остаются мертвымъ капиталомъ, не приносящимъ никакой пользы, а между тѣмъ запасы эти легко портятся отъ времени и требуютъ издержекъ на ихъ сохраненіе. Каждый изъ производителей терпитъ нужду, не имѣя возможности превратить свой капиталъ въ другой, превратить его въ ту форму, въ которой каждый изъ нихъ нуждается. Производство ихъ или идетъ плохо или вовсе пріостанавливается. Сельскій хозяинъ плохо ведетъ свое хозяйство, нуждаясь въ сельскохозяйственныхъ орудіяхъ; мануфактуристъ, занимающійся изготовленіемъ шерстяныхъ издѣлій, останавливаетъ свое производство, не имѣя возможности

пріобрѣсть матеріалъ для новаго производства; производитель сельскохозяйственныхъ орудій, не находя сбыта для произведенныхъ имъ запасовъ, уменьшаетъ или также вовсе останавливаетъ свое производство. Съ уменьшеніемъ или пріостановкой производствъ терпятъ нужду и рабочіе. Такимъ образомъ при наличномъ существованіи продуктовъ можетъ быть промышленный застой, благодаря тому, что производители не имѣютъ сбыта для своихъ продуктовъ, вслѣдствіе отсутствія у каждаго изъ нихъ мѣноваго посредника.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ возникаетъ необходимость въ коммерческомъ кредитѣ. Сущность его состоитъ въ продажѣ цѣнностей по довѣрію къ будущему вознагражденію, имѣющему произойти въ короткій срокъ. Главными орудіями этого кредита служатъ: вексель, варрантъ, банковый билетъ и чекъ.

а) Векселя раздѣляются на простые и переводные. Простымъ векселемъ или платежною росписью называется обязательство произвести уплату опредѣленной суммы за полученную цѣнность, причемъ для этой уплаты или назначается опредѣленный срокъ, или она должна быть произведена по предъявленію, то есть по первому востребованію. Переводнымъ векселемъ называется приказъ одного лица уплатить другому извѣстную сумму также или въ опредѣленный срокъ, или по предъявленію (1).

Обыкновенно векселя не хранятся у кредиторовъ до срока платежей по нимъ, но обращаются, переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія, служа кредитнымъ платежнымъ средствомъ. Кредиторъ во всякое время можетъ передать вексель кому либо другому въ уплату за полученныя имъ самимъ цѣнности, для чего достаточно къ подписи перваго должника прибавить передаточную надпись: „Вмѣсто меня уплатите по моему приказу №№.“ Такая надпись можетъ быть сдѣлана вторымъ, третьимъ и т. д. владѣльцами векселя, до наступленія срока платежа, если таковой опредѣленъ. Надписанія такія имѣютъ то значеніе, что если первоначальный должникъ не исполнитъ принятаго на себя обязательства, то послѣднему держателю векселя предоставляется право требовать уплаты съ каждаго изъ лицъ, подписавшихъ вексель. Эта солидарность отвѣтственности придаетъ векселю гарантію реализаціи обязательства, что значительно усиливаетъ его обращаемость.

Первоначально векселя были введены въ употребленіе для сбереженія расходовъ и риска по пересылкѣ металлическихъ денегъ въ

мѣста отдаленныя, о чемъ мы выше говорили. Впослѣдствіи употребленіе векселей было разширено. Товары продаются въ кредитъ на опредѣленный срокъ, наприм. на 6 мѣсяцевъ. Продавшій такимъ образомъ свои товары беретъ съ покупателя вексель, уплаты по которому необходимо ожидать шесть мѣсяцевъ. Но, положимъ, ему понадобились деньги раньше этого срока. Тогда онъ дисконтируетъ или учитываетъ вексель у банкира, то есть передаетъ послѣднему вексель, получая отъ него сумму долга по этому векселю, съ вычетомъ процентовъ, слѣдующихъ за время, остающееся до срока уплаты. Такая возможность учета или дисконта въ свою очередь содѣйствовала разширенію употребленія векселей, представляя собою причину возникновенія условныхъ векселей, называемыхъ часто фиктивными. Векселя, по замѣчанію Милля, стали служить средствомъ для того, чтобы за долгъ, считающійся на одномъ лицѣ, получать кредитъ отъ другаго. Это же привело къ созданію условныхъ векселей, въ основаніи которыхъ нѣтъ предъидущаго долга со стороны лица, на которое онъ выдается. Торнтонъ такъ уясняетъ свойства этихъ векселей. *А*, нуждаясь въ деньгахъ, проситъ *Б* принять или акцептировать его вексель на два мѣсяца; *Б* принимаетъ вексель, то есть обязывается уплатить по этому векселю, причемъ подразумѣвается, что самъ *А* позаботится объ уплатѣ. *А* дисконтируетъ вексель и получаетъ наличныя деньги. По окончаніи срока, *А* уплачиваетъ по векселю вмѣсто *Б* и сдѣлка оканчивается. За услугу, которую *Б* оказалъ *А*, послѣдній, вѣроятно, долженъ будетъ раньше или позже отплатить тѣмъ же, то есть акцептировать вексель *Б*. Изъ этого видно, что условный вексель не имѣетъ въ основаніи своемъ дѣйствительной торговой сдѣлки, изъ чего выводятъ заключеніе, что всѣ такіе векселя представляютъ собою особаго рода обманъ. Это заключеніе вполнѣ ошибочно. Оно произошло отъ ложной мысли, что реальный вексель представляетъ собою дѣйствительное имущество. Кредитное обязательство никогда не представляетъ собою имуществъ, передаваемыхъ посредствомъ кредита. Представимъ себѣ, что *А* покупаетъ у *Б* въ кредитъ опредѣленное имущество, имѣющее цѣнность въ 1000 рублей, на какую сумму и выдаетъ вексель. *Б*, нуждаясь въ хлѣбѣ, покупаетъ хлѣбъ у хлѣбнаго торговца на сумму въ 1000 рублей и передаетъ ему вексель на *А*. Хлѣбный торговецъ можетъ нуждаться въ свою очередь въ какомъ либо продуктѣ, имѣющемъ цѣнность въ 1000 рублей, и покупаетъ этотъ продуктъ

на имѣющійся у него вексель. Мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ сдѣлокъ, совершающихся при посредствѣ одного и того же векселя. Вексель, выданный на 1000 рублей, обращаетъ товары, цѣнность которыхъ ьь нѣсколько разъ превышаетъ 1000 рублей. Бываютъ весьма часто также обратные случаи. Товаръ можетъ переходить изъ рукъ въ руки при посредствѣ кредита нѣсколько разъ, съ выдачей каждый разъ новаго векселя. *А* покупаетъ продуктъ у *Б* и выдаетъ вексель на 100 рублей; потомъ, найдя продуктъ этотъ не нужнымъ для себя, продаетъ его *В*, который выдаетъ на себя вексель на 100 рублей. *В* можетъ продать *Г* и т. д. Другими словами, можетъ существовать цѣлый рядъ такихъ сдѣлокъ, въ которыхъ одинъ и тотъ же продуктъ переходитъ отъ однихъ лицъ къ другимъ съ выдачей всякій разъ новаго векселя. Если продуктъ стоитъ 100 рублей и перейдетъ такимъ образомъ отъ однихъ лицъ къ другимъ 10 разъ, то всѣхъ векселей будетъ выдано на 1000 рублей, каждый стоимостью въ 100 рублей. Ясно, что вексель не представляетъ собою того имущества, по поводу котораго онъ выданъ. По замѣчанію Торнтона, для того, чтобы вексель, какъ кредитное обязательство, представлялъ собою имущество опредѣленное, необходимо, чтобы лицо, получившее вексель, имѣло возможность не допускать обращенія представляемыхъ векселемъ товаровъ ни на какую иную цѣль, кромѣ уплаты по векселю. Для этого необходимо также, чтобы вексель не былъ кредитнымъ платежнымъ орудіемъ, но оставался въ рукахъ его перваго владѣльца до срока уплаты. Дѣло въ томъ, что вексель обезпечивается не опредѣленнымъ имуществомъ, но общею возможностью давшаго этотъ вексель выполнять принятыя на себя обязательства, обезпечивается его экономическими средствами, честностью, какъ равно и юридическими порядками, существующими въ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія, очевидно, нѣтъ принципіальнаго различія между векселями реальными и условными или фиктивными. „Фиктивный вексель, говоритъ Торнтонъ, въ сущности очевидно тоже самое, что простая росписка, обѣщающая уплату, но онъ даже лучше такой росписки въ томъ отношеніи, что она имѣетъ лишь одну подпись, а фиктивный вексель обезпечивается двумя подписями. Фиктивный вексель необходимо имѣетъ такую же форму, какъ и реальный, то есть какъ и такой вексель, который выдается при продажѣ товара, за это-то онъ и былъ названъ фиктивнымъ, а этимъ именемъ поддерживается сбивчивое и ошибочное представленіе,

будто бы такой вексель есть нѣчто рѣшительно фальшивое и обманчивое“ (2). Не находя принципіальнаго различія между реальными и условными векселями, можно находить различіе лишь въ томъ, что торговецъ, выдающій условные векселя, можетъ спекулировать рисковнѣе того торговца, который не выдаетъ такихъ векселей. Для послѣдняго размѣръ дѣйствительно произведенныхъ продажъ опредѣляетъ размѣръ выдачи векселей и его коммерческихъ оборотовъ.

б) Изъ того, что между фиктивными и реальными векселями нѣтъ существенной разницы, видно, что вексельный кредитъ является преимущественно личнымъ, а не вещнымъ кредитомъ. Въ этомъ отношеніи съ точки зрѣнія обезпеченія несравненно высшее значеніе имѣетъ варрантный кредитъ.

Всякій кредитъ, обезпечиваемый опредѣленнымъ имуществомъ, т. е. всякій вещный кредитъ заключаетъ въ себѣ двѣ крайности. Съ одной стороны наиболѣе полное обезпеченіе возврата капитала, обезпеченнаго опредѣленнымъ имуществомъ, требуетъ передачи послѣдняго въ руки кредитора, а съ другой—свобода экономическаго оборота требуетъ того, чтобы это имущество безъ всякихъ стѣсненій могло переходить изъ рукъ въ руки. Въ первомъ случаѣ имущество, обезпечивающее ссуду и поступившее въ руки кредитора, перестаетъ служить факторомъ хозяйственной дѣятельности должника, средства котораго къ уплатѣ долга въ размѣрѣ этого неизбѣжно уменьшаются и долгъ ограничиваетъ оборотъ вещи до того времени, пока занятая сумма не будетъ уплочена. Во второмъ случаѣ имущество не всегда можетъ служить гарантіей возврата ссуды, такъ какъ при свободѣ распоряженія имъ со стороны должника возможно обремененіе его новыми долгами, сумма коихъ будетъ значительно превосходить цѣнность предмета обезпеченія. Такимъ образомъ, стремясь дать наибольшее обезпеченіе кредиту, мы должны стѣснить свободное обращеніе цѣнностей, а стремясь организовать свободное обращеніе цѣнностей, уменьшаемъ обезпеченіе кредитныхъ сдѣлокъ. Предъ нами circulus vitiosus, выходъ изъ котораго въ коммерческомъ кредитѣ дается системой варрантовъ. Подъ залогъ хлѣба, находящагося на дому, подъ залогъ товаровъ, находящихся въ частной лавкѣ или въ мастерской, на фабрикѣ и т. п., рѣдкій капиталистъ рѣшится открыть кредитъ, такъ какъ такой кредитъ въ рѣдкомъ случаѣ можетъ быть дѣйствительно залоговымъ кредитомъ. Имущество, находящееся въ рукахъ должника и переходящее изъ рукъ

въ руки безъ всякихъ формальностей, не можетъ быть прочнымъ обезпеченіемъ кредита, не можетъ имѣть значенія дѣйствительнаго залога. Такой кредитъ можетъ быть основанъ только на довѣріи къ личности должника, а этого недостаточно для надлежащаго развитія кредита. Для того, чтобы товаръ могъ служить прочнымъ обезпеченіемъ ссуды, необходимо, чтобы онъ былъ сданъ на храненіе въ складъ, отвѣчающій за сохранность его и возвратъ ссуды въ случаѣ продажи товара. Только въ этомъ случаѣ товарный кредитъ перестаетъ быть личнымъ кредитомъ и долговое обязательство получаетъ значеніе вещнаго права.

Обыкновенно это достигается такимъ образомъ, что товарными складами выдаются особыя свидѣтельства на товаръ, принятый для храненія въ складъ. Свидѣтельства выдаются двойныя на каждый товаръ: одни носятъ названіе квитанцій или складочныхъ свидѣтельствъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. документовъ, удостовѣряющихъ право собственности на товаръ, другія свидѣтельства носятъ названіе варрантовъ, или залоговыхъ документовъ. Обыкновенно оба свидѣтельства пишутся на одномъ и томъ же листѣ, но такимъ образомъ, чтобы возможно было въ случаѣ надобности распоряжаться каждымъ изъ нихъ отдѣльно, чтобы легко было отрѣзать варрантъ отъ квитанціи. Основаніе выдачи двойныхъ документовъ заключается въ томъ, что этимъ облегчается полученіе кредита подъ товары, и въ тоже время полученіе ссуды нисколько не затрудняетъ сбыта отданныхъ на храненіе товаровъ. Кредиторъ, дающій ссуду подъ залогъ товара, получаетъ отъ владѣльца послѣдняго варрантъ, предоставляющій ему залоговое право на товаръ. Обыкновенно ссуда составляетъ извѣстную часть цѣнности товара, вслѣдствіе чего товаровладѣльцу необходимо предоставить возможность сбыть товаръ, для чего ему необходимъ документъ, свидѣтельствующій объ его правѣ собственности на сложенный въ складѣ товаръ. Это и даетъ владѣніе квитанціей или складочнымъ свидѣтельствомъ. Когда квитанція и варрантъ пишутся на одномъ и томъ же листѣ, то отдѣленіе варранта свидѣтельствуетъ о полученіи ссуды, почему выдача проданнаго товара производится не иначе, какъ по уплатѣ долга, то есть по предъявленіи въ складъ варранта. Очевидно, кредиторъ самимъ фактомъ перехода къ нему въ руки варранта получаетъ долговое право на товаръ, его сдѣлка получаетъ характеръ вещнаго права. Варранты выдаются или именные или на предъявителя. Они могутъ обращаться по надписанію, какъ и векселя.

Представляя собою дѣйствительный товаръ, сложенный въ складѣ, варранты ограничиваютъ размѣры ссудъ, предупреждая спекуляцію, поддерживаемую вексельнымъ кредитомъ. Въ этомъ заключается одно изъ существенныхъ преимуществъ системы варрантовъ предъ вексельной кредитной системой. Для уясненія этого преимущества остановимся на спекуляціи въ торговлѣ сахаромъ. Заводчикъ продаетъ по векселю сахаръ будущаго производства, учитывая полученный вексель въ банкѣ. Владѣлецъ будущаго товара въ свою очередь продаетъ его по векселю, также учитывая вексель въ банкѣ. Новый владѣлецъ производитъ тоже самое и т. д. Банки, учитывая векселя, выдаютъ ссуды подъ несуществующіе товары и возможность воспользоваться кредитомъ подъ векселя побуждаетъ къ такимъ сдѣлкамъ, искусственно поднимаются цѣны и спекуляція поддерживается банками. Одинъ и тотъ же существующій товаръ много разъ можетъ переходить изъ рукъ въ руки, причемъ каждый разъ возникаетъ вексель, учитываемый въ банкѣ. Товаръ, стоимостью въ 1000 рублей, можетъ служить основаніемъ къ выдачѣ вексельныхъ ссудъ на десятки тысячъ. Банки такимъ образомъ поддерживаютъ спекуляцію своимъ учетомъ векселей. Ничего подобнаго не можетъ быть при системѣ варрантовъ, при которой кредитъ открывается подъ дѣйствительно существующія цѣнности и такимъ образомъ, что одна и та же цѣнность, сложенная въ складѣ, служитъ основаніемъ къ выдачѣ опредѣленной ссуды одинъ, а не много разъ, какъ при вексельномъ кредитѣ.

в) Ссуды изъ банковъ подъ залогъ векселей и варрантовъ могутъ быть выдаваемы или наличными деньгами или банковыми билетами. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ замѣна однихъ бумагъ другими. Какое же значеніе имѣетъ эта замѣна?

Банковый билетъ, какъ кредитное объязательство не частнаго лица, но учрежденія, называемаго банкомъ, пользуется въ обществѣ большимъ довѣріемъ, нежели вексель или варрантъ того или иного торговца. Банкъ всегда можетъ имѣть большую извѣстность въ обществѣ, нежели тотъ или другой частный торговецъ: экономическія средства банка большею частью средства не одного лица, но многихъ, вслѣдствіе чего онъ исполняетъ свои обязательства аккуратнѣе частныхъ торговцевъ. Банкъ обязывается обмѣнивать выпускаемые имъ билеты въ всякое время на звонкую монету. Билеты эти переходятъ изъ рукъ въ руки безъ передаточныхъ надписей, которыя необходимы при пере-

дачѣ векселей или варрантовъ. Вотъ почему банковый билетъ имѣетъ почти такія же свойства обращаемости, какъ и монета; подобно послѣдней, онъ служитъ мѣновымъ посредникомъ. Банковый билетъ „производитъ нарицательные платежи, на основаніи полной увѣренности, питаемой каждымъ его владѣльцемъ, что ручательство, отвѣтственность и исправность банка, который выпустилъ билетъ и обязался платить по нему, равноцѣнны истинной монетѣ“ (3).

Употребленіе банковыхъ билетовъ для учета векселей и выдачи ссудъ подъ варранты, т. е. учета будущей продажи товара, приводитъ къ пониженію учетнаго процента. Учетъ, производимый не на наличныя деньги, но посредствомъ кредитной бумаги, изготовленіе которой почти ничего не стоитъ банку, не можетъ быть дорогъ. Нѣкоторые даже поднимали вопросъ о томъ, не долженъ ли учетный процентъ быть равенъ только издержкамъ приготовленія банковыхъ билетовъ, то есть не долженъ ли онъ въ этомъ случаѣ быть низведенъ почти до нуля?

Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ очевиденъ изъ разсмотрѣнія хода учетныхъ операцій. Банкъ обязывается обмѣнивать свои билеты на звонкую монету по первому востребованію, вслѣдствіе чего обязанъ держать въ наличности часть этой монеты, которая, по опыту, оказывается необходимою для промѣна. Конечно, ни одинъ банкъ не держитъ звонкой монеты на всю сумму выпущенныхъ имъ билетовъ; онъ держитъ только извѣстную часть такой суммы. Но и при этомъ, очевидно, учетный процентъ не можетъ быть низведенъ до нуля; онъ не можетъ быть ниже того процента, который причитается на всю сумму монеты, содержащейся на кладовыхъ банка для свободнаго обмѣна его билетовъ.

Впрочемъ, нѣтъ необходимости учетные банковые билеты обмѣнивать по предъявленію на звонкую монету, и, слѣдовательно, нѣтъ необходимости въ храненіи въ кладовыхъ банка звонкой монеты, назначеной для этого обмѣна. „Банковые билеты говоритъ Н. Бунге, могутъ также точно служить для обращенія, какъ и деньги, и имѣютъ предъ ними преимущество дешевизны. Но требованіе, заключающееся въ банковыхъ билетахъ, не должно быть пустымъ обѣщаніемъ, и банкъ долженъ имѣть достаточный капиталъ для погашенія этихъ требованій *въ извѣстный срокъ*. Такъ какъ банковые билеты замѣняютъ векселя, то поэтому естественно, что срокъ реализаціи банковыхъ билетовъ

долженъ совпадать съ срокомъ для уплаты по векселямъ. Реализація банковыхъ билетовъ немедленная по предъявленію составляетъ дѣло невозможное, если всѣ владѣльцы банковыхъ билетовъ являтся вдругъ и потребуютъ платежа монетою.“ Примѣръ подобнаго рода устройства учета векселей банковыми билетами въ нѣкоторой степени представляютъ собою post-notes американскихъ банковъ,—банковые билеты, по которымъ платежъ производится по истеченіи извѣстнаго срока. „Говоря строго, банкъ не нуждается въ капиталахъ для учета векселей; фондъ его долженъ имѣть одно назначеніе страхованія капиталовъ, передаваемыхъ посредствомъ вексельныхъ оборотовъ“ (4). Но ясно, что и въ этомъ видѣ учетъ не можетъ быть даровымъ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, значительно долженъ понизиться. Банкъ долженъ держать страховой фондъ и въ учетномъ процентѣ должна содержаться не только доля, необходимая для возмѣщенія издержекъ по изготовленію билетовъ и содержанію банковой администраціи, но также страховая премія.

Вопросъ о значеніи банковыхъ билетовъ раздѣлилъ ученыхъ изслѣдователей на два направленія. Одни не находятъ никакаго различія между звонкою монетою и банковымъ билетомъ. Основаніемъ этого отождествленія, говоритъ Милль, было то, что банковые билеты имѣютъ одинаковое съ монетою свойство окончательно очищать разсчеты, между тѣмъ какъ этого свойства не имѣютъ другія орудія кредита. Но здѣсь „прежде всего представляется замѣчаніе, что въ этомъ случаѣ не должны считаться деньгами билеты частныхъ банковъ, потому что никто не объязанъ принимать ихъ въ уплату долга, за исключеніемъ самихъ банковъ. Правда, ими заканчивается разсчетъ, коль скоро кредиторъ принимаетъ билетъ. Но при такомъ же условіи разсчетъ заканчивается тюкомъ полотна или бочкою вина,—предметами, которыхъ изъ за этого еще никто не считаетъ деньгами. Быть юридическимъ средствомъ платежа—это существенная черта въ понятіи денегъ; но этого свойства никто не приписываетъ банковымъ билетамъ. Банковый билетъ, можно сказать, это кредитъ съ монетнымъ штемпелемъ. Другія формы кредита отличаются отъ него, какъ кредитъ безъ штемпеля, кредитъ въ слиткахъ“ (5). Другіе экономисты совершенно отрицаютъ экономическое значеніе банковыхъ билетовъ. Такъ, по ученію Чернуски, банковый билетъ—это фальшивое золото, обращеніе котораго основывается на условномъ обманѣ. Банкъ обязывается об-

мѣнивать всѣ представленные ему билеты на звонкую монету, но этого обязательства онъ никогда не можетъ выполнить, если бы дѣйствительно всѣ билеты были предъявлены къ обмѣну одновременно. И такъ, обѣщаніе обмѣна—не исполнимое обѣщаніе и обманъ (6). Но банковый билетъ, какъ мы видѣли, имѣетъ въ своемъ основаніи общественное довѣріе къ банку, выпускающему билеты. Сказать, что обращеніе банковыхъ билетовъ основывается на условномъ обманѣ,—значитъ смѣшивать такія противоположныя понятія, какъ общественное довѣріе и обманъ. Банкъ дѣйствительно не можетъ обмѣнять всѣхъ своихъ билетовъ на звонкую монету, но, въ силу факта существованія довѣрія къ экономическимъ силамъ его, никто и не требуетъ этого. Еще менѣе приложимо воззрѣніе Чернуски къ тѣмъ банковымъ билетамъ, которые выдаются съ исключительною цѣлію страхованія капиталовъ, передаваемыхъ по векселямъ. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи „о мнимомъ золотѣ," такъ какъ банкъ вовсе не содержитъ фонда для промѣна билетовъ по первому востребованію, а промѣниваетъ въ особо назначенные для этого сроки, когда въ банкѣ имѣется капиталъ, равный по цѣнности числу билетовъ, срокъ реализаціи которыхъ наступилъ.

Употребленіе банковыхъ билетовъ производитъ значительную экономію въ монетномъ обращеніи: банковые билеты вытѣсняютъ монету изъ оборотовъ. Вытѣсненіе это значительно превосходитъ вытѣсненіе ея при экономическихъ способахъ платежей. Банкъ обязывается обмѣнивать свои билеты на звонкую монету по первому востребованію. Но для свободнаго и безостановочнаго размѣна нѣтъ необходимости держать въ кладовыхъ банка такое количество звонкой монеты, какое равнялось бы по цѣнности количеству выпущенныхъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ. Еще во время господства депозитныхъ банковъ, имѣвшихъ значеніе особыхъ кладовыхъ для храненія монеты (Giro-banken), было замѣчено, что для текущихъ платежей требуется лишь незначительная часть хранимой монеты, и что, слѣдовательно, остальная часть ея свободно можетъ быть отдаваема въ ссуды. Съ превращеніемъ именныхъ депозитныхъ билетовъ въ банковые билеты, размѣниваемые банкомъ каждому предъявителю, въ большинствѣ европейскихъ банковъ найдено возможнымъ производить выпуски ихъ въ количествѣ значительно превосходящемъ монетную наличность. Банкъ долженъ содержать въ наличности лишь ту часть звонкой монеты,

какая окажется необходимою для свободнаго и безостановочнаго размѣна его билетовъ каждому предъявителю въ обыкновенныхъ условіяхъ хозяйственнаго быта. Этъ часть, указываемая опытомъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ регуляторомъ правильности въ выпускахъ банковыхъ билетовъ. Количество билетовъ, превышающее нужды промышленности въ орудіяхъ оборота, возвращается обратно въ банкъ въ обмѣнъ на монету и такимъ образомъ при свободномъ обмѣнѣ ихъ не можетъ быть излишнихъ выпусковъ, роняющихъ ихъ достоинство. На этомъ основаніи при обыкновенномъ теченіи экономическихъ явленій, не возмущаемомъ никакими чрезвычайными потрясеніями, существуетъ извѣстное постоянство приливовъ билетовъ въ банки и отливовъ ихъ изъ банковъ. Такая правильность (Gesetzmässigkeit) въ банковомъ билетномъ обращеніи рано констатирована экономистами и въ основаніи ея лежитъ соотвѣтствующая періодичность измѣненій въ народной производительности, обусловливающая измѣненія потребности въ орудіяхъ оборота.

Теоретически не возможно опредѣлить въ точности количества звонкой монеты, достаточнаго для свободнаго обмѣна билетовъ. Это количество находится въ тѣсной связи съ производительнымъ употребленіемъ средствъ банка и уже по этому одному не можетъ быть одинаковымъ въ разное время и въ разныхъ странахъ. И въ существѣ дѣла здѣсь вопросъ идетъ не о храненіи постояннаго запаса монеты, но, по справедливому замѣчанію Книса, о предусмотрительности банка имѣть наличность ея въ моментъ предъявленія билетовъ къ обмѣну. Банковые билеты имѣли бы полное обезпеченіе лишь тогда, когда бы все количество ихъ было покрыто монетой. Но въ этомъ случаѣ не было бы и никакихъ побужденій къ существованію такихъ банковыхъ билетовъ, такъ какъ въ настоящее время уже не существуетъ основаній, вызвавшихъ необходимость прежнихъ депозитныхъ банковъ.

Достоинство банковыхъ билетовъ зависитъ не отъ металлическаго фонда, назначеннаго для обмѣна ихъ, но отъ производительнаго употребленія ихъ, т. е. отъ достоинства актива банка или отъ качества ссудъ, отъ работы выданныхъ въ ссуду самихъ же банковыхъ билетовъ. По замѣчанію Курселя-Сенеля, банкъ стремится непрерывно къ умноженію суммы помѣщенныхъ въ дѣло капиталовъ и процента, взимаемаго въ ихъ пользу, но въ тоже время онъ стремится и къ уменьшенію размѣра процента: банкъ вводитъ конкурренцію между

капиталами и такимъ образомъ всѣмъ имъ доставляетъ средства къ труду за вознагражденіе правильное, но умѣренное. Всякій капиталъ долженъ быть постоянно въ дѣлѣ и праздность его наказывается отсутствіемъ процента, подобно тому, какъ праздность человѣка—лишеніемъ вознагражденія. Посредствомъ кредита трудъ и капиталъ приходятъ въ соединеніе и отъ этого зависитъ достоинство кредитныхъ знаковъ, производящихъ это соединеніе. „Въ банковомъ дѣлѣ признаютъ только знакъ или цѣнность; знакъ же бываетъ хорошъ, дуренъ или посредственъ, смотря по вѣроятной аккуратности того, чье обязательство онъ представляетъ“ (8). Аккуратность должниковъ банка зависитъ отъ ихъ производительной дѣятельности, которою обусловливается аккуратность банка и достоинство его кредитныхъ обязательствъ, называемыхъ банковыми билетами.

Такое производительное употребленіе банковыхъ билетовъ указывается свободнымъ размѣномъ ихъ на звонкую монету или той саморегулирующей ихъ цѣнность силой, о которой мы выше говорили. „Когда количество монеты, говоритъ Курсель-Сенель, превышаетъ потребности и нужды торговли, послѣдняя или вывозитъ монету, или плавитъ и въ видѣ матеріала обращаетъ на промышленныя производства. Когда торговля обладаетъ бо́льшимъ количествомъ билетовъ чѣмъ то, какое нужно для ея потребностей и удобствъ, она плавитъ ихъ, если можно такъ выразиться, обмѣнивая на монету, и эта легкость обмѣна, предоставленная предъявителю, никогда не дозволяетъ банковымъ билетамъ и звонкой монетѣ удаляться отъ цѣнъ серебра и золота“. Но очевидно, для дѣйствія въ этомъ случаѣ саморегулирующей цѣнность банковыхъ билетовъ силы необходимо, чтобы выпуски банковыхъ билетовъ были предназначаемы исключительно для производства. Если бы значительное количество ихъ было выпущено исключительно для цѣлей потребленія, то должники оказались бы несостоятельными предъ банкомъ, банкъ въ свою очередь не имѣлъ бы возможности правильно выполнять обязательства предъ своими кредиторами и въ народной экономіи произошли бы тѣ явленія, которыя обыкновенно вызываются спросомъ на предметы потребленія, не дающимъ занятія труду. Банкъ не можетъ этого допустить, границы выпуска билетовъ указываются свободнымъ размѣномъ ихъ на звонкую монету. Въ этомъ заключается основное отличіе банковыхъ билетовъ отъ бумажныхъ денегъ.

По основательному замѣчанію Вагнера, не только неограниченное самообладаніе, но и всезнаніе было бы необходимо для того, чтобы умножать количество бумажныхъ денегъ сообразно съ потребностью народнаго хозяйства въ такой мѣрѣ, чтобы это умноженіе не повело къ упадку ихъ цѣнности. Но такъ какъ и неограниченное самообладаніе и всезнаніе не мыслимы для человѣка, то бумажныя деньги не могутъ имѣть такого значенія, какъ банковые билеты.

Отсутствіе въ неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ такой саморегулирующей цѣнность силы, какая дается банковымъ билетамъ свободнымъ ихъ размѣномъ на звонкую монету, а также отсутствіе въ человѣкѣ неограниченнаго самообладанія и всезнанія должны быть признаны несомнѣнными доказательствами принципіальной несостоятельности бумажныхъ денегъ, какъ нормальнаго орудія обращенія.

Страна съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ должна употреблять всѣ усилія для перехода къ нормальной денежной единицѣ. Если бы бумажныя деньги въ данное время и не сопровождались печальными послѣдствіями быстраго увеличенія спроса на продукты потребленія, не дающаго занятія труду, то и въ этомъ случаѣ положеніе не можетъ быть названо нормальнымъ; правильное денежное обращеніе должно быть возстановлено, иначе экономическое развитіе страны не можетъ имѣть той прочности и полноты, какая дается правильнымъ денежнымъ обращеніемъ и въ особенности высшей формой его—кредитно-билетнымъ обращеніемъ. Говоря, что бумажныя деньги отличаются отъ банковыхъ билетовъ съ одной стороны отсутствіемъ въ нихъ саморегулирующей ихъ цѣнность силы, а съ другой отсутствіемъ въ человѣкѣ безграничнаго самообладанія и всезнанія, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ, что въ другихъ отношеніяхъ бумажныя деньги могутъ быть подведены къ одному знаменателю съ банковыми билетами. Вполнѣ правъ Вагнеръ утверждая, что „препятствіе къ усвоенію бумажнымъ деньгамъ равной цѣнности, т. е. одинаковой всеобщей покупной силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянной цѣнности, заключается вообще въ невозможности исполнить условія, отъ которыхъ зависитъ твердость убѣжденія въ неизмѣненіи ихъ достоинства. Надо было бы дать самое вѣрное ручательство, что бумажныя деньги никогда не будутъ выпускаться *для финансовыхъ цѣлей, для созданія въ рукахъ выпускающей стороны искусственной покупной силы, безъ*

всякаго труда, но что размноженіе ихъ будетъ соотвѣтствовать дѣйствительной потребности народнаго хозяйства въ деньгахъ, какъ въ орудіи обращенія неизмѣняемой цѣнности". Вагнеръ такимъ образомъ признаетъ, что размноженіе бумажныхъ денегъ можетъ быть аналогичнымъ съ размноженіемъ банковыхъ билетовъ, когда это размноженіе не превосходитъ размѣровъ потребности экономическихъ оборотовъ въ орудіяхъ обращенія. Но размноженіе банковыхъ билетовъ находится въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ спроса на орудія обращенія не только отъ того, что въ странѣ происходитъ одновременно увеличеніе этого спроса отъ оживленія промышленности, вызываемаго какими либо общественными реформами, но также и отъ того, что это оживленіе создается банковыми билетами, являясь прямымъ послѣдствіемъ увеличенія ихъ количества. Тоже самое необходимо признать и въ бумажныхъ деньгахъ. Размноженіе ихъ можетъ находиться въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями народнаго хозяйства въ деньгахъ только тогда, когда эти потребности также размножаются. Увеличеніе же потребностей въ деньгахъ можетъ и здѣсь быть не только естественнымъ послѣдствіемъ общественныхъ реформъ, благодаря которымъ происходитъ въ странѣ наприм. переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, но также можетъ быть прямымъ послѣдствіемъ производительнаго размноженія бумажныхъ денегъ. Если достоинство банковыхъ билетовъ опредѣляется производительнымъ ихъ назначеніемъ, то нѣтъ основаній сомнѣваться, что и достоинство бумажныхъ денегъ зависитъ отъ производительнаго ихъ назначенія.

Прекрасно опредѣляетъ В. Безобразовъ значеніе работы банковаго билета для его цѣнности въ слѣдующихъ словахъ: „Для цѣнности выпущенныхъ въ обращеніе банковыхъ билетовъ размѣнный металлическій фондъ, какъ и собственный капиталъ банка, составляетъ лишь весьма второстепенное обезпеченіе; главное существенное ихъ обезпеченіе заключается въ кредитныхъ сдѣлкахъ, по которымъ были выданы билеты, въ тѣхъ долговыхъ обязательствахъ частныхъ лицъ предъ банкомъ, которыя покрываютъ его ссуды, выданныя имъ билетами, и находятся въ портфелѣ банка. Чтобы судить, какова цѣнность банковыхъ билетовъ, необходимо знать прежде всего, какова цѣнность кредитныхъ бумагъ или обязательствъ, находящихся въ его портфелѣ" (11). Цѣнность банковаго билета опредѣляется главнымъ образомъ его ра-

ботой; цѣнность бумажнаго рубля должна также опредѣляться его работой, т. е. должна подчиняться общему закону, регулирующему цѣнность вообще кредитныхъ обязательствъ, не представляющихъ собою опредѣленныхъ имуществъ, отданныхъ въ закладъ или въ залогъ. Въ этой работѣ необходимо различать двѣ стороны. Кредитное обязательство можетъ содѣйствовать производству прямо или косвенно.

При недостаточномъ количествѣ монеты въ обращеніи, какъ мы уже видѣли, можетъ существовать промышленный застой и даже упадокъ производства только потому, что у производителей нѣтъ въ рукахъ орудія, при посредствѣ котораго можно было бы вступить въ обмѣнъ. Недостатокъ монеты восполняется кредитными обязательствами, изъ которыхъ наиболѣе совершеннымъ является банковый билетъ. И насколько употребленіемъ банковыхъ билетовъ облегчается обмѣнъ, на столько же банковые билеты вліяютъ на облегченіе производства. Болѣе прямое вліяніе на производительную дѣятельность страны оказываютъ банковые билеты тогда, когда выдаются непосредственно для тѣхъ или иныхъ производительныхъ занятій. Представляя собою новую покупную силу, банковые билеты ведутъ не къ перемѣщенію капиталовъ и не къ перемѣнѣ направленія въ производствѣ, но къ общему увеличенію производительной дѣятельности страны, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ странѣ существуютъ не занятые совсѣмъ или вполнѣ факторы производства. Но такъ какъ во всякой странѣ существуютъ не занятые или не вполнѣ занятые факторы производства, то банковые билеты, въ качествѣ силы ассоціирующей силы природы, трудъ и капиталъ, оживляютъ предпріимчивость, увеличеніе ихъ количества не сопровождается возвышеніемъ цѣнъ произведеній и упадкомъ ихъ достоинства.

Достойна подражанія въ этомъ отношеніи образцовая дѣятельность шотландскихъ банковъ, поднявшихъ экономическій бытъ населенія въ странѣ почти безплодной и превратившихъ неблагодарную почву ея въ одну изъ наиболѣе обработанныхъ и плодородныхъ почвъ. Дѣятельность шотландскихъ банковъ, приведшая къ такимъ прекраснымъ результатамъ, состояла въ выдачѣ ссудъ непосредственно для сельско-хозяйственныхъ предпріятій. „Каждый разъ, когда у этихъ банковъ оказывался избытокъ въ капиталахъ, говоритъ Курсель-Сенель, они открывали какое нибудь вспомогательное отдѣленіе въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Директоромъ посылался умный, дѣятель-

ный прикащикъ испытанной честности и способностей, умѣющій цѣнить полезныя помѣщенія и находить ихъ для капиталовъ. Онъ былъ обязанъ узнавать и изслѣдовать промышленныя и земледѣльческія средства страны и ея жителей и способствовать развитію тѣхъ и другихъ открытіемъ кредита подъ залогъ недвижимостей или подъ поручительство. Съ помощью банка земледѣлецъ удобрялъ свою землю и улучшалъ свое состояніе, сосѣди старались подражать ему и вскорѣ новое отдѣленіе банка, сперва неоплачивавшее своихъ расходовъ, уже приносило барыши, находило около себя капиталы и единовременно вводило въ употребленіе текущіе счеты и бумажныя деньги. Дѣятельность, посредствомъ которой совершалась такая перемѣна, не была слѣпой рутиной, чѣмъ то въ родѣ заведеннаго механизма; *это было дѣло разумнаго обсужденія дѣлаемыхъ помѣщеній, высокаго знанія и пониманія.* Подъ этимъ то могущественнымъ вліяніемъ своихъ банковъ Шотландія перемѣнила свой видъ, почти даже почву и ея удобренная и, можно сказать, переработанная земля сдѣлалась одною изъ плодороднѣйшихъ и наилучше воздѣланныхъ въ свѣтѣ. Ея земледѣльческое народонаселеніе получило ту увѣренность въ себѣ и ту смѣлую предпріимчивость, которыя, по парламентскимъ изслѣдованіямъ, представляютъ такой рѣзкій контрастъ съ англійскими земледѣльцами“ ([12]).

Изъ приведенныхъ словъ Курселя-Сенеля видно, что шотландскими банками улучшена не только почва, но и самый характеръ труда населенія. И понятно, что опытный директоръ деревенскаго отдѣленія банка, входя въ нужды сельскихъ жителей, обсуждая вмѣстѣ съ ними возможность и выгодность полученія ссуды для улучшенія хозяйства, организуя это предпріятіе и наблюдая за его ходомъ, содѣйствуетъ поднятію духа предпріимчивости въ населеніи. Въ этомъ и заключается основная причина того, почему билеты шотландскихъ банковъ, не смотря на то, что они въ значительномъ количествѣ выпускались ниже 5 ф. ст., нисколько не вліяли на возвышеніе цѣнъ, а скорѣе вліяли на пониженіе ихъ. Банкъ прежде всего отыскивалъ работу для своего билета, изучалъ ея выгодность и затѣмъ уже выдавалась ссуда. Выпущенный такимъ образомъ въ обращеніе банковый билетъ содѣйствовалъ увеличенію производительности, оживлялъ трудъ и капиталы, превращалъ незанятые капиталы въ дѣло, создавалъ une plus value, которая и служила его обезпеченіемъ. Этой une plus value не было бы безъ ассоціирующей силы банковаго билета, цѣлесообразно

выпущеннаго въ обращеніе. Свободный размѣнъ билетовъ былъ для дѣятельности банка своего рода Дамокловымъ мечемъ, постоянно напоминавшимъ о необходимости именно такого производительнаго употребленія своихъ средствъ. Банковые билеты израсходованные не на производство, а для цѣлей потребленія, представляя собою прибавку къ покупной уже существующей силѣ, и не оказывая вліянія на увеличеніе произведеній или спроса на деньги, возвышаютъ цѣны товаровъ, въ томъ числѣ и металловъ, благодаря чему увеличиваются требованія на монету и банковые билеты обратно возвращаются въ выпустившее ихъ учрежденіе, угрожая его состоятельнности.

г) Если извѣстныя лица, ведущія между собою торговлю, держатъ свои деньги у банкира, то уплата по обязательствамъ каждаго изъ нихъ можетъ происходить, безъ всякаго участія денегъ, простымъ перенесеніемъ суммы платежа въ книгахъ банкира съ кредита лица платящаго, въ кредитъ лица, которому слѣдуетъ получить эту сумму. Вмѣсто уплаты наличными деньгами банкъ производитъ переводъ суммъ отъ одного лица къ другому. Такой переводъ производится по платежному приказу, получившему въ настоящее время общее названіе чека.

Обращаемость этого кредитнаго орудія во многихъ отношеніяхъ уступаетъ банковымъ билетамъ. „Чекъ, говоритъ М. Шимановскій, подписывается однимъ только кредиторомъ и не представляетъ собою никакого доказательства въ томъ, что назначенная къ уплатѣ сумма находится дѣйствительно въ кассѣ банкира, на распоряженіи подписчика. Вслѣдствіе сего лицо, которому выдается чекъ для полученія по оному платежа, должно удостовѣриться не только въ исправности банкира, но еще, и преимущественно, должно имѣть полное нравственное увѣреніе въ томъ, что снабжающій его чекомъ въ самомъ дѣлѣ можетъ распоряжаться показанною въ чекѣ суммою. Изъ сего слѣдуетъ, что въ то время, когда въ точности и исправности платежа по банковому билету ручается только банкъ или банкиръ выпускающій билетъ, для исправности платежа по чеку необходимы: исправность банкира и добросовѣстность подписчика. Такимъ образомъ значеніе чека, какъ орудія обращенія, болѣе стѣснено, нежели значеніе банковаго билета, потому что чекъ способенъ служить для производства платежей только въ кругу лицъ, ознакомленныхъ съ положеніемъ банкира и подписчика“. Не смотря на это, въ настоящее время употреб-

леніе чековъ все болѣе и болѣе распространяется. По мнѣнію Милля, это распространеніе можетъ даже вытѣснить изъ употребленія деньги. „Если бы всѣ жители Лондона, говоритъ онъ, держали свои деньги у одного банкира и дѣлали свои платежи посредствомъ чековъ, то вовсе не понадобилось бы и не употреблялось бы денегъ ни въ какомъ оборотѣ, начинающемся и кончающемся въ Лондонѣ. Эта идеальная крайность почти достигнута на практикѣ въ дѣлахъ между коммерческими людьми. Деньги и банковые билеты употребляются теперь преимущественно въ розничной продажѣ отъ торговца потребибителю и въ платежахъ отъ хозяевъ работникамъ, да и то лишь въ мелкихъ суммахъ". Причина этого распространенія состоитъ въ томъ, что чекъ не только замѣняетъ въ обращеніи звонкую монету, но даетъ возможность получать проценты по тѣмъ деньгамъ, которыя вносятся въ банкъ, служатъ основаніемъ для выдачи чековъ и которыя въ противномъ случаѣ служили бы исключительно посредникомъ въ обмѣнѣ продуктовъ, не принося процентовъ. Торговецъ, получившій за свой товаръ чекъ, не имѣетъ надобности предъявлять его въ банкъ для полученія звонкой монеты; этимъ же чекомъ онъ уплачиваетъ за товары, полученные имъ отъ другихъ торговцевъ. Такимъ образомъ чекъ является платежнымъ орудіемъ, замѣняющимъ звонкую монету, которая можетъ вовсе не требоваться владѣльцами чековъ, обязательства коихъ въ теченіи извѣстнаго времени взаимно погашаются, при чемъ лишь разница въ долгахъ уплачивается монетою, или же вовсе не уплачивается, а записывается въ кредитъ на будущее время.

Полученные вклады банкъ употребляетъ производительно, отдаетъ въ ссуды наприм. фабрикантамъ, заводчикамъ, вслѣдствіе чего имѣетъ возможность платить по этимъ вкладамъ проценты. Благодаря употребленію чековъ, звонкая монета, служившая орудіемъ обращенія товаровъ, является орудіемъ, усиливающимъ производство ихъ, служа въ тоже время основаніемъ ихъ кредитнаго обращенія. Съ другой стороны, распространенію чековъ содѣйствуетъ также то, что употребленіе ихъ даетъ возможность производить учетъ векселей безъ употребленія звонкой монеты и банковыхъ билетовъ. Для этого достаточно, чтобы торговцу, ищущему учета, банкиръ предоставилъ право кредитоваться посредствомъ чековъ, хотя бы этотъ торговецъ и не держалъ у банкира своего денежняго фонда. Такой учетъ векселей гарантируетъ банкира отъ возможности сосредоточенія его обязательствъ

въ рукахъ одного или немногихъ лицъ и одновременнаго предъявленія къ платежу, что можетъ привести къ его несостоятельности.

(1) По замѣчанію Н. Бунге, сущность векселя состоитъ въ томъ, что это приказъ. „Какъ приказъ, вексель требуетъ исполненія и исполненія безотлагательнаго; но лицо, на которое выдается приказъ (какъ это легко можетъ быть при переводномъ векселѣ) иногда нисколько не обязано по роду своихъ сношеній и дѣлъ исполнить такой приказъ; въ такомъ случаѣ естественно отвѣчаютъ лица, которыя дали или переуступили приказъ на полученіе денегъ и притомъ иногда хорошо знали, что нѣтъ никакого основанія для исполненія ихъ приказа". Потье смотрѣлъ на вексель, какъ на долговое обязательство. Это опредѣленіе вполнѣ примѣнимо къ простому векселю, но не можетъ быть примѣнимо къ переводному. Нельзя сказать, что переводной вексель есть долговое обязательство, такъ какъ плательщикъ обязывается произвесть уплату лишь въ томъ случаѣ, когда онъ изъявитъ на это свое согласіе. Эйнертъ говоритъ, что вексель есть эквивалентъ денегъ, такъ какъ должникъ выдачей векселя производитъ платежъ. Но очевидно, что нѣтъ научныхъ данныхъ для отождествленія векселя съ деньгами; когда мы уплачиваемъ за продуктъ деньгами, то отдаемъ равноцѣнность того, что пріобрѣтаемъ; уплатою за продуктъ, произведенною деньгами, вполнѣ оканчивается мѣновая сдѣлка. Этого нельзя сказать относительно выдачи векселя; по векселю еще ожидается уплата въ будущемъ. По Либе, вексель есть порученіе уплатить извѣстную сумму денегъ. Но съ порученіемъ, по замѣчанію Бунге, не соединяется обязательство для дающаго порученіе относительно третьихъ, совершенно постороннихъ лицъ, каковыми могутъ быть тѣ, которымъ вексель переуступается. Наконецъ, мы должны сказать, что и опредѣленіе Бунге можетъ быть отнесено только къ переводному векселю; простой вексель не можетъ быть названъ приказомъ, онъ ничто иное, какъ долговой документъ, выданный заемщикомъ. Изъ этого видно, что невозможно дать такое отдѣленіе понятію векселя, которое обнимало бы и простой вексель и вексель переводной. Н. Бунге. Полиц. право, ч 1, стр. 322. (2) Милль. Основ. пол. экономіи, кн. III. гл. XI. (3) М. Шимановскій. Кредитъ и общественные банки, стр. 101—104. (4) Теорія кредита, стр. 80. (5) Основ. т. 2, стр. 61. (6) Cernuschi. Méchanique de l'échange; Шимановскій, Кредитъ и пр. стр. 121. (7) Wagner, Beiträge zur Lehre v. d. Banken. 1857. стр. 308 и слѣд. (8) Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе, стр. 67. (9) Русскія бумажныя деньги, стр. 46. (10) Ibid. стр. 46. (11) О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, стр. 19. гл. III. (12) Банки ихъ устройство и пр. стр. 284.

§ 3. Предпріятія, осуществляемыя при помощи кредита, весьма часто состоятъ въ превращеніи оборотныхъ капиталовъ въ постоянные. Этимъ характеромъ отличается большая часть поземельныхъ разнаго рода улучшеній; оборотные капиталы, затрачиваемые на сельскохозяйственныя постройки, на работы по осушенію или орошенію земли,

на пріобрѣтеніе удобрительныхъ туковъ, на содержаніе скота и т. п., перестаютъ быть оборотными, превращаясь въ постоянные, стоимость которыхъ возстановляется только по частямъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Кредитныя сдѣлки, заключаемыя для такихъ цѣлей, могутъ быть реализируемы не иначе, какъ постепеннымъ погашеніемъ долга. Полная одновременная реализація, хотя бы по истеченіи продолжительнаго срока, обременительна для землевладѣльца. При такой реализаціи онъ долженъ постепенно накоплять капиталъ, держать этотъ капиталъ непроизводительно, или же затрачивать въ предпріятія неземледѣльческія, которыя даютъ возможность скоро возстановлять стоимость издержекъ производства, но къ которымъ онъ не привыкъ и веденіе которыхъ отвлекаетъ отъ его спеціальныхъ земледѣльческихъ занятій.

Такъ какъ постепенное погашеніе долга обременительно для отдѣльныхъ кредиторовъ, то поземельный кредитъ необходимо требуетъ учрежденія банковыхъ кредитныхъ предпріятій. Земледѣльческій банкъ обыкновенно служитъ центромъ, куда прямо или посредственно стекаются частные капиталы и откуда землевладѣльцы получаютъ ихъ въ кредитъ. Кредитъ по большей части выдается въ видѣ особыхъ билетовъ, называемыхъ облигаціями, закладными листами и т. п., которые имѣютъ опредѣленную номинальную цѣну во 100,200 и т. д. рублей. Билеты эти приносятъ ихъ владѣльцу постоянный процентъ, вслѣдствіе чего во всякое время могутъ быть проданы на наличныя деньги для лицъ, желающихъ пользоваться процентнымъ доходовъ. Иногда банки сами продаютъ эти билеты, выдавая землевладѣльцамъ ссуды наличными деньгами, съ вычетомъ опредѣленныхъ процентовъ за коммиссію по продажѣ.

Получивъ ссуду, землевладѣлецъ обязывается ежегодно вносить въ банкъ во 1) опредѣленный процентъ въ видѣ прибыли на капиталъ и 2) опредѣленный процентъ на погашеніе самаго этого капитала. Занятый долгъ обыкновенно погашается въ 28 лѣтъ, если каждый годъ взимается $2^0/_0$ погашенія; въ 41 годъ, если ежегодно взимается по $1^0/_0$, въ 56 лѣтъ, если взимается $^1/_2{}^0/_0$. Говоря это, мы не должны забывать, что такое погашеніе возможно только благодаря тому, что проценты ежегодно уплачиваются съ полной суммы долга, хотя послѣдняя съ каждымъ годомъ уменьшается. Предположимъ, что занято 100 рублей съ условіемъ уплаты $5^0/_0$ прибыли и $2^0/_0$ погашенія, то есть

съ условіемъ ежегоднаго взноса въ банкъ 7 рублей. Очевидно, что во второмъ году останется долга не 100 рублей, а 98, такъ какъ 2 р. долга будетъ погашено. Но должникъ каждый годъ будетъ взносить въ банкъ полную сумму—7 рублей. Такъ какъ съ остающагося долга будетъ слѣдовать прибыли не 5 р., а всего 4 р. 90 коп., то на погашеніе пойдетъ не 2 р., а 2 р. 10 коп., въ слѣдующій годъ 2 р. 20 коп., и т. д., по мѣрѣ чего увеличивается процентъ погашенія. Изъ этого видно, что въ теченіи 28 лѣтъ уплатою 2% погашенія только номинально погасится 56% долга; въ дѣйствительности же весь долгъ сполна погашается.

Необходимымъ условіемъ для надлежащаго развитія поземельнаго кредита считается правильная система ипотечныхъ учрежденій. Ипотекой называется общественный контроль всей судьбы недвижимаго имущества въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Надлежащее развитіе поземельнаго кредита не мыслимо безъ такого контроля. Кредитору, ссужающему землевладѣльца своимъ капиталомъ, не возможно ограничиться свѣдѣніями наприм. о степени обремененія поземельнаго имущества тѣми или иными обязательствами; ему въ такой же мѣрѣ важны свѣдѣнія наприм. о томъ, на какихъ правооснованіяхъ данный землевладѣлецъ владѣетъ своимъ имуществомъ. Быть можетъ послѣднему принадлежатъ лишь такъ называемое голое право собственности (jus nudum), доходами же отъ имущества временно или пожизненно пользуется кто либо другой. Быть можетъ право собственности этого землевладѣльца не безспорно; быть можетъ онъ владѣетъ имуществомъ по такому акту, на основаніи котораго возможны случаи возврата имущества прежнему собственнику или отдачи его кому либо иному, какъ это бываетъ при дарственныхъ пріобрѣтеніяхъ. Наконецъ весьма возможно, что землевладѣлецъ, долги котораго контролируются ипотекой, уже пересталъ быть собственникомъ имѣнія наприм. продалъ его. Очевидно, что кредитору необходимо знать все это, вслѣдствіе чего ипотечная система должна быть направлена къ полному контролю всей судьбы имущества въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Цѣль ипотечной системы состоитъ въ надлежащемъ укрѣпленіи всѣхъ правъ и объязательствъ, соединенныхъ съ недвижимыми имуществами. Согласно съ этимъ, основными принципами ипотеки признаются: гласность, безповоротность укрѣпленій, спеціельность обезпеченій и старшинство взысканія.

Гласность состоитъ въ томъ, что нѣтъ такъ называемаго вещнаго права безъ его публикаціи, то есть безъ записи въ ипотечныя книги, право разсматриванія которыхъ предоставляется всякому заинтересованному. Принципъ гласности требуетъ, что бы только съ минуты вписанія въ ипотечную книгу всякое обязательство считалось соединеннымъ съ вещью такимъ образомъ, что оно обременяетъ эту вещь всегда, въ чьихъ бы рукахъ она не находилась. Всѣ права и обязательства, возникающія въ сферѣ частныхъ отношеній по недвижимымъ имуществамъ, для полученія надлежащаго укрѣпленія должны имѣть общественное значеніе, что не мыслимо безъ опубликованія ихъ; такъ наприм. актъ о продажѣ поземельной собственности самъ по себѣ имѣетъ юридическое значеніе только въ отношеніяхъ между продавцемъ и пріобрѣтателемъ, для третьихъ лицъ этотъ актъ не можетъ имѣть надлежащаго значенія до той поры, пока не будетъ надлежащимъ образомъ опубликованъ и пока не сдѣлается такимъ образомъ общеизвѣстнымъ. Эта публикація и достигается внесеніемъ правъ и обязательствъ въ ипотечныя книги.

Очевидно, что при этомъ не уничтожается значеніе частныхъ сдѣлокъ, не внесенныхъ въ ипотечныя книги; имъ придается характеръ личнаго права, какой они и должны имѣть по самой сущности своей.

Безповоротность укрѣпленій состоитъ въ томъ, что всѣ свѣдѣнія, записанныя въ ипотечной книгѣ, для добросовѣстно дѣйствующихъ третьихъ лицъ должны имѣть безспорное значеніе, должны считаться несомнѣнными въ юридическомъ отношеніи. Если я пріобрѣтаю право на землю отъ человѣка, право собственности котораго по ипотечной книгѣ значилось безспорнымъ, то въ силу начала безповоротности, я пріобрѣтаю также безспорное право, освобождаюсь отъ всѣхъ споровъ, которые могутъ возникнуть относительно правъ владѣнія прежняго собственника.

Спеціальность обезпеченій состоитъ въ томъ, что долгъ обезпечивается только тѣмъ имѣніемъ, подъ залогъ котораго выдана ссуда, т. е. долгъ не переносится на другія имѣнія должника, не обремененныя данною ипотечною ссудою.

Наконецъ, *старшинство* взысканія состоитъ въ томъ, что тотъ кредиторъ, который прежде сдѣлалъ ссуду подъ залогъ имѣнія, имѣетъ преимущественное предъ остальными право на полученіе капитала по

продажѣ имущества. При этомъ послѣднему кредитору предоставляется право оставить за собой имѣніе, удовлетворивъ всѣхъ предшествующихъ кредиторовъ. Старшинство взысканія опредѣляется временемъ внесенія долга въ ипотечныя книги.

Поземельный кредитъ на низшихъ ступеняхъ своего развитія обезпечивается отдачей имущества самому кредитору, отъ котораго получается ссуда, причемъ кредиторъ пользовался поземельнымъ имуществомъ до времени возврата долга. Неудовлетворительность этой системы очевидна и она мало по малу уступила мѣсто такой, при которой заложенное имущество остается въ рукахъ должника, возвратъ же ссуды обезпечивается цѣною этого имущества. Но изъ понятія о кредитѣ слѣдуетъ, что и эта система не должна считаться послѣднею ступенью въ развитіи поземельнаго кредита. Обезпеченіемъ возврата ссуды можетъ быть не только цѣна имущества, но также производительное употребленіе занятаго капитала на хозяйственныя цѣли. Этотъ принципъ въ настоящее время мало по малу входитъ въ употребленіе. Такъ поземельное кредитное товарищество Царства Польскаго, на основаніи ст. 20 Высочайше утвержденныхъ 12 Іюля 1869 г. правилъ, давая ссуды землевладѣльцамъ, въ имѣніяхъ коихъ большой процентъ общаго пространства составляютъ лѣса, можетъ требовать обязательнаго введенія раціональнаго лѣснаго хозяйства. Тоже предоставлено и дворянскому поземельному банку (ст. 36 положенія).

Безъ всякаго сомнѣнія, въ своемъ постепенномъ развитіи долгосрочный поземельный кредитъ прійдетъ къ тому, что при всѣхъ ссудахъ капиталовъ кредитныя учрежденія будутъ требовать введенія въ хозяйствахъ не только разумныхъ лѣсныхъ системъ, но также сообразныхъ съ мѣстными условіями и оправдываемыхъ наукою системъ земледѣлія. При помощи спеціалистовъ, какъ обязательное введеніе такихъ системъ, такъ и надзоръ за исполненіемъ ихъ можетъ быть легко осуществимъ. При такомъ положеніи дѣлъ, поземельный кредитъ будетъ обезпечиваемъ разумнымъ употребленіемъ занятаго капитала; занятое имущество дѣйствительно будетъ возвращаемо при посредствѣ производительнаго употребленія его же самаго.

Впрочемъ, ипотечный кредитъ можетъ имѣть своимъ назначеніемъ не только производство, но также нормальныя цѣли потребленія и распредѣленія. И въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ

онъ служитъ не столько цѣлямъ производства, сколько цѣлямъ потребленія и распредѣленія. Это обстоятельство привело даже къ ученію, что существующій ипотечный кредитъ по существу вреденъ. Впервые это ученіе было развито нѣмецкимъ писателемъ Родбертусомъ Ягецовымъ, констатировавшимъ тотъ фактъ, что существующій поземельный кредитъ является орудіемъ мобилизаціи поземельной собственности, облегчающимъ сбытъ и пріобрѣтеніе и поэтому усиливающимъ передвиженіе недвижимыхъ имуществъ. Мобилизація поземельной собственности идетъ вслѣдъ за развитіемъ ипотечнаго кредита и земля превращается въ обыкновенный рыночный товаръ. Земледѣліе даже не нуждается въ такихъ большихъ капиталахъ, какіе выдаются учрежденіями ипотечнаго кредита. „Даже при затратѣ одинаковаго количества труда, земледѣліе не нуждается такъ въ капиталахъ, какъ промышленность. Тѣ предметы, которые въ промышленности пріобрѣтаются на сторонѣ, или вовсе не нужны въ сельскомъ хозяйствѣ или создаются въ немъ самомъ. Въ земледѣліи почва заступаетъ мѣсто матеріаловъ и въ тоже время ея сила даровая. Удобренія и сѣмена большею частью производятся на мѣстѣ. Такимъ образомъ та часть оборотнаго капитала, которая въ видѣ матеріала въ обрабатывающей промышленности обходится такъ дорого, въ земледѣліи не требуетъ особыхъ издержекъ.“ Ипотечный кредитъ служитъ или для выдѣла сонаслѣдникамъ ихъ наслѣдственныхъ долей, или для покупки недвижимыхъ имуществъ, или, наконецъ потребленію.

Для нейтрализаціи вреднаго вліянія кредита на мобилизацію поземельной собственности, Р. Ягецовъ предлагаетъ организовать поземельный кредитъ въ формѣ рентныхъ поземельныхъ свидѣтельствъ, дающихъ право на полученіе опредѣленнаго рентнаго дохода изъ имѣнія и не подлежащихъ погашенію. Наслѣдники могутъ пріобрѣтать соотвѣтствующія ихъ долямъ права на ренту, благодаря чему изчезнетъ необходимость капитализировать доходъ и выдавать наслѣдникамъ значительныя суммы единовременно. При продажѣ разсчеты также должны совершаться при посредствѣ рентныхъ свидѣтельствъ. Если при продажѣ, за неуплатой всей цѣны, остается на землѣ долгъ, то продавецъ удовлетворяется полученіемъ въ соотвѣтствующей суммѣ рентныхъ свидѣтельствъ. Въ случаѣ несостоятельности землевладѣльца кредиторъ, владѣющій наибольшимъ количествомъ билетовъ на этотъ вѣчный рентный доходъ, становится собственникомъ имѣнія ([1]).

Предложенная Р. Ягецовымъ организація поземельнаго кредита можетъ имѣть практическое значеніе. Въ этомъ видѣ кредитъ практикуется въ Швейцаріи. „Частный оборотъ создалъ въ Швейцаріи, говоритъ проф. Вреденъ, способъ мобилизаціи поземельной собственности, который предлагаетъ Родбертусъ Ягецовъ ввести какъ исключительную и обязательно повсемѣстно въ государствѣ распространенную форму. Въ Швейцаріи, взамѣнъ срочной аренды, признанной вредною, земля уступается въ потомственное владѣніе и новый собственникъ, взамѣнъ денегъ, которыхъ у него не достаетъ, выдаетъ на пріобрѣтенную имъ землю обязательства, подъ названіемъ рентныхъ писемъ (lettres de rente). Эти письма предъявляются у нотаріуса, который накладываетъ въ суммѣ ихъ запрещеніе на землею. Они пишутся на предъявителя и могутъ быть выкупаемы изъ обращенія взносомъ у того же нотаріуса ихъ капитальной суммы. По рентнымъ письмамъ уплачиваются условленные проценты и если этотъ платежъ совершается исправно, то капиталъ никогда не можетъ быть востребованъ. Если же со стороны владѣльца воспослѣдуетъ неисправность въ уплатѣ процентовъ, то во владѣніе его землю вводится тотъ предъявитель его рентныхъ писемъ, у котораго оказывается наибольшее количество послѣднихъ, на него переводятъ и остальные свои рентныя письма. Р. Ягецовъ пошелъ только далѣе, замѣняя владѣльческія рентныя письма общими поземельными и не обозначая вовсе капитальной стоимости и тѣхъ и другихъ“ (2).

Нельзя не согласиться также съ Р. Ягецовымъ въ томъ, что существующій ипотечный кредитъ въ значительной степени усиливаетъ мобилизацію земли и такимъ образомъ содѣйствуетъ превращенію ея въ обыкновенный рыночный товаръ. Но причиной этого не кредитъ самъ по себѣ, а тѣ экономическія условія, при которыхъ онъ примѣняется. Самъ по себѣ кредитъ является силой, которая также способствуетъ мобилизаціи земли, какъ и удержанію ея въ рукахъ данныхъ владѣльцевъ. Если, благодаря кредиту, облегчается сбытъ и пріобрѣтеніе, то также, благодаря кредиту, землевладѣлецъ, нуждающійся въ деньгахъ, получаетъ возможность обойтись безъ продажи земли, получивъ изъ кредитнаго учрежденія необходимыя ему средства. Для того, чтобы кредитъ не служилъ къ усиленію мобилизаціи, учрежденія ипотечнаго кредита не должны быть учрежденіями исключительно вещнаго кредита, для которыхъ совершенно безразлично, кто владѣетъ землей.

Въ этомъ отношеніи наши старыя государственныя кредитныя учрежденія существовавшія до 1859 года, были удовлетворительнѣе частныхъ, возникшихъ послѣ реформы 1859 г. и существующихъ въ настоящее время. Въ нашихъ старыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ поземельный кредитъ не имѣлъ исключительно вещнаго характера, при которомъ долгъ соединенъ съ опредѣленнымъ имуществомъ, безъ всякаго отношенія къ владѣльцу. При вещномъ кредитѣ долгъ остается на имуществѣ при всевозможныхъ переходахъ его изъ рукъ въ руки и юридически не препятствуетъ этимъ переходамъ, такъ какъ каждый новый владѣлецъ долженъ принять на себя обязательства, соединенныя съ поземельнымъ владѣніемъ. Наши государственныя кредитныя учрежденія не были учрежденіями подобнаго исключительно вещнаго кредита. Такъ, отчужденіе имѣнія съ переводомъ долга допускалось не иначе, какъ съ ихъ разрѣшенія, передача закладныхъ запрещалась и т. п. Благодаря этому, кредитныя учрежденія могли регулировать переходами имѣній изъ рукъ въ руки и ослаблять мобилизацію.

(1) Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth der Grundbesitzes, von Rodbertus—Iagetzow. 2 Th. Iena, 1869. Э. Вреденъ. Сельское хозяйствъ и лѣсоводство. 1871 г. Экономическое обозрѣніе. См. также: Н. Ерошевскій.—Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ. Одесса 1881 г. Авторъ доказываетъ, что „мобилизація земли имѣетъ искусственную подержку въ поземельномъ кредитѣ. Поземельная собственность въ настоящее время ничѣмъ не отличается отъ движимыхъ капиталовъ. Замля, не будучи по природѣ своей товаромъ, получила однако характеръ товара и не могла не получить его при существованіи права частной собственности на землю. Составляя предметъ частнаго обладанія, она безпрерывно переходитъ изъ рукъ въ руки и безпрестанно мѣняетъ своихъ владѣльцевъ. Крайними же послѣдствіями этого передвиженія земли являются мѣстами концентрація поземельной собственности, мѣстами же крайнее ея дробленіе. Отсюда ясно, что поземельный кредитъ, содѣйствуя мобилизаціи земли, содѣйствуетъ въ тоже время и крайнимъ ея послѣдствіямъ—концентраціи и парцеллированію поземельной собственности. Безпрерывно и неустанно содѣйствуетъ онъ то скопленію небольшихъ земельныхъ участковъ, разбросанныхъ среди массы землевладѣльцевъ, въ латифундіи, то дробленію земли на крайне мелкіе участки. Въ этомъ именно и состоитъ соціальное значеніе поземельнаго кредита. Отсюда ясно и соціальное значеніе спеціальныхъ учрежденій для поземельнаго кредита. Они—не орудія, способствующія земельнымъ улучшеніямъ, какъ принято полагать, а спеціальныя орудія мобилизаціи земли и, какъ таковыя, они содѣйствуютъ то концентраціи, то парцеллированію поземельной собственности". Стр. 138—139. (2) Сельское хозяйство и лѣсоводство, 1871 г. май, стр. 43.

§ 4. Сельское хозяйство, сверхъ долгосрочнаго, нуждается въ кратко-срочномъ кредитѣ, который во многихъ случаяхъ долженъ быть названъ необходимымъ дополненіемъ къ долгосрочному кредиту.

Колебанія въ сельско-хозяйственной производительности выражаются въ колебаніяхъ цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, что затрудняетъ реализацію капитала затраченнаго въ продукты, а слѣдовательно, затрудняетъ и правильное веденіе сельско-хозяйственной культуры. Въ неблагопріятные годы, хотя цѣны и высоки, сельскіе хозяева имѣютъ мало произведеній для сбыта; въ урожайные годы цѣны низки и хозяева не всегда имѣютъ возможность въ цѣнѣ продуктовъ выручать затраты съ обыкновенною прибылью. Особенно велики затрудненія тогда, когда сроки платежей въ кредитныя учрежденія совпадаютъ со сроками наибольшаго предложенія продуктовъ, приготовленныхъ къ сбыту. Въ это время, обыкновенно къ осени, естественнымъ образомъ предложеніе сельскихъ продуктовъ велико и цѣны ниже наприм. весеннихъ цѣнъ, а между тѣмъ пониженіе ихъ усиливается искусственнымъ путемъ, такъ какъ сельскіе хозяева нуждаются въ деньгахъ для взносовъ платежей въ учрежденія долгосрочнаго ипотечнаго кредита. Краткосрочный кредитъ, окрываемый подъ залогъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, даетъ возможность сельскому хозяину не спѣшить со сбытомъ своихъ произведеній; получивъ ссуду, сельскій хозяинъ можетъ обождать болѣе нормальныхъ цѣнъ. Такой кредитъ, являясь уравнителемъ цѣнъ, уменьшаетъ тяжелыя послѣдствія колебаній въ урожайности продуктовъ, такъ какъ запасы урожайныхъ годовъ могутъ быть сохраняемы и уменьшаютъ недостатокъ продуктовъ въ годы неурожайные. Производя извѣстное постоянство въ цѣнахъ, краткосрочный сельско-хозяйственный кредитъ облегчаетъ реализацію затратъ и даетъ возможность сельскимъ хозяевамъ лучше выполнять свои обязательства по ипотечному кредиту. Въ этомъ смыслѣ, очевидно, краткосрочный сельско-хозяйственный кредитъ долженъ быть названъ необходимымъ дополненіемъ къ долгосрочному поземельному кредиту.

Въ другихъ случаяхъ этотъ кредитъ имѣетъ значеніе единственнаго средства къ освобожденію поземельной собственности отъ обремененій обязательствами по долгосрочному кредиту. Если моя земля обременена долгами, такъ что я не въ состояніи даже выполнять свои обязательства по долгосрочному кредиту, то мнѣ необходимо поднять

производительность земли, увеличить ея доходность. При отсутствіи собственнаго капитала, улучшеніе хозяйства возможно только на ссудный капиталъ, который въ данномъ случаѣ можетъ быть данъ лишь при условіи прямого производительнаго употребленія его. Это и достигается такой организаціей кредита, при которой ссуды выдаются исключительно на опредѣленныя сельско-хозяйственныя улучшенія, наприм. на орошеніе и осушеніе земель, на пріобрѣтеніе живаго инвентаря, удобреній, сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ и т. п. Здѣсь гарантіей возврата занятаго капитала служитъ производительное употребленіе его и кредитъ является той высшей формой мѣновыхъ сношеній между людьми, при которой имущество пріобрѣтается цѣлесообразнымъ употребленіемъ его же самаго. Въ такомъ то кредитѣ въ особенности нуждаются имѣнія, обремененныя ипотечными долгами. Предположимъ имѣніе, значительная часть котораго занята болотами. Имѣніе заложено и землевладѣльцу приходится съ трудомъ производить платежи въ банкъ, такъ что угрожаетъ опасность продажи имѣнія съ публичныхъ торговъ. Для выхода изъ затруднительнаго положенія остается единственное раціональное средство—превратить болота въ луга и пахатныя поля. Вы знаете, что „цѣнность полумилліона десятинъ канализированнаго пространства въ Полѣсьѣ увеличилась на 10 милліоновъ или на 20 рублей на десятину, и во многихъ имѣніяхъ доходъ послѣ осушки болотъ увеличился болѣе чѣмъ въ десять разъ“ (1). У васъ не можетъ быть сомнѣнія, что подобный же результатъ можетъ быть полученъ въ вашемъ имѣніи, что осушеніемъ болотъ поднимется доходность его настолько, что легко возвратится и занятый капиталъ для производства меліораціи и увеличатся средства для уплаты долга ипотечному учрежденію. Кредитъ, непосредственно открытый для производства этой меліораціи, не обременяетъ земли, но освобождаетъ ее и отъ ипотечныхъ долговъ. Представимъ другой примѣръ. Въ хозяйствѣ мало рабочаго скота, вслѣдствіе чего мало удобренія и земля плохо обрабатывается. Сельскій хозяинъ получаетъ мало доходовъ отъ земли, такъ какъ не имѣетъ достаточнаго живаго инвентаря, и съ другой стороны не можетъ имѣть достаточнаго живаго инвентаря, такъ какъ получаетъ мало доходовъ отъ земли. Выходъ изъ этого круга можетъ быть данъ кредитомъ для пріобрѣтенія живаго инвентаря, благодаря чему въ имѣніи будетъ больше удобренія и земля будетъ лучше обрабатываться, дастъ боль-

ше доходовъ, такъ что и ссуда, взятая для покупки скота, будетъ легко возвращена и будетъ легче производить уплаты по долгосрочному долгу. Увеличеніе такой задолженности никоимъ образомъ не можетъ быть обременительнымъ.

Кратко-срочный сельско-хозяйственный кредитъ, какъ видно изъ сказаннаго, можетъ быть направленъ или къ поддержанію цѣнъ сельскохозяйственныхъ произведеній, или къ пріобрѣтенію сельскими хозяевами необходимыхъ имъ матеріаловъ и факторовъ производства, а также непосредственно къ созданію опредѣленныхъ меліорацій.

Прекраснымъ образцемъ перваго рода кредита можетъ служить дѣятельность бывшаго польскаго банка по выдачѣ ссудъ подъ залогъ шерсти и шерстяныхъ издѣлій.

Склады для пріема шерсти и шерстяныхъ издѣлій банкъ началъ устраивать на основаніи постановленія совѣта управленія отъ 10 іюня 1828 г. По инструкціи, выданной тогда же, банкъ уполномоченъ былъ подъ залогъ принятой въ складъ шерсти выдавать ссуды въ размѣрѣ до половины цѣнности принятаго товара, опредѣленной присяжнымъ оцѣнщикомъ, срокомъ отъ одного до девяти мѣсяцевъ. Изъ назначенной къ ссудѣ суммы банкъ высчитывалъ $^1/_2{}^0/_0$ въ мѣсяцъ за все время, на которое была выдаваема ссуда, $^1/_4{}^0/_0$ за издержки по оцѣнкѣ и сверхъ того взималась особая плата за храненіе товара. Послѣдняя въ первое время взималась съ вѣса, а съ 18 августа 1853 г. платежъ съ вѣса сложеннаго товара замѣненъ платежами съ цѣнности его. Тогда же пониженъ процентъ съ 6 на 5 годовыхъ. Съ 1866 г. банкъ началъ выдавать ссуды во время шерстяной ярмарки въ г. Варшавѣ въ размѣрѣ $^2/_3$ оцѣночной суммы.

Начало выдачи ссудъ относится къ 1830 г., но въ годовыхъ отчетахъ банка эти ссуды впервые стали помѣщаться отдѣльно отъ другихъ лишь съ 1847 года. Съ этого времени по 1879 г. включительно выдано всего ссудъ на сумму 14.665.320 рублей, то есть за весь указанный періодъ времени среднимъ числомъ на годъ было выдаваемо ссудъ 444.403 р. При этомъ было выдано:

съ 1847 по 1863 г. 4.105.425 руб.
„ 1864 „ 1879 „ 10.559.895 „

Ссуды такимъ образомъ значительно увеличились послѣ 1864 г.; до этого года было выдаваемо ссудъ на годъ въ среднемъ выводѣ 241.495 рублей, между тѣмъ какъ съ 1864 года по 659.993 рубля,

то есть ссуды увеличились въ послѣднее время болѣе чѣмъ въ два раза. Увеличеніе ссудъ подъ залогъ шерсти представляетъ собою результатъ увеличенія овцеводства въ привислянскомъ краѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ фактъ значительнаго увеличенія количества шерсти, привозимой на ярмарки и складываемой въ магазинахъ банка. Изъ годовыхъ отчетовъ послѣдняго видно, что съ 1846 по 1879 г. въ магазинахъ банка въ Варшавѣ, Лодзи и Влоцлавкѣ было сложено шерсти 1.884.981 пудъ, причемъ сложено было:

съ 1846 по 1863 г. 628.052 пуда.
„ 1864 „ 1879 „ 1.256.929 „

Въ первомъ періодѣ было въ складахъ банка въ теченіи года 34.891 п., а во второмъ 87.558 пудовъ, т. е. количество складываемой шерсти увеличилось болѣе чѣмъ въ два раза, соотвѣтственно съ чѣмъ въ такой же пропорціи увеличились и ссуды. Другими словами, увеличеніе ссудъ указываетъ не на увеличеніе нужды въ деньгахъ у сельскихъ хозяевъ, но на увеличеніе количества продуктовъ, для лучшаго сбыта которыхъ они пользуются содѣйствіемъ со стороны банка.

Не можетъ быть сомнѣнія, что увеличеніе овцеводства въ краѣ въ значительной степени произошло подъ вліяніемъ организаціи кредита подъ залогъ шерсти, повліявшаго на установленіе извѣстнаго постоянства въ цѣнахъ на этотъ продуктъ. И въ дѣйствительности мы видимъ, что цѣны на шерсть въ привислянскомъ краѣ, не смотря на зависимость ихъ отъ заграничныхъ покупщиковъ, изъ года въ годъ колеблются вокругъ средней величины весьма не значительно. Сельскій производитель шерсти имѣетъ увѣренность въ правильномъ сбытѣ своихъ продуктовъ, слѣпая случайность не парализуетъ его трудовой энергіи и мы видимъ, что овцеводство изъ года въ годъ растетъ въ краѣ и количественно и качественно.

Не ограничиваясь выдачей ссудъ подъ залогъ шерсти, банкъ сдѣлалъ было попытку выдачи ссудъ шерстянымъ фабрикантамъ для пріобрѣтенія ими шерсти, а также опытъ закупки ея непосредственно чрезъ своихъ членовъ и затѣмъ продажи фабрикантамъ въ кредитъ. Операціи банка въ этомъ отношеніи были совершенно неудачны, хотя и не причинили убытковъ. Съ 1828 по 1835 г. ссудъ фабрикантамъ для пріобрѣтенія шерсти было выдано на сумму 1.595.775 р. 60 к., какой долгъ былъ возвращенъ фабрикантами едва къ 1856 г. при содѣйствіи Коммиссіи Внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣдующее время банкъ

уже не дѣлалъ попытокъ организаціи такого кредита, хотя неудача опыта произошла подъ вліяніемъ политическихъ причинъ, а именно подъ вліяніемъ возстанія 1830 года, тяжело отозвавшагося на всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ края и подорвавшаго шерстяное производство. Между тѣмъ ссуды фабрикантамъ для пріобрѣтенія шерсти были бы вполнѣ желательны и въ интересахъ сельскаго хозяйства. Посредствомъ такихъ ссудъ лучше былъ бы организованъ внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ овцеводства. Впрочемъ та же самая цѣль достигается другимъ путемъ, а именно ссудами подъ залогъ шерстянныхъ издѣлій, достигающихъ значительныхъ размѣровъ особенно въ фабричномъ городѣ Лодзи. Этими ссудами поддерживается фабричная сторона овцеводства, представляющая собою рынокъ для сбыта продуктовъ сельско-хозяйственной его стороны. А такъ какъ размѣрами и качествомъ рынка для сбыта продуктовъ опредѣляется размѣръ и качество производства, то понятно, выдаваемыя банкомъ ссуды подъ залогъ шерстяныхъ издѣлій, поддерживая дѣятельность шерстяныхъ фабрикъ, должны были оказать полезное вліяніе и на овцеводство. Если къ этому прибавимъ, что ссуды подъ залогъ промышленныхъ заведеній также поддерживали шерстяное производство, то необходимо согласиться, что польскій банкъ дѣйствительно долженъ былъ оказать громадное вліяніе на развитіе мѣстнаго овцеводства и слѣдовательно сельскаго хозяйства.

Въ дѣятельности этого банка относительно содѣйствія шерстяному производству можно замѣтить одинъ крупный недостатокъ, состоящій въ централизаціи выдачи ссудъ подъ залогъ шерсти главнымъ образомъ въ г. Варшавѣ, чему банкъ содѣйствовалъ тѣмъ, что въ теченіи продолжительнаго времени ссуды были выдаваемы въ этомъ одномъ пунктѣ. Такая централизація рынка для сбыта продукта не можетъ быть названа вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. Производитель теряетъ въ этомъ случаѣ на затратахъ по доставкѣ продукта, въ особенности по доставкѣ изъ отдаленныхъ мѣстъ производства его, не говоря уже о томъ, что сосредоточеніе предложенія можетъ сопровождаться паденіемъ цѣнъ, искусственно усиливая конкурренцію между продавцами.

Такой централизаціи въ особенности необходимо избѣгать при организаціи выдачи ссудъ подъ залогъ другихъ произведеній сельскаго хозяйства. Изъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній шерсть принадлежитъ къ числу тѣхъ, цѣнность которыхъ довольно высока

сравнительно съ ихъ вѣсомъ. Въ то время, когда пудъ тонкой шерсти стоитъ до 35 рублей, пудъ лучшей пшеницы стоитъ обыкновенно около рубля. Не удивительно поэтому, что попытка польскаго банка сосредоточить въ одномъ пунктѣ операціи по пріему въ склады хлѣба и выдачи подъ залогъ его ссудъ окончилась полной неудачей и вмѣстѣ съ тѣмъ кредитъ подъ залогъ хлѣба совсѣмъ не удался. Считаемъ полезнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой попыткѣ, такъ какъ она можетъ служить указаніемъ того, чего слѣдуетъ избѣгать при организаціи кредита для уравненія колебаній въ цѣнахъ на хлѣбъ.

На открытіе ссудъ подъ залогъ хлѣба въ первое время вполнѣ основательно возлагались большія надежды и управленіе банка, какъ видно изъ его отчета за 1829 годъ, смотрѣло на свою дѣятельность въ этомъ отношеніи какъ на безусловно благотворную для всего края. Къ сожалѣнію, эти надежды не оправдались.

Уже въ 1828 г. банкъ выдавалъ ссуды подъ залогъ хлѣба, отправляемаго къ сбыту въ Данцигъ, а въ слѣдующемъ году бралъ на себя коммиссію продажи хлѣба за границей. Операціи эти, на основаніи инструкціи отъ 17 Іюля 1828 года, состояли въ слѣдующемъ. Желающій получить ссуду подъ залогъ хлѣба, отправляемаго въ Данцигъ, подписывалъ актъ условной продажи своихъ продуктовъ банку и, сверхъ того, выдавалъ вексельное обязательство отъ себя или другаго лица, извѣстнаго банку. Собственнику продуктовъ банкъ выдавалъ отъ себя свидѣтельсто, что отправляемый за границу хлѣбъ проданъ условно, съ правомъ выкупа въ назначенный срокъ, и что вексель взятъ въ видѣ гарантіи отъ убытковъ, могущихъ случиться при продажѣ товара въ Данцигѣ. Товаръ былъ отправляемъ въ Данцигъ отъ имени банка къ его коммиссіонеру, гдѣ оставался подъ надзоромъ послѣдняго, обязаннаго оказывать содѣйствіе къ выгрузкѣ, очисткѣ и осмотру покупщиками. За тѣмъ, въ случаѣ неуплаты ссуды въ условленный срокъ, банкъ поручалъ своему коммиссіонеру произвести продажу заложеннаго хлѣба, причемъ послѣ продажи излишекъ отъ цѣны долга былъ возвращаемъ вмѣстѣ съ векселемъ собственнику, а недоборъ былъ взыскиваемъ по векселю. За выданныя ссуды было взимаемо $^1/_2{}^0/_0$ въ мѣсяцъ, а также на счетъ должника падали издержки застрахованія и оцѣнки. Съ 14 Апрѣля 1829 г. для желающихъ банкъ отъ своего имени производилъ продажу хлѣба, взимая за коммиссію $^1/_2{}^0/_0$ отъ продажной цѣны. Усилія его регулировать внѣшнюю тор-

говлю хлѣбомъ уже въ первое время увѣнчались успѣхомъ. Къ началу 1830 г. оказалось, что при посредствѣ банка хлѣбъ находилъ для себя сбытъ не только въ Данцигѣ, но также въ портахъ нидерландскихъ, французскихъ и англійскихъ. Но смута 1830 г. помѣшала развитію этой дѣятельности по регулированію внѣшней хлѣбной торговли и по окончаніи смутнаго времени банкъ болѣе не производилъ ни ссудъ подъ залогъ хлѣба, отправляемаго за границу, ни продажи его на заграничныхъ рынкахъ. Вмѣсто этихъ операцій польскій банкъ сталъ производить ссуды подъ залогъ хлѣбовъ, складываемыхъ въ магазинахъ его.

Устройство магазиновъ для склада хлѣба и выдача ссудъ были производимы на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 21 Янв. 1830 года, въ которомъ высказано и возрѣніе на то, какое значеніе можетъ имѣть правильно организованный кредитъ подъ залогъ земледѣльческихъ продуктовъ. Цѣль открываемаго кредита, говорится въ указѣ, состоитъ въ томъ, чтобы а) уменьшить убытки, происходящіе отъ отсутствія какой бы то ни было организаціи въ вывозѣ за границу хлѣба; б) смягчить послѣдствія неуражаевъ, такъ какъ въ урожайные годы продукты, при низкихъ цѣнахъ, отдаются въ склады, а въ неурожайные берутся обратно; и наконецъ в) соединить интересы потребителей съ интересами производителей хлѣба. Послѣднее объясняется тѣмъ, что кредитомъ подъ залогъ хлѣба въ извѣстной степени достигается уравненіе цѣнъ, слѣдовательно уничтожаются тѣ значительныя колебанія, подъ вліяніемъ которыхъ въ одно время производитель основываетъ свое благосостояніе на счетъ потребителя, а въ другое время на оборотъ, потребитель основываетъ свое благосостояніе на счетъ производителя.

На основаніи упомянутаго указа банкомъ были устроены магазины въ Варшавѣ, м. Новый-Дворъ, при впаденіи Нарева въ Вислу, и въ Влоцлавкѣ. Изъ этихъ трехъ пунктовъ въ Варшавѣ хлѣбъ вовсе не былъ принимаемъ для храненія въ склады банка; въ Новый-Дворъ, какъ пунктъ неудачно выбранный, хлѣба привозили землевладѣльцы очень мало, такъ что въ 1852 г. склады были проданы военному вѣдомству. За тѣмъ хлѣбъ былъ принимаемъ въ складахъ банка въ г. Влоцлавкѣ и съ 1858 г. въ Плоцкѣ въ магазинахъ, принадлежавшихъ коммиссіонной фирмѣ плоцкихъ землевладѣльцевъ. Хотя въ банковыхъ указаніяхъ мы встрѣчаемъ распоряженія объ устройствѣ хлѣбныхъ

складовъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ края, тѣмъ не менѣе, на сколько можно судить по годовымъ отчетамъ банка, распоряженія эти не были приводимы въ исполненіе и хлѣбъ былъ принимаемъ только въ одномъ банковомъ магазинѣ въ Влоцлавкѣ и въ частныхъ магазинахъ въ Плоцкѣ.

По рапоряженіямъ совѣта управленія въ эти склады принимаемы были исключительно пшеница и рожь; ссуды выдавались срокомъ на 3 мѣсяца, но въ случаѣ надобности срокъ могъ быть продолженъ; размѣръ ссуды не долженъ былъ превышать половины оцѣночной суммы, опредѣляемой по торговымъ цѣнамъ. До 1852 г. за ссуды банкъ взималъ 6% годовыхъ, съ этого же года по 5%. При полученіи ссуды собственникъ хлѣба подписывалъ контрактъ о продажѣ его банку съ правомъ выкупа чрезъ три мѣсяца. Если по истеченіи трехъ мѣсяцевъ онъ не являлся за хлѣбомъ и не заявлялъ о продленіи срока, то хлѣбъ продавался съ торговъ. Пріемъ и выдача ссудъ производились до 1870 г., когда этотъ кредитъ былъ закрытъ самъ собою, за недостаткомъ желающихъ воспользоваться имъ.

Главной причиной этой неудачи кредита была централизація его; хлѣбъ не такой продуктъ, чтобы выгодно было отправлять его въ центральный, болѣе или менѣе отдаленный пунктъ для отдачи на храненіе съ цѣлію получить ссуду. Издержки по перевозу въ этомъ случаѣ должны составлять большой процентъ въ продажной цѣнѣ, при относительной незначительности послѣдней сравнительно съ вѣсомъ продукта. Затѣмъ въ отдаленномъ пунктѣ отъ жительства трудно собственнику заботиться объ удобномъ моментѣ для сбыта. Весьма естественно, что только крайняя нужда заставитъ сельскаго хозяина при такихъ условіяхъ воспользоваться кредитомъ подъ залогъ хлѣба. Была и другая причина этой неудачи. Польскій банкъ выдавалъ ссуды до половины оцѣночной суммы, устанавливаемой ежемѣсячно по торговымъ цѣнамъ за истекшіе три мѣсяца. Это основаніе для опредѣленія оцѣночной суммы не можетъ быть названо цѣлесообразнымъ. Кредитъ подъ залогъ хлѣба имѣетъ своимъ назначеніемъ уравненіе хлѣбныхъ цѣнъ, устраненіе значительныхъ колебаній въ этихъ цѣнахъ, подрывающихъ прочность сельско-хозяйственнаго промысла. Но ясно, что если въ данное время цѣны низки и подъ залогъ хлѣба выдается ссуда въ размѣрѣ половины оцѣночной суммы, опредѣленной по этимъ низкимъ цѣнамъ, то положеніе земледѣльца слабо улучшается; ему можетъ быть

даже выгоднѣе продать хлѣбъ по существующимъ низкимъ цѣнамъ, нежели довольствоваться незначительной ссудой. Такъ и было въ дѣйствительности. Въ отчетѣ банка за 1836 годъ читаемъ: „помѣщики скорѣе склонялись къ продажѣ хлѣба хотя бы и по низкимъ цѣнамъ, чѣмъ къ складыванію его въ магазинахъ для полученія ссуды, послѣ чего приходится ожидать высокихъ цѣнъ". Для достиженія цѣли, то есть для полученія возможно большаго уравненія цѣнъ необходимо былобы или давать ссуды въ большемъ размѣрѣ, или опредѣлять цѣнность хлѣба по среднимъ даннымъ за истекшій годъ или за истекшихъ два года. Тогда былъ бы мотивъ къ пользованію кредитомъ и для кредитнаго учрежденія это не было бы опасно, такъ какъ ссуда въ размѣрѣ 50% средней цѣны хлѣба наприм, за истекшихъ два года, будучи дѣйствительною помощью собственику хлѣба, не можетъ быть рискованою для кредитора. Такія ссуды подъ залогъ хлѣба принесли бы несомнѣнную пользу сельско-хозяйственному дѣлу страны, въ извѣстной степени давая выходъ производителю изъ той дилеммы, по которой онъ терпитъ недостатокъ и при урожаѣ и при неурожаѣ.

Но еще большее значеніе имѣетъ кредитъ, непосредственно направленный или къ пріобрѣтенію матеріаловъ и орудій производства, или къ производству опредѣленныхъ меліорацій. Польскій же банкъ представляетъ намъ очевидное доказательство полезности одного изъ видовъ этого кредита, непосредственно улучшающаго производительную дѣятельность, а именно доказательство полезности кредита для пріобрѣтенія сельскими хозяевами земледѣльческихъ орудій и машинъ.

Ссуды для пріобрѣтенія этихъ орудій и машинъ этотъ банкъ выдавалъ на основаніи распоряженія отъ 29 іюля 1833 года, причемъ правительство, уполномочивая банкъ къ выдачѣ ссудъ, имѣло въ виду и интересы сельскаго хозяйства и развитіе казенныхъ желѣзныхъ заводовъ. Въ первое время ссуды выдавались только для пріобрѣтенія орудій и машинъ изъ казенныхъ фабрикъ, такъ какъ производство ихъ и сосредоточивалось на этихъ фабрикахъ. Возникшій, благодаря кредиту, спросъ на усовершенствованныя орудія и машины повелъ къ учрежденію и частныхъ фабрикъ, на произведенія коихъ также былъ открытъ землевладѣльцамъ кредитъ. Въ настоящее время ссуды выдаются на слѣдующихъ основаніяхъ: Банкъ открываетъ кредитъ исключительно для пріобрѣтенія орудій и машинъ изъ мѣстныхъ заводовъ губерній царства польскаго въ размѣрѣ тройной главной поземельной подати,

если въ имѣніи скотъ и хозяйственныя движимости застрахованы отъ огня, и въ размѣрѣ полуторной подати въ противномъ случаѣ. Желающій получить ссуду долженъ представить свидѣтельство отъ мѣстнаго начальника уѣзда о размѣрахъ платимыхъ съ имѣнія податей, объ исправности въ уплатѣ ихъ, о размѣрахъ и исправности уплаты ссуды Земскому Кредитному Обществу, о застрахованіи отъ огня хозяйственныхъ движимостей и т. п. Сверхъ того должно быть представленно свидѣтельство отъ мѣстнаго войта гмины въ томъ, что пріобрѣтаемыя машины и орудія доставлены въ имѣніе и установлены на мѣстѣ. Когда установка производится посланнымъ съ завода машинистомъ, то свидѣтельство отъ войта можетъ быть выдано ему на руки; въ противномъ случаѣ оно должно быть доставлено на заводъ, изъ котораго пріобрѣтаются орудія и машины. По представленіи этого свидѣтельства заводчику выдаются деньги. Ссуды взыскиваются чрезъ начальника уѣзда и вносятся въ мѣстныя казначейства. Въ случаяхъ неисправности должникъ подвергается общей отвѣтственности, какая установлена для случаевъ неисправности по взносу казенныхъ податей. Кредитъ можетъ быть открываемъ срокомъ до шести лѣтъ; по ссудамъ взыскивается 6% годовыхъ и $^1/_3$% за коммиссію. При этомъ кредитомъ для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій и машинъ имѣютъ право пользоваться не только собственники имѣній, но также и арендаторы какъ частныхъ, такъ и казенныхъ имѣній. Наконецъ въ послѣднее время, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 11 ноября 1870 г., разрѣшено пользоваться этими ссудами и владѣльцамъ маіоратныхъ имѣній.

По 1879 г. включительно ссуды вмѣстѣ съ процентами составляли 4.973.433 р., т. е. среднимъ числомъ на годъ было выдаваемо по 108.118 рублей. При этомъ всѣхъ ссудъ было:

съ	1834	по	1843	г.	346.565	р.	35	к.	или на годъ	34.656	р. 53 к.
„	1844	„	1853	„	1.121.338	„	60	„	„ „ „	112.133	„ 86 „
„	1855	„	1863	„	1.151.358	„	62	„	„ „ „	115.136	„
„	1864	„	1873	„	931.647	„	75	„	„ „ „	93.164	„ 77 „
„	1874	„	1879	„	713.022	„	69	„	„ „ „	118.837	„ 11 „

Общее количество ссудъ послѣ 1863 г. замѣтно уменьшилось и только въ послѣднемъ шестилѣтнемъ періодѣ замѣтно относительное увеличеніе. Причиной этого уменьшенія было то, что мѣстные заводчики начали, безъ помощи банка, продавать въ кредитъ земледѣльческія орудія и машины.

Въ отчетахъ банка постоянно замѣчается, что ссуды для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій и машинъ вполнѣ исправно возвращаются заемщиками. Въ дѣйствительности большинство ссудъ погашаются въ три полугодія, вмѣсто шестилѣтняго срока, разрѣшаемаго правилами. Банкъ иногда несъ потери въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе продавалось съ публичныхъ торговъ, такъ какъ нѣкоторые новопріобрѣтатели отказывались отъ уплаты банковаго долга на томъ основаніи, что торговыя условія не обязывали ихъ къ такой уплатѣ и ссуды не имѣли привилегіи казенныхъ податей. Для устраненія этого неудобства въ 1871 г. банкъ постановилъ при отпускѣ ссуды требовать совершенія акта, коимъ владѣлецъ машинъ, пріобрѣтенныхъ при содѣйствіи банка, отдаетъ въ закладъ банку эти машины, о чемъ производится запись въ ипотечной книгѣ имѣнія. Такъ какъ мелкія имѣнія не такъ часто подвергаются принудительной продажѣ, то при выдачѣ ссудъ на земледѣльческія орудія и машины не свыше 400 рублей рѣшено руководствоваться прежними правилами и только при выдачахъ ссудъ свыше 400 р. рѣшено примѣнять постановленіе о совершеніи закладнаго акта и записываніи долга въ ипотечную книгу имѣнія.

Кредитъ для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій и машинъ не только содѣйствовалъ развитію болѣе раціональной обработки земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и содѣйствовалъ развитію мѣстныхъ заводовъ, занимающихся ихъ производствомъ. Какъ сильно растетъ это производство въ краѣ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Общая сумма этого производства равнялась въ

1876	г.	649.190 р.
1877	„	789.525 „
1878	„	999.937 „
1879	„	1.124.730 „

Въ общемъ итогѣ производства земледѣльческихъ машинъ въ Европейской Россіи въ 1879 г. на 10 привислянскихъ губерній приходится $28,_{30}\%$, въ то время какъ на 7 сѣверныхъ черноземныхъ $11,_{10}\%$, на прибалтійскія—$10,_{88}\%$, на юго-западныя—$4,_{97}\%$. Въ настоящее время заводы привислянскаго края высылаютъ свои орудія и машины далеко за предѣлы края, снабжая своими произведеніями сельскихъ хозяевъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и довольно успѣшно конкуррируя въ этомъ отношеніи съ иностранными фабрикантами, не

смотря на поощреніе привоза иностранныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ освобожденіемъ ихъ отъ пошлинъ.

Въ нашихъ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ потребность въ употребленіи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ несравненно настоятельнѣе, чѣмъ въ губерніяхъ привислянскихъ. Непродолжительность періода, въ теченіи котораго происходятъ полевыя работы, производитъ то, что тамъ сельско-хозяйственныя машины, сокращающія трудъ, являются безусловно необходимыми для правильнаго веденія хозяйства. Не менѣе настоятельна потребность въ такихъ орудіяхъ и машинахъ и на югѣ, гдѣ за отсутствіемъ надлежащаго количества рабочихъ рукъ приходится воздѣлывать меньше земли, чѣмъ сколько возможно было бы при болѣе экономическомъ пользованіи существующими рабочими силами, доставляемомъ употребленіемъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ. Но не смотря на большую потребность, въ этихъ губерніяхъ распространеніе усовершенствованныхъ орудій и машинъ слабо, сравнительно съ привислянскими губерніями, а производство ихъ ничтожно. Обыкновенно думаютъ, что привислянскія губерніи занимаютъ первое мѣсто по производству земледѣльческихъ орудій и машинъ на томъ основаніи, что и „сельское хозяйсто въ этихъ губерніяхъ стоитъ выше, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, а потому и спросъ на земледѣльческія машины и орудія тамъ больше, чѣмъ гдѣ либо“. Въ принципѣ это вполнѣ вѣрно; предложеніе товара зависитъ отъ его спроса. Но говоря это, необходимо не забывать, что этотъ спросъ въ теченіи полустолѣтія, былъ укрѣпляемъ и поощряемъ правительственными мѣрами, направленными къ облегченію и распространенію усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Безъ организаціи кредита для пріобрѣтенія сельскими хозяевами орудій и машинъ производство послѣднихъ не могло бы развиться до того цвѣтущаго состоянія, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время. Безъ существованія этого кредита не было бы и того распространенія между сельскими хозяевами усовершенствованныхъ орудій и машинъ, которымъ славится привислянское хозяйство. Не можетъ быть сомнѣнія, что и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи развилось бы и сельско-хозяйственное машиностроеніе и изъ года въ годъ увеличивалось бы пользованіе усовершенствованными орудіями и машинами, если бы спросъ на нихъ былъ также укрѣпляемъ и поддерживаемъ, какъ это въ теченіи полустолѣтія

дѣлается въ Привислянскомъ краѣ. Достойно удивленія то, что сельско-хозяйственное машиностроеніе у насъ еще существуетъ, не смотря на свободную иностранную конкурренцію и на не менѣе сильную конкурренцію съ давно развившимися подъ особымъ покровительствомъ привислянскими заводами. Противъ привозныхъ пошлинъ всегда вооружались сельскіе хозяева, въ интересахъ которыхъ и существуетъ безпошлинный привозъ орудій и машинъ. Очевидно, кредитъ для пріобрѣтенія этихъ орудій и машинъ сельскими хозяевами изъ мѣстныхъ фабрикъ остается единственнымъ средствомъ къ распространенію внутренняго сельско-хозяйственнаго машиностроенія и къ ежегодному сбереженію отъ 5 до 8 мил. рублей, ежегодно уплачиваемыхъ иностраннымъ заводчикамъ. Такой кредитъ одновременно вліялъ бы и на развитіе нашего сельскаго хозяйства, болѣе чѣмъ какое либо западно-европейское хозяйство нуждающагося въ орудіяхъ, сокращающихъ трудъ производства, и на развитіе заводовъ по сельско-хозяйственному машиностроенію.

Между спеціальными формами кредита, направленнаго къ пріобрѣтенію сельскими хозяевами орудій и матеріаловъ производства, заслуживаетъ особаго вниманія хлѣбный кредитъ, состоящій въ выдачѣ ссудъ для пріобрѣтенія сельскими хозяевами хлѣбныхъ сѣмянъ для посѣвовъ. Подобный кредитъ можетъ имѣть громадное вліяніе на земледѣліе страны, облегчая обновленіе сѣмянъ, что вполнѣ равносильно обновленію крови у людей. Еще лучше если этотъ кредитъ состоитъ непосредственно въ выдачѣ сѣмянъ въ ссуду нуждающимся сельскимъ хозяевамъ. Образцемъ подобнаго кредита служатъ хлѣбные банки, существующіе въ Финляндіи. Тамъ во многихъ селеніяхъ существуютъ крестьянскіе хлѣбные банки, изъ которыхъ выдается хлѣбъ, чаще всего овесъ, въ ссуду весною и притомъ исключительно на посѣвъ. Взятый хлѣбъ возвращается осенью, когда взимается также опредѣленный процентъ также въ натурѣ, а не въ деньгахъ. Приростъ продается по мелочамъ между участниками магазина. При этомъ зимой продаютъ часть прироста, часть же оставляютъ до весны на тотъ случай, когда для ссудъ окажется недостаточнымъ основной капиталъ банка. Вырученныя деньги идутъ на содержаніе администраціи, а излишекъ обыкновенно поступаетъ въ мірской капиталъ. Дѣла банковъ идутъ вполнѣ успѣшно, принося пользу крестьянскому хозяйству. О пользѣ, приносимой ими крестьянамъ, одинъ изъ мѣстныхъ жителей сообщаетъ слѣ-

дующее: „Въ нашей мѣстности цѣны на овесъ весной и осенью бываютъ неодинаковы. Цѣна на овесъ весной всегда стоитъ нѣсколько выше, чѣмъ осенью. Разность въ цѣнахъ можно считать на одну бочку въ одинъ рубль. Бочка овса, которая осенью стоитъ 3 рубля, весной доходитъ до 4 рублей. Заемщикъ, получая изъ магазина весной овесъ для посѣва, наприм. одну бочку, возвращаетъ ее осенью съ приростомъ, т. е. одну бочку и 4 каппы. Но если мы переложимъ эту сумму на деньги, то окажется, что весной онъ беретъ овса изъ магазина на 4 рубля, а возвращаетъ его осенью всего на 3 р. 40 коп. (въ бочкѣ 30 каппъ). И такъ заемщикъ беретъ 4 рубля, возвращаетъ же всего 3 р. 40 коп. Кредитъ дешевле этого врядъ ли гдѣ можно найти. Замѣтятъ, быть можетъ, что и въ томъ случаѣ, если бы крестьянинъ взялъ ссуду у торговца, ему пришлось бы осенью уплатить не болѣе 1 бочки и 4 каппъ. Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Торговецъ осенью, получая отъ крестьянина ссуду, принимаетъ въ разсчетъ не ту цѣну, которая стоитъ въ осеннее время на рынкѣ, а ту которая была весной, и потребуетъ съ заемщика деньгами не 3 р. 40 коп., а по меньшей мѣрѣ 4 р. 50 коп. или $1^1/_2$ бочки“. Подобный разсчетъ болѣе или менѣе приложимъ и къ остальной Россіи. Хлѣбные банки, организованные по образцу финляндскихъ, оказали бы самое благотворное вліяніе на сельскій бытъ (2).

(1) Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности. Выпуски I и II. (2) Труды Императорскаго Вольнаго Эконом. общества 1880 г. Май, стр 121 и слѣд. Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ, стр. 221 и слѣд Олон. Губернскія Вѣдомости. 1881 г. № 49.

§ 5. Наиболѣе рельефно производительная сила сельско-хозяйственнаго кредита выступаетъ въ формѣ ссудъ, непосредственно предназначаемыхъ для производства опредѣленныхъ меліорацій. Въ наиболѣе простомъ видѣ такой меліоративный кредитъ представляетъ слѣдующія особенности. Ссуды выдаются на производство лишь тѣхъ меліорацій, полезность которыхъ признается особыми оцѣнщиками, изучающими на мѣстѣ выгодность ихъ и цѣлесообразность предложеннаго проекта работъ. По утвержденіи проекта, кредитное учрежденіе выдаетъ промессы, по которымъ обѣщается уплата денегъ за опредѣленныя въ этихъ же промессахъ работы въ томъ случаѣ, когда онѣ бу-

дутъ выполнены вполнѣ согласно съ проектированными условіями, для чего на мѣстѣ уполномоченными лицами провѣряется исполненіе проекта. За тѣмъ выданныя ссуды возвращаются землевладѣльцами по частямъ, сообразно съ особенностями меліорацій, на производство коихъ ассигнованы ссуды, т. е. сообразно съ тѣмъ, какъ погашается затраченный въ дѣло капиталъ имъ же созданною новою доходностью имѣнія. Здѣсь занятый капиталъ возвращается такимъ образомъ при посредствѣ его же самаго, а именно при посредствѣ употребленія его въ опредѣленное предпріятіе, возвышающее доходность имѣнія и создающее источникъ для уплаты долга. Самая выдача ссуды сперва въ формѣ промессъ съ точнымъ обозначеніемъ всего того, что должно быть произведено, и за тѣмъ уплата денегъ не иначе, какъ по осмотрѣ произведенныхъ работъ и надлежащемъ освидѣтельствованіи техниками кредитнаго учрежденія, безусловно должна содѣйствовать къ достиженію основной мысли меліоративнаго кредита. Въ увеличеніи подобнаго рода ссудъ никто не можетъ видѣть нежелательнаго обремененія долгами поземельныхъ имуществъ. Напротивъ того, увеличеніе ихъ служитъ очевиднымъ признакомъ улучшенія земледѣлія. Кредитъ и поземельныя улучшенія становятся какъ бы нераздѣльными, такъ какъ ссужаемый капиталъ выдается непосредственно на производство этихъ улучшеній.

У насъ существуютъ спеціальные капиталы, пользованіе которыми аналогично съ основной задачей меліоративнаго кредита. Таковы напримѣръ: капиталъ для производства обводнительныхъ работъ въ Крыму и капиталъ сельской промышленности южной Россіи.

Ссуды изъ обводнительнаго капитала выдаются преимущественно на такія обводнительныя работы, которыя могутъ принести пользу многимъ сосѣднимъ землевладѣльцамъ, или цѣлому селенію, или значительному пространству земли, лишенной воды, хотя не возбраняется и выдача ссудъ на работы, обѣщающія выгоды только одному заемщику. Ссуды выдаются по опредѣленію губернской земской управы таврической губерніи, которой предоставляется и оцѣнка полезности предпріятія, для чего приглашается особый техникъ. Срокъ ссудъ— до десяти лѣтъ. Размѣры взимаемыхъ процентовъ опредѣляются губернскимъ земскимъ собраніемъ, но должны быть не менѣе 4 на сто въ годъ (Высоч. утв. мнѣніе Госуд. сов. 6 окт. 1870 г., 8 мая 1873 г. и 17 окт. 1876 г.).

Такое-же спеціальное назначеніе имѣетъ и капиталъ сельской промышленности южной Россіи, хранящійся въ вѣдомствѣ Приказовъ общественнаго призрѣнія. Ссуды изъ этого капитала выдаются исключительно для производства опредѣленныхъ улучшеній на собственной или чужой землѣ, по соглашенію съ собственникомъ ея. Главнымъ образомъ эти ссуды должны быть выдаваемы: 1) на улучшеніе земледѣлія посредствомъ усовершенствованныхъ орудій, постояннаго удобренія земли и искусственной ирригаціи полей; 2) для разведенія искусственныхъ луговъ; 3) для разведенія садоводства и приготовленія сухихъ плодовъ для вывоза въ другія мѣста; 4) на улучшеніе и распространеніе винограднаго винодѣлія; 5) для разведенія мануфактурныхъ растеній; 6) для разведенія рощей и лѣсовъ въ степныхъ мѣстахъ; 7) на пчеловодство; 8) для заводовъ рогатого скота улучшенныхъ породъ; 9) для заведенія мельницъ и очищенія рѣчныхъ протоковъ, вырытія каналовъ и колодцевъ; 10) на учрежденіе фабрикъ всякаго рода; 11) для разработки каменнаго угля; 12) для рыболовства на морскихъ берегахъ. Срокъ для возврата ссудъ—5 лѣтъ и по нимъ взимается 4% въ годъ (Св. зак. т. XII ч. 2 и прод. 1876 г.).

Такимъ образомъ эти капиталы имѣютъ своимъ назначеніемъ производство опредѣленныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній, въ какомъ смыслѣ пользованіе ими и аналогично съ пользованіемъ чужими капиталами при меліоративномъ кредитѣ. Но существуетъ и рѣзкое различіе между ссудами изъ этихъ капиталовъ и меліоративными ссудами. Употребленіе въ предпріятіе меліоративной ссуды контролируется уполномоченными для этого техниками, между тѣмъ какъ такого контроля не существуетъ относительно пользованія ссудами изъ капиталовъ обводительнаго въ Крыму и сельскаго хозяйства южной Россіи. Единственная мѣра, направленная къ условленному при выдачѣ ссуды употребленію капитала, состоитъ въ слѣдующемъ постановленіи относительно ссудъ изъ капитала сельскаго хозяйства южной Россіи: „Если кто, получивъ ссуду, возвратитъ опую исправно, но между тѣмъ не исполнитъ обѣщаннаго при полученіи оной, то таковому вновь ссуда не выдается, исключая тѣ случаи, по коимъ ясно видѣть можно, что не отъ собственной вины того исполнить не могъ: совсѣмъ тѣмъ въ такихъ обстоятельствахъ попечители обязаны предварительно испрашивать разрѣшеніе отъ Министерства государственныхъ имуществъ“. (ст. 521). Очевидно, угроза отказа въ новой ссудѣ

при непроизводительномъ употребленіи прежней не можетъ служить надлежащей гарантіей того, что капиталы, ссуды изъ которыхъ выдаются для строго опредѣленныхъ цѣлей, будутъ дѣйствительно употребляться для этихъ цѣлей. Для такой гарантіи необходимъ непосредственный контроль экспертовъ, производящихъ оцѣнку не только выгодности предпріятія, на которое испрашивается ссуда, но также наблюдающихъ за выполненіемъ ея согласно съ утвержденнымъ планомъ.

Устройство банковъ, выдающихъ ссуды для спеціальныхъ цѣлей и наблюдающихъ за употребленіемъ ихъ въ дѣло, противорѣчитъ господствующимъ экономическимъ началамъ, положеннымъ въ основаніе большей части дѣйствующихъ банковъ и выработанныхъ подъ вліяніемъ ученій, требовавшихъ полнѣйшаго безучастія государства къ хозяйственной жизни населенія. Но въ послѣднее время все болѣе и болѣе убѣждаются, что личный интересъ человѣка далеко не представляетъ собою той организующей благосостояніе общества силы, какая приписывалась ему классиками политической экономіи. Необходимость вмѣшательства государства и общества въ хозяйственную жизнь населенія все болѣе и болѣе становится научнымъ догматомъ и сторонники экономическаго либерализма становятся все большею и большею рѣдкостью. Современная экономическая наука, отдавая надлежащее значеніе личному интересу въ хозяйственныхъ сношеніяхъ между людьми, въ то-же время указываетъ на необходимость экономической дѣятельности, направленной къ регулированію личныхъ интересовъ и къ управленію народнымъ благомъ. Кредитныя учрежденія, выдающія ссуды непосредственно для опредѣленныхъ предпріятій и контролирующія употребленіе занимаемыхъ капиталовъ, представляютъ собою одну изъ лучшихъ формъ такой экономической дѣятельности.

Въ сельско-хозяйственной промышленности эти кредитныя учрежденія начинаютъ получать все большее значеніе послѣ того, какъ учрежденія ипотечнаго кредита не оправдали ожиданій. Сельско-хозяйственный меліоративный кредитъ, возникшій весьма рано, былъ отодвинутъ на второй планъ учрежденіями ипотечнаго кредита, но за тѣмъ въ настоящее время обращаетъ на себя общее вниманіе и практиковъ и теоритиковъ. Такъ въ настоящее время онъ недавно получилъ правильную и достойную подражанія организацію въ той-же Пруссіи, въ которой впервые возникла идея учрежденія ипотечныхъ

товариществъ изъ землевладѣльцевъ и въ которой ипотечный кредитъ въ особенности успѣшно развивается.

Идея учрежденія товариществъ поземельнаго кредита на началахъ взаимной отвѣтственности за долги приписывается берлинскому торговцу Бюрингу, которому землевладѣльцы и обязаны дешевымъ ипотечнымъ кредитомъ. Идеей Бюринга воспользовались прежде всего германскіе сельскіе хозяева. Въ 1770 г. въ Силезіи былъ учрежденъ первый ипотечный банкъ на началахъ круговой поруки землевладѣльцевъ-заемщиковъ. До 1791 г. такого рода учрежденія были организованы въ Бранденбургѣ, въ Помераніи, въ Гамбургѣ, въ Западной Пруссіи, въ Восточной Пруссіи и въ Ганноверскомъ королевствѣ. За тѣмъ не менѣе быстро учрежденія ипотечнаго кредита возникали и въ остальныхъ мѣстахъ Германіи, служа вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ подобныхъ учрежденій и для другихъ странъ. Необходимо сказать, что учрежденію ихъ оказывали значительное содѣйствіе правительства, какъ прямыми пособіями и ссудами, такъ и въ особенности правительственной гарантіей процентовъ по закладнымъ листамъ, выпускаемымъ кредитными товариществами.

Благодаря дѣятельности ихъ, поземельная задолженность быстро росла и спросъ на кредитъ со стороны землевладѣльцевъ находилъ полное удовлетвореніе. Въ 1805 г. всѣми землевладѣльческими товариществами Пруссіи было выдано ссудъ на сумму почти въ 54 м. талеровъ; въ 1867 г. землевладѣльцы уже были должны 186,601,893 талера; въ 1874 г. задолженность простирается до 445,460,212 талеровъ; въ 1878 г. она равняется 1,262,856,242 марки. Ссуды выдавались на вполнѣ льготныхъ условіяхъ, такъ какъ за полученный капиталъ приходилось уплачивать отъ 4 до 5% интереса и отъ $^1/_2$—$^1/_4$% амортизаціи. Очевидно, землевладѣльцы получали необходимые имъ капиталы въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ только возможно было открывать имъ кредитъ, не подвергая риску кредиторовъ. Но не смотря на эту доступность ипотечнаго кредита, въ Пруссіи весьма рано правительство обратило вниманіе на необходимость выдачи пособій спеціально для производства тѣхъ или иныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, признанныхъ въ какомъ-либо отношеніи заслуживающими правительственнаго поощренія. Съ учрежденіемъ министерства сельскаго хозяйства правительство признало необходимымъ открыть особый кредитъ для производства поземельныхъ улучшеній, имѣющихъ общест-

венное значеніе. Къ такимъ работамъ отнесены: орошеніе, осушеніе, регулированіе теченія рѣкъ и устройство плотинъ. Для облегченія работъ изданы 28 февраля 1843 года правила о пользованіи водою для ирригаціи земель, опредѣляющія права береговыхъ владѣльцевъ на частныя проточныя воды. Право пользованія водою для ирригаціонныхъ цѣлей предоставлено не только береговымъ собственникамъ, но и болѣе отдаленнымъ сельскимъ хозяевамъ, которымъ также предоставлено право провода воды по чужимъ землямъ, если этого требуютъ значительные интересы земледѣлія (überwiegenden Landes—kultur—interesse). Право отвода воды для осушенія имѣній было установлено еще раньше, а именно закономъ 11 ноября 1811 г. Въ производствѣ работъ правительство принимаетъ участіе образованіемъ посредническихъ коммиссій (Vermittelungs—kommission) для разсмотрѣнія проектовъ и огражденія интересовъ сторонъ, а также доставленіемъ техническихъ силъ, съ какою цѣлію существуютъ особые инспектора для меліоративныхъ работъ (Landes—Meliorations—Bau—Inspectoren), и выдачей ссудъ.

Для послѣдней цѣли съ 1850 г. въ смѣту министерства сельскаго хозяйства ежегодно вносятся особыя суммы, спеціально предназначенныя для производства поземельныхъ меліорацій. По 1864 годъ такимъ образомъ было отпущено министерству 2,662,734 рубля. Съ 1867 г. отпускаемыя суммы увеличиваются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1867 г.	750.000	марокъ.
1868 „	829.350	„
1869 „	679.350	„
1870 „	859.350	„
1871 „	904.350	„
1872 „	1.309.350	„
1873—74	2.054.850	„
1875 „	3.224.850	„

Выдаваемыя правительствомъ ссуды возвращаются съ процентами и изъ нихъ образуется особый, состоящій въ распоряженіи министерства сельскаго хозяйства капиталъ для производства меліоративныхъ работъ, называемый Rüch-Einnahme-Meliorations-Fond. Изъ этого капитала снова выдаются ссуды для производства такихъ же работъ по улучшенію сельскаго хозяйства. Къ 1875 г. изъ меліоративнаго

капитала было въ наличности 213.266 марокъ и состояло въ ссудахъ 9.058.771 марка. Въ 1875 г. этотъ капиталъ былъ отданъ въ распоряженіе провинціальныхъ сеймовъ и установлена добавочная сумма, состоящая въ ежегодной выдачѣ 750.000 марокъ, распредѣляемыхъ между отдѣльными провинціями по мѣрѣ настоятельности потребностей каждой изъ нихъ въ поземельныхъ улучшеніяхъ.

Ссуды выдавались главнымъ образомъ отдѣльнымъ товариществамъ и общинамъ для производства меліорацій, имѣющихъ общее значеніе въ данной мѣстности. Отдѣльные сельскіе хозяева, не принадлежащіе къ товариществамъ, рѣдко прибѣгали къ правительственной помощи и въ тоже время частный кредитъ былъ для нихъ въ большинствѣ случаевъ закрытъ вслѣдствіе обремененія имѣній ипотечными долгами. Между тѣмъ поднятіе земледѣлія требовало привлеченія капиталовъ и къ отдѣльнымъ хозяйствамъ. Эта потребность и была удовлетворена организаціей, по закону 1879 г., меліоративнаго кредита въ видѣ „поземельныхъ банковъ культуры и ренты“. Эти банки учреждаются земскими органами и ссуды изъ нихъ выдаются для слѣдующихъ цѣлей: 1) для поднятія земледѣлія вообще и въ особенности для работъ по осушенію и орошенію, облѣсенію, корчеванію и устройству новыхъ фольварковъ; 2) для укрѣпленія береговъ рѣкъ; 3) для устройства, разширенія и улучшенія прудовъ; 4) для улучшенія путей сообщенія, въ особенности же водныхъ. Дѣятельность банка можетъ быть ограничена одною или нѣкоторыми изъ этихъ задачъ. Ссуды выдаются или наличными деньгами или облигаціями, по номинальной цѣнѣ послѣднихъ, со взиманіемъ $4^1/_2{}^0/_0$ прибыли и не менѣе $^1/_2{}^0/_0$ погашенія. Ссуды обезпечиваются въ ипотечномъ порядкѣ и не должны превышать цѣнности имѣнія, опредѣленной умноженіемъ на 22 дохода, указаннаго при кадастровой описи. Если ссуда выдается для производства опредѣленной меліораціи, то она считается вполнѣ обезпеченною и въ половинѣ этой цѣнности имѣнія съ присоединеніемъ plus-value отъ меліоративнаго предпріятія, на которое выдается ссуда. Но при этомъ часть ссуды, превышающая указанную половину цѣнности имѣнія, выдается не иначе, какъ только по окончаніи условленныхъ меліоративныхъ работъ вполнѣ согласномъ съ представленными планами ихъ. Въ случаѣ выдачи правительствомъ пособія и гарантіи процентовъ по облигаціямъ надъ дѣятельностью банка учреждается спеціальный надзоръ, поручаемый особому правительственному коммиссару.

Правительственное содѣйствіе развитію сельско-хозяйственнаго кредита существуетъ даже и въ Англіи, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ это содѣйствіе переходило и въ прямое принужденіе. Такъ съ 1832 г. правительство приняло на себя въ Ирландіи производство работъ по осушенію и другимъ земельнымъ меліораціямъ, со взысканіемъ, впрочемъ, стоимости расходовъ съ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ собственниковъ. Въ 1833 г. былъ изданъ законъ, на основаніи котораго земли владѣльцевъ, неисправно платившихъ падавшую на нихъ долю расходовъ въ этихъ предпріятіяхъ, должны были подвергаться описи и продажѣ для удовлетворенія долга казнѣ. Правительство Великобританіи въ особенности содѣйствовало распространенію дренажа. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія парламентомъ была выдана премія шотландскому фермеру Элькингтону за открытіе имъ способа подземнаго осушенія почвъ. Съ изобрѣтеніемъ системы дренажа, полезное дѣйствіе котораго было засвидѣтельствовано въ 1833 г. парламентской коммиссіей, правительство начало выдавать ссуды для производства этой меліораціи. Въ 1840 г. изданъ законъ, въ силу котораго правительство, по желанію сельскихъ хозяевъ, принимаетъ на себя производство деренажа, съ объязательствомъ со стороны землевладѣльцевъ возврата расходовъ съ разсрочкой. Въ 1842 г. всѣ работы по деренажу были подчинены надзору правительственныхъ коммиссаровъ, обязанныхъ принимать заявленія о производствѣ меліораціи, назначать инженеровъ для работъ и рѣшать спорные вопросы, возникающіе по поводу дренажныхъ работъ. Въ 1846 г. парламентъ ассигновалъ 18.750.000 рублей для выдачи ссудъ какъ землевладѣльцамъ, такъ и фермерамъ для устройства дренажа, съ погашеніемъ капитала въ 22 года уплатой $6^1/_2{}^0/_0$ годовыхъ. Съ этого времени по 1850 г. ежегодно назначались такія суммы; общее количество такихъ правительственныхъ ссудъ простирается свыше 54 милліоновъ рублей.

Съ 1850 г. выдача правительственныхъ ссудъ прекращена, но оставленъ въ силѣ законъ 1849 г., по которому частнымъ ссудамъ на меліоративныя предпріятія дано ипотечное старшинство предъ всѣми другими частными долгами, при условіи подчиненія правительственному контролю надъ употребленіемъ въ дѣло занимаемыхъ капиталовъ. Это постановленіе, по видимому, находится въ противорѣчіи съ общепринятыми порядками относительно ипотечныхъ взысканій. Въ дѣйствительности противорѣчія нѣтъ, такъ какъ это старшинство дается

исключительно для дѣйствительныхъ меліорацій, увеличивающихъ доходность имѣній. Посредствомъ такихъ меліорацій создается новый доходъ, до производства ихъ не существовавшій, создается, слѣдовательно, новая поземельная цѣнность. Эта цѣнность при публичной продажѣ не можетъ быть выдѣлена отъ цѣнности земли, существовавшей до производства меліораціи. По этому если ипотечные кредиторы требуютъ продажи имѣнія, то можетъ случиться, что прежняя цѣнность земли въ соединеніи съ вновь созданною будетъ достаточна для уплаты всѣхъ долговъ, за исключеніемъ послѣдняго долга, сдѣланнаго для производства улучшеній въ имѣніи. Очевидно, послѣдній кредиторъ долженъ потерять свой капиталъ, переходящій къ другимъ кредиторамъ, капиталы которыхъ не принимали никакого участія въ созданіи новаго дохода и новой цѣнности имѣнія. Въ этомъ случаѣ ипотечное старшинство перестаетъ быть принципомъ справедливости въ распредѣленіи между кредиторами цѣнности, вырученной отъ продажи имѣнія. Справедливость требуетъ, чтобы послѣдній кредиторъ получилъ сполна свой капиталъ, цѣнность котораго дѣйствительно заключена въ имѣніе. Если такой кредиторъ будетъ удовлетворенъ прежде другихъ, то послѣдніе ничего не потеряютъ. Они получатъ то, что выручили бы и въ томъ случаѣ, если бы такого привилегированнаго кредитора вовсе не было, т. е. если бы не было произведено затраты капитала для улучшенія земли. Предоставленіе ипотечнаго старшинства для капиталовъ по меліоративному кредиту такимъ образомъ, по существу дѣла, нисколько не находится въ противорѣчіи съ началами безповоротности ипотечныхъ укрѣпленій и справедливости въ удовлетвореніи требованій кредиторовъ. Оно должно быть введено вездѣ, гдѣ обращается вниманіе на необходимость содѣйствія къ привлеченію капиталовъ къ сельскому хозяйству. У насъ въ особенности подобное постановленіе было бы полезно. При существующей поземельной задолженности безъ такой привилегіи почти не мыслимъ меліоративный кредитъ. Никакой капиталистъ не рѣшится отдать на производство и самой полезной меліораціи свой капиталъ, если приходится рисковать имъ въ пользу другихъ. Конечно, ипотечная привилегія должна быть выдаваема не иначе, какъ по изъявленіи согласія на производство меліораціи при такомъ условіи особыхъ техниковъ, обязанныхъ наблюдать за тѣмъ, чтобы пользованіе капиталами для меліоративныхъ предпріятій не нарушало интересовъ прежнихъ кредиторовъ. Въ Англіи

такіе правительственные техники слѣдятъ за производствомъ меліорацій, разсматриваютъ и утверждаютъ смѣты ихъ и безъ ихъ согласія не можетъ быть дана привилегія ипотечнаго старшинства по взысканіямъ. Благодаря этому, англійскіе сельскіе хозяева въ широкихъ размѣрахъ пользуются меліоративнымъ кредитомъ, не чувствуя необходимости въ особыхъ учрежденіяхъ ипотечнаго кредита. Такъ съ 1866 по 1878 г. включительно правительственными коммиссарами ежегодно въ среднемъ выводѣ была санкціонируема затрата капиталовъ для меліоративныхъ предпріятій на 275.000 фунтовъ стерлинговъ. Общая затрата на меліораціи въ продолженіи сорока двухъ лѣтъ по 1878 г. равняется 12.432.477 ф. ст., въ томъ числѣ на дренажъ затрачено 7.921.457 ф. ст., на остальныя меліораціи—4.511.020 ф. стерл.

Не можетъ быть сомнѣнія, что подобный кредитъ можетъ быть организованъ относительно всѣхъ не земледѣльческихъ отраслей промышленности, для развитія тѣхъ или иныхъ фабрикъ, заводовъ, кустарной промышленности. Разъ укоренится мысль, что государство не можетъ безразлично относиться къ дѣлу состоянія и развитія народной промышленности, то промышленно-производительный кредитъ будетъ лучшимъ орудіемъ въ рукахъ государства къ правильному содѣйствію развитію всѣхъ неземледѣльческихъ отраслей труда, подобно тому, какъ такимъ орудіемъ относительно сельскаго хозяйства является наприм. меліоративный кредитъ. Промышленно-производительный банкъ долженъ открывать кредитъ для развитія тѣхъ промысловъ, которые признаются особо важными и требующими покровительства. По основательному замѣчанію Д. Менделѣева, „если роды промышленности, для покровительства назначаемые, будутъ избраны съ надлежащею осмотрительностью, то тогда дѣло банковое не представитъ никакого затрудненія, потому что, при правильномъ выборѣ предпріятій, заводское дѣло характеризуется большими выгодами и быстротою роста, а вслѣдствіе того и быстротою погашенія занятыхъ капиталовъ. Если это дѣло возьметъ въ свои руки въ Россіи правительство, то въ десятокъ лѣтъ—не узнать будетъ многія края Россіи. Россія шла во многомъ по своему, а если станетъ оставлять одной частной иниціативѣ дѣло развитія промышленности—поступитъ по чужому, не такъ, какъ все развивалось у насъ.“ (Объ условіяхъ развитія зав. дѣла, стр. 48).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Организація распредѣленія.

Отдѣлъ политической экономіи, занимающійся изученіемъ естественныхъ законовъ организаціи распредѣленія въ обществѣ результатовъ его хозяйственной дѣятельности, служитъ мишенью постоянныхъ нападокъ со стороны писателей, отрицающихъ существованіе естественной законоподчиненности въ сферѣ общественныхъ явленій. Составители проектовъ искусственной организаціи распредѣленія, не смотря на постоянную разноголосицу въ планахъ будущаго устройства распредѣленія, сходятся между собою въ одномъ положеніи, а именно въ томъ, что дѣйствительность представляетъ собою полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было законовъ въ дѣлѣ организаціи распредѣленія продуктовъ. Въ обыденной жизни, говорятъ намъ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ полнѣйшій произволъ, по которому одни господствуютъ надъ другими, произвольно захвативъ въ свои руки то, что должно бы быть общимъ достояніемъ. Для удержанія въ своихъ рукахъ захвата, счастливое меньшинство узаконило воровство, назвавъ его собственностью, на основаніи которой отдѣльное лицо присваиваетъ себѣ то, что принадлежитъ роду, и тѣмъ самымъ лишаетъ другихъ лицъ законнаго права сопользованія. Организація распредѣленія основана на грубомъ произволѣ, заключающемся „въ монополіи небольшаго числа избранныхъ владѣльцевъ на матеріальное благосостояніе, составляющее главное условіе счастія въ обществѣ; вслѣдствіе этой монополіи и образуется великая масса людей невладѣющихъ, не могущихъ даже заработать для себя средствъ къ удовлетворенію самыхъ необходимыхъ потребностей жизни и наконецъ гибнущихъ въ борьбѣ за свое физическое существованіе. Такимъ образомъ монополія собственности вѣчно препятствуетъ массѣ общества достигнуть цѣлей

своего земнаго бытія“ (1). Монополія эта—вполнѣ искусственная, она должа быть уничтожена и замѣнена.... не знаемъ чѣмъ именно, такъ какъ каждый организаторъ предлагаетъ проектъ собственной утопіи, расходящійся со всѣми остальными проектами.

Необходимо сказать, что нѣкоторые экономисты также не признаютъ естественной законоподчиненности въ дѣлѣ организаціи распредѣленія. Такъ, Милль, приступая къ изученію собственности, предваряетъ, что принципы распредѣленія сильно отличаются отъ принциповъ производства въ томъ отношеніи, что не имѣютъ такой естественной законоподчиненности, какою характеризуются послѣдніе. „Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все, производимое человѣкомъ, должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія и, при данномъ размѣрѣ сбереженія, будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе—чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними, какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. Такимъ образомъ распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди“ (2).

Краеугольный принципъ организаціи распредѣленія состоитъ въ признаніи за каждымъ права на результаты его хозяйственной дѣятельности, то есть—въ признаніи собственности. Для того, чтобы были правы писатели, отрицающіе естественную законоподчиненность въ дѣлѣ распредѣленія продуктовъ, необходимо признать собственность искусственнымъ установленіемъ, результатомъ свободной воли людей, которые,

по своему усмотрѣнію, могутъ или удерживать ее, или на всегда уничтожить. И такъ, дѣйствительно ли собственность—искусственный принципъ организаціи распредѣленія?

Съ понятіемъ о собственности необходимо соединяется идея цѣнности. Все, что не имѣетъ цѣнности, не можетъ быть и предметомъ собственности; воздухъ, наприм., не имѣетъ цѣнности, вслѣдствіе чего не можетъ быть предметомъ собственности. Если бы не было цѣнности, то люди и понятія не имѣли бы о собственности; если бы люди могли удовлетворять свои потребности, подобно сказочнымъ героямъ, однимъ мановеніемъ воли, если бы все ими желаемое по первому слову являлось къ ихъ услугамъ, то не было бы и собственности. Собственность такимъ образомъ неразрывно связана съ существованіемъ цѣнности произведеній человѣческой дѣятельности. Она представляетъ собою общественную форму цѣнности, правовую сторону закона сохраненія силъ въ каждомъ изъ хозяйствъ, вступающихъ между собою въ обмѣнъ, правовую сторону того закона, по которому каждый производитель долженъ выручать въ цѣнѣ хозяйственныя затраты въ произведеніяхъ, и по которому паразитизмъ—патологическое явленіе въ отношеніяхъ между людьми. Безъ существованія такой общественной формы законъ цѣнности не можетъ надлежащимъ образомъ осуществляться, такъ какъ при отсутствіи собственности паразитизмъ становится нормальнымъ явленіемъ и, слѣдовательно, при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ мѣста для закона сохраненія силъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Цѣнность неизбѣжно требуетъ собственности, какъ своей общественной формы. И такъ какъ уничтоженіе цѣнности возможно только въ сказкахъ, такъ какъ мы принуждены бороться съ препятствіями въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей, принуждены экономически пользоваться факторами производства, причемъ цѣнность является основнымъ условіемъ разумности въ этомъ пользованіи, то очевидно, собственность—не только необходимый принципъ, безъ котораго можно обходиться только въ сказкахъ и утопіяхъ, какъ сказкахъ для взрослыхъ дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ, благодаря которому мы имѣемъ возможность наилучшимъ образомъ утилизировать производительныя силы. Для разумнаго распоряженія производительными силами человѣкъ долженъ имѣть личные мотивы, долженъ, поэтому, имѣть право на продуктъ своего труда, или его эквивалентъ, иначе онъ будетъ производить не какъ свободный человѣкъ, но какъ рабъ. Собственность въ этомъ отноше-

ніи есть символъ личной индивидуальности и свободы человѣка; уничтоженіе ея возможно не иначе, какъ съ уничтоженіемъ свободы, съ обращеніемъ человѣка въ раба, въ орудіе производства, работающее не по личнымъ мотивамъ, но по принужденію. Коммунистическія доктрины, направленныя противъ собственности, враждебны человѣческой индивидуальности и свободѣ.

И такъ, собственность представляетъ собою вполнѣ естественное установленіе, представляетъ собою принципъ также неизбѣжный въ экономическомъ отношеніи, какъ неизбѣжна цѣнность, какъ неизбѣжны естественные законы физическаго міра. Нельзя сказать, что существованіе или несуществованіе ея зависитъ отъ произвола людей, отъ ихъ обычаевъ, законовъ писанныхъ, воззрѣній и т. д. Изъ этого же очевидно, что въ дѣлѣ организаціи распредѣленія человѣкъ можетъ лишь изучать законы этой организаціи, но не выдумывать ихъ.

Изучая естественные законы организаціи распредѣленія, намъ необходимо изучить разныя формы собственности, ея размѣры и содержаніе, или составныя части, а также спеціальныя условія ея передвиженія, т. е. торговлю и пути сообщеній.

(1) Б. Гильдебрандтъ. Историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ, стр. 68. (2) Основ. пол. экон. томъ I, стр. 250.

I. Формы собственности.

Собственность можетъ быть личною, общею и общественною. Къ этимъ тремъ категоріямъ могутъ быть подведены всѣ разнообразныя формы, посредствомъ которыхъ проявляется въ жизни принципъ принадлежности человѣку разнообразныхъ имуществъ.

а) Личная собственность состоитъ въ исключительной принадлежности имущества отдѣльнымъ членамъ общества. Она можетъ быть или свободною, или заповѣдною.

Свободная личная собственность слагается изъ трехъ элементовъ, изъ правъ владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ, безъ всякаго посторонняго участія. Владѣніе на низшихъ ступеняхъ гражданственности является непосредственнымъ отношеніемъ человѣка къ вещи, его волей, осуществившейся на предметѣ внѣшняго міра, является какъ бы „наложеніемъ на пред-

метъ личности человѣка," что римскіе юристы обозначали словомъ possesio. Въ этомъ примитивномъ своемъ видѣ владѣніе служитъ матеріальнымъ основаніемъ собственности; кто завладѣлъ вещью, никому не принадлежащею, и кто продолжаетъ владѣть ею, держать при себѣ, тотъ и имѣетъ на нее право собственности. Съ развитіемъ же гражданственности владѣніе, какъ элементъ права собственности, совершенно измѣняетъ свой характеръ, становясь изъ матеріальнаго духовнымъ элементомъ. „Если мнѣ принадлежитъ право собственности на имущество, я, хотя бы не держалъ имущества при себѣ, хотя бы находился въ дальнемъ отъ него разстояніи, могу держать его за собой только силою своей воли. Другой за меня пользуется имъ и распоряжается, а владѣю я, хотя бы никогда не видалъ имущества, хотя бы не бывалъ на своей землѣ. Тотъ, кто управляетъ, пользуется и проч., можетъ все это дѣлать въ свою пользу, но покуда не началъ онъ владѣть на свое имя, какъ собственникъ, владѣніе принадлежитъ мнѣ" (1). Элементъ пользованія состоитъ какъ въ хозяйственной дѣятельности, направленной къ извлеченію доходовъ отъ имущества, такъ и въ непосредственномъ употребленіи его для удовлетворенія потребностей. Элементъ распоряженія—это во 1-хъ, отказъ отъ владѣнія и пользованія, какъ право отчужденія собственности, наприм. посредствомъ продажи, даренія и т. п.; во 2-хъ, право производить въ составѣ имущества всевозможныя измѣненія, согласно усмотрѣнію собственника.

Этой личной свободной собственности противополагается личная же, но не свободная собственность, называемая заповѣдною. Сущность ея состоитъ къ томъ, что частное лицо имѣетъ право владѣнія и пользованія своимъ имуществомъ, не имѣя права свободно распоряжаться имъ. Въ силу заповѣднаго права собственности, „недвижимое имущество служитъ не столько лично своему владѣльцу, сколько имени и чести рода. Доходы съ него принадлежатъ въ опредѣленномъ порядкѣ старшему сыну, либо старшему въ родѣ (маіоратъ, сеніоратъ), либо младшему (миноратъ), владѣлецъ не въ правѣ отчуждать имѣніе; слѣдующій за нимъ наслѣдникъ можетъ въ интересѣ цѣлости имѣнія возражать противъ дѣйствій владѣльца и отыскивать имѣнія изъ рукъ всякаго посторонняго лица; владѣлецъ не въ правѣ личными своими дѣйствіями обременять имѣніе" (2). При отсутствіи права свободнаго распоряженія имуществомъ, какъ права отчужденія его, уменьшенія размѣровъ и т. п., заповѣдная собственность, какъ помѣстная, такъ

и крестьянская, представляетъ собою цѣльное имущество, переходящее по наслѣдству въ нераздѣльномъ составѣ къ одному изъ членовъ семьи. Крестьянское землевладѣніе съ такимъ заповѣднымъ характеромъ существуетъ въ Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ, въ Шлезвигѣ и Голштейнѣ. Оно существуетъ частью и въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ, въ которыхъ такъ называемый „гакъ“ представляетъ собою цѣльное замкнутое владѣніе (geschlossene Höfe), не раздѣльно переходящее къ одному изъ членовъ семьи. При такомъ заповѣдномъ владѣніи нѣтъ никакихъ семейныхъ и наслѣдственныхъ передѣловъ земли, характеризующихъ собою свободное личное землевладѣніе.

б) Общая собственность состоитъ въ такой принадлежности имущества одновременно нѣсколькимъ лицамъ, по которой права между участниками строго и точно не разграничены. Главная сфера ея—семейная. Опредѣленныя лица, связанныя родственными и нравственными симпатіями, сообща владѣютъ, пользуются и распоряжаются извѣстнымъ имуществомъ, видя въ немъ принадлежность ихъ всѣхъ и каждаго, не раздѣляя его на „мое и твое“. Такое отсутствіе разграниченія между „моимъ и твоимъ“ главнымъ образомъ и возможно въ средѣ семейной, какъ такой, въ которой отдѣльныя лица могутъ дѣйствовать единодушно, ни кого не насилуя. Но, будучи главною, семейство не единственная сфера, въ которой проявляется общая собственность. Общая принадлежность имущества имѣетъ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда пользованіе даннымъ имуществомъ можетъ быть подведено къ опредѣленнымъ механическимъ пріемамъ, исполненіе которыхъ удобно контролируется. Таковы наприм. общіе выгоны для пастьбы скота, принадлежащіе всему селенію или нѣкоторымъ хозяевамъ-собственникамъ, согласившимся на извѣстное время пасти свой скотъ сообща на опредѣленномъ пространствѣ. Сюда принадлежатъ также многіе виды такъ называемаго сервитутнаго пользованія, по которому одно недвижимое имущество опредѣленнымъ образомъ обременяется въ пользу другаго. Таковы наприм. сервитуты пастьбы скота на лѣсномъ пространствѣ, входящемъ въ составъ чужаго имѣнія; такое же значеніе имѣетъ сервитутъ собиранія въ лѣсу подстилки, хвороста, строеваго матеріала и т. д. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода правъ въ чужихъ вещахъ существуетъ въ извѣстной степени общность владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, обремененнымъ сервитутнымъ пользованіемъ, то есть существуетъ въ нѣкоторой степени

общая собственность Наконецъ, общая собственность существуетъ во многихъ случаяхъ при общинномъ трудѣ, когда члены артели пользуются факторами производства, на ихъ общія средства пріобрѣтенными, распредѣляя между собою результаты артельныхъ предпріятій.

в) Общественная собственность состоитъ въ принадлежности имущества юридическимъ лицамъ. Такова собственность церквей, богоугодныхъ заведеній, больницъ, учебныхъ учрежденій, общинъ, городовъ, земствъ и самаго государства. Между этими различными видами общественной принадлежности имуществъ особеннымъ своеобразіемъ отличается собственность общинъ, называемая общинною или мірскою собственностью, относящеюся къ землевладѣнію. Общинное землевладѣніе представляетъ собою такой своеобразный видъ ограниченной собственности, въ которой права распоряженія поземельнымъ имуществомъ вовсе не существуетъ, владѣніе имъ принадлежитъ цѣлому селенію, общинѣ или міру, а отдѣльнымъ лицамъ предоставляется лишь право пользованія, но не постояннаго и потомственнаго, а временнаго пользованія. Основной принципъ этой собственности состоитъ въ положеніи, что каждый членъ общины имѣетъ одинаковое право на землю со всѣми остальными членами и что безземельныхъ въ общинѣ не должно быть. При распредѣленіи земель община стремится къ возможно полному соблюденію равномѣрности, заботится о томъ, что бы никто не былъ обиженъ въ надѣлѣ въ пользу другаго члена.

Вопросъ объ относительномъ значеніи указанныхъ формъ собственности до настоящаго времени раздѣляетъ экономистовъ на противоположныя и враждебныя школы. Одни, исходя изъ принципа личнаго интереса, провозглашаютъ личную собственность краеугольнымъ камнемъ общественнаго благосостоянія; утверждаютъ, что внѣ этой собственности успѣшная производительность не мыслима, такъ какъ энергія труда ослабѣваетъ въ той степени, въ какой уменьшается личная принадлежность человѣку результатовъ его труда. Другіе увѣрены, что только собственность общая въ опредѣленныхъ серіяхъ имѣетъ разумное экономическое значеніе, такъ какъ она приводитъ къ кооперативному труду, этому философскому камню, превращающему нищету въ изобиліе, песокъ въ золото. Личная собственность, говорятъ намъ, приводитъ къ пролетаріату, сосредоточенію земли въ рукахъ немногихъ счастливцевъ и обезземеленію массъ населенія. Сторонники личной собственности возражаютъ, что установленіе общей собственности въ ко-

операціяхъ равносильно уничтоженію всякой собственности и превращенію свободнаго производителя въ исполнителя, находящагося въ полной зависимости отъ управителей кооперативной общины. Въ свою очередь и общественная собственность не осталась безъ порицаній. Главнымъ образомъ ее упрекаютъ въ слабой производительности, какъ необходимомъ послѣдствіи того, что она утилизируется наемными и руководителями и исполнителями, то есть людьми не такъ заинтересованными въ успѣшности дѣла, какъ можетъ быть заинтересованъ собственникъ. Въ особенности порицается въ этомъ смыслѣ общинная поземельная собственность, какъ одинъ изъ видовъ собственности общественной.

При общинномъ владѣніи, говорятъ намъ, невозможны прочныя поземельныя улучшенія. Передѣлы земли, не только отнимаютъ охоту къ производству этихъ улучшеній, но и раззоряютъ всякого, кто бы рѣшился затратить капиталъ свой въ землю, такъ какъ улучшенная земля при новомъ передѣлѣ можетъ быть отдана кому либо другому и такимъ образомъ произведенныя затраты не возвратятся. Даже удобреніе земли съ трудомъ и большимъ рискомъ можетъ производиться при общинномъ владѣніи. „Земля, подвергавшаяся частымъ передѣламъ, съ самаго освобожденія крестьянъ не видала удобренія. Крестьяне не охотно удобряютъ свои участки; у государственныхъ крестьянъ, гдѣ бываютъ передѣлы обыкновенно черезъ 10 лѣтъ, вывозка навоза останавливается года на три до передѣла. Во всѣхъ приволжскихъ селеніяхъ удобряется только земля ближайшая, которая, какъ болѣе ровная по производительности, и не передѣляется, а остальная земля не удобряется. На увѣщанія удобрять свои земли крестьяне отвѣчаютъ, что они не могутъ дѣлать затратъ зимою на кусокъ земли, который завтра промышленное большинство ихъ селенія можетъ отнять и непремѣнно отниметъ, если этотъ кусокъ сдѣлается особенно производителенъ“ ([3]).

Передѣлы приводятъ также къ черезполосности, ведущей къ возникновенію такъ называемой принудительной обработки земли, что отнимаетъ у сельскаго хозяина возможность свободно эксплоатировать свою землю. „При общинномъ владѣніи землей, говоритъ Фонъ-Бушенъ, дробность и черезполосность—фактъ постоянный и въ то-же время постоянно усиливающійся, такъ какъ община имѣетъ на своей обязанности надѣлять не только всѣхъ своихъ старыхъ членовъ, но и новыхъ; при увеличеніи населенія, при новой ревизіи, а иногда просто

въ извѣстные сроки міръ приступаетъ къ передѣлу. При каждомъ новомъ передѣлѣ доля каждаго дѣлается меньше или, если къ пашнѣ присоединятся новыя мѣста, отъ каждой доли отрѣзывается часть лучшихъ земель и замѣняется худшими, нерасчищенными землями“ (4). По его мнѣнію, можно положительно утверждать, что у насъ нѣтъ ни одной общины, въ которой участки каждаго общинника слагались бы менѣе, чѣмъ изъ 4 или 8 полосъ, и часто цифра эта доходитъ до 30 и даже 40 полосъ. Каждая община должна соблюдать справедливость въ распредѣленіи полей, чтобы никто не былъ обиженъ надѣломъ въ пользу другаго. При разнообразіи хозяйственнаго значѣнія различныхъ поземельныхъ участковъ, проистекающаго отъ качественнаго разнообразія ихъ производительности и большей или меньшей отдаленности отъ селенія, возникаетъ необходимость въ раздробленіи земли на мелкія части, въ большинствѣ случаевъ состоящія изъ длинныхъ и узкихъ полосъ, послѣ чего каждый общинникъ получаетъ причитающійся ему надѣлъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ чѣмъ справедливѣе раздѣлъ земель, тѣмъ больше черезполосность. Фонъ-Бушенъ описываетъ типическій образецъ такого справедливаго передѣла. Для достиженія справедливости въ распредѣленіи, говоритъ онъ, земли общины, за исключеніемъ земель усадебныхъ, огородовъ, общаго выгона и частью лѣсныхъ пустошей, прежде всего дѣлятся на три пояса соотвѣтственно степени отдаленности угодій отъ селенія; ближайшій къ жилью поясъ обыкновенно называется одворочнымъ, въ нѣкоторомъ отдаленія отъ него слѣдуетъ поясъ задворочный, и, наконецъ, идутъ надѣльныя пустошныя поля, весьма часто лежащія за 15—20 верстъ отъ деревни. При трехпольномъ хозяйствѣ общинная земля раздѣляется за тѣмъ на три поля, и въ каждомъ полѣ образуются подраздѣленія, смотря по качествамъ почвы. Такъ образуется отъ 3 до 20 и болѣе подраздѣленій; причемъ каждое изъ нихъ, въ свою очередь, дѣлится на доли—узкіе столбцы, полосы или шнуры, и за тѣмъ каждый крестьянинъ получаетъ по жеребью въ каждомъ полѣ, въ каждой категоріи подраздѣленій, по одной или по двѣ длинныхъ и узкихъ полосъ. Эта черезполосность и приводитъ къ тому, что каждый отдѣльный сельскій хозяинъ долженъ вести свое хозяйство такъ, какъ ведутъ другіе. „Передѣлы полей заставляютъ каждаго крестьянина вести свое хозяйство точно такъ, какъ ведетъ большинство, и въ отношеніи рода воздѣлываемыхъ растеній,

и относительно времени производства работы. Ни одна работа не можетъ быть выполнена такъ, какъ бы желательно было отдѣльному хозяину; троить паръ, когда всѣ только двоятъ, ему не позволятъ, потому что паръ служитъ выгономъ для скота; посѣять озимую рожь раньше другихъ онъ по тойже причинѣ не можетъ; косить сѣнокосъ онъ долженъ тоже въ одно время съ другими, ибо косить нельзя до раздѣла покосовъ, а косить послѣ другихъ невозможно, потому что тогда перегонятъ изъ пароваго поля скотъ (5). Вотъ почему Рошеръ утверждаетъ, что съ появленіемъ черезполосности сельское хозяйство страны начинаетъ коснѣть въ данной стадіи своего развитія, что дальнѣйшій ростъ не мыслимъ, такъ какъ всякая индивидуальная иниціатива въ этомъ случаѣ является скованною. Отдѣльный хозяинъ не можетъ обрабатывать пароваго поля, когда смежные владѣльцы выгоняютъ свой скотъ на свои паровыя поля; переходъ отъ трехпольной системы хозяйства къ инымъ системамъ для него не мыслимъ „Всякія улучшенія обыкновенно начинаются тѣмъ, что вводятся какимъ либо однимъ передовымъ человѣкомъ, по стопамъ котораго слѣдуетъ толпа обыкновенныхъ людей. Но при господствѣ черезполосности эта толпа не только сама идетъ регрессивно, но сверхъ того задерживаетъ всякое стремленіе передовыхъ людей къ развитію.“ Значительныя затраты капиталовъ, наприм. для ирригаціи и тому подобныхъ улучшеній при черезполосности возможны только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда всѣ смежные владѣльцы сознаютъ необходимость такихъ затратъ и единодушно согласятся на общее дѣло. При черезполосности затрудни-тельно уничтоженіе сорной растительности, вредныхъ для хозяйства насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, наприм. мышей. Въ этомъ отношеніи достаточно, чтобы одинъ хозяинъ запустилъ свое поле—и будутъ страдать всѣ остальные, ибо всѣ усилія послѣднихъ будутъ парализуемы бездѣйствіемъ перваго. Наконецъ, благодаря черезполосью, происходитъ непроизводительная растрата земли на дороги, необходимыя для подъѣзда къ полямъ, на межи, необходимыя для отличія одного участка отъ другаго, а также происходитъ растрата времени, вслѣдствіе необходимости переходовъ и переѣздовъ отъ однихъ полей къ другимъ (6).

Сторонники общинной собственности, признавая существованіе нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ ея, утверждаютъ, что большая часть ихъ сопровождаетъ и личную собственность, между тѣмъ какъ послѣд-

няя не имѣетъ многихъ свѣтлыхъ сторонъ первой. Эти свѣтлыя стороны заключаются въ слѣдующемъ: 1) „При общинной собственности домохозяинъ не можетъ отчуждать свою часть въ общинной землѣ, слѣдовательно имѣетъ гораздо менѣе поводовъ и соблазна оставаться безземельнымъ и безпріютнымъ батракомъ и пролетаріемъ. Общинное землевладѣніе, въ этомъ смыслѣ, есть, для массы сельскаго населенія, страховое учрежденіе отъ безземелья и бездомности, особенный видъ примѣненія къ ней законовъ противъ мотовства, безпутства и расточительности, приспособленный къ условіямъ быта низшаго сельскаго населенія". 2) „Общинная собственность представляетъ твердый оплотъ противъ разнузданной, не знающей границъ экономической борьбы частныхъ интересовъ, спекуляціи и наживы, въ примѣненіи къ сельской народной массѣ. Безъ ограниченія, какое представляетъ въ этомъ отношеніи общинное владѣніе, экономическая борьба, въ силу своей природы, своихъ основныхъ свойствъ, своего разъѣдающаго и завоевательнаго характера, сломила бы мелкую поземельную собственность, обезземелила бы ея владѣльцевъ, и сосредоточила бы ее въ рукахъ болѣе крупныхъ капиталистовъ и собственниковъ, въ ущербъ интересамъ низшаго сельскаго населенія". 3) „Общинное владѣніе обезпечиваетъ за низшимъ сельскимъ населеніемъ прочную осѣдлость, пріютъ и кусокъ хлѣба въ старости и дряхлости, даетъ возможность вырости и окрѣпнуть подрастающимъ сельскимъ поколѣніямъ, не подвергаясь всѣмъ невыгодамъ, случайностямъ и опасностямъ бродячей жизни между чужими людьми, по распутьямъ и городамъ". 4) „Общинное владѣніе создаетъ для промышленной и предпріимчивой части низшаго сельскаго населенія твердую точку опоры, возможность выступить на промышленное поприще, а вмѣстѣ представляетъ и центръ тяжести, къ которому огромное большинство безпрестанно тяготѣетъ и возвращается. Обезпечивая семьямъ промышленныхъ людей неотчуждаемый очагъ, общинное владѣніе развязываетъ имъ самимъ руки, даетъ имъ размахъ и полетъ, невозможный и немыслимый для людей, которыхъ семьи не имѣютъ обезпеченнаго и независимаго крова и пропитанія. Вотъ благодѣянія, вносимыя общиннымъ землевладѣніемъ въ жизнь крестьянскихъ сельскихъ массъ. Они такъ существенны и важны, послѣдствія, вытекающія изъ общиннаго владѣнія для цѣлаго строя народной жизни, такъ многозначительны и плодотворны, что нельзя разсматривать этотъ видъ поземельныхъ отношеній какъ предметъ только частнаго

интереса; наравнѣ съ желѣзными дорогами, кредитными учрежденіями, отправленіемъ правосудія, способами корреспонденціи, укрѣпленіемъ имуществъ, общинное землевладѣніе есть предметъ публичнаго или общественнаго права, и касаясь одною своею стороною частныхъ пользъ и выгодъ, оно другою тѣсно связано съ вопросами общаго интереса и общаго благосостоянія“ (7).

Ограничиваемся этимъ краткимъ изложеніемъ пререканій между сторонниками различныхъ формъ собственности. Уже изъ этого краткаго указанія достаточно ясно, что всѣ споры объ относительномъ значеніи различныхъ формъ собственности въ существѣ дѣла основаны на существованіи разныхъ сторонъ въ изучаемомъ предметѣ, вслѣдствіе чего перестаютъ быть спорами и пререканіями, становясь матеріаломъ для уясненія всѣхъ сторонъ вопроса.

Каждая форма собственности имѣетъ свои свѣтлыя стороны, которыя подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ могутъ вовсе исчезать, могутъ нейтрализоваться этими неблагопріятными обстоятельствами. Такое положеніе дѣлъ возникаетъ всякій разъ, когда какая либо одна изъ указанныхъ естественныхъ формъ собственности развивается на счетъ другихъ, подавляя и уничтожая ихъ. Такъ, личная собственность, какъ свободная, такъ и заповѣдная, представляетъ собою необходимое условіе экономическаго прогресса, который не мыслимъ безъ личной иниціативы въ дѣятельности, безъ свободы пользованія, во всей возможной полнотѣ своей проявляющейся въ сферѣ личной собственности. Но одностороннее развитіе этой же формы собственности, служащей залогомъ прогресса, легко приводитъ въ общественномъ отношеніи къ печальнымъ послѣдствіямъ. Легко можетъ случиться, что въ данной странѣ поземельная собственность сосредоточится въ рукахъ небольшаго количества людей, появляются такъ называемыя латифундіи, массы населенія будутъ лишены поземельной собственности, возникнетъ то бездомное и безпомощное состояніе въ обществѣ, которое называется пролетаріатомъ. Между тѣмъ обездоленныя массы, лишенныя прочной осѣдлости и хозяйственной обезпеченности, представляютъ собою удобную почву для дѣятельности разныхъ агитаторовъ, не находящихъ сторонниковъ въ средѣ, гдѣ поземельная собственность распростанена въ массѣ населенія. Необезпеченный классъ населенія, легко поддающійся агитаціи, недовольный существующимъ строемъ жизни и склонный къ возмущеніямъ, въ свою оче-

редь производитъ то, что и обезпеченный классъ мало по малу теряетъ хозяйственную обезпеченность, такъ какъ послѣдней не можетъ быть тамъ, гдѣ почва не твердая, гдѣ всякій часъ приходится быть на сторожѣ противъ цѣлыхъ массъ. Очевидно, что и экономическое развитіе при такомъ положеніи дѣлъ пріостанавливается. Такъ принципъ, представляющій собою необходимое условіе экономическаго развитія, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ становится тормазомъ въ дѣлѣ этого развитія. Въ особенности можетъ быть, по выраженію Гнейста, неизсякаемымъ источникомъ пролетаріата личная заповѣдная собственность. Такъ какъ при всякомъ заповѣдномъ владѣніи землей нѣтъ ни семейныхъ, ни наслѣдственныхъ раздѣловъ, то оно допускаетъ полное уничтоженіе черезполосности, что производитъ доступность усовершенствованій и улучшеній каждому собственнику. Вотъ почему въ техническомъ отношеніи эта собственность особенно выгодна для общества, но за то въ соціальномъ отношеніи одностороннее развитіе ея производитъ мрачныя послѣдствія. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что паралельно съ техническимъ развитіемъ сельскаго хозяйства, возникавшимъ вмѣстѣ съ введеніемъ постоянства въ землевладѣніи посредствомъ распространенія заповѣдной собственности, уменьшалось количество владѣльцевъ земли, появлялось батрачество, возникалъ пролетаріатъ. Заповѣдная поземельная собственность, говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей, имѣетъ на своей сторонѣ всѣ выгоды въ агрономическомъ отношеніи и всѣ невыгоды въ отношеніи соціальномъ. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ она давно введена, въ настоящее время оказывается два результата: земледѣліе процвѣтаетъ, помѣстное сословіе богатѣетъ, а крестьянское владѣніе землей окончательно исчезло. Въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ система заповѣднаго землевладѣнія менѣе распространена, какъ наприм. въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, результаты мы видимъ не такіе полные: „не всѣ, но только часть крестьянъ обезземелена, другая же сохраняетъ еще свои имущества и, пользуясь всѣми правами полной родовой собственности, обогащается и процвѣтаетъ“ (8).

Подобно личной, общая собственность имѣетъ свои свѣтлыя стороны, которыя также при неблагопріятныхъ условіяхъ могутъ превратиться въ темныя. Общая собственность—это нравственно-экономическій принципъ соединенія силъ въ цѣляхъ лучшаго достиженія опредѣленныхъ цѣлей, это принципъ мира и нравственнаго единодушія

между людьми. Но этотъ принципъ мира и нравственнаго единодушія легко превращается въ начало враждебное человѣческой личности, ея свободѣ и духовному развитію, когда выходитъ изъ своей естественной сферы, указанной выше. Такъ общая собственность превращается въ коммунизмъ, въ систему, отрицающую всякую собственность и превращающую свободнаго производителя въ раба, не имѣющаго никакихъ правъ на результаты своего труда и легко превращающагося въ паразита, въ потребителя продуктовъ, созданныхъ другими. Тотъ принципъ, главной сферой господства котораго является семья и который лишь въ исключительныхъ условіяхъ примѣняется внѣ семейныхъ связей, не можетъ быть общеобязательнымъ во всѣхъ сферахъ отношеній между людьми. Коммунизмъ, какъ распространеніе общей собственности на чуждую ей сферу, представляетъ собою такое же нормальное явленіе, каковымъ было бы наприм. употребленіе мѣръ длины тамъ, гдѣ употребляется только мѣра вѣса. Пудъ никогда не можетъ замѣнить собою аршина, какъ и на оборотъ. Точно также общая собственность никогда не можетъ замѣнить собою личной, та и другая имѣютъ свое самобытное значеніе и поглощеніе одной изъ нихъ другою — не нормальное явленіе.

Такимъ же образомъ, наконецъ, и общественная собственность, имѣя свое спеціальное назначеніе и важное значеніе въ народной экономіи, выходя изъ свойственной ей сферы, подавляя наприм. личную собственность, можетъ приводить къ печальнымъ послѣдствіямъ. Подавленіе это наприм. общинною собственностью, о чемъ мечтаютъ крайніе сторонники общиннаго землевладѣнія, было бы равносильно наложенію рукъ на экономическое развитіе страны. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе просвѣщенныхъ сторонниковъ общинной собственности не могъ не замѣтить этого. „Личная собственность, основательно говоритъ онъ, какъ цѣль и въ тоже время мотивъ предпріимчивости, дѣятельности, изобрѣтательности, трудолюбія, выдержки, есть сильнѣйшій рычагъ всякаго успѣха, всякаго развитія въ обществѣ. Это—закваска, которая непрерывно толкаетъ впередъ, не даетъ погрузиться въ лѣнь и дремоту. Она двигаетъ промышленность во всѣхъ ея видахъ, она поднимаетъ экономическій бытъ и экономическій строй народа.“ Очевидно, что уничтоженіе этого „сильнѣйшаго рычага всякаго развитія въ обществѣ“ посредствомъ повсемѣстнаго введенія общинной собственности не можетъ не имѣть погубнаго вліянія на экономическій

бытъ. Но также вѣрно и обратное заключеніе. Уничтоженіе общинной собственности, посредствомъ общаго введенія личнаго поземельнаго владѣнія, также сопровождалось бы тяжелыми послѣдствіями. Упомянутый нами писатель, указавъ на свѣтлыя стороны личной поземельной собственности, справедливо утверждаетъ, что утилизація ея хорошихъ сторонъ не возможна, когда въ обществѣ существуетъ только эта форма собственности, такъ какъ при этомъ выгоды развитія техники болѣе чѣмъ нейтрализуются потерями общественными. „Когда вся земля обращается въ личную собственность, то изъ этого происходитъ вотъ какое существенное зло: личная собственность, по своей природѣ, завоевательна; она стремится расшириться, захватить какъ можно больше; отъ этого она, рано или поздно, производитъ между поземельными собственниками экономическую борьбу, которая, не будучи сдерживаема ничѣмъ и предоставленная самой себѣ, оканчивается побѣдою сильнѣйшихъ надъ слабѣйшими, поглощеніемъ мелкой собственности крупною. Вслѣдствіе того, поземельная собственность, мало-по-малу, неудержимо сосредоточивается въ немногихъ рукахъ; бѣдная, слабая, малоспособная, не предпріимчивая или, по случайнымъ обстоятельствамъ, захудалая часть населенія остается безъ земли, выбрасывается съ дѣтьми на улицу, на произволъ судьбы, безъ крова и отдается на милость тѣхъ, кто согласится ее кормить за работу. Условія заработка не могутъ не быть крайне тяжки, при неравномъ положеніи дающаго работу и предлагающихъ свой трудъ. Условія эти становятся еще тяжелѣе при конкурренціи между собою собственниковъ, изъ которыхъ каждый стремится выиграть и нажить больше другаго и ставитъ беззащитному предъ нимъ труду все болѣе и болѣе невыгодныя условія“. По справедливому мнѣнію автора, общинное землевладѣніе представляетъ собою лучшее средство противъ такихъ крайностей личной собственности. Оно „не предназначено двигать сельское хозяйство, толкать впередъ промышленность: оно можетъ только обезпечивать существованіе народныхъ сельскихъ массъ съ ихъ подростками. Оно не есть поприще для кипучей и широкой промышленной дѣятельности, но есть почва, на которой можетъ спокойно вырости и приготовиться къ промышленной дѣятельности многочисленная народная масса, и въ то же время прибѣжище для тѣхъ, которые изнемогаютъ и падаютъ въ непрерывной борьбѣ экономическихъ и промышленныхъ интересовъ. Для сильныхъ, предпріимчивыхъ, способныхъ, даровитыхъ людей общинное вла-

дѣніе слишкомъ тѣсно и узко, и они будутъ изъ него выходить; но для слабыхъ, посредственныхъ, непредпріимчивыхъ, довольствующихся немногимъ, и для неудачниковъ—а такихъ огромное большинство—общинное владѣніе есть якорь спасенія, тотъ челнокъ, или та спасительная доска, на которыхъ они могутъ держаться около берега, посреди экономическихъ треволненій и бурь, поодаль отъ ожесточенной борьбы за наживу" (9).

И всѣ другіе виды общественной собственности имѣютъ свое спеціальное назначеніе, въ силу котораго не могутъ быть упразднены, хотя и не должны подавлять собою другихъ формъ владѣнія. Такъ наприм. государственная поземельная собственность, не смотря на ея меньшую продуктивность, сравнительно съ личнымъ владѣніемъ, имѣетъ высокое общенародное значеніе. Выгодность ея въ послѣднемъ отношеніи превышаетъ потери отъ меньшей продуктивности, встрѣчающейся во всѣхъ производствахъ, въ которыхъ и руководители и исполнители—наемные работники. При рѣшеніи вопроса о значеніи государственныхъ имуществъ необходимо прежде всего не забывать, что существуютъ имущества, имѣющія общенародное значеніе, какова наприм. лѣсная собственность. Такія имущества не могутъ быть уничтожаемы безъ вреда для общества, между тѣмъ для частныхъ собственниковъ можетъ быть выгодно ихъ уничтоженіе. Вотъ почему необходимо пріобрѣтеніе ихъ государствомъ, какъ такимъ юридическимъ лицемъ, которое заботится о безопасности и благосостояніи настоящихъ и будущихъ поколѣній страны. Затѣмъ, государственныя имущества, по мѣрѣ надобности, обращаясь въ собственность личную и общинную, служатъ разнымъ цѣлямъ благоустройства, напр. служатъ постояннымъ поземельнымъ фондомъ для колонизаціи, переселеній части населенія изъ мѣстъ густо населенныхъ, вообще представляютъ собою надежднѣйшее средство противъ пролетаріата. Эти имущества могутъ быть также отдаваемы въ потомственное или срочное пользованіе за ничтожное вознагражденіе, въ цѣляхъ поддержанія той или иной отрасли хозяйства, производства опытовъ и т. п. У насъ отводъ казенныхъ земель частнымъ лицамъ производится подъ хозяйственныя заведенія, сады, огороды, пчеловодство, для разведенія мануфактурныхъ и торговыхъ растеній, подъ лѣсные разсадники и проч.

И такъ, каждая изъ формъ собственности имѣетъ свое естественное назначеніе, въ силу котораго ни одна изъ нихъ не должна по-

глощать другую, но должно быть совмѣстное ихъ существованіе въ странѣ. Эта совмѣстность и служитъ естественнымъ залогомъ осуществленія въ жизни лучшихъ сторонъ каждой формы, не допуская односторонности въ ихъ развитіи. Разнообразіе формъ собственности въ народной экономіи имѣетъ такое же нормальное значеніе, какъ и самое разнообразіе жизненныхъ силъ и способностей, проявляющееся въ формѣ раздѣленія занятій. Безъ разнообразія занятій общество можетъ прозябать, но не жить; тоже самое и внѣ разнообразія формъ собственности. Нельзя сказать, что одна изъ этихъ формъ лучше другой, точно также, какъ нельзя сказать, что пудъ лучше аршина. Темныя стороны, которыми можетъ сопровождаться та или иная изъ нихъ, не уменьшая ея принципіальнаго значенія, требуютъ надлежащаго регулированія со стороны государственной власти, но не замѣны данной формы другою.

Указываемъ на нѣкоторые факты такого регулированія.

Черезполосность, которая до послѣдняго времени считалась исключительнымъ спутникомъ общиннаго землевладѣнія, въ дѣйствительности можетъ существовать при свободной личной и при общественной формахъ собственности. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на черезполосность владѣнія во Франціи, въ которой общинная собственность въ настоящее время вовсе не извѣстна. Во Франціи 45 милліоновъ десятинъ поземельной собственности раздѣлены на 127.000.000 дѣлянокъ, принадлежащихъ $5^1/_2$ милліонамъ собственниковъ, такъ что въ средней сложности дѣлянка или парцелла имѣетъ размѣра не болѣе 900 кв. саж., и на каждаго собственника приходится 23 дѣлянки. Такую же черезполосность мы видимъ и въ другихъ странахъ, наприм. въ Бельгіи, Германіи, Австріи. Она извѣстна и у насъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ издавна существуетъ личное землевладѣніе, называемое у насъ подворнымъ и участковымъ. Черезполосность неизбѣжна тамъ, гдѣ существуютъ раздѣлы земли. Рѣшительное уничтоженіе ея возможно только или при установленіи повсемѣстныхъ майоратовъ какъ дворянскихъ, такъ и крестьянскихъ, или при введеніи общей собственности въ смыслѣ коммунистическомъ. Очевидно, что и одно и другое средство должно быть откинуто; уничтожая черезполосность, первое изъ нихъ порождаетъ пролетаріатъ, второе—общее рабство. Мѣропріятія должны быть направлены, слѣдовательно, не къ уничтоженію формъ собственности, съ которыми неизбѣжно соединяется черезполосность,

но къ уничтоженію вредныхъ сторонъ послѣдней и ея возможному уменьшенію.

Черезполосность неизбѣжно сопровождается принудительною обработкою земли въ томъ случаѣ, когда въ данной мѣстности вмѣстѣ съ черезполосностью существуетъ обычай пасти скотъ на лугахъ и поляхъ. Когда въ селеніи существуетъ обычай пасти скотъ на пахатномъ полѣ, тогда естественно возникаетъ зависимость каждаго отдѣльнаго хозяина отъ системы хозяйства всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ земли. Если существуетъ обычай пасти скотъ весною на паровомъ полѣ, то отдѣльному хозяину невозможно обрабатывать паровое поле подъ зиму, также и поднимать паръ раннею весною; въ томъ и другомъ случаѣ въ своей дѣятельности онъ стѣсненъ существующимъ обычаемъ пастьбы.

Если существуетъ обычай пастьбы скота на поляхъ послѣ того, какъ съ нихъ снятъ хлѣбъ, то каждый отдѣльный хозяинъ въ этомъ случаѣ находится въ зависимости отъ другихъ относительно срока уборки хлѣба; онъ не можетъ снимать хлѣбъ позже другихъ, потому что хлѣбъ его можетъ быть уничтоженъ или, какъ говорятъ, потравленъ скотомъ, пасущимся на сосѣднихъ поляхъ. Онъ не можетъ, по этой же причинѣ, сѣять по собственному усмотрѣнію на своемъ полѣ тотъ или иной хлѣбъ, такъ какъ существованіе сроковъ для уборки съ полей ограничиваетъ его дѣятельность въ выборѣ рода воздѣлываемыхъ растеній. Отдѣльный хозяинъ не можетъ, напримѣръ, въ озимомъ полѣ засѣять яровой хлѣбъ, когда онъ позже созрѣваетъ, чѣмъ хлѣбъ озимый, засѣянный на смежныхъ поляхъ.

Можно встрѣтить въ жизни и такіе обычаи пастьбы скота, по которымъ вовсе невозможно запахивать жниво, если, наприм. принято пасти скотъ послѣ уборки хлѣба по жниву вплоть до зимы. Во всѣхъ такихъ случаяхъ черезполосность приводитъ къ принудительной обработкѣ только косвеннымъ образомъ, благодаря существованію опредѣленнаго обычая пастьбы скота. Очевидно, что если существуетъ въ какой либо мѣстности этотъ видъ принудительной обработки, то достаточно направить мѣры на обычай пастьбы скота, и эта обработка можетъ быть прекращена; другими словами, въ подобныхъ случаяхъ должна быть регулируема не черезполосность, но ближайшая причина существованія принудительной обработки, то есть пастьба скота на поляхъ и лугахъ.

При существованіи черезполосности принудительная обработка возникаетъ также въ тѣхъ случаяхъ, когда сельскому хозяину необходимо истреблять сорную растительность и вредныхъ животныхъ, а также когда необходимы предварительныя затраты въ цѣляхъ осушенія болотистыхъ и сырыхъ мѣстъ, или въ цѣляхъ искусственнаго орошенія.

Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Рошера, что при существованіи черезполосности одинъ небрежный хозяинъ, не заботящійся объ истребленіи на своемъ полѣ сорной травы, мышей и т. п., можетъ этимъ самимъ парализовать всѣ усилія смежныхъ хозяевъ въ ихъ борьбѣ съ врагами сельско-хозяйственной продукціи. Каждый отдѣльный хозяинъ въ этомъ случаѣ находится въ зависимости отъ его сосѣдей; его дѣятельность обусловливается дѣятельностью всѣхъ остальныхъ. Средствомъ противъ этого ненормальнаго положенія должны быть не столько мѣры, направленныя къ уничтоженію черезполосья, сколько мѣры, которыми регулировалась бы общая или совмѣстная дѣятельность землевладѣльцевъ въ борьбѣ съ ихъ естественными врагами. Высочайше утвержденнымъ 13 Мая 1868 года мнѣніемъ государственнаго совѣта земскимъ собраніямъ предоставлено право возлагать на сельскія общества и землевладѣльцевъ всѣхъ сословій натуральную повинность истребленія наносящихъ вредъ растеніямъ насѣкомыхъ и иныхъ животныхъ, съ обложеніемъ не исполняющихъ этой повинности въ натурѣ особымъ въ пользу земства и для этой цѣли назначеннымъ сборомъ. Постановленіе это, относящееся къ цѣлой губерніи или къ цѣлому уѣзду, можетъ быть примѣнимымъ и въ отношеніи каждаго отдѣльнаго селенія. Сельскіе хозяева, заинтересованные въ уничтоженіи сорной травы или насѣкомыхъ на своихъ поляхъ, должны имѣть право большинствомъ голосовъ дѣлать обязательныя для каждаго постановленія объ уничтоженіи враговъ своего хозяйства. Для избѣжанія несправедливыхъ притѣсненій меньшинства со стороны большинства, необходимъ лишь контроль со стороны правительственныхъ агентовъ.

Точно также черезполосность ведетъ къ принудительной обработкѣ и въ тѣхъ случаяхъ, когда для надлежащей эксплоатаціи поземельнаго участка необходимы предварительныя затраты, въ цѣляхъ осушенія или искусственнаго орошенія земли. Землевладѣлецъ, участокъ котораго со всѣхъ сторонъ окруженъ чужими полосами, не можетъ предпринять на своей землѣ такихъ улучшеній, такъ какъ для приня-

тія ихъ необходимо согласіе всѣхъ владѣльцевъ, чрезъ земли которыхъ необходимо проводить канавы для стока воды. Чѣмъ больше такихъ совладѣльцевъ, другими словами—чѣмъ дробнѣе черезполосность, тѣмъ труднѣе возможность получить такое согласіе и тѣмъ сильнѣе зависимость отдѣльнаго владѣльца отъ всѣхъ остальныхъ. Но и здѣсь, какъ и въ вышеразсмотрѣнномъ случаѣ, средствомъ противъ принудительной обработки могутъ быть не столько мѣры, направленныя противъ черезполосности, сколько или разумное регулированіе совокупной дѣятельности всѣхъ черезполосныхъ землевладѣльцевъ, или же установленіе положительнаго закона о правѣ каждаго землевладѣльца проводить канавы для стока воды чрезъ земли другихъ владѣльцевъ. Такой законъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльный землевладѣлецъ на свои средства желаетъ предпринять въ своемъ имѣніи извѣстныя улучшенія, осуществленіе которыхъ не мыслимо безъ провода воды чрезъ чужія земли.

Въ указанныхъ случаяхъ мѣры противъ принудительной обработки земли не направлены прямо противъ черезполосности. Но могутъ быть раціональны въ ограниченныхъ размѣрахъ и мѣры прямо направленныя противъ послѣдней. При черезполосномъ владѣніи весьма часты случаи, когда къ участку, лежащему среди чужой собственности, можно пробраться не иначе, какъ чрезъ эту послѣднюю. Такъ возникаетъ право переѣзда—Ueberfahrtsrecht—чрезъ чужія парцеллы. Точно также при черезполосномъ владѣніи часты случаи необходимости оборачивать плугъ на сосѣдней парцеллѣ, когда собственный поземельный участокъ не прилегаетъ къ дорогѣ. Изъ этого возникаетъ право оборота плуга на чужой землѣ, носящее характеристическое названіе Trepprecht. Утаптываніе полосы людьми, животными и земледѣльческими орудіями роняетъ цѣнность поземельнаго участка; хозяинъ послѣдняго въ своей культурѣ долженъ сообразоваться съ культурою сосѣда; онъ не можетъ, когда ему угодно, начать обработку, иначе часть его труда можетъ быть уничтожена сосѣдомъ. Въ этомъ случаѣ самое печальное положеніе тѣхъ полосъ, которыя лежатъ вдоль линіи, гдѣ оборачиваются плуги, и если остальныя полосы упираютъ въ нихъ своими узкими сторонами. Если полоса соприкасается во всю длину со многими парцеллами, говоритъ Кнаусъ, то ей приходится терпѣть право оборота плуга въ такой степени, что она можетъ быть засѣяна лишь тогда, когда уже засѣяны всѣ тѣ полосы, которыя поль-

зуются правомъ поворота плуга на ней. Подобная полоса походитъ скорѣе на боевое поле, чѣмъ на предназначенное къ обработкѣ ([10]). Въ подобнаго рода случаяхъ принудительной обработки необходимо обязательное разверстаніе черезполосныхъ земель. Въ этомъ отношеніи прекрасный образецъ представляетъ собою Нассауская система разверстанія, не имѣющая въ виду отмежеванія всей поземельной собственности къ одному мѣсту, а преслѣдующая болѣе осуществимую задачу—уничтоженіе той спеціальной черезполосности, которая имѣетъ своимъ прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ принудительную обработку земли. Основная задача Нассауской системы состоитъ въ уничтоженіи вредныхъ сторонъ чрезполосности, препятствующей свободному доступу землевладѣльцамъ къ ихъ полямъ и приводящей къ утаптыванію полей. Для достиженія этой цѣли обязательно устраиваются полевыя дороги (Feld und Gewan-Wege), послѣ чего отдѣльныя полосы верстаются такимъ образомъ, чтобы каждая примыкала къ дорогѣ.

Указанными мѣрами вредныя стороны черезполосности или вовсе уничтожаются, или въ значительной степени смягчаются, не уничтожая тѣхъ формъ собственности, съ которыми неизбѣжно соединяется черезполосность владѣнія. Подобнымъ же образомъ могутъ быть уничтожаемы, или, по крайнѣй мѣрѣ, въ значительной степени смягчаемы и всѣ другія темныя стороны той или иной формы собственности, безъ подавленія этихъ формъ и, слѣдовательно, ихъ свѣтлыхъ сторонъ, благотворно вліяющихъ на развитіе общества. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія то, что даже темныя стороны временнаго владѣнія, проистекающаго какъ изъ личной, такъ и изъ общественной собственности, могутъ быть доведены до почти незамѣтнаго минимума.

Временное владѣніе можетъ быть или въ формѣ арендаторства, когда отдается въ наемъ предметъ личной или общественной собственности, или же въ формѣ мірскаго пользованія, когда на время отводится члену общины участокъ общинной земли. Основной недостатокъ и того и другаго временнаго владѣнія состоитъ въ томъ, что арендаторъ или общинникъ, когда не опредѣленъ срокъ владѣнія, не производитъ никакихъ улучшеній, такъ какъ затраченный капиталъ можетъ быть потерянъ при отказѣ въ арендѣ или при новомъ передѣлѣ мірской земли; когда же срокъ временнаго владѣнія опредѣленъ, то никто изъ нихъ не производитъ поземельныхъ улучшеній въ послѣднее

время пользованія, и склоненъ къ хищническому пользованію тѣмъ, что, по истеченіи срока аренды, перейдетъ въ другія руки.

Противъ этого недостатка временнаго владѣнія въ прежнее время считали весьма важнымъ средствомъ долгосрочность сдачи земли въ пользованіе. Когда землевладѣлецъ сдаетъ свою землю въ аренду на продолжительный срокъ, то арендаторъ освобождается отъ риска, затрачивая свой капиталъ для производства поземельныхъ улучшеній, возвышающихъ доходность земли. По видимому, такія долгосрочныя аренды дѣйствительно примиряютъ интересы и собственника и арендатора. Стремлясь къ увеличенію доходности земли, при долгосрочномъ владѣніи арендаторъ можетъ, ничѣмъ не рискуя, производить всевозможныя поземельныя затраты, такъ какъ возвратъ ихъ вполнѣ гарантируется этою долгосрочностію. Но уже Тэръ основательно замѣтилъ, что если аренда заключена наприм. на 24 года, то арендаторъ въ первыя $^2/_3$ указаннаго срока будетъ заботиться о поземельныхъ улучшеніяхъ, имѣя въ виду увеличить свой доходъ; послѣ же этого времени ему не будетъ никакихъ мотивовъ къ такимъ заботамъ; напротивъ того, онъ будетъ стараться лишь о томъ, чтобы безъ новыхъ затратъ возможно больше извлечь прибыли изъ чужой собственности, будетъ хищнически пользоваться послѣднею. Съ другой стороны, заключеніе долгосрочныхъ арендъ не всегда выгодно собственникамъ.

Цѣнность поземельныхъ имуществъ можетъ быстро возрастать, въ какой пропорціи должна увеличиваться и плата за пользаніе землей. Когда заключенъ долгосрочный арендный контрактъ, то землевладѣлецъ не можетъ воспользоваться возвышеніемъ цѣнности земли для увеличенія арендной платы. Вотъ почему въ Англіи, въ этой классической странѣ временнаго владѣнія землей, большинство фермеровъ арендуетъ землю *at will*, то есть пользуется безъ установленія особаго срока и обязывается оставить аренду чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ изъявленія объ этомъ желанія со стороны землевладѣльца. Между тѣмъ этими-то фермерами большею частью произведены всѣ тѣ улучшенія, по которымъ англійское сельское хозяйство считается первымъ въ мірѣ. Дѣло въ томъ, что сверхъ общихъ экономическихъ причинъ, благодаря которымъ фермерство сдѣлалось самостоятельною отраслью промышленности и получило общее значеніе затраты капиталовъ въ прибыльныя предпріятія, въ Англіи существуютъ особыя условія, смягчающія или даже вовсе уничтожающія темныя стороны арендаторства. Англійскіе

землевладѣльцы не злоупотребляютъ своими неопредѣленными правами и фермеры могутъ быть въ полной увѣренности, что не будутъ удалены произвольно, до истеченія времени, необходимаго для возврата затраченныхъ въ землю капиталовъ. Честность землевладѣльцевъ и общественное мнѣніе, карающее всевозможныя злоупотребленія, въ значительной степени освобождаютъ фермеровъ отъ риска затрачивать въ землю капиталы. Съ другой стороны, въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ обычное право вознагражденія за произведенныя затраты или отъ новаго арендатора, или отъ собственника земли, при отказѣ въ арендѣ. Это обычное право сперва дѣйствовало въ Ирландіи, въ провинціи Ольстеръ, подъ названіемъ tenant-right и частью въ Англіи въ графствѣ Линкольнширѣ. Въ послѣднее время оно все больше и больше распространялось и наконецъ вошло въ Land-bill 1870 года, на основаніи котораго всякій контрактъ, лишающій арендатора права на вознагражденіе за произведенныя имъ улучшенія, признается недѣйствительнымъ. Такое право дѣйствительно служитъ надлежащей гарантіей, по которой временный владѣлецъ—арендаторъ или общинникъ—можетъ производить всевозможныя улучшенія въ чужомъ имуществѣ, не рискуя собственнымъ капиталомъ. Право это одинаково важно какъ въ срочныхъ арендахъ, такъ и въ арендахъ, срокъ окончанія коихъ напередъ неопредѣленъ. Оно, очевидно, можетъ въ значительной степени улучшить эксплоатацію земли при общинной земельной собственности. Если при этой собственности будетъ принято: во 1) что мірскіе передѣлы земли должны производиться въ болѣе или менѣе продолжительные и напередъ опредѣленные сроки и 2) что за каждымъ домохозяиномъ остается право на вознагражденіе за опредѣленныя поземельныя улучшенія отъ общины или того ея члена, къ которому, послѣ передѣла, переходитъ земля, то уже этимъ однимъ наиболѣе темная сторона общинной земельной собственности будетъ почти уничтожена.

([1]) К. Побѣдоносцевъ. Курсъ граждан. права, часть I, стр. 106. ([2]) Ibid, 368. ([3]) Докладъ Высочайше утвержд. коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства. Прилож. 11, стр. 20. ([4]) Съѣздъ сельск. хоз. въ С.-Петербургѣ, въ 1865 г., по случаю столѣтняго юбилея вольнаго экон. общества. Спб. 1866. стр. 152. ([5]) Докладъ Высочайше утвержд. коммиссіи и пр. Ibid. стр. 19—20. ([6]) W. Roscher. National-oeconomie des Aekerbaues, § 76. ([7]) К. Кавелинъ. Общинное владѣніе, стр. 55—56. ([8]) Кн. А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и др. европ. странахъ, т. 11,

стр. 715. (⁹) К. Кавелинъ, ibid. стр. 58. (¹⁰) C. Knaus. Der Flurzwang in seinen Folgen und Wirkungen, стр. 9; А. Посниковъ. Общинное землевладѣніе, т. 11.

II. Размѣры собственности.

Количественное и качественное разнообразіе хозяйственныхъ силъ естественно приводитъ къ безконечному разнообразію результатовъ хозяйственной дѣятельности, принадлежащихъ представителямъ этихъ силъ. Такъ возникаетъ безконечное разнообразіе въ размѣрахъ собственности, по которому, можно сказать, нѣтъ двухъ людей, имущественное состояніе которыхъ было бы тождественно, подобно тому, какъ нѣтъ въ мірѣ двухъ лицъ, которые были бы абсолютно схожи между собою и являлись какъ бы двумя экземплярами одного и того же существа. Это разнообразіе въ размѣрахъ собственности представляетъ собою естественный результатъ разнообразія въ хозяйственныхъ силахъ, приводящаго къ разнообразію въ результатахъ дѣятельности. Если бы не было послѣдняго разнообразія, то и первое не могло бы существовать въ своемъ естественномъ видѣ; въ этомъ случаѣ оно было бы искусственнымъ, имѣло бы своимъ источникомъ наприм. обманъ, хитрость, насиліе и т. п.

Въ прошедшемъ жизни народовъ, въ тѣ варварскія времена, когда гражданственность, правосудіе и честность только зараждались, этотъ искусственный элементъ имѣлъ преобладающее значеніе. Когда не только имущество, но и личность человѣка не была гарантирована отъ насилія, когда считали неприличнымъ пріобрѣтать трудомъ то, что можно было добыть насильно (pigrum et iners videtur sudore adquirere, quod possis sanguine parare), тогда одни жили трудомъ другихъ и имущественное разнообразіе было результатомъ насилія, порабощенія однихъ другими, обмана и т. п. Но должна быть признана грубой ошибкой всякая попытка возведенія этого факта въ принципъ, какъ это допускаютъ писатели, утверждающіе, что существующее разнообразіе въ размѣрахъ собственности есть историческій результатъ, есть искусственное произведеніе тѣхъ временъ, когда господствовало насиліе и порабощеніе человѣка человѣкомъ.

По этому ученію, естественнымъ закономъ должно быть признано имущественное равенство, а всякое неравенство въ размѣрахъ собственности—искусственнымъ продуктомъ, результатомъ захвата.

Сторонники этого воззрѣнія забываютъ, что безъ исторической индукціи изслѣдованія общественныхъ явленій не мыслимы, что безъ индукціи легко принять временное и мѣстное за постоянное и всеобщее, случайное наслоеніе за сущность дѣла. Если мы обратимся къ исторіи, то легко замѣтимъ, что явленія борьбы въ отношеніяхъ постоянно исчезаютъ, уступая мѣсто экономической союзности, уступая мѣсто естественнымъ экономическимъ законамъ. „Хотя историческій ходъ событій совершается не по однимъ законамъ вѣчной справедливости, но несомнѣнно, что справедливость мало по малу беретъ верхъ надъ привилегіею, монополіею и грубымъ насиліемъ“ (1). Въ самой природѣ междучеловѣческихъ отношеній лежитъ идея справедливости, которая постепенно осуществляется въ жизни и безъ существованія которой не мыслимо человѣческое развитіе. Въ самой же природѣ людей, въ безконечномъ разнообразіи ихъ силъ и способностей лежитъ основная причина безконечнаго разнообразія въ размѣрахъ собственности, какъ та идея справедливости, по которой каждый получаетъ то, что ему принадлежитъ по его хозяйственнымъ заслугамъ, и которая неуклонно беретъ перевѣсъ надъ привилегіей, монополіей и грубымъ насиліемъ.

Имущественное разнообразіе въ дѣйствительности имѣетъ такое же значеніе, какъ и раздѣленіе занятій. Оно представляетъ собою внѣшнее выраженіе индивидуальности и свободы человѣка въ его хозяйственной дѣятельности. Если бы утопическіе проекты всеобщаго равенства имуществъ нашли практическое примѣненіе, то каждый производитель, потерявъ свободу распоряженія своимъ имуществомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо долженъ терять и свои индивидуальныя силы, не находящія почвы для своей дѣятельности, лишенной свободы, и не побуждаемыя къ развитію основнымъ двигателемъ всякаго развитія—личнымъ интересомъ. Тогда, подобно тому, какъ и при отсутствіи раздѣленія занятій, общество не имѣло бы возможности извлекать наибольшія выгоды изъ разнообразія индивидуальныхъ силъ и хозяйственной свободы, необходимой для практическаго ихъ примѣненія. Тогда наступило бы видимое равенство между людьми, но это было бы равенство—нищеты и всеобщаго пауперизма; благосостоянія не можетъ быть тамъ, гдѣ подавлена индивидуальность и свобода, гдѣ люди работаютъ, не имѣя правъ на весь результатъ своего труда. Но и это равенство не было бы дѣйствительнымъ равенствомъ. Оно, напротивъ того, было бы худшимъ изъ всѣхъ возможныхъ искусственныхъ нера-

венствъ. При существованіи всѣмъ равнаго вознагражденіи за трудъ, усердный работникъ получаетъ такую же плату, какъ и лѣнивый, два часа честной работы также вознаграждаются, какъ и два часа работы дурной. Наконецъ, во имя этого же видимаго равенства, необходимо, чтобы работникъ за два часа дурной работы получалъ столько же, сколько получаетъ другой за четыре часа хорошей работы ([2]). Эта кажущаяся справедливость, за которую такъ ратуютъ утописты, въ существѣ дѣла есть абсолютное отрицаніе всякой справедливости. Она имѣетъ значеніе преміи за лѣность и налога на усердіе въ трудѣ. Говоря словами Прудона, эта справедливость есть грабежъ сильнаго слабымъ, усерднаго лѣнивымъ, трудящагося празднымъ ([3]). Она неизбѣжно приводитъ къ пониженію общаго уровня производительности, къ общей и равной бѣдности.

Изъ сказаннаго видно, что существующее разнообразіе въ размѣрахъ собственности имѣетъ своею задачею путемъ разнообразія въ употребленіи индивидуальныхъ силъ людей увеличить производительность, извлечъ возможно большія выгоды отъ употребленія въ дѣло факторовъ производства. Это же приводитъ къ большей доступности всѣмъ того, что, по самой природѣ своей, не можетъ, подобно воздуху, принадлежать всѣмъ безразлично. Побуждаемый личнымъ интересомъ, производитель старается возможно цѣлесообразнѣе утилизировать принадлежащіе ему факторы производства, старается производить возможно большее количество продуктовъ съ возможно меньшими издержками. Это приводитъ къ уменьшенію цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, при увеличеніи общей доходности хозяйства, то есть приводитъ къ большей общедоступности продуктовъ. Подобно тому, какъ индивидуальность или обособленіе является одною изъ причинъ ассоціаціи, здѣсь механическое неравенство является причиною возможно большаго хозяйственнаго равенства, производя возможно большую доступность того, что находится въ ограниченномъ количествѣ и должно быть увеличиваемо трудомъ.

Этотъ естественный законъ разнообразія въ размѣрахъ собственности имѣетъ общее примѣненіе ко всѣмъ видамъ имуществъ, но его дѣйствіе нагляднѣе всего проявляется въ сферѣ поземельныхъ имуществъ. Крупная поземельная собственность, а частью и средняя, служитъ разсадникомъ всевозможныхъ поземельныхъ улучшеній, увеличивающихъ количество продуктовъ, получаемыхъ отъ земли, удешевляющихъ

эти продукты и облегчающихъ общее удовлетвореніе потребностей, такъ какъ удешевленные сельско-хозяйственные продукты не только непосредственно потребляются людьми, но потребляются и въ формѣ продуктовъ обрабатывающихъ отраслей промышленности. „Здѣсь возможны дорого стоющіе опыты, введеніе усовершенствованныхъ орудій, машинъ и тѣ раціональные пріемы, которые составляютъ результатъ раздѣленія труда. Здѣсь земледѣліе находитъ научную и практическую школу, изъ которой впослѣдствіи благодѣянія агрономическаго образованія распространяются безвозмездно на все сосѣднее населеніе. При большой поземельной собственности и при большихъ хозяйствахъ, обладающихъ значительными капиталами, образуются, независимо отъ всякихъ правительственныхъ распоряженій, запасы не только обезпечивающіе народное продовольствіе, но и способствующіе уравненію хлѣбныхъ цѣнъ въ годы урожайные. Въ урожайные годы хорошо устроенныя и богатыя большія хозяйства воздерживаются отъ сбыта и, тѣмъ самымъ, даютъ мелкимъ хозяйствамъ возможность получить за свои произведенія цѣну, вознаграждающую трудъ земледѣльца. Въ неурожайные годы запасы большихъ имѣній отвращаютъ голодъ“ (4). Сверхъ того большая поземельная собственность даетъ обществу возможность практически воспользоваться тѣмъ закономъ, по которому возрастаніе размѣровъ дѣла не сопровождается пропорціональнымъ же возрастаніемъ издержекъ. Благодаря этому, отъ земли получается большее количество продуктовъ при меньшихъ затратахъ. Общество выигрываетъ на этомъ также, какъ выигрываетъ наприм. городъ, снабженіемъ котораго водой занимается одна компанія, а не 10, изъ коихъ каждая доставляла бы воду жителямъ только одной улицы.

Но если бы въ странѣ существовала толко большая поземельная собственность, то обезземеленныя рабочія массы не имѣли бы хозяйственной самостоятельности, вслѣдствіе чего общество несло бы двоякаго рода потери. Оно, прежде всего, говоря словами Рошера, больше теряло бы въ людяхъ, чѣмъ пріобрѣтало въ матеріальныхъ цѣнностяхъ; оно теряло бы на человѣческомъ достоинствѣ всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ хозяйственной самобытности, кто порабощается другими, завися отъ нихъ въ насущномъ кускѣ хлѣба. За тѣмъ, въ концѣ концовъ общество теряло бы и въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, такъ какъ подневольный трудъ непроизводителенъ въ такой мѣрѣ, какъ трудъ свободный. Вотъ почему мелкая поземельная собственность необходима

даже для того одного, чтобы большія имѣнія приносили надлежащія выгоды. Самое же существенное ея назначеніе—служить обезпеченіемъ массъ населенія. „Вездѣ, гдѣ мы находимъ поселянъ-собственниковъ, говоритъ Сисмонди, мы находимъ и это благосостояніе, эту обезпеченность, это спокойствіе за будущность, эту независимость, которыми упрочивается и счастье и добродѣтель. Поселянинъ, исполняющій съ своими дѣтьми всю работу въ своемъ маленькомъ имѣніи, не платящій ни ренты высшему, ни рабочей платы низшему его, ведущій свое производство соразмѣрно своему потребленію, продовольствующійся собственнымъ хлѣбомъ, пьющій собственное вино, одѣвающійся въ свой халатъ и свое сукно, мало безпокоится о рыночныхъ цѣнахъ, потому что мало ему нужно продавать и покупать, и никогда не разоряется онъ коммерческими сотрясеніями. Будущее не страшитъ его, напротивъ, оно украшается для него надеждой, потому что онъ обращаетъ на пользу своимъ дѣтямъ, на пользу будущимъ вѣкамъ каждую минуту, свободную у него отъ годичныхъ работъ. Нѣсколькихъ минутъ труда было ему довольно, чтобы посадить въ землю зерно, которое чрезъ сто лѣтъ будетъ большимъ деревомъ, провести канаву, которая приведетъ къ нему воду изъ ручья, улучшать постоянными заботами въ минуту досуга всѣ породы животныхъ, всѣ сорты растеній около себя. *Его маленькое наслѣдственное имѣніе—истинная сберегательная касса, всегда готовая принимать всѣ его маленькіе барыши, обращать въ прибыль всѣ его свободныя минуты.* Вѣчно дѣятельное могущество природы оплодотворяетъ ихъ, возвращаетъ ему ихъ сторицею. Поселянинъ живо сознаетъ счастіе, соединенное съ положеніемъ собственника; потому онъ всегда готовъ покупать землю, за какую хотите цѣну. Онъ платитъ за нее дороже, чѣмъ она стоитъ, можетъ быть столько, что цѣна не окупится ему; но не правъ ли онъ, высоко цѣня ту выгоду, что она даетъ ему средство всегда выгодно помѣщать трудъ свой, не продавая его съ уступкою, всегда даетъ хлѣбъ, освобождаетъ отъ нужды покупать его по дорогой цѣнѣ“ (8).

Наконецъ собственность среднихъ размѣровъ, служа переходною ступенью отъ малой поземельной собственности къ большой, заключаетъ въ себѣ въ извѣстной степени нѣкоторыя преимущества каждой изъ нихъ. Среднею поземельною собственностью мы называемъ, слѣдуя Рошеру, такія помѣстья, въ которыхъ значительнѣйшая часть работъ исполняется наемными рабочими, но при этомъ въ нѣкоторыхъ испол-

нительныхъ работахъ принимаетъ участіе и самъ собственникъ, у котораго остается свободное время отъ общаго надзора и управленія. Такой собственникъ пользуется выгодами мелкой собственности въ томъ отношеніи, что не всѣ работы производятся у него наемными исполнителями, причемъ и надзоръ надъ послѣдними у него интенсивнѣе; но въ тоже время онъ пользуется въ нѣкоторой степени и выгодами большой собственности, наприм. экономіей въ издержкахъ дѣла, возникающей при всякомъ разширеніи размѣровъ послѣдняго. Эта средняя поземельная собственность представляетъ собою цѣль постоянныхъ стремленій малыхъ землевладѣльцевъ, заохочивая ихъ къ труду, бережливости и поземельнымъ улучшеніямъ.

Изъ этого видно, что въ каждой странѣ необходимо совмѣстное существованіе всѣхъ трехъ видовъ размѣровъ поземельной собственности, такъ какъ только при этомъ страна имѣетъ возможность наилучшимъ образомъ утилизировать силы земли. Этотъ принципъ нагляднѣе всего представляется въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ, но онъ имѣетъ практическое примѣненіе и во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда, во всѣхъ видахъ собственности. Разнообразіе въ размѣрахъ собственности—это общій принципъ хозяйственной жизни, однообразіе же—принципъ хозяйственнаго прозябанія, если не смерти.

Такъ какъ разнообразіе въ размѣрахъ собственности, въ своемъ естественномъ видѣ, есть результатъ разнообразія хозяйственныхъ силъ и способностей людей, то регулированіе размѣровъ собственности, по общему правилу, должно быть дѣломъ экономической свободы. Но экономическая свобода „бываетъ благотворна тогда, когда человѣкъ можетъ пользоваться ею разумно, съ сознаніемъ и въ предѣлахъ закона“ (6). Вотъ почему въ дѣйствительности часто представляется необходимость вмѣшательства со стороны государства, когда такое вмѣшательство со стороны государства требуется общимъ интересомъ страны. Когда, напримѣръ большая поземельная собственность поглощаетъ малую, очевидно всякому, что такое вмѣшательство неизбѣжно и безусловно вызывается общимъ интересомъ страны. Такъ закономъ 19 Февраля 1861 года русскіе крестьяне не только получили личную свободу, но надѣлены и землей. Такимъ же образомъ польскіе крестьяне закономъ 19 Февраля 1864 года получили земельные надѣлы, которые до этого времени считались собственностью помѣстнаго сословія, единственнаго въ краѣ землевладѣль-

ческаго сословія. Съ другой стороны, въ странѣ можетъ произойти крайнее раздробленіе земли; мелкая поземельная собственность можетъ сдѣлаться уже въ такой степени малою, что становится недостаточною для занятія труда и прокормленія. Принадлежность земли поселянамъ, справедливо говоритъ Милль, бываетъ полезною системою при томъ условіи, чтобы участки не были слишкомъ раздроблены, т. е. чтобы не требовалось съ участка продовольствія для такого числа лицъ, какое не можетъ содержаться продуктомъ этого участка (7).

При крайнемъ раздробленіи земли, говоритъ Рошеръ, пропадаетъ много земли на межи и полевыя дороги, невозможно раціональное сельское хозяйство и интенсивное употребленіе въ дѣло капиталовъ. Послѣ извѣстнаго предѣла приходится замѣнять лошадей волами, потомъ воловъ коровами, парную упряжь одиночною; когда еще далѣе идетъ раздробленіе, то и для одиночной упряжи не будетъ корма. Тогда самъ человѣкъ долженъ заступить мѣсто животнаго и происходитъ замѣна плуговъ заступами и мотыками, телегъ—тачками и корзинами. Но человѣкъ „не долго можетъ исполнять работы животнаго, не рискуя упасть на степень машины или грубаго животнаго.“ Крайнее раздробленіе земли, такимъ образомъ, можетъ окончиться превращеніемъ человѣка „въ машину или грубое животное“ (8).

Важнѣйшей мѣрой противъ этихъ крайностей малой земельной собственности служитъ установленіе такого наименьшаго размѣра участковъ (Bezitz-und Parcellenminimum), который при переходахъ изъ рукъ въ руки остается недѣлимымъ. Въ разныхъ государствахъ принимались различныя основанія для опредѣленія размѣровъ такого наименьшаго участка. Въ однихъ въ основаніе принималась рабочая сила хозяйства (Arbeitsfläche), въ другихъ нужды семьи (Nahrungs или Unterhaltungefläche), въ третьихъ сумма платимыхъ податей. У насъ принято, что крестьянскій поземельный надѣлъ долженъ быть достаточенъ какъ для прокормленія семьи, такъ и для исправнаго платежа податей и повинностей. Съ этою цѣлію установлено, что земельные участки принадлежащіе государственнымъ крестьянамъ, содержащіе не болѣе восьми десятинъ, признаются недѣлимыми на части при продажѣ, переходахъ по наслѣдству и т. д. Также не подлежатъ раздробленію, свыше положенной мѣры, подворные участки крестьянъ собственниковъ въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ. На этомъ же основаніи признаются недѣлимыми поземельные участки, отводи-

мые по Высочайшему повелѣнію малоимущимъ дворянамъ, которымъ предоставлено право поселенія на казенныхъ земляхъ нѣкоторыхъ губерній.

Опредѣленіе такого наименьшаго поземельнаго участка зависитъ отъ мѣстныхъ условій каждой страны. И вообще, пространственная или механическая оцѣнка при опредѣленіи размѣровъ собственности не имѣетъ научнаго значенія. Съ экономической точки зрѣнія нельзя сказать, не зная мѣстныхъ условій, что одинъ участокъ малъ, а другой большой, только потому, что въ первомъ менѣе десятинъ земли, чѣмъ во второмъ; въ дѣйствительности можетъ оказаться совершенно противное: первый участокъ можетъ быть признанъ большимъ, второй же малымъ. Для отвѣта на вопросъ: какое пространство земли должно быть отнесено къ большой, средней или малой собственности, необходимо знать всю совокупность разнообразныхъ мѣстныхъ условій, при которыхъ ведется хозяйство. Въ массѣ этихъ условій имѣютъ большое вліяніе не только экономическія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойства, но также и физическія особенности страны. Такъ наприм. въ странахъ плохо орошаемыхъ, луговая культура которыхъ слаба, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, наименьшій поземельный участокъ долженъ быть больше, чѣмъ въ странѣ хорошо орошаемой и обладающей высоко продуктивнымъ луговодствомъ. Въ послѣдней на меньшемъ пространствѣ пастбищной и луговой земли можетъ быть содержимо необходимое количество скота, между тѣмъ какъ въ первой тотъ же самый результатъ можетъ быть полученъ не иначе, какъ на значительно большемъ пространствѣ.

Очевидно, что при подобныхъ обстоятельствахъ пространственно равные участки не могутъ быть признаны экономически равными. Практическимъ хозяевамъ это уже давно извѣстно. Въ приморскихъ частяхъ Испаніи сельское хозяйство ведется и процвѣтаетъ на малыхъ по пространству участкахъ, между тѣмъ какъ въ мѣстностяхъ плохо орошаемыхъ предпочитаются большія хозяйства; въ Германіи по Рейну, во Франціи по долинѣ Гаронны опредѣленный результатъ получается на незначительныхъ пространствахъ земли, между тѣмъ какъ для достиженія того же результата въ сухихъ частяхъ этихъ странъ необходимы участки земли гораздо большіе.

Но еще большее вліяніе въ этомъ отношеніи имѣютъ экомическія условія мѣстности. Подъ вліяніемъ этихъ условій, вблизи большихъ

городовъ поземельные участки могутъ имѣть самые незначительные размѣры и въ тоже время представлять собою значительную хозяйственную силу. Большіе доходы, приносимые подобными землями, возвышаютъ ихъ цѣнность и побуждаютъ къ организаціи возможно болѣе интенсивнаго хозяйства. При такихъ условіяхъ незначительный участокъ представляетъ собою большую хозяйственную силу, чѣмъ другой, несравненно большій по пространству, но находящійся вдали отъ города. То, чѣмъ является городъ относительно села, представляетъ собою и вообще вся мануфактурная промышленность, всѣ неземледѣльческія отрасли занятій, представляющія собою рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Громадное развитіе мануфактурной промышленности въ Англіи производитъ то, что въ этой странѣ на сравнительно малыхъ поземельныхъ участкахъ получаются лучшіе результаты, чѣмъ въ другихъ странахъ на гораздо большихъ участкахъ. Если, по замѣчанію Рошера, въ окрестностяхъ Лондона на фермѣ отъ 5 до 20 акровъ получается такой же результатъ, какъ въ остальныхъ частяхъ Англіи на фермахъ въ 150—200 акровъ, то въ среднемъ выводѣ вообще въ Англіи на фермахъ въ 50—100 акровъ получается лучшій результатъ, чѣмъ въ большей части другихъ странъ Европы на участкахъ въ два и три раза большихъ. То, чѣмъ является Лондонъ относительно подгородныхъ фермъ, представляетъ собою мануфактурная промышленность Англіи относительно всего ея сельскаго хозяйства.

(1) Н. Бунге. Основ. полит. экономіи, стр. 133—134. „Собственность есть не только установленіе общественное, допущенное ради общаго благо, но и естественное, вытекающее изъ права человѣка на то, что пріобрѣтено производительными силами, которыя находятся въ его распоряженіи. Право это становится мало-по-малу основаніемъ поземельной собственности, и хотя историч. ходъ событій совершается не по однимъ закономъ вѣчной справедливости, но справедливость мало-по-малу беретъ верхъ надъ привилегіею, монополіею и грубымъ насиліемъ". (2) Bastiat. Harm. économ. гл. 8. (3) Qu'est-se que la propriété стр. 283. Roscher. Die Grundlage der Nationalökon. § 82. (4) Н. Бунге, полицейское право, стр. 170. (5) Etudes sur l'écon. politique, essai III. Милль. Основ. пол. экон. гл. VI. кн. II. (6) Бунге. Пол. право, стр. 175. (7) Осн. пол. эк. т. II, стр. 334. (8) Nat.-oekon. d. Ackerbaues. § 52. „Мелкіе владѣльцы, бѣдные хозяева, по самому своему состоянію и даже при извѣстной степени образованія, не могутъ придерживаться многихъ изъ коренныхъ правилъ раціональной эксплуатаціи; имъ трудно соблюдать долгосрочные обороты плодоперемѣннаго хозяйства и еще длиннѣйшіе сроки правильнаго лѣсоводства; оставлять большую часть своихъ полей подъ травой или въ пару для отдыха

или удобренія почвы,—ожидать въ теченіи 40—60 лѣтъ полнаго роста высокоствольныхъ лѣсовъ; они по нуждѣ, по неволѣ прибѣгають къ краткимъ оборотамъ, доставляющихъ имъ скорѣйшее вознагражденіе за ихъ труды и затраты, напримѣръ къ посѣву цѣнныхъ продуктовъ, наиболѣе истощающихъ почву (льна, конопли, проса, мака, бѣлотурки) и къ вырубкѣ лѣсной поросли, когда она еще не достигла полнаго возраста. Однимъ словомъ, мелкое землевладѣніе, такъ называемая демократизація собственности, представляя большія выгоды въ соціальномъ отношеніи, имѣетъ безспорно и ту опасную сторону, что развиваетъ хищническую культуру." А. Васильчиковъ. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. 1881 Спб. стр. 7—8.

III. Составныя части собственности.

Предметомъ собственности могутъ быть или произведенія стихійныхъ дѣятелей, или произведенія труда и капитала. Такое различіе между предметами собственности со всею строгостію обнаруживается только на низшихъ ступеняхъ гражданственности. Съ экономическимъ развитіемъ человѣкъ мало по малу подчиняетъ себѣ силы природы, становится ихъ повелителемъ, распоряжается ими по своему усмотрѣнію также, какъ и силами капитала, такъ что производство продукта при помощи стихійныхъ дѣятелей подводится къ одному знаменателю съ производствомъ при помощи капитала и въ результатѣ дѣятельности приходится различать главнымъ образомъ доли капитала и труда. Но стихійный элементъ не безусловно становится аналогичнымъ съ капиталистическимъ. Онъ проявляется въ видѣ особаго дохода, называемаго рентой, представляющей собою главнымъ образомъ результатъ дѣятельности въ земледѣліи силъ природы, но получаемой также и отъ капитала и отъ труда, находящихся въ особо благопріятныхъ условіяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ намъ остается изучить, такимъ образомъ, сущность и происхожденіе элементовъ собственности трудоваго, капиталистическаго и рентнаго, а также законъ взаимнаго между ними отношенія.

а) Доля капитала.

§ 1. Капиталистическій элементъ собственности, какъ та доля, которая получается въ результатѣ производительной дѣятельности капитала, въ обыденной рѣчи носитъ названіе прибыли, процента, капиталистическаго дохода и т. п. Въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ онъ уже въ древности подвергался разнообразнымъ нападкамъ со стороны

писателей, сомнѣвавшихся въ его правомѣрности. Денежная его форма почти во всѣ времена находила противниковъ, которые считали правомѣрнымъ полученіе прибыли отъ употребленія въ дѣло машинъ, отъ найма ихъ другихъ производителямъ, но не могли согласиться съ правомѣрностью пріобрѣтенія прибыли отъ денегъ. И только въ новѣйшее время всѣ виды капиталистической собственности въ равной степени стали предметомъ рѣзкихъ нападеній со стороны соціалистическихъ писателей.

Мыслители древняго міра и среднихъ вѣковъ вооружались главнымъ образомъ противъ денежной прибыли, получаемой отъ ссуды денегъ. Такъ Аристотель считаетъ процентъ противоестественнымъ доходомъ на томъ основаніи, что деньги не производятъ новыхъ денегъ, что они безплодны по самой природѣ своей. Точно также относились къ процентамъ и лучшіе изъ людей Рима, напр. Сенека, Катонъ и другіе. Катонъ выражается о процентахъ особенно рѣзко; по его мнѣнію, foenerari и hominem occidere—одно и тоже.

Учители Христіанской церкви, ссылаясь на Аристотеля, также считаютъ процентъ неестественнымъ доходомъ. Св. Василій прямо повторяетъ слова Аристотеля, что деньги не рождаютъ новыхъ денегъ, не даютъ, слѣдовательно, никакого права собственности на доходъ, назыв. процентомъ. Григорій Нисскій говоритъ, что великія слова Творца міра—*растите́сь* и *умножа́йтесь*—вовсе не относились къ деньгамъ. Вообще мысль Аристотеля о безплодности денегъ была главнымъ доводомъ противъ естественности и правомѣрности процентовъ. Между прочимъ и Шекспиръ въ своемъ „Венеціанскомъ купцѣ“ приводитъ тоже основаніе.

Такое предубѣжденіе противъ процентовъ, по справедливому объясненію Молинари (1), произошло отъ того, что разнообразныя обстоятельства соединялись для передоставленія капиталистамъ монополіи, позволявшей имъ производить ссуды за чрезмѣрно высокіе проценты. Капиталы были рѣдки, правосудіе слабо, не менѣе слаба была и народная честность; капиталы занимались большею частью не для производства, но для потребленія.

Весьма естественно, что при такомъ экономическомъ положеніи процентъ былъ высокъ и крайне обременителенъ для плательщиковъ. Плательщики вооружались противъ самаго права процентовъ, требовали то законодательнаго опредѣленія размѣровъ послѣднихъ, то уни-

чтоженія старыхъ долговъ, но именно такія требованія еще ухудшали положеніе дѣлъ; должники становились жертвами постановленій, которыхъ они сами требовали и которыя дѣйствительно предпринимались для ихъ пользы. Постановленія эти увеличивали рискъ ссуды, увеличивали страховую премію и, слѣдовательно, размѣры процентовъ.

Извѣстна зависимость человѣческаго мышленія отъ экономическихъ условій; по замѣчанію одного изъ мыслителей, если бы человѣчеству былъ интересъ въ спорности математическихъ аксіомъ, то эти аксіомы были бы дѣйствительно спорными. Каждый мыслящій человѣкъ, при всемъ искреннемъ безпристрастіи, невольно подчиняется условіямъ даннаго экономическаго быта, считаетъ истиннымъ или ложнымъ то, что выгодно или вредно большей части общества въ данное время и въ данной мѣстности. Подъ вліяніемъ экономическихъ условій, монополизировавшихъ положеніе капиталистовъ и сдѣлавшихъ дѣйствительно обременительными условія платежа процентовъ для большей части населенія, и возникла доктрина Аристотеля и его послѣдователей, отрицающая естественность и правомѣрность процентовъ.

Въ средніе вѣка экономическое положеніе въ этомъ отношеніи еще ухудшилось. Евреи, считавшіеся проклятымъ народомъ, въ это время могли владѣть только движимымъ имуществомъ и главнѣшимъ средствомъ къ существованію для нихъ было ростовщичество. Христіане воздерживались отъ этого промысла. Такимъ образомъ денежный рынокъ сосредоточился въ рукахъ Евреевъ, сдѣлался ихъ монополіей. Процентъ, какъ монопольный доходъ, былъ обременителенъ; масса плательщиковъ вооружалась противъ права процентовъ, требовала законодательныхъ постановленій, направленныхъ противъ ростовщиковъ. Народъ весьма часто прибѣгалъ къ самостоятельной расправѣ съ своими экономическими врагами, грабилъ и убивалъ ихъ, но чрезъ все это положеніе гонителей еще болѣе ухудшалось, преслѣдуемые обогащались, благодаря этимъ преслѣдованіямъ. Благодаря предубѣжденіямъ противъ процентовъ, народъ находился въ экономическомъ cercle vicieux, изъ котораго не предвидѣлось выхода. Выходъ могъ сдѣлаться возможнымъ только послѣ разрушенія источника этого экономическаго круга и вотъ, вмѣстѣ съ реформаціей, мало-по-малу предубѣжденіе противъ процентовъ начинаетъ разсѣеваться.

Такъ какъ въ основаніи этого предубѣжденія лежала мысль Аристотеля о безплодности денегъ, то необходимо было обратиться къ кри-

тическому разбору этой мысли, что и сдѣлалъ Кальвинъ. Говорятъ, что деньги не производятъ новыхъ денегъ, разсуждалъ онъ (2) но море и домъ также не рождаютъ ихъ, между тѣмъ за пользованіе домомъ получается наемная плата и получаетъ доходъ торговецъ, перевозящій по морю товары. Если домъ производитъ наемную плату, то рождаются ли деньги отъ крышъ или стѣнъ? Нѣтъ; земля производитъ, море носитъ корабли и за деньги можно пріобрѣсть домъ. Когда за деньги пріобрѣтаютъ землю, капиталъ этотъ не приноситъ ли ежегоднаго дохода? Гдѣ же источникъ его? Вы отвѣтите, что въ производительной дѣятельности. Но никто не сомнѣвается, что деньги, лежащія безъ употребленія, безплодны. Доходъ получается не отъ самихъ денегъ, но отъ того употребленія, которое изъ нихъ дѣлаютъ.

Основная мысль Кальвина состоитъ въ томъ, что производительность денегъ заключается въ ихъ употребленіи, хотя сами по себѣ они производительностью не обладаютъ. Необходимо согласиться, что эта мысль вполнѣ вѣрна, но только относительно денегъ, а не капитала въ собственномъ смыслѣ этого слова. Земля пріобрѣтается за деньги; доходъ отъ этого пріобрѣтенія не есть доходъ отъ денегъ, но отъ факторовъ, дѣйствующихъ въ земледѣліи. Посредстомъ денегъ пріобрѣтаются дѣйствительные факторы производства. Естественность и правомѣрность процента отъ денегъ основывается именно на этомъ ихъ характерѣ, какъ мѣноваго посредника. Мысль эта можетъ быть уяснена слѣдующими словами I. Бентама. Возражая Аристотелю, Бентамъ говоритъ: Аристотель, этотъ великій философъ, при всей своей проницательности и великомъ талантѣ, не могъ открыть ни въ одной монетѣ органа, который бы свидѣтельствовалъ о способности денегъ къ воспроизводству, не смотря на громадное количество монетъ, перешедшихъ чрезъ его руки, не смотря на то, что вопросъ о воспроизводствѣ (la question de la génération) составлялъ его спеціальность. Убѣжденный такими доводами, онъ результатъ своихъ изслѣдованій высказалъ міру въ слѣдующемъ универсальномъ положеніи: деньги по самой природѣ своей безплодны. И мы также не сомнѣваемся въ томъ, что дарика также не способна родить другую дарику, какъ не способна родить барана или овцу; но человѣкъ, получившій ее взаймы, можетъ купить за нее барана и двухъ овецъ, способныхъ къ воспроизведенію и которые въ концѣ года могутъ дать приплодъ въ видѣ двухъ или трехъ овецъ. Если при наступленіи срока возврата долга онъ продаетъ барана

и двухъ овецъ для пріобрѣтенія вновь дарики, и возвратитъ ее заимодавцу, которому сверхъ того дастъ процентъ въ видѣ одного ягненка или его эквивалента, то онъ все-таки будетъ богаче, нежели въ то время, если бы не дѣлалъ займа ([3]).

Относительно денежнаго процента взглядъ Кальвина, развитый Бетамомъ, вполнѣ вѣренъ. Но перенесеніе этой точки зрѣнія на дѣйствительные капиталы приводитъ къ большимъ заблужденіямъ. Оно приводитъ къ доктринѣ экономической непроизводительности капитала и разрушенію правомѣрности капиталистическаго элемента собственности.

Такой экономическій кальвинизмъ наиболѣе послѣдовательно развитъ у Рикардо и его учениковъ, и развитъ по требованію ихъ общей теоріи цѣнности. По ученію Рикардо, цѣнность есть ни что иное, какъ овеществленный въ продуктѣ трудъ производства этого продукта. Согласно съ этимъ, капиталъ входитъ въ составъ цѣнности въ той мѣрѣ, въ какой онъ представляетъ собою накопленный трудъ, изъ чего слѣдуетъ, что всякій капиталъ только воспроизводится въ цѣнности новаго продукта, не образуя въ немъ никакой добавочной цѣнности, которая послужила бы основаніемъ для капиталистической прибыли. Положимъ, извѣстный продуктъ произведенъ двумя днями работы человѣка и капиталомъ, на производство котораго затрачено три дня; въ такомъ случаѣ цѣнность продукта будетъ состоять изъ двухъ слагаемыхъ: изъ двухъ дней „живаго труда“ и трехъ дней труда прошедшаго. Капиталъ здѣсь только перешелъ въ стоимость новаго продукта, не образуя никакаго новаго элемента; если три дня прошедшаго труда или капиталъ равны 10 рублямъ, то въ цѣнность новаго продукта переносятся только эти 10 рублей. Если же капиталъ только воспроизводится, не образуя въ цѣнности продукта никакого новаго элемента, то гдѣ источникъ прибыли? Прибыль не образуется капиталомъ, такъ какъ послѣдній только воспроизводится въ цѣнности; она является вычетомъ изъ добавочной цѣнности, единственный источникъ которой— живой трудъ человѣка. Если продуктъ произведенъ посредствомъ двухъ дней живаго труда и трехъ труда прошедшаго, то цѣнность его будетъ равна пяти днямъ труда. Положимъ, капиталистъ покупаетъ два дня труда работника продуктомъ, стоющимъ всего одинъ день; въ такомъ случаѣ послѣ продажи произведенія за цѣнность, равную пяти днямъ, капиталистъ имѣетъ прибыли одинъ день; три дня составляютъ воспроизведенный капиталъ; одинъ день въ видѣ продукта отданъ пред-

ставителю живаго труда, составляя его заработную плату, и одинъ день—чистая прибыль капиталиста. Ясно, что по этому ученію, прибыль есть ничто иное, какъ неоплаченный трудъ. Прибыль получается не отъ производительной дѣятельности капитала, но говоря словами Кальвина, отъ употребленія его трудомъ человѣка; по природѣ своей капиталъ безплоденъ, какъ и деньги.

Изъ современныхъ экономистовъ это ученіе принято Миллемъ. „Причина прибыли, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, когда растетъ пища. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго. Иными словами теорема выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ больше времени, какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получить все, что они производятъ, то они, за воспроизведеніемъ потребляемыхъ ими предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видимъ, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно, хотя бы и не происходило никакого обмѣна. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на $20^0/_0$ больше своей заработей платы, то прибыль будетъ $20^0/_0$, каковы бы ни были цѣны. Прибыль зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: 1) отъ величины продукта, иначе сказать отъ производительной силы труда, и 2) отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники“ (4). Въ этихъ словахъ Милль выражается такъ ясно, что не можетъ быть никакого спора относителяно его воззрѣнія. По его ученію, прибыль есть разница между тѣмъ, что производитъ рабочій и тѣмъ, что достается ему за работу отъ капиталиста. Прибыль является доходомъ противоестественнымъ, является какимъ-то экономическимъ грабежомъ. Приходится или утверждать, что le salariat est la derniére transformation de la servitude (Шатобріанъ), или санкціонировать несправедливость.

Одинъ изъ нашихъ писателей избралъ послѣднее, видя всю несостоятельность перваго. „Процентъ, говоритъ Роберти, есть чужая, неоплаченная работа, присвояемая себѣ капиталистомъ по праву экономически сильнаго. Такой процентъ есть необходимое условіе производства. Когда говорятъ о необходимости, вопросъ о справедливости вовсе устраняется. Все, что существуетъ, то и разумно, гласитъ метафизическое изреченіе Гегеля, вѣрнѣе было бы сказать: все, что необходимо, то и справедливо“ (5). Такимъ образомъ, по мнѣнію нашего экономиста, экономическій грабежъ, будучи необходимъ, является eo ipso справедливымъ. Вотъ къ какому странному результату приводитъ примѣненіе воззрѣнія Кальвина къ дѣйствительнымъ капиталамъ. Необходимо признать, что капиталъ по природѣ своей безплоденъ, что онъ увеличивается не иначе, какъ на счетъ труда. Необходимо согласиться съ А. Беккеромъ, что „капиталъ есть языческій храмъ, воздвигнутый изъ высохшихъ костей работниковъ, для ежедневно приносимыхъ въ немъ новыхъ человѣческихъ жертвъ“ (6).

Изъ того, что источникъ прибыли отъ займа денегъ не въ деньгахъ, но въ тѣхъ факторахъ производства, которые могутъ быть пріобрѣтены посредствомъ денегъ, нельзя заключать, что всякая прибыль на дѣйствительный капиталъ заключается въ чемъ либо иномъ, а не въ самомъ капиталѣ. Въ теоріи производства мы видѣли, что капиталъ представляетъ собою высокую производительную силу, ту силу, благодаря которой человѣческій міръ получилъ возможность такого развитія, какого не существуетъ въ другихъ сферахъ жизни. Капиталистическій элементъ собственности и представляетъ собою естественный результатъ этой производительности капитала, облегчающей трудъ и увеличивающей массу произведеній. Эта истина прекрасно уяснена Рошеромъ въ его основаніяхъ народной экономіи. Правомѣрность процента, говоритъ онъ, основывается съ одной стороны на производительности капитала и съ другой на лишеніи, происходящемъ вслѣдствіе непользованія своею собственностью. Если охотникъ невооруженными руками пріобрѣтаетъ каждый день по фунту мяса, а съ ружьемъ по 100 фунтомъ, то неужели неправомѣренъ доходъ собственника, снабдившаго своимъ ружьемъ охотника, безъ чего доходъ послѣдняго не увеличился бы? (§ 189). Неужели возможно въ подобныхъ случаяхъ, не извращая фактовъ, говорить объ экономическомъ грабежѣ, о капиталѣ, какъ языческомъ храмѣ изъ костей рабочихъ и т. д.

(1) Cours d'économie politique, tome 1. p. 823 и слѣд. (2) Л. Фоше, Dictionaire de l'écon. pol. сл. intéret. (3) Defance de l'usure 1828. стр. 123—127. (4) Основ. пол. экономіи, т. 1. стр. 477—478. (5) Политико-экономическіе этюды, стр. 74. (6) Б. Гильдебрандтъ. Истор обозрѣніе политико-экономическихъ системъ, стр. 74—75.

§ 2. Источникъ дохода на капиталъ— производительность послѣдняго. Но производительность разнообразныхъ капиталовъ также разнообразна, какъ разнообразна и производительность труда различныхъ людей. Это разнообразіе производительности капиталовъ легко приводитъ къ мысли, что разнообразіе прибылей представляетъ собою общее правило, неизбѣжный законъ, вытекающій изъ самой природы капиталовъ. Вотъ почему еще А. Смитъ утверждалъ, что въ дѣйствительности не мыслимо опредѣленіе средняго размѣра прибыли, такъ какъ прибыль постоянно мѣняется, мѣняется не только со дня на день, но съ часа на часъ (1). Съ другой стороны легко также пріидти и къ совершенно противоположному заключенію. Каждый стремится къ тому, чтобы извлечь возможно больше выгоды изъ своего капитала. Каждый, поэтому, перемѣщаетъ свой капиталъ изъ мало прибыльныхъ отраслей производства въ отрасли болѣе прибыльныя. Одновременное существованіе въ данной мѣстности различныхъ размѣровъ прибылей возможно не иначе, какъ при запрещеніи перехода капиталовъ изъ однихъ помѣщеній въ другія. При отсутствіи же такихъ запрещеній, какъ искусственныхъ, такъ и естественныхъ, стремленіе каждаго капиталиста получить возможно больше выгоды изъ своего капитала приводитъ къ тому, что всѣ прибыли естественно стремятся къ одному уровню. При этомъ стремленіи однообразіе въ уровнѣ прибылей составляетъ общее правило, между тѣмъ какъ разнообразіе исключеніе изъ общаго правила.

Въ экономической литературѣ послѣднее воззрѣніе впервые было уяснено Рикардо. Каждый, кто свободно распоряжается своимъ капиталомъ, говоритъ онъ, естественно станетъ искать такого употребленія для него, какое наиболѣе выгодно; само собою разумѣется, что онъ не удовольствуется 10% прибыли, когда можетъ получить 15%. Это безпокойное желаніе, свойственное всѣмъ капиталистамъ, оставлять менѣе прибыльное дѣло для болѣе прибыльнаго, имѣетъ сильное стремленіе приводить прибыль повсюду къ одному уровню, или приспособлять такимъ образомъ размѣры ея, чтобы возмѣщались тѣ вы-

годы, какія, по мнѣнію заинтересованныхъ сторонъ, дѣйствительно или повидимому имѣетъ одна изъ нихъ, въ сравненіи съ другою. Быть можетъ, было бы довольно затруднительно описать тотъ способъ, при помощи котораго происходитъ эта перемѣна въ промышленности; она происходитъ, вѣроятно, такимъ образомъ, что фабрикантъ не абсолютно мѣняетъ свои занятія, а только уменьшаетъ часть затраты капитала. Во всѣхъ богатыхъ странахъ есть извѣстное число людей, образующихъ такъ называемый денежный классъ; люди эти не занимаются никакимъ производствомъ, а живутъ процентами съ своихъ денегъ, которыя употребляются или на учетъ векселей, или отдаются взаймы болѣе промышленной части общества. Банкиры также употребляютъ немаловажную часть капитала на подобнаго рода операціи. Деньги, получившія такое назначеніе, составляютъ значительный свободный капиталъ и употребляются въ большемъ или меньшемъ количествѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности страны. Быть можетъ, не существуетъ ни одного фабриканта, какъ бы богатъ онъ ни былъ, который ограничивалъ бы свои операціи тѣми размѣрами, какіе допускаются одними собственными его средствами. Онъ всегда располагаетъ частью этого свободнаго капитала, которая то увеличивается, по уменьшается, смотря по живости спроса на его произведенія. Когда спросъ на шелковыя ткани возрастаетъ, а на суконныя уменьшается, то фабрикантъ суконъ не переводитъ своего капитала въ производство шелковыхъ матерій; онъ увольняетъ только нѣкоторыхъ рабочихъ и перестаетъ занимать деньги у банкировъ и капиталистовъ. Фабрикантъ шелковыхъ тканей находится, между тѣмъ, совершенно въ противоположныхъ обстоятельствахъ: ему необходимо употреблять болѣе рабочихъ, а слѣдовательно возрастаютъ для него и поводы къ займамъ; онъ занимаетъ болѣе, и капиталъ переходитъ изъ одного помѣщенія въ другое такимъ образомъ, что устраняется необходимость для фабриканта прекращать свое обычное занятіе. Капиталистъ, ищущій прибыльнаго помѣщенія для своего капитала, естественно долженъ взвѣсить всѣ преимущества одного рода промышленности предъ другимъ. Онъ можетъ, слѣдовательно, пожелать отказаться отъ части прибыли на свои деньги, въ виду большей безопасности, чистоты, спокойствія или какой нибудь другой дѣйствительной или воображаемой выгоды, какими пользуется одно употребленіе, въ сравненіи съ другимъ. Если бы, въ соотвѣтствіи съ такими обстоятельствами, прибыль съ капитала установилась такъ,

что въ одной отрасли промышленности составляла бы 20, въ другой 25, въ третьей 30%, то прибыль, вѣроятно, постоянно продолжала бы сохранять эту относительную разность, съ тѣмъ только различіемъ, что, если бы, подъ вліяніемъ какой нибудь причины, прибыль одной изъ этихъ отраслей возвысилась на 10%, то или возвышеніе это было бы только временнымъ, и прибыль быстро возвратилась бы къ своему обычному состоянію, или прибыль въ другихъ отрасляхъ возвысилась бы въ той же пропорціи (2).

Въ экономической литературѣ и до настоящаго времени идетъ споръ между представителями этихъ воззрѣній. Одни утверждаютъ, что однообразіе уровня прибылей есть общее правило, тогда какъ разнообразіе является исключеніемъ. Другіе, на оборотъ, утверждаютъ, что безконечное разнообразіе прибылей есть общее правило, а однообразіе—исключеніе. Мы думаемъ, что каждая изъ спорящихъ сторонъ права, но только односторонне. Каждая изъ нихъ видитъ одну сторону медали, не видя другой стороны. Разнообразіе прибылей—необходимое условіе экономическаго прогресса. Оно представляетъ собою внѣшнее выраженіе разнообразія способностей, съ помощью коихъ утилизируется капиталъ. По закону личнаго интереса, каждый производитель стремится къ достиженію возможно лучшихъ результатовъ съ возможно меньшими пожертвованіями; каждый стремится къ удешевленію производства, къ его усовершенствованію. Частное усовершенствованіе, прежде нежели сдѣлается общеизвѣстнымъ, дастъ тому или иному производителю большій доходъ, чѣмъ получаютъ другіе. Одинъ сельскій хозяинъ лучше организуетъ свое хозяйство, чѣмъ другой, благодаря чему и выручаетъ большій доходъ. Тотъ или иной мануфактуристъ можетъ лучше другихъ воспользоваться принципомъ раздѣленія труда, закономъ несоотвѣтствія между издержками дѣла и его размѣрами, кредитомъ и т. п., благодаря чему выручаетъ большій доходъ на опредѣленный капиталъ, чѣмъ выручаютъ другіе, менѣе смышленные, менѣе находчивые промышленники. Всѣ подобнаго рода колебанія въ уровнѣ прибылей представляютъ собою неизбѣжное условіе развитія; безъ нихъ экономическій прогрессъ не мыслимъ. Точно также неизбѣжно неравенство прибылей, происходящее отъ того, что не всѣ производители одинаково дорожатъ матеріальнымъ доходомъ, но обращаютъ также вниманіе на другія условія промысла, наприм. на постоянство дохода, рискъ предпріятія, чистоту его, безопасность и

т. п. Неравенство прибылей при такихъ обстоятельствахъ неизбѣжно; оно и существуетъ въ обыденной жизни на каждомъ шагу. Но всякому должно быть ясно, что такое неравенство не исключаетъ стремленія къ равенству. Когда оно происходитъ отъ того, что каждый производитель обращаетъ вниманіе при выборѣ занятія не на одинъ матеріальный доходъ, но и на другія условія промысла, то, очевидно, для производителя меньшая прибыльность предпріятія вознаграждается другими важными для него условіями, наприм. безопасностью предпріятія, большимъ постоянствомъ приносимаго имъ дохода и т. д. Когда же неравенство въ уровнѣ прибылей проистекаетъ изъ стремленія къ удешевленію производства, то здѣсь оно не можетъ быть постояннымъ. То или иное усовершенствованіе, увеличившее прибыльность даннаго хозяйства, не долго остается монополіей одного производителя, но мало по малу распространяется между другими и, наконецъ, становится общимъ достояніемъ. Наконецъ, необходимо не забывать, что всѣ колебанія въ уровнѣ прибылей могутъ происходить не иначе, какъ вокругъ того средняго уровня, за которымъ начинается растрата силъ.

И такъ, разнообразіе въ уровнѣ прибылей не исключаетъ стремленія ихъ къ равенству, подобно тому, какъ постоянныя колебанія волнъ не уничтожаютъ закона, по которому море всегда стремится къ уровню, по которому стремится къ одному уровню и вода въ сообщающихся между собою трубкахъ.

(1) Richesse des Nations. т. 1, стр. 200. (2) Начала политической экономіи, гл. IV.

§ 3. Съ экономическимъ развитіемъ прибыль и въ частности процентъ или плата за пользованіе капиталами постоянно уменьшается. Этотъ фактъ уже давно обратилъ на себя вниманіе, при чемъ нѣкоторые пришли даже къ мысли, что въ своемъ постепенномъ паденіи прибыль съ капитала наконецъ вовсе уничтожится. По замѣчанію Рошера, это пророчество, впервые высказанное Прудономъ, также основательно, какъ было бы основательно пророчество о томъ, что, уменьшая въ незначительной степени каждый день порцію пищи, человѣкъ достигнетъ того, что можетъ обходиться совершенно безъ пищи. Дѣйствительно, полное уничтоженіе процента было бы равносильно пре-

кращенію накопленія капиталовъ, экономической неподвижности общества и за тѣмъ постепенному упадку. Личный интересъ всегда былъ важнѣйшимъ экономическимъ двигателемъ, съ уничтоженіемъ котораго возможно только такое общежитіе, которое представляло бы собою всеобщее рабство. Капиталистическая прибыль и въ частности ростъ служатъ одной изъ формъ проявленія въ жизни этого личнаго интереса.

Если бы капиталъ не давалъ никакого дохода, тогда не было бы интереса въ сбереженіи и накопленіи его; тогда не было бы и роста, потому что вознагражденіе за пользованіе капиталомъ дается на томъ основаніи, что употребленный въ дѣло капиталъ увеличиваетъ произведенія, то есть приноситъ доходъ.

Могутъ возразить противъ этого, что общество естественно стремится къ такому неподвижному состоянію и за тѣмъ къ упадку. Пониженіе роста и прибыли имѣетъ тенденцію уменьшать мотивы къ накопленію капиталовъ. Весьма естественно, что на этомъ пути долженъ наступить моментъ, въ который всякое сбереженіе и накопленіе капиталовъ остановится, послѣ чего общество или, подобно Китаю, должно окаменѣть въ данной стадіи развитія, или, подъ вліяніемъ размноженія населенія, постепенно разлагаться. Извѣстная экономическая схема Рошера, по которой общество, послѣ періода развитія, вступаетъ въ состояніе неподвижности и, наконецъ, неизбѣжно разлагается и умираетъ, основана главнымъ образомъ на этой мысли о движеніи накопленія капиталовъ.

Сторонники этого экономическаго пессимизма забываютъ, что одновременно съ пониженіемъ процента на капиталъ происходитъ общее увеличеніе капиталистическаго дохода, вслѣдствіе увеличенія количества капиталовъ. Другими словами, они забываютъ, что при уменьшеніи относительнаго капиталистическаго дохода увеличивается абсолютный доходъ. Въ одно время капиталистъ получаетъ 20% отъ своихъ 100,000 рублей, то есть получаетъ дохода 20,000. Предположимъ, что съ теченіемъ времени процентъ уменьшается съ 20 на 15, но при этомъ происходитъ удвоеніе капиталовъ. Нашъ капиталистъ съ 200,000, считая по 15%, получаетъ дохода 30,000; другими словами, его абсолютный доходъ увеличился, хотя уменьшился относительный, какъ та доля, которая относится къ опредѣленной единицѣ всего капитала. Всякій, кто только разумно понимаетъ свои личныя выгоды, предпочтетъ при низкомъ

процентѣ высокій абсолютный доходъ отъ своего капитала доходу большому относительному или процентному. Вотъ почему въ дѣйствительности наибольшее накопленіе капиталовъ происходило не при существованіи высокихъ процентовъ, не въ средніе вѣка напримѣръ, но въ новѣйшее время, когда процентъ значительно понизился. Фактъ этотъ нѣкоторые писатели возводятъ даже въ законъ, принимая, что „вездѣ, гдѣ процентъ высокъ, накопленіе медленно; вездѣ же, гдѣ онъ низокъ, накопленіе быстро.“ Съ другой стороны, накопленіе капиталовъ обусловливается не только размѣрами относительной и даже абсолютной прибыли, но также умственными и нравственными свойствами народа, такъ наприм. умѣньемъ цѣнить будущія выгоды сравнительно съ настоящими, способностью приносить трудъ и жертвы въ настоящемъ въ цѣляхъ будущаго и т. п. Подтвержденіемъ этого можетъ служить въ извѣстной степени Китай. „Если справедливо мнѣніе, говоритъ Милль, что Китай достигъ неподвижнаго состоянія, значитъ, накопленіе капитала уже прекратилось въ немъ на степени очень высокой выручки,—какъ высока она, доказывается тѣмъ, что въ Китаѣ величина процентовъ по закону 12, а въ дѣйствительности, какъ говорятъ, отъ 18 до 36. Потому надобно полагать, что количество капитала, большее существующаго нынѣ въ этой странѣ, не можетъ найти себѣ занятія съ такою высокою пропорціею прибыли, а прибыль менѣе высокая не представляетъ китайцу такой привлекательности, чтобы онъ отказывался для нея отъ настоящаго наслажденія. Какая противоположность съ Голландіею, гдѣ, въ цвѣтущій періодъ, правительство занимало деньги по 2 процента, а частные люди, съ хорошимъ обезпеченіемъ, по 3 процента. Китай не такая страна, какъ Бурма или государства индійскихъ раджей, гдѣ громадность процента служитъ необходимымъ вознагражденіемъ за рискъ, которому подвергаетъ кредитора недобросовѣстность или бѣдность государства или почти всѣхъ частныхъ должниковъ. Потому, если дѣйствительно справедливо, что возрастаніе капитала остановилось въ Китаѣ при такой огромности вознагражденія, это значитъ, что у китайцевъ дѣятельное стремленіе къ накопленію, иначе говоря, умѣнье цѣнить будущее по сравненію съ настоящимъ, гораздо слабѣе, чѣмъ почти у всѣхъ безъ исключенія европейскихъ народовъ“ (1).

Гдѣ же причина уменьшенія процентовъ, происходящаго вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ?

А. Смитъ находилъ, что причиной этого явленія—конкурренція или соперничество между капиталами. Съ экономическимъ развитіемъ обществъ, говоритъ онъ, происходитъ накопленіе или увеличеніе въ странѣ количества капиталовъ, которое приводитъ къ увеличенію заработной платы и вмѣстѣ съ тѣмъ къ уменьшенію прибыли на капиталъ. Когда въ опредѣленную отрасль промышленности направляются многіе капиталисты, тогда возникаетъ между ними конкурренція и въ дѣлѣ найма рабочихъ и въ продажѣ произведеній, что и приводитъ съ одной стороны къ увеличенію вознагражденія за наемный трудъ и съ другой—къ уменьшенію прибыли. Когда подобное явленіе происходитъ во всемъ обществѣ, т. е. когда въ этомъ обществѣ увеличивается количество капиталовъ и капиталистовъ, тогда соперничество между владѣльцами капиталовъ производитъ общее возвышеніе заработной платы, сопровождающееся одновременнымъ пониженіемъ прибыли на капиталъ. Въ большихъ городахъ обыкновенно сосредоточивается большее количество капиталистовъ, чѣмъ въ деревняхъ; на этомъ основаніи соперничество въ первыхъ поселеніяхъ сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ. Вотъ почему въ городахъ обыкновенно заработная плата выше и прибыль ниже, чѣмъ въ деревняхъ. Въ значительномъ городѣ капиталисты не всегда могутъ пріискать нужное имъ количество рабочихъ; соперничая между собою, они возвышаютъ цѣны за трудъ и должны довольствоваться меньшею прибылью. То, чѣмъ является городъ относительно села, преставляетъ собою высшая ступень въ экономическомъ развитіи относительно низшей. Въ странѣ, достигшей высокаго экономическаго развитія, каждая отдѣльная отрасль промышленности богата капиталами, ищущими для себя помѣщенія; между владѣльцами естественно возникаетъ взаимное соперничество, приводящее къ пониженію прибыли и возвышенію цѣны труда, подобно тому, какъ тотъ же результатъ получается въ городѣ, сравнительно съ деревней ([2]).

Это простое объясненіе факта, предложенное А. Смитомъ, въ первое время было принято лучшими изъ его учениковъ, но вскорѣ было замѣнено пессимистической теоріей Рикардо и его послѣдователей.

По ученію Рикардо, „прибыль имѣетъ естественное стремленіе понижаться, потому что, при прогрессивномъ движеніи богатства и общества, требуемая прибавка пищи получается посредствомъ пожертвованія все большаго и большаго количества труда“.

Теорему свою Рикардо доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Мѣновая цѣнность всѣхъ продуктовъ, говоритъ онъ, распадается только на двѣ части: одна образуетъ прибыль на капиталъ, другая—вознагражденіе за трудъ. Если хлѣбъ и мануфактурные товары продаются всегда по одной и той же цѣнѣ, то прибыль всегда будетъ высока или низка, смотря потому, будетъ ли высока или низка заработная плата. Если цѣна хлѣба поднимается, вслѣдствіе увеличенія количества труда на его производство, но при этомъ не увеличивается вознагражденіе за трудъ, то прибыль остается безъ измѣненія. Если же съ увеличеніемъ цѣнъ хлѣба происходитъ увеличеніе вознагражденія за трудъ, то прибыль на капиталъ необходимо падаетъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ, въ коихъ употребляется болѣе дорогой трудъ. Съ экономическимъ развитіемъ обществъ неизбѣжно происходитъ возвышеніе цѣнъ хлѣба и увеличеніе вознагражденія за трудъ, вслѣдствіе чего неизбѣжно происходитъ и паденіе прибыли на капиталъ. Если фабрикантъ продаетъ свои товары всегда по одной и той же цѣнѣ, наприм. по 1000 фунтовъ, то прибыль его зависитъ отъ цѣны труда, необходимаго на ихъ производство. Прибыль его будетъ менѣе значительна, когда заработная плата поднимется до 800 ф., нежели въ томъ случаѣ, когда она составитъ только 600. И такъ, въ томъ отношеніи, въ какомъ возвышается заработная плата, падаетъ прибыль. Могутъ возразить, что съ возвышеніемъ цѣны сырыхъ произведеній, хотя расходъ на заработную плату возрастаетъ, производитель получаетъ прежнюю прибыль, такъ какъ увеличеніе расхода вознаграждается возвышеніемъ цѣны продукта. Въ дѣйствительности этого не можетъ быть, такъ какъ производитель долженъ не только выдавать большее вознагражденіе каждому изъ рабочихъ, но онъ принужденъ также или платить ренту, или давать занятіе прибавочному числу рабочихъ, чтобы получить прежнее количество продукта.

Неизбѣжность возвышенія цѣнъ сырыхъ продуктовъ и въ особенности цѣнъ хлѣба, сопровождающагося увеличеніемъ денежнаго вознагражденія за трудъ и уменьшеніемъ прибыли, Рикардо доказываетъ тѣмъ, что съ размноженіемъ населенія увеличиваются издержки производства хлѣба, такъ какъ приходится переходить отъ обработки болѣе плодородныхъ земель къ обработкѣ худшихъ, менѣе плодородныхъ, дающихъ тотъ-же продуктъ при большихъ затратахъ. Предположимъ, что въ одинъ періодъ обрабатываются наиболѣе плодородныя земли и

десятина даетъ 10 четвертей хлѣба, въ слѣдующій періодъ приходится обратиться къ землямъ менѣе плодороднымъ, дающимъ всего 8 четвертей, наконецъ въ третій періодъ необходимо обрабатывать и земли, дающія всего 6 четвертей, при одинаковыхъ затратахъ. Сообразно съ этимъ уменьшеніемъ плодородія, цѣны на хлѣбъ возвышаются, такъ какъ увеличивается количество труда, необходимое для производства. Такъ какъ, за тѣмъ, въ нашемъ предположеніи уменьшающееся количество хлѣба производится тѣмъ же количествомъ труда, какое было затрачиваемо въ первомъ періодѣ, то въ послѣдующихъ періодахъ цѣны должны подняться на столько, чтобы меньшее количество хлѣба стоило столько же, сколько прежде давалось за большее его количество. Если въ первомъ періодѣ 10 четвертей, каждая по 10 рублей, стоили 100 рублей, то и 8 четв. во второмъ періодѣ и 6 четв. въ третьемъ будутъ продаваться также по 100 рублей; это необходимо, потому что въ дѣло употребляется прежнее же количество и капитала и труда, безъ такой платы никто бы не захотѣлъ производить затратъ. И такъ, если въ первомъ періодѣ четверть хлѣба продавалась за 10 рублей, то во второмъ будетъ продаваться за 12 руб. 50 коп., а въ третьемъ за 16 р. $66^2/_3$ коп. Общій доходъ производителя остается безъ измѣненія, между тѣмъ издержки увеличились, слѣдовательно прибыль его неизбѣжно уменьшается. И коренной причиной этого является обработка худшихъ земель и новыя затраты на прежнихъ, не дающія прежняго дохода. При возвышеніи цѣнъ предметовъ первой необходимости заработная плата также должна увеличиваться, иначе не мыслимо существованіе рабочихъ. При прогрессивномъ движеніи богатства и общества то и другое неизбѣжно, почему также неизбѣжно и уменьшеніе прибыли. Къ счастію, этому стремленію, этому тяготѣнію прибыли къ пониженію препятствуютъ, отъ времени до времени, улучшенія въ устройствѣ машинъ, употребляемыхъ въ производствѣ предметовъ необходимости, точно также какъ и открытія въ сельско-хозяйственной наукѣ, которыя даютъ намъ возможность уменьшать на извѣстную часть необходимый прежде трудъ и, слѣдовательно, понижать цѣну предметовъ первой необходимости для рабочаго ([3]).

Къ этому ученію Рикардо, не смотря на его пессимистическій характеръ, склоняются и въ настоящее время важнѣйшіе авторитеты экономической науки, наприм. Рошеръ и Милль. Рошеръ почти бук-

вально повторяетъ слова Рикардо, говоря, что пониженіе роста главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что при увеличеніи народонаселенія возникаетъ необходимость оплодотворять малопроизводительныя земли, вслѣдствіе чего увеличиваются цѣны предметовъ первой необходимости и денежное вознагражденіе труда (4). Также и по Миллю, прибыль въ своихъ размѣрахъ зависитъ исключительно отъ стоимости труда, слѣдовательно уменьшеніе ея можетъ произойти лишь отъ увеличенія этой стоимости. „Стоимость труда, говоритъ онъ, есть функція трехъ измѣняемыхъ: успѣшности труда, рабочей платы (т. е. существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Ясно, что стоимость труда для капиталиста зависитъ отъ каждаго изъ этихъ трехъ обстоятельствъ, и что только три эти обстоятельства имѣютъ на нее вліяніе. Слѣдовательно ими опредѣляется и величина прибыли, а величина эта можетъ измѣняться только отъ ихъ вліянія. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ и вознагражденіе за него не возвысится; если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе, не увеличится, и самъ трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ, или если предметы, составляющіе вознагражденіе работника, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, то въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ, или отъ ухудшенія въ его воспитаніи); или если работникъ станетъ получать больше вознагражденія безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей; или если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но стоимость получаемыхъ имъ вещей будетъ больше,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль подвергнется уменьшенію. Кромѣ этихъ случаевъ *нѣтъ другихъ комбинацій обстоятельствъ*, отъ которыхъ могла бы падать или возвышаться общая величина прибыли въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности“ (5).

Къ счастію эти другія комбинаціи обстоятельствъ, такъ рѣзко отрицаемыя и Рикардо и Миллемъ, существуютъ въ дѣйствительности. Честь указанія ихъ принадлежитъ Кэри, и въ этомъ заключается существеннѣйшая заслуга въ наукѣ американскаго экономиста (6).

Капиталъ, говоритъ онъ, представляетъ собою ту силу, благодаря которой человѣкъ увеличиваетъ свое господство надъ силами природы и тѣмъ самымъ уменьшаетъ и облегчаетъ свой трудъ, необходимый для производства продуктовъ. Всякій новый капиталъ, облегчая производство, облегчаетъ воспроизводство капиталовъ, уменьшаетъ ихъ цѣнность и вознагражденіе за пользованіе ими. Домъ, давно выстроенный, стоитъ гораздо большаго труда, чѣмъ вновь строющійся, вслѣдствіе чего падаетъ и цѣнность его при продажѣ, а также наемная плата. Цѣнность прежде созданныхъ капиталовъ уменьшается съ каждымъ шагомъ развитія техники, такъ какъ уменьшаются издержки, необходимыя для воспроизводства этихъ капиталовъ. Для изготовленія перваго лука Крузе долженъ былъ употребить значительныя усилія, онъ не иначе, какъ съ большимъ трудомъ могъ поймать животное, изъ котораго добылъ тетиву для лука. Но разъ созданный лукъ облегчилъ охоту, далъ возможность съ меньшими усиліями пріобрѣсть птицъ и кроликовъ, доставляющихъ тетиву. Такимъ образомъ разъ созданный лукъ былъ причиною уменьшенія своей собственной цѣнности, такъ какъ при помощи его облегчилось производство луковъ. Тоже самое происходитъ и со всѣми капиталами. Каменный уголь облегчаетъ добываніе желѣзной руды, благодаря чему, уменьшается цѣнность желѣза; съ другой стороны, желѣзо облегчаетъ добываніе каменнаго угля, благодаря чему, цѣна послѣдняго также падаетъ. Первый созданный человѣкомъ каменный ножъ былъ результатомъ несравненоо большихъ усилій, чѣмъ ножъ бронзовый, хотя былъ орудіемъ болѣе плохимъ, чѣмъ этотъ послѣдній. Въ настоящее время каменный ножъ вовсе не имѣетъ цѣнности, но также упала цѣнность и бронзоваго орудія, съ изобрѣтеніемъ орудій желѣзныхъ и стальныхъ. Каждое новое орудіе совершеннѣе предшествующаго, между тѣмъ издержки его производства меньше именно въ силу этого большаго совершенства, облегчающаго трудъ и усиливающаго господство человѣка надъ природою. Производство стальнаго топора въ настоящее время обходится дешевле, чѣмъ производство каменнаго первобытнымъ человѣкомъ, почти ничѣмъ невооруженнымъ. Съ этимъ постояннымъ уменьшеніемъ цѣнности новыхъ капиталовъ въ причинной связи идетъ и уменьшеніе доли капиталиста въ результатѣ производства; за пользованіе орудіемъ болѣе дешевымъ, хотя и болѣе совершеннымъ, и плата, естественно, дается меньшая.

Въ своей теоріи Кэри указываетъ на ту внутреннюю причину, подъ вліяніемъ которой происходитъ съ экономическимъ развитіемъ уменьшеніе доли капитала. Но эта внутренняя причина осуществляется въ жизни при помощи внѣшней, замѣченной А. Смитомъ, то есть при помощи соперничества или конкурренціи между капиталистами. Если бы съ экономическимъ развитіемъ не происходило увеличенія владѣльцевъ капиталовъ, то положеніе небольшаго числа собственниковъ капитала было бы монополизировано, вслѣдствіе чего они имѣли бы возможность получать высокія прибыли, не смотря на облегченіе воспроизводства ихъ собственности. Очевидно, теорія Кэри не исключаетъ теоріи основателя политической экономіи; она служитъ прекраснымъ дополненіемъ послѣдней. Благодаря облегченію воспроизводства капиталовъ новыхъ при помощи прежнихъ, капиталистическая собственность распространяется въ массахъ населенія; облегченіе воспроизводства, такимъ образомъ, препятствуетъ сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ немногихъ, препятствуетъ возникновенію и развитію монополіи капитала, низводя, благодаря соперничеству, прибыль до того уровня, который соотвѣтствовалъ бы паденію цѣнности каждаго капитала.

Но эта теорія не исключаетъ также теоретической истинности пессимистическаго воззрѣнія Рикардо. Если мы предположимъ такое состояніе общества, при которомъ населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ размножаются капиталы, чѣмъ происходятъ улучшенія въ техникѣ производства, то легко замѣтимъ, что именно къ этому состоянію воззрѣніе Рикардо вполнѣ примѣнимо. Для прокормленія увеличившагося населенія въ этомъ состояніи общества необходимо обрабатывать въ числѣ другихъ и наиболѣе плохія земли при техникѣ почти неизмѣнившейся, что возможно не иначе, какъ при возвышеніи цѣнъ добываемыхъ продуктовъ. Когда поднимутся цѣны предметовъ первой необходимости, тогда должно возвыситься въ соотвѣтствующей пропорціи и вознагражденіе рабочихъ. Если рабочіе прежде получали лишь то, что необходимо для существованія, то безъ такого возвышенія денежной рабочей платы ихъ существованіе невозможно. При возвышеніи рабочей платы, издержки предпринимателей увеличиваются, между тѣмъ какъ общій ихъ доходъ остается безъ увеличенія, такъ не произошло никакихъ необходимыхъ для этого техническихъ улучшеній. Очевидно, что при этомъ доля капитала падаетъ и причина паденія—необходимость обрабатывать малоплодородныя земли. Песси-

мистическая теорія Рикардо и его послѣдователей примѣнима только къ такому неподвижному или малоподвижному состоянію общества. Она не находитъ мѣста въ обществахъ непрозябающихъ, но живущихъ и развивающихся. Въ такихъ обществахъ не только не обработка худшихъ земель является причиною паденія прибыли, но именно паденіе прибыли даетъ возможность организовать интенсивное земледѣліе, сосредоточивать значительные капиталы на небольшихъ пространствахъ и обрабатывать самыя плохія земли. Въ этомъ отношеніи прогрессивное уменьшеніе прибыли оказываетъ самое благодѣтельное вліяніе на все общество. Положимъ, для обработки извѣстнаго участка необходимо затратить 1000 рублей, но эта земля менѣе другихъ плодородна, даетъ всего 50 рублей дохода, между тѣмъ какъ въ странѣ 1000 рублей приносятъ 60 руб. дохода, то есть 6%. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ обработка этого участка убыточна. Она становится неубыточною только тогда, когда доля капитала упадетъ до 5%. При интенсивномъ хозяйствѣ, когда на незначительныхъ пространствахъ сосредоточиваются значительные капиталы, всякій новый капиталъ производитъ менѣе прежняго, то есть прибавка продукта получается посредствомъ увеличенія издержекъ въ пропорціи, превышающей увеличеніе этого продукта. Такое сосредоточеніе затратъ на данномъ пространствѣ благодѣтельно лишь тогда, когда не сопровождается возвышеніемъ цѣнъ, а это возможно не иначе, какъ при уменьшеніи прибыли на капиталъ, соотвѣтственно уменьшенію производительности послѣднихъ частей капитала, затрачиваемыхъ въ землю. Наконецъ и относительно всего народнаго хозяйства уменьшеніе прибыли производитъ такое же благопріятное вліяніе, давая возможность заниматься и наименѣе доходными промыслами, необходимыми для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ потребностей, увеличивая массу произведеній и довольство.

(1) Основ. полит. экономіи, стр. 1, 217—218. (2) Richesse des Nations кн. I, гл. IX. (3) Нач. пол. эк. гл. VI. (4) Die Grundlage der Nationalökon. § 185. (5) Основ. т. 1, стр. 481—482. (6) Principes de la science sociale, гл. VI. XXXIV.

б) Доля труда.

Вопросъ о долѣ труда въ общей суммѣ производства интересовалъ уже древнихъ мыслителей, наприм. Платона, Аристотеля и другихъ.

Въ новѣйшее время этотъ вопросъ объединился въ видѣ такъ называемаго *рабочаго вопроса*. Собственно говоря, это не есть самостоятельный вопросъ, но, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ экономистовъ, конгломератъ нѣсколькихъ проблемъ (1). Въ научной экономической системѣ онъ не имѣетъ важнаго значенія, какъ въ обыденной жизни, такъ какъ рѣшеніе его имѣетъ подчиненное значеніе, а именно, зависитъ отъ рѣшенія болѣе общаго вопроса—о цѣнности вообще.

Основное положеніе относительно доли труда въ общей суммѣ производства состоитъ въ томъ, что работа не найдетъ себѣ представителей, если не прокормитъ ихъ. Согласно съ этимъ всякое вознагражденіе за трудъ какъ самостоятельный, такъ и наемный имѣетъ свой минимумъ, какъ тотъ предѣлъ, ниже котораго оно не можетъ быть въ теченіи продолжительнаго времени.

Предѣлъ этотъ состоитъ въ томъ, что вознагражденіе должно покрывать расходы, необходимые для содержанія рабочаго.

Подъ расходами этими разумѣются такіе, какіе необходимы для прокормленія и воспитанія средней семьи рабочаго. Если бы они не были достаточны для прокормленія этой семьи, то количество рабочихъ ограничилось бы однимъ только поколѣніемъ. Если бы, за тѣмъ, они не были достаточны для надлежащаго воспитанія средней рабочей семьи, то, по смерти оного поколѣнія рабочихъ, слѣдующее поколѣніе было бы не подготовлено къ труду, оказалось бы неумѣлымъ и неспособнымъ. Достаточность трудовой платы къ прокормленію и воспитанію средней семьи—является, такимъ образомъ, условіемъ sine qua non всякаго производства; при отсутсвіи ея или вовсе должно прекратиться существованіе рабочихъ, или же, когда плата достаточна лишь для прокормленія, промышленность страны обречена на прозябаніе, за невозможностью надлежащаго приготовленія рабочихъ къ веденію ея. Размѣры такой достаточности опредѣляются всею совокупностью разнообразныхъ физическихъ, нравственныхъ и хозяйственныхъ условій страны, подъ вліяніемъ коихъ вырабатывается тотъ или иной уровень потребностей, вырабатывается понятіе о среднемъ достаткѣ, безъ котораго рабочій не можетъ существовать и воспитывать дѣтей. Вотъ почему размѣры средняго достатка не одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны и въ различныхъ классахъ населенія.

Подъ вліяніемъ физическихъ условій, работникъ теплыхъ странъ менѣе нуждается въ матеріалѣ для топлива и построекъ, чѣмъ житель сѣверныхъ мѣстностей, въ какой пропорціи потребности его легче удовлетворяются, вслѣдствіе чего и расходы содержанія и воспитанія семьи его также меньше, чѣмъ у сѣвернаго работника. Подъ вліяніемъ тѣхъ же физическихъ условій, работникъ юга довольствуется болѣе дешевою растительною пищею, между тѣмъ какъ для работника сѣвера необходима дорогая животная пища. Подъ вліяніемъ нравственныхъ условій среды, работникъ въ одной странѣ или мѣстности довольствуется самою простою и грубою одеждою, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ рабочіе не могутъ обойтись безъ одежды, соотвѣтствующей ихъ болѣе развитымъ понятіямъ о приличіи, изяществѣ и т. п. Точно также, вслѣдствіе разнообразія нравственныхъ условій среды, въ однихъ странахъ рабочіе довольствуются общими квартирами, имѣютъ стадные ночлеги, между тѣмъ какъ въ другихъ это не мыслимо; болѣе развитыя понятія о святости семейныхъ отношеній не допускаютъ того, что бы жить нѣсколькимъ семействамъ въ одной комнатѣ. Нравственныя условія страны имѣютъ также большое вліяніе на средній уровень издержекъ по воспитанію будущихъ поколѣній рабочихъ; необходимое въ этомъ отношеніи въ однихъ странахъ считается роскошью и излишествомъ въ другихъ, такъ наприм. грамотность одними рабочими считается крайнею необходимостью въ жизни человѣка рабочаго, между тѣмъ какъ другими она признается роскошью, безъ которой можно обойтись. Но въ особенности большое вліяніе на этотъ уровень оказываютъ экономическія причины; въ странахъ болѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи настоятельнѣе нужда въ надлежащемъ образованіи рабочихъ, чѣмъ въ странахъ менѣе развитыхъ въ этомъ отношеніи.

Доля труда, соотвѣтствующая указаннымъ требованіямъ, можетъ быть названа субъективнымъ элементомъ вознагражденія труда. Она указываетъ на тотъ предѣлъ, ниже котораго рабочая плата не можетъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени существовать. Она указываетъ предѣлъ тѣхъ издержекъ, безъ покрытія которыхъ рабочею платою опредѣленное занятіе не можетъ найти рабочихъ.

Субъективнымъ элементомъ вознагражденія труда требуется, чтобы заработная плата работника была достаточною для покрытія издержекъ въ случаяхъ неизбѣжнаго непостоянства въ занятіи. Такъ, кровель-

щики должны въ свои рабочіе дни получить средства для существованія въ такое время, наприм. зимой, когда они работать не могутъ. Равнымъ образомъ, „во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ много праздниковъ необходимо, чтобы будни доставляли рабочій доходъ, покрывающій содержаніе во время праздниковъ: въ католическихъ странахъ Европы до папы Климента XIV было 150 праздничныхъ дней въ году, изъ нихъ въ 90 настрого было запрещено приниматься за что бы то ни было; у протестантовъ на 300 рабочихъ дней всего приходится 60 нерабочихъ во весь годъ. Въ одной мѣстности нижней Баваріи, по Рау, было 204 праздника въ году. Всякіе перерывы въ работѣ, естественные или обычные, отражаются на высотѣ заработной платы, разъ послѣдняя не можетъ быть меньше того, что потребно рабочему для существованія“ (2). Изъ этого мы видимъ, что въ силу требованій субъективныхъ условій заработной платы въ дѣйствительности должно оплачиваться и то время, когда работникъ не работаетъ. Въ силу этихъ же требованій бываетъ и на оборотъ; лишнее рабочее время не оплачивается въ такой же мѣрѣ, какъ необходимое рабочее время.

Извѣстно, что существуетъ большая разница между платою за основную работу, дающею существенное содержаніе рабочему, и подспорною, которую получаетъ рабочій за свои работы въ свободное время отъ главнаго занятія. Подспорныя работы весьма часто подрываютъ основную заработную плату. Надѣясь пополнить недостающее подспорнымъ трудомъ, работникъ соглашается на меньшую основную плату. Съ другой стороны, при существованіи болѣе или менѣе достаточной основной платы, работникъ можетъ слишкомъ мало цѣнить свой подспорный трудъ. Особый видъ такого подспорнаго труда представляетъ во многихъ случаяхъ наша кустарная промышленность, какъ такая, которою занимаются крестьяне въ свободное время отъ ихъ главнаго занятія—земледѣлія. Продукты этой промышленности, весьма часто требующіе изнурительнаго труда, необычайной сообразительности и искуства со стороны человѣка, работающаго самыми простыми орудіями, въ тоже время невѣроятно дешевы, благодаря чему успѣшно конкуррируютъ съ машиннымъ ихъ производствомъ. Весьма часто, по своей дешевизнѣ, продукты эти могутъ быть сравнены лишь съ издѣліями людей обезпеченныхъ и работающихъ только или по приказу или по доброй волѣ, каковы наприм. издѣлія арестантовъ.

Подспорною платою необходимо назвать также доходъ тѣхъ членовъ рабочей семьи, которые должны бы содержаться главными представителями ея. „Если малолѣтнихъ и хозяйку, говоритъ Э. Вреденъ, глава семьи отпускаетъ въ работу, то для поддержки существованія семьи возможно ему на столько меньше заработать, на сколько зарабатываютъ жена и дѣти; ихъ плата облегчаетъ покрытіе семейныхъ расходовъ, стало быть, ихъ опредѣлятъ въ работу за то, что дадутъ. Подспорный доходъ ихъ вызываетъ въ семьѣ несчастную конкурренцію между ея членами. Трудъ малолѣтнихъ вступаетъ въ конкурренцію съ трудомъ взрослыхъ и мало по малу беретъ перевѣсъ надъ послѣднимъ, потому что количество работы 3—4 малолѣтнихъ равняется работѣ произведенной однимъ совершеннолѣтнимъ, а между тѣмъ заробочая плата этихъ малолѣтнихъ въ совокупности меньше заробочей платы совершеннолѣтняго рабочаго, такъ что предприниматель получаетъ очевидный барышъ. Раздѣленіе труда, упрощая работу до крайней степени, даетъ возможность въ большихъ размѣрахъ пользоваться указанною замѣною, а вслѣдствіе предложенія дѣтскаго труда взрослые, конкуррируя съ ними, должны понизить заработную плату на столько, что бы она не была выше той палаты, которою довольствуются малолѣтніе; взрослые рабочіе начинаютъ получать неудовлетворительную плату, недостаточную для прокормленія семьи. Для увеличенія дохода, семьи принуждены бываютъ впослѣдствіи, въ силу необходимости, посылать на работу женъ и дѣтей. Въ итогѣ все-таки семья кормится неудовлетварительно, домашнее хозяйство вести не кому, женщины вынуждены отправляться на работу: ни пища, ни потребная одежда не могутъ быть заготовляемы домашнимъ порядкомъ, все покупается извнѣ и обыкновенно обходится дороже, бываетъ худшаго качества. Мало по малу разстройство домашняго хозяйства влечетъ за собою какъ бы полное отсутствіе семьи, со всѣми неблагопріятными послѣдствіями подобнаго явленія. Нельзя же назвать семьею то положеніе вещей, когда супружеская чета является домой только для ночлега. Разъединеніе, развиваясь далѣе, уничтожаетъ и этотъ послѣдній намекъ на семейную жизнь. Жилищная нужда доводитъ рабочихъ до того, что они принуждены вести чисто казарменную жизнь, не имѣя даже отдѣльнаго ночлежнаго помѣщенія“ (3). Къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ приводить подспорная работа жещинъ и дѣтей; то, въ чемъ видѣли выгоду, рабочіе находятъ несчастье.

Таково дѣйствительно положеніе дѣлъ въ тѣхъ состояніяхъ общества, когда союзность всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ не осознана. Въ такихъ состояніяхъ подспорная работа не приноситъ рабочему никакой выгоды, или же, вмѣсто выгоды, приноситъ одинъ вредъ. Но идея союзности между людьми мало по малу проникаетъ въ общественное сознаніе и мало по малу осуществляется въ жизненныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ же съ этимъ мало по малу проявляетъ свою силу другой законъ доли труда, который, въ противоположность субъективному, можетъ быть названъ объективнымъ закономъ.

Объективность въ распредѣленіи результатовъ производства состоитъ въ томъ, что каждый изъ участниковъ предпріятія получаетъ то, что онъ произвелъ, или равноцѣнность этого. Съ экономическимъ развитіемъ искусственная монополизированность положеній мало по малу исчезаетъ, причемъ общимъ экономическимъ закономъ становится равенство положенія лицъ, вступающихъ между собою въ экономическую сдѣлку. Это равенство и требуетъ того, чтобы каждый изъ участниковъ производства получалъ долю произведеній, произведенную имъ или ему принадлежащими факторами производства. Это же постепенно развивающееся равенство приводитъ и къ установленію правильнаго вознагражденія за трудъ.

Заработная плата устанавливается соглашеніемъ между спрашивающими и предлагающими трудъ. Естественное, не монопольное соглашеніе осуществляется лишь тогда, когда рабочій получаетъ плату, соотвѣтствующую продуктивности его труда, соотвѣтствующую тому, что онъ произвелъ своимъ непосредственнымъ трудомъ. По мѣрѣ экономическаго развитія, съ которымъ уничтожаются монополіи въ отношеніяхъ между людьми вообще и въ частности между спрашивающими и предлагающими трудъ, законъ естественнаго соглашенія все болѣе и болѣе вступаетъ въ силу, благодаря чему субъективныя требованія доли труда постепенно замѣняются объективными. Самая выгода основателей предпріятій требуетъ такого, а не иного выдѣла дохода труду. Чѣмъ взаимнѣе интересы между нанимателями и нанимаемыми, тѣмъ больше выигрываетъ каждая сторона. Нанимающій получаетъ за лучшую плату болѣе доброкачественный трудъ; издержки на такую болѣе удовлетворительную плату больше чѣмъ вознаграждаются усиленіемъ продуктивности труда, такимъ образомъ оплачиваемаго. Какъ справедливо замѣтилъ еще А. Смитъ, трудолюбіе совершенствуется въ размѣрѣ

получаемаго вознагражденія; чѣмъ удовлетворительнѣе вознагражденіе, тѣмъ усерднѣе и трудъ. Вотъ почему видимая дешевизна труда невсегда оказывается дѣйствительною дешевизною, весьма часто дорогой рабочій несравненно дешевле дешеваго рабочаго. Еще А. Юнгъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ прекрасное наблюденіе. Онъ говоритъ, что въ Ирландіи трудъ дорогъ, хотя рабочіе получаютъ чрезвычайно низкую поденную плату, что въ этомъ отношеніи шотландскій поденщикъ, получающій въ день 1 шиллингъ, выгоднѣе ирландскаго поденщика, получающаго всего $^1/_2$ шиллинга. Имѣя это въ виду, Милль устанавливаетъ различіе между общею стоимостью труда и рабочею платою. Часто, говоритъ онъ, стоимость труда бываетъ самая высокая, когда рабочая плата бываетъ самая низкая. „Изъ всѣхъ европейскихъ странъ самая низкая рабочая плата въ Ирландіи (по крайней мѣрѣ такова она была тамъ прежде). Вознагражденіе земледѣльческаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половины самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ,—платы дорсетширскому работнику. Но если по меньшему своему искусству и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше“.

И такъ, къ долѣ труда вполнѣ примѣнимы тѣ общіе законы явленій цѣнности, по которымъ за періодомъ борьбы интересовъ естественно наступаетъ періодъ союзности ихъ, по которымъ борьба представляетъ собою только явленіе, а не неизбѣжный законъ отношеній.

Экономисты, считающіе, что размѣры вознагражденія труда опредѣляются борьбой между спрашивающими и предлагающими трудъ, какъ естественнымъ и неизбѣжнымъ закономъ, весьма естественно пришли къ мысли, что „зарабочая плата должна зависѣть отъ свободнаго и равномѣрнаго рыночнаго соперничества и *никогда* не должна подвергаться вмѣшательству законодателя“ (4). Но если борьба интересовъ не тоже, что наприм. представляетъ собою законъ всемірнаго тяготѣнія, если она вмѣстѣ съ печальными послѣдствіями своими только явленіе, а не неизбѣжный законъ отношеній, то вмѣшательство законодателя, направленное къ ея ослабленію, устраненію или поднятію слабой стороны, не только безусловно разумно, но во многихъ случаяхъ и необходимо. Сюда относится законодательныя постановле-

нія, которыми регулируются работы на фабрикахъ, опредѣляется наприм. возрастъ, по достиженіи котораго дѣти могутъ быть принимаемы на фабрикахъ, продолжительность суточной работы, запрещеніе на фабрикахъ работы ночью для женщинъ и не достигшихъ 18-лѣтняго возраста мужчинъ. Сюда же относятся постановленія, направленныя къ развитію ссудосберегательныхъ товариществъ, обществъ взаимной помощи въ несчастіяхъ, воспитанія дѣтей, техническаго образованія рабочихъ, товариществъ, имѣющихъ своею задачею удешевленіе пріобрѣтенія продуктовъ потребленія, пріобрѣтенія дешеваго кредита и въ особенности различныхъ видовъ товариществъ для производства или такъ называемыхъ артелей.

Сюда же, наконецъ, относятся законодательныя постановленія, облегчающія пріобрѣтеніе рабочими поземельной собственности и законы объ эмиграціи.

(1) Э. Вреденъ. Курсъ политической экономіи, стр. 389. (2) (3) Ibid. стр. 393, 396, 397 и слѣд. (4) Д. Рикардо. Начала политической экономіи, стр. 65.

в) Рента.

По вычетѣ изъ общаго дохода, полученнаго въ результатѣ того или иного производства, доли капитала и доли труда получается особый доходъ, называемый рентой, называемый нѣкоторыми экономистами (напр. Молинари) также долей земли, такъ какъ главнымъ образомъ онъ получается отъ силъ природы, принимающихъ дѣятельное участіе въ земледѣліи.

Ученая разработка теоріи этого дохода начинается съ физіократовъ. По ихъ ученію, самое выгодное для общества употребленіе капиталовъ состоитъ въ обращеніи ихъ къ земледѣлію, такъ какъ никакой другой родъ промышленности, при равныхъ затратахъ, не производитъ такого количества цѣнностей, какое производитъ земледѣліе, въ которомъ создается новое вещество, новый продуктъ, до начала производства не существовавшій. Этотъ новый продуктъ есть результатъ творчества силъ природы, дѣйствующихъ въ земледѣліи. Онъ же представляетъ собою единственный чистый доходъ въ общей массѣ народнаго труда, единственный источникъ для налоговъ. Въ силу этого же онъ представляетъ собою и единственный источникъ, которымъ

вознаграждается трудъ; каждый трудъ вознаграждается не произведеніями своей дѣятельности, но земледѣльческими продуктами. Основатель физіократіи, Ф. Кенэ сущность этихъ воззрѣній разъясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Человѣческое общество состоитъ изъ трехъ классовъ. Первый классъ—земледѣльческій, вполнѣ производительный (classe productive), создающій народное богатство посредствомъ земледѣльческаго труда, для успѣшности котораго онъ производитъ предварительныя затраты (avances primitives), наприм. въ видѣ земледѣльческихъ орудій, и ежегодныя затраты (avances annuelles), наприм. въ видѣ сѣмянъ и пр. Этотъ классъ уплачиваетъ землевладѣльцамъ опредѣленныя суммы, составляющія доходъ послѣднихъ. Эти суммы и представляютъ собою чистый доходъ (produit net), получаемый земледѣльцами отъ продажи произведеній, за вычетомъ частей, необходимыхъ для ихъ содержанія и дальнѣйшаго производства. Второй классъ въ обществѣ—это землевладѣльцы. Этотъ кассъ живетъ доходомъ съ поземельной собственности, уплачиваемой ему первымъ классомъ. Значеніе его въ производительности состоитъ въ производствѣ первоначальныхъ задатковъ (avances foncières), сдѣланныхъ имъ или въ лицѣ своихъ предковъ, или лично своими собственными средствами. Наконецъ третій классъ—безплодный, къ которому относятся всѣ, не входящіе въ первые два класса. Послѣдній классъ только перерабатываетъ или видоизмѣняетъ формы сырыхъ продуктовъ, созданныхъ производительнымъ классомъ.

Для уясненія распредѣленія произведеній между этими классами, Кенэ приводитъ слѣдующій разсчетъ. Предложимъ, что цѣнность всѣхъ годовыхъ произведеній Франціи равняется 5 милліардамъ. Изъ этой суммы 1-й классъ уплачиваетъ второму 2 милліарда, что и составитъ чистый доходъ втораго класса, тотъ produit net, который представляетъ собою единственный фондъ всѣхъ государственныхъ налоговъ. Остальные 3 милл. годовыхъ земледѣльческихъ произведеній остаются у земледѣльцевъ для ихъ собственнаго продовольствія, для пріобрѣтенія орудій, продуктовъ другихъ отраслей промысловъ и на необходимыя затраты для дальнѣйшаго земледѣльческаго производства. Второй классъ, изъ полученныхъ имъ 2 милліардовъ денегъ, закупаетъ на 1 милліардъ жизненныхъ припасовъ и на второй—продуктовъ неземледѣльческаго труда. Третій классъ получаетъ за свои произведенія отъ перваго и втораго по одному милліарду, при этомъ онъ закупаетъ

жизненныхъ припасовъ на 1 милліардъ и на такую же сумму суровья.

Такимъ образомъ, по ученію физіократовъ, земледѣліе является единственнымъ источникомъ народнаго богатства. Оно создаетъ продуктъ, съ одной стороны служащій чистымъ доходомъ собственниковъ земли и единственнымъ фондомъ налоговъ, а съ другой—служащій единственнымъ источникомъ всякаго вознагражденія за трудъ. Тотъ чистый доходъ, который идетъ въ пользу поземельныхъ собственниковъ, и составляетъ ренту, которая, поэтому, представляетъ собою чистый результатъ творческой дѣятельности силъ природы (1).

Ученіе физіократовъ было мало измѣнено А. Смитомъ. Онъ также говоритъ, что рента есть результатъ дѣятельности силъ природы, дѣйствующихъ исключительно въ земледѣліи, вслѣдствіе чего послѣднее не только воспроизводитъ затраты, но и, сверхъ того, приноситъ чистый доходъ, составляющій ренту. Рента, поэтому, есть ни что иное, какъ даровое произведеніе природы, остающееся въ пользу владѣльца земли, по вычетѣ всего, что представляетъ собою исключительно результатъ труда человѣка. Такой ренты другія отрасли промышленности не даютъ, такъ какъ въ нихъ все производится руками человѣка, безъ содѣйствія силъ природы. Въ общемъ доходѣ земледѣльца нужно всегда различать: во 1) доходъ, получаемый имъ отъ производительныхъ силъ его труда, 2) доходъ, получаемый отъ употребленія въ дѣло капитала и 3) доходъ, какъ результатъ производительности природы, помогающей человѣку только въ земледѣліи. Этотъ послѣдній доходъ составляетъ ренту.

Но это воззрѣніе не проводится А. Смитомъ вполнѣ послѣдовательно. Въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія онъ проводитъ совершенно иное воззрѣніе по вопросу о существѣ ренты. Онъ утверждаетъ, что рента есть результатъ того, что землевладѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли, есть результатъ ограниченности земли, состоящей во владѣніи опредѣленныхъ лицъ, имѣющихъ возможность, вслѣдствіе своего монопольнаго положенія, требовать плату за пользованіе землей. Такимъ образомъ въ этомъ воззрѣніи рента представляетъ собою чисто монопольный доходъ, существованіе котораго проистекаетъ изъ существованія поземельной собственности, благодаря которой землевладѣльцы имѣютъ возможность жать тамъ, гдѣ они не сѣяли (2).

Послѣднее воззрѣніе А. Смита о монопольномъ характерѣ дохода, называемаго рентой, строго логически проводится у Рикардо, ко-

торый, въ тоже время отрицаетъ и теорію физіократовъ и ученіе Смита о рентѣ, какъ результатѣ поземельной собственности.

Нѣтъ мнѣнія болѣе распространеннаго какъ то, говоритъ Рикардо, что земледѣліе приноситъ большія выгоды, нежели другія отрасли производительной дѣятельности, и это вслѣдствіе того, что земля даетъ излишекъ, называемый рентой. Но въ ту эпоху, когда земли наиболѣе плодородны, когда онѣ наиболѣе изобильны, ренты вовсе не существуетъ, и уже въ то время, когда плодородіе уменьшается, когда на прежній трудъ получается меньше продукта, появляется рента. Странно, что это свойство земли, которое должно было-бы считаться убыточнымъ, на которое слѣдовало бы смотрѣть какъ на неудобство въ сравненіи съ другими отраслями народной промышленности, было разсматриваемо какъ преимущество земледѣлія надъ другими вѣтвями производства. Когда природа щедра и благодѣтельна, она всегда работаетъ даромъ. Но по мѣрѣ того, какъ становится скупѣе, она начинаетъ требовать платы за свою работу. Природѣ платятъ не за то, что она производитъ много, но за то, что она производитъ мало.

Когда люди въ первый разъ заселяютъ страну, въ которой находится много богатой и плодородной земли, небольшаго количества которой достаточно для прокормленіи существующаго народонаселенія, то ренты не существуетъ. По общему закону спроса и предложенія, ренты за такую землю никто не платитъ точно также, какъ не платятъ ея за право пользованія воздухомъ, водою и всѣми тѣми благами, количество которыхъ въ природѣ не ограничено. Пивоваръ, винокуръ, красильщикъ постоянно употребляютъ воздухъ и воду на производство своихъ продуктовъ; но такъ какъ источникъ этихъ дѣятелей неистощимъ, то они не имѣютъ цѣны.

Точно также никто не станетъ платить за землю, когда кругомъ много земель, никому не принадлежащихъ и, слѣдовательно такихъ, которыя можетъ обрабатывать каждый, кто хочетъ. Если бы земля обладала повсюду одинаковыми свойствами, если бы пространство ея было безгранично, а качество однородно, нельзя было бы ничего требовать за пользованіе ею, за исключеніемъ развѣ такихъ мѣстностей, гдѣ она, по своему положенію, пользуется нѣкоторыми преимуществами. Ренту начинаютъ платить единственно потому, что количество земли ограничено, а качество разнообразно, и что съ увеличеніемъ населенія становится неизбѣжна обработка участковъ худшаго сорта

или расположенныхъ менѣе удобно. Когда, при возрастаніи населенія, принимаются за обработку земель второстепеннаго плодородія, немедленно возникаетъ рента для земель первостепеннаго плодородія, и размѣръ ея зависитъ отъ различія въ качествѣ земли этихъ двухъ категорій. Когда поступаетъ въ обработку земля третьяго сорта, то немедленно является рента на земляхъ второстепеннаго качества, причемъ рента земель перваго сорта возвышается, такъ какъ она должна быть постоянно выше ренты съ земель втораго сорта, вслѣдствіе различія въ количествѣ продуктовъ, которое производятъ эти участки, при данной затратѣ капитала и труда. При всякомъ увеличеніи населенія, побуждающемъ приниматься за земли низшаго плодородія, рента за всѣ болѣе плодородныя земли возрастаетъ.

Предположимъ, что участки N. 1, 2, 3, при одинаковой затратѣ капитала и труда, даютъ чистый продуктъ въ 100, 90 и 80 квартеровъ хлѣба. Когда обрабатывается только участокъ N. 1, обработка котораго достаточна для прокормленія населенія, ренты не существуетъ; весь чистый доходъ поступитъ въ распоряженіе земледѣльца, и составитъ прибыль на его капиталъ. Но какъ только увеличеніе населенія потребуетъ обработки участка N. 2, приносящаго 90 квартеровъ, возникаетъ рента для участка N. 1, потому что въ противномъ случаѣ или должны быть два уровня прибыли на земледѣльческій капиталъ, или изъ дохода N. 1 должны быть вычтены 10 квартеровъ или ихъ эквивалентъ для какого нибудь другаго употребленія. Землевладѣлецъ-ли или другое лицо обработываетъ N. 1, эти 10 квартеровъ все равно составятъ ренту, такъ какъ лицо, обрабатывающее участокъ N. 2, получитъ одну и ту же выручку какъ въ томъ случаѣ, когда возьмется за воздѣлываніе N. 1, платя 10 квартеровъ хлѣба въ видѣ ренты, такъ и въ томъ, когда будетъ продолжать обработку участка N. 2, не платя ренты. Когда поступаетъ въ обработку N. 3, рента N. 2 будетъ 10 квартеровъ, тогда какъ рента N. 1 возрастетъ до 20 квартеровъ; лицо, воздѣлывающее N. 3, будетъ имѣть одинаковую прибыль какъ въ томъ случаѣ, когда обрабатываетъ участокъ N. 1, платя за него 20 кв. ренты, такъ и тогда, когда воздѣлываетъ N. 2, платя 10 кв. ренты, такъ и тогда, когда приступаетъ къ обработкѣ N. 3, не платя ренты. Вмѣсто обработки менѣе плодородныхъ участковъ можно увеличивать затраты капиталовъ на одномъ и томъ же участкѣ, но въ такомъ случаѣ каждая новая затрата приноситъ мень-

шую выручку, вслѣдствіе чего здѣсь возникаетъ рента. Иногда бываетъ, что при удвоеніи первоначальнаго капитала, затраченнаго на участкѣ N. 1, продуктъ можно, если не удвоить, не увеличить до 100 квартеровъ, то все-таки довести до 85 квартеровъ—количество, большее того, которое получалось бы при употребленіи придаточнаго капитала на обработку участка N. 3. Въ этомъ случаѣ капиталъ былъ бы затраченъ преимущественно на старомъ участкѣ и доставилъ бы также ренту, такъ какъ рента все-таки остается разностію между количествами продукта, полученными вслѣдствіе употребленія двухъ равныхъ количествъ капитала и труда.

Изъ сказаннаго Рикардо заключаетъ, что если бы земли хорошаго качества было гораздо больше, тѣмъ требуется возрастающимъ населеніемъ, или, если бы можно было въ теченіи неопредѣленнаго времени употреблять капиталъ безъ уменьшенія выручки на старыхъ земляхъ, то рента вовсе не могла бы возрастать, потому что она постоянно возникаетъ вслѣдствіе употребленія большаго количества труда съ относительно меньшею выручкою. Нельзя видѣть въ рентѣ какого то особеннаго преимущества земледѣлія. Если бы дѣйствительно она была преимуществомъ, то оставалось бы желать, чтобы вновь сооружаемыя машины были менѣе производительны, нежели прежнія. Возвышеніе ренты всегда составляетъ слѣдствіе увеличенія народнаго богатства и затрудненій при снабженіи пищей возрастающаго населенія. Рента признакъ, но не причина богатства. Она возвышается наиболѣе быстро по мѣрѣ того, какъ находящаяся въ распоряженіи земля становится менѣе производительною. Въ мануфактурныхъ отрасляхъ промышленности такой ренты нѣтъ; здѣсь введеніе новыхъ машинъ не увеличиваетъ, но уменьшаетъ доходы отъ старыхъ машинъ, между тѣмъ какъ въ земледѣліи, на оборотъ, съ увеличеніемъ населенія приходится обрабатывать болѣе плохія земли, вслѣдствіе чего поднимаются цѣны продуктовъ и возникаетъ рента на земляхъ лучшихъ. Рента, поэтому, есть результатъ болѣе высокихъ цѣнъ, а не причина ихъ. Причина возвышенія цѣнности естественныхъ произведеній лежитъ въ необходимости приложить къ землѣ, позже другихъ поступившей въ въ обработку, излишнее количество труда, а не въ томъ, что землевладѣльцу платится рента. Цѣнность хлѣба опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на его производство на участкахъ такого качества или при помощи той части капитала, которыя не платятъ

ренты. Хлѣбъ становится дороже—не вслѣдствіе того, что платится рента; напротивъ рента платится вслѣдствіе того, что хлѣбъ дорожаетъ, и даже правильно замѣчаютъ, что цѣнность пшеницы не понизилась бы, если бы землевладѣльцы отказались отъ ренты. Слѣдствіемъ подобной мѣры было бы только то, что нѣкоторые фермеры стали бы жить господами, но нисколько не уменьшилось бы количество труда, необходимое для производства сырыхъ продуктовъ на участкахъ всего менѣе плодородныхъ ([3]).

Это ученіе Рикардо вызвало оживленный споръ между экономистами. Особенно вооружился противъ него Кэри ([4]).

Кэри развиваетъ ту мысль, что народонаселеніе сперва занимаетъ худшія по плодородію земли и за тѣмъ постепенно переходитъ къ лучшимъ, къ болѣе плодороднымъ. На первыхъ порахъ цивилизаціи человѣкъ слишкомъ слабъ для того, чтобы могъ успѣшно бороться съ растительностью дѣвственной плодородной почвы. Онъ по необходимости занимаетъ подъ обработку болѣе скудную почву, на которой естественная растительность слабѣе, вслѣдствіе чего съ нею ему легче бороться при первобытныхъ орудіяхъ обработки. Только по мѣрѣ размноженія населенія и развитія цивилизаціи, по мѣрѣ того какъ увеличивается господство человѣка надъ силами природы, народъ начинаетъ переходить къ обработкѣ болѣе плодородныхъ участковъ земли. Если бы народонаселеніе начинало обработку земли съ болѣе плодородныхъ участковъ и за тѣмъ, по мѣрѣ своего увеличенія, переходило къ землямъ худшимъ, то, какъ допускаетъ Рикардо, интересы землевладѣльца и работника были бы всегда взаимно противоположными. Землевладѣлецъ постоянно бралъ бы увеличивающуюся долю, а работникъ все болѣе и болѣе становился бы его рабомъ. Система Рикардо есть система вражды и стремится возбудить войну между сословіями. Съ другой стороны, принятіе этой теоріи равносильно отрицанію всеобщности законовъ въ міровыхъ явленіяхъ, такъ какъ необходимо признать, что цѣнность имѣетъ два источника: трудъ и поземельную монополію. Въ дѣйствительности цѣнность всѣхъ вещей опредѣляется трудомъ воспроизводства; цѣнность земли, которую экономисты опредѣляютъ монополіей, опредѣляется этимъ же самымъ закономъ, она равна тому труду, который необходимъ для воспроизводства земли въ ея данномъ состояніи. Рента есть ничто иное, какъ плата за поземельныя улучшенія; размѣры ея опредѣляются не тѣмъ трудомъ, который

былъ необходимъ для производства улучшеній, но трудомъ, необходимымъ для воспроизводства послѣднихъ при усовершенствованной техникѣ. Такимъ образомъ, по ученію Кэри, рента есть плата за трудъ человѣка, необходимый для воспроизводства поземельныхъ улучшеній; силы природы, сами по себѣ, не имѣютъ никакой цѣнности.

Это понятіе о рентѣ было бы вѣрно, если бы силы природы были создаваемы человѣкомъ. Самъ же Кэри въ слѣдующихъ характеристическихъ чертахъ опредѣляетъ относительное значеніе человѣка и силъ природы въ производствѣ. Человѣкъ, говоритъ онъ, находитъ вокругъ себя массу предметовъ, находящихся въ инертномъ состояніи. Это запасъ скрытой силы, которую необходимо освободить. Твердая почва производитъ плохія растенія, человѣкъ разрыхляетъ ее, бросаетъ въ обработанную землю зерна, которыя мало-по-малу развиваются и приносятъ человѣку хлѣбъ. Во всѣхъ этихъ операціяхъ человѣкъ является лишь кочегаромъ, приготовляющимъ топливо для локомотива (гл. III, § 3). Если же человѣкъ только кочегаръ въ дѣлѣ производства, то не странно ли доходъ, получаемый отъ производства, считать результатомъ его дѣятельности и исключать въ этомъ отношеніи значеніе природы, относительно которой онъ только кочегаръ? Очевидно, что нѣтъ научныхъ основаній для отождествленія дѣятельности труда человѣка съ дѣятельностью силъ природы, дѣйствующихъ въ земледѣліи. Еще менѣе такихъ основаній къ принятію того положенія, что съ историческимъ развитіемъ человѣчество постепенно переходитъ къ обработкѣ лучшихъ участковъ, какъ будто послѣднихъ безконечное множество. Можно согласиться съ тѣмъ, что на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи человѣкъ не въ силахъ бороться съ богатою растительностью наиболѣе плодородныхъ почвъ, вслѣдствіе чего начинаетъ обработку съ почвъ скудныхъ и только по мѣрѣ развитія своихъ собственныхъ силъ переходитъ къ болѣе плодороднымъ землямъ, прежде недоступнымъ. Но за тѣмъ, на высшихъ ступеняхъ развитія, неизбѣжно обратное движеніе, уясненное Рикардо. Увеличивающееся населеніе для своего прокормленія требуетъ обработки не однихъ хорошихъ, но и скудныхъ почвъ. Въ настоящее время такая разнообразная обработка встрѣчается на каждомъ шагу, служа наглядnымъ опроверженіемъ односторонняго воззрѣнія Кэри.

Но, не соглашаясь съ Кэри, мы не можемъ согласиться и съ воззрѣніемъ Рикардо, что доходъ отъ силъ природы, дѣйствующихъ въ земледѣліи, есть доходъ исключительно монопольный. По мѣрѣ своего

умственнаго развитія, человѣкъ все болѣе и болѣе увеличиваетъ свое господство надъ ними, начинаетъ свободно распоряжаться ими и обращаетъ ихъ въ такую же собственность, какою является капиталъ. Такъ наприм. весь верхній слой обрабатываемой земли, на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, въ извѣстной степени представляетъ собою дѣло рукъ человѣка; физическія свойства почвы, минеральныя питательныя вещества и теплота могутъ быть увеличиваемы или уменьшаемы въ почвѣ по волѣ человѣка. Даже солнечный свѣтъ подчиняется человѣку, по крайней мѣрѣ наприм. посредствомъ черненія почвы угольнымъ порошкомъ сельскій хозяинъ можетъ увеличить поглотительную способность почвы и тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ можетъ распоряжаться солнечнымъ свѣтомъ по своему усмотрѣнію. Доходъ отъ такихъ силъ природы вполнѣ подводится къ одному знаменателю съ доходомъ отъ капитала вообще. „Возлѣ большихъ городовъ участки самой безплодной земли снимаются за большую плату, арендаторъ навозитъ плодородную почву—поземъ, чернитъ его для лучшаго поглощенія солнечной теплоты угольнымъ порошкомъ, такъ что верхній слой является совершенно дѣломъ затратъ и усилій, самая же земля не заключаетъ въ себѣ никакихъ неистощимыхъ, первобытныхъ производительныхъ природныхъ силъ; напротивъ, мѣсто можетъ представить препятствія къ созданію искуственной почвы, которыя весьма трудно преодолѣть (низкое положеніе, холодную подпочву“) ([5]). Истощаемыя силы природы могутъ быть возстановляемы человѣкомъ, доходъ отъ нихъ является тѣмъ же, чѣмъ является доля капитала. Такому отождествленію способствуетъ еще то, что усвояемыя силы природы, дѣйствующія какъ въ земледѣліи, такъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, часто переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія посредствомъ купли-продажи. Если за данное имущество уплачено 1000 рублей, то получаемый отъ него доходъ есть процентъ отъ этой суммы, не обращая вниманія на то, создается ли онъ машиной, производящей сукно, или землей, производящей хлѣбъ.

И такъ, на высшихъ ступеняхъ экономическаго быта народовъ стихійный доходъ не можетъ быть названъ монопольнымъ; онъ подводится къ одному знеменателю съ доходомъ отъ капитала. Вотъ почему Рикардо не правъ, смѣшавъ стихійный доходъ съ рентой вообще; также не правы и его предшественники, отождествившіе позе-

мельный доходъ съ рентой и отрицающіе возможность возникновенія ренты въ обрабатывающихъ отрасляхъ труда. Но Рикардо вполнѣ правъ, когда говоритъ, что рента „есть разность между количествами продукта, полученными вслѣдствіе употребленія двухъ равныхъ количествъ капитала и труда". Въ этихъ словахъ заключается то прекрасное уясненіе явленій ренты, которое въ новѣйшее время было развито нѣмецкимъ экономистомъ Шеффле (Theorie, 1867).

Поземельная рента, согласно съ этимъ опредѣленіемъ, есть разность въ доходахъ, получаемыхъ отъ земледѣлія при одинаковыхъ затратахъ труда и капитала. Такая разница обыкновенно происходитъ: 1) отъ разницы въ плодородіи земли, 2) отъ разницы въ производительности разныхъ долей капиталовъ, затрачиваемыхъ на одной и той же землѣ, 3) отъ разницы въ продуктивности труда и 4) отъ разницы въ отношеніяхъ сельскаго хозяина къ рынку.

1) При одинаковыхъ затратахъ труда и капитала—сельскій хозяинъ, обрабатывающій болѣе плодородныя земли, получаетъ большій доходъ, чѣмъ обрабатывающій скудную почву. Если населеніе требуетъ, чтобы обрабатывались на равнѣ съ плодородными и скудныя земли, то оно должно оплачивать издержки производства на этихъ послѣднихъ земляхъ, иначе не возможно приложеніе къ нимъ труда и капитала. Цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ поэтому опредѣляется издержками производства, затрачиваемыми на самыхъ скудныхъ земляхъ, обработка которыхъ необходима для прокормленія населенія. Если, напримѣръ, на лучшихъ земляхъ для производства продукта затрачивается день труда, между тѣмъ какъ на худшей землѣ необходимо затратить три дня, то цѣнность всѣхъ продуктовъ, при такихъ условіяхъ производимыхъ, будетъ опредѣляться послѣдними издержками. Весьма естественно, что при этомъ собственникъ лучшихъ земель получаетъ на каждомъ продуктѣ ренту, размѣры коей равны по цѣнности двумъ днямъ труда.

Если, за тѣмъ, возникаетъ необходимость обрабатывать еще болѣе скудныя земли, на которыхъ затрачивается въ продуктъ по 4 дня труда, въ какой пропорціи возвышается и цѣнность производимыхъ продуктовъ, то владѣлецъ наилучшихъ земель получаетъ въ цѣнѣ продуктовъ ренты по 3 рабочихъ дня, а владѣлецъ вторыхъ по одному дню.

2) При неподвижности сельско-хозяйственной техники увеличеніе затратъ на данномъ поземельномъ участкѣ не производитъ пропорціональнаго увеличенія продукта, наприм. удвоенный трудъ не приводитъ къ удвоенію продукта. Другими словами, въ повторяемыхъ затратахъ труда и капитала на одну и ту же землю существуетъ разница въ производительности, соотвѣтствующая разницѣ въ плодородіи различныхъ поземельныхъ участковъ. Если наприм. 1000 пудовъ навоза производятъ урожай въ 2 четверти, то 2000 дадутъ не вдвое большій урожай, но нѣсколько меньше, не 4 четверти, а положимъ всего 3 четверти, 3000 пудовъ не 6 четвертей, но $3^1/_2$ четв., т. е. первая 1000 пудовъ увеличиваетъ урожай на 2 четв., вторая на 1 четв., третья на $^1/_2$ четверти. Очевидно, здѣсь возникаетъ разность въ количествѣ произведеній при одинаковыхъ затратахъ, т. е. возникаетъ рента, размѣры которой опредѣляются сравнительною продуктивностью повторяемыхъ на данномъ участкѣ издержекъ труда и капитала.

3) При равенствѣ затратъ труда и капитала на данномъ участкѣ, рабочій день одного хозяина можетъ быть продуктивнѣе рабочаго дня другаго хозяина, одно и тоже количество рабочихъ можетъ производить больше, если лучше организованы работы, если наприм. лучше устроено раздѣленіе труда. Здѣсь возникаетъ такая же разница въ количествѣ произведеній, не смотря на одинаковость затратъ, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ, то есть возникаетъ рента въ сферѣ приложенія труда къ землѣ.

4) Наконецъ, такая же разность въ доходахъ можетъ быть результатомъ разницы въ отношеніяхъ сельскаго хозяина къ мѣсту сбыта его произведеній. Каждый производитель въ цѣнѣ товара долженъ выручить издержки провоза его на рынокъ, иначе доставка его не выгодна или убыточна, вслѣдствіе чего происходитъ недостача требуемыхъ товаровъ на рынкѣ и возвышеніе цѣны ихъ до того уровня, при которомъ есть выгода доставлять продуктъ изъ отдаленной мѣстности. Положимъ, въ послѣднемъ случаѣ опредѣленный товаръ стоитъ 10 рублей, причемъ 4 рубля—эквивалентъ издержекъ провоза. Сельскій хозяинъ, находящійся вблизи рынка, употребляетъ на провозъ товара всего 50 коп., продавая его за 10 рублей. Онъ получаетъ такимъ образомъ 3 р. 50 коп. дохода, не существующаго для отдаленнаго производителя, не смотря на одинаковость ихъ сельско-хозяйственныхъ затратъ. Въ этомъ отношеніи чѣмъ ближе производитель

къ рынку для сбыта продуктовъ, тѣмъ выше рента, выручаемая имъ въ цѣнѣ этихъ продуктовъ.

Рента, такимъ образомъ, представляетъ собою результатъ естественной монополіи того или иного сельскаго хозяйства. Это естественно-монопольный доходъ. Но очевидно, что такой доходъ можетъ быть не только въ земледѣліи, но также и во всѣхъ другихъ отрасляхъ народной промышленности, вслѣдствіе чего рента не можетъ считаться исключительною принадлежностью земледѣлія. И въ мануфактурной отрасли промышленности можетъ быть неравенство произведеній при равныхъ затратахъ труда и капитала, благодаря напримѣръ тому, что существуетъ разница въ продуктивности труда, машинъ, и т. подобное. Можетъ существовать также разница въ доходахъ, при равенствѣ производственныхъ затратъ, вслѣдствіе большаго или меньшаго разстоянія отъ рынка. Разность умственнаго развитія производителей имѣетъ не меньшее вліяніе на разность въ количествѣ произведеній. Одинъ мануфактуристъ лучше организуетъ предпріятіе, чѣмъ другой, благодаря чему при равныхъ затратахъ получаетъ большій доходъ. Рента въ подобнаго рода случаяхъ является преміей за изобрѣтательность и предпріимчивость.

(1) А. Гейсманъ. О сущности основнаго физіократическаго ученія и о значеніи его въ исторіи пол. экон., стр. 33—41. (2) A. Smith, кн. 1, гл. VI, IX. (3) Начала пол. экон. гл. II. (4) Principes de la science sociale, гл. IV, V, IX и др. (5) Э. Вреденъ. Курсъ политич. экономіи, стр. 382.

г) Объ отношеніи между долями труда, капитала и рентой.

Вопросъ объ отношеніи между долями труда, капитала и рентой вызвалъ въ экономической литературѣ существованіе двухъ противоположныхъ гипотезъ. Одна изъ нихъ развита въ особенности Д. Рикардо, другая—Кэри и его послѣдователями. Въ основаніи той и другой гипотезы лежатъ воззрѣнія А. Смита.

По ученію Смита, высказанному имъ на первыхъ же страницахъ своего изслѣдованія о богатствѣ народовъ, общежитіе основано на принципѣ раздѣленія занятій, какъ законѣ союзности интересовъ. Благодаря этому раздѣленію занятій, въ обществѣ продукты самыхъ разнообразныхъ трудовыхъ особенностей собираются какъ бы въ одну общую массу, изъ которой каждый можетъ получать произведенія,

изготовленныя другими. Общество, по мысли Смита, представляетъ собою цѣлое, въ которомъ всѣ части находятся во взаимной связи, причемъ связующимъ началомъ служитъ личный интересъ. Каждый своимъ личнымъ интересомъ заинтересованъ въ благосостояніи другихъ; каждый для увеличенія собственныхъ доходовъ долженъ заботиться о доходахъ другихъ людей, долженъ узнавать ихъ нужды, потребности, и предлагать средства удовлетворенія.

Но рядомъ съ этимъ воззрѣніемъ у А. Смита встрѣчается и противоположное. Такъ онъ утверждаетъ, что интересы капиталистовъ и общества взаимно противоположны. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія капиталы всегда дороги, проценты за пользованіе ими высоки и обременительны для плательщиковъ, доля капитала въ массѣ производства велика; на оборотъ, на высшихъ ступеняхъ развитія капиталы дешевы, проценты незначительны. Прибыль на капиталъ велика въ странахъ бѣдныхъ, въ особенности же въ такихъ, богатство которыхъ падаетъ; въ богатыхъ же странахъ доля капитала всегда незначительна. Такимъ образомъ, интересы капиталистовъ прямо противоположны общественному интересу; капиталисты заинтересованы въ разстройствѣ экономическаго состоянія обществъ, они заинтересованы въ томъ, чтобы общества были бѣдны, такъ какъ только при такомъ положеніи капиталы ихъ имѣютъ высокую цѣнность и даютъ большіе доходы.

Доказывая противоположность интересовъ капиталистовъ и общества, А. Смитъ допускаетъ полную солидарность доходовъ рабочихъ и землевладѣльцевъ съ общественными выгодами, хотя о рентѣ послѣднихъ выражается, что она есть результатъ того, что землевладѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли. Но рента увеличивается съ увеличеніемъ общественнаго благосостоянія, когда является возможность увеличивать поземельныя затраты и, слѣдовательно, увеличивать производительность земли. Сверхъ того, рента возвышается косвеннымъ путемъ вмѣстѣ съ развитіемъ мануфактуръ, какое развитіе даетъ возможность землевладѣльцу пріобрѣтать меньшимъ количествомъ земледѣльческихъ продуктовъ большее количество мануфактурныхъ произведеній. Точно также съ общественнымъ экономическимъ развитіемъ возвышается и доля труда, благодаря усиленію спроса на трудъ и удешевленію продуктовъ. Такимъ образомъ, по ученію Смита, интересъ землевладѣльцевъ и рабочихъ солидаренъ съ интересомъ общественнымъ; напро-

тивъ того, интересы капиталистовъ находятся въ полномъ противорѣчіи съ интересами другихъ классовъ населенія (1).

Это ученіе А. Смита послужило исходнымъ пунктомъ послѣдующихъ ученій, раздѣлившихся на два направленія, изъ которыхъ представители одного доказываютъ, что естественный законъ отношеній между отдѣльными отраслями доходовъ—законъ борьбы; въ то время какъ другіе утверждаютъ совершенно противоположное, что законъ этихъ отношеній есть законъ полной солидарности.

По ученію Рикардо, интересы рабочихъ и капиталистовъ прямо противоположны. Цѣна продуктовъ опредѣляется трудомъ производства, измѣряемымъ количествомъ рабочихъ дней. Рабочая плата на цѣнность продуктовъ, поэтому, не оказываетъ никакого вліянія, но она имѣетъ существенное вліяніе на вопросъ о размѣрахъ прибыли. Если капиталъ рыбака имѣетъ цѣнность въ 100 ф. ст., если рыбакъ располагаетъ 10 рабочими, годовая плата которыхъ 100 ф. ст., и если такимъ трудомъ добывается въ день 20 штукъ семги; съ другой стороны, если капиталъ охотника стоитъ также 100 ф. ст , если охотникъ нанимаетъ 10 рабочихъ, съ платою 100 ф. ст. и добываетъ ежедневно по 10 дикихъ козъ, то естественную цѣну одной дикой козы будутъ составлять двѣ семги, какова бы ни была часть продукта, отданная рабочимъ. Если бы охотникъ захотѣлъ получить больше рыбы за дичь, ссылаясь на то, что увеличилась плата рабочимъ, то рыбакъ отвѣтилъ бы ему, что и онъ самъ находится въ такихъ же обстоятельствахъ. Пока трудъ одного дня будетъ доставлять прежнее количество рыбы и дичи, цѣнность этихъ продуктовъ не измѣнится, каковы бы ни были измѣненія въ заработной платѣ и капиталистическомъ доходѣ. Увеличеніе заработной платы, при неизмѣненіи цѣнности продукта, будетъ сопровождаться уменьшеніемъ прибыли на капиталъ; на оборотъ, уменьшеніе капиталистической прибыли будетъ сопровождаться увеличеніемъ заработной платы. Очевидно, интересы рабочихъ и капиталистовъ—прямо противоположны. По этому ученію, увеличеніе благосостоянія однихъ можетъ произойти не иначе, какъ на счетъ благосостоянія другихъ.

По теоріи Рикардо и доходы землевладѣльцевъ находятся въ противорѣчіи съ остальными отраслями доходовъ. По мѣрѣ увеличенія населенія, заставляющаго земледѣльцевъ переходить къ обработкѣ худшихъ земель, что увеличиваетъ затруднительность въ дѣлѣ про-

кормленія, рента возрастаетъ, такъ что землевладѣльцы выигрываютъ отъ общихъ затрудненій (²).

Совершенно противоположное воззрѣніе развиваютъ послѣдователи такъ называемой школы согласія интересовъ. По ученію Кэри, согласіе интересовъ—это основной законъ, которымъ регулируется выдѣлъ доходовъ между участниками въ производствѣ. Съ экономическимъ развитіемъ капиталъ постоянно дешевѣетъ, но изъ этого еще нельзя заключить, что интересъ капиталистовъ противоположенъ общественному интересу. Каменный топоръ въ свое время имѣлъ громадную цѣнность; благодаря его помощи, человѣкъ въ одинъ день получилъ возможность срубать деревьевъ больше, чѣмъ прежде онъ могъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Весьма естественно, что собственникъ высоко цѣнилъ это орудіе и ссужалъ его за высокіе проценты; работникъ платилъ за временное имъ пользованіе $^3/_4$ своихъ произведеній, находя для себя выгоду въ увеличеніи производительности своего труда. Когда былъ изобрѣтенъ бронзовый топоръ, то не только еще болѣе увеличилась продуктивность труда, но облегчилось и производство новыхъ топоровъ, количество ихъ увеличилось и уменьшился процентъ, платимый за пользованіе ими; вмѣсто $^3/_4$ произведеній труда владѣлецъ получаетъ только $^2/_3$. За тѣмъ изобрѣтается желѣзный топоръ, воспроизводство котораго еще легче и производительное значеніе котораго вдвое выше, сравнительно съ бронзовымъ; тогда собственникъ принужденъ довольствоваться только половиной произведеній работника, которому онъ ссужаетъ этотъ топоръ. Наконецъ появлется стальной топоръ, производительное значеніе котораго вдвое выше прежняго, вмѣстѣ съ чѣмъ облегчается воспроизводство, такъ что собственникъ пользуется еще меньшимъ процентомъ, получаетъ еще меньшую долю на свой капиталъ. Съ этой точки зрѣнія распредѣленіе продукта между трудомъ и капиталомъ можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

	Сумма произведеній.	Доля труда.	Доля капитала.
Каменный топоръ	4	1	3
Бронзовый „	8	2,66	5,33
Желѣзный „	16	8	8
Стальной „	32	19,20	12,80

Изъ этого видно, что хотя съ экономическимъ развитіемъ доля капитала уменьшается какъ процентъ, но увеличивается общій или

абсолютный доходъ капиталиста, слѣдовательно интересъ капиталиста не противорѣчитъ общественному интересу. Изъ этого же Кэри выводитъ заключеніе, что, если съ экономическимъ развитіемъ доходъ капиталиста, уменьшаясь относительно, увеличивается абсолютно, то доходъ рабочаго увеличивается и относительно и абсолютно.

Подобно капиталистическому доходу, по ученію Кэри, поземельная рента съ экономическимъ развитіемъ уменьшается относительно и увеличивается абсолютно. Чѣмъ больше человѣкъ пріобрѣтаетъ власти надъ силами природы, тѣмъ съ большею легкостью достаются ему произведенія земли, землевладѣлецъ получаетъ меньшую процентную долю, но эта доля получается изъ большаго количества произведеній; слѣдовательно, уменьшаясь относительно, рента увеличивается абсолютно. Интересъ землевладѣльца вполнѣ совпадаетъ съ интересомъ всего общества ([3]).

Изложенныя нами ученія, при всей ихъ противоположности, представляютъ собою продуктъ различныхъ сторонъ одной и той же дѣйствительности. Мы уже говорили, что законъ взаимности интересовъ, вытекающій изъ самой природы отношеній между людьми, постепенно осуществляется, но что въ дѣйствительности существуетъ и борьба интересовъ, мало по малу исчезающая. Одни экономисты обратили вниманіе на борьбу итересовъ и возвели ее въ принципъ, игнорируя законъ междучеловѣческой солидарности; другіе обратили исключительное вниманіе на послѣдній законъ, игнорируя въ большей или меньшей степени факты всѣмъ очевидной борьбы интересовъ. Тѣ и другіе не правы, хотя въ томъ и другомъ направленіи есть извѣстная доля истины.

Признавая факты борьбы, мы не имѣемъ никакихъ научныхъ основаній возводить эти факты въ непреложный законъ. Напротивъ того, всѣ историческія и дедуктивныя данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что эта борьба—явленіе преходящее, естественнымъ путемъ уступающее мѣсто закону союзности.

Говоря о противоположности интересовъ капиталистовъ и общества, А. Смитъ не обратилъ вниманія на то, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ относительнаго или процентнаго капиталистическаго дохода увеличивается абсолютный доходъ. На низшихъ ступеняхъ развитія данный капиталъ производительно обращается въ годъ одинъ разъ и приноситъ прибыли 20%, съ увеличеніемъ благосостоянія массъ этотъ капиталъ обращается ежедневно, принося послѣ каждаго оборота

1% прибыли. Въ теченіи года такой капиталъ приноситъ дохода не 20, но 365 единицъ. Въ торговлѣ это общеизвѣстная истина, осознанная еще Бэкономъ, замѣтившимъ, что малыя прибыли приходятъ часто, между тѣмъ какъ большія попадаются рѣдко. Вмѣсто алчности, стремившейся въ прежнія времена выручать возможно большій барышъ отъ каждой сдѣлки, говоритъ Маклеодъ, опытъ новѣйшаго времени убѣдилъ, что истинная аксіома торговли—это: малые барыши при частомъ оборотѣ капитала.

Съ другой стороны, съ экономическимъ развитіемъ увеличивается количество капиталовъ, такъ какъ каждый капиталъ производится несравненно легче. Увеличеніе общаго количества капиталовъ равносильно учащенію оборотовъ каждаго капитала, вслѣдствіе чего капиталистъ отъ уменьшенія процента ничего не теряетъ, но выигрываетъ, такъ какъ уменьшеніе процента сопровождается общимъ увеличеніемъ его дохода. Для него, очевидно, выгоднѣе доходъ съ 10 единицъ капитала въ 5%, нежели доходъ въ 10% съ одной единицы. Такимъ образомъ А. Смитъ не правъ, говоря о принципіальной противоположности интересовъ капиталистовъ и общества; фактическая противоположность этихъ интересовъ большею частью свидѣтельствуетъ только о томъ, что не всѣ капиталисты разумно понимаютъ свои личныя выгоды, не всегда и не всѣ люди разумно преслѣдуютъ свои собственные интересы.

Точно также не правъ Рикардо, говоря о противоположности между увеличеніемъ ренты и остальныхъ доходовъ общества. Говоря принципіально, всѣ общечеловѣческіе интересы солидарны между собою, хотя въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ быть и противоположное положеніе дѣлъ. Рикардо обратилъ исключительное вниманіе на такіе частные случаи, онъ „имѣетъ постоянно въ виду извѣстное общественное положеніе рабочаго класса, которое ставитъ его въ невыгодное отношеніе при соперничествѣ съ землевладѣльцами предпринимателями; но это есть еще законъ природы“ (4). Въ такой же степени невѣрно и то положеніе его, что заработная плата и прибыль представляютъ собою нѣчто въ родѣ ведеръ въ колодезномъ воротѣ, изъ коихъ одно идетъ внизъ, когда другое поднимается вверхъ. Увеличеніе вознагражденія за трудъ не только не всегда ведетъ къ пониженію прибыли, но напротивъ того увеличиваетъ ее, такъ какъ побуждаетъ работника къ

болѣе усердной дѣятельности. И здѣсь нѣтъ никакого принципіальнаго противорѣчія между долей труда и долей капитала.

Наконецъ, нельзя согласиться и съ Кэри, по ученію котораго законъ союзности интересовъ является какъ бы физическимъ закономъ, неизбѣжно существующимъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Подобно всѣмъ общественнымъ законамъ, этотъ законъ постепенно осуществляется въ жизни, весьма часто нарушается, низводится до едва замѣтнаго минимума. Полное согласіе интересовъ между различными долями доходовъ—задача будущаго, задача постепенно разрѣшаемая, по мѣрѣ умственнаго развитія человѣчества. Справедливое распредѣленіе доходовъ, по которому бы интересы участниковъ въ предпріятіяхъ были разумно соглашены между собою, вполнѣ обусловливается умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ самихъ этихъ участниковъ и во многихъ случаяхъ требуетъ поддержки со стороны общественной власти, способствующей поднятію умственнаго и нравственнаго уровня общества, а также обезпечивающей защиту для слабыхъ отъ всякаго гнета.

(1) Richesse des Nations. кн. I, гл. I, IX, X, XI. (2) Начала политической экономіи, стр. 13—14, гл. II. (3) Principes de la science sociale, гл. XXXIV. (4) Н. Бунге. Основ. полит. экономіи стр. 128.

IV. Торговля.

§ 1. Идеаломъ распредѣленія продуктовъ между производителями и потребителями нерѣдко считается такой оборотъ, при которомъ каждый производитель входитъ въ непосредственныя сношенія съ потребителемъ его продуктовъ (1). Въ дѣйствительности этотъ идеалъ не только не осуществимъ, но и противорѣчитъ требованіямъ развитаго экономическаго быта. Чѣмъ выше экономическая культура страны, тѣмъ больше въ ней спеціализація занятій и поэтому тѣмъ труднѣе каждому производителю отыскивать потребителя и входить съ нимъ въ непосредственныя сношенія, тѣмъ болѣе что каждый производитель есть въ тоже время и потребитель продуктовъ, производимыхъ другими людьми, вслѣдствіе чего ему необходимо было бы не только отыскивать потребителей продуктовъ его спеціальности, но также отыскивать и входить въ непосредственныя сношенія съ массой другихъ производителей, производящихъ продукты, въ которыхъ онъ самъ нуждается.

При такихъ условіяхъ спеціализація занятій была бы не мыслима; въ виду затрудненій въ пріобрѣтеніи желаемыхъ продуктовъ необходимо было бы каждому заняться производствомъ всего, въ чемъ нуждается. Сумма труда для сбыта и пріобрѣтенія продуктовъ и услугъ поглощала бы значительную часть доходовъ каждаго. Вотъ почему весьма рано возникаетъ особый промыслъ, состоящій въ посредничествѣ между спросомъ и предложеніемъ, между производителями и потребителями. Этотъ промыслъ называется *торговлей* (2).

Торговое посредничество можетъ состоять или въ посредничествѣ въ сферѣ производства и потребленія услугъ, или въ сферѣ производства и потребленія вещей, или наконецъ въ соединеніи того и другаго оборота. Первое посредничество носитъ названіе маклерства, биржъ, агентуръ для найма служащихъ и отыскивающихъ занятія и т. п. Здѣсь торговыя дѣйствія состоятъ въ организаціи непосредственныхъ сношеній между производителями и потребителями и доходъ торговца, носящій названіе *провизіи*, представляетъ собою вознагражденіе за оказываемую имъ услугу въ дѣлѣ сближенія производителя съ потребителемъ. Безъ такой услуги нуждающійся наприм. въ учителѣ можетъ долго не находить того, въ комъ онъ нуждается, съ другой стороны, нуждающійся въ заработкѣ можетъ не находить занятія своему труду, не зная тѣхъ, кто нуждается въ учительскомъ трудѣ. Выходъ изъ этихъ затрудненій дается агентурой, централизирующей спросъ и предложеніе и такимъ образомъ сближающей производителей и потребителей. Такое же значеніе имѣетъ биржа, какъ „сборныя мѣста, учреждаемыя въ портовыхъ и другихъ городахъ, въ коихъ производится значительная торговля, для нужныхъ по торговымъ оборотамъ свѣдѣній въ опредѣленное время, для полученія свѣдѣній о цѣнахъ на товары, о приходѣ и отходѣ кораблей, также для установленія вексельнаго курса, прейсъ-курантовъ и ассекурацій“. (Уст. торг. ст. 2.156). Здѣсь, при содѣйствіи особыхъ посредниковъ (Sensal, agent de change, Makler и пр.), производители и потребители входятъ между собою въ сношенія, производятся покупки и продажи.

Торговое посредничество въ сферѣ производства и потребленія товаровъ отличается отъ перваго посредничества тѣмъ, что оно состоитъ въ посредственномъ сближеніи производителей и потребителей. Здѣсь оказывается тѣмъ и другимъ не личная услуга, состоящая въ сближеніи спрашивающихъ и предлагающихъ, но происходитъ соеди-

неніе спроса и предложенія безъ непосредственнаго сближенія спрашивающихъ и предлагающихъ; торговецъ пріобрѣтаетъ отъ производителя на свой собственный счетъ и рискъ товаръ, становящійся его собственностью; за тѣмъ товаръ продается нуждающимся въ немъ. Разница въ цѣнѣ покупки товара торговцемъ и продажи его составляетъ торговую прибыль, представляющую собою съ одной стороны вознагражденіе за пользу, приносимую производителямъ торговцемъ, сберегающимъ ихъ трудъ по сбыту произведеній, а съ другой вознагражденіе за рискъ и издержки торговаго предпріятія.

Наконецъ смѣшанное торговое посредничество состоитъ въ коммиссіонерствѣ. Коммиссіонеръ получаетъ товаръ отъ производителя для продажи и за тѣмъ самъ продаетъ его, получая отъ товаровладѣльца извѣстный процентъ за коммиссію. Здѣсь торговой посредникъ входитъ въ непосредственныя сношенія съ потребителемъ, являясь представителемъ производителя, не имѣющаго возможности или не находящаго для себя выгоднымъ вести непосредственныя сношенія съ покупщикомъ. Хлѣбъ наприм. не находитъ для себя сбыта на мѣстѣ и возникаетъ необходимость отправить его на отдаленный рынокъ. Сельскій хозяинъ не можетъ оставить свое хозяйство и лично отправиться въ отдаленный пунктъ для продажи хлѣба. Онъ поручаетъ продажу коммиссіонеру, дѣйствующему самостоятельно, но въ предѣлахъ уполномочія даннаго его довѣрителемъ товаровладѣльцемъ.

Изъ сказаннаго видно, что дѣло сбыта и пріобрѣтенія произведеній и услугъ спеціализируется въ особый промыслъ на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ происходитъ спеціализація всѣхъ другихъ предпріятій. Каждый производитель выигрываетъ, спеціализируя свой трудъ, и вмѣстѣ съ нимъ выигрываетъ и страна, такъ какъ раздѣленный по спеціальностямъ трудъ доставляетъ возможность лучше и полнѣе удовлетворяетъ потребности. Спеціализація обращенія товаровъ и и услугъ такимъ же образомъ даетъ выигрышъ каждому какъ производителю, такъ и потребителю, сокращая издержки сбыта и пріобрѣтенія, а вмѣстѣ съ ними выигрываетъ и вся страна. Та страна, въ которой распредѣленіе продуктовъ и услугъ раздѣленнаго труда еще не успѣло спеціализироваться въ особый промыслъ, отличается отъ страны съ развитымъ торговымъ промысломъ въ такой же мѣрѣ, въ какой передвиженіе товаровъ и людей по простымъ дорогамъ отличается отъ передвиженія ихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Между тѣмъ

существуютъ доктрины, отрицающія полезное значеніе торговли. Обыкновенно говорятъ, что торговецъ ничего не производитъ, но живетъ на счетъ труда какъ производителя, такъ и потребителя; его доходъ равносиленъ вычету изъ доходовъ производителей и потребителей. Каждый торговецъ покупаетъ какъ можно дешевле и продаетъ какъ можно дороже; его благосостояніе получается на счетъ благосостоянія тѣхъ, съ которыми онъ ведетъ свои сношенія. Вотъ почему еще Цицеронъ называлъ торговлю „ars sordida“. И за тѣмъ въ теченіи долгаго времени на торговлю смотрѣли какъ на занятіе не достойное порядочнаго человѣка. „Не обманешь—не продашь“, по народной поговоркѣ, т. е. торговля основывается на обманѣ, вслѣдствіе чего честные люди не могутъ быть торговцами.

Необходимо замѣтить, что это воззрѣніе въ значительной мѣрѣ основано на фактахъ, непосредственно взятыхъ изъ дѣйствительности. Очень часто классъ посредниковъ богатѣетъ не иначе, какъ на счетъ производителей и потребителей. Очень часто неудовлетворительная организація торговли производитъ давленіе на производительную дѣятельность страны, поглощая значительную часть доходовъ производителей и такимъ образомъ парализуя всякое стремленіе къ улучшеніямъ въ производствѣ. Въ такомъ положеніи находится у насъ хлѣбная торговля въ южной и юго-западной Россіи. Существуетъ цѣлый многочисленный классъ посредниковъ, изъ коихъ болѣе мелкіе покупаютъ хлѣбъ непосредственно у производителей, выдавая задатки; за тѣмъ хлѣбъ продается ими другимъ болѣе крупнымъ посредникамъ, которые въ свою очередь перепродаютъ его болѣе крупнымъ торговцамъ, пока хлѣбъ наконецъ попадетъ въ руки экспортера, занимающагося вывозомъ хлѣба заграницу. Вся эта масса посредниковъ существуетъ на счетъ производителей хлѣба; въ цѣнѣ хлѣба они получаютъ свою долю и эта доля не можетъ не быть значительною, уже въ виду значительности самаго класса посредниковъ. Понятно, сельскіе хозяева не получаютъ того дохода отъ земли, который они получали бы при иной организаціи хлѣбной торговли. При существующихъ условіяхъ сельско-хозяйственнаго производства поземельный доходъ можетъ быть несравненно больше, если уменьшится доля, идущая на содержаніе массы торговыхъ посредниковъ. Понятна ненависть къ „торгашамъ“ тѣхъ людей, которые испытываютъ на себѣ ихъ гнетъ. Нѣкоторыя племена, спеціально занимающіяся торговлей, вызвали къ себѣ общее ожe-

сточеніе, перенесенное отъ промысла къ представителямъ его. Но какъ бы ни были многочисленны факты подобнаго рода, возведеніе ихъ въ принципъ неосновательно и по существу дѣла торговое посредничество не можетъ быть непроизводительнымъ въ экономическомъ отношеніи. Торговецъ не создаетъ продукта, но также не создаетъ его колесо, безъ котораго не можетъ дѣйствовать машина, производящая продуктъ. Торговля необходима въ общей системѣ народной экономіи; безъ спеціализаціи сбыта и пріобрѣтенія въ видѣ самостоятельной отрасли народнаго труда не мыслимо правильное производство, основанное на раздѣленіи занятій. Эта спеціализація представляетъ собою условіе уменьшенія издержекъ въ сбытѣ и пріобрѣтеніи, а слѣдовательно условіе уменьшенія стоимости производства. Въ той мѣрѣ, въ какой торговля ведетъ къ осуществленію этой задачи, она должна быть признана имѣющею производительное и полезное значеніе. Но для этого необходима нейтрализація тѣхъ условій, при которыхъ торговый промыслъ становится вреднымъ и вызываетъ ожесточеніе со стороны пользующихся его услугами. Для указанія ихъ необходимо обратиться къ изученію экономическихъ особенностей торговли.

(1) Maurus. Freiheit, стр. 276 и слѣд. Cerey, гл. XXII. (2) Съ точки зрѣнія дѣйствующихъ торговыхъ кодексовъ понятіе о торговлѣ шире приводимаго нами. „Съ юридической точки зрѣнія подъ торговлю не подходятъ лишь сельско-хозяйственная и извлекающая промышленность. Промышленность фабричная—вся, промышленность ремесленная—въ значительной степени подходятъ подъ понятіе торговли, а потому и подлежатъ дѣйствію торговаго права". П. Цитовичъ. Очерки основныхъ понятій торговаго права. Такое расширеніе понятія о торговлѣ нельзя не признать недостаткомъ дѣйствующихъ торговыхъ уставовъ.

§ 2. Одною изъ существенныхъ особенностей торговли, какъ самостоятельнаго промысла, необходимо признать то, что услуги торговца менѣе подчинены закону соперничества, чѣмъ дѣятельность производителей. „Въ политико-экономическихъ книгахъ, говоритъ Милль, безпрестанно встрѣчается теорема, что не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ рынкѣ. Дѣйствительно, таковъ естественный результатъ соперничества, не встрѣчающаго себѣ препятствій. Но каждый знаетъ, что почти всегда на одномъ и томъ же рынкѣ существуютъ двѣ цѣны. Въ каждомъ большомъ городѣ, почти въ каждой отрасли торговли есть дорогія лавки и дешевыя лавки; мало того, въ одной и той же

лавкѣ часто продается одинъ товаръ различнымъ покупателямъ по разнымъ цѣнамъ и, вообще говоря, въ каждой лавкѣ норма цѣнъ приспособлена къ тому, какихъ покупателей она имѣетъ. Оптовая торговля по главнымъ товарамъ дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества; тутъ и покупщики и продавцы, купцы и фабриканты, въ своихъ поступкахъ руководятся коммерческимъ разсчетомъ. Потому объ оптовыхъ рынкахъ можно вообще сказать, что на нихъ дѣйствительно не бываетъ двухъ цѣнъ въ одно время: въ каждомъ мѣстѣ въ данное время есть рыночная цѣна, которую можно обозначать въ прейсъ-курантѣ. Но въ розничной торговлѣ, гдѣ покупщикомъ бываетъ человѣкъ, дѣйствительно потребляющій вещь, цѣна очень медленно и не вполнѣ подчиняется дѣйствію соперничества; даже тамъ, гдѣ соперничество существуетъ, результатомъ его бываетъ часто не пониженіе цѣнъ, а только раздѣленіе прибыли отъ высокой цѣны между большимъ числомъ торговцевъ. Потому-то столь значительная часть цѣны, платимой покупателемъ, поглощается барышемъ розничныхъ торговцевъ, и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля изъ этой цѣны доходитъ въ руки людей, производящихъ покупаемую имъ вещь, часто удивится ничтожности этой доли“ (1). Такимъ образомъ въ розничной торговлѣ соперничество въ слабой степени проявляетъ свое дѣйствіе. Когда торговцевъ мало, соперничество между ними слабо и каждый продаетъ по произвольнымъ цѣнамъ, сообразуясь съ индивидуальными вкусами и средствами покупщиковъ; таковы наприм. цѣны мелкаго торговца въ деревнѣ. Когда торговцевъ много, то еще больше спросъ и въ городѣ мелкій торговецъ мало заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть постоянныхъ покупщиковъ, не дорожитъ ими, такъ какъ всегда найдутся такіе, которые одинъ разъ купятъ въ лавкѣ, хотя второй разъ уже не являтся въ нее. При такихъ условіяхъ соперничество само по себѣ не нормируетъ цѣнъ и не приводитъ торговлю въ то состояніе, при которомъ темныя ея стороны могутъ нейтрализоваться. Можно думать, что при этихъ условіяхъ соперничество скорѣе усиливаетъ темныя стороны торговли. Такова наприм. розничная продажа спирта; подъ вліяніемъ взаимнаго соперничества, торговцы виномъ, стремлясь продавать дешевле свой товаръ, подмѣшиваютъ въ него разныя постороннія вещества, нерѣдко вредныя для здоровья потребителей. Но нельзя согласиться съ Миллемъ, что оптовая торговля „дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества“.

Крупныхъ промышленниковъ не много и имъ не трудно стакнуться если не продавать то покупать товары по монопольнымъ цѣнамъ, въ ущербъ производителей. Вотъ почему и оптовая торговля не всегда находится подъ дѣйствіемъ соперничества. Если же такъ, то свобода внутренней торговли далеко не является тѣмъ благомъ, о которомъ говорили ея сторонники. Регламентація дѣйствительно была бы излишнею въ томъ случаѣ, если бы въ этомъ промыслѣ соперничество находило полное примѣненіе. Она необходима въ той мѣрѣ, въ какой соперничество не оказываетъ желаемаго дѣйствія на урегулированіе торговли. Вотъ почему возникаетъ необходимость установленія таксъ на предметы первой необходимости, на аптекарскіе предметы и т. п. Въ иныхъ случаяхъ вмѣсто установленія таксъ издаются запрещенія скупать для перепродажи продукты, привозимые въ города жителями деревень, почему въ опредѣленные часы дня могутъ покупать эти продукты только покупающіе для потребленія, а не торговли. На этомъ же основаніи строго регулируется спиртная торговля, вводятся особыя инспекціи для наблюденія за правильнымъ ходомъ этой торговли, желающіе заняться продажей спирта должны получить особое разрѣшеніе, причемъ при выдачѣ разрѣшеній обращается вниманіе на нравственную сторону кандидатовъ, запрещается заниматься винторговлей цѣлымъ племенамъ, болѣе другихъ не разборчивымъ въ средствахъ наживы и т. д. Сюда относятся также нѣкоторыя ограниченія въ пользованіи кредитомъ, наприм. запрещеніе продавать спиртъ въ раздробительной продажѣ въ кредитъ.

Крупныя торговыя предпріятія менѣе поддаются контролю и регламентаціи, между тѣмъ здѣсь монополія особенно вредна. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ нашъ хлѣбный экспортъ. До сихъ поръ въ нашихъ портахъ значительная часть доходовъ землевладѣльцевъ поглащается хлѣбными экспортерами въ видѣ монопольныхъ процентовъ за коммиссію, вычета изъ общаго вѣса хлѣба на магазины, посредствомъ обмѣра и обвѣса и т. п. Доходами землевладѣльцевъ вслѣдъ за экспортерами пользуются даже общества портовыхъ городовъ. Нѣкоторымъ городамъ предоставлено право получать извѣстный сборъ съ хлѣба, отправляемаго за границу, въ цѣляхъ улучшенія портовъ; сборъ получается, но улучшеній не замѣтно. Напротивъ того, проявляются стремленія задержать улучшенія, для того, чтобы лучше пользоваться доходами землевладѣльцевъ. Характеристическимъ примѣ-

ромъ въ этомъ отношеніи служитъ самоуправленіе г. Николаева, вооружившееся въ 1879 г. противъ проведенія къ пристани желѣзнодорожной вѣтви, „чтобы не лишиться заработа отъ гужевой перевозки съ вокзала“. Если такъ могутъ смотрѣть на дѣло представители самоуправленія, то можно ли ожидать иного отношенія экспортеровъ, наживающихъ громадные капиталы, пользуясь своимъ положеніемъ? Ссылаться на „свободу промышленности“ въ данномъ случаѣ значитъ стоять за тотъ хаосъ, въ которомъ можетъ находиться экспортъ, благодаря господству на экспортномъ рынкѣ малочисленнаго, но сильнаго своею малочисленностью класса экспортеровъ. Но такъ какъ регламентація въ этомъ дѣлѣ затруднительна, когда торговля находится исключительно въ частныхъ рукахъ, то возникаетъ необходимость болѣе дѣйствительнаго участія государства и общества. Сборы для улучшеній въ торговлѣ, какъ имѣющіе общегосударственное значеніе, должны быть производимы государствомъ и имъ же употребляемы на улучшенія, уменьшающія затраты сбыта. Необходимо устройство товарныхъ складовъ (элеваторовъ), изъ которыхъ выдавались бы ссуды подъ залогъ сложенныхъ товаровъ и которые, по желанію товаровладѣльцевъ, принимали бы на себя коммиссію продажи товаровъ. Такіе склады должны быть открываемы на основаніи особыхъ уставовъ, которыми бы вполнѣ регулировалась ихъ дѣятельность; за исполненіемъ уставовъ должны наблюдать правительственные торговые инспектора. Склады, дѣйствующіе такимъ образомъ, могутъ быть открываемы какъ частными лицами, такъ и разнаго рода товариществами, обществами, транспортными конторами, пароходными товариществами, желѣзными дорогами и т. д. Въ особенности слѣдуетъ признать полезнымъ соединеніе коммиссіонныхъ операцій съ транспортными. Желѣзная дорога, доставляющая продуктъ въ отдаленный пунктъ, съ полнымъ удобствомъ можетъ принять на себя и коммиссію продажи его. Ея услуга, по существу дѣла, будетъ дешевле посреднической услуги частнаго торговца въ той мѣрѣ, въ какой веденіе предпріятія въ большихъ размѣрахъ требуетъ относительно меньшихъ затратъ на каждую единицу продукта, чѣмъ веденіе предпріятія мелкимъ капиталистомъ. Такое соединеніе коммиссіонныхъ операцій съ транспортными вызываетъ жалобы со стороны промышленниковъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, а также опасенія, что наприм. желѣзныя дороги, взявъ въ свои руки коммиссіонныя операціи, могутъ убить частную предпріимчивость и послѣ

этого, пользуясь своимъ вполнѣ монопольнымъ положеніемъ, получать произвольные проценты съ товаровладѣльцевъ. Жалобы частныхъ промышленниковъ вполнѣ основательны, ихъ наживѣ на счетъ доходовъ товаровладѣльцевъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно угрожаетъ опасность, что и вполнѣ желательно. Но приведенныя опасенія больше чѣмъ не основательны. Если бы коммиссіонное дѣло было не регламентируемо государствомъ, тогда опасенія имѣли бы свое значеніе. При регламентаціи же со стороны государства, совершенно безразлично то, кто ведетъ предпріятіе и на какія средства оно ведется, лишь бы велось оно такъ, какъ этого требуютъ интересы страны, выраженные въ уставахъ предпріятій. Если существуетъ возможность организовать дѣло не на средства государства, то такая организація еще предпочтительнѣе казенной, такъ какъ та же самая задача осуществляется частными средствами, а государственные рессурсы могутъ быть употреблены на удовлетвореніе другихъ нуждъ.

(1) Основанія политической экономіи, т. 1., стр. 293—294.

§ 3. Основной законъ обмѣна состоитъ въ томъ, что товары покупаются товарами же, а деньги и кредитные знаки служатъ только мѣновымъ посредникомъ, облегчающимъ обмѣнъ. Торговля въ странѣ, согласно съ этимъ, развивается правильно тогда, когда существуетъ разнообразіе въ производительныхъ занятіяхъ, когда развиваются различныя отрасли народнаго труда, изъ коихъ каждая служитъ рынкомъ для сбыта продуктовъ другихъ отраслей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторыя отрасли промышленности получаютъ одностороннее развитіе, происходитъ переполненіе рынка товарами и возникаетъ торговый кризисъ. Если напр. будетъ произведено вдвое болѣе товара, между тѣмъ какъ всѣ остальные товары будутъ производиться въ прежнемъ количествѣ, то у покупщиковъ останутся въ прежнемъ размѣрѣ покупныя средства, между тѣмъ какъ предложеніе товара и увеличилось вдвое. Понятно, при этомъ часть товара можетъ остаться не проданною и она произведетъ давленіе на цѣны всего количества; цѣны могутъ понизиться на столько, что производители понесутъ убытки, потеряютъ средства къ продолженію дѣла, не могутъ выполнять принятыхъ на себя обязательствъ и банкротятся. Вмѣстѣ съ ними, благодаря ихъ

банкротству, несутъ убытки всѣ лица, которыя ввѣрили имъ свои капиталы или которыя сбывали имъ свои произведенія и матеріалы для производства. Кризисъ, начавшись въ однихъ отрасляхъ производства, можетъ перейти въ другія и мало по малу сдѣлается болѣе или менѣе общимъ. Такіе кризисы съ экономическимъ развитіемъ народовъ появляются все чаще и чаще. Въ числѣ причинъ усиленія кризисовъ важное значеніе имѣютъ: развитіе спекуляціи, одностороннее направленіе кредита, превращеніе оборотныхъ капиталовъ въ постоянные и потрясенія на денежномъ рынкѣ.

Спекуляція и кредитъ почти всегда дѣйствуютъ на кризисы совмѣстно, а именно: спекуляція питается кредитомъ. Когда товары продаются на векселя, учитываемые въ банкахъ, тогда самая продажа товара—фиктивная или дѣйствительная—служитъ средствомъ къ полученію кредита въ банкахъ. Банки своимъ учетомъ облегчаютъ сбытъ и пріобрѣтеніе, поднимается спросъ и происходитъ возвышеніе цѣнъ. Послѣднее заставляетъ производителей увеличить производство; поднимаются цѣны на матеріалъ и рабочія руки и такимъ образомъ происходитъ увеличеніе стоимости производства даннаго товара при увеличеніи его количества. Между тѣмъ въ другихъ отрасляхъ труда соотвѣтствующаго оживленія нѣтъ, средства у потребителей товара остаются прежнія и спекулянты, получивъ у величенное количество товаровъ по увеличеннымъ цѣнамъ, встрѣчаютъ затрудненія въ продажѣ. Въ ихъ средѣ мало по малу возникаетъ паника, банки сокращаютъ учетъ, цѣны падаютъ и наступаютъ банкротства. Кредитъ содѣйствуетъ спекуляціи тѣмъ, что расширяетъ ея средства и поэтому увеличиваетъ размѣры кризиса.

Но кредитъ можетъ и самостоятельно вліять какъ на появленіе, такъ и на развитіе кризисовъ. Это обыкновенно происходитъ при одностороннемъ направленіи въ странѣ кредита. Кредитъ наприм. можетъ быть преимущественно направленъ къ операціямъ ипотечнаго характера; въ общей системѣ кредита могутъ получить преобладающее значеніе разнаго рода банки, выдающіе ипотечныя ссуды, подъ залогъ домовъ и земель. Когда собираемые банкомъ капиталы страны получаютъ такое направленіе, торговля можетъ испытывать нужду въ денежныхъ средствахъ, возникаютъ затрудненія въ сбытѣ товаровъ, а вмѣстѣ съ этимъ естественно возникаютъ затрудненія въ реализаціи затратъ производителями. Цѣны при такихъ условіяхъ неизбѣжно па-

дают, неизбѣжны банкротства торговцевъ и вялость въ производительной дѣятельности.

Не меньшее значеніе можетъ имѣть и быстрое превращеніе оборотныхъ капиталовъ страны въ постоянные. Въ частномъ хозяйствѣ увеличеніе постоянныхъ капиталовъ на счетъ оборотныхъ равносильно уменьшенію наличныхъ средствъ пользованія постоянными капиталами. Если частное лице весь свой капиталъ употребитъ на покупку земли, то у него не останется средствъ для веденія хозяйства, приходится сдавать купленную землю въ аренду и т. п. Такія же затрудненія могутъ возникнуть и въ цѣлой странѣ, когда оборотный капиталъ ея быстро превращается въ постоянный, наприм. для постройки желѣзныхъ дорогъ и тому подобныхъ общественныхъ предпріятій. Затраченный въ дѣло постоянный капиталъ возстановляетъ медленно свою стоимость, между тѣмъ какъ оборотный капиталъ воспроизводился быстро, каждый разъ служа средствомъ къ новому обороту. Уменьшеніе такого оборотнаго капитала не можетъ не сопровождаться уменьшеніемъ и ослабленіемъ оборотовъ, угнетѣніемъ цѣнъ, затрудненіями въ производствѣ и въ торговлѣ.

Потрясенія на денежномъ рынкѣ, производя переворотъ въ цѣнахъ, также вызываютъ кризисы. Таковы наприм. кризисы, вызываемые излишне выпущенными бумажными деньгами, о которыхъ мы уже говорили. Такого же рода кризисы происходятъ и тогда, когда вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ уменьшается количество монеты на внутреннемъ рынкѣ. Внутренній оборотъ требуетъ опредѣленнаго количества орудій обращенія; уменьшеніе этого количества посредствомъ контрибуціи, вывоза за границу для платежей и т. п. не можетъ не вызвать затрудненій въ торговлѣ, которыя мало по малу должны отразиться и въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Здѣсь происходятъ явленія, аналогичныя съ возникающими послѣ излишнихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Если въ странѣ существуетъ 100 мил. бумажныхъ денегъ и вновь выпускается 25 мил., т. е. на $25^0/_0$ прежняго количества, причемъ вмѣстѣ съ этимъ цѣны возвысятся не на $25^0/_0$, а наприм. на $50^0/_0$, то въ дѣйствительности орудій оборота будетъ не 125 мил., а всего $62^1/_2$ милліона, такъ какъ теперь рубль относительно товаровъ равняется 50 коп. Понятно, почему увеличеннаго количества денегъ становится недостаточно для оборота при измѣнившихся цѣнахъ. Тоже можетъ быть при быстромъ

увеличеніи въ странѣ металлическихъ денегъ, употребляемыхъ на цѣли хозяйственно непроизводительныя. Тоже самое происходитъ и при изъятіи изъ страны денегъ.

На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія человѣчество много страдало отъ частыхъ неурожаевъ, вызывавшихъ голодъ, болѣзни и усиленную смертность. Теперь такія бѣдствія уже не страшны; въ земледѣльческой культурѣ заключается рѣшительное средство противъ тѣхъ значительныхъ колебаній въ урожайности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которыя въ прежнее время причиняли столько бѣдствій. Но это бѣдствіе теперь замѣнено другимъ, производящимъ въ существѣ дѣла не меньшія опустошенія. Торговые кризисы, повторяющіеся чуть ли не каждыя десять лѣтъ, причиняютъ современнымъ образованнымъ народамъ столько же зла, сколько въ прежнее время причиняли періодически повторявшіеся голода. Торговые кризисы, вызванные затрудненіями въ сбытѣ, отражаются на производствѣ и рабочихъ массахъ, лишающихся заработка и средствъ къ существованію. Отъ нихъ терпятъ состоятельные люди, но еще болѣе люди и безъ того нуждающіеся. Вотъ почему вопросъ о мѣрахъ противъ кризисовъ имѣетъ первостепенное значеніе для современныхъ народовъ. Рѣшеніе его находится въ органической связи съ усилившимся въ послѣднее время новыми національно-хозяйственнымъ направленіемъ, которое даетъ болѣе подобающее мѣсто государству въ народной экономіи. До той поры, пока господствовало убѣжденіе, что государство не должно вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь страны, въ кризисахъ видѣли неизбѣжное зло, которое само въ себѣ заключаетъ и противоядіе. Правильное регулированіе государствомъ хозяйственной жизни страны даетъ возможность не прибѣгать къ такимъ противоядіямъ, требующимъ человѣческихъ жертвъ. Развитіе промышленно-производительнаго кредита, общее и техническое образованіе, промышленное законодательствъ, направленное къ совмѣстному развитію въ странѣ всѣхъ отраслей промышленности и въ особенности надлежащее урегулированіе торговли въ собственномъ смыслѣ этого слова и наконецъ таможенное покровительство—вотъ важнѣйшія изъ средствъ къ предупрежденіи кризисовъ.

§ 4. На низшихъ ступеняхъ развитія торговля носитъ кочевой характеръ. Производители и потребители входятъ между собою въ непосредственныя сношенія при случайныхъ встрѣчахъ въ особенности въ мѣстахъ,

гдѣ собирается много народа. Таковыми мѣстами были напр. церкви и монастыри. „Достойно замѣчанія, говоритъ Костомаровъ, что большею частью торги открывались у насъ въ монастырскихъ имѣніяхъ. Такъ, лучшія наши ярмарки, и въ томъ числѣ макарьевская, возникли въ монастырскихъ имѣніяхъ и подъ монастырскимъ наблюденіемъ и управленіемъ. Вообще торжища въ древней Россіи происходили по поводу престольныхъ праздниковъ. Чѣмъ святѣе мѣсто, тѣмъ болѣе пріѣзжало людей, и для благочестія, и для мірскихъ выгодъ, а равно и для мірскаго веселія". Макарьевская нижегородская ярмарка возникла изъ ежегодныхъ собраній народа въ м. іюлѣ въ монастырѣ св. Макарія Желтоводскаго. Также возникла ярмарка въ Ковровѣ, Торжкѣ и пр. По словамъ г. Аристова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самое устройство церквей приспособленно было къ торговымъ требованіямъ: въ подвалѣ сохранялся товаръ, въ притворѣ взвѣшивался (2). Въ монастыри, въ особенности въ большіе праздники, собирался массами народъ. Это были единственныя собранія, съѣзды съ отдаленныхъ мѣстностей, на которыхъ естественно и возникъ сперва обмѣнъ, а затѣмъ и товговля въ видѣ ярмарочной торговли. Торговцы разъѣзжали съ товарами изъ одной ярмарки въ другую, запасаясь на ярмаркахъ же товарами, сбываемыми на другихъ ярмаркахъ. Такой же кочевой характеръ на первыхъ порахъ носила и международная торговля. Такъ наприм. въ теченіи долгаго времени нѣмецкіе торговцы въ Новгородъ могли пріѣзжать въ опредѣленный срокъ два раза въ году; имъ отводились особые дворы и послѣ истеченія срока они должны были оставить городъ (3). Очевидно, торговля съ иностранцами въ этой своей формѣ имѣла такой же характеръ, какъ и внутренняя ярмарочная торговля. Какъ на ярмаркахъ покупщики запасались всѣмъ необходимымъ до наступленія новой ярмарки, такъ и торговля съ иностранцами состояла въ оптовой продажѣ и покупкѣ. Замѣчательною чертою нашей старой торговли, говоритъ Костомаровъ, было то, что продажа была чаще всего оптовая. Товары покупались на продолжительное время и даже на годъ (4). Иностранцамъ даже вовсе запрещалась розничная продажа.

На высшихъ ступеняхъ экономическаго быта торговля получаетъ осѣдлый характеръ и ярмарки теряютъ свое господствующее значеніе. Нѣтъ надобности запасаться на годъ или около этого товаромъ, когда можно пріобрѣсть его во всякое время, тѣмъ болѣе, что мно-

гіе товары портятся и теряется процентъ на капиталъ, употребленный на гуртовую закупку товара. Остаются лишь такія ярмарки, въ которыхъ имѣетъ особое значеніе непосредственное сближеніе производителей съ потребителями, или ярмарки крупныхъ оборотовъ. Образцемъ первыхъ служатъ наши шерстяныя ярмарки. Сближеніе посредствомъ ярмарокъ овчарныхъ заводовъ съ суконными фабрикантами представляетъ важныя выгоды. Фабрикантъ имѣетъ возможность выбрать для себя шерсть того качества, какая ему нужна; производители шерсти имѣютъ возможность ознакомиться съ качествами спроса и сообразовать съ этимъ свое производство и т. п. Примѣромъ ярмарокъ съ крупными оборотами, сохраняющихъ свое значеніе и на высшихъ ступеняхъ экономическаго быта, можетъ служить нижегородская ярмарка. „Здѣсь происходитъ важный экономическій процессъ всякой торговли и всего народнаго хозяйства—переходъ товаровъ, потребляемыхъ на огромномъ пространствѣ Россіи европейской и азіатской отъ производителей или изъ первыхъ рукъ вообще во вторыя коммерческія руки и въ третьи, имѣющія дѣло прямо съ потребителями. Такова главная специфическая экономическая функція этого торга въ организмѣ нашего народнаго хозяйства. Она регулируетъ правильный ходъ всѣхъ безъ изъятія его отправленій. Здѣсь огромное пространство Россіи запасается большею частью предметовъ своего потребленія на цѣлый годъ и отсюда они распредѣляются по всѣмъ мѣстнымъ торговымъ и промышленнымъ ея центрамъ. Вслѣдствіе этой специфической функціи макарьевскаго торга, онъ является у насъ главнымъ ежегоднымъ регуляторомъ между спросомъ и предложеніемъ, между производствомъ и потребленіемъ всѣхъ безъ изъятія товаровъ“ ([5]). Выгоды сбыта и пріобрѣтенія оптомъ гарантируютъ развитіе этой ярмарки и въ будущемъ, чего нельзя сказать относительно среднихъ и малыхъ ярмарокъ, съ каждымъ годомъ теряющихъ свое значеніе.

Осѣдлая торговля концентрируется главнымъ образомъ въ городахъ, получающихъ значеніе постоянныхъ рынковъ для сбыта продуктовъ, производимыхъ въ деревнѣ, и пріобрѣтенія неземледѣльческихъ произведеній. Болѣе крупные центры торговли имѣютъ значеніе постоянныхъ рынковъ, снабжающихъ всѣмъ необходимымъ для торговли среднихъ и мелкихъ торговыхъ центровъ. Правильный ходъ торговли требуетъ, чтобы торговые центры были по возможности больше распространены въ странѣ, такъ какъ отъ этого зависитъ близость потребите-

ля къ производителю, безъ которой не можетъ быть правильною производительная дѣятельность страны. При отдаленности рынка отъ мѣста производства производитель теряетъ часть своихъ доходовъ въ цѣнѣ провоза продукта, причемъ чѣмъ отдаленнѣе рынокъ, тѣмъ больше эта потеря. Уменьшеніе доходовъ отъ продажи равносильно ограниченію рынка, размѣрами котораго опредѣляются размѣры производства, т. е. равносильно ограниченію самаго производства, усиленію его экстенсивности. Не даромъ въ извѣстной схемѣ развитія системъ земледѣлія фонъ-Тюнена на окраинѣ государства, въ наиболѣе отдаленныхъ пунктахъ отъ города, какъ рынка для сбыта продуктовъ земледѣлія, господствуетъ наиболѣе экстенсивная культура, населеніе живетъ рыбными и звѣринными промыслами, между тѣмъ какъ вблизи города господствуетъ вольная система хозяйства. Отдаленность рынковъ для сбыта въ особенности вредно отражается на земледѣліи, производящемъ громоздкіе продукты не высокой цѣнности сравнительно съ объемомъ и вѣсомъ. При отдаленности рынка сельскій хозяинъ по необходимости ведетъ экстенсивную культуру, хищнически пользуется силами земли, постепенно истощая землю. Въ хлѣбѣ, отправляемомъ на отдаленные рынки, вывозится та почва, на которой родится хлѣбъ и такимъ путемъ самыя плодородныя страны могутъ быть легко превращены въ безплодныя пустыни (6). Съ возникновеніемъ и развитіемъ международной торговли эта опасность усиливается подавленіемъ внутренныхъ неземледѣльческихъ отраслей промышленности болѣе высокою промышленною культурою и естественно возникаетъ вопросъ объ огражденіи національнаго труда не только въ интересахъ не земледѣльческихъ отраслей промышленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ интересахъ земледѣлія.

(1) Костомаровъ. Очеркъ торговли московскаго государства. Спб. 1862 г. стр. 134—135. (2) Аристовъ. Промышленность древней Руси. стр. 207. (3) Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. Спб. 1863 г. II, стр. 193. (4) Очеркъ торговли моск. государства. стр. 158. (5) Безобразовъ. Народное хозяйство Россіи, стр. 208—209. (6) При отдаленности рынка зерновая культура преобладаетъ надъ скотоводствомъ. Вредъ вывоза зерна сравнительно съ вывозомъ продуктовъ скотоводства прекрасно уясненъ въ ст. Д. Абашева: „Земледѣліе въ Англіи“, Русскій Вѣстникъ, 1865 г. Апрѣль.

§ 5. Вопросъ о регулированіи государствомъ международной торговли впервые строго послѣдовательно былъ анализированъ школой,

носящей названіе меркантилизма. Исходя изъ своего понятія о деньгахъ, какъ исключительномъ богатствѣ, меркантилисты считали необходимымъ заключеніе такихъ торговыхъ трактатовъ, благодаря которымъ вывозъ продуктовъ изъ страны превышалъ бы привозъ иностранныхъ продуктовъ и разница въ цѣнѣ, уплачиваемая деньгами, составляла бы такимъ образомъ чистый выигрышъ. Хотя сомнѣнія въ этомъ возникли весьма рано, тѣмъ не менѣе доктрина меркантилистовъ господствовала въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ долго, пока А. Смитъ своей рѣзкой критикой меркантилизма не вызвалъ господства совершенно противоположнаго ученія. Еще Дедлей Нортъ въ 1691 г. доказывалъ, что страна не богатѣетъ отъ денегъ, что торговля основывается на обмѣнѣ равноцѣнностей и интересы націй, ведущихъ между собою торговлю, вполнѣ солидарны. Въ началѣ 18 в. Антоній Бондини доказывалъ, что какъ внутренняя, такъ и внѣшняя торговля должна быть свободна. „Нужно разширить сердце, позволивъ ему дышать волею, чтобы оно могло очиститься отъ зловредныхъ впечатлѣній, причиняемыхъ тяжелыми заботами о существованіи, лишенномъ всякаго покоя“. Пользу такой свободы торговли онъ основывалъ на важности быстроты оборотовъ въ странѣ. Золото въ торговлѣ, говорилъ онъ, похоже на факелъ въ рукахъ дитяти; когда его обращаютъ быстро, то кажется будто этотъ факелъ образуетъ огненный кругъ; такъ точно золото, быстро переходя изъ рукъ въ руки, ослѣпляетъ глаза и какъ бы увеличивается само собою. Одинъ рубль, перешедшій сто разъ въ одинъ мѣсяцъ изъ рукъ въ руки, поддерживаетъ такую же торговлю, какую могли бы поддерживать многіе рубли, переходя медленно, и замѣняетъ сотню рублей, потому что доставляетъ ста человѣкамъ, дававшимъ его, все то, въ чемъ они нуждаются на цѣну рубля“. Для этой то быстроты торговыхъ оборотовъ и необходима свобода. Но эти ученія о свободѣ торговли до А. Смита не имѣли того значенія, какое они получили подъ вліяніемъ его доказательствъ. А. Смитъ представилъ цѣлый рядъ доказательствъ, что каждый человѣкъ наиболѣе успѣшно работаетъ тогда, когда онъ наиболѣе свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Только при свободѣ всѣ занятія распредѣляются вполнѣ согласно съ требованіями общаго блага и слѣдовательно только при этомъ условіи распредѣляются вполнѣ правильно. Таможенныя пошлины нарушаютъ эту свободу и препятствуютъ пользоваться для удовлетворенія потребностей выгодами международнаго

раздѣленія труда. Посредствомъ таможенныхъ пошлинъ, ограничивающихъ ввозъ, можно достигнуть того, что въ странѣ будутъ производиться продукты, производство которыхъ раньше началось заграницей. Но это равносильно тому, какъ если бы правительство заставило кузнеца самому производить себѣ сапоги, вмѣсто того, чтобы получать желаемый продуктъ въ обмѣнъ на издѣлія своей спеціальности. Подобно тому, какъ каждый частный человѣкъ выигрываетъ отъ раздѣленія труда и свободы обмѣна, также выигрываетъ и вся страна отъ свободы международной торговли и международнаго раздѣленія труда. Противъ ученія меркантилистовъ о таможенныхъ пошлинахъ, какъ средствѣ къ привлеченію въ страну денегъ, А. Смитъ возражаетъ, что деньги не богатство и увеличеніе въ странѣ количества денегъ ни въ какомъ случаѣ не равносильно увеличенію богатства и народнаго благосостоянія.

Ученіе А. Смита лежитъ въ основаніи всей системы свободы международной торговли, носящей названіе фритредерства. По ученію послѣдователей этой системы, таможенное покровительство признается тѣнью изчезающаго меркантилизма. „Продажа безъ купли не мыслима; вывозъ безъ привоза былъ бы разрушеніемъ благосостоянія, а привозъ исключительно денегъ—плачевнымъ сумазбродствомъ. Для уясненія вопроса необходимо противопоставить не деньги и продуктъ, но продуктъ и продуктъ. Швеція вывозитъ изъ Франціи вино, Франція беретъ изъ Швеціи желѣзо и каждая страна находитъ въ этомъ выгоду, каждая пользуется услугами другой. Народъ только тогда можетъ имѣть интересъ въ замѣнѣ своихъ товаровъ на деньги, когда нуждается въ деньгахъ, а не въ товарахъ. Но исторія и опытъ народовъ убѣждаютъ, что деньги испытываютъ участь всѣхъ цѣнностей; уходятъ изъ страны, гдѣ ихъ много или больше, чѣмъ требуется для оборотовъ, и излишекъ уходитъ туда, гдѣ чувствуется въ нихъ потребность и нужда. Деньги прибудутъ въ страну, если она въ нихъ нуждается, необходима только для этого полная свобода международнаго обмѣна“. Нѣтъ никакой выгоды отъ того, что вывозъ превышаетъ привозъ, какъ нѣтъ никакой выгоды и отъ того, что мы больше отдаемъ, чѣмъ получаемъ. Излишекъ привоза скорѣе выгоденъ, такъ какъ отъ этого зависитъ благосостояніе потребителей.

Наиболѣе рѣшительно система фритредерства проведена у Бастіа. По его ученію, всякія ограниченія въ международной торговлѣ рав-

носильны ограниченіямъ въ употребленіи машинъ въ производствѣ и ограниченіямъ въ развитіи умственномъ и матеріальномъ народа. Первоначальное дѣйствіе хорошо устроенной машины состоитъ въ томъ, что она дѣлаетъ излишнимъ нѣкоторое количество ручнаго труда. Но этимъ не ограничивается ея значеніе. Такъ какъ работа достигается съ меньшими затратами, то продуктъ продается дешевле и потребители сберегаютъ часть денегъ. Сбереженныя такимъ образомъ средства даютъ возможность удовлетворять другія потребности, т. е. эти средства будутъ направлены къ занятію труда, сдѣлавшагося свободнымъ послѣ введенія машины въ производствѣ. Такимъ образомъ количество работы въ странѣ не уменьшается, хотя удовлетворяется больше потребностей. „Предположимъ, что во Франціи потребляется 10 мил. шляпъ и что каждая стоитъ 15 франковъ. Это потребленіе доставляетъ шляпной промышленности 150 мил. франковъ. При такомъ положеніи изобрѣтается машина, которая даетъ возможность продавать шляпы по 10 франковъ. Если потребленіе ихъ не увеличится, то сумма, достающаяся на долю шляпной промышленности, ограничится 100 милліонами. Но остальныхъ 50 милліоновъ трудъ человѣческій не лишится. Сбереженные на покупкѣ шляпъ, они послужатъ покупателямъ къ удовлетворенію другихъ потребностей, слѣдовательно достанутся на долю какой нибудь отрасли промышленности. На 5 франковъ, сбереженныхъ на покупкѣ шляпы, Иванъ купитъ себѣ пару башмаковъ, Яковъ книгу, Петръ посуду и т. д. Трудъ народа, взятый въ совокупности, будетъ все таки поощряемъ всѣми 150 мил., эта сумма, доставивъ прежнее число шляпъ, дастъ возможность удовлетворить другимъ потребностямъ, на 50 милліоновъ, сбереженныхъ вслѣдствіе изобрѣтенія машины. Слѣдовательно, это удовлетвореніе есть чистый барышъ, доставленный Франціи изобрѣтеніемъ. Это дань, наложенная умомъ человѣка на природу“. Совершенно аналогичное же значеніе имѣетъ и ввозъ заграничныхъ товаровъ, продающихся дешевле товаровъ внутренняго производства. „Франція производила 10 мил. шляпъ и каждая обходилась ей въ 15 франковъ. Иностранцы вытѣсняютъ насъ съ нашего рынка, доставляя шляпы по 10 фр. за штуку. Я говорю, что народный трудъ нисколько не уменьшится. Онъ долженъ будетъ производить до цифры 100 милл., чтобы заплатить за 10 мил. шляпъ по 10 франковъ. Каждый покупатель сбережетъ 5 фр. на шляпѣ, всего же сбережется 50 милліоновъ, которые оплатятъ удов-

летвореніе иныхъ потребностей, т. е. другіе роды труда. Слѣдовательно, количество труда останется прежнее, а добавочное удовлетвореніе потребностей, представляемое сбереженными на покупкѣ шляпъ 50 мил., будетъ чистымъ барышемъ отъ ввоза товаровъ или свободы торговли. Пусть противники ея не пытаются запугать насъ картиной страданій, сопровождающихъ перемѣщеніе труда: если бы не существовало запрещеній ввоза, то трудъ распредѣлился бы самъ собою, по законамъ мѣны, и не было бы и перемѣщеній его. Когда же эти запрещенія вызвали искусственное и непроизводительное распредѣленіе труда, то они, а не свобода, виновны въ необходимости перемѣщенія при переходѣ отъ зла къ добру. Или станутъ утверждать, что когда зло можетъ быть уничтожено лишь съ нарушеніемъ выгодъ тѣхъ лицъ, которыя имъ пользуются, то достаточно минутнаго существованія зла, чтобы подчиниться ему навсегда"!

Протекціонизмъ—это доктрина, по которой благосостояніе опредѣляется суммой препятствій къ удовлетворенію потребностей; чѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше работы, тѣмъ больше и благосостояніе. Это странное отождествленіе богатства съ недостаткомъ, цѣли съ препятствіями возникло изъ раздѣленія занятій. Мнѣ нужно переѣхать за сто верстъ. Но на предстоящей мнѣ дорогѣ находятся горы, рѣки, болота, непроходимые лѣса, бродяги, однимъ словомъ—*препятствія*; чтобы преодолѣть эти препятствія, мнѣ нужно или самому употребить много усилій, или, что тоже самое, если эти усилія будутъ сдѣланы другими, то заплатить за нихъ. Ясно, что въ этомъ случаѣ положеніе мое было бы лучше, если бы препятствій не существовало. Чтобы прожить длинный рядъ дней, отдѣляющихъ колыбель отъ могилы, человѣку нужно употреблять въ пищу огромное количеество припасовъ, защищать себя отъ непостоянства погоды, предохранять себя и лѣчиться отъ болѣзней. Голодъ, жажда, болѣзь, жаръ, холодъ—все это препятствія, которыми усѣянъ его путь. Живя внѣ общества, онъ долженъ былъ бы уничтожать ихъ охотою, рыбною ловлею, земледѣліемъ, пряжею, тканьемъ, постройкою жилищъ, и ясно, что для него было бы выгоднѣе, если бы эти препятствія или существовали въ меньшей степени, или не существовали вовсе. Въ обществѣ человѣкъ не борется лично съ каждымъ изъ этихъ препятствій; это дѣлаютъ за него другіе; въ обмѣнъ за такую услугу, онъ принимаетъ на себя трудъ удалять какое нибудь одно изъ препятствій, которыми

окружены его ближніе. Очевидно, чѣмъ меньше препятствій, тѣмъ больше благосостоянія. Но раздѣленіе занятій вызвало смѣшеніе богатства съ нуждой, благосостоянія съ препятствіями къ нему. При раздѣленіи занятій каждый занимается уничтоженіемъ лишь одного какого либо препятствія и уничтожаетъ его не для себя одного, но и для другихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ видитъ непосредственную причину своего богатства въ томъ препятствіи, уничтоженіемъ котораго онъ занимается въ пользу другихъ. Чѣмъ препятствіе это больше, тѣмъ больше за преодолѣніе его онъ получаетъ вознагражденія отъ другихъ. Такъ и возникло смѣшеніе такихъ разнородныхъ понятій, какъ благосостояніе и недостатокъ, эта боязнь дешевизны иностранныхъ произведеній, боязнь легкости въ удовлетвореніи потребностей всѣхъ и каждаго. „Это тоже самое, какъ если бы государство сказало: я не хочу ничего, что даетъ природа. Въ обмѣнъ за усиліе вы предлагаете мнѣ произведеніе, которое я могу добыть только двойнымъ противъ этого усилія трудомъ“. Для лучшей иллюстраціи всей „нелѣпости протекціонизма“ Бастіа представляетъ протекціонистическое прошеніе фабрикантовъ сальныхъ и восковыхъ свѣчей, лампъ и т. п. „Мы подвержены, говорятъ фабриканты, невыносимому соперничеству производителя, поставленнаго въ условія до такой степени превосходящія наши, относительно производства свѣта, что онъ заваливаетъ нашъ туземный рынокъ и продаетъ его по баснословно низкой цѣнѣ. Это вытекаетъ изъ тою, что, какъ только онъ появится, наша продажа прекращается, всѣ потребители обращаются къ нему и отрасль промышленности, вѣтви которой безчисленны, вдругъ подвергается самому полному застою. Этотъ соперникъ—солнце. Мы просимъ: соблаговолите издать законъ, который бы вмѣнялъ въ обязанность заколотить всѣ обыкновенныя, слуховыя, косыя и круглыя окна, форточки, ставни, задернуть занавѣски, опустить сторы, однимъ словомъ закрыть всѣ отверзтія, дырья, щели и трещины, чрезъ которыя солнечный свѣтъ обыкновенно проникаетъ въ дома, во вредъ тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя мы развели въ отечествѣ, и оно должно было бы, уже изъ одной благодарности, не оставлять насъ теперь въ такой неравной борьбѣ“. Совершенно того же требуютъ и протекціонисты. Они говорятъ: мы должны быть довольны существованіемъ препятствій, потому что оно даетъ пищу народному труду и обогащаетъ согражданъ. Чтобы убѣдиться въ ложности этой доктрины,

достаточно не забывать, что трудъ есть средство, а не цѣль. Трудъ народа *„никогда не останется безъ употребленія.* Если не существуетъ одного препятствія, онъ займется уничтоженіемъ другаго, и общество освободится отъ двухъ препятствій тѣмъ же количествомъ труда, которое уничтожало только одно изъ нихъ. Если бы работа бочаровъ сдѣлалась когда нибудь безполезною, она нашла бы себѣ другое приложеніе. Но чѣмъ же, спросятъ, была бы она вознаграждаема? Тѣмъ же самымъ, чѣмъ вознаграждается и теперь, потому что, если извѣстное количество труда дѣлается свободнымъ вслѣдствіе уничтоженія какого нибудь препятствія, то вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается свободнымъ и соотвѣтствующее количество вознагражденія. Если кто скажетъ: человѣческій трудъ не найдетъ занятій, то долженъ въ тоже время доказать, что человѣчество перестанетъ встрѣчать препятствія. Но тогда и самый трудъ, сдѣлавшись невозможнымъ, будетъ вмѣстѣ и излишнимъ. Намъ нечего дѣлать, потому что мы достигнемъ всемогущества и для удовлетворенія всѣхъ нашихъ нуждъ и желаній намъ достаточно произнести: да будетъ".

Ученіе о свободѣ международной торговли было подвергнуто рѣзкой критикѣ Ф. Листомъ, Марло, Кэри и многими другими экономистами.

Ф. Листъ исходитъ изъ того, что мѣновыя сношенія между народами не всегда основаны на солидарности интересовъ. Солидарность можетъ быть между покупщикомъ и продавцемъ, но между продавцами, какъ равно и между покупщиками существуетъ конкурренція, борьба взаимно противоположныхъ интресовъ. Каждый производитель заинтересованъ въ томъ, чтобы сбыть свой товаръ, для этого онъ долженъ стараться продать свой продуктъ какъ можно дешевле. Такъ возникаетъ борьба между производителями. Но трудно бороться изъ за рынка для сбыта двумъ производителямъ, изъ которыхъ одинъ снабженъ всевозможными научными усовершенствованіями въ производствѣ, имѣетъ долголѣтнюю опытность, а другой только начинаетъ дѣло. Мѣновая борьба между двумя странами, изъ которыхъ одна имѣетъ высоко развитую промышленность, между тѣмъ какъ въ другой послѣдняя только начинается и еще не успѣла окрѣпнуть, напоминаетъ собою борьбу великана съ карликомъ; первый естественно побѣждаетъ послѣдняго. Промышленность одной страны можетъ быть подавлена произведеніями другой, привозимыми безпошлинно, затра-

ченные въ дѣло капиталы пропадутъ, населеніе остается безъ заработка и вся страна попадетъ въ экономическую зависимость отъ другой, не имѣя возможности организовать собственное производство при полной свободѣ торговли. Международная торговая солидарность—это идея отдаленнаго будущаго, осуществленіе которой наступитъ лишь тогда, когда экономическія силы народовъ уравновѣсятся. Это и составляетъ задачу экономическаго развитія народовъ. Каждый народъ въ своемъ экономическомъ развитіи проходитъ три ступени: на низшихъ ступеняхъ экономическая культура является исключительно земледѣльческою; за этимъ слѣдуетъ періодъ промышленно-земледѣльческій, когда рядомъ съ земледѣліемъ развиваются въ странѣ мануфактуры, заводы и фабрики; наконецъ высшій періодъ—промышленно-земледѣльческо-торговый, въ которомъ разнообразныя естественныя и трудовыя силы націи систематически эксплоатируются и раздѣленіе занятій въ странѣ находитъ для себя полное примѣненіе. Такъ какъ государства развиваются не одинаково, одни находятся наприм. въ періодѣ земледѣльческой культуры, между тѣмъ какъ другія сверхъ того имѣютъ правильно развитую обрабатывающую промышленность и торговлю, то націи болѣе слабыя могутъ поднятся на высшую ступень экономической культуры не иначе, какъ при огражденіи внутренняго производства посредствомъ охранительныхъ пошлинъ. Эти пошлины имѣютъ значеніе воспитанія національнаго труда въ національно-экономическомъ направленіи. Ограждая отъ иностраннаго соперничества, они даютъ возможность развитія внутреннихъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ. Съ развитіемъ послѣднихъ пошлины должны быть понижаемы, когда внутренній трудъ достаточно окрѣпнетъ и получитъ возможность успѣшно конкуррировать съ иностраннымъ Безъ такого покровительства національный трудъ представлялъ бы собою постоянную смѣну созиданія и уничтоженія. Создавшаяся промышленность была бы уничтожаема конкурренціей, послѣ чего новыя попытки въ томъ же направленіи оканчивались бы тѣмъ же рерультатомъ. Таможенное покровительство необходимо для всѣхъ отраслей національнаго труда, за исключеніемъ земледѣльческаго, который имѣетъ естественную охрану въ большихъ разстояніяхъ и дороговизнѣ транспорта продуктовъ. Таможенныя охранительныя пошлины должны быть устанавливаемы исключительно на такія произведенія, производство которыхъ въ странѣ вполнѣ возможно и соотвѣтствуетъ климатическимъ, почвеннымъ и тому

подобнымъ мѣстнымъ условіямъ. Такое покровительство ни въ какомъ случаѣ не производитъ искусственнаго направленія промышленности, но содѣйствуетъ поднятію народнаго благосостоянія, облегчая эксплоатацію естественныхъ производительныхъ силъ, которыя въ противномъ случаѣ оставались бы мертвымъ капиталомъ. Покровительство это требуетъ извѣстныхъ жертвъ со стороны потребителей, но жертвы эти во первыхъ временны, а въ вторыхъ вполнѣ равносильны тѣмъ расходамъ, которые напр. затрачиваются родителями на воспитаніе дѣтей. Разходы возстановляются въ увеличеніи дѣятельности производительныхъ силъ; здѣсь происходитъ превращеніе цѣнностей въ производительныя силы, размѣрами которыхъ опредѣляются размѣры народнаго благосостоянія; экономисты видѣли богатство въ произведеніяхъ и цѣнностяхъ, между тѣмъ какъ оно состоитъ въ производительныхъ силахъ, игнорируемыхъ фритредерами. На сколько основательно такое предпочтеніе произведеній производительнымъ силамъ, видно изъ того, что экономисты признали воспитаніе человѣка не производительнымъ, а воспитаніе свиней—вполнѣ производительнымъ дѣломъ. Говорятъ, за тѣмъ, что таможенное огражденіе вызываетъ монополію, благодаря которой потребители отдаются въ жертву производителямъ. Но это покровительство относится ко всѣмъ, кто внутри страны пожелаетъ заняться покровительствуемою промышленностью и не создаетъ никакой внутренней монополіи. Охранительныя пошлины не только не создаютъ монополіи, какъ ограниченія производства, а напротивъ того увеличиваютъ общее производство, создавая внутренніе рынки для сбыта всѣхъ отраслей національнаго труда. Земледѣліе не можетъ процвѣтать въ той странѣ, въ которой слабо развиты мануфактуры, такъ какъ при этомъ ограниченъ внутренній рынокъ для сбыта. Оно процвѣтаетъ тамъ, гдѣ мануфактурное населеніе создаетъ спросъ на продукты земледѣлія, причемъ въ тоже время произведенія мануфактуръ находятъ обезпеченный сбытъ между сельскими хозяевами. Въ странѣ, въ которой успѣшно развиваются, рядомъ съ земледѣліемъ, торговля, мануфактуры, фабрики и заводы, каждая отдѣльная отрасль производства представляетъ собою рынокъ для сбыта произведеній другихъ отраслей, а слѣдовательно и условіе ихъ развитія. Здѣсь экономическій бытъ каждаго класса населенія обусловливаяся развитіемъ всѣхъ остальныхъ. Въ этомъ состоитъ задача таможеннаго покровительства. Дешевизна иностранныхъ произведеній не должна соблазнять насъ.

Даже въ томъ случаѣ, если бы эти произведенія иностранцы отдавали даромъ, мы должны избѣгать ихъ, такъ какъ потребленіе ихъ равносильно ослабленію и уничтоженію внутренняго производства, равносильно подарку шелковаго шнурка Султаномъ провинившемуся пашѣ, который послѣ этого подарка обязанъ наложить на себя руки.

Марло въ своей Weltoekonomie раздѣляетъ промыслы на свойственные двумъ странамъ, ведущимъ между собою торговлю, и свойственные только одной изъ нихъ. Свобода международной торговли относительно произведеній промысловъ первой категоріи убыточна, такъ какъ болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна отнимаетъ рынокъ у внутреннихъ производителей. Свобода можетъ быть допущена только относительно промысловъ, свойственныхъ каждой странѣ въ отдѣльности и не свойственныхъ другой.

Кэри необходимость таможеннаго покровительства выводитъ изъ извѣстнаго уже намъ положенія своего о необходимости близости между потребителемъ и производителемъ, городомъ и селомъ, земледѣліемъ и неземледѣльческими отраслями народнаго труда. Сельскій хозяинъ—заемщикъ у банка, называемаго землей. Онъ долженъ аккуратно возстановлять производительныя силы своей земли, иначе земля истощится и перестанетъ кормить его. Но такая аккуратность не мыслима при отсутствіи внутреннихъ рынковъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, т. е. при отсутствіи или слабомъ развитіи внутренней добывающей и обрабатывающей промышленности. Необходимо созданіе такихъ рынковъ, что и можетъ быть достигнуто путемъ таможеннаго покровительства.

Теоретическія разногласія между протекціонистами и сторонниками свободы промышленности продолжаются до настоящаго времени. Самая противоположность воззрѣній указываетъ на то, что тѣ и другіе видятъ одну сторону дѣла, совершенно игнорируя другою стороною, вслѣдствіе чего и происходитъ споръ. Сторонники свободы международной торговли смотрятъ исключительно съ точки зрѣнія потребленія, совершенно игнорируя производительныя силы и точку зрѣнія производителя. Бастіа прямо утверждаетъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ съ исключительной точки зрѣнія потребителя, такъ какъ интересъ потребителя нисколько не противорѣчитъ общественному интересу, между тѣмъ какъ интересъ производителя находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ общественнымъ интересомъ. Въ чемъ состо-

итъ, спрашиваетъ онъ, непосредственный интересъ производителя? „Во первыхъ въ томъ, чтобы какъ можно меньшее число людей занималось тѣмъ же промысломъ, какимъ занимается онъ; во вторыхъ, чтобы какъ можно болѣе людей нуждалось въ произведеніи его труда, или, какъ выражаетъ это короче политическая экономія, чтобы предложеніе товара было мало, а спросъ великъ; или, еще другими словами, ограниченное соперничество производителей, неограниченный рынокъ для сбыта товара". Выгода потребителя совершенно противоположнаго характера. Выгода его состоитъ въ томъ, чтобы предложеніе товара было какъ можно больше и каждый товаръ продавался бы какъ можно дешевле. Выгода послѣдняго совпадаетъ съ интересами всего общества и поэтому его точка зрѣнія является точкой зрѣнія самаго общества. „И выгода потребителя, и польза общества состоятъ въ обиліи всего; въ томъ, чтобы состояніе погоды благопріятствовало урожаю; чтобы изобрѣтенія болѣе и болѣе удивительныя доставляли человѣку возможность добывать большее число произведеній и удовлетворять большему числу потребностей; чтобы сберегалось время и трудъ, чтобы сокращались разстоянія; чтобы распространеніе въ людяхъ стремленія къ миру и правдѣ позволило уменьшить налоги и чтобы были уничтожены всевозможныя преграды. Потребитель можетъ простирать свои тайныя желанія до несбыточнаго, до нелѣпаго, и все таки эти желанія не перестанутъ быть согласными съ пользою человѣчества. Онъ можетъ желать, чтобы жизненные припасы и одежда, жилище и утварь, образованіе и нравственность, безопасность и миръ, сила и здоровье получались безъ усилій, безъ работы и безъ мѣры, какъ пыль на дорогѣ, вода въ рѣкѣ, воздухъ и свѣтъ, насъ окружающій,—и все-таки исполненіе даже подобныхъ желаній не будетъ противно благосостоянію общества". На этомъ основаніи, заключаетъ Бастіа, слѣдовать побужденіямъ прямой выгоды производителей—значитъ дѣйствовать противъ выгодъ общества; руководствоваться же прямою выгодою потребителя—значитъ принимать въ основаніе выгоду общественную. Съ точки же зрѣнія выгоды потребителя международная торговля должна быть вполнѣ свободна.

Сторонники покровительственной системы смотрятъ на дѣло съ точки зрѣнія производителя. Это прямо утверждаетъ Листъ, говоря, что экономисты умаляютъ значеніе производительныхъ силъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на произведеніяхъ. Богатство заключается

въ производительныхъ силахъ, къ развитію которыхъ и должны быть направлены всевозможныя усилія. Если въ первомъ ученіи интересъ внутренняго производителя приносится въ жертву интересу потребителя, то вторая доктрина требуетъ обратнаго, требуетъ принесенія интересовъ потребителя, по крайней мѣрѣ въ данное время, интересамъ производителя и производительныхъ силъ страны. Противоположность частныхъ интересовъ потребленія и производства и вызвала теоретическую противоположность доктринъ. Научное рѣшеніе вопроса можетъ быть дано только отрѣшеніемъ отъ односторонихъ точекъ зрѣнія, перенесеніемъ вопроса на общественную почву, въ которой каждый производитель есть въ тоже время и потребитель, причемъ о противорѣчіи ихъ интересовъ не можетъ быть и рѣчи. Такое именно рѣшеніе вопроса выдвинула въ послѣднее время самая жизнь, не дожидаясь окончанія теоретическихъ споровъ между фритредерами и протекціонистами.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ послѣднее время вопросъ о дешевомъ хлѣбѣ, доставляемомъ изъ Индіи и Америки, *заставилъ* нѣкоторыя западно-европейскія государства вступить на путь національно-экономической культуры. Привозъ иностраннаго дешеваго хлѣба убиваетъ интенсивную культуру, между тѣмъ какъ при переходѣ къ экстенсивной культурѣ масса населенія должна остаться безъ заработка, а слѣдовательно и безъ средствъ къ пріобрѣтенію дешеваго хлѣба. Переходъ сельскихъ рабочихъ въ другія отрасли производства уменьшитъ заработокъ массъ населенія, работающихъ въ этихъ послѣднихъ отрасляхъ и такимъ образомъ въ общемъ покупныя средства страны должны уменьшиться. Иностранный дешевый хлѣбъ, вмѣсто общаго благосостоянія, долженъ вызвать общее обѣдненіе. Огражденіе сельско-хозяйственнаго производства посредствомъ охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ сдѣлалось настоятельно необходимымъ, что и было сдѣлано наиболѣе систематически въ Германіи. Но хлѣбъ —предметъ удовлетворенія наиболѣе настоятельной потребности, дороговизна его равносильна народнымъ бѣдствіямъ. Необходимо было, вмѣстѣ съ огражденіемъ внутренняго сельско-хозяйственнаго производства отъ иностранной конкурренціи, поднять заработки населенія, покупающаго хлѣбъ, что возможно сдѣлать не иначе, какъ развитіемъ въ странѣ неземледѣльческихъ отраслей народнаго труда. Развитіе послѣднихъ даетъ заработокъ покупающимъ хлѣбъ, а также уменьшаетъ

издержки на пріобрѣтеніе не земледѣльческихъ произведеній, имѣющихъ естественную тенденцію удешевляться съ экономическимъ развитіемъ, что въ свою очередь увеличиваетъ средства у покупщиковъ хлѣба. Вотъ почему для предупрежденія народныхъ бѣдствій отъ дороговизны хлѣба сельско-хозяйственный протекціонизмъ необходимо вызываетъ и промышленный протекціонизмъ; огражденіе земледѣлія отъ иностраннаго дешеваго хлѣба требуетъ огражденія неземледѣльческихъ отраслей промышленности. Одно безъ другаго не мыслимо и государства по необходимости вступаютъ на этотъ пусть національно-экономической политики, на путь огражденія всѣхъ отраслей производства, свойственныхъ странѣ. Но при этомъ все болѣе и болѣе осознается мысль, что одного таможеннаго огражденія еще не достаточно для развитія всѣхъ отраслей національнаго труда. Таможенное покровительство само по себѣ представляетъ лишь формальное, или внѣшнее условіе развитія производства. Одновременно съ нимъ необходимо принятіе мѣръ къ равномѣрному привлеченію капиталовъ къ разнымъ отраслямъ труда, что и достигается организаціей меліоративнаго и промышленно-предпринимательскаго кредита, какъ такихъ формъ кредита, въ которыхъ капиталы непосредственно направляются въ производство. Во многихъ случаяхъ относительно обрабатывающихъ отраслей промышленности и торговли такой кредитъ можетъ привесть къ цѣли даже безъ таможеннаго покровительства. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить развитіе въ Привислянскомъ краѣ фабрикъ земледѣльческихъ орудій и машинъ подъ вліяніемъ спеціальнаго кредита для пріобрѣтенія сельскими хозяевами земледѣльческихъ орудій и машинъ мѣстнаго производства. Этотъ кредитъ развилъ мѣстное производство орудій и машинъ, не смотря на безпошлинный привозъ ихъ изъ за границы.—Необходимы сверхъ того мѣры къ поднятію общаго и за тѣмъ техническаго образованія въ странѣ и т. п. Иногда таможенное покровительство, ограничивая предложеніе товара, легко вызываетъ спекуляцію въ торговлѣ продуктами, которая отражается и на самомъ производствѣ, получающемъ характеръ спекуляціоннаго производства. Въ такихъ случаяхъ необходимо болѣе непосредственное участіе государства, состоящее наприм. въ государственной монополіи продажи и т. п. Примѣромъ этого можетъ служить государственная монополія продажи вина, имѣющая не только финансовыя задачи, но также задачи хозяйственнаго благоустройства. Та-

моженное покровительство спиртному производству, при частной продажѣ спирта, легко вызываетъ спекуляцію въ продажѣ и производствѣ, при которой наиболѣе полезные для страны сельско-хозяйственные винокуренные заводы подавляются коммерческимъ производствомъ. При казенной продажѣ нѣтъ мѣста для спекуляціи и получаютъ возможность развиваться именно тѣ заводы, въ которыхъ наиболѣе нуждается сельско-хозяйственная производительность страны. Такое же значеніе можетъ имѣть монополія продажи табаку, сахара и т. д. Вообще новыя „хозяйственныя государства“, безъ всякаго сомнѣнія, предпримутъ болѣе непосредственное участіе въ хозяйственной жизни. Въ результатѣ такою участія должно получиться общее развитіе національнаго труда, при которомъ получится удешевленіе капиталовъ, дающее возможность удешевлять и сельско-хозяйственное производство при интенсивной культурѣ. Тогда можетъ наступить и свобода международной торговли.

Какъ мы уже говорили, на этотъ путь національно-экономической политики неизбѣжно должны вступить и государства, вывозящія хлѣбъ на иностранные рынки. Ограниченіе или закрытіе послѣднихъ вызываетъ необходимость организаціи внутреннихъ рынковъ, т. е. организаціи въ странѣ неземледѣльческихъ отраслей труда, для чего необходимо принятіе началъ національно-экономической политики. И здѣсь спорный вопросъ о свободѣ и покровительствѣ рѣшается самою жизнью въ смыслѣ организаціи такого покровительства, которое не противорѣчило бы интересамъ потребленія, но въ которомъ интересы потребителя и производителя вполнѣ совпадали бы. Всякій потребитель есть въ тоже время производитель и разумное покровительство производству не должно быть въ противорѣчіи съ интересами потребленія. Покровительство производительнымъ силамъ страны, на противъ того, въ существѣ дѣла должно быть вызываемо интересами потребленія. Отсутствіе иностранныхъ рынковъ для сбыта хлѣба заставляетъ организовать внутренніе рынки, увеличивая заработки неземледѣльческихъ классовъ населенія и давая такимъ образомъ возможность сбывать свой хлѣбъ внутри страны. При этомъ выигрываютъ производители хлѣба, не имѣющіе нужды вывозить въ хлѣбѣ изъ страны лучшія части своей почвы, не теряющіе на транспортѣ, выручающіе большіе доходы и имѣющіе возможность вести болѣе правильную культуру. Вслѣдъ за ними выигрываютъ также и потребители хлѣба, получаю-

щіе бо́льшіе заработки, благодаря развитію фабрикъ, заводовъ, кустарной промышленности и т. п. Развитіе послѣднихъ въ свою очередь ведетъ къ удешевленію единицы продукта, къ удешевленію одежды, мебели, книгъ и другихъ удобствъ жизни. Другими словами, выигрываетъ вся страна. Тотъ же результатъ получается и въ странахъ, вынужденныхъ поддерживать внутреннее интенсивное земледѣліе въ борьбѣ его съ экстенсивнымъ хозяйствомъ другихъ странъ. Болѣе дорогой внутренній хлѣбъ долженъ болѣе чѣмъ окупаться увеличеніемъ заработковъ населенія съ развитіемъ всѣхъ отраслей національнаго труда и, сверхъ того, развитіе послѣднихъ должно дать съ теченіемъ времени общее удешевленіе капитала, которое должно отразиться удешевленіемъ хлѣба внутренняго производства. Такимъ образомъ рѣшеніе спорнаго вопроса, выдвинутое въ послѣднее время самою жизнью, состоитъ въ разумномъ примиреніи интересовъ производителя и потребителя, совершенно односторонне разъединенныхъ въ ученіяхъ фритредеровъ и протекціонистовъ (1).

(1) Калиновскій. О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли. Н. Х. Бунге. Полицейское право, отд. обрабатывающая промышленность. Э. Вреденъ. Курсъ политической экономіи, стр. 321 и слѣд. Здѣсь же указана литература вопроса. Ф. Бастіа. Har. économiques, гл. III и XI. Его же—экономическіе софизмы. Спб. 1863 г. Янжулъ. Свободная торговля и покровительственная система 1884 г.

V. Средства сообщеній.

§ 1. Вопросъ о средствахъ сообщеній принадлежитъ къ числу наиболѣе капитальныхъ вопросовъ народной экономіи. При раздѣленіи занятій, средствами сообщеній между людьми и хозяйствами вполнѣ обусловливается весь экономическій бытъ. Не даромъ еще на низшихъ ступеняхъ гражданственности экономическая культура концентрировалась въ мѣстностяхъ съ наиболѣе удобными естественными путями сообщеній, какъ наприм. у насъ по берегамъ Днѣпра, Волхова, Оки и Волги. Чѣмъ выше раздѣленіе труда, тѣмъ все большее и большее значеніе получаютъ средства сообщеній, безъ развитія которыхъ надлежащее развитіе самаго раздѣленія занятій было бы невозможно. Это значеніе для народной экономіи состоитъ въ слѣдующемъ:

а) Прежде всего средства сообщеній оказываютъ общее вліяніе на весь экономическій бытъ и этою „всеобщностью“ вліянія пред-

пріятія по устройству наприм. путей сообщеній въ значительной степени отличаются отъ всѣхъ другихъ предпріятій. По замѣчанію Горлова, „открытіе бумагопрядильной или ткацкой машины могло оказать вліяніе на фабрикацію только бумажныхъ издѣлій, или такихъ прядильныхъ матеріаловъ, которые имѣютъ съ бумагою нѣкоторое сходство; но оно должно было остаться безъ всякаго прямаго вліянія наприм. на рыболовство и рудокопство. Усовершенствованіе въ средствахъ сообщеній имѣетъ ближайшее отношеніе ко всѣмъ вообще производствамъ, ибо они всѣ имѣютъ нужду въ разныхъ матеріалахъ и снарядахъ, равно какъ и въ сбытѣ своихъ продуктовъ. Возможность доставать удобнѣе и дешевле матеріалы и снаряды, необходимые для дѣйствія въ какомъ нибудь хозяйственномъ предпріятіи, также какъ возможность сбывать выгоднѣе и скорѣе собственныя свои издѣлія, облегчаетъ производителя и поощряетъ его къ разширенію дѣятельности и улучшенію производства. Если въ данной мѣстности проложены улучшенныя дороги или прорыты каналы, то это будетъ имѣть полезное вліяніе не только на какую-нибудь одну фабричную дѣятельность, на выдѣлку тѣхъ или иныхъ прядильныхъ матеріаловъ, но и на рыболовство, на рудокопное дѣло и вообще на всѣ производства“.

б) Средства сообщеній, сближая производителей съ потребителями, усиливая вообще сумму сношеній между людьми, знакомятъ съ новыми потребностями и средствами ихъ удовлетворенія, знакомятъ съ лучшими средствами удовлетворенія прежнихъ потребностей, содѣйствуютъ улучшеніямъ въ техникѣ и производятъ оживленіе въ производительной дѣятельности страны во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно замѣчаніе нѣкоторыхъ экономистовъ, что развитіе средствъ сообщеній въ странѣ служитъ мѣриломъ ея культуры.

в) Расходы на транспортъ продуктовъ входятъ въ составъ стоимости ихъ. Уменьшеніе расходовъ по доставкѣ продуктовъ должно сопровождаться уменьшеніемъ ихъ стоимости, а слѣдовательно уменьшеніемъ ихъ цѣнъ и облегченіемъ потребленія. Улучшенія въ путяхъ сообщеній, уменьшая транспортные расходы, такимъ образомъ ведутъ къ пониженію цѣнъ отдѣльныхъ продуктовъ и къ облегченію потребленія. Но такъ какъ пониженіе цѣнъ увеличиваетъ размѣры потребленія, то, очевидно, улучшенія въ путяхъ сообщеній, содѣйствуя уменьшенію конкретной цѣнности, въ тоже время возвышаютъ абсолютную цѣнность и доходность хозяйствъ, то есть содѣйствуютъ болѣе нор-

мальному осуществленію въ жизни динамическаго закона цѣнности.

г) Не меньшее вліяніе такія улучшенія оказываютъ и на статическій законъ цѣнъ. Улучшенія въ путяхъ сообщеній разширяютъ районъ сбыта, уменьшая издержки провоза въ болѣе отдаленныя мѣстности. Благодаря этому, усиливается вліяніе конкурренціи и товары изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они дешевы, перевозятся въ мѣстности, гдѣ существуетъ въ нихъ бо́льшая нужда, спросъ интенсивнѣе и произведенія дороже. Такимъ образомъ возникаетъ уравненіе цѣнъ на разныхъ рынкахъ страны. Съ другой стороны, общее развитіе средствъ сообщенія, наприм. почтъ, телеграфовъ, даетъ возможность слѣдить за всѣми перемѣнами въ положеніи рынковъ, направлять товары въ мѣста наибольшаго спроса, пріобрѣтая ихъ въ мѣстахъ наибольшаго предложенія. Это въ свою очередь поддерживаетъ тоже стремленіе цѣнъ къ уравненію. При такихъ условіяхъ возникаютъ среднія цѣны, болѣе или менѣе постоянныя, съ которыми каждый производитель сообразуется; возникаетъ болѣе правильная реализація затратъ и слѣдовательно производительная дѣятельность получаетъ характеръ устойчивости, не мыслимой при значительныхъ колебаніяхъ цѣнъ, когда самое производство носитъ характеръ азартной игры и не имѣетъ надлежащаго примѣненія законъ сохраненія силъ въ хозяйствѣ. Необходимо сказать, что это вліяніе улучшеній въ путяхъ сообщеній на различные товары не одинаково. По справедливому замѣчанію Э. Закса, оно обратно пропорціонально мѣновой цѣнности каждаго товара. Товары, имѣющіе низкую мѣновую цѣнность сравнительно съ объемомъ и вѣсомъ, наприм. хлѣбъ и вообще всѣ громоздкіе и въ тоже время дешевые товары, меньше поддаются уравненію цѣнъ, такъ какъ въ ихъ цѣнности стоимость провоза всегда занимаетъ большой процентъ и требуется слишкомъ большое пониженіе фрахта, чтобы увеличить районъ сбыта ихъ и вообще чтобы измѣнить въ странѣ условія ихъ сбыта и пріобрѣтенія. Напротивъ того, въ товарахъ высокой цѣнности и малаго объема и вѣса облегченія транспортировки могутъ оказывать на столько существенное вліяніе, что цѣны на разныхъ рынкахъ страны становятся болѣе или менѣе равными.

Въ указанныхъ случаяхъ пути сообщеній оказываютъ прямое вліяніе на экономическій бытъ страны. Но сверхъ того они оказываютъ не менѣе существенное и косвенное или посредственное вліяніе.

а) Размѣры производства опредѣляются размѣрами рынка для сбыта произведеній. Облегченія въ средствахъ сообщеній, разширяя рынокъ, тѣмъ самимъ оказываютъ вліяніе на увеличеніе размѣровъ производства. Это вліяніе Э. Заксъ вполнѣ основательно называетъ „созидающей силой средствъ сообщенія“.

б) Измѣняя размѣры производства, средства сообщеній могутъ измѣнять также самый характеръ производства. Приближая сельскаго хозяина къ рынку для сбыта, пути сообщеній вліяютъ на переходъ отъ экстенсивныхъ системъ земледѣлія къ системамъ интенсивнымъ, принятіе которыхъ въ данной мѣстности главнымъ образомъ обусловливается отношеніемъ къ рынку. Съ другой стороны, поднятіе земледѣлія равносильно увеличенію рынка для сбыта неземледѣльческихъ произведеній, что вызываетъ увеличеніе производства, примѣненіе къ производству въ широкихъ размѣрахъ раздѣленія труда, усовершенствованныхъ орудій и машинъ, заставляетъ производителей переходить отъ однихъ формъ производства къ другимъ, наприм. ремесло замѣняется мануфактурой, фабрикой и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ, подъ вліяніемъ усиленія конкурренціи производителей, возникаетъ необходимость правильнѣе соразмѣрять производство съ мѣстными условіями для лучшей эксплоатаціи естественныхъ особенностей различныхъ мѣстностей и происходитъ болѣе нормальное распредѣленіе въ странѣ различныхъ отраслей промышленности.

в) Всякія улучшенія въ средствахъ сообщеній, требуя значительныхъ затратъ капиталовъ, въ тоже время сопровождаются освобожденіемъ не менѣе значительной доли капиталовъ у всѣхъ тѣхъ, кто пользуется улучшенными средствами. Предположимъ, между двумя отдаленными пунктами проводится желѣзная дорога. Въ прежнее время по простымъ дорогамъ необходимо было употребить мѣсяцъ на проѣздъ, теперь достаточно пяти дней. Издержки на проѣздъ въ первомъ случаѣ стоили 25 р., теперь всего 5 р., слѣдовательно каждый проѣзжающій сберегаетъ въ настоящее время 20 р. За тѣмъ прежде весь мѣсяцъ проходилъ въ пути, между тѣмъ какъ въ настоящее время употребляется для этой цѣли всего пять дней. Если дневной заработокъ опредѣлить въ 1 р., то послѣ проведенія желѣзной дороги проѣзжающій, сверхъ сбереженія на платѣ за проѣздъ, еще зарабатываетъ около 20 р. на увеличеніи своего рабочаго времени. Сравнительно съ прежнимъ временемъ онъ какъ бы не только ничего не

платитъ за проѣздъ, но еще получаетъ 40 р. дохода. Чѣмъ удовлетворительнѣе средства сообщеній, тѣмъ больше такое освобожденіе капиталовъ, затрачиваемыхъ мало производительно при прежнихъ путяхъ сообщеній, тѣмъ больше употребляется капиталовъ болѣе производительно, тѣмъ оживленнѣе въ странѣ экономическая дѣятельность.

г) Наконецъ особенно полезное значеніе улучшенія въ средствахъ сообщеній могутъ имѣть относительно экономическаго быта рабочихъ. Передвиженіе труда сообразно потребностямъ въ немъ въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время года имѣетъ существенное значеніе съ точки зрѣнія производства, доставляя рабочую силу тамъ, гдѣ въ ней чувствуется наибольшая нужда. Оно же имѣетъ не меньшее значеніе и для рабочихъ, поднимая заработокъ, доставляя возможность непродолжительныхъ отлучекъ на рабочее время, совершенно измѣняя самый характеръ отхожихъ промысловъ. Отхожіе промыслы перестаютъ быть элементомъ, разрушительно дѣйствующимъ на семейный бытъ, а напротивъ того поддерживаютъ семейный духъ, доставляя средства къ семейному существованію. Вотъ почему, не довольствуясь общими улучшеніями въ средствахъ передвиженія, правительства устраиваютъ особые рабочіе поѣзда на желѣзныхъ дорогахъ, въ которыхъ рабочіе и переселенцы—колонисты могли бы совершать путь на особо льготныхъ условіяхъ.

Говоря о различныхъ сторонахъ вліянія усовершенствованій въ средствахъ сообщеній на экономическій бытъ, Э. Заксъ обращаетъ вниманіе на то, что усовершенствованныя средства сообщеній являются могущественнымъ рычагомъ современнаго хозяйства, стремящимся превратить національное хозяйство въ міровое. Благодаря усовершенствованнымъ путямъ сообщеній, всѣ народы начинаютъ представлять собою какъ бы одну мастерскую, основанную на принципѣ международнаго раздѣленія труда. Этимъ, по мнѣнію Закса, опровергается доктрина Кэри, утверждающаго, что современное хозяйство стремится организоваться на принципѣ близости потребителя къ производителю, причемъ въ каждой странѣ должны быть всѣ отрасли производства, свойственныя климату. Къ этой мысли Кэри могъ придти на основаніи наблюденій надъ современными городами, стремящимися на маломъ пространствѣ соединить всевозможные виды дѣятельности. Но необходимость въ такой скученности исчезаетъ, по мѣрѣ развитія путей сообщеній. До сихъ поръ разстоянія и всевозможныя затрудне-

нія въ средствахъ сообщеній въ народной экономіи имѣли такое же значеніе, какъ треніе при движеніи въ физическомъ мірѣ. Побѣда надъ треніемъ достигается разнаго рода орудіями и машинами; усовершенствованныя средства сообщеній производятъ такой же результатъ въ народной экономіи относительно разстояній (1).

Нельзя отрицать этого значенія усовершенствованныхъ средствъ сообщеній, дѣйствительно сближающихъ между собою производителей всего міра и стремящихся такимъ образомъ къ превращенію хозяйства всѣхъ странъ какъ бы въ одно міровое хозяйство. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не правъ Кэри, указывающій на вредъ отсутствія близости между производителемъ и потребителемъ. Вредъ не подлежитъ сомнѣнію, а слѣдовательно не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что усовершенствованныя средства сообщеній при извѣстныхъ условіяхъ могутъ имѣть и вредное вліяніе на экономическій бытъ. Листъ говорилъ, что земледѣліе не нуждается въ таможенномъ огражденіи, такъ какъ издержки для преодолѣнія разстоянія при перевозкѣ хлѣба замѣняютъ собою таможенныя пошлины. Теперь оказывается, что такія естественныя покровительственныя пошлины недостаточны при развитіи путей сообщеній и государства устанавливаютъ таможенныя пошлины. Тѣмъ болѣе это необходимо сказать о другихъ отрасляхъ промышленности, производящихъ продукты высокой цѣнности при маломъ объемѣ и вѣсѣ. Силы „промышленнаго великана“, говоря словами Листа, еще болѣе увеличиваются отъ развитія путей сообщеній и странамъ, въ которыхъ только зарождается промышленность, еще настоятельнѣе необходимо предпринимать систематическій рядъ мѣръ къ поднятію собственной экономической культуры, подавляемой болѣе сильными странами. Подобныя же явленія могутъ произойти и внутри страны. Болѣе крупные промышленные центры, благодаря развитію путей сообщеній, могутъ подавить меньшіе центры и возникнетъ та централизація рынковъ, при которой нѣтъ близости между потребителемъ и производителемъ, наступаетъ истощеніе хозяйственныхъ силъ и обѣднѣніе. Удобства жизни въ крупныхъ центрахъ вызываютъ абсентизмъ со всѣми его печальными послѣдствіями При быстротѣ сношеній нравы скученныхъ центровъ распространяются по всей странѣ, развивается жизнь не посредствамъ, стремленіе къ легкой наживѣ, коммерческій духъ проникаетъ въ самые благословенные по своей патріархальности уголки страны. Съ такими темными послѣд-

ствіями „быстроты и легкости сношеній“ уже приходится считаться въ настоящее время. И здѣсь задачи государственнаго благоустройства съ экономическимъ развитіемъ не уменьшаются, но съ каждымъ днемъ усложняются и увеличиваются.

(1) Transport—und Communicationswesen. von Emil Sax. Handbuch d. pol. oekonomie. Schönberg, стр. 377—378. Вслѣдъ за Э. Заксомъ, П. Георгіевскій—говоритъ: „Для среднихъ вѣковъ и даже для новаго времени, до приложенія пароваго двигателя, гипотеза Тюнена—замкнутое государство - была общераспространеннымъ явленіемъ, исключенія представляли лишь побережья морей и рѣкъ. Дальнѣйшее развитіе, обусловленное примѣненіемъ новаго двигателя, состоитъ именно въ томъ, что кругъ постоянно увеличивается, и вмѣстѣ растетъ и центръ, ассимилируя себѣ сосѣдніе пункты, въ тоже время расширяются и пояса разныхъ ступеней хозяйства—все это вслѣдствіе постепенной эмансипаціи человѣческаго общества отъ мѣстной зависимости, благодаря улучшенію путей собщеній. Очевидно, что тѣ писатели, которые желаютъ, чтобъ всѣмъ потребностямъ данной мѣстности удовлетворяло бы мѣстное производство, чтобы земледѣліе и промышленность развивались бы рядомъ, упускаютъ изъ виду именно значеніе путей сообщенія“. Международная хлѣбная торговля, стр. 36—37.

§ 2. Средства сообщеній слагаются изъ слѣдующихъ элементовъ: а) изъ пути, б) изъ двигательной силы, в) орудія передвиженія и г) управленія.

Первоначально первый элементъ средствъ сообщенія состоялъ въ томъ, что относительно пути природа предоставляла человѣку безвозмездно. Человѣкъ пользуется сперва землей, за тѣмъ водой, избирая, но не создавая путь. Онъ находится въ полной зависимости отъ того, что дается ему природой. Отсюда произошло громадное различіе въ культурѣ древнихъ народовъ. Сухопутная дорога представляла менѣе естественныхъ удобствъ для сношеній, чѣмъ водный и особенно морской путь. Поэтому въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка экономическая культура наиболѣе развита была въ такихъ странахъ, которыя, какъ Тиръ, Аѳины, вольные города Балтійскаго моря пользовались удобнымъ приморскимъ положеніемъ. Напротивъ того, мы замѣчаемъ „совершенный застой въ тѣхъ странахъ, которыя отдалены отъ морей и въ которыхъ нѣтъ выгодной гидрографической сѣти. Это можно сказать о пустыняхъ, простирающихся на сѣверо-востокъ отъ Каспійскаго моря. Въ нихъ всегда кочевали дикія орды, какъ и теперь—Киргизовъ и Трухменцевъ, а если образовывались государства, то

такія, которыя не отличались въ исторіи человѣчества замѣчательными успѣхами гражданственности" (Горловъ). Но мало по малу человѣкъ освобождается изъ зависимости отъ естественныхъ путей и создаетъ искуственные пути. Уже въ Римской Имперіи устройство искусственныхъ путей сообщенія достигло замѣчательнаго совершенства, что значительно содѣйствовало господству Рима. Въ средніе вѣка никакихъ заботъ въ этомъ отношеніи не видимъ, не считая мѣръ Карла Великаго. Только послѣ изобрѣтенія книгопечатанія и открытія Америки, вызвавшихъ сближеніе между народами и усилившихъ торговыя сношенія, возникаютъ снова заботы о состояніи путей. Но наибольшій успѣхъ въ этомъ отношеніи приходится на XIX вѣкъ, въ которымъ искусственные пути сообщеній получили преобладающее значеніе сравнительно съ естественными. Рельсовый путь, электрическая проволока, шоссейная дорога, каналы—все это пути, создаваемые человѣкомъ и представляющіе собою постоянный капиталъ. Естественные пути—рѣки, озера, даже моря—также въ значительной степени искусственно улучшаются—регуляціей рѣкъ, укрѣпленіемъ береговъ, устройствомъ удобныхъ пристаней, морскихъ маяковъ и т. д. Такимъ образомъ на высшихъ ступеняхъ культуры въ устройствѣ перваго элемента средствъ сообщенія участіе природы становится сравнительно незначительнымъ и первенствующее значеніе получаетъ постоянный капиталъ.

б) Тоже самое необходимо сказать и относительно двигательной силы. Первоначально употребляется трудъ въ качествѣ двигательной силы, а также мускульная сила животныхъ. Съ развитіемъ водныхъ сношеній человѣкъ начинаетъ пользоваться силами вѣтра и воды, значительно облегчающими трудъ передвиженія. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ зависимость отъ силъ природы велика. Мускульныя силы человѣка и силы животныхъ при сухопутныхъ передвиженіяхъ слабы для преодолѣнія тѣхъ препятствій, какія представляетъ собою естественный путь: горы, лѣса, рѣки—все это такія препятствія, съ которыми не легко бороться труду. Значительный шагъ впередъ представляетъ собою пользованіе водою и вѣтромъ въ качествѣ двигательныхъ силъ, но эти силы съ одной стороны не постоянны (замерзаніе водъ и т. п.), а съ другой не могутъ развиваться соотвѣтственно развитію потребностей въ сообщеніяхъ. Лишь съ того времени, когда человѣкъ сталъ создавать и двигателей, средства сообщеній могли по-

лучить широкое развитіе и примѣняемость къ потребностямъ въ нихъ. Паръ и электричество—основные двигатели современныхъ сообщеній—производятся человѣкомъ и представляютъ собою постоянный капиталъ въ производствѣ сообщеній.

в) Орудіе передвиженія первоначально не отдѣлялось отъ двигательной силы. Мускулы человѣка или животнаго были не только двигательной силой, но и орудіемъ передвиженія, грузъ помѣщался на спинѣ. При водныхъ сообщеніяхъ уже возникаетъ отдѣленіе орудія передвиженія отъ двигательной силы. Лодка представляетъ собою орудіе передвиженія, приводимое въ движеніе мускульной силой, вѣтромъ или теченіемъ воды. Изобрѣтеніе носилокъ и за тѣмъ повозки произвело отдѣленіе орудія отъ двигательной силы и въ сухопутныхъ сообщеніяхъ. Но въ общее употребленіе они входятъ очень поздно. Въ средніе вѣка нерѣдко употребленіе повозокъ запрещалась низшимъ классамъ, такъ какъ боялись изнѣженности ихъ. Въ Лондонѣ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія употребленіе повозокъ было прерогативой короны и дворянства. Эти мѣры искусственно уменьшали затраты капиталовъ на устройство въ странѣ орудій передвиженія, хотя и по существу дѣла такія затраты не могли быть велики. Они становятся громадными съ примѣненіемъ пара къ движенію. Достаточно сравнить стоимость вагона или парохода съ лучшей повозкой, чтобы оцѣнить переворотъ въ затратахъ на орудія передвиженія, происшедшій съ появленіемъ пароваго двигателя.

г) Путь, двигательныя силы и орудія передвиженія на высшихъ ступеняхъ развитія представляютъ собою въ громадныхъ размѣрахъ превращеніе оборотнаго капитала страны въ постоянный тамъ, гдѣ прежде или главное участіе принадлежало даровымъ силамъ, или гдѣ требовался постоянный капиталъ въ ничтожныхъ размѣрахъ. Управленіе средствами сообщеній съ происшедшей перемѣной требуетъ не меньшей затраты оборотныхъ капиталовъ. Система и задачи управленія усложняются по мѣрѣ развитія средствъ сообщеній. Желѣзно-дорожныя общества содержатъ тысячи служащихъ, безъ чего не мыслимо было бы содержаніе предпріятія въ постоянномъ движеніи и исправности. Одни изъ служащихъ принимаютъ непосредственное участіе въ транспортѣ, другіе руководятъ дѣломъ, третьи подготовляютъ матеріалъ для этого. Каждая изъ этихъ функцій требуетъ многочисленнаго состава, далеко превосходящаго своею численностью все то, что тре-

бовалось до введенія пароваго двигателя. Такъ наприм. въ самомъ управленіи различаютъ: коммерческое управленіе транспортомъ, техническое управленіе, т. е. содержаніе въ исправности дорогъ въ техническомъ отношеніи, и полицейское управленіе всѣмъ дѣломъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ приняты отдѣльныя управленія для пассажирскаго движенія, для перевозки грузовъ, для содержанія пути, для завѣдыванія подвижнымъ составомъ, для бухгалтеріи и для ссудно коммиссіонныхъ операцій. Сверхъ того, общее управленіе и контроль берутъ на себя государства, имѣя въ виду возможно полное соглашеніе интересовъ дорогъ съ интересами и потребностями страны. Почти такая же сложная система управленія требуется и на водахъ, требуя, рядомъ съ затратами постояннаго капитала, значительныхъ затратъ оборотныхъ капиталовъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ экономическомъ развитіи путей сообщеній замѣчается дѣйствіе того общаго закона производительной дѣятельности, по которому послѣдняя постепенно переходитъ изъ экстенсивнаго хозяйства въ интенсивное, требующее значительныхъ затратъ капиталовъ постояннаго и оборотнаго на данномъ пространствѣ или въ данномъ предпріятіи. Господство даровыхъ дѣятелей въ средствахъ сообщеній постепенно замѣняется трудомъ и капиталомъ, причемъ на высшихъ ступеняхъ развитія въ первыхъ трехъ элементахъ сообщеній, т. е. въ устройствѣ пути, двигательной силы и орудія передвиженія, требуются громадныя затраты постоянныхъ капиталовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, валовой доходъ увеличивается, между тѣмъ какъ чистый доходъ, какъ процентъ отъ затраченнаго капитала, уменьшается, причемъ абсолютный доходъ предпріятій увеличивается при такомъ уменьшеніи относительнаго дохода. Другими словами, хотя стоимость производства средствъ сообщеній увеличивается, но уменьшается цѣна каждой отдѣльной услуги, транспортъ становится дешевле и общедоступнѣе. Кажущіяся потери на единицѣ услуги болѣе чѣмъ вознаграждаются общимъ возвышеніемъ доходности, при увеличеніи работы предпріятій.

Подчиненность развитія средствъ сообщеній закону перехода отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному приводитъ къ мысли, что здѣсь усовершенствованія также не всегда возможны, какъ они не всегда возможны въ земледѣліи. Мы уже знаемъ, что принятіе той или иной системы земледѣлія не зависитъ отъ произвола хозяина, но

всецѣло обусловливается общимъ экономическимъ строемъ мѣстности. Въ районѣ наприм. полукочеваго хозяйства невозможна вольная культура, какъ и на оборотъ, вблизи города, какъ центра для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, не мыслимо полукочевое хозяйство, которое разорило бы сельскаго хозяина. Если средства сообщеній подчиняются тому же закону соотношенія между факторами производства на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія, то легко придти къ мысли, что интенсивное хозяйство въ средствахъ сообщеній не во всякой странѣ возможно, что усовершенствованія въ транспортѣ возможны только тамъ, гдѣ уже существуютъ условія для веденія интенсивнаго транспорта. Это и утверждаетъ Э. Заксъ, говорящій, что интенсивность средствъ сообщеній обусловливается интенсивностью движенія, т. е. количествомъ услугъ, которое фактически въ данной странѣ или въ данной мѣстности могутъ приносить они. Тамъ, гдѣ производительная дѣятельность слабо развита, гдѣ имущественный оборотъ не значителенъ, тамъ желѣзная дорога излишняя роскошь, которая приведетъ къ убыткамъ и кризису, какъ и при всякомъ нарушеніи экономическихъ законовъ.

Сторонники этого воззрѣнія забываютъ, что средства сообщеній рѣзко отличаются отъ другихъ хозяйственныхъ предпріятій своею всеобщностью дѣйствія. Развитіе какой нибудь одной отрасли производства, безъ соотвѣтствующаго развитія другихъ, приводитъ къ переполненію рынка произведеніями и къ кризису. Ничего подобнаго нельзя сказать о развитіи средствъ сообщеній. Развитіемъ ихъ обусловливается развитіе всѣхъ остальныхъ хозяйственныхъ предпріятій уже потому одному, что облегчается сбытъ и расширяется рынокъ. Фрахтъ въ 1 коп. съ пуда за 100 верстъ открываетъ продукту въ 10 разъ большій рынокъ, нежели фрахтъ въ 10 коп. съ пуда за тѣже 100 верстъ. И такъ какъ размѣры производства опредѣляются размѣрами рынка, то уже по этому одному улучшенія въ доставкѣ продукта вызываютъ производство, создаютъ матеріалъ для транспорта. Улучшенная дорога открываетъ сбытъ для всѣхъ производствъ, слѣдовательно производитъ общее вліяніе на оживленіе производительной дѣятельности и сама вызываетъ къ жизни то, что она будетъ перевозить. Этой творческой силы средствъ сообщеній не слѣдуетъ забывать при вопросѣ объ устройствѣ ихъ. Проявленіе ея зависитъ прежде всего отъ свойствъ самаго предпріятія, отъ дешевизны услугъ, отъ удобствъ передвиженія

и т. п. Съ другой стороны, на проявленіе ея могутъ вліять также общія условія экономическаго быта страны, наприм. то, въ какой мѣрѣ паспортная система не противорѣчитъ свободѣ передвиженія, поощряется или не поощряется колонизація свободныхъ земель, соотвѣтствуетъ ли система кредита дѣйствительнымъ нуждамъ промышленнаго развитія и г. п. Если послѣднія условія не благопріятны, то творческая сила средствъ сообщенія медленно и съ большимъ трудомъ проявляетъ свое дѣйствіе, между тѣмъ какъ при другихъ обстоятельствахъ она быстро создаетъ ту интенсивность движенія, которая необходима для существованія интенсивной культуры въ средствахъ же сообщеній. Интересные факты въ этомъ отношеніи находимъ въ Соединеныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Каналъ, соединившій озеро Эріе съ р. Гудсонъ на пространствѣ свыше 500 верстъ, превратилъ пустынную мѣстность въ богатый и населенный край, возникли города и деревни, появилась промышленность и благосостояніе. Не меньшіе результаты получаются тамъ и отъ устройства желѣзныхъ дорогъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сооруженія рельсоваго пути мѣстность мѣняетъ свой видъ, возникаютъ цѣлые города, появляются и быстро развиваются фабрики и заводы, поднимается земледѣліе и желѣзная дорога получаетъ доходы отъ экономической жизни, ею же вызванной. Поэтому въ Соед. Штатахъ желѣзныя дороги проводятся въ самыя глухія мѣста въ надеждѣ на быстрое оживленіе ихъ послѣ сооруженія дороги. Поэтому же, въ виду неопредѣленныхъ будущихъ доходовъ, желѣзныя дороги строятся какъ можно дешевле, эксплоатація ихъ въ первое время также не сложна и дешева и только по мѣрѣ оживленія мѣстности производятся улучшенія въ пути, орудіяхъ передвиженія, локомотивахъ, станціонныхъ постройкахъ и т. п. Это прекрасный образецъ того, что можетъ быть сдѣлано въ странѣ улучшеніями въ средствахъ сообщеній тогда, когда творческая сила не нейтрализуется другими не благопріятными экономическими условіями.

§ 3. Правильная система средствъ сообщеній представляетъ собою необходимое условіе культурнаго развитія всякой страны. Дороги, почты и телеграфы, а въ послѣднее время и телефоны, имѣютъ значеніе одной изъ наиболѣе настоятельнѣйшихъ потребностей, безъ удовлетворенія которой не мыслимо правильное удовлетвореніе всѣхъ другихъ потребностей. Почты и телеграфы весьма рано поступили въ непосредственное вѣдѣніе правительствъ, взявшихъ на себя веденіе

этихъ средствъ сообщенія не только въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей управленія, но также въ цѣляхъ экономическаго благоустройства, такъ какъ частный починъ и частныя средства не достаточны для надлежащаго веденія ихъ. Пути сообщеній частью создаются государствомъ, частью же, при содѣйствіи со стороны государства, создаются частными товариществами капиталистовъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ государственная власть не можетъ видѣть наприм. въ желѣзной дорогѣ обыкновенный предметъ частной собственности. Общественное значеніе путей сообщеній требуетъ надлежащаго контроля за состояніемъ и развитіемъ ихъ, подобно тому, какъ такой контроль требуется наприм. въ лѣсномъ дѣлѣ и т. п Въ общественныхъ же интересахъ необходимо такое регулированіе путей сообщеній, при которомъ сохранялось бы надлежащее соотношеніе между разными видами ихъ.

Различные виды путей сообщеній имѣютъ не одинаковое значеніе относительно быстроты, постоянства и стоимости провоза.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ быстрота сообщеній на столько измѣнилась, что постепенно становится обычаемъ опредѣленіе разстояній не мѣрой пространства, но количествомъ часовъ проѣзда. Высшая быстрота проѣзда на лошадяхъ равняется 12 в. въ часъ; на желѣзныхъ дорогахъ въ тотъ же промежутокъ времени можетъ быть совершенъ путь отъ 74 до 84 верстъ. Это зависитъ какъ отъ качества пути, создаваемаго самимъ человѣкомъ, такъ и отъ качества двигательной силы. По Заксу, паровая лошадиная сила равняется 3 живымъ силамъ. Перевозка грузовъ на лошадяхъ еще медленнѣе проѣзда; при лучшихъ условіяхъ она равняется 3 в. въ часъ, между тѣмъ какъ минимальное товарное движеніе по желѣзнымъ дорогамъ равняется отъ 20 до 30 верстъ въ тотъ же промежутокъ времени. Послѣ введенія пароходства водный транспортъ ускорился, сравнительно съ транспортомъ по простымъ дорогамъ, но и онъ значительно медленнѣе желѣзнодорожнаго, равняясь не болѣе 10 в. въ часъ въ среднемъ выводѣ.

Постоянство или регулярность транспорта также значительно улучшилась съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ. Движеніе по простымъ сухопутнымъ и воднымъ путямъ въ значительной степени зависитъ отъ погоды и времени года. Рѣки и нѣкоторыя моря замерзаютъ, когда движеніе по нимъ совершенно прекращается. По простымъ, не шоссированнымъ дорогамъ вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ и грязи

также движеніе часто пріостанавливается на продолжительное время. По шоссированнымъ дорогамъ движеніе можетъ быть болѣе правильнымъ, но и здѣсь оно зависитъ отъ состоянія погоды, заносовъ и т. п. На желѣзныхъ дорогахъ движеніе получаетъ такую регулярность, что каждый часъ и даже минута проѣзда можетъ быть напередъ разсчитана.

Стоимость провоза и проѣзда по воднымъ путямъ сообщеній всегда была дешевле чѣмъ на сухопутныхъ дорогахъ. Прекрасный примѣръ этой дешевизны представляетъ нашъ экономистъ Н. Горловъ. „На рѣкѣ Ветлугѣ, говоритъ онъ, въ предмѣстьяхъ городовъ Ветлуги и Варнавина строются суда бѣляны, называемыя такъ отъ ихъ наружнаго вида: ихъ не осмаливаютъ и потому они сохраняютъ свой бѣлый цвѣтъ. Эти суда огромныхъ размѣровъ; они имѣютъ въ длину до 30, въ ширину до 9, глубины до $2^2/_3$ саженъ. Соотвѣтственно съ этими размѣрами они поднимаютъ и грузъ огромный, отъ 100 до 150 т. пудовъ. Чтобы перевозить этотъ грузъ, потребны весьма незначительные денежные расходы и рабочія силы. Бѣлянки обходятся въ покупкѣ до 2-500 рублей. Разныхъ рабочихъ на ней содержится человѣкъ 35. А такъ какъ суда эти ходятъ только внизъ по рѣкѣ Волгѣ къ Саратову и Астрахани, по весеннимъ водамъ до ихъ спада, то они влекутся силою теченія. Справедливо сказалъ одинъ знаменитый философъ о рѣкахъ, что онѣ точно дороги, которыя сами ходятъ и другихъ возятъ. И такъ, на бѣлянахъ кладь въ 150 т. пудовъ перевозится при помощи 35 рабочихъ и естественною силою теченія, ничего не стоющею. Посмотримъ теперь, какіе расходы должно было бы сдѣлать, если бы кладь эту надо было перевезти сухопутно. Положимъ, что перевозка производилась бы по хорошей шоссейной дорогѣ и что каждая лошадь могла бы везти пудовъ 60. Тогда для 150 т. пудовъ потребовалось бы 2,500 лошадей столькоже телегъ и сбруй. Закупка этихъ лошадей и путевыхъ принадлежностей потребовала бы весьма значительнаго капитала, который въ наименьшемъ предположеніи составилъ бы тысячъ полтораста рублей, тогда какъ бѣляны стоютъ до 2500 рублей. Это само по себѣ составляетъ уже большую разницу въ завязкѣ основнаго капитала. Кромѣ того для надзора за 2500 лошадьми, если считать даже по одному извозчику на 4 лошади, надобно имѣть 625 извозчиковъ, тогда какъ для разныхъ работъ на бѣлянахъ, которыя находятся въ ходу, достаточно 35 человѣкъ. Слѣдовательно

для содержанія рабочихъ людей, при сухопутной доставкѣ клади, будетъ употреблено въ 17 разъ болѣе издержекъ, чѣмъ при водяной доставкѣ. Наконецъ 2500 лошадей потребуютъ большаго расхода на кормъ, тогда какъ бѣляны ходятъ силою теченія воды, которая безвозмездна. Этотъ простой разсчетъ объясняетъ необыкновенныя выгоды, которая происходятъ отъ доставки товаровъ водянымъ путемъ: она производится съ несравненно меньшими расходами и потому въ высокой степени поощряетъ сбытъ товаровъ и ихъ производство, чему неоспоримымъ доказательствомъ служитъ всегдашнее промышленное развитіе мѣстностей, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ и морей“ (1). Желѣзныя дороги относительно дешевизны провоза значительно уступаютъ воднымъ путямъ сообщеній. Расходъ на передвиженіе тѣмъ болѣе, чѣмъ больше движущей силѣ приходится преодолѣвать препятствій. По вычисленіямъ Шевалье, сила для преодолѣнія препятствій пути на простыхъ дорогахъ равняется 3% вѣса провозимаго товара, на шоссированныхъ—2%, на желѣзныхъ—0,3%, на водныхъ—0,03%. Уже изъ этого видно, что водные пути сообщеній значительно превосходятъ въ дешевизнѣ доставки всѣ другіе пути, уступая желѣзнымъ дорогамъ въ быстротѣ и регулярности движенія.

Дешевизна водныхъ сообщеній имѣетъ весьма существенное значеніе относительно провоза громоздкихъ продуктовъ, обыкновенно имѣющихъ не высокую цѣнность сравнительно съ объемомъ и вѣсомъ. Потери на быстротѣ провоза, даже отсутствіе надлежащей регулярности движенія относительно многихъ товаровъ не настолько велики, чтобы потерялись выгоды дешеваго провоза. Существуетъ много товаровъ, производимыхъ и доставляемыхъ на рынки въ большихъ количествахъ, гдѣ они лежатъ въ складахъ въ ожиданіи сбыта и потребленія. Очевидно, быстрота доставки такихъ товаровъ не имѣетъ значенія для товаровладѣльцевъ и они предпочитаютъ болѣе дешевую водную доставку болѣе дорогой, хотя быстрой и регулярной доставкѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Многіе товары производятся посезонно, въ опредѣленное время года и за тѣмъ въ теченіи остальнаго времени года постепенно сбываются. Быстрота доставки ихъ на рынокъ является излишнею роскошью. Быстрота доставки имѣетъ существенное значеніе лишь относительно тѣхъ товаровъ, производство которыхъ идетъ паралельно потребленію. Такіе товары доставляются по желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ выигрышъ на быстротѣ движенія уравновѣши-

ваетъ вѣсокій фрахтъ. „Товары болѣе дорогіе, а равно такіе, потребленіе которыхъ идетъ постоянно въ количествѣ, соотвѣтствующемъ ихъ производству, т. е. товары не имѣющіе большихъ запасовъ дорожатъ быстротой перевозки и потому предпочитаютъ желѣзныя дороги; менѣе же дорогіе товары, преимущественно сырые продукты, потребленіе которыхъ не идетъ соотвѣтственно ихъ производству, т. е. товары, имѣющіе большіе запасы, дорожатъ главнымъ образомъ дешевизной провоза и часто очень мало скоростью доставки. Вотъ преимущественно для подобныхъ товаровъ: лѣса, соли, топлива, хлѣба и проч., которые составляютъ въ Россіи самую существенную часть транспорта, внутреннія водяныя сообщенія и представляютъ сильную конкурренцію желѣзнымъ дорогамъ и для этихъ товаровъ условіе замерзанія водяныхъ сообщеній часто не ослабляетъ значительно силу этой конкурренціи“ (2).

Такимъ образомъ водные пути сообщеній имѣютъ въ народной экономіи вполнѣ полезное значеніе даже при высокомъ развитіи въ странѣ желѣзнодорожной сѣти. Тоже самое необходимо сказать и относительно остальныхъ дорогъ—шоссейныхъ, трактовыхъ, проселочныхъ и т. д. Большія дороги питаются средними и мелкими; при плохомъ состояніи проселочныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей желѣзныя дороги не могутъ быть правильно эксплоатируемы. Въ одно время можетъ быть значительное скопленіе товаровъ и не достаточно подвижнаго состава для отправки ихъ, между тѣмъ какъ въ другое время, при разливахъ рѣкъ или послѣ дождей, испортившихъ подъѣздные пути, желѣзная дорога остается безъ работы. Большія рѣки потому и вилики, что существуютъ мелкіе источники водъ, питающіе ихъ. Точно также и крупные пути сообщеній могутъ правильно функціонировать лишь тогда, когда въ странѣ правильно и систематически организованы средніе и мелкіе пути. Затраты средствъ на созданіе и улучшеніе однихъ путей безъ соотвѣтствующей затраты на созданіе и улучшеніе другихъ неизбѣжно приводятъ къ потерѣ капитала, такъ какъ созданный путь остается мертвымъ капиталомъ, постепенно разрушающимся. Вотъ почему для желѣзныхъ дорогъ устройство подъѣздныхъ путей является необходимымъ условіемъ для того, чтобы они могли вполнѣ проявить полезное вліяніе на экономическій бытъ страны.

(1) Н. Горловъ. Основанія политической экономіи, т. II. стр. 23—24.

(2) С. Витте. Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ, стр. 15.

§ 4. Наибольшей интенсивности пути сообщеній достигаютъ въ желѣзно-дорожномъ движеніи, дающемъ наибольшую быстроту и наибольшую регулярность движенія, но уступающемъ воднымъ сообщеніямъ въ стоимости провоза. Для того, чтобы первыя особенности желѣзно-дорожнаго движенія вполнѣ осуществлялись, необходимо надлежащее опредѣленіе послѣдняго, такъ какъ отъ того въ какой мѣрѣ стоимость желѣзнодорожнаго провоза является нормальною, зависитъ пользованіе услугами желѣзной дороги, ея доходность и выгоды страны. На этомъ основаніи вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ всегда считался однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго хозяйства. При рѣшеніи его необходимо остановиться съ одной стороны на томъ, въ какой мѣрѣ въ примѣненіи къ желѣзнодорожнымъ услугамъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе законъ спроса и предложенія, а съ другой на законъ издержекъ желѣзнодорожнаго транспорта.

Желѣзная дорога, находится ли она въ рукахъ правительства или въ рукахъ частныхъ лицъ, представляетъ собою монопольное предпріятіе. Всякая монополія основывается на исключительныхъ условіяхъ владѣнія, производства и сбыта. По существу этихъ условій, монополія можетъ быть устанавленною закономъ, естественною и фактическою. Монополіи, устанавливаемыя закономъ, въ прежнее время играли большое значеніе въ народной экономіи, теперь же случаются очень рѣдко. Естественныя монополіи проистекаютъ изъ особенностей силъ природы данной мѣстности; такова наприм. монополія французскихъ провинцій, производящихъ шампанское вино, монополія Китая въ производствѣ чая и т. п. Распространенность ихъ значительна, но все же эти монополіи въ общежитіи менѣе распространены, чѣмъ фактическія монополіи, проистекающія изъ исключительныхъ экономическихъ и общественныхъ условій. Фактическія монополіи встрѣчаются почти вездѣ. Такъ въ любомъ городѣ дома на людныхъ улицахъ представляютъ собою фактическую монополію и цѣнность ихъ несомнѣнно монопольна. Къ фактической монополіи слѣдуетъ отнесть: торговлю продуктами первой необходимости въ осажденномъ непріятелемъ городѣ, вознагражденіе извѣстныхъ артистовъ, адвокатовъ, врачей; цѣны хлѣба въ неурожайные годы, рестораны на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ владѣлецъ фактической монополіи имѣетъ возможность получать цѣны, превосходящія обыденное вознагражденіе и зависящія отъ исключительныхъ условій,

въ которыхъ находится производитель. Къ категоріи такихъ фактическихъ монополій необходимо причислить и желѣзныя дороги. Нельзя отрицать факта конкурренціи ихъ съ гужевыми и водными путями сообщеній, но эта конкурренція нисколько не измѣняетъ монопольнаго характера желѣзныхъ дорогъ. Услуга, создаваемая желѣзною дорогою, на столько же выше услугъ гужевыхъ и водныхъ путей сообщеній, на сколько выгоднѣе устройство торговой лавки въ домѣ, находящемся на главной и многолюдной улицѣ города, сравнительно съ домомъ находящимся на окраинѣ города. Конечно, существуетъ предѣлъ тарифныхъ требованій со стороны желѣзныхъ дорогъ, но также существуетъ предѣлъ требованій и для владѣльца дома на многолюдной улицѣ, такъ какъ если имъ будутъ предложены условія, превосходящія платежныя средства нанимающаго, то послѣдній долженъ будетъ отказаться отъ найма и наймет домъ, находящійся въ другомъ мѣстѣ. Но существованіе такихъ предѣловъ не отрицаетъ монопольнаго характера какъ дома, такъ и желѣзной дороги. Въ экономическомъ мірѣ нѣтъ ничего безпредѣльнаго и всякая монополія, какъ установленная закономъ, такъ и естественная и фактическая имѣютъ свои предѣлы, что нисколько не мѣшаетъ монопольныхъ услугамъ и произведеніямъ имѣть монопольныя цѣны. Признавая такимъ образомъ желѣзныя дороги монопольнымъ предпріятіемъ, мы тѣмъ самымъ указываемъ на необходимость ограниченія въ примѣненіи къ нимъ дѣйствія закона спроса и предложенія. Многія изъ фактическихъ монополій не вызываютъ этихъ ограниченій, такъ какъ значеніе ихъ въ большинствѣ случаевъ лишь частное, но въ тѣхъ случаяхъ когда эти монополіи получаютъ общественное значеніе государства прибѣгаютъ къ вмѣшательству и регламентируютъ пользованіе ими. Такъ въ осажденномъ городѣ общественная власть устанавливаетъ таксы на предметы первой необходимости. Въ виду общегосударственнаго значенія желѣзныхъ дорогъ и въ желѣзнодорожной сферѣ долженъ быть регламентированъ извѣстнымъ образомъ законъ спроса и предложенія, необходимо вмѣшательство общественной власти въ дѣло установленія желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Противъ этого возражаютъ, что законъ выгоды отъ увеличенія сбыта и распространенія потребленія относится одиноково какъ къ монопольной, такъ и къ свободной промышленности и, слѣдовательно, разумно понятый интересъ желѣзныхъ дорогъ не противорѣчитъ

интересамъ общества. Говоря это, обыкновенно забываютъ, что всякій экономическій законъ представляетъ собою то однородное, вытекающее изъ самой природы отношеній, по которому естественно стремятся сложиться экономическія явленія и которое видоизмѣняется и часто нарушается массой частныхъ, временныхъ, мѣстныхъ и случайныхъ осложненій. Идея солидарности интересовъ заключается въ природѣ междучеловѣческихъ отношеній, но въ тоже время на каждомъ шагу мы видимъ борьбу интересовъ. Въ торговлѣ обѣ стороны выигриваютъ—это экономическій законъ, вытекающій изъ самой природы мѣновыхъ сношеній; но въ тоже время мы на каждомъ шагу видимъ, что прибыль однихъ является убылью и потерей для другихъ. Экономическій законъ получается путемъ отвлеченія отъ осложненій и для полнаго осуществленія его въ жизни необходимо соотвѣтствующее управленіе хозяйственною жизнью. Въ примѣненіи къ немонопольнымъ цѣннамъ это управленіе состоитъ въ созданіи условій, при которыхъ естественно проявляется принципъ солидарности интересовъ контрагентовъ обмѣна, но въ примѣненіи къ монопольнымъ цѣнамъ необходимо болѣе непосредственное управленіе, необходима извѣстная регламентація, направленная къ возможно большему удовлетворенію общественныхъ интересовъ. При этомъ нерѣдко приходится не только ограничивать, но и проносить въ жертву частные интересы интересамъ общественнымъ.

Но такая регламентація должна быть всецѣло основана на экономическихъ законахъ, полному проявленію дѣйствія которыхъ она должна создать благопріятныя условія. Тарифы должны быть основаны не на произвольной схемѣ, но на законѣ, управляющемъ стоимостью услугъ вообще и въ частности стоимостью производства желѣзнодорожной услуги. Для уясненія послѣдней обращаемся къ опредѣленію свойствъ основныхъ расходовъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Эти расходы состоятъ въ капиталѣ сооруженія желѣзной дороги, въ издержкахъ эксплоатаціи и въ общихъ издержкахъ, наприм. на предварительныя изысканія и т. п.

Капиталъ, необходимый для сооруженія желѣзной дороги, колеблется не только въ разныхъ странахъ, но и въ разныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны. Это зависитъ отъ цѣнности земли, пріобрѣтаемой подъ полотно желѣзной дороги, отъ стоимости труда и матеріаловъ, отъ бережливости въ расходованіи капитала, отъ искусства

строителей и т. п. Чѣмъ болѣе затрачено капитала, тѣмъ большій процентъ слѣдуетъ получить владѣльцамъ его и поэтому тѣмъ дороже, при равенствѣ остальныхъ условій, будетъ стоимость желѣзнодорожной услуги. Но при этомъ чѣмъ больше движеніе, тѣмъ меньше приходится платежей на каждую единицу движенія, а слѣдовательно тѣмъ меньше будетъ стоимость услуги притомъ же постоянномъ капиталѣ, проценты на который распредѣляются между большимъ количествомъ перевозимыхъ единицъ. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія постояннаго капитала, затраченнаго въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, стоимость желѣзнодорожной услуги обратно пропорціональна количеству перевозимыхъ грузовъ. Другими словами, здѣсь возвышеніе абсолютнаго дохода дороги получается посредствомъ уменьшенія относительнаго дохода, получаемаго съ каждой единицы движенія. Уменьшеніе тарифныхъ ставокъ приводитъ къ увеличенію количества провоза и къ возвышенію общей доходности дороги. Увеличеніе движенія при томъ же постоянномъ капиталѣ уменьшаетъ стоимость каждой желѣзнодорожнвй услуги въ отдѣльности. Но постоянный капиталъ не во всѣхъ частяхъ остается неизмѣннымъ при увеличеніи движеніи и, сверхъ того, при увеличеніи движенія требуется также увеличеніе оборотнаго капитала.

Расходы на сооруженіе и ремонтъ подвижнаго состава не могутъ не измѣняться при увеличеніи или уменьшеніи движенія. И въ дѣйствительности видимъ, что на дорогахъ съ большимъ движеніемъ подвижной составъ больше, чѣмъ на дорогахъ съ малымъ движеніемъ. Даже характеръ движенія оказываетъ вліяніе на эти расходы. На тѣхъ дорогахъ, въ которыхъ движеніе въ обѣ стороны болѣе или менѣе равномѣрно, тотъ же подвижной составъ работаетъ болѣе и слѣдовательно обходится дешевле, чѣмъ на дорогахъ съ преобладающимъ движеніемъ товаровъ и пассажировъ въ одну сторону. Въ послѣднемъ случаѣ увеличеніе движенія ведетъ къ большимъ расходамъ въ единицѣ провоза на подвижной составъ, такъ какъ каждой единицѣ провоза приходится оплачивать и расходы обратнаго движенія подвижнаго состава, возвращающагося безъ товаровъ и пассажировъ.

Издержки на двигательную силу также увеличиваются вмѣстѣ съ увеличеніемъ движенія, хотя и здѣсь первое увеличеніе нельзя считать прямо пропорціональнымъ второму. Двигательная сила идетъ собственно на передвиженіе товаровъ и пассажировъ, а также на перед-

виженіе орудій движенія т. е. на передвиженіе полезнаго и мертваго груза. Отношеніе мертваго груза къ полезному не одинаково, смотря по техникѣ устройства вагоновъ, по способамъ помѣщенія въ нихъ, по обстановкѣ и пр. Большею частью вѣсъ локомотива и вагоновъ въ три раза превосходитъ вѣсъ полезнаго груза. Улучшеніемъ этого отношенія дается значительная экономія въ двигательной силѣ, употребляющейся не на мертвый, но на полезный грузъ. Увеличеніе движенія, при лучшемъ укомплектованіи вагоновъ, не сопровождается прямо пропорціональнымъ увеличеніемъ силы передвиженія.

Расходы на управленіе также увеличиваются не прямо пропорціонально увеличенію движенія. Чѣмъ больше поѣздъ, тѣмъ болѣе нужно поѣздной прислуги, но не прямо пропорціонально увеличенію поѣзда. На поѣздѣ въ три раза большемъ не требуется втрое болѣе служащихъ, сравнительно съ поѣздомъ втрое меньшимъ. Точно также съ увеличеніемъ движенія требуется увеличеніе служащихъ на станціяхъ и даже въ центральныхъ управленіяхъ, но далеко не въ такой пропорціи, какъ увеличивается движеніе. При увеличеніи на 100% движенія достаточно увеличенія служащихъ на 25—30%, безъ всякаго обремененія излишней работой личнаго состава.

Наконецъ почти тоже самое слѣдуетъ сказать относительно расходовъ на ремонтъ пути и содержаніе станцій. Здѣсь также увеличеніе движенія требуетъ увеличенія затратъ, но затраты не увеличиваются прямо пропорціонально увеличенію движенія. Если удвояется движеніе, то изъ этого не слѣдуетъ, что вмѣстѣ съ нимъ удвояются расходы содержанія станцій и на ремонтъ пути. Въ послѣднемъ отношеніи имѣетъ не столько существенное значеніе количество поѣздовъ, сколько техническія свойства самаго пути и скорость движенія.

Такимъ образомъ одни изъ расходовъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ остаются безъ измѣненія съ увеличеніемъ движенія, а другіе увеличиваются, но не прямо пропорціонально увеличенію послѣдняго. Этотъ порядокъ въ затратахъ желѣзнодорожнаго производства даетъ возможность полнаго примѣненія къ цѣнности желѣзнодорожныхъ услугъ общаго динамическаго закона цѣнности, къ достиженію чего и должны быть направлены желѣзнодорожные тарифы. Этотъ же порядокъ въ свою очередь указываетъ на полную невозможность напередъ изчислить стоимость производства желѣзнодорожной услуги для каждаго отдѣльнаго товара, такъ какъ эта стоимость опредѣляется

отношеніемъ желѣзнодорожныхъ издержекъ къ движенію, измѣненіемъ котораго обусловливается измѣненіе въ стоимости услугъ. Сельскій хозяинъ напередъ не можетъ сказать, во что ему обойдется каждая четверть хлѣба, когда еще не извѣстенъ будущій урожай. Не менѣе было бы странно требовать подобнаго опредѣленія отъ желѣзныхъ дорогъ и сообразоваться съ нимъ въ опредѣленіи тарифовъ. Всякій тарифъ въ данномъ случаѣ представляетъ собою учетъ будущаго производства во всей его совокупности и поэтому долженъ быть сообразованъ съ общимъ динамическимъ закономъ цѣнности, какъ закономъ движенія, а не еще не извѣстнаго состоянія.

§ 5. Основной принципъ раціональной тарифной схемы состоитъ въ томъ, что тарифы должны опредѣляться по способности ихъ платить фрахтъ, т. е., чтобы товары, перевозимые по желѣзнымъ дорогамъ, уплачивали лишь то, что они могутъ платить. Тарифы, основанные на какомъ либо иномъ принципѣ, вносятъ произволъ въ экономическія отношенія и уже по этому одному не могутъ быть выгодными какъ для интересовъ страны, такъ въ частности и для самихъ желѣзныхъ дорогъ.

Для осуществленія этого принципа требуется, чтобы тарифы опредѣлялись соотвѣтственно съ цѣнностью товаровъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ размѣрами послѣдней опредѣляется размѣръ чистаго дохода, получаемаго товаровладѣльцемъ. Опредѣленіе тарифовъ по издержкамъ провоза, не говоря о томъ, что оно не возможно, было бы также абсолютно несправедливо. Издержки провоза пуда самой тонкой шерсти, стоющей 40 рублей, и издержки провоза на такое же разстояніе пуда пшеницы, стоющей одинъ рубль, совершенно одинаковы, но цѣна провоза ни въ какомъ случаѣ безъ нарушенія справедливости не можетъ быть одинаковою. Если въ настоящее время за провозъ къ опредѣленному пункту пуда пшеницы взимается желѣзными дорогами 1 коп., между тѣмъ какъ за провозъ пуда шерсти 40 коп., то при опредѣленіи тарифовъ исключительно затратами транспортировки грузовъ, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, слѣдовало бы за провозъ пуда каждаго изъ товаровъ взимать по $20^1/_2$ коп. Въ такомъ случаѣ за провозъ одного и того же разстоянія земледѣлецъ уплачивалъ бы $20^0/_0$, между тѣмъ какъ фабрикантъ, перевозящій шерсть, всего $^1/_2{}^0/_0$ перевозимой цѣнности. Неужели въ этомъ заключалась бы справедливость и неужели водвореніе на желѣзныхъ доро-

гахъ такой справедливости было бы желательно? Не слѣдовало бы забывать, что равенство между неравными можетъ быть только пропорціональнымъ и ни коимъ образомъ не механическимъ равенствомъ, которое на дѣлѣ было бы неравенствомъ и несправедливостью. Держась такого механическаго равенства, сельскимъ хозяевамъ слѣдовало бы издержки производства пшеницы раздѣлить почти поровну между соломой и зерномъ, если наприм. всѣ затраты сводятся къ чисто механической обработкѣ почвы и къ уборкѣ хлѣба. При механическомъ равенствѣ тарифовъ самое существованіе желѣзныхъ дорогъ было бы во многихъ случаяхъ не мыслимымъ. Если наприм. по желѣзной дорогѣ перевозятся такіе цѣнные товары, какъ шерсть, въ количествѣ равномъ по вѣсу пшеницѣ, то одинаковые тарифы оказались бы въ высшей степени льготными для шерсти и невозможными для пшеницы, перевозка которой оказалась бы не мыслимою по желѣзной дорогѣ и послѣдняя по необходимости несла бы убытки. Вотъ почему и въ Германіи, гдѣ тарифы основываются на растояніи и экспедиціонномъ сборѣ, существуетъ масса исключеній изъ общаго правила, въ существѣ дѣла почти уничтожающихъ значеніе этого общаго правила. Въ настоящее время на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ существуетъ до 10,000 тарифовъ, вмѣсто одного общаго, опредѣляемаго „разстояніемъ и экспедиціоннымъ сборомъ“. По закону, отступленія отъ этого принципа тарифовъ допускаются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо „для охраненія экономическихъ интересовъ страны“. Очевидно, германскій законъ также признаетъ, что опредѣленіе тарифовъ исключительно издержками провоза можетъ противорѣчить „экономическимъ интересамъ страны“.

Согласившись съ тѣмъ, что болѣе цѣнные товары, въ большинствѣ случаевъ, должны оплачивать и болѣе высокій тарифъ, необходимо согласиться и съ тѣмъ, что, при равенствѣ всѣхъ отальныхъ условій, товары, перевозимые на меньшихъ разстояніяхъ, должны оплачивать относительно болѣе высокіе тарифы сравнительно съ товарами, перевозимыми на большихъ разстояніяхъ. На рынокъ А доставляется продуктъ изъ двухъ мѣстностей, изъ коихъ одна находится въ 10 верстахъ отъ города, а другая—въ 100 верстахъ отъ него. Продуктъ этотъ продается по рублю за пудъ; потребители одинаково оплачиваютъ какъ тотъ продуктъ, который доставленъ изъ-за 10 верстъ, такъ и тотъ, который привезенъ на рынокъ за 100 верстъ. Если из-

держки производства составляютъ 50 коп. и если будетъ взиматься одинаковый поверстный тарифъ, наприм. по $^1/_{10}$ коп., то певрый производитель получитъ чистаго барыша 49 коп., а второй—40 коп. на каждомъ пудѣ товара. Очевидно, хотя въ данномъ случаѣ цѣнность товаровъ одинакова, но выручаемый отъ продажи ихъ доходъ далеко не одинаковъ Очевидно также, что, подобно тому, какъ при перевозкѣ болѣе цѣнныхъ товаровъ должна быть взимаема и бо́льшая провозная плата, точно также и въ данномъ случаѣ, при перевозкѣ товаровъ на меньшія разстоянія, должно взимать бо́льшую поверстную плату. Основаніе въ обоихъ случаяхъ одно и тоже; болѣе доходныя для производителей и торговцевъ перевозки должны быть болѣе доходными и для желѣзныхъ дорогъ. Болѣе доходный транспортъ долженъ оплачивать и болѣе высокій фрахтъ. Въ одномъ случаѣ болѣе высокій фрахтъ взимается съ дохода отъ труда и капитала, въ другомъ—съ дохода, называемаго рентой. Допускать первое значитъ допускать и послѣднее, строго логически вытекающее изъ него. Это требуется даже интересами простой справедливости. Обложеніе одинаковымъ тарифомъ приносящихъ большую ренту товаровъ съ менѣе рентабельными или даже вовсе не приносящими ренты въ большинствѣ случаевъ приводитъ къ тому, что доставка первыхъ производится на счетъ послѣднихъ. Съ другой стороны, тарифы на дальнія разстоянія должны быть наиболѣе низки. Это въ особенности необходимо у насъ. По справедливому замѣчанію г. Витте, „для приданія нашему отечеству надлежащаго экономическаго роста, необходимо достичь возможности наиболѣе легкаго распространенія естественныхъ богатствъ по всему обширному протяженію Имперіи. Недостаточно, чтобы производства однородныхъ произведеній распространялись пораіонно, въ ближайшихъ мѣстностяхъ отъ пунктовъ производства, но необходимо стремиться, чтобы каждый производитель имѣлъ какъ можно болѣе обширный раіонъ распространенія своихъ продуктовъ, ибо черезъ такое расширеніе предложенія будутъ значительно выигривать интересы потребителей. Повсемѣстное распространеніе внутреннихъ производствъ необходимо въ особенности въ странѣ, держащей протекціонные таможенные тарифы, вся тяжесть коихъ ложится исключительно на потребителей. Если дѣйствительно таковы должны быть стремленія, то какъ достигнуть ихъ на пространствѣ болѣе 5 милліоновъ квадратныхъ верстъ, представляющемъ Европейскую Россію, и какъ въ будущемъ

достигнуть того же самаго на пространствѣ болѣе 18 милліоновъ квадратныхъ верстъ, представляющемъ Европейскую Россію съ Сибирью и средне-азіатскими владѣніями? Очевидно—только посредствомъ крайне низкихъ тарифовъ на дальнія разстоянія. Русскіе тарифы на дальнія разстоянія непремѣнно должны выйти изъ установившихся Европейскихъ нормъ. Если въ Европѣ избѣгаютъ на пространствахъ, измѣряемыхъ тысячами верстъ, тарифовъ ниже $^1/_{70}$—$^1/_{75}$, то изъ этого врядъ-ли слѣдуетъ, что и мы не должны на пространствахъ, измѣряемыхъ милліонами верстъ, не переходить для нѣкоторыхъ грузовъ эти предѣлы. При нашихъ пространствахъ мы должны будемъ, если только не пожелаютъ ограничить общеполезность желѣзныхъ дорогъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, перейти тарифы въ $^1/_{100}$ и въ будущемъ можетъ быть доходить до крайне низкихъ предѣловъ, въ особенности при перевозкѣ сырыхъ продуктовъ".

Изъ этого видно, что тарифы должны быть согласованы со всею совокупностью мѣстныхъ экономическихъ условій и не можетъ быть въ странѣ никакихъ механическихъ тарифовъ, вездѣ одинаковыхъ, не смотря на разнообразіе экономическихъ условій. Однообразіе тарифовъ при существованіи экономическаго разнообразія было бы дѣйствительнымъ неравенствомъ и несправедливостью, не говоря уже о вредѣ его для экономическаго развитія. При существованіи экономическаго разнообразія, безъ котораго не мыслима правильная экономическая жизнь, тарифы должны быть разнообразны именно для того, чтобы уравнить условія транспорта, не давать перевѣса одной мѣстности надъ другою, въ ущербъ послѣдней, не покровительствовать однимъ отраслямъ промышленности на счетъ другихъ и т. п.

Но, не смотря на все разнообразіе естественно-экономическихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, вызываемое разнообразіемъ въ экономической жизни, всѣ эти тарифы могутъ быть сведены къ слѣдующимъ общимъ категоріямъ.

а) *Поверстные тарифы.* Существуютъ товары высокой торговой стоимости, которые безъ всякихъ неудобствъ выдерживаютъ одинаковый фрахтъ какъ на малыя, такъ и на большія разстоянія. Таковы наприм. дорогія вина, перчатки, цѣнные мануфактурные товары и вообще предметы роскоши. Пудъ товара, цѣнность котораго измѣряется сотнями и даже тысячами рублей, можетъ быть перевозимъ къ бо-

гатымъ потребителямъ на далекія разстоянія по цѣнамъ провоза, опредѣляемымъ въ видѣ одинаковой платы за пудоверсту.

б) *Дифференціальные тарифы.* Значительная масса товаровъ совершенно не выдерживаетъ высокаго фрахта на большія разстоянія, легко выдерживая его на малыхъ разстояніяхъ. Для распространенія сбыта, а слѣдовательно и для увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ возникаетъ необходимость такого пониженія тарифовъ для провоза на большія разстоянія, при которомъ товары могли-бы находить для себя сбытъ и потребленіе на отдаленныхъ рынкахъ. Такіе тарифы обыкновенно называются дифференціальными. Пониженіе можетъ быть или относительное или абсолютное. Первое состоитъ въ опредѣленномъ процентномъ пониженіи фрахта по мѣрѣ увеличенія разстоянія. Такъ наприм. за провозъ товара на разстояніи отъ 1 до 50 верстъ взимается $^1/_{10}$ коп., за провозъ сверхъ 50 до 100 верстъ,—$^1/_{15}$ коп. и т. д. Здѣсь провозная плата увеличивается, но не прямо пропорціонально увеличенію разстоянія. Абсолютное пониженіе состоитъ въ такомъ уменьшеніи фрахта на большія разстоянія, при которомъ провозъ товара въ отдаленную мѣстность обходится дешевле доставки его въ ближайшій рынокъ. Товаръ А съ удобствомъ выдерживаетъ фрахтъ въ $^1/_{10}$ коп. на разстояніи 100 верстъ, доставляя желѣзной дорогѣ валоваго дохода 10 коп. и чистаго 6 копѣекъ. На разстояніе въ 200 верстъ онъ можетъ быть отправленъ только въ томъ случаѣ, если провозъ его въ эту мѣстность будетъ стоить за 200 верстъ 9 коп., такъ какъ на этомъ болѣе отдаленномъ рынкѣ потребители оплачиваютъ менѣе на 1 коп. Понятно, желѣзной дорогѣ выгодно перевозить данный товаръ на разстояніе въ 200 верстъ съ платой 9 коп., получая чистаго доходо 1 коп. на пудѣ, нежели не получать никакого дохода. Такіе тарифы могутъ имѣть особенно полезное значеніе у насъ, при нашихъ громадныхъ разстояніяхъ, затрудняющихъ правильный обмѣнъ произведеній между отдаленными мѣстностями и мѣшающихъ такимъ образомъ правильно эксплоатировать климатическія и экономическія особенности страны.

в) *Рефакціонные тарифы.* Такъ называются тарифы, устанавливаемые по соглашенію съ частными отправителями, причемъ товароотправителю дается особое пониженіе фрахта, но съ условіемъ отправки опредѣленнаго количества товара. Если будетъ доставлено условленное количество, то фрахтъ понижается, въ противномъ случаѣ льгота

не дается. Значеніе ихъ сводится къ тому же коммерческому разсчету, по которому въ оптовой продажѣ продукты продаются дешевле, чѣмъ въ продажѣ розничной. Сверхъ того не рѣдко посредствомъ рефакціонныхъ тарифовъ желѣзная дорога получаетъ возможность оживить въ данной мѣстности то или иное производство, поднять производительность и такимъ образомъ получить выигрышъ на количествѣ провоза.

д) *Спеціальные тарифы.* Рефакціонные тарифы вызываютъ оживленіе производства въ опредѣленномъ предпріятіи, представитель котораго вошелъ въ соглашеніе съ желѣзнодорожнымъ управленіемъ относительно пониженія провозной платы на свои произведенія при соблюденіи извѣстныхъ условій. Подобные же пониженные тарифы могутъ быть устанавливаемы относительно извѣстныхъ произведеній въ странѣ, кѣмъ бы они не производились. Пониженіемъ тарифа наприм. на соль, на извѣстные матеріалы и орудія производства можно произвести общее оживленіе въ данной отрасли производства, увеличить количество произведеній и то, что теряется на единицѣ провозимаго груза, по истеченіи опредѣленнаго времени болѣе чѣмъ вознаграждается увеличеніемъ общаго дохода отъ увеличеннаго количества грузовъ. Такіе тарифы носятъ названіе спеціальныхъ. Они могутъ быть устанавливаемы не только въ интересахъ оживленія промышленности, но также въ интересахъ общаго благоустройства, наприм. облегченія доставки хлѣба во время голода и т. п.

Въ виду того, что въ тарифахъ осуществляется общественное значеніе желѣзныхъ дорогъ, тарифное дѣло должно быть надлежащимъ образомъ направляемо государствомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда желѣзныя дороги устрояются исключительно на частныя средства, безъ всякой помощи со строны государства, тарифы должны быть контролируемы государствомъ. Всѣ дѣйствія, имѣющія не частное, но общественное значеніе, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть изъяты изъ сферы государственной регламентаціи. Кому бы не принадлежала желѣзная дорога, государства предпринимаютъ систематическій рядъ мѣръ къ тому, чтобы она была удовлетворительна въ санитарномъ отношеніи, чтобы не была опасна для проѣзжающихъ и т. п. Такое же значеніе имѣетъ и вмѣшательство государства въ тарифное дѣло. Такое или иное направленіе его можетъ отозваться полезно или

вредно на экономическихъ отношеніяхъ страны и государство обязано направлять его такъ, чтобы страна изъ своей желѣзнодорожной сѣти извлекала возможно большія выгоды (1).

(1) Чупровъ. Желѣзно-дорожное хозяйство. 2 ч. Цѣхановецкій. Государство и желѣзныя дороги. С. Витте. Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Бородинъ О механическомъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ. Sax. Die Verkehrsmittel in Volks—und Staatswirthschaft. 2 B. Его же статья въ руководствѣ Шенберга. Горловъ. Начала политической экономіи, т. 2—о путяхъ сообщеній. Этотъ отдѣлъ у Горлова разработанъ очень подробно.

ПОТРЕБЛЕНІЕ.

По обыденнымъ воззрѣніямъ, перенесеннымъ нѣкоторыми экономистами и въ науку, потребленіе представляетъ собою противоположность производству, есть ни что иное, какъ разрушеніе или уничтоженіе имущественныхъ благъ, создаваемыхъ въ той или иной отрасли производства. Въ дѣйствительности весьма часто такъ и бываетъ, весьма часто потребленіе является актомъ противоположнымъ производству, актомъ уничтоженія или разрушенія цѣнностей. Но факты эти не должны быть возводимы въ принципъ. Съ общественно-хозяйственной и единственно научной точки зрѣнія не только нѣтъ противоположности между производствомъ и нормальнымъ потребленіемъ, но существуетъ прямая противоположность между этимъ потребленіемъ и разрушеніемъ, уничтоженіемъ имущественныхъ благъ. Нормальное потребленіе есть конечная цѣль производства, осуществленію которой препятствуетъ уничтоженіе имуществъ, вслѣдствіе чего противъ послѣдняго и предпринимаются разнаго рода мѣры. Потребленіе платья не равносильно уничтоженію его; напротивъ того, задача разумнаго потребленія состоитъ въ томъ, чтобы платье возможно медленнѣе и меньше разрушалось. Потребляя этотъ продуктъ, мы боремся съ условіями, разрушительно вліяющими на него. Жилой домъ служитъ для цѣлей потребленія, а не для разрушенія, мы употребляемъ всѣ усилія къ тому, чтобы домъ какъ можно долѣе служилъ нашимъ потребностямъ, то есть чтобы не разрушался. Сверхъ того, обыденное понятіе о потребленіи вовсе не приложимо къ потребленію невещественныхъ благъ. Читая книгу, слушая рѣчь оратора и т. п., мы потребляемъ невещественные продукты или, какъ обыкновенно говорятъ, ум-

ственную пищу. Но неужели это потребленіе умственной пищи равносильно уничтоженію ея? Не очевидно ли, что здѣсь не только нѣтъ никакой противоположности между потребленіемъ и производствомъ, но что потребленіе умственной пищи есть необходимое условіе ея производства? Безъ потребленія невещественныхъ благъ, безъ чтенія книгъ, слушанія лекцій и т. п. умственное развитіе было бы не мыслимо. Потребленіе невещественныхъ благъ есть условіе и причина ихъ производства и развитія. Но тоже самое вѣрно и въ отношеніи къ вещественнымъ благамъ; накопленіе ихъ зависитъ отъ быстроты ихъ потребленія. „Пища, потребленная Крузэ, говоритъ Кэри, не уничтожена потребленіемъ, но приняла высшую форму умственныхъ и физическихъ силъ. Она за тѣмъ принимаетъ форму лука, устроеннаго вслѣдствіе затраты этихъ силъ. Она, далѣе, проявляется въ новыхъ количествахъ и лучшемъ качествѣ пищи, добытой при помощи лука. Благодаря этому, Крузе получаетъ досугъ, необходимый для дальнѣйшаго развитія его умственныхъ и физическихъ силъ и такимъ образомъ потребленная пища снова проявляется въ высшей формѣ этихъ силъ, проявляется въ формѣ умственныхъ способностей, доставляющихъ человѣку господство надъ силами природы и увеличивающихъ его богатство“. Очевидно, что съ научной точки зрѣнія потребленіе не можетъ быть названо разрушеніемъ или уничтоженіемъ имущественныхъ благъ, цѣнностей, полезностей и т. п. Оно состоитъ въ удовлетвореніи потребностей, какъ конечной цѣли актовъ производства и распредѣленія, достиженіе которой представляетъ собою не только условіе, но и мѣрило правильности всѣхъ другихъ функцій экономическаго организма. Вотъ почему вопросъ о потребленіи въ политической экономіи долженъ имѣть особенно важное значеніе, хотя до настоящаго времени онъ не во всѣхъ отношеніяхъ разработанъ.

Такъ какъ нормальный законъ потребленія, какъ необходимаго условія правильности въ производствѣ, не исключаетъ случаевъ того потребленія, которое является уничтоженіемъ имуществъ, то въ отдѣлѣ о потребленіи политическая экономія изучаетъ какъ законы производительнаго потребленія, такъ и условія уменьшенія или уничтоженія убытковъ отъ разрушительнаго потребленія. Въ первомъ отношеніи она изучаетъ статику и динамику потребленія, во второмъ—условія застрахованія производительныхъ факторовъ и произведеній отъ разрушенія.

I. Статическій законъ потребленія.

Въ изолированномъ положеніи человѣкъ производитъ въ той мѣрѣ, въ какой возникаютъ и развиваются потребности. Онъ не будетъ производить болѣе того, что требуется его обыденными нуждами. Между потребленіемъ и производствомъ въ это время существуетъ полная солидарность, существуетъ хозяйственное равновѣсіе. Существуетъ ли такой статическій законъ потребленія въ мѣновомъ хозяйствѣ? Можно ли сказать, что и въ настоящей общественной экономической жизни между производствомъ и потребленіемъ естественно установливается равновѣсіе, о существованіи котораго никто изъ производителей и потребителей не заботится?

Многіе отрицаютъ существованіе такого естественнаго закона. Въ доказательство отсутствія его обыкновенно приводятъ всѣмъ извѣстные факты экономическихъ кризисовъ, то есть избытка предложенія товаровъ сравнительно съ существующимъ на нихъ спросомъ, избытка производства сравнительно съ размѣрами потребленія. Говорятъ, что только въ изолированномъ положеніи могло быть естественное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ. Человѣкъ въ этомъ состояніи знаетъ свои потребности и размѣрами своихъ нуждъ обусловливаетъ размѣры своего производства. Изолированный человѣкъ прежде всего заботится о своей пищѣ, потомъ изготовляетъ себѣ одежду, жилище и т. далѣе, все въ количествѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ его. Въ общественной жизни нѣтъ такого упорядочивающаго закона. Весьма естественно, что въ этомъ состояніи люди могутъ производить больше того, сколько нужно и въ дѣйствительности весьма часто производители терпятъ убытки именно вслѣдствіе этого несоотвѣтствія между размѣрами производства и существующимъ спросомъ. Мы производимъ, не соразмѣряя производства съ потребленіемъ.

Это воззрѣніе съ особенною настойчивостью проводитъ С. Сисмонди въ своихъ политико-экономическихъ этюдахъ. Когда-то въ дѣтствѣ, говоритъ онъ, разсказывали мнѣ, что въ домѣ нѣкоего Гандалина жилъ колдунъ, по повелѣнію котораго метла превращалась въ водоноса и носила своему хозяину воду. Въ одно время Гандалинъ подслушалъ тѣ магическія слова, которыя произносилъ колдунъ, превращая свою метлу въ водоноса, не разслушавъ тѣхъ словъ, по которымъ водоносъ превращался снова въ метлу. Какъ только колдунъ

ушелъ изъ дому, Гандалинъ немедленно произнесъ подслушанныя имъ слова и метла превратилась въ водоноса, который и началъ носить воду изъ сосѣдней рѣки. Такъ наполнилъ онъ всѣ сосуды, бывшіе въ домѣ, но и за тѣмъ продолжалъ носить воду. Вода разлилась по комнатамъ и человѣкъ-машина не переставалъ дѣлать свое дѣло, не обращая вниманія на крики и мольбы Гандалина. Въ отчаяніи Гандалинъ сталъ рубить водоноса топоромъ, но куски метлы, сперва падавшіе на полъ, поднимались и начинали носить воду; вмѣсто одного водоноса, появилось ихъ четыре, восемь, шестнадцать и т. д; чѣмъ болѣе Гандалинъ рубилъ метлу, чѣмъ болѣе онъ старался уничтожить людей-машинъ, носившихъ воду, тѣмъ больше появлялось водоносовъ, которые переносили бы всю воду въ рѣкѣ, если бы наконецъ не пришелъ колдунъ и не прекратилъ дѣйствія магическихъ словъ, превратившихъ метлу въ водоноса. Такъ Гандалинъ испыталъ на себѣ, что должна быть опредѣленная мѣра даже въ самомъ необходимомъ для жизни, что можетъ быть излишекъ въ самыхъ прекрасныхъ вещахъ. Вода—необходимый предметъ для жизни человѣка, но непомѣрный излишекъ ея—вреденъ. Въ такомъ печальномъ положеніи, въ какомъ находился сказочный Гандалинъ, находятся и современныя общества. Слова философовъ возвысили значеніе труда въ обществѣ, сдѣлали трудъ уважаемымъ; политическія вліянія увеличили число лицъ, занимающихся промышленностью. Благодаря уже этимъ причинамъ, рынки переполняются продуктами, не находящими сбыта. Но къ этимъ причинамъ присоединяются еще научныя открытія и изобрѣтенія, подобно топору Гандалина, увеличивающія производительность и происходитъ переполненіе рынка всевозможными произведеніями. Не пора ли остановить это переполненіе? Не пора ли прійдти колдуну, который остановилъ бы трудъ людей—машинъ? (1).

Ученіе Сисмонди встрѣтило благодатную почву въ средѣ „организаторовъ“, съ увлеченіемъ схватившихъ эту мысль объ отсутствіи упорядочивающаго принципа въ отношеніи между производствомъ и размѣрами потребленія. Если нѣтъ такого естественнаго принципа, который регулировалъ бы отношеніе между производствомъ и потребленіемъ, то необходимо придумать искусственный принципъ, въ противномъ случаѣ общество остается обреченнымъ слѣпому случаю, одни рынки должны переполняться произведеніями, другіе—оставаться безъ необходимыхъ продуктовъ. И такъ, организаторы

задаются мыслью привести въ надлежащій порядокъ то, что самымъ Провидѣніемъ обречено слѣпому случаю. Для достиженія этого надлежащаго порядка необходимо лишь отказаться людямъ отъ личной свободы и безусловно подчиниться распоряженія самозванныхъ владыкъ, желающихъ по своєму переорганизовать весь міръ.

Въ частныхъ случаяхъ несоотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ встрѣчается часто. Но эти случаи—не законъ. Они также не даютъ основаній отрицать существованія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, какъ факты морскихъ волненій не даютъ научныхъ основаній къ отрицанію закона стремленія сообщающихся между собою частицъ жидкости къ одному уровню.

Естественный законъ равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ проистекаетъ изъ личнаго интереса производителей, при существованіи экономической свободы. Каждый человѣкъ, при раздѣленіи въ обществѣ занятій, можетъ удовлетворять свои потребности не иначе, какъ удовлетворяя потребности другихъ. Желая пріобрѣтать отъ другихъ ему необходимое, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы производить въ обмѣнъ за эти продукты именно то, что наиболѣе требуется обществомъ и въ чемъ слѣдовательно общество наиболѣе нуждается. Какимъ же образомъ онъ узнаетъ объ этомъ? Узнаетъ по цѣнѣ продуктовъ. Продукты, въ которыхъ общество наиболѣе нуждается, имѣютъ наиболѣе высокія цѣны, привлекая къ производству капиталы. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда производитель не разсчиталъ размѣровъ сбыта, цѣны на продукты, переполняющіе рынокъ, понижаются, вслѣдствіе чего производители уменьшаютъ предложеніе товаровъ. Такимъ образомъ при недостаткѣ предложенія товаровъ высокія цѣны вызываютъ добавочное производство; на оборотъ, при излишкѣ предложенія пониженіе цѣнъ заставляетъ уменьшить производство. Цѣны продуктовъ представляютъ собою естественный регуляторъ отношеній между спросомъ и предложеніемъ, между производствомъ и потребленіемъ. „Всѣ продукты, говоритъ Молинари, должны появляться на рынкѣ въ пропорціи, соотвѣтствующей размѣрамъ потребленія. Если опредѣленные продукты появятся на рынкѣ въ недостаточномъ количествѣ, то цѣны ихъ возвышаются, вслѣдствіе чего производство ихъ становится особенно прибыльнымъ и количество ихъ будетъ увеличиваемо до тѣхъ поръ, пока установится равновѣсіе между размѣрами потребленія и производствомъ. Если, на

оборотъ, предложеніе какого либо товара превышаетъ требованіе, то цѣнность его понижается, вслѣдствіе чего уменьшается его производство. Благодаря этому, равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ устанавливается естественнымъ путемъ“ (2).

Это естественное вліяніе цѣнъ на установленіе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ представляетъ собою форму, посредствомъ которой проявляется въ жизни частный интересъ. Подъ вліяніемъ стремленія извлечь возможно большія выгоды производители то увеличиваютъ, то уменьшаютъ свое производство, сообразуясь съ существующими цѣнами продуктовъ, но именно это и приводитъ къ надлежащему соглашенію производства съ потребленіемъ. Интересъ каждаго служитъ тѣмъ животворнымъ началомъ, подъ вліяніемъ котораго, говоря словами А. Смита, безконечно разнообразныя произведенія труда людей, работающихъ независимо другъ отъ друга, собираются какъ бы въ одну массу, изъ которой каждый получаетъ все, въ чемъ нуждается. Никто не заботится о снабженіи городскихъ жителей сельскими продуктами и, не смотря на это, никто изъ милліоновъ ихъ не остается безъ этихъ продуктовъ; сельскіе жители, не сговариваясь между собою и безъ всякихъ приказаній, повинуясь исключительно своему личному интересу, доставляютъ въ городъ все необходимое для его прокормленія, что только могутъ производить. Такимъ же образомъ и сельскіе жители снабжаются городскими продуктами, безъ всякихъ предварительныхъ распоряженій и сговора со стороны продавцевъ.

Говоря, что подъ вліяніемъ интереса естественно установливается равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, мы не должны забывать, что подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ это равновѣсіе можетъ нарушаться. Существуютъ причины, препятствующія надлежащему установленію равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Къ такимъ причинамъ Молинари относитъ слѣдующія обстоятельства.

1) Непостоянство урожайности земледѣльческихъ продуктовъ, обусловливаемое климатическими вліяніями.

2) Недостаточное знакомство производителей съ условіями сбыта, или полное незнаніе этихъ условій.

3) Монополіи какъ естественныя, такъ и искусственныя (3).

Къ этимъ тремъ категоріямъ причинъ необходимо присоединить еще тѣ условія, при которыхъ возникаютъ торговые кризисы, легко переходящіе въ кризисы въ производствѣ. Послѣднія условія все болѣе и болѣе нарушаютъ стремленіе къ равновѣсію между производствомъ и потребленіемъ, вслѣдствіе чего возникаетъ необходимость въ систематическомъ регулированіи со стороны государства хозяйственной жизни страны. Равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ естественно возстановляется закономъ цѣнъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда такое естественное возстановленіе нарушеннаго равновѣсія сопровождается кризисами, потерей капитала и народными бѣдствіями, необходима помощь со стороны государства, которая можетъ состоять или въ предупрежденіи бѣдствія или въ смягченіи его, когда оно уже наступило. Тамъ, гдѣ оказывается безсильною самопомощь, возникаетъ необходимость государственной помощи.

(1) S. de Sismondi, Études sur l'écon. politique, т. 1, стр. 60. (2) Cours d'écon. pol. т. 1, стр. 164. (3) Ibid. стр. 164—176.

II. Динамическій законъ потребленія.

Динамическій законъ потребленія впервые былъ подвергнутъ научному изслѣдованію въ концѣ прошлаго столѣтія. Лучшіе мыслители этого времени вѣрили въ безконечную усовершаемость человѣчества. Они признавали, что человѣчество постепенно приближается къ всеобщему благосостоянію, вѣрили, что вмѣстѣ съ развитіемъ потребностей увеличиваются и средства ихъ удовлетворенія. Они были убѣждены, что существующее въ мірѣ зло происходитъ отъ политическихъ причинъ, что достаточно правильно организовать общественныя учрежденія и всеобщее благосостояніе, то есть полное удовлетвореніе потребностей всѣхъ и каждаго, явится само собою.

Но извѣстно, что попытка достигнуть такимъ легкимъ путемъ всеобщаго благосостоянія не привела ни къ чему. Въ духѣ этихъ воззрѣній, начиная съ 1793 года, во Франціи были предприняты самыя рѣшительныя мѣры, не давшія ожидаемыхъ результатовъ. Въ это время, говоритъ А. Бланки, „поземельная собственность была раздроблена и перешла въ руки бѣднѣйшихъ классовъ. Самая власть перешла въ руки этихъ бѣднѣйшихъ классовъ, которые не остановились ни предъ таксами на предметы первой необходимости, ни предъ насильственными

займами, ни предъ отмѣнной косвенныхъ налоговъ,—и, тѣмъ не менѣе, все-таки были бѣдные, люди покрытые рубищемъ, старики безъ куска хлѣба, женщины въ безпомощномъ состояніи, подкинутыя дѣти, злодѣи и публичныя женщины. Что же оставалось предпринять послѣ рѣшительныхъ мѣръ 1793 года? Философы и экономисты, пораженные изумленіемъ, испытывали то горькое резочарованіе, которое обыкновенно слѣдуетъ за политической катастрофой" (1).

Въ это время появилось знаменитое сочиненіе Мальтуса о народоселеніи. Книга эта появилась въ послѣдній годъ XVIII вѣка и представляютъ собою „послѣднее слово всеобщаго разочарованія," наступившаго послѣ періода свѣтлыхъ надеждъ.

По ученію Мальтуса (2), всѣ живыя существа имѣютъ стремленіе размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ размножаться средства, необходимыя для удовлетворенія потребностей. Еще Франклинъ замѣтилъ, что воспроизводительная способность растенія и животныхъ не имѣетъ границъ, и сдерживается только тѣмъ, что размножаясь, они отнимаютъ другъ у друга пищу. Если бы, говоритъ онъ, земля лишилась всѣхъ своихъ растеній, то одной породы, наприм. укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; и если бы она не имѣла жителей, то достаточно было бы одного народа, наприм. англійскаго, чтобы въ нѣсколько вѣковъ заселить ее. И это совершенно справедливо. Природа щедрою рукою разсыпала зародыши жизни въ обоихъ царствахъ, но она бережлива, что касается до мѣста и пищи. Безъ такой предосторожности, въ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ милліоны міровъ могли бы быть населены одною землей. Природа, давшая человѣку безграничную способность къ размноженію, не даетъ необходимыхъ средствъ для существованія. Можно считать несомнѣннымъ, что если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удвоивается каждыя двадцать пять лѣтъ, и возрастаетъ въ геометрической прогрессіи. Но средства къ существованію никоимъ образомъ не могутъ размножаться такъ быстро. Человѣкъ стѣсненъ ограниченнымъ пространствомъ. Если мало-по-малу, десятина за десятиной, обработана будетъ вся плодородная земля, то увеличеніе количества пищи будетъ зависѣть отъ улучшенія уже обрабатываемыхъ земель. По свойствамъ каждаго рода почвы, улучшеніе это не можетъ сопровождаться постоянно возрастающимъ успѣхомъ; послѣдній, напротивъ того, будетъ уменьшаться. Если мы предположимъ, что въ первыя двадцать пять

лѣтъ въ опредѣленной странѣ произведенія почвы могутъ удвоиться, то въ слѣдующія двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла по тому же закону, и чтобы по истеченіи этого втораго періода плодородіе учетверилось. Достаточно, если ежегодный приростъ средняго производства не уменьшается, а остается тотъ же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ къ годовому производству присоединяется количество произведеній, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія, такъ какъ и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтій обратить всю почву страны въ одинъ роскошный садъ. И такъ, мы можемъ сказать, что средства существованія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для труда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи. Такимъ образомъ естественно возникаетъ несоотвѣтствіе между количествомъ населенія и средствами, необходимыми для его прокормленія. Предположимъ, что населеніе страны состоитъ изъ 11 милліоновъ и что производительность ея почвы достаточна для поддержанія такого населенія. Чрезъ 25 лѣтъ это населеніе возрастетъ до 22 милліоновъ; продовольствіе также удвоится и будетъ достаточно для прокормленія. Въ слѣдующій періодъ населенія будетъ 44 милліона, а продовольствія достанетъ только на 33 милліона. Еще въ слѣдующій періодъ населеніе, увеличившееся до 88 мил., будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства существованія только для половины всего числа жителей. Къ концу перваго столѣтія населенія будетъ 176 мил., а продовольствія достанетъ только для 55 мил., такъ что остальные 121 мил. должны будутъ умереть съ голоду.

Могутъ возразить, что населеніе можетъ избѣжать голодной смерти путемъ выселеній. Для той или иной отдѣльной страны это вѣрно, но не въ отношеніи ко всему земному шару. Принимая населеніе земнаго шара въ тысячу милліоновъ, человѣческая порода размножалась бы какъ 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, а продовольствіе какъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. По истеченіи двухъ столѣтій населеніе относилось бы къ средствамъ существованія какъ 256 къ 9; чрезъ три столѣтія какъ 4096 къ 13, а по прошествіи 2000 лѣтъ отношеніе это было бы безпредѣльно и неизчислимо.

Необходимое соотвѣтствіе между количествомъ населенія и количествомъ средствъ удовлетворенія потребностей, по ученію Мальтуса, возстановляется двумя категоріями причинъ:

а) положительными причинами, уменьшающими количество населенія. Къ этимъ причинамъ относятся: голодъ, болѣзни, эпидеміи, войны и т. п.

б) предупредительными причинами, каковы: безженство, дѣвство, позднее вступленіе въ бракъ, нравственное воздержаніе и т. п.

Съ развитіемъ человѣчества первыя причины мало по малу уступаютъ мѣсто вторымъ, какъ менѣе тяжелымъ и жестокимъ. Для уменьшенія бѣдности необходимо заботиться о развитіи въ населеніи благоразумія, приводящаго къ нравственному воздержанію. Съ этою же цѣлію не должна быть оказываема помощь бѣднымъ. Человѣкъ, рожденный въ свѣтъ уже занятый до него, не имѣетъ никакого права требовать въ свою пользу какую бы то ни было частицу пищи, если его семейство не можетъ его содержать, а общество не нуждается въ его трудѣ. Онъ лишній на землѣ. На великомъ пиру, устроенномъ природою людямъ, для него нѣтъ мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться и не замедлитъ сама исполнить свой приговоръ. Помощь бѣднымъ нисколько не уменьшаетъ пролетаріата. Еще Монтескье сказалъ: нищіе имѣютъ много дѣтей, такъ какъ отцу нѣтъ труда передать свое ремесло дѣтямъ, которыя вскорѣ по рожденіи становятся орудіемъ этого ремесла. Мальтусъ развилъ мысль Монтескье, прибавивъ, что общественная благотворительность поощряетъ безпечность нищихъ еще болѣе, нежели ихъ собственная нищета. Общественная благотворительность должна быть закрыта. Эта благотворительность, говоритъ онъ, жесточе моей строгости.

Такимъ образомъ, по ученію Мальтуса, бѣдность есть естественный результатъ самой природы и бѣдные не имѣютъ права на общественную благотворительность, которая лишь увеличиваетъ зло. Всюду должно быть полное равнодушіе къ бѣднымъ. „Только жестокосердіе, говоритъ А. Бланки, считалось согласнымъ съ истинными принципами науки и съ естественными законами природы, безчувственность была возведена въ систему. Это нововведеніе возмутило сострадательныхъ людей. Противъ Мальтуса поднялся со всѣхъ сторонъ крикъ негодованія. Его называли человѣкомъ бездушнымъ, безстыдно бросавшимъ въ лице человѣчества страшной ироніей своей системы. Говорили,

еще въ первый разъ, какъ существуетъ міръ, поднялся голосъ въ защиту чумы, войны, голода и всѣхъ бичей, губящихъ человѣчество. Священники, женщины и философы были возмущены и на голову Мальтуса, не смотря на его высокія личныя качества, долгое время сыпались самыя злыя обвиненія“ (3).

Не смотря на ожесточеніе, противники Мальтуса въ первое время не могли представить научныхъ возраженій противъ его системы. Многіе изъ нихъ не могли надлежащимъ образомъ даже понять его системы. Таковъ наприм. В. Годвинъ, представившій возраженія на книгу Мальтуса, не уяснилъ сущности ученія его. Возражая Мальтусу, онъ говоритъ, что народонаселеніе въ настоящее время не больше того, какое было въ древнее историческое время, если въ однихъ странахъ оно увеличилось, то въ другихъ уменьшилось. Быстрое увеличеніе населенія Сѣв. Америки есть слѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ, а именно переселеній изъ другихъ странъ. Законъ Мальтуса о геометрической прогрессіи размноженія населенія не подтверждается фактически, слѣдовательно научно разрушается фундаментъ всей его научной системы. Въ такихъ странахъ, въ которыя переселеній почти не существуетъ, населеніе ростетъ очень медленно, напр. въ Швеціи (4).

Подобныя возраженія вполнѣ поверхностны. Мальтусъ не говоритъ, что народонаселеніе фактически удвоивается въ каждыя 25 лѣтъ. Онъ утверждаетъ, что оно можетъ удвоиваться въ этотъ періодъ времени, если не встрѣчается препятствій къ такому удвоенію. Изъ ученія Мальтуса слѣдуетъ, что населеніе имѣетъ естественную тенденцію удвоиваться каждыя 25 лѣтъ, но если въ дѣйствительности мы не видимъ этого, если въ дѣйствительности удвоеніе происходитъ не въ 25 л., а во сто, то это объясняется существованіемъ причинъ, вредно вліяющихъ на жизнь населенія, усиливающихъ его смертность. Цифра сто лѣтъ въ данномъ случаѣ можетъ свидѣтельствовать о печальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится народъ (5). Противники Мальтуса съ одной стороны должны обратить вниманіе на физіологическую способность къ размноженію; безъ опроверженія ученія Мальтуса объ этой способности всѣ другія возраженія, почерпнутыя изъ данныхъ о фактическомъ размноженіи населенія, не могутъ имѣть научнаго значенія Съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе на то, въ какой степени вѣренъ въ дѣйствительности указанный имъ законъ размноженія средствъ удовлетворенія потребностей.

Въ послѣдующее время противниками системы Мальтуса обращено было вниманіе именно на эти пункты. Таковы воззрѣнія Добльдэ и Кэри.

По ученію Добльдэ (6), которое онъ подтверждаетъ данными изъ естественной исторіи и антропологіи, воспроизводительная способность живыхъ существъ не можетъ быть названа всегда тождественною, какъ это призналъ Мальтусъ. Способность къ размноженію обусловливается положеніемъ и средой, въ которой находится живое существо. Всеобщій законъ, управляющій умноженіемъ и уменьшеніемъ растительнаго и животнаго царствъ, стостоитъ въ томъ, что вездѣ, гдѣ виду или роду угрожаетъ опасность, природа неизмѣнно употребляетъ соотвѣтствующее усиліе къ его сохраненію и продолженію, увеличивая плодовитость. Этотъ законъ съ особенною силою проявляется тамъ, гдѣ опасность происходитъ отъ уменьшенія необходимой степени питанія, вслѣдствіе чего состояніе истощенія наиболѣе благопріятствуетъ плодородію, и, на оборотъ, состояніе полноты, дородства, такъ называемое плетерическое состояніе неблагопріятно вліяетъ на способность къ размноженію; во многихъ случаяхъ оно даже вовсе уничтожаетъ эту способность, вслѣдствіе избытка питанія. Въ примѣненіи къ народоселенію законъ этотъ дѣйствуетъ такъ: вездѣ замѣчается наиболѣе сильная плодовитость въ тѣхъ сферахъ человѣческихъ обществъ, которыя всего хуже снабжены пищею. Другими словами, наибольшею плодовитостью отличаются бѣднѣйшіе классы обществъ и вообще— бѣднѣйшія общества. Въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ члены изобильно снабжены пищей, живутъ роскошно, воспроизводителныя силы слабѣютъ и численность уменьшается. Народы бѣдные, обладающіе плохими средствами удовлетворенія своихъ потребностей, имѣютъ наибольшую способность къ размноженію; противоположное положеніе этой способности мы видимъ у богатыхъ народовъ, имѣющихъ избытокъ въ средствахъ удовлетворенія потребностей. Наконецъ у народовъ и отдѣльныхъ классовъ обществъ, владѣющихъ не избыткомъ, а среднимъ достаткомъ, является среднее или стаціонарное положеніе, по которому численность населенія не увеличивается и не уменьшается, но сохраняетъ одинъ и тотъ же числовой уровень. Размноженіе населенія имѣетъ, такимъ образомъ, свою естественную законоподчиненность, которою можно управлять, направлять въ ту или другую сторону, но не уничтожить. „Сношеніе между полами во всѣхъ цивилизо-

ванныхъ состояніяхъ общества должно быть управляемо и обуздываемо различными способами—это неоспоримо. Но все же это есть обузданіе, а не уничтоженіе. Быть мужемъ одной жены есть правило спасительное въ самомъ себѣ. Это есть правило, которому учитъ религія, которое согласуется съ природою человѣка.“ Но усиливать далѣе воздержаніе отъ требованій природы значитъ уничтожать, а не направлять ея законы, и противъ этого природа возстаетъ съ оружіемъ въ рукахъ Такъ „съ полною достовѣрностью можно сказать, что вслѣдствіе особенной заботливости природы, всякая попытка ограничить число дѣтей посредствомъ отдаленія средняго періода вступленія въ бракъ напрасна, потому что скорость зачатія въ тѣхъ классахъ общества, которыхъ образъ жизни не представляетъ препятствій чадородію, возрастаетъ пропорціонально отдаленію времени вступленія въ бракъ“.

Также и по ученію Кэри (7), воспроизводительная сила въ человѣкѣ не можетъ быть названа величиною постоянною, одинаковою во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ. Она естественно уменьшается съ развитіемъ цивилизаціи, свидѣтельствующемъ объ умственномъ развитіи обществъ. Степень плодовитости находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ развитіемъ нервной системы, вслѣдствіе чего животныя съ большимъ количествомъ мозга мало плодовиты, и, на оборотъ, животныя съ малымъ количествомъ мозга наиболѣе плодовиты. То же самое замѣчается и въ человѣчествѣ; наиболѣе развитые въ умственномъ отношеніи люди имѣютъ наименьшую плодовитость и пресѣченіе семействъ находится въ тѣсной связи съ высокимъ умственнымъ развитіемъ. Также вліяетъ высокое развитіе политической жизни, торговой и мануфактурной оборотливости. Въ этомъ заключается саморегулирующій законъ населенія, по которому приростъ послѣдняго уменьшается, когда увеличеніе его неблагопріятно общественному развитію. Съ другой стороны, человѣкъ постоянно увеличиваетъ свое господство надъ силами природы, всѣдствіе чего облегчается производство, продукты получаются въ большемъ количествѣ и лучшемъ качествѣ и такимъ образомъ уменьшаются затрудненія въ дѣлѣ прокормленія увеличивающагося населенія.

Свое ученіе и Добльдэ и Кэри подтверждаютъ фактическими данными, дѣйствительно убѣждающими въ томъ, что нищета народныхъ массъ не можетъ считаться продуктомъ самой природы человѣка, что

Мальтусъ не правъ, обвиняя природу въ произведеніи этой нищеты и проповѣдуя жестокосердіе въ отношеніи къ страданіямъ ближнихъ. Слова Творца міра: „плодитеся и множитеся, населяйте и покоряйте землю“ не могутъ быть причиной зла. Въ фактахъ существованія этого зла виновна не природа, но самъ человѣкъ, не всегда развивающій надлежащимъ образомъ свою духовную сторону и не умѣющій поэтому надлежащимъ образомъ утиливировать факторовъ производства, обуздывать свои страсти, жертвовать настоящимъ въ пользу будущаго. Динамическій законъ потребленія, на сколько свидѣтельствуетъ объ этомъ исторія, вовсе не имѣетъ приписываемаго ему Мальтусомъ мрачнаго характера, такъ какъ съ развитіемъ цивилизаціи развивается духовная сторона человѣчества, дающая возможность господствовать надъ силами природы, покорять ихъ, направлять сообразно съ нашими цѣлями и потребностями. Вотъ почему съ историческимъ развитіемъ, не смотря на постоянное увеличеніе численности населеленія, благосостояніе все болѣе и болѣе увеличивается, распростаняясь на все большее и большее количество людей. Такъ, во Франціи количество лицъ потребляющихъ пшеничный хлѣбъ, въ отношеніи ко всему населенію страны было въ 1700 г.—33%, въ 1791—37%, 1811—42%, въ 1818—45%, въ 1839—60% (8). Такимъ образомъ увеличившееся число населенія не только не испытываетъ затрудненій въ своемъ прокормленіи, но, напротивъ того, имѣетъ лучшія средства удовлетворенія потребностей, благосостояніе его увеличивается. Въ Германіи съ 1834 по 1847 г. населеніе увеличивалось на 25%, между тѣмъ какъ привозъ сахару увеличился на 147,5, кофе—на 117,3, какао—на 246,2% (9). По даннымъ о подоходномъ налогѣ въ Англіи въ 1847 году было:

91101 лицъ, имѣвшихъ 150—500 ф. ст. годоваго дохода.
13287 „ „ 500—1000 „ „ „ „
5234 „ „ 1000—2000 „ „ „ „
1483 „ „ 2000—3000 „ „ „ „
703 „ „ 3000—4000 „ „ „ „

Сравнительно съ 1812 годомъ, число лицъ увеличилось имѣвшихъ:

150— 500 ф. ст. дохода на 196%
500—1000 „ „ „ „ 148%
1000—2000 „ „ „ „ 148%
2000—3000 „ „ „ „ 118%
3000 и болѣе „ „ „ „ 189%

Въ тоже время населеніе этой страны въ среднемъ выводѣ увеличилось всего на 60% ([10]). Подобными данными, которыми изобилуетъ статистика всякой развивающейся страны, несомнѣнно доказывается, что въ принципѣ динамическій законъ потребленія не имѣетъ мрачной тенденціи, приписываемой ему Мальтусомъ. Дѣло въ томъ, что, увеличиваясь, человѣчество постепенно подчиняетъ себѣ силы природы, покоряетъ землю и господствуетъ надъ нею. Заселеніе находится въ тѣсной связи съ покореніемъ земли; одно безъ другаго не мыслимо. Увеличеніе населенія, не сопровождаемое соотвѣтствующимъ покореніемъ земли, дѣйствительно приводитъ къ тѣмъ мрачнымъ послѣдствіямъ, о которыхъ говоритъ Мальтусъ. Но подобные факты не могутъ считаться непреложнымъ закономъ. Населеніе для того, чтобы увеличиваться въ своей численности, должно измѣнять условія своего хозяйства, должно, переходить отъ экстенсивнаго земледѣлія къ системамъ интенсивнымъ, должно подчинять себѣ землю, заставляя ее служить себѣ болѣе продуктивнымъ образомъ. На сколько дѣйствительно нормальное „населеніе“ земли находятся въ тѣсной связи съ ея „покореніемъ,“ какъ увеличеніемъ господства надъ нею, можно судить по даннымъ о возможной заселенности страны при различныхъ условіяхъ народнаго хозяйства. По изчисленіямъ агрономовъ, какъ уже было сказано нами, при пастбищномъ хозяйствѣ на гектаръ (0,9 десятины) приходится всего 0,60 жителей, при залежной 0,77, при трехпольной 1,17, при плодосмѣнной 9,30 жителей. Изъ этого видно, что предѣлъ населенности или вмѣстимость земли для населенія не представляетъ собою величины на всегда опредѣленной. Съ измѣненіемъ культурныхъ условій народной жизни этотъ предѣлъ можетъ измѣняться и то, что для одной страны является крайнымъ предѣломъ заселенности, для другой является не максимумомъ, но минимумомъ густоты. Если одна и таже область можетъ вмѣстить цѣлый десятокъ тысячъ жителей на квадратную милю при населеніи промышленно-мануфактурномъ, то при населеніи исключительно земледѣльческомъ она можетъ представиться переполненною при 3000 жит. на кв. милю, при населеніи кочевомъ или пастушескомъ при нѣсколькихъ сотняхъ жителей, а при населеніи бродячемъ—звѣроловческомъ при нѣсколькихъ десяткахъ ([11]).

Духовное развитіе человѣчества, увеличивающее господство человѣка надъ землею и eo ipso разширяющее предѣлы вмѣстимости ея,

имѣетъ важное значеніе еще въ томъ отношеніи, что оно даетъ силу людямъ обуздывать свои страсти, научаетъ ихъ жертвовать настоящимъ ради будущаго, постепенно вводитъ принципъ порядка въ семейныя отношенія. Только находясь на ступени неразумнаго животнаго, человѣкъ можетъ плодиться какъ животное, не думая о средствахъ существованія дѣтей, даже вовсе не думая о будущемъ своемъ и своей семьи. Только къ такимъ „неразумнымъ существамъ“ и можетъ быть безусловно примѣнимо воззрѣніе Мальтуса, что живыя существа имѣютъ естественный законъ размножаться въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ средства существованія размножаются въ прогрессіи ариѳметической. Для нравственно-разумныхъ существъ этотъ законъ не существуетъ. Человѣкъ, говоря словами одного изъ нашихъ экономистовъ, никоимъ образомъ не долженъ страшиться своего будущаго; для него должно быть страшно одно—его невѣжество.

(1) Ад. Бланки. Исторія политической экономіи въ Европѣ. Перев. Бибиковъ т. 2, стр. 51—53. (2) Опытъ о законѣ народонаселенія. Перев. Бибиковъ. 2 т. (3) Ibid Ист. пол. экон. стр. 58. (4) Recherches sur la population, et sur la faculté d'accroissement de l'espese humaine. Trad. F. Constancio, 2 vol. (5) Грабовскій. Критическій разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ полит. экон. 1869. „Мало пользы сказать, что прогрессія геометрическая по крайней мѣрѣ не такъ опасна, какъ думалъ Мальтусъ, потому, что удвоеніе въ разныхъ мѣстахъ различно въ отношеніи скорости. Въ иныхъ мѣстахъ происходитъ оно въ 100 л., въ другихъ въ кратчайшемъ времени. Тѣ, которые дѣлаютъ это замѣчаніе, не вполнѣ постигаютъ смыслъ его. По естественному закону населеніе должно удвоиться въ 25—30 лѣтъ, потому что новое поколѣніе созрѣваетъ въ это время; слѣдовательно, если происходитъ удвоеніе въ 100 л., то это значитъ, что все то, что созрѣло въ 30 лѣтъ, погибаетъ безъ плода, или преждевременно, т. е. не созрѣвъ. Это можно объяснить не иначе, какъ дѣйствіемъ причинъ враждебныхъ; слѣдовательно здѣсь подъ цифрою „100 лѣтъ“ скрывается печальная повѣсть жизни цѣлаго народа“ стр. 17. (6) Экономистъ. Изд. И. Вернадскій. 1859. т. II, кн. 5 ст. М. П. Заблоцкаго. Теорія народонаселенія Т. Добльдэ (7) Principes de la science sociale, т. III, гл. XLVI, XLVII, XLIX. (8) (9) Haushofer. Lehr-und-Handbuch der Statistik. § 180. (10) Roscher Die Grundlage der Nationalökon. § 205. (11) Статистическій Временникъ, серія 11, т. 1, стр. 125 и слѣд.

III. Разрушеніе имуществъ.

Разрушеніе имуществъ прежде всего проявляется въ двухъ крайнихъ предѣлахъ потребленія: въ видѣ скупости, какъ крайняго огра-

ниченія потребленія, и въ видѣ расточительности, какъ безразсуднаго разширенія потребленія.

Сбереженіе имуществъ въ своемъ нормальномъ видѣ представляетъ собою вполнѣ естественное явленіе. Оно представляетъ собою ни что иное, какъ экономическое проявленіе разумной предусмотрительности, умѣнья соединять интересы настоящаго съ интересами будущаго, способности жертвовать удовольствіями въ настоящемъ для цѣлей благосостоянія въ будущемъ. Развитіе его состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ людей, такъ какъ при отсутствіи умственнаго развитія не существуетъ предусмотрительности, какъ способности соединять идею настоящаго съ идей болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а при отсутствіи нравственныхъ качествъ нѣтъ того самообладанія, которое даетъ силу жертвовать настоящимъ въ пользу будущаго. Вотъ почему при отсутствіи необходимыхъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ въ массахъ населенія, заботы въ дѣлѣ сбереженія принимаетъ на себя общественная власть, устрояя наприм. общественные хлѣбные магазины, сберегательныя товарищества и т. п.

Но этотъ же принципъ бережливости въ своемъ одностороннемъ развитіи переходитъ въ скупость, въ начало вредное для общества. Скупость можетъ имѣть своимъ объектомъ или деньги, или предметы непосредственнаго потребленія. Въ первомъ отношеніи она приводитъ къ уменьшенію орудій мѣноваго обращенія, что можетъ сопровождаться или пониженіемъ цѣнъ продуктовъ, обращающихся на рынкѣ, или ограниченіемъ сбыта продуктовъ, причемъ нѣкоторая часть ихъ остается непроданною за отсутствіемъ въ обществѣ части мѣновыхъ орудій. Во второмъ отношеніи скупость приводитъ къ тому, что часть продуктовъ потребленія или портится (Плюшкинъ), или, не поступая на рынокъ, вызываетъ дороговизну. Въ обоихъ отношеніяхъ, съ общественной точки зрѣнія, происходитъ временно или на всегда скрытіе имущества, уничтоженіе его для общества, происходитъ уменьшеніе силъ экономической жизни.

Скупости противополагается расточительность, представляющая собою одностороннее развитіе роскоши, какъ избытка въ потребленіи. Сама по себѣ роскошь есть явленіе безусловно нормальное. Роскошь „есть избыточное, но не противное здравой экономіи потребленіе. Если каждое высшее образованіе обнаруживается въ увеличенномъ и

болѣе удовлетворительномъ числѣ и живости потребностей (Рошеръ, § 224), то надлежащее удовлетвореніе такимъ потребностямъ есть уже роскошь, какъ новое удобство жизни, т. е. необходимое условіе дальнѣйшаго совершенствованія и развитія обстановки, новое и благое побужденіе къ дѣятельности для человѣка, новая опора для его хозяйства“ (1). По внѣшней формѣ, расточительность сходна съ роскошью, представляя собою избытокъ въ потребленіи; въ сущности же она является извращеніемъ послѣдней. Она представляетъ собою такое излишнее и противное здравой экономіи потребленіе, которое неизбѣжно приводитъ къ раззоренію. Лучшимъ примѣромъ этой расточительности можетъ служить роскошь временъ упадка Рима. Тогда въ вино подмѣшивали жемчугъ, но не для того, чтобы оно отъ этого было вкуснѣе, но чтобы было дороже. Императоръ Калигула приказалъ срывать горы и строить на ихъ мѣстахъ такія же искусственныя: nihil tam efficere concupiscebat, quam quod posse effici negaretur— вотъ, по замѣчанію Рошера, девизъ роскоши, какъ расточительности (§ 233). Имущества, такимъ образомъ потребляемыя, все равно, что бросаются въ воду, перестаютъ существовать для общества, въ результатѣ потребленія не воспроизводятся. Такія имущества разрушаются.

Съ экономическимъ развитіемъ разрушительное потребленіе въ этихъ двухъ формахъ постепенно исчезаетъ. Гдѣ не существуетъ личной и имущественной безопасности, гдѣ собственность не признается священнымъ принципомъ общежитія, гдѣ имущество, созданное трудами одного, легко можетъ быть отнято другими, тамъ бережливость легко переходитъ въ скупость, въ сокрытіе имуществъ въ нѣдра земли. Не находя личной и имущественной обезпеченности, человѣкъ привыкаетъ со страхомъ смотрѣть на будущее, видитъ въ немъ легкую возможность появленія черныхъ дней, почему и старается накопить возможно болѣе имущественныхъ средствъ, ограничивая до крайнихъ передѣловъ свое потребленіе. Постепенно это стремленіе къ накопленію обращается въ привычку и является въ видѣ страсти, называемой скупостью. Очевидно, что укрѣпленіе общественнаго порядка ведетъ къ уничтоженію причинъ, вызывающихъ существованіе этой страсти. Вотъ почему на высшихъ ступеняхъ гражданственности факты крайней скупости такъ рѣдки.

Также съ экономическимъ развитіемъ постепенно уменьшается и расточительность. Въ средѣ народныхъ массъ расточительность про-

исходитъ главнымъ образомъ отъ того необезпеченнаго положенія, по которому работникъ никогда не можетъ выбиться изъ бѣдности, сколько бы не трудился. Поразительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи являются ирландскіе рабочіе. Эти рабочіе уже издавна на родинѣ и въ Англіи пользуются плохой репутаціей; уже давно они обвиняются въ числѣ другихъ пороковъ и въ безразсудной расточительности своихъ скудныхъ заработковъ, идущихъ почти всегда на разгулъ и пьянство. Обвиненіе это большей части вполнѣ справедливо. Но эти же самые ирландскіе рабочіе, переселившись въ Америку, мало по малу превращаются въ трудолюбивыхъ и бережливыхъ людей, постепенно накопляютъ громадныя суммы, которыя высылаютъ изъ Америки своимъ роднымъ, оставшимся въ отечествѣ. Достаточно сказать, съ 1847 г. по 1860 г. было выслано ими въ Ирландіи 11,214,596 фунтовъ стерлинговъ. Изъ этого оказывается, что „несчастные ирландцы, предметъ высокомѣрной жалости своихъ могущественныхъ владыкъ англичанъ, на которыхъ споконвѣку сыплются нареканія, и большею частью справедливыя, въ пьянствѣ, развратѣ, лѣности и всевозможныхъ порокахъ, переходя изъ той соціальной среды, въ которой они родились, въ новую привольную и просторную, возвращаютъ въ покинутое ими прежнее свое отечество сумму почти равную той, которую Англія тратитъ на призрѣніе неимущихъ въ Ирландіи. Правда, эти блудные сыны зеленаго острова не сразу вступаютъ въ новую колею производительнаго труда и обыкновенно проводятъ первое время своего переселенія въ самомъ буйномъ разгулѣ, гдѣ многіе изъ нихъ окончательно погибаютъ: но вскорѣ высокая задѣльная плата и дешевая цѣна земельныхъ угодій указываютъ имъ другой путь жизни, они удаляются изъ вертеповъ приморскихъ городовъ, углубляются въ степи и лѣса и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прилежнаго труда получаютъ возможность поселиться на собственныхъ купчихъ земляхъ“. (А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе, т. 1, стр. 27). Такимъ образомъ расточительность естественнымъ путемъ уступаетъ мѣсто разумной бережливости, когда рабочій видитъ возможность въ будущемъ, посредствомъ сбереженій, достигнуть достатка и хозяйственной самостоятельности. Что касается расточительности богатыхъ людей, то и эта расточительность съ развитіемъ цивилизаціи исчезаетъ. Развитіе цивилизаціи свидѣтельствуетъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи людей, подъ вліяніемъ чего безразсудныя растраты имуществъ, въ родѣ бросанія

въ вино жемчуга, становятся порокомъ, наказываемымъ общественнымъ мнѣніемъ.

И такъ, разрушеніе имуществъ въ формахъ скупости и расточительности естественно уменьшается и исчезаетъ съ развитіемъ общественной цивилизаціи. Другія формы этого разрушенія не встрѣчаютъ такихъ естественныхъ противодѣйствій и требуютъ особыхъ мѣръ, называемыхъ обыкновенно страхованіемъ.

Задача страхованія состоитъ въ томъ, чтобы физически разрушаемое имущество превратить въ экономически неразрушаемое, сдѣлать неразрушаемою капитальную цѣнность имущества, не смотря на разрушаемость ея физическаго состава. Осуществленіе этой задачи достигается тѣмъ, что съ дохода, приносимаго имуществомъ, многими лицами вносятся опредѣленныя доли, сумма которыхъ должна быть достаточна для возмѣщенія убытковъ, причиняемыхъ имуществу того или иного члена застраховавшаго свое имущество. Возможность возмѣщенія убытковъ основывается на томъ, что не всѣ застрахованныя имущества разрушаются, а только часть ихъ. Капитальная цѣнность уничтоженнаго имущества возстановляется благодаря тому, что убытокъ распредѣляется между многими лицами, уплачивающими опредѣленные взносы изъ своихъ доходовъ. Такимъ образомъ чрезъ страхованіе разрушается часть доходовъ, но становится экономически не разрушаемою капитальная цѣнность. Изъ этого ясно, какое высокое значеніе оно имѣетъ въ народной экономіи. Вполнѣ правъ Э. Вреденъ, говоря что „всѣ страховыя затраты служатъ неизбѣжнымъ хозяйственнымъ дополненіемъ всѣхъ оборотовъ прямо производительной дѣятельности человѣка. Въ хозяйствѣ людскомъ одни усилія и затраты отличаются какъ бы положительнымъ характеромъ: ими производятся цѣнности, создаются достатки, благосостояніе, поддерживаются и развиваются хозяйства. Въ тоже время, однако, всякое хозяйзяйство должно сверхъ того, сплошь и рядомъ, еще выдерживать борьбу съ грозною стихіею и отражать осиливающее его вліяніе окружающей среды: именно на эту борьбу идетъ не мало труда и имущественныхъ пожертвованій. Такого рода отпоръ и охрана представляются, съ экономической точки зрѣнія, какъ бы отрицательными факторами хозяйства, ими уравновѣшиваются такія потери, которыя возникаютъ помимо воли, или недосмотра предпринимателя и хозяина“ (2). Представляя собою принципъ охраненія хозяйственныхъ силъ

отъ разрушенія, страхованіе придаетъ необходимую прочность производительной дѣятельности, устраняя ее отъ вліянія слѣпаго случая, каковы наприм. пожаръ, наводненіе, градобитіе, падежъ скота отъ эпидемическихъ болѣзней и т. п. Распределяя опасность между многими лицами, страхованіе какъ бы уничтожаетъ ее; несчастіе изъ всесильнаго и грознаго превращаетъ въ ничтожное ([3]).

По своему содержанію, страхованіе можетъ быть направлено или противъ бѣдствій безусловно предвидимыхъ, какъ наприм. истребленіе имуществъ пожаромъ, градобитіемъ, наводненіемъ, или же противъ неминуемыхъ бѣдствій, но срокъ появленія коихъ только болѣе или менѣе вѣроятенъ. Практическое различіе между этими категоріями страхованій находятъ въ томъ, что къ первой категоріи должна быть исключительно примѣнима акціонерная форма предпіятій, между тѣмъ какъ ко второй—артельная. По мнѣнію Э. Вредена, страхованіе отъ бѣдствій безусловно непредвидимыхъ должно быть устроено на началахъ аналогичныхъ съ азартною игрою, вслѣдствіе чего и должно быть исключительно акціонернымъ. Чѣмъ сильнѣе игорный характеръ для наступленія даннаго событія, тѣмъ большій запасъ наличныхъ средствъ должно имѣть на всякій случай предпріятіе. Поэтому „здѣсь получается неотъемлемая область для акціонернаго страхованія, такъ какъ только въ этой формѣ страховое предпріятіе можетъ представить благонадежное обезпеченіе для полнаго вознагражденія разомъ даже цѣлыхъ мѣстностей, или для договореннаго возмездія за огромную массу одновременныхъ ущербовъ, наприм. по скотоводству, въ случаѣ падежа цѣлыхъ стадъ, или большинства стадъ одной и даже нѣсколькихъ губеній“. Артельное или взаимное страхованіе, по этому ученію, можетъ быть примѣнимо лишь къ категоріи неминуемыхъ бѣдствій. Такъ „людская смертность никогда не можетъ обнаружиться, за рѣдкими весьма исключеніями, съ такою повальною силою, чтобы въ короткій періодъ времени вымирало населеніе цѣлыхъ мѣстностей; напротивъ того, такъ называемыя общества застрахованныхъ лицъ всегда только сокращаются въ повозрастной послѣдовательности, или въ измѣняющейся прогрессіи, имѣющей точные предѣлы. Вотъ почему въ пожизненномъ страхованіи открывается безопасное поприще для хозяйственной взаимности въ оборотахъ, или для предпріятій съ артельнымъ складомъ“ (стр. 637 и слѣд.).

Это воззрѣніе имѣетъ въ своемъ основаніи ту ошибочную мысль, что взаимность и круговая порука осуществимы только подъ условіемъ мѣстнаго ограниченія, причемъ одинъ пожаръ или падежъ скота могутъ лишить страхователей всякихъ средствъ. Но въ дѣйствительности взаимное страхованіе часто существуетъ на громадныхъ по пространству районахъ и дѣйствуетъ вполнѣ успѣшно. Необходимо только, чтобы это страхованіе, какъ дѣло высокой важности въ народной экономіи, было сосредоточено въ рукахъ общественной власти. При этомъ условіи взаимное страхованіе не только примѣнимо ко всѣмъ видамъ бѣдствій, но также выгоднѣе акціонерныхъ формъ въ томъ отношеніи, что неистраченныя по страховкѣ суммы не обращаются въ частную собственность акціонеровъ, но могутъ быть употреблены или на уменьшеніе страховыхъ премій, или на общественныя нужды.

(1) Э. Вреденъ. Курсъ политической экономіи, стр. 616. (2) Ibid. стр. 631. (3) E. Reboul. Assurances sur la vi›, стр. 53 и слѣд. Въ нашей литературѣ теорія страхованія подробнѣе всего развита въ курсѣ пол. экон. Э. Вредена, см. § 81 и 82.

АНТОНОВИЧЪ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ЭКОНОМІЯ